ДЗЯРЖАЎНАЯ ЎСТАНОВА
«ВІЦЕБСКАЯ АБЛАСНАЯ БІБЛІЯТЭКА ІМЯ У.І. ЛЕНІНА»
ДЗЯРЖАЎНАЯ НАВУКОВАЯ ЎСТАНОВА
«ІНСТЫТУТ ГІСТОРЫІ НАН БЕЛАРУСІ»
УСТАНОВА АДУКАЦЫІ
«ВІЦЕБСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ ЎНІВЕРСІТЭТ ІМЯ П.М. МАШЭРАВА»
УСТАНОВА КУЛЬТУРЫ «ВІЦЕБСКІ АБЛАСНЫ КРАЯЗНАЎЧЫ МУЗЕЙ»

ВІЦЕБСКІ КРАЙ

Т. 7

Матэрыялы VII Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі «Віцебскі край», прысвечанай Году народнага адзінства

25 лістапада 2021 г., Віцебск

Мінск 2022

УДК 947(Р476.5)
ББК 63.3(4Беи-Вит)5
В54

Рэцэнзенты:
дырэктар Віцебскага філіяла ўстановы адукацыі Федэрацыі прафсаюзаў Беларусі «Міжнародны ўніверсітэт "МІПСА"», кандыдат гістарычных навук, дацэнт А. Л. Дзядзінкін,
галоўны спецыяліст упраўлення культуры Віцебскага абласнога выканаўчага камітэта, кандыдат гістарычных навук, дацэнт Д. В. Юрчак

Рэдакцыйная калегія:
Т. М. Адамян (гал. рэд.), В. М. Камендантава, Л. І. Рагачова, В. М. Аўсяннікава, А. М. Васілеўская, Н. В. Фенчанка

Віцебскі край : матэрыялы VII Міжнароднай навукова-практычнай
В54 канферэнцыі «Віцебскі край», прысвечанай Году народнага адзінства, 25 лістапада 2021 г., Віцебск / Дзяржаўная ўстанова «Віцебская абласная бібліятэка імя У. І. Леніна», Дзяржаўная навуковая ўстанова «Інстытут гісторыі НАН Беларусі», Установа адукацыі «Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава», Кафедра гісторыі і культурнай спадчыны, Установа культуры «Віцебскі абласны краязнаўчы музей» ; рэдкал.: Т. М. Адамян (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2022. – Т. 7. – 623, [1] с.
ISBN 978-985-7293-04-9.

У т. 7 штогадовага выдання «Віцебскі край» увайшлі матэрыялы VII Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі «Віцебскі край», прысвечанай Году народнага адзінства, якая адбылася 25 лістапада 2021 г. у ДУ «Віцебская абласная бібліятэка імя У.І. Леніна».

Выданне адрасавана гісторыкам, музейным супрацоўнікам, архівістам, краязнаўцам, бібліятэкарам, педагогам, усім, хто цікавіцца гісторыяй роднага краю.

УДК 947(Р476.5)
ББК 63.3(4Беи-Вит)5

ISBN 978-985-7293-04-9

© Дзяржаўная ўстанова «Віцебская абласная бібліятэка імя У.І. Леніна», 2022
© Дзяржаўная ўстанова «Нацыянальная бібліятэка Беларусі», 2022

ПРАДМОВА

25 лістапада 2021 г. у ДУ «Віцебская абласная бібліятэка імя У.І. Леніна» адбылася VII Міжнародная навукова-практычная канферэнцыя «Віцебскі край», прысвечаная Году народнага адзінства. Яе арганізатарамі выступілі Віцебская абласная бібліятэка імя У.І. Леніна, Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава, Віцебскі абласны краязнаўчы музей.

Для ўдзелу ў канферэнцыі было пададзена каля 100 заявак ад краязнаўцаў, гісторыкаў, супрацоўнікаў архіваў, музеяў, бібліятэк, вышэйшых навучальных устаноў з Беларусі, Польшчы, Расіі. Сярод беларускіх удзельнікаў канферэнцыі былі прадстаўнікі з Мінска, Віцебска, Полацка, раённых цэнтраў Віцебскай вобласці. Пленарнае пасяджэнне канферэнцыі было прысвечана гістарычным вытокам Дня народнага адзінства. Шырокая тэматыка прадстаўленых дакладаў закранала разнастайныя пытанні гісторыі Беларусі, гісторыі мастацтва, літаратуразнаўства і фальклору, краязнаўства.

У т. 7 штогадовага выдання «Віцебскі край» увайшлі матэрыялы VII Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі «Віцебскі край». Матэрыялы дакладаў публікуюцца ў аўтарскай рэдакцыі, меркаванні аўтараў могуць не супадаць з меркаваннем рэдкалегіі. У зборніку матэрыялаў канферэнцыі захаваны аўтарскі парадак спасылак у бібліяграфічных спісах літаратуры да артыкулаў.

Выданне адрасавана гісторыкам, музейным супрацоўнікам, архівістам, краязнаўцам, бібліятэкарам, педагогам, усім, хто цікавіцца гісторыяй роднага краю.

Дулаў А.М. *(г. Віцебск)*

ГІСТАРЫЧНЫЯ ВЫТОКІ ДНЯ НАРОДНАГА АДЗІНСТВА

17 верасня 2021 г. Рэспубліка Беларусь адзначыла новае свята – Дзень народнага адзінства. Дата была абрана невыпадкова: менавіта ў гэты дзень у 1939 г. пачаўся вызваленчы паход Чырвонай арміі ў Заходнюю Беларусь і Заходнюю Украіну, вынікам якога стала ўз'яднанне беларускага народа ў межах адзінай дзяржавы, што мела выключнае гістарычнае значэнне. Мэта дадзенай працы – раскрыць гістарычныя вытокі Дня народнага адзінства.

Становішча Заходняй Беларусі ў складзе Польскай дзяржавы. У 1918 г. была адноўлена незалежная Польская дзяржава, улады якой імкнуліся да адраджэння Рэчы Паспалітай у межах 1772 г. (да першага падзелу). Неўзабаве была распачата польска-савецкая вайна, выніковую кропку ў якой паставіў Рыжскі мірны дагавор. Ён быў падпісаны ў сакавіку 1921 г. паміж РСФСР і УССР з аднаго боку і Польшчай – з другога. Ад імя Савецкай Беларусі дагавор падпісала РСФСР. Паводле II артыкула дагавора да Польшчы адышлі беларускія землі з насельніцтвам звыш 3 млн чалавек, з якіх больш за 70% складалі этнічныя беларусы. Рыжскі мір фактычна ўзаконіў захоп Польшчай значнай часткі беларускіх і ўкраінскіх земляў.

За далучанымі да Польшчы беларускімі землямі замацавалася неафіцыйная назва «Заходняя Беларусь». У польскіх жа дакументах гэтыя тэрыторыі абазначаліся назвай «Крэсы ўсходне» (усходнія ўскраіны II Рэчы Паспалітай). Беларускія землі былі падзелены на чатыры ваяводствы: Палескае, Навагрудскае, Беластоцкае і Віленскае. Да апошняга належалі і землі сучаснай Віцебшчыны. Паводле дзеючага адміністрацыйна-тэрытарыяльнага падзелу гэта Браслаўскі, Глыбоцкі, Мёрскі, Пастаўскі, Шаркаўшчынскі раёны і большая частка Докшыцкага раёна Віцебскай вобласці.

Польскія ўлады разглядалі анексіраваныя беларускія землі фактычна як аграрна-сыравінны прыдатак цэнтральнага і заходняга рэгіёнаў Польшчы і абмяжоўвалі іх развіццё. Звыш 80% насельніцтва Заходняй Беларусі было занята ў сельскай гаспадарцы. Сяляне пакутавалі ад беззямелля і малазямелля, падатковага прыгнёту і свавольства чыноўнікаў. Вялікая разбежка была ў кошце на прамысловыя тавары шырокага ўжытку (запалкі, соль, газа, тытунь) і танную сельскагаспадарчую прадукцыю. Буйныя зямельныя ўладанні знаходзіліся ва ўласнасці памешчыкаў, у той час як большасць сялянскіх гаспадарак мела надзел ад 2 да 10 га. Беззямельныя і малазямельныя сяляне наймаліся падзёншчыкамі, арандавалі зямлю, ішлі працаваць на лесараспрацоўкі. Некаторыя ў пошуках лепшай долі выязджалі за мяжу – у Заходнюю Еўропу, ЗША, Канаду, Паўднёвую Амерыку. Па розных падліках у 1921–1939 гг. з Заходняй Беларусі выехалі ад 120 да 150 тыс. чалавек [3, с. 169].

Аграрная рэформа, якая праводзілася ў польскай дзяржаве, паспрыяла пераадоленню феадальных пережыткаў і павысіла эфектыўнасць сельскагаспадарчай вытворчасці. Аднак моцна ўдарыў па сельскагаспадарчай галіне сусветны эканамічны крызіс. У 1934–1938 гг. назіралася ажыўленне. Ураджайнасць збожжавых дасягнула 10–12 ц/га. Вырасла пагалоўе буйной рагатай жывёлы і свіней. У 1937–1938 гг. па ўраджайнасці збожжа Заходняя Беларусь дасягнула ўзроўню Францыі, ураджайнасць асноўных сельскагаспадарчых культур была вышэй, чым у ЗША [2, с. 358].

Тым не менш большасць сялян не сталі заможнымі. На іх стале звычайнымі стравамі былі бульба, капуста, хлеб, рыба, зрэдку мяса. А неўраджаі пачатку 1930-х гг. выклікалі нават хвалі масавага голаду. Сялянская гаспадарка ў значнай ступені захоўвала натуральны характар – у ёй вырабляліся ўсе неабходныя рэчы (абутак, адзенне, хатнія і гаспадарчыя прылады) (Дадатак 1, фота 1, 2).

Пераважная большасць прамысловых прадпрыемстваў Заходняй Беларусі былі дробнымі, на іх працавала ад 5 да 20 рабочых. 2/3 прадпрыемстваў і рабочых прыходзіліся на долю харчовай прамысловасці. Імкліва развівалася дрэваапрацоўка, асабліва выраб фанеры, што было звязана з эксплуатацыяй лясных багацця ў манаполіямі. Дарэчы, у выніку высечкі лясоў з 1921 па 1936 г. іх плошча зменшылася на 400 тыс. га [2, с. 354].

У цэлым тэмпы прамысловага развіцця Заходняй Беларусі былі значна ніжэйшымі, чым у БССР, дзе ажыццяўлялася індустрыялізацыя, у выніку чаго да канца 1930-х гг. рэспубліка з аграрнай ператварылася ў аграрна-індустрыяльную.

Прычым эканамічнае становішча рабочых у Заходняй Беларусі было значна горшым у параўнанні з цэнтральнай Польшчай. Нават за аднолькавую працу яны атрымлівалі куды меншы заробак. Пачасціліся выпадкі прымянення працы жанчын і падлеткаў, якім плацілі ў 2 разы меней, чым мужчынам. Дадайце сюды пераважна ручную працу, працягласць працоўнага дня ў 10–12 гадзін і адсутнасць тэхнікі бяспекі, антысанітарыю на прадпрыемствах, сістэму штрафаў. А падчас сусветнага эканамічнага крызісу 1929–1933 гг. паўстала і праблема беспрацоўя.

Нягледзячы на міжнародныя абавязацельствы паводле дадатковага пратакола да Версальскага трактата паміж Польшчай і краінамі Антанты, падпісанага ў 1919 г., і Рыжскага мірнага дагавора, а таксама на сакавіцкую Канстытуцыю Рэчы Паспалітай 1921 г., правы нацыянальных меншасцей пастаянна парушаліся. Здзяйснялася мэтанакіраваная палітыка паланізацыі і асіміляцыі беларускага насельніцтва.

Беларусы дыскрымінаваліся ў сферы працоўных адносін, дзе перавага аддавалася палякам. У сялян складваліся напружаныя адносіны з польскімі каланістамі-асаднікамі. Абмяжоўваліся грамадзянскія і палі-

тычныя правы беларусаў, якіх польскія ўлады атаясамлівалі з камуністамі. У прыватнасці, груба абмяжоўваліся выбарчыя правы працоўных.

Польскія памешчыкі пасля вяртання ў свае былыя маёнткі помсцілі сялянам за падтрымку савецкай улады. Пасля 1926 г., калі ў Польшчы быў усталяваны аўтарытарны рэжым «санацыі» («аздараўлення») Ю. Пілсудскага, рэпрэсіі ў дачыненні да камуністаў, камсамольцаў і беспартыйных актывістаў набылі масавы характар. Паліцыя хапала людзей нават за падазрэнне ў прыналежнасці да кампартыі. Звычайнай з'явай стала збіццё ў паліцэйскіх участках. Падчас разгрому Беларускай сялянска-работніцкай грамады (у канцы 1926 – пачатку 1927 г.) былі арыштаваны 946 чалавек. Сотні беларускіх актывістаў былі кінуты ў турмы ў 1931–1932 гг. 116 з іх былі павешаны па прыгаворах надзвычайных судоў [2, с. 367]. Вельмі жорстка падаўляліся выступленні сялян. Фактычна здзяйсняліся карныя экспедыцыі, падчас якіх учыняліся масавыя расправы над людзьмі, знішчалася маёмасць сялян.

Сімвалам рэпрэсій стаў створаны ў 1934 г. канцэнтрацыйны лагер у Бярозе-Картузскай, праз які за час яго існавання прайшло каля 10 тыс. зняволеных, у тым ліку беларусы. Верагодна, польскія ўлады «натхніліся» вопытам нацысцкай Германіі, дзе ўжо дзейнічаў падобны лагер у Араніенбургу. У афіцыйных дакументах лагер называлі «лагерам ізаляцыі». Рашэнне аб ізаляцыі прымалася не судом, а грамадзянскай адміністрацыяй. Пры гэтым яно не падлягала абскарджанню. У адрозненне ад ГУЛАГа ў Бярозу-Картузскую накіроўвалі не на 10 ці 25 гадоў, а на тэрмін да 3 месяцаў. Але ствараліся нечалавечыя ўмовы дзеля таго, каб зламаць чалавека, знішчыць у ім асобу, пазбавіць нават думак аб барацьбе. А тэрмін мог бясконца працягвацца кіраўніцтвам лагера. Праўда, можна было хутка выйсці на волю праз публічнае пакаянне на старонках газет і падпісанне дэкларацыі аб адмове ад сваіх перакананняў (Дататак 1, фота 3, 4).

Камендантамі (надзіральнікамі) тут служылі сапраўдныя садысты і каты. Праходзіць праз вароты лагера зняволеных прымушалі на каленях, ім давалі нумары, якія нашываліся на адзенне, размовы паміж сабой забараняліся, перамяшчацца па лагеры можна было толькі бягом. Новых вязняў змяшчалі ў так званы каранцін, дзе зімой тэмпература была ніжэй нуля. Ён, як і карцар, быў значным выпрабаваннем. Днём вязні стаялі тварам да сцяны, а ўначы спалі на бетоннай падлозе. У каранціне людзі маглі знаходзіцца ад некалькіх дзён да двух-трох тыдняў. Вязняў прымушалі выконваць цяжкую і часта бессэнсоўную, прыніжальную фізічную працу. Асноўным сродкам падаўлення іншадумцаў было рэгулярнае збіццё, якое пачыналася з моманту прыбыцця ў лагер. Збівалі рукамі, нагамі, гумовымі і драўлянымі дубінкамі [гл.: 4; 5].

Зачыняліся беларускія школы, іх на 1938/1939 навучальны год не засталося ўвогуле [3, с. 169]. Польскіх школ, якія служылі інструментам паланізацыі, таксама не хапала, таму шмат беларускіх дзяцей, пераважна з вёскі,

заставаліся па-за адукацыяй. Забараняліся і канфіскоўваліся беларускія газеты і часопісы, за іх выданне штрафаваліся друкарні, зачыняліся клубы, бібліятэкі, хаты-чытальні. У дзяржаўных установах не дазвалялася гаварыць па-беларуску. Зачыняліся праваслаўныя храмы.

Барацьба беларусаў за свае правы. Нацыянальны ўціск меў неадназначныя вынікі: адны беларусы пачыналі адносіць сябе да палякаў, у іншых наадварот адбываліся крышталізацыя і ўзмацненне беларускай нацыянальнай самасвядомасці, імкненне адстойваць свае правы. З самага пачатку 1920-х гг. распачаўся нацыянальна-вызваленчы рух, які першапачаткова набыў форму ўзброенай партызанскай барацьбы. Узначалілі яго беларускія эсэры і камуністы. Сацыяльную базу руху склалі сяляне, сельская інтэлігенцыя і рамеснікі. Найбольш вядомымі кіраўнікамі партызан сталі К. Арлоўскі, С. Ваўпшасаў, В. Корж. У адказ польскія ўлады ўзмацнілі паліцэйскі тэрор. Развівалася і легальная парламенцкая форма барацьбы, у польскім сейме ўзнікла фракцыя Беларускі пасольскі клуб.

На хвалі ўздыму вызваленчага руху ў 1923 г. была ўтворана як складовая частка польскай кампартыі Камуністычная партыя Заходняй Беларусі (КПЗБ), якая хутка набыла папулярнасць. Калі напачатку партыя налічвала звыш 500 членаў, то на 1927 г. – ужо звыш 3 тыс. Прычым прыкладна трэць з іх рэгулярна знаходзілася ў турмах. Праяўлялася тэндэнцыя збліжэння камуністычнага руху з беларускім нацыянальна-дэмакратычным, што выявілася ў стварэнні і дзейнасці масавай арганізацыі – Беларускай сялянска-работніцкай грамады (налічвала больш за 100 тыс. чалавек), разгромленай польскімі ўладамі. Культурна-асветнай працай з 1921 г. займалася Таварыства беларускай школы (ТБШ). Моцным быў уплыў КПЗБ на прафсаюзы, якія адстойвалі інтарэсы працоўных.

Чарговы ўздым нацыянальна-вызваленчага руху назіраўся ў другой палове 1930-х гг. Адказам стала новая хваля рэпрэсій. Ішлі масавыя судовыя працэсы, прыпынялася дзейнасць беларускіх культурніцкіх арганізацый, у прыватнасці ТБШ. Моцным ударам стаў роспуск Выканкамам Камінтэрна ў 1938 г. кампартыі Польшчы і яе складовых частак з-за беспадстаўных абвінавачанняў: быццам у кіраўніцтва партыі прасачыліся агенты дэфензівы. Раней, у 1936 г. у Мінску быў арыштаваны сакратар ЦК КПЗБ Іосіф Лагіновіч, якому двойчы (у 1938 і 1939 гг.) быў вынесены смяротны прысуд. Рэпрэсіям падвергліся і іншыя партыйныя работнікі, якія знаходзіліся ці былі выкліканы ў БССР. Гэта быў працяг рэпрэсій, распачатых у Савецкім Саюзе супраць удзельнікаў нацыянальна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі яшчэ ў 1933 г. Насілле наклала негатыўны адбітак і на працэс аб'яднання беларускага народа ў межах адзінай дзяржавы [3, с. 175–176].

Уз'яднанне Заходняй Беларусі з БССР. 23 жніўня 1939 г. быў заключаны савецка-германскі дагавор аб ненападзе з дадатковым сакрэтным пратаколам, паводле якога германскія войскі не павінны былі перасякаць устаноўле-

ную мяжу ў выпадку ваеннага канфлікту з Польшчай. Як слушна заўважыў беларускі гісторык У. Ладысеў, «з інтарэсамі Польшчы вялікія дзяржавы абышліся прыкладна так, як урадавыя колы Польшчы з інтарэсамі і тэрытарыяльнай цэласнасцю Беларусі ў час рыжскіх перагавораў у 1920-я гады» [3, с. 176]. І з гэтай думкай цяжка не пагадзіцца.

На пачатку Другой сусветнай вайны, ва ўмовах, калі значныя польскія тэрыторыі і важнейшыя цэнтры былі заняты вермахтам, 17 верасня 1939 г. часці Чырвонай арміі ўступілі на тэрыторыю Заходняй Беларусі. Маштабных ваенных дзеянняў паміж польскім і савецкім войскамі не было. Праўда, адбыліся асобныя сутычкі і нават баі, асабліва жорсткія за Гродна 20–21 верасня. Асноўная частка насельніцтва сустракала байцоў Чырвонай арміі як вызваліцеляў, нярэдка хлебам-соллю і кветкамі. Яшчэ да прыходу савецкіх часцей у некаторых вёсках і мястэчках рабочыя і сяляне раззбройвалі паліцэйскіх і асаднікаў, бралі ўладу ў свае рукі (Дадатак 1, фота 5, 6).

Адразу пачалася стваральная праца па наладжванні новага жыцця на вызваленай тэрыторыі. Былі ўтвораны органы новай улады – ваяводскія і павятовыя Часовыя ўпраўленні, пры якіх арганізоўваліся атрады рабочай гвардыі, на вёсцы – сялянскія камітэты. Часовыя ўпраўленні стваралі на фабрыках і заводах камітэты рабочага кантролю, наладжвалі забеспячэнне гарадоў прадуктамі харчавання, вырашалі іншыя праблемы сацыяльнай сферы. Сялянскія камітэты дзялілі землі памешчыкаў і асаднікаў, бралі на ўлік іх маёмасць, дапамагалі беззямельным і малазямельным сялянам [3, с. 177] (Дадатак 1, фота 7). З восені 1939 г. адкрыліся школы, навучанне пераводзілася на родную мову, дзясяткі тысяч дзяцей рабочых і сялян, адукацыя для якіх раней была недаступнай, пайшлі ў школу.

Уз'яднанне Заходняй Беларусі з БССР было юрыдычна аформлена ў канцы кастрычніка 1939 г. праз усенароднае волевыяўленне на Народным сходзе ў Беластоку. Пераважная большасць дэпутатаў выказалася ў падтрымку савецкай улады, сацыяльна-эканамічных пераўтварэнняў і ўз'яднанне беларускага народа ў адзінай нацыянальнай дзяржаве [1, с. 97–102]. Сход абраў паўнамоцную камісію для паездкі ў Маскву, каб перадаць рашэнне пра ўступленне Заходняй Беларусі ў склад СССР. Прававое афармленне прыняцця Заходняй Беларусі ў склад БССР было завершана на 3-й пазачарговай сесіі Вярхоўнага Савета БССР 14 лістапада 1939 г. [1, с. 102–103] (Дадатак 1, фота 8, 9).

У той жа час існавалі адмоўныя моманты. Асобы польскай нацыянальнасці (сем'і асаднікаў і работнікаў лясной аховы) падвергліся дэпартацыям. Былі рэпрэсіраваны многія дзеячы беларускага нацыянальна-вызваленчага руху [3, с. 178–179]. Мелі месца выпадкі ігнаравання партыйнымі і савецкімі чыноўнікамі, прысланымі на працу ў Заходнюю Беларусь, мясцовай спецыфікі і традыцый, злоўжывання службовым становішчам. І хаця ў адносінах

да службовых асоб прымаліся меры, такія дзеянні выклікалі недавер да савецкай улады.

Некаторыя публіцысты падкрэсліваюць, што дзеянні Савецкага Саюза ў жніўні – верасні 1939 г. парушалі нормы міжнароднага права. З юрыдычнага пункту погляду гэта так. Але ж ёсць яшчэ і маральны, і геапалітычны аспекты праблемы. Уз'яднанне беларускага народа стала актам гістарычнай справядлівасці і, безумоўна, мела ў цэлым станоўчае значэнне. Беларускія землі і амаль усе беларусы апынуліся ў складзе аднаго нацыянальна-дзяржаўнага ўтварэння, што ў гістарычнай перспектыве закладала асновы для афармлення незалежнай Рэспублікі Беларусь. А ў той час далучэнне Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны стала адным з фактараў, што дазволіў СССР стварыць умовы для зрыву гітлераўскага бліцкрыгу летам 1941 г., а, значыць, у канчатковым выніку паспрыяў і разгрому нацысцкай Германіі.

Ацэньваючы значэнне ўз'яднання, падаецца, што дата новага свята абрана ўдала. Яна можа служыць напамінам пра няпросты шлях беларусаў да ўласнай дзяржаўнасці і пра ахвяры, прынесеныя нашым народам на гэтым шляху, а таксама падкрэслівае важнасць дзяржаўнага суверэнітэту і народнага адзінства ў сённяшніх умовах.

ЛІТАРАТУРА

1. **Беларуская** нацыя: уз'яднанне. Верасень 1939 г. – чэрвень 1941 г. : зб. дак. і матэрыялаў / аўт.-уклад. У. Ф. Ладысеў. – Мінск : БДУ, 2004. – 199 с.

2. **Гісторыя** Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2007. – Т. 5 : Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. – 613 с. : іл.

3. **Ладысеў, У. Ф.** Заходняя Беларусь у 1921–1939 гг. / У. Ф. Ладысеў // Беларусь на мяжы тысячагоддзяў / рэдкал.: А. П. Вайтовіч [і інш.]. – Мінск, 2000. – С. 166–179.

4. **Лицкевич, О.** Концлагерь по-польски. Береза-Картузская в воспоминаниях и документах / О. Лицкевич // Беларуская думка. – 2010. – № 3. – С. 78–85.

5. **Они** не стали на колени : сб. воспоминаний и документов о концлагере Береза Картузская / сост.: В. Поссе и Л. Аржаева, при участии И. Акридиной ; под ред. Я. Миско. – Минск : Беларусь, 1966. – 348 с.

ГІСТАРЫЧНАЕ КРАЯЗНАЎСТВА

Аляксеева Т.У. *(г. Віцебск)*

АГРАГАРАДОК АКЦЯБРСКАЯ: ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ

У склад Акцябрскага сельсавета ўваходзяць 18 вёсак: Барышына, Бондары, Высокая, Забалоцінка, Зазыбы-2, Заходнікі, Копці, Ласосіна, Лужына, Любава, Лятохі, Маклакі, Акцябрская, Арлова, Сялюты, Сакольнікі, Шапуры, Шульцава. Плошча сельсавета складае 11 259 га, насельніцтва – 4880 чалавек.

На тэрыторыі Акцябрскага сельскага савета праходзяць чыгунка Масква – Полацк, аўтамабільная магістраль Віцебск – Орша – Мінск. Наяўнасць іх, а таксама блізкасць да абласнога цэнтра робяць аг. Акцябрская прыгодным для ўнутранага турызму. Галоўная рака мясцовасці – Лучоса, што трапляе ў Заходнюю Дзвіну.

Аграгарадок Акцябрская – цэнтр сельсавета. Знаходзіцца за 10 км на поўдзень ад Віцебска, за 3 км ад чыгуначнай станцыі Забалоцінка. У 2021 г. насельніцтва аг. Акцябрская складала 2614 чалавек.

Вёска Акцябрская пачала будавацца ў 1964 г. Спачатку на гэтым месцы былі лясы і дрыгва. Вёску называлі «вёскай будучага». Годам яе нараджэння мясцовыя жыхары лічаць 1967 г.

Населены пункт ствараўся як цэнтральная сядзіба гаспадаркі. Саўгас «Сялюты» быў арганізаваны 6 сакавіка 1959 г. Яго дырэктарам быў Станіслаў Францавіч Карчэўскі. Цэнтр саўгаса мяняўся ў розныя перыяды: 1959–1962 гг. – в. Сялюты; 1962–1975 гг. – в. Сакольнікі; з 1975 г. – в. Акцябрская. Будаўніцтва будучага аграгарадка пачалося з 1964 г. Ужо ў 1966 г. былі ўзведзены першыя двухпавярховыя дамы на сучаснай вул. Цэнтральнай.

У 1967 г. была прынята Пастанова ЦК КПБ і Савета Міністраў БССР «Аб мерах па далейшым паляпшэнні жыллёва- і культурна-бытавога будаўніцтва на вёсцы». Паводле дакумента сядзіба саўгаса Сялюты была ўключана ў праграму комплекснага эксперыментальна-паказальнага будаўніцтва. Праект быў распрацаваны архітэктарам А. Бельскім ужо ў 1968 г.

З гэтага ж года пачаў працаваць дзіцячы сад. Кіравала ім Людміла Дзянісаўна Сасноўская. У 1981 г. адбылося ўрачыстае адкрыццё дашкольнай установы ў сучасным будынку.

У 1970-я гг. в. Акцябрская актыўна будавалася. Узводзіліся эксперыментальныя дамы гарадскога тыпу з сучаснымі бытавымі ўмовамі. Было праведзена добраўпарадкаванне тэрыторыі, закладзены паркавыя зоны, створаны штучны вадаём, на цэнтральнай плошчы з’явіўся фантан.

Вядома, што першапачаткова населены пункт называўся в. Цэнтральная, а ў сакавіку 1974 г. быў перайменаваны ў в. Акцябрская. Гэта адбылося «пасля ўзвядзення адміністрацыйнага будынка і пераводу з в. Сакольнікі дырэкцыі саўгаса і з вёскі Шапуры выканкама Акцябрскага сельсавета» [1, с. 726]. Па некаторых звестках такую назву вёска атрымала ў гонар Героя Савецкага Саюза Марыі Акцябрскай. Гэта першая ў свеце жанчына-танкіст, якая помсціла фашыстам за смерць мужа.

У 1972 г. па выніках конкурсу на лепшую пабудову праект забудовы в. Акцябрская быў узнагароджаны дыпломам 1-й ступені і залатым медалём.

У 1972 г. быў адкрыты Палац культуры з бібліятэкай, музычнай школай і памяшканнямі для гурткоў. Першым дырэктарам установы быў Мікалай Васільевіч Талкачоў.

У 1972 г. саўгасу Сялюты было прысуджана ганаровае званне імя 50-годдзя СССР.

Вывучаць вопыт перадавога саўгаса прыязджалі дэлегацыі з Польшчы, Балгарыі, Венгрыі, Францыі, Кубы і іншых краін. Тройчы наведваў гаспадарку першы сакратар ЦК КПБ Пётр Міронавіч Машэраў, быў з візітам і сакратар ЦК КПСС Міхаіл Сяргеевіч Гарбачоў.

У 1975 г. пачала функцыянаваць Акцябрская бальніца. У 1976 г. будаўніцтва в. Акцябрская было адзначана прэміяй Савета Міністраў БССР.

1975 г. – стартавы ў працы Віцебскай занальнай дарожна-кліматычнай станцыі (у далейшым – дарожна-доследнай).

У 1975 г. на аснове аб'яднання Нікрапольскай і Сялюцкай школ адкрылася Акцябрская сярэдняя школа. Узначаліў установу Яўген Якаўлевіч Жуклевіч. У канцы 2021 г. установа адукацыі атрымала імя Героя Савецкага Саюза Івана Паўлавіча Собалева (Дадатак 2, фота 1). Нарадзіўся ён 11 снежня 1907 г. у в. Шапуры Віцебскага раёна. Скончыў Ленінградскую ваенна-інжынерную школу ў 1931 г. Служыў у Чырвонай арміі з 1927 г., на фронт трапіў у 1941 г. Камандзір асобнага матарызаванага пантонна-маставога батальёна Собалеў «з батальёнам прайшоў шлях ад Сталінграда да Берліна і Прагі. Забяспечваў фарсіраванне водных рубяжоў на тэрыторыі Расіі, Украіны, Прыбалтыкі, Румыніі, Польшчы, Германіі, Чэхаславакіі. Вызначыўся ў верасні 1943 г. пры фарсіраванні Дняпра.

Да 1955 г. І.П. Собалеў служыў у Савецкай арміі, палкоўнік. Узнагароджаны двума ордэнамі Леніна, трыма ордэнамі Чырвонага Сцяга, Айчыннай вайны II ступені, двума ордэнамі Чырвонай Зоркі» [2, с. 342]. У яго гонар названа вуліца ў в. Шапуры. З'яўляўся ганаровым грамадзянінам г. Віцебска. Памёр 27 кастрычніка 1989 г.

У 1984 г. быў адкрыты музей баявой і працоўнай славы Акцябрскай сярэдняй школы ў гонар 40-годдзя вызвалення раёна ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў. У раздзеле працоўнай славы былі прадстаўлены матэрыялы, прысвечаныя ўзнікненню першых камун у вёсках Васюты і Шульцава

і ўтварэнню на іх аснове першага калгаса, а таксама лепшым людзям гаспадаркі. Раздзел баявой славы «прысвечаны ўдзельнікам грамадзянскай вайны – ураджэнцам Акцябрскага сельскага савета; нашым землякам – удзельнікам баёў за Маскву і Сталінград; вызваленню Беларусі, аперацыі "Багратыён"; Дню Перамогі» [2, с. 719].

У музеі захоўваліся лісты франтавікоў, іх успаміны, спісы 262-й стралковай дывізіі, якая вызваляла в. Шапуры, спісы пахаваных у брацкіх магілах, успаміны родных і сяброў, падарункі ветэранаў школе.

У 1978 г. першых навучэнцаў прыняло Акцябрскае сельскае прафесійна-тэхнічнае вучылішча № 64 механізацыі сельскай гаспадаркі. Некалькі разоў установа адукацыі мяняла сваю назву. Зараз гэта УА «Віцебскі дзяржаўны прафесійна-тэхнічны каледж сельскагаспадарчай вытворчасці». Больш за 20 гадоў яго кіраўніком быў Анатоль Якаўлевіч Галыня. Каледж выпускае спецыялістаў шырокага профілю для сельскай гаспадаркі. Тут можна атрымаць спецыяльнасці трактарыста, кандытара, прадаўца і інш.

У 1988 г. на месцы былой Школы-камуны імя М.І. Калініна (дзейнічала ў 1919–1941 гг.) усталяваны памятны камень з мемарыяльнай дошкай. Гэта дзіцячая камуна вельмі падобная да той, якую апісаў у сваёй «Педагагічнай паэме» А. Макаранка. Кіраваў ёю вядомы педагог Аляксандр Фаміч Шыпула.

У 1988 г. была адкрыта новая бальніца, а ў 2008 г. на яе базе з'явілася першае на Віцебшчыне аддзяленне паліятыўнай дапамогі (хоспіс).

З 2004 г. у будынку былога Дома быту працуюць Віцебскі раённы гісторыка-краязнаўчы музей і Віцебскі раённы цэнтр рамёстваў «Адраджэнне». Гісторыка-краязнаўчы музей Віцебскага раёна – адзін з самых маладых музеяў гэтага краю, урачыстае адкрыццё якога адбылося ў сакавіку 2004 г. Першым дырэктарам установы культуры быў мясцовы краязнавец Сяргей Міхайлавіч Канапелька. Дзякуючы яго намаганням была створана экспазіцыя «Старонкі гісторыі». Зараз дырэктарам з'яўляецца Андрэй Аляксандравіч Кулябкін.

У экспазіцыі прадстаўлены матэрыялы раскопак гарадзішча і селішча Лужасна, пячаткі віцебскіх князёў, гербы Віцебска, Суража, м. Янавічы. Можна азнаёміцца і з матэрыяламі, што раскрываюць дзейнасць вядомых землякоў: М.Ц. Лынькова, М.Я. Нікіфароўскага, Ф.А. Сурганава і інш. Значнае месца ў экспазіцыі адведзена тэме Вялікай Айчыннай вайны ў гісторыі Віцебшчыны. «На вітрынах змешчаны баявыя ўзнагароды, дакументы, фотаматэрыялы, прысвечаныя партызанскай барацьбе, падполлю, баям за вызваленне Віцебска, асаблівасцям правядзення аперацыі "Багратыён" у наваколлях Віцебска» [1, с. 217]. Асабліва прывабліваюць у музеі касцюмы народнага ансамбля танца «Колас».

У Цэнтры рамёстваў «Адраджэнне» праца вядзецца па традыцыйных для Віцебскага раёна мастацкіх кірунках: саломапляценне, кераміка, ткацтва, вышыўка, лозапляценне. Пры Цэнтры рамёстваў дзейнічаў народны клуб «Традыцыя». Кіраўніком яго з'яўлялася Вера Васільеўна Казлова.

З 2010 г. в. Акцябрская набыла статус аграгарадка.

У 2014 г. быў адкрыты мемарыяльны знак «Мы не ў праве забыць», які паказвае пераемнасць подзвіга герояў Вялікай Айчыннай вайны і воінаў-інтэрнацыяналістаў.

Людміла Думм (Людміла Цімафееўна Барсукова) – былая загадчыца дзіцячага сада – склала гімн сваёй краіне і аграгарадку:

Беларусь мая, родная, дарагая!
Край цяпла, любові, дабрыні…

Аўтарка называе вёску аграгарадком мары. Сцвярджае, што тут жыве моцны народ, які ставіць перад сабой вялікія мэты, а таксама захоўвае памяць пра продкаў.

Аматарскаму аб'яднанню ветэранаў вайны ў Афганістане «З болем у сэрцы» ў 2007 г. прысвоена званне народнага. У яго ўвайшлі 15 воінаў-інтэрнацыяналістаў.

Акцябрская вясковая бібліятэка ў год абслугоўвае 800 чытачоў. Кніжны фонд бібліятэкі налічвае каля 17 тыс. экзэмпляраў. Пры бібліятэцы дзейнічае аб'яднанне для падлеткаў – клуб «Ветразь», у якім вядзецца праца па прававым выхаванні. Загадчык бібліятэкі Таццяна Паўлаўна Дзмітрыева ў 2017 г. распрацавала банер «Беларускі краязнаўчы алфавіт Акцябрскага сельскага савета», які размешчаны на ўваходзе ў бібліятэку (Дадатак 2, фота 2).

У 2021 г. падрыхтаваны горадабудаўнічы праект «Генеральны план аг. Акцябрская з дэтальным планам шматкватэрных жылых дамоў у аг. Акцябрская Віцебскага раёна».

У сучаснасці на тэрыторыі аграгарадка функцыянуюць дзіцячы сад, агульная сярэдняя школа, музычная школа, аддзяленне «Беларусбанка», музей, хоспіс, бальніца, царква Смаленскай Боскай Маці.

Развіта і прамысловасць аграгарадка. Гэта прыватнае ўнітарнае прадпрыемства «Янтэх», замежнае прадпрыемства «Ізі Вуд Сістэм», ААТ «Палідрэў», «Вітгран».

У цэнтры аграгарадка размешчана паркавая зона – любімае месца адпачынку жыхароў. Побач знаходзіцца памятны знак на фоне афганскай панарамы. У 1993 г. быў створаны Беларускі саюз ветэранаў вайны ў Афганістане. У аграгарадку жывуць воіны-інтэрнацыяналісты. Кожны год адбываецца мітынг у гонар іх подзвігу.

Як бачна, аг. Акцябрская мае багатую гісторыю і спадчыну. Інфраструктура яго добра развітая. Насельніцтва з кожным годам павялічваецца. Блізкае знаходжанне ад абласнога цэнтра дае магчымасць для эфектыўнага эканамічнага і культурнага развіцця аграгарадка.

ЛІТАРАТУРА

1. **Віцебскі** раён : краязнаўчыя нарысы / І. А. Абрамава [і інш.] ; уклад. М. В. Півавар. – Мінск : Паркус плюс, 2008. – 328 с.

2. **Памяць** : Віцебскі раён : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / рэдкал.: А. П. Красоўскі [і інш.] ; уклад. У. І. Мезенцаў ; мастак Э. Э. Жакевіч. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2004. – 772 с. : іл.

Бараненко Т.В. *(г. Полоцк)*

ОДЕЖДА КАК ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ: УНИФОРМА ЖИТЕЛЬНИЦ ПОЛОЦКА НАЧАЛА XX в.

Среди многочисленных вариантов городского костюма отдельно выделяется одинаковая по стилю, покрою, цвету и ткани специальная (служебная) одежда, целью которой является создание единого облика определенной социальной группы, отличной от других сферой интересов, занятости, – униформа. Все мы сталкиваемся с униформой в процессе своей жизнедеятельности. Отношение к ней у всех разное: кто-то ею гордится, кто-то пренебрегает, у кого-то отношение к ней тривиально. Также и мы по-разному относимся к людям в форме, зачастую ассоциируя с нею мужскую половину социума.

Однако уже в начале XX в. униформа все чаще начинает встречаться на улицах губернских и уездных городов Российской империи среди представительниц прекрасного пола. Полоцк как важный социально-экономический, политический, культурный центр одноименного уезда не остается в стороне от общегосударственных изменений.

Стоит отметить, что в историографии изучения униформы времен Российской империи имеется целый ряд исследований по истории мужской униформы начала XX в. [2; 3; 12]. Женская униформа в Российской империи начала XX в., униформа жительниц Полоцка данного периода, в особенности, на этом фоне является неизученной и до недавнего времени не выделялась, рассматриваясь в контексте общеимперского женского костюма [1; 11]. Поэтому в данной статье автор попытается более детально проанализировать форменную одежду жительниц Полоцка начала XX в., использовав уже известные научные исследования, сохранившиеся письменные документы, а также введет в научный оборот ранее неизученные визуальные источники – женские фотографии начала XX в.

Согласно сферам занятости, интересам жительниц г. Полоцка начала XX в. женскую униформу можно разделить на следующие группы: 1) униформа воспитанниц учебных заведений; 2) профессиональная униформа (воспитательницы, кормилицы, служанки, сестры милосердия и т. д.); 3) облачение духовенства (игумения, монахини, послушницы).

Из «Путеводителя по городу Полоцку», выпущенному в 1910 г., можно узнать, что в начале XX в. в городе действовал целый ряд учебных заведе-

ний, в которых могли проходить обучение и воспитание юные жительницы Полоцка: женская гимназия, учительская семинария, первое городское шестиклассное училище, второе городское четырехклассное училище, Спасо-Евфросиниевское женское епархиальное училище, частное шестиклассное реальное училище, частная женская четырехклассная с подготовительным классом прогимназия, двухклассное с третьим рукодельным классом женское приходское училище, женское приходское училище, начальное училище при Учительской Семинарии, Двухклассная Иоанно-Богословская церковно-приходская школа, соборная женская одноклассная церковно-приходская школа, образцовая одноклассная церковно-приходская школа при Спасо-Евфросиниевском Епархиальном женском училище [8, с. 10–13].

Российские женские гимназии ведут происхождение от петербургского Мариинского училища, открытого в 1858 г. К началу правления Николая II существовало несколько типов гимназий – Ведомства учреждений императрицы Марии, Министерства народного просвещения и частные. До 1880-х гг. большинство гимназисток носили «вольную» одежду, которая, внутри каждого заведения была единой по цвету, силуэту и включала в себя скромные, приглушенных оттенков платья и передники. Затем костюмы подвергли мягкой унификации. Воспитанницы гимназий Министерства народного просвещения и Мариинских надели форму, состоявшую из платья, передника, пелерины (не во всех гимназиях), шерстяных чулок, туфель или бот, а также верхней одежды – пальто и шапочки. Платья, непременно ниже колена, шили из шерсти серого, зеленого, коричневого и реже бордового цветов (что оговаривалось уставом заведения). Воротник-стоечка, не слишком узкий и не слишком широкий, был украшен кружевами [11, с. 299].

Полоцкая женская гимназия была открыта 1 января 1903 г. на базе частного училища госпожи В.Ф. Рульковиус. Содержательница училища в гимназии заняла должность главной надзирательницы, в которой проработала до закрытия заведения в 1918 г. [8, с. 10–11; 9, с. 73].

В стенах гимназии ученицам надлежало выглядеть опрятно и строго. На сохранившихся фотографиях мы можем увидеть воспитанниц младших классов в строгих платьях темного тона ниже колена с воротником-стойкой белого цвета. Поверх платья одет белый передник. Стоит отметить, что фотографирование воспринималось в начале XX в. как событие неординарное, «праздничное», поэтому можно предположить, что белый передник входил в комплект праздничной униформы гимназисток, а в повседневности его заменяли на передник более темного, возможно, черного цвета [5]. Волосы девочек аккуратно зачесаны, уложены, у многих заплетены и завязаны на банты черного или белого цвета. На ногах можно заметить чулки темного цвета. Обувью же девочкам служили туфли или ботинки [5] (Дадатак 3, фота 1).

На копии фотографии начала XX в. изображены две выпускницы Полоцкой женской гимназии – Т.И. Вышинская (в замужестве Озерникова) (1894–

1962) и Е.Г. Казьянина (в замужестве Александрович) (1892–1979). Девушки окончили данное учебное заведение в 1911 и 1910 гг. соответственно и изображены, вероятнее всего, во время обучения в старших классах гимназии. Согласно фотоснимку (погрудное изображение) на девушках одеты строгие платья или комплект (блуза и юбка) темного оттенка с белым ажурным воротником-стойкой. Поверх платья или блузы одет, вероятнее всего, белый передник, украшенный небольшими рюшами и аккуратным бантом темного оттенка, который расположен на груди [5] (Дадатак 3, фота 2). А вот на фотографии, что датируется 1917 г., изображена группа из четырех гимназисток [5] (Дадатак 3, фота 3). Глядя на нее, можно отметить, что униформа девушек претерпела определенные изменения: все те же однообразные строгие платья темного оттенка украшает уже не белый воротник-стойка, а заменивший его небольшой ажурный отложной воротник. Данный пример может свидетельствовать об изменении униформы под влиянием модных тенденций, что появлялись в женской одежде в начале XX в.

Униформа воспитанниц Спасо-Евфросиниевского женского епархиального училища была также строга и лаконична. На сохранившемся фотоснимке 1916 г. ростовского фотографа Т.А. Панова изображена начальница училища игумения Нина (Боянус) с ученицей Катей Леоновой. Девочка одета в строгое длинное платье (подол ниже колена) прямого покроя темного цвета. Рукава имеют манжеты, а по горловине расположен воротник-стойка, украшенный ажурной белой лентой. Поверх платья – фартук с нагрудником, широким поясом и складками [6] (Дадатак 3, фота 4).

На групповых фотографиях воспитанниц учебных заведений города нередко можно заметить и их преподавателей. Так, на копии студийного фотоснимка фотографа Бернштейна, датированного 1912 г., запечатлены трое преподавательниц Полоцкой женской гимназии. Как видно на фотокарточке, одежда для преподавательниц данной гимназии не была унифицирована, однако отличалась сдержанностью и строгостью. И лишь небольшими «отступлениями» от этого правила служило наличие достаточно скромных аксессуаров в костюме женщин – броши, прикрепленные под воротником-стойкой, кулон (или часы) на цепочке на груди [5] (Дадатак 3, фота 1).

Таким образом, по своей строгости и лаконичности форменная одежда воспитанниц полоцких учебных заведений была приближена к военному образцу и только с течением времени изменялась согласно веяниям моды. Для воспитанниц она служила сдерживающим, дисциплинирующим элементом, обеспечивающим пристойное поведение.

В черте уездного Полоцка в начале XX в. располагался Спасо-Ефросиниевский женский монастырь. Часто на улицах города можно было встретить его насельниц, так как монастырь не был общежительным, а принадлежал к разряду штатных. Особенностью таких монастырей являлось то, что всем необходимым сестры должны были себя обеспечивать сами и, соот-

ветственно, должны были изыскивать способы заработка в городе [6, с. 116].

Ношение монашеского облачения жительницами монастыря в начале XX в., как и в предыдущий исторический период, было направлено на усмирение плоти, отрешенность от мирского. Оно было довольно консервативно и менее других форменных одежд подвержено влиянию модных тенденций рассматриваемого периода.

Следует отметить, что облачение жительниц монастыря зависело от этапов, которые они прошли в течение своей жизни в монастыре. Так, монахини носили подрясник (нижнее, длинное (до пят) одеяние прямого кроя с наглухо застегнутым воротом и узкими рукавами), поверх – черная ряса прямого кроя. Голову сестер покрывал черный или белый апостольник (платок особого колоколообразного покроя с вырезом для лица. На затылочной части апостольник стягивается лентой в знак контроля над помыслами. Свободно спускается на спину и грудь, может достигать пояса или быть несколько короче. В официальной обстановке и во время богослужения монахини ходят в черных апостольниках, в быту в некоторых монастырях они заменяются на белые или серые). В руках – единственный аксессуар – четки для отсчитывания количества молитв. Начальница женского монастыря – игумения – дополняла свое одеяние ношением на шее наперстного креста (Дадатак 3, фота 5).

Особая униформа была и у послушниц монастыря. Им разрешалось носить подрясник, поверх которого одевался белый передник, на голове – аккуратно завязанный платок. Именно в такой униформе мы можем увидеть послушницу Спасо-Ефросиниевского женского монастыря Фёклу Клоп на сохранившейся фотокарточке начала XX в. [6] (Дадатак 3, фота 5).

С началом Первой мировой войны многим женщинам пришлось примерить новую для себя форму одежды – униформу сестер милосердия. В зданиях городских учреждений и учебных заведений Полоцка, эвакуированных в 1914–1915 гг. вглубь России, были открыты госпитали и многочисленные лазареты [4, с. 88–97].

Согласно п. 54 «Нормального устава общинъ сестеръ милосердія Россійскаго общества Краснаго Креста», утвержденного в мае 1903 г., «Сестры милосердія и испытуемыя общины <…> носятъ установленную одежду, состоящую изъ шерстяного или холстинковаго платья коричневаго или сѣраго цвѣта, бѣлаго передника и бѣлой головной косынки. Сестры милосердія, сверхъ того, имѣютъ на передникѣ отличительный знакъ своего званія, нашитый на нагрудникѣ знакъ краснаго креста. При исполненіи обязанностей сестры и испытуемыя носятъ на лѣвой рукѣ повязку съ знакомъ краснаго креста» [7, с. 14–15].

В 1915 г. в типографии Санкт-Петербурга в свет выходит «Списокъ сестеръ милосердія Россійскаго Общества Краснаго Креста, назначенныхъ для ухода за ранеными и больными воинами въ лечебныя учрежденія Краснаго

Креста, военнаго вѣдомства, общественныхъ организацій и частныхъ лицъ. Составленъ по свѣдѣніямъ, имѣющимся въ Канделяріи Главнаго Управленія Россійскаго Общества Краснаго Креста къ 1-му августа 1915 года», в котором выделен пункт «Правила ношенія формы сестрами милосердія и лицами женскаго санитарного персонала Россійскаго Общества Красного Креста». Согласно «Правил ношения формы»:

«1. Сестры милосердия <…> носят форму, установленную утвержденным августейшей покровительницей общества государыней императрицей Марией Феодоровной 13 мая 1903 г. нормальным уставом общин сестер милосердия Краснаго Креста, или уставами тех общин, которые действуют на основании своих особых уставов. <…>

3. Лица женскаго санитарнаго персонала, не имеющия звания сестры милосердия, но допущенные к уходу за ранеными и больными и для несения хозяйственных обязанностей (за исключением прислуги) в лечебных учреждениях Краснаго Креста и принятых Главным управлением общества под флаг Краснаго Креста, носят серые шерстяные или холстинковые платья с белым передником (но без нагрудного креста) и белую головную косынку.

4. При указанной в ст. ст. 1 и 3 форме сестры милосердия и лица женского санитарнаго персонала, находясь при исполнении служебных обязанностей, носят на левой руке белую нарукавную повязку со знаком Красного Креста. На улице (при сопровождении раненых) нарукавная повязка надевается на верхнее платье. В районе военных действий ношение нарукавной повязки разрешается и вне обязанностей службы по ближайшим указаниям подлежащих главноуполномоченныхъ Российскаго Общества Красного Креста» [5; 10, с. 15] (Дадатак 3, фота 6).

Таким образом, приведенные документы свидетельствуют о строгой регламентации и унификации в отношении внешнего вида и ношения униформы сестрами РОКК.

Униформа жительниц г. Полоцка начала XX в., являясь разновидностью женского городского костюма данного периода, символизировала социальную функцию, выполняемую ее носительницей в обществе, и тем самым определяла ее принадлежность к той или иной социальной структуре города (воспитанницы институтов, гимназистки, преподаватели, сестры милосердия). Помимо этого, ношение девушками той или иной униформы ставило целью воспитание определенных качеств личности.

Для отдельных образцов женской униформы (воспитанниц учебных заведений, преподавателей, сестер милосердия) начало XX в. является периодом дальнейшего становления, формирования, развития данного вида костюма. Вместе с этим следует отметить и определенное отрицание модных нововведений в отношении облачения духовенства.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бялявіна, В. М.** Жаночы касцюм на Беларусі / В. М. Бялявіна, Л. В. Ракава. – Мінск : Беларусь, 2007. – 351 с.

2. **Введенский, Г. Э.** Пять веков русского военного мундира / Г. Э. Введенский. – Санкт-Петербург : Алант, 2005. – 336 с.

3. **Глинка, В. М.** Русский военный костюм XVIII – начала XX века. Альбом / В. М. Глинка. – Ленинград, 1988. – 228 с.

4. **Ліхадзедаў, У. А.** Місія міласэрнасці: ілюстрацыйная гісторыя Чырвонага Крыжа ў Беларусі = Миссия милосердия: иллюстративная история Красного Креста в Беларуси = Mission of mercy: illustrative history of the Red Cross in Belarus / У. Ліхадзедаў ; аўтар прадмовы В. Мычко. – Мінск : Звязда, 2019. – 192 с.

5. **Национальный** Полоцкий историко-культурный музей-заповедник. – Коллекция «Фотодокументы». – Фотография, фотография (копия). – КП-23 39170; КП-23 39171; КП-23 46441; НД 009545; НД 010916; НД 010489.

6**. Нина (Боянус)**, игум. Наши беседы о жизни / игум. Нина (Боянус). – Москва, 2004. – 208 с.

7. **Нормальный** устав общин сестер милосердия Российского общества Красного Креста. – Самара : Типография Губернского правления, 1903. – 28 с.

8. **Путеводитель** по городу Полоцку. К торжеству перенесения в. мощей Ефросинии, княжны Полоцкой, из г. Киева в г. Полоцк. – Полоцк : Типография Х. В. Клячко, 1910. – 24 с. – Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник, КП 6-2826.

9. **Романенкова, Н. Г.** Из истории Полоцкой женской гимназии / Н. Г. Романенкова // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (па выніках навукова-даследчай работы ў 1997 г.) / уклад. Т. А. Джумантаева. – Полацк, 1998. – С. 73–75.

10. **Список** сестер милосердия Российского Общества Красного Креста, назначенных для ухода за ранеными и больными воинами в лечебные учреждения Краснаго Креста, военного ведомства, общественных организаций и частных лиц. Составлен по сведениям, имеющимся в канделярии Главнаго управления Российского Общества Красного Креста к 1-му августа 1915 года. – Петроград : Государственная типография, 1915. – 924 с.

11. **Хорошилова, О. А.** Костюм и мода Российской империи. Эпоха Николая II / О. А. Хорошилова. – Москва : Этерна, 2012. – 462 с.

12. **Чернушкин, А. В.** Русская армия XIX – начала XX века: 1801–1825: Кавалерия – Артиллерия – Казачьи войска – Ополчение. 1825–1917: Пехота – Кавалерия – Артиллерия / А. В. Чернушкин. – Москва : Астрель, 2004. – 180 с.

Бородин В.В. *(д. Богатырская, Полоцкий район)*

КРАЕВЕД И.И. ДОЛГОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ПОЛОЦКА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Одной из основных составляющих динамичного развития краеведения была роль выдающихся личностей. Участниками краеведческого движения в Полоцке были люди разных профессий и социального положения. Ученые с европейским образованием во главе с Г. Грубером создали Музей иезуитского коллегиума. Преподаватели кадетского корпуса принимали активное участие в работе своего музея, изучали историю края, пытались создать музей местных памятников старины, кружок любителей археологии и «подземный музей» в Софийском соборе. Интерес к истории края среди жителей Полоцка оставался традиционным и достаточно прочным [2, с. 3]. Этот период дал много имен людей, оставивших печатные и рукописные воспоминания о своем увлечении историей и идеей создания музея. Среди них И.И. Долгов, А.К. Морель, М.И. Зорин, А.П. Тыртов, Е. Стабровский, М. Кайгородов, В.П. Викентьев и др. Об одном из них в данной работе пойдет речь.

Значительное место в общественной жизни города в конце XIX – начале XX в. занимала деятельность учителя и краеведа Ивана Ивановича Долгова. Уроженец Петербургской губернии, выпускник Петербургского университета, он стал белорусским историком, археологом, любителем полоцкой старины. В 1886 г. Иван Долгов пришел на работу в Полоцкий кадетский корпус на кафедру русского языка и в течение 25 лет находился в центре педагогической, научной и культурной жизни нашего города. Действительно, в Полоцке не было практически ни одного общества или учреждения, в деятельности которых И.И. Долгов не принимал бы участия.

Кроме кадетского корпуса Иван Иванович преподавал в женской гимназии и Спасо-Евфросиниевском епархиальном училище. Он регулярно проводил экскурсии для воспитанников разных учебных заведений не только Полоцка, но и Витебска. Преподаватель стремился прививать своим ученикам любовь к родному краю, воспитывать чувство патриотизма. Иван Долгов был одним из основателей музея в Полоцком кадетском корпусе и автором описания истории этого учебного заведения. Благодаря активной жизненной позиции своего учителя кадеты побывали с экскурсиями в Киеве, Крыму, Москве, Поволжье, на Кавказе [1].

Крупна и почтенна была роль И.И. Долгова в знаменательном для белорусского края событии перенесения св. мощей преподобной Евфросинии в Полоцк. Не всем может быть известно, каким пламенным, убежденным сторонником этой идеи был сам И.И. Долгов. Высокопреосвященнейший митрополит Серафим (Мещеряков) (бывший епископ Полоцкий) вспоминал, что первый человек, от которого он услышал о перенесении в Полоцк мощей святой, был «добрый христианин Иван Иванович».

Во время перенесения мощей преподобной Евфросинии Полоцкой на Родину в 1910 г. Долгов как член Полоцкого Епархиального Совета работал над подготовкой и проведением праздничных мероприятий: принимал участие в разработке церковного церемониала, работал в комитете по приему высокопоставленных гостей и паломников, являлся инициатором издания и редактором «Братского церковного листка», гостеприимно принимал представителей иногородней прессы. Иван Иванович давал подробные ответы на волнующие вопросы по истории города многочисленным археологам, историкам, этнографам, писателям, артистам, которые очень часто обращались к местному краеведу [3, с. 239].

Современник тех событий М.Н. вспоминал: «Всей душой, с неподдельным умилением встречал Иван Иванович св. мощи преп. Евфросинии в мае 1910 г. Особенно же воодушевлен и радостен был он в последний раз земного участия в празднике Преподобной 23 мая 1911 г. Правда, погода удалась, как на славу. Народу прибыло множество. Накануне праздника после всенощного бдения, под липой, невдалеке от теперешнего места последнего покоя Ивана Ивановича, было устроено чтение для народа с картинами из жития преп. Евфросинии, демонстрируемыми при помощи волшебного фонаря. Объяснения к картинам давал Иван Иванович. В качестве лектора и декламатора перед интеллигентной публикой он выступал несчетное количество раз, здесь была иная обстановка, иная сфера и настроение. Слушатели окружили фонарь густой массой, кто был поближе, становился на колени. Слышались вздохи, молитвенные восклицания; под сенью храмов, под шатром вековой липы, под необозримым куполом небес, сверкавших звездами в эту тихую майскую ночь, это чтение походило скорее на молитвенное собрание [3, с. 314]. Затянулось оно до рассвета. Богомольцы обступили Ивана Ивановича, бабы с благодарностью, в слезах целовали ему руки. Иван Иванович привык к успеху и рукоплесканиям, но это непосредственное выражение чувств простого народа – тронуло его до глубины души. Когда он уходил из монастыря, извозчиков уже давно не было у ворот. Вернулся он к себе на квартиру пешком».

Учитель Долгов восхищался архитектурными памятниками Полотчины. Он активно выступал за реставрацию храмов Бельчицкого Борисоглебского монастыря, а также проводил учет и описание церквей и приходов Полоцко-Витебской епархии. Как член комитета по ремонту Софийского собора Иван Иванович активно боролся за сохранение здания собора и за создание в его подземной части часовни либо церкви-крипты с открытием древней кладки [1].

Проявил себя Иван Долгов также как архивист и археолог. Он участвовал в разборе местных архивных документов и активно занимался археологическим изучением курганов села Ситно. В 1893 г. Иван Иванович принял участие в IX археологическом съезде в Вильно.

Свои наблюдения и выводы он оставил нам на страницах периодической печати и книжных изданий. В разные годы им были написаны научно-популярные статьи «Прошлое и настоящее Беларуси», «Наш край», «Полоцкий кадетский корпус». В 1911 г. вышла работа И.И. Долгова «Празднование 75-летия существования Полоцкого кадетского корпуса 6 декабря 1910 года» [4, с. 26].

Его современники говорили, что невозможно представить город Полоцк без Долгова. Это был эрудированный, высоконравственный, активный и неравнодушный к судьбе Полоцка человек. Умер учитель и краевед 5 (18) октября 1911 г. Город Полоцк в лице Ивана Ивановича потерял своего «Нестора». Общественность высоко оценила деятельность славного сына Полоцкой земли. Похоронили И.И. Долгова на территории Спасо-Евфросиниевского монастыря. К сожалению, место его захоронения до наших дней не сохранилось.

Д.С. Леонардов в некрологе на смерть И.И. Долгова писал: «Долгова не стало… Его кости положены на историческом месте: возле нетленных останков небесной Покровительницы белорусского края. Как горячий сторонник возвращения Преподобной в родной край, как редкий старожил славного города, Ив. Ив. вполне заслужил для себя это святое место» [1].

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. огромная роль в сохранении и популяризации исторического наследия Полоцка принадлежала учителю и краеведу Ивану Ивановичу Долгову.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Восемнадцатого** октября исполняется 109 лет со дня кончины замечательного историка и краеведа Полоцкой земли Ивана Ивановича Долгова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.spas-monastery.by. – Дата доступа: 06.04.2022.

2. **Дейнис, И. П.** Полоцк в XX веке, 1905–1914 / сост., предисл., примеч. А. И. Судника. – Полоцк : Полоцкое книж. изд.-во, 2012. – 71 с. : ил. – (Наследие Полоцкой земли ; вып. 15).

3. **Полоцкое** Радование: Свято-Евфросиниевские Торжества 1910 года. – Полоцк : Спасо-Евфросиниевский женский монастырь в г. Полоцке Полоцкой епархии Белорусской Православной Церкви, 2010. – 440 с. : ил.

4. **Путеводитель** по городу Полоцку 1910 года / сост., предисл., примеч. А. И. Судника. – Полоцк : Полоцкое книж. изд-во, 2006. – 44 с. : ил. – (Наследие Полоцкой земли ; вып. 4).

Воднева И.П. *(г. Полоцк)*

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПОЛОЦКОГО ОКРУГА ВО ВСЕСОЮЗНОЙ СПАРТАКИАДЕ В 1928 г.

Основные тенденции развития физкультурного движения в СССР закладывались еще в первые советские десятилетия. Новое правительство считало физкультуру «правильной формой досуга». По мнению советского руководства, массовое распространение физической культуры «укрепляло здоровье населения и его готовность совершать трудовые и военные подвиги во славу своей страны, успешно борясь с внешними и внутренними врагами. На международном уровне спортивные соревнования и победы в них являлись не только символом престижа страны, но и инструментом международной политики, особенно в период ее обострения» [8]. Но из-за неучастия спортсменов из Советского Союза по политическим причинам в олимпийском движении советское правительство приняло решение организовать в 1928 г. собственные грандиозные спортивные соревнования – Всесоюзную спартакиаду. В установочных документах отмечалось: «Спортивное мероприятие, сопоставимое с Олимпийскими играми, должно продемонстрировать мощь и достижения СССР на мировой арене» [8].

Всесоюзная спартакиада проходила в Москве с 12 по 24 августа 1928 г. В ней приняло участие 4040 спортсменов из 6 союзных республик и более 600 иностранных спортсменов из Франции, Германии, Норвегии, Австрии, Швеции, Швейцарии, Латвии, Эстонии, Финляндии, Уругвая. На проходившей в эти же дни IX Олимпиаде в Амстердаме участвовало только 2883 человека. Главными задачами Всесоюзной спартакиады стали:

1. Проверка достижений советской физкультуры за 10 лет своего существования.
2. Проверка уровня здоровья населения.
3. Практическая реализация теоретических представлений о физической культуре.
4. Пропаганда здорового образа жизни без пьянства и драк.
5. Поддержка единства рабочего спорта в мире.
6. Демонстрация иностранным гостям успехов советского государства.

В целом Всесоюзная спартакиада 1928 г. проходила по олимпийской модели. В программу соревнований вошли академическая гребля, бег с препятствиями, бокс, борьба, баскетбол, велоспорт, водное поло, гимнастика, городки, искусство, легкая атлетика, парусный спорт, плавание, прыжки в воду, мотоспорт, стрельба, тяжелая атлетика, теннис, фехтование и футбол. Торжественное открытие спартакиады проходило на Красной площади. Парад физкультурников принимал секретарь ЦИК СССР и Председатель оргкомитета спартакиады А.С. Енукидзе [8].

Всесоюзной спартакиаде предшествовали региональные и республиканские турниры, на которых отбирались сильнейшие спортсмены. Среди участников спартакиады были и представители Полоцкого округа. Еще в начале 1928 г. на заседании учебно-технического комитета Полоцкого окружного совета физической культуры (ОСФК) обсуждались «ориентировочное положение и программа интернациональной спартакиады», которая должна пройти летом в Москве. Кроме сроков и места рассматривался вопрос об участии представителей не только из союзных республик, но и зарубежных команд [3, л. 15]. На этом заседании также обсуждалось и проведение Всебелорусской спартакиады, которая предшествовала всесоюзному турниру и должна была пройти в июле того же года в Минске. Спустя несколько месяцев на очередном заседании учебно-технического комитета среди прочих вопросов утвердили нормы и выдвижение кандидатов округа на республиканский турнир [3, л. 18]. В сравнении с предыдущим годом и всесоюзными показателями для полочан по отдельным видам спорта нормы повышались (например, бег на 200 м среди мужчин: было 24,5 с., стало 25,5 с.; плавание 100 м вольным стилем среди мужчин: было 1,5 мин., стало 1,45 мин.), а по другим наоборот понижались (например, метание копья лучшей рукой среди мужчин: было 48,60 м, стало 35 м; прыжки в длину среди мужчин: было 5,86 м, стало 5,40 м) [3, л. 19].

Согласно протоколам заседаний президиума пленума Полоцкого ОСФК еще зимой 1928 г. были утверждены положение и программа окружных соревнований и сроки их проведения [5, л. 106]. Определив лучших спортсменов Полотчины в индивидуальных соревнованиях и спортивных играх, 36 физкультурников отправились в середине лета в Минск, где с 15 по 21 июля проходила Всебелорусская Спартакиада, собравшая 900 спортсменов из разных городов и воинских частей БССР и БВО. В одном из писем в ВСФК Беларуси президиум Полоцкого ОСФК сообщил о цветах формы на участие в республиканском турнире. Так, футболисты готовились быть одетыми в зеленые трусы и желтые майки, а баскетболисты и легкоатлеты – в черные трусы и красные майки [5, л. 112]. На страницах газеты «Чырвоная Полаччына» заместитель председателя Полоцкого ОСФК С.Е. Голодец рассказывал: «На спартакіядзе наш калектыў удзельнічаў па ўсіх галінах спаборніцтваў і заняў шмат клясных месц – 2-е па велёсыпедзе, 2-е па мятаньню кап'я і дыску, 3-е па бегу на 8 кіламентраў і г. д. Полацкі фізкультурнік тав. Ясюкевіч заняў 1-е месца па прыжку з разбегу ў вышыню» [1, с. 3]. Своей сильной игрой выделялась и команда полоцких футболистов. Еще в первый день спартакиады полочане обыграли минчан со счетом 6:4. Однако футболистам из Гомеля Полоцк проиграл. На общегородском собрании физкультурников Полоцка, которое состоялось 24 июля 1928 г., С.Е. Голодец представил подробный отчет о выступлении сборной Полоцкого округа на Всебелорусской спартакиаде. В своем докладе он обратил внимание не только на успехи, но и

на главные недочеты в выступлениях физкультурников – не самый сильный подбор спортсменов, особенно среди женщин, недисциплинированность отдельных членов сборной и даже отказ выступать на соревнованиях [2, л. 55]. Но, несмотря на это, по окончании республиканского турнира в сборную республики из Полоцкого округа было отобрано 9 человек, большую часть которых составили футболисты – товарищи Холмогоров, Ильин, Фиоктистов, Гвоздев, Гаврилов. Все они были военнослужащими разных полков 5-й Витебской им. Чехословацкого пролетариата стрелковой дивизии, которая располагалась в Полоцке. Наибольшей популярностью пользовался голкипер Холмогоров, которого называли «непроницаемым» [7]. Став вратарем сборной БССР, он неоднократно спасал команду в самых сложных ситуациях, как, например, в товарищеском матче сборной БССР против киевского «Динамо». Игра, проходившая в Гомеле 29 июля, закончилась со счетом 5:1 в пользу белорусов. В том матче играл еще один представитель 12-го погранотряда, который дислоцировался недалеко от Полоцка – в Бигосово, полузащитник Ильин. В состав сборной БССР, принявшей участие во Всесоюзной спартакиаде, вошли и два представителя 13-го погранотряда, нападающие Фиоктистов и Гвоздков. В сентябре 1928 г. им в торжественной обстановке были вручены дипломы участников спартакиады [5, л. 165]. Такого же диплома был удостоен и полузащитник сборной БССР, красноармеец 15-го стрелкового полка Гаврилов [5, л. 189]. О футбольных матчах, которые собирали наибольшее число болельщиков Спартакиады, подробно писали республиканские и всесоюзные газеты. Одна из заметок была посвящена и товарищеской встрече белорусов с северокавказцами. На Всемирной спартакиаде в Москве для наших футболистов это был первый матч. Как писала пресса: «Сразу же после первых минут игры стало ясно, что на поле встретились противники, приблизительно равные по силам, технике и быстроте, что предвещало интересную борьбу» [7]. В этом матче белорусы проиграли со счетом 1:2. А уже 17 августа 1928 г. сборная Беларуси сыграла свой первый в истории официальный матч со сборной Швейцарии. Из 11 членов белорусской команды 5 были представителями Полоцкого округа. На московском стадионе «Динамо» собралось 7 тыс. болельщиков. Эту игру позже называли «гвоздем» дня. И на 5-й минуте полочанин Феоктистов забил первый гол. Вся игра шла с переменным успехом. И хотя швейцарцы играли более технично, сборная БССР провела игру с большим воодушевлением и выиграла со счетом 6:3. А вот второй официальный матч на Спартакиаде против сборной Украины, в то время одной из сильнейших команд в стране, сборная БССР со счетом 2:6 проиграла. Как писали газеты: «Лишь прекрасная игра вратаря Холмогорова спасла Белоруссию от окончательного разгрома» [7]. После этого поражения белорусы вынуждены были играть с командой Финляндии в своей группе за 3-е место. Игра проходила в упорной борьбе, но и на этот раз фортуна оказалась на стороне противника, который и победил

с минимальным разрывом в счете – 2:1. Этот матч был последним для белорусской команды на Всесоюзной спартакиаде. В итоге футболисты БССР стали четвертыми в турнире команд союзных республик и зарубежных коллективов.

Кроме футболистов на Всесоюзную спартакиаду от Полоцкого округа попали еще четыре спортсмена. Среди них самым прославленным был Павел Иванович Нисканин, инструктор по физподготовке 14-го Невельского стрелкового полка [5, л. 148]. Он был заявлен в прыжках с трамплина. Особенностью данного вида спорта в те годы была экипировка спортсмена. Прыжок осуществлялся с 3-метрового трамплина и проплывом 50 м в красноармейском обмундировании – штанах, гимнастерке, нижнем белье, сапогах или ботинках с обмотками и шапке [3, л. 19]. Кроме плавания этот спортсмен в других видах спорта больше не мог заявляться. Однако П.И. Нистанин был хорошо подготовленным физкультурником. Неоднократно он выступал инициатором проведения лыжных походов Полоцк – Ленинград в феврале 1928 г., Полоцк – Петрозаводск зимой 1929 г. В характеристике, которую он получил в феврале 1928 г., отмечались его большой интерес и любовь к делу физического воспитания, а также грамотное руководство массовыми мероприятиями и лыжными вылазками [6, л. 117]. Неоднократно он избирался и членом президиума Полоцкого ОСФК.

В состав сборной БССР на Всесоюзную спартакиаду кроме представителей воинских частей вошли и три спортсмена Полоцкого округа из различных спортивных обществ и кружков [2, л. 143]. В фигурном катании на велосипеде выступал В. Гурецкий [5, л. 152], возглавлявший перед этим велопробег Полоцк – Минск на Всебелорусскую спартакиаду в составе 12 человек. Дистанцию на 3 км в Москве бежал член спортивного общества химиков, рабочий стеклозавода «Труды» Михаил Симонов. А среди легкоатлетов из Полоцка, выполняющих прыжок в длину с разбега, в спартакиаде принимал участие физкультурник Союза деревообработчиков Федор Фурман. В фондах Зонального государственного архива в г. Полоцке сохранилось несколько документов, датируемых сентябрем 1929 г., в которых инструктора физкультуры Ф. Фурмана должны были лишить квалификации за недисциплинированность, ругань и пьянство [6, л. 197, 201]. Таким образом, не всегда занятия физической культурой служили воспитанию «высокоморального советского человека», как неоднократно отмечалось в официальных документах советского правительства.

Десятым представителем Полоцкого округа на Всесоюзную спартакиаду был заместитель председателя Полоцкого ОСФК С.Е. Голодец [5, л. 159], назначенный на эту должность 16 апреля 1928 г. [4, л. 2].

По итогам общекомандного зачета на Всесоюзной спартакиаде 1928 г. сборная БССР среди почти двух десятков команд заняла 3-е место, уступив лишь сборным из РСФСР и УССР. Среди иностранных гостей 1-е место за-

няла сборная Финляндии. Советское руководство было удовлетворено результатами спортивного турнира. Спартакиада стала хорошим опытом проведения крупных соревнований, что способствовало как популяризации спорта, так и его развитию, достижению им мирового уровня. Физкультурники Полоцкого округа в дальнейшем продолжили совершенствовать свои спортивные навыки, уделяя еще больше внимания развитию его массовости и популяризации не только в воинских частях, но и среди школьников и рабоче-крестьянской молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Галадзец.** Полацк на Усебеларускай спартакіядзе / Галадзец // Чырвоная Полаччына. – 1928. – 4 жн. – С. 3.

2. **Зональный** государственный архив в г. Полоцке (ЗГАП). – Ф. 559. Оп. 1. Д. 3.

3. **ЗГАП.** – Ф. 559. Оп. 1. Д. 5.

4. **ЗГАП.** – Ф. 559. Оп. 1. Д. 6.

5. **ЗГАП.** – Ф. 559. Оп. 1. Д. 9.

6. **ЗГАП.** – Ф. 559. Оп. 1. Д. 15.

7. **К 100-летию** белорусского футбола. Первые шаги сборной [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://football.by/news/25642.html. – Дата доступа: 01.10.2021.

8. **Хорошева, А.** «Пролетарская» Спартакиада 1928 г. и «буржуазное» Олимпийское движение [Электронный ресурс] / А. Хорошева. – Режим доступа: http://www.svom.info/entry/792-proletarskaya-spartakiada-1928-g-i-burzhuaznoe-oli/. – Дата доступа: 02.10.2021.

Воюш Р.В. *(д. Богатырская, Полоцкий район)*

«ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ СОЛДАТА» (УТРАЧЕННЫЕ РУССКИЕ ВОИНСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В г. ПОЛОЦКЕ КАК ОБЪЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ВИТЕБЩИНЫ)

Страшные годы Первой мировой войны (Великой войны) призывают к взаимопониманию и примирению во имя будущего, способствуя воспитанию у молодежи чувства патриотизма и гордости за свою страну, которая хранит память об историческом прошлом нашего народа.

Захоронения военнослужащих Русской императорской армии исчезают из нашего земного бытия навсегда. Уже почти незаметны холмы, поросшие травой, еще немного – и время их окончательно поглотит. Безжалостно сотрет последние следы величайшей мировой трагедии.

И только историческая память может длиться больше века. Она будет нас тревожить, постоянно возвращая к поминовению жертв Первой мировой войны.

В начальный период войны в г. Полоцке умерших нижних чинов Русской императорской армии хоронили при православных приходах на местных погостах [7, с. 14]. Так, в августе – сентябре 1914 г. при Иоанно-Богословском кладбище возникло братское захоронение русских солдат (в официальных документах называлось Братское Иоанно-Богословское кладбище). В основном это были тяжелораненые солдаты, которые лечились в 4-м и 5-м госпиталях Общины Святого Георгия и Местном полоцком лазарете. Для того времени данные медицинские учреждения были лучше всего оснащены. Поэтому туда доставляли солдат и офицеров, которые в ходе боевых действий получили сложные черепно-мозговые травмы или шрапнельные рваные раны.

Названное захоронение уже не существует, как в принципе и само кладбище. В советские годы они были снесены и застроены. На месте Иоанно-Богословского погоста в настоящее время находятся частная застройка и здание музея-квартиры Зинаиды Туснолобовой-Марченко.

Эти выводы подтверждают статья «Гістарычныя могільнікі Полацка» в книге «Памяць. Полацк», сопоставление карт различных исторических эпох, воспоминания сестер милосердия и краеведческие экспедиции в данный микрорайон г. Полоцка [6, с. 862].

Согласно метрическим книгам госпиталей общины Святого Георгия и Полоцкого местного лазарета с конца августа по начало октября 1914 г. в братских могилах двух кладбищ Иоанно-Богословского прихода района Задвинья было погребено девять человек [4].

Раненые солдаты поступали в основном в бессознательном состоянии, поэтому их хоронили в братских могилах. Так, например, 28 августа 1914 г. в 4-м Георгиевском госпитале от пулевого ранения в голову, не приходя в сознание, умер рядовой 118-го пехотного Шуйского полка. Его имя так и осталось безвестным [4].

Однако удалось установить имя одного нижнего чина, похороненного в братской могиле при кладбище Иоанно-Богословского прихода (рядом с данной церковью). Это наш земляк, рядовой 98-го пехотного Юрьевского полка Герасим Трофимович Дятлов, уроженец д. Закалы Полоцкого уезда Витебской губернии. Погребение совершил 15 августа 1914 г. настоятель Спасо-Евфросиниевского монастыря священник Николай Черепнин [4].

Следует отметить, что на данных кладбищах хоронить вскоре перестали по двум причинам. Во-первых, микрорайон Задвинье г. Полоцка быстро застраивался частным сектором. Во-вторых, согласно законодательству Российской империи, устраивать захоронения возле приходов запрещалось.

Важную роль в выборе места погребения русских солдат сыграл начальник 5-го Георгиевского госпиталя Николай Николаевич Сыренский [8, с. 44].

Он предложил организовать отдельное кладбище для умерших в госпиталях и лазаретах г. Полоцка военнослужащих Русской императорской армии. Полоцкая городская дума приняла решение о выделении земли под такое кладбище в северо-западной части уже существующего Михайловского православного погоста в районе Заполотья.

Вот что об этом кладбище говорил почетный гражданин г. Полоцка И.П. Дейнис в своем величайшем труде «Полоцкая старина»: «На северо-западе Заполотья находилось большое православное кладбище. Свое название оно получило от кладбищенской церкви в честь Святого Михаила. Наверное, когда-то здесь был монастырь. Известно, что церковь была деревянной и построена в XVII в. униатом. В XIX в. построена каменная церковь, над фронтоном которой находилась колокольня. В церкви находился подвал, вход в который был со стороны церкви. В подвале – две ниши с разбитыми стенами. В правой нише была деревянная доска с надписью, что здесь похоронен купец 1-й гильдии, имя которого я точно не помню, кажется, Афанасьев. В левой нише были обнаружены останки священнослужителя, то ли католического священнослужителя, то ли униатского священника, вероятно, из руководства, потому что в пустом желудке было обнаружено много мелких кипарисовых стружек, что является признаком бальзамирования, остатки сильно разложившейся одежды, возможно, рясы. Нашел несколько маленьких пуговиц. Обе могилы были разграблены, потому что в гробах были сломаны кости. Захоронения и церковь были исследованы в 1921 г. комиссией по охране древностей и искусства Полоцкого уездного управления культуры и просвещения. Кладбище было окружено рвом и насыпью, росло много деревьев, что придавало им вид рощи. На этом кладбище похоронен полоцкий революционер Шалковский, убитый полицией осенью 1905 года во время уличной демонстрации в г. Витебск. Гробница имела гранитный памятник и железную ограду [3, с. 160].

К северо-западу от кладбища вплотную подходил крупный воинский могильник, образовавшийся в годы Первой мировой войны в результате захоронения солдат, умерших во многих полоцких военных госпиталях. Большинство могил были индивидуальными и располагались рядами. На крестах были таблички с указанием имени и фамилии погребенного, чина и воинской части. Здесь похоронено несколько тысяч солдат русской армии. Во время расширения в 30-х годах XX в. полоцкого аэродрома, граничащего с кладбищем, было решено ликвидировать последнее, вырубить рощу, выровнять территорию, что и было сделано. Церковь также была разрушена и сровнена с землей. Ранее сообщалось, что родственники могут перезахоронить останки своих родственников на других кладбищах, но желающих было очень мало» [3, с. 161].

Согласно метрическим книгам госпиталей общины Святого Георгия уже 12 октября 1914 г. были совершены погребения нижних чинов Русской императорской армии на Михайловском кладбище г. Полоцка.

Исследование показало, что на Михайловском православном кладбище хоронили исключительно нижних чинов, а тела умерших офицеров отправляли специальными рейсами на Родину.

Это подтверждает следующий факт. 22 июля 1915 г. в 4-й госпиталь общины Святого Георгия г. Полоцка поступил с тяжелым пулевым ранением мочевого пузыря поручик 67-го пехотного Тарутинского полка Сергей Михайлович Васильев. Умер 24 июля 1915 г. от ран [4].

Удалось установить некоторые биографические подробности данного офицера: «Васильев Сергей Михайлович родился в 1891 году. Православный. Сын подполковника. Из потомственных дворян. Родился в г. Лович (Łowicz, Польша). Общее образование получил в Суворовском кадетском корпусе, окончил полный курс. В 1907 году поступил в Александровское военное училище, которое окончил по 2-му разряду. 6-го августа 1909 года произведен из юнкеров в подпоручики со старшинством со дня выпуска. Назначен в 67-й пехотный Тарутинский полк. На 01.01.1914 г. – младший офицер в 4-й роте. С 03.02.1914 по 24.07.1914 командирован в Управление Ковельского Уездного Воинского Начальника для заведывания пересыльной частью и исправления должности Комендантского Адъютанта (Приказ по войскам Ковельского гарнизона от 1 Февраля 1914 года за № 8). На 01.01.1915 младший офицер в 4-й роте. Командующий 4-й ротой с 29.04.1915.

Тяжело ранен 18.07.1915 в бою у д. Бутяны (Литва). Первоначально привезен в г. д. Новый Двор у д. Пиванишки (Литва) на перевязочный пункт. Направлен в г. Полоцк, в 4-й госпиталь общины Святого Георгия Российского Общества Красного Креста. Умер в ночь с 23 на 24 июля 1915 года от ран мочевого пузыря. Тело отправлено в г. Козлов 31.07.1915.

Высочайшим приказом от 04.10.1915 исключен из списков полка» [4].

Еще один случай. 8 сентября 1915 г. в 5-м госпитале общины Святого Георгия от ран скончался прапорщик 65-го пехотного Московского полка Иван Герасимов. Тело офицера было отправлено родственникам в Подмосковье 11 сентября 1915 г. [4].

Благодаря метрическим книгам госпиталей общины Святого Георгия и Полоцкого местного лазарета удалось установить подробные данные о 278 погребенных нижних чинах на Михайловском кладбище в период с октября 1914 г. по сентябрь 1915 г. и составить поименный список.

В основном это были рядовые и ефрейторы пехотных и Сибирских стрелковых полков. Были также военный врач и фельдшер. Возраст умерших от ран составлял в среднем от 21 до 38 лет. Хотя встречались ратники от 39 до 42 лет [4].

Военный врач 4-го Георгиевского госпиталя Константин Федорович Каблуков (45 лет) умер от заражения крови 15 января 1915 г. и был погребен на кладбище при Спасо-Евфросиниевском монастыре [8, с. 45].

С началом Великой войны в Спасо-Евфросиниевском монастыре был размещен лазарет, подчиненный Вологодскому этапному обществу Красного Креста (старший врач Линовский, младший врач Ласточкин, заведующий хозяйством Соколов). В рапорте Полоцкого полицмейстера от 4 февраля 1915 г. сообщалось, что Вологодский госпиталь в январе 1915 г. был переведен в г. Вильно. Также известно, что осенью 1914 г. умерших солдат данного лазарета хоронили на кладбище при монастыре.

Еще одно имя можно включить в список похороненных нижних чинов на Михайловском братском кладбище. Оно упомянуто научными сотрудниками Краеведческого музея г. Полоцка в статье «Великой войне посвящается…» и подтверждено документами того периода [1].

На своем сайте сотрудники Краеведческого музея предлагают познакомиться с интересными документами, переданными жителем г. Бреста Анатолием Владимировичем Груздиловичем и относящимися к истории Первой мировой войны на белорусских землях. Документы связаны с боевым путем Михаила Владимировича Римдёнка, дяди Анатолия Владимировича. Родился Михаил Римдёнок в д. Пашки Игуменовской волости Дисненского уезда Виленской губернии (сегодня деревня Шарковщинского района Витебской области) в семье Владимира и Марии Римдёнок. У Михаила был один брат и четыре сестры. В армию его призвали еще до войны. В составе 324-го пехотного Клязминского полка Михаил Владимирович принимал участие в боях в Восточной Пруссии. В сентябре 1915 г. рядовой М.В. Римдёнок был ранен («сквозное ранение мягких тканей правого плеча») и 3 октября поступил на лечение в лазарет Красного Креста Тульского патронного завода [1].

После выписки Михаил Владимирович был зачислен в штат 114-го пехотного Новоторжского полка. Летом 1917 г. полк принимал участие в боевых действиях на территории современного Вилейского района. В одном из боев Михаил Римдёнок снова был ранен, на этот раз тяжело. С фронта его перевезли в лазарет Полоцкого Комитета Красного Креста памяти князя Олега Константиновича (находился в зданиях Полоцкого кадетского корпуса), где 25 июля Михаил Владимирович скончался от столбняка.

В своем письме Анатолий Владимирович вспоминает, что его бабушка и дедушка после получения известия о смерти сына «…запрэглі каня і паехалі за 80 км у Полацк. Яны пабывалі на Міхайлаўскіх брацкіх могілках, дзе быў пахаваны сын Міхась, але другіх вестак пра сына не атрымалі…» [1].

Фотографии, письмо с фронта и другие документы стали семейной реликвией, которые Мария Римдёнок, мать Михаила, «захоўвала за іконай, а ў вялікія святы і Радуніцу запальвала свечку, даставала паперы і прасіла прысутных зачытваць, бо была непісьменнай…». Анатолий Владимирович также рассказал в письме и о приезде «вайсковага сябра», который поведал семье о том, как был ранен Михаил Римдёнок: «…Як распавядалі ў сям'і, праз пару гадоў іх наведаў чалавек, назваўшыся выйсковым сябрам Міхала. Ён

ехаў паўз Пашкі ў Шаркаўшчыну па нейкіх справах і захацеў наведаць сябра, бо ён думаў, што Міхась астаўся жывым. Ён паведаміў, што полк прымаў абарону ў вялікага возера, дзе трапілі пад бамбёжку нямецкага цыпіліна. Міхася не толькі цяжка параніла, але і прысыпала зямлёй ад выбуха бомбы, а сябра застаўся цэлым. Ён дапамагаў санітарам аднесці Міхася ў тыл…» [1].

Таким образом, в г. Полоцке в период Великой войны военнослужащих и военных медицинских работников Русской императорской армии хоронили на Иоанно-Богословском братском кладбище, погосте при Спасо-Евфросиниевском монастыре, но больше всего их было погребено на православном Михайловском кладбище. На сегодня и захоронения, и в целом эти кладбища утрачены. Поэтому, чтобы увековечить память о солдатах Первой мировой войны, в г. Полоцке нужно для начала поставить поклонный крест, например, на месте бывшего Михайловского кладбища (сейчас это микрорайон Аэропорт, пересечение улиц Максима Богдановича и Шенягина).

Особенностью всех русских захоронений на территории Полоцка было то, что хоронили только нижних чинов, а тела умерших офицеров отправляли на Родину специальными рейсами.

ЛИТЕРАТУРА

1. **11 ноября** – Международный день памяти воинов и жертв Первой мировой войны [Электронный ресурс] // Краеведческий музей Полоцка. – Режим доступа: http://local.polotsk.museum.by/node/52607. – Дата доступа: 16.02.2021.

2. **Беларусь** в годы Первой мировой войны (1914–1918) : сб. документов / сост.: В. В. Врублевский [и др.] ; редкол.: В. И. Адамушко (пред.) [и др.]. – Минск : Беларусь, 2014. – 355 с. : ил.

3. **Дэйніс, І. П.** Полацкая даўніна / І. П. Дэйніс ; уклад., прад. і камент. М. Баўтовіча ; пер. з рус. мовы М. Ермалаева. – Мінск : Медисонт, 2007. – 330 с.

4. **Метрическая** книга, по мобилизации данная Главным священником армий Северо-Западного фронта Священнику 5-го госпиталя общины Св. Георгия российского общества Красного Креста для записи умерших без сознания воинов в 4 и 5 Георгиевских госпиталях и в Полоцком местном лазарете. За 1915 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gwar.mil.ru/70000536. – Дата доступа: 10.01.2021.

5. **Национальный** исторический архив Беларуси. – Ф. 2564. Оп. 1. Д. 262. Л. 5.

6. **Пасадская, Ж. У.** Гістарычныя могільнікі Полацка / Ж. У. Пасадская // Памяць : гіст.-дак. хроніка Полацка / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.] ; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск, 2002. – С. 860–862.

7. **Последний** приют солдата / А. В. Шарков [и др.]. – Минск : Звязда, 2014. – 208 с. : ил.

8. **Пятина, Ю. С.** Деятельность госпиталей Общины св. Георгия Российского Общества Красного Креста на фронтах Первой мировой войны / Ю. С. Пятина // Псковские архивные чтения : сб. науч. ст. / ГАПО. – Псков, 2015. – Вып. 9. – С. 44–51.

9. **Das Landwehr** Infanterie Regiment Nr. 99. – Berlin : Dibenburg I. D., 1922. – 336 p.

Гайдукоў К.П. *(г. Віцебск)*

УРАДЖЭНЦЫ ВІЦЕБШЧЫНЫ НА ВЫШЭЙШЫХ АФІЦЭРСКІХ ПАСАДАХ У ВОЙСКУ ПОЛЬСКІМ (1918–2018)

Узброеныя Сілы Рэспублікі Польскай (неафіцыйна – Войска Польскае) маюць даўнюю гісторыю. Фарміраванне баявых традыцый Войска Польскага пачалося яшчэ ў Раннім Сярэднявеччы. Аднак рэгулярная армія з'явілася ў Рэчы Паспалітай толькі ў канцы XVIII ст., але скончыла сваё існаванне пасля трэцяга падзелу аб'яднанай дзяржавы ў 1795 г. Польскія рэгулярныя злучэнні пад рознымі назвамі былі створаны ў перыяд Першай сусветнай вайны – у аўстрыйскай, нямецкай і рускай арміях. Менавіта яны далі пачатак фарміраванню рэгулярнай арміі ў найноўшай гісторыі польскай дзяржаўнасці пасля таго, як у 1918 г. была ўтворана Польская Рэспубліка (Другая Рэч Паспалітая). Сярод тых, хто займаў вышэйшыя афіцэрскія пасады ў сухапутных войсках і ваенна-марскім флоце, былі ўраджэнцы сучаснай Віцебскай вобласці.

Балаховіч Тадэвуш (04.10.1945), Браслаўскі раён, былая в. Пупіні.

Генерал брыгады (11.11.1997) – генерал дывізіі (15.08.2003) Войска Польскага.

Узнагароды: Афіцэрскі крыж ордэна Адраджэння Польшчы, залаты і сярэбраны Крыжы Заслугі; Камандорскі крыж ордэна «За заслугі перад Летувай».

З 1964 г. служыў у Афіцэрскай радыётэхнічнай школе імя капітана Сільвестра Бартосіка (г. Яленя-Гура). З 1967 г. служыў у Войсках супрацьпаветранай абароны краю. Завочна скончыў адміністрацыйна-прававы факультэт Варшаўскага ўніверсітэта (1977).

З 1980 г. служыў у сакратарыяце Камітэта абароны краю пры Савеце Міністраў. З 21.10.1989 – намеснік начальніка інспекцыі, а з 28.12.1989 – намеснік начальніка Штаба Грамадзянскай абароны краю. З 04.07.1991 – намеснік начальніка (дырэктара), а з 29.09.1994 – дырэктар Кадравага дэпартамента Міністэрства нацыянальнай абароны. З 20.11.1996 – дырэктар Дэпартамента абароннай гатоўнасці Бюро нацыянальнай бяспекі (БНБ). З 01.07.1997 – дырэктар Дэпартамента па абслугоўванні Камітэта абароны краю і БНБ у складзе апошняга. З 05.02.1998 – дырэктар Дэпартамента камандавання Прэзідэнтам Польшчы Узброенымі Сіламі ў складзе БНБ, а з 29.05.2002 – адначасова намеснік начальніка БНБ. З 24.02.2004 па 28.02.2005 выконваў таксама абавязкі начальніка БНБ.

Ендржаеўскі Уладзіслаў Антонавіч (11.02.1863–1940?), Лепельскі раён, былы маёнтак Навіны.

Генерал-маёр (22.04.1917) Рускай Імператарскай Арміі – генерал-паручнік (21.04.1920), генерал дывізіі (03.05.1922) Войска Польскага. Пасмяротна: генерал броні (02.09.2016).

Узнагароды: расійскія ордэны Святога Георгія IV ступені (06.08.1915), Святога Уладзіміра III (з мячамі, 18.04.1917) і IV (з мячамі, 27.07.1915) ступеней, Святой Ганны II (06.12.1913; мячы, 19.04.1915) і III (1906; мячы і бант, 27.04.1915) ступеней, Святога Станіслава II (?; мячы, 02.09.1916) і III (1901; мячы і бант, 05.11.1915) ступеняў, Георгіеўская зброя (11.03.1915); польскія сярэбраны крыж ордэна «Віртуці Мілітары» (1921), Камандорскі крыж ордэна Адраджэння Польшчы (02.05.1923), чатыры Крыжы Храбрых; Кавалерскі крыж ордэна Ганаровага Легіёна (Францыя; 1922); ордэны Кароны Румыніі I ступені (?), Міхая Храбрага III ступені (Румынія; 1922).

З 1880 па 1918 г. – у Рускай Імператарскай Арміі (РІА). Удзельнік Першай сусветнай вайны (1914–1917): камандзір 119-га пяхотнага Каломенскага палка (27.12.1915–04.03.1917), затым брыгады 30-й пяхотнай дывізіі (04.03–22.04.1917).

Са снежня 1918 г. – на службе ў Войску Польскім (ВП): камендант рэзерву афіцэраў у Варшаве. З сакавіка 1919 г. – камандзір 5-й пяхотнай дывізіі і адначасова камендант ды начальнік абароны г. Львова, з мая 1919 г. – камандуючы аператыўнай групай войскаў Галіцыйскага фронту. Са жніўня 1919 г. – зноў камандзір 5-й пяхотнай дывізіі. Удзельнік савецка-польскай вайны: з мая 1920 г. – камандуючы 1-й, затым 6-й армій, а са жніўня 1920 г. – аператыўнай групай 6-й арміі. Са студзеня 1921 г. – камандуючы войскамі генеральнай акругі Люблін, затым 6-й карпусной акругі ў Львове. З красавіка 1924 г. – у адстаўцы. Жыў у Львове.

З пачаткам нямецка-польскай вайны ў верасні 1939 г. арганізаваў і ўзначаліў грамадзянскую абарону Львова. Пасля вайны застаўся на тэрыторыі Заходняй Украіны, што адышла да СССР. 04.11.1939 быў арыштаваны НКУС. Далейшы лёс дакладна невядомы.

Зарака-Заракоўскі Баляслаў Францавіч (30.03.1894–21.12.1963), г. Полацк. Са шляхецкай сям'і.

Генерал-маёр (01.09.1943) – генерал дывізіі (01.01.1946) Войска Польскага, генерал-лейтэнант (11.07.1946) Савецкай арміі.

Узнагароды: расійскія ордэны Святога Уладзіміра IV ступені (з мячамі і бантам;

28.05.1915), Святой Ганны III (з мячамі і бантам; 20.10.1915), IV (26.10.1914) ступеней, Святога Станіслава II (з мячамі і бантам; 01.01.1917), III (з мячамі і бантам; 26.10.1914) ступеней; савецкія ордэн Леніна (15.10.1947), тры ордэны Чырвонага Сцяга (17.08.1943, 25.08.1944, 03.11.1944), ордэн Айчыннай вайны I ступені (03.04.1943); польскія Камандорскі крыж ордэна Адраджэння Польшчы (1945), ордэн «Крыж Грунвальда» 3-га класа (11.05.1945), залаты Крыж Заслугі.

З 1912 па 1918 г. – у РІА (капітан). З 1918 па 1937 г. і з 1939 па 1944 г. – у Рабоча-сялянскай Чырвонай арміі (РСЧА), з 1944 па 1948 г. – у Людовым Войску Польскім (ЛВП).

Удзельнік Першай сусветнай (1914–1917), грамадзянскай (1919–1920) і Вялікай Айчыннай (1941–1945) войнаў. У перыяд апошняй – з сакавіка 1943 па красавік 1944 г. камандзір 160-й стралковай дывізіі, са жніўня па верасень 1944 г. – намеснік начальніка штаба 1-га Беларускага фронту. З 7 кастрычніка па 31 снежня 1944 г. – начальнік штаба 1-га Польскага корпуса, затым начальнік Галоўнага штаба Вярхоўнага Камандавання (ВК), а з 1 студзеня 1945 г. намеснік начальніка ГШ ВК ЛВП. З красавіка 1945 г. – камандуючы войскамі Лодзінскай, са студзеня 1946 г. Уроцлаўскай, а са снежня 1946 г. Люблінскай ваенных акруг. З ліпеня 1947 па жнівень 1948 г. – начальнік Акадэміі Генштаба.

Жыў у горадзе-героі Маскве. Пахаваны на Данскіх могілках у Маскве.

Зарака-Заракоўскі (ці Заракоўскі) Станіслаў (07.11.1909–11.04.1998), Верхнядзвінскі раён, былы маёнтак Свольна.

Генерал брыгады Войска Польскага (1953) – *паніжаны ў званні да радавога (1991).*

Узнагароды: Ордэн Сцяга Працы II ступені (1949), Кавалерскі крыж ордэна Адраджэння Польшчы (1946), два Крыжы Храбрых (1945, 1945), сярэбраны Крыж Заслугі (1946); Чэхаславацкі ваенны крыж 1939 года (1949).

Пасля раздзелу маёнтка Свольна ў 1917 г. з сям'ёй пераехаў у Дрысу, а адтуль – у г. Кобрын (цяпер – у складзе Брэсцкай вобл.), які з 1921 г. з'яўляўся павятовым цэнтрам Палескага ваяводства Польскай Рэспублікі. У Кобрыне скончыў гімназію. З 1928 па 1930 г. і з 1933 па 1935 г. вучыўся ў Віленскім універсітэце імя Стэфана Баторыя. З 1932 па 1933 г.– слухач школы падхарунжых рэзерву пяхоты. Пасля заканчэння ўніверсітэта з 1935 г. – на гаспадарчай рабоце ў Вільні.

Удзельнік нямецка-польскай вайны восенню 1939 г. Пасля капітуляцыі ў кастрычніку 1939 г. пазбегнуў палону і вярнуўся ў Вільню. Працаваў адміністратарам камунальнай гасцініцы, бухгалтарам пры Літоўскім Чырвоным

Крыжы (1940–1942), рабочым-будаўніком у акупаваным немцамі горадзе. Пасля вызвалення горада ў ліпені 1944 г. заняў пасаду галоўнага бухгалтара Геалагічнага інстытута.

03.02.1945 быў мабілізаваны і неўзабаве накіраваны на службу ў Войска Польскае. Удзельнік Вялікай Айчыннай вайны на яе заключным этапе. З ліпеня 1945 г. – следчы афіцэр у апараце Генеральнай ваеннай пракуратуры. З лютага 1946 г. – пракурор акруговай ваеннай пракуратуры ў Кракаве. З сакавіка 1947 г. – першы намеснік старшыні Вышэйшага ваеннага суда. З чэрвеня 1947 г. – намеснік Генеральнага ваеннага пракурора. З кастрычніка 1948 г. – намеснік начальніка Дэпартамента юрыдычнай службы Міністэрства нацыянальнай абароны Польшчы. З ліпеня 1950 па красавік 1956 г. – генеральны ваенны пракурор. Актыўны ўдзельнік палітычных судовых працэсаў. Лічыцца адказным за вынясенне смяротных прысудаў удзельнікам падпольнага антыкамуністычнага ўзброенага руху ў пасляваеннай Польшчы. З 1956 г. – у рэзерве. З 1956 па 1968 г. займаў пасады намесніка дырэктара Цэнтральнага ўпраўлення па абароце нафтапрадуктаў пры Савеце Міністраў Польскай Народнай Рэспублікі (ПНР), затым начальніка прававога ўпраўлення Міністэрства знешняга гандлю ПНР.

Керп Уладзімір Мартынавіч (26.05/08.06.1903–30.01.1980), Аршанскі раён, Вусцеўскі с/с, былы пасёлак пры лесазаводзе Галачова – цяпер у складзе в. Клюшнікава.

Генерал брыгады (03.11.1944) Войска Польскага – генерал-маёр артылерыі (11.07.1945) Чырвонай арміі.

Узнагароды: польскія Камандорскі (?), Афіцэрскі (?) і Кавалерскі (?) крыжы ордэна Адраджэння Польшчы, ордэн «Віртуці Міліторы» 5-га класа (1945), ордэн «Крыж Грунвальда» 3-га класа (11.05.1945), залаты (30.50.1946) і сярэбраны (1944) Крыжы Заслугі; савецкія ордэн Леніна (19.11.1951), пяць ордэнаў Чырвонага Сцяга (20.08.1942, 31.08.1943, 03.11.1944, 07.05.1945, 10.06.1945), ордэны Суворава II ступені (17.10.1943), Багдана Хмяльніцкага II ступені (10.01.1944). Кавалер 15 ордэнаў ці крыжоў (займае 3-е месца па найбольшай колькасці ўзнагарод сярод ураджэнцаў вобласці).

З 1923 г. – у РСЧА. Удзельнік савецка-фінляндскай (1939–1940) і Вялікай Айчыннай (1941–1945) войнаў. Шэсць разоў паранены, у тым ліку двойчы цяжка.

У перыяд ВАВ – з лютага 1942 г. – камандзір 642-га пушачнага артылерыйскага палка, падпалкоўнік, са снежня 1942 г. – камандзір 41-й артылерыйскай брыгады, з сакавіка 1943 г. – камандзір 1-й гвардзейскай пуша-

чнай артылерыйскай брыгады, з лютага 1944 г. – камандуючы артылерыяй 30-га стралковага корпуса, палкоўнік. З красавіка 1944 г. – у ЛВП: камандзір 5-й пушачнай артылерыйскай брыгады/палкоўнік. Пасля вайны – начальнік 1-й Афіцэрскай артылерыйскай школы ў г. Хелм (Холм). З чэрвеня 1946 г. – камандзір 7-й Лужыцкай дывізіі пяхоты. Са жніўня 1946 па люты 1956 г. – на адказных камандных пасадах у Савецкай арміі (СА).

Пахаваны на могілках у г. Віднае (Маскоўская вобласць, РФ).

Клот Леан Казімеж (20.09.1868–03.05.1933), Мёрскі раён, цяпер аг. Мікалаёва.

Тытулярны генерал брыгады Войска Польскага (31.12.1925). Доктар медыцыны. *Узнагароды невядомыя*.

Скончыў васьмікласную філалагічную гімназію ў Варшаве (1888), медыцынскі факультэт Імператарскага Варшаўскага ўніверсітэта (1894). Працаваў урачом у варшаўскіх шпіталях, земскім урачом у горадзе Парэчча (цяпер – Дзямідаў), павятовым цэнтры Смаленскай губерні.

З 1901 па 1914 г. – у Асобным корпусе памежнай аховы Міністэрства фінансаў Расіі. З пачаткам Першай сусветнай вайны быў пераведзены на службу ў РІА. Служыў урачом у розных палявых шпіталях, затым дывізійным урачом 15-й пяхотнай дывізіі.

У студзені 1918 г. паступіў на службу ў 2-гі Польскі корпус, пасля яго роспуску перайшоў на службу ўрачом ва Украінскую памежную ахову. З лютага 1919 г. – у Войску Польскім. Служыў начальнікам шпіталяў у гарадах Камянец-Падольскі, Мінск, Баранавічы, Вільня. З 1921 г. – санітарны начальнік вайсковай групы «Беняконі», начальнік Лідскага санітарнага раёна, Лідскага раённага шпіталя, галоўны ўрач Віленскай ваеннай акругі.

Пасля выхаду ў запас 31.12.1925 жыў у Вільні. Вёў медыцынскую практыку, прымаў актыўны ўдзел у грамадскім жыцці горада. Пахаваны на могілках Росы ў Вільні.

Магучы Адам (07.03.1891–07.05.1953), г. Віцебск.

Контр-адмірал (01.03.1946) – віцэ-адмірал (11.03.2019, пасм.) Ваенна-марскіх сіл Польшчы.

З сям'і шляхціца Адама Магучага. Маці Станіслава паходзіла са шляхецкага роду Сакаловічаў.

Узнагароды: польскія сярэбраны крыж ордэна «Віртуці Мілітары» (1921), ордэн «Крыж Грунвальда» III ступені (1946), сярэбраны Крыж Заслугі (1925). Меў таксама ўзнагароды РІА.

Сярэднюю адукацыю атрымаў у Вільні. Скончыў Марскі корпус (1911), афіцэрскую школу падводных лодак (1915) і Ваенна-марскую школу ў Парыжы (1926). З 1912 па 1918 г. – у Рускім Імператарскім Ваенна-марскім флоце (апошняе званне: капітан-лейтэнант). У перыяд Першай сусветнай вайны служыў на судах надводнага флоту, затым камандаваў 1-м і 4-м дывізіёнамі падводных лодак Балтыйскага флоту. Чатыры разы быў адзначаны баявымі ўзнагародамі.

З 1919 г. – у Ваенна-марскіх сілах (ВМС) незалежнай Польшчы. У 1920 г. прымаў удзел у савецка-польскай вайне (баі пад Гроднам) як камандзір 2-га марскога батальёна, затым як выконваючы абавязкі камандзіра марскога палка. З 1921 г. – камандзір кананерскай лодкі «Генерал Галер» і адначасова начальнік Часовых Інструктарскіх курсаў для афіцэраў у г. Торунь, з 01.10.1922 – Афіцэрскай школы Ваенна-марскога флоту. З кастрычніка па лістапад 1924 г. – камандзір мінаносца «Куявяк» і адначасова дывізіёна мінаносцаў. Пасля вучобы ў Францыі з верасня 1927 г. – камендант ваенна-марскога порта Гдыня. З верасня 1929 па ліпень 1936 г. – дырэктар Марской школы ў г. Тчэў, затым у Гдыні. Да лютага 1931 г. знаходзіўся ў кадрах ВМС Польскай Рэспублікі.

З 1936 г. – на кіруючых пасадах у прыватных кампаніях. Перад пачаткам нямецка-польскай вайны быў зноў мабілізаваны на службу ў ВМС. У верасні 1939 г. прымаў удзел у абарончых баях на Хельскай касе. Пасля паражэння пры спробе ўцячы на рыбацкай лодцы ў Швецыю быў паланёны немцамі ў ноч на 2 кастрычніка таго ж года. Утрымліваўся ў офлагах XVIII A (Лінц, Аўстрыя) і II C (Вольдэнберг – цяпер г. Дабегнеў, Любушскае ваяводства, Польшча). Быў вызвалены толькі ў 1945 г., пасля чаго прызначаны на дзяржаўную службу ў Польскай Рэспубліцы.

Займаў пасаду кіраўніка Дэпартамента суднаходства і партоў Гандлёва-прамысловай палаты. У тым жа 1945 г. быў вернуты да службы ў ВМС і прызначаны навуковым дырэктарам Марской афіцэрскай школы, адначасова выконваў абавязкі намесніка начальніка штаба ВМС. Неўзабаве быў пераведзены на апошнюю пасаду з прысваеннем звання камандора, а затым прызначаны начальнікам штаба ВМС. З 01.01.1946 – ваенны камендант гарнізона ў Гдыні. Пэўны час выконваў абавязкі камандуючага ВМС. З 1947 г. – старшыня Галоўнага савета Марской лігі. З 1948 г. – у запасе.

У канцы 1949 г. быў арыштаваны. У наступным годзе разам з трыма іншымі старшымі афіцэрамі флоту быў асуджаны Вышэйшым ваенным судом да 13 гадоў зняволення. Памёр у турме ў г. Штум (цяпер – у складзе Паморскага ваяводства Польшчы). Быў пахаваны на Бруднаўскіх могілках у Варшаве. У 1957 г. пастановай Вышэйшага ваеннага суда прысуд А.А. Магучаму быў адменены, а сам ён поўнасцю рэабілітаваны. 29.06.2018 яго астанкі былі перанесеныя на Памятны ўчастак Ваенна-марскіх могілак у Гдыньскім раёне Аксыве.

Аўтар і рэдактар кніг, а таксама шматлікіх публікацый на марскую тэматыку (польская і французская мовы).

Петрашкевіч (Геранім) Генрык (03.01.1923–10.04.2019), Глыбоцкі раён, в. Варанова.

Контр-адмірал (1968) Ваенна-марскіх сіл Польшчы. Магістр гісторыі (1966). Ганаровы доктар Ваенна-марской акадэміі (2001).

Узнагароды: польскія Камандорскі, Афіцэрскі, Кавалерскі крыжы ордэна Адраджэння Польшчы, ордэн Сцяга Працы II ступені, залаты і сярэбраны Крыжы Заслугі, сярэбраны медаль «Заслужаным на полі Славы»; савецкі ордэн Чырвонага Сцяга; ордэн «За заслугі перад Айчынай» II ступені (ГДР).

Скончыў гімназію імя ксяндза Гжэгажа Пірамовіча ў Дзісне. З 1944 г. – у РСЧА, затым у ЛВП. Удзельнік Вялікай Айчыннай вайны на яе завяршальным этапе. У складзе 1-й арміі ЛВП прайшоў з баямі ад Варшавы да Берліна.

З 1946 па 1984 г. – у ВМС Польшчы. Скончыў Ваенна-марскую афіцэрскую школу (1949) у Гдыні, Вышэйшыя акадэмічныя курсы пры Ваенна-марской акадэміі імя К.Я. Варашылава (1956) у Ленінградзе.

У 1949 г. пачаў службу палубным афіцэрам на караблі «Спраўны» са складу дывізіі паляўнічых за падводнымі лодкамі. У тым жа годзе перайшоў намеснікам камандзіра на падводную лодку (ПЛ) «Сэмп» («Сцярвятнік»). З 1951 г. – начальнік штаба дывізіі ПЛ. З 1956 г. – камандзір 1-й брыгады ПЛ. З 1966 г. – камандзір 9-й флатыліі берагавой аховы. З 1969 г. – начальнік Вышэйшай ваенна-марской школы, затым начальнік штаба – 1-ы намеснік камандуючага ВМС Польшчы. З 1979 па 1983 г. – камандуючы ВМС Польшчы.

Пятроўскі Сцяпан Фёдаравіч (Фядотавіч) (30.11/11.12.1897–06.03.1979), Верхнядзвінскі раён, Дзёрнавіцкі с/с, былая в. Карчы (сселена ў 1930-я гг. у в. Ярмоліна). З сялян.

Генерал брыгады (25.05.1945) Войска Польскага, генерал-маёр (11.07.1945) Чырвонай/Савецкай арміі.

Узнагароды: савецкія ордэн Леніна (21.02.1945), тры ордэны Чырвонага Сцяга (14.08.1944, 03.11.1944, 24.06.1948), ордэны Айчыннай вайны I ступені (13.10.1943), Чырвонай Зоркі (15.04.1943); польскія Афіцэрскі крыж ордэна Адраджэння Польшчы (1945), ордэн «Крыжа Грунвальда» 3-га класа (1945), залаты Крыж Заслугі (1946).

У 1916–1917 гг. – у РІА (малодшы ўнтэр-афіцэр 310-га пяхотнага Шацкага палка). З 1918 па 1944 г. і з 1946 па 1956 г. – у РСЧА/СА. З 1944 па 1946 г. – у ЛВП. Удзельнік Грамадзянскай (1918–1920) і Вялікай Айчыннай (1942–1945) войнаў.

У перыяд ВАВ – камандзір стралковага палка, намеснік камандзіра і (са студзеня 1944 г.) камандзір 73-й стралковай Навазыбкаўскай Чырванасцяжнай дывізіі. Вызваляў родную Беларусь. Са жніўня 1944 г. – камандзір 7-й пяхотнай дывізіі 2-й арміі, а з верасня таго ж года начальнік арганізацыйна-ўліковага аддзела штаба ЛВП. Са жніўня 1945 г. – начальнік 1-га Арганізацыйна-мабілізацыйнага ўпраўлення Галоўнага штаба ЛВП.

З 1946 г. – на выкладчыцкай працы ў Ваеннай акадэміі імя М.В. Фрунзэ. З 1954 па 1956 г. – на адказных камандных пасадах у штабе Групы савецкіх войск у Германіі.

Рудаміна Зыгмунт (01.07.1923–26.10.1993), г. Глыбокае.

Контр-адмірал (09.10.1963) Ваенна-марскіх сіл Польшчы.

Узнагароды: польскія Камандорскі, Афіцэрскі, Кавалерскі крыжы ордэна Адраджэння Польшчы, ордэн Сцяга Працы II ступені, залаты і сярэбраны Крыжы Заслугі, бронзавы медаль «Заслужаным на полі Славы»; савецкія ордэны Чырвонага Сцяга і Айчыннай вайны I ступені.

У 1939 г. скончыў гімназію. Праз год разам з сям'ёй быў дэпартаваны ў Сібір. З 1944 г. служыў у 3-й пяхотнай дывізіі імя генерала Р. Траўгута 1-га Корпуса Польскіх Узброеных Сіл у СССР/Арміі Польскай/1-й Арміі Людовага Войска Польскага. З баямі прайшоў ад Буга да Берліна.

З 1946 па 1984 г. – у ВМС Польшчы. Скончыў Ваенна-марскую афіцэрскую школу (1949) у Гдыні, Вышэйшыя акадэмічныя курсы пры Ваенна-марской акадэміі імя К.Я. Варашылава (1957) у Ленінградзе.

У 1949 г. пачаў службу палубным афіцэрам на падводнай лодцы «Жбік» («Лясны кот») са складу дывізіі падводных лодак (ПЛ). З 1951 па 1955 г. – памочнік камандзіра гэтай жа дывізіі. З 1957 г. – камандзір брыгады абароны воднага раёна ваенна-марской базы Хель. З 1962 г. – намеснік начальніка штаба ВМС, з 1966 г. – камандзір 8-й флатыліі берагавой аховы. З 1968 па 1983 г. – начальнік Службы тэхнічнай і забеспячэння – намеснік камандуючага ВМС Польшчы.

Саўчанка Емяльян Рыгоравіч (06/18.08.1899–30.10.1965), Верхнядзвінскі раён, Каханавіцкі с/с, в. Чарняўшчына (па другіх даных, г. Верхнядзвінск (Дрыса)). Паходзіў з сям'і чыгуначніка.

Генерал-маёр (28.04.1943) Чырвонай арміі, генерал (1945) брыгады Войска Польскага.

Узнагароды: савецкія ордэн Леніна (21.02.1945), два ордэны Чырвонага Сцяга (03.11.1944, 15.11.1950), ордэн Кутузава II ступені (19.05.1943), Айчыннай вайны I ступені (29.06.1945), Чырвонай Зоркі (23.04.1942), медаль «За баявыя заслугі» (17.11.1939); польскі ордэн «Крыж Грунвальда» 3-га класа (11.05.1945).

З 1918 па 1944 г. і з 1946 па 1953 г. – у РСЧА/СА. У 1944–1945 гг. – у ЛВП. Удзельнік грамадзянскай і Вялікай Айчыннай войнаў. У перыяд ВАВ – начальнік штаба і намеснік камандзіра стралковага корпуса, начальнік Упраўлення тылу 7-й, 55-й, 67-й армій, а з 1944 г. – начальнік тылу ЛВП.

З 1947 г. – на выкладчыцкай працы ў ваенных ВНУ.

Сляскі Эўгеніюш (Яўгеній Мартынавіч) (30.12.1872/11.01.1873–24.10.1935), Лепельскі раён, былы маёнтак Тадуліна.

Генерал брыгады (31.03.1924) войска Польскага.

Узнагароды: расійскія ордэны Святой Ганны II (10.06.1915), III (з мячамі і бантам; ?)) і IV «За храбрасць» (1906) ступеней, Станіслава II (з мячамі; 1916), III (з мячамі; 25.12.1904) ступеней; ордэн «Віртуці Мілітары» 5-га класа і іншыя польскія ўзнагароды.

З 1893 па 1917 г. – у РІА (падпалкоўнік). Удзельнік руска-японскай, Першай сусветнай, савецка-польскай войнаў. З 1917 г. – на службе ў 1-м Корпусе Польскім: камандзір эскадрона, затым дывізіёна 2-га ўланскага палка.

У лістападзе 1918 г. быў прыняты палкоўнікам на службу ў Войска Польскае. Займаў пасады камандзіра Татарскага коннага палка, 13-га ўланскага палка, 9-й коннай брыгады (кбр). З кастрычніка 1920 г. – камандзір 9-й кбр і адначасова інспектар кавалерыі Лодзінскай ваеннай акругі. З мая 1923 г. – начальнік 2-га Коннага дэпартамента, 2-га Дэпартамента кавалерыі Міністэрства вайсковых спраў. З чэрвеня 1924 г. – камандзір 4-й кавалерыйскай дывізіі. Са снежня 1925 г. выконваў абавязкі намесніка камандуючага Акругі 6-га корпуса. З мая 1926 па красавік 1927 г. – камандзір 8-й асобнай кбр.

Жыў у в. Глінч (цяпер – у складзе гміны Жукава Картузскага павета Паморскага ваяводства Польшчы). Пахаваны на сельскіх могілках у Жукаве.

Стшалкоўскі (Стралкоўскі) Себасцьян (02.01.1925–08.11.2005), Глыбоцкі раён, Празароцкі с/с, былыя фальваркі Вялікае ці Малое Стальмахова.

Генерал брыгады (12.10.1972) – генерал дывізіі (1978) Войска Польскага.

Узнагароды: польскія Камандорскі і Афіцэрскі крыжы ордэна Адраджэння Польшчы, Сцяга Працы II ступені, залаты і сярэбраны Крыжы Заслугі, сярэбраны і бронзавы медалі «Заслужаным на полі Славы»; савецкі ордэн Айчыннай вайны II ступені.

У 1940 г. разам з маці быў дэпартаваны ў Казахскую ССР, дзе працаваў трактарыстам у калгасе. З 1943 па 1986 г. – у ЛВП. У маі 1943 г. уступіў у 1-ю Польскую дывізію пяхоты імя Т. Касцюшкі. Прымаў удзел у бітве пад в. Леніна (Горацкі раён, Магілёўская вобласць). Пасля заканчэння Афіцэрскай школы пяхоты імя Т. Касцюшкі ў г. Разані працягнуў баявую службу ў 1-й Арміі ЛВП.

У пасляваенны час служыў у Войсках памежнай аховы. З 1950 г. займаў камандныя пасады ў кватармайстарскіх часцях Узброеных Сіл, затым выкладаў у Акадэміі Генштаба, займаў пасаду намесніка камандуючага ВМС па тэхнічнай частцы. З 1969 г. – начальнік Вышэйшай афіцэрскай

аўтамабільнай школы імя генерала А. Вашкевіча. З 1974 г. – кватармайстар, ён жа намеснік камандуючага Паморскай ваеннай акругі. З 1977 па 1986 г. – начальнік Жыллёва-будаўнічай службы, ён жа намеснік галоўнага кватармайстра ЛВП.

Сушыньскі Стэфан (Сушынскі Стэфан Ігнацьевіч) (27.12.1871/08.02.1872–23.12.1941), Талачынскі раён, Воўкавіцкі с/с, былы маёнтак Багрынава – цяпер у складзе в. Багрынава.

Генерал-падпаручнік (01.04.1920), генерал брыгады (з 03.05.1922), затым генерал дывізіі (01.02.1924) Войска Польскага.

Узнагароды: расійскія ордэны Святога Уладзіміра IV ступені (з мячамі і бантам; 14.11.1915), Святой Ганны II (з мячамі і бантам; 16.04.1915) і III (31.01.1909) ступеней, Святога Станіслава II (13.05.1914; мячы да ордэна, 14.11.1916) і III (25.12.1905) ступеней; польскія сярэбраны крыж ордэна «Віртуці Мілітары» (1922), Камандорскі крыж ордэна Адраджэння Польшчы (02.05.1922), два Крыжы Храбрых, залаты Крыж Заслугі; ордэн Кароны Італіі 3-га класа; ордэн Ганаровага Легіёна 3-га класа (Францыя); ордэн Кароны Румыніі 1-га класа; ордэн Белага Арла 3-га класа (Каралеўства Югаславія).

З 1891 па 1917 г. – у РІА (палкоўнік), з 1918 па 1927 г. – у ВП. Удзельнік Першай сусветнай (1914–1917) і савецка-польскай (1919–1920) войнаў.

Са снежня 1917 г. фарміраваў 2-гі ўланскі полк 1-га Корпуса Польскага, з красавіка па ліпень 1918 г. камандаваў 1-м уланскім палком 1-га Корпуса Польскага. З лістапада 1918 г. – начальнік рамонтнага аддзела арганізацыйна-мабілізацыйнага дэпартамента Міністэрства вайсковых спраў Польскай Рэспублікі. З чэрвеня 1919 г. – камандзір 5-й коннай брыгады (кбр), а са жніўня 1920 г. – 7-й кбр ВП. Са студзеня 1921 г. – камендант Варшавы.

З пачаткам польска-нямецкай вайны ў верасні 1939 г. пераехаў у Вільню, дзе быў арыштаваны 7 лістапада таго ж года супрацоўнікамі НКУС. Утрымліваўся ў турмах Беластока, Мінска, Оршы, Віцебска. Пазней быў этапіраваны ў Карагандзінскі выпраўленча-працоўны лагер (Казахская ССР), дзе памёр у лагерным шпіталі.

Пахаваны на лагерных могілках ля г. п. Далінскае (Далінка) у складзе сучаснай Шахцінскай гарадской адміністрацыі Карагандзінскай вобласці Казахстана.

Трукан Ян (03.06.1937–09.08.2010), Пастаўскі раён, цяпер аг. Дунілавічы.

Генерал брыгады (1992) – генерал дывізіі (1995) Войска Польскага.

Узнагароды: Афіцэрскі і Камандорскі крыжы ордэна Адраджэння Польшчы і інш.

З 1957 па 1997 г. – у ЛВП/ВП. Скончыў афіцэрскую школу ўзбраення (1960) у Ольштыне, Ваенна-тэхнічную акадэмію (1968) у Варшаве.

З 1960 г. выкладаў у Цэнтры падрыхтоўкі спецыялістаў артылерыі, а з 1968 г. – у Цэнтральным інстытуце Службы ўзбраення і электронікі (ЦІСУЭ). Пасля заканчэння Акадэміі Генштаба ў 1973 г. вярнуўся да выкладчыцкай працы ў тым жа інстытуце. З 1982 г. – начальнік службы ўзбраення і электронікі Варшаўскай ваеннай акругі. З 1986 г. – камендант ЦІСУЭ. З 1989 г. – начальнік Тэхнічных служб, ён жа намеснік камандуючага Варшаўскай ваеннай акругай. З 1992 па 1997 г. – намеснік начальніка Інспекцыі лагістыкі Генеральнага Штаба. Жыў у Варшаве, дзе пахаваны на вайсковых могілках у Павонзках.

Тшамескі Юзаф Францішак (24.12.1878–04.07.1923), Браслаўскі раён, аг. Ахрэмаўцы, былая в. Бяльмонт (Бяльмонты).

Генерал брыгады (03.05.1922) Лекарскага Корпуса Войска Польскага. Доктар медыцыны.

Узнагароды: польскія ордэн «Віртуці Мілітары» 5-га класа, Крыж Храбрых; французскія ордэны Ганаровага Легіёна 5-га класа і Акадэмічных пальмаў 5-га класа.

З 1904 г. служыў ваенным урачом у Рускім Імператарскім Флоце. Удзельнік руска-японскай вайны. У 1914–1915 гг. – урач і кіраўнік навуковай часткі аперацыі пад кіраўніцтвам О. Свердрупа ў Карскае мора з мэтай выратавання палярных экспедыцый Г.Я. Сядова, У.А. Русанава і Г.Л. Брусілава.

З 1919 г. – урач трэніровачнага лагера, затым намеснік начальніка санітарнай службы Арміі Польскай у Францыі. Пасля перадыслакацыі арміі ў Польшчу перайшоў на службу ў ВП (афіцыйна прыняты 01.01.1920). Удзельнік савецка-польскай вайны (1919–1920) як начальнік санітарнай службы Паўднёва-Усходняга, затым Паморскага франтоў. З сакавіка 1920 г. – начальнік гігіенічнага аддзела Санітарнага дэпартамента Міністэрства вайсковых спраў Польскай Рэспублікі. У далейшым – начальнік санітарнага аддзела Галоўнага камандуючага ВП, затым памочнік начальніка санітарнага аддзела Міністэрства вайсковых спраў. Скончыў жыццё самагубствам.

Хелхоўскі Уладыслаў (Уладзіслаў Казіміравіч) (29.11.1864–02.01.1924), Верхнядзвінскі раён, Дзёрнавіцкі с/с, былы маёнтак Фартун (Фартунава).

Палкоўнік (23.11/06.12.1910) Рускай Імператарскай арміі – тытулярны генерал брыгады (23.10.1923) Войска Польскага.

Узнагароды: ордэны Святога Уладзіміра IV ступені (з мячамі і бантам; 1904), Святой Ганны II (з мячамі; 1905), III (з мячамі і бантам; 1904) і IV (1901) ступеней, Святога Станіслава II (з мячамі; 1905) і III (з мячамі і бантам; 1901) ступеней.

Скончыў Полацкі кадэцкі корпус, 2-е ваеннае Канстанцінаўскае вучылішча. З 1884 па 1918 г. – у РІА, з 1919 па 1921 г. – у ВП. Удзельнік паходу ў Кітай (1901), руска-японскай вайны (1904–1905).

З лютага 1919 г. служыў у Галоўным інтэнданцтве ВП, затым быў пераведзены ў вайсковы рэзерв. Займаў пасады каменданта Ковельскага, Грубешаўскага, Дубенскага паветаў, каменданта ў гарадах Корасцень, Паворск, Тамашаў. У час савецка-польскай вайны – начальнік тылу 3-й арміі, затым камендант г. Замосце, начальнік аператыўнай групы «Шчабжэзын». У далейшым – камендант Лідскага, Аўгустоўскага, Дзісенскага паветаў. З мая па кастрычнік 1921 г. – у службе тылу 2-й арміі.

Чэрнуў (Чарноў) Апалоніюш (03.01.1929–01.02.2018), Браслаўскі раён, Відзскі с/с, былая в. Даведзіны.

Генерал брыгады (05.11.1978) Войска Польскага. Доктар ваенных навук (1977).

Узнагароды: ордэны Адраджэння Польшчы 4-га і 5-га класаў, залаты Крыж Заслугі.

У красавіку 1940 г. быў дэпартаваны разам з маці ў Казахскую ССР, дзе працаваў трактарыстам у калгасе. У час Вялікай Айчыннай вайны рана страціў маці. У чэрвені 1946 г. выехаў у Польшчу. Уладкаваўся працаваць на цукровым заводзе ў г. Мыслібуж і адначасова працягнуў перарваную вучобу. Праз тры гады скончыў фізіка-матэматычны ліцэй.

З 1949 па 1991 г. – у ЛВП/ВП. Скончыў Афіцэрскую авіяцыйную школу (ААШ; 1949) у Дэмбліне, Акадэмію Генштаба (1956), паслядыпломныя аперацыйна-стратэгічныя курсы пры Акадэміі Генштаба (1969).

З 1951 г. – інструктар пілатажу ў ААШ у Радаме. У 1953 г. і з 1956 г. – на камандных пасадах у часцях Ваенна-паветраных сіл. З 1961 па 1968 г. – старшы штурман ВПС. З 1969 г. – намеснік начальніка штаба ВПС, з 1972 г. – намеснік камандзіра 3-га корпуса ВПС, а з 1976 г. – зноў намеснік начальніка штаба ВПС. З 1977 г. – камандзір 3-га корпуса ВПС. З 2 студзеня 1986 г. па 2 лютага 1990 г. – ваенны аташэ пры Пасольстве ў СССР. З 1990 г. – памочнік міністра нацыянальнай абароны. Жыў у Варшаве, дзе пахаваны на вайсковых могілках у Павонзках.

Шыманоўскі Пётр Віктаравіч (01.08.1858–17.11.1926), г. Віцебск.

Генерал-маёр (14.08.1910) Рускай Імператарскай арміі – тытулярны генерал дывізіі Войска Польскага (26.12.1923).

Узнагароды: ордэны Святога Уладзіміра III ступені (25.10.1915), Святой Ганны II (1899) і III (?) ступеней, Святога Станіслава II (1892) і III (?) ступеней.

З 1875 па 1910 г. і з 1914 па 1917 г. – у РІА. Скончыў Арлоўскі Бахціна кадэцкі корпус

(1875), Нікалаеўскае кавалерыйскае вучылішча (1877), афіцэрскую кавалерыйскую школу (1878).

З 1907 г. – камандзір 11-га гусарскага Ізюмскага Яго Каралеўскай Высокасці Прынца Генрыха Прускага палка. З пачаткам Першай сусветнай вайны – начальнік 104-й брыгады дзяржаўнага апалчэння.

Адзін з арганізатараў польскіх добраахвотных часцей пры рускай арміі ў процівагу Польскім легіёнам пры аўстра-венгерскай арміі. Асабіста арганізаваў Пулаўскі легіён. Быў кіраўніком рэкруцкага бюро для палякаў Расіі і скарбнікам Арганізацыйнага камітэта Польскіх легіёнаў, што фарміраваліся з 1915 г. З ліпеня 1915 г. па красавік 1916 г. – камандзір брыгады польскіх стралкоў.

Са снежня 1918 г. – у Войску Польскім: начальнік зборнага пункта для афіцэраў. З 01.04.1921 – у адстаўцы ў званні генерал-падпаручніка. Жыў у Варшаве, дзе і пахаваны.

У дакладзе выкарыстаны матэрыялы БД «Первая мировая война. 1914–1918», дакументы і ўліковыя запісы БД «Подвиг народа», БД «Русская армия в Первой мировой войне», БД «Офицеры Русской Императорской Армии», БД «Generals.dk», польскай «Вікіпедыі».

ЛІТАРАТУРА

1. **Ендржеевский** Владислав Антонович [Электронный ресурс] // Русская армия в Первой мировой войне. – Режим доступа: http://www.grwar.ru/persons/person/6748. – Дата доступа: 12.09.2021.

2. **Зарака-Заракоўскі** Баляслаў Францавіч // Памяць : Полацк : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.] ; склад. С. С. Чарняўская ; навук. рэд.: Г. В. Штыхаў, С. В. Тарасаў ; мастак Э. Э. Жакевіч. – Мінск : БелЭн, 2002. – С. 422.

3. **Зарака-Заракоўскі** Баляслаў Францавіч / Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.] ; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск : БелЭн, 1996. – Т. 3 : Гімназія – Кадэнцыя. – С. 407.

4. **Зарако-Зараковский** Болеслав Францевич / Б. Д. Долготович // Военачальники земли белорусской : энцикл. спр. – Минск : БелЭн, 2005. – С. 141.

5. **Зарако-Зараковский** Болеслав Францевич // Великая Отечественная. Комдивы : воен. биогр. слов. : [в 5 т.] / под общ. ред. В. П. Горемыкина. – Москва : Кучково поле, 2014. – Т. 3 : Командиры стрелковых, горнострелковых дивизий, крымских, полярных, петрозаводских дивизий, дивизий ребольского направления, истребительных дивизий (Абакумов – Зюванов). – С. 311–313.

6. **Петровский** Степан Фёдорович / Б. Д. Долготович // Военачальники земли белорусской : энцикл. спр. – Минск : БелЭн, 2005. – С. 148.

7. **Петровский** Степан Фёдорович // Великая Отечественная. Комдивы : воен. биогр. слов. : [в 5 т.] / под общ. ред. В. П. Горемыкина. – Москва : Кучково поле, 2015. – Т. 4 : Командиры стрелковых, горнострелковых дивизий, крымских, полярных, петрозаводских дивизий, дивизий ребольского направления, истребительных дивизий (Ибянский – Печененко). – С. 1196–1198.

8. **Пятроўскі** Сцяпан Фёдаравіч // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. / рэдкал.: П. У. Броўка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1975. – Т. 8 : Паддубнікі – Рабкі. – С. 663–664.

9. **Пятроўскі** Сцяпан Фёдаравіч // Памяць : Верхнядзвінскі раён : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі : у 2 кн. / рэдкал.: У. С. Богаў [і інш.] ; уклад. А. Ф. Бубала ; мастак Э. Э. Жакевіч. – Мінск : Паліграфафармленне, 2000. – Кн. 2. – С. 41.

10. **Савченко** Емельян Григорьевич / Б. Д. Долготович // Военачальники земли белорусской : энцикл. спр. – Минск : БелЭн, 2005. – С. 126.

11. **Саўчанка** Емяльян Рыгоравіч // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. / рэдкал.: П. У. Броўка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1973. – Т. 9 : Рабкор – Сочы. – С. 374.

12. **Саўчанка** Емяльян Рыгоравіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.] ; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск : БелЭн, 2001. – Т. 6, кн. 1 : Пузелі – Усая. – С. 233.

13. **Хелховский** Владислав Казимирович [Электронный ресурс] // Русская армия в Первой мировой войне. – Режим доступа: http://www.grwar.ru/persons/person/10244. – Дата доступа: 12.09.2021.

Гайдукоў К.П. *(г. Віцебск)*

ЗАСЛУЖАНЫ ПІЛОТ СССР ВІКТАР МАРКАВІЧ КУПАЛА

«Заслужаны пілот СССР» – гэта ганаровае званне, якое было ўстаноўлена Указам Прэзідыума Вярхоўнага Савета СССР ад 30 верасня 1965 г. Гэта званне прысвойвалася пілотам 1-га класа з лётнага саставу грамадзянскай авіяцыі Савецкага Саюза за асаблівыя заслугі ў асваенні сучаснай авіяцыйнай тэхнікі, прымяненне найбольш дасканалых метадаў самалётаваджэння, высокія паказчыкі ў выхаванні і навучанні лётных кадраў, шматгадовую безаварыйную лётную працу і за выдатныя дасягненні па прымяненні авіяцыі ў народнай гаспадарцы краіны.

Першы Указ аб прысваенні гэтага высокага звання быў падпісаны 16 жніўня 1966 г. У спісе першых 27 заслужаных пілотаў значылася імя нашага земляка Віктара Маркавіча Купалы.

Ён нарадзіўся 1 (па новым стылі 14) чэрвеня 1914 г. у в. Селішча Высоцкай воласці Аршанскага павета Магілёўскай губерні (цяпер – у складзе Высоцкага с/с Аршанскага раёна Віцебскай вобласці) у шматдзетнай сялянскай

сям'і. Бацька, Марк Фаміч, быў пісьменным (скончыў тры класы царкоўнапрыходскай школы), працавітым і таму паважаным у вёсцы чалавекам, які займаўся цяслярскай справай. Менавіта яго вяскоўцы абралі старшынёй камітэта сялянскай беднаты (камбеда), а пазней старшынёй сельсавета пасля ўсталявання савецкай улады ў павеце. Маці, Дар'я Ермалаеўна, шчыравала ў дамашняй гаспадарцы, гадуючы семярых дзяцей, а з пачаткам калектывізацыі ўступіла ў мясцовы калгас.

З дзевяці гадоў Віктар дапамагаў бацькам весці гаспадарку – пасвіў жывёлу, працаваў на зямлі. Ён цягнуўся да ведаў і скончыў школу 1-й ступені ў в. Высокае, а затым няпоўную сярэднюю (сямігадовую) школу ў г. Оршы. У 1928 г. паступіў і праз тры гады скончыў Аршанскі аўтадарожны тэхнікум (цяпер не існуе), дзе атрымаў спецыяльнасць «аўтамеханік-шафёр», па якой працаваў пры тэхнікуме да 1932 г. Прымаў актыўны ўдзел у камсамольскай рабоце.

У 1932 г. па накіраванні Аршанскага гаркама ЛКСМБ паступіў у 2-ю авіяцыйную школу пілотаў і авіятэхнікаў Грамадзянскага Паветранага Флоту (ГПФ) СССР у расійскім Тамбове. У 1935 г. паспяхова скончыў навучанне і атрымаў кваліфікацыю «пілот грамадзянскай авіяцыі». Пазней, згодна з Пастановай ЦВК і СНК СССР ад 22 верасня 1935 г., як ваеннаабавязаны атрымаў персанальнае воінскае званне «лейтэнант». Быў накіраваны на працу ва Уральскае ўпраўленне ГПФ (уваходзіла ў склад Галоўнага ўпраўлення ГПФ пры Савеце Народных Камісараў (з 1946 г. Савет Міністраў СССР)) у г. Уфе і залічаны ў 9-ты лётны атрад. На самалёце-біплане По-5 перавозіў пошту і разнастайныя народнагаспадарчыя грузы. У пачатку 1938 г. быў накіраваны ў Батайскую школу грамадзянскай авіяцыі (Растоўская вобласць, РСФСР), дзе засвоіў пілатаванне груза-пасажырскага біплана Р-5 і манаплана ПС-40 (пасажырская версія АНТ-40). У тым жа годзе паспяхова скончыў курсы павышэння кваліфікацыі і атрымаў накіраванне ў Заходнесібірскае ўпраўленне грамадзянскай авіяцыі ў г. Омску, дзе быў залічаны ў начны лётны атрад.

На першай у Савецкім Саюзе начной паштовай лініі абслугоўваў участак Краснаярск – Свярдлоўск. У пачатку 1939 г. атрымаў кваліфікацыю пілота 2-га класа і быў пераведзены на працу ў Новасібірскі аэрапорт. Лятаў на пасажырскіх самалётах ПС-9 (ён жа АНТ-9), ПС-40, на паштовым самалёце ПС-41 (грамадзянская версія бамбардзіроўшчыка СБ біс 2). З пачаткам савецка-фінляндскай вайны (снежань 1939 г. – сакавік 1940 г.) быў прызваны на службу ў Чырвоную армію. На самалёце СБ (ваенная версія АНТ-40) лятаў па абслугоўванні сувязі дзеючых франтоў – на Мурманскім, Петразаводскім і Ухцінскім напрамках. Пасля заканчэння вайны вярнуўся да працы ў Новасібірскім аэрапорце.

З набліжэннем ваеннай пагрозы з боку гітлераўскай Германіі ў сакавіку 1941 г. пачалася скрытая мабілізацыя ў краіне. У тым жа месяцы Віктар Маркавіч Купала як камандзір запасу быў прызваны на службу ў Ваенна-

паветраныя сілы (ВПС) Чырвонай арміі і накіраваны на службу ў 212-ты далёкабамбардзіровачны авіяцыйны полк (ДБАП; базіраваўся ў г. Смаленску) у складзе 42-й далёкабамбардзіровачнай авіяцыйнай дывізіі. Аснову палка склалі грамадзянскія пілоты, якія мелі вопыт палётаў у складаных метэаралагічных умовах і ў начны час, што было вырашальным пры назначэнні на камандныя пасады ў бамбардзіровачнай авіяцыі. Да пачатку Вялікай Айчыннай вайны ў чэрвені 1941 г. полк быў поўнасцю падрыхтаваны да вядзення баявых дзеянняў і з першага яе дня распачаў баявую працу.

У ноч на 23 чэрвеня 1941 г. камандзір экіпажа 5-й эскадрыллі лейтэнант Купала на самалёце ДБ-3 паспяхова выканаў баявое заданне па бамбардзіроўцы баявой тэхнікі праціўніка ў раёне Варшавы. 24 чэрвеня ён вылецеў зноў на заданне. Пазней Віктар Маркавіч так апісваў свой другі вылет:

«В первый день войны полк был в бою, получив боевое крещение. Первый день экипажи полка выполнили боевые задания успешно, без потерь. 23 июня в связи с прорывом фронта бронетанковыми частями немцев в брестском направлении нам и другим частям ВВС был дан приказ выполнить массированный налет на силы противника.

Немцы бросили против наших самолетов много истребителей. В воздушном бою под Брестом (район Кобрина) мой штурман сбил Мессершмитт-109. Нас атаковали еще два Мессершмитта и сумели поджечь нам левую силовую установку. Загорелся бензин из разбитых баков. Я дал команду экипажу покинуть самолет на парашютах. Штурман Токарев и я спаслись, радист и стрелок погибли от огня истребителей врага. Я немного обгорел, спас меня затяжной прыжок с парашютом. Еще в самолете получил тяжелое ранение левого плеча. Штурман на земле сделал перевязку своим нательным бельем. Выбирались по болоту. В итоге трудного пути (телега, поезд, самолет) с ранением я был доставлен в Москву. После выздоровления прибыл в свой полк…»

Паранены лётчык праходзіў курс лячэння і рэабілітацыі ў Першым Маскоўскім камуністычным ваенным шпіталі ў Ляфортаве (цяпер – Галоўны ваенны клінічны шпіталь імя М.Н. Бурдэнкі). Не далячыўшыся, з адкрытай ранай рукі, ён вярнуўся ў свой полк, які тым часам перадыслацыраваўся ў г. Ялец Арлоўскай вобласці РСФСР, і са жніўня 1941 г. працягнуў баявую працу. У надзвычай складаных умовах ашаламляльнай перавагі праціўніка вадзіў самалёт на бамбардзіроўку камунікацый і мотамеханізаваных калон праціўніка на найбольш небяспечных участках фронту. Усяго зрабіў 17 баявых вылетаў, у тым ліку 9 начных. Характарызаваўся як адважны і смелы лётчык, які добра вывучыў тактыку знішчальнай авіяцыі праціўніка. За поспехі ў баявой працы камандзірам палка прадстаўляўся да ўзнагароджання ордэнам Леніна, але прадстаўленне не было рэалізавана з-за пазнейшага выбыцця з часці. У снежні 1941 г. 212-ты ДБАП быў выведзены ў тыл і звернуты на фарміраванне 748-га ДБАП, пасля чаго баявая праца для лётчыка Купалы скончылася. Неўзабаве ён перанёс цяжкую аперацыю, якая аказала-

ся няўдалай. Медыцынскай камісіяй быў прызнаны нягодным да воінскай службы і 25 сакавіка 1942 г. звольнены з радоў Чырвонай арміі.

Вярнуўся да сям'і ў Новасібірск. Неаднаразова звяртаўся ў ваенкамат з просьбай аб адпраўцы на фронт і праз пэўны час дамогся вяртання на службу ў Чырвоную (з 25.02.1946 – Савецкую) армію. Атрымаў дазвол на ваджэнне транспартных самалётаў. У званні капітана служыў камандзірам транспартнага атрада 9-га перагоначнага авіяцыйнага палка ў ВПС Заходнесібірскай ваеннай акругі. Зарэкамендаваў сябе як высокакваліфікаваны лётчык, які шчыра і добрасумленна ставіўся да выканання службовага абавязку. Па стане на лістапад 1945 г. меў больш за 6 тыс. гадзін агульнага налёту. Актыўна займаўся фізічнай культурай і аднавіў падарванае вайной здароўе. Па новым рашэнні медыцынскай камісіі быў прызнаны годным да палётаў на самалётах любога тыпу.

23 сакавіка 1946 г. у званні маёра быў звольнены з радоў Савецкай арміі і вярнуўся да мірнай працы ў Заходнесібірскім упраўленні грамадзянскай авіяцыі. За кароткі час прайшоў шлях ад пілота-інструктара да начальніка лётна-тэхнічнага атрада. Лятаў на самалёце ПС-84, больш вядомым як Лі-2. У 1956 г. скончыў гадавыя курсы ўдасканальвання сярэдняга і вышэйшага начальніцкага саставу Грамадзянскай авіяцыі ў Ленінградзе, пасля чаго працягнуў працаваць у тым жа ўпраўленні начальнікам штурманскага аддзела. Прымаў актыўны ўдзел у пераводзе тэхнічнага парка на новы тып самалётаў з рэактыўнымі рухавікамі. У 1957 г. прайшоў навучанне ваджэнню найноўшага пасажырскага самалёта ТУ-104.

12 ліпеня 1957 г. – адметная дата ў гісторыі савецкай грамадзянскай авіяцыі. У гэты дзень лётчыкам быў выкананы на ТУ-104 першы ў краіне рэгулярны рэйс па маршруце Новасібірск – Свярдлоўск – Масква. На борце самалёта знаходзіліся 50 пасажыраў. За штурвалам гэтага хуткаснага лайнера быў вопытны лётчык Віктар Маркавіч Купала, які тым самым зняў узроставыя абмежаванні (пілатаваць рэактыўныя самалёты дазвалялася лётчыкам не старэй за 35 гадоў) і адкрыў дарогу многім іншым лётчыкам, якія жадалі асвоіць рэактыўную авіяцыю. Ён вярнуўся да лётнай работы, арганізаваў і на працягу 18 гадоў узначальваў 204-ты лётны атрад рэактыўных самалётаў. Дарэчы, 12 ліпеня 1957 г. таксама лічыцца датай нараджэння Новасібірскага міжнароднага аэрапорта «Талмачова», цяпер найбуйнейшага ў Сібіры.

Віктар Маркавіч паспяхова сумяшчаў абавязкі камандзіра атрада і камандзіра лётнага экіпажа. Першым у Заходняй Сібіры (у 1963 г.) ён перасягнуў рубеж у 5 млн агульных гадзін налёту. Дасканала засвоіў ваджэнне розных тыпаў пасажырскіх рэактыўных самалётаў, актыўна навучаў маладых пілотаў рабоце на гэтай складанай тэхніцы. Змястоўныя веды і найбагацейшы досвед ахвотна і настойліва перадаваў падначаленым, ад якіх неадменна патрабаваў высокай дысцыпліны і творчага падыходу да справы. Падкрэ-

сліваў: «*Безнадежных ситуаций ни у кого никогда не бывает, а у пилотов гражданской авиации тем более. Ищи, думай, пробуй! Самое главное – тщательная подготовка к любому рейсу. Пусть даже ты уже сотни раз прошел по этому маршруту, пусть штурман может о нем рассказать в стихах, ты все равно должен быть готов к любой неожиданности*». Вынікам добрасумленнага падыходу да выканання сваіх абавязкаў кожным членам атрада, якім камандаваў В.М. Купала, была адсутнасць выпадкаў аварыйных сітуацый па віне лётнага саставу. За асаблівыя заслугі ў асваенні сучаснай авіяцыйнай тэхнікі і шматгадовую безаварыйную лётную працу Віктар Маркавіч быў адзначаны ў 1966 г. ганаровым званнем «Заслужаны пілот СССР».

Толькі ў 1977 г. ён пакінуў лётную справу і перайшоў на пасаду начальніка лётна-метадычнага цэнтра пры вучэбна-трэніровачным атрадзе ў Заходнесібірскім упраўленні грамадзянскай авіяцыі (з 1964 г. – у структуры Міністэрства грамадзянскай авіяцыі СССР). У 1979 г. выйшаў на заслужаны адпачынак і пераехаў на жыхарства ў Віцебск. Праз год вярнуўся ў грамадзянскую авіяцыю. Працаваў начальнікам штаба лётнай эскадрыллі пры аэрапорце Віцебск у складзе Беларускага ўпраўлення грамадзянскай авіяцыі. Толькі ў 1987 г. канчаткова выйшаў на заслужаны адпачынак і пераехаў на жыхарства ў сталіцу Беларускай ССР (цяпер – Рэспублікі Беларусь) горад-герой Мінск. Жыў у мікрараёне Сокал (Кастрычніцкі раён). Вёў актыўную патрыятычную работу сярод дзяцей і моладзі. Прымаў актыўны ўдзел у грамадскім жыцці як дэпутат раённага Савета дэпутатаў, шмат зрабіў для добраўпарадкавання мікрараёна Сокал.

Памёр 17 лютага 2012 г.

Палкоўнік запасу. Заслужаны пілот СССР (16.08.1966). Кавалер ордэнаў Леніна (двойчы), Айчыннай вайны I і II ступеней, Дружбы народаў, Чырвонай Зоркі (двойчы), медалёў «За баявыя заслугі», «За абарону Масквы» і іншых узнагарод. Член калегіі Міністэрства грамадзянскай авіяцыі СССР.

У заключэнне хацелася б прыгадаць імёны яшчэ двух вядомых ураджэнцаў вобласці, якія былі ўшанаваны ганаровым званнем «Заслужаны пілот СССР». Гэта:

Андрэйчык Міхаіл Васілевіч (24.01.1932), ураджэнец вёскі Андрэйчыкі Ушацкага раёна. Заслужаны пілот СССР (04.02.1983). Камандзір Валгаградскага аб'яднанага авіяатрада ГПФ.

Семянкоў Аляксей Іванавіч (02/15.03.1915–16.11.2000), ураджэнец былой в. Цесалы Гарадоцкага раёна. Герой Расійскай Федэрацыі (26.01.1998). Заслужаны пілот СССР (16.08.1966). Кавалер ордэнаў Леніна (двойчы), Кастрычніцкай Рэвалюцыі, Чырвонага Сцяга (двойчы), Аляксандра Неўскага, Айчыннай вайны I ступені (двойчы), Чырвонай Зоркі (тройчы) і шматлікіх медалёў. Генерал-лейтэнант авіяцыі. У 1970–1975 гг. – першы намеснік міністра грамадзянскай авіяцыі, затым першы намеснік старшыні Дзяржаўнай камісіі авіянагляду пры Савеце Міністраў СССР.

ЛІТАРАТУРА

1. **«В воздушном** бою под Брестом…» [Электронный ресурс] // Живой журнал. – Режим доступа: https://s7-direct-line.livejournal.com/181809.html. – Дата доступа: 26.08.2016.

2. **Ведомости** Верховного Совета СССР. – 1965. – № 40. – С. 585–586 ; 1966. – № 34. – С. 795–796.

3. **Купало** Виктор Маркович. Данные с учетно-послужной картотеки [Электронный ресурс] // Память народа. – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/kld-card_uchet_officer9972191 /. – Дата доступа: 31.10.2021.

4. **Купало** Виктор Маркович. Наградной лист в архивном банке документов (архивные материалы ЦАМО РФ. – Ф. 33. Оп. 690306. Д. 2087). – Режим доступа: http://podvignaroda.ru/?#id=43806352&tab=navDetailDocument. – Дата доступа: 31.10.2021.

5. **Купало** Виктор Маркович. Учетная карточка в архивном банке документов [Электронный ресурс] // Подвиг народа. – Режим доступа: http://podvignaroda.ru/?#id=1375721773&tab=navDetailManCard/. – Дата доступа: 31.10.2021;

6. **Купало** Виктор Маркович [Электронный ресурс] // Государственное учреждение образования «Средняя школа № 194 г. Минска». – Режим доступа: http://sch194.minsk.edu.by/ru/main.aspx?guid=45171/. – Дата доступа: 26.08.2016.

7. **Подвиг** народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. [Электронный ресурс] // Подвиг народа. – Режим доступа: http://podvignaroda.ru/?#tab=navHome. – Дата доступа: 31.10.2021.

Гонтараў Д.М. *(в. Багатырская, Полацкі раён)*

УРАДЖЭНЦЫ ВІЦЕБШЧЫНЫ Ў ПОЛЬСКІХ ЗЛУЧЭННЯХ БРЫТАНСКАЙ АРМІІ НА ФРАНТАХ ДРУГОЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ

Жыхары Беларусі доўгі час нічога не ведалі пра лёс сваіх суайчыннікаў з Другога польскага корпуса і Першай польскай асобнай паветрана-дэсантнай брыгады. Сёння ў Рэспубліцы Беларусь ужо няма ніводнага ветэрана ўзброеных сіл саюзнікаў на Захадзе. Аднак ёсць унікальныя артэфакты і ўзнагароды, гісторыі беларускіх жаўнераў польскага войска, якія ўдзельнічалі ў бітве пад Монтэ-Касіна і аперацыі «Маркет – Гардэн». Усё гэта – неад'емная частка вайсковай мінуўшчыны Беларусі.

Мэта работы: узнаўленне імёнаў і ўсведамленне гераічнага лёсу ўраджэнцаў Віцебшчыны, якія ўдзельнічалі ў барацьбе з нацызмам у складзе польскіх злучэнняў армій саюзнікаў на франтах Другой сусветнай вайны.

Армія Андэрса фарміравалася ў Савецкім Саюзе ў 1941 г. з польскіх ваеннапалонных і іншых грамадзян міжваеннай Польскай рэспублікі, вызваленых з савецкіх лагераў [1, с. 28].

Паколькі Заходняя Беларусь і Заходняя Украіна да 1939 г. уваходзілі ў склад польскай дзяржавы, у дадзенае злучэнне трапіла шмат беларусаў і ўкраінцаў. У арміі Андэрса ваявала каля 8 тыс. беларусаў, у тым ліку і выхадцы з Віцебскага краю.

Забеспячэнне арміі Андэрса (2-га польскага корпуса) ажыццяўлялася як савецкім урадам (прадукты харчавання і ўзбраенне), так і брытанцамі (экіпіроўка). Амаль усе польскія фарміраванні выкарыстоўвалі ў якасці абмундзіравання форму брытанскіх узброеных сіл.

Корпус быў накіраваны на прарыў абарончай лініі «Густаў», якая закрывала падыходы да Рыма. Перад воінскім злучэннем была пастаўлена задача авалодаць стратэгічнай вышынёй каля манастыра Монтэ-Касіна [2, с. 51]. У гэтай бітве корпус панёс самыя вялікія страты. Усе, хто змагаўся на полі бою, сталі кавалерамі Памятнага крыжа Монтэ-Касіна – узнагароды для ўдзельнікаў бітвы [3, с. 69].

Падчас даследавання мы прыйшлі да высновы, што 28 выхадцаў з Віцебшчыны загінулі ў бітве пад Монтэ-Касіна.

У 1946–1950 гг. каля тысячы чалавек, дэмабілізаваных з брытанскай арміі, вярнуліся ў БССР. Так, напрыклад, удзельнік бітвы пад Монтэ-Касіна, ураджэнец Мёршчыны ***Уладзімір Міклушонак*** вярнуўся да сям'і толькі ў 1948 г. Доўга працаваў у калгасе, зведаў горыч сталінскіх рэпрэсій.

У гады Другой сусветнай вайны нашы суайчыннікі змагаліся з нацыстамі ў радах Першай польскай асобнай паветрана-дэсантнай брыгады; трое з іх паходзілі з Віцебшчыны і ўдзельнічалі ў аперацыі «Маркет – Гардэн» у 1944 г. Узгадаем імёны некаторых вайскоўцаў – ураджэнцаў Прыдзвіння, што загінулі падчас гэтага манеўру:

1. Старшы стралок **Станіслаў Копец**, ураджэнец Браслаўшчыны.
2. Стралок роты сувязі **Максім Шыляк**, выхадзец з Докшыцкага краю.
3. Сапёр **Антоній Галай**, малая радзіма якога – Лепельшчына.
4. Стралок **Уладзіслаў Хамянок** з Полаччыны.

1 верасня 2019 г. у г. Мёры Віцебскай вобласці адбылося адкрыццё мемарыяльнай дошкі ў памяць пра беларусаў у арміі Андэрса. Гэта падзея была прымеркавана да ўганаравання воінаў-землякоў, якія ваявалі супраць нямецкіх захопнікаў у складзе баявых злучэнняў брытанскай арміі на Заходнім фронце (1939–1945).

Сённяшнім беларусам варта разумець, што лёс гэтых людзей – важная і неад'емная старонка вайсковай гісторыі Беларусі. Нам трэба памятаць усіх тых, хто паклаў сваё жыццё на алтар перамогі над нацызмам [4, с. 3].

У выніку працы намі былі ўзноўлены 39 імён ураджэнцаў Віцебшчыны ў польскіх злучэннях брытанскай арміі ў барацьбе з нацызмам у гады Другой сусветнай вайны і складзены спіс з загінуўшых 28 чалавек у бітве пад Монтэ-Касіна.

Сабраная інфармацыя пра землякоў у Другім польскім корпусе і Першай польскай асобнай паветрана-дэсантнай брыгадзе ў складзе брытанскіх

узброеных сіл у гады Другой сусветнай вайны была ўпарадкавана ў форме мультымедыйнага рэсурсу, які створаны ў праграме Microsoft Power Point.

ЛІТАРАТУРА

1. **Грыбоўскі, Ю. В.** Беларусы ў бітве за Монтэ-Касіна : артыкулы, дакументы / Ю. В. Грыбоўскі. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2004. – 121 с. : іл.

2. **Зямчонак, І.** Ваколіцы Парыжа: старонкі гісторыі Пастаўскага Паазер'я / І. Зямчонак. – Гродна : Ратуша, 2004. – 104 с. – (Мястэчкі даўняй Віленшчыны).

3. **Зямчонак, І.** Мястэчка пры гасцінцы: старонкі гісторыі Варапаева і бліжэйшых населеных пунктаў / І. Зямчонак. – Мінск : Беларусь-Інфарм-Сэрвіс, 1995. – 136 с.

4. **Мельнікаў, І. В.** Забытыя героі: жаўнеры з Беларусі ў Другім польскім корпусе і Першай польскай асобнай паветрана-дэсантнай брыгадзе / І. В. Мельнікаў. – Мінск : Альфа-кніга, 2017. – 127 с.

Даниленко С.Н. *(г. Могилев)*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ НА ТЕРРИТОРИИ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX в.

В начале XIX в. в Российской империи был проведен целый ряд образовательных реформ, направленных на формирование унифицированной школьной системы. Одним из таких мероприятий было создание светских учебных заведений – народных училищ.

Основание и деятельность народных училищ на территории Витебской губернии имели ряд особенностей. 29 января 1794 г. было торжественно открыто Витебское народное училище. В это время Витебск был уездным городом Полоцкой губернии, и согласно Уставу 1786 г. в нем полагалось создание малого народного училища. Однако белорусский генерал-губернатор Петр Богданович Пассек предложил Комиссии об учреждении училищ открыть в Витебске не малое двухклассное народное училище, а большое четырехклассное. В письме, адресованном Комиссии об учреждении училищ, П.Б. Пассек сообщал, что «в городе Витебске желающих обучаться малолетних детей состоит до двухсот человек» [2, с. 109]. Комиссия об учреждении училищ, «видев особливое рачение оного г. генерал-губернатора в распространении столь полезных государству заведений и отдавая оному достодолжную честь и справедливость», пошла навстречу просьбе П.Б. Пассека и разрешила открытие в Витебске четырехклассного училища [2, с. 109]. В город над Двиной были направлены подготовленные в Петербургской учительской семинарии педагоги «с нужными для того книгами и другими пособиями» [2, с. 109]. Первыми учителями Витебского четырехклассного училища стали: Семен Карпилович, преподававший арифметику, геометрию,

механику, гражданскую архитектуру, физику, латинский и российский языки в 3-м и 4-м классах; Кирилл Сохович – учитель географии, политической и естественной истории в 3-м и 4-м классах; Трофим Мартынович – учитель всех предметов 2-го класса; Владимир Сохович – учитель всех предметов 1-го класса и рисования. Однако ожидания П.Б. Пассека не оправдались. В первый год работы Витебского народного училища в нем обучались всего 27 человек.

В конце 1796 г. Полоцкая и Могилевская губернии были объединены в одну Белорусскую с назначением губернским городом Витебска. В связи с этим с 1 мая 1797 г. четырехклассное училище в Витебске стало главным народным училищем.

Повышение статуса Витебского народного училища не повлияло на увеличение числа желающих в нем обучаться, а, наоборот, происходит резкое снижение количества учеников. В связи с этим в 1798 г. губернатор Белорусской губернии Семен Семенович Жегулин направил в Комиссию об учреждении училищ специальное отношение, в котором указал на необходимость закрытия двух старших классов в Витебском главном народном училище. Свое предположение С.С. Жегулин объяснял тем, что «число учеников в высших двух классах столь мало, что сумма, издерживаемая на содержание тех классов учителей, употребляется вотще: ибо в 3-м классе состоят только два, а в четвертом ни одного ученика; да и во втором находится двое же». Малочисленность учеников в Витебском народном училище негативно сказывалась на профессиональной деятельности учителей учебного заведения. Как свидетельствовал С.С. Жегулин: «Учителя тех классов, хотя и получают определенное им жалованье, но пребывают в праздности и, теряя время без пользы общественной, скучают сами жребием своим» [3, с. 154].

Малое число учеников старших классов губернатор обосновывал религиозным фактором, а именно «по причине общей всех здешних обывателей к религии униатского закона приверженности» [3, с. 154]. В качестве положительного примера С.С. Жегулин приводил Могилев, в котором «все почти обыватели – благочестивые, пекутся о воспитании детей своих, отдавая охотно для учения в состоящие там училища» [3, с. 154]. Исходя из этого, глава губернии предложил после ликвидации старших классов в Витебском народном училище «Могилевское же большое утвердить главным Белорусским» [3, с. 154–155].

После рассмотрения отношения С.С. Жегулина Комиссией об учреждении училищ было принято решение сохранить старшие классы Витебского главного народного училища, несмотря на все приведенные против этого аргументы. Примечательно, что в ответе белорусскому губернатору Комиссия не преминула напомнить о роли личности губернатора в деле народного просвещения. В ответе говорилось, что «чрез содействие его, г. губернатора, яко попечителя о просвещении народном, единственно для пользы оного

устроенном, те классы не будут оставаться впраздне, зная при том из опытов, что вкус к наукам не вдруг, но временем приобретается; без поддержания же оного со стороны начальства, не уповательно, чтобы приращение в науках могло само по себе возникнуть, а тем менее распространиться» [3, с. 155].

В конце XIX в. материальное положение Витебского народного училища, как и других училищ края, существенно ухудшилось. Все чаще в Комиссию об учреждении народных училищ стали поступать обращения о недостаточном финансировании городскими думами учебных заведений. На 1 января 1801 г. Витебская городская дума не доплатила Белорусскому приказу общественного призрения 4838 руб. 64 коп. Директор училищ Белорусской губернии С.В. Цветковский в донесении сообщал, что «чины и служители школьные не только расходных и, за неимением особого для школы дома, квартирных денег, но и жалованья в надлежащее время и в положенном количестве не получают» [4, с. 195]. Учитель Витебского главного училища К.А. Канаровский-Сохович сообщал в Комиссию об учреждении народных училищ, что за восемь лет существования училища еще ни разу городская дума не вносила денежные суммы на содержание библиотеки и прочие учебные пособия, что было предусмотрено уставом 1786 г. (всего накопилось около 3 тыс. руб.). По словам К.А. Канаровского-Соховича, суммы, предусмотренные на содержание библиотеки и покупку других пособий, присваивал местный городовой «на прочие надобности» [4, с. 195].

В 1803 г. была проведена очередная инспекция училищ Витебской губернии, по результатам которой было принято решение, согласно которому народные училища Витебской губернии «имеют остаться на особенном содержании» [5, с. 25].

Вскоре Виленский университет, которому с 1803 г. подчинялись все учебные заведения белорусских губерний, разработал и утвердил «Предначертание штата открытых училищ в белорусских губерниях». В соответствии с данным документом штат Витебского главного народного училища должен был состоять из директора училища, учителей первого, второго, третьего и четвертого классов, российского и немецкого языков, а также рисования.

С 1802 г. Витебское народное училище и все училища Витебской губернии возглавлял титулярный советник К.А. Канаровский-Сохович. Он обладал высоким для того времени уровнем образования. Окончил Переяславскую духовную семинарию, Киевскую академию и Санкт-Петербургскую учительскую семинарию. После окончания последней в 1793 г. он был определен учителем исторических наук в Витебское народное училище. По наблюдениям визитатора Платера, который инспектировал Витебское народное училище в 1808 г., К.А. Канаровский-Сохович совмещал «должность учителя вместе с должностью директора с примерною рачительностью, с пользою для училищ и отменным успехом учеников» [1, с. 413]. Положительно Платер охарактеризовал также работу губернского секретаря Димара-Си-

мановича, который с 1 января 1797 г. преподавал в училище математические и физические науки, российский и латинский языки. Как отмечал Платер: «Нельзя не отдать справедливости способностям сего учителя, хорошему его обращению с учениками и порядочному обучению» [1, с. 413].

К началу XIX в. количество учеников в Витебском главном народном училище значительно увеличилось. Так, в 1808 г. в нем обучался 131 человек, из них 112 мальчиков и 19 девочек.

Витебское народное училище имело небольшую библиотеку, которая состояла из 254 книг на российском языке и 88 – на латинском, французском, немецком, польском и итальянском языках (для сравнения, библиотека Могилевского народного училища насчитывала около 600 изданий) [1, с. 413].

Полоцкое народное училище было торжественно открыто 15 апреля 1789 г. и изначально считалось главным. Однако после того как в 1797 г. Полоцк утратил статус губернского центра, а Витебск приобрел его, высшие классы в Полоцком народном училище были упразднены. С этого времени Полоцкое училище состояло только из двух классов и двух учителей, «из коих один обучает предметам второго класса и рисовать, сверх того некоторым предметам 3 класса за особую плату; другой предметам первого класса» [1, с. 421]. С 1797 г. образовательный процесс в Полоцком народном училище был организован в соответствии с Уставом 1786 г. для малых народных училищ, кроме истории и географии, которые преподавал учитель 2-го класса. Как отмечал визитатор Платер, который посетил Полоцкое народное училище в 1808 г., «оба учителя исполняют должности свои с надлежащей рачительностью» [1, с. 422].

В 1799 г. народные училища были открыты в Велиже и Невеле. Хотя еще в 1788 г. П.Б. Пассек сообщал императрице Екатерине II о возможности открытия на территории Полоцкой губернии народных училищ в Велиже и Невеле. По всей вероятности, сказалось отсутствие подготовленных учительских кадров.

Невельское малое народное двухклассное училище было открыто 19 августа 1799 г. В собственность училищу был отпущен деревянный дом, находящийся «в центре города близ Преображенского монастыря, на крутом берегу реки Еменки», как раз в том месте, где ныне проходит шоссе [6, с. 4].

Первым учителем Невельского училища стал титулярный советник Н. Котловский, который 19 августа 1799 г. и открыл училище, а 1 января 1800 г. был назначен второй, младший учитель – мещанин Петр Белинский [6, с. 4].

Сколько было учеников при открытии училища, в делах никаких сведений не сохранилось, но можно предположить, что их было приблизительно столько же, сколько числилось по ведомости за 1803 г. (с этого года ведутся дела Витебской дирекции народных училищ), т. е. около 38 человек (32 мальчика и 6 девочек) [6, с. 4].

В 1803 г. Невельское народное училище посетил губернатор и нашел в нем порядки «одобрительные» и успехи «доброхвальные», а потому распорядился расширить программу преподавания в Невельском малом народном училище прохождением истории и географии по примеру больших народных училищ, и на эти предметы было добавлено из средств города еще по 300 руб. [6, с. 5].

В 1809 г. училище инспектировал «визитатор из Петербурга», которого встречали с большим торжеством. В присутствии визитатора были проведены экзамены, и он нашел порядки и успехи в училище «похвальными», а потом и «объявил учащим и учащимся свое удовольствие». Кроме того, поручил Котловскому выбрать лучших учеников для зачисления их стипендиатами на казенный счет в Санкт-Петербургскую гимназию [6, с. 6].

В 1819 г. Невельское малое народное училище в соответствии с уставом от 5 ноября 1804 г. было преобразовано в двухклассное уездное училище.

В отличие от различных уездных училищ, Невельское народное училище не испытывало проблем с количеством учеников, в нем никогда не было менее 30 учеников (в среднем число учащихся колебалось от 30 до 49 человек) [6, с. 11]. Сохранилось здание Невельского уездного училища, в котором в настоящее время находится Невельский многопрофильный техникум.

Таким образом, в начале XIX в. на территории Витебской губернии действовали народные училища в Витебске, Полоцке, Велиже и Невеле. После создания Министерства народного просвещения в 1802 г. и опубликования «Устава учебных заведений подведомых университетам» народные училища Витебской губернии перешли в ведение Виленского университета. Учебные предметы, способ их преподавания и распоряжение временем в народных училищах полностью соответствовали Уставу 1786 года. Обучение в народных училищах было доступным всему населению, а сами учебные заведения сохранили всесословный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Выписка** из рапорта члена главного училищ правления камер-юнкера графа Платера, обозревавшего в сем году училища в Могилевской и Витебской губерниях // Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. – [1808?]. – № 21. – С. 399–437.

2. **Об открытии** в Витебске четвероклассного училища // Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из Архива Министерства народнаго просвещения. – Санкт-Петербург : Изд. М-ва нар. просвещения, 1893–. – Т. 1 : Учебныя заведения в западных губерниях до учреждения Виленскаго учебнаго округа, 1783–1803 / введ. И. Корнилова. – 1893. – С. 109–113.

3. **О несогласии** Комиссии училищ на закрытие в г. Витебске двух высших классов главного народного училища // Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из Архива Министерства народнаго просвещения. – Санкт-Петербург : Изд. М-ва нар. просвещения, 1893–. – Т. 1 : Учебныя заведения в за-

падных губерниях до учреждения Виленскаго учебнаго округа, 1783–1803 / введ. И. Корнилова. – 1893. – С. 153–155.

4. **О предложении** Белорусскому приказу общественного призрения изыскать потребные суммы на нужды училищ Белорусской губернии // Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из Архива Министерства народнаго просвещения. – Санкт-Петербург : Изд. М-ва нар. просвещения, 1893–. – Т. 1 : Учебныя заведения в западных губерниях до учреждения Виленскаго учебнаго округа, 1783–1803 / введ. И. Корнилова. – 1893. – С. 194–198.

5. **Предначертание** устроения училищ в округе императорского Виленского университета сообразно с Высочайше утвержденными предварительными правилами Народного просвещения и общим уставом того же университета и училищ его округа // Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. – 1804. – № 7. – С. 21–63.

6. **Чубов, П. И.** Невельское уездное училище Витебской губернии за 100 лет существования (1799–1899) / П. И. Чубов. – Витебск : Губернская типолитография, 1899. – 36 с.

Иванова Т.П. *(г. Витебск)*

БОЕВОЙ ПУТЬ ИЗВЕСТНОГО БЕЛОРУССКОГО ПРАВОВЕДА, УЧАСТНИКА ОСВОБОЖДЕНИЯ ВИТЕБСКА И.А. ЮХО

В 2021 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Иосифа Александровича Юхо (1921–2004), известного отечественного правоведа, профессора, доктора юридических наук, профессора Белорусского государственного университета, основателя научной школы истории государства и права Беларуси, автора ряда учебников и публикаций по соответствующей дисциплине.

И.А. Юхо родился в Минске 19 марта 1921 г., здесь же окончил общеобразовательную школу. Поступил в Белорусский политехнический институт. Затем был призван в Красную армию. Участник Великой Отечественной войны, в частности, и боев под Витебском.

Цель работы: изучение боевого пути в годы Великой Отечественной войны известного белорусского правоведа И.А. Юхо.

Материалами для исследования послужили документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации. Материалы размещены на сайте «Память народа», представляющем собой электронный банк документов периода Великой Отечественной войны. Методы исследования: анализ, синтез, сравнение, обобщение.

Как свидетельствуют исследованные материалы, И.А. Юхо был призван в ряды Красной армии в 1939 г. Место призыва – Минск, Ворошиловский допризывной пункт. В 1941 г. окончил Горьковское училище зенитной артил-

лерии. В годы Великой Отечественной войны служил в войсках противовоздушной обороны. Согласно архивным документам участвовал в военных действиях с 22 июня 1941 г. до 16 мая 1945 г. Воевал под Москвой, на Брянщине, под Смоленском, Витебском, Минском, затем на территории Прибалтики.

В материалах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации на хранении имеются: послужной список Иосифа Александровича Юхо в составе учетно-послужных карточек офицерского состава, в частности по данным на 13 декабря 1941 г., а также наградные документы – о награждении орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени [6] и медалями, сведения о ранении [8].

И.А. Юхо воевал в 16-й воздушной армии Вооруженных сил СССР. Был дважды тяжело ранен в боях. Известна дата первого ранения – 20 ноября 1941 г. Затем переведен из военной части 1710-й зенитной артиллерийской дивизии в военную часть 368-го озад (отдельный зенитный артиллерийский дивизион) МЗА (малокалиберная зенитная артиллерия) Куйбышевской ПТО (противотанковая дивизия). Дата прибытия – 10 марта 1943 г.

В архиве содержатся документы о награждении И.А. Юхо орденом Красной Звезды. Дата награждения – 24 февраля 1942 г. Дата подписания документа – 17 января 1942 г. согласно приказу № 44 от 17 января 1942 г. Военного Совета Западного фронта [6]. В фонде есть и приказ от 24 июля 1944 г. № 03/н (г. Смоленск) по части 8Т дивизии противовоздушной обороны:

«От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое исполнение боевых заданий командирован на фронт борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество награжден орденом Красной Звезды старший лейтенант Юхо Иосиф Александрович». Документ содержит подписи командира дивизии полковника Купчего и начальника Штаба 8Т дивизии полковника Нагорного. В этот период И.А. Юхо являлся командиром батареи 368-го отдельного дивизиона малокалиберной зенитной артиллерии.

Согласно архивным документам приведенные выше данные рассекречены приказом Министерством обороны Российской Федерации от 8 мая 2007 г., что и позволило использовать материалы в процессе изучения боевого пути будущего известного белорусского правоведа.

И.А. Юхо, согласно наградным документам, награжден и медалью «За оборону Москвы» [9].

И.А. Юхо участвовал в операции «Багратион» в составе Западного фронта, освобождал Витебск, Полоцк.

В документах называется место службы И.А. Юхо в мае – августе 1944 г. – 81-я дивизия противовоздушной обороны [7].

По окончании освобождения Беларуси И.А. Юхо воевал в Восточной Пруссии. Награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне».

Завершил службу И.А. Юхо в звании майора 26 декабря 1945 г. (368 оа (отдельная армия) дн ВФ ПВО 993 аи ПТО).

В других биографических сведениях содержится информация о награждении И.А. Юхо орденом Красной Звезды и девятью медалями.

Среди наград И.А. Юхо современного периода – медаль Франциска Скорины [10, с. 261].

Профессиональная деятельность Иосифа Александровича Юхо началась после Великой Отечественной войны. Закончил юридический факультет БГУ. Являлся аспирантом Академии наук БССР. Защитил кандидатскую диссертацию, затем докторскую.

И когда в 1963 г. в учебный процесс подготовки юристов БГУ вводится новая дисциплина – «История государства и права Беларуси», то ее преподавателем назначается именно И.А. Юхо. Научное наследие доктора юридических наук, профессора Иосифа Александровича Юхо способствовало развитию белорусской историко-правовой науки и юридического образования. Достояние И.А. Юхо содействует сегодня воспитанию следующих поколений юристов [2, с. 71].

Жизненный путь известного юриста прервался в 2004 г. Похоронен И.А. Юхо на Минском военном кладбище [1, с. 358].

Материалы о жизненном и профессиональном пути И.А. Юхо содержатся в энциклопедиях, архиве Министерства обороны Российской Федерации. В Стародорожском художественном музее Республики Беларусь экспонируется стенд, посвященный И.А. Юхо: его книги, труды, художественные произведения, в частности, портрет ученого, выполненный Е.Н. Тихоновичем в 1995 г. Доктору юридических наук, профессору И.А. Юхо была посвящена научная конференция правоведов БГУ, приуроченная к 90-летию ученого, собраны материалы к 100-летию со дня его рождения.

Обнародование архивных материалов предоставило возможность исследовать аспекты военной биографии белорусского правоведа Иосифа Александровича Юхо, ввести в научный оборот новые исторические факты, использовать их для популяризации жизни и деятельности известной личности Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Арлоў, У.** Язэп Юхо / У. Арлоў // Імёны свабоды. – 3-е выд. – 2015. – С. 356–358.

2. **Горбат, Д. Г.** И. А. Юхо – основатель научной историко-правовой школы Беларуси / Д. Г. Горбат // Роль личности в истории государства и права Беларуси : Респ. науч.-теорет. конф. – Минск, 2016. – С. 70–71.

3. **Маслыка, Г. А.** Юхо Іосіф Аляксандравіч / Г. А. Маслыка// Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск, 2004. – Т. 18, кн. 1 : Дадатак : Шчытнікі – ЯЯ. – С. 222–223.

4. **Памяць** і слава: Юхо Іосіф Аляксандравіч : да 90-годдзя з дня нараджэння / рэдкал.: С. А. Балашэнка [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2011. – 175 с. – (Memoria et Gloria).

5. **Центральный** архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО) [Электронный ресурс] // Память народа. – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/. – Дата доступа: 15.06.2021.

6. **ЦАМО.** – Ф. 33. Оп. 682520. Д. 245.

7. **ЦАМО.** – Ф. 33. Оп. 686044. Д. 3210

8. **ЦАМО.** – Ф. 58. Оп. 818883. Д. 96.

9. **ЦАМО.** – Ф. 13608. Оп. 20398. Д. 96.

10. **Юрыдычны** факультэт : гісторыя. Сучаснасць. Імёны / рэдсавет: С. А. Балашэнка (старш.) [і інш.] ; рэдкал.: С. А. Балашэнка (адк. рэд.), А. В. Шыдлоўскі (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2015. – С. 260–261.

Каплиев А.А. *(г. Минск)*

КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ 1930-х гг. В ОТРАЖЕНИИ СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ (на материалах Витебской области)

В советской историографической традиции тема развития здравоохранения БССР в конце 1930-х гг. рассматривалась в преимущественно комплиментарном ключе, что было обусловлено принятой в то время идеологией, трактовавшей советскую медицину как «лучшую в мире» [2]. Постсоветская белорусская историография в значительной степени унаследовала часть оценок периода господства марксистско-ленинской методологии, особенно в контексте изучения межвоенного периода в истории Беларуси, в рамках которого эффективная советская модель здравоохранения традиционно противопоставляется упадку медицины в Западной Беларуси.

В немалой степени подобной оценке способствуют данные официальной статистики, которые в абсолютных числах демонстрировали значимый рост основных показателей развития здравоохранения БССР в конце 1930-х гг. [1; 4; 5]. Однако детальное изучение статистической информации советского здравоохранения показывает также и противоречивые тенденции в становлении межвоенной медицины в БССР. Настоящая статья раскрывает особенности кадрового обеспечения здравоохранения Беларуси в конце 1930-х гг. на примере Витебской области.

В период между двумя войнами на территории Советской Беларуси были сделаны значимые шаги для увеличения обеспечения населения медицинским персоналом: открыты два медицинских института – в Минске (1921) и Витебске (1934), развернута сеть из более 20 медицинских школ и училищ, организованы курсы и программы повышения квалификации медицинского персонала. В связи с организацией собственных центров подготовки врачей

количественная обеспеченность БССР медицинским персоналом должна была неуклонно возрастать. Однако до конца 1930-х гг. сохранялись и негативные тенденции в медицинском обслуживании населения, особенно в сельской местности. Так, формальный рост общего количества врачей в Витебской области (532 в 1938 г. и 543 в 1939 г.) не соответствовал реальной картине на местах, когда около 1/5 всех врачебных должностей в регионе не были заняты специалистами (табл. 1). Более того, по отдельным специальностям количество врачей уменьшилось: если в 1938 г. в Витебской области было 232 терапевта, то в 1939 г. только 207. Также уменьшилось количество офтальмологов, невропатологов, дерматовенерологов, эпидемиологов и судмедэкспертов [3, л. 9–10].

Таблица 1. Занятость врачебных должностей в Витебской области в 1938–1939 гг. [3, л. 7]

Год	Число врачебных должностей		Процент заполнения штатов
	Штатных	Занятых	
1938	1 146	953	83,2
1939	1 203,5	989	82,2

Данная тенденция особенно ярко проявилась в сельских районах, где в конце 1930-х гг., несмотря на устойчивый рост, были замещены немногим более половины всех врачебных должностей (рис. 1).

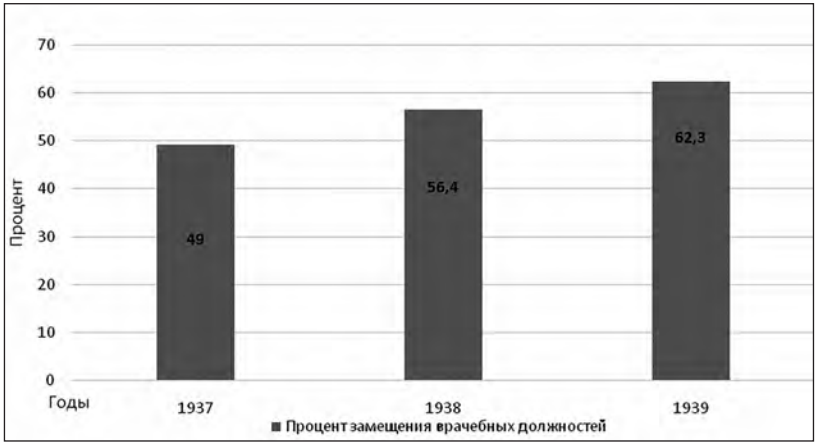


Рисунок 1. Замещение врачебных должностей в сельской местности по Витебской области в 1937–1939 гг.

Подобная ситуация объясняется множеством факторов, одним из которых становилось нежелание молодых специалистов работать в сельской

местности и их «бегство» (терминология официальных документов периода) преимущественно в крупнейшие города БССР и РСФСР. Так, в Витебской области основное число врачей было сконцентрировано только в крупнейших городах – Витебске, Полоцке и Орше, с преобладанием Витебска (табл. 2).

Таблица 2. Количество врачей в крупнейших городах Витебской области в 1938–1939 гг. [3, л. 10]

Города	Число врачей	
	1 938	1 939
Витебск	289	283
Полоцк	30	34
Орша	46	45
ВСЕГО	365	362

В то же время в сельской местности проживало меньшее число докторов, а количество населения, приходившегося на одного врача, было гораздо значительнее, чем в городах. Так, даже на 1 января 1940 г. в Витебской области оставались неукомплектованными 40 врачебных участков, или 64 ставки докторов. В Освейском районе во всех 4 врачебных участках отсутствовали врачи, в Бешенковичском районе 6 врачебных участков были вакантными, в Лиозненском – 4, Россонском – 3, Сиротинском – 4 [3, л. 9].

В отношении среднего медицинского персонала наблюдалась более сбалансированная ситуация. Традиционно основу оказания медицинской помощи на селе составляли именно средние медработники, что обусловило более высокий процент занятия фельдшерских должностей в сельской местности (табл. 3).

Таблица 3. Динамика движения среднего медицинского персонала в Витебской области в 1938–1939 гг. [3, л. 15]

Должности	1938			1939		
	всего	в городах	в сельской местности	всего	в городах	в сельской местности
Штатных	3 297	2 312	985	4 053,5	2 837,5	1 216
Занятых	3 130	2 249	881	3 671,5	2 673	998,5
Процент занятых должностей	94,9	97,3	89,5	90,5	94,2	82,1

Следует также отметить не только количественные, но и качественные характеристики медицинского персонала Витебской области в конце 1930-х гг. Так, 95% врачей, работавших на амбулаторных участках, являлись специалистами со стажем работы до 3 лет, на больничных врачебных участках – 57,7% со стажем до 3 лет и 23% со стажем до 5 лет. Из всех 77 вра-

чей в сельской местности 75,3% составили врачи со стажем работы до 3 лет [3, л. 17].

Что касается образовательного уровня среднего медицинского персонала, то значительную долю составляли работники, не окончившие профильные профессиональные учреждения образования. Так, в городах только 59,4% средних медработников имели профильное образование, в сельской местности – 70% [3, л. 17]. При этом в ряде районов преобладающее количество акушерок не имело законченного профессионального образования, например, в Дриссенском районе из 27 акушерок 11 трудились без соответствующего образования, Лиозненском из 27 – 14, Меховском из 12 – 9, Полоцком из 32 – 12, Россонском из 18 – 10, Толочинском из 24 – 14. Идентичная ситуация сложилась и с профессиональным образованием фельдшеров: из 22 фельдшеров в Лиозненском районе 14 не имели медицинского образования, Меховском из 15 – 7, Оршанском из 57 – 27, Толочинском из 23 – 9 [3, л. 17].

Таким образом, как в количественном измерении, так и в отношении квалификации медицинского персонала в конце 1930-х гг. продолжал существовать значительный дисбаланс между городом и сельской местностью. Соответственным было положение с обеспеченностью медицинских учреждений (табл. 4).

Таблица 4. Обеспеченность больничными койками населения Витебской области на 1 тыс. человек населения [3, л. 28]

Местность	Число коек	Коек приходилось на 1 тыс. человек населения
г. Витебск	1 397	8,3
г. Полоцк	390	13,8
г. Орша	485	14,6
Вся остальная часть области	2 007	2,0
Всего по области	4 279	3,5

Данное положение привело к консервации тенденций 1920-х гг., когда сельские жители обращались за медицинской помощью в лечебные учреждения крупных городов. Так, процент занятости коек городских лечебных учреждений сельским населением в среднем превышал треть: в Витебске 22,8% больничных коек было занято сельскими жителями, в Полоцке – 47,2%, в Орше – 41,2% [3, л. 28].

Подводя итоги изложенного, следует отметить, что, несмотря на в целом положительные показатели выполнения программ пятилетних планов в области строительства здравоохранения БССР, к концу 1930-х гг. сохранялись негативные явления в области обеспечения медицинской помощью, прежде всего сельского населения. Интенсивная подготовка врачебных и фельдшерских кадров сопровождалась нежеланием молодых специалистов работать

в сельской местности и их миграцией в крупные города. Подобные явления были характерны для здравоохранения БССР на всем протяжении межвоенного периода, а их преодоление относится уже к послевоенному этапу развития страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Абраменко, М. Е.** Формирование советской системы здравоохранения на Витебщине (1917–1941 гг.) / М. Е. Абраменко // Вестн. Витеб. гос. мед. ун-та. – 2005. – Т. 4, № 1. – С. 115–120.

2. **Анищенко, К. Н.** Развитие здравоохранения Белорусской ССР в годы предвоенных пятилеток (1928–1941 гг.) : автореф. дис. … канд. мед. наук : 14.00.33 / К. Н. Анищенко ; Мин. гос. мед. ин-т. – Минск, 1975. – 16 с.

3. **Государственный** архив Российской Федерации. – Ф. 8009. Оп. 6. Д. 530.

4. **Тищенко, Е. М.** Здравоохранение Беларуси в XIX–XX веках / Е. М. Тищенко. – Гродно : [б. и.], 2003. – 269 с.

5. **Тищенко, Е. М.** Основные тенденции в развитии здравоохранения БССР в предвоенное десятилетие / Е. М. Тищенко, С. А. Ситкевич // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 14 крас. 2017 г. – Мінск, 2018. – Вып. 16. – С. 273–279.

Карпекін К.Р. *(г. Віцебск)*

МАЁНТАК ЧАРНАРУЧЧА ЛЁЗНЕНСКАЙ ВОЛАСЦІ АРШАНСКАГА ПАВЕТА Ў СЯРЭДЗІНЕ XVIII – ПАЧАТКУ XX ст.

У канцы XVIII ст. на беларускіх тэрыторыях каля 60% зямлі належала памешчыкам, падобная сітуацыя захоўвалася і да сярэдзіны XIX ст., калі памешчыцкія ўладанні складалі каля 64% зямельнага фонду. У выніку правядзення рэформы 1861 г. да пачатку XX ст. яны скараціліся прыкладна на 1/3, тым не менш застаючыся важным складнікам сацыяльна-эканамічнага развіцця. Па сённяшні дзень у Беларусі захаваліся некаторыя сядзібныя дамы, гаспадарчыя пабудовы, паркі былых маёнткаў, якія з'яўляюцца турыстычным патэнцыялам краіны.

У межах Лёзненскай воласці Аршанскага павета паводле стану на 1910 г., налічвалася 111 разнастайных пасяленняў, у тым ліку 11 маёнткаў і 8 фальваркаў [13, с. 124]. Адным з гэтых маёнткаў было Чарнаручча, гісторыі якога і прысвечана дадзенае даследаванне.

Найбольш раннія звесткі пра згаданы маёнтак, якія ўдалося выявіць, адносяцца да першай чвэрці XVIII ст. У той час Чарнаручча, якое значылася фальваркам, належала князю, маршалку ковенскаму Багуславу Агінскаму (карыстаўся гэтымі землямі пан Ліпскі). Затым, відаць, пасля смерці

Б. Агінскага ў 1730 г. фальварак перайшоў да яго старэйшага брата – ваяводы віцебскага Марцыяна Міхала Агінскага. У сваю чаргу той у жніўні 1744 г. падзяліў уладанні паміж нашчадкамі і «вернымі сваімі слугамі», і ў выніку пераразмеркавання фальварак Чарнаручча дастаўся Стэфану Беліковічу – чашніку браслаўскаму [4, с. 338, 350].

У 1777 г. сяло Чарнаручча разам з 36 прыгоннымі хрысціянскага веравызнання належала Храпавіцкім [1, арк. 38].

У 1780-я гг. маёнтак складаўся з аднайменных сяльца і вёскі, а таксама з вёсак Антонкава і Крупені. Сяльцо Чарнаручча, дзе стаяла памешчыцкая сядзіба, знаходзілася на беразе безыменнага ручая, ад якога жывіліся дзве сажалкі, што аддзялялі сяльцо ад вёскі, на захад ад сяльца размяшчаліся могілкі. Вёска Чарнаручча мела дзве вуліцы – па абодва бакі ад дарогі. Антонкава размяшчалася на паўночны захад ад цэнтра маёнтка і складалася з некалькіх будынкаў, хаатычна раскіданых каля дарогі. Крупеня, у сваю чаргу, знаходзілася ў супрацьлеглым баку ад Чарнаручча – на паўднёвы ўсход і ўяўляла сабой вёску з адной вуліцы (Дадатак 4, фота 1).

Паводле вынікаў рэвізіі 1781 г. у сяльцы Чарнаручча дваровыя людзі не жылі, у в. Чарнаручча жылі 60 сялян (31 мужчына і 29 жанчын), у Антонкаве – 6 (2 мужчыны і 4 жанчыны), у Крупені налічвалася 79 жыхароў (34 мужчыны і 45 жанчын). Такім чынам, усяго ў маёнтку было 145 прыгонных сялян.

У 1783 г. Чарнаручча належала стацкаму дарадцу Івану Храпавіцкаму. У гэты час за маёнткам было замацавана 570 дзесяцін зямлі, з якіх 232 займала ворыва, 252 – лес, 10 – сенажаці (астатнюю плошчу займалі дарогі, вадаёмы, балота, агароды і пабудовы) [11, арк. 1].

Калі ў канцы XVIII ст. у сяльцы Чарнаручча жылі толькі памешчыкі, то ў 1810-я гг. і надалей тут жылі і дваровыя людзі (пра гэта сведчаць звесткі з метрычных кніг) (Дадатак 1 пасля тэксту).

З першай паловы XIX ст. маёнтак перайшоў да баронаў Эльснераў, і менавіта ў гэты час тут быў узведзены сядзібны дом, які, паводле меркавання шэрага даследчыкаў, быў драўляным і праіснаваў да Другой сусветнай вайны [14, с. 227; 15, s. 286] (Дадатак 4, фота 2).

У пачатку 1850-х гг. Чарнаруччам валодаў калежскі асэсар, барон Восіп Фёдаравіч Эльснер. Ён меў дачку Амалію, якая нарадзілася ў 1832 г. і 7 лютага 1854 г. выйшла замуж за журналіста Горы-Горацкага земляробчага інстытута, калежскага рэгістратара Івана Дзем'яновіча (ён таксама нарадзіўся ў 1832 г.). Адметна, што жаніх быў праваслаўнага веравызнання, нявеста – рымска-каталіцкага, і вянчаліся яны ва Узнясенскай праваслаўнай царкве ў м. Лёзна [8, арк. 25 адв. – 26].

Колькасць дваровых людзей, якія пражывалі ў маёнтку ў сярэдзіне XIX ст., была невялікай, і іх склад пастаянна змяняўся па розных прычынах. Па-першае, некаторыя з сялян уцякалі ад памешчыка: у 1850 г. з Чарнаручча збег 24-гадовы Фёдар Лявонаў, у 1851 г. – 51-гадовы Якаў Фамін (прозвішчы

сялян у дакументах не ўказаны). Абодва гэтыя сяляне не мелі сем'яў, што, відаць, і падштурхнула іх да ўцёкаў, бо цэлай сям'і хавацца было б значна складаней. У 1855 г. з маёнтка ўцякла сялянка Рыпіна, пакінуўшы ў Чарнаруччы мужа – 42-гадовага селяніна Ціта Карнеева.

Па-другое, некаторых сваіх сялян памешчык аддаваў у рэкруты: так, у 1852 г. быў здадзены ў салдаты 21-гадовы Іван Лявонаў (брат Фёдара Лявонава, які ўцёк за 2 гады да гэтага, і можна меркаваць, што гэты факт паўплываў на рашэнне памешчыка). У 1854 г. на службу ў армію быў адпраўлены 21-гадовы Аляксей Ларыёнаў (ён не меў уласнай сям'і і дагэтуль жыў з братам).

Па-трэцяе, склад насельніцтва маёнтка змяняўся праз мэтанакіраванае перасяленне дваровых людзей памешчыкам. У прыватнасці, 25-гадовы селянін Павел Антонаў быў пераселены ў в. Ушыўка, якая размяшчалася непадалёк ад Чарнаручча. Пры гэтым маці згаданага селяніна, яго браты і сёстры засталіся пры двары памешчыка [5, арк. 736 адв. – 737].

У «Поўным спісе населеных месцаў Магілёўскай губерні», складзеным у 1857 г., Чарнаручча значыцца фальваркам. На той час там пражывала 14 сялян, якія з'яўляліся прыхаджанамі Лёзненскай праваслаўнай Узнясенскай царквы [12, арк. 362 адв.].

Паводле рэвізіі 1858 г. у маёнтку Чарнаручча жыло 18 дваровых людзей (9 мужчын і столькі ж жанчын) (Дадатак 2 пасля тэксту).

У 1870 г. маёнтак Чарнаручча перайшоў у спадчыну да калежскага дарадцы, барона Эдуарда Восіпавіча Эльснера, які паводле веравызнання з'яўляўся лютэранінам. У 1882 г. агульная плошча маёнтка складала 828 дзесяцін, з якіх асноўная частка (674 дзесяціны) была занята лясамі, 60 дзесяцін займала ворыва, 56 дзесяцін – сенажаць (такім чынам, на працягу стагоддзя плошча маёнтка значна павялічылася). У гэты час у Чарнаруччы меліся карчма, млын і бровар (млын і бровар штогод давалі па 300 руб. даходу) [10, с. 176–177].

У 1910 г. маёнтак па-ранейшаму належаў барону Эльснеру. Даволі супярэчлівай выглядае інфармацыя, што сам памешчык прытрымліваўся лютэранскага веравызнання, а маёнтак адносіўся да рымска-каталіцкага прыхода. За 30 гадоў памеры маёнтка скараціліся больш як у 3 разы: паводле стану на 1910 г. яго агульная плошча складала 252 дзесяціны зямлі, з якіх 202 былі прыдатнымі, а 50 – непрыдатнымі. У гэты час маёнтак складаўся з 4 двароў, дзе пражывала 30 мужчын і 28 жанчын [13, с. 123].

У пэўнай ступені пра стан маёнтка Чарнаручча ў апошнія гады існавання сведчаць вопісы маёмасці, складзеныя ўжо ў савецкі час. У прыватнасці, паводле вопісу ад 23 снежня 1918 г. за былым маёнткам лічылася 26 дзесяцін ворыва, 17 – лугоў, 73 – лясоў і хмызнякоў, 3 – пад балотамі і дарогамі, 4 – пад садам, агародам і пабудовамі. Акрамя таго, на тэрыторыі маёнтка быў сад з 38 дрэў і 20 ягадных кустоў [3, арк. 6].

Згодна з вопісам маёмасці, складзеным у жніўні 1920 г., на тэрыторыі маёнтка размяшчаліся наступныя будынкі: 1) сядзібны дом (драўляны, абкладзены цэглай, крыты гонтам, складаўся з 10 пакояў, меў 14 двайных і 14 адзіночных дзвярэй, 8 галандскіх і 1 рускую печку, 1 пліту, 2 ганкі, пад домам меўся цагляны склеп, памеры дома – 55,5 на 18 аршын); 2) дом для рабочых (драўляны на цагляным падмурку, крыты гонтам, складаўся з 8 пакояў, меў 8 двайных і 7 адзіночных дзвярэй, 46 акон, 2 галандскія і 4 рускія печкі, 2 пліты, 2 ганкі, пад домам меўся склеп з 2 уваходамі, памер дома – 40 на 18 аршын); 3) дом для рабочых (драўляны, без падмурка, крыты гонтам, падзелены калідорам на 2 пакоі, меў 12 акон, 1 галандскую і 1 рускую печку, 1 пліту, памер дома – 27 на 9 аршын); 4) свіран (драўляны на цагляных слупах, крыты гонтам, падзелены на 2 паловы, меў 2 дзвярэй, 2 акны, 10 засекаў, памер – 21 на 120 аршын); 5) стайня з вазоўняй (драўляная на цагляных слупах, крытая гонтам і дранкай, мела 4 варот, 10 памяшканняў, памер – 49,5 на 14 аршын); 6) жывёльны двор (цагляны, крыты гонтам, меў 5 знешніх і 2 унутраных варот, 22 акны, у жылым памяшканні пры двары былі 2 рускія печкі, памер двара – 63 на 21 аршын); 7) хлеў (драўляны на цагляным падмурку, крыты гонтам, меў 3 дзвярэй, памер – 24 на 9 аршын); 8) малацільня (драўляная, крытая саломай, мела 2 дзвярэй, 2 варот, памер – 57 на 15 аршын, пры малацільні мелася адасобленае памяшканне памерам 15 на 15 аршын і сушыльня з 1 печкай); 9) пуня (драўляная, крытая дранкай, мела 1 вароты, памер – 42 на 9 аршын); 10) лядоўня (драўляная, крытая дранкай, мела 1 дзверы, памер – 7 на 7 аршын); 11) лядоўня (2-павярховая, драўляная, крытая дранкай, мела 2 дзвярэй, памер – 8 на 8 аршын); 12) лазня (драўляная, крытая дранкай); 13) 2 драўляныя скляпы для захоўвання гародніны [2, арк. 4–5].

У 1918 г. на базе маёнтка была створана сельскагаспадарчая арцель, у якой у студзені 1920 г. налічваліся 22 сябры (як дарослыя, так і малалетнія) [3, арк. 1–2].

Да сённяшніх дзён ад колішняга маёнтка Чарнаручча амаль нічога не засталося (па сутнасці, толькі рэшткі парку і алеі). Да нядаўняга часу там стаяў і цагляны будынак (верагодна, частка сядзібнага дома) (Дадатак 4, фота 3), але ў пачатку 2000-х гг. ён быў зруйнаваны.

Дадатак 1

Звесткі пра дваровых людзей маёнтка Чарнаручча паводле метрычных кніг 1810-х – пачатку 1860-х гг. [6, арк. 59 адв., 122 адв., 147, 190 адв., 194; 7, арк. 53 адв., 97 адв., 98 адв.; 9, арк. 1 адв., 16 адв., 80 адв., 81 адв., 93 адв.].

Дата	Падзея
27 жніўня 1813 г.	У Акулы Іванова і Марфы нарадзіўся сын Іван
10 кастрычніка 1820 г.	У Яўсевія Паўлава і Лукіі нарадзіўся сын Піліп
30 сакавіка 1825 г.	У Прохара Ігнатава і Феадосіі нарадзілася дачка Феадосія
27 верасня 1829 г.	У Андрэя Парфенава і Ірыны нарадзіўся сын Ігнацій
24 сакавіка 1830 г.	У Фёдара Цімафеева і Алены нарадзілася дачка Лісавета
26 верасня 1852 г.	Памёр сын Марыі Якаўлевай Цімафей (ва ўзросце 1 года)
20 кастрычніка 1854 г.	У маёнтку памерла «прахожая сялянка» Марыя (ва ўзросце 53 гадоў)
27 жніўня 1855 г.	Васа Паўлава нарадзіла дачку Наталію (па-за шлюбам)
9 мая 1858 г.	Еўдакія Антонава нарадзіла дачку Алену (па-за шлюбам)
21 мая 1858 г.	Васа Паўлава нарадзіла сына Канстанціна (па-за шлюбам)
1 кастрычніка 1861 г.	Памерла незаконнанароджаная дзяўчынка Алена (ва ўзросце 4 гадоў)
28 кастрычніка 1861 г.	Памерла дзяўчынка Маланія (ва ўзросце 7 гадоў)
8 снежня 1862 г.	Памерла незаконнанароджаная дзяўчынка Еўдакія (ва ўзросце 2,5 гадоў)

Дадатак 2

Спіс дваровых людзей маёнтка Чарнаручча, 26 мая 1858 г. [5, арк. 736 адв. – 737].

№ п/п	Імёны, імёны па бацьку	Узрост
1	Максім Ларыёнаў	36 гадоў
2	Мар'я (жонка Максіма Ларыёнава)	33 гады
3	Ціт Альхімаў	37 гадоў
4	Іван Малахаў	31 год
5	Кацярына Восіпава (жонка Івана Малахава)	29 гадоў
6	Сцяпан (сын Івана Малахава)	8 гадоў
7	Пётр (сын Івана Малахава)	7 гадоў
8	Лісавета (дачка Івана Малахава)	5 гадоў
9	Надзея (дачка Івана Малахава)	2 гады
10	Ігнацій Антонаў	18 гадоў
11	Кузьма Антонаў (брат Ігнація Антонава)	16 гадоў
12	Наста Антонава (маці Ігнація Антонава)	47 гадоў
13	Аўдакія Антонава (сястра Ігнація Антонава)	23 гады
14	Малання (незаконнанароджаная дачка Насты Антонавай)	4 гады
15	Алена (незаконнанароджаная дачка Насты Антонавай)	2 тыдні
16	Ціт Карнееў	42 гады
17	Васіль Іваноў	24 гады
18	Мар'я (сястра Васіля Іванова)	20 гадоў

ЛІТАРАТУРА

1. **Ведомость** о дворянах Могилевской губернии, по разделению на двенадцать нижеписанных уездов, с показанием какие каждый из них имеет во владении местечки, села и деревни и сколько в оных христиан и жидов состоит. – 1777. – 112 л.

2. **Дзяржаўны** архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Ф. 14. Воп. 1. Спр. 1298.

3. **ДАВВ.** – Ф. 2268. Воп. 2. Спр. 248.

4. **Историко-юридические** материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске и изданные под редакцией и. д. архивариуса сего архива М. Веревкина. – Витебск : Типолитография Г. А. Малкина, 1888. – Вып. 18. – 492, XLI с.

5. **Нацыянальны** гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 2151. Воп. 1. Спр. 149.

6. **НГАБ.** – Ф. 2301. Воп. 2. Спр. 159.

7. **НГАБ.** – Ф. 2821. Воп. 1. Спр. 4.

8. **НГАБ.** – Ф. 2821. Воп. 1. Спр. 5.

9. **НГАБ.** – Ф. 2821. Воп. 1. Спр. 8.

10. **Опыт** описания Могилевской губернии : в 3 кн. / под ред. А. С. Дембовецкого. –Могилев-на-Днепре : Типография губернского правления, 1884. – Кн. 3. – 327 с.

11. **Расійскі** дзяржаўны архіў старажытных актаў. – Ф. 1354. Воп. 232. Спр. Ч-1с.

12. **Расійскі** дзяржаўны гістарычны архіў. – Ф. 1290. Воп. 4. Спр. 80.

13. **Список** населенных мест Могилевской губернии. – Могилев : Губернская типография, 1910. – 250 с.

14. **Страчаная** спадчына / уклад. Т. В. Габрусь. – Мінск : Беларусь, 2003. – 351 с.

15. **Aftanazy, R.** Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczy pospolitej / R. Aftanazy. – Wrocław : Zakład Narodowy imenia Ossolińskich, 1991. – T. 1 : Województwa mińskie, mścisławskie, połockie, witebskie. – 336 s.

Котович Т.В. *(г. Витебск)*

БЕЛЫЕ КАЗАРМЫ В ВИТЕБСКЕ: КВАРТАЛ-ПАМЯТНИК

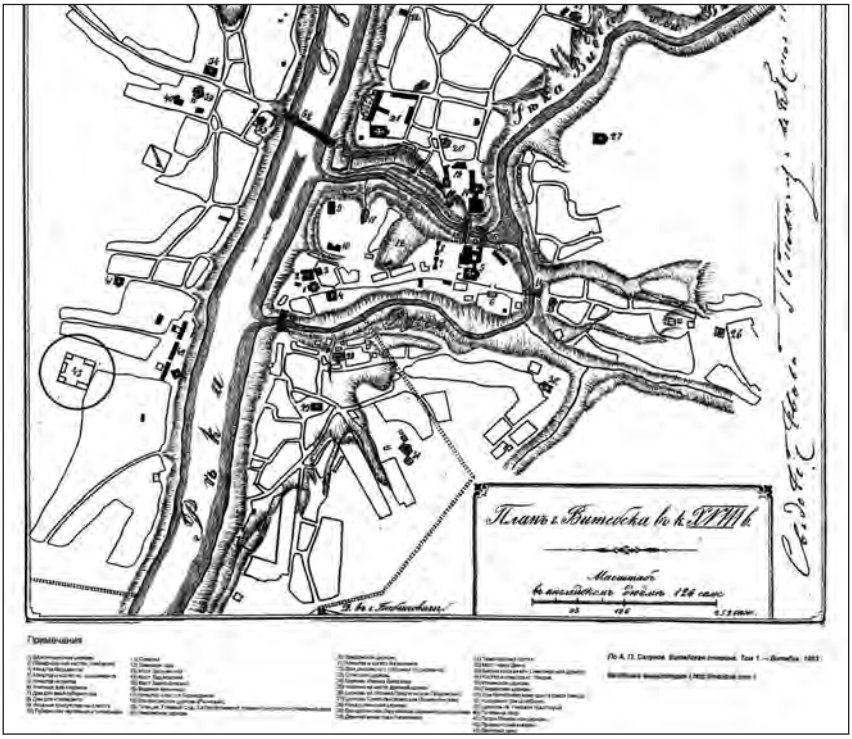
Белые казармы занимали целый большой квартал в Задвинье.

По выписке из ведомостей 1747 г. в посаде Русском (в Задвинье) находилось 24 дома и 4 огорода [1, с. 47]. Впервые квартал обозначен на Плане Витебска 1797 г. как полковой двор на правом берегу Западной Двины.

Полковые дворы были учреждены в 1724 г. при разделении всех губерний на так называемые полковые дистрикты – административно-территориальные единицы, подушная подать с населения которых должна была идти на содержание расквартированных в них полков (именовались также штабными дворами, «вечными квартирами» полков). Представляли собой канцелярии штабов полков, осуществляли кроме военных и военно-хозяйственных функций контроль над собиравшими подушную подать «комиссарами от земли», наблюдение за движением «податных душ», поимку и возвраще-

Ил. 1. Квартал бывших Белых казарм. Аэросъемка. 1941 г.

Ил. 2. Немецкая аэрофотосъемка 1941 г. Квартал Белых казарм (слева Канатная улица, сверху – север – Госпитальная, справа – Нижне-Петровская, снизу – юг – Казарменный переулок. Сверху в самый центр Белых казарм по ул. Госпитальной упирается Верхне-Петровская)



Ил. 3. Фрагмент Плана Витебска 1797 г. На правом берегу Западной Двины располагается полковой двор

ние владельцам беглых крепостных, различные полицейские функции, а также ведение судебных дел между военными чинами и населением дистрикта. Закрыты в 1727 г., восстановлены в 1729 г. и окончательно упразднены в 1736 г. в связи с изменениями в организации подушного сбора [6].

Несмотря на упразднение полковых дворов в первой половине XVIII в. на плане конца столетия квартал все еще обозначается этим названием. На чертеже отмечены три главных здания и другие строения в квадрате квартала.

На «Геометрическом плане губернского г. Витебска (с показанием на оном публичных каменных и деревянных строений, значущих по прожекту и в старом виде (1800–1809))» также обозначен квартал с указанием строений, выходящих за его пределы в переулки.

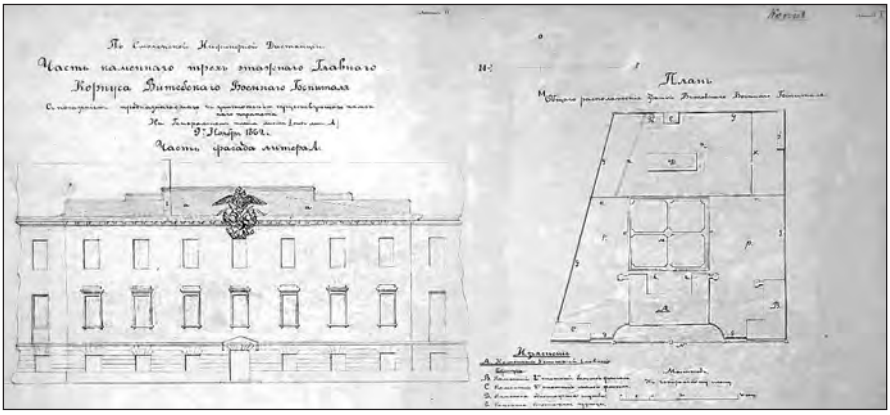
На «Уменьшенном плане губернского города Витебска мая 1858 года, снятом по плану 1852–53 гг.» квартал указан как «Военный гошпиталь» и его расположение обозначено по уже красной линии улицы (в отличие от предыдущих планов) Канатной.

Ил. 4. Фрагмент Плана Витебска 1800–1809 гг.

В «Исторических сведениях о примечательнейших местах Белоруссии с присовокуплением и других сведений к ней же относящихся» М. Без-Корнилович отмечал: «… после императорского дворца лучшим зданием в городе дом дворянского собрания, Гимназия, обширные строения, принадлежащие к соборам Успенскому и Никольскому, дома Приюта и Губернского Правления. Тюремный замок, *Сухопутный гошпиталь (на заречной стороне)* (выделено нами. – *Т. К.*) и несколько других принадлежащих частным лицам» [1, с. 42].

Ил. 5. Фрагмент Плана 1858 г. На правом берегу Западной Двины расположен квартал Военного госпиталя

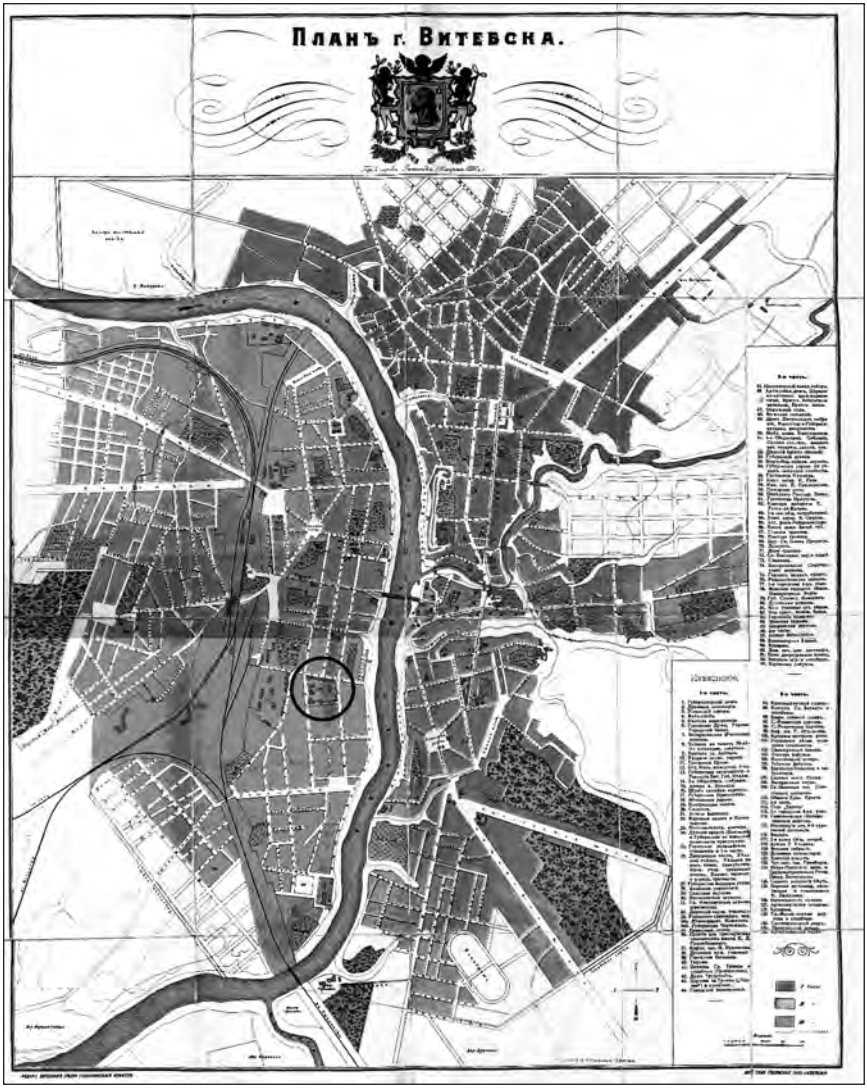
В плане квартала военного госпиталя на Канатной от 1862 г. в самом центре располагается квадрат сада, занимающий большое пространство. На картах Витебска 1820-х гг. мы также обнаруживаем обозначение насаждений в центре этого квартала.



Ил. 6. Фрагмент чертежа с частью каменного трехэтажного главного корпуса Витебского военного госпиталя и Планом общего расположения зданий Витебского военного госпиталя, где А – каменный 3-этажный главный корпус; В – каменный 2-этажный большой флигель; С – каменный 2-этажный малый флигель; G – каменные заборы; М – сад. От 9 ноября 1862 г. НИАБ [5]

Ил. 7. Фрагмент Плана Витебска 1821 г. На правом берегу Западной Двины располагается квартал с обозначением небольшого количества построек, иных по очертаниям, нежели на планах двадцатилетней давности, с растительными насаждениями в центре квартала

В 1880–1890 гг. в Витебске находились 2-я бригада 41-й пехотной дивизии, 163-й пехотный Ленкоранский полк, 164-й пехотный Закатальский полк, 21-й резервный пехотный кадровый батальон. Располагались штаб 16-го армейского корпуса и управление начальника артиллерии, 41-я артиллерийская бригада.



Ил. 8. План Витебска 1904 г. с очертаниями квартала казарм
с традиционными постройками по линии Канатной улицы

На плане Витебска 1904 г. квартал на ул. Канатной именуется Казармы. Напротив него располагается квартал Артиллерийских казарм по Старо-Монастырской улице, которые будут обозначаться как Красные («Красные казармы по Старо-Монастырской улице – 6 отдельных зданий <…> с огромным двором <…>, с конюшнями на 10 000 лошадей») [3] в отличие от пехотных Белых на ул. Канатной.

Летом 1914 г. в Витебске была организована 5-я подвижная починочная артиллерийская мастерская, действовавшая несколько месяцев и снова возобновившая работу в августе 1915 г. Через год она стала 5-й тыловой артиллерийской мастерской Северо-Западного фронта. Весной 1918 г. мастерская была преобразована в завод сельскохозяйственных машин и орудий Комитета по борьбе с безработицей. Место размещения – Белые казармы. В обозрении состояния всех казарм в Витебске на январь 1919 г. помечено:

«Белые казармы, расположенные кварталом по улицам Канатной, Поперечно-Петровской, Нижне-Петровской и Казарменным переулком, заняты все мастерскими, столовыми и прочими дополнительными учреждениями комитета по борьбе с безработицей, и пока существует это учреждение в таких размерах, как теперь, не может быть использовано для других целей, да и мало пригодно для чего-нибудь другого. <…> на углу Канатной и Поперечно-Петровской помещено заводо-управление» [3].

В обозрении допущена ошибка: Белые казармы расположены между Канатной (нынешней Димитрова), Нижне-Петровской (ныне Комсомольской, однако обозначенный фрагмент улицы не существует), Казарменным переулком (ныне не существующим) и Госпитальной (ныне улица Евстегнеева). Поперечно-Петровская (ныне улица Зеньковой) находится дальше и от Казарм ее отделяет целый жилой квартал, что видно на плане Витебска 1922 г. Заводо-управление помещалось в здании на углу Канатной и Госпитальной, а не на углу Канатной и Поперечно-Петровской, как было указано в документе.

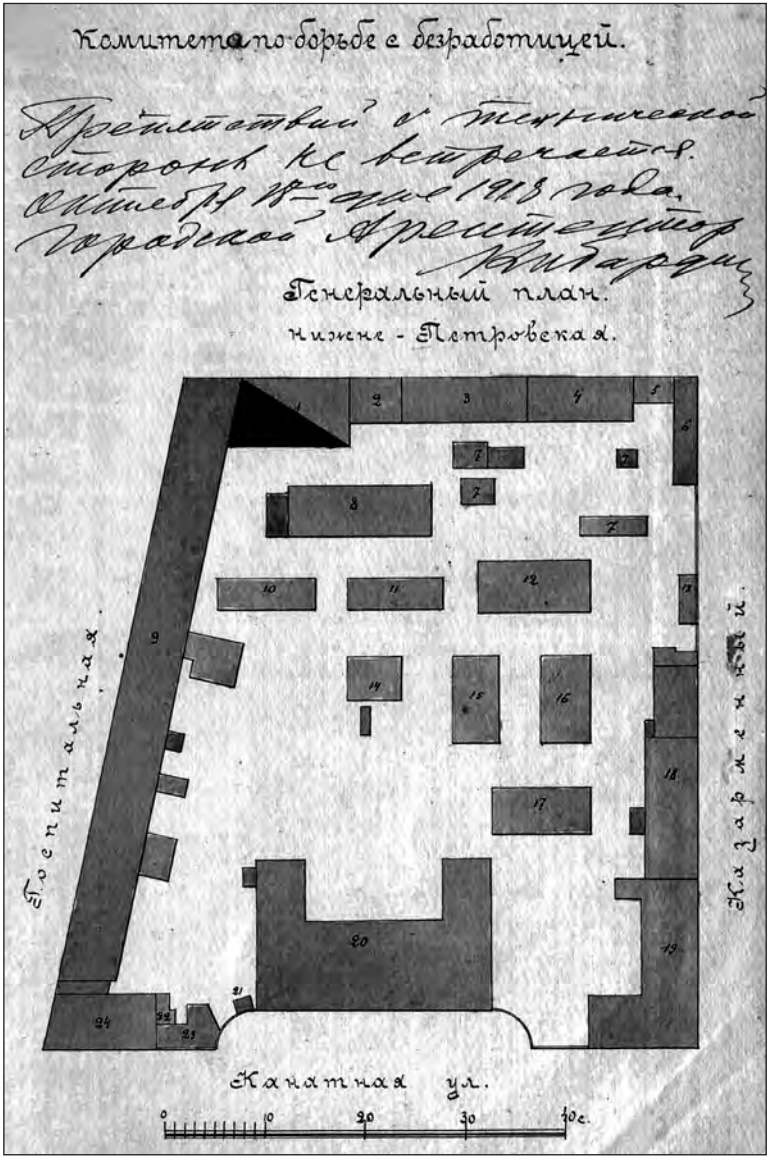
Белые казармы представляли собой четыре здания с пристройками и каменные одно-, двух- и трехэтажные бараки [4].

На схеме завода «Вистан» мы наблюдаем расположение бывших Белых казарм, занимающих четвертую часть всего большого пространства. Центральное здание было отдано под конструкторское бюро, а затем там располагалось заводоуправление. Правое здание – под конструкторский цех, левое обозначено как 1-й корпус. Эта схема была реальной во второй половине XX в.

Сегодняшнее состояние исторических зданий драматично. Левому зданию пока повезло больше: 15 лет назад оно было продано предпринимателям, отремонтировано ими и перестроено, там теперь размещается большое количество мелких фирм и офисов. Правое здание бывших казарм фасадом выходит на улицу Димитрова, быв. Канатную, а частью – во двор заводской территории с бывшим Казарменным переулком. Его ожидает та же участь. Центральное было продано в 2018 г. и пока находится в запущенном виде.

Ил. 9. План Витебска 1922 г.

История Белых казарм в Витебске – это уникальная история от помещений полкового двора конца XVIII в. до офисных помещений в начале XXI в. и пока оставленных без призора фрагментов бывших заводских корпусов. Это – и история огромного квартала в задвинской стороне, история известных личностей, оставивших значительный след в истории города. Это история заводчан, их семей, их забот, их рабочей гордости. Это и история архитектуры. Белые казармы – это квартал-памятник.

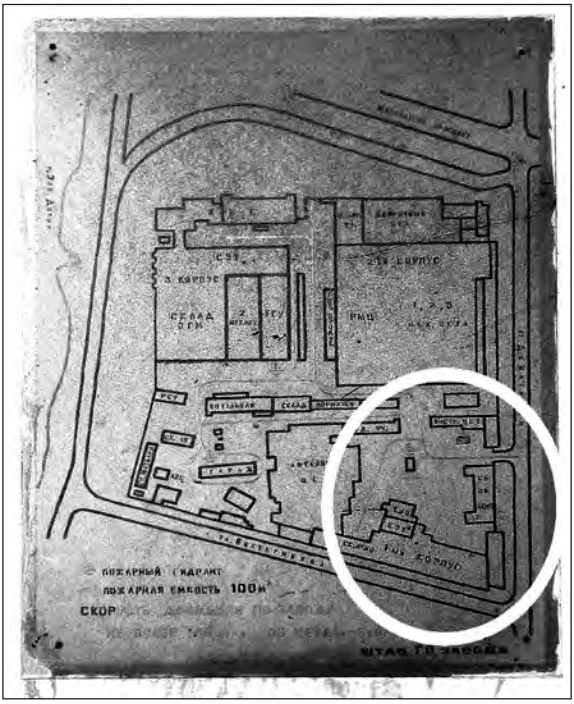


Ил. 10. Расположение помещений в квартале Белых казарм: 1) предполагаемое перестроенное здание под чугунолитейные мастерские; 2) существующее здание мастерских; 3) склады; 4) кузница; 5) баня; 6) прачечная; 7) четыре навеса; 8) главный склад; 9) механическая мастерская; 10) конюшня; 11) сарай; 12) склады; 13) сарай; 14) локомобиль (двигатель для выработки электричества); 15–18) мастерские; 19) столовая и кухня; 20) мастерская; 21) сторожка; 22) уборная; 23) кузница; 24) контора [2]

Зимой 1920 г. Комитет по борьбе с безработицей был уничтожен. Дальнейшая история предприятия представлена в фондовом документе на ил. 11.

	Западной области (с 13.09.1918 - Западной Коммуны, с 01.01.1919 - БССР, с 02.02.1919 - РСФСР)
1922-10.1927	Витебский завод сельскохозяйственных машин и орудий № 3 Витебского губернского объединения предприятий металлопромышленности "Метпрома" (с 1924 г. - Белорусского государственного объединения металлообрабатывающей промышленности, с 09.1927 - Белорусского государственного треста металлообрабатывающей промышленности) Высшего Совета народного хозяйства БССР), г. Витебск Витебской губернии РСФСР (с 17.07.1924 - Витебского округа)
10.1927-1932	Витебский завод сельскохозяйственных машин и орудий № 3 "Красный металлист" Белорусского государственного треста металлообрабатывающей промышленности (с 01.1930 - Белорусского объединения металлообрабатывающей промышленности "Белметтреста", с 1933 г. - Белорусского государственного треста металлических изделий "Белметизтреста") Высшего Совета народного хозяйства БССР (с 05.01.1932 - уполномоченного Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР при Совете Народных Комиссаров БССР), г. Витебск Витебского округа (с 26.07.1930 - БССР)
1932-1935	Витебский станкостроительный завод уполномоченного Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР при Совете Народных Комиссаров БССР (с 04.10.1934 - Народного коиссариата местной промышленности БССР), г. Витебск БССР
1935-06.1941	Витебский станкостроительный завод имени С.М.Кирова Народного коиссариата местной промышленности БССР (с 22.08.1937 - Народного комиссариата машиностроения СССР, с 05.02.1939 - Главного управления станкостроительной промышленности "Главстанкопрома" Народного комиссариата тяжелого машиностроения СССР, с 05.06.1941 - Народного комиссариата станкостровения СССР), г. Витебск БССР (с 20.02.1938 - Витебской области)
1941-06.09.1963	Витебский станкостроительный завод имени С.М.Кирова Главного управления станкостроительной промышленности "Главстанкопрома" Народного комиссариата (с 15.03.1946 - Министерства) станкостроения СССР (с 05.03.1953 - Министерства машиностроения СССР, с 19.04.1954 - Министерства станкостроительной и инструментальной промышленности СССР, с 1957 г. - Управления машиностроения и станкостроения (с 04.1962 - Управления станкостроения и общего машиностроения) Совета народного хозяйства БССР), г. Витебск
05.09.1963-09.02.1966	Витебское станкостроительное объединение Управления станкостроения и общего машиностроения Совета народного хозяйства БССР (с 10.1965 - Главного управления по производству прецизионных станков Министерства станкостроительной и инструментальной промышленности СССР), г. Витебск
09.02.1966-30.12.1985	Витебский станкостроительный завод имени С.М.Кирова Министерства станкостроительной и инструментальной промышленности СССР, г. Витебск
30.12.1985-20.03.1986	Витебское станкостроительное производственное объединение Министерства станкостроительной и инструментальной промышленности СССР, г. Витебск
20.03.1986-15.04.1988	Витебское станкостроительное производственное объединение имени С.М.Кирова Министерства станкостроительной и инструментальной промышленности СССР, г. Витебск
15.04.1988-05.06.1996	Производственное объединение "Витебский станкостроительный завод имени С.М.Кирова" Министерства станкостроительной и инструментальной промышленности СССР (с 19.09.1991 - Республики Беларусь, с 14.10.1991 - Государственного комитета Республики Беларусь по промышленности и межотраслевым производствам, с 23.09.1994 - Министерства промышленности Республики Беларусь), г. Витебск
05.06.1996-	Витебский станкостроительный завод "ВИСТАН" Министерства промышленности Республики Беларусь, г. Витебск

Ил. 11. Фондовый каталог государственных архивов Республики Беларусь [7]



Ил. 12. Схема завода «Вистан»

Ил. 13. Район Белых казарм сегодня. Фото А. Гергаева

ЛИТЕРАТУРА

1. **Без-Корнилович, М.** Исторические сведения о примечательнейших местах Белоруссии с присовокуплением и других сведений к ней же относящихся / М. Без-Корнилович. – Санкт-Петербург, 1855. – С. 47.

2. **Государственный** архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 238. Оп. 1. Д. 2. Л. 429.

3. **ГАВт.** – Ф. 1001. Оп. 1. Д. 44. Л. 55.

4. **ГАВт.** – Ф. 1001. Оп. 1. Д. 44. Л. 67.

5. **Национальный** исторический архив Беларуси. – Ф. 3209. Оп. 1. Д. 2118. Л. 75.

6. **Российский** государственный архив древних актов : путеводитель : в 4 т. – Т. 3, ч. 1. – 1997 ; Ч. 2 : 2. Учреждения местного управления XVIII в., 2.1. Учреждения общегосударственного управления, 2.1.5. Учреждения военного управления. 2.1.5.1. Полковые дворы.

7. **Фондовый** каталог государственных архивов Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fk.archives.gov.by/fond/109358. – Дата доступа: 20.01.2021.

Лаўрык Ю.М. *(г. Мінск)*

ФАРМІРАВАННЕ КНІЖНАЙ ПРАСТОРЫ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў ПАЧАТКУ НОВАГА ЧАСУ Ў СВЯТЛЕ ПАЛІТЫЧНАЙ СІТУАЦЫІ НА ПАЎНОЧНЫХ МЕЖАХ ДЗЯРЖАВЫ

Прапанаваны матэрыял з'яўляецца часткай даследавання, прысвечанага высвятленню перадумоў, якія паўплывалі на фарміраванне кніжнай прасторы Вялікага Княства Літоўскага (ВКЛ) у канцы XV ст. і ў першай трэці XVI ст. (у тым ліку на з'яўленне і даволі хуткі заняпад кнігадрукавання). У папярэдніх працах, ажыццёўленых у межах даследавання, разглядалася, у якой ступені да гэтага спрычыніліся стасункі ВКЛ з Маскоўскай дзяржавай [5] і Крымскім ханствам [6]; сёння аўтар разглядае ў азначаным кантэксце ўзаемадачыненні ВКЛ з рыцарскімі ордэнамі, што асталяваліся ў Прыбалтыцы.

Тэўтонскі ордэн стыхійна ўзнік у канцы XII ст. у Палесціне і неўзабаве быў афіцыйна зацверджаны Папам Рымскім [7, с. 11–12]. Пасля выгнання хрысціянскага рыцарства са Святой Зямлі ордэн нейкі час абараняў Венгрыю ад набегаў полаўцаў, але не здолеў канчаткова ўкараніцца і ў Сяміградзі; пасля гэтага «нямецкія браты» прыбылі ў Прусію, верагодна, у 1229 г. [16, s. 405–406, 427]. Тут вялікі магістр Герман фон Зальца пачаў будаваць планы па ўтварэнні самастойнай крыжацкай дзяржавы [16, s. 130].

Ордэн паступова авалодаў Хэлмінскай зямлёй, Прусіяй і Памяраніяй, а з часам пачаў уяўляць сур'ёзную пагрозу для Каралеўства Польскага і ВКЛ, у тым ліку для яго беларускіх зямель, на якія неаднаразова ажыццяўляліся

збройныя напады [7, с. 19, 28, 29, 42, 46, 47, 49–50 і інш.]. Каб супрацьстаяць крыжацкай агрэсіі, у 1385 г. паміж ВКЛ і Каронай была заключана Крэўская унія, аднак крыжацкія рэйзы працягваліся яшчэ некалькі дзесяцігоддзяў [2, с. 114–115, 116–117, 120–121, 125–127 і інш.].

Крэс панаванню ордэна на паўднёва-ўсходнім узбярэжжы Балтыкі быў пакладзены толькі ў XV ст.: у выніку паражэння пад Грунвальдам у 1410 г. прускія крыжакі страцілі сваю мілітарную, а пасля падпісання ў 1466 г. Таруньскага міру – і эканамічную моц, а таксама былі вымушаны прызнаць васальную залежнасць ад Кароны. Урэзаны тэрытарыяльна і пазбаўлены не толькі найбольш важнай на той час крыніцы даходу – гандлю паморскіх гарадоў, але нават і дзяржаўнага суверэнітэту, Тэўтонскі ордэн у апошняй трэці XV ст. не быў у стане адыгрываць тую ролю, што і раней; так пачаўся яго заняпад [12, s. 64–65].

Імкнучыся аднавіць status quo ante, вялікі магістр Генрых фон Рыхтэнберг у лютым 1477 г. заключыў дамову з Маціусам Корвінам, а ў чэрвені 1478 г. новы вялікі магістр Трухсэс узяў у аблогу паморскія замкі Бродніцы, Хэлмна і Старгард. Аднак пераможная выправа каралеўскіх войск у Вармію і далей непасрэдна ў землі ордэна змусіла вялікага магістра ў кастрычніку 1479 г. прызнаць паражэнне і скласці васальную прысягу Казіміру [13, s. 120–123]. Тым не менш ордэнскае кіраўніцтва не пакідала надзеі пазбавіцца залежнасці ад Польшчы, што змушала яго шукаць саюзнікаў. Маскоўскія спробы арганізаваць сумесна з Данія й і ордэнам антыпольскую кааліцыю прывялі да чарговай выправы каронных войск у Прусію ў 1520 г. і разгрому крыжакоў [10, с. 160–161], ВКЛ зноў захоўвала нейтралітэт [3, с. 409].

Секулярызацыя Прускай правінцыі Тэўтонскага ордэна ў 1525 г. сталася заканамерным вынікам яго заняпаду. Апошні вялікі магістр Альбрэхт Гогенцолерн прыняў тытул герцага прускага, падаўшы навастворанае герцагства ў васальную залежнасць Жыгімонту I [18, s. 125–126].

Лівонскі ордэн быў заснаваны ў пачатку XIII ст. для абароны калоній нямецкіх купцоў і місіянераў, а пасля арганізацыі ў Лівоніі царкоўнай структуры знаходзіўся ў васальнай залежнасці ад мясцовых біскупаў, якія атрымалі годнасць імперскіх князёў [16, s. 408–411, 436–437]. У выніку разгрому ў 1236 г. лівонскага рыцарства пры Саўле кангрэгацыя была ўключана ў 1237 г. у склад Тэўтонскага ордэна як асобная правінцыя на чале з ландмайстрам [1, с. 37–39]. Лівонскі ландмайстар прызначаўся вялікім магістрам з Мальбарка (пазней – з Караляўца) і de jure падлягаў яго ўладзе, але на практыцы захоўваў аўтаномію і праводзіў самастойную палітыку. Таму ў літаратуры Лівонскае ландмайстарства нярэдка працягвае фігураваць як «Лівонскі ордэн», а на азначэнне Прускага ландмайстарства ўжываецца назва «Тэўтонскі ордэн».

Асабліва выразна самастойнасць лівонскага рыцарства праяўляецца з XV ст., калі лівонцам здаралася нават выбіраць ландмайстра без згоды Ка-

раляўца, як, у прыватнасці, у 1436 г. [9, с. 273], а з 1459 г. удзел вялікага магістра ў прызначэнні Лівонскага ландмайстра ператвараецца ў фармальнасць [1, с. 106]. У 1513 г., згодна з паведамленнем «Лівонскай хронікі» Балтазара Русава, «…магістр Вольтер фон Плетенберг адкупіўся ў маркграфа Альбрэхта, вялікага магістра ў Прусіі, ад прысягі ў вернасці і ад леннай залежнасці, так што магістрам у Лівоніі з таго часу не было больш патрэбы атрымліваць ленную інвестытуру ад вялікага магістра ў Прусіі» [9, с. 300]. У 1520 г. вялікі магістр Альбрэхт замацаваў новы статус Лівоніі адмысловым актам [9, с. 300].

Лёсы Лівоніі і Прусіі шмат у чым дэманструюць падабенства. Так, падтрымка Свідрыгайлы скончылася для лівонцаў паражэннем у бітве на р. Святой пад Вількомірам у 1435 г., дзе загінула значная частка рыцарства на чале з магістрам, «…з прычыны чаго Лівонія надзвычай аслабела» [9, с. 272]. Не пакінулі гэтай бітвы без увагі і рускія летапісцы, адзначаючы, што «…велми давно и за много лет не бывало таковаго побоища в Литовской земли» [8, с. 215]. Гэта паражэнне можна параўнаць з разгромам прускіх крыжакоў пад Грунвальдам.

З прычыны слабасці ордэна актывізавалі змаганне з ім лівонскія біскупы і гарады (перадусім, рыжскі арцыбіскуп і г. Рыга [1, с. 101]), а з часам далучылася і земскае рыцарства. Аднак дзякуючы прадбачлівай палітыцы ордэнскаму кіраўніцтву ўдалося пазбегнуць утварэння ў Лівоніі змовы кшталту Прускага саюза [1, с. 104–106]. У большай ступені да эканамічнага аслаблення Лівонскага ордэна прывёў захоп Маскоўскай дзяржавай Ноўгарада ў 1470-я гг. і яе палітыка, скіраваная супраць панавання Ганзы ў балтыйскім гандлі [10, с. 132–133].

Таму ў апошняй трэці XV – першай палове XVI ст. Лівонія імкнулася ў асноўным, да мірнага суіснавання з ВКЛ, нават спрабавала заключаць ваенныя дамовы, скіраваныя супраць супольных ворагаў. У прыватнасці, у 1480 г. лівонскі магістр звяртаўся да караля польскага і вялікага князя літоўскага Казіміра з просьбай пра дапамогу ў вайне супраць залежнага ад Масквы Пскова [3, с. 397]. У 1501 г. быў заключаны саюз з ВКЛ супраць Маскоўскай дзяржавы, і Лівонія самастойна распачала ваенныя дзеянні на сваёй заходняй мяжы. Аднак ВКЛ не змагло падтрымаць яе і ўступіць у вайну – спачатку з прычыны смерці караля Яна Альбрэхта, якая адчыніла перад вялікім князем Аляксандрам шлях да польскай кароны, затым дзеля неабходнасці бараніць паўднёвыя землі ад рэгулярных татарскіх наездаў. Гэта прывяло да разгрому лівонскіх войск пад Гельмедам [1, с. 116, 120].

Уплывы на фарміраванне кніжнай прасторы стасункаў ВКЛ з прыбалтыйскімі ордэнамі былі зменнымі і неадназначнымі. Пачатковы этап (XIII і XIV стст.) характарызуецца скрайне негатыўным уплывам на стан кніжнай прасторы паўночнабеларускіх зямель, якіх дасягалі крыжацкія выправы (гаварыць пра існаванне ў гэты час на этнічна балцкіх тэрыторыях ВКЛ

кніжнай культуры мы яшчэ не можам). Аднак у канцы XIV ст. такая палітыка крыжакоў спрычынілася да заключэння Крэўскай уніі (1385), што сталася спрыяльным фактарам для распаўсюджання на тэрыторыі ВКЛ лацінскай кнігі як рукапіснай, так пазней і друкаванай.

Паводле ўмоў уніі Ягайла забавязваўся «…усіх грамадзянаў Вялікага Княства Літоўскага абодвух палоў і незалежна ад статусу, стану або займанай пасады, якія пад нашай уладаю на Літве і Русі пражываюць, да веры каталіцкае і паслушэнства святой Рымскай Царкве прывесці, схіліць і заклікаць» [21, s. 610–611]. У рэчышчы рэалізацыі гэтых умоў была заснавана Віленская рымска-каталіцкая дыяцэзія, якая ахоплівала сваёй юрысдыкцыяй не толькі тэрыторыю этнічнай Літвы, але і беларускія землі, дзе неўзабаве пачалі ўзводзіцца першыя касцёлы (у Гайне, Крэве, Абольцах, Лідзе, Ашмянах) [14, s. 22]. У канцы XV ст. у Віленскай дыяцэзіі налічвалася ўжо 130 касцёлаў, якія ў сваёй дзейнасці мусілі выкарыстоўваць адпаведную літаратуру. Верагодна, не ўсе парафіяльныя бажніцы мелі ў дастатковай меры, неабходнае для адпраўлення набажэнстваў абсталяванне; аднак, прынамсі, у палове з іх павінны былі захоўвацца і актыўна выкарыстоўвацца патрэбныя для набажэнства літургічныя кнігі: Евангеллі, лекцыянары, службоўнікі, агенды, градуалы, антыфанары і інш. [20, s. 188–189].

Кнігамі, а таксама літургічнымі шатамі і начыннем (або сродкамі на іх набыццё) святыню забяспечваў фундатар; на гаспадарскіх землях у гэтай якасці выступаў вялікі князь літоўскі. Захаваліся звесткі пра тыя ці іншыя кнігі (прычым, не толькі літургічныя), ахвяраваныя каранаванымі асобамі касцёлам, напрыклад, Ягайла супольна з каралевай Ядвігай падараваў віленскаму кафедральнаму сабору пэўную кнігу, азначаную як librum passionalis (паводле Е. Ахманьскага, гэта была «Залатая легенда» Якуба дэ Варажэн) [19, s. 75]. Кнігі нярэдка паступалі і дзякуючы прыезджым іерархам і кліру: так, першы віленскі біскуп Андрэй Ястрэмбец завяшчаў той жа святыні два пісаныя на пергамене пантыфікалы, а трэці, разам з усімі іншымі кнігамі, – капітуле [19, s. 73–83].

Калі гаварыць пра бібліятэкі шэраговага лацінскага святарства, дык яны маглі мець у сваёй аснове падборку выданняў, непасрэдна патрэбных для выканання прафесійных абавязкаў, гэта значыць, звязаных з правядзеннем абрадаў, чыненнем малітваў, падрыхтоўкай казанняў і г. д. Так, збор твораў («Opera») Анзельма Кентэрберыйскага ў XVI ст. належаў пробашчу з в. Новы Двор Лідскага павета Марціну Юдзевічу, а святары ў Глыбокім і Дрысвятах мелі ва ўласнасці кнігі нелітургічнага характару [20, s. 199].

Паколькі адпаведных навучальных устаноў у Вялікім Княстве Літоўскім на той час не было, падрыхтоўка кліру (як і вучоба свецкіх) адбывалася ў замежных вучэльнях; прыехаўшы з ВКЛ за мяжу, для заняткаў ва ўніверсітэтах студэнты набывалі кнігі. Напрыклад, паводле актаў рэктарскага суда («Acta Rectoralia») Кракаўскага ўніверсітэта за 1469–1536 гг. вядома,

што пэўны Станіслаў з Вільні мусіў закласці ў якасці забеспячэння штрафу «Хроніку» Вінцэнта Кадлубкі [15, p. 46–50]. Адтуль жа мы даведваемся, што Тамаш з Майшаголы пазычаў Паўлу з Любліна «Градуал» і з цяжкасцю змог дамагчыся яго вяртання [15, p. 49], а таксама, што закладзеныя кнігі нярэдка пераходзілі з рук у рукі сярод беларускіх студэнтаў [15, p. 46].

Вяртаючыся з вучобы дадому, былыя студэнты прывозілі кнігі з сабой, пра што гавораць інскрыпцыі, напрыклад, на выданні «De priscorum proprietate verborum» М. Юніануса (Trevisia, 1477): «Книга Адамова Якубовича с Котры… с Литвы с волости городенское, Зброшкова… брата, ему ж накладалася на науку до Кракова болеи десять лет, из детинства ест при школе… виленскои ласкаве ховался, небощик князь Иондрей (Swirski), негды каноник и кустош костола виленского святого Станислава» [4, с. 57; 19, s. 76]. Для нас гэты запіс важны і тым, што сведчыць пра даволі ранняе знаёмства беларусаў з друкаванай кнігай.

Лацінская кніга трапляла ў ВКЛ не толькі праз неабходнасць забеспячэння новазбудаваных касцёлаў літургічнай літаратурай ці будучы прывезенай былымі студэнтамі. Сярод іншых шляхоў, непасрэдна звязаных з узаемадачыненнямі ВКЛ і прыбалтыйскіх ордэнаў, можна назваць, напрыклад, ваенныя трафеі [11, s. 223], дарункі царкоўных іерархаў з ордэнскіх зямель [17, s. 331] і іншыя; аднак цяжка назваць гэтыя крыніцы паступленняў літаратуры шырокамаштабнымі. Пазней, у сярэдзіне XVI ст., былы Тэўтонскі ордэн ужо ў постаці Прускага герцагства істотным чынам спрычыніўся для пашырэння пратэстанцкай друкаванай кнігі і кнігадруку на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага (пераважна, на ўласна літоўскіх землях) – аднак гэта ўжо выходзіць па-за храналагічныя межы нашага даследавання.

ЛІТАРАТУРА

1. **Арбузов, Л. А.** Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии / Л. А. Арбузов ; пер. с нем. 3-го изд. Владимир Бук. – Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1912. – VI, 296 с., 4 л. портр. : карт.

2. **Виганд** из Марбурга. Новая прусская хроника (1394) / Виганд из Марбурга ; изд. подгот. И. А. Настенко ; [пер. с лат., предисл., коммент. и послесл. Н. Н. Малишевского]. – Москва : Русская панорама, 2014. – 256 с. : ил., цв. ил. – (Сер. «Mediaevalia» : средневек. лит. памятники и источники).

3. **Гісторыя** Беларусі : у 6 т. / [рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) і інш.]. – Мінск : Соврем. школа : Экоперспектива, 2008. – Т. 2 : Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага / [Ю. Бохан і інш.]. – 685 с., [2] л. карт : іл.

4. **Дорошкевич, В. И.** Новолатинская поэзия Белоруссии и Литвы: первая половина XVI в. / В. И. Дорошкевич. – Минск : Наука и техника, 1979. – 209 с.

5. **Лаўрык, Ю. М.** Спроба высвятлення праблемных момантаў гісторыі кірылічнага кнігадруку Вялікага Княства Літоўскага XVI ст. (у кантэксце палітычнай сітуацыі) / Лаўрык Ю. М. // Матэрыялы XVI Міжнар. кнігазн. чыт. : да 500-годдзя

заснавання Жыровіцкага манастыра і бібліятэкі (г. Мінск, 15 мая 2020 г.). – Мінск, 2020. – С. 117–125.

6. **Лаўрык, Ю. М.** Татарскія наезды першай чвэрці XVI ст. як стрымліваючы фактар развіцця айчыннай кніжнай культуры / Лаўрык Ю. М. // Матэрыялы XVII Міжнар. кнігазн. чыт. (г. Мінск, 22–23 красавіка). – Мінск, 2021. – С. 66–72.

7. **Петр** из Дусбурга. Хроника земли Прусской / Петр из Дусбурга ; изд. подгот. В. И. Матузова ; [Ин-т рос. истории Рос. акад. наук]. – Москва : Ладомир, 1997. – 384 с.

8. **Полное** собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорской Археографической комиссией. – Санкт-Петербург : Археографическая комиссия, 1848. – Т. 4 : IV. V. Новгородские и псковские летописи. – VIII, 360, [3] с., [2] л. факсим. : ил.

9. **Рюссов, Б.** Ливонская хроника … / описано кратко и достоверно ревельцем Балтазаром Рюссовым // Сб. матер. и ст. по истории Прибалтийского края. – Рига : Тип. А. И. Липинского, 1879. – Т. 2. – С. 157–404.

10. **Хорошкевич, А. Л.** Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. / А. Л. Хорошкевич. – Москва : Наука, 1980. – 293 с.

11. **Codex** epistolaris Vitoldi, Magni ducis Lithuaniae, 1376–1430. – Kraków : Nakł. Pol. Akad. Umiejętności, 1882. – CXVI, 1114 s. – (Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia ; T. 6).

12. **Górski, K.** Ustrój państwa i zakonu krzyżackiego : rozprawa z pracy zbiorowej «Dzieje Prus Wschodnich» / Karol Górski. – Gdynia : Nakł. Inst. Bałtyckiego w Gdyni, 1938. – IV, 72 s. – (Dzieje Prus Wschodnich. T. 1 ; 8).

13. **Kolankowski, L.** Polska Jagiellonów / Ludwik Kolankowski. – Lwów : Gubrynowicz i syn, 1936. – [3], 374 s.

14. **Kurczewski, J.** Biskupstwo Wileńskie od jego założenia aż do dni obecnych / oprac. Ks. Jan Kurczewski. – Wilno : J. Zawadzki, 1912. – [2], 614, [2] s.

15. **Łatyšonak A.** Students from the Crand Duchy of Lithuania before the Rectorial Court of Cracow University in the Years 1469–1536 / Aleh Łatyšonak // Occasional Papers in Belarusian Studies / University of London ; School of Slavonic and East European Studies ; ed. by James Dingley and Arnold McMillin. – [London], 1995. – P. 46–50.

16. **Łowmiański, H.** Prusy – Litwa – Krzyżacy / Henryk Łowmiański ; wyboru dokonał, opracował, wstępem i posłowiem opatrzył Marceli Kosman. – Warszawa : Pol. Inst. Wyd., 1989. – 480, [1] s. : il.

17. **Marienwerder, J.** Das Leben der Heiligen Dorotea / von Johannes Marienwerder ; herausgegeben von Max Toeppen [sic!] / J. Marienwerder // Scriptores rerum Prussicarum / herausgegeben von Dr. Teodor Hirsch, Dr. Max Töppen und Dr. Ernste Strehlke. – Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1863. – T. II : Die Geschichtsquellen von Preussische Vorzeit bis zum Untergange Ordensherrschaft. – S. 179–374.

18. **O hołdzie** pruskim : Status causae // Zbiór pamiętników historycznych o dawnéj Polszcze : z rękopismow, tudzież dzieł w różnych językach o Polszcze wydanych oraz z listami oryginalnemi królów i znakomitych ludzi w kraju naszym / przez J. U. Niemcewicza. – W Warszawie : Drukiem N. Glücksberga, 1822. – T. 3. – S. 125–126.

19. **Ochmański, J.** Najdawniejsze księgozbiory na Litwie od końca XIV do połowy XVI wieku / Jerzy Ochmański // Europa Orientalis. Polska i jej wschodni sąsiedzi od

średniowiecza po współczesność: Studia i materiały ofiarowane Prof. St. Alexandrowiczowi w 65 rocznicę urodzin / red. nauk.: Zbigniew Karpus, Tomasz Kempa, Dorota Michaluk. – Toruń, 1996. – S. 73–83.

20. **Topolska, M. B.** Czytelnik i książka w Wielkim Księstwie Litewskim w dobie Renesansu i Baroku / Maria Barbara Topolska. – Ossolineum, 1984. – 338 s.

21. **Uniwersał** / Jagiełły … // Biskupstwo Wileńskie od jego założenia aż do dni obecnych / oprac. Ks. Jan Kurczewski. – Wilno : J. Zawadzki, 1912. – S. 610–611.

Лещинский М.А. *(г. Витебск)*

ДЕЛО О ПОПЫТКЕ МЯТЕЖА НА ТЕРРИТОРИИ МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1863 г.

События 1863–1864 гг. были и остаются чрезвычайно сложными для их осмысления и понимания, учитывая влияние на них многофакторности – национальных, региональных, сословных, классовых различий, малоземелья преобладающей части населения, частых изменений границ и административно-территориального устройства и т. д. Тем не менее отсутствие объективного понимания процессов формирования белорусской нации и цивилизационных признаков этнокультурных ценностей белорусов, а также неумение (нежелание) до сих пор разобраться в исторической логике и политической сущности этого восстания уже стали причиной ошибочного восприятия нами, белорусами, нашего подлинного, реалистичного прошлого, а следовательно, настоящего и будущего нашей страны. Нами предпринята попытка проанализировать региональные особенности событий, происходивших в восточной части белорусских земель на территории Могилевской и Витебской губерний, входивших в то время в состав Российской империи. Полагаем, что они до сих пор недостаточно изучены и вовлечены в научный оборот, хотя в Республике Беларусь исследования архивных документов по теме продолжаются. Несмотря на кажущуюся искусственность географических рамок данного исследования, ограниченного восточными районами страны, выявленные документальные свидетельства достаточно интересны, и автор решил поделиться ими, поскольку они несколько по-другому оценивают устоявшиеся взгляды на исследуемые нами события. Кроме того, они имеют прямое отношение к истории Витебской области, поскольку семь ее нынешних районов (Бешенковичский, Дубровенский, Лиозненский, Оршанский, Сенненский, Толочинский и Чашникский) – довольно большая территория: примерно от м. Крупки до с. Красное Смоленской губернии и от м. Копысь до почти границ г. Витебска входили тогда в состав Могилевской губернии.

Выводы нам предстояло сделать на основе уточнения и углубления широкой базы существующих документальных исследований, разработок и публикаций, предъявления и усовершенствования новых доказательств и аргументов, их дальнейшей комплексной оценки. Одна из проблем заключается в том, что многие отечественные, в том числе витебские профессиональные исследователи, часто говорят о событиях 1863–1864 гг., происходивших фактически за пределами нынешней территории области (Динабург, Режица, Люцин, Невель, Себеж, Велиж), почти не касаясь «своих». Наоборот, многие их могилевские коллеги точно так же забывают упомянуть о происходившем на территории семи районов, указанных выше, полагая, что сейчас это не их поле, или говорят о них только вскользь. В итоге получается, что возникло ничье, непаханое исследовательское поле, и складывается ощущение, как будто пахать его некому, но работать в данном направлении все-таки нужно. Другим проблемным вопросом является то, что отдельные исследователи, в частности местные краеведы – авторы публикаций в районных книгах «Память», коснувшись данной темы, уделили больше внимания фрагментарному описанию событий, в основном хронологии и динамике их развития, не вдаваясь в причины и суть происходившего.

Обобщенный анализ имеющихся архивных документов по обозначенной теме в целом свидетельствует, что научное исследовательское поле здесь обширно. Более того, оно весьма велико, а имеющиеся авторские точки зрения, опубликованные в трудах и монографиях, иногда бывают полярными, поэтому наша цель – попытаться приблизиться к некоему осмыслению, единому их пониманию и толкованию. Однако невозможно подчеркнуть региональные особенности без анализа существующих авторских трактовок событий восстания и его значения в национальных историографиях Беларуси, России, Польши, Литвы и других стран. К сожалению, рамки доклада ограничивают возможность предоставления характеристики данных источников и их оценки, а потому приведен только краткий перечень основных трактовок.

Обзор трактовок

Значение восстания на территории Беларуси, действия и роль его руководителей, в частности К. Калиновского, в разное время и разными авторами оценивались многообразно. Мятеж объявлялся то чисто крестьянским, то чисто шляхетским, то буржуазно-демократическим, то «польской смутой». Иногда вообще подвергается сомнению наличие в нем революционно-демократического крыла. В зависимости от предпочтений различных авторов то акцентируется, то затушевывается религиозно-клерикальная составляющая событий восстания. Из огромного количества изученных источников только лишь по одной проблеме – о роли в восстании К. Калиновского – приводим всего лишь два, но таких показательных вывода белорусских ученых, совершенно противоположных. По мнению доктора исторических наук В. Го-

лубева, в современной Беларуси политика определяет историю. Он считает, что *«Белорусское государство сейчас меньше обращается к историческим фигурам, которые много сделали для национально-освободительного движения. Более того, пересматриваются официальные взгляды на таких людей: выходят новые книги по истории, появляются документы, в которых Кастуся Калиновского называют не белорусским героем, а польским или вообще антироссийским деятелем».* Далее ученый утверждает, что *«подобные публикации определяет политика отдельных лиц, которые стоят во главе Белоруссии».* Вместе с тем он сам приводит этот довод не на основе фактов и достоверных документов, а, наоборот, путем проталкивания своей трактовки и навешивания оппонентам ярлыков. Притом исследованные нами материалы свидетельствуют, что в начале XX в. белорусские революционные демократы, в первую очередь лидеры Белорусской Социалистической Громады, стали пропагандировать Калиновского как своего идейного предшественника, человека, с которого, якобы, началось белорусское крестьянское революционное движение. По мнению кандидата исторических наук Вадима Гигина, *«в среде белорусских возрожденцев начала XX века Калиновский не был популярной фигурой. Ситуация изменилась после прихода к власти большевиков. Согласно их исторической концепции, Коммунистическая партия должна была иметь в каждом народе своего предтечу. Вот таким «протобольшевиком» и решено было сделать Кастуся Калиновского»* [18]. Говоря о сегодняшнем навязывании его нам как белорусского героя, автор далее утверждает: *«Они хотят, чтобы в России мы видели исторического врага. Они нам навязывают своих героев. Это делается только ради того, чтобы изменить геополитическую ситуацию, чтобы сделать белорусов и русских врагами».* Говоря о механизмах «цветных революций», В. Гигин подчеркнул, что *«в их основе лежит искажение исторического сознания. Это обращение к несуществующим событиям, травля народа <...> она базируется еще и на местных исторических и племенных традициях, религиозной ситуации. Там уже заложены эти идеологические бомбы, в том числе завязанные зачастую на фейковых исторических претензиях народов друг к другу».* При этом он вполне обоснованно констатирует, что события 1863 г. не являются в чистом виде крестьянским восстанием, приводя факты, что *«крестьяне сдавали властям восставшую шляхту, а не наоборот…».* Этот вывод подтверждается и архивными материалами, использованными нами в данном докладе (Дадатак 5, фота 1, 2, 3).

С точки зрения других изыскателей, восстание было исключительно польским по своему характеру, а К. Калиновский не является подлинным героем белорусского народа и причисляется даже к антигероям. *«Сконструированным героем, польским революционером-фанатиком, поставленным на должность руководителя восстания польским повстанческим центром»* посчитал его историк А. Гронский, он же называет создание «Мужицкой

правды» *«чисто пропагандистской акцией»* [4]. Многие историки обоснованно называют Калиновского поляком. Приводятся доказательства того, что его родители – поляки, сам он поляк по рождению с польским именем Wincenty Konstanty (Константин), в период восстания подчинялся польскому центру, имевшему целью захват восточных российских (ныне белорусских) земель вплоть до Днепра, писал листовки на польском языке и другие. Ими же ставится под сомнение приверженность Калиновского идее социальной справедливости, жестко критикуются его позиции в отношении насильственных методов ведения борьбы и веротерпимости. Историк А. Бендин объявляет К. Калиновского «идеологом беспощадного революционного террора» и считает возможным охарактеризовать события, связанные с восстанием, как «эпизоды гражданской войны, вспыхнувшей в крае на основе политического, социального и религиозно-этнического противостояния».

Подобные полярные выводы приводят многие авторы исследований и по другим проблемным вопросам данной тематики, порой ссылаясь на одни и те же документы. Так, по-разному отражается роль различных сословных и религиозных групп в организации восстания (мятежа), в частности дворянства, шляхты, крестьян, католиков. Различия в оценках существуют и поныне, иногда позиции расходятся диаметрально. Причина этого кроется в разнице концепций авторов относительно основополагающих принципов формирования белорусской нации, национального менталитета, основ ее исторического, социально-экономического, конфессионального, культурного развития. Очевидно, получить полную картину и дать объективную оценку событиям можно лишь на базе научных исследований, которые предполагают изучение всех выявленных документальных источников и их тщательный анализ.

Губернатор Северо-Западного края М.Н. Муравьев считал, что выступление 1863 г. с позиции властей явилось мятежом польской шляхты, который проходил под знаменами католицизма. Он утверждал, что часть радикально настроенных ксендзов использовала авторитет священного сана и свою духовную власть над паствой для антиправительственной пропаганды и политической мобилизации повстанцев. По его словам в донесении, подтвержденном многочисленными фактами: *«Католическое духовенство никогда еще так дерзко и беззаконно, как ныне, не заявляло своих преступных действий: призыв к мятежу раздается с высоты костельных кафедр; речи, пропитанные духом ненависти и разрушения, оглашают своды католических святынь, и даже некоторые исступленные проповедники сами берутся за оружие, присоединяются к шайкам бунтовщиков и предводительствуют некоторыми из них. Высшее же духовенство, владея главным и вернейшим средством к умиротворению края – призывом, во имя Божие, к порядку и законному долгу, умышленно бездействует, потворствуя, таким образом, кровавым смутам и беспорядкам».*

Значительный объем сведений о деятельности повстанческой организации содержится в воспоминаниях участников и современников событий, связанных с восстанием, написанных вскоре после них, в том числе в тюрьмах по требованию властей («Показания и записки» члена Национального правительства О. Авейде, написанные и ограниченным тиражом изданные для служебного пользования в 1866 г.). Одним из первых официальных историографов восстания стал царский генерал В. Ратч. По личному поручению М. Муравьева он написал два тома «Сведений о польском мятеже 1863 г. в Северо-Западной России», изданных в Вильно в 1867–1868 гг. Как отмечал автор, он использовал в ходе работы официальную переписку, следственные дела, конфискованные бумаги, книги, брошюры и «некоторые устные сообщения». В данной работе он приводит сведения о программных установках К. Калиновского, в частности об уничтожении дворянства, ликвидации помещичьего землевладения путем крестьянской революции, о необходимости создания крестьянской революционной организации и связи восстания в Беларуси и Литве с польским национальным освободительным движением и другие. Одними из первых изданий стали четыре тома воспоминаний «История восстания польского народа в 1861–1864 гг.» члена Национального правительства А. Гиллера, вышедшие в Париже в 1867–1871 гг. На их страницах сторонники социальной революции подвергались критике. В многотомнике были впервые опубликованы «Письма из-под виселицы» К. Калиновского на польском языке, в подлинности которых и авторстве Калиновского сомневаются сегодня многие исследователи. Позднее, уже в начале XX в., были изданы воспоминания Ф. Рожанского, Я. Гейштора, Б. Длусского и других участников и руководителей восстания. В середине 1920-х гг. белорусский историк В. Игнатовский *«основной целью восстания в Беларуси называл радикальное решение крестьянского вопроса и создание независимой от России и Польши Белорусской республики»*, он же «отыскал для истории» и К. Калиновского.

Однако в конце 1920-х гг. белорусский историк С. Агурский выдвинул другую концепцию «об исключительной роли помещиков и духовенства в организации восстания и его сугубо польском характере», чему есть множество свидетельств. В 1950–1960-е гг. белорус И. Лущицкий считал восстание 1863 г. в Беларуси и Литве *«антикрепостническим, крестьянским».* Отечественный историк А. Смирнов – автор одной из первых монографий, посвященных Калиновскому, назвал его *«выдающимся сыном белорусского народа»* [20]. Само восстание ученый рассматривал как проявление борьбы классов. Основателем белорусского революционного демократизма именуют К. Калиновского философы Э. Дорошевич и В. Конон. Они в 1970–1980-е гг. указали на наличие у Калиновского идеала «справедливого общественного и политического строя», называя его *«не абстрактным идеалом мечтателя-утописта, а конкретной программой идеолога крестьянства, мелкой*

шляхты и демократической интеллигенции с характерными для нее как сильными, так и слабыми сторонами мировоззрения». Доктор философских наук А. Майхрович дал оценку восстанию 1863–1864 гг. в Беларуси и Литве «как буржуазно-демократическому, направленному против социального и национального угнетения». К. Калиновского он называет *«выдающимся белорусским революционером-демократом, политическим деятелем и публицистом»*, связывает с его деятельностью и деятельностью его соратников оформление самостоятельного течения общественной мысли, революционного демократизма. *«Как исключительно важные на историческом пути белорусов к свободе и национальной консолидации»* признал деятельность и творчество К. Калиновского белорусский историк, литературовед и археограф Г. Киселев, который назвал предводителя восстания *«великим сыном белорусского народа и великим революционером»* [8]. Он отмечал, что *«в его деятельности нашли воплощение наиболее радикальные тенденции восстания 1863–1864 гг.»* [8]. Он также оценивает их *«как одну из наиболее смелых попыток проверить на практике и воплотить в жизнь программу революционных демократов 60-х гг.»* [8]. А Константину Калиновскому в истории общественной мысли и революционного движения Беларуси и Литвы он отводит роль *«лидера и теоретика революционной демократии»* [8]. Историк М. Бич называет восстание *«национально-освободительным»*, однако, оценивая его значение, говорит, что *«оно в тех условиях почти не имело шансов на победу, но в нем проявились мужество, решительность и самоотверженность многих сыновей Беларуси в борьбе за волю и лучшую долю народа».* Вместе с тем в 2000-е гг. И. Качалов – один из авторов учебного пособия «История Беларуси» под редакцией Е. Новика и Г. Марцуля назвал восстание 1863–1864 гг. *«по своим целям польской буржуазно-демократической революцией, направленной против самодержавия, сословного и национального неравенства».* При сравнении всех этих оценок невольно возникает сомнение в том, что все историки и публицисты действительно отразили историю нашего государства и своей страны в соответствии с научными критериями, принципами и методологией. Более того, напрашивается вывод, что многие из них наоборот руководствуются только своими политическими взглядами и предпочтениями, а некоторые – новомодными веяниями времени. Разумеется, все ученые, в том числе и историки, в той или иной мере зависят от окружения, в котором живут, и эта зависимость отражается в их исследованиях и работах. Следует признать, что новой угрожающей тенденцией сегодняшнего дня наряду с наличием дискуссионности темы и диаметрально противоположных позиций отдельных исследователей являются попытки деформации исторической памяти как результата умышленного и целенаправленного искажения истории, навязывания чуждых интерпретаций и смыслов, политизации ключевых событий и дат на основе подтасовки документов и фактов.

Как утверждает в своем научном труде А.Э. Фиринович [23], анализ документальной базы историографии восстания 1863–1864 гг. свидетельствует, что она складывалась постепенно – от одностороннего использования эмпирических материалов до попыток комплексного подхода в их верификации, а противоречивые оценки события определяются рядом объективных и субъективных факторов. Процесс замедления корректного анализа введенных в научный обиход источников зависел от ведущих методологических подходов в исторической науке, а также от политических реалий. Это и обусловило дискуссионность темы и наличие в ней диаметрально противоположных позиций – от полного игнорирования события до определения его как опорного пункта в нациотворческих процессах белорусского народа. Поэтому логично возникает потребность в создании основательной базы источников, в том числе из местных архивохранилищ и краеведческих исследований на их базе, а также путем использования имеющихся научных наработок и объективной их интерпретации применительно к местным особенностям.

Вот почему возникли предпосылка и потребность для продолжения научных исследований по теме, понимания ее различных интерпретаций, а целью и задачей данного доклада является попытка приблизиться к постижению сути дискуссий и некоему осмыслению указанных событий, их единому пониманию, толкованию применительно к восточным регионам нашей страны. Нами в разные годы по обозначенной теме рассмотрены и исследованы многие документы из Национального исторического и других архивов Республики Беларусь, опубликованные труды и монографии, в том числе касающиеся северо-восточной части Могилевской губернии, то есть современной Витебщины. По теме восстания имеется более 470 фондов и около 30 тыс. дел. Проанализировав многие указанные документы, мы поддерживаем точку зрения тех, кто считает, что так называемое польское восстание 1863–1864 гг. по сегодняшний день остается у некоторых ученых, а тем более у большинства белорусов, одним из самых мифологизированных сюжетов отечественной истории. Уже сформировался целый пласт научных изданий, художественной литературы и публикаций в СМИ, представляющий это восстание чуть ли не главным белорусским национальным делом, героической борьбой белорусского народа за независимость. Многие, однако, не задаются вопросом, а так ли это для нас, белорусов, по всем ли аспектам так? Цель данного исследования состоит в том, чтобы, проанализировав материалы архивов и сопоставив факты, выяснить ряд ключевых вопросов, попытаться дать на них ответ. Во-первых, как в целом трактуем это событие мы, белорусы, какие у нас точки зрения, чем они обусловлены и какими документальными свидетельствами подкреплены? Во-вторых, важно было уточнить, кто же замышлял восстание, а затем начал и продвигал его, с какими целями, если не с одной? В-третьих, кто осуществлял мятеж, кто стал приобретателем выгоды? В-четвертых, что получила основная масса народа,

ради которого, якобы, восстание начиналось, какой ценой это досталось, что выиграла от этого Беларусь (и выиграла ли?) с точки зрения приобретения ею независимости и обретения государственности? Было ли и стало ли данное восстание «главным белорусским национальным делом, героической борьбой белорусского народа за независимость»?

Выбор темы доклада определялся еще и тем, что об указанном восстании, сложном для восприятия, непростом для осмысления и трагическом по последствиям в истории и судьбе нашего народа, нет единого мнения относительно того, что же тогда произошло, что это было? Написано в разное время столько всего, и порой диаметрально противоположного, что до сих пор, к сожалению, на наш взгляд, отсутствует обобщенная картина. Во всяком случае, пока у нас в стране нет монографии, включающей все аспекты и оценки этого события. Поскольку у белорусов нет собственного мнения, то его нам предлагают и навязывают другие – западные и восточные аналитики. В то же время современная интерпретация события оказывает влияние на его восприятие и понимание нашим обществом. Поэтому нам пора бы уже, не дожидаясь очередного крупного юбилея, который состоится только в 2063 г. (200 лет), а промежуточные – в 2023 г. (160) и 2038 г. (175), уже сейчас тщательно проанализировать данный исторический факт и определиться в спорных оценках.

Исследование темы данного доклада базируется на широком обзорном анализе всех существующих на сегодня архивных документов Белорусского государственного исторического архива (БГИА), досконального изучении некоторых конкретных фондов, описей и дел, а также обширной библиографии по теме и знакомстве с почти сотней различных литературных источников. Это позволило сделать собственные выводы, касающиеся событий 1863 г., применительно к Могилевщине и современной Витебщине. Внимание было акцентировано на выявлении региональной специфики и существовавших особенностей различных социальных слоев населения восточных областей Беларуси и их участии в восстании 1863–1864 гг., что до сих пор недостаточно исследовано, и отражении этого в докладе. Надеемся, это внесет какую-нибудь ясность в раскрытие проблематики и, возможно, будет способствовать более объективным оценкам указанных событий и популяризации культурно-исторического прошлого. Перечень использованных нами фондов архивных материалов и главных источников (монографии и разработки Академии наук СССР, Академии наук БССР), БГИА и других приведен в библиографии, размещенной в конце статьи. В числе авторов, на чьи мнения делались ссылки в большей степени, в первую очередь хотелось бы указать последних исследователей – А.Э. Фиринович, Д. Матвейчик – благодаря их хорошо составленному библиографическому аппарату, который использован при анализе и оценке указанных событий.

Общий замысел, хроника и итоги мятежа

Из анализа документов Следственных (военно-следственных) комиссий по делам восстания 1863–1864 гг., материалов допросов подследственных и свидетелей, а также служебной переписки царских чиновников (донесений) следует, что вся Могилевская губерния и восточная часть Витебской находились на периферии основных эпицентров повстанческого движения. Тем не менее организаторы восстания возлагали большие надежды именно на Могилевскую губернию. Подготовка к мятежу на востоке губернии началась заблаговременно, еще в октябре 1862 г., когда под предлогом участия в открытии нового костела в м. Кричев съехалось около сотни человек, среди которых были отнюдь не крестьяне, а влиятельные помещики, дворяне, офицеры (выходцы из дворян), чиновники и наиболее активные студенты-поляки Горы-Горецкого земледельческого института. Инициаторами сходки выступили представители Могилевской революционной организации – крупные помещики-поляки: С. Голынский, И. Цехановецкий и Т. Чудовский, а также член Варшавского центрального национального комитета. На этом собрании было оглашено принятое в Варшаве и Вильно решение от «польского правительства над всем краем литовским и белорусским» о начале подготовки вооруженного восстания, которое по своей сути было направлено на возобновление Речи Посполитой в границах 1772 г. Еще в августе 1836 г. в Манифесте «Польского демократического общества» подчеркивалась необходимость восстановления Польши, которая бы занимала территории *«от Одри до Карпат, за Днепр и Двину, от Балтийского до Черного морей»*. С точки зрения их руководителей, о некоей автономии отдельных территорий не могло быть и речи, так как в обществе стойко держалось представление о польских симпатиях народов бывшей Речи Посполитой. Позднее подобные собрания прошли в имениях князей Любомирских Зарубы, Литвиново, Слепцы (ныне Дубровенский район), помещика Игнатия Цехановецкого, мирового посредника Оршанского уезда Здислава Миткевича и других (все они поляки-католики). В имении Литвиново, принадлежавшем Миткевичу, 12 апреля 1863 г. в обстановке конспирации прошел военный совет под руководством Людвига Звеждовского, «военного начальника Могилевской губернии», действующего штабс-капитана Генерального штаба с участием всех будущих повстанческих командиров. Показательна их национальная, конфессиональная и сословная принадлежность. Среди них были сплошь польские дворяне (выходцы из дворян) или шляхта: Игнатий Будзилович (поручик Екатеринославского пехотного полка), Станислав Дзержановский (слушатель Артиллерийской академии, поручик), Томаш Гриневич (отставной штабс-ротмистр, помещик Рогачевского уезда, владелец 150 душ временнообязанных крестьян), Ян Жуковский (поручик 1-й артиллерийской бригады), Константин Жебровский (слушатель Артиллерийской академии,

поручик), Иосиф Слежановский (подпоручик 1-го саперного батальона), Антоний Олендский (слушатель Артиллерийской академии, поручик), Иван и Михаил Манцевичи (прапорщики 3-й артиллерийской бригады) и Владимир Корсак (подпоручик 3-й артиллерийской бригады). На данном совете под руководством Звеждовского были разработаны инструкции по организации повстанческих отрядов и методике ведения боевых действий, а также определены места дислокации всех отрядов. Тогда же была определена дата выступления (ночь с 23 на 24 апреля) и озвучена основная цель восстания на Могилевщине. Планировалось быстро подчинить себе территорию всей губернии, а затем с помощью умелой пропаганды идей восстания среди крестьянства переместиться на территории Красненского и Рославльского уездов Смоленской губернии. А уже оттуда перебраться в Московскую, Тверскую и другие губернии, вплоть до Волги. Многие исследователи отмечают, что при удачном развитии событий такой исход не казался нереальным. Силы повстанцев на Могилевщине, по сведениям В. Ратча, насчитывали около 800 человек и были объединены в мощные отряды, сконцентрированные близ важнейших городов – Витебска, Могилева, Горок, Орши. Несмотря на то, что силы правительственных войск количественно значительно превышали силы повстанцев, но были разбросаны по всей губернии мелкими формированиями – не более одной-двух рот, и, учитывая расстояние между городами, быстрая их мобилизация была практически исключена. Фактически на начальном этапе восстания Могилевская губерния была слабо защищена. Показательно, что о планируемом мятеже царским чиновникам на местах было мало что известно, как это явствует из анализа их рапортов и донесений. Так, в рапорте от 08.02.1863 г. горецкого земского исправника А.А. Цехановского на имя гражданского губернатора Могилевской губернии А.П. Беклемишева докладывалось: *«Мировой посредник граф Цукатто уведомил меня от 06 февраля за № 64, что при проезде его через казенную деревню Чепелинку крестьянин, имени которого не знает, рассказывал ему, что несколько дней тому назад какие-то господа в шапках с зелеными околышками были в деревнях Гулидовке и Городище и рассказывали крестьянам, что в Польше панов режут, что и им для полной свободы пора приступить к тому же. Имею честь донести об этом Вашему Превосходительству и доложить, что открыть это формальным порядком решительно невозможно, поэтому для убеждения как в действительности сего случая, так и в том, имела ли какое-либо влияние эта губительная пропаганда, я произвожу секретное дознание, ибо известно, что отношения между крестьянами и помещиками более чем недружелюбные»* [12]. Через 14 дней все тот же А.А. Цехановский, пребывая в полном неведении о замыслах и приготовлениях поляков, в рапорте от 22.02.1863 г. на имя гражданского губернатора Могилевской губернии А.П. Беклемишева информировал: *«...В Горках все совершенно спокойно, нет и малейших признаков какого-либо движе-*

ния. Можно положительно сказать, что слухи о 19 феврале распускались какими-то неблагонамеренными людьми и тревожили даже горецкую молодежь. Прискорбно говорить, что слухи эти поселили даже недоверие между студентами. Русские и поляки в ночь с 18 на 19 число ожидали нападения друг на друга и потому провели ее без сна. Следующий день обнаружил всю безосновательность этих ожиданий. Опять с твердостью могу повторить, что я никак не могу предполагать, чтобы в Горках могло вспыхнуть восстание, как по положению Горок, так и по малому числу живущих здесь поляков. <...> помещики, хотя большею частью польского происхождения, ведут себя в отношении к правительству безукоризненно и решительно далеки от всякой пропаганды; наконец, число студентов-поляков слишком незначительно для какого-либо серьезного дела…» [12]. А между тем серьезные приготовления мятежников уже шли с соблюдением строгих мер конспирации. В обобщенном виде планы мятежников сводились к тем, что были изложены в рапорте от 16 декабря 1863 г. Могилевской Следственной комиссии на имя гражданского губернатора А.П. Беклемишева: *«…У всех вообще начальников шаек, как видно по производящимся делам, был одинаковый план действий, который состоял в следующем: в возбуждении народонаселения, особенно крестьян, противу правительства чтением революционных манифестов, в склонении шляхты и однодворцев, преимущественно римско-католического исповедания, к поступлению в шайки, в уничтожении мостов и переправ, порче телеграфических линий, ограблении правительственных учреждений и казенных сумм и в действии, где предоставится возможность, против русских войск…. Общее выступление всех отрядов одновременно было назначено в ночь с 23 на 24 апреля (с 5 на 6 мая), но оно сорвалось»* [3, с. 487–489].

Командиром повстанческого отряда Оршанского уезда был назначен поручик Екатеринославского пехотного полка Игнатий Будзилович. Местом сбора отряда стало имение Лиозно помещика Егора Лыщинского, владельца 427 временнообязанных крестьян, у которого под видом музыкантов остановились 50 повстанцев. Активную помощь Будзиловичу в формировании отряда оказал мировой посредник Оршанского уезда помещик Антоний Пиоро, предоставивший два своих имения в уезде для размещения людей. 25 апреля близ имения Погостицы, принадлежавшего Пиоро, правительственные войска (50 нижних чинов и 30 крестьян) под командованием полковника Савицкого атаковали остановившихся на привал повстанцев, в результате чего отряд Будзиловича был разбит. Погибли 6 повстанцев, 21 человек попал в плен (в том числе сам Будзилович), несколько человек утонули в реке при попытке бежать. Со стороны правительственных сил было убито 2 крестьянина – Павел Андреев (его жене предоставлена компенсация в размере 200 руб.) и Потап Васильев (матери выплачено 100 руб.). В имении Егора Лыщинского, кроме самого хозяина, были арестованы дво-

ряне Эдвард Чижевский и Егор Ревковский, чиновники Антоний Карницкий и Александр Рогоза, однодворец Юзеф Речицкий [10; 17]. За организацию отряда в Сенненском уезде отвечал поручик Константин Жебровский. Местом дислокации разворачивающегося отряда было выбрано имение Слепцы помещика Александра Нитославского, куда также прибыл помощник Жебровского врач Карл Самуйло. По плану в уезде должно было вступить в отряд не менее 150 добровольцев, однако в реальности их число составило не более 80–90 человек. Активную помощь на пути продвижения отряда по уезду оказывали местные помещики Хоминский, Вильчинский, Томкович и др. По мере приближения правительственных войск отряд Жебровского постепенно редел из-за дезертирства бойцов. Остатки отряда в конце апреля перешли в Минскую губернию, где вскоре были окончательно разгромлены. Позднее на почтовой станции Доманово крестьянами была арестована группа вооруженных людей во главе с Иосифом Слежановским, пытавшихся пробиться в Оршанский уезд на помощь отряду Будзиловича. Среди арестованных оказались 9 витебских гимназистов, 7 чиновников, 2 помещика и 2 беспоместных дворянина.

В современной Беларуси восстание студентов Горы-Горецкого земледельческого института в апреле 1863 г. воспето некоторыми публицистами на уровне «важнейшего исторического национального прецедента». Но сохранившиеся свидетельства очевидцев того времени и секретное донесение директора Горы-Горецкого земледельческого института «Начальнику Могилевской Губернии» № 30 от 10 мая 1863 г. отражают совсем другое. Пунктами предварительного базирования горы-горецкого отряда мятежников стали имения губернского предводителя дворянства князя Стефана Любомирского, а также крупных землевладельцев князей Александра и Евгения Любомирских – Зарубы, Слепцы и Тухиня нынешнего Дубровенского района (только Я.Я. Любомирскому принадлежало 27 725 десятин земли). Сюда для соединения со Звеждовским прибыли также чиновники и гимназисты из Могилева численностью 30 человек. Позднее к нему присоединились бывшие студенты института, исключенные из него по различным причинам в первые три месяца 1863 г., а также действующие воспитанники. Рано утром 24 апреля отрядом Звеждовского в количестве 140 человек был захвачен уездный город Горки, а подразделением студента Стефана Маргульца из того же отряда – Горы-Горецкий земледельческий институт, расположенный в полукилометре от города. Повстанцы захватили оружейный арсенал, казначейство и арестовали начальника гарнизона капитана Мышковского. Эйфория от такой удачи сначала вскружила головы студентам, составлявшим костяк отряда Звеждовского, и они начали поджигать дома мирных жителей. В итоге общий ущерб от захвата Горок был впоследствии оценен в 30 784 рубля, сгорело 60 домов, погибли 10 солдат внутренней стражи и 1 мирный житель (мещанин Мартин Островский), было убито 3 повстанца

(Домарацкий, Пшибыловский и Червинский) и 2 тяжело ранено. Такова была цена попытки мятежников «освободить» жителей города. Опомнившиеся горожане, вооружившись чем попало, начали арестовывать грабивших их дома членов отряда Людвига Звеждовского. Крестьяне устроили настоящую охоту на поджигающих их жилище мятежников, результатом чего стали смерть студента Червинского и тяжелые ранения Сурина и Гижицкого. Узнав об этом, в тот же день польские повстанцы вечером спешно покинули Горки. Звеждовский с отрядом направился к Кричеву на помощь Яну Жуковскому, останавливаясь по пути в имениях помещиков Цехановецкого, Шпилевского и Костровицкого [24].

Польские и литовские, а также некоторые белорусские исследователи на свой манер интерпретируют польское восстание 1863–1864 гг. на белорусских землях, нетактично используя метод анналов, и выдают его за героический подвиг белорусского народа. Вместе с тем документы архивов свидетельствуют об обратном. Об этом говорят используемые в приложениях архивные документы. Название самого дела № 62, части 3-й: «Дело Горецкой Следственной Комиссіи о сборе шайки мятежниковъ въ фольварке Князей Любомирскихъ Зарубахъ и о приготовленіяхъ къ мятежу». Указанное дело включает Протоколы допросов жителей м. Дубровна, д. Бахова и других и клятвенные обещания их по вопросу обвинения князей Любомирских в участии в восстании 1863 г. на 34 листах.

В фонде НАРБ также содержатся материалы по теме. В БГИА документ об участии князей Любомирских зарегистрирован и значится в фонде 3286, оп. 2, с. 2–27, но в научной среде упоминания самого дела до недавнего времени пока не зафиксировано. При подготовке к изданию книги «Памяць. Дубровенскі раён» (кн. 1), вышедшей в 1997 г., на основании выявленных нами в архиве документов был представлен очерк кандидата исторических наук Е. Филатовой «Падзеі на Дубровеншчыне падчас паўстання 1863 года» (с. 180, 181) с указанием фонда, описи, но без обозначения названия самого дела. Название самого дела № 62, части 3-й мы привели в тексте чуть выше (Дадатак 1). Представляем выдержку из него: *«Горецкая и Оршанская следственные комиссии собрали показания со всех заподозренных в участии в восстании или сочувствующих бунтовщикам. Так 1863 года июля 9 дня был допрошен Горецкой следственной комиссией Прокоп Леонтьевич Мачульский, крестьянин имения Дубровно, 48 лет, веры православной, у исповеди Св. причастия бываю ежегодно, под судом не был, писать не знаю. С 1861 года по 29 июня текущего года я был Дубровенским Волостным старостой… 23 апреля настоящего 63 года бывший посредник Брожзовский с князем Владиславом Любомирским были в Дубровенском костеле на богомолье, в это время там были – частный землемер Заиончковский, вольнопрактикующий доктор Ростковский, священничий сын Шелепень, эконом фольварка Холовье Онехимовский и много других лиц…».* Далее сообщалось,

что Любомирский с Брожзовским уехали в имения Слепцы и Зарубы. В материалах следствия, свидетельских показаниях указывалось о выявленном оружии и порохе, связях князей с мятежниками и содействии им, из-за чего и началось следствие. Впрочем, дело неоднократно передавалось из одной Следственной комиссии в другую (всего в губернии было создано пять), затягивалось и запутывалось. С ходатайством на имя губернатора выходило также Могилевское дворянское собрание, которое не так давно возглавлял один из князей Любомирских. В итоге рассмотрение дела растянулось на несколько лет, а затем многие годы длились судебные тяжбы по поводу наложенного секвестра на имущество. Таким образом, фамилии князей Любомирских отсутствуют в опубликованном официальном списке осужденных лиц за участие в восстании.

Приведенные нами ссылки на архивы и документы в приложениях свидетельствуют о том, что в восточной части страны так называемое «крестьянское восстание» на самом деле оказывается заговором и попыткой мятежа польско-католической знати, помещиков, мелкой буржуазии, чиновничества и студентов. Также из них следует, что из перечня 54 студентов и «воспитанников учебных заведений, проходивших по списку перешедших на сторону польских мятежников при нападении сими последними на г. Горки и Горы-Горецкий институт» только 5 (пять) были православного и 1 (один) лютеранского вероисповедания (Дадатак 5, спіс). Обращает внимание тот факт, что фамилии и имена участников мятежа сплошь польские, а их вероисповедание – католическое. Нет никаких оснований не доверять и документам российских следственных комиссий.

На этом и закончились все попытки поднять население Могилевской губернии на вооруженное сопротивление. Для ликвидации восстания на Могилевщине властям потребовалось всего 4 дня, и здесь неоценимую помощь оказали крестьяне. Именно они ввиду нехватки войск явились важной силой, сыгравшей основную роль в ликвидации повстанческих отрядов. Не случайно председатель Динабургской следственной комиссии генерал С.Ф. Панютин в своем рапорте в Петербург относительно восстания в восточных регионах современной Беларуси признал, что *«...если бы не крестьяне, то для правительства, не имевшего под рукой войск, хлопот было бы много»*. За участие в восстании и «политическую неблагонадежность» по состоянию на 1866 г. из Могилевской губернии было выслано 166 представителей дворянских фамилий: 17 человек из Чаусского, 10 – Быховского, 2 – Горецкого, 38 – Могилевского, 30 – Чериковского, 22 – Рогачевского, 15 – Мстиславского, 9 – Климовичского и 23 – Сенненского уездов. За оказание помощи повстанцам или недонесении властям об их появлении в уездах были арестованы уездные предводители дворянства: Оттон Цехановецкий (Чаусский уезд), Мечислав Костромицкий (Чериковский уезд) и Иван Оскерко (Рогачевский уезд). По сведениям польских историков, в Могилевской губернии

было конфисковано 87 имений на общую сумму 156 тыс. 500 руб. серебром. По сведениям российского историка генерал-майора Василия Ратча (1816–1870), крестьяне Могилевщины повсюду относились к повстанцам крайне враждебно. Их отряды состояли из бывших младших офицеров, студентов, гимназистов, мелких чиновников, мещан и отчасти шляхты, крестьяне же в них почти отсутствовали. Видя в рядах революционеров польских помещиков – своих давних угнетателей – они воспринимали это как выступление против «царя-освободителя» с целью восстановления крепостного права. Чтобы не допустить участия крестьян в восстании, правительство предприняло ряд мер экономического характера. Так, указами от 1 марта и 2 ноября 1863 г. в Западном крае отменили «временные обязанности» крестьян перед помещиками. Все крестьянство перевели на обязательный выкуп, а выкупные платежи сократили на 20%. А уже в октябре 1863 г. вышел указ о выделении крестьянам, лишенным земли в период 1846–1850 гг., семейных наделов по три десятины и возвращении полных наделов тем, кого помещики лишили земли в 1851–1861 гг. Социально-экономическая программа повстанцев из-за ее ограниченности была малопривлекательной для белорусских сельских тружеников, а идея восстановления польского государства – вообще чуждой. В народной памяти еще живы были воспоминания от «национально-освободительного» похода Наполеона Бонапарта и польского генерала Понятовского в 1812 г., что привело к страшному опустошению восточного края. В результате восстание поддержала лишь небольшая часть крестьян, в основном казенных. Более того, во многих местах, особенно в Витебской и Могилевской губерниях, крестьяне помогали ловить повстанцев, сами задерживали их и передавали властям, за что получали денежную награду. В целом крестьяне составили не более 18% от общего числа восставших. Удельный же вес шляхты (в основном безземельной и малоземельной) достиг 70%. Чаще всего это были мелкие чиновники-арендаторы, служащие имений помещиков, представители разночинной интеллигенции, учащиеся, городские ремесленники, низшее католическое духовенство.

Материалы архивов и исследователи описываемых событий подтверждают факт распространения польского мятежа, в том числе на территорию современных Витебской и Могилевской областей и попытки перенесения его на Смоленскую землю. Однако, как утверждал С. Агурский, автор издания «Очерки революционного движения в Белоруссии (1863–1917) (Минск, 1928), *«речь здесь идет не о самостоятельном белорусском движении, а только о польском движении»*, восстание 1863 г. *«организовано помещиками и духовенством <...> проходило под чисто шовинистическими лозунгами. Широкие массы крестьянства и городской бедноты активного участия в восстании не принимали (с. 15). ...Листки «Мужицкой правды», хотя и напечатаны на белорусском языке, были полностью польским изданием и их задачей было вовлечь белорусских крестьян в борьбу за независимость Поль-*

ши, они проникнуты польским шовинизмом и католицизмом <...> я не могу верить и не должен верить, что Кастусь Калиновский выступал как руководитель самостоятельного белорусского движения, как народник». Трудно с этим не согласиться, опираясь на приведенные материалы архивов. Согласно им собственно белорусское национально-освободительное движение в этом восстании почти не просматривается, рушится «героический миф о самоотверженной борьбе за свою свободу и независимость белорусского народа», угнетателем которого в западной мифологии была назначена «деспотическая Россия». Трактовка восстания 1863–1864 гг. как освободительного движения белорусского народа не совсем точна, поскольку главной его целью было воссоздание Речи Посполитой, прежде всего как польского государства в границах 1772 г. Это означает, что польское восстание 1863–1864 гг., которое в Беларуси упорно и некорректно пытаются именовать «восстанием Кастуся Калиновского», с точки зрения новой исторической политики не должно рассматриваться как белорусское национально-освободительное.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Архивные** материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края : в 2 ч. / под общ. ред. А. И. Миловидова. – Вильно, 1913–1915. – 2 ч.

2. **Васілеўскі, Д.** Сялянства Віцебскай і Магілёўскай губэрань у паўстанні 1863 г. / Д. Васілеўскі // Полымя. – 1928. – № 6. – С. 148–161.

3. **Восстание** в Литве и Белоруссии, 1863–1864 гг. : сб. документов / Ю. Жюгжда, В. Неупокоев ; под ред. В. Дьякова. – Москва : Наука ; Вроцлав, 1965. – 586 с.

4. **Гронский, А. Д.** Кастусь Калиновский: конструирование героя / А. Д. Гронский // Беларуская думка. – 2008. – № 2. – С. 82–87.

5. **Гронский, А. Д.** Проблема белорусского национализма в начале XX века [Электронный ресурс] / А. Д. Гронский // Управление общественными и экономическими системами. – 2008. – № 1. – Режим доступа: www.studmed.ru/gronskiy-ad-problema-belorusskogo-nacionalizma-v-nachale-hh-veka_17ff28dd6b8.html. – Дата доступа: 15.05.2022.

6. **Дело** Горецкой Следственной комиссии о сборе в фольварке князей Любомирских Зарубах и о приготовлении к мятежу: 8 июля – 11 июля 1863 г. // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 3286. Оп. 2. Ед. хр. 2.

7. **Дело** о сборе сведений об имениях помещиков, высланных из края за участие в восстании // НИАБ. – Ф. 2001. Оп. 2. Д. 108.

8. **Кісялёў, Г. В.** На пераломе дзвюх эпох: паўстанне 1863 г. на Міншчыне / Г. В. Кісялёў. – Мінск : Полымя, 1990. – 35 с.

9. **Ластоўскі, В.** Выбраныя творы / В. Ластоўскі ; уклад., прадм. і камент. Я. Янушкевіча. – Мінск, 1997. – С. 306–308.

10. **Материалы** комиссии о причастности к восстанию князей С. и В. Любомирских : протоколы заседаний комиссии, показания князей С., В. Любомирских и др. лиц, опись оружия в имении Станиславово, переписка и др. // НИАБ. – Ф. 3257. Оп. 1. Ед. хр. 41.

11. **Могилевская** губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1772–1917) / Е. К. Анищенко [и др.]. – Минск : Беларусь, 2014. – 814 с.

12. **НИАБ.** – Ф. 2001. Оп. 2. Д. 1. Л. 11. 11 об. [Горки], 101–102.

13. **НИАБ.** – Ф. 2001. Оп. 2. Д. 12, Л. 67 – 67 об.

14. **Неделя** беспорядков в Могилевской губернии в 1863 году // Русский вестник. – 1864. – Т. 54, № 11/12. – С. 322–360.

15. **Осмоловский, А.** Воспоминания очевидца о польском восстании в городе Горках 23 апреля 1863 / А. Осмоловский. – Могилев, 1870.

16. **Памятная** книжка Могилевской губернии на 1863 год.

17. **Переписка** с начальником Могилевской губернии о лицах, обвиняемых в участии в польском восстании 1863 г. // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 3257. Оп. 1. Ед. хр. 2.

18. **Польское** шляхетское восстание 1863 г. Взгляд на события 150 лет спустя : материалы науч. конф. [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2013/1863.html. – Дата доступа: 15.05.2022.

19. **Ратч, В.** Сведения о польском мятеже 1863 г. в Северо-Западной России / В. Ратч // За нашую вольнасць : творы, дакументы / К. Каліноўскі ; уклад., прадм., паслясл. і камент. Г. Кісялёва. – Мінск, 1999. – С. 151.

20. **Смирнов, А. Ф.** Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии / А. Ф. Смирнов. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 391 с.

21. **Смирнов, А. Ф.** Кастусь Калиновский / А. Ф. Смирнов. – Минск : Госиздат БССР, 1963. – 200 с.

22. **Фалькович, С. М.** Идейно-политическая борьба в польском освободительном движении 50–60-х годов XIX века / С. М. Фалькович. – Москва : Наука, 1966. – 333 с. – (Академия наук СССР. Ин-т славяноведения).

23. **Фірыновіч, А. Э.** Паўстанне 1863–1864 гг.: вядомыя і невядомыя крыніцы беларускіх архіваў / А. Э. Фірыновіч. – Мінск : Беларус. навука, 2013. – 315 с.

24. **Цытовіч, С. Г.** 1863 год у Горы-Горках быўш. Магілёўскай губ.: (падзеі паўстання) / С. Г. Цытовіч. – Менск : [б. и.], 1929. – 124 с.

25. **Leszczyński, J. T.** Rzeczpospolita Czterech Narodów / J. T. Leszczyński. – Kielce-Piekoszów : GENS, 2005. – 56 s.

Мазец В.Г. *(г. Мінск)*

ВІЦЕБШЧЫНА ВА ЎМОВАХ ПЕРАБУДОВЫ: НЕКАТОРЫЯ АСПЕКТЫ ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНАГА ЖЫЦЦЯ

На пазачарговым Пленуме ЦК КПСС 11 сакавіка 1985 г. генеральным сакратаром быў абраны М. Гарбачоў, па ініцыятыве якога ў Савецкім Саюзе пачаліся карэнныя змены ў грамадска-палітычным жыцці. XXVII з'езд КПСС, які адбыўся 25 лютага – 6 сакавіка 1986 г., адобрыў дзейнасць Цэнтральнага камітэта Камуністычнай партыі Савецкага Саюза па рэалізацыі

курсу на ўдасканаленне грамадскіх адносін, паглыбленне сацыялістычнай дэмакратыі і забеспячэнне галоснасці, які быў узяты на красавіцкім 1985 г. Пленуме ЦК КПСС [1, с. 338].

Ва ўмовах задэкларованай дэмакратызацыі і галоснасці ў Беларускай ССР адбывалася пашырэнне сацыяльнай актыўнасці, якое суправаджалася стварэннем вялікай колькасці новых грамадска-палітычных арганізацый, пераважна ў асяроддзі моладзі, якія выступалі за захаванне гісторыка-культурнай спадчыны, за гарантаванае савецкім заканадаўствам усебаковае развіццё беларускай мовы і культуры. У красавіку 1986 г. у гонар Узгорскага замка, з якога пачыналася летапісная гісторыя Віцебска, быў створаны клуб аматараў даўніны «Узгор'е», заснавальнікамі якога з'яўляліся І. Цішкін і М. Паўлаў. Арганізацыя мела на мэце ахову помнікаў гісторыі і культуры і развіццё ў віцяблян беражлівых адносін да архітэктурных і культурных каштоўнасцей свайго горада [8, с. 10–11].

Фактычна такія ж мэты ставіў перад сабою створаны летам 1986 г. у Оршы клуб аматараў гісторыі і даўніны «Повязь», кіраўніком якога быў А. Сярожкін. У 1987 г. у Полацку У. Арлоў і С. Сокалаў арганізавалі гісторыка-культурнае аб'яднанне «Маладзік», якое імкнулася аказваць дапамогу ў рэстаўрацыі і археалагічных раскопках. Аўтар шэрага грунтоўных публікацый, прысвечаных грамадска-культурнаму жыццю Віцебшчыны, кандыдат гістарычных навук М. Півавар абгрунтоўвае выснову пра тое, што рэгіянальныя гісторыка-культурныя аб'яднанні адыгралі значную ролю ў грамадскім і культурным жыцці Прыдзвіння. Менавіта дзякуючы дзейнасці клубаў у Віцебску, Полацку і Оршы былі выратаваны некаторыя помнікі гісторыі і культуры, а таксама адбыўся пералом у грамадскай думцы і ў адносінах дзяржаўных устаноў да нацыянальнай гісторыка-культурнай спадчыны [7].

Да вясны 1988 г. колькасць маладзёжных нефармальных арганізацый у рэспубліцы павялічылася да 40, у іх складзе налічвалася каля 3 тыс. чалавек [1, с. 345]. У маі 1988 г. пад уплывам нарастаючай палітызацыі грамадства кіраўніцтва КПСС вымушана было пайсці і на прызнанне магчымасці існавання «любой грамадскай дзейнасці», што азначала прыняцце неабходнасці існавання палітычнага плюралізму і абумовіла стварэнне масавых нефармальных арганізацый – «народных франтоў». 24–25 чэрвеня 1989 г. адбыўся ўстаноўчы з'езд Беларускага народнага фронту за перабудову «Адраджэнне» (БНФ) [1, с. 348].

27 кастрычніка 1989 г. быў прыняты Закон БССР «Аб выбарах народных дэпутатаў Беларускай ССР», у якім другім, трэцім і чацвёртым артыкуламі заканадаўча замацоўвалася ўсеагульнае, роўнае і прамое выбарчае права [2]. Шэраг артыкулаў дадзенага Закона гарантаваў дэмакратычнасць працэдуры выбараў народных дэпутатаў Беларускай ССР [2]. Дзеля рэалізацыі гарантаваных Законам выбарчых правоў 18 студзеня 1990 г. у Віцебску

быў створаны клуб выбаршчыкаў «За дэмакратычныя выбары». Грамадская арганізацыя, якой фактычна кіраваў Б. Хамайда, была зарэгістравана выканаўчым камітэтам Віцебскага гарадскога савета. Згодна са статутам клуба асноўнай яго мэтай з'яўлялася фарміраванне палітычнай культуры жыхароў горада, актыўны ўдзел у перадвыбарчай кампаніі, аб'яднанне намаганняў грамадскасці і дэпутатаў для вырашэння існуючых праблем. Прадстаўнікі клуба былі актывістамі перадвыбарчай кампаніі, выступалі з ініцыятывай правядзення шэрага мітынгаў у Віцебску [5, арк. 22].

У адпаведнасці з новым Законам БССР 4 сакавіка 1990 г. адбыліся выбары ў Вярхоўны Савет і ў мясцовыя Саветы. У выніку народнымі дэпутатамі Вярхоўнага Савета БССР, якія прадстаўлялі Беларускі народны фронт, былі абраны ад Віцебскай Чыгуначнай акругі С. Навумчык і ад Наваполацкай Маладзёжнай акругі – Л. Баршчэўскі [4].

Прымаючы да ўвагі ўзросшую палітычную актыўнасць грамадзян у рашэнні задач далейшага развіцця дэмакратыі, больш поўнае ажыццяўленне самакіравання народа ў адпаведнасці з артыкуламі 6, 7 і 49 Канстытуцыі Беларускай ССР, Вярхоўны Савет Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі пастанавіў:

– да прыняцця Законаў Беларускай ССР і СССР «Аб грамадскіх аб'яднаннях» даручыць Савету Міністраў Беларускай ССР да 1 верасня 1990 г. прыняць Часовае палажэнне «Аб парадку ўтварэння і дзейнасці грамадскіх аб'яднанняў грамадзян у Беларускай ССР» [3].

Гэта пастанова давала рэальную магчымасць легітымізацыі палітычных партый і грамадскіх арганізацый, непадкантрольных кіруючай партыйна-дзяржаўнай наменклатуры.

30 кастрычніка 1990 г. чатыры дэпутаты Віцебскага гарсавета звярнуліся ў Прэзідыум выканкама з просьбай зарэгістраваць Віцебскую Раду Беларускага народнага фронту. Гэты зварот быў накіраваны ва ўпраўленне юстыцыі аблвыканкама, якім у рэгістрацыі Рады БНФ было адмоўлена. Аднак нягледзячы на дадзеную акалічнасць сябры Беларускага народнага фронту ў г. Віцебску праводзілі значную працу. Так, у лістападзе 1990 г. сустаршыня Віцебскай Рады БНФ М. Паўлаў разам з двума грамадзянамі звярнуліся ў выканаўчы камітэт гарадскога савета па дазвол усталяваць крыж «Пакутнікам Беларусі» на Успенскай гары, на месцы гібелі І. Кунцэвіча. 12 лістапада 1990 г. выканкамам гарсавета ў правядзенні названага мерапрыемства было адмоўлена, аднак усё роўна было арганізавана шэсце да месца гібелі І. Кунцэвіча прадстаўнікоў уніяцкай канфесіі і сяброў БНФ [5, арк. 20].

Напярэдадні ўсесаюзнага рэферэндуму па захаванні СССР Віцебскай Радай БНФ на плошчы Свабоды 10 сакавіка 1991 г. быў праведзены мітынг пад агульнымі лозунгамі незалежнасці Беларусі, няўдзелу ў адзначаным плебісцыце [5, арк. 20].

Акрамя абласнога цэнтра, актыўную дзейнасць прадстаўнікі Беларускага народнага фронту разгарнулі таксама ў Наваполацку і Полацку. Так, у лістападзе 1990 г. была афіцыйна зарэгістравана Рада БНФ у г. Полацку [5, арк. 20].

Члены Беларускага народнага фронту ў г. Наваполацку з дапамогай народных дэпутатаў спрабавалі праз выканаўчы камітэт гарадскога савета ўзняць пытанне аб скасаванні камсамольскіх і піянерскіх арганізацый у школах горада. Найбольш актыўна імі праводзілася работа па агітацыі насельніцтва ў неабходнасці вывучэння ў дашкольных установах і школах горада Наваполацка беларускай мовы за кошт зніжэння заняткаў па рускай мове.

У інфармацыі выканкама Віцебскага абласнога Савета народных дэпутатаў аб ходзе выканання пастановы Савета Міністраў БССР ад 20 верасня 1990 г. № 240 «Аб Дзяржаўнай праграме развіцця беларускай мовы і іншых нацыянальных моў у Беларускай ССР» адзначалася, што «ў вобласці праводзіцца тлумачальная работа з бацькамі аб перспектывах развіцця дашкольнага выхавання і народнай адукацыі ў сувязі з наданнем беларускай мове статусу дзяржаўнай» [6, арк. 72]. Неабходна адзначыць, што ў вобласці назіралася тэндэнцыя росту дашкольных устаноў з беларускай мовай выхавання і навучання. Так, у снежні 1990 г. з 944 дзіцячых садоў 426 працавалі па праграме з беларускай мовай выхавання і навучання. У красавіку 1991 г. з 960 дзіцячых садоў Віцебскай вобласці 467 ажыццяўлялі сваю работу ў рамках праграмы навучання і выхавання толькі на беларускай мове. У 98 рускамоўных садках было адкрыта 139 беларускамоўных груп, у якіх навучаліся больш за 3,6 тыс. дзяцей [5, арк. 21].

Устанаўлівалася моўная пераемнасць у дзейнасці дзіцячых дашкольных устаноў і агульнаадукацыйных школ. Да канца 1990 г. у Віцебскай вобласці было адкрыта 106 беларускамоўных 1–4-х класаў, з іх 87 1-х класаў пачалі функцыянаваць толькі ў 1990/1991 навучальным годзе. З паглыбленым вывучэннем беларускай мовы і літаратуры працавалі 20 школ Віцебшчыны. У Віцебскім інстытуце ўдасканалення настаўнікаў у адукацыйны працэс быў уведзены курс «Родная мова і літаратура», а таксама прадугледжана вывучэнне гісторыі культуры Беларусі для ўсіх катэгорый педагагічных работнікаў [6, арк. 73].

Значную работу па папулярызацыі беларускай мовы праводзіла Таварыства беларускай мовы імя Ф. Скарыны, суполкі якога функцыянавалі ў сямі раёнах вобласці [5, арк. 21].

З мэтай прапаганды беларускай мовы і літаратуры, нацыянальнай культуры, паглыблення ведаў па гісторыі беларускага народа ў Полацку 8 верасня 1990 г. быў адкрыты Музей беларускага кнігадрукавання. Яшчэ раней, у маі 1990 г., у тым жа Полацку ўпершыню было праведзена Усесаюзнае свята славянскага пісьменства, а ў кастрычніку – урачыстае святкаванне 500-год-

дзя з дня нараджэння Францыска Скарыны. У лістападзе 1990 г. у Віцебску і Оршы адбыліся ўрачыстасці з нагоды 60-гадовага юбілею пісьменніка У. Караткевіча.

У рэгіёне актывізавалася работа па ўвекавечанні памятных мясцін, звязаных з жыццём і творчасцю вядомых дзеячаў нацыянальнай культуры, мастацтва і літаратуры. Так, у 1990 г. у Чашніцкім раёне былі адкрыты мемарыяльныя дошкі беларускаму кнігавыдаўцу В. Цяпінскаму, пісьменніку А. Жаўруку, у г. Віцебску – памятны знак П. Броўку, у Оршы – У. Караткевічу. Ва ўстановах культуры паспяхова прайшлі чытацкія канферэнцыі і прэзентацыі кніг вядомых беларускіх пісьменнікаў В. Быкава, І. Шамякіна, А. Адамовіча, У. Караткевіча, А. Жука. У культпрасветустановах Віцебшчыны былі створаны клубы па інтарэсах: гурткі і аматарскія аб'яднанні, накіраваныя на вывучэнне гісторыі роднага краю, народных звычаяў і традыцый. Сярод іх – народны ўніверсітэт «Роднае слова», клубы аматараў беларускай кнігі ў гарадскіх бібліятэках імя У. Маякоўскага і Я. Коласа г. Наваполацка, клуб «Крыніца» ў Расонскай цэнтралізаванай бібліятэчнай сістэме (далей – ЦБС), клубы «Светач» і «Сучаснік» у Мёрскай ЦБС, клуб «Спадчына» – у Віцебскай ЦБС, клуб аматараў беларускай паэзіі – у Докшыцкай ЦБС і інш. Віцебскія абласныя тэлебачанне і радыёвяшчанне пастаянна прапаноўвалі цыклы тэлеперадач «Гаворым па-беларуску», «Наша родная мова», «Нашы вытокі», штомесяц тэлечасопіс «Дзвіна», радыёпраграмы «Вывучаем беларускую мову», «Запрашаем на вячоркі». На старонках газеты «Віцебскі рабочы» штотыдзень выходзіла тэматычная паласа «Сябрына» [6, арк. 74].

Усё больш прыкметную ролю ў грамадскім жыцці ва ўмовах перабудовы адыгрываюць рэлігійныя аб'яднанні. Так, у пачатку 1991 г. у вобласці значылася 150 адзінак, з якіх 75 Рускай Праваслаўнай Царквы, рымска-каталіцкай – 40, стараверaў – 15, пратэстантаў – 10. У гэтым жа годзе заяўку на рэгістрацыю падалі каля 15–20 абшчын. Рэлігійныя аб'яднанні абслугоўваліся 155 служыцелямі культу. У каталіцкіх абшчынах праводзілі службу дзевяць ксяндзоў з Польскай Рэспублікі [5, арк. 22].

У Віцебску ў пачатку 1991 г. былі зарэгістраваны ў гарвыканкаме і дзейнічалі абшчына Свята-Пакроўскага кафедральнага сабора і Яўрэйская рэлігійная абшчына. У стадыі рэгістрацыі знаходзіліся абшчыны Святой Барбары, евангельскіх хрысціян-баптыстаў, Праваслаўнай Свята-Успенскай царквы. Па запрашэнні абшчыны Евангельскіх хрысціян-баптыстаў з Паўднёвай Карэі наведалі горад 15 вернікаў з папулярным прапаведнікам Сан Хван Кімам [5, арк. 22].

У цэлым дзейнасць яўрэйскіх аб'яднанняў у вобласці была адасоблена ад грамадска-палітычнага жыцця рэспублікі. Пры гэтым мелі месца факты распальвання прадстаўнікамі яўрэйскай нацыянальнасці антыяўрэйскіх настрояў. Так, у пачатку 1990 г. жыхар г. Віцебска А.Я. Гольдзін ад імя

арганізацыі «Белая Русь» накіраваў некалькі дзясяткаў зневажальных лістоў з пагрозамі фізічнага гвалту ў адносінах да яўрэяў, якія жывуць у г. Віцебску, і заклікаў іх тэрмінова з'язджаць «у свой Ізраіль». У рэшце рэшт А.Я. Гольдзін скончыў жыццё самагубствам, выкрыты пад ціскам доказаў, і крымінальная справа ў дачыненні да яго спынена ў сувязі са смерцю. Адзначаныя лісты выклікалі моцную трывогу сярод насельніцтва і маглі сур'ёзна ўскладніць міжнацыянальныя адносіны [5, арк. 58].

Органамі ўлады Віцебшчыны ажыццяўлялася вялікая праца па перадачы культавых будынкаў вернікам. Пры гэтым на тэрыторыі вобласці знаходзіліся будынкі, якія ў мінулым належалі розным рэлігійным абшчынам, таму на іх прэтэндавалі прадстаўнікі некалькіх канфесій, што стварала напружанасць і магло прывесці да абвастрэння міжрэлігійных і міжнацыянальных адносін.

У прыватнасці, у Верхнядзвінскім раёне ў в. Сар'я з-за будынка касцёла спрачаліся праваслаўная і каталіцкая абшчыны. Падобная сітуацыя склалася вакол Сафійскага сабора і Богаяўленскай царквы ў Полацку, касцёла Святой Барбары ў Віцебску. У асабістай гутарцы мітрапаліт Полацкі і Віцебскі Дзмітрый патлумачыў, што Праваслаўная царква спрабуе вырашыць спрэчныя пытанні, аднак органы ўлады не заўсёды своечасова прымаюць адпаведныя меры, звязаныя з перадачай культавых будынкаў, у тым ліку і вышэйадзначаных. Вернікі праваслаўнай канфесіі выказвалі намер заняць будынкі Сафійскага сабора і Богаяўленскай царквы і абвясціць калектыўную галадоўку, калі не будзе вырашана праблема з перадачай гэтых храмаў [5, арк. 22].

Такім чынам, у часы перабудовы для грамадска-палітычнага жыцця Віцебшчыны былі характэрны тыя ж працэсы, якія адбываліся ў рэспубліцы ў цэлым.

ЛІТАРАТУРА

1. **Гісторыя** беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. : у 2 кн. / М. У. Смяховіч [і інш.] ; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – Кн. 2. – С. 338.

2. **Закон** Белорусской Советской Социалистической Республики «О выборах народных депутатов Белорусской ССР» : принят на двенадцатой сессии Верховного Совета БССР одиннадцатого созыва 27 окт. 1989 г. – Минск : Беларусь, 1989. – С. 3–4.

3. **Збор** законаў Беларускай ССР, указаў Прэзідыума Вярхоўнага Савета Беларускай ССР, пастаноў Савета Міністраў Беларускай ССР. – 1990. – № 22. – Арт. 460.

4. **Збор** законаў Беларускай ССР, указаў Прэзідыума Вярхоўнага Савета Беларускай ССР, пастаноў Савета Міністраў Беларускай ССР. – 1990. – № 22. – Арт. 467.

5. **Нацыянальны** архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 750. Воп. 5. Спр. 1990. Арк. 22.

6. **НАРБ.** – Ф. 7. Воп. 10. Спр. 2266. Арк. 72.

7. **Півавар, М. В.** Гісторыка-культурныя грамадскія аб'яднанні Віцебшчыны канца XX ст. [Электронны рэсурс] / М. В. Півавар. – Рэжым доступу: https://kraeved.

ihb.by/index.php/ru/eto-interesno/51-pivovar-nikolaj-vasilevich/82-gistoryka-kulturnyya-gramadskiya-abyadnanni-vitsebshchyny-kan-khkh-st. – Дата доступу: 15.12.2021.

8. **Півавар, М. В.** Краязнаўчая дзейнасць клуба «Узгор'е» ў Віцебску ў канцы 1980 – пачатку 90-х гадоў / М. В. Півавар // Весн. Віцеб. дзярж. ун-та. – 2004. – № 4. – С. 10–13.

Марціновіч С.В. *(г. Віцебск)*

ГІСТОРЫЯ ЖЫЛЫХ ДАМОЎ ВІЦЕБСКА НА СТАРОНКАХ ПЕРЫЯДЫЧНАГА ДРУКУ 1930-х гг.

Гісторыя перадваеннага Віцебска, на жаль, да сённяшняга часу мае шмат белых плям. Іх існаванне выклікана, у першую чаргу, адноснай нешматлікасцю крыніц, што дасягнулі сучаснасці. Таму вялікую каштоўнасць маюць звесткі з газет і іншых сродкаў масавай інфармацыі, якія могуць праліць святло на гісторыю горада ў даваенныя дзесяцігоддзі.

Значную цікавасць уяўляюць жылыя дамы і іншыя будынкі, якія захаваліся ў Віцебску з 1920–1930-х гг. На жаль, па цяперашні час не высветлены нават дакладныя даты пабудовы таго ці іншага дома. Гэта перашкаджае прыняццю іх пад ахову як гістарычных ці архітэктурных помнікаў. У выніку некаторыя старыя віцебскія дамы былі знесены нядаўна, напрыклад, адзін з першых 3-павярховых будынкаў, які быў узведзены на вул. Калініна, 2/1 для працоўных горада ў гады савецкай улады (пабудаваны ў 1927–1928 гг.) [18].

Дзякуючы наяўнасці ў фондах Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці, Нацыянальнай і Прэзідэнцкай бібліятэк у Мінску, а таксама ў Санкт-Пецярбургу даваенных газет аказалася магчымым вызначыць час пабудовы і высветліць шмат цікавых падрабязнасцей з гісторыі старых дамоў Віцебска. У горадзе такіх будынкаў захавалася даволі многа. Вось некаторыя з іх.

1. 5-ты камунальны дом (вул. Максіма Горкага, 36/25)

Самы знакаміты жылы дом Віцебска, пабудаваны перад вайной, – гэта, безумоўна, 5-ты камунальны (вядомы таксама як дом-камуна) на вул. Максіма Горкага, 36/25. Да нядаўняга часу не было звестак пра дакладную дату ўзнікнення будынка (тая, што доўгі час указвалася ў даведніках і энцыклапедыях, – памылковая). Няправільна называўся і архітэктар дома.

Нягледзячы на тое, што гісторыю 5-га камунальнага дома, які даў назву цэламу раёну Віцебска, даследаваў краязнавец Аркадзь Падліпскі ў кнізе «Дамы камунальнага тыпу» (2019), засталося шмат прабелаў [17].

5-ты камунальны дом быў спраектаваны архітэктарамі У. Ваейкавым і А. Самойлавым у 1927 г. па заказе Камітэта садзейнічання рабочаму жыллё-

ваму будаўніцтву РСФСР [21]. Праект быў рэалізаваны ў Віцебску з невялікімі змяненнямі.

Будаўніцтва пачалося ў 1930 г. і цягнулася вельмі марудна нават па мерках таго часу. На гэта былі аб'ектыўныя прычыны: пры закладцы фундамента ўскрыўся плывун. Акрамя таго, кіраўніцтва фабрыкі «КІМ» не забяспечвала будоўлю палівам у зімовы час, таму для ажыццяўлення ўнутраных работ на дровы ішоў каштоўны будаўнічы матэрыял [1].

5-ты камунальны дом планавалі засяліць да 17-й гадавіны Кастрычніцкай рэвалюцыі 7 лістапада 1934 г. [5]. На чарзе стаялі ўдарнікі-кімаўцы, многія з якіх перасяляліся ў добраўпарадкаваныя пакоі з падвалаў і пераналеных трушчоб.

6–7 лістапада 1934 г. газета «Віцебскі пралетарый» апублікавала аповед адной з першых жыхарак новага дома Брайны Будняцкай [11]. Жанчына – удава ўдзельніка вайны з белапалякамі – жыла з дачкой і старой маці ў невялікім пакойчыку памерам у 4 м^2, які падчас дажджу залівала вадой. Зімой былі праблемы з дровамі.

Вось што аб новым жыллі гаварыла карэспандэнту газеты Брайна: «Вельмі я задаволена сваім новым пакоем. Цёпла і чыста. Зараз можна да сябе ў госці запрасіць таварышаў. Не будзе сорамна».

Пасля засялення яшчэ пэўны час у доме не было камунальных выгод. Пра гэта паведамляла газета «Віцебскі пралетарый» 5 чэрвеня 1937 г. [9]: «У раёне Пралетарскай Слабады ёсць вялікі шматпавярховы пяты камунальны дом. Насяляюць яго ў большасці рабочыя фабрыкі «КІМ»... Нягледзячы на тое, што ў кожнай кватэры ёсць водаправод, вада для кватэр не падаецца. Жыхары нават верхніх паверхаў вымушаны хадзіць за вадой на двор.

Калодзеж размешчаны ў антысанітарным месцы, ля самай прыбіральні. Ваду з яго нельга спажываць: яна мае дрэнныя пах і смак. Жыхароў шмат, ля калодзежа збіраецца вялікая чарга за вадой. Пры кожнай кватэры ёсць прыбіральня, але карыстацца ёю нельга».

Якасць будаўнічых работ на новабудоўлі была вельмі нізкай, таму ўжо праз чатыры гады пасля здачы дома яго фасад пачаў абсыпацца і патрабаваў рамонту [14].

Пры 5-м камунальным працавалі крамы – прамтаварная № 20 і хлебная № 8. Пакупнікі скардзіліся на іх працу. Напрыклад, у краме № 20 прадавалі ложак, у якім задняя ножка хісталася і была схавана за палатном [23]. У хлебнай краме гандлявалі праз фортку, таму людзі не бачылі, колькі хлеба ім адважвалі, а стаяць даводзілася пад дажджом [22].

Тым не менш 5-ты камунальны дом стаў адным з сімвалаў «новага Віцебска», пераўтворанага савецкай уладай. Здымкі дома часта змяшчаліся на старонках мясцовых і рэспубліканскіх газет, а сам дом нават трапіў у кінахроніку.

2. Жылы дом фабрыкі «КІМ» (вул. Максіма Горкага, 57)

Пра другі прыметны жылы дом у Маркаўшчыне, які быў пабудаваны на высокім узгорку каля былога Ленінскага праспекта (зараз – вул. Максіма Горкага), таксама шмат цікавага давялося адшукаць у даваеннай перыёдыцы.

Як сведчыць надпіс на франтоне, дом пабудавалі ў 1936 г. для работнікаў фабрыкі «КІМ». Першай аб ім напісала 17 ліпеня 1934 г. газета «Віцебскі пралетарый»: «У Пралетарскай Слабадзе 9 ліпеня закладзены фундамент новага 4-павярховага дома для рабочых фабрыкі "КІМ"» [4].

Цікава, што закладка фундамента была зроблена напярэдадні галоўнага дзяржаўнага свята перадваеннай Беларусі – Дня вызвалення ад белапалякаў, які штогод да 1939 г. адзначаўся 11 ліпеня.

Будаўнічыя работы ў доме скончыліся летам 1937 г., а ў сярэдзіне верасня таго ж года будынак быў заселены. Але здаваўся дом са шматлікімі грубымі недаробкамі, аб якіх група жыхароў напісала 20 снежня 1937 г. у шматтыражную газету «Кімавец» [8]: «Тры месяцы таму назад быў урачыста заселены жыхарамі новы 4-павярховы 6-ты камунальны дом. З радасцю атрымалі новыя кватэры дзясяткі рабочых. Але гэтая законная радасць хутка амрачылася некаторымі "непрыемнасцямі". Справа ў тым, што пушчаны ў эксплуатацыю дом ізабілуе многімі "недаробкамі". Гэтыя "недаробкі" інакш як шкодніцтвам назваць нельга. З-за дрэннай прыгонкі паміж аконнымі рамамі ўтварыліся вялікія шчыліны, тое ж самае і з дзвярамі. У многіх кватэрах няма пячных заслонак, у выніку чаго цяпло выходзіць з пакоя.

Да сяго часу дом не мае асвятлення. Раней дырэкцыя фабрыкі спасылалася, што няма провада. Зараз унутраная і знадворная праводка зроблена, але ж святла няма».

Верагодна, недаробкі былі ў хуткім часе ліквідаваны. 9 ліпеня 1938 г. фота жылога дома апублікавала газета «Віцебскі рабочы» [6]. А крыху раней, 14 мая 1938 г., камендант дома № 2 фабрыкі «КІМ» Г.Р. Мендэльсон пісаў у газеце аб жыхарах новабудоўлі [13]. Іх было 119 сем'яў – стаханаўцы, інжынеры, тэхнікі, вынаходнікі, рабочыя. Некаторых з гэтых людзей добра ведалі ў горадзе, і не толькі па месцы працы.

«Жывуць у нас Антаневіч, Францкевіч, Правалінская, Сабецкая і рад іншых выдатных стаханаўцаў. Жывуць вынаходнік Васільеў, прэміраваны экскурсіяй па цэнтральных гарадах СССР, вынаходнік Абрамаў, інжынер Кузняцова, механікі Давыдаў і Рэф».

Пры доме працавалі гурток мастацкай вышыўкі з жонак ІТР, работы якіх былі прадстаўлены на выставе на фабрыцы, а таксама гурток па вывучэнні Палажэння аб выбарах у Вярхоўны Савет БССР.

У публікацыях (у тым ліку даваенных) жылы дом на вул. Максіма Горкага, 57 называюць 6-м камунальным. Гэта стварае блытаніну – гэткую ж назву мае і пабудова на сённяшняй вул. Жасткова, 15. Вызначыць, які з

двух будынкаў сапраўды шосты, наўрад ці магчыма. Але сярод тутэйшых Маркаўшчыны гара, на якой стаіць жылы дом кімаўцаў, завецца «шастухай».

3. Дом фабрыкі імя Кагановіча (вул. Залатагорская, 3)

На вул. Залатагорскай, 3 стаіць 4-павярховы жылы дом, які быў радыкальна пераўтвораны ў 1990-я гг. шляхам надбудовы новых паверхаў. Згодна з пашпартам, дом пабудавалі ў 1929 г. Старажылы называюць будынак «вар'яцкім домам» з-за таго, што ў ім жыла моладзь з дывановага камбіната. Да вайны гэта быў дом для работнікаў фабрыкі імя Кагановіча (былая «Дзвіна»).

Вось што пісала пра дом газета «Віцебскі пралетарый» 4 чэрвеня 1937 г.: «Дом фабрыкі імя Кагановіча (Пралетарская Слабада, Залатагорская вуліца) па віне адміністрацыі зусім запушчаны. Тры месяцы стаяць рыштаванні для тынкоўкі, тынкоўка не робіцца. Падлогі рабілі з сырых дошак, цяпер дошкі падсохлі, пакарабаціліся, нават хадзіць па падлозе нельга. У доме няма кухань. Прыбіральні не адрамантаваны, іх залівае вадой. Кватэрную плату бяруць высокую, а рамонту не робяць» [10].

4. Камунальныя дамы на вул. Жасткова

Перад вайной раён сучаснай вул. Жасткова (у 1930-я гг. – вул. Домбаля, Гогалеўскі зав., Нова-Смаленская вул.) быў адным з перспектыўных для масавай забудовы. Тут, на ўскраіне Віцебска, з'явіліся шматкватэрныя дамы ў два, тры і чатыры паверхі.

Першымі былі 4-павярховыя будынкі – зараз № 15 і 17. Абедзве аднолькавыя пабудовы без балконаў часам называюць 6-м і 7-м камунальнымі дамамі.

29 верасня 1934 г. газета «Віцебскі пралетарый» паведаміла аб здачы ў эксплуатацыю ў лістападзе новага, шостага па ліку, камунальнага дома на Смаленскай шашы (зараз – Маскоўскі праспект) [2].

Яшчэ адзін камунальны дом на 24 кватэры, узведзены побач, быў здадзены 10 ліпеня наступнага, 1935 г. да 15-годдзя вызвалення Беларусі ад белапалякаў. Перад домам быў разбіты газон з добраўпарадкаванымі сцежкамі [15].

5. Дом у пасёлку фабрыкі «КІМ» (вул. Максіма Горкага, 29)

Перад вайной у пачатку вул. Максіма Горкага (да 1950 г. – Ленінскі праспект) быў спраектаваны жылы пасёлак для рабочых прадпрыемстваў, які ў розных крыніцах меў розныя назвы – Пралетарская Ветка, Пралетарская Слабада, Першая Пралетарская Слабада, Першая Маркаўшчына, пасёлак імя 1 Мая. У 1930-я гг. тут пабудавалі некалькі 3–4-павярховых жылых дамоў – 5-ты камунальны і 2 дамы ў раёне сучаснай вул. Смятаніна.

Аб адным з іх 2 лістапада 1940 г. пісала газета «Звязда»: «Рабочыя віцебскай панчошна-трыкатажнай фабрыкі імя КІМ атрымалі да

Кастрычніцкіх свят выдатны падарунак – новы 3-павярховы каменны дом, пабудаваны на тэрыторыі фабрычнага рабочага гарадка. Будаўніцтва дома абышлося ў 574 тыс. рублёў. Днямі пачнецца ўсяленне. 36 сем'яў стаханаўцаў і інжынерна-тэхнічных работнікаў будуць у новых кватэрах святкаваць XXIII гадавіну Вялікага Кастрычніка» [16].

Цяжка сказаць, які з двух дамоў-блізнят узгаданы ў артыкуле. Адзін з іх захаваўся па сённяшні час, яго адрас – вул. Максіма Горкага, 29. На месцы другога, знесенага ў 2000-я гг., зараз стаіць тыпавая дзевяціпавярхоўка № 3 па вул. Смятаніна.

6. Жылы дом на вул. Новы Быт, 4

Пра вялікі жылы 4-павярховы дом на вул. Новы Быт, 4, на жаль, вядома няшмат. Яго фотаздымак быў апублікаваны ў газеце «Віцебскі рабочы» 16 кастрычніка 1939 г. [7]. Пад фотаздымкам змешчаны подпіс: «Новы дом у пасёлку чыгуначнікаў – адзін з прыгажэйшых будынкаў прыгарада ў Віцебску. Дом заселены ў красавіку гэтага года».

Незвычайная назва вул. Новы Быт пайшла ад наймення створанага ў другой палове 1920-х гг. жыллёва-будаўнічага кааператыва, які ўзводзіў тут дамы [19].

7. «Белы дом» (вул. 2-я Садовая, 8–10)

Доўгі 4-павярховы будынак уздоўж 2-й Садовай вуліцы (да 1950 г. – 2-я Гутараўская) быў пабудаваны ў сярэдзіне 1930-х гг. для работнікаў фабрыкі «Сцяг індустрыялізацыі». Колер сцен абумовіў яго назву «белы».

Упершыню аб будынку напісала газета «Віцебскі пралетарый» 31 кастрычніка 1934 г.: «Максімальная механізацыя і рацыяналізацыя будаўнічых работ прыменена на будаўніцтве дома швейнікаў (2-я Гутараўская вул.). 13 каменшчыкаў на 4-м паверсе ўкладваюць па 14–15 тыс. штук цэглы. Укладка сцен і міжпавярховыя перакрыцці будуць гатовы да XVII гадавіны Кастрычніка» [3].

У другі раз дом швейнікаў узгадваўся на старонках газеты 17 красавіка 1937 г. Паведамлялася, што ўвосень 1936 г. фабрыка пракладвала каналізацыю ў будынак. Была прарыта 300-метровая канава, якая была пакінута незасыпанай, таму па вуліцы нельга было ні прайсці, ні праехаць. Ноччу ў роў падалі машыны і калечыліся людзі [12].

8. Жылыя дамы на вул. Рэвалюцыйнай

17 верасня 1939 г. газета «Звязда» апублікавала нататку аб жыллёвым будаўніцтве ў Віцебску, якое вяла акулярная фабрыка (зараз на яе месцы – завод электравымяральных прыбораў) [20].

«У гэтым годзе рабочыя-стаханаўцы і інжынерна-тэхнічныя работнікі фабрыкі атрымалі новы 18-кватэрны дом» (зараз, верагодна, дом на

вул. Рэвалюцыйнай, 31 ці на Ільінскага, 7, надбудаваны двума паверхамі ў 1990-я гг.). «Будуць пабудаваны яшчэ 3 новыя жылыя дамы на 66 кватэр і інтэрнат на 100 месцаў. Адзін 12-кватэрны дом здаецца ў эксплуатацыю да Кастрычніцкіх урачыстасцей» (у нашы дні, верагодна, 2-павярховы дом на вул. Рэвалюцыйнай, 9).

Разгледжаныя аб'екты – далёка не ўсе жылыя будынкі Віцебска, белыя плямы ў гісторыі якіх дапамаглі замаляваць перадваенныя газеты. Пошук матэрыялаў пра старыя дамы горада працягваецца.

ЛІТАРАТУРА

1. **Баскін.** Хто віноўнікі зрыву будаўніцтва дома для рабочых «КІМ»? / Баскін // Віцебскі пралетарый. – 1933. – 24 снеж. – С. 4.

2. **Віцебск** // Віцебскі пралетарый. – 1934. – 29 верас. – С. 4.

3. **Віцебск** // Віцебскі пралетарый. – 1934. – 31 кастр. – С. 4.

4. **Віцебскі** дзень // Віцебскі пралетарый. – 1934. – 17 ліп. – С. 4.

5. **Віцебскі** пралетарый. – 1934. – 9 кастр. – С. 4.

6. **Віцебскі** рабочы. – 1938. – 9 ліп. – С. 4.

7. **Віцебскі** рабочы. – 1939. – 16 кастр. – С. 2.

8. **Група** жыхароў. Засялілі дом ... і з плеч далоў / група жыхароў // Кімавец. – 1937. – 20 снеж. – С. 2.

9. **Дэяру.** Камунальнае абсугоўванне не наладжана / Дэяру // Віцебскі пралетарый. – 1937. – 5 чэрв. – С. 3.

10. **Запушчаны** дом / Кошнікаў [і інш.] // Віцебскі пралетарый. – 1937. – 4 чэрв. – С. 3.

11. **Клупт, С.** У новай кватэры / С. Клупт // Віцебскі пралетарый. – 1934. – 6–7 лістап. – С. 3.

12. **Марціновіч.** Ні праехаць, ні прайсці / Марціновіч // Віцебскі пралетарый. – 1937. – 17 крас. – С. 3.

13. **Мендэльсон, Г. Р.** Хто жыве ў нашым доме / Г. Р. Мендэльсон // Віцебскі рабочы. – 1938. – 14 мая. – С. 3.

14. **Новікава, А.** Аб дабрабыце горада / А. Новікава // Віцебскі рабочы. – 1938. – 4 ліп. – С. 3.

15. **Новы** камунальны дом // Віцебскі пралетарый. – 1935. – 9 ліп.

16. **Новыя** жылыя дамы для рабочых // Звязда. – 1940. – 2 лістап. – С. 4.

17. **Подлипский, А. М.** Дома коммунального типа / А. М. Подлипский. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2019. – С. 50–55. – (Биография витебского дома ; вып. X).

18. **Постройка** больших домов // Заря Запада. – 1927. – 8 июля. – С. 4.

19. **Трэба** прыцягнуць іх да парадку // Віцебскі пралетарый. – 1930. – 10 лістап. – С. 4.

20. **Фабрычныя** яслі // Звязда. – 1939. – 17 верас. – С. 4.

21. **Хан-Магомедов, С.** Архитектура советского авангарда [Электронный ресурс] : в 2 кн. / С. Хан-Магомедов. – Москва : Стройиздат, 2001. – Кн. 2 : Социальные проблемы. – Режим доступа: https://alyoshin.ru/Files/publika/khan_archi/khan_archi_2_066. – Дата доступа: 16.10.2021.

22. **Шамшура.** Не лічацца з пакупніком / Шамшура // Віцебскі пралетарый. – 1937. – 22 ліп. – С. 3.

23. **Шамшура, І.** Прадаюць бракаваны тавар / І. Шамшура // Віцебскі пралетарый. – 1937. – 23 снеж. – С. 3.

Монзуль В.Ю. *(г. Минск)*

ПРОЕКТЫ СТРОИТЕЛЬСТВА АТОМНЫХ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЙ В ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ В 1960–1980-е гг. И ИХ МЕСТО В РАЗВИТИИ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ БЕЛОРУССКОЙ ССР

Начиная с 1960-х гг. Белорусская ССР рассматривалась как перспективный регион строительства атомных электростанций (АЭС) из-за небольших запасов органического топлива и развитой промышленности, потреблявшей большие объемы электроэнергии. Уже в 1968 г. эксперты Министерства энергетики и электрификации СССР отмечали в генеральной схеме электрификации СССР на 1971–1980 гг.: «*Районами первоочередного строительства АЭС по экономическим соображениям должны быть преимущественно районы Северо-Запада, Центра и Юга Европейской части СССР, дефицитные по топливу*». Именно по экономическим соображениям в генеральной схеме намечалось построить одну АЭС в Белорусской ССР или в соседних союзных республиках мощностью 3000 МВт (условное название в генеральной схеме – «Белорусская АЭС») [1, с. 63–65; 2, л. 70–76]. Руководство БССР было заинтересовано в строительстве этой станции, поскольку обеспечение потребностей развивавшейся промышленности и жилищно-коммунального хозяйства предусматривало быстрый рост потребления электроэнергии в республике. Предварительные расчеты Госплана БССР и белорусских энергетиков показывали, что потребление электроэнергии в БССР возрастет до 25,5 млрд кВт·ч к 1975 г. и до 40 млрд кВт·ч к 1980 г. (в 1965 г. потребление составило лишь 7,5 млрд кВт·ч) [2, л. 1–6]. Мощностей существующих и строившихся электростанций недоставало для обеспечения нужд экономики. В 1969–1970 гг. власти БССР и специалисты Ленинградского отделения института «Теплоэлектропроект» (ЛОТЭП) рассмотрели 18 (по другим данным, 17) возможных пунктов для размещения Белорусской АЭС, и больше всего возможных мест для размещения атомной электростанции было подобрано именно в Витебской области – в Браславском, Верхнедвинском, Миорском, Россонском районах, а также на границе Полоцкого и Ушачского районов [4, л. 334–336]. Причина, по которой Витебская область считалась приоритетным регионом для строительства АЭС, заключалась в обилии крупных источников пресной воды и водоемов. Четыре из пяти площадок были при-

вязаны к крупным озерам (Нещердо, Обстерно, Снуды, Яново), еще одна – к реке Западная Двина. Подобный выбор площадок был обусловлен стремлением сэкономить на системах охлаждения циркуляционной воды, поскольку крупные водоемы служили бесплатными охладителями огромных объемов горячей воды (альтернативной им были дорогостоящие башни-градирни). Аналогичным образом организовывалось и охлаждение крупных тепловых электростанций – в частности, Березовской и Лукомльской ГРЭС. После долгих обсуждений в БССР были отобраны две площадки – берег озера Снуды в Браславском районе Витебской области и площадка у поселка Брожа в Бобруйском районе Могилевской области (на границе с Гомельской областью). В 1970–1971 гг. в ЛОТЭП был проведен анализ трех площадок для размещения АЭС – Брожского и Снудского пунктов в БССР, а также Друкшайского пункта в Литовской ССР (на берегу оз. Дрисвяты/Друкшай). Ленинградские специалисты подсчитали, что строительство АЭС в Литве обойдется дешевле, и рекомендовали именно его. Впрочем, власти БССР были крайне заинтересованы в электростанции и в огромных капиталовложениях на ее строительство, и Госплан БССР привлек группу экспертов во главе с академиком А.К. Красиным. Экспертная группа подвергла обоснованной критике выводы ЛОТЭП с целью изменить вывод проектировщиков в пользу площадки на территории Беларуси [3, л. 30–41]. Министерство энергетики и электрификации СССР прислушалось к выводам экспертов и рекомендовало строить АЭС на берегу оз. Снуды [3, л. 224]. 16 сентября 1971 г. строительство АЭС на оз. Снуды было утверждено постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 684-200 [4, л. 169–170]. Впрочем, в 1972 г. Минэнерго СССР и занимавшееся атомной промышленностью Министерство среднего машиностроения СССР настояли на изменении места возведения АЭС в пользу Литвы, основываясь «*на соображениях Минсредмаша о лучшем качестве грунтов в Друкшайском пункте по сравнению со Снудским пунктом и уменьшении капитальных вложений в строительство*» [4, л. 169–170, 341]. В результате началось строительство Игналинской АЭС в Литовской ССР, которая, впрочем, не решила проблемы нехватки электрических мощностей в БССР (обе союзные республики были связаны в объединенную энергосеть северо-запада СССР).

В конце 1970-х – 1980-х гг. Витебская область повторно рассматривалась как регион для размещения новых атомных станций в связи с новыми планами развития энергетики. 25 мая 1979 г. в республике была создана комиссия по развитию атомной энергетики для проработки различных вопросов, связанных со строительством АЭС. Комиссия наметила две площадки в Витебской области – к северу от г. Витебска, на берегу оз. Вымно в Городокском районе и Ореховскую в Оршанском районе в районе существующей БелГРЭС. Еще одна площадка располагалась у южного берега оз. Лукомльское на границе Витебской и Минской областей (впоследствии

место предлагаемого размещения АЭС на этой площадке перенесли южнее, к оз. Селява) [9, л. 1–5]. Витебская площадка виделась проектировщикам весьма перспективной, и был даже подготовлен примерный проект ее размещения на северо-западном берегу оз. Вымно. Предполагалось, в частности, увеличить площадь озера, перебросив воду из р. Западная Двина [8, л. 135]. Впрочем, в 1983 г. геологи дали отрицательное заключение о данном варианте размещения атомной станции из-за опасности образования пустот под станцией. *«Проведенные полевые, буровые и геофизические работы выявили зоны резкого изменения глубин залегания и электрического сопротивления доломитов, что с достаточной степенью достоверности свидетельствует о проявлении карстовых процессов в доломитах*», отмечала рабочая группа [8, л. 130–132; 9, л. 8–10, 31–35]. В 1984 г. Совет Министров БССР и ЦК КПБ согласовали площадку для строительства Белорусской АЭС на берегу оз. Селява в Крупском районе Витебской области, в нескольких километрах к югу от границ Витебской области. При этом жилье для размещения сотрудников АЭС намечалось строить в существующем городе Новолукомле Чашникского района Витебской области [1, с. 68–69].

Ореховская площадка в Оршанском районе Витебской области, которая не подошла для строительства полноценной АЭС, была рекомендована для строительства опытно-промышленной АЭС БРИГ-300 [9, л. 25–26]. Площадка возле БелГРЭС севернее г. п. Ореховск была привязана к Большому Ореховскому озеру, другим вариантом источника водоснабжения было строительство водохранилища на выработках торфопредприятия «Осинторф» [9, л. 3]. Проект БРИГ-300 был в значительной степени экспериментальным, его разрабатывал Институт ядерной энергетики АН БССР для изучения на практике новой технологии с использованием реактора на быстрых нейтронах и диссоциирующего газотеплоносителя [10, л. 1–83]. Этот проект не был реализован.

Наконец Витебск был выбран местом строительства еще одного экспериментального проекта – атомной станции теплоснабжения (АСТ). Появление этого проекта на повестке дня было связано с растущими потребностями крупных городов в тепловой энергии и ростом важности экспорта органического топлива для СССР. В Белорусской ССР началось строительство Минской атомной ТЭЦ (п. Руденск Пуховичского района Минской области), а возле Витебска, Гомеля и Могилева намечалось построить менее крупные АСТ. Ключевыми отличиями АСТ были упрощенная конструкция реактора и теплообменников и отказ от выработки электроэнергии. По задумкам проектировщиков, эти меры должны были удешевить строительство, снизить эксплуатационные риски и позволить разместить станцию всего в 3–5 км от границ городов, тем самым существенно сократив расходы на строительство станций и транспортировку тепловой энергии (в СССР остро недоставало труб большого диаметра). Первые две АСТ начали строить в конце 1970-х –

начале 1980-х гг. в Горьком (совр. Нижний Новгород) и Воронеже [7, л. 1–8]. Выбор в пользу Витебска был продиктован бурным промышленным и жилищным строительством в городе.

Летом 1984 г. началась подготовка проекта постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о развитии атомной энергетики на ближайшие пятилетки, и 31 августа 1984 г. Совет Министров БССР попросил предусмотреть в числе прочего «*сооружение Витебской АСТ-1000 мощностью 860 Гкал·ч с вводом ее в действие в 1995 году*» [9, л. 45]. Энергетики высказывали большую заинтересованность в строительстве Витебской атомной станции теплоснабжения. Так, 21 января 1985 г. главный инженер Белглавэнерго Л.В. Черепко проинформировал Госплан БССР, что «*для обеспечения надежного теплоснабжения городов и значительного сокращения [потребления] органического топлива необходимо сооружать атомные станции теплоснабжения (АСТ) в первую очередь в гг. Витебске и Могилеве*». 1 февраля 1985 г. председатель Госплана БССР А.А. Реут писал в ЦК КПБ, что «*строительство атомной станции теплоснабжения (АСТ) наиболее реально в перспективе в г. Витебске*» [5, л. 41–47]. Проектированием трех АСТ, намечавшихся к строительству в БССР, занималось Ленинградское отделение института «Атомтеплоэлектропроект». Проектировщики подсчитали, что ввести Витебскую АСТ из двух блоков суммарной тепловой мощностью 860 Гкал·ч в эксплуатацию необходимо будет после 1995 г., когда возможности существующих источников тепловой энергии будут исчерпаны. Ленинградские специалисты предложили две площадки для размещения АСТ – у п. Старинки в 3 км южнее перспективной границы Витебска и у п. Октябрьский в 3 км юго-восточнее Витебска. Намечалось отвести для станции 80 га земли и задействовать 3 тыс. строителей, а от отдельного поселка атомщиков отказаться, разместив обслуживающий персонал в Витебске [11, л. 13–15]. Впрочем, эти две площадки были отвергнуты из-за близости аэропорта. Белорусское отделение института «ВНИПИэнергопром» предложило два дополнительных места размещения станции, одно из которых в итоге и утвердили. 21 ноября 1985 г. зам. председателя Витебского облисполкома В.К. Соболенко проинформировал Госплан БССР о согласовании площадки восточнее Витебска. Она располагалась в 2,5 км от перспективной границы города, на территории земель экспериментальной базы «Тулово» и леса. В 1 км к северу от намечаемой Витебской АСТ располагалась д. Сливовщина (Селивовщина), в 2 км к западу – д. Билево. 30 декабря 1985 г. Госплан направил в Совет Министров БССР полный пакет документов по АСТ в Витебске, Гомеле и Могилеве [11, л. 1–31].

После катастрофы на Чернобыльской АЭС в планы развития атомной энергетики БССР были внесены значительные коррективы. Геологи пришли к выводу о непригодности Селявской площадки для строительства Белорусской АЭС, а местные органы исполнительной власти начали выступать

против ее строительства. Из-за необходимости выполнять постановления союзного руководства был срочно начат поиск альтернативных площадок для строительства уже утвержденной Белорусской АЭС. Власти БССР предложили пять новых мест для размещения АЭС, включая три площадки в Витебской области – на озерах возле поселков Езерище, Освея и Россоны. Общим для всех новых площадок было пограничное расположение. 25 марта 1988 г. Бюро Совета Министров СССР по топливно-энергетическому комплексу официально утвердило резервным местом строительства АЭС Езерищенскую площадку [1, с. 70]. На этой площадке рассматривались различные варианты размещения АЭС – на оз. Езерище, а также южнее, на группах озер Вымно и Межа [12, л. 72–73]. В условиях гласности и перестройки строительство активно обсуждалось общественностью и СМИ. Жители Витебска выступали против строительства, высказывая свое мнение различными способами: написали письмо генеральному секретарю ЦК КПСС М.С. Горбачеву, озвучили наказ народному депутату СССР Г.И. Артеменко «*не допустить размещения и строительства в БССР и в Витебской области Белорусской АЭС*», приняли критические резолюции на нескольких местных партийных конференциях [6, л. 97–140]. В результате в конце 1988 г. ЦК КПБ и Совет Министров БССР отказались от строительства Белорусской АЭС [1, с. 70]. Аналогичная судьба постигла другие проекты и даже начатое строительство Минской АТЭЦ, которую перепрофилировали в ТЭЦ-5 на органическом топливе. Впрочем, не исключено, что проектные организации успели подготовить какие-либо чертежи для намечавшегося строительства атомных объектов на территории Витебской области.

В 1960-е – 1980-е гг. Витебская область считалась наиболее перспективной для строительства атомных электростанций в Беларуси благодаря географическим особенностям, а крупный промышленный центр Витебск рассматривался как место строительства в обозримом будущем атомной станции для теплоснабжения города. В СССР атомная энергетика рассматривалась как экономически выгодная, а до 1986 г. – еще и экологически безопасная. Экономическая эффективность атомных станций оценивалась как высокая, в связи с чем строительство новых АЭС на территории Витебской области было весьма вероятным. Впрочем, катастрофа на Чернобыльской АЭС заставила пересмотреть экологические риски возведения объектов атомной энергетики, что привело к замораживанию всех проектов в этой сфере и переоценке критериев выбора площадок для строительства АЭС.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Монзуль, В. Ю.** Мирный атом в БССР / В. Ю. Монзуль // Беларуская думка. – 2018. – № 1. – С. 63–70.

2. **Национальный** архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 7. Оп. 5. Д. 2273.

3. **НАРБ.** – Ф. 7. Оп. 5. Д. 3327.

4. **НАРБ.** – Ф. 7. Оп. 5. Д. 3697.
5. **НАРБ.** – Ф. 7. Оп. 5. Д. 8577.
6. **НАРБ.** – Ф. 7. Оп. 10. Д. 1317.
7. **НАРБ.** – Ф. 31. Оп. 10. Д. 707.
8. **НАРБ.** – Ф. 31. Оп. 10. Д. 1083.
9. **НАРБ.** – Ф. 31. Оп. 15. Д. 185.
10. **НАРБ.** – Ф. 31. Оп. 15. Д. 485.
11. **НАРБ.** – Ф. 31. Оп. 15. Д. 880.
12. **НАРБ.** – Ф. 31. Оп. 15. Д. 1381.

Мясоедова С.Н. *(г. Витебск)*

ДОКТОР КАМУШЕР: У ИСТОКОВ ПРОТИВОТУБЕРКУЛЕЗНОЙ СЛУЖБЫ ВИТЕБЩИНЫ

22 сентября 1921 г. в Витебске открылся показательный диспансер (амбулатория для туберкулезных больных). Учреждение занимало 8 комнат в здании по адресу: ул. Гоголевская, д. 15/1 (совр. ул. Ленина, д. 18), в котором первоначально вели прием 2 педиатра, 2 терапевта и хирург [1, с. 619]. Одновременно при диспансере для решения финансовых вопросов был организован «комитет содействия» [7]. В качестве помощника заведующего диспансером и секретаря «комитета» на работу в диспансер пришел военный врач Григорий Абрамович Камушер, впоследствии организатор и руководитель Ростовского областного научного общества фтизиатров (с 1947 г.), заслуженный врач РСФСР (1955) [1, с. 619].

Биографическую справку о Г.Д. Камушере можно составить на основании материалов, собранных некоммерческими организациями JewishGen, FamilySearch (сайты требуют регистрации), а также документов из портала «Память народа» и Государственного архива Витебской области.

Григорий (Гирш) Абрамович Камушер родился в Вильно 12 (25) апреля 1891 г. в семье девянишского мещанина Ошмянского уезда (совр. местечко Девянишкес, Литва) Абрама-Израиля Геноховича (Абрама Евгеньевича) и его жены, мещанки Мины (Хаси-Мины) Семеновны (Симоновны), в девичестве Перельман [3, л. 329; 11] (Дадатак 6, фота 1). В семье кроме него было еще двое сыновей: Иосиф, 22 марта 1893 г. р. и Гершон, 15 октября 1897 г. р. [11].

Г.А. Камушер получил высшее медицинское образование, о наличии которого писал в одной из анкет [3, л. 329]. В 1913 г. он вступил в брак с Двейрой (Верой Константиновной) Фрадкиной [3, л. 329; 12], а уже с 1914 г. называл себя беженцем «по военным обстоятельствам из Вильно» [3, л. 327] (Дадатак 6, фота 2).

В 1918–1923 гг. Г.А. Камушер с небольшими перерывами находился в Витебске. В начале 1918 г. значился как вольнопрактикующий врач. 30 августа 1918 г. у Камушеров родилась дочь Эва (Ева, Эвелина) [3, л. 329; 13].

Во исполнение декрета СНК РСФСР от 29 августа 1918 г. «О призыве на военную службу медицинских, зубных и ветеринарных врачей, лекарских помощников, фармацевтов, медицинских и ветеринарных фельдшеров» в Витебске на 20 сентября 1918 г. была назначена регистрация и призыв на военную службу врачей 1883–1891 гг. р., фармацевтов 1888–1897 гг. р., фельдшеров 1888–1891 гг. р. и зубных врачей 1891–1897 гг. р. Приказом Витебского губернского военного комиссариата № 91 от 20 сентября 1918 г. вольнопрактикующий врач Г.А. Камушер был принят на военную службу и назначен с 11 сентября 1918 г. исполняющим обязанности старшего врача Первого латышского советского кавалерийского полка [8]. Он прошел освидетельствование, к военной службе оказался годен [9].

Вместе с полком врач Г. Камушер уехал на Южный фронт, где принимал участие в боях против генерала Краснова, «пользовался любовью и уважением, приложил много трудов, когда оказывал медицинскую помощь раненым. Он был на передовой линии, рисковал жизнью, когда под градом пуль делал перевязку раненым красноармейцем» [3, л. 336].

С 1919 г. Г.А. Камушер вновь в Витебске. Он «хлопотал» перед Витебским губисполкомом о признании его беженцем, поскольку хотел уехать в Вильно, где проживали родственники. Однако необходимых документов Григорий Абрамович не имел, получил отказ и далее подал заявление на оптацию (выбор гражданства) Литвы, получение которой давало возможность уехать в Вильно [3, л. 327].

В ожидании оптации доктор Камушер работал в сводных эвакуационных госпиталях Витебска, сначала ординатором 4-го, затем младшим ординатором 211-го – 229-го [10].

На высоком берегу Западной Двины во 2-й Марковщине для раненых были выстроены просторные деревянные бараки. В 4-м сводном эвакуационном госпитале, где с 1919 г. работал А.Г. Камушер, были большие палаты, много воздуха и хорошее оборудование. Однако не хватало белья, мыла, соды, постельных принадлежностей, вроде матрасов, одеял, простыней, полотенец, подушек, которые нечем было набивать из-за отсутствия соломы. Больные и раненые в одних палатах лежали совершенно голые, в других – на грязном белье, которое могли не менять и 16 суток из-за невозможности его стирать, «тяжелораненые в обе ноги, одержимые еще вдобавок столбняком, лежат в грязных окровавленных фронтовых рубашках. Излеченных от чесотки вновь одевают в то же грязное и рваное белье, бывали при этом случаи заболевания тифом от заражения и грязи».

Лечение больных характеризовалось как удовлетворительное за исключением венерического отделения, где со стороны медицинского персонала,

как старшего, так и младшего, наблюдалось пренебрежительное отношение к больным, их осматривали лишь по прибытии в госпиталь, а затем не обращали внимания. Начальник госпиталя отмечал, что эвакуационный госпиталь не должен долго задерживать больных, занимался приемкой раненых и направлением их для дальнейшего лечения в стационарные госпитали [10].

Доктор Камушер работал здесь ординатором, «пользовался доверием и уважением всего командного состава, политчасти и служащих госпиталя. В госпитале он пережил эпидемию сыпного тифа, одно время оставался один на громадный (600 мест!) госпиталь, так как весь остальной персонал был болен [3, л. 333 – 333 об].

211-й сводный эвакуационный госпиталь в составе четырех врачей, фармацевта, пяти чинов хозяйственного разряда, восьми сестер милосердия и пятидесяти санитаров прибыл в Витебск в конце 1918 г. для обслуживания витебского гарнизона [6], а затем, вероятно, объединился с 229-м госпиталем. Здесь доктор Г.А. Камушер работал младшим ординатором, военный комиссар госпиталя отмечал, что он «хорошо обращался с ранеными, чем заслужил уважение к себе» [3].

В 1922 г. все военные госпитали 143-го эвакопункта, находящиеся в г. Витебске, подлежали демобилизации, 3070 коек и весь штат за исключением санитаров-красноармейцев были переданы отделу здравоохранения Витебского губисполкома [5].

В это время военный врач Григорий Абрамович Камушер был оптирован в литовское гражданство, но, по его признанию, ехать в Вильно уже не планировал, тем более что его семья, жена и дочь, находились в Витебске [3, л. 327].

Он поступил на службу во вновь открытую амбулаторию для туберкулезных больных (диспансер), но не как врач [6], а, скорее, как административный работник.

С открытия диспансер ставил целью не только лечение болезни, но и ее профилактику. Развернулась большая просветительная, агитационная и организационная работа, которую доктор Камушер вел как секретарь «комитета содействия» при диспансере. Он тесно контактировал с профсоюзными организациями учреждений, организаций и предприятий города [3, л. 338]. Благодаря деятельности Григория Абрамовича на предприятиях были приняты решения об отчислении ежемесячных денежных средств и продуктов производства в пользу диспансера. Так, швейники предоставили 700 аршин мануфактуры для пошива теплого белья, на субботнике «женщины-коммунистки» профсоюза пищевиков изготовили 75 кисетов, коммунальники обсуждали вопрос о бесплатном предоставлении диспансеру электрического освещения и воды [7].

Одновременно Г.А. Камушер обратился в Витебский губисполком с просьбой о предоставлении ему гражданства РСФСР [3, л. 327]. На заседа-

нии президиума Витебского губисполкома от 28 июня 1923 г. ходатайство Г.А. Камушера, а также его жены и дочери о принятии их в гражданство РСФСР постановили удовлетворить [3, л. 345].

С 1924 г. Г.А. Камушер с семьей жил в Ростове-на-Дону, был организатором и первым главным врачом Ростовского областного противотуберкулезного диспансера [1, с. 619].

Он принимал участие в советско-финской и Великой Отечественной войнах. Служил начальником эвакогоспиталей на Юго-Западном и Западном фронтах, на 1945 г. – майор медицинской службы, начальник 4063-го эвакогоспиталя.

Дочь Абрама Григорьевича Ева (Эвелина) Григорьевна Камушер (Белоденко) также была врачом, участницей Великой Отечественной войны: служила врачом в транспортном батальоне (октябрь 1941 – май 1942 г.), ординатором в хирургическом полевом подвижном госпитале № 175 (май – ноябрь 1942 г.), старшим ординатором первого хирургического отделения эвакогоспиталя № 2988 (с ноября 1942 г.). На 1945 г. – капитан медицинской службы. Награждена медалью «За боевые заслуги» (1944), орденами Красной Звезды (1945), Отечественной войны II степени (1985) [13].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Гонтмахер**, Михаил Абрамович. Евреи на донской земле: история. Факты. Биографии / М. А. Гонтмахер. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Ростов н/Д : Ростиздат, 2007. – 857 с. : порт.

2. **Государственный** архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 56. Оп. 1. Д. 114. Л. 246.

3. **ГАВт.** – Ф. 56. Оп. 6. Д. 86.

4. **ГАВт.** – Ф. 64. Оп.1. Д. 151. Л. 19.

5. **ГАВт.** – Ф. 64. Оп.1. Д. 386. Л. 45.

6. **ГАВт.** – Ф. 64. Оп.1. Д. 466. Л. 211 об.

7. **ГАВт.** – Ф. 64. Оп. 1. Д. 519. Л. 10 – 10 об.

8. **ГАВт.** – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 6. Л. 115.

9. **ГАВт.** – Ф. 1591. Оп. 1. Д. 223. Л. 6, 47, 280.

10. **ГАВт.** – Ф. 10050-п. Оп. 1. Д. 24. Л. 26–28.

11. **Сайт** некоммерческой организации FamilySearch [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.familysearch.org. – Дата доступа: 29.11.2021.

12. **Сайт** некоммерческой организации JewishGen [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.jewishgen.org. – Дата доступа: 29.11.2021.

13. **Электронный** банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/. – Дата доступа: 29.11.2021.

Нарейко К.А. *(г. Полоцк)*

ОРГАНИЗАЦИЯ РУКОВОДСТВА ПАРТИЗАНСКИМ ДВИЖЕНИЕМ В ПОЛОЦКОЙ ЗОНЕ В 1942–1943 гг.

На протяжении восьмидесяти лет события Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. остаются одной из самых трагических и героических страниц истории Беларуси. Важнейшей составляющей всенародной борьбы против немецко-фашистских захватчиков являлось партизанское движение.

Полоцкий регион по праву можно назвать партизанским краем. В годы Великой Отечественной войны на его территории действовали отряды 6 партизанских бригад, более 10 отдельных партизанских отрядов и партизанских спецгрупп. Партизанское движение на территории Полотчины ведет свой исток еще с лета 1941 г., однако новые организационные формы партизанское движение приобрело с весны 1942 г. Возникшие партизанские группы начали объединяться в партизанские бригады и соединения.

Одной из первых среди крупных партизанских формирований на Полотчине начала борьбу с захватчиками 3-я Белорусская партизанская бригада под командованием бывшего политработника Красной армии А.Я. Марченко. 6 июня 1942 г. в лесу в районе д. Чербомыслово состоялось партийное собрание коммунистов Полоцкого района. По решению партийного собрания и избранного на нем Полоцкого подпольного райкома КПБ(б) во главе с Г.С. Петровым было решено на базе отряда А.Я. Марченко создать партизанскую бригаду из трех отрядов. В первом протоколе в пунктах 5 и 6 было записано следующее: «5. Создать партизанскую бригаду Полоцкого района, командиром бригады утвердить тов. Марченко А.Я. 6. Связаться со всеми партизанскими отрядами Полоцкого района, подчинив их для общего руководства командованию бригадой, всех командиров и комиссаров отрядов утвердить на заседании райкома КП(б)Б, организацию связи возложить на тов. Марченко» [1, с. 3].

В августе 1942 г. на совместном заседании Полоцкого подпольного райкома компартии во главе с Г.С. Петровым и командования спецотряда НКВД СССР «Неуловимый», прибывшего из-за линии фронта, было решено сформировать 7 партизанских отрядов общей численностью 650 человек. Так была создана знаменитая партизанская бригада «Неуловимые». Главной задачей партизан бригады было проведение диверсионной и разведывательной работы на временно оккупированной немецкими захватчиками территории БССР.

В это же время в Полоцком и соседних районах Витебщины были образованы десятки партизанских отрядов и бригад.

Как следствие этого, в тылу врага начали появляться отвоеванные у захватчиков, освобожденные и патрулируемые партизанскими отрядами и

бригадами обширные пространства, вошедшие в историю под названием «партизанские зоны». Документы свидетельствуют, что в весенне-летний период 1942 г. на территории Витебской области, временно оккупированной немецко-фашистскими захватчиками, были созданы Суражская, Россонско-Освейская, Ушачская, Полоцкая партизанские зоны. Условные границы Полоцкой зоны включали знаменитый треугольник по периметру железных дорог Полоцк – Витебск – Невель. В зону входила территория части Полоцкого, Сиротинского, Меховского, Городокского и Невельского районов. Общая площадь зоны составляла условные 2600 км^2.

В связи с резким увеличением партизанских сил остро встал вопрос об общем партизанском командовании и координации действий партизан на территории Полоцкого региона. Десятки отдельных партизанских отрядов, диверсионных групп и бригад действовали самостоятельно, что влияло прежде всего на эффективность диверсионной и боевой работы.

20 марта 1942 г. решением ЦК КП(б)Б была создана Северо-Западная оперативная группа ЦК Компартии Белоруссии и Совета народных комиссаров БССР во главе с секретарем ЦК КП(б)Б Г.Б. Эйдиновым. Она сыграла значительную роль в руководстве партийным подпольем, партизанскими отрядами и бригадами на большей части Витебщины. Однако в полной мере она не могла координировать эти действия на местах. Появилась острая необходимость в органе, который осуществлял бы общее руководство силами народных мстителей непосредственно в партизанских зонах.

Документы свидетельствуют, что 4 августа 1942 г. по постановлению бюро Витебского обкома КП(б) Б и по указанию члена военсовета 4-й ударной армии И.А. Стулова на территории Полотчины был создан Объединенный штаб партизанских войск Полоцкой зоны [5, л. 43]. Согласно протоколу № 7 заседания Витебского обкома КП(б)Б от 3 августа 1942 г., в его компетенцию входило общее командование партизанскими отрядами и бригадами, расположенными и действовавшими в Полоцком, Россонском, Освейском, Дриссенском, Сиротинском, Ветринском районах, а также бригадой Мельникова, действовавшей в Ушачском районе, и бригадой Сташкевича, действовавшей в Меховском, Полоцком и Невельском районах [6, л. 15].

Объединенный штаб партизанских войск Полоцкой зоны начал свою деятельность с 10 августа 1942 г. в составе:

1. Командующий войсками А.Я. Марченко.
2. Комиссар Н.А. Новиков.
3. Начальник штаба Т.К. Раевский.
4. Начальник разведки А.П. Максименко.
5. Замкомиссара по комсомолу А.А. Жавнерко [5, л. 43–44].

Согласно постановлению заседания № 7 Витебского обкома КП(б)Б, главными вопросами, которыми должен заниматься объединенный штаб, были следующие:

– организовывать – поднимать народ на борьбу, создавать партизанские отряды во всех деревнях, местечках, городах; создавать патриотические организации и группы;

– разлагать все вражеские учреждения, организовывать террор;

– организовывать разведку, создавать широкую сеть агентуры;

– осуществлять контроль, инструктаж и активизацию боевых действий партизанских бригад и отрядов; обеспечивать связи между бригадами и отрядами;

– разрабатывать совместные операции и координировать действия партизанских бригад;

– изыскивать оружие, боеприпасы, продовольствие и одежду;

– организовывать агитацию и пропаганду;

– обеспечивать политическое руководство, осуществлять правильное взаимодействие с населением, борьбу с мародерством, пьянством и другими аморальными проявлениями;

– поддерживать связи с вышестоящими органами Красной армии [6, л. 16].

В течение августа 1942 г. штаб установил связь с бригадами, действовавшими в Полоцком регионе, и дал им указания по боевой и диверсионной работе. К сентябрю – октябрю 1942 г. в подчинение объединенного штаба вошли партизанские бригады под командованием Козлова, Сташкевича, Короткина, Мельникова, Петракова, Охотина, Тябута.

Однако, как свидетельствуют документы, не все партизанские силы поступили под общее руководство объединенного штаба. Это касается прежде всего групп специального назначения, партизанской бригады особого назначения НКВД СССР «Неуловимые» под командованием М.С. Прудникова. Объясняется это тем, что они находились в прямом подчинении НКВД СССР. В одном из документов штаба говорится: «Кроме этого, имеются различные группы, как отряд Харина (быв. «Горячего»), группа Румянцева и отряд «Батькова», однако они информацию о боевых действиях и составе, а также другие сведения давать отказались, мотивируя тем, что нет указаний Наркомата внутренних дел» [5, л. 48].

В письме члену Витебского обкома КП(б)Б Я.А. Жилянину от 29 августа 1942 г. комиссар объединенного штаба Н.А. Новиков отмечает, что практически со всеми партизанскими отрядами установлена связь, переданы указания штаба. Вместе с тем констатируется, что командир бригады особого назначения «Неуловимые» М.С. Прудников идти на контакт отказывается. В своем письме комиссару Н.А. Новикову Прудников пишет: «Я вас признаю, когда наркомат скажет!: “Нет никаких штабов, вы подчиняетесь оперативной группе при военсовете 4-й Ударной армии”» [4, л. 86].

Нужно сказать, что действительно Витебский обком КП(б)Б принял решение о создании объединенного штаба войск Полоцкой зоны, однако дея-

тельных шагов по извещению и доведению до командования партизанских бригад, действовавших на территории Полоцкого региона, приказа о его создании не предпринял. Не было и приказа по организации объединенного штаба со стороны Северо-Западной оперативной группы ЦК Компартии Белоруссии и Совета народных комиссаров БССР при штабе 4-й ударной армии. Начавшему свою работу объединенному штабу партизанских войск Полоцкой зоны в августе 1942 г. приходилось прежде всего самому устанавливать связь и ставить в подчинение данные бригады и отряды.

Кроме проблем с субординацией и координаций совместных диверсионных и боевых операций партизан, наблюдались случаи «самовольного» присвоения командования. Из документов следует: «По имеющимся данным, капитан Петраков в Россонском районе объединил под свое руководство, не имея на то разрешения, все партизанские отряды Россонского, Дриссенского, Освейского районов. В связи с этим направленные нами связные в Освейский и Дриссенский районы Петраковым были отправлены обратно, не дав данных отдельно по трем районам. Исходя из этого, засылаемые отряды и специальные группы из разных наркоматов и даже некоторые бригады не знают о существовании партизанских войск, поэтому мы их работу контролировать не можем» [3, л. 56].

Несмотря на эти проблемы, под руководством объединенного штаба партизанских войск Полоцкой зоны проводилась значительная боевая и диверсионная работа партизанскими отрядами и бригадами, действовавшими в Полоцком регионе. Например, согласно отчету о боевых действиях бригад и отрядов партизанских войск Полоцкой зоны по состоянию на 15 сентября 1942 г.: «Бригадой Козлова: убито немцев – 796, спущено под откос эшелонов – 2, уничтожено паровозов – 4, вагонов с боеприпасами – 16, вагонов с автомашинами – 10, сожжено казарм – 8; бригадой Короткина: убито немцев – 192, уничтожено паровозов – 1, сожжено казарм – 3, разбито автомашин – 8, сожжено мостов на шоссе – 12; бригадой Захарова: убито солдат – 26, сожжено складов – 2, разбито автомашин – 3, сожжено мостов на шоссе – 5» [5, л. 121].

Согласно архивным документам по деятельности штаба, этот орган, по невыясненным причинам, прекратил свою работу в начале 1943 г. Четкого ответа на вопрос о причинах, по которым деятельность штаба приостановилась, архивные документы не дают.

В связи с этим можно предположить, что работа по установлению связей и координации деятельности бригад и отрядов не получила нужного размаха и оперативности, так как очень сложно было наладить связь. Работникам штаба с большим трудом и опасностью для жизни сутками приходилось преодолевать десятки километров, пробираясь из района в район по контролируемой врагом территории. Техническими средствами связи штаб не располагал. Вот что отмечал член военного совета 4-й ударной армии, секретарь Витебского обкома КП(б)Б И.А. Стулов: «Витебский обком КП(б)Б имеет

связь с районами и многочисленными бригадами только через их представителей и своих инструкторов, которые там бывают систематически. Живая связь хороша, но требует времени, а вопросов бывает много неотложных, большая часть их проходит через голову обкома КП(б)Б. Считаю, что обком партии должен иметь радиосвязь со всеми рациями, которые находятся в партизанских отрядах» [2, л. 176].

Также представляется реальным, что деятельность штаба была прекращена по причине временного отсутствия командования. Осенью 1942 г. А.Я. Марченко, а также Е.А. Козлов – командир 3-й Белорусской партизанской бригады, Я.Х. Сташкевич – командир 4-й Белорусской партизанской бригады и другие известные на Витебщине партизанские руководители участвовали в знаменитом совещании партизанских лидеров в Москве, где их лично приняли И.В. Сталин и М.И. Калинин. После совещания на обратном пути в расположение Полоцкой партизанской зоны произошла авиакатастрофа, в результате которой погиб Е.А. Козлов, а А.Я. Марченко и Я.Х. Сташкевич были серьезно ранены. Впоследствии Я.Х. Сташкевич умер в госпитале, А.Я. Марченко вернулся в бригаду только в январе 1943 г. Нужно отметить, что А.Я. Марченко был энергичным и талантливым организатором. Возможно, никто не смог продолжить его дело на том же уровне, и существование штаба утратило актуальность.

Кроме этого, вероятно, к тому времени (январь 1943 г.) необходимость в этом органе отпала, так как изменилась обстановка. Были созданы Белорусский штаб партизанского движения (БШПД) и Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД). Сформировались оперативные группы там, где этого требовала обстановка. К тому же опыт показал, что в группах районов, где находилось 5–7 тыс. партизан, нужен не штаб, а оперативная группа из работников БШПД для координации действий бригад при отражении наступавших крупных вражеских сил. Так и делалось впоследствии в 1943–1944 гг. В отличие от объединенных штабов, в оперативную группу вошли профессионалы разных направлений – оперативной, политической, диверсионной, разведывательной работы. Кроме этого, в оперативные группы входили сотрудники БШПД, ЦШПД, обкома партии, у которых была налажена связь с центром и между партизанскими зонами техническими средствами.

Таким образом, в первой половине 1942 г. на Витебщине предпринимаются первые попытки создания консолидирующих органов по управлению партизанским движением непосредственно на местах – в партизанских зонах. Наряду с Северо-Западной оперативной группой ЦК Компартии Белоруссии и Совета народных комиссаров БССР, осуществлявшей общее руководство партизанскими силами на временно оккупированной восточной части БССР, объединенный штаб партизанских войск Полоцкой зоны, безусловно, являлся важным органом по управлению партизанским движением непосредственно на территории Полоцкого региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Маніс, М. А.** Партыйныя і камсамольскія органы ўзнаўляюць дзейнасць у падполлі. Нараджэнне 3-й Беларускай партызанскай брыгады : [Рукапіс]. – Полацк, 1995. – 58 с. (НПГКМЗ КП 036861).

2. **Материалы** партработников // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1450. Оп. 4. Д. 59.

3. **Материалы** по боевой деятельности партизанских бригад и отрядов Витебской области. 7 мая 1942 – 2 июня 1944 г. // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 4. Д. 15.

4. **Отчеты**, докладные записки, политдонесения Полоцкого подпольного РК КП(б)Б и объединенного штаба партизанских отрядов Полоцкой зоны // НАРБ. – Ф. 1336. Оп. 1. Д. 8.

5. **Отчеты** о боевой и диверсионной деятельности 3-й Белорусской партизанской бригады. Политдонесения, выписки из приказа бригады, ведомости о боевом и численном составе // НАРБ. – Ф. 1403. Оп. 1. Д. 7.

6. **Протоколы** заседаний Витебского обкома КП(б)Б // НАРБ. – Ф. 1336. Оп. 1. Д. 1.

Нікалаева І.У. *(г. Віцебск)*

ДЗЯРЖАЎНАЯ ПАЛІТЫКА Ў ДАЧЫНЕННІ ДА ЖАНЧЫН БССР І ПРАКТЫКА ЯЕ РЭАЛІЗАЦЫІ НА ВІЦЕБШЧЫНЕ Ў 1943 г. – ПАЧАТКУ 1950-х гг.

Вялікія дэмаграфічныя страты сярод мужчын у выніку вайны і акупацыі сталі прычынай таго, што ў пасляакупацыйны перыяд беларускае грамадства было ў асноўным жаночым. Перавага жаночага насельніцтва сярод дзеяздольнай часткі жыхароў рэспублікі вызначыла іх важную ролю і значэнне ў аднаўленні народнай гаспадаркі. Неабходнасць хуткага і значнага ўзнаўлення насельніцтва, якое не задавальняла патрэбы эканамічнага і сацыяльнага развіцця краіны, як ніколі вызначыла важнасць мацярынскай функцыі жанчын, якая стала аб'ектам дзяржаўнага рэгулявання. Таму адзначаны перыяд характарызаваўся павышанай увагай з боку дзяржавы і шырокай грамадскасці да жанчын. У дадзенай рабоце мы звернемся да аналізу асноўных кірункаў і механізмаў рэалізацыі ў канцы вайны і першыя пасляваенныя гады дзяржаўнай палітыкі ў адносінах да жанчын і яе ажыццяўлення на Віцебшчыне.

Статыстычныя звесткі сведчаць пра істотны разрыў на вызваленай тэрыторыі БССР паміж мужчынскім і жаночым насельніцтвам, які склаўся за кошт людзей старэйшага ўзросту. Найбольшае парушэнне ў суадносінах палоў на карысць жанчын было ў сельскай мясцовасці, пры тым, што ўдзельная вага вяскоўцаў складала больш за 80% усяго насельніцтва рэспублікі

[1, с. 343]. Да вяртання дэмабілізаваных мужчын гэты палавы дысбаланс быў найбольш адчувальным. У структуры сельскага насельніцтва Віцебскай вобласці на 1 жніўня 1944 г. жанчыны складалі 68% ад усіх жыхароў, пры гэтым найбольшая перавага жанчын адзначалася сярод асноўнай працаздольнай часткі пасляваеннага грамадства [5, спр. 42, арк. 54]. Ва ўзросце ад 16 да 60 гадоў доля жанчын па асобных раёнах вобласці складала ад 70 да 90% вяскоўцаў [5, спр. 162, арк. 1–39]. Пасля заканчэння вайны ўдзельная вага жанчын некалькі знізілася, аднак дыспрапорцыя палоў захавалася. Па даных першага пасляваеннага перапісу насельніцтва БССР, у 1959 г. на 1 тыс. мужчын прыходзілася 1249 жанчын, пры гэтым палавы дысбаланс быў найбольш выражаны ва ўзроставай групе тых, каму ў 1944 г. было 40–44 гады (1821 жанчына на 1 тыс. мужчын) [13, с. 12].

У сваю чаргу, неабходнасць найхутчэйшага аднаўлення прамысловых прадпрыемстваў і сельскай гаспадаркі на фоне вострага недахопу працоўных рук абумовіла зварот дзяржавы да жаночага насельніцтва як да магутнага працоўнага рэзерву. Доля жаночай працы ў народнай гаспадарцы рэспублікі істотна павялічылася і склала ў 1944–1945 гг. больш за 50% занятых (у параўнанні з 38% у 1940 г.) [9, с. 80]. Найбольшы прыток жанчын у прамысловасць назіраўся адразу пасля вызвалення тэрыторыі Беларусі ад акупацыі, на многіх прадпрыемствах яны складалі пераважную частку кадраў. Так, на 1 красавіка 1944 г. сярод рабочых і служачых вызваленых раёнаў Віцебскай вобласці жанчыны складалі 61% у прамысловасці, 75% у будаўніцтве, 69% у сувязі [5, спр. 4, арк. 24, 27]. З вяртаннем на вытворчасць дэмабілізаванага мужчынскага насельніцтва ўдзельная вага жанчын некалькі знізілася і на канец 1945 г. склала 48% рабочых і служачых БССР, у тым ліку на жанчын прыходзілася 43% кадравага складу прамысловых прадпрыемстваў рэспублікі [1, с. 180]. Разам з тым колькасць жанчын сярод працоўных і служачых вырасла (да 1950 г. больш чым у 1,5 раза), і ў далейшым у першае пасляваеннае пяцігоддзе назіраўся пастаянны іх колькасны рост [7, с. 116–117]. Асаблівасці жаночага арганізма і сумяшчэнне працы на вытворчасці з мацярынствам дыктавалі стварэнне пэўных умоў для жаночай працы, аднак паскараныя тэмпы аднаўлення прамысловасці ў пасляакупацыйны ваенны перыяд сціралі межы паміж жаночай і мужчынскай працай. Адной са станоўчых тэндэнцый пасляваеннага перыяду стаў перавод жанчын на лягчэйшыя працы, аднак гэты працэс суправаджаўся праблемамі, звязанымі з захаваннем высокіх заробкаў і павышэннем кваліфікацыі жанчын.

Жанчыны сталі асновай працоўных рэсурсаў, і ў вёсцы яны складалі асноўную частку працаздольных ва ўзросце ад 16 гадоў і больш, якія працавалі на працягу 1944 г. у калгасах рэспублікі. Значным было прадстаўніцтва жанчын у складзе калгасных кадраў таксама ў Віцебскай і Полацкай абласцяз: на 1 студзеня 1945 г. 83,6 і 84,8% адпаведна [4, с. 238, 251]. Востры недахоп

працоўных кадраў спрыяў засваенню жанчынамі механізатарскіх і іншых сельскагаспадарчых прафесій, якія патрабуюць спецыяльнай адукацыі. Пры гэтым, як сведчаць дакументы Віцебскага абкама і райкамаў КП(б)Б, камплектаванне курсаў па падрыхтоўцы рахункаводаў, брыгадзіраў, паляводаў і іншых неабходных спецыялістаў забяспечвалася галоўным чынам з ліку жанчын-сялянак [5, спр. 19, арк. 2, 46]. Больш за палову пасад брыгадзіраў і загадчыкаў жывёлагадоўчых ферм у пасляакупацыйны ваенны перыяд у рэспубліцы займалі жанчыны: 53,7 і 65,7% адпаведна [9, с. 114–115].

Нягледзячы на тое, што жанчыны складалі пераважную большасць рабочых у калгасах, іх прадстаўніцтва сярод вышэйшага кіруючага саставу было нязначным. Так, з 2565 старшынь калгасаў Віцебскай вобласці па стане на жнівень 1944 г. было толькі 124 жанчыны, ці 4,8% [5, спр. 101, арк. 36–37]. У цэлым па рэспубліцы ўдзельная вага жанчын сярод старшынь калгасаў значна вырасла і склала ў пасляакупацыйны перыяд 14,6% у параўнанні з 2,3% у 1940 г. [8, спр. 14, арк. 38; спр. 27, арк. 1]. Па некаторых раёнах Віцебскай вобласці на чэрвень 1944 г. гэта лічба была значна вышэй: Лёзненскі – 28,5%, Суражскі – 22,8% жанчын [5, спр. 102, арк 106]. Да канца 1945 г., пасля заканчэння вайны, калі прайшла асноўная дэмабілізацыя вайскоўцаў з арміі, колькасць жанчын сярод кіруючага саставу ўсіх узроўняў у калгаснай вытворчасці рэспублікі скарацілася прыкладна ўдвая і пасля вайны з года ў год толькі памяншалася [9, с. 115]. Калі ў 1946 г. жанчыны складалі 4,7%, то ў 1950 г. – усяго 1,1% старшынь калгасаў [8, спр. 14, арк. 38; спр. 27, арк. 1]. Адпавядала агульнарэспубліканскім тэндэнцыям і сітуацыя ў Віцебскай вобласці, дзе на пачатак 1950 г. сярод старшынь калгасаў удзельная вага жанчын была толькі 1,4% [8, спр. 27, арк. 1]. З другой паловы 1940-х гг. назіралася скарачэнне долі калгасніц і сярод механізатарскіх кадраў. Часцей за ўсё жанчыны былі заняты ручной працай і працавалі на некваліфікаваных пасадах. Цяжкая ручная праца, нізкая аплата з'яўляліся вынікам ваеннага часу, ва ўмовах якога даводзілася працаваць усім. Аднак сумяшчэнне жанчынамі выхавання дзяцей з працай у асабістай падсобнай гаспадарцы і ў калгасе, а таксама захаванне традыцыйнай сялянскай культуры пазбаўлялі іх магчымасці засваення прафесій, якія адрозніваліся добрым заробкам і не дазвалялі займаць высокія пасады.

Павышэнне грамадска-палітычнай актыўнасці жанчын, вылучэнне іх на кіруючую работу, як і ў перадваенныя гады, знаходзіліся пад увагай кіраўніцтва рэспублікі і з'яўляліся часткай дзяржаўнай палітыкі па рэалізацыі правоў жанчын у СССР. У прыватнасці, пытанне аб недаацэнцы вылучэння жанчын на «кіруючыя работы» неаднаразова станавілася прадметам абмеркавання партыйных органаў, якія бачылі прадстаўніцтва жанчын сярод кіраўнікоў усіх узроўняў як «зусім недастатковае» [5, спр. 101, арк. 90; 8, спр. 32, арк. 141]. Малалікасць жанчын на адказных пастах, якая выклікала заклапочанасць дзяржаўна-партыйнага апарату, мела тыповае тлумачэнне з

боку мужчын-кіраўнікоў на месцах: «Асаблівай патрэбы ва ўкамплектаванні кіруючых кадраў за кошт жанчын не было, – адзначаў сакратар па кадрах Сіроцінскага райкама КП(б)Б, – бо у нас хапае мужчын» [5, спр. 101, арк. 89]. Наколькі павольна, нягледзячы на спробы адміністрацыйнага стымулявання, ішло вылучэнне жанчын на кіруючую працу, сведчыць даведка жанадзела аб выніках працы ў 1950 г., у якой адзначаецца, што «за тры месяцы пасля прыняцця пастановы ЦК КП(б)Б ад 8 жніўня 1950 г. "Аб мерах паляпшэння палітыка-масавай працы сярод жанчын і вылучэнні іх на кіруючую працу" колькасць жанчын – кіруючых работнікаў не павялічылася, а нават зменшылася» [8, спр. 25, арк. 171].

Працоўная мабілізацыя жанчын шмат у чым залежала ад наяўнасці месцаў у дзіцячых садах і яслях, аднаўленне сеткі якіх ішло надзвычай марудна. У сельскай мясцовасці органы мясцовай улады спрабавалі вырашыць пытанні нагляду за дзецьмі калгасніц, арганізуючы ўжо вясной 1944 г. дзіцячыя яслі і пляцоўкі на час палявых работ [5, спр. 19, арк. 101]. Адпаведныя планы забеспячэння разгортвання сеткі дзіцячых дашкольных устаноў былі прыняты па абласцях у мэтах выканання Пастановы СНК БССР ад 10 студзеня 1945 г., аднак, нягледзячы на далейшы рост колькасці дашкольных устаноў, нават да 1950 г. у гарадах толькі на 20% была адноўлена сетка дзіцячых садоў і на 45% – ясляў, а ў сёлах дзіцячыя ўстановы складалі 1% ад даваеннага ўзроўню [8, спр. 30, арк. 7]. У Віцебскай вобласці на канец 1950 г. толькі 4,6 тыс. дзяцей былі ахоплены дзіцячымі садамі і яслямі супраць 15,4 тыс. у 1940 г. [2, с. 377].

У сітуацыі паўсюднага недахопу дзіцячых дашкольных устаноў многія маці былі вымушаны браць дзяцей з сабой на працу або пакідаць іх дома без нагляду [8, спр. 32, арк. 142–143]. Як сведчаць аналітычныя справаздачы, высокі працэнт асуджаных жанчын па асобных відах злачынстваў, такіх як невыпрацоўка ўстаноўленага мінімуму працадзён у калгасах (71% да ліку ўсіх асуджаных у рэспубліцы па гэтай катэгорыі), здзяйсненне прагула без уважлівай прычыны (35,3%) быў выкліканы адсутнасцю на многіх прадпрыемствах і ў пераважнай большасці калгасаў ясляў і дзіцячых садоў. Асноўная частка жанчын-калгасніц, якія прыцягваліся да адказнасці з-за невыканання абавязковага мінімуму працадзён, – гэта маці-адзіночкі, якія мелі на ўтрыманні малалетніх дзяцей [8, спр. 32, арк. 150–151].

Страта мужа значнай колькасцю замужніх жанчын, працяглы разрыў шлюбных сувязей у гады вайны, колькасная перавага жанчын шлюбнага ўзросту, нізкі матэрыяльна-бытавы ўзровень жыцця прывялі да зніжэння нараджальнасці ў пасляакупацыйны перыяд. Паляпшэнне дэмаграфічнай сітуацыі патрабавала ад органаў дзяржаўнай улады прыняцця спецыяльных мер для яе стымулявання, а таксама аднаўлення ў вызваленых раёнах сістэмы аховы мацярынства і дзяцінства. Сярод мерапрыемстваў, накіраваных на рашэнне дадзеных задач, варта адзначыць выкананне Указа Прэзідыума

Вярхоўнага Савета СССР ад 8 ліпеня 1944 г. «Аб павелічэнні дзяржаўнай дапамогі цяжарным жанчынам, шматдзетным і адзінокім маці, узмацненні аховы мацярынства і дзяцінства, аб устанаўленні ганаровага звання "Маці-гераіня" і заснаванні ордэна "Мацярынская слава" і медаля "Медаль мацярынства"» [11].

Прапаганда зместу адзначанага ўказа і яго выкананне сталі сферай павышанай увагі як партыйных арганізацый рэспублікі, так і органаў юстыцыі. Райвыканкамы, партыйныя камітэты ўсіх узроўняў вялі працу па арганізацыі дакладнага ўліку шматдзетных і адзінокіх маці з наступнай выплатай ім дапамогі, адкрыцці магазінаў для цяжарных жанчын і кормячых маці. На падставе ўказа ў Віцебскай і Полацкай абласцях да пачатку 1948 г. 127 жанчынам было ўстаноўлена ганаровае званне «Маці-гераіня», 7084 узнагароджаны ордэнамі і медалямі [8, спр. 20, арк. 145]. Разам з тым на месцах як з боку фінансавых органаў, так і гандлёвых арганізацый меўся шэраг недахопаў у выкананні ўказа [10, с. 76.] З аднаго боку, несвоечасовае афармленне дакументаў на атрыманне дзярждапамогі і затрымка выплат, выпадкі нявыдачы гандлюючымі арганізацыямі пайка цяжарным і кормячым маці, незабеспячэнне продажу дзіцячага прыданага для нованароджаных часцей за ўсё мелі аб'ектыўныя прычыны, звязаныя з недахопам людзей, транспарту, тавараў і прадуктаў. У той жа час мелі месца прэцэдэнты, калі пры выплаце маці дзярждапамог пагашалі нядоімкі па розных падатках, якія лічыліся за іх гаспадаркамі; назіралася практыка прымусовага залічэння на ўклады ў ашчадкасы сум, належных маці па дзярждапамозе [8, спр. 16, арк. 10–11]. Органы юстыцыі павінны былі рэагаваць на факты скарг, на вінаватых работнікаў адпаведных аддзелаў накладваліся адміністрацыйныя спагнанні [8, спр. 21, арк. 204]. Нягледзячы на памылкі, якія мелі месца ў працы мясцовых органаў сацыяльнага забеспячэння, а таксама праблемы фінансавання, адзначаўся няўхільны рост аб'ёмаў выдачы дзяржаўных дапамог шматдзетным і адзінокім маці: у 1944 г. агульная сума па БССР склала 10 599 тыс. руб., у 1945 г. – 117 525 тыс., у 1950 г. – 148 837 тыс. [8, спр. 34, арк. 45].

Указам ад 8 ліпеня 1944 г. прадугледжвалася таксама зацвярджэнне плана па паляпшэнні медыцынскага і бытавога абслугоўвання жанчын і дзяцей. Ужо ў пасляакупацыйны ваенны перыяд у гарадах і райцэнтрах пачалося аднаўленне жаноча-дзіцячых кансультацый, пры якіх спецыяльна вылучалася абсталяванне малочных кухань [5, спр. 21, арк. 191; 6, спр. 540, арк. 58]. Аднак апошнія забяспечваліся прадуктамі з вялікімі перабоямі, а ў шэрагу гарадоў, у тым ліку Віцебску і Полацку, былі зачынены з-за адмовы гарадскіх гандлёвых аддзелаў забяспечваць іх малаком, цукрам, крупамі і алеем [10, с. 76]. Значныя цяжкасці меліся і ва аднаўленні сеткі профільных медыцынскіх устаноў, у камплектаванні іх кадрамі і забеспячэнні санітарна-гаспадарчай маёмасцю. Пастанова СНК БССР ад 10 студзеня 1945 г. «Аб мерапрыемствах па пашырэнні сеткі дзіцячых устаноў і паляпшэнні медыцын-

скага і бытавога абслугоўвання жанчын і дзяцей» прадугледжвала цэлы комплекс мер па разгортванні і паляпшэнні работы рододапаможных устаноў [10, с. 77]. Колькасць урачэбных і акушэрскіх ложкаў для цяжарных жанчын і парадзіх пастаянна павялічвалася, аднак у 1945 г. іх было разгорнута толькі 58,7%, а ў 1950 г. – 81% ад узроўню 1940 г. Колькасць жаночадзіцячых кансультацый у Віцебскай вобласці, як і ў цэлым па рэспубліцы, у 1945 г. была значна ніжэйшая (53,6%) за паказчыкі 1940 г. [2, с. 367, 377]. Акрамя таго, жаночыя і дзіцячыя кансультацыі працавалі толькі ў горадзе.

Разам з тым намаганні па ахове дзяржавай мацярынства і наладжванні дапамогі жанчынам-маці з боку мясцовых улад пэўным чынам спрыялі ўжо ў канцы вайны кампенсацыі надзвычай нізкай нараджальнасці ў 1942–1944 гг. У той жа час даваенны ўзровень нараджальнасці не толькі не быў дасягнуты, але нават паменшыўся ў 1950 г. на 5% у параўнанні з 1940 г. [12, с. 22]. Не спрыяў яму і жорсткі кантроль дзяржавы над «рэпрадуктыўнымі правамі» жанчын у выглядзе забаронных мер на правядзенне абортаў, якія з 1936 г. дазваляліся толькі ў выключных выпадках па рашэнні ўрачэбнай камісіі, што прывяло да крыміналізацыі ў гэтай сферы. Указ ад 8 ліпеня 1944 г. патрабаваў ад органаў пракуратуры прыцягваць да адказнасці вінаватых у незаконным правядзенні абортаў. Па даных Наркамздрава БССР, кожны дзясяты аборт насіў крымінальны характар, у сувязі з чым толькі ў Глыбоцкім раёне за 1946 г. былі перададзены ў пракуратуру справы па выяўленых 23 выпадках перапынення цяжарнасці ў раённай бальніцы і 5 пазабальнічных абортах [8, спр. 6, арк. 45; спр. 21, арк. 194]. У сваю чаргу, архіўныя дакументы канстатуюць вялікую колькасць пазабальнічных аперацый па перарыванні цяжарнасці, пасля якіх жанчыны доўга хварэлі, заставаліся інвалідамі або нават паміралі [8, спр. 21, арк. 194–195; спр. 32, арк. 152, 155]. У сувязі з адсутнасцю афіцыйнай статыстыкі цяжка падлічыць, колькі жанчын рызыкавалі сваім здароўем, нярэдка страчваючы здольнасць мець у далейшым дзяцей, да той пары, як у 1955 г. аборты былі легалізаваны.

Такім чынам, у кантэксце сацыяльна-дэмаграфічных наступстваў вайны і эканамічных рэалій краіны, вызваленай пасля трохгадовай акупацыі, у рэалізацыі дзяржаўнай палітыкі ў адносінах жанчын у аднаўленчы перыяд асноўнае месца належала іх працоўнай і мацярынскай мабілізацыі. У выніку назіралася павелічэнне долі жанчын у эканоміцы, аднак сфера прымянення жаночай працы з паступовым вяртаннем мужчын скарачалася. У той жа час назіралася неадпаведнасць паміж ростам ролі жанчын у эканоміцы і вылучэннем іх на кіруючую працу. Нават нягледзячы на спробы адміністрацыйнага стымулявання вышэйстаячых органаў мясцовае кіраўніцтва часцей за ўсё было далёка ад разумення той неабходнасці прызначэння жанчын на адміністрацыйную работу, якая вызначалася «зверху». Закліканая садзейнічаць аднаўленню цяжкіх дэмаграфічных страт, а таксама ўмацаванню сацыяльнага статусу жанчын-маці, дзяржаўная палітыка па

ахове мацярынства і дзяцінства натыкалася на сапраўдную пасляваенную рэчаіснасць і рэалізоўвалася з вялікімі цяжкасцямі. Практычнае ўвасабленне дзяржаўных праектаў у гэтай сферы ў БССР вызначалася не толькі аб'ёмам фінансавання, які быў няздольны задаволіць рост агульных расходаў у аднаўленчы перыяд, але і залежала таксама ад правільнага разумення шэрага ўрадавых дакументаў і прыняцця пад увагу іх на месцах. Апошнія ўмовы, як сведчаць дакументы, вытрымліваліся не заўсёды.

ЛІТАРАТУРА

1. **Белорусская** ССР за 50 лет : стат. сб. / [Центр стат. упр. при СМ БССР ; под ред. Д. Л. Черванев и др.]. – Минск : Беларусь, 1968. – 260 с.

2. **Белорусская** ССР за годы Советской власти : стат. сб. / [ред.: Д. Л. Черванев и др.]. – Минск : Беларусь, 1967. – 404 с.

3. **Вклад** белорусского народа в Победу в Великой Отечественной войне / А. М. Литвин [и др.] ; [редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.) и др.] ; НАН Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларуская навука, 2015. – 495 с.

4. **Восстановление** сельского хозяйства Беларуси, 1943–1945 : док. и материалы / Департамент по архивам и делопроизводству М-ва юстиции Респ. Беларусь [и др.] ; сост.: В. Д. Селеменев, В. В. Кондрашин [и др.]. – Минск : НАРБ, 2018. – 648 с.

5. **Дзяржаўны** архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Ф. 10060-п. Воп. 1.

6. **ДАВВ.** – Ф. 1-п. Воп. 1.

7. **Марченко, И. Е.** Трудовой подвиг рабочего класса Белорусской ССР (1943–1950 гг.) / И. Е. Марченко. – Минск : Наука и техника, 1977. – 248 с.

8. **Нацыянальны** архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 4-п. Воп. 49.

9. **Олехнович, Г. И.** Экономика Белоруссии в условиях Великой Отечественной войны (1941–1945) / Г. И. Олехнович. – Минск : Изд-во БГУ, 1982. – 174 с.

10. **Освобожденная** Беларусь: документы и материалы : в 2-х кн. – Минск : НАРБ, 2004–2005. – Кн. 2 : Январь – декабрь 1945 / сост. В. И. Адамушко [и др.]. – Минск, 2005. – 506 с.

11. **Указ** Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1944. – № 37.

12. **Чикалова, И. Р.** Женщины Беларуси в исторической ретроспективе / И. Р. Чикалова, В. М. Ковтун, В. И. Новицкий // Женщины Беларуси в зеркале эпохи : нац. отчет. – Минск : Представительство ООН/ПРООН в Республике Беларусь, 1997. – С. 12–25.

13. **Щавелева, М. В.** К вопросу гендерного баланса: женское население Республики Беларусь (1959–2019) / М. В. Щавелева, Т. Н. Глинская, Д. М. Мардас // Вопросы организации и информатизации здравоохранения. – 2021. – № 1. – С. 12–17.

Никитин С.П. *(аг. Зароново, Витебский район)*

ОНИ НЕ ВЕРНУЛИСЬ ИЗ БОЕВОГО ЗАДАНИЯ

(Третья воздушная армия на территории Зароновского сельсовета)

Послевоенное поколение молодежи воспитывалось на примере подвигов героев Великой Отечественной войны. Особое уважение было к летчикам-асам. Их имена звучали из уст миллионов, ими восхищались, многие мальчишки мечтали быть летчиками. Военные летчики – это не просто асы, это настоящие воздушные рыцари. Но это о тех, чьи подвиги были известны. А сколько их без вести пропавших!

Не вернулся из боевого задания, пропал без вести – столько отчаяния в этих словах при попытке отыскать погибшего. Такая участь многих экипажей самолетов в годы войны, но исследовательская и поисковая работа идет, и открываются новые страницы событий фронтовых лет. Я попытаюсь наиболее полно осветить информацию о летчиках, погибших и не вернувшихся с боевого задания на территории Зароновского сельского совета (с/с) и ближайших соседей – Мазоловского и Летчанского с/с Витебского района. Это территория от оз. Лосвидо до д. Старое Село и от Зароново до Витебска. По воздуху это почти 20 км с севера на юг и 22 км с запада на восток. Здесь не вернулись с боевого задания более 30 экипажей!

Колоссальную работу по поиску пропавших летчиков проделал Борис Яковлевич Легоньков (1928–2016), краевед из д. Пестуница. Мечтал он когда-то стать летчиком. Но здоровье подвело. Им было собрано много информации, всегда с радостью делился ею с Зароновским музеем, и в частности со мной. Бориса Яковлевича, к сожалению, уже нет. Я же решил, что обязан систематизировать сведения и продолжить изучение этой темы. К тому же вся его библиотека «по наследству» перешла в наш музей.

Ожесточенные бои шли на подступах к Витебску. Фронт стоял здесь с декабря 1943 г. до июня 1944 г., пока не освободили наш город. Самые страшные потери зафиксированы в документах военного времени в конце декабря 1943 г. и январе–феврале 1944 г. Вот примеры.

Экипаж штурмовика Ил-2 949-го штурмового авиаполка (ШАП) 211-й штурмовой авиадивизии (ШАД) совершил огненный таран. 6 января 1944 г. в составе шести Ил-2 экипаж младшего лейтенанта **Дмитрия Фомича Быковского (1922 г. р.)** и стрелка младшего сержанта **Ивана Ефимовича Надымова (1925 г. р.)** получил задание – уничтожить артиллерийско-минометные батареи и живую силу противника в районе д. Сквира – д. Ворошилово – д. М. Рубины. Во время выхода на цель самолет был подбит и загорелся. Пылающая машина направлена на вражеские позиции. Самолет упал между деревнями Ворошилы и Субочи.

Еще нашел описание боя накануне гибели экипажа в книге «Третья воздушная»:

«Шесть Ил-2 949 ШАП 211 ШАД наносили удары по войскам и технике противника, двигавшимся по дороге Кузьмино – Боскатово (Городокский р-н со стороны Усвят). Во время атаки был отбит от своей группы летчик-штурмовик, кандидат в члены партии, младший лейтенант Д.Ф. Быковский. Используя облака и действуя согласованно со стрелком, он продолжал вести неравный поединок с двумя ФВ-190. В бою противник тяжело ранил воздушного стрелка. Однако Быковский сумел уйти от вражеских истребителей и благополучно приземлился на своем аэродроме. Спустя несколько дней он в составе группы вновь вылетел на подавление артиллерийских и минометных батарей. Во время выхода на цель самолет Быковского был подбит и загорелся. Направив горящую машину на позиции вражеских войск, летчик и стрелок отдали свою жизнь за победу над злейшим врагом человечества» [1].

А вот 6 января 1944 г. экипаж погиб. И только в 1999 г. наши герои были увековечены. Им установлен обелиск в районе д. Ворошилы. Об их подвиге узнала широкая общественность. Найдены и родные летчиков.

Еще один пример. Во 2-м томе книги «Память» г. Витебска написано, что Моисей Лазаревич Гутман пропал без вести. Нашей поисковой группе удалось найти, что в 14:39 3 февраля 1944 г. командир экипажа 766-го ШАП штурмовика ИЛ-2 **Моисей Лазаревич Гутман (1922 г. р.)** и воздушный стрелок **Павел Петрович Сильченков (1922 г. р.)** в составе эскадрильи получили задание подавить огонь противника в районе д. Гурки – д. Казаки – д. Побединщина (Летчанский с/с). При очередном заходе на штурм самолет Гутмана был подбит огнем зениток и загорелся. Командир направил горящую машину на размещение фашистских орудий. Место падения самолета – 500 м северо-западнее д. Казаки (в Симоновском лесу). Там были найдены фрагменты самолета. Вот уже второй случай, когда экипаж повторил подвиг Гастелло.

Увековечена память воздушных соколов в д. Ковальки Зароновского с/с. На гражданском кладбище захоронены летчики-истребители самолета Як-7б 259-й истребительной авиадивизии (ИАД) 976-го истребительного авиаполка (ИАП) **Федор Дмитриевич Чуваткин (1922 г. р.)** и **Сергей** (на памятнике Дмитрий) **Андреевич Смирнов (1922 г. р.)**, погибшие 20 марта 1944 г. На могиле установлена стела с фамилиями и надписью «Вечная память вам, отважные Соколы». А вот что читаем в списке безвозвратных потерь: «20.03.1944 года в составе 6-ти самолетов Як-7б вылетел на сопровождение разведчика Пе-2 в р-н Полоцк, в р-не цели встретили 4 ФВ-190, парой завязали воздушный бой, после чего группой потеряны, в свою часть с задания не вернулся». Похоронен экипаж летчиков-истребителей был местными жителями. И только после войны эта могила обрела имена. Также были найдены родственники Федора Чуваткина: сестра Елизавета Дмитриевна Звонарева (Чуваткина) и брат Сергей Дмитриевич Чуваткин. Вот что они пишут о Федоре: «У нас была очень большая семья. Было 9 человек. Старший Николай

тоже погиб на войне в 1944 году. Приходили из части благодарности за его хорошую службу». Информация из письма брата: «Федор, окончив 8 классов, уехал учиться в ФЗУ в город Ревда, работал токарем, а затем был зачислен в школу пилотов гражданской авиации. Обучался в поселке Арамиля под Свердловском, а когда началась война, оттуда был призван на военную службу. Их учили на военных летчиков-истребителей в г. Батайск, что около Ростова-на-Дону. В сентябре–октябре направили в Новосибирск, где они получили самолеты и поехали на фронт. Писал он с фронта, что сбил одного стервятника, а позже приходило извещение о награждении орденом Красного Знамени. В апреле месяце 1944 г. пришло извещение о том, что Ваш сын Федор Дмитриевич вылетел на боевое задание 20 марта и не вернулся на базу, пропал без вести, вот и все, что было о нем известно, документов никаких не сохранилось».

Есть среди героев-летчиков, которых удалось нам увековечить, из д. Найды Дриссенского района, воздушный стрелок самолета Ил-2 766-го ШАП 211-й ШАД сержант **Леонтий Петрович Воронов (1918 г. р.)**, летчик ст. лейтенант **Петр Иванович Еремицкий (1915 г. р.)**. Вот что прочитали в карточке погибшего воина: «06.02.1944 г. – Подбит истребительной артиллерией (ИА). Вынужденная посадка у оз. Лосвидо. Сбит зенитной артиллерией (ЗА). Упал в р-не д. Полойники (20 км северо-западнее г. Витебска, Зароновский с/с, Витебский р-н.). Экипаж жив». А 14 февраля 1944 г. получили задание в составе двух Ил-2 провести разведку войск противника в районе Старое Село – Островно – Бешенковичи – Бочейково – Сокарово – ст. Ловша-Сиротино. Сбитый ЗА, упал в районе оз. Будовище – д. Андросовичи (Шумилинский район Витебской обл.). Самолет разбился. Экипаж погиб.

Вот таких военных историй более 20 в нашем музейном архиве. Они не могут оставить равнодушными тех, кто о них узнает. Вместе с переживанием я почувствовал гордость за наших освободителей, героев-летчиков. И желание продолжать поиск.

Экипаж самолета Ил-2 949-го ШАП 211-й ШАД – летчик мл. лейтенант **Вениамин Кириллович Чайковский (1922 г. р.)** и стрелок рядовой **Алексей Иванович Любимов (1922 г. р.)** – 8 января 1944 г. получил боевую задачу уничтожить войска и технику противника в районе ст. Загатье – Ковальки – Михали (северо-западнее Витебска) в составе семи самолетов Ил-2. Самолет сбит ИА противника, упал 10 км северо-западнее г. Витебска – в д. Щербаки на территории противника. Самолет взорвался. Экипаж погиб, не вернулся с боевого задания, похоронен в д. Щербаки Витебского района.

Доброволец из Свердловского аэроклуба **Сергей Ничипорович Алексеев (1921 г. р.)** воевал также в 731-м Городокском ИАП 259-й ИАД 3-й воздушной армии. Получил задание 12 января 1944 г. в районе д. Городище на сопровождение штурмовиков. Во время возвращения с боевого задания в результате атаки истребителей противника сбит в воздушном бою. Упал

горящим в 1 км юго-восточнее д. Сыворотки (Зароновский с/с Витебского района).

Летчик 826-го ШАП 211-й ШАД мл. лейтенант **Лев Васильевич Дьяконов (1923 г. р.)**. Информация про стрелка не найдена, самолет Ил-2. 10 ноября 1943 г. получил задание нанести удар в районе Лобок – Палкино по войскам и технике противника. Не вернулся с боевого задания из района оз. Сенница. Позже значился в именном списке безвозвратных потерь – 12.01.1944 г. подбит ЗА в районе Городище (оз. Зароново). Вынужденная посадка в д. Заболотинке (3 км севернее Зароново Витебского района).

Экипаж **Севостьянова** – летчик 6-го отделения гвардейского (гв.) московского ШАП младший лейтенант **Григорий Афанасьевич Севостьянов (1917 г. р.)** и воздушный стрелок **Михаил Иванович Яковлев (1922 г. р.)** – на самолете Ил-2 13 января 1944 г. при штурмовании арт-батарей в пунктах северо-западнее Запрудья сбит ЗА противника. Упал в районе Каверзы – Ворошилы Зароновского с/с Витебского района. Попал в плен.

Дважды ходил под смертью, но выжил **Аркадий Федорович Белов (1921 г. р.)**, летчик 949-го ШАП 211-й ШАД. 4 января 1944 г. штурмовал ж/д составы на ст. Шумилино и при выходе из атаки был атакован двумя ФВ-190. Прямым попаданием ЗА противника был выведен из строя мотор. С большим трудом тянул на свою территорию и упал в 100 м от передней линии немцев, где был обстрелян артиллерийско-минометными батареями противника, но вышел из-под обстрела, прибыл в часть и с еще большей энергией громил немецких оккупантов. 1 февраля 1944 г. в паре вел разведку боем группировки немецких войск в районе ж/д ст. Лосвидо – д. Кисляки – д. Старое Село – д. Новоселки (Городокский и Витебский районы) и прямым попаданием снарядов ЗА был подбит на ст. Лосвидо, и врезался в автоколонну. В бессознательном состоянии был подобран немцами, его стрелок старшина **Александр Петрович Тюрин (1920 г. р.)**, видимо, погиб. Далее Белов лежал в немецком госпитале в г. Витебске, Минске, где получил заражение крови, вследствие чего отняли ногу, и при отступлении немцев был оставлен в минском госпитале, без надежды на выздоровление. Находился на излечении в г. Москве, перенес девять операций. За отличное выполнение боевых заданий, мужество и отвагу награжден орденом Красного Знамени.

Летчик самолета Ил-2 211-го ШАП 307-й ШАД, командир звена младший лейтенант **Евгений Сергеевич Прилепский (1924 г. р.)** 3 февраля 1944 г. не вернулся с боевого задания из района г. Городок – д. Ворошилы Витебской области. Попал в плен. Находился в плену с 4 февраля 1944 г. по 22 февраля 1945 г. Из Германии репатриирован и проходил спецпроверку в 12-й запасной СД (ст. Алкино).

В районе Новоселки – Козлы Зароновского с/с 3 февраля 1944 г. погибли два экипажа самолета Ил-2 621-го ШАП 307-й ШАД – летчик, лейтенант **Юсуф Куйнесович Кубов (1923 г. р.)** и воздушный стрелок, сержант

Николай Федорович Троценко (1925 г. р.), самолета Ил-2 211-го ШАП 307-й ШАД – летчик младший лейтенант **Георгий Иванович Кошелев (1923 г. р.)** и воздушный стрелок рядовой **Иван Тимофеевич Тимофеев (1923 г. р.)**.

Их не дождались родные. И самое обидное, что их не могли найти многие десятилетия. Ведь и могил у них не было в большинстве случаев.

Иван Порфирьевич Острожный (1919 г. р.), лейтенант, летчик самолета Ла-5 32-го ИАП 1-го истребительного авиакорпуса (ИАК), 6 февраля 1944 г., район д. Городище (Зароновский с/с).

Экипаж самолета Ил-2 723-го ШАП 211-й ШАД – летчик младший лейтенант **Юрий Васильевич Земсков (1923 г. р.)**, воздушный стрелок сержант **Борис Тимофеевич Привезенцев (1922 г. р.)** – 6 февраля 1944 г. получил задачу подавить артиллерийско-минометные батареи и уничтожить живую силу противника в районе фигурной рощи, что 500 м западнее п. Старое Село Витебского района, в составе четырех самолетов Ил-2 под прикрытием четырех самолетов Ла-5. Сбит ЗА. Упал в районе д. Борщевка Витебского района (10 км северо-западнее г. Витебска). Самолет разбит. Экипаж погиб.

И снова за один бой – 2 экипажа. 9 февраля 1944 г. группа самолетов без прикрытия вылетела с задачей уничтожить войска и технику противника в районе пос. Старое Село и леса, что на 500 м севернее. Были атакованы четырьмя самолетами ФВ-190. Сбиты ИА противника. Это экипаж самолета Ил-2 723-го ШАП 211-й ШАД – младший лейтенант **Василий Антонович Малахов (1922 г. р.)**, стрелок сержант **Алексей Федорович Кузин (1923 г. р.)**. Место падения – д. Ольховники (4 км северо-восточнее д. Старое Село Витебского района). Самолет разбит. Экипаж погиб. И экипаж самолета Ил-2 723-го ШАП 211-й ШАД – младший лейтенант **Василий Михайлович Назаркин (1919 г. р.)**, стрелок сержант **Алексей Иосифович Степанцев (1919 г. р.)**. Сбит ИА. Место посадки или падения неизвестно. Судьба экипажа неизвестна.

Николай Антонович Марченко (1918 г. р.), старший лейтенант, летчик самолета Ил-2, командир авиационной эскадрильи 892-го ШАП 307-й ШАД. 9 февраля 1944 г. его самолет был подбит зенитной артиллерией и пылающим приземлился возле д. Пестуницы Зароновского с/с. Место захоронения летчика не указано.

Экипаж самолета Ил-2 723-го ШАП 211-й ШАД – летчик младший лейтенант **Александр Петрович Волков (1919 г. р.)**, стрелок старший сержант **Александр Христофорович Дженбаз (1919 г. р.)** – 9 декабря 1943 г. получил задание провести боевую разведку в районе Курино – Васильковичи – Сиротино – Шумилино – ст. Княжица. Атакован двумя ФВ-190. Сбит ИА противника. Упал в 12 км восточнее Шумилино Витебской области – в районе д. Хралки – оз. Зароновское. Самолет сгорел. Экипаж погиб.

Экипаж самолета Ил-4 16-го АП дальнего действия (ДД) 1-й гв. авиадивизии ДД (АД ДД) 1-го гв. бомбардировочного корпуса (БАК) – летчик

младший лейтенант **Николай Сергеевич Грачев (1923 г. р.)**, штурман младший лейтенант **Александр Григорьевич Запаленов (1923 г. р.)**, воздушный стрелок сержант **Александр Александрович Белов (1921 г. р.)**, воздушный стрелок-радист ст. сержант **Иван Александрович Агафонцев (1918 г. р.)** – 8 сентября 1943 г. вылетел на бомбардировку ж/д ст. Сиротино Шумилинского района Витебской области. Не вернулся с боевого задания.

Летчик-истребитель **Вячеслав Николаевич Павлов (1915 г. р.)**, капитан, командир авиационной эскадрильи 65-го истребительного авиакорпуса (ИАК). В боях в небе над Витебском героически сражался с тремя немецкими истребителями Ме-109, одного из них сбил, но самолет Павлова также был подбит. Пилот ранен, выбросился с парашютом, в воздухе сорвало унт. Приземлился в расположение войск противника между д. Пестуница и д. Ковальки Зароновского с/с. Был схвачен и отправлен в лагерь г. Витебска. Набравшись сил, совершил побег. Попал в партизанский отряд, а оттуда переправлен в полк. Снова – за рычаги боевого Як-9. Погиб 6 марта 1945 г. в Литве.

На войне всякое бывало, случалось такое, что и свои сбивали. Вот что пишет очевидец такого события **командующий 31-й гвардии стрелковой дивизии И.К. Щербина** в своих воспоминаниях: «Когда мы захватили село Зароново, неожиданно на наших глазах произошел такой случай. Наша артиллерия вела сильный интенсивный огонь по противнику… В это же время начала действия наша авиация… И вот вдруг совсем неожиданно один наш самолет-разведчик попал в зону траекторий полета снарядов нашей артиллерии. Снаряды попали в самолет, который разлетелся на части. Летчик этого самолета выпал и полетел вниз. Парашют автоматически сам раскрылся, и летчик приземлился прямо на середину озера Зароновское в нейтральной зоне между нашими войсками и противником, которая оборонялась в деревне Субачево… Он приземлился на лед. Вынужден лежать на льду, не зная, в какую сторону ему ползти, где проходит наша линия фронта, а где линия фронта противника. Противник из Субачево сделал попытку захватить русского летчика в плен. Но наши пулеметчики и артиллеристы сильным огнем не допускали противника к летчику. Только теперь по ведению огня летчик догадался, где наша сторона, а где противник. Началось соревнование сторон. Противник пытался захватить нашего летчика на льду, а мы ему не давали. И мы решили вытащить летчика. Мы выделили добровольцев двух солдат-разведчиков. Они взяли длинную веревку и по льду поползли к летчику под прикрытием огня наших пулеметчиков и артиллеристов. Берег с нашей стороны в Зароново был очень высокий, а у противника берег низкий, и мы успешно прикрывали наших двух солдат и летчика через их головы. Мы хорошо наблюдали, как наши два солдата подползли к летчику, привязали веревку за поясной ремень и дали сигнал. Наши солдаты на берегу начали тащить веревку и через несколько минут подтянули к нашему

берегу до Зароново. Тут его подняли и быстро принесли ко мне в дом. Узнали его фамилию, Яковлев Петр. Мы его отогрели, накормили, напоили горячим чаем. Врачи ему оказали помощь. После этого по телефону мы связались со штабом Армии и сообщили, что мы спасли нашего русского летчика. Затем я на своей машине приказал отвести его в свою авиационную часть. Там его встретили с радостью. Командир части выразил мне и всем благодарность за спасение летчика…».

Темой летчиков активно занималась Лариса Наумовна Бруева, известный руководитель витебских поисковиков. История поиска описана в книге «Пока не похоронен последний павший солдат», которую Лариса Наумовна издала в 2009 г. Работа клуба «Поиск» начиналась с 1983 г. именно по сбору материалов о боевом пути 953-го Витебского ШАП. По Витебской области составлен список 517 самолетов, не вернувшихся с боевого задания! Удалось увековечить 365 имен летчиков 1-й и 3-й воздушных армий, освобождавших наш район.

Благодаря поддержке председателя Витебского областного совета В.В. Терентьева и финансовой помощи Фонда мира (Т.В. Туманова) увековечили на Зароновском мемориале имена 99 летчиков 3-й воздушной армии, которые не вернулись с боевого задания на территории Зароновского и Летчанского советов (Дадатак 7, фота 1, 2). А 266 воинов 953-го Витебского ШАП 311-й ШАД 1-й воздушной армии увековечили на Вороновском кольце. Это сделано было в 2015 г. На плитах с фамилиями летчиков выбиты и слова М. Богданова: «Пусть сверкает рожденное в пламени, волей летчика, хваткой стрелка имя ВИТЕБСК на плещущем знамени моего штурмового полка».

Поисковики нашего музея вернули из небытия уже не одну тысячу воинов. О них мы пишем в средствах массовой информации, публикуем материалы в социальных сетях. Ищем родных, чтобы они узнали о своих героях.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Анищенков, П. С.** «Третья воздушная» / П. С. Анищенков, В. Е. Шуринов. – Москва : Воениздат, 1984. – 192 с., ил.

2. **Бруева, Л.** Пока не похоронен последний павший солдат… / Л. Бруева. – Орша : Оршанская тип., 2009.

3. **Памяць** : Віцебскі раён : гіст.-дакум. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / уклад. У. І. Мезенцаў ; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2004. – 771 с.

4. **Фонды** музея «История Зароновского края».

Нікіціна Л.К. *(аг. Заронава, Віцебскі раён)*

ЗНІКЛЫЯ ВЁСКІ ЗАРОНАЎСКАГА КРАЮ

Адна са старонак гісторыі Віцебскага раёна – гэта гісторыя Заронаўскага сельскага савета (с/с).

Амаль 40 гадоў я займаюся вывучэннем гісторыі Заронаўскага краю. Сабрала шмат матэрыялаў па розных кірунках краязнаўства. Асобная тэма – «Зніклыя вёскі». Вёскі маюць сваю багатую гісторыю. Жылі людзі, працавалі, а прыйшоў час – хто адышоў у іншы свет, а хто з'ехаў на новае месца жыхарства. І не стала вёскі.

Вядома, што на тэрыторыі сённяшняга Заронаўскага с/с ужо ў VIII ст. да н. э. – V ст. н. э. жылі людзі. Пра гэта сведчаць знаходкі археолагаў.

У 1964 г. К.Н. Шут даследаваў частку гарадзішча на тэрыторыі Заронаўскага краю. Гарадзішча было размешчана за 3 км на ўсход ад Заронава на гары вышынёй 18 м у выгіне ручая Утва. Археолагамі выяўлены два культурныя слаі. Гэта сведчыць пра тое, што жыццё часова замірала ў ім, а потым зноў адраджалася. З поўдня і ўсходу да гарадзішча прымыкае селішча. Яго плошча каля 1 га. Выяўлена ляпная кераміка. Вось тут і былі вёскі Утва, Гарадзішча, Балітчыхіна.

Землеўладальнікамі нашых зямель да рэвалюцыі былі Забэлы, Лускіны.

У в. Шчацінка жыла сям'я Арловых. Іх сын Георгій праславіў не толькі сваю сям'ю, які ўсю Віцебшчыну. Іван Малахавіч Арлоў у часы нэпа меў у Заронаве лаўку. Жонка Аўдоцця Мацвееўна нарадзіла пяцярых дзяцей. Георгій (1892–1916) скончыў Віцебскае другое гарадское вучылішча. Падчас мабілізацыі быў прызваны 29 верасня 1914 г. на службу. Скончыў Кіеўскую школу прапаршчыкаў. Прымаў удзел у баявых дзеяннях супраць Германіі, Аўстра-Венгрыі. Быў узнагароджаны медалём у памяць 300-годдзя дома Раманавых. Загінуў ад асколка ружэйнай кулі, якая трапіла ў лоб. Так скончыўся жыццёвы шлях камандзіра 7-й роты 16-га Фінляндскага стралковага палка прапаршчыка Г.І. Арлова. Пасмяротна ён быў узнагароджаны Ордэнам Святога Георгія IV ступені. Пахаваны на могілках у Шчацінцы. На помніку напісана: «Подпоручик Георгий Иванович Орлов, доблестно павший 5 августа 1916 года на Австрийском фронте. Год рождения 6 января 1892. Горячо любимому сыну и товарищу – герою от сослуживцев Витебской казенной палаты».

Прывяду гістарычныя факты, на аснове якіх мянялася жыццё ў нашых вёсках.

- 1 студзеня 1919 г. была ўтворана БССР.
- 15 лютага 1923 г. быў прыняты дэкрэт УЦВК аб адміністрацыйным дзяленні Віцебскай губерні, у 1924 г. замест губерняў былі створаны акругі, якія ў 1930 г. былі ліквідаваны.

• З 17 ліпеня 1924 г. функцыянуе Заронаўскі Савет рабочых, сялянскіх і чырвонаармейскіх дэпутатаў (в. Заронава) Кузняцоўскага (з 17 ліпеня 1927 г. – Віцебскага, з 15 лютага 1931 г. – Сіроцінскага, з 1935 г. – Віцебскага) раёна Віцебскай акругі (з 26 ліпеня 1930 г. – у прамым падпарадкаванні БССР).

• З 5 снежня 1936 г. дзейнічае Заронаўскі сельскі Савет дэпутатаў працоўных і яго выканаўчы камітэт (в. Заронава) Віцебскага раёна БССР (з 20 снежня 1938 г. – Віцебскай вобласці).

• У 1954 г. Заронаўскі с/с аб'ядналі з Міхалёўскім (паводле Указа Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР ад 16 ліпеня 1954 г.). Пазней далучылі і Віцебскі с/с.

Мяняліся межы савета – то далучалі вёскі, то, наадварот, аддавалі іншым саветам ці г. Віцебску.

З першых дзён савецкай улады на тэрыторыі Віцебскага павятовага выканкама ствараліся раённыя саветы (райсаветы). Так, у Жарабыцкім валасным выканкаме быў створаны Заронаўскі райсавет, а ў кожнай вёсцы быў свой сельсавет.

Вось прыклады:

Краснапольскі савет уключаў вёскі Кавалькі, Прудзіны, Лапуны, Стабуры, Мазезіна, Сасуны, Зязюлі, Краснаполле. Старшынёй быў Мяленцій Данілавіч Сакалоў, членам савета – Аляксандр Цітавіч Зязюлін, сакратаром – Барыс Андрэевіч Антанюк.

Іваноўскі савет аб'ядноўваў вёскі Іванова, Худзяні, Каралькі, Гараватка, Варанова, Сіўцова, Казлы. Старшыня – Кліменцій Ісаакавіч Пудзянкоў, член савета Пётр Іванавіч Сухараў, сакратар – Іван Катовіч. Названых вёсак ужо даўно няма. А вось Сакаловы, Сухаравы жывуць у Заронаве, і гэта ўжо іх праўнукі і ўнукі.

Цікавы факт: у в. Іванова жыла Ірына Маісееўна Яўчанка (1916–2002) – першая жанчына-трактарыстка ў нашай акрузе. А ў в. Варанова жылі Залескія, хата якіх была паштовай скрыняй для партызан і падпольшчыкаў у гады Вялікай Айчыннай вайны. Усе шэсць дачок Васіля і Наталлі змагаліся з ворагам. Ганну і Ніну расстралялі пасля здзекаў у турме.

Дзіўныя назвы былі ў Гарадзішчанскім савеце: Лісіныя Ямы, Чорны Ручай. Жыў тут Дарафей Баранаў, якога раскулачылі, але не выслалі. Ён жа сам адправіўся на высылку ўслед за сваім сынам Уладзімірам у 1933 г.

Школы, хаты-чытальні арганізоўваліся таксама амаль у кожным савеце. Так, у 1926 г. пры Заронаўскім с/с працавалі Заронаўская, Клюеўская, Мядзелінская, Касцюкоўская, Варашыльская, Міхалёўская, Іванаўская школы. Гэтыя ўстановы праводзілі выпускны калёквіум. Дакумент 1921 г. сведчыць, што Краснапольская хата-чытальня абслугоўвала толькі адзін адсталы Краснапольскі раён.

Старшынямі ў райсавеце былі Афанасій Мікалаевіч Забалотнікаў, Цімафей Мікітавіч Залескі, Кузьма Фёдаравіч Кузняцоў. Пазней Ц.М. Залескі зай-

маў пасаду старшыні Гарадоцкага, Віцебскага райвыканкамаў. А К.Ф. Кузняцова, ураджэнца в. Сывараткі, забілі бандыты ў 1922 г. на ганку сельсавета. Пахаваны на заронаўскіх могілках, а гэта былая в. Шчацінка.

14 мая 1922 г. адбылося скарачэнне сельсаветаў.

У 1923 г. Жарабыцкая воласць была ліквідавана. Заронаўскі с/с як самастойная адзінка ўтвораны 20 жніўня 1924 г. і знаходзіўся ў в. Заронава, адносіўся да Лосвідскага раёна Віцебскай акругі. Потым – да Кузняцоўскага, Сіроцінскага раёнаў. У 1935 г. быў уключаны ў межы горада. У 1956 г. далучылі Міхалёўскі і Віцебскі сельсаветы.

Была ў нас свая Швейцарыя – вёска непадалёку ад Суйкава. Жылі там яшчэ ў 1918 г. Юпатавы, Карней і Васіль, Дарафей Самсонаў. Да вайны яшчэ жылі Старанцовы, Старчанкі, Пляшковы, Буевічы, Градоўкіны. Вёску пазней перайменавалі ў Іскру. А пасля вайны яна не адрадзілася.

Знакамітая і в. Пуцявішча, яна ўзгадваецца ў паэме К. Вераніцына «Тарас на Парнасе». З апошнім жыхаром гэтай вёскі Іллёй Ульянавічам Смірновым я сустракалася. Запісала яго ўспаміны.

Вёска Шаркі ўваходзіла ў 1935 г. ў Міхалёўскі с/с. Старшынёў быў Кірыла Патапавіч Уласенка, якога ў 1936 г. выбралі дэпутатам Вярхоўнага Савета СССР. Сёння Шаркі Заронаўскага с/с успамінаюцца толькі праз воінскае пахаванне, якое налічвае каля тысячы салдат, што загінулі ў перыяд 1943–1944 гг.

У пачатку 1941 г. на тэрыторыі сельсавета пражывалі 3867 чалавек.

Падчас вайны карнікі знішчылі 135 чалавек і 745 двароў; з 75 чалавек, якія былі адпраўлены на прымусовыя работы ў Германію, вярнуліся 60, на фронце загінулі 305 жыхароў сельсавета, яшчэ 106 чалавек не вярнуліся з вайны, змагаючыся ў савецкіх партызанскіх атрадах.

Восіп Сысоевіч Мацвееў (1925–1944) нарадзіўся ў в. Сухія Ляды, ваяваў у партызанскай брыгадзе «За Савецкую Беларусь», здзейсніў подзвіг: падарваў апошняй гранатай сябе і немцаў. Памяць аб ім увекавечана ў в. Сокарава Бешанковіцкага раёна.

У в. Гараватка жыла сям'я Сысоя і Ефрасінні Алейнікавых, якія выгадавалі восем дзяцей. Трое загінулі на вайне: Каліграт, Іван, Ермалай.

Была ў нашым савеце і в. Барадзіны (Барадзіно), дзе ў гады Вялікай Айчыннай вайны мясцовыя жыхары першымі адчулі фашысцкую агрэсію. Нямецкая разведка сутыкнулася з нашымі байцамі. Забілі аднаго немца, яны ж спалілі ў вёсцы чатыры хаты, расстралялі семярых воінаў. Вёска не адрадзілася пасля вайны.

Пасля вайны былі адноўлены 967 двароў, а ў ліпені 1969 г. у сельсавеце пражывалі 2763 чалавекі.

У 1966 г. Указам Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР пас. Ціраспаль Заронаўскага с/с быў далучаны да г. Віцебска, а ў 1998 г. рашэннем Віцебскага аблвыканкама – і пас. Прыгарадны Заронаўскага с/с. Яшчэ раней (да 1994 г.)

адышлі да горада Васькавічы, а в. Суднікі далучана да Мазалаўскага с/с. З 12 жніўня 1974 г. цэнтр сельсавета размешчаны ў в. Пестуніца.

На сёння Заронаўскі с/с займае тэрыторыю ад Васькавіч да мяжы з Шумілінскім раёнам, Лятчанскім і Мазалаўскім сельсаветамі. Плошча – 17 736 га, працягласць тэрыторыі з поўначы на поўдзень – 19 км, пражывае 1 тыс. 213 чалавек. Для параўнання: з 1944 па 1946 г. было 26 вёсак і пражывалі 1855 чалавек, з 1960 па 1963 г. было 33 населеныя пункты і пражывалі 4190 чалавек. Зараз на тэрыторыі сельсавета 26 населеных пунктаў: аг. Заронава (391 жыхар), в. Суйкава (227 жыхароў), Чэпіна, Пракуды, Дэйкі, Баршчоўка, Какоры, Мазанава, Кавалькі, Пестуніца (269 жыхароў), Міхалі, Казлы, Варашылы, Сцяпанкава, Субачы, Сіманаўшчына, Тапорына, Палойнікі, Бялянкі, Мірная, Грушэўская, Іванове, Жыгалава, Стоўбніца, Машкіна, Бліны. Прычым у Блінах, Мірнай, Іванова ўжо ніхто не пражывае, ды і шмат яшчэ вёсак, дзе жыве 2–10 чалавек, і гэтыя адміністрацыйныя адзінкі зніклуць у хуткім часе.

У 1924 г. наш сельсавет налічваў 76 вёсак. Куды ж дзеліся вёскі? Асіннікі сселены ў в. Сіманаўшчына ў 1940 г. Балітчыхіна, Бондарава, Вакзал сселены ў Варанова. Варажні, Ваўчкова, Варашылы Каравайскія сселены, Варанова сселена, Гараватка сселена ў в. Бялянкі. Гарадзішча сселена ў в. Заронава ў 1940 г. Галубова (хутар) сселены. Грушэўская – былая в. Сывараткі. Дзіцячы дом імя 1 Мая не вярнуўся з эвакуацыі. Дзівульшчына сселена ў в. Бялянкі ў 1940 г. Елдашы сселены ў в. Бялянкі ў 1938 г. Ерашы сселены ў в. Мірная ў 1939 г, Забалотнікі сселены ў в. Бялянкі ў 1929 г. Замосьце (хутар) сселены ў в. Заронава ў 1938 г. Заполле знішчана ў вайну. Іванцова сселена ў в. Іванава ў 1939 г. Іванькова не існуе. Каверзы сселены ў в. Субачы ў 1940 г. Казлы – была вёска каля Палойнік і ёсць каля Міхалёў. Кавалёва Сяло сселена ў в. Тапорына ў 1940 г. Капытова сселена ў в. Палойнікі ў 1938 г. Краснаполле сселена ў в. Бялянкі ў 1938 г. Ксяндзова сселена ў в. Бялянкі ў 1938 г. Кулізіна сселена ў в. Сіманаўшчына ў 1940 г. Кухары (хутар) сселены ў в. Заронава ў 1940 г. Кісіна сселена ў в. Варашылы ў 1940 г. Каралі сселены ў в. Палойнікі ў 1938 г. Кіслякі сселены ў в. Бліны ў 1938 г. Курыліна сселена ў в. Бліны ў 1939 г. Кезікі знішчаны ў вайну. Козма, Лыжкі (Лажкі) сселены ў в. Бліны ў 1939 г. Малыя Палойнікі сселены ў в. Палойнікі ў 1938 г. Мар'янова сселена ў в. Жыгалава ў 1938 г. Максімава сселена ў в. Бліны ў 1939 г. Матрасы (раней Шлёпаўка) аб'яднаны з в. Палойнікі ў 1945 г. Матруненкі сселены ў в. Казлы ў 1938 г. Мазезіна сселена ў в. Мірная ў 1938 г. Мештокі (паварот на Тапорына) сселены. Нова Бярэзіна (хутар) сселены ў в. Воранава ў 1940 г. Новае Сяло сселена ў в. Бялянкі ў 1939 г. Недбайлы сселены ў в. Воранава ў 1938 г. Падорскае сселена ў в. Іванова ў 1939 г. Пагарэліца выехалі ў г. Віцебск у 1930 г. Петракі сселены ў Бялянкі ў 1939 г. Прадзедава, Прудзіны сселены ў в. Воранава ў 1940 г. Путрына сселена ў в. Бялянкі ў 1940 г. Пухі сселена ў в. Воранава ў 1940 г. Раманоўшчына сселена ў в. Жыгалава ў 1938 г. Сла-

бада (Слабодка) сселена ў в. Слабада ў 1940 г. Старынкі сселена ў в. Бялянкі ў 1940 г. Сухія Ляды сселена ў в. Тапорына ў 1938 г. Сіўцова, Сывараткі пераназваны ў в. Грушэўская. Угляне сселена ў в. Палойнікі ў 1938 г. Утва, Харчонкі сселены ў в. Мірная ў 1938 г. Худзяні пераназваны ў в. Мірная ў 1964 г. Хапавалава сселена. Хоцімшчына знішчана ў вайну. Шэйкі (Шэкі) сселена ў в. Палойнікі ў 1939 г. Шлепаўка пераназвана ў в. Матрасы. Шпакі сселена ў в. Казлы ў 1938 г. Шчацінка знішчана ў вайну. Шчурына сселена ў в. Воранава ў 1938 г.

Вывучаючы гісторыю вёсак, шмат пра што даведваешся.

ЛІТАРАТУРА

1. **Гвоздзева, А**. Юбілей героя / А. Гвоздзева // Жыццё Прыдзвіння. – 2017. – 18 ліп.

2. **Май, С.** Под Витебском нашли селище, которое считалось навсегда утраченным / С. Май // Витебский курьер. – 2018. – 20 июля.

3. **Памяць** : Віцебскі раён : гіст.-дакум. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / уклад. У. І. Мезенцаў ; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2004. – 771 с.

4. **Сталярэнка, Н.** Дзве вёскі на траіх / Н. Сталярэнка // Жыццё Прыдзвіння. – 2009. – 21 сак.

5. **Фонды** музея «Гісторыя Заронаўскага краю».

Олефиренко М.К. *(г. Витебск)*

РАЗМИНИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ В НАЧАЛЕ 1950-х гг.

Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и немецкой оккупации 1941–1944 гг. территория Витебской области была чрезвычайно сильно загрязнена минами и взрывоопасными предметами различного рода – взрывными устройствами-ловушками, следами боевых действий в виде складов боеприпасов и брошенной военной техники. Все это серьезно мешало хозяйственной эксплуатации экономики освобожденной области, почему и была предпринята продолжительная работа по очистке территории от мин и прочего опасного военного имущества. Первый, наиболее массовый этап этой деятельности, закончился в 1950 г. Ввиду огромного масштаба работы к ней привлекали и гражданских разминеров из числа добровольческих оборонных организаций (Осоавиахим, с 1948 г. – ДОСАРМ). К концу пятилетки удалось в общем разминировать большую часть сельскохозяйственных угодий и площади населенных пунктов области. Значило ли это, что работа по очистке Витебщины от «наследия войны» была закончена?

Конечно, нет. На начало 1950-х гг. на территории области все еще оставались участки, загрязненные различного рода взрывоопасными предметами. Причем с каждым годом опасность работы по разминированию только увеличивалась ввиду воздействия окружающей среды. Да, противопехотные, противотанковые мины и мины-ловушки со временем выходили из строя: влага разъедала взрыватели и запалы, а деревянные и металлические корпуса мин постепенно сгнивали или их съедала ржавчина, но происходило это медленно – собранная по всем правилам и грамотно установленная мина сохраняла боеспособность на срок от 3 до 10 лет, а в некоторых случаях и более того. Артиллерийские снаряды и патроны были еще долговечнее и со временем они, как и мины, становились только опаснее из-за непредсказуемой работы взрывателя – может быть, полежавшая в земле взрывчатка с запалом уже никогда не сработает, а может быть, взрыватель сработает от любого прикосновения. Воздействие влаги, подвижки почвы и буйный рост растительности вносили дополнительный фактор в работу по разминированию, что многократно ее усложняло. Поэтому с начала 1950-х гг. этим опасным делом занимались специалисты-саперы из специально выделяемых военных частей.

На протяжении года местные органы власти должны были собирать от населения сведения о местах расположения мин и взрывоопасных предметов, чтобы после прибытия в область отрядов разминирования передавать им эту информацию. В действительности эта часть работы выполнялась сельсоветами и райисполкомами неудовлетворительно – в 1951–1953 гг. военные очень часто жаловались, что им почти не передавалось никаких сведений, и расспросами населения на предмет расположения мин и снарядов приходилось заниматься самим саперам. Примером здесь может быть ситуация, случившаяся в 1952 г. в Витебском районе: райисполком такую работу не производил и сообщил, что мест со взрывоопасными предметами на территории района нет. По факту же отрядом саперного разграждения за этот год в Витебском районе было обнаружено 35 км^2 заминированной и загрязненной боеприпасами территории, на которой было уничтожено почти 476 т различной взрывчатки [1, л. 175]. Примерно так же обстояло дело и с другими обязанностями, возложенными на местные органы власти – противоминной пропагандой и изъятием взрывчатых веществ у населения области. Судя по донесениям, основной причиной интереса жителей Витебщины к взрывоопасным предметам была рыбная ловля – глушение рыбы гранатами и выкрученными из мин и снарядов взрывателями, с чем достаточно безуспешно боролись районная милиция и госрыбнадзор. Люди продолжали гибнуть в основном по причине неосторожного обращения с боеприпасами: в том же Витебском районе за 1952 г. было зафиксировано и расследовано 8 случаев подрыва, 2 – со смертельным исходом, 5 – закончившиеся увечьями и ранениями различной степени тяжести. Всего же по области за этот

год произошло не менее 30 инцидентов, связанных с подрывами, в которых погибли 23 человека и ранены 22 [2, л. 302].

Отряды саперов прибывали на территорию области поздней весной (вторая половина апреля – начало мая) в составе одной-двух воинских частей, численностью 500–750 человек. Они проводили инженерную разведку местности по запросам местных органов власти, а также сведениям, полученным непосредственно от граждан. Далее они уничтожали подрывом обнаруженные взрывоопасные предметы – в основном это были различного рода артиллерийские снаряды. Загрязненных минами участков территории на начало 1950-х гг. оставалось немного, в основном на востоке области: Витебский, Ореховский, Дубровенский, Лиозненский, Меховский, Суражский, Городокский и Оршанский районы – это были остатки минных заграждений времен войны, когда по территории этих районов проходила линия фронта [3, л. 104]. Боеприпасов было значительно больше; собственно, как выше отмечалось, даже на территории областного центра в начале 1950-х гг. продолжали обнаруживать артиллерийские снаряды. Особо отметить следует район бывшего дрожжевого завода «Освобожденный труд» (ул. Верхне-Набережная; совр. ул. Ильинского), где находки снарядов начались в 1940-е гг., продолжились в 1950-е гг. и закончились только в начале 1990-х гг. [4, л. 66].

Ежегодная работа саперов на территории области заканчивалась обычно к середине осени, в октябре. В среднем за первую половину 1950-х гг. военные саперы проверяли и очищали по 150–200 км^2 за год; при этом планировалось в год «проходить» по 400 км^2, включая контрольную проверку [3, л. 104]. То есть практически каждый из намеченных годовых планов работ не выполнялся в полной мере – всегда оставались участки, проверка и очистка которых откладывалась на следующий год.

Только за один 1952 г. на территории области было обнаружено и уничтожено 265 противотанковых и 287 противопехотных мин, 3408 авиабомб, 20 тыс. 479 артиллерийских снарядов различного калибра, почти 3 тыс. гранат и более 8 тыс. минометных мин, 3 т артиллерийского пороха и 552 фугаса, а также 35 тыс. прочих боеприпасов [2, л. 301]. Разумеется, это значительно меньше показателей первых послевоенных лет, когда «ежегодный урожай» мин и снарядов превышал 4 млн, но следует признать: даже в первой половине 1950-х гг. процесс очистки территории области от «эха войны» был весьма далек от завершения.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Государственный** архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 1966. Оп. 7. Д. 5.
2. **ГАВт.** – Ф. 1966. Оп. 7. Д. 7.
3. **ГАВт.** – Ф. 1966. Оп. 6. Д. 10.
4. **ГАВт.** – Ф. 1966. Оп. 30. Д. 1011.

Орловский Г.С., Свистунова Е.Г. *(г. Витебск)*

ИСТОРИЧЕСКИЕ КЛАДБИЩА г. ВИТЕБСКА КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Старинные кладбища г. Витебска – ценнейшая часть наследия города, которое является важной составляющей для жизни современного поколения. Значительная часть исторических кладбищ города безвозвратно утеряна в связи с атеистической системой мироустройства в советское время. Вместе с ними были утрачены и подлинные артефакты: надгробия, ограды, часовни, кладбищенские церкви и, как следствие, огромный пласт национальной исторической памяти. Сохранившиеся кладбища во многом теряют исторический вид, практически не изучаются, утрачивают свои отличительные черты.

Согласно докладу комиссии по приему кладбищ, на 1921 г. в Витебске значилось 22 кладбища [4, л. 81]. К наиболее сохранившимся историческим кладбищам на территории города можно отнести Старосеменовское, Обрядческое, Старообрядческое, Старо-Улановичское, Песковатинское. Все указанные кладбища традиционно располагались на возвышенностях, в живописных местах.

Наилучшим образом сохранилось Старосеменовское кладбище (4,9447 га). Оно находится на живописном северном склоне Юрьевой горки. Так называемая «Слобода Юрьева» являлась «отдельной дачей земли г. Витебска», местом массового отдыха горожан. Участок кладбища компактный, неправильной формы в плане, сохранил исторические габариты, разделен на две части улицей 7-й Полоцкой (исторически ул. Разстанная).

Старосеменовское кладбище объединило в себе три исторических кладбища: Семеновское, Лютеранское и Военное. Православное Семеновское (ранее Ильинское) кладбище было заложено первым, не позднее середины XIX в. На плане, поверенном в мае 1858 г. (снятым в 1852 и 1853 гг.), кладбище уже обозначено [8]. Следующие два кладбища были образованы позже. В 1887 г. по прошению в Городскую Управу председателя Витебского Евангелическо-Лютеранского церковного совета барона Фитенгоф-Шеля начался процесс поиска пригодных мест под лютеранское кладбище. 29 октября 1887 г. было подано прошение начальника Витебского гарнизона о выделении места до одной десятины за чертою городских строений под военное кладбище. Постановлением Городской Думы рядом с Ильинским (Семеновским) кладбищем были выделены смежные участки под Военное и Лютеранское кладбища площадями 2009 саж.^{2} и 2080 саж.^{2} соответственно [8, л. 25] (Дадатак 8, фота 1). 5 апреля 1888 г. подполковник 164-го пехотного Закатальского полка Степан Петрович Аносов, осмотрев выделенный участок под кладбище, принял его в военное ведомство. Участок под Лютеранское кладбище был принят несколько позже, так как ранее принадлежал

купцу Ю. Абрамсону, который ожидал вознаграждения за участок, половина которого была занята посевом ржи, а другая половина вспахана для картофеля [5, л. 25].

Разделяла Военное и Лютеранское кладбища аллея, вход на которую осуществлялся через краснокирпичные ворота (Дадатак 8, фота 2). Судя по надписи, которая просуществовала на воздвижении входа вплоть до 1980-х гг., ворота были возведены в 1889 г. Это единственное сохранившееся историческое архитектурное сооружение на старинных кладбищах г. Витебска.

Согласно приемо-сдаточному акту имущества кладбищ, на Лютеранском кладбище в 1921 г. размещались деревянная караулка с двумя печами (4х3 саж.), чулан (1х1 саж.), сарай (2х1,5 саж.). Кладбище было ограждено забором, имело сторожа и свободные места для захоронения [4, л. 82–83]. На Семеновском кладбище размещались деревянная караулка (3х3 саж.), чулан (1 саж. х 2 арш.), деревянный сарай (1,5х4 саж.), прогнивший деревянный колодец. Кладбище было ограждено забором, при этом около 80 саж. забора отсутствовало, а 36 саж. – подлежало ремонту. На кладбище был свой сторож, наличествовали свободные места для захоронений [4, л. 82–83]. Военное кладбище в акте не упоминалось.

В послевоенное время кладбища были объединены и конфессиональные разграничения не соблюдались. С 1972 г. кладбище считается закрытым, при этом производятся одиночные родственные подзахоронения.

На территории кладбища сохранилось большое количество подлинных исторических надгробий, могильных ограждений второй половины XIX – первой половины XX в. Исторические надгробия представлены несколькими основными типами: а) гранитные стелы с текстом, увенчанные коваными крестами различных очертаний (наиболее многочисленный тип), б) гранитные стелы, завершенные гранитными крестами, в) надгробные плиты (гранитные, бетонные), г) надгробия в виде каменных, чугунных, кованых крестов, д) надгробия в виде аналоя (аналой – узкая тумба с наклонной верхней доской, на которую устанавливается икона или Священное Писание) (Дадатак 8, фота 3).

На части надгробий сохранились клёйма мастеров Н. Леоновича, К. Боровского. На кладбище прослеживается практика «перелицовки» старых надгробных памятников для новых захоронений 1940–1960-х гг., сопровождающаяся полным либо частичным уничтожением исторических надписей. На дореволюционных надгробиях лютеранской части эпитафии выполнены латиницей.

Основную массу ограждений составляют кованые могильные ограждения различных рисунков – от типовых (собраны из повторяющихся элементов – наверший, секций и прочих элементов) до уникальных. Часть могильных решеток выполнена из секций исторических кованых решеток балконов, приямков, парапетов и прочих архитектурных решеток.

На территории Старосеменовского кладбища покоятся известные исторически значимые личности, среди которых генерал-майор А.А. Воронов; генерал от инфантерии, герой русско-турецкой войны, участник Крымской войны, командир 16-го армейского корпуса А.К. Рихтер; мать народного поэта Латвийской ССР Яниса Райниса Д. Плиекшане; художник, основатель школы живописи, первый учитель Марка Шагала Ю.М. Пэн; художник, преподаватель Белорусского художественного техникума Ф.А. Фогт; родители Героя Советского Союза летчика А.К. Горовца К.И. Горовец и А.М. Горовец и др.

На кладбище расположены могилы советских летчиков, погибших в 1949 г., экипажа майора А.И. Родина, разбившегося 31 января 1959 г. В юго-восточной части кладбища имеется братская могила подпольщиков (Л.Д. Березкина, Е.Я. Волчок, Н.В. Воробьев, Н.И. Захаров, В.Д. Корнешонок), повешенных у Смоленского рынка в 1942 г. (на кладбище в 1971 г. установлен бетонный обелиск). На северной окраине кладбища размещен мемориал в честь экипажа Ил-76 капитана Ю.И. Панфилова, разбившегося 23 ноября 1979 г. (авторы Н.Н. Гвоздиков, А.Н. Гвоздиков, В.П. Дуров, В.И. Жбанов, И.И. Колодовский).

Чуть выше, на Юрьевой горке, западнее Старосеменовского кладбища, сохранилось Обрядческое кладбище **(**0,3884 га**)**. К нему вела ул. Приказная (сейчас ул. 1-я Пригородная). Участок кладбища компактный, неправильной формы в плане. Наиболее раннее выявленное захоронение датируется 1852 г. Присутствуют послевоенные захоронения с характерными бетонными стелами, металлическими восьмиконечными крестами. На данный момент кладбище закрыто.

В Государственном архиве Витебской области удалось выявить план 1923 г., на котором зафиксированы северо-восточные границы кладбища [2, л. 25]. Кладбище обозначено как единоверческое. Границы кладбища совпадают с современными. На его территории на плане в северо-восточной части располагался одноэтажный деревянный жилой дом размерами в плане 2х2,5 саж. (Дадатак 8, фота 4).

Согласно приемо-сдаточному акту имущества кладбищ, на Единоверческом кладбище в 1921 г. размещались каменная часовня (2х2 саж.), деревянная караулка с печкой (2,5х2,5 саж.), чулан (2х2 арш.), сарай (2х2 саж.). Кладбище было ограждено забором (72 саж. разобрано, 44 саж. подлежало ремонту), имело сторожа и свободные места для захоронения [4, л. 82–83].

На кладбище сохранилось несколько типов исторических надгробий: а) надгробные гранитные плиты с резными крестами, б) гранитные стелы, завершенные металлическими крестами (на данный момент практически все утрачены). Сохранившиеся надгробия дают представление о старообрядческой эпитафии, которая оставалась неизменной на протяжении многих десятилетий: фамилия, имя, отчество, звание усопшего, год, число и час смерти, возраст, чаще всего с точностью до дней. Дата рождения обычно не указывалась.

Часть захоронений имеет оригинальные кованые могильные ограждения различного рисунка, представляющие художественную ценность. Имеются могильные холмы без надгробий. На одной из могил выявлен поваленный, практически сгнивший восьмиконечный деревянный крест-голубец, характерный для старообрядческих надгробий.

Западнее, в 250–300 м от Старосеменовского и Обрядческого кладбищ, расположено Старообрядческое кладбище (1,69 га), открытое в 1913 г. Оно зафиксировано на плане 1932 г. и на немецкой аэрофотосъемке 1941 г. На плане 1932 г. в южной части кладбища обозначены две прямоугольные в плане постройки [3]. После Великой Отечественной войны кладбище незначительно расширилось и изменило конфигурацию. С севера оно граничит с послевоенным Новосеменовским кладбищем (2,3922 га). При этом на Новосеменовском кладбище в незначительном количестве имеются перелицованные дореволюционные надгробия. Участок кладбища компактный, неправильной формы в плане, незначительно вытянут с севера на юг.

На Старообрядческом кладбище в 1921 г. размещалась деревянная часовня (2,5х3 саж.). Кладбище было ограждено забором, имелся сторож, проживавший на частной квартире, имелись свободные места для захоронения [4, л. 82–83].

Исторические надгробия кладбища в основном представлены гранитными стелами, завершенными коваными либо чугунными крестами различных типоразмеров с характерными старообрядческими эпитафиями. Присутствуют массивные деревянные кресты-голубцы послевоенного времени. Фрагментарно сохранились оригинальные дореволюционные кованые могильные решетки. Значительную часть кладбища составляют послевоенные захоронения. Имеются перелицованные надгробия.

С 1972 г. кладбище считается закрытым, при этом производятся одиночные родственные подзахоронения.

В северной части г. Витебска сохранилось еще одно историческое кладбище – еврейское Старо-Улановичское (6,8148 га). На данный момент это одно из старейших из ныне действующих кладбищ Витебска. Является наиболее изученным. Исследовалось А.М. Подлипским, М.С. Рывкиным, А.Л. Шульманом и др.

Участок кладбища компактный, неправильной формы в плане, вытянут с запада на восток. Погост был открыт в 1909 г., при этом на территории присутствуют более ранние захоронения. Возможно, это связано с переносом захоронений с других закрытых еврейских кладбищ города.

На 1921 г. на кладбище размещались один одноэтажный каменный дом (8х4 саж.), одноэтажный каменный умывальный дом (3х4 саж.), одноэтажный деревянный дом (3х4 саж.), одноэтажный деревянный сарай (3х4 саж.) [4, л. 68]. Постройки располагались в юго-восточной части кладбища и хорошо читаются на немецкой аэрофотосъемке 1941 г.

В годы Великой Отечественной войны Старо-Улановичское кладбище серьезно пострадало. В 1990 и 1995 гг. кладбище закрывалось, но решения отменялись.

Исторические надгробия кладбища представлены несколькими типами: а) гранитные стелы различных очертаний, б) гранитные обелиски, в) надгробия в виде гранитных колонн на постаменте, г) гранитные надгробия в виде древа с обрубленными ветвями, д) надгробия в виде аналоя. Сохранилось много надгробных памятников (мацев), выполненных из черного гранита. Особенность надгробий 1910–1920-х гг. – эпитафии, написанные на древнееврейском языке, иногда дублирующиеся на русском.

Сохранились как оригинальные могильные дореволюционные кованые решетки, так и приспособленные архитектурные решетки. Значительную часть кладбища составляют послевоенные захоронения. В большом количестве прослеживаются перелицованные надгробия, а также составленные из нескольких разных дореволюционных надгробий. На многих надгробиях присутствуют клёйма мастеров И.Н. Лайко, Н. Леоновича, К.В. Боровского, З. Кобрина.

На кладбище похоронено много заслуженных деятелей города, представителей творческой и научной интеллигенции, среди них – потомственная гражданка Витебска купчиха Х.С. Гуревич, почетная гражданка С.-Т.Д. Пескина, крупный ученый в области биохимии Ф.Я. Беренштейн, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой Витебского пединститута М.М. Баренфельд, земский врач, кандидат медицинских наук, доцент, декан Витебского мединститута Ф.М. Гуревич, кандидат биологических наук, доцент И.В. Козловский, профессор, организатор и руководитель первого в городе неврологического стационара и физиотерапевтической лечебницы И.Л. Сосновик, заслуженный врач Республики Беларусь С.З. Меклер, директор Витебского еврейского педтехникума, кандидат математических наук, доцент Л.С. Калецкий, директор махорочной фабрики, замдиректора фабрики им. КИМ Г.И. Мазья, композитор и дирижер С.Е. Рябунский, заслуженный артист Республики Беларусь Б.М. Левин, журналисты В.Я. Хазанский, Е.Я. Рыклин, С.И. Фейгензон, заслуженный учитель БССР В.Л. Гроденчик, родители художника Марка Шагала, поэт, прозаик, литературовед, перевод-чик, член Союза писателей СССР и Союза белорусских писателей Д.Г. Симанович и др.

Восточнее, в непосредственной близости от Старо-Улановичского кладбища (менее 100 м), расположено Песковатинское кладбище (2,0467 га), открытое в 1920 г. Участок кладбища компактный, неправильной формы в плане, вытянут с севера на юг. При входе на кладбище, организованном с ул. 3-я Линия, расположена братская могила советских воинов с надмогильными плитами и гранитным обелиском.

Дореволюционные надгробия в основным представлены гранитными стелами различных конфигураций, сохранилось несколько надгробий в виде

гранитных колонн на постаменте. Несмотря на большое количество сохранившихся дореволюционных надгробий (более 50 шт.), почти все они перебиты и датируются 1950–1960-ми гг. Выдают их реальную датировку клёйма дореволюционных мастеров, художественная выразительность и мастерство исполнения, наличие мест прежних эпитафий и надписей, сохранившиеся эпитафии на дореформенном русском языке. На многих надгробиях присутствуют клёйма мастеров И.Н. Лайко, Н. Леоновича, К.В. Боровского (Дадатак 8, фота 6).

Фрагментарно сохранились кованые дореволюционные могильные ограждения, в том числе высокохудожественное балконное ограждение с растительным орнаментом, приспособленное под ограду (Дадатак 8, фота 5).

С 1972 г. кладбище считается закрытым, при этом производятся одиночные захоронения родственников.

Надо отметить, что надгробия кладбищ уступают сложностью и богатством декора, наличием сложных скульптурных композиций надгробиям кладбищ крупных городов Российской империи. С одной стороны, это объяснимо отсутствием высококлассных мастеров уровня Москвы, Санкт-Петербурга и нехваткой состоятельных заказчиков, с другой стороны, надо учитывать, что многие наиболее богатые захоронения были разграблены. При этом существующие надгробия, решетки являются подлинными историческими артефактами, отображающими развитие мемориального зодчества города, эволюцию форм кладбищенской архитектуры, несут в себе образцы мемориальной шрифтовой графики, являясь фактическими письменными источниками. К сожалению, другие документальные источники (карты, планы, чертежи, фотографии), фиксирующие городские некрополи, практически отсутствуют, так как кладбища не являлись объектом изучения. В связи с массовой утратой подлинных исторических кованых решеток, ограждений балконов, крыш, приямков на памятниках архитектуры существующие решетки захоронений становятся особенно ценными как примеры кузнечного мастерства, исторической металлопластики городской среды (являясь образцами художественных приемов и стилей, профилей металла, типоразмеров), которые могут быть использованы для изготовления копий, аналогов при реставрации элементов зданий.

К сожалению, на данный момент ни одно из рассмотренных кладбищ или их части не является ни историко-культурной ценностью, ни историко-мемориальным местом. Отсутствие статуса кладбищ и, как следствие, отсутствие охраны ведут к постоянной утрате подлинных артефактов. В связи с отсутствием древних некрополей в городе, достаточно малым количеством захоронений XIX – начала XX в., которые постоянно сокращаются, встает острый вопрос учета и охраны как самих исторических кладбищ, так и отдельных надгробий, могильных решеток.

Старинные кладбища являются полноценными источниками исторического, культурного и духовного развития народа Беларуси, воплощенными

в надгробиях, оградах, церквях и других историко-культурных ценностях, имеют большое значение в памяти поколений. С утратой их мы лишаемся значительной части культурного наследия страны, разрывая связующую нить с предыдущими поколениями.

Среди положительных примеров охраны кладбищ можно отметить работы на еврейском кладбище в Могилеве, которому в 2019 г. присвоен статус историко-мемориального места, на котором производятся планомерные работы по сохранению культурного наследия и благоустройству.

Рассмотренные кладбища являются примерами разноконфессиональных исторических некрополей с присущими им чертами, являются неотъемлемой частью истории города, объектами исторической памяти и могут стать полноценными городскими достопримечательностями при должном благоустройстве и охране. Отношение к историческим захоронениям является свидетельством уровня культуры нашего поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Витебск** : энцикл. справочник / гл. ред. И. П. Шамякин. – Минск : БелСЭ им. Петруся Бровки, 1988. – 408 с.

2. **Государственный** архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 67. Оп. 1. Д. 412.

3. **ГАВО.** – Ф. 907. Оп. 5. Д. 1. Л. 5.

4. **ГАВО.** – Ф. 1001. Оп. 1. Д. 241.

5. **Национальный** исторический архив Беларуси. – Ф. 2496. Оп. 1. Д. 1130.

6. **Подлипский, А. М.** Наш вечный дом : (из истории евр. кладбищ в Витебске) / А. Подлипский, М. Рывкин ; фото М. Шмерлинга ; О-во попечения евр. кладбищ Витеб. обл. «Бетолам», Витеб. краевед. фонд им. А. Сапунова. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2003. – 80 с.

7. **Путеводитель** по Старо-Улановичскому (еврейскому) кладбищу в Витебске / сост.: Л. А. Полыковский, А. Л. Шульман. – 2-е изд., доп. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2018. – 96 с.

8. **Российский** государственный исторический архив. – Ф. 1293. Оп. 166. Витебская губ. Д. 6.

Орловский Г.С., Свистунова Е.Г. *(г. Витебск)*

СВОДНАЯ ТАБЛИЦА ДОМОВЛАДЕНИЙ, ФОРМИРОВАВШИХ ЗАСТРОЙКУ ул. ПОДВИНСКОЙ (СОВРЕМЕННАЯ ул. ТОЛСТОГО) В ВИТЕБСКЕ, НА ОСНОВАНИИ ДАННЫХ ГОРОДСКОЙ ОЦЕНОЧНОЙ КОМИССИИ

Таблица дополняет материал авторов «К истории ул. Толстого (ул. Подвинской) в Витебске», размещенный в сборнике «Віцебскі край» (т. 6, с. 210–217).

Адрес домовладения по сведениям оценочной комиссии (соврем. адрес)	№ по оценочной (окладной) книге	Дата составления	Фамилия, имя, отчество (звание домовладельца)	Краткое описание имущества	Кол-во собств. земли (кв. саж.)	Кол-во аренд. земли (кв. саж.), у кого	Примечание
Нечетная сторона улицы							
Ул. Подвинская, 1 (пл. Воскресенская, 1)	1704	20.09.1904	Ведомство православного исповедания Рынково-Воскресенская церковь	1. Каменное здание	–	–	Здание взорвано в 1936 г. Восстановлено в 2009 г.
Ул. Подвинская, 3 (ул. Толстого, 1)	1705	20.09.1904	Данкина Хася Нохимова (купец 1-й гильдии) Израилита Дыся (купец 1-й гильдии)	1. Кам. 3 эт. лиц. жил. уд. д. 15х7 + 4х3 = 117 кв. с. отд. об. 2. Кам. 2 эт. во дворе вверху жил. внизу амб. (служ.) 8х3,5 = 28,0 кв. с. от. об. 3. Кам. 1 эт. во дворе уд. амбар 3х2,5 = 7,5 кв. с. от. об.	197 (по прибл. измер.)	–	
Ул. Подвинская, 5 (–)	1706	20.09.1904	Данкина Хася Нохомова (купец 1-й гильдии) Израилитова Дыся (купец 1-й гильдии)	1. Смеш. 2 эт. лиц. жил. уд. д. 6х5 = 30 кв. с. от. об.	№ 1705	–	Здание утрачено, сейчас на его месте проезд между зданиями № 1 и № 3 по ул. Толстого
Ул. Подвинская, Графа Толстого (–)	1706	26.06.1914	Изроелитова Дыся Лейбова (мещанка), продала участок 26.08.1914 Минцу Беркову Мордуху (купец 1-й гильдии). До 28.07.1881 участком	1. Пустопорожний участок земли («по улице пять саженей один аршин, позади шесть саженей два аршина, с правой стороны девять саженей два аршина,	60	–	

			владели Изроиль Зеликов и его жена Стерна Абелева Кисины (достался по наследству от умершего витебского мещанина Зелика Евхонова Кисина)	с левой – десять саженей 1½ аршина» – акт купчей крепости)			
Ул. Подвинская, 7 (ул. Толстого, 3)	1707	20.09.1904	Борер Лейба Аронов (мещанин)	1. Кам. 2 эт. лиц. жил. нов. д. 14х6 + 1х2 = 86 кв. с. от. об.	147,8	–	Здание сохранилось в частично перестроенном виде
Ул. Подвинская, 9	1708	20.09.1904	быв. Нейман, продан Бореру	1. Пустопорожний участок земли	97,8	–	
Ул. Подвинская, 7 и 9 (ул. Толстого, 3)	1707, 1708	04.12.1907	Борер Лейба Аронов (мещанин)	1. Кам. 2 эт. лиц. жил. уд. д. 14х6 + 1х2 = 86 кв. с. отд. об. с кам. 2 эт. пристройкою к этому дому со двора, новою 2х2½ = 5 кв. с.	245,6	–	Здание сохранилось в частично перестроенном виде
Ул. Подвинская, 11 (ул. Толстого, 5)	1709	20.09.1904	Аш (барон), его наследники	1. Кам. 2 эт. лиц. жил. с подв. помещ. уд. д. 16,5х6 = 99 кв. с. от. об. 2. Кам. 2 эт. во дворе жил. уд. д. 5,5х4 = 22 кв. с. от. об. 3. Кам. 2 эт. во дворе уд. амбар 10х4 = 70 кв. с. от. об. (служ.)	200	–	Лицевое 2-этажное здание снесено в 1997 г., отстроено со значительным изменением ист. арх-ры
Ул. Подвинская, Графа Толстого, 11 (ул. Толстого, 5)	1709	26.11.1912	Мейтув (он же Митов) Шлиома Мордухов	1. Кам. 2 эт. лиц. жил. с подв. уд. д. 16,5х6 = 99 кв. с. отд. об. 2. Кам. 2 эт. во дворе жил. уд. д. 5,5х4 = 22 кв. с. отд. об.	200	–	Лицевое 2-этажное здание снесено в 1997 г., отстроено со значитель

Адрес домовладения по сведениям оценочной комиссии (соврем. адрес)	№ по оценочной (окладной) книге	Дата составления	Фамилия, имя, отчество (звание домовладельца)	Краткое описание имущества	Кол-во собств. земли (кв. саж.)	Кол-во аренд. земли (кв. саж.), у кого	Примечание
Нечетная сторона улицы							
				3. Кам. 2 эт. во дворе жил. со службами [?] уд. д. заново перестр. 15х3 = 45 кв. с. от. об.			ным изменением ист. арх-ры
Ул. Подвинская, 13 (ул. Толстого, 7)	1710	20.09.1904	Цейтлин[Н]осон (почетный гражданин), его наследники	1. Кам. 2 эт. лиц. жил. с подв. пом. уд. д.6х5 + 2х5 = 40 кв. с. отд. об. 2. Кам. 2 эт. во дворе с жил. помещ. амбар 15х4 = 60 кв. с. отд. обыкн. (служ.)	200 (по прибл. измер.)	–	Амбар снесен после Великой Отечественной войны
Ул. Подвинская, 15 (ул. Толстого, 7)	1711	20.09.1904	Гаухман Шая и Фейга Мовшев (купец)	1. Кам. 2 эт. лиц. жил. уд. д. 7х5 + 6х3 = 53 кв. с. отд. об. 2. Кам. 1 эт. во дворе уд. амбар (склад [пом.]) 9х3 = 27 кв. с. отд. об.	190	–	Амбар снесен после Великой Отечественной войны
Ул. Подвинская, 15 (ул. Толстого, 7)	1711	10.12.1910	Гаухман Мая (Шая) и Фейга Мовшев (купец), ныне Фрадкин Хаим Мееров	1. Кам. 2 эт. лиц. жил. уд. д. 7х5 + 6х3 = 53 кв. с. отд. об. 2. Кам. 1 эт. во дворе амбар (склад [пом.]) 9х3 = 27 кв. с. от. об. 3. Кам. 1 эт. во дворе конюшня 3х2,5 = 7,5 кв. с. отд. об.	190 (док. не представл.)	–	Дворовые постройки снесены после Великой Отечественной войны

Ул. Подвинская, Графа Толстого, 15 (ул. Толстого, 7)	1711	26.11.1912	Фрадкин Хаим Мееров	1. Кам. 2 эт. лиц. жил. уд. д. 7х5 + 6х3 = 53 кв. с. отд. об. 2. Кам. 1 эт. лиц. лавка с амбаром 5х2,5 = 12,5 кв. с. отд. об. 3. Кам. 1 эт. во дворе амбар с мастерской щиток 9х3=27 кв. с. от. об. 4. Кам. 1 эт. во дворе нов. конюшня 3х2,5=7,5 кв. с. отд. об.	190	–	Дворовые постройки снесены после Великой Отечественной войны
Ул. Подвинская, 17 (участок ул. Крылова, 9)	1712	20.09.1904	Закгейм Авсей Мордухов (купец)	1. Кам. 1 эт. лиц. жил. уд. д. 7,5х6 + 3х3 = 54 кв. с. от. об. 2. Кам. 2 эт. надвор. амбар 17х4 = 68 кв. с. от. обыкн. (мастерск. [плугов]) 3. Дер. 1 эт. лиц. уд. лавка 2х2 = 4 кв. с. от. об.	221 (по прибл. измер., док. не представл.)	–	Здания снесены после Великой Отечественной войны
– (участок ул. Крылова, 9)	1712	06.11.1913	Алянский Лейзер Шаев	1. Кам. 1 эт. лиц. жил. уд. д. 7,5х6 + 3х3 = 54 кв. с. от. об. 2. Кам. 1 эт. лиц. жил. уд. д. 5х4 = 20 кв. с. от. об. 3. Кам. 2 эт. во дворе, переделанный из амбара, вверху жилой флигель 9х4 = 36 кв. с. отд. об. 4. Кам. 2 эт. два амбара 4х4+4х4=32 кв. с. от. об.	221	–	Здания снесены после Великой Отечественной войны
Ул. Подвинская, 19 (ул. Толстого, 15)	1713	20.09.1904	Барк[а]н Рохля-Лея Бер[ко]вна (почетный гражданин)	1. Кам. 3 эт. лиц. жил. уд. д. 7х5 = 35 кв. с. от. об. 2. Кам. 1 эт. лиц. жил. уд.	315 (по прибл.	–	Здания капитально перестроены в

Адрес домовладения по сведениям оценочной комиссии (соврем. адрес)	№ по оценочной (окладной) книге	Дата составления	Фамилия, имя, отчество (звание домовладельца)	Краткое описание имущества	Кол-во собств. земли (кв. саж.)	Кол-во аренд. земли (кв. саж.), у кого	Примечание
Нечетная сторона улицы							
				д. 5х4,5 = 22,5 кв. с. от. об. 3. Кам. 1 эт. лиц. жил. уд. д.7х5 = 35 кв. с. от. об. 4. Кам. 1 эт. во дворе 2 эт. амбар 5х8 + 7х4 = 68 кв. с. от. об. (льняной склад)	измер., док. не представл.)		период с 1904 по 1909 г. В 2000-х гг. проведена реконструкция застройки
Ул. Подвинская, 19 (ул. Толстого, 15)	1713	28.10.1909	Соболевич Абрам-Ельяш Гиршевич (купец)	1. Кам. 2 эт. и частью 3 эт. лиц. жил. нов. д. 17х5,5 + 13х3 = 132,5 кв. с. отд. хор. 2. Кам. 2 эт. с подвалом здание во дворе (щетинное заведение) 8х5 = 40 кв. с. от. об.	315	–	Здания сохранились в частично перестроенном виде
Ул. Подвинская, 21	1714	20.09.1904	Масловская Елена Андреевна (титулярный советник), ее наследники	1. Развалины камен. строений – лесной двор	437	–	Возможно сохранилась часть фундаментов
Четная сторона улицы							
Ул. Смоленская, 2 (–)	1653	21.09.1904	Витенберг Бейнус (купец)	1. Кам. 3 эт. с подв. лиц. уд. дом 13,7х8 = 109,6 кв. с. отд. хор. 2. Кам. 2 эт. с подв. лиц. жил. 5,3х22,4 + 9,1х3,7 = 152,39 кв. с. отд. об. 3. Кам. 2 эт. лиц. жил. удов. дом 3,7х19,4 = 71,78	393,5 (док. не представл.)	–	Здания снесены после Великой Отечественной войны. Частично сохранились подвальные

				отд. хор. 4. Кам. 2 эт. лиц. с магаз. жил. дом 11х4,7 = 51,7 отд. хор. 5. Кам. 1 эт. лавка 1,4х3 = 4,2 кв. с. отд. об.			помещения, фундаменты, стены
Ул. Смоленская, 2 (–)	1653	08.11.1911	Каган Иосель Залманов	1. Кам. 3 эт. с подв. лиц. уд. д. 13,7х8 = 109,6 кв. с. отд. хор. 2. Кам. 2 эт. с подв. лиц. жил. уд. д. 5,3х22,4 + 9,1х 3,7 = 152,39 кв. с. отд. об. 3. Кам. 2 эт. лиц. жил. удов. д. 3,7х19,4 = 71,78 кв. с. отд. хор. 4. Кам. 2 эт. лиц. с магаз. жил. д. 11х4,7 = 51,7 кв. с. отд. хор. 5. Кам. 1 эт. лиц. лавка 1,4х3 = 4,2 кв. с. отд. об.	393,5	–	Здания снесены после Великой Отечественной войны. Частично сохранились подвальные помещения, фундаменты, стены
Ул. Подвинская, 2 (–)	1715	21.09.1904	Бейлин Мовша Залманов (мещанин) и [?]	1. Кам. 2 эт. лиц. жил. уд. д. 8,5х4,5 = 38,25 кв. с. от. об.	151 (по прибл. измер.)	–	Здание снесено после Великой Отечественной войны. Частично сохранились подвальные помещения, фундаменты, стены
Ул. Подвинская, Графа Толстого (–)	1715	06.11.1914	Трайнин Симон Нохимов (купец)	1. Кам. 2 эт. заново отремонтир. лиц. и жилым подвалом торговый д. 4,5х8,5 = 38,25 кв. с. от. об.	151	–	
Ул. Подвинская, 4 (ул. Толстого, 2)	1716	21.09.1904	Московский международный банк	1. Кам. 3 эт. лиц. с подв. помещ. уд. д. 13х6 + 3х1 + 5х3 = 96 кв. с. отд. об.	450 (по прибл.	–	Дворовая постройка снесена после

Адрес домовладения по сведениям оценочной комиссии (соврем. адрес)	№ по оценочной (окладной) книге	Дата составления	Фамилия, имя, отчество (звание домовладельца)	Краткое описание имущества	Кол-во собств. земли (кв. саж.)	Кол-во аренд. земли (кв. саж.), у кого	Примечание
Четная сторона улицы							
				2. Кам. 1 эт. во дворе уд. амбар 12х5 = 60 кв. с. от. об. при [нем] дворницкая	измер., док. не представл.)		Великой Отечественной войны
Ул. Подвинская, 6 (ул. Толстого, 4)	1717	21.09.1904	Наследники Витенберга, ныне Московский [международный банк]	1. Кам. 3 эт. с подв. лиц. жил. уд. д. 11,5х7 = 80,5 кв. с. от. об. 2. Кам. 3 эт. во дворе жил. внизу с амбаром уд. д. 7х4 = 28 кв. с. от. об. 3. Кам. 3 эт. во дворе жил. внизу с амбаром уд. д. 8х4 = 32 кв. с. от. об. 4. Кам. 1 эт. во дворе уд. амбар / Рос. Общ. Транспорт / 8х4 = 32 кв. с. от. об. 5. Кам. 1 эт. во дворе уд. амбар 13х4 = 52 кв. с. от. об.	-	–	Дворовые постройки снесены после Великой Отечественной войны
Ул. Подвинская, 6 (ул. Толстого, 4)	1717	28.11.1911	Лурье Мендель Завелев (мещанин)	1. Кам. 3 эт. с подв. лиц. жил. уд. д. 11,5х7 = 80,5 кв. с. отд. об. 2. Кам. 3 эт. во дворе жил. с амб. уд. д. 7х4 = 28 кв. с. отд. об. 3. Кам. 3 эт. во дворе жил. с амб. уд. д. 8х4 = 32 кв. с. отд. об. 4. Кам. 2 эт. во дворе жил. уд. д. 13х4 = 52 кв. с. от. об.	–	–	Дворовые постройки снесены после Великой Отечественной войны

				5. Кам. 1 эт. во дворе уд. амбар / Рос. Общ. Транспорт/ 8х4 = 32 кв. с. от. об.			
Ул. Подвинская, 8 (–)	1718	21.09.1904	Шнеерсон Рейза [Берковна] (купец), ее наследники *Половина кам. 2 эт. дома принадлежит Шнеерсон Шнеерову Боруху, другая половина – наследникам Рейзы Шнеерсон*	1. Смеш. 1 эт. лиц. жил. с подв. помещ. уд. д. 5х5 = 25 кв. с. от. об. 2. Кам. 2 эт. лиц. жил. уд. д. 10х6 = 60 кв. с. от. об.	535 (по прибл. измер., док. не представл.)	–	1-эт. здание утрачено до 1931 г. 2-эт. здание снесено после Великой Отечественной войны
Ул. Подвинская, 10 (–)	1719	21.09.1904	Шнеерсон Залман Борухов (купец)	1. Кам. 1 эт. лиц. жил. с подв. пом. д. 5х8 = 40 кв. с. отд. об	70 (по прибл. измер.)	–	Здание снесено после Великой Отечественной войны
Ул. Подвинская, 12 (ул. Толстого, 8)	1720	21.09.1904	Сченснович [Василий] Васильевич (статский советник)	1. Кам. 2 эт. лиц. жил. с подв. помещ. уд. д. 13х5 = 65 кв. с. от. об. 2. Кам. 1 эт. во дворе жил. с подв. помещ. уд. д. 7х2 = 14 кв. с. от. об.	383 (по прибл. измер., док. не представл.)	–	Дворовые постройки снесены после Великой Отечественной войны
Ул. Подвинская, 14 (–)	1721	21.09.1904	Умерший фон Теше Николай Карлович (действительный статский советник)	1. Кам. 2 эт. лиц. жил. уд. д. с подв. 6х8 = 48 + 6х4 = 72 кв. с. от. об. 2. Кам. 2 эт. надв. жил. уд. д. 8х5 + 2х2 = 44 кв. с. от. об. 3. Дерев. 2 бревенч. лиц. лавки удовл. 4х2 = 8 кв. с. от. об.	173	150, у города (док. не предст.)	Здание снесено после Великой Отечественной войны. Частично сохранились фундаменты, подвальные стены

Примечания: 1. Фамилии, имена, отчества указаны согласно бланкам оценочной комиссии.

2. Современные адреса указаны согласно публичной кадастровой карте на ноябрь 2020 г.

Пивовар Н.В. *(г. Витебск)*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ПОИСКОВОМ ДВИЖЕНИИ В ВИТЕБСКОМ РАЙОНЕ

В поисковом движении Беларуси принимают участие различные общественные некоммерческие организации, роль которых в сохранении памяти о минувшей войне, поиске информации о пропавших без вести и их судьбе достаточно велика. На примере Витебского района рассмотрим основные направления и результаты деятельности таких организаций, как Белорусский фонд мира, Белорусское Общество Красного Креста, Саксонские мемориалы, архивы Арользена, «Яд ва-Шем». Отметим также и вклад по увековечению памяти о жертвах войны районного совета ветеранов, ОО «Белая Русь», профсоюзных и иных общественных организаций.

Белорусский фонд мира (БФМ). **В 1961 г.** в СССР был создан **Советский фонд мира** (СФМ). Его основателями были четыре общественные организации – Комитет советских женщин, Советский комитет ветеранов войны, Советский комитет защиты мира и Советский комитет солидарности со странами Азии и Африки. **В 1972 г.** на Второй Белорусской конференции сторонников мира была создана Белорусская республиканская комиссия содействия Советскому фонду мира, которая вскоре была преобразована в **Белорусское отделение Советского фонда мира**. В связи с приобретением Республикой Беларусь в **1991 г. суверенитета** Белорусское отделение было трансформировано в БФМ, ставший правопреемником СФМ.

Белорусский фонд мира представляет собой некоммерческое благотворительное общественное объединение, основная цель которого – реализация миротворческих и гуманитарных задач.

Основными задачами, которые решает организация, являются участие в работе по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн; строительство, реконструкция и ремонт памятников и обелисков; содержание мест захоронения погибших.

Программой «Память», которая реализуется БФМ, предусматриваются:

• сотрудничество с ветеранскими организациями, поисковыми отрядами, содействие в их работе;

• реконструкция и ремонт мест воинских захоронений, обелисков и мемориалов;

• инициирование и участие в создании мемориальных комплексов на местах захоронения жертв войн и увековечении их памяти;

• проведение ежегодных мероприятий в честь празднования победы в Великой Отечественной войне;

• организация маршей мира по местам боевых действий, маршей – акций памяти и скорби «Дорогами сожженных деревень», «Партизанскими тропами».

В Витебском районе при финансовой поддержке БФМ возведено несколько памятников и памятных знаков: мемориальная доска в честь летчиков 3-й воздушной армии, которые погибли в годы войны на территории Зароновского и Летчанского сельских советов (Зароново, 2015); памятный знак в честь 75-летия освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков (Новка, 2019).

Витебской областной организацией БФМ руководит Татьяна Владимировна Туманова, районной – Ирина Петровна Тарасова. Организация активно участвует в мемориальной работе в различных формах. Именно она оказала существенную помощь в финансировании благоустройства мемориала в д. Рыленки Дубровенского района.

Фондом мира профинансировано более 60-ти позиций программы «Память» по благоустройству памятных мест, могил, захоронений воинов, ремонту и реконструкции мемориалов. Среди них изготовление плит с фамилиями советских воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны при освобождении Дубровенского района, на братском захоронении аг. Буда; оформление выставочного стенда с фотографическим изображением мемориального комплекса «Прорыв»; создание скульптурной композиции «Солдат Победитель» в аг. Опса Браславского района; изготовление и установка стендов Героям Советского Союза, уроженцам Городокского района; установление надмогильных плит на месте захоронения мирных жителей д. Белое и Глыбочка Ушачского района; ремонт памятника на месте массового уничтожения мирных жителей в г. п. Россоны, в/з № 4228; приобретение баннеров для оформления выставочного зала «Великая Отечественная война глазами мирных жителей» для Чашникского исторического музея; изготовление баннеров, информационных табличек, граффити портрета Миная Шмырева на фасаде здания ГУО «Средняя школа № 43 имени М.Ф. Шмырева»; текущий ремонт памятника погибшим землякам во время Великой Отечественной войны в населенных пунктах Азарцы и Комайск Докшицкого района; реконструкция памятника погибшим воинам в д. Мосар Глубокского района; создание и установка памятного знака узникам концлагерей перед существующим обелиском, возведенным в честь жертв и заключенных лагеря «5-й полк» по ул. Титова в Витебске. Завершено строительство объекта «Устройство мемориального комплекса памяти жертв фашизма “Урочище Пески” в г. Полоцке» [5].

Поиском пропавших без вести, выяснением их судеб занимаются и международные организации. К крупнейшим из них относится Международный Комитет **Красного Креста**, одной из главных задач которого является поиск сведений о близких родственниках, пропавших без вести. Кроме того, им осуществляется поисковая деятельность, связанная с последствиями Второй мировой войны (розыск и выяснение сохранности мест захоронений, уточнение сведений о пропавших без вести, плененных, погибших, угнанных

на принудительные работы в Германию, поиск погибших родственников и т. д.).

В СССР действовал союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. В связи с огромным количеством обращений граждан 11 марта 1945 г. по постановлению СНК СССР в Москве было создано Центральное справочное бюро о перемещенных лицах. Позже его переименовали в Управление по розыску советских и иностранных граждан. Данная структура занималась оказанием помощи потерявшим связь родственникам, выяснением судеб людей, без вести пропавших на фронте, угодивших в плен, концентрационные лагеря, угнанных в трудовое рабство. Запросы в Москву шли со всего СССР, в том числе и из БССР. В Сураже нам довелось слышать версию некоторых местных жителей, которые утверждали, что М.Ф. Шмырев через Красный Крест пытался найти своих детей, которые в 1942 г. были взяты немцами в заложники. По мнению респондента, он их и нашел, однако ребята не захотели встречаться с ним, заявив: «Мы тебе не были нужны, як мы были маленьки, так ты нам не нужен, когда стал стареньки». Факт, вне всякого сомнения, неправдоподобный – фашисты убили детей М. Шмырева, взятых в заложники, однако он подтверждает высокую степень доверия к международной организации в поиске пропавших без вести и надежды на помощь.

После распада СССР в Беларуси была создана самостоятельная национальная структура Красного Креста. В 1993 г. при нем начала функционировать собственная Служба розыска. Первый запрос был зафиксирован 15 марта 1993 г. Он пришел из Германии: дочь женщины, у которой в 1943–1944 гг. работала остарбайтером наша соотечественница, хотела узнать, как сложилась судьба девушки после возвращения на родину. К сожалению, выяснить местонахождение разыскиваемой не удалось [2]. Наибольшее количество запросов поступало в конце 1990-х – начале 2000-х гг. с целью подтверждения пребывания в концентрационных лагерях и нахождения в Германии в качестве остарбайтеров для выплаты компенсации как жертвам нацистского режима.

В 2014 г. Служба розыска вошла в состав отдела по реагированию на чрезвычайные ситуации и розыску Белорусского Общества Красного Креста. В рамках деятельности по восстановлению семейных связей и розыску Красный Крест оказывает помощь по следующим вопросам:

• выяснение сведений о родственниках, связь с которыми была прервана в результате вооруженных конфликтов, природных/техногенных катастроф, миграции или иных чрезвычайных ситуаций;

• установление сохранности мест захоронений людей, погибших в годы Второй мировой войны;

• получение подтверждения о пребывании на принудительных работах или в концлагерях.

За время существования службы было получено 26 тыс. запросов, из них 15 тыс. разрешились положительно. В службе работают три сотрудника. Связаны с Арользеном. Возвращают вещи и семейные реликвии погибших. Розыск проводится в течение года, но если выявленная информация требует больше времени, может продолжаться и дольше. Только в 2018 г. в Республике Беларусь были рассмотрены 383 дела, связанные с запросами, касающимися Второй мировой войны.

Работники отдела взаимодействуют с национальными обществами Красного Креста. Координирует деятельность Центральное агентство по розыску в Женеве.

Для того чтобы обратиться в Службу розыска Белорусского Общества Красного Креста, необходимо заполнить анкеты на выдачу и обновление справки о месте захоронения, розыск и выяснение сохранности места захоронения, розыск и выявление сведений о родственниках, связь с которыми была прервана в результате чрезвычайной ситуации (включая Вторую мировую войну), а также приложить имеющиеся документы. Заявление должны подавать близкие родственники.

Международная служба розыска архива в Бад-Арользене (International Tracing Service (ITS) – крупнейший международный центр хранения документации по жертвам нацистских преследований и исследования нацистских преступлений, подневольного труда и холокоста. Расположена в г. Бад-Арользене (Германия). Здесь собраны документы из концлагерей, гетто, гестаповских тюрем, свидетельства о применении насильственного труда, депортации, послевоенной эмиграции бывших остарбайтеров, информация о судьбах детей войны и многие другие материалы. Сохраняется более 30 млн документов времен национал-социализма и первых послевоенных лет. Картотека персоналий архива насчитывает около 50 млн учетных карточек на более чем 17,5 млн человек разных национальностей, в том числе и белорусов – жертв нацистских преследований.

У службы имеется сайт, есть русскоязычная версия: www.its-arolsen.org. По личным запросам заявителей служба работает над выяснением судьбы человека, выдает справки, подтверждающие факт нацистского преследования. Положительный ответ удается предоставить по 60% запросов [3]. С 2013 г. архивы Арользена признаны Всемирным документальным наследием ЮНЕСКО.

Немецкий фонд **«Саксонские мемориалы»** (Stiftung Sächsische Gedenkstätten) (г. Дрезден). В годы нацистского правления в Германии на территории Саксонии было создано и действовало несколько концентрационных лагерей. На их основе было возведено несколько мемориалов с целью сохранения памяти о политических преступлениях, преследованиях, терроре и организованных немецким государством убийствах в годы нацизма как в Саксонии, так и за ее пределами. В состав объединения входят

Мемориал Пирна-Зонненштайн (Gedenkstätte Pirna-Sonnenstein), Мемориал Эренхайн Цайтхайн (Gedenkstätte Ehrenhain Zeithain), Мюнхенская площадь в Дрездене (Gedenkstätte Münchner Platz Dresden), Мемориал Баутцен (Gedenkstätte Bautzen), Центр документации и информации (Dokumentation und Informations zentrum (DIZ) Torgau), Центр документации в Дрездене (Documentation Centre Dresden).

Центр документации в Дрездене предоставляет справки о находившихся в плену солдатах Красной армии, а также гражданских лицах, пребывавших в лагерях либо захороненных на территории военного округа № 4, что на сегодняшний день соответствует землям Свободного государства Саксония.

Известно, что из общего числа 5,3 млн советских военнопленных большая часть находилась в немецком плену. Значительное количество погибло в первый год войны на территории оккупированного Советского Союза. Многие были замучены голодом, непосильной работой, искусственно созданными невыносимыми условиями жизни, а также расстреляны. Некоторая часть была перевезена на территорию рейха, где использовалась в качестве рабочей силы. Около 370 тыс. советских военнопленных погибли в лагерях на территории Германского рейха [4]. В отличие от военнопленных, которые удерживались на территории оккупированного СССР, в лагерях Германии на них заводились учетные карточки, по которым можно восстановить судьбу, место и время гибели узников. На многих имеются фотографии.

Сотрудники центра анализируют сохраняемую информацию и исторические материалы, оформляют полученные результаты в форме базы персональных данных, размещаемой в Интернете. Такая работа способствует увековечению памяти подвергшихся преследованиям и поддерживает интерес к изучению вопросов, связанных с прошлым отдельных семей и общества в целом.

В Израиле создана специальная структура – **национальный институт памяти Катастрофы и Героизма «Яд ва-Шем»**. Институт и музей занимаются мемориализацией памяти о холокосте – массовом уничтожении евреев в годы Второй мировой войны. Среди прочих задач – выяснение мест массового уничтожения еврейского населения, выявление фактов помощи в выживании евреям жителями других стран, связанных с риском для их жизни. Таким лицам или их родственникам присваивается звание «Праведник народов мира». Данной почести удостаиваются представители разных народов, которые во время Второй мировой войны спасали или содействовали спасению евреев. Звания присваиваются Специальной комиссией при институте Катастрофы и Героизма еврейского народа «Яд ва-Шем». Имена праведников высекаются на Стене Почета в Аллее Праведников народов мира, высаживается дерево праведника. На 1 января 2015 г. на территории Беларуси было зафиксировано 794 факта помощи жителей Беларуси в деле спасения евреев.

В Витебском районе в разной форме и разном объеме периодически принимают участие в увековечении такие организации, как районный совет ветеранов, БРСМ, ОО «Белая Русь», общество «Знание», профсоюзные и иные общественные организации.

Витебский районный совет ветеранов. Задачами организации являются социальная защита ветеранов и нравственно-патриотическое воспитание подрастающего поколения. При решении второй задачи активно используются возможности работы по увековечению памяти защитников Отечества. Кроме того, осуществляются работа по уходу и поддержанию в надлежащем состоянии памятников и мемориалов боевой и трудовой славы, воинских захоронений, увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн, а также поисковая деятельность [1]. Витебским областным советом общественного объединения ветеранов долгое время руководил Геннадий Андреевич Герасимович. После его ухода из жизни Совет ветеранов возглавляет Сергей Осипович Ольсевич. Активно руководила витебской районной организацией Совета ветеранов Раиса Ивановна Ходос. Сейчас эстафету переняла Нина Васильевна Козлова.

Витебское районное объединение профсоюзов. Профсоюзные организации оказывают посильную помощь в деле увековечения памяти о жертвах войны. Долгое время райком профсоюза возглавлял Александр Красаков, теперь – Михаил Папко. Собственных средств у организации ничтожно мало, но удается находить помощь у частных спонсоров, организаций и оплачивать благоустройство воинских захоронений, возведение новых монументов. Так, в 2020 г. руководство смогло изыскать денежные ресурсы на возведение мемориального знака ветеранам и погибшим жителям сельского совета в Зароново. На бетонном обелиске в виде открытой книги выбиты имена 129 ветеранов-земляков, участников Великой Отечественной войны и 237 жителей сельсовета, которые погибли во время войны.

Таким образом, поисковой деятельностью на территории Витебского района занимаются многие общественные организации. Существует еще достаточно много возможностей выявить судьбы как пропавших без вести солдат, так и жертв войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Диканова, Т.** Ветеранская организация Витебского района готовится к юбилею [Электронный ресурс] / Т. Диканова // Жыццё Прыдзвіння. – 2016. – 12 нояб. – Режим доступа: http://www.pridvinje.by/2016/11/veteranskaya-organizaciya-vitebskogo-rajona-gotovitsya-k-yubileyu. – Дата доступа: 18.04.2022.

2. **Мытько, О.** Архивы Бад-Арользена открыты / О. Мытько // Беларуская думка. – 2012. – № 12. – С. 74–80.

3. **Мытько, О.** Как Красный Крест помогает искать людей, пропавших в годы войны [Электронный ресурс] / О. Мытько // Минские новости. – Режим доступа: https://minsknews.by/kak-krasnyiy-krest-pomogaet-iskat-lyudey-propavshih-v-godyi-voynyi/. – Дата доступа: 18.03.2021.

4. **Объединение** Саксонские Мемориалы объявляет о возобновлении работы по запросам о судьбах советских военнопленных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.stsg.de/cms/dokstelle/obedinenie-saksonskie-memorialy-obyavlyaet-o-vozobnovlenii-raboty-po-zaprosam-o-sudbah-sovetskih. – Дата доступа: 30.04.2022.

5. **Туманова** Татьяна Владимировна [Электронный ресурс] // Человек года Витебщины. – Режим доступа: http://people.vlib.by/index.php/personalii/obespechenie-zakonnosti-i-pravoporyadka-preduprezhdenie-i-likvidatsiya-chrezvychajnykh-situatsij-deyatelnost-organov-mestnogo-upravleniya-i-samoupravleniya-obshchestvennykh-organizatsij/tumanova-tatyana-vladimirovna. – Дата доступа: 18.04.2022.

Подлипский А.М. *(г. Витебск)*

ЭВАКУАЦИЯ ВИТЕБСКА 1941 г.

Эвакуация предприятий Витебска в годы Великой Отечественной войны началась только после того, как 1 июля 1941 г. Витебский областной исполнительный комитет Советов депутатов трудящихся и бюро обкома КП(б)Б приняли соответствующее постановление. В нем говорится: «В соответствии с решением ЦК и СНК БССР создать областную комиссию по организации демонтирования и отгрузки оборудования промышленных предприятий в тыловые области Советского Союза. Областную комиссию утвердить в составе: 1. Секретаря обкома партии тов. Стулова. 2. Председателя облисполкома тов. Рябцева. 3. Нач<альника> областного управления НКВД тов. Пташкина. В городах и районах по отгрузке оборудования промышленных предприятий создать комиссии в составе секретаря райкома КП(б)Б, председателя райисполкома и нач<альника> райотдела НКВД. На крупных предприятиях создать комиссии по отгрузке оборудования в составе директора, гл<авного> инженера и гл<авного> механика. Обязать городские и районные комиссии немедленно приступить к отгрузке оборудования предприятий, указанных в решении ЦК и СНК БССР. По городу Витебску.

1. Ф-ка “КИМ” – в гор. Ульяновск.
2. Ф-ка им. Клары Цеткин – в гор. Куйбышев.
3. Ф-ка им. Кагановича – в г. Бийск, Алтайский край.
4. Очковая ф-ка – в гор. Вологда.
5. Игольный завод – в г. Подольск.
6. З-д им. Кирова – в гор. Елец.
7. З-д им. Коминтерна и мастерские политехникума – в г. Саратов.
8. Ф-ка “Знамя индустриализации” – в гор. Саратов.
9. Ф-ка “Прогресс” – в гор. Уфу.
10. Ф-ка “Красный Октябрь” – в г. Кунгур Молотовской области.
11. Ф-ка “Профинтерн” – в г. Курс.

По районам области.

1. Оршанский льнокомбинат – в г. Вязники.
2. Оршанский мямокомбинат – в г. Челябинск.
3. Гвоздильный завод “Кр<асный> Октябрь” – в г. Саратов.
4. Яковлевичская суконная ф-ка – в г. Ульяновск.
5. Осинторф – в гор. Свердловск.
6. БелГРЭС (полностью) – в Кирово-Чепец, разъезд 479.
7. Ф-ка им. Карла Маркса – в г. Милекас Куйбышевской области.
8. Дубровенская мануфактура – в г. Барнаул.
9. Чашникская бумажная ф-ка – в Новые Ляды Саратовской области.
10. Полоцкая электростанция – Выкса Горьковской области.

Обком и облисполком считают необходимым дополнительно произвести отправку оборудования со следующих предприятий (список прилагается). Обязать городские, районные комиссии и директоров предприятий производить <…> упаковку и отгрузку оборудования строго комплексное, с тем расчетом, чтобы в кратчайший срок пустить предприятия на новом месте. Одновременно с оборудованием отправить также готовую продукцию, цветные металлы и электроустановки, сырье и все другие ценные материалы, как с предприятий, указанных в данном списке, а также и со всех остальных предприятий. Городским, районным комиссиям, директорам предприятий и секретарям парторганизаций разъяснить рабочим и работницам, инженерно-техническому персоналу фабрик и заводов, с которых отгружаются станки и оборудование, что специалисты и рабочие важнейших профессий могут выехать по месту отправки оборудования. Провести разъяснительную работу среди рабочих, что эвакуация предприятий обусловлена невозможностью использования предприятий на их полную мощность <в> прифронтовой полосе. Городским и районным комиссиям обеспечить отправку обобщенного скота колхозов и совхозов (лошадей, коров, свиней и овец). Принять меры к отправке продовольствия, горючего, за исключением запасов, необходимых для снабжения Красной армии. Обязать городские, районные комиссии и директоров предприятий выделить ответственных работников за доставку оборудования к месту назначения. Разъяснить директорам предприятий, что все оборудование и ценные материалы, которые своевременно не могут быть вывезены, подлежат уничтожению. Обязать комиссии и директоров предприятий составить план вывозки оборудования, расчет потребного количества вагонов и сообщить станциям отправления к 12 часам дня 2 июля 1941 г. Демонтирование и отгрузку оборудования закончить в пятидневный срок. Персональную ответственность за отгрузку оборудования промышленных предприятий возложить на 1-х секретарей горкомов и райкомов КП(б)Б» [1].

Этот документ нуждается в небольшом комментарии. Во-первых, 1 июля, когда городские и районные партийные и советские работники получили, наконец, разрешение о проведении эвакуации, был ДЕСЯТЫМ днем

войны. Уже была оккупирована значительная часть тогдашней Белоруссии, включая такие крупные города, как Минск, Белосток, Гродно, Брест, Кобрин, Барановичи, Бобруйск, когда условия для эвакуации были очень сложными. Во-вторых, партийное и советское руководство республики все еще не сообщало не только населению, но и своим руководящим кадрам более низких инстанций, а также руководителям организаций и предприятий об истинном положении на фронте. Объясняя необходимость эвакуации, оно ссылалось на невозможность использования «предприятий на их полную мощность <в> **прифронтовой полосе**» (выделено автором. – *А. П.*), хотя всем было совершенно очевидно, что речь идет о вынужденной сдаче врагу и оставшейся территории республики, и ее городов. В третьих, список предприятий, из которых обком и облисполком считал необходимым дополнительно произвести отправку оборудования, в архиве не сохранился. Однако сохранился другой интереснейший документ, по которому можно судить о размерах проведенной в городе эвакуации, месте перебазирования витебских предприятий, а в некоторых случаях – объеме вывезенных ценностей и конкретных адресах. Речь идет о «Справке об эвакуации промышленных предприятий и товаров, сельскохозяйственных машин, скота и прочих материальных ценностей по Белорусской ССР», хранящейся в Государственном архиве Витебской области [2]. Судя по ней, за период со 2 по 8 июля[1] из Витебска были эвакуированы все самые крупные предприятия, в том числе заводы станкостроительные им. Кирова и Коминтерна, кожевенный им. Евстигнеева, фанерный, маслобойный, молочный, фабрики трикотажные им. К. Цеткин и им. КИМ, швейные «Знамя индустриализации» и «Прогресс», обувные «Прогресс» и «Красный Октябрь», вязально-волочная, льнопрядильная ткацкая им. Кагановича, очковая, игольная, мебельная, инструментальная и махорочная, холодильник, областное управление связи (Витебская, Оршанская и Могилевская подстанции), щеточный комбинат. А в числе незначительных по размерам организаций – фабрично-заводское училище обувщиков (25 мастеров-сапожников, 56 различных машин, 20 электромоторов, 9 т полуфабрикатов, 3 т винтовой проволоки), ателье мод фабрики им. КИМ, мастерские политехникума и др. В этом списке оказалось и несколько учебных заведений – уже упоминавшееся ФЗУ обувщиков и швейно-трикотажный техникум. Кроме сведений о промышленных предприятиях в этом документе приводятся и некоторые данные по сельскому хозяйству области. Так, например, было эвакуировано гоном (в г. Калинин) 130 тыс. голов крупного рогатого скота, 100 тыс. голов овец (гоном в Ярославль), отправлено 400 гоном и 300 по железной дороге тракторов (в г. Воронеж). 375 тракторов

[1] В этом документе явно ошибочно указана дата завершения эвакуации. Она завершилась 8 июля. Эта ошибка еще раз доказывает, что у составителей документа не всегда были достоверные сведения.

передано было в распоряжение РККА. Кроме того, было вывезено 150 станков и двигателей и 12 тыс. т зернопродуктов.

О том, как проводилась в городе эвакуация сохранилось достаточно много свидетельств очевидцев. Вот небольшая часть из них. «4 июля мы еще утром были на территории фабрики "Знамя индустриализации", посмотрели на главный корпус, а на душе так досадно, он без нас осиротел… Немало было пролито слез рабочими при прощании с фабрикой, на которой мы трудились во имя Родины… В этот день в городе было все время тревожно. Воздушные налеты и бои не прекращались. Народ бросился на вокзал, по улицам продвигаться было трудно. Самолеты летали низко и из пулеметов обстреливали. По улице Ленина стояли трамвайные вагоны, не было электроэнергии. Фронт от Витебска – всего в 80 км. С большими трудностями добрались до эшелона, с которым отправлялись в Саратов. На товарной станции стоял большой состав из товарных вагонов. С трудом забрались в один вагон, устроились в уголке возле дверей. Вагон был переполнен женщинами, детьми, стариками. Теснота страшная. День был очень жаркий. В городе появилось немало фашистских лазутчиков. Они ходили у вагонов и вели разговоры о том, что, мол, напрасно уезжать, война кончается, скоро будет заключен с Гитлером мир. Шли разговоры, что город окружен со сторон. Некоторые верили, выходили из вагонов, оставались в городе. Поезд стоял целый день. Вечером в 10 часов состав тронулся и взял курс на Смоленск», – свидетельствует бывший работник фабрики "Знамя индустриализации" М. Фридман [14, с. 57].

«Крупнейшее в городе предприятие – швейная фабрика "Знамя индустриализации" – получило задание эвакуироваться в Саратов в течение четырех-пяти дней, – пишет исследователь А. Митрофанова. – Весь коллектив фабрики взялся за выполнение этого ответственного дела. Были организованы специальные бригады по демонтажу и погрузке оборудования, в ночь с 30 июня на 1 июля начался демонтаж агрегатов. Пять дней и ночей люди снимали оборудование, везли его на станцию и грузили в эшелоны вместе с инструментами, сырьем и готовой продукцией. Никто не уходил с территории фабрики. Все трудились напряженно, без отдыха и сна. За пять дней в четыре эшелона рабочие погрузили все оборудование (свыше 1100 швейных машин, 40 электромоторов, сырье, незавершенную продукцию)» [14, с. 56–57].

«Когда началась война директор нашего (дрожжевого. – *А. П.*) завода Герцкин, заботливый хозяин, был в отъезде, и мне довелось взять на себя заботы по эвакуации предприятия. Когда угроза захвата Витебска стала очевидной, принялся активно действовать только что созданный штаб эвакуации. Каждый директор старался получить больше вагонов и быстрее вывезти оборудование, чтобы установить его на новом месте, в тылу. Помню, как наш сосед, директор очковой фабрики Михельсон, угрожающе махал ку-

лаками, доводя: “У меня очки для летчиков. Кроме нас их никто в Союзе не выпускает. А вы мне даете один вагон, а соседу два…” А я свое: “Мои трубки из красной меди – стратегическое сырье, очень необходимое сегодня фронту. Может быть там как раз взрывных пакетов не хватает, меди”. Директор махорочной фабрики Школьник (он еще мальчиком начал работать на фабрике) уже успел эвакуировать оборудование и людей, и сам покинул Витебск. Потом про витебскую махорку знали на всех фронтах.

Немцы приближались к городу. Зачастила вражеская авиация. Но паники не было. Была работа до изнеможения, в запале, с руганью, но грузили все строго по графику. Мы начали эвакуацию завода 5 июля, и через сутки были готовы в путь. Трубопроводы загрузили на открытые платформы, электромоторы сложили в крытые вагоны. Надо было же отправить в тыл рабочих и их семьи. Оставаться в городе никто не хотел. Желающих покинуть Витебск было много. А мест в вагонах нет. Люди сами искали выход: делали с досок нары, выискивали место между станков. Руководил старый электромеханик Вебер, латыш, смышленый и старательный, и его ученик Алеха Мамойкин. <…> Утром 6 июля эшелон двинулся в Пензу», – свидетельствует бывший механик дрожжевого завода В. Филатов [15, с. 421].

«Обстановка сложилась тяжелая, гитлеровцы на носу, город горит, бомбежка. Конечно, в городе была и растерянность: все старались уехать. Мы ходили по поселку <фабрики>, собирали людей. Пришло человек 50 мастеров, те, кто был посознательнее. Очень помог нам в те дни секретарь обкома партии т. Стулов, который приехал на фабрику посмотреть, как идут дела. Прислали 200 красноармейцев. Они помогли вести погрузку. Отправить своевременно второй эшелон не удалось, так как не подали паровоз. Не дожидаясь, стали грузить третий эшелон и возить машины с грузом для четвертого. Работали сутками. В цехе спали. Особенно тяжело было уничтожать, что создавали сами. На рассвете 9 июля на город стали ложиться снаряды. Как раз на железнодорожной линии стоял под парами пустой эшелон. Куда-то его должны были подать. Нам посоветовали уехать с этим эшелоном. В 6 часов утра мы тронулись. Когда переехали мост, смотрим – за нашим составом идет несколько паровозов под парами, а эшелоны, нагруженные имуществом фабрики, остались стоять на линии», – вспоминал бывший работник фабрики им. КИМ. Е. Баранов [14, с. 59]. Первый кимовский эшелон ушел из Витебска 5 июля. Второй и третий эшелоны были загружены 7 и 8 июля основным оборудованием фабрики, но не успели уйти и были уничтожены на железнодорожной станции.

«За шесть суток рабочие, инженерно-технические работники и служащие станкостроительного завода им. Коминтерна вывезли на станцию и погрузили в эшелоны станочный парк основных цехов, электрооборудование, незавершенную продукцию, цветные и черные металлы и т. д. Руководство завода и партийная организация приняли все меры к тому, чтобы закончить

демонтаж в предельно сжатые сроки. День и ночь работали в цехах такелажные группы. По несколько суток не смыкали глаз кадровые рабочие Рогожинский, Горлачев, Тарасов, Бугеда, Поташкевич, Колбека и многие другие. “Бывало подремлешь часок-другой в углу на старых газетах, – вспоминает один из старейших рабочих завода И.Г. Лопунов, – а потом снова за лом или носилки. Кушали тут же, в цеху, на скорую руку, кому что принесут из дому”. Нехватка грузоподъемных средств приводила к огромной затрате рабочей силы. Чтобы демонтировать тяжелый станок, требовалось 10–12 рабочих. Наиболее громоздкое оборудование, предварительно освободив от оснастки, разбивали кувалдами, уродовали так, чтобы враг не мог им воспользоваться. Приходилось разрушать то, что с такой любовью создавалось на протяжении многих лет. “Особенно тяжело было смотреть в те дни на старых кадровых рабочих Концевого, Суворова, Нарцышко и других, вся жизнь которых была связана с родным заводом, – рассказывает бывший мастер завода А.Л. Забежинский. – Каждый удар по станку они воспринимали, как личную боль”. Первый эшелон с заводским оборудованием и людьми вышел из Витебска 3 июля. Через четыре дня на восток был отправлен второй поезд – 60 вагонов. Оставшаяся на заводе группа продолжала погрузку материалов до последнего дня. Параллельно с эвакуацией промышленного оборудования из города вывозилось имущество учреждений, театров, вузов, продукция предприятий пищевой промышленности, мясомолочных заводов и т. д.», – пишет исследователь Г. Олехнович [14, с. 92–93].

На станкостроительном заводе им. Коминтерна эвакуацию проводила специальная бригада рабочих во главе с главным механиком Е. Гильдинсоном. Она демонтировала оборудование и грузила его на железнодорожные платформы и в вагоны. Несмотря на систематические бомбежки, работа велась круглые сутки с короткими перерывами на обед и отдых. За два дня было отгружено все оборудование, и сравнительно небольшая группа рабочих вместе с семьями отправилась в Саратов. За один месяц с помощью местных рабочих оборудование было установлено в приспособленном помещении бывшей тюрьмы. Предприятие получило номер 311 и выпускало вооружение для фронта [9].

Свидетельство Е. Баранова о недостаточно умело организованной эвакуации города подтверждается и недавно рассекреченным архивным документом – «Докладной запиской военного прокурора Витебского гарнизона, военюриста 3-го ранга Глинки о результатах проверки правовой и оборонной деятельности в гарнизоне», направленной в адрес военного прокурора Западного фронта Румянцева и главного военного прокурора Носова. Вот ее содержание: «3 июля в обкоме и горкоме были собраны секретари р<айонных> к<омитетов> и директора крупных предприятий и получили задание от секретарей обкома и горкома т.т. Комисарова, Иванова, Смирнова, Левикова вывозить оборудование, приостановить работу фабрик и заво-

дов и распустить рабочих. Секретарям райкомов и директорам предприятий толкового разъяснения никто не дал, а лишь заявили им, чтобы оповестили рабочие коллективы, что завода и фабрики закрываются на 5–7 дней. На некоторых фабриках и заводах стали выдавать полный расчет и выходное пособие, а на некоторых фабриках и заводах расчета и выходного пособия не выдавали. Тогда среди отдельных групп рабочих, возможно отсталых, стали появляться вредные настроения и недостойные выкрики о том, что бегут коммунисты, администрация и т. д. После чего и на этих предприятиях стали выдавать расчет и выходное пособие. Директиву обкома и горкома партии об эвакуации отдельных предприятий, мелких предприятий, пошивочных, ремесленных и прочих мастерских, парикмахерских, бань, торговых сетей, кино, фотографий и прочих восприняли как директиву об эвакуации города, и все стали производить расчет рабочих и закрывать свои предприятия и мастерские. В это же время отдельные предприятия, вывозя на машинах станки, оборудование на ж<елезнодорожную> станцию, стали грузить вместе с оборудованием и людской состав, причем на станции создалась полная суматоха и неразбериха, каждый из отъезжающих стремился поместить только свои вещи, а не госимущество. Все это создало среди населения тревожное настроение и панику, и 4 июля весь город перестал жить нормальной спокойной жизнью. Эта тревога и паника усилилась еще и тем, что в городе стало известно о том, что ответственные работники облорганизации эвакуируют сами свои семьи с имуществом, получив на ж. д. станции самостоятельные вагоны. Когда я об этом заявил в обкоме партии, мне сказали, что эвакуацию семей ответственных работников якобы разрешил ЦК Белоруссии, причем жены этих ответственных работников из НКВД, облисполкома, парт<ийных> органов и другие стали самовольно уходить с работы, не дожидаясь выдачи им расчета и несмотря на запрещение руководителей этих учреждений, где они работают. Так, например, ушли с телеграфа, с телефонной сети, из больниц и других учреждений.

3, 4, 5 июля около облвоенкомата стояли толпы женщин за разрешением и пропусками на выезд, когда в пропусках им отказывали, то они заявляли, почему же коммунисты уехали, их жены с детьми и имуществом. В общем, все это чрезвычайно отрицательно подействовало на население города, и в особенности после того, когда закрылись торгующие организации. Между прочим, в г. Витебске собрались все руководящие работники республиканских органов – из Минска и ответственные работники из других областей, городов и районов. Обком партии не мог использовать весь этот состав коммунистов для назначения на соответствующие работы по организации порядка и в городе, для создания рабочих отрядов, вооружения дружин. Обком партии не проверил состояние низовых парт<ийных> организаций, в которых в большинстве своем или разъехались, или разбежались отдельные коммунисты без ведома парт<ийных> органов. В то же время охрана внутри

города поставлена весьма плохо. Население не мобилизовано, а отдельные руководители, вроде как председатель горисполкома Азаренко, уже приготовили машины с бензином для выезда в Москву. Причем характерно, на машину погрузили бочку пива для того, чтобы, очевидно, пьянствовать в дороге, как он обыкновенно это делает в городе у себя на службе. Об этом факте мне рассказывали начальник водоканала, Ковалев, Финкильштейн и др. Горисполком во главе с председателем Азаренко бездействует и по существу никакой оперативной и конкретной работы не ведет, за исключением наличия дежурств в горисполкоме. <…> Облисполком распустил свои отделы. Большинство работников со своими семьями уехали. Райсоветы также не работают и никакого порядка в городе не наводят. Сейчас в Витебске не найдется ни одного учреждения, которое бы работало. Закрылись и самоликвидировались все, в том числе облсуд, нарсуды, облпрокуратура, облздрав, профсоюзы и т. д. и т. п. Тюрьма ликвидировалась. Милиция работает слабо, а НКВД также сворачивает свою работу. Все думают, как бы эвакуироваться самому, не обращая внимания на работу своего учреждения. Почти во всех учреждениях настроение такое, что завтра придет в город неприятель, а поэтому сжигают все архивы и текущие документы. В общем, работа и нормальная жизнь в городе парализовалась полностью. А еще до 3 июля все было нормально и хорошо. Сегодня ночью обошли все адреса врачей и никого не застали. Бросили больницы, поликлиники, ясли и удрали. Горздрав мер не принимает и почти самоликвидировался, не приняв мер для оказания необходимой помощи раненым» [17; 19].

Приведенные сведения в «Справке об эвакуации промышленных предприятий и товаров, сельскохозяйственных машин, скота и прочих материальных ценностей по Белорусской ССР» неполные. Из Витебска было эвакуировано, по крайней мере, еще несколько предприятий, информация о которых не приводится в этом документе. Одним из них являлся кирпично-черепичный завод № 4. Эвакуацией его оборудования занимался мой родной дядя (брат мамы), технический руководитель этого предприятия Х. Подлипский (1915–1941). Именно благодаря ему была эвакуирована в Татарию и вся наша семья – дедушка и бабушка, моя тогда еще незамужняя мама, ее сестра и трое тетиных малолетних детей. Кроме этого завода была эвакуирована в Челябинск и часть производственной базы витебского трамвая, которую сопровождал заведующий складом А. Козюля [11].

Витебская база «Белшвейсбыт» тоже не была внесена в «Список…». Она является единственной организацией города, документы об эвакуации которой сохранились в Государственном архиве Витебской области. На их основании есть возможность проследить судьбу и самой организации, и материальных ценностей, вывезенных ею. 2 июля 1941 г. директор базы Л. Соломонов (1891 – ?) направил начальнику Витебского городского гарнизона письмо следующего содержания: «В связи с отъездом на новое место рабо-

ты и отправкой имущества и ценностей – швейных изделий базы на сумму более 10 миллионов рублей и представления для переезда витебской базы "Белшвейсбыта" просим разрешения эвакуировать ответственных работников базы со своими семьями нижеследующих...». Далее перечисляются сотрудники базы (с указанием должности, всего 27 человек) и количество членов их семей. Кстати, в этом списке в большинстве еврейские фамилии, а общее количество эвакуированных – 68 человек [3]. Эшелон, в который были включены вагоны с имуществом базы, ушел из Витебска, по всей видимости, 3 или 4 июля. При этом предприятию было разрешена «приемка грузов «Швейсбыта» и фабрики «Знамя индустриализации» [4]. Не позднее конца июля эшелон из Витебска прибыл в Саратов. 1 августа начальник Саратовского управления легкой промышленности Лубоцкий обратился к начальнику эвакопункта Дьякову со следующим заявлением: «Тов. Дьяконову. Настоящим сообщаю, что т. Соломонов Л.Б. является управляющим Витебской базы "Белшвейсбыт", который прибыл вместе с аппаратом и значительным количеством готовых товаров. По указанию Наркомата они весь товар должны передать Саратовской базе "Рослегсбыт". Сдача будет продолжаться 10–12 дней. Прошу разрешить вопрос о размещении означенных товарищей на этот период». На этом документе есть еще приписка следующего содержания: «Т. Дьяконов! На время сдачи товаров <….> 6 ч<еловек> <…> необходимо обеспечить на время сдачи общежитием. Указанные работники направляются в Самболовский район». Причем, как выяснилось уже осенью, в сентябре – октябре 1941 г. четыре вагона имущества базы в Саратов не поступили, их судьба осталась неизвестной [5]. 25 июля начальник Росглавлегсбыта Смелков и начальник отдела торговли Народного комиссариата легкой промышленности СССР Леонов обращаются с письмом к управляющему Саратовской базой «Росглавсбыта» Лубоцкому: «В Саратов от Витебской базы "Белшвейсбыта" будут прибывать швейные изделия. Предлагается Вам вместе с ВРИО директора Витебской базой тов. Соломоновым принять этот товар и обеспечить его хранение. Из принятого товара Вам разрешается реализовать в счет плана III квартала В/области на сумму в пределах двух миллионов рублей. Реализацию (отгрузку) остальных товаров Вы будете производить по нашим дополнительным указаниям. Одновременно окажите содействие по подысканию жилой площади и размещению работников Витебской и Минской баз «Белшвеясбыт» тт. Соломонов, Власенко, Фишеров и Дейч» [6]. Как следует из другого документа, витебляне сдали в Саратове товар на сумму 4,5 млн руб. Часть ее (на 1,3 млн) была отправлена в Горький. Еще 4 вагона с товаром этой базы к моменту составления документа еще в Саратов не поступили [7]. После сдачи всего имущества витебская база была ликвидирована [8].

Не на всех предприятиях, к сожалению, подготовка к эвакуации проходила гладко. Вот о каком случае на чулочно-трикотажной фабрике им. КИМ

вспоминал рабочий этого предприятия Герой Советского Союза Филипенко: «В один из дней я на коне уехал на железнодорожную станцию, чтобы договориться о выделении вагонов и подаче их в Жлобинский парк под загрузку. Возвратившись на фабрику, подъехал к ее контрольно-пропускному пункту. На проходной встретил толпу девушек (человек пятьсот). Они, перегородив всю улицу и трамвайные пути, остановив движение, кого-то терзали. Одни стремились ударить, другие – дернуть за волосы. Я, заинтересовавшись происшествием, увидел, что бьют директора фабрики (женщину) Х. и главного инженера Г. Соскочив с коня, протиснувшись среди девушек, стал защищать руководство фабрики. Молодежь была до крайности взволнована, кое-кто из девушек рвал на себе блузки и кричал: “Дайте нам оружие и ведите в бой! Не бросайте нас на растерзание немцам!”. Многих я знал – мы жили в одних корпусах, которые были на 2-й Кооперативной улице, недалеко от 5-го Коммунального <дома>. В основном это была молодежь, которая прибыла из колоний. Конфликт произошел из-за того, что руководители фабрики сели в вагон, чтобы уехать их Витебска, не позаботившись о судьбе коллектива. Девушки вытащили их из вагона и привели на фабрику. От этой разъяренной толпы руководителей спасла охрана фабрики и я. Дали возможность занять свои кабинеты и навести порядок в создавшейся обстановке.

На фабрику прибыли представители НКВД и потребовали организовать ее эвакуацию. Руководство получило дополнительные деньги из банка и началась выплата тем, кому положено. Главный инженер уехал в заранее приготовленном вагоне в Ульяновск, а директор осталась на фабрике и продолжала руководить ее эвакуацией. Рабочие получили зарплату и пособие за две недели. На фабрику они больше не приходили, а их трудовые книжки валялись во дворе недалеко от проходной.

В первых числах июля почувствовали недостаток рабочей силы для того, чтобы готовить изделия к отправке на погрузку. Мне пришлось отправиться в общежитие и уговаривать девушек, бывших бузотеров, чтобы они пришли на работу и помогли в эвакуации готовой продукции. Но девушки сказали, что придут только в том случае, если я пообещаю, что они возьмут что-либо для себя из готовой продукции. Я пообещал, что возьмут, но только так, чтобы я не видел. Девушки вышли на работу. Когда после окончания рабочего дня они возвращались через проходную, их начала обыскивать охрана. Собравшись вместе, работницы не оставили взятое и пробились через проходную, упрекая охрану в том, что те стерегут добро для немцев.

На следующий день на фабрику приехали два работника НКВД, вызвали управляющего и меня и начали разбираться в фактах, произошедших в прошлый день, обвиняя нас в случившимся. Мы предложили этим товарищам пройти с нами на склады. Перед их взором открылось огромное количество чулочно-трикотажных изделий, под которые железнодорожники не в состоянии выделить вагоны. Они увидели бочки с бензином, поставленные по

углам пожарниками для уничтожения продукции. Сотрудники НКВД, ничего не сказав, уехали».

Кроме промышленных предприятий из Витебска были эвакуированы все три вуза и некоторые организации культуры – часть фондов исторического (ныне – краеведческого) музея и картинной галереи им. Ю. Пэна, Второй Белорусский государственный театр (ныне – Национальный академический театр им. Якуба Коласа), часть Витебского архива, партийный архив и архив областного отделения НКВД, Государственный банк и другие организации.

Подробности эвакуации медицинского и ветеринарного институтов не сохранились. А вот участница эвакуации педагогического института Б. Кичина сохранила в своем семейном архиве черновик «Докладной записки о работе Витебского государственного пединститута (за время с 22 июня по 4 июля) и об его эвакуации», составленный 22 сентября 1941 г. Вот отрывок из него: «5. Согласно распоряжению президиума облисполкома 2 июля была начала подготовка к эвакуации. Для эвакуации было собрано наиболее ценное оборудование, имущество общежития (постельное белье, одеяла) и документы. Много ценного было оставлено, так как для эвакуации имущества и сотрудников было предоставлено только три платформы. 6. Согласно указаний председателя президиума облисполкома и разрешения начальника Витебского гарнизона, 4 июля была произведена погрузка отобранного имущества института. 5 июля вместе с институтским имуществом эвакуировались из Витебска научные работники (по списку, утвержденному облисполкомом, с разрешения начальника гарнизона), члены семей мобилизованных в РККА сотрудников института – всего 61 человек. <…> 9. Имущество пединститута: вывезено простынь – 632, одеял – 101, наволочек – 295. Из них выдано во временное пользование сотрудникам института под расписку соответственно – 108 и 27. И передано по акту от 29 августа Кочкарскому райисполкому Челябинской области: простынь – 524, одеял – 74, наволочек – 295. Передана по акту от 27 августа с. г. Кочкарскому райисполкому во временное пользование одна пишущая машинка системы «Ленинград». 10. Лабораторное оборудование. В 37 ящиках (микроскопы, в том числе поляризационный микроскоп, много импортных микроскопов, лабораторное оборудование физического кабинета) – все большой ценности, и 5 кип с документами сданы на хранение на базу «Кочкарь-Золота» станции Нижне-Увельской. В каждом ящике имеется перечень содержимого, но ящики сданы общим счетом, без проверки и приема на хранение. Дальнейшее пребывание этого ценного имущества на указанном складе нецелесообразно. Крыша протекает, склад не отапливается, неизбежна порча». Как следует из этой же «Докладной записки», отправленной в адрес народного комиссара просвещения БССР и Всесоюзного комитета по делам высшей школы, эвакуированные ценности направлялись в г. Саратов, но в г. Ртищеве Саратовской области эвакуационная комиссия направила витеблян в г. Петропавловск, где их ожидали и

планировали использовать в качестве преподавателей своих вузов. Однако до Казахстана эвакуированные не доехали. На ст. Нижне-Увельская Челябинской области (ныне – г. Южноуральск) прибывших направили в г. Пласт Челябинской области. Имущество же осталось на станции и было направлено на склад "Кочкарь-Золота"» [18].

Об эвакуации Второго Белорусского государственного театра тоже сохранились воспоминания актеров этого театра. Вот что написал народный артист республики, лауреат Сталинской премии Т. Сергейчик: «Из города начали эвакуировать фабрики, заводы и государственные учреждения. Театр также предупредили, чтобы был в любое время готов для выезда. Однажды поздним вечером нас, несколько ведущих актеров и директора, вызвали в облисполком. Там мы узнали, что фашистские танки прорвались негде под Лепелем и Полоцком и что оставаться в Витебске опасно. Утром, пока не поздно, театр должен срочно эвакуироваться в Саратов. Никакого имущества брать с собой не советовали, ибо, может быть, доведется идти пешком. Вагоны для нас уже подготовлены. Сборы наши были короткие. Взяв чемоданчик с едой и одеждой для дочки и бабушки, мы пешком пошли на вокзал. Но никакого транспорта уже не было. Народа много. Все спешили быстрей покинуть город, пока не поздно. День был солнечный и горячий. Ожидая паровоза, мы разместились в тени деревьев около вокзала. Там просидели до полудня. Вместе с директором мы пошли к дежурному по вокзалу узнать, когда нас отправят. Им оказался наш бывший студиец. Он нам сказал, что боится отправить эшелон с людьми на Невель, ибо там немцы все время бомбят станцию и эшелон не пройдет.

– Что же делать? – спрашиваем.

– Надо ехать через Смоленск.

– А там как?

– Также бомбят, но ночью можно проскочить.

– Давайте на Смоленск.

– Подождем немного, еще раз хорошо выясню все обстоятельства.

Ждем. Над городом в воздухе идет горячий бой между нашими и фашистскими истребителями. Затаив дыхание, следим за ним, забыв про все на свете. Фашисты не выдержали и начали убегать, наши погнались на ними. Мы все, как один, ШАЛЁНА аплодируем и кричим "Ура!".

Вскоре подошел дежурный по вокзалу и сообщил, что на Марковщине нас ожидает эшелон, направляющийся на Смоленск. Надо идти туда. Отведя меня в сторону, он посоветовал сделать все возможное, чтобы приехать в Смоленск ночью и как можно быстрее оттуда выехать, иначе нас разбомбят там. Я искренне поблагодарил его, и мы расстались, пожелав один одному всего доброго.

Эшелон стоял далеко от города в поле: восемьдесят шесть больших вагонов для угля, без крыш. Театр разместился в четырех вагонах. Ехало нас

много, все с семьями. В быстром времени вагоны были переполнены до отказа жителями Витебска. Это были преимущественно женщины, дети и старики» [18]. А вот что рассказывала народная артистка республики З. Конопелько: «Эвакуировались из Витебска: художественный руководитель театра, народный артист А.К. Ильинский с женой А.И. Лаговской и двумя дочерьми, Кирой и Аллой; с ними ехала мать, отец не поехал, ибо был очень больной. Он остался в Витебске, один в квартире, сказал: “Я все равно умру, не хочу умереть в дороге”. Ехал также Т. Сергейчик с маленькой дочерью Зоей. Его жена, Галина Васильевна, перед самой войной повезла лечить в Москву 8-летнего сына, поэтому Тимофей Николаевич ехал без нее. Анатолий Шелег также отъезжал один, ибо жена с двумя дочерьми поехала отдыхать, а вернулась пешком только вечером 4 июля, когда эшелон ушел. Народный артист Молчанов ехал с женой, артисткой Л.И. Мозолевской, и 8-летней дочерью Валей. В.И. Куликовский вез семью Г.Ф. Ивановской с двумя детьми – Лидой 16 лет и Эдуардом 14. Ехали также директор Диненман с женой-доктором, дочкой и швагеркой с малолеткой; артистка Глебовская; работники бухгалтерии; актрисы Шура Буданова, Таня Заранок с двумя маленькими детками – дочкой и сыном (ее муж Леонид Волчецкий был в армии); актриса Мария Сергеевна Белинская и ее муж, заведующий литературной части Иосиф Львович Дорский; электрик Бляхман с семьей; актер Иосиф Иванович Тупик с семьей; заведующий музыкальной части, дирижер оркестра Леонид Алексеевич Маркевич с женой – концертмейстером Верой Васильевной Барщевской; администратор Долгицер с семьей и соседкой-бабушкой с двумя девочками-сиротками; Мира Львовна и Лиза Львовна Скобловы; актриса Любовь Владимировна Гепнер с сыном; актер Сергей Алексеевич Козлов с женой Броней Колкиной и двумя сынами-близнецами; главный бухгалтер с мужем и двумя детьми, артисты оркестра с семьями и многие другие работники театра: гримеры, электрики, художники-декораторы. Когда я с мужем, Ф. Шмаковым, собирала вещи в чемоданы и сели за прощальный стол с друзьями Я.Г. Бураковым и Е.П. Родзяловской, нас прервали, ибо принесли повестки из военкомата Шмакову и Буракову. Я начала вновь перебирать вещи, чтобы оставить ненужное, ибо к вокзалу надо было идти пешком, а у меня на руках маленький сын. Шмаков с Бураковым пошли в военкомат, чтобы попросить разрешения проводить семьи. Начальник взял их повестки и спросил: “А что, весь театр эвакуируется?”. Они ответили: “Да”. Тогда он сказал: “Отъезжайте вместе с театром, а на месте назначения сразу станьте на военный учет”. Так и остались Бураков и Шмаков с коллективом.

На вокзал мы должны были прибыть в 4 часа дня. Но неожиданно начался налет, объявили тревогу. После отбоя мы быстро двинулись по ул. Краснобригадной через мост к вокзалу. Около вокзала – вновь тревога, мы попали в подвал почтамта, присели там до отбоя и после направились в клуб железнодорожников “Субботник”, где собрались жители города, которые должны

были эвакуироваться. Театру в эшелоне было отдано две платформы и два вагона из-под угля без крыши. Но в тот день мы так и не поехали: просидели в клубе с четырех часов дня до четырех утра. За ночь было несколько налетов немецкой авиации, объявлялась тревога. И только на рассвете на грузовике нас перевезли на товарную станцию, где находился эшелон, собранный с остатков вагонов. Эшелон был длинный. Мы двигались медленно на рассвете 4 июля. Немцы уже были близко. Счастье, что еще уцелели мосты. Отъехавши 7–8 км, мы увидели, что высадился немецкий десант. Когда объявлялась тревога (пролетали немецкие самолеты), эшелон останавливался, все выходили и прятались в кустах.

Небо затянулось тучами, началась гроза, сильный дождь. В нашем вагоне без всякой крыши все вымокли. Я с маленьким сыном на руках, босая, в пальто, которым прикрывали ребенка, была вся перепачкана угольной пылью. Гроза кончилась. В этом эшелоне был пустой пассажирский вагон. Там ехали только два проводника. Шмаков на остановке подошел к ним, чтобы пустили меня с маленьким сыном в вагон. Проводники согласились, но попросили, чтобы никто не заметил, дескать, остальные женщины с детьми могут кинуться штурмовать этот вагон. Но когда я вошла в тамбур, сразу же выскочил человек в военной форме и, выхватив пистолет, закричал: “Куда? Нельзя!”. Видимо, у меня, еще совсем молодой матери (мне было тогда 21 год), перепачканной и промокшей, было такое в глазах, что он отступил и сказал: “Хорошо, постойте в коридоре”. И вот тут женщины, можно сказать, овладели этим купейным вагоном. Заняли купе: я с сыном, жена нашего актера Фадеева с маленьким ребенком, жена актера Вечерщинского с трехлетним малым и беременная жена актера Бориса Левина (она была на 9-м месяце). Другое купе занял Анатолий Трус с женой Соней и двумя дочерьми – трехлетней Лиина и годовалой Танечкой (ее называли Танька-пуд, она была толстенькая). Они заняли отдельное купе, ибо у ребенка был коклюш. Наши мужчины (Левин, Фадеев, Шмаков) и дальше ехали в вагоне из-под угля, приходили к нам, приносили поесть, попить. Ехать на Смоленск было небезопасно, ибо наш эшелон был большой, собранный из разных вагонов и платформ. Но ночью 4 июля мы все же добрались до Смоленска» [12].

Из Витебска были эвакуированы только два музея – Исторический и картинная галерея им. Пэна[2]. Картинную галерею им. Ю. Пэна вывозили ее директор Л. Эстрина (1900–1964) и научный сотрудник Е. Сумник (1911–1985). Ни одна, ни другая не оставили, к сожалению, подробностей того, как это происходило. Известно, что для картинной галереи им. Пэна был выделен крытый вагон, в который свозили холсты – и в небольших рамах, и вырезан-

[2] Не были вывезены государственный Антирелигиозный музей (отдел Исторического музея, биолого-зоологический, энтомологический и некоторые другие негосударственные музеи. Витебские музеи были единственные в республике, которые успели эвакуировать.

ные из них, скрученные, чтобы не повредить масленый слой. Уже в 1980-е гг. воспоминания о том, как проходила сама эвакуация, оставил сын Е. Сумник З. Вальшонок: «Вагон, в котором ехала наша семья, подцепили к эшелону, груженному станками каких-то предприятий, и состав ночью, под проливным дождем, отправился из Витебска. Едва мы доехали до станции Великие Луки, как эшелон разбомбили. Бомбы попали в переднюю и заднюю часть поезда. Центральная часть, где были мы, уцелела. К исходу следующего дня путь на восток был перерезан. На Великие Луки выходили прорвавшиеся немецкие части, и нам бы оттуда не выбраться, если бы не подошел эшелон из Прибалтики. Его тоже разбомбили, но железнодорожники из двух составов сделали один, и по запасным путям, под артиллерийским огнем, мы уходили из Великих Лук… Дальше наш путь с длительными стоянками продолжался к Саратову. Из Витебска мы выехали в первых числах июля, а когда прибыли в Саратов, уже падали листья, был конец августа или начало сентября 1941 года. К этому времени наплыв беженцев в Саратов был очень большой, и всем сотрудникам галереи предложили с семьями выехать в Аткарск, городок под Саратовом. Мы там находились примерно два месяца. Мама ездила в Саратов, чтобы узнать судьбу галереи. Вернулась удовлетворенная, что все в целости и сохранности» [16].

В Саратове фонды картинной галереи им. Пэна были переданы в Художественный музей им. Радищева. Точное число вывезенных из Витебска работ неизвестно. Возвращено из Саратова было около 200. Это значит, что примерно две третьих фонда галереи (около 400 единиц) было оставлено в Витебске и во время оккупации погибло. Правда, это были не самые лучшие работы художника, а также большое число эскизов и этюдов.

Эвакуированы из Витебска были часть Государственного архива, архивы советских и партийных органов, а также областного отделения Нацбанка и НКВД.

Накануне Великой Отечественной войны на хранении в Государственном архиве находилось 2085 фондов, насчитывающих 1 млн 14 тыс. 356 единиц хранения. В июле 1941 г. было эвакуировано в Йошкар-Олу Марийской АССР только 14,5 тыс. дел. Все годы войны они хранились в местном архиве, а после освобождения Витебска были возвращены владельцу [20]. Больше повезло по понятным причинам архиву обкома КП(б)Б. С началом войны его документы в сопровождении заведующей О. Стояковой были перевезены сначала в Уфу, а затем в Саратов. Они тоже вернулись после окончания войны [10].

* * *

В Витебске эвакуация была завершена 8 июля. Назавтра, 9 июля, в 11 часов утра из города ушел последний поезд с несколькими вагонами, в которых разместились железнодорожники и члены их семей. Они завершали

эвакуацию, проявив при этом чудеса героизма. Сколько ценностей (готовая продукция, сырье, оборудование) и людей вывезли витебские железнодорожники за эти шесть дней, посчитать очень трудно. Известно, что только металлообрабатывающих станков было вывезено более тысячи, а общее число вагонов доходило до двух тысяч. А количество людей наверняка исчисляется десятками тысяч. Большинству из них железнодорожники спасли жизнь.

Пунктами размещения эвакуированных витебских предприятий были самые различные города восточных районов СССР. Так, например, в Новосибирск была отправлена трикотажная фабрика им. К. Цеткин, Ульяновск – фабрика им. КИМ, Саратов – фабрика «Знамя индустриализации», завод им. Коминтерна, Уфу – фабрика «Прогресс» и молочный комбинат, Кунгур – фабрика «Красный Октябрь», Горький – кожевенный завод, Богородск Горьковской области – щеточный комбинат, Кострому и Бийск – фабрика им. Кагановича, Мичуринск – областное управление связи, Елец – завод им. Кирова, Вологду – очковая фабрика, Подольск Московской области – игольная фабрика, Чкаловск – мебельная фабрика, Свердловск – фабрика холодильников, на ст. Кинель-Черкасский Куйбышевской области – валяльно-войлочная фабрика, на ст. Барыш Куйбышевской области – фабрика «Профинтерн», на ст. Петровская Саратовской области – махорочная фабрика, в Татарскую АССР – фанерный завод и инструментальная фабрика, в Воронеж – маслобойный завод. Почти все предприятия были развернуты в направляемых населенных пунктах, хотя были и исключения. Например, 34 вагона фабрики им. К. Цеткин Наркомат переадресовал в Мелекес Куйбышевской области, а 12 вагонов – в Куйбышев. Оборудование очковой фабрики было переадресовано в Суксун тогдашней Молотовской области, где она была быстро восстановлена и стала давать продукцию, а завода им. Кирова – прибыло на место назначения полностью, но тоже было переадресовано. Игольная фабрика была перенаправлена в Тамбов.

Имущество фабрики им. КИМ было передано местному трикотажному предприятию, фабрики «Прогресс» – Уфимской обувной фабрике им. Ворошилова, мебельной фабрики – Чкаловскому такому же предприятию, маслобойного завода – Воронежскому жиркомбинату. Фабрика «Знамя индустриализации» тоже была восстановлена и работала в качестве самостоятельного предприятия. Практически все оборудование стало использоваться в самые кратчайшие сроки. Исключения – махорочная фабрика, которая прибыла к месту назначения (ст. Петровская Саратовской области), но не могла там быть использована. И только после того, как пять вагонов предприятия перевезли в г. Маркс той же области, к зиме оно уже стало выпускать продукцию.

Сохранилось немало документального материала и о деятельности витебских предприятий по новым адресам. Вот только несколько публикаций СМИ военного времени.

«Трикотажники работают на оборону»

Витебская трикотажная фабрика «Знамя индустриализации»[3] – одно из крупнейших трикотажных предприятий Союза – в начале июля прошлого года было эвакуировано вглубь нашей страны. Коллектив фабрики не оставил немецко-фашистским захватчикам ни оборудования, ни готовой продукции, ни сырья. Более 650 квалифицированных рабочих фабрики и основные кадры специалистов выехали на новое место, чтобы продолжить выпуск необходимой стране продукции. Теперь рабочие фабрики с большим производственным подъемом работают на пользу Красной армии, выполняют заказы фронта. Коллектив фабрики с успехом провел подписку на Государственный военный заем.

(Газета «Советская Белоруссия», 21 апреля 1942 г.)

«Помогаем фронту»

Рабочие эвакуированного Витебского игольного завода самоотверженно трудятся, выпуская боевую продукцию для фронта. Комсомолка-электросварщица В. Романовская имеет на личном счету 2308 процентов сверхплановой продукции; стахановка Романова – 1772 процента; бригада коммуниста Кушнеровой взяла обязательства дать 840 процентов сверх плана боевой продукции, а выдала 1084 процента. Все труженики работают так, как подобает настоящим патриотам, стахановцам военного времени. Слесарь-инструментальщик Родшец дает две нормы. Кроме того он обучил этой профессии еще двух товарищей. Конструктор-коммунист В. Климович, ликвидируя узкое место на производстве, своими силами сделал и смонтировал аппарат для точечной электросварки.

Я тоже даю в день не менее двух норм. Работаю за двоих, за троих. Также обучил двух товарищей профессии токаря, сейчас готовлю еще одного. Самоотверженным трудом, личной помощью фронту я мщу врагу за разрушенный милый Витебск, за мою любимую Беларусь, помогаю освобождать ее от фашистского плена.

И. Забелло, стахановец игольного завода

(Газета «Советская Белоруссия», 8 мая 1943 г.)

«Даем продукцию сверх плана»

Вести о героических подвигах нашей доблестной Красной армии и партизан вдохновляют коллектив эвакуированной из Витебска фабрики имени Клары Цеткин на еще большее усиление работы для фронта. Стахановцы фабрики систематически перевыполняют нормы выработки, дают много продукции сверх плана. Мы не пожалеем ни сил, ни времени для того, чтобы

[3] Фабрика «Знамя индустриализации» являлась швейной, а не трикотажной. Журналист, готовивший этот материал, явно ошибся.

дать Красной армии больше оружия и поможем выполнить приказ товарища Сталина – сделать 1942 год – годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских поганцев.

Директор фабрики М. Аверин

(Газета «Советская Белоруссия», 30 мая 1942 г.)

«Продукция сверх плана – фронту»

Витебский игольный завод эвакуирован вглубь страны. Сейчас работает для фронта и с каждым днем увеличивает выпуск продукции. За июнь завод выполнил задание на 200 процентов. Самую высокую продуктивность дают стахановцы фронтовой бригады тов. Кушнеровой. На заводе ширится движение двухсотников[4]. Работницы Барсукова Н., Куранская, Калонда выполняют план на 200 процентов, Егоренко, Степанова, Петроченко, Забенко, Регешина с каждым днем увеличивают выпуск продукции фронту. Коллектив завода помогает Красной армии громить немецких оккупантов.

(Газета «Советская Белоруссия», 24 июля 1942 г.)

«Предоктябрьское соревнование»

Коллектив эвакуированного из Витебска завода № 17, вступив в предоктябрьское соревнование, увеличивает темпы труда, дает фронту продукцию сверх плана.

Смена мастера Богомоловой ежедневно перевыполняет производственную программу. Растут ряды стахановцев, новаторов производства. Хорошо работает работница тов. Томашева, которая систематически выполняет задание на 300–500 процентов. Самоотверженным трудом коллектив завода готовит достойную встречу 25-й годовщины Великого Октября.

Д.М. Давыдова

(Газета «Советская Белоруссия», 14 октября 1942 г.)

«Фабрика “Знамя индустриализации” – фронту»

Витебская фабрика «Знамя индустриализации» была гордостью нашей республики. В светлых, просторных корпусах работали тысячи рабочих. При фабрике был хорошо оборудованный профилакторий, детский сад, клуб. Это была одна из крупнейших швейных фабрик Советского Союза. Когда немецкие бандиты ворвались в Витебск, они не нашли на фабрике ни одной машины. Оборудование и рабочий коллектив были эвакуированы в советский тыл.

С исключительной энергией, не жалея сил и времени, коллектив фабрики с помощью местных организаций за короткое время смонтировал оборудование и начал давать продукцию фронту. Через месяц предприятие работало

[4] Двухсотники – лица, выполняющие план на 200 и более процентов.

уже на полную мощность и с того времени систематически перевыполняет производственные задания. За 1942 год фабрикой «Знамя индустриализации» выпущено продукции для фронта более чем на 50 миллионов рублей. Большая часть продукции изготовлена из сырья, эвакуированного вместе с предприятием.

На фабрике широко развернуто социалистическое соревнование за образцовое выполнение заказов фронта. За выдающиеся показатели продуктивности труда коллектив получил переходящее красное знамя горкома ВКП(б). Около 100 передовиков производства премированы.

(Газета «Советская Белоруссия», 10 марта 1943 г.)

«На эвакуированном предприятии»

Производственными победами встретили 1-е Мая рабочие, служащие, инженеры и техники эвакуированного витебского игольного завода. На заводе широко развернуто социалистическое соревнование за создание значительного вклада в особый фонд Главного Командования Красной армии, коллектив завода с успехом выполнил свои предмайские обязательства – перекрыть четырехмесячную производственную программу, сдать в фонд Главного Командования 3000 комплектов сверх плана боевой продукции.

В честь Первомайского праздника в цехах состоялись митинги, беседы. Помещения цехов украшены лозунгами, портретами руководителей партии и правительства и лучших людей предприятия. Праздник Первого мая прошел на заводе под знаком еще большего усиления труда на производстве, еще лучшей помощи Красной армии в разгроме гитлеровских бандитов.

(Газета «Советская Белоруссия», 5 мая 1943 г.)

«Производственный подъем на станкозаводе имени Кирова»

Успешное наступление Красной армии вызвало чрезвычайно большой трудовой подъем на эвакуированном из Витебска станкостроительном заводе имени Кирова. С особой радостью встретили витебляне радостные сообщения о начале освобождения родной белорусской земли, освобождения ряда районов Могилевской, Гомельской и Витебской областей. Коллектив станкозавода прилагает все усилия, чтобы помочь Красной армии в разгроме ненавистных немецко-фашистских оккупантов, которые топчут нашу землю, помогая освобожденным районам в восстановлении разрушенного хозяйства. Стахановцы кузнечного цеха, гвардейцы трудового фронта тт. Латышевский, Князин, Сетковский, Егоров, Блюмин являлись инициаторами большого патриотического дела. Они изготовили большое количество топоров, кувалд, молотков для освобожденных районов. Их инициативы поддержали во всех цехах завода. Для освобожденных районов выделено пять сверлильных и четыре токарных станков, 50 напильников, столько же резцов и ручных сверл и другой инструмент.

* * *

26 июня 1944 г. воины 39-й армии 1-го Белорусского и 43-й армии 3-го Прибалтийского фронтов при поддержке ряда авиационных подразделений воздушной армии, других воинских частей освободили Витебск. Начался нелегкий период восстановления города.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Государственный** архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 1. Оп. 1-а. Д. 8. Л. 132–133.

2. **ГАВО.** – Ф. 102. Оп. 3. Д. 2. Л. 2–20.

3. **ГАВО.** – Ф. 1627. Оп. 8. Д. 1561. Л. 1.

4. **ГАВО.** – Ф. 1627. Оп. 8. Д. 1561. Л. 2.

5. **ГАВО.** – Ф. 1627. Оп. 8. Д. 1561. Л. 4.

6. **ГАВО.** – Ф. 1627. Оп. 8. Д. 1561. Л. 6.

7. **ГАВО.** – Ф. 1627. Оп. 8. Д. 1562. Л. 6.

8. **ГАВО.** – Ф. 1627. Оп. 8. Д. 1562. Л. 9.

9. **ГАВО.** – Ф. 10876. Оп. 1. Д. 1. Л. 165–166.

10. **Долгова, А.** История партийного архива Витебского областного комитета КПБ / А. Долгова // Витебщина архивная: история, фонды, персоналии (сер. XIX – XX в.). – Минск ; Витебск : БЕЛНИИДАД, 2002. – С. 42.

11. **Забелло, Л. А.** История витебского трамвая / Л. А. Забелло. – Витебск : ВТТУ, 1998. – 127, [1] с.

12. **Канапелька, З.** Эвакуацыя / Зінаіда Канапелька // Мастацтва. – 1998. – № 5. – С. 52–55.

13. **Кичина, Е. М.** Они расстались на перроне Оршанского вокзала : док. повесть / Е. М. Кичина. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2008. – 167 с.

14. **Митрофанова, А. В.** На новые базы. От Припяти – за Волгу / А. В. Митрофанова // Эшелоны идут на восток: из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг. : сб. стат. и воспоминаний / редкол.: Ю. А. Поляков (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Наука, 1966. – С. 54–71.

15. **Памяць** : Віцебск : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі : у 2 кн. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.] ; склад. А. І. Мацяюн ; мастак Э. Э. Жакевіч. – Мінск : БелЭн, 2002. – Кн. 1. – 648 с.

16. **Рывкин, М.** Судьба картинной галереи им. Ю. Пэна на фоне документов эпохи / М. Рывкин // Шагаловский международный ежегодник, 2005. – 2006. – С. 31–32.

17. **Скрытая** правда войны: 1941 год : неизвестные документы / сост.: П. Н. Кнышевский [и др.]. – Москва, 1992. – С. 115–121.

18. **Сяргейчык, Ц.** Нататкі акцёра : шлях жыцця і творчасці / Цімох Сяргейчык. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1973. – 302 с.

19. **Центральный** архив Министерства Обороны Российской Федерации. – Ф. 208, Оп. 2524. Д. 2. Л. 8–12.

20. **Шарендо, В.** Становление архивного дела на Витебщине в 1918–1941 гг. / В. Шарендо // Витебщина архивная: история, фонды, персоналии (сер. XIX – XX в.). – Минск ; Витебск : БЕЛНИИДАД, 2002. – 213 с.

Пушкін І.А. *(г. Магілёў)*

ФАКТАРЫ І ЎМОВЫ ФАРМІРАВАННЯ КАДРАВАГА ПАТЭНЦЫЯЛУ ПРАМЫСЛОВАСЦІ БССР У 1970–1980-я гг. НА ПРЫКЛАДЗЕ ОРШЫ

У выніку працэсаў урбанізацыі ў гарадах Савецкай Беларусі павялічылася колькасць насельніцтва, дынамічна і паспяхова развівалася прамысловасць. Рост прамысловасці і мадэрнізацыя адукацыі ў гарадскіх школах прывялі да павышэння ўзроўню кваліфікацыі кадравага патэнцыялу рэспублікі. Але побач з гаспадарчымі поспехамі выразна прасочваліся негатыўныя тэндэнцыі ў развіцці грамадства. Павярхоўны падыход да вырашэння сацыяльна-эканамічных праблем не дазваляў кіруючым колам Камуністычнай партыі Беларусі і гаспадарнікам знаходзіць аптымальныя рашэнні, каб ліквідаваць прычыны, якія спараджалі недахопы. Асаблівых мер цэнтральных і рэгіянальных улад патрабавала вырашэнне праблем, якія мелі непасрэднае дачыненне да стану і зместу кадравага патэнцыялу.

Разгледзім фактары і ўмовы фарміравання кадравага патэнцыялу прамысловасці ў 1970–1980-я гг. на прыкладзе г. Оршы – аднаго з буйных прамысловых цэнтраў усходняй часткі БССР. Па перапісах насельніцтва ў г. Оршы налічвалася: у 1970 г. – 100 642 чалавекі, у 1979 г. – 112 397 [12, арк. 32], у 1989 г. – 135 184 (Орша і Барань). У адпаведнасці з перапісам 1989 г. у Оршы пражывалі прадстаўнікі 65 нацыянальнасцей [13, арк. 40]. У пачатку 1970-х гг. на прамысловых прадпрыемствах было занята 26 660 чалавек прамысловавытворчага персаналу, з іх 2728 спецыялістаў, у тым ліку 591 чалавек з вышэйшай адукацыяй і 2137 – з сярэдняй спецыяльнай [11, арк. 17].

У пачатку 1970-х гг. у г. Оршы функцыянавала 27 прамысловых прадпрыемстваў з сярэдняспісачнай колькасцю рабочых 22 388 чалавек. Увесь час не хапала спецыялістаў, што значна ўплывала на якасць кадравага патэнцыялу. Стабільнай была праблема цякучасці кадраў, якая істотна парушала рытмічнасць вытворчасці, нараджала «штурмаўшчыну» і звышурочныя работы, замаруджвала рост прадукцыйнасці працы і пагаршала якасць тавараў. Цякучасць рабочай сілы прамыслова-вытворчых рабочых г. Оршы ў 1970 г. складала 15,9% [11, арк. 25], пры гэтым на некаторых прадпрыемствах яна была значна вышэй: хлебакамбінат – 28,3%, завод ЖБВ «Сельбуд» – 18,5%, піўзавод – 43,9%, драбільна-сартавальны завод – 39,8%, завод ЖБВіК – 36,2%, млынкамбінат – 22,7%. Цякучасць рабочых кадраў за 1974 г. складала 15,6% і ўзрасла на 10 прадпрыемствах: інструментальны завод – 29,8%, піваварны завод – 26,7%, камбінат хлебапрадуктаў – 23,6%, камбінат ЗЖБВіК – 20,8% [5, арк. 241, 36–37]. У 1984 г. гэты паказчык складаў 11,7%, але яго рост адзначаўся на заводзе плаўленых сыроў – 19,3%, фабрыцы мастацкіх вырабаў – 11,8%, камбінаце хлебапрадуктаў – 45%, піўзаводзе – 28%, тракта-

рарамонтным заводзе – 14,7%, аршанскай фабрыцы «Дынама» – 13%. Варта падкрэсліць, што на апошняй была самая нізкая заработная плата з прадпрыемстваў горада. Пакупнікі за год забракавалі 4700 адзінак трыкатажных вырабаў фабрыкі, паступіла 25 рэкламацый на нізкую якасць прадукцыі [8, арк. 170–171, 172, 178].

Асноўнай прычынай звальнення з прадпрыемстваў з'яўлялася недастатковасць жыллёвага фонду. Нягледзячы на тое, што за 1971–1975 гг. у г. Оршы быў пабудаваны і здадзены ў эксплуатацыю 61 шматпавярховы жылы дом на 4675 кватэр і за кошт індывідуальнага будаўніцтва ўзведзена 497 жылых дамоў [7, арк. 21], план падрадных работ будаўнічымі арганізацыямі стабільна не выконваўся. Па г. Оршы ў 1971 г. ён быў выкананы на 98%, у 1972 г. – 88%, у 1973 і 1974 гг. – 96% [5, арк. 39], у 1980 г. – 97% [12, арк. 29]. Асноўнай прычынай зрыву планаў з'яўляліся нізкі ўзровень арганізацыі працы, незабяспечанасць кадрамі і будаўнічымі матэрыяламі [5, арк. 10]. Часам будаўнікі дэманстравалі высокую арганізаванасць пры будаўніцтве ўласных дамоў, якія яны ўводзілі ў эксплуатацыю за 5–6 месяцаў замест 8 прадугледжаных. Што тычыцца іншых аб'ектаў, то яны здаваліся не ў тэрмін і са шматлікімі недаробкамі. 50% жылля адзначалася нізкай якасцю малярных і сталярных работ. Так, у 1974 г. з'явілася 14 новабудоўляў, але яны працяглы час не засяляліся з-за недахопаў: сантэхніка манціравалася пасля ўезду жыхароў, газ падключаўся праз 1,5–2 месяцы. Улетку 1974 г. быў здадзены ў эксплуатацыю і заселены 100-кватэрны дом у Задняпроўі, а ў студзені наступнага года ў ім ужо патрабаваўся капітальны рамонт, бо патрэскаліся перагародкі [5, арк. 40]. У 1976 г. увялі ў эксплуатацыю тры дамы, аднак у двух з іх не працавалі ліфты, не падключылі газ, жыхары не маглі карыстацца вадой [7, арк. 4]. Два жылыя дамы ў пачатку 1986 г. здалі з адзнакай «добра», але навасёлы вымушаны былі пачаць рамонт кватэр адразу пасля засялення. Чэргі жадаючых атрымаць добраўпарадкаванае жыллё не памяншаліся на працягу ўсяго перыяду 1970–1980-х гг., некаторыя грамадзяне значыліся ў спісах на паляпшэнне жыллёвых умоў па 15–20 гадоў [9, арк. 7].

За ўвесь час пабудовы сацыялізму і камунізму партыйна-савецкае кіраўніцтва СССР і БССР не здолела вырашыць праблему рытмічнага забеспячэння насельніцтва харчовымі і спажывецкімі таварамі. Безумоўна, праводзілася пэўная работа па паляпшэнні гандлёвага абслугоўвання насельніцтва. Так, напрыклад, у 1971–1975 гг. у Оршы былі адкрыты 12 магазінаў, у тым ліку крамы «1000 дробязяў», «Спадарожнік», «Раніца» [5, арк. 153] і інш.

Пралікі ў арганізацыі забеспячэння насельніцтва таварамі спарадзілі дэфіцыт і такое паняцце, як «блат». Пра гэта выразна сведчаць недахопы ў працы крам Оршы і Барані. Са слоў дэпутатаў на сесіі Аршанскага гарадскога савета (1975), пакупнік у крамах не мог свабодна набыць муку вышэйшага гатунку, рыс, перац і шэраг іншых тавараў. Не хапала нават абгортачнай паперы. На вельмі нізкім узроўні знаходзілася культура абслугоўвання

пакупнікоў. Вельмі шмат скарг і нараканняў даводзілася выслухоўваць работнікам гандлю на недахопы ў забеспячэнні малочнай прадукцыяй, асабліва кефірам і бутэлькавым малаком. Практычна немагчыма было купіць напалову вэнджаныя і цвёрда вэнджаныя каўбасныя вырабы. У гандлёвую сетку, як правіла, паступалі каўбасы вараныя толькі 2–3 найменняў, якія імгненна знікалі з прылаўкаў. Часам жыхары Барані не маглі пачаставацца сухарамі, сушкамі, абаранкамі, наогул асартымент булачных вырабаў быў вельмі сціплы. Праблему дэфіцыту хавалі за зацверджаны мінімум асартыменту. Пры гэтым у крамы несвоечасова завозіліся тавары, якія меліся ў дастатку на базах [5, арк. 13, 14]. Так, не хапала ў продажы гародніны, якая ў час не дастаўлялася ў крамы і псавалася на складах. За 1984 г. спісалі і перадалі на корм жывёле 564,3 т бульбы, садавіны і гародніны [8, арк. 179]. На сесіі Аршанскага гарадскога савета дэпутатаў (1986) таксама ўзнімаліся праблемы асартыменту і якасці тавараў. У крамах адзначаліся парушэнні працоўнай дысцыпліны, правіл гандлю, пастаянна выяўляліся крадзяжы і нястачы, аблік пакупнікоў, грубасць з боку прадаўшчыкоў, продаж спіртных напояў ажыццяўляўся па завышаных цэнах, не на належным узроўні знаходзіўся санітарны стан аб'ектаў гандлю [9, арк. 8].

З пачатку 1970-х гг. у індустрыяльным комплексе Беларусі пачалі абвастрацца праблемы працоўнай дысцыпліны і злачыннасці. Так, у 1970 г. на прадпрыемствах г. Оршы прагулы здзейснілі 1619 чалавек, што ў 2,4 раза больш, чым у 1969 г. [11, арк. 20, 21]. На заводзе ЖБВіК у 1970 г. за сістэматычнае нез'яўленне на рабочым месцы былі звольнены 30 чалавек, ці 16,5% ад агульнай колькасці тых, хто пакінуў прадпрыемства; на драбільна-сартавальным заводзе гэты працэнт складаў 14,5%, на млынкамбінаце – 15,7%. У 1974 г. прагулы, няяўкі з дазволу адміністрацыі і ўнутрызменныя прастоі па прамысловых прадпрыемствах Оршы склалі звыш 24,7 тыс. чалавека-дзён. Гэта суадносна з тым, што на працягу года больш за 100 чалавек не працавалі. На мясакансервавым камбінаце, трыкатажнай і швейнай фабрыках 1388 рабочых здзейснілі 3577 дзён прагулаў [5, арк. 240]. На заводзе «Легмаш» прагулы дапусцілі 410 рабочых, у леспрамгасе – 134, на трактарарамонтным заводзе – 102, ЖБВіК – 106, заводзе «Чырвоны барацьбіт» – 93, мясакансервавым камбінаце – 59. Адначасова больш за 138 тыс. чалавека-гадзін на прадпрыемствах горада было адпрацавана звышурочна [5, арк. 37]. За 1976–1980 гг. у прамысловасці БССР страты працоўнага часу склалі амаль 5 млн, будаўніцтве – 1,7 млн чалавека-дзён [2, с. 392].

Крадзяжы і злоўжыванні ўладай закранулі практычна ўсе сферы дзейнасці ў Беларускай ССР. У 1970–1980-я гг. былі выяўлены факты арганізаванай і карумпаванай злачыннасці [1; 14; 15]. 4 студзеня 1973 г. Вярхоўны суд БССР разгледзеў справу па групе злачынцаў на чале з былым старшынёй Аршанскай райспажыўкааперацыі М. Барадой, якая займалася прысвойваннем грамадскай уласнасці ў асабліва буйных памерах. У выніку здзейсненых

злачынстваў абвінавачаныя нанеслі матэрыяльную шкоду ў памеры амаль 825 тыс. руб. Усяго ў крымінальнай справе названа больш за 20 уплывовых чыноўнікаў з Віцебскага аблвыканкама і Аршанскага райвыканкама, супрацоўнікаў міліцыі і пракуратуры, работнікаў АБКСМ (ОБХСС) і ДАІ [14, с. 32–34].

У Оршы і Барані было зарэгістравана злачынстваў (% раскрытых): у 1970 г. – 292 (93,2%), 1972 г. – 279 (95,7%). З іх здзейснена непаўналетнімі: у 1970 г. – 36, 1972 г. – 40. Назіраўся рост рабункаў: у 1970 г. – 17, 1972 г. – 20; крадзяжоў дзяржаўнай маёмасці: у 1970 г. – 32, 1972 г. – 45; крадзяжоў асабістай уласнасці: у 1970 г. – 68, 1972 г. – 86 [10, арк. 28–29]. У 1974 г. у г. Оршы колькасць крадзяжоў павялічылася на 55,3% [3, арк. 43–44]. Рост крадзяжоў адзначаўся на мясакансервавым і малочным камбінатах, а таксама быў характэрны і для прадпрыемстваў гандлю [5, арк. 255]. За 1975 г. і 9 месяцаў 1976 г. у Оршы было здзейснена па лініі крымінальнага вышуку 232 і 256 злачынстваў адпаведна (самыя высокія паказчыкі пасля Віцебска). 767 чалавек былі прыцягнуты да адказнасці за дробныя хуліганствы. Множыліся замахі на забойства, наўмысныя цяжкія пашкоджанні, гвалтаванні, крадзяжы, махлярствы. Назіраўся высокі ўзровень рэцыдыўнай злачыннасці. 55,1% злачынстваў здзейснены асобамі ў стане алкагольнага ап'янення, 12,3% – асобамі, якія не дасягнулі 18-годдзя. Былі ўзбуджаны 294 справы супраць раскрадальнікаў дзяржаўнай і грамадскай маёмасці [4, арк. 54–57]. На працягу 1985 г. колькасць «дробных» крадзяжоў узрасла на піўзаводзе на 45%, трактарарамонтным заводзе – на 90%, заводзе «Металіст» – у 2,5 раза, на мясакансервавым камбінаце за год зафіксавана 114 выпадкаў [9, арк. 54].

Раслі паказчыкі злачыннасці і сярод непаўналетніх Оршы і Барані: у 1973 г. імі здзейснена 35 злачынстваў, у 1974 г. – 56, у 1975 г. – 59. З ліку апошніх 66,6% адносіліся да навучэнцаў школ, ПТВ і іншых навучальных устаноў. Удзельная вага злачыннасці непаўналетніх у 1974 г. складала 11,2% да ўсёй злачыннасці ў г. Оршы, а ў 1975 г. яна ўжо ўзрасла да 12,6% [7, арк. 124–125]. Шматлікім быў шэраг юнакоў, дастаўленых у дзіцячыя пакоі міліцыі і аддзелы ўнутраных спраў за дробнае хуліганства і п'янства. Сярод іх былі навучэнцы школ і ПТВ, падлеткі-працаўнікі з такіх прадпрыемстваў, як «Легмаш», ільнокамбінат, «Чырвоны барацьбіт», «Чырвоны Кастрычнік», трактарарамонтны і інструметальны заводы і інш. [7, арк. 128–129]. Значная колькасць злачынстваў і правапарушэнняў належала камсамольцам. За студзень – сакавік 1976 г. да адміністрацыйнай адказнасці было прыцягнута 117 членаў УЛКСМ, 18 дастаўлены ў медвыцвярэзнік, супраць 16 узбуджаны крымінальныя справы [7, арк. 135]. 50% усіх злачынстваў падлеткі здзейснілі ў нецвярозым стане. У выніку былі зацверджаны «Правілы паводзін дзяцей і падлекаў у гарадах» [7, арк. 142]. Але сітуацыя не палепшылася і ў 1980-я гг. Аршанскія падлеткі ў 1984 г. учынілі на 22% больш крымінальных злачынстваў, чым у 1983 г. [6, арк. 20].

На пасяджэннях выканаўчыя структуры КПБ сістэматычна разглядалі эканамічныя і сацыяльныя праблемы. Прымаліся пастановы і прапановы па выпраўленні недахопаў, асабліва ў кадравай сферы. Для паляпшэння матэрыяльнага дабрабыту насельніцтва і вырашэння сацыяльных праблем прыкладаліся намаганні па павелічэнні колькасці і якасці выпускаемай прадукцыі, выкараненні праблемы дэфіцыту спажывецкіх тавараў. Акрамя арганізацыйна-адміністрацыйных мер прымаліся і іншыя захады па ўздзеянні на кадравы патэнцыял прадпрыемстваў, арганізацый і ўстаноў. Каб паменшыць узровень злачыннасці на прамысловых прадпрыемствах і ва ўстановах, спрабавалі далучаць грамадскасць і працоўных да дзейнасці розных структур кантролю. Вялікая ўвага надавалася правядзенню мерапрыемстваў па прадухіленні правапарушэнняў праз сродкі масавай інфармацыі. Так, напрыклад, толькі за 1972 г. у аршанскай газеце «Ленінскі прызыў» было апублікавана 17 матэрыялаў па пытаннях аховы дзяржаўнай уласнасці, аб барацьбе з п'янствам і г. д. Тэме аховы грамадскага парадку ў межах мясцовага радыёвяшчання было прысвечана 11 выступленняў [10, арк. 24].

Партыйна-савецкае кіраўніцтва звязвала негатыўныя тэндэнцыі ў прамысловасці і грамадстве не з вытворчымі і сацыяльна-эканамічнымі ўмовамі працы, а з недастатковым выкарыстаннем усяго арсенала выхаваўчых сродкаў для фарміравання ў шырокіх мас «здаровых» матэрыяльных патрэб. Перад працоўнымі калектывамі, партыйнымі і грамадскімі арганізацыямі ставілася задача забяспечыць паляпшэнне работы па маральным выхаванні грамадзян, шырэй выкарыстоўваць патэнцыял культурна-асветных устаноў.

Аналіз пратаколаў пасяджэнняў партыйна-савецкага кіраўніцтва дазваляе зрабіць выснову, што ў 1970–1980-я гг. на фарміраванне кадравай палітыкі прамысловасці БССР значны ўплыў аказвалі негатыўныя ўмовы і фактары: нізкая працоўная дысцыпліна, цякучасць кадраў, незабяспечанасць насельніцтва харчовымі і спажывецкімі таварамі, ашуканства і прыпіскі, адсутнасць належных умоў пражывання і працы, дрэннае вырашэнне пытанняў сацыяльна-бытавога характару, крадзяжы дзяржаўных сродкаў, п'янства, высокі ўзровень злачыннасці і злоўжыванне ўладай. Агульнасаюзнае, рэспубліканскае і рэгіянальнае партыйна-савецкае кіраўніцтва спрабавала шляхам прапаганды і прыняцця адміністрацыйных мер вырашыць эканамічныя і сацыяльныя праблемы ў грамадстве. Але гэта забяспечвала кароткачасовы эфект. Інструменты эканамічнага стымулявання не давалі належных вынікаў з-за абмежаванняў і сістэмы размеркавання, якія існавалі, а таксама дэфіцыту сацыяльных даброт і прадметаў шырокага спажывання. Дзейныя эканамічныя механізмы вырашэння праблем не былі знойдзены, ды і цяжка было іх шукаць ва ўмовах адміністрацыйна-каманднай сістэмы кіравання і размеркавання, што істотна ўплывала на фарміраванне кадравага патэнцыялу краіны.

ЛІТАРАТУРА

1. **Барвінок, К. І.** Кадравая палітыка ў сістэме МУС Беларусі ў 60–80-х гадах XX ст. / К. І. Барвінок, І. А. Саракавік // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2005. – № 4. – С. 69–75.

2. **Гісторыя** Беларусі : у 6 т. / [рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) і інш.]. – Мінск : Соврем. шк. : Экоперспектива, 2007–2011. – Т. 6 : Беларусь у 1946–2009 гг. / Н. Васілеўская [і інш.] ; рэд. тома У. Навіцкі. – 2011. – 728 с.

3. **Дзяржаўны** архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Ф. 1966. Воп. 14. Спр. 169.

4. **ДАВВ.** – Ф. 1966. Воп. 14. Спр. 176.

5. **Занальны** дзяржаўны архіў у г. Оршы (ЗДАОрш). – Ф. 27. Воп. 4. Спр. 406.

6. **ЗДАОрш.** – Ф. 27. Воп. 4. Спр. 454.

7. **ЗДАОрш.** – Ф. 27. Воп. 4. Спр. 457.

8. **ЗДАОрш.** – Ф. 27. Воп. 4. Спр. 985.

9. **ЗДАОрш.** – Ф. 27. Воп. 4. Спр. 1043.

10. **ЗДАОрш.** – Ф. 27. Воп. 6а. Спр. 88.

11. **ЗДАОрш.** – Ф. 86. Воп. 3. Спр. 23.

12. **ЗДАОрш.** – Ф. 86. Воп. 5. Спр. 348.

13. **ЗДАОрш.** – Ф. 86. Воп. 7. Спр. 120.

14. **Пушкін, І. А.** Злоўжыванні ўладаю і пралікі ў кадравай палітыцы БССР у 1970–1980-я гг. (на прыкладзе Гомельскай, Віцебскай і Магілёўскай абласцей) / І. А. Пушкін // Карупцыйныя рызыкі кадравага патэнцыялу Беларусі : зб. навук. арт. / уклад. Ю. М. Бубнаў, І. А. Пушкін ; рэдкал.: Ю. М. Бубнаў (адк. рэд.) [і інш.]. – Магілёў, 2019. – С. 32–42.

15. **Пушкін, І. А.** Кадравая палітыка партыйна-дзяржаўнага кіраўніцтва БССР у 1970-я гг. (на прыкладзе Віцебскай і Магілёўскай абласцей) / І. А. Пушкін // Весн. Магілёўс. дзярж. ун-та імя А. А. Куляшова. Сер. А, Гуманітар. навукі. – 2018. – № 2. – С. 25–30.

Пятрэнка Н.А. *(г. Віцебск)*

ДЭМАГРАФІЧНЫЯ ПАКАЗЧЫКІ РАЗВІЦЦЯ ВІЦЕБСКА Ў 1945–1990 гг.

Сацыяльна-дэмаграфічная характарыстыка насельніцтва гарадоў пасляваеннага перыяду Савецкай Беларусі з'яўляецца адной з актуальных тэм сучаснай гістарычнай навукі. Мэта артыкула – прааналізаваць асаблівасці дэмаграфічнага развіцця г. Віцебска ў агульнай дынаміцы ўзнаўлення насельніцтва ў 1945–1990 гг. Пры напісанні артыкула аўтарам уведзены ў навуковы зварот комплекс дакументаў Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці па акрэсленай тэме. Даследаванне грунтуецца на прынцыпах аб'ектыўнасці і гістарызму, у аснову пакладзены гісторыка-параўнальны і гісторыка-сістэмны метады.

У даваенны перыяд Савецкай Беларусі ў г. Віцебску асноўным дэмаўтваральным фактарам з'яўлялася прамысловае развіццё. Згодна з данымі перапісу насельніцтва 1939 г., колькасць жыхароў г. Віцебска складала 168 тыс., а непасрэдна перад вайной дасягнула 180 тыс. чалавек [3, арк. 8]. У некаторых дакументах сустракаецца інфармацыя пра 207 тыс. жыхароў [4, арк. 194]. Аднак трэба патлумачыць, што непасрэдна ў горадзе сапраўды пражывала 180 тыс. чалавек, а на прыгарадскіх тэрыторыях яшчэ 27 тыс. Гэта была даволі вялікая колькасць насельніцтва для таго часу, што рабіла даваенны г. Віцебск адным з буйнанаселеных гарадоў Савецкай Беларусі.

Падзеі Вялікай Айчыннай вайны закранулі ўсе сферы жыцця і нанеслі каласальныя страты сярод насельніцтва. На 26 чэрвеня 1944 г., згодна з данымі дакладной запіскі загадчыка Віцебскай абласной камісіі В. Кудраева, у горадзе засталося толькі 118 чалавек, што складала меней за 1% ад даваеннай колькасці насельніцтва. За перыяд акупацыі большая частка жыхароў была знішчана захопнікамі, а астатняя – уцягнута ў міграцыйныя працэсы ваеннага часу. Вяртанне ацалелых жыхароў горада адбывалася марудна, згодна са статыстычнымі данымі, праз паўгода (1 студзеня 1945 г.) колькасць жыхароў павялічылася толькі да 33 710 чалавек. Натуральны прырост за 1945 г. складаў 584 чалавекі (нарадзіліся – 1273, памерлі – 689) [1, арк. 18]. Механічны прырост складаў 25 393 чалавекі (прыбылі – 25 689, выбылі – 296). За 1945 г. зарэгістравалі 661 шлюб і толькі 1 развод [2, арк. 4]. Такім чынам, за 1945 г. колькасць насельніцтва, па аб'яднаных паказчыках натуральнага і механічнага прыросту, павялічылася на 25 977 чалавек. У сувязі з завяршэннем ваенных дзеянняў насельніцтва горада стала павялічвацца і дасягнула наступнай колькасці на 1 студзеня: у 1946 г. – 57 222, у 1947 г. – 76 934, у 1948 г. – 82 576, у 1949 г. – 75 654 чалавекі [3, арк. 8]. Нельга не звярнуць увагу на тое, што нягледзячы на паступовае вяртанне насельніцтва ў г. Віцебск нават за пасляваеннае пяцігоддзе колькасць жыхароў горада дасягнула толькі трэцяй часткі ад даваенных паказчыкаў.

За 1945–1950 гг. агульны прырост жыхароў г. Віцебска складаў 47 240 чалавек. На 1 студзеня 1950 г. у горадзе налічвалася 80 950 чалавек. Натуральны прырост за 1950 г. склаў 1613 чалавек (нарадзіліся – 2316, памерлі – 703), механічны прырост складаў 5702 чалавекі (прыбылі – 13 805, выбылі – 8409). Такім чынам, за 1950 г. колькасць насельніцтва, згодна з данымі натуральнага і механічнага прыросту, павялічылася на 7315 чалавек, было зарэгістравана 1550 шлюбаў і 46 разводаў [5, арк. 1–27].

Перыяд другой паловы 1940-х гг. для жыхароў г. Віцебска, як і ўсёй краіны, быў вельмі складаны. Дадзены час адзначаны пераадоленнем наступстваў вайны, спробай перайсці на мірны лад жыцця. Нягледзячы на паступовае павелічэнне насельніцтва адносна 1944 г., не атрымалася так хутка дасягнуць даваенных паказчыкаў. Асноўнымі праблемамі, з якімі сутыкнуліся жыхары горада, былі адсутнасць нармальных жыллёвых умоў, голад, захвор-

ванні і несвоечасовае медыцынскае абслугоўванне, а таксама рэпрэсіўная сістэма савецкага кіраўніцтва. У сувязі з гэтымі фактарамі ў горадзе назіраліся нізкая нараджальнасць і высокая смяротнасць, натуральны прырост быў утрая меншым за механічны. Станоўчым момантам з'яўлялася невялікая колькасць разводаў.

На 1 студзеня 1955 г. у горадзе налічвалася 114 716 жыхароў, за 5 гадоў (1950–1955) агульны прырост складаў 33 766 чалавек. Натуральны прырост за 1955 г. складаў 2389 чалавек (нарадзіліся – 3138, памерлі – 749), механічны прырост складаў 3324 чалавекі (прыбылі – 13 829, выбылі – 10 505). Такім чынам, за 1955 г. колькасць насельніцтва, згодна з данымі натуральнага і механічнага прыросту, павялічылася на 5713 чалавек, зарэгістравалі 2200 шлюбаў і 130 разводаў [6, арк. 1–19].

За наступную пяцігодку (1955–1960) агульны прырост складаў 38 485 жыхароў, на 1 студзеня 1960 г. у горадзе налічваўся 153 201 чалавек. Натуральны прырост за 1960 г. складаў 2779 чалавек (нарадзілася – 3635, памерла – 856), механічны прырост складаў 5653 чалавекі (прыбылі – 12 313, выбылі – 6660). За 1960 г. колькасць насельніцтва, згодна з данымі натуральнага і механічнага прыросту, павялічылася на 8432 чалавекі. За 1960 г. зарэгістравалі 2628 шлюбаў і 386 разводаў [7, арк. 1–10].

Такім чынам, для перыяду 1950-х гг. характэрна няўстойлівая дынаміка, звязаная з паступовым прыростам. Трэба адзначыць, што ў сувязі са складанасцямі першы пасляваенны перапіс насельніцтва адбыўся толькі ў 1959 г., згодна з якім у г. Віцебску пражывалі 148 300 чалавек. Нягледзячы на эканамічныя складанасці з сярэдзіны 1950-х гг. сталі назірацца пазітыўныя змены ў сацыяльна-палітычным жыцці, што станоўча паўплывала і на дэмаграфічную сітуацыю.

За 1960–1965 гг. агульны прырост складаў 34 199 чалавек і на 1 студзеня 1965 г. у горадзе налічвалася 187 400 жыхароў. Натуральны прырост за 1965 г. складаў 2182 чалавекі (нарадзіліся – 3172, памерлі – 990), механічны прырост складаў 4438 чалавек (прыбылі – 11 296, выбылі – 6858). Такім чынам, за 1965 г. колькасць насельніцтва, згодна з данымі натуральнага і механічнага прыросту, павялічылася на 6620 чалавек, зарэгістравалі 1789 шлюбаў і 552 разводы [8, арк. 1–30].

За 1965–1970 гг. агульны прырост складаў 42 904 чалавекі, у пачатку 1970 г. у горадзе налічвалася 230 304 жыхары. Натуральны прырост за 1970 г. складаў 2657 чалавек (нарадзілася – 4012, памерла – 1355), механічны прырост складаў 6023 чалавекі (прыбылі – 18 377, выбылі – 12 357). Такім чынам, за 1970 г. колькасць насельніцтва, згодна з данымі натуральнага і механічнага прыросту, павялічылася на 8680 чалавек, зарэгістравалі 1995 шлюбаў і 652 разводы [9, арк. 1–71].

Наступны перапіс насельніцтва быў праведены ў 1970 г., згодна з якім у г. Віцебску пражываў 230 801 чалавек [10, арк. 60]. Трэба адзначыць, што

за 1960-я гг. у горадзе быў дасягнуты і нават павялічаны даваенны ўзровень колькасці жыхароў. З сярэдзіны 1960-х гг. пачалося хуткае павелічэнне колькасці гарадскога насельніцтва, звязанае з узмацненнем урбанізацыйных працэсаў і масавым прытокам у горад вясковых жыхароў з усёй вобласці.

За пяцігоддзе (1970–1975) агульны прырост складаў 45 896 чалавек і на пачатак 1975 г. у горадзе налічвалася 276 тыс. жыхароў. Натуральны прырост за 1975 г. складаў 2843 чалавекі (нарадзіліся – 4626, памерлі – 1783), механічны прырост складаў 3972 чалавекі (прыбылі – 17 303, выбылі – 13 331). Такім чынам, за 1975 г. колькасць насельніцтва, згодна з данымі натуральнага і механічнага прыросту, павялічылася на 6815 чалавек, зарэгістравалі 2909 шлюбаў і 1209 разводаў [11, арк. 1–115].

За 1975–1980 гг. агульны прырост складаў 31 137 чалавек і на 1 студзеня 1980 г. у горадзе налічвалася 307 337 жыхароў. Натуральны прырост за 1980 г. складаў 3430 чалавек (нарадзіліся – 5605, памерлі – 2175), механічны прырост складаў 4041 чалавек (прыбылі – 14 858, выбылі – 10 817). Такім чынам, за 1980 г. колькасць насельніцтва, згодна з данымі натуральнага і механічнага прыросту, павялічылася на 7471 чалавек, зарэгістравалі 3261 шлюб і 1480 разводаў [13, арк. 1–126]. Згодна з перапісам 1979 г., у горадзе налічвалася 300 786 жыхароў [12, арк. 35].

Такім чынам, за 1970-я гг. у г. Віцебску назіраецца стабілізацыя сацыяльна-эканамічнага жыцця, што прывяло да адноснага выраўноўвання паказчыкаў натуральнага і механічнага прыростаў. Аднак вядучую ролю ў узнаўленні насельніцтва, як і раней, адыгрывалі міграцыйныя працэсы, працягвалася актыўнае перасяленне вясковага насельніцтва ў горад. Адным з адмоўных момантаў стала значнае павелічэнне колькасці разводаў, што пэўным чынам уздзейнічала на паказчыкі нараджальнасці.

За пяцігоддзе (1980–1985) агульны прырост складаў 28 285 чалавек, на пачатак 1985 г. у горадзе налічвалася 335 662 жыхары. Натуральны прырост за год складаў 2682 чалавекі (нарадзіліся – 5320, памерлі – 2638), механічны прырост складаў 2837 чалавек (прыбылі – 13 219, выбылі – 10 382). Такім чынам, за 1985 г. колькасць насельніцтва, згодна з данымі натуральнага і механічнага прыросту, павялічылася на 5519 чалавек, зарэгістравалі 3536 шлюбаў і 1744 разводы [14, арк. 1–116].

За 1985–1990 гг. натуральны і механічны прырост складаў 28 378 чалавек. Згодна з перапісам 1989 г., колькасць насельніцтва г. Віцебска вырасла да 350 004 жыхароў [15, арк. 27]. Натуральны прырост за 1990 г. складаў 1781 чалавек (нарадзіліся – 4957, памерлі – 3176), механічны прырост складаў 3528 чалавек (прыбылі – 15 033, выбылі – 11 505), зарэгістравалі 3588 шлюбаў і 1637 разводаў. Такім чынам, за 1990 г. колькасць насельніцтва, згодна з данымі натуральнага і механічнага прыросту, павялічылася на 5309 чалавек. На 1 студзеня 1991 г. у горадзе налічвалася 369 309 жыхароў [16, арк. 1–123].

За перыяд 1945–1990 гг. у дэмаграфічнай карціне г. Віцебска адбыліся значныя змены ў паказчыках натуральных і міграцыйных працэсаў. І калі за першае пасляваеннае дзесяцігоддзе назіралася адмоўная тэндэнцыя развіцця дэмаграфічнай сітуацыі, то з паступовай стабілізацыяй сацыяльна-палітычнай і эканамічнай сітуацыі з сярэдзіны 1950-х гг. стала характарызавацца агульным паляпшэннем паказчыкаў. На працягу 1960 г. – першай паловы 1980-х гг. назіралася станоўчая дынаміка ў аднаўленні гарадскога насельніцтва, выкліканая працэсамі ўрбанізацыі і пэўнымі дзяржаўнымі мерапрыемствамі па стварэнні ўмоў для адносна камфортнага жыцця. Аднак ужо да канца 1980-х гг. нараджальнасць набыла ўстойлівую тэндэнцыю спаду. Адмоўным момантам стала павелічэнне колькасці разводаў, што дрэнна ўплывала на дэмаграфічную карціну. Такім чынам, за разглядаемы перыяд агульная колькасць жыхароў г. Віцебска вырасла з 34 тыс. у 1945 г. да 350 тыс. у 1990 г.

Табліца. Дэмаграфічнае развіццё г. Віцебска [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16]

Год	Усяго жыхароў	Агульны прырост за 5 год	Натуральны прырост за год	Нарадзілася	Памерла	Механічны прырост за год	Прыбылі	Выбылі	Агульны прырост за год	Колькасць шлюбаў	Колькасць разводаў
1945	33 710	-170 тыс	**584**	1 273	689	**25 393**	25 689	296	**25 977**	661	1
1950	80 950	47 240	**1 613**	2 316	703	**5 702**	13 805	8 409	**7 315**	1 550	46
1955	114 716	33 766	**2 389**	3 138	749	**3 324**	13 829	10 505	**5 713**	2 200	130
1960	153 201	38 485	**2 779**	3 635	856	**5 653**	12 313	6 660	**8 432**	2 628	386
1965	187 400	34 199	**2 182**	3 172	990	**4 438**	11 296	6 858	**6 620**	1 789	552
1970	230 304	42 904	**2 657**	4 012	1 355	**6 023**	18 377	12 354	**8 680**	1 995	652
1975	276 200	45 896	**2 843**	4 626	1 783	**3 972**	17 303	13 331	**6 815**	2 909	1 209
1980	307 337	31 137	**3 430**	5 605	2 175	**4 041**	14 858	10 817	**7 471**	3 261	1 480
1985	335 662	28 285	**2 682**	5 320	2 638	**2 837**	13 219	10 382	**5 519**	3 536	1 744
1990	356 400	28 378	**1 781**	4 957	3 176	**3 528**	15 033	11 505	**5 309**	3 588	1 637

ЛІТАРАТУРА

1. **Дзяржаўны** архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Ф. 1974. Воп. 2. Спр. 1580.
2. **ДАВВ.** – Ф. 1974. Воп. 2. Спр. 1620.
3. **ДАВВ.** – Ф. 2207. Воп. 2. Спр. 1.
4. **ДАВВ.** – Ф. 2784. Воп. 1. Спр. 1.
5. **ДАВВ.** – Ф. 2895. Воп. 2. Спр. 5.
6. **ДАВВ.** – Ф. 2895. Воп. 2. Спр. 16.
7. **ДАВВ.** – Ф. 2895. Воп. 2. Спр. 41.
8. **ДАВВ.** – Ф. 2895. Воп. 2. Спр. 93.
9. **ДАВВ.** – Ф. 2895. Воп. 2. Спр. 135.

10. **ДАВВ.** – Ф. 2895. Воп. 2. Спр. 153.
11. **ДАВВ.** – Ф. 2895. Воп. 2. Спр. 256.
12. **ДАВВ.** – Ф. 2895. Воп. 2. Спр. 373.
13. **ДАВВ.** – Ф. 2895. Воп. 2. Спр. 401.
14. **ДАВВ.** – Ф. 2895. Воп. 2. Спр. 537.
15. **ДАВВ.** – Ф. 2895. Воп. 3. Спр. 38.
16. **ДАВВ.** – Ф. 2895. Воп. 3. Спр. 53.

Рудаков П.С. *(г. Полоцк)*

К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ВООРУЖЕНИЕМ БРИГАД ПОЛОЦКО-ЛЕПЕЛЬСКОЙ ПАРТИЗАНСКОЙ ЗОНЫ

Количество вооружения и боеприпасов являлось фактором, лимитирующим боевую деятельность партизан и численность партизанских отрядов. Источниками боевого питания партизан служили:

1) заброска Белорусским штабом партизанского движения (БШПД) боеприпасов и вооружения по воздуху;

2) боевые трофеи, захватываемые у противника;

3) сбор брошенного, утерянного и тому подобного оружия и сдача его местным населением в партизанские отряды;

4) самодельное производство вооружения и боеприпасов.

Обеспечением партизанских бригад из-за линии фронта занимались соответствующие отделы, например, Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) (позже – БШПД). Руководство материальным обеспечением партизан ЦШПД осуществлял по различным каналам, в частности путем выяснения нужд отрядов непосредственно у командиров партизанских соединений. Испытывая потребность в необходимых материальных средствах, партизаны высылали заявки (по радио или со связными) в тот или иной штаб партизанского движения, а в отдельных случаях – в военный совет фронта или армии (табл. 1). Зная состояние обеспеченности партизанских отрядов и бригад, а также имея от них заявки, ЦШПД запрашивал у соответствующих органов Красной армии нужное количество вооружения, боеприпасов, взрывчатых веществ, различное имущество и продовольствие и указывал пункт, куда их следовало направить [2, л. 110].

Далее оформлялся лицевой счет по учету просьбы партизанской бригады (табл. 2), в котором помимо всего прочего приводился текст, кратко характеризующий положение партизанской бригады и ее потребности [3, л. 6].

Таблица 1. Заявка партизанской бригады им. Ленина в БШПД в июле 1943 г.

№ п/п	Наименование	Количество
1	Артиллерийский порох	700 кг
2	Патронов винтовочных	212 590 шт.
3	Патроны для ППШ	33 900 шт.
4	Минометных мин 50 мм	732 шт.
5	Минометных мин 82 мм	420 шт.
6	Взрывателей к 50 мм минам	967 шт.
7	Взрывателей к 82 мм минам	575 шт.
8	Тротил	3 000 кг
9	Упрощенных взрывателей	320 шт.
10	Взрывателей для английских мин	50 шт.
11	Ручных пулеметов Дегтярева	60 шт.
12	Автоматов	150 шт.
13	Винтовок	300 шт.
14	Пистолетов	23 шт.
15	Биноклей	20 шт.
16	Компасов	60 шт.
17	Радиопитания	6 компл.
18	Электролита	6 литров

Таблица 2. Пример лицевого счета по учету просьбы бригады им. Ленина

Дата	№ телеграммы документа	Входной № телеграммы	Краткое содержание
16.09.1943	249	4 159	Веду бой с РОА Каминского, патронов нет. Шлите груз на площадку Тябута
12.10.1943	297	4 839	Боеприпасов нет. Забросьте боеприпасов, вооружения, взрывчатки. О высылке груза радируйте на имя Тябута
22.10.1943	307	5 112	Бои прекратил за неимением боеприпасов, взрывчатки. Груз сбрасывайте на площадку Мельникова. Шлите рацию

На основе заявки и лицевого счета составлялся план снабжения конкретной партизанской бригады (отряда) либо целой партизанской зоны (табл. 3). В нем указывались название бригады (отряда), посадочная площадка, на которую должны быть выброшены грузы, планируемые объемы поставок и ход их выполнения [4, л. 4].

Когда к началу 1944 г. значительная часть временно оккупированной советской территории была освобождена от гитлеровских захватчиков, ЦК ВКП(б) счел целесообразным расформировать ЦШПД, а все руководство партизанскими отрядами и бригадами и удовлетворение их потребностей

Таблица 3. План выброски грузов для бригады Тябута на площадку «высота 161,3» оз. Плина на август 1943 г.

По плану на август	Выполнено в июне – июле
Пулеметов ДП – 1	1
ППШ – 5	4
Винтовок и карабинов отечественных – 15	20
Патронов 7,62 мм – 20 тыс.	44 тыс.
Патронов ТТ – 2 тыс.	20 500 шт.
ПТР – 2, патронов 200	ПТР – 0, патронов – 180
Гранат Ф-1 – 100	–
Тол в комплекте – 200 кг	644
Мин МЗД-4 – 100 шт.	–
Медикаментов – 2 мешка	3 мешка
Литературы и бумаги – 5 кг	25 кг
Соли – 30 кг	10 кг

в материальных средствах возложил на ЦК компартий союзных республик, областные комитеты партии и местные штабы партизанского движения. БШПД постоянно направлял запросы в различные управления 1-го Прибалтийского фронта, чтобы те предоставили необходимую номенклатуру вооружения и боеприпасов для снабжения партизан. К примеру, 8 апреля 1944 г. начальник материально-технического обеспечения представительства БШПД на 1-м Прибалтийском фронте писал начальнику Артиллерийского управления фронта генерал-лейтенанту Войкову:

«Прошу вашего распоряжения об отпуске вооружения и боеприпасов для обеспечения партизанских бригад и отрядов в следующем количестве:

1. Патронов винтовочных 1 млн.
2. Патронов ТТ 1 млн.
3. Патронов ПТР 5 тыс.
4. Пулеметов станковых 5 шт.
5. Пулеметов ручных 75 шт.
6. Ружей ПТР 25 шт.
7. Мин 50 мм 1000 шт.
8. Мин 82 мм 300 шт.
9. Снарядов 45 мм 1000 шт.» [7, л. 54].

Имущество и вооружение, полученное со складов и баз Наркомата обороны, сосредоточивалось на складах, которые находились в распоряжении БШПД. Оттуда оно перевозилось на аэродромы или на временные склады штабов партизанского движения для дальнейшей переброски партизанам [1].

Наиболее эффективным методом доставки различных материальных средств в районы действия партизан являлась авиация. Для посадки самолетов в Полоцко-Лепельской партизанской зоне было построено около двух

десятков полевых аэродромов. Иногда для строительства требовалась квалифицированная помощь, поэтому к партизанам присылали специалистов ВВС. К примеру, командир отряда планеристов лейтенант Г.С. Малиновский докладывал члену Военного Совета Калининского фронта И.И. Рыжикову: «Настоящим доношу о выполнении мной задания штаба ВВС ВДВ КА и командования партизанских бригад “Железняк”, “Дубова” и Мельникова по подысканию, строительству и вводу в строй полевых аэродромов в партизанской зоне Бегомль – Ушачи – Кубличи – Гомель» [8, л. 6].

Самодельное оружие

Так как переброски вооружения и боеприпасов по воздуху не полностью удовлетворяли потребности партизан, то партизанские отряды были вынуждены изыскивать другие источники боепитания как по линии захвата боевых трофеев, так и по линии организации местного производства самодельного вооружения. Партизанские отряды и бригады организовали сеть производственных мастерских по ремонту и изготовлению самодельного вооружения. К примеру, в бригаде им. Ворошилова работал оружейный мастер Антон Августинович Калуцкий, известный тем, что при вступлении в партизанский отряд привез с собой весь кузнечно-слесарный инструмент из немецкой мастерской м. Ветрино. Из наградного документа следует, что он «…к вынутым из бронемашин стволам 45-мм пушек» изготавливал недостающие части, в результате создав на их основе два буксируемых противотанковых орудия. Также изготовил четыре автомата и отремонтировал более 100 винтовок [6].

Интересным представляется факт работы в партизанской бригаде им. ВЛКСМ австрийца по имени Вертачик Иван Айлюсович (так в документе) в должности оружейного мастера. В октябре 1943 г. он был взят партизанами в плен вместе с авторемонтной мастерской. Как указано в наградном документе, он работал в оружейной мастерской отряда «КИМ» без всякого надзора. Более того, при прорыве партизанскими бригадами 4 мая 1944 г. кольца окружения И.А. Вертачик сам добыл себе оружие и убил немецкого солдата. В ночь с 4-го на 5-е мая он спас раненого командира партизанского отряда «Сибиряк». В результате И.А. Вертачик был зачислен в партизанский отряд и награжден медалью «Партизану Отечественной войны» II степени [6].

Необходимо учитывать, что такие объемы самодельного и отремонтированного оружия создавались в условиях использования в большинстве случаев примитивного оборудования и недостатка в инструментах. В качестве двигателей в мастерских использовались водяные и ветряные мельницы. В качестве металла для изделий использовался металлический лом, горелые стволы винтовок и т. п. К примеру, ствол мог быть сделан из ствола негодной к использованию винтовки, затворный кожух – из водопроводной трубы, за-

твор – из вала мельницы или какого-либо другого механизма, боевая пружина – из троса, щечки рукоятки – из рогов крупного рогатого скота [5, л. 178].

В коллекции оружия Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника есть несколько единиц партизанского самодельного вооружения. Вот некоторые примеры:

1. Обрез винтовки системы Мосина обр. 1891–1930 гг. калибра 7,62 мм советского производства.

Рис. 1. Самодельный обрез винтовки системы Мосина обр. 1891–1930 гг.

В отличие от стандартной винтовки имеет чрезвычайно коротко обрезанный ствол и не имеет приклада, фактически представляя из себя аналог пистолета. Также отсутствуют прицельные приспособления, что еще раз подтверждает назначение этого оружия – бой на предельно короткой дистанции. При этом в нем продолжает использоваться мощный винтовочный патрон 7,62х54R, что является скорее недостатком, чем достоинством. Из-за слишком короткого ствола патрон не может реализовать весь свой потенциал, а отсутствие приклада делает ведение огня такими патронами весьма неудобным и неточным. В определенной степени недостатки этого оружия компенсируются возможностью его скрытого ношения, в отличие от оригинальной винтовки. Такая особенность была весьма полезна ввиду специфики партизанской борьбы.

2. Макет пистолета-пулемета оригинальной конструкции партизанского мастера А.А. Деменчонка.

Судя по конструкции макета, оригинальный пистолет-пулемет представлял собой автоматическое ручное огнестрельное оружие, предназначенное для ведения огня очередями. Используемый патрон, вероятно советский пистолетный 7,62х25 ТТ. Автоматика работала по принципу отдачи свободного затвора. Запирание ствола осуществлялось массивным свободным затвором, поджатым возвратно-боевой пружиной.

Рис. 2. Макет партизанского самодельного пистолета-пулемета

Обеспечение партизан вооружением и боеприпасами – процесс чрезвычайно сложный, но крайне необходимый. Штабы партизанского движения прикладывали огромные усилия, чтобы снабдить всем необходимым народных мстителей крупнейшей в Беларуси партизанской зоны – Полоцко-Лепельской. Но покрыть потребности растущего партизанского движения поставками по воздуху было невозможно, поэтому народным умельцам пришлось налаживать производство самодельного оружия, проявляя при этом талант и изобретательность.

ЛИТЕРАТУРА

1. **«Большая** земля» снабжает белорусских партизан [Электронный ресурс] / Электронная библиотека LIBRARY.BY. – 2017. – Режим доступа: https://library.by/portalus/modules/belarus/readme.php?subaction=showfull&id=1485965293&archive=&start_from=&ucat=&. – Дата доступа: 12.09.2019.

2. **Дело** по заброске боеприпасов и вооружения партизанским бригадам и отрядам // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 862. Л. 36–110.

3. **Дело** по учету заброски вооружения и боеприпасов для партизанских бригад и отрядов // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 861. Л. 6.

4. **Дело** по учету заброски вооружения и боеприпасов // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 860. Л. 4.

5. **Инженерно-технический** отдел БШПД. Заключения по изобретениям и предложениям // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 959. Л. 178.

6. **Партизаны** Беларуси [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: https://partizany.by/. – Дата доступа: 05.12.2020.

7. **Переписка** отдела материально-технического обеспечения БШПД // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 894. Л. 54–67.

8. **Учет** посадочных площадок // НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 852. Л. 6.

Русин О.Д. *(г. Минск)*

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА ОБРАЗОВАНИЯ В ЗАПАДНОМ РЕГИОНЕ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ (1944–1950)

Образование является важным социальным институтом, который обеспечивает стабильное и поступательное развитие общества, дает как одному человеку, так и целым социальным группам возможность самореализации и дальнейшего повышения социального статуса.

Территория западного региона Витебской области включает в себя современные Глубокский, Миорский, Браславский, Шарковщинский и Докшицкий районы. Данные регионы до 1939 г. входили в состав Польши и были воссоединены с БССР в сентябре 1939 г. За период с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. на их территориях проводились преобразования на советской основе, которые не были завершены по причине начала Великой Отечественной войны. После освобождения от нацистской оккупации в июле 1944 г. на территориях западного региона Витебской области советская власть возобновила социалистические преобразования, которые были направлены на окончательное включение всех сфер жизни общества в советскую систему отношений [5, с. 456–457].

Важнейшим социальным институтом, который подвергался коренным изменениям, был институт образования. Именно образование давало возможность советской власти с юности воспитывать «советского человека». Как для городского, так и для сельского жителя образование является лифтом социальной мобильности. Особенностью западного региона Витебской области был тот факт, что за период с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. полностью выстроить советскую систему образования не удалось, а значит, с июля 1944 г. перед органами советской власти стояла задача не только восстановить образование, но и охватить образовательной работой неграмотное население.

Необходимость быстрейшего восстановления народного образования поднималась уже 20 августа 1944 г. на конференции учителей Глубокского района. Особенное внимание, как следует из протокола конференции, учителям следовало обратить на объяснение отношений с Польшей. По мнению участников педагогической конференции, важной задачей было не допустить вражды между польским и белорусским народами. 1944/1945 учебный год начинался в сложных условиях. Из документа об образовании учителей Браславского района от 25 августа 1944 г. следует, что большинство учителей не закончило десятилетнюю школу или рабфак, значительная часть закончила только кратковременные учительские курсы [6, с. 2–24]. 4 сентября 1944 г. заведующий Вилейским отделом образования констатировал, что посещаемость в первые дни учебного года была крайне низкой [4, л. 46].

Наибольшая посещаемость наблюдалась в октябре – ноябре, а низкая – в сентябре и во время религиозных праздников [6]. Документальные источники показывают, что в 1944/1945 учебном году учащиеся западного региона Витебской области в дни католических и старообрядческих праздников мало посещали школы. Отношения религиозных структур и советских образовательных учреждений на протяжении всего периода 1944–1950 гг. оставались напряженными. Интересы религии и советской системы образования сталкивались не только в сфере воспитания молодежи, но и в финансовых вопросах. Показателен пример д. Кублищина Миорского района, где здание школы в 1946 г. было передано старообрядческому священнику, который за пользование зданием не платил арендную плату [6, с. 254]. В результате разбирательства в 1949 г. здание все же было передано школе. В д. Николаево Дисненского района деревянное здание костела было передано под нужды школы. Таким образом, расширение школьной сети актуализировало вопрос о помещениях, который в некоторых случаях решался за счет религиозных организаций. Другим примером, отражающим столкновение советской системы образования с традиционными религиозными институтами в западном регионе Витебской области, выступает случай в 1948 г. с учительницей Слободской семилетней школы Л.Н. Палочкиной. Педагог обвинялась в крещении ребенка в костеле. Были установлены факты низкой посещаемости детьми ее класса учебных занятий в дни религиозных праздников. В результате разбирательства было принято решение об отстранении от работы Л.Н. Палочкиной, если она не откажется от «религиозных предрассудков». Исходя из перечисленного выше можно сделать вывод о том, что становление советской системы образования в западных районах современной Витебской области сталкивалось с традиционными религиозными институтами, к которым принадлежали в том числе и учителя, на которых возлагалась задача атеистического воспитания молодежи [6, с. 203].

Опыт первого послевоенного учебного года в школах Браславского района был признан неудовлетворительным, а заведующий Браславского района допустил халатность в работе школ [6, с. 40].

Несмотря на все трудности, органы советской власти поддерживали учащихся в получении образования. В частности, 22 декабря 1944 г. народный комиссар образования БССР Е.И. Уралова издала приказ об отмене платы за обучение в 8–10-х классах для детей офицеров-инвалидов и детей офицеров, которые погибли в результате военных действий и ранений. Таким образом, этот приказ расширял доступность получения общего среднего образования, поскольку отменял плату за него [6, с. 33].

На протяжении 1945 г. улучшалась материальная база школ, до 1 октября 1945 г. все школы были выведены из землянок. В д. Парафьяново Докшицкого района в 1946 г. под здание школы передали дом, который ранее занимал райисполком. Одновременно велись работы по открытию школ рабочей и

сельской молодежи. Данный тип образовательных учреждений был призван в формате вечерней школы без отрыва от основной деятельности обучить грамоте крестьян и рабочих. С 1 ноября 1946 г. начали свою работу школы сельской молодежи в Видзовском районе (территория современного Браславского района). Однако в самом начале функционирования подобных школ их посещаемость была невысокой. В Видзовском районе из 350 учтенных обучение охватывало только 50. Подобная ситуация наблюдалась и на территории Глубокского района, где школами рабочей и сельской молодежи в январе 1947 г. было охвачено 204 человека при учтенных 1220 неграмотных и 1903 малограмотных [6, с. 194]. Все эти факты говорят о том, что перед учреждениями образования стояли задачи проведения работы по максимальному охвату обучением. Данная работа стала систематически проводиться в 1946–1947 гг., о чем свидетельствуют документы Полоцкого областного отдела народного образования. На момент 7 сентября 1946 г. не все дети в возрасте 7–14 лет были учтены, успеваемость все еще была на низком уровне, как следствие – большой процент второгодок. В то же время точные цифры неохваченных всеобучем невозможно установить, так как в постановлении Браславского райисполкома от 15 февраля 1947 г. указывалось, что часть учащихся не посещала школы из-за отсутствия одежды и обуви. Для исправления ситуация из фондов Красного Креста учащимся Браславского района выделялась одежда и обувь. При оценке работы учреждений образования большое внимание уделялось тому, что всеобщее семилетнее образование прописано в Законе о пятилетнем плане. Выявление неграмотных происходило не только образовательными учреждениями, но и военкоматами. В Докшицком районе военкомат дослал список 11 призывников, которые были определены для обучения в вечерней школе. Вопрос с посещением вечерних школ был актуальным и для Шарковщинского района, где на 1 сентября 1949 г. насчитывалось 127 человек, подлежавших обучению в данном типе школ, а фактически обучалось только 88. Однако на протяжении 1944–1950 гг. определенно видна тенденция все большего охвата образованием жителей западного региона Витебской области [2, л. 6–8].

Для учителей начальных и семилетних школ в 1948 г. были разработаны льготы. Они освобождались от обязательных поставок мяса и молока в том случае, если имели поголовье скота, не превышающее количество, предусмотренное уставом сельхозартели для колхозников. Таким образом, постановление Совета Министров о льготах учителям в большинстве своем касалось учителей, работавших в сельской местности, и было призвано поддержать педагогические кадры там, где требовалась скорейшая ликвидация неграмотности [1, л. 3–5].

Особенное место в развитии образования на территории западного региона Витебской области в 1944–1950 гг. занимало Глубокское педагогическое училище [3, л. 4–7]. Данное учреждение было организовано в 1944 г. после

освобождения от нацистской оккупации. На 1948 г., когда был опубликован отчет за 1947–1948 гг., контингент училища был неодинаков. Окончившие советскую школу имели более глубокие знания, чем окончившие школу при польской власти или в условиях нацистской оккупации. В период 1946–1948 гг. наблюдался большой отсев учащихся. В 1946/1947 учебном году он составил 52 человека, а в 1947/1948 – 13. Уменьшение показателя отсева учащихся свидетельствовало об улучшениях в образовательном процессе. В то же время с деятельностью Глубокского педагогического училища связано появление антисоветской организации «Союз белорусских патриотов», которая была разгромлена органами Министерства государственной безопасности СССР в 1947 г. Определенные сложности наблюдались и с дисциплинированностью учащихся. В частности, 16 октября 1949 г. учащиеся данного училища в пьяном виде устроили драку с учащимся средней школы Деминым. На протяжении 1949 г., как следует из протоколов педагогического совета, велась работа по улучшению воспитательной работы, борьбе с пьянством в стенах общежития при училище, усилению требовательности со стороны педагогов. Активное участие в этом принимали организации ЛКСМБ. В то же время общая тенденция на протяжении 1944–1950 гг. заключалась в том, что каждый год успеваемость учащихся увеличивалась, а отсев уменьшался. Если в 1948–1949 гг. не успевал каждый седьмой учащийся, то в 1949–1950 гг. только каждый девятый [2, л. 5–7].

Период 1944–1950 гг. стал временем формирования советской системы образования в западном регионе Витебской области. Данный процесс сталкивался с трудностями, обусловленными военными разрушениями, недостатком педагогических кадров, сложностями в учете учащихся, которые подлежали обучению. Однако в сложных условиях удалось наладить систему народного образования, которая включала в себя начальные, семилетние, средние школы, школы рабочей и сельской молодежи, Глубокское педагогическое училище. Специфика западного региона Витебской области заключалась в том, что за период с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. полностью создать советскую систему образования органы советской власти не успели. С июля 1944 г. происходили не только восстановление образовательной сети, но и открытие новых учебных заведений, ликвидация безграмотности. Все это позволило активно включить население западного региона современной Витебской области в процесс получения образования и воспитания «советского человека». Укрепление советской системы образования в западном регионе Витебской области следует рассматривать как один из этапов формирования единства белорусского народа в одной республике. Данное мероприятие было составной частью советской политики по унификации общественной жизни в западных областях БССР в послевоенный период.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Зональный** государственный архив в г. Глубокое (ЗГА в г. Глубокое). – Ф. 141. Оп. 1. Д. 18.

2. **ЗГА** в г. Глубокое. – Ф. 535. Оп. 1. Д. 10.

3. **ЗГА** в г. Глубокое. – Ф. 722. Оп. 1. Д. 9.

4. **ЗГА** в г. Глубокое. – Ф. 1629. Оп. 1. Д. 13.

5. **История** белорусской государственности : в 5 т. / НАН Беларуси, Ин-т истории ; [редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.) и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2018–2020. – Т. 4 : Белорусская государственность накануне и в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1939–1953 гг.) / А. А. Коваленя [и др.] ; отв. ред. тома Н. Б. Нестерович. – Минск : Беларуская навука, 2019. – 567 с.

6. **Послевоенное** восстановление системы народного образования в Браславском, Докшицком, Глубокском, Миорском, Поставском, Шарковщинском районах (1944–1950 гг.) : сб. док. / Зональный гос. архив в г. Глубокое. – Минск : Медисонт, 2012. – 418 с.

Рындин С.Н. *(г. Минск)*

ЛАГЕРЬ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(по материалам Национального исторического архива Беларуси)

В минувшем десятилетии человечество отметило столетние юбилеи начала и конца Первой мировой войны. В ходе военных действий стороны несли колоссальные потери. Невиданными также стали потери военнопленных. На Восточном фронте из почти 2 млн военнослужащих, взятых в плен российской армией, около 1 млн 737 тыс. служили в австро-венгерской армии [1, с. 183]. Воюющие страны размещали «неприятельских» военнопленных в тыловых лагерях.

В белорусских губерниях постоянное использование труда военнопленных, главным образом в интересах фронта, начинается в конце весны – начале лета 1915 г. К маю 1917 г. в распоряжении учреждений Западного фронта пребывали 10 380 рабочих из числа военнопленных [2, л. 8].

Российские военные власти не допускали постоянного размещения в прифронтовых губерниях военнопленных из коренных немцев, венгров, турок. Можно предположить, что военнопленные в западных губерниях состояли из лиц славянских национальностей (в основном, чехов, словаков, русин и поляков). Это подтверждают и их именные списки, в небольшом количестве сохранившиеся в Национальном историческом архиве Беларуси (НИАБ).

В литературе упоминаются только лагеря в центральных и восточных губерниях Российской империи. НИАБ хранит подробные сведения об од-

ном из лагерей военнопленных на территории Витебской губернии. Лагерь был развернут в районе с. Марковщина в Витебском уезде (в настоящее время – район в юго-западной части г. Витебска) и, согласно архивным документам, просуществовал в течение всей войны. О Марковщинском лагере как важном тыловом объекте российской армии говорилось в письме из штаба Двинского военного округа витебским военным властям в сентябре 1915 г.: «По шоссе на Марковщизну, за железнодорожным переездом, образовался военный городок с населением до 10 тысяч нижних воинских чинов и более 2 тысяч военнопленных. Там собраны самые разнородные части: полевые хлебопекарни, запасный артиллерийский дивизион, мортирные дивизионы, пересыльные команды нижних чинов этапного пункта и военнопленные <…>» [4, л. 1001]. Факт существования в этом районе лагеря военнопленных времен Первой мировой войны в настоящее время практически неизвестен. В данной статье будет проведен обзор выявленных документов и проанализирована их информативность.

Все выявленные документы относятся к источникам официального делопроизводства. Они хранятся в фондах как военных, так и гражданских учреждений. Наиболее информативны фонды Марковщинского и Витебского комендантских управлений. Преимущественно они состоят из приказов и рапортов.

Приказы обычно предельно лаконичны, но могут пролить свет на некоторые реалии жизни военнопленных. Военные власти часто предписывали строгий надзор за «неприятельскими» солдатами. Но на практике такой надзор не всегда соблюдался. В одном из приказов по Марковщинскому комендантскому управлению, датированному 12 (25) ноября 1915 г., констатируются пьянство и небрежность среди солдат-конвоиров. Как утверждал марковщинский комендант, он застал колонну военнопленных, которые шли по шоссе с работ «кто как хотел» в сопровождении сильно нетрезвого конвоира [11, л. 6].

Приказы содержат также информацию о применении труда военнопленных на оборонных предприятиях Витебской губернии. Например, в феврале 1916 г. марковщинский комендант полковник Кулинский приказал ежедневно с 6 утра направлять 25 человек из смешанной рабочей команды военнопленных на льнопрядильную фабрику «Двина» [14, л. 109].

Разнообразная информация представлена в рапортах. Например, серьезную обеспокоенность у военных чиновников вызывали побеги военнопленных. Такие донесения составляют значительную часть всех сохранившихся рапортов. Об одном из наиболее ранних случаев побега из Марковщинского лагеря было доложено в августе 1915 г. Военнопленный бежал из 43-й смешанной рабочей роты, занятой на постройке заразных бараков на Марковском поле [3, л. 470]. В августе 1916 г. марковщинский комендант Кулинский докладывал об участившихся случаях побегов военнопленных из 6-й рабо-

чей команды военнопленных. Указывалось, что военнопленные скрываются в лесу, окрестных деревнях и фольварках, идут в батраки к местным крестьянам, а для установления соответствующего надзора недостаточно людей [13, л. 106]. В январе 1917 г. командир 6-й рабочей команды из военнопленных штабс-капитан Сафонов описал марковщинскому коменданту несколько случаев, когда военнопленные самовольно отлучались, чтобы поступить на частные работы в промышленности и сельском хозяйстве. Там иностранцы рассчитывали на высокую плату и комфортные условия проживания. Спрос на рабочие руки оставался очень большим. А военные власти предоставляли военнопленных только ограниченному кругу предприятий, обслуживавших фронт [8, л. 1262–1263].

Ко многим рапортам прикладывались списки войсковых частей, именные списки, протоколы осмотра помещений лагеря, сдаточные описи бараков и землянок, сведения о штатном и наличном составе рабочих команд и т. п. Большой интерес представляют списки войсковых частей, располагавшихся в г. Витебске и его окрестностях. В них упоминаются также части, размещавшиеся в Марковщине. Сохранились сведения о штатном и наличном составе трудовых формирований из военнопленных. Но количество военнопленных в лагере часто менялось, поскольку трудовые команды выбывали и прибывали.

Обширные сведения о бытовых условиях военнопленных в Марковщинском лагере имеются в отчете инспекторского осмотра 6-й рабочей команды военнопленных от 26 сентября (9 октября) 1916 г. Этот материал также хранится в фонде Марковщинского комендантского управления. 6-я рабочая команда являлась одним из крупных (свыше 700 чел.) формирований в Марковщине, где она пребывала бессменно с 1 (14) сентября 1915 г. [8, л. 1262]. Труд этой команды, состоявшей исключительно из австро-венгерских подданных, был широко востребован на оборонных предприятиях Витебской губернии. В этом отчете были проанализированы практически все стороны жизнедеятельности команды. В целом вид людей комендант оценил как «здоровый и бодрый». Указывалось, что военнопленные обеспечены водой, продуктами питания, обмундированием, прачечной и баней [14, л. 351 – 355 об.]. При команде был устроен целый ряд мастерских: сапожная, столярная, портняжная, кузнечная. Кроме обслуживания нужд команды мастера занимались также и частными заказами [14, л. 353 об. – 354 об.]. В отчете был обозначен и ряд недостатков: малочисленность караула, нехватка у военнопленных второй смены белья, недостаточность банных дней, отсутствие полевой кухни для зимнего времени, некомплект противопожарного инвентаря и т. д. [14, л. 355 – 355 об.].

Поименные списки военнопленных, пребывавших в Марковщинском лагере, в фондах НИАБ почти отсутствуют. Преобладают списки солдат конвоя. Сохранились именные списки хозяйственных работников Витебского

заразного госпиталя, состоящих из военнопленных 6-й рабочей команды [9, л. 142–143]. В архивном фонде канцелярии старшего фабричного инспектора Витебской губернии имеются немногочисленные именные списки военнопленных, трудившихся на заводах Витебской губернии. Но имена военнопленных чаще фигурируют в документах о розыске беглецов. В этих материалах сообщаются также и личные приметы. К сожалению, не было выявлено ни одной фотокарточки.

В НИАБ хранятся также описи всех землянок, бараков и хозяйственных строений в Марковщине за 1915–1917 гг. Детально описаны жилые и хозяйственные постройки для размещения военнопленных. Согласно этим материалам, к 30 октября (12 ноября) 1916 г. в ведении Марковщинского комендантского управления всего находились 40 землянок для военнопленных на 50 человек каждая, 2 землянки на 60 военнопленных каждая, 1 столовая-кухня на 2000 военнопленных и 112 кадровых нижних чинов [7, л. 1634].

В случае дальних и продолжительных трудовых командировок военнопленных селили недалеко от места работ. Это могло быть и частное жилье. Сохранилось прошение жителя г. Витебска мещанина А.Н. Кузьмина, просившего в августе 1917 г. выселить из его квартиры военнопленных 6-й рабочей команды ввиду стеснения. Рабочие занимались строительством колодца [6, л. 1004 – 1004 об.].

Об отношениях военнопленных и их конвоиров сохранившиеся документы почти ничего не сообщают. 3 (16) декабря 1916 г. начальник 6-й рабочей команды из военнопленных штабс-капитан Сафонов получил письмо от марковщинского коменданта полковника Соболева, проводившего очередную инспекцию. Комендант заявил, что ужин, приготовленный военнопленными для солдат караула гауптвахты «был очень плохой, жидкий, почти одна вода». По словам Соболева, подобное случалось неоднократно, в то время как пища на кухне всегда была хорошей. Комендант стал подозревать, что военнопленные умышленно отпускают российским солдатам пищу пожиже [5, л. 964 – 964 об.].

Также в документах НИАБ не прослеживается отношение иностранных военнопленных к политическим событиям в России после февраля 1917 г. В фонде Витебского комендантского управления встречаются только сведения о настроениях среди конвоя военнопленных осенью 1917 г. накануне прихода к власти большевиков. Во всех рапортах отмечается, что солдаты конвоя проявляют лояльность ко Временному правительству.

Трудовые команды из военнопленных продолжили свое существование и после установления советской власти. Командный состав 6-й рабочей команды военнопленных состоял к апрелю 1918 г. уже из самих военнопленных (формально после заключения 3 марта 1918 г. Брестского сепаратного мира они считались свободными людьми) [12, л. 23]. Наиболее позднее упо-

минание в документах НИАБ использования труда военнопленных в Витебской губернии относится к июню 1918 г. [10, л. 398].

Таким образом, Марковщинский лагерь существовал приблизительно с лета 1915 г. и активно использовался в течение всей войны. Основу его трудового контингента составляла 6-я рабочая команда из австро-венгерских военнопленных, восполнявшая острую нехватку рабочих рук на многих промышленных предприятиях Витебщины. Документы, хранящиеся в НИАБ, позволяют осветить такие аспекты, как количественный состав иностранных военнопленных в Марковщинском лагере, их организацию, использование труда, бытовые условия, этническую принадлежность. Обнаруженные именные списки могут быть востребованы в ходе генеалогических исследований. В меньшей степени источники НИАБ позволяют увидеть адаптацию военнопленных в новой для них среде, их взаимные отношения и отношения с местной администрацией, населением. Тем не менее выявленные документы позволяют утверждать, что условия жизни и труда военнопленных Марковщинского лагеря были удовлетворительными. Лагерное начальство воспринимало этих людей прежде всего как рабочих, а не заключенных и в меру своих возможностей старалось обеспечить их всем необходимым для продуктивной работы на фоне острого дефицита рабочей силы.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Белова, И. Б.** Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. : (по материалам центральных губерний Европейской России) : дис. … д-ра ист. наук : 07.00.02 / И. Б. Белова. – Брянск, 2014. – 461 л.

2. **Национальный** исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 700 (Минский губернский комитет Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам). Оп. 1. Д. 356. – Циркуляры управы по вопросу представления сведений о заготовках. – 05.1917. – 57 л.

3. **НИАБ.** – Ф. 2499 (Витебское губернское жандармское управление). Оп. 1. Д. 160. – Дело со сведениями об иностранных подданных, прибывших в город Витебск. – 03.07.1915–13.01.1916 гг. – 951 л.

4. **НИАБ.** – Ф. 2533 (Витебское комендантское управление). Оп. 1. Д. 7. – Ведомости о составе витебского гарнизона, распоряжения о перевозке грузов, о задержании самовольно отлучившихся нижних чинов и пр. – 22.08.1915–31.12.1915. – 2114 л.

5. **НИАБ.** – Ф. 2533. Оп. 1. Д. 18. – Дело о выдаче довольствия нижним чинам. – 31.10.1915–13.05.1917 гг. – 1671 л.

6. **НИАБ.** – Ф. 2533. Оп. 1. Д. 90. – Дело об отпуске нижних чинов в отпуска, о выдаче нижним чинам удостоверений на право жительства. – 01.01.1917–30.12.1917. – 1389 л.

7. **НИАБ.** – Ф. 2533. Оп. 1. Д. 99. – Дело о доставлении сведений о количестве винтовок, теплой одежды и пр. – 05.01.1916–24.12.1916 – 1854 л.

8. **НИАБ.** – Ф. 2533. Оп. 1. Д. 123. – Дело о зачислении на довольствие нижних чинов, вернувшихся из-под ареста. – 13.11.1915–2012.1917 гг. – 1392 л.

9. **НИАБ.** – Ф. 2550 (Витебский заразный госпиталь). Оп. 1. Д. 42. – Дело о нижних чинах, прикомандированных к госпиталю в качестве санитаров. – 01.01.1916–28.12.1916. – 203 л.

10. **НИАБ.** – Ф. 3166 (Пивное акционерное общество «Левенбрей»). Оп. 1. Д. 8. – Кассовая книга акционерного общества «Левенбрей» за 1916–1918 гг. – 399 л.

11. **НИАБ.** – Ф. 3217 (Марковщинское комендантское управление). Оп. 1. Д. 1. – Приказы по Марковщинскому комендантскому управлению за 1915–1917 гг. – 10.11.1915–28.10.1916 гг. – 371 л.

12. **НИАБ.** – Ф. 3217. Оп. 1. Д. 4. – Требования на содержание чинов управления, отопление, освещение и проч. – 15.04.1915–17.04.1918 гг. – 27 л.

13. **НИАБ.** – Ф. 3217. Оп. 1. Д. 6. – Дело о разрешении производить стрельбу из револьверов, о постройке заразных бараков и др. – 10.11.1915–22.12.1917 гг. – 208 л.

14. **НИАБ.** – Ф. 3217. Оп. 1. Д. 9. – Переписка Марковщинского комендантского управления о призванных в войска, об оказании помощи их семьям. – 06.11.1916–09.07.1917 гг. – 912 л.

Сімакоў А.В. *(г. Гомель)*

ВЫХАДЦЫ З ВІЦЕБСКАЙ ГУБЕРНІ Ў РУСКАЙ АМЕРЫЦЫ (АЛЯСКА І КАЛІФОРНІЯ)

Працяг тэмы беларусаў у Рускай Амерыцы (РА), на Алясцы і ў Каліфорніі, якую мы пачалі актыўна распрацоўваць у 2004 г. (першыя вынікі апублікаваны, напрыклад, у «Краязнаўчай газеце» [5]), у свой час стаў магчымым дзякуючы намаганням выдатнага даследчыка, практычна сусветнага лідара ў вывучэнні гісторыі РА Андрэя Грынёва, які па завяршэнні працы над слоўнікам персаналій РА даслаў нам шэраг артыкулаў пра нашых землякоў (сам ён адносіць да паняцця «вашых землякоў» асоб не толькі з «віцебскіх» Пскоўшчыны і Смаленшчыны, але і «чарнігаўскай» Браншчыны, хаця схільны лічыць амаль усіх асоб з тымі ці іншымі раннімі прывязкамі да беларускіх губерняў, што маюць падобныя да польскіх прозвішчы і імёны, палякамі, «польскімі шляхціцамі», а не беларускімі: «відавочна» або «верагодна, паляк», нават «відавочна, украінскага паходжання», але ніводнага разу – «відавочна, беларус», «магчыма, беларускага паходжання»).

А.В. Грынёў – доктар гістарычных навук, прафесар кафедры гісторыі Санкт-Пецярбургскага дзяржаўнага політэхнічнага ўніверсітэта, аўтар соцень публікацый, пераважна па праблематыцы РА, алясказнаўства. Стваральнік слоўніка спадзяваўся, што пасля публікацыі звестак пра выхадцаў з Бела-

русі тут могуць знайсціся іх сваякі. Як агульнагістарычнае (не толькі «перыферыйнае»), так і генеалагічнае значэнне гэтай выдатнай, надзвычайнай працы сапраўды вялікае. Слоўнік Р. Пірса ўтрымліваў інфармацыю толькі пра найбольш значных асоб, звязаных з РА, а прафесар А.В. Грынёў пастараўся ўлічыць усіх адметных, прычым мноства імёнаў знойдзена ў архівах і з'явілася ў друку ўпершыню менавіта дзякуючы яму. Варта асабліва акцэнтаваць увагу на пэўным моманце ў нашай велізарнай перапісцы з гэтым гісторыкам-архівістам (больш за 700 электронных паведамленняў), які змяніў асноўную навуковую задачу нашага калегі на пяць гадоў. Пачатак гэтаму выключна важнаму для Расійскай Федэрацыі і яе краін-суседак, а таксама для гісторыі Аляскі праекта даў абмен паведамленнямі 10 лютага 2005 г. (ужо ў працэсе стварэння выдання слоўнікавыя артыкулы пачаў перакладаць на англійскую мову Р. Бланд):

«"СКРОЗЬ": ІДЭЯ "ВЯЛІКАГА БІЯГРАФІЧНАГА СЛОЎНІКА РУСКАЙ АМЕРЫКІ"». Літаральна ўсе, хто жыў у РА (калі мець на ўвазе толькі выхадцаў з Еўразіі (а такім чынам ставіць пытанне нельга), то гэта не занадта вялікі масіў), хто наведваў яе і хто пісаў пра яе да і пасля 1867 г. На манер проста дзіўнага «Польскага біяграфічнага слоўніка» (у частцы найбольш «выдатных» дзеячаў) ці айчыннай серыі «Памяць: гісторыка-дакументальная хроніка» (нейкага раёна або вялікага горада) – для ўсіх астатніх (як удзельнікаў вайны ці што...).

Нашу ідэю А.В. Грынёў спачатку ўспрыняў скептычна: «Ідэя Вялікага біяграфічнага слоўніка Рускай Амерыкі ўжо рэалізавана амерыканскім прафесарам Р. Пірсам, які выдаў яго ў 1990 г. (натуральна, на англійскай мове). Пералічыць усіх, хто бываў у Рускай Амерыцы, наўрад ці ўдасца – іх больш за 10 тыс. і многія проста невядомыя, а дакументы згублены. Больш перспектыўнымі могуць быць тэматычныя біяграфічныя слоўнікі, напрыклад, аб мараках, якія бывалі ў Рускай Амерыцы і служылі там. Зрэшты, такі слоўнік ужо выпусціў у 1998 г. ва Уладзівастоку Б.М. Балгурцаў». Потым ён усё ж пагадзіўся, што ідэя камбінаваць у слоўніку звесткі пра вядомых і невядомых асоб з максімальна магчымым ахопам, – наватарская і вельмі карысная як для дзяржавы, якая калісьці валодала тэрыторыяй, так і для грамадзян, якія маглі б знайсці ў даведніку сваіх сваякоў. Падтрыманы навуковымі куратарамі ў Маскве, ён энергічна працаваў, рэгулярна паведамляў пра прагрэс, даваў і атрымліваў каментарыі па персаналіях і тэхніцы стварэння артыкулаў, і 10 снежня 2009 г. даведнік з каля 5850 кароткімі біяграфічнымі артыкуламі быў падпісаны ў друк.

Высветлілася, што з беларускіх выхадцаў у каланіяльнай супольнасці найбольш прадстаўлены нанятыя Расійска-амерыканскай кампаніяй (РАК) з Віцебскай губерні або яе ўраджэнцы. Даследчык растлумачыў гэта большай мабільнасцю жыхароў гэтага краю ў сувязі з яго эканамічнымі асаблівасцямі.

Яшчэ да выхаду слоўніка звесткі з'явіліся ў электронным бюлетэні «Веснік БІТ» (Гомель), а 6 красавіка 2009 г. (№ 14) была змешчана спецыяльная нататка «Ураджэнцы Віцебшчыны ў слоўніку Андрэя Грынёва» наступнага зместу: «Пецярбургскі даследчык гісторыі Рускай Амерыкі Андрэй Грынёў працягвае дапрацоўваць свой біяграфічны слоўнік "Хто ёсць хто ў гісторыі Рускай Амерыкі", атрымліваючы звесткі непасрэдна з архіва і ўдакладняючы іх па іншых крыніцах. Чакаецца рашэнне пра фінансавае забеспячэнне гэтага каштоўнага даведніка. На 02.04.09 у слоўніку было 5700 "персон" і 53 арк.

Паводле падлікаў А.В. Грынёва, у слоўніку ёсць ctv ураджэнцаў Віцебскай губерні, а таксама яшчэ некалькі чалавек з іншых беларускіх губерняў. Дагэтуль не знайшлося ніводнага ўраджэнца Гомельшчыны, як і суседняй з ёй Браншчыны».

Першыя артыкулы са слоўніка А.В. Грынёва пра выхадцаў з губерні былі змешчаны ў перакладзе на беларускую мову ў выпусках «Весніка БІТ» з 13 красавіка (№ 15) да 29 чэрвеня (№ 26) 2009 г. Тэрыторыя губерні (Іваноў (4 мая, № 18) і Цімафееў (15 чэрвеня, № 24)), верагодна, не з Беларусі ў сучасных межах.

«ІВАНОЎ Мікалай Маркавіч – удзельны селянін Віцебскай губерні, Гарадоцкага павета, вёскі Багозіна; служыў у Рускай Амерыцы ў 1830-х гг. пры Дзіянісіеўскім рэдуце. Летам 1837 І. разам з былым матросам Н. Караулавым спрабаваў збегчы з рэдута да англічан у Брытанскую Калумбію, аднак быў злоўлены мясцовымі тлінкітамі стыкінцамі, нанятымі начальнікам рэдута, і вернуты ў рэдут, а адтуль высланы ў Нова-Архангельск для пакарання. У маі наступнага года І. разам з Караулавым і крэолам І.А. Салтанавым збег з Нова-Архангельска. У пралівах арх. Аляксандра дэзерціры займаліся рабаваннем і разбоем, нападаючы на прамысловыя лагеры індзейцаў тлінкітаў. Пасля некалькіх сутычак з індзейцамі ў пралівах, І. і Салтанаў былі параненыя, а Караулаў забіты (яны, у сваю чаргу, забілі 12 чалавек і захапілі ў палон 2 індыянак). Ратуючыся ад індзейцаў, параненыя ўцекачы змаглі дабрацца да Дзіянісіеўскага рэдута, дзе атрымалі дапамогу. Пасля вылячэння ад ран, І. быў высланы ў красавіку 1839 у Ахоцк для суда за свае злачынствы. Сваякам забітых дэзерцірамі тлінкітаў галоўны кіраўнік І.А. Купрэянаў вымушаны быў выплаціць кампенсацыю таварамі на суму больш за 1000 руб. ас.».

«ЦІМАФЕЕЎ (ЦІМАРЭЕЎ) Мірон (пам. 1866) – селянін Віцебскай губерні, Себежскага павета, Непаротаўскага войтаўства, вёскі Улазавічы; доўгі час служыў у Рускай Амерыцы, прычым у кастрычніку 1830 быў пасланы з Нова-Архангельска для работ у крэпасць Рос у Каліфорнію разам з жонкай Кацярынай (верагодна, крэолкай або эскімоскай). Затым Ц. вярнуўся ў Нова-Архангельск, дзе ў 1840-х гг. меў уласны дом і ў 1842 ажаніўся з Надзеяй Нікіфаравай (відавочна, крэолкай). Ц. атрымаў дазвол на прылічэнне да ка-

ланіяльнага грамадзянства ў 1847 і згадваўся ў спісе каланіяльных грамадзян у 1850».

«БАБРОЎСКІ Каэтан Ягоравіч – ураджэнец Віцебскай губерні, служачы РАК у Рускай Амерыцы ў 1860-х гг., атрымаў дваранскую годнасць у 1864. Б. з'яўляўся старшым пісарам у Нова-Архангельскай канторы, а таксама з 1 студзеня 1866 наглядчыкам (дырэктарам) і настаўнікам у Новаархангельскім вучылішчы фактычна да продажу Аляскі ЗША ў 1867».

«БОБЧАНКА (БАБЧАНКАЎ) Антон – полацкі мешчанін, знаходзіўся на службе РАК у Рускай Амерыцы з 1821. Працаваў у Нова-Архангельску валавым рабочым і выехаў на радзіму праз Ахоцк у маі 1829».

«ДУДАРАЎ Трафім – віцебскі мешчанін, знаходзіўся на службе РАК у Рускай Амерыцы валавым рабочым у 1843–1853, пасля чаго выехаў у снежні 1853 у Кранштат на караблі РАК "Цэсарэвіч" (шкіпер Б. Ёр'ян)».

«КАВАНСКІ (КАВІНСКІ) Дзяменцій – мешчанін г. Веліжа Віцебскай губерні; матрос, затым боцман на службе РАК у Рускай Амерыцы ў 1827–1850; выехаў з калоніі з дараваннем доўгу кампаніі на 1061 руб. ас.».

«КУМАЧОЎ Сысой (у дакументах указваецца таксама іншае яго імя – Міхаіл) (пам. 1850) – віцебскі мешчанін, на службе РАК з 1843, працаваў у Нова-Архангельску прыказчыкам крамы для гандлю з тлінкітамі аж да сваёй смерці ў 1850; на яго месца быў прызначаны К. Нордстрэм».

«ПАГУРСКІ – радавы сібірскага лінейнага батальёна, з яўрэяў-выхрыстаў (хрысціўся ў Полацку), знаходзіўся на службе РАК у Рускай Амерыцы ў 1860-х гг.».

«ТАРКУЛАЎ Іван – віцебскі селянін, служыў РАК у Рускай Амерыцы ў 1819–1825».

«ШАПІРЫ (ШАПІРА) – радавы сібірскага лінейнага батальёна, з яўрэяў-выхрыстаў (хрысціўся ў Полацку), знаходзіўся на службе РАК у Рускай Амерыцы ў 1860-х гг.».

«ЯЎСЦІФЕЕЎ Андрэй – віцебскі селянін, знаходзіўся на службе РАК у Рускай Амерыцы валавым рабочым з 1837 у асноўным пры Мікалаеўскім рэдуце і выехаў у Кранштат на караблі "Сітха" (шкіпер І.Я. Конрадзі) восенню 1847» (адпаведна 13 крас., № 15; 20 крас., № 16; 27 крас., № 17; 11 мая, № 19; 18 мая, № 20; 25 мая, № 21; 8 чэрв., № 23; 22 чэрв., № 25; 29 чэрв., № 26 2009 г.).

Мы можам выказаць здагадку, што Дамінік Ігнацьевіч Транчук быў родам з Віцебшчыны, бо ў «Матэрыялах да гісторыі Полацкай акадэміі...» (1905) сустракаем прозвішча Транчук (Ян), а ў «Расійскім медыцынскім спісе», напрыклад, на 1897 г. – «Прав. Вацлава Дамініка в. Транчука (Белар. Р.-К.)» у Талачыне і «Прав. Ксаверыя Дамініка в. Транчука (П. Р.-К.)» у Вялікай Бераставіцы Гродзенскага павета. У Іркуцку – правізар (потым у РА – і фельчар), 1846 – прыбыў у РА («Наследнік Аляксандр»), 1847 – гаспадар расходнай крамы, 1851 – настаўнік Сітхінскай ДС, 1851-12-05 – выехаў з Сіткі

(«Мікалай I»), праз Сандвічавы а-вы, а-вы Таварыства, 1852-05-18 – прыбыў у Кранштат [2, с. 535].

Яшчэ адной асобай, звязанай з аховай здароўя, быў Г. Зівальд:

«ЗІВАЛЬД Генрых (Ziwald Heinrich) (1797–1829/1830) – доктар медыцыны (1823), ураджэнец Віцебскай губерні, з немцаў, вучыўся ва ўніверсітэтах Германіі і Дэрпта (Тарту), прыняў удзел у якасці суднавага ўрача ў кругасветным падарожжы шлюпа "Прадпрыемства" (капітан – лейтэнант О.Я. Кацэбу) у 1823–1826, які пабываў у Нова-Архангельску летам – восенню 1824 і ў лютым – жніўні 1825. Пасля заканчэння экспедыцыі З. быў узнагароджаны ордэнам Уладзіміра 4-й ступені ў 1826. Пазней удзельнічаў у руска-турэцкай вайне (1828–1829) як палкавы ўрач і памёр у Нікалаеве ў 1829 ці 1830» [2, с. 186].

Змяшчаем таксама біяграфічныя даведкі, якія мы атрымалі ад А.В. Грынёва, які працягваў працаваць у архіве ўжо пасля таго, як слоўнік быў перададзены ў выдавецтва. Яны публікаваліся толькі ў «Весніку БІТ» (адпаведна – 6 ліп. 2009 г. (№ 27), 20 ліп. 2010 г. (№ 40) і 25 ліп. (№ 41):

«АФАНАСЬЕЎ Лазар – віцебскі селянін, быў наняты РАК для службы ў Рускай Амерыцы ў 1862 і накіраваны туды на караблі РАК "Цэсарэвіч" (шкіпер А. Аляксандраў)».

«НЮКША Пётр – віцебскі мешчанін, знаходзіўся на службе РАК у Рускай Амерыцы з 1843 валавым рабочым і выехаў з калоніі на радзіму ў лістападзе 1850 на караблі "Атха" (шкіпер А.В. Рыдэль)».

Дзеля прыярытэту ў апублікаванні даём звесткі і пра «мінчаніна»:

«БАКУН Іван – мінскі аднадворац, знаходзіўся на службе РАК у Рускай Амерыцы з 1843 памочнікам прыказчыка і выехаў з калоніі на радзіму ў лістападзе 1850 на караблі "Атха" (шкіпер А.В. Рыдэль)».

Асоб «беларускага паходжання» ў РА было значна больш, чым ёсць прамых указанняў на гэта: у слоўніку-даведніку, напрыклад, сустракаюцца адзін Літвінаў і тры Літвінцавых (Литвинцев, Литвинцов, а таксама Летвинцов), у тым ліку адзін святар (людзі з гэтым «беларускім» прозвішчам аселі ў Сібіры ў «часы Ермака»). Акрамя прозвішчаў, названых у «Голасе Радзімы» [4], варта звярнуць увагу на наступныя, якія могуць дадаць «віцябчан» у большым ці меншым набліжэнні (пры вывучэнні асяроддзя кожнага, у якім важная і зямляцкая падтрымка). Звязаныя з Віленшчынай: Бянёўскі, Вішнеўскі (Віснеўскі), Урбановіч; з Пскоўшчынай: Філіпаў, Шасовіч; са Смаленшчынай: Саўчанка або Саўчанкаў – з Краснага, Ваяводскі (які ў нашым артыкуле пра Саўчанкаў прысутнічае арганічна [8, p. 55, 56, 65, 66], у той час як Баброўскі і Транчук – дарэчна [8, p. 66]); з Чарнігаўшчынай: іераманах Іларыён, Валынскі; з Жытоміршчынай: Гадлеўскі; «палякі» або верагодныя, паводле Грынёва, палякі: Абжалтоўскі, Заічкоўскі (Занюкоўскі, Занікоўскі), Закржэўскі, Каменскі, Кульчыцкі, Лемашэўскі (Лімашэўскі), Малышэўскі, Маркоўскі, Патэнга, Петрашкевіч, Раеўскі, Руткоўскі, Фіялкоў-

скі; маюць «польскія» або «ўкраінскія» па гучанні імёны і/або прозвішчы, насіць якія маглі і беларусы: Мілашэвіч (іераманах Гаўрыіл, гл. у слоўніку на гэтае імя), Барташэвіч, Дамашэнка, Дзюбін, Зарэмба, Зубрыцкі, Ілляшэвіч, Кулігоўскі (Кулісоўскі), Леантовіч, Лошчанка, Марцынкевіч (Марцінкевіч), Мацкевіч, Насачэнка, Павала-Швыйкоўскі, Станюковіч, Старадубцаў, Стацэнка (Стацэнкаў), Сусарэнка, Табулевіч, Хромчанка, Шышкевіч, Яворскі, Янкоўскі; з асоб яўрэйскага паходжання: Вальховіч, які ў складзе сібірскага лінейнага батальёна № 14 абараняў ад тлінкітаў сталіцу РА і, значыць, інтарэсы РАК.

Выпадак, што «праславіў» М. Іванова, безумоўна, шакіраваў усіх прыхільнікаў ідэі, што з еўрапейцаў беларусы нанеслі найменш шкоды індзейцам [6]. Гісторыя гэтага «ўцекача» без указання на яго беларускае паходжанне падавалася А.В. Грынёвым у руска- і англамоўнай версіях яго кнігі (1991, 2005) [1], але ў 2007 г. – ужо ў зводцы па беларусах у артыкуле [3].

Да беларускіх «знаходак» на этнічнай тэрыторыі дэнаіна ў перыяд РА можна з вялікай ступенню ўпэўненасці аднесці чыноўніка Пятра Зазубовіча. Паводле А. Знаменскага, ён прыбыў «з Польшчы» [9, p. 7] або быў «палякам» [9, p. 328], а паводле Грынёва – «ураджэнец Польшчы» [2, с. 180]. Прозвішча даволі рэдкае, але найбольш раннія вядомыя нам носьбіты яго знаходзяцца на Віцебшчыне (напрыклад, настаўнік будучага этнографа М. Нікіфароўскага) і Пскоўшчыне, а сучасныя прывязаны да Эстоніі. Зазубовіч характарызаваўся як злосны і нядобрасумленны чалавек, за што індзейцы нават збіраліся расправіцца з ім (як начальнік Мікалаеўскага рэдута «займаўся махінацыямі з бухгалтэрыяй і аблікам мясцовых індзейцаў-танаіна, якія яго ненавідзелі і ледзь не забілі» [2, с. 180]; выратаваўся выпадкова дзякуючы жанчынедэнаіне і памёр на службе (напярэдадні аўдытарскай праверкі) [2, с. 180; 9, p. 106]).

Але, несумненна, існуе значна больш прыкладаў паважаных або і проста ўзорна сумленных людзей з ліку беларускіх выхадцаў. Нашчадкі беларусаў ад шлюбаў з мясцовымі жыхарамі з'явіліся на Алясцы ў рускі перыяд, але гэты рамантычны край прыцягваў сыноў нашай зямлі і ў пазнейшыя часы. Раннія кантакты беларусаў з індзейцамі Аляскі не абмяжоўваліся самой Аляскай [4]: М. Цімафееў апынуўся побач з імі ў каліфарнійскай крэпасці Рос (а другой яго жонкай у Сітцы стала каліфарнійская індыянка! [7, p. 9]). Сярод членаў рускай і праваслаўнай абшчын Сан-Францыска быў пскоўскі памешчык У. Гардзенка (Гардэнка, Гардэнкер). Там у царкоўнай школе [4] вучыліся і тлінкіты (у прыватнасці, Андрэй Кавутка і Мікалай Саўчанка з беларуска-тлінкіцкай сям'і ў Кадзьяку), атапаскі, эскімосы, алеуты і крэолы Аляскі.

ЛІТАРАТУРА

1. **Гринев, А. В.** Индейцы тлинкиты в период Русской Америки (1741–1867 гг.) / отв. ред. С. Г. Федорова ; АН СССР, Ин-т этнологиии антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – 320 с.

2. **Гринев, А. В.** Кто есть кто в истории Русской Америки : энцикл. словарь-справочник / А. В. Гринев. – Москва : Academia, 2009. – 672 с.

3. **Гринев, А. В.** Этнический состав пришлого населения Русской Америки / А. В. Гринев // Этнографическое обозрение. – 2007. – № 3. – С. 86–100.

4. **Сімакоў, А.** Ад Рэпак – у далёкі свет : амаль кругасветнае падарожжа здзейсніў ураджэнец Рагачоўшчыны Мікалай Грынкевіч / А. Сімакоў // Голас Радзімы. – 2010. – 4 лют. – С. 3.

5. **Сімакоў, А.** Беларусы ў Рускай Амерыцы / А. Сімакоў // Краязнаўчая газета. – 2005. – № 3 (студз.). – С. 7.

6. **Сімакоў, А.** Пра «дзікунства» і «цывілізацыю». Або як іх разумее Беларуска-індзейскае таварыства / А. Сімакоў // Рабочае слова (Гомель). – 1991. – 31 жн.

7. **Arndt, K. L.** Transplanted to a northern clime: Californian wive sand children in Russian Alaska / K. L. Arndt // Alaska Journal of Anthropology. – 2015. – № 2. – P. 1–20.

8. **Simakov, A.** Savchenko in Alaska and San Francisco: a Belarusian, Creoles, Tlingit / A. Simakov // Journal of the West. – 2020. – № 4 (Fall). – P. 53–69.

9. **Through** Orthodox eyes : Russian missionary narratives of travels to the Dena'ina and Ahtna, 1850s – 1930s / trans. with an introd. A. A. Znamenski. – Fairbanks : University of Alaska Press, 2003. – 346 p.

Спирин И.В. *(г. Минск)*

ПАМЯТНИКИ ФОРТИФИКАЦИИ ОРШАНСКОГО РАЙОНА: КРЕПОСТЬ МИТЬКОВЩИНА И ГОРОДИЩЕ ГОРНАЯ ВЕРАВОЙША (результаты раскопок 2015 и 2018 гг.)

Регион Оршанского Поднепровья, расположенный на самом юге Витебской области, богат на памятники фортификации самых различных эпох – от раннего железного века до Нового времени. В данной статье будут представлены результаты небольших археологических раскопок автора в крепости Митьковщина и на городище Горная Веравойша в 2015 и 2018 гг.

Бастионная крепость «Митьковщина» (Дадатак 9, мал. 1) находится на юго-западной окраине современной д. Митьковщина Андреевского сельсовета. Фортеция расположена на берегу р. Неговка – правого притока Днепра, имеет правильную четырехугольную форму и представляет собой оборонительную систему из трех бастионов, куртин и рвов. Крепость сохрани-

ла почти все свои структурные элементы. На сегодняшний день о данном укреплении практически ничего неизвестно [2; 3].

В августе 2014 г. автором статьи на памятнике были проведены первые археологические раскопки [3]. В 2015 г. археологическое изучение крепости было продолжено. На территории бастиона нами были заложены два раскопа и шурф. Раскоп № 2 (4х4 м) был заложен в районе въезда в замок с таким расчетом, чтобы его северная часть располагалась в проезде, а южная фиксировала «хвост» западной куртины. Предполагалось, что подобное расположение позволит, с одной стороны, зафиксировать остатки въездных ворот, а с другой, – выяснить способ их сочленения с валом. К сожалению, следов ворот обнаружено не было. Выяснилось только, что поверхность западной куртины была укреплена сверху слоем обожженной глины.

Раскоп № 3 (2х4 м) был заложен в месте перехода склона северо-восточного бастиона в ров перпендикулярно бастиону. Обнаружилось, что конструктивно переход склона крепости в ров никак не выделялся. Помимо этого, данные раскопок указывают на то, что ров в этом месте был сухим.

Шурф № 1 (2х2 м) был заложен в юго-восточной части крепостной площадки. Главными задачами разработки шурфа были обнаружение артефактов, позволяющих более точно датировать время функционирования форта, и выяснение толщины культурного слоя.

В ходе раскопок 2015 г. был обнаружен хоть и немногочисленный, но довольно разнообразный керамический материал в виде фрагментов печных изразцов (Дадатак 9, мал. 2) – терракотовых, монохромных и полихромных. Терракотовые изразцы отличаются четырехчастным растительным орнаментом, который нанесен посредством кованой матрицы. Фрагменты монохромных изразцов также украшены растительным орнаментом и покрыты зеленой глазурью. Полихромные изразцы имеют растительный орнамент и расписаны белой, синей и желтой глазурью. Среди найденных фрагментов горшков встречаются как чисто глиняные, так и покрытые с одной либо двух сторон зеленой или темно-коричневой глазурью. Две ножки от рынок – с фрагментом внутренней поверхности, которая была покрыта зеленой глазурью.

Находки из металлов (в данном случае железа) представлены одними гвоздями и их фрагментами. Все гвозди кованные. Длина сохранившихся частей колеблется от 3,4 до 13 см.

Весь полученный в ходе раскопок археологический материал укладывается в хронологические рамки первых двух третей XVII в. Правда, отдельные фрагменты полихромных печных изразцов могут датироваться концом XVI в.

Как уже было указано выше, на данный момент не выявлено ни одного исторического источника, в котором объект исследования упоминался хотя бы косвенно. И если время бытования памятника нами предварительно установлено (конец XVI – первые две трети XVII в.), то вопрос о его атрибутации

как объекта фортификации остается открытым. Простота конструкции, отсутствие следов каких-либо дополнительных сооружений и даже известные нам упоминания в отечественных письменных источниках наталкивают на мысль о временном характере укреплений – они могут вполне оказаться редутом времен войны России с Речью Посполитой 1654–1667 гг. С другой стороны, найденные нами в ходе раскопок фрагменты печных изразцов, хронологически совпадающих со временем бытования подобных укреплений, указывают на синхронное существование на территории крепости дома или домов с изразцовыми печами, что уже ярко свидетельствует о долговременном характере укреплений.

Городище «Горная Веравойша» находится на южной окраине одноименной д. Заболоцкого сельского совета. Раскопки проводились в мае 2018 г. Целями археологических работ являлись выяснение структуры и состояния культурного слоя памятника и, по возможности, установление хронологических рамок его бытования. До нас городище обследовалось Л.Д. Поболем в 1971 г. Исследователем была выявлена лепная гладкостенная керамика, близкая к днепро-двинской культуре. Также ученым было обнаружено селище, расположенное к западу от городища, на месте которого было найдено большое количество гончарной керамики древнерусского периода [3, с. 166].

Рассматриваемое городище – мысового типа. Расположено на левом высоком берегу р. Адров – правого притока Днепра. Наикратчайшее расстояние до р. Адров от центра городища примерно 115 м, до р. Днепр – 10 км. Городище имеет прямоугольную подквадратную форму. Размеры площадки примерно 70х55 м. С трех сторон – восточной, южной и западной – защищено высокими крутыми склонами мыса, на котором расположено, а с северной – напольной стороны – высоким подковообразным земляным валом. Высота вала в наивысшей точке достигает приблизительно 8–10 м и снижается от центра к краям. Помимо вала на данном направлении наблюдается и ров. Не защищенные валом стороны имеют нетипичную особенность – своеобразный земляной карниз шириной 1,5–2 м, опоясывающий основную площадку городища с трех сторон и расположенный ниже нее по склону приблизительно на 1,5 м.

Шурф № 1 копался в два этапа (из-за особенностей выполнения работ). Сначала был выбран квадрат 1 площадью 2х2 м. Через несколько дней к нему был прирезан квадрат 2 с такой же площадью.

Стратиграфию шурфа нельзя назвать разнообразной. Сразу под дерном до самого материка залегал гумусированный однородный культурный слой темно-серого цвета с коричневым оттенком толщиной в среднем 60 см. Материк – мелкий светло-серый песок. В обоих квадратах наблюдалась неглубокая, в среднем около 20 см, материковая яма неправильной формы, уходящая за границы шурфа. На данный момент, исходя из анализа находок, самым логичным будет предположение, что указанная яма – след ранне-

средневекового перекопа, возможно – от хозяйственной ямы. Подтверждение этому – архаичная лепная керамика и изделия из кости в первом пласте и фрагменты гончарной керамики в третьем. При этом предметы более поздних эпох в шурфе обнаружены не были. Что касается маленьких ям, то какая-либо система в их расположении нами не прослежена. В их заполнении находок зафиксировано не было.

Несмотря на небольшую площадь – всего 8 м^2 – заполнение шурфа содержало в себе немало артефактов, в том числе довольно уникальных, анализ которых позволил выполнить поставленные перед началом работ задачи.

Что касается изделий из глины, то всего было обнаружено 75 фрагментов керамики, в основном очень мелких. Большая часть – фрагменты стенок горшков, подавляющее большинство которых от лепных сосудов. Некоторые из них с нанесенными штрихами. Но штрихи не сплошные. Обжиг, как правило, неравномерный. Тесто с большим добавлением средних и крупных фракций дресвы. На фрагменте одной из стенок гончарного сосуда присутствует волнистый орнамент. Также обнаружено 8 фрагментов венчиков. Из них 2 от гончарных сосудов и 6 – от лепных. Одни из них – от лепного сосуда предположительно баночной формы с плоским, отогнутым наружу практически под прямым углом венчиком. Наружная поверхность сосуда перед обжигом была обмазана сырой глиной. Обжиг неравномерный, тесто с добавлением крупных фракций дресвы. Еще один лепной венчик – от сосуда с прямым горлом, и, вероятно, баночной формы. Также был найден похожий на него по качеству изготовления, однако неидентичный, венчик, вероятно, миски. Тесто хорошо отмучено, обжиг равномерный. Один из двух гончарных венчиков имеет S-видный профиль, относительно равномерный качественный обжиг, изготовлен из хорошо отмученной глины.

Было обнаружено довольно много фрагментов донцев сосудов, большинство из которых также вылеплены вручную. На одном из фрагментов донца гончарного сосуда имеется клеймо в виде, вероятно, креста (на указанном фрагменте уцелела только часть с одной из перекладин креста). На одном из фрагментов лепного донца отчетливо видны штрихи. Еще одно донце выглядит весьма архаично, по своему внешнему виду идентично венчику, описанному выше фрагменту венца сосуда с отогнутым под прямым углом плоским венчиком. Весьма интересно смотрится кусок обожженной глины. Это либо фрагмент донца очень архаичного толстостенного сосуда с округлым дном, либо фрагмент глиняной обмазки печки. Стоит заметить, что ни сама печка, ни ее следы, ни другие похожие фрагменты нами обнаружены не были.

Помимо керамических изделий было найдено 24 единицы изделий из бронзы, железа и кости. Причем половина из них представлена именно последней группой предметов. Так, достаточно редкими и интересными находками являются костяной наконечник стрелы (Дадатак 9, мал. 3.3) и костяной гарпун (Дадатак 9, мал. 3.4), изготовленные из ребра. Наконечник имеет

ромбовидную форму и ромбовидное сечение. Его длина – 5,7 см (Дадатак 9, мал. 2.3). Гарпун скорее всего недоделан, имеет ассиметричное, ножевидное обоюдоострое «лезвие» длиной 11 см (Дадатак 9, мал. 2.4). Костяная бусина, изготовленная из трубчатой кости, имеет длину 3,4 см, максимальный диаметр – 1,3 см. Ее внешняя поверхность была явно отполирована (Дадатак 9, мал. 3.6). Также к группе костяных украшений можно отнести коготь и клык хищного животного. Кроме готовых изделий найдено большое количество заготовок, в основном из ребер. Самая большая из них имеет длину 8,4 см (Дадатак 9, мал. 3.5).

Изделия их металлов, железа и бронзы также довольно разнообразны. Были найдены: *нательный бронзовый крестик* – равносторонний, четырехконечный, с шарообразными окончаниями (Дадатак 9, мал. 3.1). Такие крестики характерны для XII–XIII вв.; *железный ножик* клиновидного сечения с обломанным черенком и прямой спинкой длиной 5 см (Дадатак 9, мал. 3.2); *фрагмент бронзового кольца*, вероятнее всего, – фрагмент кольца от конской упряжи. Отлито из бронзы плохого качества. Имеет круглое сечение (Дадатак 9, мал. 3.7); *фрагмент бронзового браслета* плоского сечения, также из металла плохого качества. Имеет орнамент – по всей внешней окружности браслета две параллельные бороздки (Дадатак 9, мал. 3.8); *железный крючок-застежка* от колчана рамочного типа (Дадатак 9, мал. 3.9).

Горная Веравойша обладает большим потенциалом для дальнейшего археологического изучения на большой площади, так как имеет выразительный культурный слой, неповрежденный современными перекопами, содержащий в себе большое количество артефактов разных эпох – от раннего железного века до Средневековья. Вызывает интерес и необычная конфигурация площадки городища, а именно – карниз.

Таким образом, на территории Оршанского Поднепровья расположены памятники различных исторических эпох, обладающие огромным исследовательским потенциалом.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Поболь, Л. Д.** Археологические памятники Белоруссии: железный век / Л. Д. Поболь ; [науч. ред. М. А. Ткачев] ; Акад. наук БССР, Ин-т истории. – Минск : Наука и техника, 1983. – 456 с.

2. **Спирин, И. В.** Итоги археологических раскопок на памятниках «Шкловский замок в Рыжковичах» и «бастионная крепость у д. Митьковщина» летом 2014 г. / И. В. Спирин // Матэрыялы па археалогіі Беларусі : навук. зб. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2016. – Вып. 27 : Вынікі даследаванняў першабытных і сярэдневяковых старажытнасцей Беларусі ў 2013–2014 гадах. – С. 120–133.

3. **Спирин, И. В.** Некоторые особенности строения укреплений Шкловского замка и бастионной крепости у д. Митьковщина (по данным раскопок 2014 г.) / И. В. Спирин // Весн. Магілёўс. дзярж. ун-та. Сер. А, Гуманітар. навукі. – 2016. – № 2. – С. 37–43.

Суздальцев И.А. *(г. Москва, Россия)*

ОЦЕНКА МОСКОВСКОЙ БИТВЫ (1612) СОВРЕМЕННЫМИ АНГЛОЯЗЫЧНЫМИ ИСТОРИКАМИ

В 2022 г. исполнится 410 лет с момента Московской битвы (битвы на Девичьем поле), благодаря победе в которой войскам Второго ополчения удалось изгнать польские гарнизоны из Московского Кремля, что напрямую способствовало окончанию Смутного времени в нашей стране. Однако, несмотря на значительную роль этой битвы как в событиях Смутного времени в частности, так и в истории России в общем, она изучена достаточно слабо. Об этом свидетельствует незначительное количество исследований, в которых она упоминается, особенно в зарубежной историографии, хотя с начала 1990-х гг. все же появляется ряд работ, где Московская битва, а также события ей предшествующие демонстрируют определенное внимание историков к данному вопросу.

События Смутного времени интересовали отечественных историков еще в XIX в., в частности, В.О. Ключевский, характеризуя события 1612 г., отмечал, что только с помощью казачьего отряда князя Трубецкого в октябре был взят «приступом Китай-город» [4, с. 317]. В начале XX в., а также после 1917 г. самым выдающимся исследователем Смуты был С.Ф. Платонов, его главный труд по данной теме – «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.». Ряд историков считает, что после революции его взгляды на Смутное время претерпели изменения: больший акцент был сделан на положение широких слоев населения, имел место переход от термина «социальная борьба» к понятию «классовая борьба» [16, с. 430–432], признавался классовый характер многих событий Смуты [1, с. 28]. Его современник Ю.В. Готье, сращивая такие понятия, как «Смутное время» и «революционное движение» [1, с. 29], писал, что главными действующими силами в Московской битве и в целом в изгнании интервентов из России были «средние слои русского общества», а также крестьяне [2, с. 140–143].

Вскоре такое обозначение этого периода, как «Смутное время» было заменено понятием «крестьянская война», а в историографии стали доминировать споры о том, как лучше всего вписать данные события в официальную историческую концепцию того времени[1]. В 1980–1990-е гг. увидели свет монографии Р.Г. Скрынникова [9; 10; 11; 12 13; 14], который изначально называл события Смуты крестьянской войной, однако в последних работах отказался от этих интерпретаций в пользу рассмотрения Смутного времени как гражданской войны, вызванной не только закрепощением крестьянства, но и кризисом в системе дворянского землевладения [28, с. 5]. Эта тенденция

[1] См., в частности, дискуссию в журнале «Вопросы истории» в 1958–1961 гг. [3; 5; 6; 7; 8; 15].

в целом свойственна современным работам, опубликованным в России, западные же исследователи, по мнению британского историка М. Перри, не увлекались концепцией крестьянской войны, предпочитая термин «Смутное время» [29, с. 409].

Ряд работ в зарубежной историографии Смутного времени был опубликован еще до конца 1980-х – начала 1990-х гг. Например, биография Лжедмитрия I [2] и монография, где частично рассматривается положение крестьянства в XVII в. [27], в которой автор (французский историк Р. Мунье (Roland Mousnier)) делает вывод, что роль крестьянства в событиях Смутного времени, в том числе Московской битве, крайне незначительна, хотя констатирует, что главные участники событий (казаки, стрельцы, «бандиты») по своему происхождению чаще всего были крестьянами [27, с. 180–184, 326]. Американский историк П. Эврич (Paul Avrich), наоборот, отмечает, что крестьяне были самым многочисленным сословием, участвовавшим в битвах, однако роль предводителей в восстаниях, как правило, принадлежала казакам [1, с. 4–5].

С конца 1980-х – начала 1990-х гг. количество опубликованных за рубежом исследований, полностью или частично посвященных Смуте и роли Московской битвы в ней, стало увеличиваться. Среди них монографии Р. Крамми (RobertO. Crummey) [20], М. Джонсона (Matthew Raphael Johnson) [25], Д. Шубина (Daniel H. Shubin) [30], И. Грубера (Isaiah Gruber) [24] (все – США), М. Перри (Maureen Perrie) [28], Ч. Даннинга (Chester S. L. Dunning) [21; 22], В. Мосса (Vladimir Moss) [26] (все – Великобритания); статьи вышеупомянутых М. Перри [29] и Ч. Даннинга [23], а также Е. Блюмина (Evgeniy Blyumin) [19] и Т. Стэнвея (Theodore Stanway) [31] (оба – США). В данной работе рассматриваются представители только Великобритании и США по причине того, что в других англоязычных странах значительных исследований по этой теме опубликовано не было. Несмотря на достаточно немногочисленный перечень исследований, историками по ряду проблем высказываются различные точки зрения вплоть до абсолютно противоположных.

Например, по-разному оценивается роль церкви. Р. Крамми считает, что патриарх Гермоген (патриарх Московский и всея Руси в 1606–1612 гг. – *И. С.*) создал искру, которая подняла людей на сопротивление [20, с. 229]. М. Перри также утверждает, что письмо патриарха Гермогена, которое удалось вывезти из осажденной Москвы (имеется ввиду Грамота в Нижний Новгород. – *И. С.*), послужило толчком для организации новой освободительной армии [28, с. 425, 427]. По мнению Т. Стэнвея и В. Мосса, волна патриотического рвения исходила от Троице-Сергиевой Лавры, которая и воодушевила нижегородцев [26, с. 185; 31].

И. Грубер придерживается иного мнения. Он пишет, что монастыри были прежде всего крупными экономическими корпорациями, и их главной заботой являлась погоня за прибылью. Только на более поздних этапах Сму-

ты, когда их прибыль оказалась под угрозой, монастыри стали проявлять инициативу по восстановлению политической стабильности [24, с. 51–74, 163–172, 184–186].

По мнению М. Джонсона, действия отдельных представителей духовенства, высказывавшихся за поддержку интервентов, никак не отразились на церкви, доктрины которой никогда не подвергались сомнению [25, с. 73]. Ч. Даннинг считает, что влияние церкви в Смутное время было очень значительным (горожане и крестьяне были готовы жертвовать собой ради религиозной борьбы) [22, с. 416], однако после того, как церковь вышла из Смутного времени победителем, началось ее значительное обогащение, стал наблюдаться рост церковного землевладения [21, с. 320].

Относительно состава войска Минина и Пожарского Крамми пишет, что ополчение в основном состояло из войск, бежавших из Смоленска. И только в преддверии битвы за Москву к ополчению присоединились дворяне, аристократия, а также казаки, торговцы и ремесленники [20, с. 229]. Шубин отмечает, что из оккупированной Москвы в Ярославль устремилось много дворян и князей, в том числе Андрей Куракин, Василий Морозов, Семен Головин, Никита Одоевский, Петр Пронский, Иван Черкасский, Борис Салтыков, Иван Троекуров и др. В письмах, которые рассылал городам Пожарский, было 34 подписи от представителей аристократии [30, с. 206–207]. Даннинг же пишет о том, что даже в начале августа 1612 г. в ополчении Пожарского было очень мало знатных дворян. Пожарский командовал не менее 10 тыс. человек, но его пестрые войска, значительная часть которых состояла из татар, мордвы и чувашей, вооруженных топорами, копьями и аркебузами, вызвали насмешки со стороны польского гарнизона в Москве [21, с. 294–295].

Одной из главных причин победы войск Второго ополчения Крамми считает факт договоренности о нейтралитете Швеции в битве за Москву взамен на обещание выдвинуть кандидатуру князя Карла Филиппа, брата короля Густава II Адольфа, как царя [20, с. 230]. Шубин и Блюмин видят главную причину победы в том, что 18 августа 1612 г. армия Трубецкого присоединилась к армии Пожарского, после чего к войскам ополчения перешла стратегическая инициатива [19; 30, с. 209–210]. Даннинг отмечает как дипломатические качества Пожарского, добившегося критически важного перемирия со Швецией в июне 1612 г. [21, с. 293], так и союз между Трубецким и Пожарским [23, с. 494], хотя в начале Московской битвы надменный Трубецкой сохранял свои казачьи войска в стороне. По мнению Даннинга, одной из главных проблем в 1612 г., которая ослабляла войска Второго ополчения, была борьба внутри страны с остатками Первого ополчения. Например, это выразилось в том, что войска И. Заруцкого, одного из руководителей Первого ополчения, заблокировали замысел Минина и Пожарского использовать Суздаль в качестве опорного пункта для освобождения Москвы, после чего последние вынуждены были выбрать Ярославль. Заруцкий также пытался

помешать Пожарскому занять и это место, однако после ряда успешных действий Ярославль все же стал штаб-квартирой национально-освободительного движения [21, с. 292–293, 296].

Перри также считает, что во многом благодаря союзу Трубецкого и Пожарского их войскам удалось освободить Москву, при этом (в отличие от Даннинга) он пишет, что Трубецкой был также заинтересован в ополчении Пожарского и еще в марте 1612 г. обращался к нему с просьбами о военной помощи. Перри отмечает еще одну немаловажную, по его мнению, причину победы Второго ополчения: И. Заруцкий в марте 1612 г. присягнул на верность Лжедмитрию III, что способствовало переходу многих из его бывших сторонников в лагерь Минина и Пожарского [28, с. 216, 218].

Таким образом, современная зарубежная историография событий Московской битвы 1612 г. представлена достаточно значительным количеством исследований, что говорит о сохранении определенного интереса к изучению как данной, так и смежной с ней тем, по ряду проблем имеются различные мнения, иногда абсолютно противоположные.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Горбачев, П. О.** С. Ф. Платонов и Ю. В. Готье о смутном времени : штрихи к послереволюционному периоду творчества выдающихся историков / П. О. Горбачев // Вестник Нижневартовского гос. гуманитар. ун-та. – 2009. – № 2. – С. 26–30.

2. **Готье, Ю. В.** Смутное время : очерк истории революционных движений начала XVII столетия / Ю. В. Готье. – Москва : Гос. соц.-экон. изд-во, 1921. – 152 с.

3. **Зимин, А. А.** Некоторые вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII в. / А. А. Зимин // Вопросы истории. – 1958. – № 3. – С. 97–113.

4. **Ключевский, В. О.** Исторические портреты / В. О. Ключевский. – Москва : Эксмо, 2008. – 510 с.

5. **Корецкий, В. И.** Из истории крестьянской войны в России начала XVII века / В. И. Корецкий // Вопросы истории. – 1959. – № 3. – С. 118–137.

6. **Овчинников, Р. В.** Некоторые вопросы крестьянской войны начала XVII века в России / Р. В. Овчинников // Вопросы истории. – 1959. – № 7. – С. 69–83.

7. **Скляр, И. М.** О крестьянской войне в Русском государстве в начале XVII века / И. М. Скляр // Вопросы истории. – 1961. – № 5. – С. 102–120.

8. **Скляр, И. М.** О начальном этапе первой крестьянской войны в России / И. М. Скляр // Вопросы истории. – 1960. – № 6. – С. 90–101.

9. **Скрынников, Р. Г.** Минин и Пожарский / Р. Г. Скрынников. – Москва : Молодая гвардия, 1981. – 352 с.

10. **Скрынников, Р. Г.** Россия в начале XVII в. «Смута» / Р. Г. Скрынников. – Москва : Мысль, 1988. – 283 с.

11. **Скрынников, Р. Г.** Самозванцы в России в начале XVII в. Григорий Отрепьев / Р. Г. Скрынников / Новосибирск : Наука, Сибир. отд-ние, 1990. – 240 с.

12. **Скрынников, Р. Г.** Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников / Р. Г. Скрынников. – Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1988. – 256 с.

13. **Скрынников, Р. Г.** Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века / Р. Г. Скрынников. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1985. – 328 с.

14. **Скрынников, Р. Г.** Царь Борис и Дмитрий Самозванец / Р. Г. Скрынников. – Смоленск : Русич, 1997. – 622 с.

15. **Смирнов, И. И.** О некоторых вопросах истории борьбы классов в Русском государстве начала XVII / И. И. Смирнов // Вопросы истории. – 1958. – № 12. – С. 116–131.

16. **Чистякова, Е. В.** Сергей Федорович Платонов и его труд «Очерки по истории Смуты в Московском государстве в XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время)» / Е. В. Чистякова // Платонов, С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве в XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время) / С. Ф. Платонов. – 5-е изд. – Москва, 1995. – С. 430–432.

17. **Avrich, P.** Russian Rebels, 1600–1800 / P. Avrich. – London, 1973.

18. **Barbour, P. L.** Dimitry, Called the Pretender. Tsar and Great Prince of All Russia, 1605–1606 / P. L. Barbour. – London, 1967.

19. **Blyumin, E.** The role of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the events of the Time of Troubles [Electronic resource] / E. Blyumin // Academia.edu, 2012. – Mode of access: https://www.academia.edu/10133425/The_role_of_the_Polish_Lithuanian_Commonwealth_in_the_events_of_the_Time_of_Troubles. – Date of access: 25.06.2021.

20. **Crummey, R. O.** The formation of Muscovy 1304–1613 / R. O. Crummey, – London ; New York ; Routledge, 1987.

21. **Dunning, C. S.** A short history of Russia's first civil war: the Time of Troubles and the founding of the Romanov dynasty / C. S. Dunning. – University Park, The Pennsylvania State University Press, 2004.

22. **Dunning, C. S.** Russia's First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty / C. S. Dunning. – University Park, Pennsylvania State University Press, 2001.

23. **Dunning, C. S.** Terror in the Time of Troubles / C. S. Dunning // Kritika Explorations in Russian and Eurasian History. – January 2003. – P. 491–513.

24. **Gruber, I.** Orthodox Russia in Crisis : Church and Nation in the Time of Troubles / I. Gruber. – DeKalb, Northern Illinois University Press, 2012.

25. **Johnson, M. R.** The Third Rome : Holy Russia, Tsarism & Orthodoxy / M. R. Johnson. – Washington D.C. // The Barnes Review. – 2003.

26. **Moss, V.** Christian Power in the Age of Reason / V. Moss. – Guildford, St. Michael's Press, 2004.

27. **Mousnier, R.** Fureurspaysannes : Les paysansdans les revoltes du XVIIesiecle (France, Russie, Chine) / R. Mousnier. – Paris, 1967.

28. **Perrie, M.** Pretenders and popular monarchism in early modern Russia. The false tsars of the Time of Troubles / M. Perrie. – Cambridge : Cambridge University Press, 1995.

29. **Perrie, M.** The Time of Troubles (1603–1613) / M. Perrie // The Cambridge History of Russia. Volume I. From Early Rus' to 1689. Edited by Maureen Perrie. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – P. 409–434.

30. **Shubin, D. H.** Tsars and Imposters : Russia's Time of Troubles / D. H. Shubin. – New York : Algora Publishing, 2009.

31. **Stanway, T.** For the Soul of Rus : Church-State Relations in the Time of Troubles [Electronic resource] / T. Stanway // Academia.edu, 2019. – Mode of access: https://www.academia.edu/27140349/For_the_Soul_of_Rus_Church_State_Relations_in_the_Time_of_Troubles. – Date of access: 23.06.2021.

Тимофеев Р.В. *(г. Витебск)*

РАЗВИТИЕ ТРАНСПОРТА В ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ (1961–1991)

Витебская область сегодня – это важная часть Республики Беларусь, которая обладает мощным экономическим потенциалом. Успешное развитие нашей области держится на различных отраслях народного хозяйства, где во многом определяющей является роль транспорта. Транспортный комплекс у нас представлен всеми основными видами: железнодорожным, автомобильным, городским электротранспортом, речным, воздушным и трубопроводным.

Все отмеченные виды транспорта в Витебской области уже действовали на ее территории в период 1961–1991 гг., что вызывает сегодня высокий научно-краеведческий интерес. Без понимания процессов, связанных с развитием транспорта, невозможно в полной степени представить картину социально-экономического состояния нашей области в предыдущие и последующие годы.

Изучая развитие транспорта Витебской области за 1961–1991 гг., можно выявить как достижения, так и проблемы. Так, в грузовых перевозках на Витебском отделении Белорусской железной дороги в первой половине 1960-х гг. не всегда достигались такие показатели, как среднесуточный пробег паровоза (500 км) и простои транзитных вагонов (3–5 часов). Одной из причин слабого вывоза грузов было несвоевременное информирование потребителей. Тем не менее, отражая рост производства, перевозки выросли.

Важным для роста перевозок пассажиров железной дорогой в первой половине 1960-х гг. стало ускорение движения поездов дальнего следования, рост числа их направлений, использование пригородных абонентских билетов. В то же время негативным явлением оставалось нарушение графиков движения поездов, чаще транзитных и особенно в летний период. Но положительные сдвиги в организации перевозок позволили увеличить отправление пассажиров.

На состояние автотранспортных перевозок в первой половине 1960-х гг. оказали влияние такие мощные факторы, как уровень промышленного производства в регионах, укрупнение и специализация автохозяйств. В целях

выполнения планов перевозок проходил поиск таких форм работы, которые бы уменьшали простои машин на погрузке – выгрузке.

Автотранспортники стали больше уделять внимания регулярности обслуживания населения области. Действовало множество пригородных маршрутов, но из-за отсутствия качественных дорог часть из них временно закрывали.

Отвечая на рост потребностей населения больших городов в первой половине 1960-х гг., развивали перевозки на электротранспорте, но чувствовалась его нехватка в новых жилых микрорайонах Витебска.

Перевозкам на речном флоте в первой половине 1960-х гг. препятствовала загрузка судов ниже нормативной из-за нехватки товарных партий и простои в портах под их разгрузкой. Тем не менее благодаря директивной передаче ряда массовых грузов на флот перевозки несколько нарастили. На развитие речного пассажирского сообщения в области негативно влияло наличие малого количества судоходных путей.

Благодаря развитию авиапарка, увеличению запросов на услуги авиации со стороны промышленных предприятий, изменению планирования росли грузовые авиаперевозки. В свою очередь, под влиянием расширения организации отдыха за пределами БССР возросли потребности в полетах со стороны населения.

Во второй половине 1960-гг. перевозки грузов в Витебской области в основном динамично развивались благодаря внедрению передовых приемов труда, совершенствованию материальной базы и повышению спроса на услуги со стороны промышленных и строительных предприятий. Но необходимо было еще и рационально использовать имевшиеся технические возможности в перевозках, не допускать сверхпростоев и порожних пробегов подвижного состава. Тогда было больше шансов выполнить планы.

Проблемами на железной дороге остались простои вагонов при разгрузке из-за нехватки средств механизации и длины подъездных путей заводов. Поэтому применялась круглосуточная разгрузка, но ряд показателей все равно выполнен не был.

В этот период стали больше внимания уделять удобству перемещения пассажиров на железной дороге. В 1966 г. ввели прямые плацкарты для следования через Москву. Массовой стала предварительная продажа билетов. Росту перевозок содействовало предоставление дополнительных поездов в праздничные, а вагонов в выходные дни.

В указанный период заказчики автотранспорта не всегда рационально составляли заявки, и загрузка использовавшихся грузовиков была неполной. Но общий рост потребностей экономики помог выполнять планы. Темпы роста перевозок по разным показателям были схожи.

Во второй половине 1960-х гг. в целях обеспечения перевозок автопассажиров расширяли поставки техники и строили больше дорог. Все это по-

зволило в 1970 г. связать автобусными маршрутами свыше 75% населенных пунктов. Но оставались вопросы к качеству обслуживания.

Основанием для высоких объемов перевозок электротранспортом за 1966–1970 гг. стало увеличение троллейбусных линий и рост регулярности такого рода движения. Маршруты развивали с учетом обеспечения связи микрорайонов Витебска.

Речной флот во второй половине 1960-х гг. благодаря переоснащению смог доставлять 30% грузов со скоростями, не уступавшими железной дороге, что привело к росту заказов. Самые высокие темпы показала транзитная транспортировка.

Чтобы привлечь пассажиров, речники открывали новые маршруты между городами и остановочные пункты у приречных деревень, проводили переоснащение причалов, улучшали обслуживание на судах. Перевозки из-за гидрологической обстановки за 1966–1970 гг. колебались.

Через интенсивное включение белорусского воздушного транспорта в транзитную работу перевозки грузов за 1966–1970 гг. в целом возросли. На объем перевозок пассажиров повлияло использование новых самолетов, открытие дополнительных авиалиний, межсезонное снижение тарифов.

Высокими темпами росли объемы работы трубопроводов, в том числе благодаря вводу в 1969 г. новых компрессорных станций прокачки нефти по направлению Полоцкого управления нефтепровода «Дружба». В итоге этот вид транспорта по росту грузовых перевозок обогнал все другие.

Постоянно шел поиск пути подъема перевозок на новый уровень. В итоге за первую половину 1970-х гг. на железной дороге загрузку в тоннах увеличили за счет расширения смешанного и маршрутного сообщения. В то же время из-за недостаточной длины отправочных путей у клиентов медленно увеличивался средний вес поездов.

С каждым десятилетием требования пассажиров к удобству поездок на железной дороге возрастали. Поэтому в первой половине 1970-х гг. за счет замены вагонов увеличили количество купейных и плацкартных мест в поездах дальнего следования. В то же время для пригорода дизель-поездов и электропоездов часто не хватало.

Основные проблемы осуществления грузовых перевозок автотранспортом оказались связаны с некачественным использованием его материальной базы. Для изменения ситуации стали шире внедрять автопоезда и их маршрутизацию. Под влиянием экономического роста, поднявшего спрос, перевозки увеличились.

Исходя из требований по совершенствованию пассажирских перевозок, автотранспортники развивали маршрутную сеть. В 1973 г. действовало линий в 2 раза больше, чем в 1965 г. Но ряд рейсов не выполнялся из-за дорог и поломок в автобусах.

В перевозках электротранспорта положительное соседствовало с отри-

цательным. Если в 1972 г. появился трамвай в Новополоцке, то из-за неисправностей работала не вся техника. Улучшая ремонт, транспортники увеличили объем провоза населения.

Совершенствованию речных грузоперевозок содействовала более качественная подготовка судов к навигации, модернизация флота и ускорение перевалки грузов в портах. В итоге перевозки возросли.

Если по просьбам пассажиров речники открывали новые местные линии, то одновременно все больше дополнительных маршрутов предлагал автотранспорт, забирая тем самым клиентов даже в приречных районах.

Не потерял потребителя воздушный транспорт, так как у промышленности осталась необходимость быстрой переброски комплектующих в конце каждого месяца. Грузоперевозки авиацией динамично росли. Дополнительными факторами привлечения пассажиров стали их ускоренная регистрация перед вылетом и использование автоматизированной системы бронирования.

В новой пятилетке приходилось решать не меньше проблем, чем раньше. В целях повышения эффективности грузовой работы на железной дороге в 1976–1980 гг. стремились сокращать перевозки в неполновесных поездах. В то же время причиной отставания от планов по объему перевозок оказалась нехватка пропускных способностей станций.

В выходные и праздничные дни в целях удовлетворения спроса пассажиров на железной дороге интенсивней осуществляли прицепку дополнительных вагонов. Но в пригородном сообщении не хватало остановок, и часть клиентуры уходила.

Для повышения эффективности использования материальной базы и роста перевозок автотранспортники увеличивали среднесуточную продолжительность работы машин и среднюю дальность грузовых маршрутов. Удельный вес в автогрузоперевозках Минавтотранса за 1976 г. составил 51,5% при наличии 20% автопарка. Но негативным явлением осталось уменьшение коэффициента использования машин из-за ремонта.

Для удобства автопассажиров во второй половине 1970-х гг. стали массово осуществлять продажу билетов в автобусах. Пассажиры уезжали на более дальние расстояния. Но негативным явлением оставались перегрузки автобусов в часы пик.

Если с обеспечением роста объемов перевозок на электротранспорте его работники чаще всего справлялись, то этого нельзя было сказать о качестве услуг. Поэтому в целях соблюдения графиков движения совершенствовали работу диспетчерских станций.

Во второй половине 1970-х гг. речники в целях роста производительности своего труда шире использовали прогрессивные приемы проводки судов. Больше внимания уделили уменьшению временных потерь в объемах работы при освоении новых видов техники на судоходных путях.

На флоте стремились привлечь пассажиров через расширение времени навигации и установку причалов там, где пока не было качественных автодорог. Но на уровень перевозок все больше влияла сезонность работы речников и конкуренция других видов транспорта.

Новые тенденции проявили себя в грузовой работе авиации. При ее помощи товарные партии заказчикам отправлялись в целом на более дальние расстояния, чем раньше, хотя в итоге вес загрузки вырос незначительно.

Чтобы сделать услуги более привлекательными, авиаторы вне прямой зависимости от погоды повышали регулярность полетов для пассажиров. Но негативно повлиял уход части потенциальных клиентов на железную дорогу, которая делала свои услуги качественнее и дешевле.

Работа трубопроводов отличалась стабильностью. Из года в год они удешевляли прокачку нефти на 1–1,5% за счет внедрения нового оборудования. В то же время дальнейший рост прокачки сдерживался слабостью местной газопроводящей сети.

Предприятия транспорта стремились решать поставленные им задачи по росту эффективности работы. Чтобы удовлетворить потребности хозяйства в перевозках имевшимся подвижным составом на железной дороге в первой половине 1980-х гг. повышали вес поездов. Для противодействия сверхпростоям вагонов на подъездных путях усиливали механизацию.

Для привлечения к себе дополнительных пассажиров на железной дороге расширили работу информационных служб, держали на низком уровне тарифы, предлагали больше дальних маршрутов с минимумом стоянок, но положению дел мешали просчеты в планировании.

Важным для поддержания объемов перевозок на автотранспорте стал прием ряда грузов с железной дороги в целях их транспортировки на небольшие расстояния. Для повышения эффективности использования подвижного состава шире использовали прицепы. В итоге автотранспорт общего пользования в 1983 г. при наличии у него 18,8% автопарка БССР доставлял 52,3% автогрузов. В то же время из-за улучшения планирования производства и уменьшения темпов экономического роста потребности в транспортировке уменьшились, и перевозки за 1981–1985 гг. упали.

Новых автопассажиров привлекали к себе открытием дополнительных линий в городах и распространением льготных месячных проездных билетов. Но сложной задачей оставалось обеспечение регулярности движения автобусов и повышение коэффициента их выпуска на линии.

Росту перевозок на электротранспорте содействовали мероприятия по ускорению доставки рабочих на предприятия через внедрение укороченных и круговых маршрутов, переброску подвижного состава с одного направления на другое.

Оставалась в первой половине 1980-х гг. сложной ситуация с организацией речных перевозок грузов, так как многие ведомства не считались с вы-

сокими тарифами другого транспорта и предпочитали их флоту. Поэтому приходилось тратить большие усилия по поиску крупных партий грузов к началу навигации. Но несмотря на проблемы, за 1981–1985 гг. речники увеличили перевозки.

В целях поддержания пассажироперевозок речники повышали комфорт для клиентов во время плавания и стремились выполнять графики рейсов, несмотря на менявшийся водный режим. В итоге резких спадов допущено не было, несмотря на сезонный характер работы.

В перевозках грузов авиация стала все больше уступать конкурентам по причине более рационального размещения производства, когда частично отпала необходимость в быстрой транспортировке заказов на сверхбольшие расстояния. К тому же и по причине уменьшения воздушного транзита за 1981–1985 гг. перевозки грузов в целом упали.

В то же время использование новых самолетов и современной системы продажи билетов делало услуги авиации привлекательными для пассажиров и поддерживало их. Тем не менее перевозки из-за ценовой конкуренции со стороны других видов транспорта за 1981–1985 гг. уменьшились.

В начале перестройки организация работ на транспорте и состояние его материальной базы были несколько улучшены. Народное хозяйство предъявляло большой спрос на перевозки. Но с ухудшением социально-экономической ситуации многие ведомства из-за разрыва производственных связей все чаще не справлялись с задачей своевременного и полного предоставления запланированных грузов к транспортировке.

С другой стороны, по причине недостатков в размещении производства большой оставалась доля встречных перевозок. Не были уменьшены порожние пробеги и сверхпростои, а в 1990–1991 гг. обострилась ситуация с объемами выполненных перевозок.

У железнодорожников во второй половине 1980-х гг. к простоям вагонов приводила несогласованность работы с клиентурой. Выход искали в создании совместных комплексных смен для обеспечения нормативной выгрузки. Также негативное влияние оказывало ускорявшееся старение материальной базы. Показатели транспортировки все четче стали отражать повсеместно происходившие отрицательные явления в экономике.

Проблемы перестройки отразились и на спросе перевозок по железной дороге со стороны пассажиров, хотя транспортники и стремились повышать для них комфорт. В конце 1980-х гг. часть клиентуры оттолкнуло повышение тарифов для поездок в поездах дальнего следования. Но общее падение перевозок не было резким, так как услуги для поездок внутри БССР остались недорогими.

В конце перестройки одной из главных проблем у автотранспортников оказалось падение объемов грузоперевозок. Хотя одновременно имели место и положительные тенденции, когда сократилась доля порожних пробе-

гов подвижного состава. Затем на ситуацию повлияло ухудшение ситуации с выпуском продукции, что уменьшило потребности в ее транспортировке.

Транспортники стремились различными способами обеспечить приток к себе автопассажиров, для чего в 1986 г. была расширена практика продажи билетов на обратные рейсы в междугороднем сообщении. В то же время фактически главное влияние на объемы предоставлявшихся услуг продолжало оказывать состояние материальной базы. Тем не менее используя имевшиеся возможности транспортники наращивали перевозки до конца 1989 г. Затем перевозки обоснованно упали.

Продолжавшаяся миграция населения в большие города привела к динамичному увеличению спроса на услуги электротранспорта.

Каждый из видов транспорта обладал большим потенциалом. В 1991 г. речники были способны перевозить миллионы тонн грузов в год. Но часть клиентуры у них забрала железная дорога, снизившая тарифы. Уровень перевозок из-за гидрологических условий колебался. В 1991 г. перевозки упали соответственно экономическим трудностям периода.

Сложности перестройки наложили отпечаток и на перевозки речниками пассажиров. Если до 1989 гг. маршруты расширяли, увеличивая время их сезонного действия с помощью судов с низкой осадкой, то в 1990–1991 гг. многие маршруты закрыли из-за убыточности. Если за 1986–1989 гг. перевозки еще нарастили, то затем они упали.

Перевозки грузов авиацией в годы перестройки резко уменьшились ввиду высоких тарифов. Негативным фактором стал и срыв производства смежниками, что привело к спаду заказов. В итоге за 1986–1991 гг. произошло снижение транспортировки.

Тем не менее в руках авиации оставалось преимущество в виде удобства перемещения для пассажиров, хотя на объемы услуг и повлияло увеличение тарифов в 1991 г. по различным линиям в 1,8–2,9 раза. Но заменить авиацию кто-либо другой не мог. В итоге за 1986–1989 гг. успели увеличить перевозки пассажиров.

Большие объемы транспортировки пришлись на трубопроводы. Управление нефтепровода «Дружба» за 1970–1980-е гг. втрое увеличило грузопоток. Лишь в 1990–1991 гг. из-за ослабления и разрыва экономических связей произошло уменьшение объемов работ.

Таким образом, в развитии транспорта Витебской области за 1961–1991 гг. отразились тенденции и проблемы ее социально-экономического развития, что позволяет нам сегодня более четко обрисовать имеющуюся картину исторического состояния региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Тимофеев, Р. В.** Подготовка, оплата труда и обеспечение социальных потребностей кадров транспорта Белорусской ССР в конце 1943 – 1991 г. / Р. В. Тимофеев. – Минск : Национальная библиотека Беларуси, 2018. – 254 с.

2. **Тимофеев, Р. В.** Транспорт Белорусской ССР в социально-экономическом развитии общества (конец 1943 – 1991 год) : монография / Р. В. Тимофеев. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2013. – 400 с.

3. **Тимофеев, Р. В.** Транспортная политика в Белорусской ССР: разработка и осуществление (осень 1943 – 1991 г.) / Р. В. Тимофеев. – Минск : Национальная библиотека Беларуси, 2017. – 230 с.

Титова Н.И. *(г. Витебск)*

ИЗ ИСТОРИИ СЕМЬИ БЕЛОХВОСТИКОВЫХ

Есть в центре Витебска маленькая улица – всего 500 м. Затаилась она в районе просп. Фрунзе между высотками вдоль Витьбы под сенью садов. Весной над ней стоит аромат цветущих садов, а осенью – антоновских яблок. Сразу ее и не найдешь. Улица ничем не приметна, кроме того, что на ней проживали герой Витебского подполья, руководитель диверсионно-разведывательной группы Александр Ефимович Белохвостиков, его сестры Мария и Елизавета и брат Иван. Когда-то она называлась 2-й Стадионной, в 1968 г. получила свое новое имя – ул. Белохвостикова. В учреждении «Государственный архив Витебской области» хранится несколько документов, связанных с деятельностью А.Е. Белохвостикова. Читаешь их – и предстает перед глазами живой образ героя. Вот некоторые сведения из его биографии (Дадатак 10, фота 1, 2).

Александр Ефимович Белохвостиков родился 10 августа 1914 г. в д. Альховик (Ляховик) Уновского сельского совета Лиозненского района в семье крестьян Ефима Борисовича и Дарьи Тимофеевны (Дадатак 10, фота 3). Он был четвертым ребенком в семье и старшим сыном.

История рода Ефима Борисовича была нетипичной. Вырос он в трудолюбивой крестьянской семье. Его отец – волостной писарь. В семье любили читать. Где бы ни был Ефим Тимофеевич, везде покупал книги. Библиотека Белохвостиковых славилась на всю округу. Ефиму Борисовичу пришлось пройти дорогами Первой мировой войны в качестве штабного писаря. Он дослужился до чина унтер-офицера царской армии, был награжден двумя Георгиевскими крестами и двумя медалями «За храбрость» IV степени (Дадатак 10, фота 4).

Был женат на Дарье Тимофеевне Калининой (1891–18.02.1987) из д. Зори Лиозненского района. Дарья Тимофеевна была старшей дочерью в многодетной зажиточной крестьянской семье. До 16 лет она была помощницей отца, выполняла всю мужскую работу: умела косить, пилить, ремонтировать технику, Даша была сильной девушкой. Хранительница истории семьи

Белохвостиковых Ирина Валентиновна Дащинская рассказала про забавный случай. На деревенской улице завязла в колее повозка. Взрослые мужчины пытались ее вытянуть, но не смогли. Подошедшая Дарья поднапряглась, плечом приподняла телегу и сумела поставить на дорогу. Долго этот случай вспоминали в деревне. Только когда девушке надо было думать о замужестве, мама начала учить дочь премудростям женского ремесла. Дарья считалась первой красавицей в округе. А судьбу свою встретила на ярмарке в Витебске. Здесь встретились Ефим Борисович и Дарья Тимофеевна. Между молодыми вспыхнула любовь. Одно омрачало Ефима Борисовича: его молодая жена была неграмотной. Пришлось учить ее читать и писать (Дадатак 10, фота 5).

Хозяйство Белохвостиковых было крепким. В Государственном архиве Витебской области есть документ, согласно которому в их семье до революции имелось 40 га земли, 3 лошади, 8 коров, а также использовался труд батраков [2]. В 1930 г. Ефима Борисовича раскулачили, а имущество изъяли (Дадатак 10, фота 6). По воспоминаниям внучатой племянницы Ирины Валентиновны Дащинской, «Ефима Борисовича увезли в волость, а Дарье Тимофеевне вместе с детьми велели ехать на железнодорожную станцию для отправки в Сибирь вслед за мужем. Семью от ареста спас односельчанин, который хорошо знал старшего Белохвостикова. Дарья Тимофеевна надеялась, что Ефим Борисович находился в Сибири. В это время он был в волости. Дом передали крестьянину-бедняку. На всю округу семья Белохвостиковых славилась своей прекрасной большой библиотекой. Через два года вернулись домой, а застали разоренное гнездо. Книги растащили, односельчане книжными страницами обклеивали стены».

По возвращении в родную деревню Ефим Борисович стал колхозником артели «Новы шлях». При вступлении в артель у семьи забрали коня, а остальное имущество разбазарили [4]. 28 декабря 1932 г., будучи уже колхозником, Ефим Борисович был снова арестован, обвинен в антисоветской деятельности. По решению внесудебного органа от 15 апреля 1933 г. осужден к расстрелу с конфискацией имущества. Реабилитирован 5 июня 1956 г. [4]. Вот такую страшную трагедию пережил юный Саша. Нигде никогда он не предал память отца.

Рано юноша почувствовал себя взрослым. Теперь он – единственный мужчина, глава и опора семьи, должен поддержать мать и трех сестер.

Тягу к знаниям Александру передал отец, известный в деревне книгочей, однако его не принимали в школу по единственной причине – сын врага народа. Несколько раз юный Саша обращался к директору. В архиве семьи Белохвостиковых хранится одно из таких обращений: «Я, Олесь Белохвостиков, сын раскулаченного кулака, прошу принять меня в школу». Только на четвертый год удалось поступить. Учился он легко, был отличником (Дадатак 10, фота 7).

После окончания семилетки 16-летний юноша пришел работать на Лиозненский льнокомбинат. Свой трудовой путь он начал чернорабочим. Работа была трудной, но он никогда не забывал о помощи матери, которая к этому времени овдовела и одна воспитывала младших детей. Из письма к матери 3 мая 1937 г.: «Денег я тысячи три как-нибудь соберу, тысячонку или полторы дам» (Дадатак 10, фота 8). Александр научился шить, особенно кожу. Купил машину Singer. Проблема с одеждой в семье была решена. А швейная машинка хранится до сих пор в семье сестры Ефросиньи.

У юноши было большое желание учиться. Он обладал сильной волей, не тратил время на пустяки. Работа была тяжелая, уставал, но упорно шел к своей цели. По вечерам учился в Лиозненской школе колхозной молодежи. Несмотря на все перипетии судьбы, молодой человек не потерял веры в лучшее. Он был веселым, общительным, хорошим другом. Хорошо играл на гитаре. Все эти качества притягивали к Александру ровесников. Скоро он стал комсомольским вожаком.

Затем переехал в Витебск, работал кочегаром на швейной фабрике «Профинтерн». Переезд был новой вехой в достижении цели. Здесь поступил на Витебский рабфак института народного хозяйства. И вот она – цель: поступление в Минский институт народного хозяйства на планово-экономический факультет (Дадатак 10, фота 9, 10). В 1938 г. дипломированный специалист Александр Ефимович Белохвостиков направился в г. Гомель, где работал вначале диспетчером, а затем экономистом по планированию производственных программ на станкостроительном заводе им. С.М. Кирова. Здесь его ждала карьера, но мать и сестры звали перебраться поближе к дому. Белохвостиков переехал в Витебск, стал работать старшим экономистом сводного сектора, начальником промышленного сектора. К работе относился добросовестно, профессионально. Вот как характеризовал Александра Ефимовича председатель Витебского облплана Гуревич: «Работу осваивает хорошо, энергичный товарищ, принимает активное участие в общественной жизни, является заместителем секретаря комсомольского бюро, активно участвовал в выборах местных Советов депутатов трудящихся, работал доверенным лицом на избирательном участке» [1]. У Белохвостикова было много планов на будущее, но осуществить он их не успел.

Еще до войны любимым увлечением молодого человека была фотография. Работая по ночам, разгружая вагоны, Александр собирал деньги на покупку фотоаппарата. В семейном архиве сохранилось фото сестры Марии, сделанное Белохвостиковым. Позже это умение поможет ему в подпольной работе (Дадатак 10, фота 11).

Наступил огненный 1941 г. Родина в опасности. Как быть? А он… из-за хромоты признан негодным к службе в армии. С завистью Александр Ефимович смотрел на уходящих на фронт призывников, тем более, что сестра Лиза ушла на фронт, служила в медицинской сестрой в госпитале (ВГ2309)

(Дадатак 10, фота 12, 13). С первых дней оккупации Витебска Белохвостиков начал борьбу с врагом. Теперь Александр Ефимович по решению Витебского горкома ЛКСМБ стал подпольщиком (подпольный псевдоним Альдемар или Вальдемар). Летом 1941 г. в Витебске появилась одна из наиболее боевых подпольных групп, которой руководил Александр Ефимович Белохвостиков. Он хорошо знал город, да и к тому же у него было много хороших знакомых среди молодежи. Еще до оккупации Витебска он встречался с комсомольцами, говорил о предстоящей подпольной деятельности. Много внимания он уделил осторожности в работе и неукоснительной конспирации. Именно эти требования позволили действовать группе на протяжении двух лет без потерь.

Однако четкого плана действий не было, но было сильное желание вредить гитлеровцам. Группа Белохвостикова успешно вела разведывательную работу. Для сбора ценной информации подпольщики проникали в созданные нацистами учреждения: городскую управу, полевую и местную комендатуры, устраивались подсобными рабочими на аэродроме «Южный», хлебозаводе и др.

Александр Ефимович обладал зорким и дальновидным взглядом на вещи. Однажды заметил, что по берегам Западной Двины осталось много хорошего строительного леса, и он не должен остаться врагу. В голове молодого человека возник план, как увести из-под носа оккупантов это богатство. Решение пришло мгновенно: открыть предпринимательскую контору по распродаже лесоматериалов. Жителям города их продавали как дрова и очень быстро товар закончился. Скоро городские оккупационные власти контору прикрыли: лес являлся стратегическим сырьем.

Белохвостиков и его друг и однокурсник Николай Бобров открыли в городе юридическую консультацию, которая заверяла поручительства на выход из лагеря жителей. Спасшиеся люди уходили к партизанам. Всего было спасено и переправлено в партизанские отряды более 50 человек.

В ноябре 1941 г. группа А.Е. Белохвостикова совершила крупную диверсию – нападение на штаб гитлеровцев, располагавшийся недалеко от вокзала в здании школы. Подпольщики незаметно подползли к часовому и убили его, здание забросали гранатами. Ошеломленные гитлеровцы в панике выскакивали через окна, но замертво падали, скошенные огнем автоматов. Так же внезапно, как и появились, подпольщики скрылись. Оккупанты долго искали виновников, но найти не удалось. А по городу прошел радостный слух: «Бьют наши фашистов, здорово бьют».

Группа Белохвостикова вела активную разведывательную деятельность. Хорошо запомнился жителям города день 22 февраля 1942 г., когда на территории Смоленского рынка случился большой пожар. Причиной этого были действия подпольщиков группы Белохвостикова. Н. Бобров, пробравшись на территорию Смоленского рынка, ракетами показал краснозвездным бомбар-

дировщикам скопление немецких машин и военной техники. Долго жители близлежащих улиц слышали разрывы боеприпасов и наблюдали большой пожар.

Помимо диверсий подпольщики расклеивали листовки Совинформбюро, переписанные от руки, в которых рассказывали правду о событиях на фронте. Они собирали ценную информацию и передавали ее партизанским отрядам. Наиболее прочной была связь подпольщиков с бригадой имени Данукалова («Алексея») .

Для связи партизан с витебскими подпольщиками Белохвостикову в 1943 г. было поручено открыть частную мастерскую по ремонту жестяной посуды в центре города по ул. Смоленской (Ленина) на втором этаже старого универмага. Мастерская стала своеобразной диспетчерской подпольщиков. В мастерскую часто заходили «посетители», которым мастер задавал вопрос: «Что принес?». Ответ был прост: «Ведра. Вот починить нужно». Услышав: «Сейчас починим», просили сделать это побыстрее. Это был вопрос-пароль. Отремонтированные ведра быстро наполнялись толом, минами, листовками. В обратный путь «посетители» отправлялись с посылками для партизан: медикаментами и донесениями о противнике и его намерениях, получали информацию о дислокации и передвижении гитлеровских войск, новые задания.

Имея фотоаппарат, А.Е. Белохвостиков скрытно фотографировал злодеяния гитлеровцев в Витебске, передвижения немецких солдат и техники.

Группа А.Е. Белохвостикова превратилась в ведущую силу, центр, объединявший десятки патриотов в разных частях города. В апреле – мае 1943 г. по Витебску прокатилась волна массовых арестов. 26 ноября 1943 г. подпольщиками был убит главный редактор пронацистской газеты «Новый путь» А.Л. Брандт. Начались обыски, аресты. Несмотря на все предосторожности, в подпольную группу проник провокатор. Весной 1943 г. Александр Белохвостиков и его сестра Мария были арестованы. Она была членом подпольной группы брата и могла в любой момент заменить его. У Александра Ефимовича и его товарищей гитлеровцы нашли 7 винтовок, пулемет, 2 пистолета, 8 гранат, 18 мин, 50 кг тола [5, с. 200]. Нацисты подвергли патриотов жестоким пыткам. Александр Ефимович Белохвостиков на допросах отрицал свое участие в подпольной деятельности, на очных ставках с арестованными товарищами не выдал никого. 5 мая 1943 г. Александр Белохвостиков, его сестра Мария и некоторые члены подпольной группы были расстреляны недалеко от д. Городняны Витебского района (Дадатак 10, фота 14). После гибели Александра Ефимовича его дело борьбы с врагом продолжила подпольная группа под руководством Полины Савельевны Шляковой, действовавшая в Витебске до ноября 1943 г.

Призванный в ряды Красной армии в 1943 г. его младший брат Иван Ефимович не встретил Великую Победу. В составе 39-й армии он участвовал

в боях за освобождение Витебской области. Согласно базе данных интернет-портала Министерства обороны Российской Федерации «Память народа», красноармеец рядовой Иван Ефимович Белохвостиков погиб в ноябре 1943 г. в возрасте 20 лет [6]. Похоронен в братской могиле в д. Шарики Лиозненского района Витебской области (Дадатак 10, фота 15).

В 1948 г. за доблесть и мужество, проявленные в партизанской борьбе против немецко-фашистских захватчиков, и особые заслуги в развитии партизанского движения в период Великой Отечественной войны Александр Ефимович Белохвостиков награжден орденом Отечественной войны I степени. Орден передан матери Дарье Тимофеевне Белохвостиковой [6] (Дадатак 10, фота 16).

Такова судьба одной семьи патриотов, защищавших свою Родину.

В заключение мне хотелось бы напомнить слова-напоминание писателя Леонида Андреева: «Чтобы идти вперед, чаще оглядывайтесь назад, ибо иначе вы забудете, откуда вышли и куда нужно идти». И только тогда мы будем с гордостью говорить: «Мы великий народ».

Большую помощь в сборе материалов оказали внучатая племянница А.Е. Белохвостикова Ирина Валентиновна Дащинская, заместитель директора по воспитательной работе ГУО «Средняя школа № 24 г. Витебска» и племянница Людмила Анатольевна Журова, которые любезно поделились документами, фотографиями из семейного архива.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Государственный** архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 1п. Оп. 3а. Д. 525. Л. 12.

2. **ГАВт.** –Ф. 1070. Оп. 1. Д. 120. Л. 16.

3. **ГАВт.** – Ф. 1996. Оп. 12. Л. 55.

4. **ГАВт.** – Ф. 1996. Оп. 32. Л. 114.

5. **Жилянин, Я.** Без линии фронта / Я. Жилянин, И. Позняков, В. Лузгин. – Минск : Беларусь, 1975. – 320 с.

6. **Партизаны** Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https:partizany.by/. – Дата доступа: 29.08.2020.

Туманов С.В. *(г. Москва, Россия)*

ИЗ ДРИССЕНСКИХ КРЕСТЬЯН В ОРЛОВСКИЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ

Среди историков бытует мнение, что значительная часть железных дорог России построена трудом белорусских крестьян. Наверное, в этом утверждении нет большого преувеличения, поскольку секретарь Могилевско-

го губернского комитета Н.Я. Дубенский еще в 1865 г. писал: «…всякому известно, что землекопные работы едва ли не по всей России исполняются единственно белорусами, равно как заготовка щебня из булыжника на шоссейныя дороги. Ежегодно из Могилевской губернии грабельщиков или землекопов выходит около 1000 человек взрослых лучших работников» [2, с. 49].

На примере жизненной истории Мартина Корзуна (12.11.1848–25.11.1927) можно проследить другой, менее масштабный, но более существенный в цивилизационном плане аспект процесса модернизации страны. Землекопы участвовали в создании новой транспортной инфраструктуры Российской империи, но для большинства из них такая работа была лишь отхожим промыслом, не ломавшим пока традиционный крестьянский образ жизни.

Судьбу деревенского парня Мартина «чугунка» изменила кардинально, сделав его не винтиком, а достаточно значимой деталью своего громадного механизма, который к началу Первой мировой войны работал уже, как часы. На его примере хорошо виден еще один важный момент: общественный прогресс приводит к быстрой смене места жительства, характера деятельности, многих параметров образа жизни, но социальная психология меняется куда медленнее, а в рамках одного поколения эти изменения иногда бывают почти незаметны.

Мартин родился в д. Ляшково Лещиловского общества Филипповской волости Дриссенского уезда Витебской губернии, которая долгое время была частью имения Храброво и стояла на правом высоком берегу Западной Двины напротив острова Храбер – одного из самых больших островов в дельте реки[1]. Имение долгое время было собственностью греко-униатских полоцких митрополитов, затем на 12 лет передано в аренду дворянам Черкасам, и, наконец, стало казенным имением. Помимо Ляшково в имение входили еще две деревни (Хороброво и Рубеж) и фольварк.

В этих трех селениях в то время стояло всего 12 тягловых дворов да 3 двора бобылей. На все имение приходилось наличных душ: 53 мужских, 49 женских и еще 3 солдатки. Каждая крестьянская семья имения Хороброво была обложена казенными денежными податями, а натуральные повинности в пользу экономии отбывались из расчета два дня в неделю на каждую рабочую душу обоего пола. Обязанность их состояла «в следующих предметах»: запашка и боронование фольварочной земли, вывоз на поля и раструска навоза, посев и уборка хлеба, свозка его в гумно, укладка в скирды, молотьба и очистка зерна, укладка соломы, заготовка сена и уборка его в копны и скирды, провоз произведенных продуктов на расстояние до 60 верст. Сверх

[1] Деревня отстояла на 7 верст от ближайшего казенного имения Лещилова, на 9 верст от уездного города Дриссы, на 60 верст от г. Полоцка, на 170 верст от губернского города Витебска и на 7 верст от почтовой дороги, ведущей от Витебска в Ригу. На современной карте Белоруссии этой деревни больше нет – на ее месте хорошо обработанное поле.

этого крестьяне должны были чинить общественные здания, мосты и гати, возделывать участок приходского священника, содержать ночной караул при церкви и сельском магазине, заготовлять дрова для дома сельского управления [3, л. 12 – 14 об.].

Автор «Статистического описания имения Храброво» приходит к такому выводу: «Выгод имения никаких нет, к неудобствам же следует отнести неплодородную почву, весьма скудно вознаграждающую труды земледельца, совершенно худое качество сенокосов и вовсе недостаток леса». Состояние крестьян посредственное, за ними числятся недоимки [4, л. 3–7, 19 об. – 20 об.]. Однако семья, в которой рос Мартин, выпадала из общего ряда. В деле о проведении поверочной люстрации казенного имения за 1858 г. сказано, что у нее имеется 1 жилое строение и 5 хозяйственных, 2 земельных участка, 8 голов рабочего, 7 голов крупного, 27 голов мелкого скота, что она относится к числу зажиточных хозяев, которых считают «благонадежными для перехода в высшие разряды» [6, л. 3 об. – 4 об.].

Такая семья могла позволить себе роскошь – на три года пожертвовать рабочими руками и в 1863 г. отпустить одного из своих отпрысков на учебу в Горыгорецкую земледельческую школу (Дадатак 11, фота 2). Как раз в этом году после участия студентов в восстании в школе оставили только низший (второй) разряд, существовавший на базе учебной фермы. Он давал своим воспитанникам знания и практические навыки, необходимые для работы сельским старостой или приказчиком у помещика. Содержание приведенного ниже документа свидетельствует о том, чему учили Мартина и как он учился:

АТТЕСТАТ

II разряда

На основании § 44 Высочайше утвержденного в 28 день Мая 1841 года Положения об учебных фермах, Св. Зак. (изд. 1857 г.) т. XII Уст. о гор. и сельск. хоз. ст. 389, дан сей Аттестат, за надлежащим подписанием и с приложением казенной печати, воспитаннику Горыгорецкой учебной фермы из государственных крестьян Витебской губернии Дриссенского уезда Лещиловского сельского общества, деревни Ляшково Мартину Корзуну в том, что он, поступив в сие заведение в 1863 году, окончил в нем полный курс как теоретического, так и практического учения и, на производственном испытании, оказал следующие успехи:

– в Законе Божьем – хорошие;

– по русской грамоте:

в чтении – хорошие,

в чистописании – хорошие;

– в арифметике – весьма хорошие;

– по сельскому хозяйству:

в главных основах земледелия и полеводства – ;

в скотоводстве – ;

– в географии – хорошие;

– в истории России – хорошие;

– в геометрии – весьма хорошие;

– в черчении геометрических фигур – весьма хорошие;

– в практических земельных работах – хорошие.

По изучению ремесел: особенные успехи оказал в мастерстве.

Во время пребывания на ферме он Корзун был поведения хорошего.

Аттестат сей на основании Св. Зак. (изд. 1857 г.) т. XII Уст. о гор. и сельск. хозяйстве. ст. 592, дает право Мартину Корзуну на освобождении от рекрутской повинности, доколе он будет вести себя честно и подавать добрый пример своим хозяйством и поведением другим крестьянам, но с сим аттестатом нельзя отлучаться из места жительства и проживать в других местах, без установленных видов.

Горыгорецкая учебная ферма. Декабрь 24 дня 1865 года.

№ 384. Управляющий учебной фермой К. Дмитриев [8, л. 28].

Судя по отсутствию в аттестате оценок по «сельскому хозяйству», семья Корзунов, отправив парня на учебу, изначально хотела заполучить назад мастерового – кузнеца, необходимого в таком большом хозяйстве и способного приносить в семью «лишнюю копейку». Решение в стратегическом плане грамотное, но в его реализацию вмешались непредсказуемые «внешние обстоятельства». Как раз в 1866 г. верстах в 10 от Ляшково провели железную дорогу Рига – Витебск.

Депо, или, как тогда говорили, «паровозным сараям», больших станций в Динабурге и Полоцке требовались хорошие мастеровые, которых «чугунка» для себя тогда еще не готовила, а размер жалованья и социальный статус железнодорожника были весьма привлекательны для деревенского парня, получившего неплохое образование. Думаю, что именно они определили карьерный вектор превращения кузнеца в машиниста паровоза.

Последние считались «рабочей аристократией» и поначалу состояли по преимуществу из иностранцев. В паровозную обслугу (кочегары, помощники машиниста) брали смышленых мастеровых станционных депо, которые в процессе ремонта локомотивов усваивали принципы работы, конструктивные особенности их механизмов. Опыт успешной работы служил основным критерием карьерного роста.

Из архивных документов известно, что в 1873 г. Мартин Корзун был зачислен исполняющим должность помощника машиниста 2-го класса в депо станции Орел[2] Орловско-Витебской железной дороги [1, л. 2]. Это значит,

[2] Станция Орел в 1865 г. создавалась как крупный железнодорожный узел, на котором сходились пути трех дорог: Московско-Курской, Орловско-Витебской и Орловско-Грязской. В первые годы своего существования она остро нуждалась в квалифицированных кадрах.

что за 7 лет он прошел путь от кузнеца до помощника машиниста, и произошло это на одной из крупных станций Витебской губернии, входивших в состав Риго-Витебской дороги.

Из родных ему белорусских мест в среднюю полосу России Мартин приехал уже женатым человеком (Дадатак 11, фота 1), отцом двух дочерей. Нет ничего необычного в том, что у мужчины в 25 лет есть своя семья, но в данном случае избранницей недавнего крестьянина, выросшего в небольшой деревушке, стала иностранка – прусская подданная Марианна, в девичестве Крусс. Она была католичкой, родилась в Великопольском воеводстве, входившем в то время в состав Пруссии.

Такой нерядовой характер брака дает основания предполагать, что работа на железнодорожной станции, где иностранцами тогда были не только машинисты, но и многие телеграфисты, конторщики службы движения, другие специалисты, способствовала формированию «интернациональных» связей, преодолению традиционных для сельской местности межконфессиональных и межэтнических табу.

В Орле Мартин Станиславович не стал воспроизводить улучшенную копию родного дома, а построил недалеко от станции основательное и просторное кирпичное здание в восемь окон по фасаду (Дадатак 11, фота 3). Зарплата железнодорожника позволяла такие «просторы». Впрочем, число детей в семье быстро выросло до шести, и о лишней площади речи не шло. Дом отличался одной технической деталью, нехарактерной для жилья здешних обывателей. Он отапливался теплым воздухом с помощью замурованных в стены труб, соединенных с камином.

Корзун проработал в Орле на железной дороге ровно 40 лет. Практически все эти годы ездил по одному и тому же маршруту (Дадатак 11, фота 4), каждый раз возвращался в свой дом-крепость на Алексеевской улице, однако карьера Мартина Станиславовича складывалась непросто. Для того, чтобы пройти путь от помощника машиниста 2-го класса до машиниста 1-го класса (4 ступеньки) ему потребовалось 37 лет. Но ему все-таки это удалось. Стартовал он неплохо: приблизительно через год после приезда в Орел стал помощником машиниста 1-го класса, однако на этой должности просидел неожиданно долго – целых 4 года, а в 1878 г. его профессиональную квалификацию опять понизили до 2-го класса. В начале 1879 г. Корзуна вообще отстранили от поездок и перевели в слесари.

«Опала» продолжалась всего 4 месяца, но после этого еще целых 7 лет он опять служил помощником машиниста 2-го класса. Машинистом паровоза стал только в 39 лет, да и то это был маневровый паровоз, не покидавший пределов станции. На нем он «катался» по станционным путям опять 7 лет, до 1895 г., когда его, наконец, сделали машинистом 3-го класса, и почти сразу же присвоили 2-й класс. В этой должности он прослужил еще 15 лет, и толь-

ко 1 сентября 1910 г. 62-летний Мартин Станиславович был признан «первоклассным» машинистом паровоза (Дадатак 11, фота 5).

Такому медленному и трудному развитию карьеры есть одно простое объяснение. По количеству полученных на службе взысканий Корзун резко выделяется из числа своих коллег: за 40 лет на него наложили 49 взысканий с общей суммой штрафа 207 рублей, что равнялось половине его средней годовой зарплаты. Примечательно, что строгого, требовательного к своим домашним человека чаще всего штрафовали именно за то, что в быту называется халатностью: «небрежный уход за паровозом», «недосмотр за паровозом», «небрежное составление маршрутного донесения» и т. д. Рискну предположить, что выходец из зажиточной крестьянской семьи проводил четкую границу между «своим» и «казенным» делом – в одном случае был рачительным хозяином, а в другом работал как получится.

На машинисте паровоза, как и на любом другом «пилоте», лежит значительная доля ответственности за безопасность движения. Поэтому уже в те годы они регулярно проходили медицинскую комиссию. Если эскулапы до 65 лет давали Корзуну «добро», значит, в этом кряжистом человека был изрядный запас прочности. Но и ему 14 января 1913 г. пришлось уйти на покой «по болезни». Впрочем, последующие 10 лет «покойными» может назвать только человек с извращенным чувством юмора. Мартин Станиславович пережил и эти годы.

Он принадлежал к той категории людей, которые не доверяли рекламе, банкам, страховым обществам и прочим атрибутам XX в. В отличие от большинства железнодорожников, не состоял даже в пенсионной кассе. Предпочитал самолично распоряжаться всем своим жалованьем, не надеясь, что «чугунка» в старости обеспечит ему пропитание. Не могу сказать, что история дала повод посмеяться над консерватизмом старика Корзуна – после революции и само право на пенсионное обеспечение, и его размер никак не зависели от пребывания в пенсионной кассе.

В личности М.С. Корзуна своеобразно переплелись основные черты начала прошлого века – традиционализм крестьянского уклада и модернизм разворачивающейся индустриализации страны. С одной стороны, он навсегда уехал не только из родного дома, но и из мест, близких ему по языку и культуре. С другой, так и не выписался из сельской общины, и, много лет живя в губернском городе, числился крестьянином д. Ляшково.

Мартин Станиславович владел навыками «начертания геометрических фигур», дорос-таки до уровня машиниста 1-го класса, использовал оригинальный способ отопления своего дома, но оставался приверженцем домостроевских порядков. Самостоятельно устроив свою судьбу, он считал своим долгом устроить судьбу детей (Дадатак 11, фота 6), и делал это не всегда удачно. Вопреки его воле один сын стал служащим Омского государственного банка, другой – начальником телеграфа ст. Смоленск (Дадатак 11, фота 7).

Двух из четырех дочерей судьба помотала по стране, но никто из его потомков не вернулся на родину предка.

Происходили в жизни Мартина Станиславовича и другие перемены, сугубо личные, но тоже показательные. В отличие от большинства крестьян Российской империи, его предки не были бесфамильными уже в ревизской сказке 1782 г., в инвентарях имения Храброво, но в этих документах их фамилия существовала в трех вариантах: Калзун, Колзун и Карзун [5, л. 19 об. – 20; 7, л. 284 об. – 285]. Конец такому «плюрализму» положил аттестат, выданный в Горыгорецкой школе. В ее канцелярии, через которую за четверть века существования школы прошли документы сотен белорусских мальчишек, уж точно знали, как должна звучать и писаться фамилия, широко распространенная в западных губерниях – Корзун. Под этой фамилией Мартин приехал в Орел. Она выбита в 1899 г. на надгробии его родителей, чудом сохранившемся до наших дней на Ляшковском деревенском погосте, только она фигурирует в воспоминаниях односельчан.

На этом переименования не закончились – в Орле железнодорожники быстро, на местный манер, сделали Мартина Мартыном. Надо полагать, они тоже не признавали отступлений от привычных им фонетических норм. В итоге в метрических книгах местных церквей дети Корзуна чаще всего записаны как Мартыновны и Мартыновичи. В маленькой белорусской деревушке на свет появился Мартин Калзун. В губернском городе Орле в могилу опустили Мартына Корзуна. Новый индустриальный век менял не только образ жизни людей, но и их имена.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Государственный** архив Орловской области. – Ф. 304. Оп. 3. Д. 2596.

2. **Дубенский, Н. Я.** Оценка земель Западного края и в частности Могилевской губернии / составлена Н. Я. Дубенским, секретарем Могилевского губ. статистического комитета. – Могилев на Днепре :Типогр. Губер. Прав., 1865. – 73 с.

3. **Национальный** исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2514. Оп. 1. Д. 176.

4. **НИАБ.** – Ф. 2514. Оп. 1. Д. 663.

5. **НИАБ.** – Ф. 2514. Оп. 1. Д. 800.

6. **НИАБ.** – Ф. 2514. Оп. 1. Д. 1575.

7. **НИАБ.** – Ф. 2576. Оп. 1. Д. 48.

8. **НИАБ.** – Ф. 3266. Оп. 1. Д. 622.

Харкевич В.В. *(г. Витебск)*

ОСВЕЩЕНИЕ СОБЫТИЙ АФГАНСКОЙ ВОЙНЫ В ВИТЕБСКИХ СМИ В 1990-е гг.

Афганская война стала последним конфликтом, в котором принимала участие Беларусь (тогда БССР). Эта война не затронула нас территориально, однако повлияла на целое поколение. Для рассмотрения вопроса об освещении событий афганской войны были изучены публикации следующих изданий с 1991 по 1999 г.: «Віцебскі рабочы» [7; 8], «Народнае слова» [2; 3; 4; 6; 10], «Витьбичи» [1; 5; 9; 11; 12]. Газеты «Витебский курьер» с 1994 г., «Витебские ведомости» за 1995 г; всего более 4500 газет. Учитывались все публикации, затрагивающие тему войны в Афганистане (1979–1989), судеб воинов-интернационалистов, их деятельности и реабилитации. Перед тем, как рассматривать наличие/отсутствие статей, их количество и содержание, необходимо сказать о том, что Съезд народных депутатов СССР принял Постановление от 24 декабря 1989 г. № 982-1 «О политической оценке решения о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 года», в котором осудил введение войск. Возможно, именно с этим связано небольшое количество материалов об афганской войне в начале 1990-х гг. Условно можно разделить все статьи на следующие темы:

- статьи о воинах-интернационалистах (погибших и живых);
- статьи-интервью с воинами-интернационалистами;
- статьи по увековечиванию памяти воинов-интернационалистов;
- статьи о 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии;
- статьи о медицинской и психологической реабилитации воинов-интернационалистов;
- статьи, посвященные деятельности ветеранских организаций и объединений.

Теперь обратимся к источникам. В газетах «Віцебскі рабочы», «Народнае слова» и «Витьбичи» за 1991 г. можно найти 10 статей, в которых так или иначе упоминается «афганская» тема. Из этих публикаций только одна статья [8] связана непосредственно с темой войны – корреспондент описывает действия разведчиков в Афганистане. В заметке «Памяці воінаўінтэрнацыяналістаў» [6] автор сообщает о том, сколько военнослужащих Толочинского района проходило службу в Афганистане, упоминает погибших. 50% статей посвящено офицерам-афганцам 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, при этом мало внимания уделено военным событиям. Все статьи из газеты «Витьбичи» вышли в одном номере и условно объединены темой войны, однако ни одна из них не затрагивает истории боевых действий, ввода либо вывода войск. Обсуждаются вопросы деятельности Совета ветеранов войны в Афганистане. Вопрос об увековечивании памяти

поднимается только организациями воинов-афганцев: высказывается желание иметь памятник, посвященный воинам-интернационалистам [1]. Газета «Віцебскі рабочы» сообщает о создании книг «Памяць»: читателей просят делиться информацией о ветеранах Великой Отечественной войны, материалами по этнографии, фольклоре, но о воинах-афганцах речь не идет.

В 1992 г. ни в одной из вышеперечисленных газет нет статей, посвященных обозначенной тематике. Примечательно, что никак не обозначен даже день вывода советских войск из Афганистана (15 февраля). По публикациям 1991–1992 гг. становится понятно, что организованных городскими, областными властями, ветеранскими советами афганцев торжественных шествий, возложений, митингов не проводилось.

В 1993 г. количество статей увеличивается в сравнении с 1991 г. Газета «Віцебскі рабочы» выпускает 6 статей, «Народнае слова» – 5, «Витьбичи» – 8. Но анализ публикаций показал, что 47% статей напрямую не связаны с описанием афганской войны, не приводится статистика: в данных материалах, как и в 1991 г., упоминаются офицеры-афганцы, на момент публикации служившие в Витебской дивизии. Некоторые из них вспоминают свой боевой опыт. В этом году впервые в Витебске в независимой Беларуси был проведен митинг, посвященный выводу войск из Афганистана [4; 11]. По ул. Ленина до пл. Победы прошли участники церемонии во главе с командиром дивизии, председателем горисполкома и главой Витебской ассоциации ветеранов войны в Афганистане.

С 1994 г. ситуация меняется – это первая круглая дата с момента вывода войск. В связи с пятилетием окончания войны значительно возрастает интерес к афганской теме, в два раза увеличивается количество статей по сравнению с предыдущим годом. Новая городская газета «Витебский курьер» также размещает материалы, посвященные пятой годовщине вывода войск. Больше внимания уделяется социальной защите, льготам воинам-интернационалистам, выплатам компенсаций участникам, впервые озвучивается проблема военнопленных [7]. В 1994 г. открывается первый на Витебщине (г. Орша) памятник, посвященный афганцам, – «…памятник родительской скорби, боевого братства и фронтовой дружбы» [2]. Освещаются конференции и съезды ветеранских объединений. Еще одним значимым событием для города и воинов-интернационалистов стало открытие в Витебске первого в республике Центра медицинской реабилитации воинов-интернационалистов. Репортажи об этом событии разместили «Витьбичи» [12] и «Народнае слова» [3].

С 1995 г. наблюдается тенденция к увеличению материалов об афганцах, становятся традиционными освещения митингов в день вывода войск. Именно в 1995 г. принят Указ Президента Республики Беларусь № 57 «Аб абвяшчэнні Дня памяці воінаў-інтэрнацыяналістаў» – таким образом на государственном уровне был обозначен статус военнослужащих, участвовавших

в локальных войнах и конфликтах. Впервые в витебской прессе появляются статьи с воспоминаниями участников войны [9] и статьи, описывающие, как проходил ввод войск, размещение подразделений. Упоминается об открытии третьего зала музея воинов-интернационалистов [10]. На протяжении года в газете «Витебские ведомости» выходит цикл статей старшего научного сотрудника музея В.Б. Чкалова. Фактически впервые горожане и жители области имеют возможность узнать о ходе боевых действий и судьбах погибших земляков. В статьях приводятся факты биографии, обстоятельства гибели, используются ссылки на документы, личную переписку.

Изучение витебских СМИ за 1996–1997 гг. показывает, что тема войны в Афганистане не теряет своей актуальности. Практически все газеты освещают митинги и знаковые события, связанные с увековечиванием памяти воинов-афганцев, такие как открытие музея воинов-интернационалистов (февраль 1996 г.), открытие памятника «Боль» (август 1997 г.). В газете «Витьбичи» появляется регулярная рубрика «Перевал» – выходила с июня 1996 г. по февраль 1997 г.; с 1997 г. рубрика с таким же названием печатается в газете «Народнае слова». Выходит больше статей, в которых участники войны рассказывают о своем боевом опыте, о том, как проводились военные операции. Появляются публикации, в которых отражается специфика службы различных родов войск. Нередко авторы приводят статистику потерь личного состава и боевой техники, более открыто идет обсуждение проблем реабилитации участников войны. На страницах газет открыто ведется полемика между ветеранскими союзами и ассоциациями. Именно в это время о тех, кто прошел Афганистан, все чаще говорят как о воинах-интернационалистах, а не афганцах. До 1995 г. воинами-интернационалистами в прессе называли участников боев на Халкин-Голе, в Испании, Китае, Египте, других локальных конфликтах, а к военнослужащим, прошедшим Афганистан, применялся термин «афганцы».

Хочется также отметить, что знакомство с «неизвестной войной» в витебских СМИ во многом произошло благодаря Артуру Иосифовичу Матеюну, редактору дивизионной газеты «Гвардейская доблесть» в Афганистане (1988). С войной журналиста связало и личное горе – в октябре 1987 г. в Кабуле погиб его брат Роман Матеюн. В течение всего десятилетия А. Матеюн сотрудничал практически со всеми рассматриваемыми в данном исследовании газетами, был не только автором статей, но и редактором рубрики «Перевал».

Публикации 1998 г. поддерживают темы, обозначенные в предыдущие годы, однако наблюдается небольшой спад в количестве материалов.

1999 г. ознаменован десятилетием окончания войны в Афганистане. За год выходит более 50 публикаций по данной теме. Помимо привычных освещений митинга 15 февраля упоминаются приуроченные к юбилею соревнования и выставки. Наблюдается меньше материалов общего характера, но становится больше интервью, в которых афганцы рассказывают о боевом

опыте, откровенно говорят о сложностях во встраивании себя в послевоенное время. В газете «Витьбичи» каждую неделю февраля в рубрике «Афганистан – наша боль» выходят статьи, здесь же появляется первый с 1991 г. материал о женщинах на войне [5].

Подводя итог данной работы, хочется отметить, что до 1994 г. тема войны в Афганистане практически не затрагивалась; интерес к ней возрастает в юбилейные даты. Также количество публикаций растет, если происходит значимое общественное событие, например, открытие памятника, музея, центра реабилитации. Как правило, материалы, связанные с афганскими событиями, приурочены к 15 февраля, Дню защитника Отечества, Дню воздушно-десантных войск. Статьи, которые рассказывают об афганской войне в целом, достаточно полно описывают ввод и вывод войск, но мало уделяют внимания другим периодам. Проанализировав витебскую прессу 1990-х гг., можно сделать вывод, что афганскую войну общество воспринимало как ненужную, трагическую, чужую, «развязанную в угоду политическим амбициям» [10]. Примечательно, что не находят отражения в газетах Витебска события, проходящие в современном Афганистане (свержение президента Наджибуллы, 1992 г.), захват талибами Кабула (1996) и других, хотя статьи о других «горячих» точках (Чечня, Ирак, Югославия) присутствуют.

В изучении темы афганской войны наибольший интерес представляют статьи, посвященные воинам-интернационалистам (погибшим и живым), либо статьи-интервью с участниками событий. Именно в таких материалах содержится информация о боевых действиях, условиях быта военнослужащих, отношениях между ними. Аналитических материалов существует небольшое количество, это обусловлено спецификой периодических изданий: ограниченностью объема текста и, строго говоря, невозможностью глубокого и всестороннего изучения военного конфликта, а только ознакомления с ним. С уверенностью можно сказать, что во второй половине 1990-х гг. с этой задачей СМИ справляются.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Афганистан** болит в душе моей… // Витьбичи. – 1991. – 27 июля. – С. 5.

2. **В память** о тех, кто не вернулся с той необъявленной войны // Народнае слова. – 1994. – 12 марта. – С. 1.

3. **Для всех** «афганцев» Беларуси // Народнае слова. – 1994. – 25 июня. – С. 2.

4. **Ибо** не ведали, что творили… // Народнае слова. – 1993. – 18 фев. – С. 1.

5. **Исповедь** медсестры // Витьбичи. – 1999. – 12 фев. – С. 7.

6. **Памяці** воінаў-інтэрнацыяналістаў // Народнае слова. – 1991. – 16 фев. – С. 1.

7. **Пра** лёс ваеннапалонных можна даведацца разам // Віцебскі рабочы. – 1994. – 8 лют. – С. 3.

8. **Спадае** заслона сакрэтнасці // Віцебскі рабочы. – 1994. – 5 студз. – С. 3.

9. **Так** начинался Афган // Витьбичи. – 1995. – 21 снеж. – С. 4.

10. **Хотелось** выпить за здоровье // Народнае слова. – 1995. – 16 февр. – С. 1.

11. [**Фоторепортаж** к выводу войск из Афганистана] // Витьбичи. – 1993. – 18 февр. – С. 1.
12. **Центр** для афганцев // Витьбичи. – 1994. – 27 июля. – С. 4.

Шишанов В.А. *(г. Витебск)*

МАТЕРИАЛЫ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.П. САПУНОВА В ВИТЕБСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ НАЧАЛА XX в.

Личность и труды выдающегося историка и краеведа Витебщины А.П. Сапунова (1852? – 1924) неизменно привлекают исследователей-белорусистов [48; 77]. При, казалось бы, хорошей изученности биографии Сапунова, архивы и периодическая печать дают поле для дальнейших поисков.

В витебской прессе регулярно печатались сообщения, анонсы и обзоры, отражающие деятельность А.П. Сапунова.

Как известно, Алексей Парфенович был уроженцем местечка Усвяты и не забывал своей малой родины. 18 апреля 1903 г. «Витебские губернские ведомости» сообщили, что Сапунов пожертвовал на уплату долга по постройке здания усвятского двухклассного училища 50 р. [43]. В июне того же года историк получил письмо с благодарностью от попечителя Виленского учебного округа В.А. Попова «за это, столь значительное для сельского народного училища, пожертвование» (ВОКМ), КП 7285/3(16)).

В начале ноября 1903 г., как сообщается в вышеназванной газете, археологическая комиссия в составе секретаря статкомитета А.П. Сапунова, преподавателя духовной семинарии Д.Т. Никифоровского, благочинного церквей г. Витебска отца А.З. Хорошкевича и учителя рисования витебской мужской гимназии А.А. Двиницкого осмотрела «старинную стенную живопись» Петропавловской церкви в Витебске. Члены комиссии пришли к заключению, что живопись следует сохранить в первоначальном виде. Предписывалось также открыть ход на кафедру, откуда произносились проповеди, располагавшийся в колонне с левой стороны храма и закрытый картиной «Снятие Спасителя с креста», «ошибочно приписываемой Сальватору Розе». Сообщается, что при чистке стен были обнаружены надписи церковнославянскими буквами, но восстановить их невозможно [44]. К сфере церковной архитектуры относится и упоминание о положительном отзыве А.П. Сапунова о проекте архитектора А.И. Кошкина постройки Ильинской церкви на месте сгоревшего храма XVII в. [35].

Начало своей научной деятельности Алексей Парфенович вел от 15 января 1881 г., когда в «Памятной книжке Витебской губернии на 1881 год» была опубликована его первая статья «Исторические сведения о витебском зам-

ке» [60]. 25-летие научной деятельности историка было отмечено статьей в газете «Витебский голос». Кратко обозначив вехи биографии ученого и упомянув о выходе «обстоятельной статьи» В.К. Стукалича [72], неизвестный автор в заключение сообщил: «От чествования юбиляр уклонился, выехав в этот день из города. Почитатели, друзья и знакомые посетили квартиру юбиляра, желая принести поздравление. От многих ученых обществ, учреждений и лиц получены в этот день телеграммы» [51]. В альбоме А.П. Сапунова сохранилось 13 писем, телеграмм от различных лиц и учреждений, содержащих поздравление с юбилеем (ВОКМ, КП 7285/ 3 (88–100)).

11 марта 1906 г. «Витебский голос» сообщил о состоявшемся 9 марта в городской управе общем собрании членов комитета Витебской городской пушкинской библиотеки. На собрании был зачитан отчет о деятельности библиотеки за 1905 г. и вместо прежних трех членов комитета (И.И. Пилин, А.П. Сапунов, Г.А. Теодорович) были избраны новые (И.И. Пилин, И.Ю. Сабин-Гус, Г.А. Теодорович). Сапунов был избран в члены ревизионной комиссии [39].

То, что Сапунов был членом «Союза 17 октября», широко известно, но его участие в выборах в I и II Государственную Думу не было зафиксировано в работах исследователей. Обращение к материалам периодической печати позволяет осветить ход выборов.

По закону, опубликованному 11 декабря 1905 г., выборы в Думу были многоступенчатыми, проводились по четырем неравноправным куриям: землевладельческой, городской, крестьянской и рабочей. Курии избирали выборщиков в собрание избирателей округа, которое затем уже на избирательном съезде избирали столько депутатов, сколько полагалось законом от данного округа.

Списки избирателей по г. Витебску были открыты для обозрения публики 8 февраля 1906 г. [36]. В них вошло 8213 человек, среди которых 3651 христианин, 4562 еврея [37].

26 февраля состоялось собрание членов Витебского отделения «Союза 17 октября», но из-за малочисленности (присутствовало не более 80 человек) было решено провести предварительное голосование за кандидатов в выборщики. А.П. Сапунов набрал 33 голоса и это был второй результат по количеству поданных голосов [70]. В начале марта фамилия историка фигурирует среди 15 кандидатов на 5 выборщиков от Витебска [38].

12 марта в газете «Витебский голос» сообщалось, что на предвыборном собрании служащих в правительственных и общественных учреждениях Витебска была проведена примерная баллотировка из 44 кандидатов. А.П. Сапунов набрал наибольшее количество голосов – 284 из 325 избирателей [15].

По опубликованным 18 марта результатам выборов лидировали кадеты: А.О. Волкович (3619 голосов), Г.Я. Брук (3402 голоса), Л.О. Иссерсон

(3229 голосов), М.С. Пакшвер (3213 голосов), М.Л. Гуревич (3201 голос). А.П. Сапунов набрал наибольшее количество голосов в группе октябристов – 1122 голоса. Но это было недостаточно для дальнейшего участия в избирательной компании [16].

Обозреватель «Витебского голоса», подводя итоги выборов по Витебску, отметил, что сообщение о победе кадетов «звучит большой иронией», а подавляющее превосходство имела «еврейская национальная партия». Из «христиан» явилось 1350 человек (36,5%), евреев – 3200 (62%). Еврейское население не разделилось «на партии» – «национальная платформа поглотила собою все прочие».

Христиане не могли создать такого объединения. Блок «Союза 17 октября» был более «конфессиональным, чем национальным блоком, отражая в себе настроение православных приходов». В газете «Витебский голос» было сообщено следующее: «Во время выборов союз обнаружил прекрасную дисциплину: его 830 голосов стройно проходят через все пять предложенных им кандидатур. После еврейской национальной партии ему принадлежит первое место на выборах, а один из кандидатов союза, А.П. Сапунов, стоит первым и далеко впереди в ряду кандидатов всех вообще христианских партий. Из общего числа 1350 христианских голосов А.П. Сапунов получил 1122 голоса, но если бы даже (чего ни в коем случае не могло случиться) за него дали свои голоса абсолютно все христиане-избиратели, числящиеся в избирательных списках, то и тогда он всего лишь на 55 голосов имел бы больше А.О. Волковича» [80].

Как видим, первый опыт участия в избирательной компании оказался для А.П. Сапунова неудачным, но тем не менее безусловно, проявился авторитет ученого среди горожан.

С января по февраль 1907 г. А.П. Сапунов занимал должность редактора неофициальной части «Витебских губернских ведомостей» (о «подыскании нового редактора» «Витебский голос» сообщил 13 февраля [42]) и одновременно являлся редактором воскресного приложения «Народный листок». В объявлении о начале издания приложения Сапунов пишет: «Редакция, идя на встречу потребностям текущего момента, будет стремиться, по мере сил и возможности, к выяснению насущных нужд населения губернии вообще и коренного ее населения в особенности. В целях всестороннего изучения и освещения вопросов местной жизни и выработки правильного отношения Общества к совершающимся событиям, редакция широко открывает столбцы своей газеты для статей и сообщений местных деятелей» [64]. Но с 14 января по 20 мая 1907 г. вышло всего 9 номеров приложения.

В это же время А.П. Сапунов активно включается в выборы во II Государственную Думу. 19 января 1907 г. автор, скрывшийся под инициалом «Г.», поместил в «Витебском голосе» пространный репортаж о предвыборном собрании русских избирателей Витебска, состоявшемся 14 января [17]. Лидера-

ми стали А.П. Сапунов и священник П.М. Гальковский. Оба они «изложили свои взгляды на все главнейшие вопросы русской государственной жизни и в частности на так называемый еврейский вопрос», о чем было сообщено в «Местной хронике»: «Второй оратор А.П. Сапунов сравнительно с предыдущим витией значительно уклонился в “левую сторону” в деле разрешения еврейского вопроса. Г. Сапунов признался, что белорусский желудок, частью которого является и он, не переваривает евреев; что это “блюдо” может “переварить” только весь полуторастомиллионный русский народ. Поэтому, г. Сапунов завил, что со своей стороны он стоит за уничтожение для евреев “черты оседлости”. Смеем думать, что и программа, предложенная г. Сапуновым, не удовлетворит еврейское население г. Витебска, считающее, что упразднение черты оседлости может рассматриваться только как начало тех реформ, которые должны уравнять евреев в правах и обязанностях с коренным населением империи» [40]. По результатам баллотировки Сапунов получил наибольшее количество голосов – 236 из 300 присутствовавших. Однако в состав выборщиков Алексей Парфенович был включен только после того, как была отклонена кандидатура Х.И. Житловского [14; 41].

При проведении выборов в III Государственную Думу А.П. Сапунов был выдвинут выборщиком в губернское избирательное собрание съездом землевладельцев Витебского уезда [71] и в итоге стал депутатом Думы. 15 октября 1907 г. губернские «Ведомости» поместили на первой полосе список депутатов в Государственную Думу от Витебской губернии с краткими биографическими справками [20]. Вскоре появилось сообщение об оставлении историком в связи с избранием должности секретаря статкомитета [45].

Отметим здесь письмо А.П. Сапунова о деятельности Думы, которое было опубликовано В.К. Стукаличем в виде двух «бесед» [74; 75]. В своем рассказе о депутатской работе Алексей Парфенович сообщил, что участвовал в деятельности комиссии по проверке выборов в Виленской губернии, о ходе формирования комиссий по различным вопросам, о впечатлениях от выступлений ораторов: «Чтобы напрасно и без пользы не утомлять Думы, говорить должны только известные, признанные ораторы, слушать которых составляет удовольствие, а не муку, но, и то, по два, по три от фракции, не больше. Остальные могут и обязаны выступать лишь тогда, когда затронут вопрос, близко касающийся тех, чьи интересы они представляют, и когда в распоряжении имеется достаточный материал, запас фактических данных и разработанные тезисы». В заключение «бесед» В.К. Стукалич делает вывод: «Таким образом, в земельную комиссию прошли трое витебских депутатов: А.П. Сапунов, Доппельмайер и Ермолаев. Процент значительный, очевидная вещь, – наших депутатов в Думе заметили и оценили» [73].

Весомость члена Государственной Думы используется Алексеем Парфеновичем в деле улучшения состояния дорог. Обращение к этой теме было

связано с поездками на дачу Алексеевка, располагавшуюся примерно в 10 верстах от Витебска по Смоленскому шоссе. В феврале 1908 г. Сапунов описывает состояние дороги как «море после бури с застывшими волнами» и призывал «господ, заведующих дорогами» вспомнить о «страждущих путешественниках» [61].

В июле следующего года появилась более пространная заметка Сапунова о начавшемся ремонте шоссе. Но по описанию работ радоваться было нечему: «Рабочие насыпают кое-как щебень на дорогу, да на этом и кончают ремонт: ни засыпать песком, ни утрамбовывать не полагается. И сколько тут бедных лошадей калечат ноги свои, сколько экипажей приходит в негодность; а бедные велосипедисты чуть не плачут» [64]. Не спасало и применение парового катка, который использовался только при ремонте значительных участков, но и его действие лишь внешне улучшало состояние дороги. «Да, не ремонтируется шоссе – горе, а наступает ремонт – горе вдвойне: и ездить приходится по таким рытвинам, каких нет ни на какой проселочной дороге, и выслушивать, ни за что, ни про что “крылатые словечки” ремонтного “начальства”», – взывает Алексей Парфенович [65].

В «Ведомостях» регулярно печатаются выступления А.П. Сапунова на заседаниях Думы в виде отчетов [18], статей [57; 58; 66; 67; 68], сообщений [22] и отдельных приложений [69]. В письме в редакцию «Ведомостей» от 30 декабря 1909 г. Сапунов опровергает слух, что он убеждал арендаторов не платить собственникам земли арендных денег [62].

Интересен комментарий Сапунова к возгласам из зала на его речь в Думе 11 мая 1910 г. по вопросу применения Положения о земских учреждениях в Витебской, Волынской, Киевской, Минской, Могилевской и Подольской губерниях. Как пишет Сапунов на его утверждение, что А. Мицкевич и Т. Костюшко по происхождению являлись белорусами, в зале раздались голоса: «Откуда это?». Далее ученый приводит источники, на которых он основал положения своей речи, указывая, в частности, что Минская губерния, в которой родился А. Мицкевич, исконно белорусская, а Т. Костюшко был рожден в Гродненской губернии и крещен по униатскому обряду [63].

Активная думская деятельность Сапунова прервалась к середине октября 1911 г. [52] и связано это было с «базедовой болезнью»[1], сопровождающейся сердечными расстройствами, похудением и другими опасными проявлениями. 29 октября 1911 г. сообщение о болезни появилось в губернских ведомостях [3]. К 1913 г. самочувствие Алексея Парфеновича стало улучшаться [1], но к государственной деятельности ученому не суждено было

[1] Диффузный токсический зоб (синонимы: болезнь Грейвса, Базедова болезнь, гипертиреоз, болезнь Перри, болезнь Флаяни) – аутоиммунное заболевание, обусловленное избыточной секрецией тиреоидных гормонов диффузной тканью щитовидной железы, которая приводит к отравлению этими гормонами – тиреотоксикозу.

вернуться – 9 июня 1912 г. работа III Государственной Думы прерывается, а 30 августа она была распущена.

Дальнейшая деятельность А.П. Сапунова активно освещается в витебской прессе: отчеты о заседаниях Витебской ученой архивной комиссии (ВУАК) с участием ученого [10; 12; 13; 20; 22; 23; 59], информация о научно-исторической экскурсии по г. Витебску [44], обследовании 8 августа 1912 г. в нише Софийского собора захоронения архиепископа Флориана Гребницкого (около 1683 – 1762) [56], передачи Сапуновым собственных изданий в библиотеку ВУАК [9] и в музей ВУАК коллекции предметов из раскопок Люцинского могильника [11], репортажи о лекции «Еврейское население в гор. Витебске» [79], о собрании по случаю 300-летия царствования дома Романовых [76], лекциях в Витебском отделении Московского археологического института (МАИ) [2; 4; 5; 6; 7; 28; 29; 31].

Особый интерес представляет серия из обзоров первых восьми лекций Сапунова для слушателей Витебского отделения МАИ [27; 30; 32; 33; 34; 53; 54; 55]. Незадолго до этого Алексей Парфенович был единогласно избран товарищем председателя ВУАК и члены комиссии приветствовали начало систематического чтения лекций, как «первую ласточку, несущую свет исторического знания судеб родного края» [24].

Как сообщается, первая лекция, посвященная «общему обзору памятников старины нашего края и их охранению», состоялась 3 февраля 1913 г. в 7 часов вечера в здании Учительского института в присутствии губернатора барона А.Ф. фон Розена, директора МАИ А.И. Успенского, профессоров Ф.В. Баллода, Ф.В. Воронина, В.П. Ланчинского [27]. Неизвестный автор репортажа о лекции подчеркнул: «Равным образом Белоруссия являлась пасынком судьбы и в другом отношении. Изучением истории ее занимались лишь отдельные, единичные личности; о ней не упоминалось ни в гимназических учебниках, о ней ничего не говорили и в университетах. Поэтому лицо, заинтересовавшееся историческими судьбами Белоруссии, встречало непреодолимые преграды; приходилось тратить много времени на одно только отыскивание источников и пособий по истории Белорусского края. В последнее время изучение Белоруссии много подвинулось вперед. Почти во всех университетах есть профессора, выпустившие в свет свои ученые труды по истории С.-Зап. края и, в частности, Белоруссии; такие же труды были выпущены и другими лицами, напр., Е.Р. Романовым, Н.Я. Никифоровским и проч. И вот А.П. Сапунов». В заключение сообщается: «Интересная лекция почтенного Алексея Парфеновича выслушана была с захватывающим вниманием и вызвала дружный взрыв аплодисментов аудитории. В таком единодушном приветствии, несомненно, сказалась искренняя признательность слушателей А.П. Сапунову, как первому белорусу, решившемуся с ученой кафедры поведать “земли родной минувшую судьбу”». После окончания лекции состоялось заседание профессоров МАИ, на котором по предложе-

нию А.И. Успенского А.П. Сапунов был единогласно избран преподавателем института и его почетным членом [27].

В обзоре четвертой лекции А.П. Сапунова, посвященной истории Беларуси от Люблинской унии до разделов Речи Посполитой и состоявшейся 15 марта 1913 г., сообщается, что лектор закончил свое выступление цитатой из стихотворения А.В. Кольцова, в котором вполне открыто звучал призыв к крестьянину:

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что́ ты был? и что́ стал?
И что есть у тебя?
(25 сентября 1839 г.) [33]

22 сентября 1913 г. состоялось заседание Витебского губернского статистического комитета по случаю 50-летия комитета. А.П. Сапунов как секретарь комитета выступил с докладом, в котором «в живых выразительных словах маститый лектор отметил всю полувековую судьбу комитета и принесенную им громадную пользу в исторической борьбе за сохранение нашей Белорусской губернии». В ходе обсуждения вопроса о месте проведения XVII Археологического съезда, запланированного на 1918 г., Сапунов вновь занял кафедру и «в немногих словах доказал, что местом будущего XVII Арх. съезда должен быть Витебск, где имеется ученая арх. комиссия, отделение императорского Москов. арх. института, церковно-археологический музей, и – работающие люди <…>». Собрание согласилось с мнением ученого [78]. Об этом решении Алексей Парфенович напомнил во время приезда в Витебск председателя Московского археологического общества графини П.С. Уваровой в апреле следующего года [50].

25 марта 1914 г. в зале Алексеевской женской гимназии состоялось торжественное собрание по случаю 75-летия воссоединения униатов с православной церковью, на котором присутствовали епископ Полоцкий и Витебский Владимир, губернатор М.В. Артимович и многие представители «гражданского, военного и учебного ведомств». В «Витебском вестнике» неизвестный автор отмечает, что «в превосходной речи, обилующей богатейшим историческим материалом» А.П. Сапунов познакомил присутствующих с историей унии, которая закончилась «светлым историческим моментом», когда «миллионы белорусов сбросили с себя польско-костельную политическую, но не Божью веру» [48]. Далее сообщается: «Горячая, полная глубокого значения и поучения речь А.П. Сапунова вызвала гром рукоплесканий, как слабое выражение общей благодарности лектору-историку, самоотверженно отдающему все свои силы делу служения и выяснения фактов жизни родного Белорусского края» [47].

В фондах Витебского областного краеведческого музея хранится 19 писем к А.П. Сапунову известного этнографа, археолога Евдокима Романовича

Романова (1855–1922). В последнем датированном письме от 14 мая 1916 г. из г. Вознесенска Херсонской губернии Романов пишет о тяжелом положении, в котором он оказался: «Жить в Одессе – неспокойно; третьей эвакуации я не вынесу, и потому решил выехать оттуда заблаговременно. Но деваться все же некуда. До июня пробуду здесь, а потом все покрыто мраком неизвестности: некуда деваться, хоть ты что! Да и в кармане ветер посвистывает. Не весть что и кинешься куда далеко. Да и здоровьишко плохо, одному не обойтись: ни в аптеку, ни на почту, ни купить чего, все надо кого-нибудь просить. Просто беспомощное положение. Как пишут мне, ты теперь пан, и навязываться тебе я не хочу, хоть раньше и предполагал жить в Фалков<ичах> летом, и в угловой комнате зимою. Но, то были мечты. Во всяком случае, позволь просить внести в купчую право пожизненного пользования двумя комнатками в фалковическом доме[2]. Летом я тебя не стесню своею неподвижностью, а зимою ты в городе. Да и жить мне, небось, знаешь сколько <…>» (ВОКМ, КП 7289/49).

Надо полагать, Сапунов вошел в тяжелое положение друга и 24 июня 1916 г. «Витебский вестник» опубликовал следующее: «Приехал на лето в Витебск и поселился у А.П. Сапунова известный своими трудами в области собирания памятников белорусского народного творчества ученый этнограф Е.Р. Романов, бывший инспектор народных училищ Витебской губернии, пользующийся широкой популярностью в кругу лиц, интересующихся местным фольклором. Надо полагать, этот приезд даст возможность собирателям этнографических материалов воспользоваться удобным случаем для обмена собранными материалами. Кстати, быть может зашевелится, наконец, и наша архивная ученая комиссия, о которой больше года почти ничего не слышно» [26].

Несмотря на то, что здоровье самого Сапунова ухудшалось, ученый продолжал чтение лекций и вынашивал планы о дальнейшем издании своих трудов. 5 мая 1917 г. «Витебский вестник» сообщил, что с первой недели Великого поста по средам историк начнет читать лекции по истории Северо-Западного края в Витебском отделении МАИ: «Лекции А.П. в связи с наступающим в 1921 году 900-летием г. Витебска приобретают для работающих по истории местного края исключительный интерес и потому могут быть посещаемы и членами Витебской губернской ученой архивной комиссии в качестве гостей» [8].

В марте следующего года в «Полоцких епархиальных ведомостях» была опубликована статья, рассказывающая о планах Сапунова выпустить к юбилею города «Историю Витебска» в 4 изданиях, общим объемом около

[2] В начале 1916 г. А.П. Сапунов купил у Е.Р. Романова дачу Фалковичи, располагавшуюся примерно в 14 верстах от Витебска по Смоленскому шоссе, в том же направлении, что принадлежавшая Сапунову дача Алексеевка. См. также [49].

500 страниц. Сообщалось о планируемом содержании, иллюстративном оформлении и высказывалась надежда, что найдутся люди, «городские и земские самоуправления», которые «откликнутся на это культурное дело приличным ассигнованием» [25]. Увы, планы Алексея Парфеновича так и остались неосуществленными.

Предпринятый обзор периодической печати по заявленной теме, конечно, нельзя считать исчерпывающим, но надеемся, что дальнейшие исследования в этом направлении помогут полнее рассказать о деятельности выдающегося ученого.

ЛИТЕРАТУРА

1. **А. П. Сапунов** – А. Я. Бодренку, 30 ноября 1912 г. / Письма А. П. Сапунова к А. Я. Бодренку (Подготовка текста и комментарии В. А. Шишанова) // Белорусская земля в воспоминаниях и документах XIX–XX вв. / Российская академия наук, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького ; [отв. ред.: Д. С. Московская, М. И. Щербакова]. – Москва : ИМЛИ РАН, 2018. – Вып. 1. – С. 278.

2. **Археологический** институт // Витебский вестник. – 1914. – 20 февр. (№ 15). – С. 4.

3. **Болезнь** депутата // Витебские губернские ведомости. – 1911. – 29 окт. (№ 239). – С. 3.

4. **В Археологическом** институте // Витебский вестник. – 1913. – 31 янв. (№ 26). – С. 2.

5. **В Археологическом** институте // Витебский вестник. – 1913. – 23 марта (№ 89). – С. 3.

6. **В Археологическом** институте // Витебский вестник. – 1913. – 7 мая (№ 101). – С. 3.

7. **В Археологическом** институте // Витебский вестник. – 1914. – 19 янв. (№ 41). – С. 3.

8. **В Археологическом** институте // Витебский вестник. – 1917. – 5 февр. (№ 29). – С. 3.

9. **В архивной** комиссии // Витебский вестник. – 1912. – 25 нояб. (№ 118). – С. 2.

10. **В архивной** комиссии // Витебский вестник. – 1915. – 15 февр. (№ 36). – С. 3.

11. **В музее** Витебской ученой архивной комиссии // Витебские губернские ведомости. – 1912. – 16 февр. (№ 37). – С. 3.

12. **В ученой** архивной комиссии // Витебский вестник. – 1912. – 12 окт. (№ 82). – С. 3.

13. **В ученой** архивной комиссии // Витебские губернские ведомости. – 1910. – 24 сент. (№ 214). – С. 3.

14. **Выборщики** по Витебской губернии // Витебский голос. – 1907. – 6 февр. (№ 328). – С. 1.

15. **Выборы** в Государственную думу по Витебской губернии // Витебский голос. – 1906. – 12 марта (№ 61). – С. 1.

16. **Выборы** в Государственную думу по Витебской губернии // Витебский голос. – 1906. – 18 марта (№ 66). – С. 1.

17. **Г.** Витебская жизнь / Г. // Витебский голос. – 1907. – 19 янв. (№ 314). – С. 2.

18. **Государственная** дума. Заседание 17 января // Витебские губернские ведомости. – 1908. – 18 янв. (№ 15). – С. 2.

19. **Депутаты** в Государственную думу от Витебской губернии // Витебские губернские ведомости. – 1907. – 27 окт. (№ 238). – С. 2.

20. **Доклад** А. П. Сапунова // Витебский вестник. – 1915. – 17 февр. (№ 37). – С. 3.

21. **Законопроект** о застройке // Витебские губернские ведомости. – 1910. – 2 дек. (№ 271). – С. 3.

22. **Заседание** Витебской ученой архивной комиссии // Витебские губернские ведомости. – 1910. – 29 сент. (№ 218). – С. 2.

23. **Заседание** Ученой архив. комиссии и губерн. статист. комитета // Витебский вестник. – 1915. – 31 дек. (№ 290). – С. 3.

24. **Заседание** Ученой архивной комиссии // Витебский вестник. – 1913. – 29 янв. (№ 24). – С. 2.

25. **К 900-летию** Витебска // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1918. – 1 (14) марта (№ 5). – С. 156–157.

26. **К сведению** интересующихся вопросами этнографии // Витебский вестник. – 1916. – 24 июня (№ 140). – С. 4.

27. **Лекция** А. П. Сапунова // Витебский вестник. – 1913. – 5 февр. (№ 29). – С. 2–3.

28. **Лекция** А. П. Сапунова // Витебский вестник. – 1913. – 15 февр. (№ 38). – С. 2.

29. **Лекция** А. П. Сапунова // Витебский вестник. – 1913. – 16 февр. (№ 39). – С. 2.

30. **Лекция** А. П. Сапунова // Витебский вестник. – 1913. – 17 февр. (№ 40). – С. 3.

31. **Лекция** А. П. Сапунова // Витебский вестник. – 1913. – 1 марта (№ 48). – С. 2.

32. **Лекция** А. П. Сапунова // Витебский вестник. – 1913. – 2 марта (№ 49). – С. 3.

33. **Лекция** А. П. Сапунова // Витебский вестник. – 1913. – 17 марта (№ 62). – С. 2.

34. **Лекция** А. П. Сапунова // Витебский вестник. – 1913. – 31 марта (№ 73). – С. 2.

35. **Местная** хроника // Витебские губернские ведомости. – 1906. – 18 янв. (№ 17). – С. 3.

36. **Местная** хроника // Витебский голос. – 1906. – 8 февр. (№ 34). – С. 3.

37. **Местная** хроника // Витебский голос. – 1906. – 15 февр. (№ 39). – С. 3.

38. **Местная** хроника // Витебский голос. – 1906. – 5 марта (№ 55). – С. 3.

39. **Местная** хроника // Витебский голос. – 1906. – 11 марта (№ 60). – С. 3.

40. **Местная** хроника // Витебский голос. – 1907. – 20 янв. (№ 315). – С. 3.

41. **Местная** хроника // Витебский голос. – 1907. – 4 февр. (№ 327). – С. 3.

42. **Местная** хроника // Витебский голос. – 1907. – 13 февр. (№ 334). – С. 3.

43. **Местные** известия // Витебские губернские ведомости. – 1903. – 18 апр. (№ 87). – С. 2.

44. **Местные** известия // Витебские губернские ведомости. – 1903. – 9 дек. (№ 172). – С. 3.

45. **Назначения** // Витебские губернские ведомости. – 1907. – 15 окт. (№ 228). – С. 1.

46. **Научно-историческая** экскурсия по городу Витебску // Витебские губернские ведомости. – 1911. – 10 апр. (№ 80). – С. 2.

47. **Нъ.** Торжественное юбилейное собрание / Нъ // Витебский вестник. – 1914. – 27 марта (№ 70). – С. 4–5.

48. **Падліпскі, А. М**. Летапісец Віцебшчыны / А. М. Падліпскі. – Мінск : Полымя, 1993. – 92 с.

49. **Перапіска** А. П. Сапунова з Е. Р. Раманавым / падрыхт. І. Абрамава // Віцебскі сшытак. – 2000. – № 4. – С. 64–73.

50. **Посещение** Витебска статс-дамой графинею П. С. Уваровой // Витебский вестник. – 1914. – 26 апр. (№ 93). – С. 2–3.

51. **Сапунов, А. П.** Двадцатипятилетие ученой деятельности // Витебский голос. – 1906. – 17 янв. (№ 16). – С. 3.

52. **Российский** государственный архив. – Ф. 1278. Оп. 9. Д. 703. Л. 14–22.

53. **С. С-въ.** Лекция А. П. Сапунова / С. С-въ // Витебский вестник. – 1913. – 28 апр. (№ 94). – С. 3.

54. **С. С-въ.** Лекция А. П. Сапунова / С. С-въ // Витебский вестник. – 1913. – 5 мая (№ 100). – С. 3–4.

55. **С. С-въ.** Лекция А. П. Сапунова / С. С-въ // Витебский вестник. – 1913. – 12 мая (№ 105). – С. 4.

56. **С. С-въ.** Общее собрание Ученой архивной комиссии / С. С-въ // Витебский вестник. – 1912. – 17 окт. (№ 86). – С. 3.

57. **Сапунов, А. П.** «Поправка», предложенная членом Государственной думы А. П. Сапуновым, в ст. 5 законопроекта о праве застройки / А. П. Сапунов // Витебские губернские ведомости. – 1910. – 10 апр. (№ 81). – С. 3.

58. **Сапунов, А. П.** Вынужденное объяснение / А. П. Сапунов // Витебские губернские ведомости. – 1908. – 12 февр. (№ 35). – С. 2.

59. **Сапунов, А. П.** Доклад в соединенном заседании Витебской ученой архивной комиссии и Статистического комитета, 9 ноября 1914 г. / А. П. Сапунов // Витебский вестник. – 1914. – 18 нояб. (№ 260). – С. 2.

60. **Сапунов, А. П.** Исторические сведения о витебском замке / А. П. Сапунов // Памятная книжка Витебской губернии на 1881 год. – Витебск : Тип. Витеб. губ. правления, 1880. – С. 143–176.

61. **Сапунов, А. П.** Наши шоссе / А. П. Сапунов // Витебские губернские ведомости. – 1908. – 26 февр. (№ 46). – С. 2.

62. **Сапунов, А. П.** Письмо в редакцию / А. П. Сапунов // Витебские губернские ведомости. – 1909. – 30 дек. (№ 289). – С. 3.

63. **Сапунов, А. П.** Письмо в редакцию / А. П. Сапунов // Витебские губернские ведомости. – 1910. – 23 мая (№ 114). – С. 3.

64. **Сапунов, А. П.** Продолжается подписка на неофициальную часть «Витебских губернских ведомостей»... / А. П. Сапунов // Витебские губернские ведомости. – 1907. – 12 янв. (№ 5). – С. 1.

65. **Сапунов, А. П.** Ремонт Смоленского шоссе / А. П. Сапунов // Витебские губернские ведомости. – 1909. – 15 июля (№ 156). – С. 2.

66. **Сапунов, А. П.** Речь члена Государственной думы А. П. Сапунова, произнесенная в заседании думы 30 мая, о необходимости изменения порядка выборов членов Государственного совета от 9 губерний Западного края / А. П. Сапунов // Витебские губернские ведомости. – 1909. – 25 июня (№ 140) – С. 2–3.

67. **Сапунов, А. П.** Речь члена Государственной думы А. П. Сапунова, произнесенная в заседании думы 2 апреля в защиту законопроекта «о застройке», внесенного правительством / А. П. Сапунов // Витебские губернские ведомости. – 1910. – 8 апр. (№ 79). – С. 2.

68. **Сапунов, А. П.** Речь члена Государственной думы А. П. Сапунова, произнесенная в заседании думы 11 мая, в защиту законопроекта, внесенного в Госуд. думу министром внутр. дел, о применении Положения о земских учреждениях 12 июня 1890 г. к губ. Витебской, Волынской, Киевской, Минской, Могилевской и Подольской / А. П. Сапунов // Витебские губернские ведомости. – 1910. – 15 мая (№ 107). – С. 2–3.

69. **Сапунов, А. П.** Речь члена Государственной думы А. П. Сапунова, произнесенная в заседании думы 17 января в защиту законопроекта об урегулировании арендного вопроса / А. П. Сапунов // Прибавление к № 24 «Витебских губернских ведомостей». – 1908. – 29 янв. – 4 с.

70. **Собрание** Союза 17 октября // Витебский голос. – 1906. – 28 февр. (№ 50). – С. 3.

71. **Список** выборщиков Витебского губернского избирательного собрания // Витебские губернские ведомости. – 1907. – 12 окт. (№ 225). – С. 1.

72. **Стукалич, В. К.** А. П. Сапунов : К 25-летию его учен. и лит. деятельности / В. К. Стукалич // Витебские губернские ведомости. – 1905. – 16 июня (№ 134). – С. 2–3; 17 июня (№ 135). – С. 2–3; 18 июня (№ 136). – С. 2; 22 июня (№ 139). – С. 2; 24 июня (№ 141). – С. 2–3; 3 июля (№ 148). – С. 2.

73. **Стукалич, В. К.** Вторая беседа с А. П. Сапуновым / В. К. Стукалич // Витебские губернские ведомости. – 1907. – 6 дек. (№ 271). – С. 2–3.

74. **Стукалич, В. К.** Вторая беседа с А. П. Сапуновым / В. К. Стукалич // Витебские губернские ведомости. – 1907. – 6 дек. (№ 271). – С. 2–3.

75. **Стукалич, В. К.** Из беседы А. П. Сапуновым / В. К. Стукалич // Витебские губернские ведомости. – 1907. – 23 нояб. (№ 260). – С. 3–4.

76. **Торжественное** собрание // Витебский вестник. – 1913. – 23 февр. (№ 44). – С. 3.

77. **Хмяльніцкая, Л.** Гісторык з Віцебска (жыццяпіс Аляксея Сапунова) / Л. Хмяльніцкая. – Мінск : Энцыклапедыкс, 2001. – 256 с.

78. **Ъ.** День 50-летнего юбилея Витебского губернского статистического комитета / Ъ // Витебский вестник. – 1913. – 24 сент. (№ 213). – С. 3–4.

79. **Ъ.** Еврейское население в гор. Витебске / Ъ // Витебский вестник. – 1914. – 13 марта (№ 59). – С. 3.

80. **Sinus.** Выборы в Государственную думу по Витебской губернии / Sinus // Витебский голос. – 1906. – 19 марта (№ 67). – С. 1.

Шкирандо Ф.И. *(г. Витебск)*

ПОЛЬСКИЕ ШКОЛЫ В ВИТЕБСКЕ (1919–1937) И СУДЬБЫ ИХ УЧИТЕЛЕЙ

После революционных событий 1917 г. Витебская губерния до 24 марта 1924 г. оставалась в составе РСФСР. 20 декабря 1917 г. была образована культурно-просветительская секция Витебского губернского совета рабочих, крестьянских, солдатских и батрацких депутатов. Секция неоднократно реорганизовывалась и меняла название. В 1918 г. Наркомпрос РСФСР принял

декрет «О школах национальных меньшинств». В нем говорилось, что все национальности, населяющие РСФСР, пользуются правом организации обучения на своем родном языке на обеих ступенях единой трудовой школы и в высшей школе. В рамках выполнения этого декрета при Витебском губернском отделе народного образования был образован подотдел национальных меньшинств, в котором были три секции: еврейская, латышская и польская. Последняя была создана 15 октября 1919 г. [7, оп. 1, д. 84, л. 4, 6].

Отдельные аспекты деятельности национальных школ и культурно-просветительских учреждений Витебщины в 1919–1930 гг. рассматриваются в публикациях историков и краеведов Т.П. Ивановой, А.М. Подлипского, Г.Н. Яковлевой. В масштабах всей республики они широко представлены в статье А. Лейзерова [12] и монографиях И.А. Пушкина [14; 15]. Положение польских культурно-просветительских учреждений в народном образовании Витебщины в первое десятилетие советской власти проанализировала в своей публикации Е.Н. Бусел-Кучинская [1]. Работ, посвященных деятельности польских школ в Витебске в 1919–1937 гг., до настоящего времени нет.

Работу по созданию сети польских школ и других культурно-просветительских учреждений в Витебске и губернии, а потом в округе возглавляли польские бюро. Они были в штатах губернских комитетов партии и комсомола, губернского отдела народного образования. Заведующим польским бюро губоно был член партии Вацлав Грушецкий [3; 6]. В окружном отделе народного образования эта должность называлась «инспектор польской культуры» и ее занимал Ян Левандовский, присланный в 1920 г. из Москвы польским бюро ЦК РКП(б) [8]. Кроме основных обязанностей каждый из них занимался и практической педагогической работой. Вацлав Грушецкий вел уроки обществоведения в польской школе-семилетке, позже был и ее директором, возглавлял вечернюю школу для взрослых имени Парижской коммуны [6; 10, д. 677, л. 31 об.]. Ян Левандовский в 1923/1924 учебном году работал заведующим одногодичными вечерними курсами для взрослых, позже директором польской школы-семилетки, вел там уроки музыки и пения [6, д. 66, л. 18; 7], в польском клубе был руководителем разных кружков и одно время его заведующим [10, д. 68, л. 43–44].

Из списка учебных заведений, находящихся в ведении школьного подотдела губоно, видно, что в Витебске в 1919/1920 учебном году были две польские школы первой ступени (четырехлетние): № 35 на ул. Урицкого, 23 и № 46 на ул. Караваевской, 1. Польская школа второй ступени (семилетняя) № 9 находилась на ул. Канатной, 39 б [7, оп. 3, д. 9, л. 45]. В 1922 г. польская школа второй ступени фигурирует под № 6. С 1923/1924 учебного года польская школа-семилетка имела уже № 15 и находилась на ул. Вокзальной, 39 (с 1934 г. ул. Кирова). Это здание в 1920–1930-е гг. стало своего рода польским культурно-просветительским и методическим центром. Кроме школы-семилетки здесь были польская школа-четырехлетка, вечерняя школа для

взрослых, польские клуб, библиотека и читальня [6, д. 306, л. 44]. Несмотря на тесноту, организовывались концерты художественной самодеятельности, праздники, утренники, методические совещания для учителей польских школ губернии, а потом округа и города.

Для подготовки педагогических кадров для польских школ организовывались краткосрочные курсы. Так, в 1923 г. в Минске при Польском педагогическом техникуме, основанном в 1922 г. на базе педагогических курсов, были организованы двухгодичные учительские курсы. С 1933 г. в Минске начал работу Польский педагогический институт. В структуре БГУ были кафедра польского языка и польское отделение. Учебники привозились из Польши, но они были неактуальны с точки зрения идеологии. Поэтому возникла необходимость разработки и издания собственных учебников. Для этого были созданы издательские центры в Москве и в Беларуси. В Минске уже с 1922 г. действовало книжное общество «Культура», которое издавало учебно-методические пособия на польском языке. Но польских учебников в регионах все время не хватало. Как отмечено в одном из архивных документов, «по состоянию на 08.08.1933 г. Витебский гороно получил только три названия польских учебников в количестве 495 экземпляров» [4, д. 189, л. 203].

Польская школа-семилетка обслуживала детей всего округа. В 1926/1927 учебном году в ней обучалось 466 учащихся, что составляло 98,5% фактического охвата детей поляков в возрасте 8–15 лет [10, д. 671, л. 755–757]. Это стало возможным благодаря открытию при школе в 1926 г. интерната для детей из отдаленных местностей. Правда, находился он на расстоянии 3 км от школы.

Сохранившиеся в архиве анкеты учителей школы-семилетки 1920-х гг. свидетельствуют, что все они были выходцами из семей дворян или чиновников. Окончили гимназии или высшие начальные училища. Учитель математики Иван (Ян) Абрамович был выпускником университета, а Иосиф Тотт успел до революции окончить четыре курса медицинского факультета в Дерпте (Тарту). Учительница немецкого языка Гертруда Католяк имела немецкие корни, родилась в 1883 г. в Германии, окончила там гимназию. Все были беспартийными за исключением Вацлава Грушецкого и Яна Левандовского. Вацлав Грушецкий родился в семье почтового чиновника в г. Серадз Калишской губернии. В 1918 г. окончил Витебское высшее начальное училище, член партии с 1919 г. Ян Левандовский родился в г. Тартанув (Польша), выпускник гимназии, политэмигрант, член партии с 1918 г.

Поскольку в здании школы-семилетки работала и начальная польская школа № 14 (ее называли на сленге «примитивка»), некоторые учителя совмещали работу в этих двух школах. Это Ядвига Гласко, Ядвига Буткевич, Гертруда Католяк, Иосиф Короткевич, Иван (Ян) Абрамович, Мария Жигис. Заведующим, то есть директором школы № 14 была Ядвига Гласко, которая проживала при школе. Некоторые из учителей в 1920-е гг. окончили двухго-

дичные педагогические курсы при Минском польском педагогическом техникуме [6, д. 66, л. 18, 39; д. 309, л. 28–29, 85].

Советско-польская война 1919–1920 гг. для советской Беларуси породила серьезные проблемы во взаимоотношениях между различными слоями населения. Осложнения психологического порядка привели к неприязни, подозрительности, недоверию между народами, втянутыми в противоборство воюющих сторон. В послевоенные годы довольно долго польское население огульно подозревалось в помощи антисоветским силам и стремлении присоединиться к буржуазной Польше [19]. У некоторой части руководителей Беларуси слова «поляк» и «контрреволюционер» стали синонимами. Все они, независимо от членства в партии, начиная с 1920 г., были под строгим контролем партийных органов, ВЧК, ОГПУ, НКВД. Об этом красноречиво свидетельствует выписка из протокола № 61 заседания Витебской губернской комиссии РКП(б) от 20 марта 1924 г. Комиссия постановила объявить выговор с предупреждением и объявлением в печати Я.Р. Левандовскому и В.К. Грушецкому за то, что они ходатайствовали перед губисполкомом об оставлении в пределах СССР перебежчика из Польши И.Ф. Коссова без разрешения губкома РКП(б) [2].

Работа витебских польских школ регулярно обсуждалась не только в губоно и окроно, но и на заседаниях польбюро губкома, потом окружкома партии и комсомола. Отмечались как положительные моменты, так и проблемы. К положительным сторонам относили большой охват детей школами, создание при них пионерских форпостов, удачную кампанию по сбору денег на танк имени Ф. Дзержинского. Среди проблем назывались теснота помещений в здании, где находится столько учреждений и даже проживали сотрудники. Планировалось подыскать для польского клуба другое помещение, снабдить польскую библиотеку новейшей литературой, активизировать антирелигиозное воспитание детей. Польское бюро окружного комитета партии в 1927 г. отмечало, что среди польского учительства наблюдается некоторая национальная идеализация, замкнутость, ограниченность, желание работать только среди своей национальности в польском клубе [10, д. 671, л. 2–3, 57].

Весной 1927 г. в ходе реорганизации аппарата окружного отдела народного образования в инспекторат народного образования произошло сокращение штата на 11 человек. Была сокращена ставка инспектора польской культуры Яна Левандовского, который стал заведующим польским клубом. Проработать долго ему там не довелось. Ровно через год центральная контрольная комиссия КП(б)Б исключила его из членов партии «за антикоммунистические поступки». Левандовского обвинили в том, что он якобы стремился иметь исключительно «чисто польские школы в округе» и был против польско-белорусских и белорусских с польским языком как предметом. А это, по мнению чиновников из Наркомпроса, способствовало национальной

розни и затирало классовую линию [10, д. 682, л. 46–50]. В связи с этим Ян Левандовский был освобожден от работы заведующего польским клубом [10, д. 682, л. 43–44].

Необходимо отметить, что по отношению к национальным меньшинствам 1920–1928 гг. были периодом расширения их прав. В конце 1920-х гг. происходит поворот в национальной политике страны. Годом «большого перелома» стал 1929 г., когда началось окончательное свертывание нэпа, насильственная тотальная коллективизация, форсированная индустриализация. На практике это проявлялось в стремлении к «упрощению» этносоциальной и языковой структуры страны, свертыванию употребления национальных языков.

Уже в декабре 1928 г. Наркомпрос БССР просил окружные комитеты партии срочно прислать подробные характеристики всех учителей польских школ, происхождение которых не является рабочим или крестьянским [6, д. 309, л. 112а]. В представляемых в Минск списках польских учителей Витебска всегда были пункты «общественная активность» и «отношение к религии». Относительно активности чаще всего было написано «пассивен (пассивна)», по поводу религиозности были два варианта ответов: «скрытый верующий» или «отношение не выявлено» [10, д. 682, л. 112 – 112 об.]. В 1929 г. из польских школ Витебска и округа были уволены некоторые учителя с формулировками: «как антигосударственный элемент», «как человек несоветский», «как дочь кулака», «как бывший помещик (помещица)» [6, д. 309, л. 174].

В архиве сохранились спецсводки ГПУ, которые представлялись в партийные органы. Вот какие краткие характеристики имеются в списке учителей польских витебских школ № 14 и 15 по состоянию на 15.04.1929 г.: «личные политические убеждения не выявлены», «из помещиков, скрытый враг советской власти», «за деньги всем будет служить», «работает за деньги, а не за совесть», «по политическим убеждениям «болото», «мещанка», «политической жизнью не интересуется», «можно отнести к группе сочувствующих». Чаще всего встречается определение «болото» [10, д. 682, л. 179–182].

В 1929 г. начался и продолжался по 1935 г. период значительного ограничения прав нацменьшинств, когда руководство ВКП(б) отказалось от сотрудничества с представителями меньшинств, которые не являлись сторонниками идей классовой борьбы и пролетарской идеологии. Если при обследовании польской школы-семилетки в Витебске разными комиссиями в предыдущие годы отмечались в основном положительные моменты и указывались отдельные недостатки, то в 1929 г. ситуация изменилась. Так, в материале ЦК ЛКСМБ 1929 г. по обследованию общественно-политического состояния этой школы мы не найдем ничего положительного. В документе констатируется, что «по социальному составу учащихся это в основном дети служащих. Ни в самой школе, ни в польском клубе, который находится

в здании школы, не организована ячейка «Безбожник». Антирелигиозный ученический кружок работает слабо. Многие ученики читают произведения таких старых польских национально-патриотических классиков, как Мицкевич, Сенкевич, но мало читают современных газет. В общественной работе принимает участие только 25% учащихся. Органы ученического самоуправления работают слабо. Не проявляет активности и пионерская организация школы. В школьной библиотеке 928 книг, но среди них много произведений старых польских и русских классиков» [10, д. 682, л. 168–172].

В 1930 г. оперативный сектор ОГПУ сфабриковал дело о ликвидации в Витебске шпионской организации римско-католического духовенства, бывших помещиков, кулаков-поляков и группы польской интеллигенции. Утверждалось, что эта контрреволюционная организация существовала в течение ряда лет и охватила своим влиянием значительную часть польского населения как в городе, так и в деревне. Членами этой организации, по утверждению ОГПУ, были и учителя витебских польских школ (начальной, вечерней и семилетней) [4, д. 52, л. 129–131]. В рамках ликвидации этой мифической организации осенью 1930 г. были арестованы учителя этих школ Иван (Ян) Абрамович (12.10.1930), Олимпия Бржезовская (12.10.1930), Вацлав Грушецкий (12.10.1930), Ванда Грушецкая (12.10.1930), Иван (Ян) Левандовский (12.10.1930), Софья Бартошевич (14.10.1930). В члены организации записали и пожилую заведующую польской библиотекой Стефанию Гофман, которая была арестована 12.10.1930 г. В 1931 г. арестованы Галина Шейко (18.03.1931), Ольга Сметанко (11.05.1931), Иосиф Тотт (11.05.1931), Виктория Свинтицкая (17.05.1931). Все они обвинялись по статьям 68 (шпионаж), 72 (пропаганда и агитация против советской власти), 76 УК БССР (организационная деятельность против советской власти). Все были высланы на разные сроки в исправительно-трудовые лагеря. А бывший коммунист учитель и инспектор польской культуры Ян Левандовский был приговорен к высшей мере наказания. Перед арестом он работал членом коллегии защитников (адвокатов). 14.08.1964 г. Военным трибуналом БВО они были реабилитированы как необоснованно репрессированные [13, с. 287, 295, 299, 310, 311, 338, 363, 366, 370, 378]. Их групповое дело № 12975-П хранится в архиве УКГБ по Витебской области. В деле есть фото некоторых учителей (И. Тотт, О. Шейко и др.). Всего по этому делу было арестовано 50 человек.

Общественно-политическая жизнь Беларуси в 1930-е гг. – это цепь взаимосвязанных, проходивших одновременно или вслед друг за другом кампаний по очищению, как тогда писали, от «классово-чуждых элементов», препятствовавших «развернутому социалистическому строительству», а точнее – сталинскому «крутому повороту во всей политике». Эти кампании вылились в ряд судебных и внесудебных процессов в отношении ученых и технических специалистов, партийных работников, представителей творческой интеллигенции, учителей, крестьян и рабочих.

Несмотря на периодические репрессии, школа БССР в первой половине 1930-х гг. оставалась многонациональной. В республике работали белорусские, русские, еврейские, украинские, польские, литовские и латышские школы. В Витебске была даже одна цыганская школа. В школах нацменьшинств обучение велось на родных языках, а белорусский и русский языки изучались как предметы. Во всех школах в это время старательно просматривались учебники. Большинство учебников, которых и так не хватало, были изъяты из обихода, особенно хрестоматии для чтения, сборники диктантов, грамматики. Одни книги конфисковали автоматически ввиду ареста их авторов независимо от содержания. Другие потому, что они не соответствовали эпохе коллективизации сельского хозяйства и сталинских пятилеток. Например, в хрестоматиях для чтения не позволялось называть «образцовыми» единоличные крестьянские хозяйства, в задачниках – использовать примеры из жизни единоличных хозяйств. Учителя должны были выдумывать арифметические задачи из жизни колхозов, торговли и кооперации. Наркомпрос БССР рекомендовал в 1931 г. всем библиотекам, народным домам, избам-читальням обязательно покупать книги «В фашистской Польше», «Жизнь и борьба польского пролетариата», «Программа Коминтерна», «Программа Коммунистического интернационала молодежи» [5].

Обращает на себя внимание лексика служебных документов ОГПУ, НКВД, партийных органов того периода, например, «польские школы засорены антисоциалистическим элементом». В письме Витебского горкома партии в ЦК КП(б)Б от 09.07.1931 г. после ареста учителей польской школы-семилетки осенью 1930 г. – в первой половине 1931 г. сказано: «Из всего коллектива учителей (в школе 14 групп) 80% изъяты по распоряжению соответствующих политических органов ОГПУ» [4, д. 34, л. 194].

Постановлением СНК БССР с 1932/1933 учебного года в республике было введено всеобщее семилетнее образование. С этого года польская начальная школа в Витебске перестала функционировать и осталась только одна школа школа-семилетка № 21. В последующие годы в документах горкома партии и городского отдела народного образования о польской школе-семилетке не было сказано ни одного хорошего слова. Так, например, в постановлении секретариата Витебского горкома КП(б)Б отмечены только недостатки. Среди них: «нарушение установленного решениями ЦК партии режима в школе, провал политехнизации, отсутствие массовой политико-воспитательной работы, ряд контрреволюционных шовинистических вылазок (поджог, белый польский орел и др.). Парторганизация завода «Красный металлист», к которому прикреплена школа, не обеспечила пролетарское влияние, помощь школьным организациям в борьбе за классовое воспитание детей» [4, д. 169, л. 167]. В связи с этим заведующий школой Вильгельм Горавский (1908–1937) был снят с работы. В 1937 г. во время так называемой «польской операции» НКВД его обвинили в шпионаже в пользу Польши и

расстреляли [18]. 16 апреля 1933 г. в городской газете «Віцебскі пралетары» появилась разгромная статья «Оздоровить польскую школу, очистив ее от классовых врагов» [9]. По версии этой статьи, здесь собрались почти одни классовые враги во главе с бывшим директором В. Горавским, который «написал клерикальную пьесу и собирался ставить ее на школьной сцене во время пасхальных праздников». А учитель математики Буевич «преднамеренно сделал вредительское расписание занятий».

После В. Горавского директором польской школы-семилетки был назначен Василий Манкевич (1906–1937). В 1934 г. школа становится неполной средней, осенью в нее был набран восьмой класс. Во время проверок школы комиссии не находят в ее работе ничего положительного. 27.02.1935 г. Витебский горком партии объявил В.П. Манкевичу строгий выговор за потерю классовой бдительности. Все дело было в том, что «учительница польской литературы Кобызева на уроках протаскивала антипролетарские настроения и прививала учащимся классово враждебную идеологию» [4, д. 336, л. 57, 62].

Более подробную характеристику недостатков в работе польской школы дает справка Витебского сектора НКВД о состоянии польской колонии по г. Витебску на 05.05.1935 г. В ней отмечается, что в Витебске в это время проживали 3468 поляков. В польской неполной средней школе работали 12 учителей. Несмотря на довольно удовлетворительный социальный состав польского учительства, политико-воспитательная и интернациональная работа среди учащихся поставлена плохо, имеют место случаи антисоветских и антисемитских вылазок. Польская литература преподается с душком польского национализма. Учительница Кобызева очень часто идеализирует фашистскую Польшу, вместо термина «польское государство» заставляет учеников называть Польшу националистическим термином «ojczyzna» (отечество). Кобызева в 1933 году арестовывалась бывшими органами ГПУ в Минске как член Киевского филиала польской националистической контрреволюционной организации, но за недоказанностью была освобождена [4, д. 376, л. 14–15].

Поскольку директор польской школы В.П. Манкевич был политэмигрантом, который перешел из Польши в БССР в 1926 г., НКВД сфабриковал против него дело. Его обвинили в участии с 1933 г. в контрреволюционной «Польской военной организации» (ПОВ). 03.04.1937 г. В.П. Манкевич был исключен из партии [4, д. 562, л. 197–198]. 28.08.1937 г. расстрелян, посмертно реабилитирован 17.11.1956 г. [13, с. 342].

О том, как выглядела польская средняя школа перед закрытием, рассказала в 2006 г. корреспонденту газеты «Głos znad Niemna» бывшая ее ученица витебчанка Хелена Нестерович. Она тоже отмечает, что «помещений в школе не хватало, поэтому занятия проходили в три смены. Несмотря на то, что здание было трехэтажным, все классные комнаты находились на третьем

этаже. На втором этаже находились библиотека, польский клуб, столовая, комната сторожа. Первый этаж занимали разные магазины. Аресты поляков начались в 1935 г. Тогда люди исчезали как бы незаметно. Не придет учитель на урок и как ни в чем не бывало, тишина, никто об этом не вспомнит. Все боялись всех. Некоторые учителя, хотя и работали в польской школе, выдавали себя за белорусов или русских. Большинство из них было арестовано в 1937 г. В декабре этого года за участие в праздновании Рождества Христова были наказаны многие старшеклассники. Перед зимними каникулами в школе раздали учебники на русском языке, и после чего школа стала русской. Из бывших учителей остались учитель белорусского языка Малахов и историк Каспрович. Директор и остальные учителя были арестованы, ни одного из них никогда позже не встретила» [20].

Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О ликвидации национальных школ и национальных отделений в школах» было принято 24.01.1938 г. Рассказ Хелены Нестерович свидетельствует о том, что в школе заранее знали о грядущем преобразовании. Поскольку в витебском архиве не сохранились документы учителей польской школы за 1932–1937 гг., мы не можем назвать фамилии арестованных и репрессированных.

В заключение отметим, что вопрос ликвидации национальных школ в республике готовился заранее. 19.02.1937 г. XII чрезвычайный съезд Советов БССР принял очередную новую конституцию, в которой о равенстве белорусского, русского, польского и еврейского языков ничего не говорилось. Что касается польских школ, то на заседании бюро ЦК КП(б)Б 28.07.1937 г. обсуждался вопрос «О ликвидации полонизации Беларуси». Бывших руководителей республики (Н. Голодеда, А. Червякова и В. Шаранговича) необоснованно обвинили в насаждении принудительного изучения польского языка. 11 августа 1937 г. появился приказ НКВД СССР № 00485, в котором давалась установка местным органам начать широкую операцию, направленную на полную ликвидацию местных организаций придуманной, сфальсифицированной ПОВ. В секретном письме к приказу говорилось, что члены ПОВ захватили руководство в Наркомпросе БССР, техникумах, школах и клубах. По утверждению НКВД, свое внедрение в систему советских учреждений организация использовала для разворачивания широкой шовинистической и полонизаторской работы [11, с. 34–51; 16; 17]. В резолюции расстрельного июньского (1937) пленума ЦК КП(б)Б партийным организациям предлагалось в центр своей работы поставить быструю и решительную ликвидацию результатов вредительства польских шпионов, вредителей и диверсантов. В Витебске это решение было выполнено оперативно.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бусел-Кучинская, Е. Н.** Польские культурно-просветительские учреждения в народном образовании Витебщины в первое десятилетие советской власти /

Е. Н. Бусел-Кучинская // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 2019. – № 4. – С. 97–101.

2. **Государственный** архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 9-п. Оп. 6. Д. 1596. Л. 1–3.

3. **ГАВт.** – Ф. 49-п. Оп. 2. Д. 522. Л. 8 об.

4. **ГАВт.** – Ф. 102-п. Оп. 1. Д. 41. Л. 8–14.

5. **ГАВт.** – Ф. 160. Оп. 11. Д. 37. Л. 40.

6. **ГАВт.** – Ф. 170. Оп. 1. Д. 15. Л. 1, 110, 136.

7. **ГАВт.** – Ф. 246. – Оп. 6. Д. 5. Л. 1 – 16 об.

8. **ГАВт.** – Ф. 1821. Оп. 1. Д. 466. Л. 10, 16.

9. **ГАВт.** – Ф. 2289. Оп. 2. Д. 357. Л. 114 об.

10. **ГАВт.** – Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 197. Л. 86.

11. **Жук, В. Н.** Из истории польского национального меньшинства в БССР (20–30-е годы XX столетия) / В. Н. Жук. – Минск, 2008. – 51 с.

12. **Лейзераў, А.** Удзел палякаў у дзяржаўным, эканамічным і культурным жыцці Беларусі: (1920–1930) / Аркадзь Лейзераў // Край = Kraj: (Polonica – Albaruthenica – Lithuanica) : 1–2 (4–5) / рэд. Я. Іваноў ; ГА МТ «Брама». – Мінск : Энцыклапедыкс, 2002. – С. 57–58.

13. **Памяць** : Віцебск : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі : у 2 кн. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.] ; склад. А. І. Мацяюн ; мастак Э. Э. Жакевіч. – Мінск : БелЭн, 2002. – Кн. 1. – 648 с.

14. **Пушкін, І. А.** Грамадская і культурна-асветніцкая дзейнасць нацыянальных меншасцей у Беларускай ССР (1919–1991) : манаграфія / І. А. Пушкін. – Магілёў : МДХУ, 2018. – 442 с.

15. **Пушкін, І. А.** Нацыянальныя меншасці БССР у грамадска-палітычным і культурным жыцці (20-я гады XX ст.) : манаграфія / Ігар Пушкін ; навук. рэд. М. П. Касцюк. – Магілёў : МЭУ, 2004. – 167 с.

16. **Пушкін, І. А.** Удзел нацыянальных меншасцей у грамадска-палітычным жыцці савецкай Беларусі (1919–1990 гг.) : манаграфія / І. А. Пушкін. – Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2010. – 318 с.

17. **Раманава, І.** Рэпрэсіі супраць нацыянальных меншасцей Беларусі ў міжваенны перыяд / І. Раманава // Беларусь у XX стагоддзі. – Вып. 1. – Мінск, 2002. – С. 151–156.

18. **Рублевская, Л.** Корабль золотой в поле красном. / Л. Рублевская // СБ. Беларусь сегодня. – 2018. – 5 дек. – С. 14.

19. **Савчук, Е. Ф.** Влияние советско-польской войны на отношения советской власти и польского населения Беларуси / Е. Ф. Савчук // Рыжскі мірны дагавор 1921 г. і лёсы народаў Усходняй Еўропы : матэрыялы міжнар. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 16–17 сакавіка 2001 г. / пад рэд. У. Ф. Ладысева. – Мінск, 2001. – С. 189–190.

20. **Jakowlew, A.** Przykre wspomnienia Heleny Nieścierowicz z Witebska / Anatol Jakowlew // Głos znad Niemna. – 14 kwietnia 2006 r. – S. 12.

Шкирандо Ф.И. *(г. Витебск)*

ПРОФЕССОР МАТЕМАТИКИ Ч.Ч. ДОМБРОВСКИЙ
(к 130-летию со дня рождения)

Страницы истории Витебского государственного университета им. П.М. Машерова, его факультетов и кафедр после 1944 г. отражены в книге, изданной в 1998 г. В ней имеются некоторые сведения о его преподавателях, студентах и сотрудниках. Много интересных деталей о работе вуза в довоенное время имеется в рукописи «История Витебского государственного педагогического института им. С.М. Кирова (1918–1973)», которая хранится в университетской библиотеке [2; 20]. Развернутых публикаций о деятельности отдельных кафедр и их преподавателей в бурное довоенное десятилетие (1930–1940) пока нет. В числе тех, о ком есть лишь краткие сведения в «Белорусском мемориале» и других справочных изданиях о репрессированных, находится и заведующий кафедрой математики нашего вуза в 1934–1936 гг. профессор Ч.Ч. Домбровский [21; 25] (Дадатак 12, фота 1).

На основании данных государственного архива Витебской области, других доступных источников мы представляем реконструкцию и анализ жизненного и научного пути забытого сегодня ученого-математика.

Чеслав Маурициий Матеуш Домбровский (это его полные персональные данные) родился 21 сентября 1891 г. в д. Ракитно Блонского уезда Варшавской губернии в семье разоряющегося помещика Чеслава Игнатьевича Домбровского. В 1911 г. поступил на математический факультет Парижского университета. Во время пребывания во Франции связался с левым движением и в 1912 г. вступил во французскую социалистическую партию. В декабре 1913 г. вступил в парижский филиал Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ). С июня 1914 г. проживал в Польше. Во время Первой мировой войны был арестован германскими оккупационными властями и заключен в тюрьму, освобожден в декабре 1916 г. В 1917 г. вступил в Польскую социалистическую партию (PPS-Lewica), а в декабре 1918 г. был среди основателей Коммунистической партии Польши. До 1920 г. учительствовал в Польше. В том же году уклонился от призыва в польскую армию, нелегально перешел польско-советскую границу и явился в расположение 69-го полка РККА. Был направлен в Минск, здесь в 1920 году вступил в ряды РКП(б).

В Минске Ч.Ч. Домбровский в 1920–1922 гг. преподавал математику на польских педагогических курсах, сотрудничал с польскоязычной газетой «Młot». В 1922–1925 гг. был преподавателем Минского польского педагогического техникума, в 1925/1926 учебном году его директором. С 1926 г. работал в польском отделе Института белорусской культуры инструктором центрального бюро краеведения. В 1928–1929 гг. – инспектор польских школ Наркомпроса БССР в Полоцком и Оршанском округах [3; 26]. Наблюдения

за польскими говорами восточной Беларуси Ч.Ч. Домбровский использовал в книге «Из лексики и грамматики польского населения в советской Беларуси» (на польском языке), которая была издана в Минске в 1932 г. Единственный сохранившийся экземпляр этой книги находится сегодня в Национальной библиотеке Польши [27]. Все экземпляры этой книги в Беларуси были уничтожены как «нацдемовский хлам». С такой же формулировкой были уничтожены и «Записки отдела гуманитарных наук Института белорусской культуры» (филология, история, этнография, археология, искусство) за 1923–1929 гг. В них были и публикации Ч.Ч. Домбровского.

С 1923 г. Ч.Ч. Домбровский вел занятия в БГУ сначала на математическом отделении педагогического факультета, а потом на физико-математическом факультете в качестве ассистента, доцента, с 1932 г. – профессора кафедры математики. В сфере его научных интересов были основы геометрии и вычислительные методы. Первая его научно-методическая книга вышла еще в 1923 г. В 1932 г. были опубликованы еще два учебника [13; 14; 28]. В 1930–1934 гг. появляются статьи в центральных научных журналах [12; 15; 16; 17]. Все это не осталось незамеченным: в 1932 г. Ч.Ч. Домбровскому было присвоено научное звание профессора за заслуги перед наукой и народным хозяйством. Коллеги-математики по БГУ Ц.Л. Бурстин, В.К. Дыдырко, И.С. Пятосин называли его белорусским Давидом Гильбертом. И в этом не было преувеличения. Как для известного немецкого математика Д. Гильберта (1862–1943), так и для Ч.Ч. Домбровского были характерны самобытная оригинальность мышления, удивительная проницательность и разносторонность интересов.

В 1932 г. Ч.Ч. Домбровский стал научным сотрудником Физико-технического института Академии наук БССР, продолжая вести занятия и в БГУ. В Минске кроме основной работы он принимал активное участие в партийной жизни: был партийным пропагандистом, писал статьи для польских газет, издававшихся в Минске, участвовал в различных политических кампаниях того периода.

В 1934 г. в рамках шефства БГУ над Витебским педагогическим институтом профессор Ч.Ч. Домбровский переехал сюда заведующим кафедрой математики. В 1935 г. был избран членом Витебского горсовета [3; 26]. В то время контроль над интеллигенцией, особенно над той ее частью, которая сформировалась до революции, с каждым годом приобретал все более широкий размах. По материалам доносов и слежки на каждого сколько-нибудь заметного интеллигента составлялись секретные характеристики. В них отмечались не только факты биографии, но и политические взгляды, отношение к советской власти, характер разговоров о политике с друзьями и сослуживцами. Эти характеристики служили основанием для разного рода «чисток», разбирательства с теми, кто, по мнению властей, совершил какие-либо «политические ошибки» или допустил «уклон». Такую информацию

собирали партийные органы и сотрудники Государственного политического управления (ГПУ), позже НКВД БССР. Все, что не укладывалось в рамки партийных догм, подвергалось резкой критике и сопровождалось административно-репрессивными мерами.

На рубеже 1920–1930 гг. в БССР развернулась борьба с «нацдемовщиной» и «уклонами в партии». В ходе этой борьбы многие представители профессорско-преподавательского состава были объявлены врагами народа и репрессированы. Их отстраняли от работы с такими формулировками, как «преподавание на лекциях буржуазных теорий», «подмена ленинизма революционным троцкизмом» и т. п. В троцкистском уклоне был обвинен и профессор Ч.Ч. Домбровский. В первый раз за это его исключили из партии в Минске в 1923 г., но потом восстановили. В Витебске он все время находился под наблюдением НКВД, поскольку был «поляком-перебежчиком, выходцем из дворян». Как писалось в чекистских спецсводках, Ч.Ч. Домбровский «имел в Польше двух братьев-фашистов, в пединституте открыто сотрудничал с антисоветскими элементами из состава педперсонала». Занятия в БГУ и Витебском пединституте Ч.Ч. Домбровский вел на белорусском языке, что тоже было подозрительным, поскольку белорусизация к тому времени была уже свернута [3, л. 23]. Многие горожане, особенно в Минске, боялись говорить по-белорусски, чтобы не быть обвиненными в национализме. А здесь, в Витебске, традиционно русскоязычном городе, преподаватель-поляк читал лекции на белорусском языке. В результате в декабре 1935 г. Витебский горком партии исключил Ч.Ч. Домбровского из партии как «не оправдавшего доверие и сомнительного». А 29.06.1936 г., как записано в спецсводках Витебского отдела НКВД, «в целях пресечения контрреволюционной троцкистской деятельности Ч.Ч. Домбровский подвергнут аресту по статье 72а УК БССР» [4].

После осуждения 22.07.1936 г. Особым совещанием при НКВД СССР профессор был выслан в исправительно-трудовой лагерь в Воркуту (Печорский край) на три года, откуда вернулся в июле 1939 г. в Витебск. Поскольку своей квартиры в Витебске у него уже не было, он проживал у своего друга или знакомого Дайлидовича на ул. Кривой, 20а и устроился на работу в 1-ю школу взрослых (вечернюю). И что самое удивительное, после трехлетней ссылки Ч.Ч. Домбровский обратился в Витебский обком КП(б)Б с апелляцией о восстановлении в партии. В архиве сохранилось это дело [3, л. 1–23], где он утверждает, что всегда, даже в лагере, придерживался генеральной линии партии и ссылается на людей, которые могут это подтвердить в Минске и в ИТЛ. В опросном листе он пишет, что «обвинение в меньшевистской оценке революции 1905 года ложно. Оно не было мне лично предъявлено и прибавлено к протоколу заседания бюро ГК КП(б)Б от 11.12.1935 г. после моего ухода». «С братьями никогда не солидаризировался. С отцом разошелся в убеждениях еще в 1909 г. Его фотокарточку сжег в печи» [3, л. 21 – 21 об.]. Но, как

и следовало ожидать, бюро Витебского обкома КП(б)Б, которое 10.05.1940 г. рассматривало апелляцию Ч.Ч. Домбровского, постановило в ходатайстве перед ЦК КП(б)Б о восстановлении его в партии отказать [3, л. 1].

Сегодня мы не знаем, получил ли Ч.Ч. Домбровский в свое время советское гражданство. Можно предположить, что получил, иначе не смог бы стать советским коммунистом и работать в разных советских учреждениях. А потом в связи с арестом в 1936 г. и высылкой в исправительно-трудовой лагерь он, видимо, был лишен советского гражданства. В списке иностранных граждан, проживающих в Витебске в 1938–1940 гг., записано: «Домбровский Ч.Ч., 1891 г. р., поляк, перебежчик из Польши, без гражданства, работает в учебном заведении [5]. Как мы уже указывали выше, после возвращения из ссылки он работал учителем математики в первой витебской школе для взрослых (вечерней) до июня 1941 г.

Во всех справочных изданиях о репрессированных указан только год рождения Ч.Ч. Домбровского, отмечено, что дальнейшая судьба его неизвестна. В Википедии (на польском языке), подготовленной на основании биографического словаря деятелей польского рабочего движения, указаны следующие даты рождения и смерти Ч.Ч. Домбровского: 1891 – после 1940. Это свидетельствует о том, что на родине из каких-то источников знали о его возвращении из ссылки и что в 1940 г. он был жив [26].

Во время немецко-фашистской оккупации Ч.Ч. Домбровский остался в Витебске. Он понимал, что его, как человека без гражданства, в случае отъезда из города нигде не примут. Об этом свидетельствуют списки жителей г. Витебска по состоянию на 28 июля 1941 г. с указанием адреса проживания, хранящиеся в фонде Витебской городской управы [7]. Есть о нем сведения и в картотеке паспортного стола городской управы, составленной в конце 1941 года. Она хранится сегодня в Витебском областном краеведческом музее [1] (Дадатак 12, фота 2).

Фашистские власти ввели в городе трудовую повинность. Надо было устраиваться на работу, чтобы получить продовольственные карточки. Некоторые обиженные советской властью пошли служить в полицию, в профашистскую газету «Новый путь», стали писать антикоммунистические и антисемитские статьи и листовки, выступать с антисоветскими лекциями в Белорусском народном доме. В отличие от них профессор Ч.Ч. Домбровский сначала был работником по разборке книг в библиотеках Витебска [9], а потом выбрал незаметную должность секретаря-переводчика в транспортном отделе городской управы. В этом не было ничего удивительного. Как записано в его личной учетной карточке, он свободно владел белорусским, польским, французским, немецким и русским языками [8]. Карточка была заполнена 30 октября 1941 г. В ней указан новый адрес места жительства профессора с женой: ул. 1-я Ветряная, д. 14 (сейчас это ул. Чехова).

В разных делах городской управы за 1942 г. Ч.Ч. Домбровский упоминается неоднократно. Это алфавитная книга работников городской управы и ее отделов за 1942 г., списки рабочих и служащих предприятий, организаций и учреждений г. Витебска на взимание подушного налога за 1942 г., списки сотрудников различных отделов Витебской городской управы, списки служащих транспортного и криминального отделов городской управы [6]. В сохранившихся частично документах городской управы за 1943–1944 гг. Ч.Ч. Домбровский не упоминается. Если допустить, что в этот период он умер, то в газете «Новый путь» было бы краткое соболезнование жене покойного и сообщение, что он похоронен за счет управы. Мы просмотрели подшивку газеты за 1943–1944 гг. [10] и такого сообщения в ней не нашли.

Относительно дальнейшей судьбы профессора у нас есть только одна версия: его связь с подпольем, разоблачение предположительно осенью 1943 г. и гибель в фашистских застенках. Витебское подполье, как известно, имело интернациональный характер. В нем участвовали китайские, чешские и немецкие патриоты [24]. В свое время нам приходилось общаться с писательницей Л.А. Обуховой, когда она в 1972–1973 гг. собирала материал для книги «Витьбичи» [22]. По ее словам, один из жителей Витебска рассказывал ей, что витебским подпольщикам помогал какой-то профессор-поляк, работавший в городской управе переводчиком. Поскольку фамилию этого профессора он не назвал, Л.А. Обухова не включила этот факт в книгу. Сегодня мы однозначно можем сказать, что этим профессором-поляком мог быть только Ч.Ч. Домбровский. Других профессоров-поляков в оккупированном Витебске не было. Не мог человек, который за свои левые взгляды во время Первой мировой войны провел два года в немецкой тюрьме, овладел там немецким языком, был коммунистом все последующие годы, поступить во время оккупации Витебска по-другому.

Связаться с подпольем профессор Ч.Ч. Домбровский мог через своих бывших студентов или быть завербован агентом НКГБ БССР «Пенсионеркой», которая работала бухгалтером в Витебской городской управе. Ей было поручено завербовать ряд лиц из служащих городской управы и через них добыть списки всех служащих, работающих в немецких учреждениях и полиции Витебской области [19]. В результате проникновения провокаторов в подпольные организации в 1943 г. витебскому подполью был нанесен тяжелейший удар. Тогда было арестовано 138 патриотов. Именно тогда, скорее всего, и был раскрыт профессор Ч.Ч. Домбровский [24, с. 198].

В заключение отметим, что 01.10.1966 г. Ч.Ч. Домбровский полностью реабилитирован Витебским областным судом как необоснованно репрессированный [18]. Дело о реабилитации профессора хранится в Государственном архиве Витебской области [11].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Витебский** областной краеведческий музей : Карточка паспортная 23240-7943 Домбровский Чеслав Чеславович.

2. **Віцебскі** дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава : Падзеі. Людзі. Лёсы / пад рэд. А. У. Русецкага, А. М. Дарафеева. – Віцебск : ВДУ, 1998. – 224 с.

3. **Государственный** архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 1п. Оп. 3а. Д. 1229.

4. **ГАВт.** – Ф. 102п. Оп. 1. Д. 541. Л. 13, 27, 204–206.

5. **ГАВт.** – Ф. 994. Оп. 1. Д. 132. Л. 1об., 8, 10, 15, 18.

6. **ГАВт.** – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 3. Л. 22 ; Д. 100. Л. 92 ; Д. 120. Л. 12 об. ; Д. 124. Л. 1.

7. **ГАВт.** – Ф. 2073. Оп. 3. Д. 51. Л. 67.

8. **ГАВт.** –Ф. 2073. Оп. 6. Д. 9. Л. 13 – 13 об.

9. **ГАВт.** – Ф. 2073. Оп. 7. Д. 5. Л. 7.

10. **ГАВт.** – Ф. 2290. Оп. 1. Д. 25–27.

11. **ГАВт.** – Ф. 2926. Оп. 6. Д. 731.

12. **Дамброўскі, Ч. Ч.** Да пытання аб незалежнасці пастулатаў у сістэме Д. Гільберта / Ч. Ч. Дамброўскі // Працы БДУ. – 1932. – № 26. – С. 1–9.

13. **Дамброўскі Ч. Ч.** Падручнік сферычнай трыганаметрыі: з прыстасаваннямі да астраноміі, геадэзіі і стэрэаметрыі (для ВНУ і тэхнікумаў) / Ч. Ч. Дамброўскі ; БелАН, Фіз.-тэхн. ін-т. – Мінск, 1932. – 38 с.

14. **Дамброўскі Ч. Ч.** Табліцы ўсходу і заходу сонца і працягу світання і змяркання для ўсіх раёнаў БССР / Ч. Ч. Дамброўскі ; БелАН, Фіз.-тэхн. ін-т БАН. – Мінск, 1932. – 15 с.

15. **Домбровский, Ч. Ч.** Еще о решении численных уравнений / Ч. Ч. Домбровский // Математическое образование. – 1930. – № 5. – С. 168–169.

16. **Домбровский, Ч. Ч.** Об ускорении темпа сходимости разложений квадратных корней из натуральных чисел в непрерывные дроби / Ч. Ч. Домбровский // Математическое образование. – 1930. – № 7/8. – С. 220–222.

17. **Домбровский, Ч. Ч.** Приложение метода функциональных шкал к решению треугольника по трем биссектрисам внутренних углов / Ч. Ч. Домбровский // Математика и физика в средней школе. – 1934. – № 3. – С. 30–31.

18. **Домбровский**_Чеслав_Чеславович [Электронный ресурс] // Белорусский мемориал. Открытый список. – Режим доступа: www.ru.openlist.wiki/. – Дата доступа: 04.01.2021.

19. **Из истории** органов государственной безопасности [Электронный ресурс] // История отечественных спецслужб и органов государственной безопасности. – Режим доступа: http//:www.mozohin.ru/article/a-156.html. – Дата доступа: 15.04.2021.

20. **История** Витебского государственного педагогического института (1918–1973) : рукопись. – Витебск, 1996. – 254 с.

21. **Маракоў, Л.** Рэпрасаваныя літаратары, навукоўцы, работнікі асветы, грамадскія і культурныя дзеячы Беларусі (1794–1991) : энцыкл. давед. : у 3 т. / Леанід Маракоў. – Т. 3, кн. 1. – Мінск, 2004. – 532 с.

22. **Обухова, Л. А.** Витьбичи : исторические новеллы / Лидия Обухова. – Минск : Маст. літ., 1974. – 400 с.

23. **Памяць** : Віцебск : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі : у 2 кн. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.] ; склад. А. І. Мацяюн ; мастак Э. Э. Жакевіч. – Мінск : БелЭн, 2002. – Кн. 1. – С. 313.

24. **Пахомов, Н. И.** Витебское подполье / Н. И. Пахомов, Н. И. Дорофеенко, Н. В. Дорофеенко. – Минск : Беларусь, 1974. – 223 с.

25. **Прафесары** і дактары навук Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, 1921–2001. – Мінск, 2001. – 338 с.

26. **Czesław** Dąbrowski (działacz_społeczny) [Electronic resource] // Pl.wikipedia/. – Mode of access: www.pl.wikipedia.org /wiki/Czesław _Dąbrowski_(działacz_społeczny). – Date of access: 09.01.2021.

27. **Czesław** Maurycy Mateusz Dąbrowski. Ze słownictwa i gramatyki ludności polskiej na Białorusi sowieckiej. – Mińsk, 1932. – 96 s.

28. **Dombrowski** M. Cz. M. Canon geometricus : These. – Minsk, 1923.

Юпатов А.Н. *(г. Витебск)*

БОРЬБА С ЭПИДЕМИЯМИ В ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917–1922 гг.

Охрана здоровья народа является одной из важнейших функций любого государства. Само понятие «здравоохранение» впервые стало объектом государственного и социального внимания после Октябрьской революции 1917 г. Сформулированные в первые годы советской власти организационные принципы здравоохранения были основаны на преемственности модели земской медицины царской России и задачах государства по осуществлению заботы о здоровье населения в тяжелейшей социально-экономической и политической обстановке.

Организационный период по созданию советских органов власти на территории Витебской губернии начался 27 октября 1917 г. В этот день был образован Витебский военно-революционный комитет. 11 ноября 1917 г. был образован Совет рабочих и солдатских депутатов [2, с. 21].

10–17 декабря 1917 г. состоялся I Витебский губернский съезд Советов. 15 декабря 1917 г. съезд принял «Положение об управлении Витебской губернией», согласно которому высшей властью в Витебской губернии был объявлен губернский съезд Советов крестьянских, рабочих, солдатских и батрацких депутатов. Съезд выделил из своего состава Витебский губернский Совет крестьянских, рабочих, солдатских и батрацких депутатов (губсовдеп) [3, с. 19; 13; 45], который стал высшим органом власти и самоуправления Витебской губернии. Губсовдеп был разделен на 11 секций. В их числе была организована санитарно-медицинская секция [5].

20 декабря 1917 г. состоялось заседание санитарно-медицинской секции Витебского губсовдепа. Председателем секции был избран Карп Шантаренок. На заседании было принято постановление, согласно которому «сек-

ция принимала в свое ведение все дела и документы медицинского губернского управления, все штаты, имущество, медикаменты и другое. Секция должна была привлечь всех частных врачей, фельдшеров и акушерок на общественные службы, превратить все частные аптеки в общегосударственные» [26].

Период становления советских органов здравоохранения в Витебской губернии совпал с одним из самых сложных этапов в истории отечественной медицины. Первая мировая война, две революции, гражданская война, период иностранной интервенции, разрушение старого уклада жизни населения, голод, отсутствие медикаментов и медицинского персонала, антисанитарные условия – все это заметно ухудшило санитарно-эпидемиологическую ситуацию в губернии. Различные виды тифа, холера, натуральная оспа, малярия, туберкулез, дизентерия, корь, дифтерия, скарлатина, кожные и венерологические заболевания – вот неполный список недугов, которые были распространены в 1917–1922 гг. При этом в разные годы и разные поры года опасность исходила от разных инфекционных заболеваний.

В 1918 г. медицинская помощь населению Витебской губернии в неоккупированной немецкими войсками ее части оказывалась в 25 лечебных учреждениях, в том числе в 19 больницах, обслуживающих сельское население, в 6 уездных и городских больницах. В уездных и городских участковых больницах имелись 384 койки; в 31 врачебном участке работали 41 врач и 124 человека среднего медицинского персонала [32].

Достаточно сопоставить эти цифры с количеством населения губернии, которое составляло несколько сот тысяч и с территорией губернии (около 40 000 км^2), чтобы понять, почему эпидемии принимали в губернии неслыханные до того размеры и какая работа по созданию новой врачебно-санитарной организации стояла перед губернским отделом здравоохранения.

Эта работа развивалась в трех направлениях.

Первое направление состояло в благоустройстве населенных пунктов и городов, снабжении их доброкачественной питьевой водой, разработке нового санитарного законодательства и практических оснований по охране жилищ, почвы, воды, по обезвреживанию сточных вод и отбросов, установление санитарно-правовых норм защиты и охраны труда и организации лечения населения при участии их самих.

Кроме того, значительные усилия должны были быть направлены на поддержание имеющихся и открытие новых лечебных учреждений, на приближение врачебной помощи к населению.

Второе направление деятельности губернского отдела здравоохранения заключалось в организации санитарного просвещения.

В третью группу ближайших и неотложных задач губернского отдела здравоохранения входила борьба с эпидемиями. Это направление деятельности отдела требовало переустройства государственных учреждений по

подготовке медицинского персонала, пересмотра противоэпидемических мероприятий на местах, где они были низкого уровня, правильного снабжения лечебных заведений необходимыми лечебными и предохранительными средствами и создания в местных лабораториях отделов по выработке лечебных вакцин и сывороток.

Сочетание всех этих условий в связи с отсутствием на местах санитарного надзора, слабостью врачебно-санитарной организации, закрытием многих участков и лечебниц, недостатком персонала и снабжения, наличием значительного количества беженцев, местного населения губернии, ослабленного войной и экономическим кризисом делали положение чрезвычайно серьезным.

В марте 1918 г. в Витебской губернии фиксируются первые локальные вспышки инфекционных заболеваний.

Так, 11 марта 1918 г. в санитарно-медицинскую секцию губсовдепа поступила телеграмма от эпидемического врача Бешенковской о заболевании эпидемического фельдшера Панытовского тифом. Решением заседания секции на место заболевшего фельдшера в распоряжение врача Бешенковской в м. Чашники был командирован эпидемический фельдшер Н. Нуждин [27].

23 марта 1918 г. на заседании санитарно-медицинской секции губсовдепа было рассмотрено донесение эпидемического врача Р. Щербаковской о появлении эпидемии скарлатины и оспы в Алексеевской и Зябкинской волостях Невельского уезда Витебской губернии. Было принято решение срочно командировать в распоряжение врача Р. Щербаковской эпидемическую фельдшерицу Е.В. Бубнову и дезинфектора Х. Пизову [28].

Первоначально противоэпидемические меры, принимаемые губернскими органами здравоохранения, носили вынужденный и чрезвычайный характер. Так, для ликвидации эпидемии натуральной оспы в Витебском уезде (Суражский участок) 6 апреля 1918 г. был организован временный оспопрививательный отряд из 8 человек [29].

В июне 1918 г. на заседании санитарно-медицинского отдела губисполкома выступил заведующий бактериологической лабораторией по оспопрививанию, который в своем докладе сообщил об отсутствии детрита (препарат для противооспенной прививки) и острой необходимости в нем при наличии эпидемии оспы, как среди местного населения, так и беженцев. Дело в том, что Витебская бактериологическая лаборатория могла производить оспенный детрит, но из-за отсутствия скота и денежных средств производство вакцины было остановлено. По докладу заведующего бактериологической лабораторией по оспопрививанию «была принята следующая резолюция:

а) образовать 10 летучих отрядов по три оспопрививателя в каждом при одном руководителе отрядов – фельдшере;

б) образовать комиссию по составлению и рассмотрению инструкции оспопрививателей;

в) установить способы и количество выработки оспенного детрита губернской лабораторией (оспенный телятник), дабы добывание детрита не носило, как в настоящее время, случайного характера» [6].

Для всестороннего рассмотрения всех вопросов по санитарно-медицинскому делу при санитарно-медицинском отделе губсовдепа в качестве консультативного и вспомогательного органа было организовано «Бюро заведующих врачебно-санитарным делом», в состав которого вошли врачи, заведующие частями (подотделами) ветеринарной, врачебно-фармацевтической, санитарной, бактериологической лаборатории и один из врачей по выбору губернской советской больницы [30]. До создания чрезвычайных комиссий по борьбе с различными видами инфекций Бюро консолидировало усилия всех ведомств (гражданского, военного и железнодорожного), занимавшихся вопросами здравоохранения.

В июле 1918 г. в отдел здравоохранения губисполкома поступили первые сообщения о появлении холерных заболеваний в психиатрическом отделении губернской больницы. Губернским отделом здравоохранения (губздрав) было принято решение о «возбуждении ходатайства перед губисполкомом» о немедленном переводе отделений губернской больницы в помещения бывшего Крестьянского банка. Эти меры были необходимы для предотвращения распространения эпидемии не только в больнице, но и среди населения всего города, «так как при скученности и крайней тесноте губернской больницы, невозможно принятие самых необходимых мер (изоляции, надлежащей дезинфекции и проч.)» [31].

Учитывая серьезность ситуации, 23 июля 1918 г. руководством губисполкома был создан губернский комитет по борьбе с холерой. Комитетом было принято решение о размещении холерных больных (26 человек [8]) в бараке Витебской Городской заразной (инфекционной) больницы. Персоналу больницы были сделаны предохранительные прививки. Военное ведомство предоставило в распоряжение комитета два санитарных автомобиля для перевозки холерных больных [7].

За первое полугодие 1918 г. губздрав организовал для борьбы с эпидемиями 8 врачебных и 12 самостоятельных фельдшерских отрядов. В уезды было направлено свыше 30 оспопрививателей, которыми было сделано 146 тыс. предохранительных прививок. Неимоверными усилиями губздрав мобилизовал все наличные силы для холерных прививок, снабжал отряды и эпидемический персонал уездов медикаментами, дезинфекционными средствами, лечебными и предохранительными сыворотками, вакцинами, предметами ухода за больными [10].

Условия для возникновения и распространения эпидемий создавала царившая в городах и населенных пунктах Витебской губернии антисанитария. Например, старший врач 1-го пехотного полка 1-й Смоленской дивизии в телеграмме от 27 июля 1918 г. в Витебский губернский комиссариат со-

общал следующее: «По приезде в Бешенковичи узнал, что действительно в местечке зарегистрирован один смертельный холерный случай. При осмотре самого местечка обнаружено полное антисанитарное состояние. В каждом дворе каждый угол является отхожим местом. Приспособленных отхожих мест нет. Колодцы загрязнены, некоторые из них находятся вблизи отхожих мест, уровень сруба колодцев не превышает двух четвертей над поверхностью земли. Базарная площадь – сплошное свалочное место. Уездный Совет делал распоряжения земскому врачу и объявлял жителям о приведении своих дворов в порядок в трехдневный срок. Пока тщетно. Просим принять экстренные мероприятия [9].

Неудивительно, что за три месяца (с мая по июль) только дизентерией было поражено 248 деревень, холерные заболевания были отмечены уже в 69 селениях, заболевания сыпным и брюшным тифом захватили территорию большинства волостей, а впереди были осенняя эпидемия оспы, дифтерита и скарлатины, для борьбы с которыми у отдела не имелось материальных средств.

Учитывая то обстоятельство, что, согласно распоряжениям центральных органов, содержание губернского здравоохранения было отнесено «к источникам местных средств», губздравотдел ходатайствовал перед губисполкомом о введении «для всего населения губернии санитарного налога [11]. В условиях прифронтового положения губернии реализовать такую инициативу губздравотдела было практически невозможно.

Осенью 1918 г. подходила к концу Первая мировая война, что вызвало активное и массовое движение военнопленных и беженцев к западным границам Витебской губернии. Колонны людей двигались как пешим порядком по проселочным дорогам в сторону Полоцка и Себежа, так и по железной дороге. Вопрос об организации медицинской помощи и питания для пленных и беженцев обсуждался на заседании коллегии губздрава с представителями уездных отделов здравоохранения. На предполагаемых путях передвижения были намечены места, где необходимо было устроить врачебно-санитарные пункты. Однако выполнить эту задачу самостоятельно губздравотдел не имел возможности из-за отсутствия средств.

Заведующий губернским отделом здравоохранения доктор Глебовский обратился за помощью в Витебскую губернскую коллегию о пленных и беженцах (губпленбеж). На межведомственном совещании представитель коллегии губпленбежа доктор Шмоткин сообщил, что «прибывающие до сих пор партии пленных и беженцев невелики и, если они будут такими и дальше, особенно при условии следования их по железнодорожным путям, Коллегия губпленбежа справится с этим движением своими силами. Витебский пропускной пункт может ежедневно накормить 5 тыс. человек, выдать необходимую одежду и пособие в размере 25 рублей каждому пленному, 7 рублей на дальнейший путь и оказать медицинскую помощь» [32].

Однако с увеличением потока пленных и беженцев, угроза возникновения и распространения эпидемий становилась все сильнее. Поэтому Санитарный отдел Витебской губернской коллегии о пленных и беженцах создал несколько прививочных пунктов. На вокзале и прилегающих к нему улицах были развешаны объявления о том, что «прививка предохранительной оспы и противохолерной вакцины беженцам производится на вокзале в сортировочном бараке, в еврейской больнице у Полоцкого базара и в Витебской амбулатории бесплатно» [14]. Доктор Глебовский, учитывая сложности в размещении пленных и беженцев (существующие при станции «Витебск» бараки и землянки были переполнены беженцами, а прибывающие пленные стесняли их еще больше, создавая «все условия» для распространения эпидемий), рекомендовал губпленбежу использовать бараки на Юрьевой Горке, где размещался заразный госпиталь Земского союза [33].

Ввиду фрагментарности распространения инфекционных заболеваний, местные органы здравоохранения в 1918 г. смогли удержать эпидемическую ситуацию под контролем.

С началом зимы 1918–1919 гг. стало заметно появление тифов (сыпного и возвратного). Губернскими органами власти и здравоохранения были приняты максимально возможные меры по локализации эпидемии тифов. Прежде всего были созданы губернская и уездные Чрезвычайные комиссии по борьбе с тифом. Комиссии координировали действия всех ведомств, занимавшихся вопросами здравоохранения. Основное внимание было уделено санитарной очистке городов, населенных пунктов, предприятий, вокзалов, общежитий, школ и др.

26 февраля 1919 г. состоялось междуведомственное совещание по вопросу о мерах борьбы с сыпным тифом. На совещании было принято решение об организации улично-домовых комитетов, в круг деятельности которых входило наблюдение за санитарным состоянием домов, дворов и т. д. В связи с тем, что «столь необходимый средний медицинский персонал в настоящее время уклоняется от службы в больницах и госпиталях, занимаясь канцелярской работой в разных советских ведомствах», городским и уездным исполкомам было поручено совместно с губисполкомом издать обязательное постановление о том, чтобы списки медико-санитарного персонала, под личной ответственностью заведующих отделами были бы предоставлены в губздрав [34].

С целью обеспечения населения мылом губернская Чрезвычайная комиссия по борьбе с тифом (далее – Комиссия) рекомендовала губернскому совету народного хозяйства передать запасы мыла губздравотделу [35].

Недостаток санитарного транспорта для перевоза заразных больных в лечебные заведения сказывался на работе санитарных отрядов, особенно в г. Витебске. Поэтому городской отдел здравоохранения изыскивал более простые пути для своевременной доставки больных в Городскую заразную

больницу, перевозки выздоравливающих, а также ослабевших после перенесенных болезней людей к себе домой. Из-за отсутствия лошадей и автомобилей, заведующий отделом здравоохранения г. Витебска обратился в Управление трамвая с просьбой «принять скорейшие меры к проведению трамвайной линии через Нижне-Петровскую и Канатную улицу до Скотопрогонной к Заразной больнице – единственному Городскому Заразному лечебному заведению, расположенному в далеком пригороде (со штатом свыше 300 человек) [25].

Важным направлением в работе губернской Чрезвычайной комиссии по борьбе с тифом была организация и проведение «банных недель» и «недель чистоты». Например, Полоцкому горисполкому Комиссия разрешила «для избегания заразы, установить дешевые парикмахерские, где мог бы остричься весь пролетариат, что пресекло бы заражение через насекомых (вшей)» [38]. В г. Витебске для пленбежа и эвакопункта были выделены две бани при вокзале.

В ноябре – декабре 1919 г. в связи с резким повышением числа сыпнотифозных больных в городе и уездах санитарно-эпидемическим подотделом Витебского губернского отдела здравоохранения в г. Витебске были установлены дезинфекционные камеры в санитарно-дезинфекционном отряде (санотряд), банях и губернской больнице. В штат санитарно-дезинфекционного отряда был введен еще один дезинфектор, выделена особая группа для ежедневной дезинфекции бань. Санотряд начал проводить дезинфекцию школ и приютов по списку подотдела охраны здоровья детей. Была оборудована прачечная при женской тюрьме. Союзом народной гигиены были проведены субботники и воскресники для стрижки в больницах, тюрьмах, школах и приютах.

По-прежнему очень сложным оставался вопрос о госпитализации инфекционных больных. Городская заразная больница из-за отсутствия мест периодически не принимала больных. Еврейская больница была фактически перепрофилирована в заразную на 130 коек, кроме того, при содействии губернской Чрезвычайной комиссии по борьбе с сыпным тифом, Крестовоздвиженский госпиталь был перемещен в помещения Земельного отдела, а помещения госпиталя были отданы под городскую заразную больницу. Также в гарнизонном госпитале были размещены 200–250 кроватей для инфекционных больных. Однако изолированных помещений все равно не хватало [39].

Руководство страны, понимая опасность работы с эпидемическими больными, выпустило ряд постановлений, касающихся льгот для медицинского персонала. Так, в 1919 г. Народный комиссариат труда опубликовал постановление «Об улучшении положения медицинских работников, работающих по борьбе с эпидемией сыпного тифа», в результате которого устанавливалась надбавка в 50% для персонала, задействованного в ликвидации заболевания. Декрет Совета Народных Комиссаров «О мерах борьбы с эпи-

демиями» от 10 апреля 1919 г. вводил выдачу дополнительных пайков для медицинского персонала, а также позволял устанавливать единовременное пособие и пенсию семьям погибших от эпидемий медицинских работников в размере не менее трех месячных окладов [1].

Следует отметить, что, несмотря на такие сложные условия, в архивных документах автором статьи не было обнаружено ни одного случая отказа от работы со стороны медицинских работников, и это при том, что нередко сами врачи, фельдшеры, дезинфекторы и другой медперсонал заражались опасными болезнями от больных. Только сыпным тифом переболело около 50% медицинского персонала губернии [15].

В 1920–1921 гг. органам здравоохранения Витебской губернии пришлось приложить немало усилий для ликвидации эпидемий сыпного и брюшного тифа, которыми в некоторых селениях было охвачено до 50% от общего числа больных.

На заседания президиума Витебского партийного комитета от 17 января 1920 г. с докладом о мерах борьбы с возрастающей эпидемией сыпного тифа выступил председатель губисполкома тов. Сергиевский, который предложил для размещения тифозных больных использовать помещения в имении Лукишки, в школах и Детскосельском госпитале [46].

Витебским губернским отделом здравоохранения были организованы заразные бараки в Веляшковской волости при заводе «Новка», в местечках Сиротино и Лиозно [40]. Кроме того, постановлением губздрава от 24 января 1920 г. «весь наличный персонал больниц, госпиталей, заразных бараков – считать прикрепленным к своим местам и никакие перемещения и увольнения недействительны без ведома и разрешения органов здравоохранения. Изъятия из этого правила преследуются по законам революционного времени, как в отношении лиц, так и в отношении учреждений» [41].

Органы здравоохранения Витебской губернии были вынуждены в кратчайшие сроки налаживать необходимую инфраструктуру, так как угроза распространения эпидемий тифов, холеры, испанки, оспы, дизентерии и других заболеваний в 1920–1921 гг. была реальной. Остановимся на основных мероприятиях, которые провел губздравотдел по борьбе с эпидемиями в эти годы.

Прежде всего, в июне 1920 г. из губернского статистического бюро для ведения текущей статистики была выделена особая секция статистики при губздраве. Перед секцией была поставлена задача выяснить причины возникновения и распространения эпидемий в губернии, а также способы борьбы с ними.

Губздравотдел, понимая, что «одним из могущественных орудий на фронте противоэпидемической борьбы является обеспечение населения госпитальной помощью», прилагал значительные усилия для увеличения количества мест в имеющихся больницах, госпиталях и заразных бараках,

по поиску средств для открытия новых медицинских учреждений. В то время, как большинство городов губернии считались в значительной степени обеспеченными больницами, этого нельзя было сказать о сельской местности. Поэтому губздравотдел начиная с противоэпидемических компаний 1918–1919 гг., активно использовал организацию на местах заразных бараков, руководствуясь научными принципами осуществления врачебной сети с радиусом участка в 10–12 км и ходом эпидемии. Из-за отсутствия финансирования строительства новых больничных зданий, санитарно-эпидемиологический отдел губздрава стал использовать для изоляции больных имеющиеся в сельской местности свободные «барские» дома, производить в них необходимые перестройки, устанавливать в помещениях ванны и дезинфекционные камеры, снабжать необходимым медицинским и хозяйственным инвентарем.

С целью изоляции заразных больных губздравом в случаях значительного развития эпидемии, стационарные терапевтические больницы временно перепрофилировались в заразные отделения, как это было в Витебске с Еврейской больницей и в уездах со всеми участковыми больницами в тех местах, где вследствие жилищного кризиса открытие самостоятельных бараков было невозможно.

К сожалению, отсутствие врачей и недостаток квалифицированных фельдшеров не позволяли сразу организовать противоэпидемические мероприятия в широких размерах. Штат каждого барака организовывался, смотря по надобности, из 1–2 фельдшеров, 1 или 2 сестер милосердия, 2–4 сиделок, 1 прачки и 1 кухарки, число коек от 10 до 30 [42].

Непременным условием успешной санитарно-эпидемической деятельности являлось лабораторное дело. В 1920 г. в распоряжении губздрава имелись три лаборатории: городская, губернская и Невельская. Деятельность лабораторий заключалась в исследовании пищевых продуктов на их доброкачественность, изготовлении вакцин и сывороток, предупреждающих заболевание брюшным тифом, холерой, бешенством и оспой, а также в санитарно-бактериологическом исследовании воды из водоемов, воздуха, почвы и т. д.

Витебская городская лаборатория осуществляла производство санитарных исследований, изготовление холерной вакцины и, главным образом, широкое производство клинических анализов.

Губернская лаборатория располагалась в специально приспособленном и оборудованном помещении. Лаборатория имела оспенный телятник для изготовления оспенной вакцины и Пастеровскую амбулаторию для производства прививок людям, укушенным бешеными собаками.

Оспопрививание в большинстве городов и уездов губернии проходило нормально. Согласно штату одна «оспопрививательница» обслуживала три – четыре волости в уезде. В г. Витебске работали восемь «оспопрививатель-

ниц» и семь постоянных оспопрививательных пунктов, а детрит в лаборатории изготавливался для всей губернии и для Народного комиссариата здравоохранения.

Придавая огромное значение личной гигиене и профилактике в борьбе с заразными болезнями, санитарно-эпидемический отдел губздрава проводил большую работу по постройке, перестройке под пропускной тип и ремонт бань и прачечных в губернии. В течение первого полугодия 1920 г. была построена городская примерная пропускная баня (по Караваевской улице за Могилевским базаром). Из имеющихся в городе девяти бань четыре были переданы губернскому военному комиссариату, причем две (Иоффе и Мильготина) полностью, еще две (которые располагались рядом с вокзалом) – для обслуживания эвакуируемых красноармейцев, а в свободные дни – для гражданского населения. В семи из девяти бань в Витебске были установлены дезинфекционные камеры «Гелиос». Беднейшее население пользовалось банями бесплатно, для рабочих и служащих были установлены твердые цены. Дезинфекция проводилась бесплатно [43].

Одним из наиболее опасных заболеваний, которое в разное время года занимало второе место по степени распространения на территории Советской Республики, в том числе и в Витебской губернии, в 1920–1921 гг., являлась холера. Советское правительство было вынуждено выпустить Декрет «О мероприятиях против холерной эпидемии» от 25 июля 1921 г. [1], который обязывал губздравы создавать Чрезвычайные комиссии по борьбе с холерой. Такая Комиссия была создана и в Витебской губернии. Одним из основных направлений деятельности губернской Комиссии стало проведение обязательной противохолерной прививки сначала всего медицинского и санитарного персонала, а затем распространение обязательной противохолерной прививки и на другие группы населения. Большое значение имело то, что вакцина была бесплатной. План заготовки вакцин и материалов был полностью «проведен в жизнь». 250 тыс. доз было изготовлено Витебской городской лабораторией [44].

Однако на первых порах организовать поголовную вакцинацию было невозможно, в первую очередь в связи с отсутствием достаточного количества медицинского персонала. В качестве варианта выхода из этой ситуации заведующий Витебским губернским отделом здравоохранения в своей докладной записке Народному комиссару здравоохранения тов. Семашко предлагал следующее: «В настоящий момент, когда в военных госпиталях раненые красноармейцы отсутствуют, а эпидемия среди армии уменьшается и постепенно сходит на нет … такое положение предоставляет возможность по вашему распоряжению, отвести некоторые госпиталя по городу и по губернии из военного ведомства в распоряжение губздравотдела, а также откомандировать часть медперсонала из военного ведомства в распоряжение губздравотдела для распределения по губернии, так как в резервах военно-

санитарного ведомства он имеется в большом количестве и совершенно не используется. Прежде всего, нужно сохранить здоровье трудящихся» [36].

Не менее важным, чем противохолерная вакцинация, направлением деятельности губернской Чрезвычайной комиссии по борьбе с холерой было проведение мероприятий по санитарной очистке городов и населенных пунктов.

8 июля 1921 г. Витебская губернская Чрезвычайная комиссия по борьбе с эпидемией холеры издала приказ № 1, в котором обязывала все учреждения, предприятия, домовые комитеты, артели и домовладельцев г. Витебска к 18 июля 1921 г., а в уездах к 25 июля «под строжайшую ответственность руководящих лиц» произвести очистку помещений и дворов от мусора и отбросов. Губернскому транспортному отделу предписывалось «произвести мобилизацию 50% наличного по городу и в уездных городах и местечках транспорта» для вывоза мусора в указанные свалочные места [4].

На основании приказа губернской комиссии в уездах чрезвычайными комиссиями по борьбе с эпидемиями при уездных исполкомах были изданы аналогичные приказы [18].

Начальникам городской и уездных милиций данным приказом было предоставлено право арестовывать граждан, не исполнивших приказ, и «применять к ним меру наказания до одного года принудительных работ, с заключением в концлагерь и выселением из своих занимаемых помещений» [4].

Важным условием борьбы с эпидемиями было санитарное просвещение населения. Просвещение должно было осуществляться с участием врачей в организации популярных бесед, чтений, лекций, устройством показательных гигиенических выставок, музеев [11]. Для реализации планов санитарного просвещения населения губздрав использовал свое подведомственное учреждение – Дом санитарного просвещения имени тов. Семашко, который был открыт 29 мая 1921 г. [19]. Чтобы повысить эффективность просветительской работы, губздрав обратился в губернский политико-просветительский комитет с ходатайством о разрешении открыть при Доме санитарного просвещения «научный кинематограф». Главная цель предполагаемого кинематографа – «использовать экран для распространения среди широких рабочих и красноармейских масс знания по гигиене и санитарии путем демонстрации фильмов и диапозитивов с объяснением лекторов».

Благодаря мерам, принятым губернской Чрезвычайной комиссией по борьбе с холерой в начале лета 1921 г. наблюдались всего лишь отдельные случаи заболеваний холерой.

Первый установленный случай холеры со смертельным исходом был зарегистрирован 21 июля 1921 г. на вокзале г. Витебска. Погибшая женщина была снята с эшелона, следовавшего из Самары. Кроме умершей с этого же эшелона были сняты 12 человек с симптомами холеры, которых доставили в городскую заразную больницу. Все они находились в одном вагоне с погиб-

шей женщиной. Учитывая то обстоятельство, что из Поволжья ежедневно должны были приходить эшелоны с беженцами и в них, конечно же, окажутся больные, заведующий санитарно-эпидемиологическим подотделом губернского отдела здравоохранения обращался к председателю губисполкома: «необходимо категорическое ваше приказание о безоговорочном, немедленном производстве ремонта городской заразной больницы, не считаясь ни с чем. Нельзя терять ни одного дня, в противном случае мы окажемся не в состоянии госпитализировать ни одного больного» [17].

Вообще в течение июля – августа 1921 г. Витебску предстояло принять 10 тыс. беженцев из холерных губерний. В целях предохранения Витебской губернии от эпидемии необходимо было организовать карантин для людей из эшелонов с подозрением на холеру. По минимальным расчетам Чрезвычайной комиссии по борьбе с холерой требовалось около 1 тыс. карантинных мест. Поэтому Комиссия просила губисполком предоставить для карантина четыре барака на Марковщине [16].

Во второй половине 1921 г. наплыв беженцев из так называемых «голодных местностей» в Витебскую губернию возрастал. Каждая следующая волна беженцев приносила с собой много больных, особенно заразных.

Лечебные учреждения Витебской губернии ежедневно принимали на лечение в первую очередь беженцев, учитывая их бездомность и связанную с этим большую возможность передачи инфекции местному населению, а также и общие тяжелые условия, в которых эти беженцы находятся. Губернский отдел здравоохранения в своих докладных записках в губисполком сообщал, что среди прибывающих беженцев возрастает количество больных возвратным тифом. На 28 сентября 1921 г. только в бараках на Марковщине были размещены около 4 тыс. беженцев [12].

Начиная с января 1922 г. эпидемия паразитарных тифов на территории Витебской губернии стала ослабевать. Уже в марте – апреле целый ряд заразных бараков в Витебской губернии совершенно опустел, и среди медицинского персонала стало преобладать оптимистическое настроение, что эпидемия паразитарных тифов (сыпного и возвратного) прошла и в ближайшие годы боятся их нечего.

Летом 1922 г. в губздраве не раз поднимался вопрос о необходимости сократить эпидемический персонал и, в частности, персонал городской заразной больницы, об уменьшении количества коек в заразной больнице и о том, чтобы несколько бараков этой больницы уступить больным по венерическим болезням. Однако появившиеся случаи холерных заболеваний на территории губернии немного снизили оптимизм сторонников сокращения эпидемического персонала и уменьшения количества коек.

Из доклада о ходе заболевания холерой заведующего санитарно-эпидемиологическим подотделом губздрава врача Б.И. Гершуна на заседании губернской Чрезвычайной комиссии по борьбе с холерой от 26 августа 1922 г.

следовало, что «в г. Витебске до 29 июля 1922 г. зарегистрированы 29 случаев, с 29 июля по 26 августа 1922 г. – 11 случаев заболевания. За время эпидемии зарегистрированы 32 холерных заболевания в Старосельской волости и в деревне Ужлятино. В деревне Ловша зарегистрированы 22 случая, из них 16 смертельных. Уже направлены два эпидемиологических холерных отряда, последними усиленно и успешно производятся противохолерные прививки населению. Всего заболеваний холерой в губернии 106 случаев» [22].

Комиссией были проведены соответствующие мероприятия, была взята для исследования вода из Витьбы, Двины и колодцев. Холерных палочек в них не оказалось. Была начата вакцинация от холеры. Проведение прививок было обязательным следующим группам населения: пищевикам, ассенизаторам, «погребальщикам» и тому подобным, в противном случае последние должны быть сняты со службы саннадзором. Для защиты персонала, работающего с холерными больными, была выдана прозодежда. Была организована очистка дворов, ретирадных мест общественного скопления и пр. [21].

В результате проделанной комиссией работы с 24 августа по городу и с 28 августа по конец сентября 1922 г. по губернии заболеваний холерой не было выявлено. Губздрав счел нужным холерные отряды расформировать, прививочные пункты при амбулаториях страховой кассы, за исключением пункта при Центральной амбулатории, закрыть, дежурных врачей при дезотряде уволить, оставив временно одного. Что касается летучих прививочных отрядов, то они оставались до 1 октября 1922 г. для окончания производства прививок рабочим на предприятиях. Всего заболеваний холерой по городу и губернии с начала эпидемии было зарегистрировано 110 случаев, за это время было произведено около 5 тыс. прививок, за исключением уездов, так как от них сведений не поступало.

22 сентября 1922 г. губернская Чрезвычайная комиссия по борьбе с холерой объявила о ликвидации холерной эпидемии. Учитывая, что в городе и губернии отмечается увеличение числа эпидемических заболеваний (тифов, дизентерии и др.) и для борьбы с ними необходимо продолжить деятельность комиссии, было принято решение переименовать существующую Чрезвычайную комиссию по борьбе с холерой в губернскую Чрезвычайную комиссию по борьбе с эпидемиями [23].

Как оказалось, такое решение было своевременным. В октябре 1922 г. в Витебск прибыл целый ряд эшелонов с беженцами. Поскольку эшелоны были задержаны, беженцы были размещены в бараках Марковщины. Картина быстро изменилась. Ежедневно в заразную больницу стало поступать около 25 человек, больных возвратным тифом.

Опыт, приобретенный в предыдущие годы, позволил быстро организовать меры борьбы с эпидемиями в начальный период их возникновения. С разрешения губисполкома создается чрезвычайная пятерка для борьбы с этим бедствием. Ежедневно проводилась санитарная обработка всех бе-

женцев (баня и дезинфекция всех вещей), самих железнодорожных составов. Количество заболеваний после принятых мер резко упало. Через некоторое время обстановка на границе нормализовалась и эшелоны с беженцами стали уходить в Польшу и Латвию.

Одновременно с паразитарными тифами появились единичные случаи оспы и скарлатины, причем, оспа, безусловно, была занесена приехавшими беженцами, так как первые восемь случаев оспы были среди них.

В первых числах ноября 1922 г. общее количество инфекционных больных в губернии достигло 2 тыс. человек. В конце ноября цифра достигла 3 тыс., а в декабре 1922 г. не менее 4 тыс. человек. Не было ни одного уезда в губернии, который был бы свободен от инфекций [20].

Губздравом энергично принимаются меры по локализации очагов эпидемий. В первую очередь дезинфекционными отрядами стала проводиться санитарная обработка помещений, в которых находились или находятся беженцы. В основном это были казарменные бараки и синагоги, где в антисанитарных условиях ютились беженцы, ведь именно они, к сожалению, служили одним из крупнейших источников распространения эпидемии. Перед тем, как переселить беженцев в специально оборудованные общежития, их предварительно мыли в банях и подвергали самой тщательной дезинфекции, используя дезинфекционные камеры [24].

Работать приходилось в тяжелых условиях. Финансовое положение губздрава было катастрофическим. Не было никакого фонда для борьбы с эпидемией. Сокращение медперсонала и лечебных учреждений дошло до таких пределов, что дальнейшее его сокращение было уже просто невозможно [37].

Острый недостаток ощущался в медикаментах, что не давало в полной мере оказывать своевременную помощь больным. Губздравом принимались меры с разрешения губисполкома в отношении закупки за границей медикаментов, но получить разрешение от высших инстанций на поездку за границу было сложно [47].

С прекращением военных действий, переходом страны к мирному строительству и с приостановкой беспрерывного движения и «скучивания» в одном месте огромных масс населения, уменьшились и эпидемии, составлявшие один из главных бичей 1917–1922 гг.

Таким образом, органам здравоохранения Витебской губернии удалось в короткий срок организовать многочисленные санитарно-эпидемические мероприятия, которые непосредственным образом повлияли на снижение заболеваемости в регионе.

Схожую по сложности ситуацию мы наблюдаем сегодня. Пандемия COVID-19, санкционная политика западных стран в отношении Республики Беларусь, миграционный кризис проверяют на прочность здравоохранение нашей страны. В этой связи актуальность приобретает изучение опыта становления системы здравоохранения на территории современной Витебской

области, а также анализ как позитивного, так и негативного опыта государственной политики в этой сфере в начальный период советской истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Библиотека** нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru. – Дата доступа: 14.10.2021.

2. **Витебск** : энциклопедический справочник / [гл. ред. И. П. Шамякин]. – Минск : Белорусская советская энциклопедия имени Петруся Бровки, 1988. – 407 с.

3. **Государственный** архив Витебской области (ГАВт) : путеводитель / авт.-сост.: Т. В. Буевич, Ю. С. Петухов ; редкол.: Т. М. Свистунова (гл. ред. [и др.]. – Минск : Медисонт, 2013. – 935 с.

4. **ГАВт.** – Ф. 7. Оп. 1. Д. 23. Л. 129.

5. **ГАВт.** – Ф. 56-ОАФ. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.

6. **ГАВт.** – Ф. 56-ОАФ. Оп. 1. Д. 6. Л. 83.

7. **ГАВт.** – Ф. 56-ОАФ. Оп. 1. Д. 6. Л. 208.

8. **ГАВт.** – Ф. 56-ОАФ. Оп. 1. Д. 6. Л. 209.

9. **ГАВт.** – Ф. 56-ОАФ. Оп. 1. Д. 25. Л. 129.

10. **ГАВт.** – Ф. 56-ОАФ. Оп. 1. Д. 28. Л. 16.

11. **ГАВт.** – Ф. 56-ОАФ. Оп. 1. Д. 28. Л. 16–17.

12. **ГАВт.** – Ф. 56-ОАФ. Оп. 1. Д. 114. Л. 384.

13. **ГАВт.** – Ф. 56-ОАФ. Оп. 6. Д. 4. Л. 2.

14. **ГАВт.** – Ф. 56-ОАФ. Оп. 6. Д. 18. Л. 1.

15. **ГАВт.** – Ф. 56-ОАФ. Оп. 6. Д. 41. Т. 2. Л. 377.

16. **ГАВт.** – Ф. 64. Оп. 1. Д. 371. Л. 66.

17. **ГАВт.** – Ф. 64. Оп. 1. Д. 371. Л. 88.

18. **ГАВт.** – Ф. 64. Оп. 1. Д. 371. Л. 183.

19. **ГАВт.** – Ф. 64. Оп. 1. Д. 386. Т. 3. Л. 182.

20. **ГАВт.** – Ф. 64. Оп. 1. Д. 438. Л. 2 – 2 об.

21. **ГАВт.** – Ф. 64. Оп. 1. Д. 532. Л. 68 – 68 об.

22. **ГАВт.** – Ф. 64. Оп. 1. Д. 532. Л. 262.

23. **ГАВт.** – Ф. 64. Оп. 1. Д. 532. Л. 298.

24. **ГАВт.** – Ф. 64. Оп. 1. Д. 537. Л. 31.

25. **ГАВт.** – Ф. 1001. Оп. 14. Д. 3. Л. 66.

26. **ГАВт.** – Ф. 1821. Оп. 1. Д. 240. Л. 2.

27. **ГАВт.** – Ф. 1821. Оп. 1. Д. 240. Л. 7 ; Д. 242. Л. 124.

28. **ГАВт.** – Ф. 1821. Оп. 1. Д. 240. Л. 9 ; Д. 242. Л. 130.

29. **ГАВт.** – Ф. 1821. Оп. 1. Д. 240. Л. 17 об. ; Д. 242. Л. 281.

30. **ГАВт.** – Ф. 1821. Оп. 1. Д. 240. Л. 23.

31. **ГАВт.** – Ф. 1821. Оп. 1. Д. 240. Л. 39 – 39 об.

32. **ГАВт.** – Ф. 1821. Оп. 1. Д. 240. Л. 170 об. – 171 об.

33. **ГАВт.** – Ф. 1821. Оп. 1. Д. 240. Л. 197.

34. **ГАВт.** – Ф. 1821. Оп. 1. Д. 323. Л. 4 – 4 об.

35. **ГАВт.** – Ф. 1821. Оп. 1. Д. 323. Л. 8 – 8 об.

36. **ГАВт.** – Ф. 1821. Оп. 1. Д. 455. Л. 12 – 12 об.

37. **ГАВт.** – Ф. 1821. Оп. 1. Д. 607. Л. 60.

38. **ГАВт.** – Ф. 2262. Оп. 1. Д. 64. Т. 1. Л. 21.
39. **ГАВт.** – Ф. 2262. Оп. 1. Д. 81. Л. 4.
40. **ГАВт.** – Ф. 2262. Оп. 1. Д. 81. Л. 6 об.
41. **ГАВт.** – Ф. 2262. Оп. 1. Д. 81. Л. 13.
42. **ГАВт.** – Ф. 2262. Оп. 1. Д. 81. Л. 27–29.
43. **ГАВт.** – Ф. 2262. Оп. 1. Д. 81. Л. 30–31.
44. **ГАВт.** – Ф. 2262. Оп. 1. Д. 81. Л. 34.
45. **ГАВт.** – Ф. 9742-п. Оп. 1. Д. 155. Л. 123, 128, 151, 227.
46. **ГАВт.** – Ф. 10050-п. Оп. 1. Д. 80. Л. 6.
47. **ГАВт.** – Ф. 10050-п. Оп. 1. Д. 374. Л. 20.

Бондарева Е.М. *(г. Витебск)*

ИЗ ИСТОРИИ ЛИОЗНЕНСКОЙ СВЯТО-ВОЗНЕСЕНСКОЙ ЦЕРКВИ

Старшее поколение жителей Лиозненского района помнит величественно возвышающийся в центре городского поселка храм Вознесения Господня. Судьба его, как и многих других храмов и церквей, стертых с лица земли во время проведения антирелигиозной кампании, трагична…

Храм Вознесения Господня (в архивных документах встречаются и другие названия – Вознесенская или Свято-Вознесенская церковь) являлся одним из старейших на территории Лиозненского района. Согласно «Опросному листу о церковных и монастырских архивах», церковь была воздвигнута в 1786 г. местными помещиками и крестьянами. В храме находился богатый церковный архив, среди документов которого имелись три рукописные книги за 1761–1795 гг. на польском языке [5, л. 60]. Храм имел три придела: две каменные церкви – во имя Святых Георгия Победоносца и Николая Мирликийского, одну деревянную церковь – во имя Святой равноапостольной Марии Магдалины (в документах встречается название Мариинская церковь). Последняя в 1920-х гг. сдавалась в аренду латышской православной общине, состоящей приблизительно из сорока человек. Богослужения в ней проводились на латышском языке [3, л. 97].

Несмотря на протесты верующих, в начале 1930-х гг. храм был закрыт. С этого времени началось его постепенное уничтожение: были сломаны купола и иконостас, имущество церкви (облачение, утварь, иконы, книги и др.) было сожжено на площади, а сам храм переоборудован под районный Дом культуры, в котором располагались: библиотека, книжный магазин, кинотеатр [4, л. 14]. 7 апреля 1936 г. так называемый «очаг культуры» посетили белорусские классики Якуб Колас и Кондрат Крапива. Их вниманию был представлен спектакль по пьесе Якуба Коласа «Дрыгва», поставленный старшеклассниками местной школы. После окончания представления гости прочли в этом здании с прекрасной акустикой свои стихи и басни [2, с. 7]. Дом культуры работал до начала немецко-фашистской оккупации.

В Государственном архиве Витебской области сохранились прошения верующих о возвращении церкви на имя председателя Верховного Совета СССР М.И. Калинина от 25 декабря 1945 г. и в Московскую патриархию от 2 августа 1946 г., из которых мы узнаем дальнейшую судьбу церкви: «В 1941 году нам было немцами разрешено открыть нашу церковь для совершения в ней богослужения, каковое мы и совершали в ней до 21 сентября

1943 года. На оборудование вновь церкви нами затрачено сотни пудов хлеба и десятки тысяч рублей. С приходом в г. Лиозно нашей Красной армии, 10 октября 1943 года, церковь была занята под военный склад, а нам было разрешено Лиозненским райисполкомом совершать богослужение на Лиозненском православном кладбище (открытое место) по словам зам. председателя райисполкома и секретаря райкома партии до освобождения церкви из-под склада и отхода фронта. По выезде из Лиозно военных складов, мы 5 августа 1944 года обратились с просьбой в Лиозненский райисполком разрешить нам совершать богослужение обратно в нашей церкви, на что и получили словесное разрешение секретаря райкома партии и зам. председателя райисполкома. 6 августа 1944 года, после уборки церкви от мусора, в ней было совершено всенощное бдение… 12 августа 1944 года по распоряжению председателя Лиозненского райисполкома двери нашего храма были забиты гвоздями. На поданное 12 августа 1944 года Лиозненскому райисполкому ходатайство с просьбою зарегистрировать нашу общину и оформить передачу церкви в ведение верующих председатель Лиозненского райисполкома ответил словесно, что Лиозненская церковь закрыта по распоряжению Витебского облисполкома. 20 августа 1944 года мы подали заявление в Витебский облисполком с просьбой разрешить нам обратно занять нашу церковь. 9 сентября 1944 года мы получили решение Витебского облисполкома от 4 сентября 1944 года № 430» [4, л. 18]. Витебский облисполком отклонил просьбу верующих о возврате церкви, мотивируя это тем, что здание использовалось под кинотеатр, на приспособление которого затрачено 90 тыс. руб. государственных средств.

В течение целого года, до июля 1945 г., верующие совершали богослужения под открытым небом на православном кладбище, однако и это им было запрещено Уполномоченным Совета по делам религиозных культов при Совете Народных Комиссаров СССР по Витебской области до предоставления договора на аренду помещения под молитвенный дом. Богослужения с августа 1945 г. стали проводиться в жилом доме, сдаваемом церкви в аренду. 7 сентября 1945 г., когда община предоставила договор аренды, она была зарегистрирована [4, л. 25].

После регистрации прихожане вновь возбудили ходатайство о передаче им бывшего здания церкви, где к этому времени вновь работал Дом культуры. Осенью 1945 г. церковь была частично занята под склад зерна ввиду отсутствия складских помещений, уничтоженных оккупантами. К началу 1946 г. здание от склада было полностью освобождено, в церкви вновь разместился Дом культуры. Там регулярно показывали кино, действовал драмкружок, была библиотека [4, л. 21].

Неоднократные обращения верующих к Уполномоченному Совета по делам религиозных культов при СНК СССР по Витебской области, в Витебский облисполком, в Минск на имя Архиепископа Минского и Белорусского желаемых результатов не дали.

В конце 1940-х гг. прихожане Свято-Вознесенского прихода выкупили жилой дом по ул. Марии Октябрьской и реконструировали его под церковь, которая располагается в нем до сих пор.

Свято-Вознесенская церковь являлась единственной сохранившейся церковью после освобождения Лиозненского района от немецко-фашистских захватчиков. Именно на ее куполе было водружено красное победное знамя, возвестившее об освобождении первого крупного населенного пункта Витебской области. Выдержав все лихолетья войны, она была уничтожена в мирное время: в 1962 г. Свято-Вознесенская церковь была взорвана. Исчез уникальный памятник архитектуры, а главное – место, где людей учат вере, надежде, любви…

15 июля 2017 г. на месте, где некогда стояла Свято-Вознесенская церковь, был открыт памятный знак в форме храма с куполом, колоколом и иконами. Рядом – каменный аналой (подставка для книг и икон в церкви) с изображением разрушенной святыни и стихотворными строками:

Ажурной вязью устремляясь к свету,
Возносится молитва в небеса.
Здесь поколений поиски ответа.
Здесь веры возрожденья голоса [1, с. 6].

ЛИТЕРАТУРА

1. **«Ажурной** вязью устремляясь к свету…» // Сцяг перамогі (Лёзна). – 2017. – 11 ліп.

2. **Бондарава, А.** Якуб Колас на Лёзненшчыне / А. Бондарава // Сцяг перамогі (Лёзна). – 2007. – 28 крас.

3. **Государственный** архив Витебской области» (ГАВО). – Ф. 160. Оп. 1. Д. 3.

4. **ГАВО.** – Ф. 1439. Оп. 3. Д. 52.

5. **ГАВО.** – Ф. 1947. Оп. 1. Д. 19.

Ганчар А.И. *(г. Гродно)*

ПЕРЕВОД ПРЕПОДАВАНИЯ ЗАКОНА БОЖИЯ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОГО ИСПОВЕДАНИЯ НА РУССКИЙ ЯЗЫК В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ВИТЕБСКОЙ И МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИЙ (1850–1853)

В 1850 г. попечитель Санкт-Петербургского учебного округа (СПУО) М.Н. Мусин-Пушкин (1845–1856) озаботился проблемой контроля начальников учебных заведений Могилевской и Витебской губерний в плане «духа и способа преподавания» на польском языке Закона Божия римско-католи-

ческого (р.-к.) исповедания в учебных заведениях, поскольку они этого языка или не знали вовсе, или знали достаточно плохо. В отзыве к министру народного просвещения князю П.А. Ширинскому-Шихматову (02.11.1849–19.04.1853) от 29 декабря 1850 г. за № 7151 попечитель СПУО предложил преподавать Закон Божий р.-к. исповедания на русском языке. Это предложение основывалось на отзыве профессора Куторга, которому попечитель поручил обратить особое внимание на столь важный вопрос. В качестве причин профессор указывал на употребление большей частью католиков Витебской (восточная часть) и Могилевской губерний, состоявшей из шляхты, в семейном быту белорусского и частично русского языков. Дети этих мелкопоместных дворян, поступая в училища, совершенно не могли следовать за преподаванием Закона Божия, так как вовсе не понимали польского языка. Сначала они должны были учить польский язык в самом училище в классах Закона Божия и у самих же законоучителей, а потом уже, спустя полгода и более начинать переходить к заучиванию наизусть катехизиса. Занятия же польским языком продолжались в одинаковой степени во всех классах учебных заведений до окончательного выпуска учеников из стен учебного заведения. Отсюда значилось, что преподавание р.-к. законоучителей не ограничивалось строго своим предметом, для которого они и были назначены, но и состояло также в изложении польской грамматики, хотя и не в систематическом виде. В уездных и приходских училищах, по утверждению Куторга, незнание польского языка было явлением довольно частым. Из этого обстоятельства профессор выводил заключение, что преподавание Закона Божия на русском языке для большей части дворянских детей Витебской и Могилевской губерний стало бы облегчением.

Витебский, Могилевский и Смоленский генерал-губернатор (ВМиС г.-г.) князь А.М. Голицын (1845–29.05.1853), которого попечитель СПУО просил сообщить ему по этому предмету мнение, 29 ноября 1850 г. за № 523 уведомил, что со своей стороны он находит не только весьма полезным, но даже необходимым ввести в учебных заведениях Витебской и Могилевской губерний преподавание Закона Божия р.-к. исповедания на русском языке вместо польского, так как лично убедился, что с тех пор как было прекращено в местном крае действие Литовского Статута и делопроизводство было начато на русском языке, а также отменено обучение польскому языку в училищах, дети низшего сословия дворянства, особенно мещанские, совершенно отставали от польского языка и обучались оному единственно потому, что Закон Божий преподавался на этом языке, и преподаватели данного предмета обучали их польскому языку для того, чтобы дети могли их понимать.

По примеру Полоцкого кадетского корпуса, где по повелению великого князя Михаила Павловича катехизис преподавался р.-к. священником на русском языке, князь Голицын рекомендовал осуществить данный порядок на всей территории двух губерний. Данная мера не только бы предоставила

начальству учебных заведений возможность следить за духом и направлением преподавания законоучителей, но и ослабить существовавший остаток польского языка, а с ним вместе и дух, и более сблизить с русским наречием и бытом.

Указание, сделанное князем Голицыным по преподаванию катехизиса в Полоцком кадетском корпусе, побудило попечителя СПУО обратиться к начальнику штаба военно-учебных заведений с просьбой сообщить о введении в военно-учебных заведениях преподавания Закона Божия р.-к. исповедания на русском языке, и если действительно эта мера была принята, то в каких заведениях, с чьего разрешения последовало это распоряжение и какие употреблялись для этого учебные книги.

Генерал-адъютант Я.И. Ростовцев от 22 декабря 1850 г. за № 10738 ответил, что двумя высочайшими повелениями в 1836 и в 1849 гг. было разрешено преподавание в военно-учебных заведениях Закона Божия р.-к. исповедания на русском языке и по литографированному руководству. На этом основании р.-к. законоучителем патером Стацевичем были составлены записки р.-к. катехизиса, которые по рассмотрению духовными лицами православного и р.-к. исповеданий, по высочайшему повелению находились на рассмотрении р.-к. духовной цензуры. До литографирования же этих записок преподавание Закона Божия р.-к. исповедания в военно-учебных заведениях производилось, согласно с упомянутым высочайшим повелением 1836 г., на русском языке, по рукописным запискам р.-к. законоучителей.

Учитывая все вышеизложенное, попечитель СПУО М.Н. Мусин-Пушкин находил введение преподавания Закона Божия р.-к. исповедания на русском языке не только полезным и возможным, но и совершенно необходимым для надзора за законоучителями и строгого исполнения высочайшей воли. Попечитель просил министра народного просвещения об исходатайствовании в. с. на введение в учебных заведениях СПУО преподавания Закона Божия р.-к. исповедания на русском языке по запискам, одобренным и принятым в руководство по военно-учебным заведениям [1, л. 1 – 4 об.].

Князь П.А. Ширинский-Шихматов в ответном отзыве в январе 1851 г. поддержал идею попечителя СПУО, находя полезным проповедовать римокатоликам Закон Божий на русском языке во всех учебных заведениях не только Могилевской и Витебской губерний, но и на всей территории, подведомственной попечителю СПУО. Министр народного просвещения просил попечителя о распоряжении с тем, чтобы сказанное преподавание производилось по письменным запискам самих преподавателей, пока не изданы будут подготавливаемые для военно-учебных заведений литографированные руководства. После издания таковых руководств следовало войти к министру с представлением о признании их достаточными и для учебных заведений ведомства министерства народного просвещения (МНП), или же если потребуется какое-нибудь дополнение или изменение.

Всеподданнейшее прошение о преподавании Закона Божия р.-к. исповедания в учебных заведениях Витебской и Могилевской губерний с начала 1851/1852 учебного года на русском языке с предоставлением МНП права на распространение этой меры и на другие заведения было подготовлено от министров внутренних дел и народного просвещения. В случае воспоследования на это в. с. министры полагали по примеру военно-учебных заведений преподавание Закона Божия на русском языке допустить по литографированным спискам законоучителей.

14 июня 1851 г. управляющий Министерством внутренних дел (МВД) С.С. Ланской сообщил министру просвещения о поддержке решения прежнего управляющего МВД Л.А. Перовского за № 394 о преподавании лишь того катехизиса, который был составлен богословским факультетом бывшего Виленского университета и издан по в. в., тем более даже последний митрополит р.-к. церкви признавал этот катехизис достаточным. По причине отсутствия переводчика С.С. Ланской попросил прислать ему переводы книг, предполагаемых министром народного просвещения к употреблению в учебных заведениях по Закону Божию. Управляющий намеревался передать их на рассмотрение Святейшему Синоду на предмет наличия чего-либо противного господствующей Православной Церкви (ПЦ) и, в особенности, не заключается ли в истории Вселенской Церкви несправедливых обвинений ПЦ в отступлении от церковного единства и истинного евангельского учения, которые нередко встречались в богословских и исторических сочинениях латинян.

18 августа 1851 г. министр народного просвещения сообщил попечителю СПУО о единственно дозволенном к использованию в преподавании Закона Божия р.-к. катехизисе, изданном в 1834 г. по в. в. на польском, французском и немецком языках, составленном богословским факультетом бывшего Виленского университета, но признаваемом до сих пор удовлетворительным. Имея в виду, что при изучении Закона Божия рассматривались священная и церковная история, а также изъяснение христианских обязанностей, министр просил попечителя СПУО выслать таковые учебные пособия.

Стоит отметить, что даже для преподавания катехизиса не существовало еще ни одного утвержденного начальством военно-учебных заведений руководства. Законоучителя, большей частью доминикане, читали или по своим запискам, или следовали р.-к. катехизису Клонгевича, изданному на русском языке в 1821 г. Священная и церковная история не преподавалась по установленным руководствам, а частично по запискам законоучителей, а также по книге Ромойена, переведенной на русский язык Маншеевым. Наконец, христианские обязанности, равно как и изъяснение церковных обрядов, не преподавались отдельно, но входили в состав р.-к. катехизиса [1, л. 9 – 10 об., 27–32, 35–40].

Руководствуясь мнением директора училищ Витебской губернии, попечитель СПУО 3 октября 1851 г. сообщил в МНП о неудовлетворительном качестве «Библейской истории» Шмидта, по которой учились, между прочим, молодые люди от 13 до 16 лет и даже старше. «Нравоучительная наука», по словам ксендза де Вальдена, была написана не совсем чистым польским языком. Относительно же «Церковной истории» Бельского сама РКДА отозвалась как о временной по недостатку лучшей. «Библейскую историю» Шмидта попечитель СПУО предлагал заменить на «Сто четыре священные истории» Гибнера, русский перевод которых напечатан был в 1846 г. уже четвертым тиснением, а «Церковную историю» Бельского – «Кратким начертанием Римско-Католической Церкви» Снарского (Вильна, 1848). С целью пересылки книг в МНП первая была заимствована из книжного магазина Витебской гимназии, а вторая – из собственной библиотеки ксендза де Вальдена.

Директор училищ Витебской губернии полагал также подвергнуть пересмотру и сами учебные программы. Например, в них вовсе не было вопроса о церковных обрядах, об истории Восточной Церкви, к церковной истории были отнесены факты из всеобщей политической истории. Не нравилось директору рассмотрение в отдельности вопросов о христианизации жителей Балтийского моря, Ливонии, Пруссии, Литвы и Самогитии. Полезнее всего, по мнению директора, было бы составить в г. Санкт-Петербурге для преподавания Закона Божия р.-к. исповедания один общий учебник, разбить его на части или тетради, по количеству классов, налитографировать и продавать тетради, но исключительно учащимся и не иначе, как из книжных магазинов учебных заведений. Со своей стороны, попечитель СПУО М.Н. Мусин-Пушкин рекомендовал осуществлять перевод учебных пособий на русский язык под наблюдением ДДДИИ МВД [1, л. 41 – 44 об.].

В гимназиях и уездных училищах Виленского учебного округа руководством к преподаванию Закона Божия р.-к. исповедания служили на основании предписания министра народного просвещения от 15 мая 1837 г. за № 5765 разные издания на польском языке, как-то: «Krótki Katechizm dla młodzieży Rzymsko-katolickiego wyznania uczacej się w naukowych zakładach w Rossyi, za Najwyższym rozkazem ułożony i wydrukowany», в котором излагалась первая половина «o wierze, nadziej i miłości»; «Historya biblijna starego przymierza przez pytania», изданная по распоряжению начальства бывшего БУО и др. Также проводилась переписка с еп. ВРКЕ В. Жилинским о замене «Historya Kościelna» кс. Бельского другим, более доступным руководством («Церковная история» Фиалковского). Кроме того, в г. Вильне в 1844 г. был напечатан по высочайшему повелению для употребления в сельских училищах и р.-к. церквах «Катехизисъ О почитаніи Государя Императора самодержца Всея Россіи, или объясненіе четвертой Заповѣди Божіей, въ отношеніи къ Предержащей Власти въ Государствѣ».

В КУО «Церковная история» преподавалась по пособию Бельского, полностью распроданном в 1850 г. Поскольку сам автор умер в 1825 г., то попечитель КУО генерал-адъютант Бибиков полагал просто перепечатать сочинение кс. Бельского ввиду отсутствия лучшего издания. 4 октября 1852 г. МНП адресовало данное предложение в МВД. 31 августа 1853 г. МНП вновь напомнило МВД о необходимости решения вопроса с учебными пособиями для преподавания Закона Божия р.-к. исповедания в учебных заведениях всех Западных губерний. По причине неполучения отзыва на отношение бывшего министра народного просвещения к предместнику министра внутренних дел и к товарищу министра от 19 декабря 1851 г. за № 12460 и от 7 октября 1852 г. за № 9818, а также на отношение от 31 марта 1853 г. за № 2915 о руководствах для преподавания Закона Божия р.-к. исповедания вообще и Церковной истории в особенности в гимназиях и дворянских уездных училищах Западных губерний, 5 ноября 1853 г. за № 9750 товарищ министра народного просвещения А. Норов повторил запрос [1, л. 46–47, 48 об. – 49, 69, 72 об. – 75 об.].

В 1853 г. по указанию престолонаследника цесаревича Александра Николаевича, служившего главным начальником военно-учебных заведений, преподавание Закона Божия кадетам р.-к. исповедания было установлено вместо польского на русском языке, на котором по высочайшему повелению был тогда же составлен р.-к. катехизис [2, л. 68 об.].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Дело** о введении преподавания Закона Божьего римско-католического исповедания в учебных заведениях Петербургского учебного округа на русском языке (30 декабря 1850 г. – 11 апреля 1858 г.) // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 733. Оп. 25. Д. 151. Л. 77.

2. **Документы** о религии и веротерпимости в России (1904 г. – 1915 г.) // РГИА. – Ф. 1022. Оп. 1. Д. 10. Л. 631.

Ермалёнак В.А. *(г. Мёры)*

ГАЛГОФА СВЯТАРОЎ МЁРШЧЫНЫ Ў XX ст.

Галгофа – гара ў Іерусаліме, дзе прыняў пакутніцкую смерць Ісус Хрыстос.

Праз амаль 2 тыс. гадоў паўтарылі шлях пакутніцкай смерці яго служыцелі. Менавіта XX ст. як ніякі іншы перыяд гісторыі, прынясло служкам Бога столькі цярпенняў і пакутніцкіх смярцей. Аб'ём нашага даклада не дазваляе прасачыць біяграфіі ўсіх тых святароў, якія пацярпелі ў гады войнаў

і пераследу за веру. Мы спынімся толькі на найбольш яскравых прыкладах пакутніцкага лёсу святароў Мёршчыны ў розныя перыяды гісторыі. Раз у нашай мясцовасці дзве асноўныя хрысціянскія канфесіі, то і разгледзім мы толькі гісторыю пераследаў праваслаўных і каталіцкіх святароў. У розныя часы існуючыя ўлады па-рознаму ставіліся да той або іншай канфесіі. У часы Расійскай імперыі з пачатку 20 ст. і да 1917 г. пераследаваліся каталіцкія святары. Устанаўленне ў 1917 г. атэістычнай савецкай ўлады пераследу падвергліся прадстаўнікі ўсіх канфесій. Асабліва жорсткімі былі сталінскія рэпрэсіі 1937-х – 1941-х гг. і ў 1945–1953 гг. У гады Вялікай Айчыннай вайны пакутніцкую смерць прынялі многія святары ад фашысцкіх захопнікаў.

У часы Расійскай імперыі, калі пануючай была праваслаўная канфесія, царскія ўлады рознымі спосабамі абмяжоўвалі дзейнасць іншых канфесій. Каталіцкія святары абвінавачваліся перш за ўсё ў перахрышчванні праваслаўных у католікаў або праводзілі актыўную душпастарскую дзейнасць. Яскравы прыклад – жыццё ксяндза мёрскага касцёла Юзэфа Бародзіча (1861–1949). За сваю руплівасць у служэнні ў касцёлах у Немянчыне, Лідзе, Троках, Даўгялішках атрымаў год зняволення ў Гродзенскім францысканскім кляштары. Але вязніца не запалохала ксяндза. Яго няўрымслівая дзейнасць на карысць каталіцкага касцёла ў Жослі, Клюшчанах, пабудова за адзін год святыні ў Мёрах прывяла да чарговага судовага пераследу і высылку ва Уладзімірскую губерню. Святар вытрымаў дзевяць судоў, атрымаў чарговае зняволенне ў кляштары Аглоне, адкуль яму ўдалося ўцячы за мяжу.

Пакутніцкі лёс выпаў на долю святара Пятра Януковіча (1863–1937). Яго прыміцыйная імша адбылася ў Коўне, а потым у родным касцёле ў Мёрах. Але царскія ўлады перашкаджалі каталіцкім святарам, і таму толькі праз год у маі 1892-га Пётр Януковіч быў накіраваны ў дапамогу пробашчу касцёла Пятра і Паўла ў Ноўгарадзе, а праз два месяцы вікарыем у Люцын Віцебскай губерні (зараз Латвія). За тое, што ксёндз не ўзняўся, калі праваслаўны святар прысягаў на Бібліі імператару Мікалаю II, царскія ўлады прымусова змяшчаюць нашага земляка ў Аглоне, дзе манастыр служыў вязніцай для каталіцкіх святароў. Праз год зноў накіраваны служыць вікарыем у Ноўгарад, а ў 1897 г. пробашчам касцёла Пятра і Паўла ў вёску Камень Мінскага дэканата. Зноў на яго пішуць даносы паліцыя і мясцовыя ўлады. Пераводзяць далей ад мясцін, дзе было шмат католікаў, у глыб Расійскай імперыі. 5 сакавіка 1909 г. арыштаваны па абвінавачванні ў распаўсюджанні брашур аб каталіцкім веравучэнні, пазней вызвалены, але 1 кастрычніка 1910 г. паўторна арыштаваны па такім жа абвінавачванні і зноў вызвалены. Калі да ўлады ў Расіі прыходзяць бальшавікі, то яны працягваюць палітыку царскіх улад барацьбы з каталіцкай рэлігіяй, але яшчэ больш жорсткімі сродкамі. Ксёндз Пётр з 9 па 14 верасня 1919 г. быў арыштаваны чэкістамі і асуджаны на прымусовыя работы. 10 мая 1920 г. святар зноў арыштаваны па абвінавачванні ў «пахаванні ў касцёле нябожчыкаў» і асуджаны на адзін год зняво-

лення. Пасля адбыцця пакарання выконваў пастырскае служэнне ў парафіі Св. Францішка ў Петраградзе, а пасля – у парафіі Св. Мікалая ў Лузе. 10 сакавіка 1923 г. арыштаваны ў Маскве па справе арцыбіскупа Яна Цэпляка, а ўжо 21–26 сакавіка асуджаны на тры гады зняволення. Пасля вызвалення ў 1925 г. служыў у Ленінградзе, пазней вяртаецца на Беларусь і служыць у Шклове, апякуецца над парафіяй у Фашчаўцы, але 9 чэрвеня 1937 г. арыштаваны. Абвінавачваецца як «кіраўнік ячэйкі паўстанцкай арганізацыі Польскай арганізацыі вайсковай у Шклоўскім раёне». 25 жніўня 1937 г. асуджаны да вышэйшай меры пакарання; 27 жніўня расстраляны.

Першы святар з нашай мясцовасці, які прыняў пакутніцкую смерць у гады савецкай улады, быў протаіерэй Канстанцін Жданаў. Нарадзіўся будучы святар 22 сакавіка 1875 г. Дзякуючы яму быў пабудаваны ў 1912 г. Свята-Успенскі храм у Старой Шаркаўшчыне. Айцец Канстанцін быў вядомым прапаведнікам, шмат часу прысвячаў малітве. Прыхаджане з увагай слухалі яго казанні. Таксама святар выкладаў Закон Божы ў трох вясковых школах, а ў 1916 г. пачаў выконваць абавязкі загадчыка Беразвецкай жаночай школы, якая была эвакуіравана ў Шаркаўшчыну. Святар працягваў служэнне і пасля ўсталявання камуністычнай улады, якая разгарнула жорсткі тэрор у Дзісненскім павеце.

Вясной 1919 г. айца Канстанціна арыштавалі адразу пасля службы і пад канвоем перавезлі ў павятовы цэнтр Дзісну. 29 красавіка айца Канстанціна павялі на расстрэл разам з айцом Міхаілам Сіняўскім, настаяцелем прыхода ў Язне, і іншымі нявінна асуджанымі ахвярамі. Айцец Міхаіл здолеў уцячы ад п'яных канваіраў; айцец Канстанцін не спрабаваў уцякаць. «Я нічога дрэннага не зрабіў. Што Бог пашле, тое і буду цярпець», — сказаў ён. Схаваўшыся, айцец Міхаіл бачыў, як п'яныя камуністы катавалі айца Канстанціна. Святара білі рыдлёўкай па галаве, адсеклі вуха, вырывалі валасы на галаве, пераламалі нагу. Перад смерцю ў яго запыталі апошняе жаданне – і святар папрасіў дазволу памаліцца. Пасля кароткай малітвы святара аглушылі моцным ударам і жывога закапалі ў яму. Перапахаваць цела айца Канстанціна ўдалося толькі праз два месяцы, пасля таго як у чэрвені 1919 г. польскія войскі вызвалілі Дзісненскі павет ад камуністаў. Святара пахавалі ў падвале пад алтаром Свята-Адзігітрыеўскай царквы ў Дзісне. У 2010 г. Патрыярх Маскоўскі Кірыл даў бласлаўенне на кананізацыю святара. Урачыстае далучэнне айца Канстанціна Жданава да ліку святых адбылося 4 чэрвеня 2011 г. у Свята-Уваскрасенскім храме Дзісны. У 2020 г. яго мошчы перавезены ў Полацк. У Шаркаўшчыне святару-мучаніку пастаўлены помнік.

Адным з першых мучанікаў за веру ў савецкі перыяд быў і ксёндз Андрэй Федуковіч. Нарадзіўся будучы святар у 1875 г. у сялянскай сям'і ў в. Дзянісава, што за два кіламетры на паўночны ўсход ад мястэчка Мёры. Пасля ў Пецярбургскай духоўнай акадэміі, якую паспяхова закончыў, прызначаны на пасаду вікарыя Жытомірскага кафедральнага касцёла Св. Сафіі.

У хуткім часе ён стаў пробашчам гэтага храма. Пасля Грамадзянскай вайны Жытомір застаўся ў краіне, дзе да ўлады прыйшлі ваяўнічыя бязбожнікі, якія адразу пачалі ганенні на царкву і касцёл. Для святара з гэтага часу пачалося сапраўднае блуканне па пакутах. На працягу 1923–1924 гг. шмат разоў арыштоўваўся. Яго абвінавачвалі ў стварэнні контррэвалюцыйнай арганізацыі, імкнуліся зрабіць з яго тайнага агента замежных разведак, прымушалі напісаць ліст пратэсту ў Ватыкан супраць антысавецкай палітыкі замежных святароў. Асабліва цяжкія часы пачаліся для ксяндза зімой 1924 г. Кожную раніцу пад канвоем яго дастаўлялі на допыты. Жорстка збівалі, асабліва імкнуліся ўдарыць па галаве, калі падаў на падлогу, працягвалі біць нагамі. Моцны, энергічны, жыццярадасны мужчына за некалькі месяцаў допытаў ператварыўся ў хадзячы цень. Выбіты зубы, пашкоджаны пазваночнік. Парафіяне прапаноўвалі свайму ксяндзу перажыць цяжкасці ў надзейным сховішчы, але ён не пагадзіўся пакідаць парафію. «Я думаю, што са мною рабіць», – сумна пажартаваў святар. Праз некалькі дзён на допыце яму паказалі артыкул з газеты «Федуковіч – тайны польскі шпіён», а гэта ўжо ў тыя часы азначала немінучую смерць. Таму, калі ў 11 гадзін яго адпусцілі пасля чарговых здзекаў дадому, святар разумеў, што больш допытаў не будзе, яго проста расстраляюць. Святар ведаў, што самазабойства – адзін з самых цяжкіх грахоў, але калі забіваць сябе марудна, гэта ўжо не будзе грэх. Узяўшы бутэльку з керасінам, ксёндз Андрэй з цяжкасцю, цягнучы за сабою перабітую на допытах нагу, падняўся на самую высокую гару ля Жытоміра, абліў сябе керасінам, чыркануў запалкай. Было 12 гадзін дня 4 сакавіка 1925 г. Марудна згараючы, ён хадзіў па гары, як палаючая паходня, паўтараючы малітвы да Божай Маці. Хрысціў сябе вогненным крыжам. Убачыўшы блукаючы па гары агонь, прыбеглі людзі, якія патушылі полымя. Увечары ён адышоў да Бога.

Будучы ксёндз, пакутнік за веру, Ян Жук нарадзіўся ў в. Мацюкі побач з Мёрамі 13 лютага 1897 г. Скончыў народнае вучылішча ў Мёрах. Вучыўся ў няпоўнай гімназіі павятовага горада Дзісны. Заўважыўшы здольнасці Яна Жука да навукі і яго шчырую веру ў Бога, святары дапамаглі яму падрыхтавацца да паступлення ў 1916 г. у духоўную семінарыю Петраграда, але прыйшлі да ўлады бальшавікі і закрылі семінарыю, у 1918 г. малады клерык працягвае вучобу ўжо ў Віленскай духоўнай семінарыі. Нягледзячы на падзеі Грамадзянскай і савецка-польскай войнаў у 1920 г. атрымаў сакрамант святарства. Біскуп Віленскай дыяцэзіі накіроўвае маладога ксяндза на родную Мёршчыну вікарыем у касцёл Святой Тройцы ў Новы Пагост. З 1930 г. – пробашч касцёла ў в. Судэрве ля Вільні, адкуль пераведзены ў 1933 г. бліжэй да радзімы ў касцёл Шаркаўшчыны. Увесну 1939 г. прызначаны пробашчам у в. Плюсы на Браслаўшчыну. Ксёндз Ян Жук стаў адной з першых ахвяр рэпрэсій святароў у нашай мясцовасці пасля ўсталявання савецкай ўлады ў 1939 г. У чэрвені 1940 г. ён арыштаваны і беспадстаўна

асуджаны за контррэвалюцыйную дзейнасць органамі НКУС, на 25 год накіраваны ў сібірскія лагеры. Зведаў голад, знясільваючую працу, але вытрымаў. Толькі пасля смерці Сталіна 9 снежня 1955 г. быў вызвалены з сібірскіх пакут. У студзені 1956 г. быў вымушаны выехаць у Польшчу. Памёр ксёндз у 1967 г.

У 1941 г. напярэдадні вайны органамі НКУС беспадстаўна быў арыштаваны ксёндз Мёрскага касцёла Францішак Куксевіч (1887–1941). Накіраваны ў турму Беразвечча ля Глыбокага. Адтуль вязняў пехатою павялі на ўсход, дзе ўжо па дарозе многіх нямоглых і хворых або хто марудна рухаўся канваіры расстрэльвалі. 26 чэрвеня непадалёк ад пас. Ула, ля в. Мікалаева Бешанковіцкага раёна, калона была абстрэлена нямецкімі самалётамі. Вязні пачалі разбягацца. Каб зняволеныя не ўцяклі, іх бязлітасна расстралялі канваіры, загінула каля 2000 чалавек. Выратаваліся адзінкі, якія і распавялі аб страшным забойстве яшчэ нават не асуджаных людзей. Тут і знайшлі сваю гвалтоўную смерць і святар мёрскага касцёла Францішак Куксевіч, і пробашч, будаўнік святыні Маці Божай Шкаплернай у Ідолта Станіслаў Эліяш.

Пратаірэй царквы Святой Тройцы ў Лявонпалі Ярмалай Сурвіла (1868–1941) большую частку свайго святарскага жыцця, а менавіта з 1927 па 1941 г. служыў у храме Святой Тройцы ў мястэчку Лявонпаль. 2 ліпеня 1941 г. супрацоўнікі Дрысенскага НКУС пераплылі праз Заходнюю Дзвіну, арыштавалі святара, абвінавацілі яго ў развале калгаса і перадалі ў асобы аддзел 22-й арміі. Пратаірэй Сурвіла быў спачатку ў турме ў г. Вялікія Лукі, потым у Тарапцы. 19 ліпеня Ярмалай Сурвіла пастановай ваеннага трыбунала быў асуджаны да расстрэлу. Праз месяц прысуд быў выкананы. Аб бязглуздзіцы абвінавачвання сведчыць тое, што савецкай улады ў Лявонпалі 2 ліпеня ўжо не было, бо апошнія савецкія войскі адступілі праз Лявонпаль яшчэ 28 чэрвеня.

Зведалі святары і жахі фашысцкай акупацыі. У ліку ахвяр быў прафесар тэалогіі Лявон Пуцята (1884–1943). Ксёндз Пуцята быў рэктарам касцёла Аўгусцінаў, цэнзарам рэлігійных выданняў Віленскай дыяцэзіі, членам Таварыства сяброў навук у Вільні. У часы акупацыі выкладаў у тайна створаных гімназіях лацінскую мову і рэлігію. Удзельнічаў у падпольнай працы супраць акупантаў. Разам з іншымі прафесарамі тэалагічнага факультэта 3 сакавіка 1942 г. быў арыштаваны гестапа і змешчаны ў турму Лукішкі. Потым накіраваны ў фашысцкія канцлагеры спачатку ў Вільковішсках, далей у Шалтупі ля Каўнаса. З-за цяжкай невылечнай хваробы 31 сакавіка 1943 г. быў вызвалены і вярнуўся ў Вільню. Памёр у доме сясцёр Таварыства Непакалянага Сэрца Панны Марыі 12 ліпеня 1943 г. Пахаваны на бернардынскіх могілках у Вільні.

Ксёндз – пакутнік за веру Уладзіслаў Аношка нарадзіўся 22 снежня 1902 г. у маёнтку Мёры. Пасля заканчэння Мёрскага народнага вучылішча і гімназіі вучыўся ў Віленскай духоўнай семінарыі. У 1926 г. уступіў у ордэн

Св. Францішка канвентуальнага. Вучобу працягваў у Львоўскім універсітэце, які скончыў са ступенню магістра багаслоўя. Быў місіянерам у Японіі, манахам у францысканскім кляштары ў Познані. З 1939 г. праводзіць душпастарскую дзейнасць на Гродзеншчыне ў касцёле св. Андрэя ў Слоніме і філіяльным касцёле ў в. Руда-Яварская. Па ўспамінах старажыхароў, забіты фашыстамі ў кастрычніку 1941 г.

Яшчэ больш жахлівую смерць прыняў ад фашысцкіх катаў ксёндз Юры Кашыра, які нарадзіўся ў 1904 г. у в. Александрова. Вучыўся ў Друйскай гімназіі, Грыгарыянскім універсітэце ў Рыме, праводзіў душпастарскую дзейнасць на Брэстчыне і Беласточчыне. У1942 г. вяртаецца ў родную Друю, адкуль па запрашэнні ксяндза Антонія Ляшчэвіча накіроўваецца ў сваю апошнюю зямную вандроўку для місіянерскай працы ў Росіцу Верхнядзвінскага раёна.

З развіццём партызанскага руху ўзмацнілася дзейнасць фашысцкіх карных экспедыцый. Асаблівая небяспека навісла над святарамі ў лютым 1943 г. Ксяндзам марыянам было загадана пакінуць Росіцу, але яны не маглі пакінуць сваіх вернікаў у бядзе, да апошняга спадзеючыся, што змогуць абараніць сваіх парафіян. Але карнікі не мелі нічога ні боскага, ні людскога. Антоній 16 лютага быў расстраляны, Юрый Кашыра закончыў сваё зямное жыццё мучаніцкай смерцю – разам са сваімі парафіянамі быў спалены 18 лютага 1943 г.

Пацярпеў ад фашыстаў і Ільдэфонс Бобіч, святар і пісьменнік. Нарадзіўся наш зямляк Ільдэфонс Бобіч 22 студзеня 1890 г. у в. Дзедзіна Дзісенскага павета Віленскай губерніі. Пасля заканчэння Віленскай духоўнай семінарыі 27 ліпеня 1915 г. адбылася прыміцыйная імша ў Друйскім касцёле, з гэтага часу і да апошніх дзён свайго жыцця Ільдэфонс Бобіч (Пётра Просты) прысвячае сябе Госпаду. Ён накіроўвае ўсе свае творчыя здольнасці, каб родная мова загучала ў касцёле. І яна гучыць у яго казаннях у Друі, Ідолце, дзе працуе пробашчам, у Мёрах. У 1925 г. прызначаны дэканам Мёрскага дэканата. У 1930 г. І. Бобіч накіроўваецца святаром у Іўе на Гродзеншчыне, адначасова ўзначальвае Вішнёўскі дэканат. Быў арыштаваны фашыстамі, шмат месяцаў правёў у Лідскай турме. Допыты і катаванні гестапаўцаў падарвалі здароўе святара. Памірае раптоўна 28 красавіка 1944 г.

Асаблівы пераслед каталіцкія святары зведалі пасля заканчэння Вялікай Айчыннай вайны. Органы дзяржбяспекі беспадстаўна абвінавачвалі святароў у контррэвалюцыйнай і антысавецкай дзейнасці, шпіянажы на карысць заходніх краін, арганізацыі супраціву сялян калектывізацыі, выхаванні вернікаў ў духу польскага патрыятызму і г. д. Да канца 1949 г. былі арыштаваны большасць святароў Мёрскага дэканата, толькі трое змаглі схавацца і перачакаць гэтыя часы. Будучы ксёндз Мёрскага касцёла Ян Грабоўскі (1912–1984) быў арыштаваны 18 кастрычніка 1949 г. Спачатку знаходзіўся ў турме Глыбокага, потым Полацка, дзе і быў асуджаны на 25 гадоў лагераў

з канфіскацыяй маёмасці і пазбаўленнем грамадзянскіх правоў. У лагерах працаваў на знясільваючых працах па распілоўцы лесу, што ў будучым адбілася на яго здароўі. Пасля смерці Сталіна пачаўся перагляд спраў вязняў, тэрмін спачатку зменшылі да 15 гадоў, а потым і зусім рэабілітавалі. У даведцы, выдадзенай святару, у прыватнасці, было сказана: «Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1956 года Грабовский Иван Иванович освобожден со снятием судимостей и всех правонарушений 18 июня 1956 года».

Паспытаў сталінскіх лагераў і мёрскі дэкан, святар новапагосцкага касцёла Юзэф Інгілевіч. Нарадзіўся будучы ксёндз у Вільні ў 1897 г. У 1924 г. закончыў Віленскую духоўную семінарыю. З 1937 г. і да свайго арышту савецкімі ўладамі ў 1949 г. ён быў святаром у Новапагосцскай парафіі, карыстаўся вялікай пашанай у парафіян. Будучы прызначаны дэканам Мёрскага дэканата, шмат зрабіў для захавання яго парафій падчас вайны і ў першыя гады пасля вайны. Дапамагаў польскім і савецкім партызанам у часы вайны. У 1949 г. беспадстаўна арыштаваны і асуджаны на 25 гадоў зняволення. У 1955 г. быў вызвалены і рэабілітаваны. Назад яму не ўдалося вярнуцца, таму што касцёл у Новым Пагосце быў закрыты і пераабсталяваны пад склад. Памёр у 1973 г., будучы святаром у Астраўцы Гродзенскай вобласці. У 1953–1985 гг. многія святары паспыталі на сабе перш за ўсё маральны і псіхалагічны ўціск. Становішча душпастараў пачало мяняцца толькі з 1985 г., калі ў Савецкім Саюзе пачалася палітыка перабудовы.

ЛІТАРАТУРА

1. **Ермалёнак, В. А.** Дзісненскі пярсцёнак / В. А. Ермалёнак. – Мінск : Каўчэг, 2021.

2. **Ермалёнак В. А.** Святыня над возерам : гісторыя Міёрскага рымскакаталіцкага касцёла ў імя Унебаўзяцця Найсвяцейшай Дзевы Марыі і св. біскупа-мучаніка Язафата Кунцэвіча ад старажытнасці да сучаснасці / В. А. Ермалёнак. – Мінск : Kapital print, 2020. – 259 с.

3. **Ермалёнак, В. А.** Славутасці Пагоскага краю / В. А. Ермалёнак. – Мінск : Каўчэг, 2021.

4. **ABC** Miory, Wilenszczyzna, Bialorus, Kresy Portal Edukacyjny – Ksiądz Jan Grabowski dziekan i proboszcz Kościoła w Miorach [Electronic resource]. – Mode of access: www.miory.eu. – Date of access: 05.09.2018.

5. **Barodzicz, J.** Podwozem i nawoze / J. Barodzicz. – Krakow, 1911.

6. **Martyrologia** duchowieństwa archidiecezji wileńskiej 1939–1945, ks. Tadeusz Krahel. – Białystok, 2017.

7. **https:**//drevo-info.ru/articles/17796.html. – Mode of access: 18.12.2019.

Кароль М.М. *(г. Мінск)*

ПЕРАВОД У ПРАВАСЛАЎЕ Ў ВІЦЕБСКАЙ ГУБЕРНІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX – ПАЧАТКУ XX ст.

У другой палове XIX ст. на тэрыторыі Віцебскай губерні назіралася такая з'ява, як ініцыяваны царкоўнымі і свецкімі ўладамі пераход часткі каталіцкага насельніцтва ў праваслаўе. Найбольш інтэнсіўна навязаныя зверху канверсіі ажыццяўляліся ў сярэдзіне 60-х гг. XIX ст., яны пачаліся адразу пасля падаўлення паўстання 1863–1864 гг. У некаторых выпадках такія пераводы закраналі дастаткова вялікую колькасць – цэлыя вёскі і нават прыходы. Часам яны адбываліся з парушэннем прававых працэдур, акрэсленых у заканадаўстве Расійскай імперыі.

Напрыклад, 30 снежня 1864 г. віцебскаму губернатару былі прадстаўлены 200 падпісак сялян Горсплянскай і Стаспольскай сельскіх грамад Полацкага павета, якія выказалі жаданне перайсці з каталіцызму ў праваслаўе [3, арк. 1]. Але ў выніку высветлілася, што падпіскі былі атрыманы пісарам Васілём Тэйхам падманам, а самі сяляне ніколі не выказвалі жадання далучыцца да праваслаўя. Аказалася, што сяляне Горсплянскай і Стаспольскай грамад 30 снежня 1865 г. прысутнічалі на сходзе для складання дамовы аб наборы ў рэкруты. Пасля заканчэння сходу В. Тэйх загадаў прыкласці пячаткі да напісанай паперы, не растлумачыўшы яе зместу. Затым ён абвясціў, што ўсе прысутныя цяпер праваслаўныя і павінны хрысціцца «па-руску», чаго сяляне спачатку не зразумелі і разышліся па дамах. Усё гэта пацвердзілі іншыя сяляне – не толькі каталікі, але і праваслаўныя. На пытанне жандара адказалі: «...што нам загадаюць, тое і будзем выконваць, але жаданне быць праваслаўнымі не выказвалі» [3, арк. 60].

Хутчэй за ўсё, пісар В. Тэйх ведаў пра няўдалыя спробы святара Горсплянскай царквы Ніла Каўганкіна далучыць гэтых сялян да праваслаўя, таму вырашыў скарыстацца іх непісьменнасцю, каб заслужыць сабе ўзнагароду. Апрача таго, В. Тэйх тлумачыў свае дзеянні палітычнымі поглядамі. Ён лічыў, што «рускія не могуць быць каталікамі», таму падрабіў падпіскі за сялян, якія адмаўляліся прыняць праваслаўе [9, арк. 2 адв.].

Святар Н. Каўганкін, у сваю чаргу, не праверыў добраахвотнасць такога далучэння, а каб імкліва замацаваць поспех, адразу паведаміў пра гэта духоўнаму начальству. Затым ён звярнуўся да пробашча Гарбачэўскага касцёла, каб той выключыў сялян са спіса парафіян свайго прыхода.

Падчас следства было высветлена, што падпіскі сялян Горсплянскай і Стаспольскай грамад былі насамрэч складзены пісарам В. Тэйхам без жадання і ведама саміх сялян, пра што засведчылі 93 праваслаўныя селяніны, 17 каталікоў, 7 сельскіх старастаў і ўласна пісар В. Тэйх, які ў паказаннях прызнаўся, што падрыхтаваў падпіскі напярэдадні сходу 19 снежня

[9, арк. 1 адв.]. Апрача таго, аказалася, што сяляне гэтых грамад у 1834 г. былі далучаны да праваслаўя з уніі, але падчас разбору (у адпаведнасці з Указам ад 17 красавіка 1842 г.) у 1844 г. яны былі прызнаны каталікамі [3, арк. 21 адв.].

У выніку за злоўжыванне службовымі паўнамоцтвамі пісар В. Тэйх быў звольнены, справа перададзена ў суд, а складзеныя запіскі было загадана знішчыць у прысутнасці сялян [3, арк. 24]. Апрача таго, В. Тэйх апынуўся замежнікам (пры гэтым ён сам прыняў праваслаўе толькі ў 1864 г.), не меў падданства Расійскай імперыі і таму не мог, паводле заканадаўства, займаць пасаду валаснога пісара [9, арк. 2 адв.].

Нягледзячы на тое, што ў Віцебскай губерні было менш ачагоў адкрытага супраціўлення, у параўнанні з Мінскай або Гродзенскай губернямі, там таксама мелі месца быць яскравыя праявы нежадання прызнаваць праваслаўе і выпадкі выказвання непаслушэнства прадстаўнікам царквы. У 1864 г. віцебскі ваенны губернатар У.М. Вяроўкін атрымаў рапарт ваеннага начальніка Себежскага павета аб здарэнні, якое адбылося ў Дзедзінскім прыходзе. Мясцовы святар скардзіўся на мяшчанку Юстыну Александровіч з в. Грошава. Жанчына фармальна адносілася да прадстаўніц праваслаўнай канфесіі, але была заўважана ў «спакушэнні» ў каталіцтва жыхароў суседніх вёсак. Ю. Александровіч пагаджалася толькі з тым, што чытала некаторыя малітвы па-польску, але пры гэтым заяўляла, што больш такога не практыкуе. У сваю чаргу грошаўскія сялянкі Варвара і Праскоўя сцвярджалі, што Ю. Александровіч сапраўды вучыла іх маліцца па-польску, але пры гэтым адзначалі, што малітваў на рускай мове яны не ведаюць з прычыны таго, што раней былі ўніятамі, і, наогул, амаль усе мясцовыя жыхары падчас малітвы выкарыстоўваюць польскую, а не рускую мову [2, арк. 1].

На думку расійскай адміністрацыі, самі сяляне не лічыліся здольнымі выказваць самастойна, па ўласнай ініцыятыве незадаволенасць па рэлігійных пытаннях. Улады меркавалі, што іх падбухторвалі прадстаўнікі вышэйшых колаў, нават у тых выпадках, калі назіраўся відавочны пратэст саміх сялян. 25 кастрычніка 1865 г. падчас закрыцця Шацілаўскага касцёла (Полацкі павет Віцебскай губерні) сабраліся некалькі сялян-каталікоў, якія выказвалі «пярэчанні» супраць перадачы будынка праваслаўным. Найбольш актыўных з іх нават арыштавалі, але затым адпусцілі. Адказнасць за гэты інцыдэнт спрабавалі ўскласці на памешчыцу Медуніцкую, якая жыла побач з касцёлам і быццам бы навучыла сялян казаць «дзёрзкасці», аднак такім абвінавачванням не было знойдзена доказаў [10, арк. 2 адв.].

Справа жыхара Віцебска дваранiна-каталіка Паўла Андраеўскага і яго жонкі, бешанковіцкай мяшчанкі Пелагеі Сцяпанаўны Кісель, якая фармальна належыла да праваслаўнай царквы, пачалася ў 1890 г. [8, арк. 1–3]. Жанчына хрысціла і выхоўвала сваіх дзяцей у каталіцтве. Характэрна, што да скасавання ўніяцкай царквы Пелагея Сцяпанаўна належыла да ўніяцтва, а

пасля была аўтаматычна залічана ў праваслаўныя. Але гэта не адбілася на яе канфесійным самаўспрыманні. Яшчэ да замужжа яна наведвала касцёл Святой Барбары ў Віцебску. Такім чынам, каталіцызм быў свядомым выбарам Пелагеі Андраеўскай, у адпаведнасці з якім яна выхоўвала ў каталіцкай традыцыі сваіх дзяцей. Каталіцкае веравызнанне мужа ў дадзеным выпадку не з'яўлялася асноўным фактарам.

Улады адмаўлялі жанчынам у актыўнай ролі і наяўнасці свядомай канфесійнай ідэнтычнасці і імкнуліся падкрэсліць залежнасць жанчын ад канфесійнай прыналежнасці мужа. У 1886 г. пры разглядзе справы пра таемны пераход у каталіцызм жонкі валаснога пісара Мішкаўскай воласці Віцебскага павета Адама Бінкевіча Алены (праваслаўнай) сцвярджалася, што яна наведвае касцёл, «каб дагадзіць мужу свайму каталіку». Але тое, што яна наведвала касцёл адкрыта, дазваляе меркаваць, што гэта быў яе самастойны выбар [4, арк. 1 – 2 адв.]. У лік людзей, якія ўплывалі на жанчын, улады перш за ўсё залічвалі каталіцкае духавенства і памешчыкаў.

Пасля выдання Указа «Аб асновах верацярпімасці» ад 17 красавіка 1905 г., які дазволіў пераходзіць з праваслаўя ў іншыя веравызнанні, у Віцебскай губерні (па стане на 1909 г.) у каталіцызм вярнуліся 3815 чалавек, з іх у беларускіх паветах 2692 чалавекі. Такім чынам, атрымліваецца, што па асобных паветах Віцебскай губерні за 1905–1909 гг. каталіцызм прыняла наступная колькасць асоб: Віцебскі павет – 118 чалавек, Гарадоцкі – 10 чалавек, Лепельскі – 49 чалавек, Полацкі – 122 чалавекі, Дрысенскі – 2393 чалавекі [7, арк. 29 адв.]. У сваю чаргу, паводле справаздач обер-пракурора Сінода, з 17 красавіка 1905 г. па снежань 1907 г. па Полацкай епархіі ў каталіцызм перайшлі 3952 чалавекі [1, с. 29].

Матэрыялы, якія назапашваліся ў канцылярыі віцебскага губернатара, дазваляюць вылучыць канкрэтныя мікрарэгіёны (перш за ўсё, воласці), дзе назіралася найбольшая колькасць жадаючых перайсці ў каталіцызм. У Дрысенскім павеце – гэта Асвейская, Замашанская, Каханавіцкая, Сар'янская, Сушкоўская, Таболкаўская і Юстыніянаўская воласці; у Полацкім павеце – Арцейкавіцкая і Петрапаўлаўская (а таксама ўласна ў Полацку); у Лепельскім павеце – Вароніцкая і Кубліцкая воласці [5; 6].

Прымусовы перавод у праваслаўе, які адбываўся ў беларускіх губернях (у тым ліку Віцебскай) у другой палове XIX ст., у істотнай колькасці выпадкаў выклікаў супраціўленне з боку асоб, якія падлягалі пераводу ў праваслаўе. Імкненне вярнуцца ў каталіцтва захоўвалася на ўсім працягу дадзенага перыяду. Таму пасля таго, як у 1905 г. было афіцыйна дазволена пакідаць праваслаўе на карысць іншых канфесій, частка былых каталікоў актыўна карысталася магчымасцю легальна вярнуцца ў пажаданае для іх веравызнанне.

ЛІТАРАТУРА

1. **Всеподданнейши**й отчет Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы. – Санкт-Петербург ; Петроград : Синод. тип., 1886–1916. – 1910. – XII, 304, 268 с.

2**. Нацыянальны** гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 31694. – Справа аб пераходзе з праваслаўя ў каталіцызм Юстыны Александровіч і Юзэфы Сцяпанавай. 1864 г.

3. **НГАБ.** – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 31904. – Справа аб пераводзе ў праваслаўе 200 сялян у Полацкім павеце. 1865–1866 гг.

4. **НГАБ.** – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 38553. – Справа аб таемным вызнаванні каталіцызму жонкай пісара Мішкаўскай воласці Віцебскага павета праваслаўнай Аленай Бінкевіч. 1886–1887 гг.

5. **НГАБ.** – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 47296. – Справа аб пераходах з праваслаўя ў каталіцызм. 1907–1911 гг.

6. **НГАБ.** – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 47650. – Справа аб пераходах з праваслаўя ў каталіцызм. 1909 г.

7. **НГАБ.** – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 54191. – Справа аб прыняцці мер для спынення пераходу праваслаўных у каталіцызм. 1882–1914 гг.

8. **НГАБ.** – Ф. 1430. Воп. 2. Спр. 66. – Справа аб пераходзе з праваслаўя ў каталіцызм дваранкі Пелагеі Андраеўскай. 1890 г.

9. **Lietuvos** valstybės istorijos archyvas (LVIA). – F. 378. Ap. 156. B. 316. – Дело по обвинению волостного писаря Горсплянской волости Полоцкого уезда Василия Тейха в составлении подложных подписей об изъявлении желания присоединиться к православию. 1865 г.

10. **LVIA.** – F. 378. Ap. 156. B. 566. – Дело о беспорядках, возникших при передаче в православную юрисдикцию Шатиловского костела Полоцкого уезда. 1865 г.

Лаўрыненка К.В. *(г. Люблін, Польшча)*

ДЗЕЙНАСЦЬ МАНАСКІХ КАНГРЭГАЦЫЙ НА ТЭРЫТОРЫІ ПОЛАЦКАЙ І МАЛАДЗЕЧАНСКАЙ АБЛАСЦЕЙ У 1944–1957 гг.

На момант вызвалення БССР ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў на тэрыторыі Полацкай вобласці знаходзіліся два рымска-каталіцкія кляштары – абодва ў Друі: мужчынскі кляштар Кангрэгацыі Айцоў Марыянаў Беззаганнага Зачацця Найсвяцейшай Панны Марыі і жаночы – Кангрэгацыі Сясцёр Служабніц Езуса ў Эўхарыстыі.

Полацкая вобласць БССР была ўтворана 20 верасня 1944 г. і складалася з 15 раёнаў. 8 студзеня 1954 г. гэта адміністрацыйная адзінка была ліквідавана; Браслаўскі, Відзаўскі, Глыбоцкі, Дзісненскі, Докшыцкі, Дунілавіцкі, Мёрскі, Пліскі і Шаркаўшчынскі раёны былі перададзены Маладзечанскай вобласці.

Кангрэгацыя Айцоў Марыянаў Беззаганнага Зачацця Найсвяцейшай Панны Марыі ўзнікла дзякуючы святому Станіславу ад Езуса і Марыі Папчыньскаму ў канцы XVII ст. у Польшчы. У 1910 г. Кангрэгацыя была адноўлена і рэфармавана бласлаўлёным Ежы Матулевічам, які ўступіў у абшчыну ў 1909 г.

У 1923 г. па ініцыятыве Ежы Матулевіча, на той час біскупа Віленскага і генерала Кангрэгацыі Айцоў Марыянаў, у Друі быў заснаваны кляштар марыянаў. Яго арганізацыя была даручана айцу Андрэю Цікоту MIC (цяпер – слуга Божы), які прыбыў сюды ў жніўні гэтага ж года. Новаўзвядзенне было размешчана ў будынку былога кляштара бернардзінцаў. У той жа час біскуп Матулевіч ініцыяваў заснаванне ў Друі і Кангрэгацыі Сясцёр Служабніц Езуса ў Эўхарыстыі, тут жа паўстаў і першы іх кляштар.

Пераломным пунктам у існаванні кляштараў у Друі стаў 1944 г.

Пасля таго, як некалькі святароў і манахаў з кляштара марыянаў у 1944 г. выехалі ў Польшчу [17, арк. 94, 95], у супольнасці айцоў марыянаў засталіся толькі трое братоў, што паходзілі з навакольных вёсак. Гэта былі Юзэф Скур'ят, 1880 г. нараджэння, які паходзіў з в. Шалцені, меў 2 класы адукацыі, у кляштары знаходзіўся з 1931 г., непрацаздольны; Пётр Дундар, 1922 г. нараджэння, з в. Кадаронкі, меў 4 класы адукацыі, у кляштары знаходзіўся з 1945 г., займаўся гаспадаркай; Геранім Ганчаронак, 1931 г. нараджэння, паходзіў з Дзісны, адукацыі меў 8 класаў, у кляштары знаходзіўся з 1943 г. і выконваў абавязкі закрыстыяніна [10, арк. 151]. Настаяцелем кляштара быў айцец Люцыян Паўлік MIC (21.12.1913–16.04.1944–10.04.2007).

Люцыян Паўлік нарадзіўся ў в. Вулька Вісьнеўска ў Польшчы. У 1923 г. быў прыняты ў 4-ты клас Ніжэйшай Духоўнай семінарыі ксяндзоў марыянаў у Скурцу, што каля г. Седльцэ. 14 жніўня 1929 г. распачаў навіцыят у Доме Кангрэгацыі ў Расне. 15 жніўня 1936 г. склаў вечныя абеты, пасля чаго на працягу двух гадоў быў выхавацелем хлопцаў у Калегіуме на Бялянах у Варшаве. У 1938 г. быў накіраваны на вучобу ў Вільню, дзе вывучаў тэалогію, а ў 1939 г. – у кляштар Марыямпаля. Адтуль яго адправілі ў Коўна, дзе ён працягнуў навучанне. У 1942–1944 гг. знаходзіўся ў Друйскім кляштары [5, арк. 16]. 16 красавіка 1944 г. прыняў прэсвітарскае пасвячэнне ў віленскай катэдры з рук біскупа Мечысловаса Рэйніса [22, s. 466–467]. 23 красавіка 1944 г. новапразбатар служыў прыміцыйную Імшу ў друйскім касцёле, пасля чаго распачаў служэнне ў Друі [7, с. 21].

Тым часам у суседняй парафіі Ідолта быў забіты яе пробашч – ксёндз Баляслаў Грамс. 8 чэрвеня 1944 г. па загадзе акупантаў ён быў арыштаваны як закладнік, пры гэтым быў жорстка збіты. Па дарозе ў Дрысу, калі яго канваіры спыніліся ў нейкай хаце, дзе пачалі піць гарэлку, святар спрабаваў уцячы, за што і быў забіты. 10 чэрвеня ксяндза Грамса пахавалі на касцёльных могілках. Пахавальную Імшу па забітым святары адслужыў ксёндз Люцыян Паўлік MIC, які і пачаў апекавацца асірацелай парафіяй [6, с. 23; 23].

Тым часам 4 ліпеня 1944 г. у выніку бамбардзіроўкі ў друйскіх касцёле і кляштары пачаўся пажар, што прывяло да вялікіх пашкоджанняў. Паколькі касцёл быў непрыдатны для адпраўлення службаў, яны праводзіліся ў калідоры кляштара, дзе захаваўся дах [20, арк. 225]. Разам з парафіянамі айцец Люцыян Паўлік узяўся за аднаўленне кляштара, што ў тых умовах было нялёгкай справай. У прыватнасці, у 1947 г. святар скардзіўся ўпаўнаважанаму Савета ў справах рэлігійных культаў на налічэнне яму завышанага падатку на кляштарныя будынкі, які вельмі цяжка было заплаціць, бо ўвесь даход ішоў на рамонтныя работы [9, арк. 127].

Ужо ў 1947 г. кляштар быў часткова адрамантаваны, акрамя гэтага быў даведзены да ладу цагляны дом для работнікаў. Штодзённа на адбудове кляштара і касцёла працавалі 20 чалавек. Кожны працаўнік атрымліваў 15 руб. у дзень і бясплатнае харчаванне [19, арк. 79].

У 1947 г. сітуацыя ў кляштары выглядала наступным чынам. Храму належалі касцёл у Друі і драўляная капліца ў в. Малькаўшчына, рэчы для служэння Імшы – адзін камплект (дзве кнігі, шэсць абразоў, адна статуя). Для жытла пробашча і іншых жыхароў кляштара выкарыстоўваліся пяць пакояў, якія былі ў дрэнным стане. Сам айцец Люцыян жыў у складаных умовах, у вільготным і брудным памяшканні [19, арк. 79].

З гаспадарчых пабудоў у кляштары меліся двор для жывёлы, хлеў, свіран. У наяўнасці былі павозка, калёсы і трое саней. Да ўласнасці адносіліся 7 га ворыва, 3 га сенакосаў, 2 га пашы, гектар зямлі выкарыстоўваўся пад гарод, 2 га няўдобіцы. Гаспадарка складалася з каня, каровы, пяці птушак і свінні з васьмю парасятамі. У 1947 г. даход кляштара ўключаў 100 пудоў хлеба, 115 пудоў бульбы, 55 пудоў гародніны, 3 тыс. 740 руб., атрыманых за выкананне рэлігійных абрадаў. У дадатак да немалога натуральнага падатку на карысць дзяржавы кляштару неабходна было заплаціць 150 руб. падатку з будынкаў і зямельнай рэнты, а таксама 67 тыс. 515 руб. страхоўкі за будынкі і 300 руб. займу [9, арк. 175, 175 адв.].

Апрача манахаў, у кляштары пражывалі і працавалі на будаўнічых і гаспадарчых работах 4 хлопцы 15–16 гадоў з навакольных вёсак, якіх праз беднасць бацькі аддалі на працу ў кляштар. Таксама пры манастыры жылі чатыры работніцы, якія займаліся гаспадарчымі справамі, – гаспадыня, працаўніца пры кузні, гародніца і скотніца [12, арк. 209; 17, арк. 94, 95].

15 жніўня 1947 г. айцец Люцыян Паўлік быў зарэгістраваны ў друйскай парафіі [5, арк. 21].

Тым часам разам з парафіянамі святар адбудаваў пашкоджаны касцёл. Асвячэнне адрамантаванай святыні адбылося 2 жніўня 1948 г. падчас фэсту ў гонар Маці Божай Анёльскай. Пасля гэтага ў мясцовай прэсе распачалося цкаванне «цемрашала» і ўсёй адноўленай дзейнасці друйскіх марыянаў. НКУС вырашыў выкарыстаць гэта і прапанаваў айцу Люцыяну супрацоўніцтва, аднак святар, хоць і ведаў, чым гэта пагражала, катэгарычна адмовіўся [7, с. 21].

Атрымаўшы папярэджанне пра пагрозу арышту, у ліпені 1949 г. айцец Люцыян Паўлік выехаў з парафіі. Каб ніхто нічога не западозрыў, святар паведаміў, што паехаў у Рыгу хаваць арганіста, які быў пасланы туды, каб набыць будаўнічыя матэрыялы для рамонту кляштара, але нечакана памёр [11, арк. 94]. Святар перайшоў на нелегальнае становішча і быў вымушаны хавацца на хутарах друйскай ды ідолтаўскай парафій.

У кляштары засталіся толькі тры браты. Было зразумела, што з таго часу існаванне святыні знаходзілася пад пагрозай, бо ўлады не разумелі сутнасці манаскага жыцця і сцвярджалі, што манахі займаюцца «эксплуатацыяй чужой працы», маючы наймітаў. Больш за тое, упаўнаважаны Савета ў справах рэлігійных культаў лічыў, што браты кляштара з'яўляюцца не манахамі, а наймітамі, і што пад прыкрыццём кляштара тут была «арганізавана кулацкая гаспадарка». У выніку ўпаўнаважаны Савета ў справах рэлігійных культаў па Полацкай вобласці даў указанне «праз мясцовыя органы прыняць меры да разліку ўсіх тых, хто працуе ў кляштарнай гаспадарцы, а намесніка гаспадаркай кляштара прыцягнуць да адказнасці за дапушчэнне эксплуатацыі ў кляштары». Маёмасць кляштара неабходна было прадаць на карысць дзяржавы [12, арк. 317, 317 адв.].

У верасні 1949 г. у друйскі касцёл было засыпана збожжа, а памяшканні кляштара, згодна з пастановай Савета Міністраў БССР ад 20 верасня 1949 г., былі перададзены будаўнічаму тэхнікуму Міністэрства сельскай гаспадаркі [12, арк. 366 адв.]. Пасля афіцыйнай ліквідацыі кляштара ўладамі адзін з манахаў вярнуўся да бацькі, а стары манах застаўся вартаўніком пры навучальнай установе [12, арк. 338].

Тым часам радыкальна змянілася і жыццё сясцёр эўхарыстак. Пасля 1944 г. кіраўніцтвам Кангрэгацыі сясцёр эўхарыстак было прынята рашэнне, што маладыя і працаздольныя манашкі пераедуць у Польшчу. Астатнія павінны былі застацца на месцы, бо пад іх апекай знаходзіліся дзве свецкія жанчыны і пяцёра хворых манашак, якія выехаць не маглі. У выніку ў 1945 г. з 49 паслушніц у Польшчу выехалі 26. У БССР засталіся 23 сястры [24, s. 11]. На той час функцыю Генеральнай настаяцельніцы Кангрэгацыі выконвала маці Апалонія Пяткун, яна ж была настаяцельніцай кляштара ў Друі. У 1945 г. на тэрыторыі Полацкай вобласці існавала пяць Дамоў Кангрэгацыі – у Друі, Браславе, Слабодцы, Ідолце і Іказні. Аднак ужо ў 1946 г. Дом у Браславе спыніў сваё функцыянаванне. Чатыры манашкі, якія раней пражывалі ў Браславе, пераехалі ў Літву [1, s. 1].

У друйскім кляштары знаходзіліся 16 манашак, палова з іх былі непрацаздольнымі. Да 1947 г. маёмасць кляштара складала два жылыя дамы, хлеў, дзве каровы, шэсць свіней, чатыры курыцы, 1 га зямлі, некалькі вуллёў з пчоламі [18, арк. 208]. Займаліся манашкі ў асноўным гародніцтвам, рукадзеллем і вязаннем, аднак працы было мала і зараблялі яны няшмат. Сямёра з іх дапамагалі ў гаспадарцы ксяндзам марыянам.

Тым часам улады ўсялякім чынам імкнуліся ліквідаваць кляштар сясцёр эўхарыстак у Друі. Вясной 1947 г. мясцовы гарадскі Савет у Друі забраў у паслушніц частку зямлі, пакінуўшы толькі 0,07 га, дзе яны пасадзілі бульбу. Ва ўмовах уціску матэрыяльнае становішча манашак усё больш пагаршалася. У 1947 г. яны трымалі толькі 1 карову на 13 чалавек. Насельніцы манастыра амаль не мелі адзення і нават абутку. Дровы трэба было цягнуць на сабе з лесу, пераадольваючы шлях у 3 км [8, арк. 304].

Пра гаротны стан Друйскага кляштара казаў у сваім дакладзе на пасяджэнні Савета ў справах рэлігійных культаў 19 лістапада 1947 г. упаўнаважаны Савета ў справах рэлігійных культаў: «...яны жывуць у невыносных умовах, усё у іх патрапанае, зношанае, зімой адскі холад, бо яны не ў стане абагрэць памяшканне. Плаціць патрэбныя падаткі яны не могуць». Пры гэтым прадстаўнік Савета абмінуў прычыну цяжкага матэрыяльнага становішча кляштара і скончыў сваё выступленне прапановай перадаваць кляштары ў «падобным стане органам сацыяльнага забеспячэння для адкрыцця там дамоў састарэлых» [8, арк. 304].

Аднак манашкі змагаліся за існаванне свайго кляштара. 5 верасня 1949 г. Генеральная настаяцельніца Кангрэгацыі маці Апалонія Пяткун даслала скаргу на імя пракурора, дзе пералічыла метады, якія выкарыстоўваліся супраць манашак: паўафіцыйныя загады пакінуць кляштар, налёты на памяшканні, дзе жылі паслушніцы, без прад'яўлення дакументаў і без складання пратакола аб вобыску, сістэматычныя пагрозы канфіскаваць маёмасць. «Мы маем на 20 чалавек гарод 0,8 га, 3 драўляныя хаткі, зношаныя на 60–80%, якія знаходзяцца на гэтым жа гародзе і складаюць адно домаўладанне. Крыніцай нашага існавання з'яўляецца ідэальная апрацоўка гэтага агарода і як дапамога – рукадзелле. За ўсё гэта мы плацім падаткі, якія прадугледжаны правам. Наша маёмасць з'яўляецца ўласнасцю калектыву 20 чалавек, і калі яго падзяліць на фактычных уладальнікаў, то ніхто паасобку існаваць не здолее. Разысціся мы не можам, паколькі жывём у гэтым месцы і ў гэтым калектыве 10 гадоў і страцілі сувязі з былымі побытавымі ўмовамі», – тлумачыла сутнасць жыцця супольнасці маці Апалонія Пяткун. У канцы яна прасіла спыніць цкаванне манашак і даць магчымасць ім і надалей жыць у кляштары ў Друі [13, арк. 215].

Аднак лёс святыні быў вырашаны, і 8 кастрычніка 1949 г. аблвыканкам Полацкага абласнога Савета дэпутатаў працоўных накіраваў да ўпаўнаважанага Савета ў справах рэлігійных культаў пры Савеце Міністраў СССР па БССР указанне: «Жаночы кляштар у г. п. Друя аблвыканкам лічыць неабходным распусціць...». Пры гэтым улады намерваліся ліквідаваць і мужчынскі кляштар ксяндзоў марыянаў у Друі, а ў памяшканне перавесці ўсіх паслушніц дзейных кляштараў БССР. Упаўнаважаны Савета ў справах рэлігійных культаў пісаў: «Правядзеннем гэтага мерапрыемства мы зможам зліквідаваць тры кляштары: 1) жаночы у г. п. Друя з перадачай памяшкання пад бальніцу;

2) жаночы ў г. Гродна з перадачай памяшкання пад Дом піянераў; 3) жаночы ў в. Грыбоўшчына са стварэннем базы для арганізацыі калгаса» [11, арк. 97].

У 1949 г. кляштар эўхарыстак у Друі быў афіцыйна ліквідаваны, а дамы сясцёр былі заняты пад бальніцу. Дзеля таго каб вярнуць хаця б частку маёмасці, сястра Магдалена Мароз прад'явіла іск друйскай бальніцы на свой уласны дом, а сёстры Моніка Скур'ят і Феліцыя Пяткун прэтэндавалі на другі дом, аддадзены друйскай бальніцы. У размове з упаўнаважаным сястра Моніка распавяла яму, што гэты дом яна перавезла з в. Шалтыны ў Друю і ўвесь час плаціла за яго ўсе патрэбныя падаткі [14, арк. 7]. Але вярнуць гэтыя дамы манашкі не здолелі. Адзінае, што ўдалося ўратаваць, – маленькі дамок, дзе засталіся пяцёра старых сясцёр. Маладзейшыя з паслушніц выехалі ў Браслаў, дзе аднавілі дзейнасць свайго Дома, ліквідаванага ў 1946 г. У тым жа 1949 г. сёстры эўхарысткі пакінулі Іказнь і Ідолту [1, s. 2].

18 кастрычніка 1950 г. на тэрыторыі парафіі Ідолта быў арыштаваны айцец Люцыян Паўлік МІС. 30 снежня 1950 г. пастановай суда «за варожую прапаганду супраць савецкай улады» па арт. 72 «б» і 76 КК БССР святар быў прыгавораны да смяротнай кары, якая была заменена на 25 гадоў пазбаўлення волі, 5 гадоў пазбаўлення грамадзянскіх правоў і канфіскацыю маёмасці. У камеры смяротнікаў айцец Люцыян Паўлік знаходзіўся да 25 сакавіка 1951 г. [22, s. 466–467].

Тым часам у 1952 г. адзін з братоў марыянаў, Пётр Дундар, быў вымушаны ўступіць у калгас [5, арк. 23]. Пасля таго як 16 сакавіка 1954 г. друйскі касцёл, нарэшце, быў вызвалены з-пад збожжа, Пётр Дундар даслаў заяву на адрас Друйскага сельскага савета з просьбай адкрыць касцёл у населеным пункце [5, арк. 23]. Аднак мясцовыя ўлады не лічылі гэта мэтазгодным. Больш за тое, неўзабаве кіраўніцтва калгаса імя Энгельса прасіла абласны Савет дэпутатаў працоўных перадаць яму касцёл для захоўвання калгаснага збожжа [5, арк. 24]. 15 красавіка 1956 г. прадстаўнікі касцёльнай «дваццаткі» зноў дамагаліся ад улады перадачы касцёла парафіі [5, арк. 25]. Аднак касцёл так і не быў вернуты парафіі.

17 мая 1956 г. айцец Люцыян Паўлік быў вызвалены з лагера і вярнуўся ў Друю, дзе жыў пэўны час без рэгістрацыі. Ён прапісаўся ў хаце, у якой таемна жылі манаскай абшчынай манахі з кляштара Юзэф Скур'ят і Пётр Дундар. У маленькім пакоі хаты была ўладкавана капліца, дзе служыў айцец Паўлік і куды прыходзілі на імшу мясцовыя вернікі [21, арк. 116].

Акрамя айца Люцыяна Паўліка недалёка ад Друі служылі яшчэ двое святароў марыянаў. Айцец Баляслаў Заёнц МІС (05.10.1913–28.10.1942–10.04.1984) распачаў сваё служэнне ў 1942 г. у якасці вікарыя парафіі Слабодка ў у некалькіх кіламетрах ад Друі.

Баляслаў Заёнц нарадзіўся ў в. Дзехцінец, што каля Варшавы, вучыўся ў Ніжэйшай Духоўнай семінарыі ксяндзоў марыянаў у Скурцу каля г. Седльцэ і ў 1930 г. уступіў у Кангрэгацыю. Атрымліваў адукацыю ў Ка-

легіуме Ксяндзоў Марыянаў на Бялянах у Варшаве. Пасля заканчэння курса філасофіі ў Духоўнай Семінарыі ў Варшаве два гады выконваў абавязкі выхаваўцы ў гімназіі ксяндзоў марыянаў. У г. Коўна скончыў семінарыю. 20 кастрычніка 1942 г. атрымаў святарскае пасвячэнне з рук віленскага арцыбіскупа Рамуальда Ялбжыкоўскага [22, s. 661]. Пасля служэння ў парафіі Слабодка ў 1945 г. святар выконваў абавязкі вікарыя ў Іказні, адкуль 17 лістапада 1945 г. пераехаў у парафію Ідолта на служэнне пробашчам [2, арк. 19]. Калі пачаліся масавыя арышты святароў, з ліпеня 1950 г. айцец Баляслаў Заёнц хаваўся ў Браславе, пазней на тэрыторыі парафій Слабодка і Плюсы (в. Прэсвяцішкі, у Генавефы Укшы), пэўны час на літоўскім баку перадваеннай мяжы на Дзвіне. На нелегальным становішчы святар цэлебраваў святыя Імшы, а імшальныя стыпендыі аддаваў сёстрам эўхарысткам і тым вернікам, якія апекаваліся ім у гэты час [22, s. 661]. У дадзены перыяд улады забралі ў парафіянаў з Ідолты касцёл.

Айцец Баляслаў Заёнц выйшаў са схованкі 27 ліпеня 1953 г. і быў арыштаваны, але праз кароткі час вызвалены [2, арк. 16]. Пасля вяртання святара ў парафію касцёл у Ідолце быў перададзены вернікам, у сваю чаргу айцец Баляслаў Заёнц пасля пераадолення пэўных цяжкасцей зноў атрымаў дазвол на служэнне ў Ідолце.

У 1945 г. сваё служэнне пробашчам у парафіі Іказнь распачаў айцец Юзаф Францкевіч MIC (24.03.1912–26.01.1941–12.05.1985). Юзаф Францкевіч нарадзіўся ў в. Ельніца павета Радзынь Падляскі на тэрыторыі сучаснай Польшчы. У 1928 г. паступіў у Ніжэйшую Духоўную семінарыю ксяндзоў марыянаў у Скурцу каля г. Седльцэ, затым вучыўся ў гімназіі Кангрэгацыі ў Варшаве. Пасля вучобы ў варшаўскай семінарыі быў накіраваны ў семінарыю ў Вільню (1939), аднак па прычыне вайны духоўную ўстанову скончыў у Коўне, дзе прыняў святарскія пасвячэнні [22, s. 226], якія яму ўдзяліў біскуп Вінцас Брызгіс [4, арк. 24]. Да канца вайны святар знаходзіўся ў Коўне, потым у Вільні. 1 студзеня 1945 г. айцец Юзаф Францкевіч атрымаў прызначэнне пробашчам у парафію Іказнь, дзе 13 жніўня 1947 г. быў зарэгістраваны [3, арк. 17]. У 1949 г. святар перайшоў на нелегальнае становішча, хаваўся з-за пагрозы арышту. Аднак 18 кастрычніка 1950 г. ксёндз Юзаф Францкевіч быў схоплены ў Іказні і перавезены ў вязніцу ў Полацк. 30 снежня 1950 г. святар быў прыгавораны да смяротнага пакарання «за варожую прапаганду супраць савецкай улады». Пэўны час ён знаходзіўся ў камеры смяротнікаў у аршанскай вязніцы, але затым смяротнае пакаранне была заменена на 25 гадоў пазбаўлення волі і 5 гадоў пазбаўлення грамадзянскіх правоў [22, s. 226–227]. Адразу пасля знікнення святара касцёл быў зачынены. Тым не менш сястра-эўхарыстка Аліна Рымовіч здолела выратаваць найкаштоўнейшае – Найсвяцейшы Сакрамант. Яна вынесла яго, калі ў парафію прыехалі прадстаўнікі ўлады, каб зачыніць касцёл. З уратаваным Найсвяцейшым Сакрамантам сястра накіравалася ў касцёл Слабодкі. Калі па дарозе манаш-

ка сустрэла прадстаўнікоў улады, якія вярталіся назад, яна сышла на поле і зрабіла выгляд, што займаецца праполкай бульбы. Калі пагроза выкрыцця мінула, сястра папрасіла аднаго чалавека падвезці яе да касцёла ў Слабодку, і такім чынам туды быў перавезены Найсвяцейшы Сакрамант. Вернікі, якія працавалі ў полі, убачыўшы пушку з Найсвяцейшым Сакрамантам, уклен-чылі.

Пасля закрыцця мясцовымі ўладамі касцёла ў Іказні яго маёмасць была прызнана «безгаспадарчай» і выстаўлена на продаж. Частка літургічнага посуду была здадзена як каляровыя металы, другая частка літургічных рэчаў, у тым ліку і арнаты, была здадзена як анучы [15, арк. 13–14]. У 1949–1950 гг. касцёл для мясцовага калгаса стаў збожжасховішчам. З мая 1950 г. святыня стаяла пустой, што выклікала ў вернікаў надзею на яе вяртанне [16, арк. 21]. З кастрычніка 1953 да лютага 1954 г. яны даслалі чатыры заявы ў розныя інстанцыі з просьбай аб вяртанні ім храма [16, арк. 18]. Аднак касцёл парафіі не вярнулі, у далейшым яго выкарыстоўвалі як склад будаўнічых матэрыялаў, у выніку чаго рэлігійны будынак атрымаў сур'ёзныя пашкоджанні.

18 жніўня 1956 г. айцец Юзаф Францкевіч быў вызвалены з лагера і вярнуўся ў Друю [4, арк. 24]. Тут ужо знаходзіўся айцец Люцыян Паўлік, вызвалены раней. Аднак улады не дазволілі застацца святарам у Друі. Айцец Люцыян Паўлік у 1957 г. быў вымушаны пераехаць у в. Задарожжа, дзе 13 лютага атрымаў рэгістрацыю ў парафіі [16, арк. 37]. Айцец Юзаф Францкевіч 10 красавіка 1957 г. распачаў сваё служэнне ў парафіі Далёкія [4, арк. 30].

У 1956 г. сёстры эўхарысткі пачалі служэнне пры парафіі ў Задарожжы і вярнуліся ў парафію ў Ідолце [1, s. 2].

Такім чынам, на пачатку 1957 г. на тэрыторыі Маладзечанскай вобласці (былых раёнаў Полацкай вобласці) працягвала сваю дзейнасць як Кангрэгацыя Айцоў Марыянаў Беззаганнага Зачацця Найсвяцейшай Панны Марыі, так і Кангрэгацыі Сясцёр Служабніц Езуса ў Эўхарыстыі. Паколькі кляштар марыянаў у Друі быў ліквідаваны, айцы марыяне служылі на парафіях у якасці пробашчаў, не маючы магчымасці на супольнае манаскае жыццё. Нягледзячы на шматлікія перашкоды сваё служэнне нелегальна працягвалі і манашкі-эўхарысткі. На пачатку 1957 г. яны ажыццяўлялі апостальскую дзейнасць у Друі, Слабодцы, Браславе, Задарожжы і Ідолце.

ЛІТАРАТУРА

1. **Архіў** Кангрэгацыі Сясцёр Служабніц Езуса ў Еўхарыстыі (Прушкаў). Акты IV Генеральнага Капітула Кангрэгацыі Сясцёр Служабніц Езуса ў Еўхарыстыі (SJE). 1969 г. B-1a-V.

2. **Дзяржаўны** архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Ф. 1439. Воп. 3. Спр. 89.

3. **ДАВВ.** – Ф. 1439. Воп. 3. Спр. 105.

4. **ДАВВ.** – Ф. 1439. Воп. 3. Спр. 123.

5. **ДАВВ.** – Ф. 1439. Воп. 3. Спр. 106.

6. **Жарнасек, І.** Ксёндз Баляслаў Грамс / І. Жарнасек // Наша вера. – 1996. – № 1 (2). – С. 21–23.

7. **Жарнасек, І.** Славіў Пана да канца сваіх дзён / І. Жарнасек // Ave Maria. – 2007. – № 5. – С. 21–22.

8. **Нацыянальны** архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 952. Воп. 1. Спр. 7.

9. **НАРБ.** – Ф. 952. Воп. 1. Спр. 8.

10. **НАРБ.** – Ф. 952. Воп. 1. Спр. 13.

11. **НАРБ.** – Ф. 952. Воп. 1. Спр. 16.

12. **НАРБ.** – Ф. 952. Воп. 1. Спр. 17.

13. **НАРБ.** – Ф. 952. Воп. 1. Спр. 18.

14. **НАРБ.** – Ф. 952. Воп. 1. Спр. 19.

15. **НАРБ.** – Ф. 952. Воп. 1. Спр. 25.

16. **НАРБ.** – Ф. 952. Воп. 1. Спр. 39.

17. **НАРБ.** – Ф. 952. Воп. 1. Спр. 40.

18. **НАРБ.** – Ф. 952. Воп. 2. Спр. 2.

19. **НАРБ.** – Ф. 952. Воп. 2. Спр. 9.

20. **НАРБ.** – Ф. 952. Воп. 2. Спр. 10.

21. **НАРБ.** – Ф. 952. Воп. 3. Спр. 18.

22. **Dzwonkowski, R.** Leksykon duchowieństwa polskiego represionowowanego w ZSRS 1939–1988 / R. Dzwonkowski. – Lublin : Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 2003. – 856 s.

23. **Krahel, T.**, ks. Ksiądz Bolesław Gramz / ks. T. Krahel // Czas miłosierdzia. – 1999. – № 8. – S. 14.

24. **Srzelecka, H.** Służebnicy Jezusa w Eucharystii na terenach Związku Radzieckiego w latach 1945–1991 / H. Srzelecka SJE. – Warszawa, 1994. – 226 s.

Орлова А.Г. *(аг. Бочейково, Бешенковичский район)*

ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРАМЫ БЕШЕНКОВИЧСКОГО РАЙОНА

История Беларуси, а значит и своей малой родины, немыслима без истории каждого местного храма, прихода. Сегодня это элемент культурного наследия, который историческая наука долгое время обходила стороной.

Кратко о храмах Бешенковичского района можно прочитать в справочнике «Витебская епархия. Монастыри, храмы и приходы» [4], в энциклопедиях. Но самый интересный материал можно отыскать в архивах. «Статистические сведения о церквах и притчах Полоцкой епархии» [5] свидетельствуют о том, что церкви современного Бешенковичского района относились к благочинию II округа Полоцкой епархии. Здесь описано более 20 церквей и часовен, которые находились в крупных населенных пунктах, но до нашего времени от 10 из них не осталось и следа. После событий 1917 г. начались гонения на Православную Церковь. В 1918 г. был издан декрет советской вла-

сти «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». После этого некоторые передавались местным властям, некоторые разрушались.

Сегодня на территории района осуществляют деятельность 11 православных общин, которым принадлежит 10 культовых объектов. Из них действует только 7. Три культовых объекта – это полуразрушенные храмы. Четыре культовых объекта включены в список историко-культурного наследия Республики Беларусь – храм Святителя Николая Чудотворца в д. Слободка, храм Святой Живоначальной Троицы в аг. Островно, храм Святого пророка Илии в г. п. Бешенковичи, храм Святителя Николая Чудотворца в д. Добригоры.

Храм Святого Пророка Илии в Бешенковичах – историко-культурное наследие Республики Беларусь (Дадатак 13, фота 1). Архивы рассказывают, что возникновение Ильинской церкви связано с польским королем и великим князем литовским Казимиром IV, который в память о спасении своей супруги от утопления в день памяти пророка Илии велел основать в Беларуси шесть православных храмов. Один из них был построен в 1447 г. в Бешенковичах, но в городских инвентарях 1552 и 1618 гг. этот храм не упоминается. В ведомостях 1863 г. указывается, что деревянную Ильинскую церковь построили витебские купцы Запольские в 1746 г. Но на дверях храма в XIX в. существовала надпись «1643», и многие историки отнесли его постройку именно к этому году. А в 1766 г. церковь, по их мнению, могла быть перестроена.

В 1866–1870 гг. на месте деревянной была построена каменная церковь на казенные средства. Настоятелем храма в то время был протоиерей Иосиф Никонович, его помощником – священник Клементий Оконович. Прихожан мужского и женского пола числилось около 5000 душ. Член Витебской ученой архивной комиссии М.В. Анцев, который в 1911 г. побывал на экскурсии в местечке Бешенковичи, посетил эту церковь. Он пишет: «В этой церкви сохранились старинные иконы пророка Илии и Божией Матери, относящиеся к началу XVIII или к концу XVII столетия» [1].

В 1935 г. люди встали на защиту церкви, в которой тогда хранили зерно. Жители написали письмо от имени 7000 прихожан председателю Всероссийского центрального исполнительного комитета М.И. Калинину с просьбой вернуть им храм.

В годы Великой Отечественной войны церковь использовалась оккупантами под склад. На колокольне было устроено пулеметное гнездо, которое разбили вместе с колокольней в 1944 г. И только после войны церковь была восстановлена.

На сегодняшний день храм отреставрирован и представляет собой памятник архитектуры ретроспективно-русского стиля. Церковь является трехпрестольной. Центральный престол установлен во имя святого пророка Илии, правый – во имя святого благоверного князя Александра Невского,

левый – во имя святых апостолов Петра и Павла. Крестово-купольный храм увенчан пятью восьмигранными световыми барабанами с шатровыми завершениями и маковками-луковицами. В архитектурном декоре использованы элементы древнерусского зодчества – килеподобные закомары, кокошники, трехлопастные арки. Для ремонта крыши использована черепица. Внутри установлен новый деревянный иконостас ручной работы, расписан алтарь. Все окна новые, на пол положена плитка с подогревом. Приход зарегистрирован 21 июля 1992 г. Службу ведут Н.В. Кисель и В.Н. Кисель.

Храм Святителя Николая Чудотворца в д. Добригоры также включен в список историко-культурного наследия Республики Беларусь и является памятником ретроспективно-русского стиля (Дадатак 13, фота 2). Николаевская церковь – памятник деревянного зодчества. Построена она в 1846 г. В «Статистических сведениях» за 1884 г. отмечается, что церковь требует починки, что постройки ветхие. На протяжении многих лет церковь ремонтировалась несколько раз, но только в 1999 г. она была возрождена и освящена.

Теперь храм имеет следующее архитектурное строение: стоит на каменном фундаменте, к основному квадратному в плане объему примыкают двухъярусная притвор-колокольня с шатром и маковкой в завершении и низкая прямоугольная в плане апсида под двускатным покрытием. Основной объем накрыт четырехскатной крышей с маковкой на низком шатровом восьмигранном барабане. Грани шатра колокольни у основания завершены треугольными фронтонами. Боковые фасады горизонтально обшиты досками, прорезаны высокими арочными и прямоугольными оконными проемами.

Община Николаевской церкви малочисленна, поэтому службы проводятся только по праздникам иереем Николаем Витальевичем Киселём.

Интересна история **церкви Святой Живоначальной Троицы** в аг. Островно (Дадатак 13, фота 3). Изначально здесь был костел, основателем которого историки называют короля Жигимонта I Августа. Он приказал возвести его в честь разгрома войсками Великого княжества Литовского армии Московского государства под Чашниками и Оршей во время Ливонской войны в 1546 г. В ходе дальнейших войн здание сильно пострадало, возможно, было разрушено до основания. Но по приказу витебского воеводы Михаила Патея костел был восстановлен на прежнем фундаменте. Около 1620 г. Александр Сапега, воевода Мстиславльский, построил при костеле монастырь и пригласил монахов доминиканского ордена. После восстания 1863–1864 гг. святыня была отдана православной церкви и снова перестроена. Храм «повернули» на 180 градусов: алтарь перенесли на восток, появилась башня звонницы и типичные для этого стиля луковицы.

Во времена Советского Союза церковь не действовала, пустующее здание начало разрушаться. С 1930 г. в ней был склад. Новая жизнь началась лишь в 2006 г.

Настоятель храма Андрей Дорощенко пытается восстанавливать святыню своими силами. Сделано много, но предстоит сделать еще больше. На сегодняшний день здание уже находится под крышей и имеет красивый вид. Храм относится к историко-культурному наследию Республики Беларусь. Уже четыре раза в аг. Островно проходил районный праздник духовной культуры и народного творчества «Троицкий фестиваль», который всегда начинался с Божественной литургии в храме Святой Живоначальной Троицы.

Храм Святителя Николая Чудотворца находится в д. Слободка (Дадатак 13, фота 4). Статистические сведения [5] дают такую информацию: «Церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая построена в 1858 году, штатная, каменная, холодная, прочная». Псаломщик Алексей Ковановский при этой церкви с самого открытия, с 1858 г., а священник Иоанн Фащевский с 1865 г. Прихожан в 1884 г., как мы видим из записей, было предостаточно: мужского пола – 1131 и женского – 1285. На сегодняшний день в Слободке проживает всего 26 человек.

Храм в д. Слободка пришел в упадок после Великой Отечественной войны, хотя закрыли его в 1935 г. Уже несколько десятков лет здание разрушается. Оно стоит на берегу озера Святое. Местные жители часто видят здесь паломников из России и Беларуси, которые часами молятся, стоя на коленях, невзирая на погодные условия. Храм Святителя Николая Чудотворца – памятник архитектуры XIX – начала XX в. Зданию присвоена 3-я категория. Николаевская церковь выполнена из кирпича в псевдорусском стиле (псевдорусский стиль имеет элементы древнерусского зодчества, народного искусства и византийской архитектуры). Фасады оштукатурены, декорированы рустом, полуколоннами, многопрофильными карнизами и поясками, кокошниками, украшены наличниками арочных оконных проемов. Здание является примером крестово-купольного храма, доминантой которого является шатровая колокольня с луковицеобразной главкой. Рядом с храмом расположены два каменных креста, выступающих из-под земли.

Как отметил архитектор Г. Орловский, на сегодняшний день в целостности сохранились стены, кирпичные своды. Проседания фундамента не наблюдается. Также до нашего времени дошли многочисленные участки штукатурного декора фасадов, деревянная главка башни, деревянные элементы шатровой кровли, оригинальные кованые крепления водосточных труб, кровельное железо главки и кровли башни.

В 2 км от Слободки в д. Свеча находится полуразрушенный **храм Рождества Пресвятой Богородицы**. В 1793 г. была построена деревянная церковь, которая к 1884 г. совсем обветшала. Поэтому 27 декабря 1895 г. состоялось освящение и празднование открытия нового приходского храма в д. Свеча. Церковь построили каменную, с железной крышей и двумя куполами, на которых установили железные позолоченные кресты. На строительство храма из казны было отпущено 11 456 рублей 2 коп. За эту сумму на торгах, про-

ходивших в духовной консистории, никто не согласился строить. К счастью, явился благотворитель – священник Стрижевской церкви отец Иосиф Хруцкий, который решил вопрос с кирпичом: его стали изготавливать из местной глины. На открытие храма собралось несколько тысяч богомольцев. После окончания богослужения во время целования креста народу раздавались крестики. В числе подходивших к кресту было несколько католиков. Принимая от священника крестики, они целовали его руку.

В настоящее время храм не отреставрирован, но в нем соблюдается чистота и порядок. А богослужения совершаются в церкви, расположенной рядом с восстанавливаемой.

Через многие испытания прошла и **церковь Преображения Господня** в аг. Бочейково и до наших дней не достояла. Согласно архивам [5], построена она была в 1675 г. Церковь была деревянная. В 1876 г. после окончания Витебской духовной семинарии в Бочейковской церкви три года служил псаломщиком Федор Никонович, в будущем видный подвижник Православия в Полоцко-Витебской епархии. Одновременно он исполнял обязанности законоучителя в Бочейковском народном училище.

Церковь стояла на самом высоком месте – на левом берегу р. Уллы. Со временем здание стало ветхим. Было решено построить новую церковь. В архиве имеется проект каменной Бочейковской церкви архитектора В.Ф. Коршикова (1858–1920), который занимался проектированием церквей и церковно-приходских школ. К сожалению, осуществлению проекта помешала революция 1917 г.

Когда в 1918 г. немцы покинули нашу территорию, начались гонения на церковь и священнослужителей. Их арестовали и сослали в исправительные лагеря. В 1933 г. церковь была отдана под клуб. Когда там обвалился потолок, ее закрыли на замок. Во время Великой Отечественной войны 4 июля 1941 г. фашисты сожгли здание церкви. На ее месте после войны был построен клуб, который сгорел в 1980-е гг. Потом здесь выстроили здание сельского совета. И только в 1990-е гг. начинается духовное возрождение в связи с новой политикой государства по отношению к верующим. Население обращается к властям с просьбой предоставить здание под церковь. Сначала служба проходила в вагончике-церквушке, а потом под церковь было продано пустующее здание. Много сил было потрачено на строительство храма. Теперь над ним возвышается три купола с позолоченными крестами, построена колокольня, пристроена воскресная школа. Много сил вложил сюда иерей Сергей Денищиц. В строительстве материально помогали жители агрогородка, руководители местных предприятий. Таким образом, храм Преображения Господня сегодня живет, служит людям и является святым местом для православных.

Храм Святой Живоначальной Троицы находится в аг. Улла. Церковь построена в 1896 г. В ее архитектуре воплотились черты классицизма и рет-

роспективно-русского стиля. Храм крестовый в плане, состоит из центрального объема, двух приделов, алтарной апсиды и бабинца (бабинец – одна из трех частей тридильного храма, к торцу которого пристроена колокольня). Но так было не всегда. Время и особенно Вторая мировая война не пощадили эту церковь. К концу 1990-х гг. от нее остался один полуразрушенный остов. К счастью, храм строили из добротного кирпича. Это позволило начать планомерную и тщательную реконструкцию церкви. Почти каждый житель Уллы внес в это благое дело личный вклад в виде пожертвований. Сейчас храм превратился в самое красивое здание аг. Улла. Шатровая крыша представляет собой каскад кокошников, по углам которой разместились украшения в виде четырех башенок, барабан с купольным верхом, двухъярусная колокольня, что возвышается над главным входом. При храме работает воскресная школа. Настоятелем храма является Николай Николаевич Радевич. В сентябре 2011 г. с участием прихожан храма была проведена республиканская научно-просветительская экспедиция «Дарога да святыняў» с участием видных деятелей культуры и искусства Республики Беларусь.

Не все храмы в Бешенковичском районе возродились. **Храм Благоверного князя Александра Невского** в полуразрушенном состоянии находится в д. Мартиново. Но все равно туристы и паломники не обходят его стороной. Храм был построен в XIX в. из кирпича на месте униатской церкви на площадке старого языческого капища. Храм имеет черты классицизма и псевдорусского стиля. В 1935 г. он был закрыт. Приход зарегистрирован в 1992 г., но культовый объект стоит как напоминание о тяжелых испытаниях, через которые прошла Православная Церковь.

В аг. Верховье **церковь Святой Живоначальной Троицы** была построена около 1863 г., а когда утрачена, неизвестно. Поэтому богослужения совершаются в передвижном храме-вагончике.

Церковь Казанской иконы Божией Матери стояла на восточной окраине д. Дорогокупово (Придвинье) возле шоссейной дороги Витебск – Бешенковичи. Была построена из дерева в 1780 г., реконструирована в 1902 г. Совмещала в своей архитектуре традиции народного зодчества и отдельные черты неорусского стиля. Долгое время находилась в запустении. В 1992 г. сгорела. Остались фундамент храма и кованая ограда. Здесь также под церковь приспособлен передвижной вагончик.

В д. Павловичи приход храма Святого Пророка Илии есть, сам храм разрушен.

Каждый сохраненный и отреставрированный храм уникален и неповторим. Но история любого храма будет неполной без материалов о его священнослужителях, судьбы которых сложились трагически. Все они были арестованы за антисоветскую деятельность, сосланы в исправительные лагеря, некоторые расстреляны. В многочисленных списках «Витебского мартиролога» числится 19 фамилий репрессированных священнослужите-

лей Бешенковичского района [2]: В.С. Базыленко, В.С. Бекаревич (п. Улла), Г.С. Базилевский (д. Слободка), Ф.А. Бакметов, А.Н. Шелег, И.А. Кухто (г. п. Бешенковичи), В.А. Войткевич, М.М. Магер, Е.К. Магер, Ф.И. Дятловский, В.И. Толстой (д. Бочейково), И.П. Курневич, А.А. Скромнов (д. Павловичи), П.К. Кабышко (д. Бикложа), А.В. Пароменский (д. Верховье), Д.Г. Тарарин, А.П. Трусс, И.Т. Тихонов (д. Островно), Е.Г. Иванов (д. Дорогокупово). Пятеро из них были расстреляны, судьбы остальных неизвестны. В 1988 г. все пострадавшие были реабилитированы Президиумом Витебского областного суда. Их подвиг остается высоким примером христианской жертвенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Анцев, М.** Экскурсия Витебской Учёной Архивной Комиссии 14 мая 1911 года в местечко Бешенковичи / М. Анцев. – Витебские Губернские Ведомости. – 1911. – № 112. – 16 с.

2. **Горидовец, В.** Витебский мартиролог (1918–1952) / В. Горидовец. – Витебск, 2008.

3. **Государственный** архив Витебской области. – Ф. 251. В. 1. Д. 76.

4. **Матвеев, А.** Витебская епархия. Монастыри, храмы и приходы : справочник / А. Матвеев. – Минск : Белорусская Православная Церковь, 2009. – 156 с.

5. **Статистические** сведения о церквах и притчах Полоцкой епархии. – Витебск : Типо-Литография Г. А. Малкина, 1884. – С. 43–47.

Слисская А.А. *(д. Богатырская, Полоцкий район)*

ПОЛОЦКОЕ ЕПАРХИАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ КАК ЦЕНТР ДУХОВНОГО ЖЕНСКОГО ВОСПИТАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. НА ПОЛОТЧИНЕ

Середина XIX в. характеризуется изменением положения женского духовного образования. И если в целом по Российской империи этот процесс совпал с реформированием всего образования, улучшением всеобщей грамотности и социализацией женщины, то на белорусских землях он был связан с другими событиями и протекал несколько иначе.

В 1839 г. произошло воссоединение униатской церкви с православной. Для успешного и окончательного обращения униатов и укрепления православия требовалась правильная организация женского образования «в духе православия и русской народности» на территории Беларуси.

В Полоцкой епархии, как и в целом в Российской империи, впервые заговорили о женском училище как учебном заведении в 40-е гг. XIX в. В 1845 г. высокопреосвященный Василий (Лужинский) ходатайствует перед Святей-

шим Синодом об открытии в Полоцком Спасо-Евфросиниевском монастыре училища для девочек-сирот из духовного сословия. Как благотворительное заведение училище уже существовало с 1841 г., когда император Николай I, давая свое согласие на восстановление Полоцкого Свято-Ефросиниевского женского монастыря, поставил непременным условием, чтобы при нем было устроено епархиальное училище для девиц духовного звания [5]. После прошения высокопреосвященного Василия оно было открыто в 1844 г. на 21 воспитанницу. Отдельного здания учебное заведение не имело. Размещалось оно в особых комнатах в монастыре. Образование давалось ученицам простое: монахини обучали их Закону Божию, священной истории, краткой всеобщей истории и географии, церковному пению и рукоделию. Духовник обители преподавал русское и славянское чтение, начала арифметики и краткую русскую грамматику. Также воспитанницы учились полезным работам у монахинь: готовили еду, доили коров, делали масло, работали в саду и огороде, приучались распознавать качество пахотной земли, занимались ее удобрением и обработкой, наблюдали время посева и уборки хлеба [1, с. 34].

Число учащихся на первых порах существования училища едва достигало 30 человек, что, впрочем, было вполне естественным при слабом запросе на образование, особенно для девочек, какой был к исходу 60-х гг. XIX в.

Несколько лет спустя качество преподавания стало заметно улучшаться: преподавателями назначались учителя Полоцкой духовной семинарии, законоучителем стал ректор семинарии. Улучшение состояния учебного процесса способствовало увеличению количества желающих получить в них образование [4, с. 256].

Одновременно с теоретическим изучением предметов воспитанницы всех классов в течение года упражнялись в письменных работах – писали сочинения, размышления, описания.

Значительное время отводилось изучению русской литературы и словесности. Большое внимание уделялось в училище внеклассному чтению, которое по уставу являлось обязательным. Воспитательницы наблюдали за тем, чтобы в свободное время учащиеся занимались чтением, делали конспекты книг в своих дневниках и излагали свои впечатления о прочитанном. В конце месяца эти записи представлялись преподавателям [5].

С целью расширения общеобразовательных познаний воспитанниц вводились необязательные дисциплины по французскому и немецкому языкам. Девушки в духовном училище обучались игре на фортепиано, фисгармонии, скрипке. Нередко воспитанницы организовывали музыкальные вечера, на которых присутствовала интеллигенция города во главе с архиепископом и начальником губернии. На таких праздниках юные музыкантши исполняли гимны, училищные песни, мелодии из опер. Репертуар музыкальных вечеров, которые устраивались специально для детей, соответствовал возрасту

слушателей: «Красная шапочка», «Летнее утро», «Табличка умножения», «Нива знанья и науки» и многое другое [5].

Устраивались в училищах также и открытые литературные вечера с хоровыми выступлениями и чтением стихотворений религиозно-нравственного содержания. Такие мероприятия снискали хорошую репутацию и высокую оценку женскому духовному училищу, сделав его интеллектуальным центром города.

Воспитанницы всех классов обучались технически и практически рукоделию, особое внимание обращалось на изучение кройки и шитья столового и спального белья, а также платьев. С 1888 г. по распоряжению Святейшего Синода ученицы должны были овладеть искусством шитья церковных облачений и других принадлежностей церковной ризницы.

Под управлением трех игумений училище пережило три важные перемены. Будучи основанным при игумении Клавдии (Щепановской) (1842–1853), оно было единственным очагом просвещения для девиц духовного звания Полоцкой епархии и обладало солидными педагогическими силами в лице преподавателей семинарии с ректором во главе.

Управление игумении Евфросинии (Сербинович) (1853–1878) ознаменовалось сокращением числа учащихся, понижением качества обучения и заменой учителей монахинями.

В игуменство матушки Евгении (Говорович) (1878–1900) духовное училище достигло особого расцвета. Постепенно число учащихся стало увеличиваться, особенно когда разрешено было принимать детей иных сословий. Для обучения были приглашены преподаватели, окончившие Витебское женское училище, а также учителя мужского духовного училища. Училище имело уже собственные хозяйственные здания, отдельные помещения для больницы и столовой. При прежних начальницах училища перечень предметов обучения был весьма скромным: чтение, письмо, молитвы, азы православия, русская грамматика, пространный катехизис, начала арифметики и рукоделие. Однако во время игуменства матушки Евгении учебная программа значительно расширилась. Ее рамки охватывали такие предметы, как дидактика, педагогика, русская история, церковное пение, география, русский язык, чистописание, арифметика, церковно-славянский язык, греческий язык, физика и гимнастика [3].

В 1907 г. указом Святейшего Синода Спасо-Евфросиниевское училище было преобразовано в шестиклассное и получило статус епархиального, что давало право выпускницам на звание домашних учительниц без сдачи дополнительных экзаменов в Полоцком мужском духовном училище. В конце XIX – начале XX в. звание домашней учительницы давало большие преимущества при назначении на места учительниц начальных школ всех ведомств [4, с. 290].

К этому времени обязанности начальницы училища исполняла монахиня Нина (Боянус) (1904–1915). Именно в данный период училище из бедного трехклассного было преобразовано в шестиклассное, получило статус епархиального со всеми правами и привилегиями для выпускниц. Трудами матушки Нины было возведено новое трехэтажное каменное здание училища (1906), в котором была устроена домовая Свято-Троицкая церковь [3]. Что касается образовательной части, – была усовершенствована и расширена программа обучения: в учебный курс введены дополнительные предметы – иностранные языки (английский, немецкий, французский), черчение, живопись, ваяние, уроки игры на скрипке. Особое внимание уделяла начальница духовно-нравственному воспитанию своих учениц. Она проводила с ними внеурочные беседы о вере и жизни по Евангелию. За свою деятельность по устройству училища в 1908 г. монахиня Нина была награждена наперсным крестом, а в 1914 г. указом Святейшего Синода была возведена в сан игумении за «отлично-усердную службу по учебно-духовному ведомству». Во время Первой мировой войны ее вкладом в помощь Отечеству явился небольшой лазарет, устроенный в училище и содержавшийся на ее средства. Также в здании училища с 1914 г. был расположен госпиталь, где матушка Нина трудилась в качестве сестры милосердия. Как свидетельствуют письма игумении Нины, порой ей приходилось делать до 150 перевязок в день, при том, что на ее попечении оставались более двухсот учениц и училищный персонал. К делам милосердия матушка привлекала и своих воспитанниц. Девочки шили и вязали теплые носки, изготовляли кисеты с образками, крестиками, конвертами, бумагой, карандашом и мылом, откладывали часть выдаваемого им сахара для передачи больным воинам [2, с. 17].

В 1910 г. Спасо-Евфросиниевское училище принимало участие в незабвенных Торжествах по перенесению святых мощей преподобной Евфросинии из Киева в Полоцк. Сама игумения Нина не только участвовала в событиях, происходивших по этому случаю, но была и среди полоцких представителей в Киеве. Для жителей Полоцкой земли Торжества, связанные с возвращением преподобной Евфросинии, совершились незадолго до начала новой страницы в истории края и Русской Православной Церкви XX в. Уже в 1915 г. в связи с приближением немцев к Полоцку святые мощи преподобной, множество икон и другие монастырские ценности были эвакуированы в Ростов Великий. Вместе с ними в Ростов выехало и Спасо-Евфросиниевское училище, возглавляемое игуменией Ниной. Училище расположилось на окраине Ростова, в Варницком Свято-Троице-Сергиевом монастыре [3]. После Октябрьского переворота 1917 г. училище прекратило свое существование. В 1925 г. Спасо-Евфросиниевский монастырь закрыли, незадолго до этого, в 1922 г. здание епархиального училища было передано Полоцкому лесному техникуму (ныне – это Полоцкий государственный лесной колледж).

Таким образом, Полоцкое женское духовное епархиальное училище во второй половине XIX – начале XX в. из благотворительного приюта превратилось в благотворительно-просветительное заведение.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Дейнис, И. П.** Полоцк в XX веке, 1905–1914 / И. П. Дейнис ; сост., предисл., примеч. А. И. Судника. – Полоцк : Полоцк. книж. изд-во, 2012. – 71 с. : ил. – (Наследие Полоцкой земли ; вып. 15).

2. **Нина (Боянус).** Наши беседы о жизни: жизнеописание, письма, воспоминания / игумения Н. Боянус. – Полоцк : Полоц. Спасо-Ефросиниев. монастырь ; Москва : Изд-во Сретен. монастыря, 2004. – 208 с.

3. **Полоцкий** Спасо-Евфросиниевский женский монастырь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://spas-monastery.by. – Дата доступа: 17.02.2022.

4. **Полоцкое** Радование: Свято-Евфросиниевские Торжества 1910 года / [ред. А. Г. Борисова-Горюнова]. – Полоцк : Спасо-Евфросиниевский женский монастырь в г. Полоцке Полоцкой епархии Белорусской Православной Церкви, 2010. – 440 с. : ил.

5. **Попеленко, Е. С.** Женские духовные училища Полоцкой епархии – сокровищница христианских ценностей и школа воспитания духа [Электронный ресурс] / Е. С. Попеленко. – Режим доступа: https://psyjournals.ru/langpsy/2015/n4/Popelenko_full.shtml. – Дата доступа: 17.02.2022.

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА. КУЛЬТУРНА-АСВЕТНЫЯ ЎСТАНОВЫ І ЎСТАНОВЫ АДУКАЦЫІ Ў СІСТЭМЕ СУЧАСНАГА КРАЯЗНАЎСТВА

Анучына Н.У. *(г. Полацк)*

ВЫДАННІ З ДАРОЎНЫМІ НАДПІСАМІ МУЗЕЮ БЕЛАРУСКАГА КНІГАДРУКАВАННЯ З ФОНДАЎ НАЦЫЯНАЛЬНАГА ПОЛАЦКАГА ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАГА МУЗЕЯ-ЗАПАВЕДНІКА

У любым кніжным зборы (бібліятэчным, музейным ці прыватным) выданні з дароўнымі надпісамі займаюць асобае месца: іх наяўнасць робіць кнігу ўнікальнай. Такія ўнікальныя выданні захоўваюцца і ў фондах Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка (НПГКМЗ). Адны з іх маюць дароўныя надпісы, адрасатам якіх выступае прыватная асоба, былы ўладальнік кніжнай калекцыі або нейкая трэцяя асоба ці ўстанова. Другія падпісаны музеям НПГКМЗ ці яго прадстаўнікам. Дарыльшчыкам можа выступаць аўтар, рэдактар, мастак, выдавец, перакладчык выдання ці асоба, якая не мае прамых адносін да стварэння і выдання кнігі. Можна вылучыць два асноўныя шляхі, якімі кнігі з дароўнымі надпісамі трапляюць у фонды НПГКМЗ: адны – ад прыватных асоб, у складзе асабістых бібліятэк; другія перадаюцца падчас прэзентацый, творчых сустрэч, якія ладзяцца ў філіялах музея-запаведніка ці па-за імі, а таксама па пошце, праз асабістыя кантакты супрацоўнікаў з аўтарамі, установамі і г. д. Так, дзякуючы кніжным калекцыям беларускага журналіста Алеся Матусевіча, ганаровых грамадзян Полацка – педагога і кампазітара Мікалая Пятрэнкі і першага рэктара Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта Эрнста Міхайлавіча Бабенкі – музейны збор папоўніўся кнігамі з аўтографамі Кузьмы Чорнага, Паўлюка Труса, Тараса Хадкевіча, Давіда Сімановіча, Яўгенія Еўтушэнкі. Кнігі з уласнаручнымі подпісамі Сяргея Законнікава і Ніла Гілевіча былі перададзены паэтам, ураджэнцам Полацка Навумам Гальпяровічам і наваполацкім пісьменнікам Анатолем Бясперстых адпаведна. Ад Таццяны Рудавай, былога дырэктара Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка, паступіла кніга з аўтографам Уладзіміра Караткевіча (пакуль што адзіная кніга ў кніжным зборы НПГКМЗ з аўтографам класіка беларускай літаратуры): *«Уладзімір Караткевіч 18 (а на самай справе 19) жніўня. Полацк»* («Дзень паэзіі. 1972», Мінск, 1972; НПГКМЗ КП4-2191).

Невыпадкова, што менавіта землякі-палачане ўносяць значны ўклад у папаўненне кніжнага фонду Полацкага гісторыка-культурнага музея-запа-

ведніка, больш за 300 выданняў якога маюць на сваіх старонках дароўныя надпісы, адрасаваныя Музею беларускага кнігадрукавання. Не проста падарыць, але і падпісаць кнігу для музея стала ўжо добрай традыцыяй, якая бярэ свой пачатак яшчэ ў 1980-я гг.: у 1986 г. у выдзеленым пад музей будынку былога Богаяўленскага манастыра XVIII ст. пачалася рэстаўрацыя, паралельна з якой ішла работа над камплектаваннем кніжнай калекцыі будучага музея. Дапамогу ў збіранні экспанатаў, папаўненні кніжнага збору аказвалі навукоўцы, пісьменнікі, краязнаўцы, прыватныя асобы. Перадаваліся кнігі з абменна-рэзервовых фондаў бібліятэк Мінска, Смаленска, Ленінграда, Масквы: *«Музею белорусского книгопечатания в г. Полоцке в дар от Музея книги Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. 7.II.86 г.»* («Фёдоровские чтения. 1978», Масква, 1981; НПГКМЗ КП4-2030). На памяць будучаму Музею беларускага кнігадрукавання свае кнігі падпісалі Вячаслаў Чамярыцкі, Юрый Лабынцаў, Сяргей Панізнік: *«Музею Беларускага кнігадрукавання ў Полацку зямляк і аўтар Сяргей Панізнік. 7.1.87»* (С. Панізнік «Браніслава», Мінск, 1985; НПГКМЗ КП4-2188).

Некаторыя даследчыкі (А. Рэйтблат) лічаць, што дароўны надпіс (ён жа інскрыпт) пішацца не толькі для таго чалавека, якому дорыцца кніга, але і для іншых, каму пажадае паказаць кнігу яе ўладальнік [1]; носіць не толькі асабісты, але і публічны характар. Публічнасць аўтографа, такім чынам, у музеі знаходзіць сваё адлюстраванне: кніга падпісваецца музею, за якім стаяць яго супрацоўнікі і наведвальнікі, сённяшнія і будучыя. Акрамя таго, сутнасць дзейнасці музея, як аднаго з інстытутаў публічнай памяці, згодна з Т. Шолам [2], грунтуецца на формуле трох «С» – «collecting, care and communication» (збіраць, захоўваць і камуніцыраваць). Асноўнай формай музейнай камунікацыі з'яўляецца экспазіцыя: пастаянная ці часовая. Яна дазваляе прадэманстраваць выданні з музейнага збору, у тым ліку і выданні з дароўнымі надпісамі. Дароўныя надпісы, выстаўленыя на ўсеагульны прагляд, робяць экспазіцыю больш жывой, даюць магчымасць наблізіцца да асобы аўтара надпісу, убачыць яго адносіны да адрасата; з імі экспазіцыя набывае эмацыянальную афарбоўку, і, можна сказаць, яны павышаюць статус музея ў вачах наведвальніка. У другой зале Музея беларускага кнігадрукавання, прысвечанай матэрыялам для пісьма і формам кнігі, экспануецца кніга «Слова пра паход Ігаравы» (Масква, 1989; НПГКМЗ КП9-5584) на арабскай мове, на якой наведвальнікі могуць убачыць дароўны надпіс музею ад перакладчыка Хаміза Нашмі (далей пераклад з арабскай самога аўтара): *«Мой подарок работникам и посетителям белорусского музея книги в Полоцке в знак уважения».*

Безумоўна, найбольш актыўна кнігі з дароўнымі надпісамі выкарыстоўваюцца на выставах (тэматычных, прысвечаных пісьменнікам-юбілярам і г. д.). Так, 8 верасня 2020 г. Музей беларускага кнігадрукавання адзначыў свой 30-гадовы юбілей. Да гэтай падзеі яго супрацоўнікамі была падрыхта-

вана выстава «У самы жывы з усіх музеяў з пажаданнямі...». Мэта выставы заключалася ў тым, каб праз выданні з дароўнымі надпісамі са збору НПГКМЗ актуалізаваць розныя аспекты дзейнасці музея за ўвесь перыяд яго існавання. У якасці назвы былі ўзяты словы з дароўнага надпісу, які на сваёй кнізе «Азярод» (Мінск, 2003; НПГКМЗ КП18-21269) пакінуў Сяргей Рублеўскі: *«У самы жывы з усіх музеяў з пажаданнямі і надзеяй быць асветніцкім цэнтрам роднай Бацькаўшчыны. 19.02.2004».* На выставе былі прадстаўлены кнігі з дароўнымі надпісамі Музею беларускага кнігадрукавання, а таксама матэрыялы, звязаныя з дзейнасцю музея ў выглядзе фотахронікі. Пры адборы дароўных надпісаў улічваліся наступныя характарыстыкі: арыгінальны змест, літаратурная форма аўтографа, значнасць асобы дарыльшчыка, рэдкасць падараванай кнігі і яе асобыя характарыстыкі. Акрамя таго, важным крытэрыем была магчымасць экспанавання аўтографа. У розны час на старонках сваіх кніг дароўныя надпісы Музею беларускага кнігадрукавання пакінулі Святлана Алексіевіч, Вольга Іпатава, Васіль Быкаў, Янка Брыль, Алесь Разанаў, мастакі Наталля Паплаўская, Валерый Славук, Раман Сустаў. Як ужо адзначалася, асабліва цёплыя і трывалыя сувязі ў музея склаліся з полацкімі аўтарамі. Прэзентацыі сваіх кніг, сустрэчы з землякамі ў музеі праводзілі Пятро Васючэнка, Герман Кірылаў, Навум Гальпяровіч, Алесь Замкоўскі, Ірына Жарнасек, члены літаратурных аб'яднанняў «Наддзвінне» і «Полоцкая ветвь». На памяць музею свае кнігі таксама падпісалі Алесь Савіцкі, Рыгор Барадулін, Сяржук Сокалаў-Воюш, Валянціна Аксак, мастачка Нінэль Шчасная. І вядома ж, у музейным кнігасховішчы абавязкова знаходзіць сабе месца кожная кніга Уладзіміра Арлова і Алеся Аркуша. Былі адзначаны на выставе і дароўныя надпісы ад выдавецтваў «Кніжны Дом» і «Амалфея», рэдакцыі часопіса «ARCHE», Міністэрства інфармацыі Рэспублікі Беларусь. Наведвальнікі музея таксама маглі пакінуць свой аўтограф – свае ўражанні ад музея, свае пажаданні – у імправізаванай кнізе водгукаў, якая знаходзілася на выставе.

Дароўны надпіс можна пакінуць не толькі на кнізе, але і на календары, часопісе, газеце, як гэта зрабіла, напрыклад, вядомая паэтка, ураджэнка Полаччыны, Іна Снарская: *«Музею Беларускага кнігадруку ў Полацку ад аўтара з найлепшымі пажаданнямі. Сумую і люблю родны мой Полацк. 19.11.99 г. Палтава – Полацк»* (газета «Демократична Полтавщина», Палтава, жнівень 1994; НПГКМЗ КП17-18993). Падпісаць можна таксама і сучасную форму кнігі – аўдыякнігу: *«Музэю беларускага кнігадрукаваньня, супрацоўніцы якога ўжо даўно вартыя ордэнаў і мэдалёў. Ул. Арлоў. 11.07.2009»* (аўдыякніга «Ордэн Белай Мышы», Мінск, 2008; НПГКМЗ КП21-31334/а-б).

Сярод дароўных надпісаў, адрасаваных Музею беларускага кнігадрукавання, сустракаюцца як мінімалістычныя (пазначана: хто, каму дорыць, ці толькі хто дорыць), так і разгорнутыя надпісы (фіксуецца нагода і час дарэння, характар узаемаадносін, могуць утрымлівацца самыя розныя звесткі);

прычым яны могуць быць не толькі празаічныя, але і ў вершаванай форме. Сярод апошніх хочацца вылучыць дароўны надпіс Міхася Скоблы (М. Скобла «Вочы Савы», Мінск, 1994; НПГКМЗ КП14-10556):

«Я аддаю сябе дазваньня
Музэю кнігадрукаваньня!
Няхай стаіць, як Калізэй,
Найлепшы ў Полацку музэй! 21.01.05 г.
Міхась Скобла».

Нездарма спецыялісты выдзяляюць жанр дароўнага надпісу як асобы жанр пісьмовай літаратурнай творчасці.

У сваіх пажаданнях аўтары кніг Музей беларускага кнігадрукавання называюць па-рознаму: «Полацкаму музею кнігавыдання...», «Музею кнігадрукавання...», «Музею-скарбніцы кніжнай...», «Храм роднай кнігі...». «Музею Кнігі ў Полацку...» падпісаў сваю кнігу і Васіль Быкаў (В. Быкаў «Ваўчыная яма», Мінск, 2001; НПГКМЗ КП17-19157): *«Музею Кнігі ў Полацку ад аўтара ямы В. Быкаў 11.VI.2002».*

Зробленыя на памяць Музею беларускага кнігадрукавання дароўныя надпісы – своеасаблівы летапіс яго жыцця, яго дзейнасці. Такія пісьмовыя сведчанні прадстаўляюць несумненную цікавасць, перш за ўсё для гісторыі музея, дабаўляюць невядомыя раней факты да біяграфій дарыльшчыкаў, адлюстроўваюць рэаліі часу. Дароўныя надпісы ў адрас Музея беларускага кнігадрукавання дэманструюць адносіны да яго грамадства, сведчаць пра вядомасць і прэстыж музея ў розныя перыяды яго існавання, паказваюць яго значэнне ў культурным жыцці краіны.

ЛІТАРАТУРА

1. **Рейтблат, А. И.** К социологии инскрипта / А. И. Рейтблат // Писать поперек / А. И. Рейтблат. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – С. 157–165.

2. **Шола, Т. С.** Мнемософия: эссе о науке публичной памяти / Т. С. Шола // ИКОМ России, ГМЗ «Ростовский кремль». – Ростов Великий, 2017. – 320 с.

Артемёнок А.Е. *(г. Витебск)*

ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ МУЗЕЙНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-ПРОЕКТОВ НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА «НАГРАДЫ СТРАН МИРА В ЭКСПОЗИЦИИ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ЧАСТНОГО КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ» (2020–2021)

Роль музеев за последнее десятилетие сильно изменилась. Сегодня в глазах посетителя этот институт культуры воспринимается не только в роли

выставочного пространства. Современному музею необходимо создать среду, комфортную и доступную для самых разных групп посетителей, искать новые формы работы и всегда оставаться на связи. Все чаще научные сотрудники музеев ориентируются не только на создание экспозиций и выставок, проведение экскурсий в их классическом понимании, а разрабатывают интерактивные занятия и экскурсии, квесты. Одной из новых форм работы с посетителем также является реализация музейно-образовательных интернет-проектов в социальных сетях.

Сегодня восприятие информации «через экран», пожалуй, самый популярный способ коммуникации. Люди ежедневно фотографируют, записывают на видео интересующие их вещи. Визуальные образы намного информативнее и уже привычнее для посетителя, а возможность поделиться информацией, которую пользователь сети Интернет увидел на странице музея в социальной сети, создает эффект открытости музейного пространства. Благодаря работе в сети Интернет музей может создать или укрепить свой имидж, увеличить количество посетителей, исследовать аудиторию, оперативно информировать посетителя о новых событиях, выставках, занятиях и т. д.

Таким образом, социальные сети должны стать постоянным спутником музеев, ведь они являются одним из самых полезных и эффективных каналов распространения информации, популяризации музейных предметов. Важно понимать, что музею необходимо иметь свой официальный аккаунт во всех социальных сетях, которые сегодня популярны, так как каждая из них имеет свою целевую аудиторию. Это сети «ВКонтакте», «Одноклассники», Facebook, Instagram.

Стратегия работы с социальными сетями может стать полезным инструментом, который поможет эффективно использовать ресурсы для достижения поставленных задач [3]. Следовательно, разработка и реализация интернет-проектов актуальна как никогда. Однако в данном случае важно помнить, что музей является учреждением культуры и одним из инструментов образовательной системы. Работа с посетителем должна строиться не только с учетом визуального восприятия и «красивой картинки», но и обязана направлять это восприятие, ориентируя на ценности и актуальные темы.

Научными сотрудниками Музея истории частного коллекционирования филиала УК «Витебский областной краеведческий музей» (МИЧК) разработан ряд музейно-образовательных интернет-проектов, которые были успешно реализованы на официальных страницах в социальных сетях в 2016–2021 гг.:

- «Этот день в истории» (на основе коллекции памятных медалей из собрания И.Д. Галькевича), 2016–2017 гг. Всего 54 публикации.
- «История в зеркале медали» (на основе коллекции памятных медалей из собрания И.Д. Галькевича), 2018 г. Всего 42 публикации.
- «Аверс и реверс истории» (на основе нумизматического собрания, представленного в экспозиции МИЧК), 2018–2020 гг. Всего 65 публикаций.

• «О подвигах, о славе! Российская империя» (на основе коллекций фалеристики из собраний И.Д. Галькевича и А.Р. Бродовского), 2019 г. Всего 18 публикаций.

• «Скульптурные истории» (на основе коллекций скульптуры из собраний И.Д. Галькевича и В.П. Федоровича), 2020 г. Всего 8 публикаций.

• «Оставайтесь дома. Музейный алфавит» (на основе предметов из коллекций В.П. Федоровича, А.Р. Бродовского и И.Д. Галькевича), 2020 г. Всего 44 публикации.

• «Награды стран мира в экспозиции МИЧК» (на основе коллекций фалеристики из собраний И.Д. Галькевича и А.Р. Бродовского), 2020–2021 гг. Всего 31 публикация.

На примере проекта «Награды стран мира в экспозиции МИЧК» мы представим основные этапы разработки и реализации подобных новых форм взаимодействия с посетителем.

Начальный этап. На начальном этапе определяются главная идея проекта, его цели и задачи. Цель интернет-проекта «Награды стран мира в экспозиции МИЧК» – познакомить подписчиков (потенциальных посетителей) с предметами из фондов Витебского областного краеведческого музея. В ходе работы нами были поставлены следующие задачи: повышение культурного уровня жителей и гостей города, популяризация музеев и воспитание музейной культуры, привлечение посетителей.

Подбор музейных предметов. На данном этапе определяется, какой контент будет лучше всего отвечать целям и задачам музея по профилю его деятельности. Нами были выбраны предметы фалеристики из собраний И.Д. Галькевича и А.Р. Бродовского, представленные сегодня в экспозиции МИЧК. По возможности отбирались самые зрелищные музейные предметы с интересной историей, которые могли бы привлечь внимание подписчиков. В ходе реализации проекта были подготовлены публикации о наградах Пруссии, Австро-Венгрии, Германии, Франции, Румынии, Болгарии, Сербии, Латвии, Польши, Эстонии, Испании, странах Востока (Японии, Китая и марионеточного государства Манчжоу-Го).

Составление контент-плана. Суть данного этапа заключается в составлении графика публикаций в рамках проекта. Сотрудникам музея необходимо заранее спланировать контентную стратегию на основании интересов целевой аудитории, продумать частоту публикаций, их стилистику и даже время опубликования в сети [1]. Публикации в рамках проекта «Награды стран мира в экспозиции МИЧК» размещались 1-2 раза в месяц и дублировались на страницы музея в «ВКонтакте», «Одноклассники», Facebook, Instagram с целью увеличить вовлеченность подписчиков. Всего за 2 года был подготовлен 31 пост.

Этап разработки контентной стратегии. Тут немаловажно учитывать качественный визуал страницы – общее впечатление о профиле музея в со-

циальной сети. Это сочетание оттенков, стиля и главной идеи страницы. Визуально красивые профили привлекают другие аккаунты, которые в свою очередь делают репосты, что во много раз увеличивает количество просмотров.

Подготовка текста публикации. Следующий этап подготовки – написание текста публикации. В ходе реализации проекта изучалась специальная литература по теме поста, проводился поиск информации и источников. При написании текста публикации прежде всего учитывалось, что пост рассчитан на среднестатистического пользователя сети Интернет, подписчика музейной страницы. Это потенциальный посетитель музея, которого должен привлечь лаконичный текст, который будет легок для восприятия. Публикация включала в себя краткую информацию о музейном предмете, связанных с ним событиях либо личностях.

Подготовка визуального ряда по теме публикации. Данный этап включал в себя фотофиксацию выбранного музейного предмета, дальнейшую работу с изображением – обрезку, корректировку и т. д. Однако некоторые музейные предметы имеют не совсем хорошую сохранность, что портило бы визуал страницы музея в сети. В связи с этим проводилась работа по поиску максимально идентичного изображения. Зачастую к публикации, помимо фотографии самого предмета, добавлялся и дополнительный визуальный ряд. К примеру, портрет правителя, учредившего награду.

Интерактивный момент. Геймификация. После подготовки текста и визуального ряда публикации продумывались интерактивные моменты, которые помогли бы привлечь и заинтересовать подписчика музейной страницы. Для некоторых публикаций подбирались аудиозаписи. К примеру, к посту от 12.11.2020 г. о польской медали «Заслуженным на поле Славы» была подобрана аудиозапись «Баллада о танкистах» из телесериала «Четыре танкиста и собака». Дело в том, что в эпизодах этого известного сериала можно увидеть медаль «Заслуженным на поле Славы».

На данном этапе разработки проекта можно применить инструмент геймификации – это маркетинговый инструмент, представляющий собой использование игровых механизмов для вовлечения аудитории [5]. Посты с элементами геймификации набирают больше просмотров и откликов. К примеру, алгоритм сети Instagram видит интересный контент и сам начинает предлагать его пользователям. Во многом именно игровые элементы вовлекают людей, в нашем случае знакомят подписчиков аккаунта с музейным предметом. Особенно эффективно геймификация действует на современное поколение, которое активно пользуется гаджетами. В музейной публикации такими игровыми элементами могут стать опросы и голосования.

Кроме этого, в пост необходимо добавить хэштег – метку, которая используется для распределения публикаций по темам в социальных сетях и блогах. Помечая свои сообщения хэштегом, мы даем подписчику возмож-

ность найти тематическую информацию с помощью поиска. Этот способ маркировки поможет структурировать информацию и потенциально увеличить посещаемость страниц музея. Внешне хэштеги выглядят как слово или несколько слов, перед которыми стоит символ «#» [2]. Например, #фалеристика, #награды_стран_мира_в_МИЧК. Решетка превращает слово или фразу в ссылку. Если кликнуть по этой ссылке, можно просмотреть все сообщения, помеченные данным хэштегом.

С целью увеличения охватов и вовлеченности подписчиков, можно дополнительно продублировать публикацию в раздел «Сторис» – отдельную ленту фотографий и видео, которая исчезает через 24 часа.

Подведение итогов. Завершающий этап реализации музейно-образовательного интернет-проекта – подведение итогов. Анализируя охваты публикаций, количество просмотров и оценок, можно проследить интересы подписчиков. Это позволит в будущем создавать новые интересные проекты, которые будут востребованы. В ходе реализации проекта «Награды стран мира в экспозиции МИЧК» нами было замечено, что пользователи с удовольствием принимают участие в опросах и голосованиях.

Сегодня музею необходимо адаптироваться к тем реалиям, которые диктует ему современное общество, в частности – предлагать те услуги и проекты, которые ожидаются от него посетителями. Реализация подобных музейно-образовательных интернет-проектов предоставляет институту культуры возможность бесплатного расширения своего пространства. При этом, естественно, не нужно забывать о качественном выполнении традиционных функций – сборе, хранении, изучении экспонатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бокова, В.** Как построить SMM-стратегию: пошаговый план продвижения в социальных сетях [Электронный ресурс] / В. Бокова. – 2021. – Режим доступа: https://texterra.ru/blog/kak-postroit-smm-strategiyu-poshagovyy-plan-prodvizheniya-v-sotsialnykh-setyakh.html. – Дата доступа: 16.10.2021.

2. **Вердыш, Р.** Что такое хэштег и как им пользоваться [Электронный ресурс] / Р. Вердыш. – 2021. – Режим доступа: https://acades.by/blog/chto-takoe-hashtag-i-kak-pravilno-im-polzovatsya. – Дата доступа: 19.10.2021.

3. **Михайлова, А. В.** Российские музеи в социальных сетях изнутри и снаружи [Электронный ресурс] / А. В. Михайлова. – 2016. – Режим доступа: http://mart-museum.ru/mart_articles/smm-in-russia. – Дата доступа: 20.10.2021.

4. **Ноль, Л. Я.** Информационные технологии в деятельности музея / Л. Я. Ноль. – Москва : РГГУ, 2007. – 204 с.

5. **Юркина, Е.** Геймификация в «Инстаграме»: игра за внимание клиента [Электронный ресурс] / Е. Юркина. – 2020. – Режим доступа: https://www.openbusiness.ru/biz/business/gamification-instagram/. – Дата доступа: 20.10.2021.

Барановский А.Л. *(г. Минск)*

ПРОЕКТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ БЕЛАРУСИ «БЕЛОРУССКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ В ЛИЦАХ: БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК». ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К СЛОВНИКУ: УРОЖЕНЦЫ ВИТЕБЩИНЫ

В конце 2020 г. Национальная библиотека Беларуси (НББ) приступила к реализации научно-исследовательской работы (НИР), одним из практических результатов которой должен стать выпуск научно-справочного издания, посвященного персональному составу белорусской библиографии за весь период ее развития (от истоков до настоящего времени). Рабочий материал готовится на основе обширного круга печатных, архивных, музейных источников и данных анкетирования. Основой для выполнения исследования послужили перспективные и ежегодные планы НББ, а также планы работы соответствующих структурных подразделений библиотеки и тех учреждений науки и культуры, с которыми осуществляется сотрудничество в рамках проекта.

Для осмысления исторического пути, пройденного отечественной библиографией, представляется весьма важным и актуальным выявить с максимальной полнотой, обобщить, собрать в едином массиве сведения о лицах, которые внесли весомый вклад в ее развитие. Подобная информация сегодня рассеяна по многочисленным источникам – как печатным, так и электронным, а также архивным. При этом до сих пор не проводилось какого-либо обобщающего научного исследования по данной проблематике, не анализировался персональный состав белорусской библиографии за достаточно длительный период; комплексного же электронного ресурса или печатного издания пока не существует.

Предметом исследования являются личности, принимавшие/принимающие участие в создании библиографической продукции, организации библиографической деятельности, ее технологическом и методическом сопровождении, в разработке теоретических проблем библиографии, а также занятые в системе библиотечно-библиографического образования. В список персон вошли не только люди, имевшие/имеющие непосредственное отношение к библиографии и библиотечному делу, но и представители других отраслей и сфер деятельности. Среди них – общественно-политические, религиозные деятели, военные, издатели, ученые, педагоги, медики, литераторы, историки, краеведы и др. В отношении территориальных границ включена информация о лицах, работающих как в Беларуси, так и за ее пределами (представители белорусской диаспоры, иностранные авторы/составители библиографической продукции белорусоведческого характера и т. д.).

Процесс реализации проекта обусловил решение широкого круга задач:

– обоснование и уточнение критериев отбора персоналий для включения в ресурс;

– разработка стратегии поиска информации и круга источников для выявления необходимых сведений;

– подготовка перечня персон, занимавшихся библиографической деятельностью в соответствии с определенными критериями;

– разработка структуры биографической справки (биограммы);

– создание массива биографических справок в соответствии с подготовленным перечнем для печатного издания «Беларуская бібліяграфія ў асобах»;

– подготовка научно-справочного аппарата к массиву справок (предисловие, вспомогательные указатели и др.);

– популяризация результатов проекта в профессиональной, научной и учебно-образовательной среде.

Работа по выявлению и довыявлению персон библиографии имеет по сути своей исследовательский характер и требует просмотра и анализа значительного количества источников. При отборе персоналий используются принципы историзма и объективности. Объем каждой биобиблиографической справки индивидуален (в зависимости от степени известности персоны и наличия источников информации), но в каждом конкретном случае составители придерживаются определенной структуры и последовательности фактографических данных. Примерный состав итоговой справки (биограммы): фамилия, имя, отчество, годы жизни, место рождения/смерти персоны; образование; место/места работы, должности, звания; вклад в развитие библиографии Беларуси. Материал должен быть лаконичным и информативным, биографические сведения – общими по характеру, как правило, достаточно краткими. Основной упор делается на библиографическую составляющую в деятельности каждой персоны, которая зачастую выявляется путем дополнительных разысканий.

В процессе работы над проектом членами рабочей группы был составлен перечень учреждений-информантов, определена источниковая база исследования, привлечены ранее неизвестные документы и материалы Национального архива Республики Беларусь, Центрального научного архива НАН Беларуси, архивов Национальной книжной палаты Беларуси, НББ, областных библиотек, а также иных книгохранилищ Беларуси и России. Для сбора, дополнения и уточнения данных были разосланы подготовленные анкеты, частично используются формы устного опроса, консультации коллег, ученых. Во время проведения НИР постоянно расширяется как перечень источников, так и круг выявленных персон, а также осуществляется уточнение фактографических данных. На 1 ноября 2021 г. база данных составила 1545 биограмм.

Материалы, созданные в рамках проекта, позволят существенно дополнить электронные информационные ресурсы НББ (Национальная база данных авторитетных источников, «Ученые Беларуси», «Беларусь в лицах и событиях», «Библиотечное дело в Беларуси») в соответствии с требованиями данных ресурсов.

Справочное издание «Беларуская бібліяграфія ў асобах» должно занять свою нишу в отечественной печатной продукции фактографического (персонального) характера. Пособие будет полезным специалистам в области библиографии и библиотечного дела (преподавателям, аспирантам, студентам, библиотекарям-практикам и библиографам-практикам), заинтересует специалистов в области истории и специальных исторических дисциплин, архивоведения, издательского дела, краеведов, а также широкий круг пользователей. Результаты работы послужат основой для дальнейших библиографоведческих и междисциплинарных исследований.

Актуальность проекта состоит еще и в том, что работа ведется накануне 100-летия главной библиотеки страны. Подготовленный в результате исследования информационный массив станет дополнением к другим библиотечным проектам и мероприятиям, осуществляемым в рамках подготовки к юбилею. Среди других ожидаемых результатов – расширение научных знаний о субъектах белорусской библиографии; обобщение и структуризация биобиблиографических материалов, представление их в едином комплексе и введение в научный оборот.

Предусматриваются активная популяризация результатов исследований, подготовка научных статей и докладов, проведение мероприятий. Так, 7 июля 2021 г. в НББ состоялся семинар-диалог «Библиография в биографиях: встреча профессионалов», посвященный работе над проектом «Беларуская бібліяграфія ў асобах». В нем приняли участие представители республиканских и областных библиотек, библиотек учреждений высшего образования, Национальной книжной палаты Беларуси. Специалисты поделились опытом и результатами своей работы, обозначили проблемы и перспективы, высказали пожелания и предложения. В научно-популярном журнале «Край Смоленский» была помещена статья главного библиографа научно-исследовательского отдела библиографии НББ А.Л. Барановского «Проект Национальной библиотеки Беларуси “Белорусская библиография в лицах: биобиблиографический справочник”. Уроженцы и жители Смоленщины» [2]. Запланирован также ряд публикаций в белорусских и российских научных изданиях.

В краткой форме в алфавитном порядке представлены подготовительные материалы к словнику биограмм – выборка по 146 уроженцам Витебщины, которая, надеемся, будет интересна не только представителям данного региона (Дадатак 14).

ЛИТЕРАТУРА

1. **Аб ходзе** выканання навукова-даследчай работы «Беларуская бібліяграфія ў асобах» : даведка да пытання на пасяджэнні Вучонага савета 07.09.2021 [Машынапіс] / Нацыянальная бібліятэка Беларусі ; [Н. В. Лобач, Т. В. Кузьмініч]. – Мінск, 2021. – 4 с. – Текущий архив Национальной библиотеки Беларуси.

2. **Барановский, А. Л.** Проект Национальной библиотеки Беларуси «Белорусская библиография в лицах : биобиблиографический справочник». Уроженцы и жители Смоленщины / А. Л. Барановский // Край Смоленский (Смоленск). – 2022. – № 2. – С. 45–50 : фот.

3. **Семинар-диалог** «Библиография в биографиях: встреча профессионалов» (7 июля 2021 г. в Национальной библиотеке Беларуси прошло мероприятие, посвященное работе над проектом «Беларуская бібліяграфія ў асобах») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nlb.by/content/news/national-library-of-belarus/seminar-dialog-bibliografiya-v-biografiyakh-vstrecha-professionalov/. – Дата доступа: 16.04.2022.

4. **Тэхніка-эканамічнае** абгрунтаванне навукова-даследчай работы (НДР) «Беларуская бібліяграфія ў асобах» (2021–2022 гг.) [Машынапіс] / Нацыянальная бібліятэка Беларусі ; [падрыхт.: У. І. Градоўкіна, Н. В. Лобач ; узгодн. Т. В. Кузьмініч]. – Мінск, 2020. – 6 с. – Текущий архив Национальной библиотеки Беларуси.

Ганслингер Д.А. *(г. Смоленск, Россия)*

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ А.Т. ТВАРДОВСКОГО – ВИРТУАЛЬНЫЙ И РЕАЛЬНЫЙ

Библиотека им. Александра Трифоновича Твардовского существует как библиотечная организация 190 лет, но обосновалась по своему нынешнему адресу – в бывшем доме Купеческого собрания – относительно недавно, в 1925 г., и называлась в тот период Губернской библиотекой им. В.И. Ленина. Именно тогда, в начале ее деятельности при Советской власти, библиотеку посещал будущий выдающийся поэт Александр Твардовский. Он посещал читальный зал библиотеки с 1928 по 1936 г., в период своей работы корреспондентом «Рабочего пути» и учебы в Смоленском педагогическом институте им. Карла Маркса, пока окончательно не переехал жить и работать в Москву.

С учетом изложенного выше, неудивительно, что в 2006 г. Смоленская областная Дума одобрила присвоение Смоленской областной универсальной библиотеке им. В.И. Ленина нового имени – Александра Трифоновича Твардовского. Но еще до этого события, в 2005 г., библиотекой была организована ежегодная научно-практическая конференция, посвященная памяти поэта – Твардовские чтения. Чтения приурочены к годовщине смерти Твар-

довского (17 декабря) и направлены на изучение и популяризацию его творчества. Доклады выступающих, как местных, так и жителей иных городов и стран, публикуются в печатных сборниках.

В дни работы XII Твардовских чтений в декабре 2016 г. в одном из помещений четвертого этажа библиотеки, где ранее располагался общий литературный музей, посвященный творчеству смоленских писателей и поэтов, начал свою деятельность литературный музей Александра Твардовского. Несмотря на то, что музей был посвящен не личности, а литературному наследию поэта, в экспозицию в первую очередь были включены копии уникальных документов из Государственного архива Смоленской области, касающихся семьи Твардовских. Это метрические записи о рождении родителей Александра Твардовского – Марии Митрофановны и Трифона Гордеевича, их женитьбе, смерти деда поэта Гордея Васильевича. Сюда же относятся и телеграмма о смерти Марии Митрофановны и фото Твардовского на ее похоронах, копии первой публикации поэта в «Смоленской газете», приказы о его награждениях и письма в качестве редактора «Нового мира». Многие материалы, особенно фотографии и семейная переписка, поступили из личных коллекций смоленских краеведов и людей, близко знакомых с семейством Твардовских. В музее хранятся как рукописные копии, так и подлинники переписки Александра Твардовского с женой Марией Илларионовной, сестрами, братьями, друзьями и коллегами по писательской деятельности. Сохранилось и множество газетных вырезок того времени с публикациями и фотографиями Твардовского. Часть помещения музея оформлена под рабочий кабинет поэта – то, как он выглядел в редакции «Нового мира», – с использованием аутентичных предметов обстановки: стола, стула, настольной лампы, пепельницы и печатной машинки.

И все же основную экспозицию музея составляют произведения поэта. Представленные в нем издания – от самой первой вышедшей в печать отдельной карманной книжки о Василии Тёркине, выпущенной в Казахской ССР в военные годы, до новейших сборников избранных стихов, изданных в последние годы. В целом книжная секция музея весьма разнообразна – в ней помимо стихов и поэм самого Твардовского имеются издания, посвященные его биографии, и произведения, в которых исследуется творческий путь советского поэта. Переиздания самого известного произведения Александра Трифоновича – поэмы «Василий Тёркин» – занимают в этой секции свое отдельное место.

Несмотря на реорганизацию музея с целью посвящения его литературному наследию одного автора, в нем имеется и экспозиция, посвященная личности, входящей в число друзей Александра Твардовского. Это витрина с предметами увековечения памяти белорусского писателя, поэта, переводчика и драматурга Якуба Коласа, подтверждения его личных и творческих связей с Твардовским, такие как копии поздравительных телеграмм и писем.

Многие из представленных экспонатов были переданы библиотеке из Государственного литературно-мемориального музея Якуба Коласа в Минске.

В 2019 г. началась работа над переводом музея и в виртуальное пространство. В апреле 2020 г. по результатам конкурса, проведенного в 2019 г., библиотеке был присужден грант Президента Российской Федерации для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства на осуществление проекта по созданию виртуального музея «Дорогами А.Т. Твардовского». Этот музей, созданный усилиями сотрудников библиотеки, уже существует и доступен в сети Интернет для всех желающих.

Виртуальный музей не только вмещает электронные копии материалов, представленных в экспозиции литературного музея, но и предлагает к просмотру материалы, доступ к которым возможен лишь в цифровом пространстве. Структура виртуального музея представлена одиннадцатью тематическими залами:

1. **Зал биографии.** Помимо официальной хроники жизни Александра Твардовского в нем содержится его автобиография и перечень всех государственных и литературных наград и премий поэта.

2. **Электронная библиотека.** Обеспечивает доступ ко всем оцифрованным изданиям Смоленской областной универсальной научной библиотеки им. А.Т. Твардовского.

3. **Смоленщина Твардовского.** Зал содержит документальный фильм, посвященный связанным с поэтом местам Смоленщины. Фильм создан сотрудниками библиотеки.

4. **Зал архивных документов.** Предоставляет доступ к имеющимся в музее цифровым копиям документов из Государственного архива Смоленской области и личных архивов дарителей.

5. **Фотогалерея.** В этот зал вошли оцифрованные фото семьи Твардовских, фотографии из книг, газет и журнальных статей, а также копии с фотопленки из архива сослуживца А. Твардовского Василия Ивановича Аркашева, белорусского фотокорреспондента.

6. **Зал мультимедиа.** В этот зал вошли ссылки на видео- и аудиоматериалы (фильмы, спектакли, теле- и радиопередачи, песни), созданные по мотивам произведений А. Твардовского или посвященные его биографии и изучению творчества.

7. **Зал лауреатов премии им. А.Т. Твардовского.** В хронологическом порядке представлены все лауреаты литературной премии Администрации Смоленской области им. А.Т. Твардовского, которая вручается с 1995 г. писателям, литераторам и журналистам, внесшим большой вклад в изучение творческого наследия поэта или создавшим созвучное его творчеству высокохудожественное произведение.

8. **Зал Твардовских чтений.** Собран перечень всех вышедших в свет сборников Твардовских чтений, проводящихся с 2005 г. В зале виртуального музея также представлены страницы с оглавлением каждого сборника.

9. **Зал литературного героя – Василия Тёркина.** Данный зал содержит не только информацию о том, как создавался и развивался образ одного из самых узнаваемых персонажей советской литературы, но и дает возможность просмотреть фотографии памятников, посвященных Василию Тёркину. Также зал располагает иллюстрациями к разным изданиям «Василия Тёркина», имеющимся в фонде библиотеки.

10. **Зал увековечения памяти поэта.** В этом зале собраны изображения всех памятников, скульптур, барельефов и бюстов, посвященных А.Т. Твардовскому, а также дан перечень и фотографии названных в честь поэта школ, библиотек, музеев и улиц. Отдельно выделены памятные конверты, медали и другие объекты, носящие имя А. Твардовского.

11. **Зал виртуальных выставок и экскурсий.** Данный зал дает возможность дистанционно взглянуть на экспозицию музея в целом благодаря виртуальной экскурсии по его помещению, а также посредством представленных виртуальных выставок ознакомиться с книгами о жизни Твардовского, прижизненными изданиями его произведений, имеющимися в фондах библиотеки, и просмотреть несколько видео, посвященных малой родине поэта – Загорью.

В настоящее время планируется дополнять экспозицию виртуального музея иными материалами, имеющимися в распоряжении библиотеки, после их оцифровки, чтобы превратить его в максимально полный, всеобъемлющий ресурс по изучению жизни и творчества Александра Твардовского. Предусмотрена работа над дальнейшим расширением зала виртуальных экскурсий с целью наиболее подробного освещения смоленского периода жизни поэта, поскольку цифровое пространство предоставляет широкие возможности для современного музейного дела и краеведения, особенно в отношении их популяризации среди молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Виртуальный** музей «Дорогами А. Т. Твардовского» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://smolensklib.ru/tward2/. – Дата доступа: 06.04.2022.

2. **Смоленская** областная универсальная научная библиотека им. А. Т. Твардовского» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.smolensklib.ru/. – Дата доступа: 06.04.2022.

Гаркуша И.П. *(г. Витебск)*

О МЕСТАХ НАХОДОК КОСТНЫХ ОСТАНКОВ МАМОНТОВ (по материалам Витебского областного краеведческого музея)

О млекопитающих прошлого мы знаем по окаменелостям – костным останкам животных, которые сохранились в верхних слоях земли. Такие находки обнаружены на территории Беларуси более чем в 200 пунктах. Особенно многочисленны среди них останки мамонтов, бивни, зубы и кости, которые можно встретить практически во всех музеях Республики Беларусь. Не исключением является и Витебский областной краеведческий музей (ВОКМ).

Остеологическая коллекция ископаемых хоботных музея насчитывает 128 костных останков мамонтов разной сохранности. Это зубы, бивни, кости черепа, позвоночника, плечевого и тазового пояса, а также передних и задних конечностей.

Довоенное собрание коллекции представлено 36 костями скелета, 2 зубами и 2 обломками бивней. Информация о большей части остеологического материала этого периода утрачена. История поступления или место находки известны только у 14 предметов.

Из музея Витебской ученой архивной комиссии поступили обломок бивня и фрагмент костей таза мамонта, который был найден недалеко от Богушевска Сенненского уезда Могилевской губернии (Сенненский район, Витебская область) при строительстве в 1868 г. Витебско-Жлобинского участка Риго-Орловской железной дороги [17, л. 29]. Еще один обломок бивня поступил из эвакуированного в Витебск музея Виленского военного собрания [17, л. 31].

Позвонок, фрагменты зуба, лопатки и двух ребер нашли на берегу р. Западная Двина в д. Крыжи Старосельской волости Витебского уезда (Витебский район, Витебская область): «На лопатке крестьянки стирали и выколачивали белье» [17, л. 25].

Несколько позже при добыче известковой породы в д. Горки Бешенковичского района Витебского округа (с 1938 г. – Витебской области), были найдены обломки коренного зуба мамонта [17, л. 23]. На чердаке сарая в имении Адаменки (Лиозненский район, Витебская область) были обнаружены лопатка и четыре крупные кости передних и задних конечностей [17, л. 25].

С 1946 по 2006 г. в остеологическую коллекцию ископаемых хоботных поступило 88 костных останков мамонтов. Из них 87 – 25 зубов, 26 бивней и 37 костей скелета – найдены на территории семи районов Витебской области: Полоцкого, Городокского, Лиозненского, Дубровенского, Толочинского, Оршанского и Витебского. Все костные останки данного периода поступления, за исключением одного зуба мамонта, были переданы ВОКМ в дар.

Из карьера «Боровица» Полоцкого района в 1959 г. в фонды музея поступил фрагмент зуба. В 1971 г. – фрагмент бивня, найденный в песке, привезенном из карьера д. Мариамполь Городокского района [6, л. 88 об.].

В 1955 и 1978 гг. в карьерах д. Выдрея и д. Адаменки Лиозненского района были найдены зуб и бедренная кость мамонта. Зуб был обнаружен при рытье карьера в колхозе «Большевик» Выдрейского с/с [3, л. 181 об.]. Бедренная кость молодой особи мамонта – на глубине 1,5 м в карьере, расположенном в 2 км от дороги Лиозно – Ковали [9, л. 147 об.].

С территории Дубровенского района в фонды музея поступили фрагменты трех бивней, позвонка и челюсти. Фрагменты бивней и позвонка были обнаружены в карьере д. Стражево (2006) [16, л. 47–48], фрагмент нижней челюсти мамонта с сохранившимся коренным зубом – на глубине 6 м в карьере по дороге Дубровно – Витебск (1971) [7, л. 16 об.].

В сельских населенных пунктах Толочинского района были найдены грудной позвонок и фрагменты двух зубов. Грудной позвонок мамонта был обнаружен в 1973 г. на глубине 6 м в мелиоративной канаве в 800 м от д. Аленовичи [7, л. 137 об.]. А найденные в октябре 1946 г. на берегу р. Кривая в д. Реучье Волковичского с/с фрагменты двух зубов мамонта считаются самыми первыми остеологическими находками на территории Витебской области, поступившими в фонды музея после Великой Отечественной войны [3, л. 49 об.].

С карьеров Орши и ее окрестностей (3–9 км от города) в фонды музея поступило 4 зуба, фрагмент бивня и 4 кости мамонта. В 1953 г. в балластном карьере, в 3 км от Орши, был найден коренной зуб. Обнаружили эту находку на железнодорожной станции Замосточье Богушевского района, куда она вместе с балластом была привезена [3, л. 22 об.].

В 1958 г. второй зуб мамонта (в виде фрагмента) был найден на глубине 4 м в другом карьере, расположенном в 6 км от Орши. Фрагменты третьего зуба были обнаружены на берегу р. Днепр возле д. Шугайлово в 7 км от Орши [15, л. 86 об.]. Четвертый зуб мамонта, найденный в 1993 г. на территории Оршанского лесхоза, поступил в музей в августе 2008 г.

В 1958 г. фонды музея пополнились костными останками мамонтов из карьеров д. Пашино и п. г. т. Копысь. На окраине д. Пашино (в 9 км от нее) в карьере были найдены второй шейный позвонок и фрагмент бивня. В Копысском гравийном карьере были обнаружены фрагмент костей таза (с суставной впадиной), локтевая кость и единственная в коллекции вторая фаланга пальца [4, л. 116 об.].

Больше всего костных останков мамонтов поступило в фонды ВОКМ с территории Витебского района. 16 зубов, 21 бивень и 29 костей скелета были найдены в 8 населенных пунктах: п. г. т. Сураж, д. Кашино, Курино, Шапечино, Дыманово, Княжица, Куковячино и Старое Село.

Три зуба мамонтов в п. г. т. Сураж (1950 и 1957 гг.) [4, л. 43 об.; 12, л. 325; 15, л. 86 об.] и один зуб в д. Кашино (1966) [15, л. 86 об.] были обнаружены на берегу р. Западная Двина.

В карьерах д. Курино и ее окраин (3 км от деревни), находящихся в 200 и 500 м от р. Западная Двина, на глубине 4 и 8 м были найдены фрагменты лопатки (1981) [10, л. 174 об.] и двух бивней (1980 и 1981 гг.) [9, л. 278 об.; 10, л. 174 об.].

С гравийного карьера д. Дыманово в музей поступил зуб молодой особи мамонта (1950) [15, л. 86 об.].

В д. Шапечино фрагмент бивня был поднят с глубины 28 м. Его нашли возле животноводческой фермы в гравийно-галечных отложениях при бурении скважины для воды в 1959 г. [8, л. 267 об.].

В д. Княжица на левом берегу р. Западная Двина в 1947 г. был найден фрагмент костей таза мамонта [2, л. 201 об.].

Аналогичный обломок кости передал в музей шофер завода им. Коминтерна (Витебск) в 1975 г., обнаруживший находку в песке, привезенном на территорию завода с берега р. Западная Двина д. Старое Село [8, л. 2 об.].

В 1989 г. зуб мамонта был обнаружен в глине, привезенной в д. Куковячино из карьера, расположенного в окрестностях деревни [13, л. 37 об.].

За период с 1946 по 2017 г. в фонды ВОКМ поступило 9 зубов, 18 бивней и 26 костей мамонтов из разных районов Витебска и его окрестностей.

Самое большое количество поступлений было из карьера «Гралево» ВПО «Доломит» (ОАО «Доломит»). При проведении вскрышных работ с глубины 15–17 м на поверхность были подняты 17 бивней и 19 костей разной сохранности: нижняя челюсть, 5 обломков ребер, 6 позвонков, с сохранившимися на некоторых из них остистыми отростками, лопатка и 6 костей передних и задних конечностей. Из них молодой особи мамонта принадлежали 2 кости передних конечностей (плечевая и лучевая), а также нижняя челюсть с сохранившейся сменой зубов [10, л. 228 об. – 229 об.; 15, л. 86 об.].

Кроме карьера «Гралево» костные останки мамонтов были найдены на территории микрорайонов Орехово, Тарный, ДСК, Марковщина, Мишково, ул. Бебеля и ул. Велижской, на берегах р. Западная Двина в районе парка им. Советской Армии и ул. Чехова.

С территории юго-западной части Витебска – микрорайонов Орехово, Тарный, ДСК и Марковщина – в фонды музея поступило 6 зубов, 1 позвонок, фрагменты бивня и нижней челюсти.

Основными местами находок были карьеры ДСК. В песчаных отложениях этих карьеров на глубине от 2 до 12 м были найдены 4 зуба разной сохранности (1956, 1957) [3, л. 258 об., 263 об.; 4, л. 23 об., 228 об.] и резцовая часть нижней челюсти мамонта (1956) [3, л. 265 об.].

Еще один зуб мамонта был найден в микрорайоне Орехово в карьере по добыче песка и гравия завода Треста «Индустрой № 2» (1955) [15, л. 86 об.].

Одна из крупных находок на территории города была сделана в 1955 г. в районе ул. Бебеля. Здесь в песчаном карьере сосонника на глубине 15 м была найдена локтевая кость мамонта длиной около 70 см [3, л. 197 об.].

Остальные находки костных останков мамонтов в этой части города в разные годы были обнаружены на берегах р. Западная Двина – фрагмент бивня (микрорайон Марковщина, 1952) [3, л. 281 об.], зуб (микрорайон Тарный, 1970 г.) [6, л. 6 об.], первый шейный позвонок (микрорайон ДСК, 1996) [11, л. 73 об.].

В начале 1970-х гг. костные останки мамонтов находили на берегах р. Западная Двина и в других частях города – в районе парка им. Советской Армии и ул. Чехова. В 1970 г. в фонды музея были переданы локтевая кость и хвостовой позвонок мамонта [5, л. 190 об.], поднятые при помощи гравий-добывающей установки со дна реки в районе парка им. Советской Армии (парка «Мазурино»). Эти кости находились на глубине 5 м в 4 м от берега. Еще одна находка – верхняя челюсть мамонта с сохранившимися коренными зубами [7, л. 73 об.] – была найдена в реке (на глубине 5 м) в окрестностях этого парка в 1972 г.

В 1973 г. жителем города был передан в музей небольшой фрагмент бедренной кости мамонта, найденный на берегу р. Западная Двина в районе ул. Чехова [7, л. 149 об.].

В 1993 г. с окрестностей бывшей д. Мишково (микрорайон. Мишково) в фонды музея поступил зуб [14, л. 101 об.]. Он был обнаружен в куче песка, привезенного на строительство моста.

В 1956 и 1972 гг. в музей были переданы 2 зуба мамонта, найденные на территории города при проведении строительно-ремонтных работ. Один из них – при закладке фундамента жилого дома на правом берегу р. Западная Двина (точное место находки неизвестно) [3, л. 238 об.], второй – во время ремонта фундамента одного из частных домов по ул. Велижской (район Песковатика) в песке на глубине 0,5 м [7, л. 90 об.].

Кроме 87 костных останков мамонтов, поступивших в фонды ВОКМ в 1946–2017 гг. в остеологической коллекции ископаемых хоботных имеется один зуб мамонта, найденный в июне 1953 г. на р. Перекатун (приток Мамонтовой реки) на о. Врангеля [3, л. 23 об.] – территории, где 3500–4000 лет назад вымерли последние представители островной популяции карликовых шерстистых мамонтов Mammuthus primigenius.

Большая часть костных останков мамонтов коллекции представлена на экспозиции «Природа Витебского края».

ЛИТЕРАТУРА

1. **Витебский** областной краеведческий музей (ВОКМ). Книга поступлений предметов основного фонда № 1.

2. **ВОКМ.** Книга поступлений предметов основного фонда № 2.

3. **ВОКМ.** Книга поступлений предметов основного фонда № 4.
4. **ВОКМ.** Книга поступлений предметов основного фонда № 5.
5. **ВОКМ.** Книга поступлений предметов основного фонда № 8.
6. **ВОКМ.** Книга поступлений предметов основного фонда № 9.
7. **ВОКМ.** Книга поступлений предметов основного фонда № 10.
8. **ВОКМ.** Книга поступлений предметов основного фонда № 12.
9. **ВОКМ.** Книга поступлений предметов основного фонда № 13.
10. **ВОКМ.** Книга поступлений предметов основного фонда № 14.
11. **ВОКМ.** Книга поступлений предметов основного фонда № 21.
12. **ВОКМ.** Книга поступлений предметов основного фонда за 2019 г. КП 27047–27195.
13. **ВОКМ.** Книга поступлений предметов научно-вспомогательного фонда № 10.
14. **ВОКМ.** Книга поступлений предметов научно-вспомогательного фонда № 11.
15. **ВОКМ.** Книга поступлений предметов научно-вспомогательного фонда № 13.
16. **ВОКМ.** Книга поступлений предметов научно-вспомогательного фонда за 2017 г. Н/В 11395–11556.
17. **ВОКМ.** Научный архив. – Ф. 9. Д. 1.

Гаўрылава С.В. *(г. Полацк)*

ДА ПЫТАННЯ ПРА ФАРМІРАВАННЕ МАДЭЛІ РЭПРЭЗЕНТАЦЫІ РЭЧАІСНАСЦІ Ў КРАЯЗНАЎЧЫХ МУЗЕЯХ БЕЛАРУСІ

Правобразам сучасных краязнаўчых музеяў былі так званыя мясцовыя музеі, якія атрымалі шырокае распаўсюджанне ў другой палове XIX ст. як вынік грамадска-палітычных пераўтварэнняў, што прывялі да змены поглядаў на захаванне помнікаў старажытнасці. Першапачаткова такія музеі задумваліся як «комплексные центры сосредоточения материалов и информации местного характера» [4, с. 142]. Яны ўяўлялі сабой установы змешанага характару, якія былі прызваны збіраць, захоўваць і рэпрэзентаваць інфармацыю пра канкрэтную губерню. Акрамя таго, музеі станавіліся навуковымі цэнтрамі рэгіёнаў і сховішчамі дакументаў па іх гісторыі. Такім чынам, адна з асноўных задач правінцыйных музеяў заключалася ў спрыянні ўсведамленню чалавекам сябе як часткі свайго краю і вялікай дзяржавы.

У пачатку XX ст. ішла выпрацоўка асноўных прынцыпаў пабудовы экспазіцыі краязнаўчага музея, які яшчэ вызначалі як «мясцовы» музей ці «музей мясцовага краю». Тагачасныя музеі на месцах разглядаліся ў якасці асяродкаў па захаванні і прэзентацыі сведчанняў мясцовай духоўнай творчасці. У першыя паслярэвалюцыйныя гады такі падыход на некаторы час захаваўся. Аўтар нарыса «Местные музеи и как их устраивать» М.І. Раманаў пісаў, што «мысль, лежащая в основе местного музея, всегда одна и та

же – дать наглядную и всестороннюю картину данной местности», «так как полнота этой картины может быть достигнута только в том случае, если в ней будет выражена тесная связь местного духовного творчества с людьми, бытом и природой, среди которых развивалось это творчество, то ясно, что главная часть местного музея должна объединить в себе все наиболее характерное для природы, быта, населения и творчества данной местности или края» [5, с. 12–13].

Ідэолагі новага савецкага ладу адразу ж паставілі на мэце зламаць бар'ер, які аддзяляў музей ад жыцця, надаць яму сацыяльную функцыю, інтэграваць у сацыяльнае асяроддзе [1, с. 140]. Тэрмін «краязнаўчы музей» увайшоў ва ўжытак пасля II Усесаюзнай канферэнцыі краязнаўцаў, што адбылася ў снежні 1924 г. Тады, акрамя новага вызначэння былых мясцовых музеяў, была вызначана і іх структура: прырода, гісторыя, мастацтва, якія адлюстроўваюць здабыткі таго ці іншага краю.

Адной з задач дзейнасці краязнаўчых музеяў было навуковае апісанне сваёй тэрыторыі, чым павінны былі займацца раённыя музеі пасродкам адлюстравання ў экспазіцыях прыроды, гаспадаркі і побыту свайго раёна. Таму ў большасці музеяў меліся тры галоўныя аддзелы: прыродазнаўчы, культурна-гістарычны і грамадска-эканамічны.

Узмацненне сувязі музея і тагачаснага сацыякультурнага развіцця краіны было замацавана ў 1928 г., калі на пасяджэнні Усесаюзнага ЦВК былі вызначаны задачы музеяў: «а) магчымы ўдзел музеяў у агульным развіцці навукова-даследчай работы; б) больш шырокае і паглыбленае абслугоўванне музеямі культурна-асветніцкіх патрабаванняў працоўных мас; в) паглыбленне метадаў выяўлення калекцый для навукова-папулярызацыйных мэт у напрамку найбольшага набліжэння музеяў да патрабаванняў школьнага і прафтэхнічнага выхавання і масавага асветніцтва; г) удзел музеяў у вывучэнні прыродных і вытворчых сіл краіны; д) узмацненне музейнай работы ў культурна-гістарычнай галіне ў напрамку вывучэння рэвалюцыі, рабочага руху і побыту працоўных; е) удзел музеяў у індустрыялізацыі краіны, развіцці сельскай гаспадаркі, саматужных промыслаў; ж) удзел музеяў ва ўздыме культурнага і гаспадарчага ўзроўню адсталых народнасцей і нацыянальных меншасцей; з) удзел музеяў у рабоце па ўмацаванні абароны краіны і ажыццяўленні іншых найважнейшых задач сацыялістычнага будаўніцтва» [1, с. 116].

У снежні 1930 г. адбыўся I Усерасійскі музейны з'езд, на якім былі сфармуляваны асноўныя ідэалагічныя задачы тагачасных музеяў. У адным з агучаных на з'ездзе дакладаў (у прыватнасці, у дакладзе прафесара філасофіі І.К. Лупалы «Диалектический материализм и музейное строительство») дыялектычны матэрыялізм быў абвешчаны як адзіны навуковы метад. Рэзалюцыя з'езда замацавала задачу «не только отражения настоящего и прошлого, но и строительство будущего на основе линии коммунистической

партии», «активизировать посетителя, поставить его перед основными задачами современности и четко указать ему общий лозунг» [3, с. 665].

Судакладчыкам І.К. Лупалы выступіў музеязнаўца Н.А. Шнеерсон, які быў ініцыятарам таго, каб аддзел сацыялістычнага будаўніцтва стаў абавязковым завяршальным аддзелам экспазіцыі краязнаўчага музея, а яго задачай – «грандиозность происходящего переустройства народного хозяйства» [3, с. 701]. Пазней, у 1936 г., ён пісаў: «В истории нашего музейно-краеведческого строительства одно время (1930–1933) был весьма популярен лозунг: “С историей мы истории не сделаем”, когда от краеведческого музея требовали только показа советского строительства. В результате – богатейшие исторические коллекции выкидывались...» [3, с. 702].

На ІІІ Усебеларускай краязнаўчай канферэнцыі ў 1930 г. была агучана прапанова фарміравання новага тыпу краязнаўчага музея як «кафедры сацыялістычнага будаўніцтва». У новых раздзелах экспазіцый, якія рэпрэзентавалі сучаснасць (класавую барацьбу, узмацненне абароназдольнасці краіны, вытворча-тэхнічную прапаганду і г. д.), акцэнт быў зроблены на ілюстрацыйным і тэкставым матэрыяле, а не на аўтэнтычных прадметах. Прынятая ўслед на Усебеларускай нарадзе музейных работнікаў, што адбылася ў Мінску ў 1932 г., рэзалюцыя патрабавала перабудовы экспазіцый у адпаведнасці са зместам пастановы ЦК УКП(б) «Аб выкладанні грамадзянскай гісторыі ў школах СССР». Краязнаўчыя музеі ў максімальна кароткія тэрміны павінны былі стварыць новыя марксісцкія экспазіцыі, а ў хуткай перспектыве – перабудаваць сваю работу ў адпаведнасці з задачамі сацыялістычнага будаўніцтва.

Аўтар аднаго з артыкулаў, які выйшаў у друк з назвай «За новы музей», сцвярджаў, што «музэй, як сховішча, як крама старажытных рэчаў павінен знікнуць, уступіць месца музэю-школе, масаваму універсітэту, дзе ў ногу з усёй савецкай грамадскасцю пачнецца змаганне за новае жыцьце, за новага чалавека» [1, с. 102]. А неўзабаве краязнаўчыя музеі сталі разглядацца толькі як сродак дзіцячага выхавання, своеасаблівы жывы наглядны дапаможнік, які спрашчае засваенне школьнай праграмы, і ўсё больш набывалі ілюстрацыйны характар. У тыпавым палажэнні аб краязнаўчым музеі 1939 г. ён вызначаўся як «навукова-даследчая і палітыка-асветная ўстанова, якая дае паказ у рэчах, дакументах і мастацкіх адлюстраваннях гістарычнага працэсу, развіцця прыроды і гістарычнага грамадства» [1, с. 142–143]. У канцы 1930-х гг. музейныя супрацоўнікі павінны былі не толькі вывучаць падзеі рэвалюцыі, працоўны рух і гэтак далей, але і садзейнічаць індустрыялізацыі краіны, што выяўлялася ў адпаведнасці структуры і зместу сацыяльна-эканамічных аддзелаў краязнаўчых музеяў плану пяцігодкі.

Праблема змястоўнасці экспазіцый краязнаўчых музеяў з моманту пераўтварэння іх у інструмент прапаганды знаходзіўся пад пільным наглядам улад, якія праз адпаведныя дакументы (пастановы, загады, інструк-

цыі і г. д.) рэгламентавалі, што, як і праз што адлюстроўваць у музеі. Вызначэнне методыкі пабудовы гістарычных экспазіцый пачалося ў канцы 1940-х – пачатку 1950-х гг. Пасля Вялікай Айчыннай вайны краязнаўчыя музеі з вялікімі цяжкасцямі аднаўлялі свае экспазіцыі, пераадольваючы адсутнасць экспазіцыйных плошчаў і часта – фондавых збораў. У першыя пасляваенныя гады яны арганізоўвалі выстаўкі, прысвечаныя гераічнаму мінуламу беларускага народа, яго культуры, дзяржаўным і грамадскім дзеячам, стваралі, абнаўлялі і пашыралі аддзелы па гісторыі Вялікай Айчыннай вайны.

У нейкай ступені музейнаму будаўніцтву ў той перыяд садзейнічала выканаўчая ўлада БССР, якая звяртала ўвагу толькі на неабходнасць паляпшэння экспазіцыйнай інтэрпрэтацыі падзей савецкай гісторыі. Нізкая якасць музейных экспазіцый, у першую чаргу прысвечаных гісторыі савецкага грамадства, якое «паказана ўбога і сумна, на плоскасным матэрыяле, у сувязі з чым значна прайграе ў параўнанні з папярэднімі грамадска-эканамічнымі фармацыямі» [2, с. 19–20], вымусіла вышэйшую выканаўчую ўладу БССР звярнуць увагу на неабходнасць паляпшэння экспазіцыйнай інтэрпрэтацыі падзей савецкай гісторыі.

У 1948 г. адбылася пашыраная сесія вучонага савета Навукова-даследчага інстытута краязнаўчай і музейнай работы, у якой прынялі ўдзел прадстаўнікі БССР. На сесіі было прынята «Палажэнне аб абласным, краёвым, рэспубліканскім (АССР) краязнаўчым музеі», у якім была замацавана аднолькавая для ўсіх музеяў структура. Асноўнымі былі аб'яўлены тры аддзелы – прыроды, дарэвалюцыйнага мінулага і савецкага перыяду. У апошнім выдзяляліся раздзелы гісторыі, сацыялістычнай гаспадаркі і культуры. Як бачна, адбылася канчатковая ўніфікацыя экспазіцыйнай структуры краязнаўчых музеяў. Галоўнай мэтай экспазіцыі тагачаснага музея была дэманстрацыя перавагі савецкага строю над капіталістычным. Побач з жыццём калгаса, вёскі, раёна, горада ўсебакова паказваліся дасягненні ў развіцці гаспадаркі вобласці, дзейнасць знакамітых людзей рэгіёна, іх стан да рэвалюцыі і пры савецкай уладзе.

У перыяд «адлігі» з яго дэмакратызацыяй жыцця ў краіне, новымі ідэалагічнымі задачамі і працэсам рэабілітацыі ахвяр рэпрэсій краязнаўчым музеям былі прад'яўлены новыя патрабаванні да зместу экспазіцый. На першы план у інтэрпрэтацыі гістарычных падзей, з'яў і працэсаў пачалі выходзіць народныя масы, таму ў экспазіцыях пачалі з'яўляцца тэмы, якія асвячалі не толькі ролю мас, але і значэнне асобы ў гісторыі, у сувязі з чым з небыцця пачалі вяртацца імёны ўдзельнікаў многіх падзей, а экспазіцыі дапоўнілі комплексы матэрыялаў аб іх.

У той жа час нягледзячы на вышэйадзначаныя паслабленні ідэйная скіраванасць тлумачэння гістарычных фактаў засталася. Краязнаўчыя музеі паранейшаму займаліся вывучэннем і рэпрэзентацыяй сучаснага этапу камуні-

стычнага будаўніцтва, кіруючай ролі КПСС, а таксама прапагандай пераваг сацыялізму, дасягненняў ва ўсіх галінах грамадскага жыцця з мэтай выхавання савецкіх людзей у духу савецкага патрыятызму і нацыянальнай годнасці.

Уся музейная дзейнасць і ў першую чаргу практыка экспазіцыйнага паказу кантралявалася зверху, адкуль прыходзілі нарматыўныя дакументы, якія рэгламентавалі, як будаваць экспазіцыі і што ў іх дэманстраваць. Аднойчы набыўшы гэты статус, краязнаўчыя музеі працягвалі быць важным інструментам ідэалагічнай работы: у іх экспазіцыях пераважала рэпрэзентацыя перыяду савецкага грамадства з усімі яго дасягненнямі і перавагамі, а вось паказ негатыўных з'яў тагачаснага жыцця не ўваходзіў у задачу музея. Уніфікацыя экспазіцый прывяла да сцірання рэгіянальных рыс і асаблівасцей.

Агульнае ўяўленне пра чалавека як пра «творцу гісторыі» і так званы «антрапалагічны паварот» 1980-х гг. актуалізавалі тэндэнцыю паказу ў музейных экспазіцыях матэрыялаў пра рэальных удзельнікаў гістарычных падзей, сучаснікаў тагачаснага грамадства, іх удзел у падзеях і ўчынкі, якія здатныя быць прыкладам. Гэта ўласцівасць экспазіцыйнага матэрыялу заключала ў сабе вялікі выхаваўчы патэнцыял. У экспанаванні выкарыстоўвалася некалькі прыёмаў: дэманстрацыя партрэта/фотапартрэта (самы распаўсюджаны), персанальнага экспазіцыйнага комплексу (комплекс асабістых рэчаў, дакументаў і/або прадметаў, якія характарызуюць яго грамадскую значнасць).

Такім чынам, у выпрацоўцы падыходаў да інтэрпрэтацыі і фарміраванні мадэлі рэпрэзентацыі рэчаіснасці ў айчынных краязнаўчых музеях можна вылучыць некалькі этапаў, абумоўленых тагачаснай сацыякультурнай сітуацыяй:

– на пачатковым этапе (канец XIX ст. – 1920-я гг.) музеі імкнуліся не толькі захаваць спадчыну продкаў, але і паказаць духоўнае багацце свайго краю і нават карэнныя змены, выкліканыя ўсталяваннем савецкай улады, трактаваліся як заканамерная перамога і станаўленне новага грамадства;

– 1930-я гг. вызначаюцца актывізацыяй ідэалагічнага ўціску; у тагачаснай мадэлі этап будаўніцтва сучаснага грамадства стаў значна пераўзыходзіць стагоддзі гістарычнага станаўлення рэгіёнаў;

– канец 1940-х – канец 1980-х гг. характарызуюцца ўзбуйненнем аб'екта экспазіцыйнай рэпрэзентацыі: на першы план выходзіць паказ дасягненняў народа-пераможца – ад хуткага пераадолення наступстваў вайны да дасягненняў у розных абласцях народнай гаспадаркі і развіцця тэхналогій, у тым ліку касмічных; такі абагулены падыход прывёў да сцірання рэгіянальных рыс у адлюстраванні развіцця тэрыторый і ўніфікацыі музейных экспазіцый.

У выніку гэтага ў традыцыйнай экспазіцыі краязнаўчага музея, што склалася гістарычна пад уплывам сацыякультурнай сітуацыі, час, які ахопліваў вялікі прамежак ад старажытнасці да пачатку XX ст., быў моцна сціснуты: рэпрэзентацыйны матэрыял па дасавецкай гісторыі займаў значна мен-

шую экспазіцыйную плошчу, чым адводзілася на размяшчэнне экспанатаў па сучаснай гісторыі. У паказе класавай барацьбы і рэвалюцый падзейны пласт пашыраўся, а музейны час расцягваўся, дасягаючы максімуму ў раздзеле пасляваеннага сацыялістычнага будаўніцтва. Нягледзячы на гэта гістарычны час уяўляўся як аднанакіраваная паслядоўная змена падзей і з'яў, а экспазіцыя краязнаўчага музея – як ілюстрацыя падручніка па гісторыі. Такую мадэль рэчаіснасці, якая характарызуецца лінейнасцю часу і дэтэрмінаванай ім паслядоўнасцю структурных элементаў музейнай прасторы (тэматычных комплексаў), аўтар вызначае як «наратыўна-ілюстрацыйную» мадэль. Яна была характэрна для ўсіх краязнаўчых музеяў, структуры экспазіцый, тэматычная скіраванасць якіх была ўніфікаваная. Праблема зместу экспазіцый гістарычных аддзелаў у краязнаўчых музеях стала ўвайшла ў музеязнаўчы дыскурс ужо ў сярэдзіне 1980-х гг. Дэтэрмінаваная зменамі ў сацыякультурнай сітуацыі ў краіне, у музейнай рэпрэзентацыі рэчаіснасці абазначылася новая тэндэнцыя, што стала падмуркам прынцыпова адрознай мадэлі, якой краязнаўчыя музеі Беларусі прытрымліваюцца і сёння.

ЛІТАРАТУРА

1. **Гужалоўскі, А. А.** Музеі Беларусі (1918–1941 гг.) / А. А. Гужалоўскі. – Мінск : НАРБ, 2002. – 176 с.

2. **Гужалоўскі, А. А.** Музеі Беларусі (1941–1991 гг.) / А. А. Гужалоўскі. – Мінск : НАРБ, 2004. – 218 с.

3. **Музееведческая** мысль в России XVIII–XX веков : сб. документов и материалов / отв. ред. Э. А. Шулепова. – Москва : Этерна, 2010. – 960 с.

4. **Размустова, Т. О.** Местный музей: Эволюция взглядов и динамика моделей / Т. О. Размустова // Российская провинция XVIII–XX веков : реалии культурной жизни : материалы III Всероссийской научной конференции, Пенза, 25–29 июля 1995 г. – Пенза : [б. и.], 1996. – С. 140–145.

5. **Романов, Н. И.** Местные музеи и как их устраивать / Н. И. Романов. – Москва : [Ком. по охране художественных сокровищ], 1919. – 110 с.

Давидовская О.Н. *(г. Витебск)*

ВИТЕБСК В ИЮНЕ 1944 г. НА ФОТОГРАФИЯХ МИХАИЛА САВИНА (по материалам Витебского областного краеведческого музея)

26 июня 1944 г. в ходе Витебско-Оршанской операции Витебск был освобожден от немецко-фашистских захватчиков войсками 43-й и 6-й гвардейских армий 1-го Прибалтийского фронта и 39-й и 5-й армий 3-го Белорусско-

го фронта. Особенно отличилась в ходе боев 158-я стрелковая дивизия 84-го корпуса 39-й армии.

Непосредственно бои за город шли около полутора суток: начались на исходе дня 24 июня на восточной окраине Витебска, а утром 26 июня населенный пункт был освобожден.

В составе воинских частей, освобождавших Витебск, были и военные фотокорреспонденты, снимавшие город в день освобождения и в первые дни после окончания немецко-фашистской оккупации. Авторы снимков – Леонид Великжанин, Яков Рюмкин, Анатолий Григорьев, Михаил Савин и др. Часть выполненных ими фотографий хранится в фондах Витебского областного краеведческого музея (ВОКМ).

Михаил Иванович Савин (1915–2006) находился на фронте с июня 1941 г. и до конца войны. Он родился в селе Сасово Тамбовской губернии (ныне город в Рязанской области). После окончания школы переехал в Москву, работал токарем на заводе. В 1937–1939 гг. служил в рядах Красной армии. В это время заочно окончил двухгодичные курсы фотокорреспондентов при «Фотохронике ТАСС». В 1940 г. был направлен в Минск собственным фотокорреспондентом ТАСС по Беларуси.

В годы Великой Отечественной войны Савин был фотокорреспондентом «Красноармейской правды» – газеты Белорусского военного округа (позднее – Западного фронта, 3-го Белорусского фронта). После войны почти полвека работал фотографом в журнале «Огонек», жил в Москве.

В музейной коллекции на сегодняшний день хранится 48 фотографий и 17 негативов М. Савина с видами Витебска в июне 1944 г. Они поступили в музей в разное время. 19 фотографий и негативы были приобретены у фотографа в 1962 г., 26 снимков – в 1990 г. Три снимка М. Савина передал в музей в 1964 г. другой военный корреспондент Василий Аркашев.

Формат снимков разный: наименьший размер – 11,5х17,5 см, наибольший – 40х60 см. В комплекс входят портретные, пейзажные и жанровые снимки.

Все фотографии сделаны с оригинальных негативов автора. Условно их можно разделить на три группы в соответствии с тематикой и хронологией: 1) окончание боевых действий по освобождению Витебска; 2) город в день освобождения 26 июня 1944 г.; 3) Витебск в первые дни мирной жизни (конец июня 1944 г.).

К ***первой группе*** можно отнести три фотографии с изображением советских воинов, запечатленных бегущими по улицам города во время наступления. Присутствующие на снимках полуразрушенные каменные и деревянные здания не позволяют определить место фотографирования. Можно предположить, что эти кадры сделаны где-то на окраине Витебска.

Вторая группа снимков – самая многочисленная. Большинство их автор сделал 26 июня в центре города – на улицах Замковой и Калинина, на пл. Свободы, в начале современного пр-та Фрунзе, в районе современной

пл. Тысячелетия, на территории бывшего Могилевского рынка (район современного парка Победителей ближе к пл. Победы). Освобожденный Витебск мало чем отличался от других белорусских городов, оккупированных немецко-фашистскими захватчиками. Разрушенные каменные дома, груды кирпичей, обломки сооружений, храмы без башен и куполов, заграждения с колючей проволокой, указатели и вывески на немецком языке… Эти кадры дополняют и иллюстрируют данные официальной статистики о 93% разрушенного жилого фонда. Символично в этом плане выглядит снимок с изображением полностью разрушенного здания, от которого осталась только лестница («Лестница в рай») (Дадатак 15, фота 1).

В объектив фотоаппарата попали некоторые витебские храмы. На двух снимках запечатлена Духовская церковь (вид со стороны оврага; храм не сохранился). На нескольких фотографиях с разных ракурсов видна Благовещенская церковь в общей панораме застройки. М. Савин запечатлел и крупнейший православный храм Витебска – Николаевский собор, находившийся на пл. Свободы. Он попал в кадр с изображением военнослужащих Красной армии, передвигающихся по ул. Замковой.

На пл. Свободы фотограф сделал снимок, опубликованный во многих научно-популярных изданиях и являющийся на сегодняшний день хрестоматийным, – «Фотокорреспонденты “Красноармейской правды”»: Н.А. Баканов, А.А. Зеленцов и А.Т. Твардовский». Коллеги М. Савина стоят на фоне здания бывшего окружного суда (ныне Художественный музей) возле столба с немецкими указателями (Дадатак 15, фота 2).

На нескольких фотографиях запечатлены важные стратегические городские объекты – Двинский и Новый мосты (современные Кировский мост и мост им. Блохина). Первый был полностью разрушен в ходе наступательной операции 1944 г., восстановлен в 1955 г. Второй был заминирован немцами при отступлении, но спасен от взрыва группой бойцов саперного взвода 875-го стрелкового полка 158-й дивизии под командованием ст. сержанта Ф.Т. Блохина, что сыграло большую роль в организации стремительного захвата города наступающими частями Красной армии.

В ***третью группу*** можно объединить фотографии, сделанные в Витебске и окрестностях в последних числах июня. В те дни через город прошло большое количество войск Красной армии, направлявшихся на запад. Сориентироваться на перекрестках, улицах города им помогали регулировщики. Первым из них, судя по аннотации на одном из снимков М. Савина, был рядовой Быков. Фотография с его изображением сделана в начале ул. Фрунзе.

Еще один известный снимок – «Начальник гарнизона Колосов знакомит жителей освобожденного Витебска с последними новостями на фронте» – сделан в районе нынешней пл. Тысячелетия недалеко от здания педагогического института (разрушенного в начале 1970-х гг.). По информации газеты «Віцебскі рабочы», в день освобождения в Витебске насчитывалось 118 че-

ловек. В последующие дни, недели количество жителей увеличивалось. Они активно включались в работы по восстановлению города, участвовали в расчистке руин, строительных работах, разминированию зданий, сооружений, улиц, площадей города. Большую помощь в этом оказали военнослужащие. На нескольких снимках М. Савина запечатлены саперы, работающие в начале совр. проспекта Фрунзе и в районе современной пл. Победы. Благодаря аннотациям на фотографиях мы знаем имя одного из них. Это кавалер ордена Славы Н. Маралов. В кадр с его участием попала разрушенная водонапорная башня – техническое сооружение довоенного Витебска, не восстановленное после освобождения (Дадатак 15, фота 3).

М. Савин, как и другие военные корреспонденты, запечатлел колонны военнослужащих немецкой армии, взятых в плен под Витебском, а также разбитую немецкую технику. На одном из снимков – группа военнопленных, идущая по проселочной дороге под Витебском (?), на другом – выведенный из строя немецкий танк.

Фотографии М. Савина имеют историческую, культурную, краеведческую ценность, постоянно используются в экспозиционной, научно-исследовательской, просветительской работе музея.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Витебский** областной краеведческий музей (ВОКМ). – КП 013793/01 – 19.
2. **ВОКМ.** – КП 014523 – 014525.
3. **ВОКМ.** – НВ 009116/01 – 26.
4. **ВОКМ.** – НВ 007711. Дневник восстановления города Витебска.
5. **Подлипский, А. М.** Партизанский парад в Витебске / А. М. Подлипский. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2013. – 64 с.

Ерашэвіч А.У. *(г. Мінск)*

ТЭАТРАЛЬНАЕ ЖЫЦЦЁ ВІЦЕБСКА Ў 1840–1850-я гг.: АРГАНІЗАЦЫЙНА-ФІНАНСАВЫЯ АСПЕКТЫ

З 1840 г. тэатр размяшчаўся ў асобным флігелі пры губернатарскім доме. Але сістэматычныя тэатральныя пастаноўкі ў Віцебску пачаліся пасля адкрыцця ў ім 23.12.1845 г. пастаяннага драўлянага прасторавага адстроенага будынка гарадскога тэатра (архітэктар П. Чарвінскі) на месцы падворка мужчынскай гімназіі. Спецыяльна пабудаваны трох'ярусны будынак з залай прызначаўся для паказу драматычных спектакляў і балетаў. Для размяшчэння гледачоў на ніжнім паверсе (бенуары) было 12 ложаў (кожная на 5 асоб), на сярэднім (бельэтажы) – 13 ложаў, на верхнім – прасторная га-

лерэя і партэр на 100 крэслаў і лавак [9, с. 20, 136]. Глядзельная зала тэатра была разлічана на 250 чал. [1, с. 60]. У 1846 г. у парку (з 1849 г. пад назвай «Тиволи») быў пастаўлены так званы ваксал. У гэтым драўляным будынку летам арганізоўвалі відовішчы мясцовыя аматары і гастрольныя тэатральныя трупы.

Прыход тэатра ў Віцебску за дадзены на працягу 8 тыдняў з 23.12.1845 г. да 18.02.1846 г. 21 паказ п'ес і балетаў склаў, пасля выплаты выдаткаў за кожны спектакль, суму ў 2671,25 руб., выдатак – 858,73 руб. (32,2%), рэштак – 1812,51 руб. (67,8%) [3, арк. 2–5]. Дадаткова 90 руб. было выдаткавана вознiку за перавоз рэквізіту з Магілёва ў Віцебск, 200 руб. было адпушчана для найму тэатра і 50 руб. пайшло для пастаноўкі новага балета. Прыбыткі з розных вечароў былі розныя: большы ў 150,54 руб. у дзень адкрыцця тэатра, калі гледачы цалкам запоўнілі памяшканне, ад 154,17 руб. 3.01.1846 г. да 16,35 руб. 14.02.1846 г. [3, арк. 2–5; 1, с. 61]. Акрамя таго, на тэатральныя пабудовы віцебскі паліцмайстар узяў у пазыку з доўгу 637,11 руб., з якіх было выплачана 255,6 руб., а засталося 381,51 руб. [3, арк. 13, 14].

Снежаньскі цыркуляр 1846 г. віцебскага генерал-губернатара на імя віцебскага паліцмайстра прадпісваў апошняму даносіць аб кожнай прыбыўшай у горад трупе акцёраў, «вольтежеров» ці іншых артыстаў з дадаткам звестак аб паказах за кожны тыдзень і далучэннем у двух экзэмплярах выпушчаных імі друкаваных ці рукапісных афішак і пасведчанняў, што ўсе п'есы ўхвалены цэнзурай. Драматычныя творы, якія не былі разгледжаныя цэнзурай, павінны былі дастаўляцца да генерал-губернатара для наступнай перасылкі ў 3-е аддзяленне ўласнай я. і. в. канцылярыі, адпаведна цыркулярнага прадпісання міністра ўнутраных спраў начальнікам губерняў ад 9.11.1842 г. [4, арк. 1].

Са зместу тэатральных афіш 1847 г. магчыма скласці ўяўленне аб кошце розных месцаў для гледачоў у тэатры. За пастаноўку В. фон Шмідкофам 04.01.1847 г. камічнай оперы Эжэна Скрыба «Акцыон ці сіцыліянская зайздрасць» і оперы-буфа «Гусар Чараўнік» за магчымасць сядзець у верхняй ложы плацілі па 5 руб., у ніжняй ложы – па 4 руб., у крэсле першых 4 радоў – па 1,5 руб., у іншых – па 1 руб., у амфітэатры – па 40 кап., у галерэі – па 30 кап. (розніца коштаў больш чым у 16 разоў). За дадзеную 12.01.1847 г. артыстамі В. фон Шмідкофа оперу «Фра-Дыявола ці гасцініца ў Тэрачыне» наведвальнікі плацілі тыя ж стаўкі збораў за месцы: за верхнюю ложу 5 руб., за ніжнюю – 4 руб., за крэсла першых 4 радоў – 1,5 руб., іншых радоў – 1 руб., за партэр – 75 кап., за амфітэатр – 40 кап., за галерэю – 30 кап. (розніца коштаў больш чым у 16 разоў). 30.03.1847 г. адбыўся паказ оперы «Марскі разбойнік ці мармуровая нявеста», за прагляд якой размешчаныя ў верхняй ложы гледачы плацілі па 4 руб., у ніжняй ложы – па 3 руб., у крэслах першых 12 радоў – па 1,5 руб., у іншых радах – па 1 руб., у партэры – па 75 кап., у амфітэатры – па 30 кап., у галерэі – па 15 кап. (розніца коштаў больш чым у

26 разоў). Тыя ж аклады збіралі з месцаў за паказ 10.01.1847 г. рамантычнакамічнай оперы «Царства духаў альпійскіх і вораг людзей», за відовішча вялікай оперы-буфа Скрыба «Любоўны напой», за дэманстрацыю 13.01.1847 г. оперы «Аліна царыца Галконды». У 19 гадзін 15.01.1847 г. пачалася пастаноўка оперы-буфа Бамаршэ «Севільскі цырульнік», а 18.01.1847 г. – оперы «Фрэйшыц – чароўны стралок» за тыя ж вышэйназваныя нормы збораў за розныя тыпы месцаў для гледачоў. Паказ 13.04.1847 г. камічнай п'есы «Барын на скорую руку ці ігрок і магільшчык», а 20.04.1847 г. трагедыі У. Шэкспіра «Атэла і венецыянскі маўр» суправаджаліся тым, што за наведванне ложы бельэтажа бралі 3 руб., бенуара – 2 руб., за крэсла першых радоў – 1 руб., іншых радоў – 75 кап., амфітэатра – 20 кап., галерэі – 15 кап. (розніца коштаў у 20 разоў). Кошт абанементаў за розныя месцы таксама значна вагаўся, але ўсё ж такі быў значна адносна меншым за квіткі: за паказ 15 публічных відовішчаў гледачы плацілі за наведванне ложы бельэтажа ад 4 руб. да 60 кап., бенуара – ад 3 руб. да 45 кап., за крэсла першых 4 радоў – ад 1 руб. да 15 кап. (розніца коштаў 6,6 раза) [4, арк. 11, 12, 13, 14, 19, 20, 21, 22, 33, 35, 73–76, 92–93, 94–95, 231, 232].

Тэатральныя даходы ў Віцебску наўпрост залежалі ад папулярнасці ў гледачоў паказаных акцёрамі п'ес, часу іх дэманстрацыі (прэм'еры былі, як правіла, больш прыбытковымі). Наведвальнасць спектакляў пасля прэм'ерных паказаў, як правіла, змяншалася. Пасля першага паказу 18.01.1847 г. «Вольнага стралка» прыбытак ад «Першага кахання» Скрыбы і «Марскога закону» Кацэбу, якія былі паказаныя 31.01.1847 г., дасягнулі толькі 15,9 руб. [4, арк. 46, 71 адв.]. У асноўным за відовішча збіралі больш за 100, але менш за 200 руб. За паказ 29.12.1846 г. «Фра-Дыявола» сабралі 169,4 руб., за дэманстрацыю 2.01.1847 г. «Севільскага цырульніка» – 167 руб. (15.01.1847 г. – 115,15 руб., 3.02.1847 г. – ужо 67,45 руб.), за арганізацыю 16.02.1847 г. канцэрта – 90,9 руб. Разам з 29.12.1846 па 16.02.1847 г. ад 18 спектакляў і канцэртаў мелі 1869,6 руб. выручкі, з улікам 3 бенефісаў – 2207,6 руб., за кошт абанемента – 900 руб., разам 3107,6 руб. [4, арк. 46].

Збор з кожнага спектакля складаў 3 руб. [6, арк. 3]. Віцебскі паліцмайстар пісаў 14.12.1851 г. віцебскаму генерал-губернатару, што ў мясцовым тэатры за 13 спектакляў з дырэктара тэатра К.В. Фядзецкага было спагнана 39 руб. Ён жа даносіў 24.04.1853 г., што ў чацвер 21.04.1853 г., у панядзелак – сераду 20–22.04.1853 г. тэатральныя відовішчы далі 32 руб. грашовага збору [6, арк. 4, 9]. Прафесар фізікі і механікі Тобіас Квальярдзі, які прыбыў з Рыма, а да гэтага выступаў у Маскве, Пецярбургу і іншых еўрапейскіх сталіцах, даў відовішча па прыкладзе «пінеці» альбо вопыту натуральнай магіі. За ўваход у ложу бельэтажа трэба было заплаціць 4 руб., у ложу партэра – 3 руб., за крэсла першых радоў – 1 руб, апошніх – 75 кап., за партэр – 50 кап., галёрку – 25 кап. [6, арк. 10, 11]. З гэтых даных відаць, што кошт месцаў прагляду адрозніваўся ў 16 разоў.

Увагу гледачоў Віцебска ў 1846–1847 гг. прыцягнулі пастаноўкі трупы прускага падданага Вільгельма фон Шмідтгофа (Шмідкофа, Шмідгофа). Віцебскі паліцмайстар дакладваў 10.12.1846 г. віцебскаму генерал-губернатару, што аматары тэатра пажадалі «абаніраваць» па падпісцы на суму ў 765 руб. ложы і крэслы для оперных відовішчаў пад дырэкцыяй гэтага трымальніка [2, арк. 1]. Не маючы магчымасці пакінуць Магілёў з-за таго, што антрэпрэнёр не выплаціў сваіх даўгоў купцу Меяровічу, паручыцель выдаў яму 350 руб. ад магілёўскага грамадзянскага губернатара Гамалеі [2, арк. 4, 10, 11, 13]. Прыбытак ад спектакля 29.12.1846 г. трупы В. фон Шмідкофа склаў 169,4 руб., не ўлічваючы сумы за абанемент [4, арк. 46]. Арганізаваны ім бенефіс 7.01.1847 г. даў 117,73 руб. даходу, 24.01.1847 г. – 200,55 руб., а 29.01.1847 г. – толькі 19,72 руб. [4, арк. 40, 46]. Агульны даход антрэпрызы В. фон Шмідкофа склаў каля 3500 руб., у тым ліку 900 руб. ад продажу абанементаў.

Сфарміраваная Якавам Чаховічам трупа драматычных акцёраў з 6 мужчын і 5 жанчын [5, арк. 5] мела 13.04.1847 г. даход ад 2 відовішчаў у памеры 80 руб., за паказаныя ў пачатку 19-й гадзіны 16.01.1849 г. 2 п'ес – 70 руб. (польская камедыя Каржанеўскага «Стары муж» і камедыя-вадэвіль на рускай мове ў перакладзе з французскай «Дзве жанчыны супраць аднаго мужчыны» [4, арк. 91, 94]. За пастаноўку 23.01.1849 г. камедыі-вадэвіля на польскай мове «Бедны рыбак» і камедыі на рускай мове «Дачка яго благароддзя», камедыі-оперы «Перерезанные ассигнации или актеры в провинции» за ложу бельэтажа давалі 3 руб., за бенуар – 2 руб., за крэсла першых радоў – 1 руб., апошніх радоў – 75 кап., за амфітэатр – 30 кап., за галерэю – 20 кап. (розніца коштаў у 15 разоў). За 09–14.10.1849 г. Я. Чаховіч меў ад 2 спектакляў 65 руб. даходу. За пастаноўку відовішчаў з 25.01. па 01.02.1849 г. Я. Чаховіч атрымаў увогуле 339 руб. [5, арк. 1, 1а, 1б, 6, 12 адв. – 17].

З дазволу віцебскага генерал-губернатара ў чэрвені 1849 г. з Магілёва ў Віцебск пераехала трупа рускіх акцёраў М. Дудчанкова, якая гастралявала ў горадзе да сакавіка 1850 г. Агульны даход ад 11 паказаў з 9.01. па 14.02.1849 г. склаў 921,9 руб., выдаткі – 356,56 руб., чысты прыбытак – 565,34 руб. (61,3%), з якога паводле дамовы 10% сумы пералічвалі на карысць тэатра [5, арк. 16 – 16 адв.]. За дэманстрацыю спектаклей 04.12.1849 г. яна мела 48 руб. даходу, 08.12.1849 г. – 74 руб., 11.12.1849 г. – 28 руб. (пастаноўка на рускай і маларасійскай (украінскай) мовах), 15.12.1849 г. – 27 руб., 18.12.1849 г. – 30 руб., 21.12.1849 г. – 35 руб. [5, арк. 121–122, 123, 124–126, 127, 140, 142]. 14.07.1849 г. трупа М. Дудчанкова паставіла меладраму ў 3 аддзяленнях «Людміла ці Смаляне ў 1812 г.». Кошт месцаў складаў: за ложу бельэтажа – 3 руб., за бенуар – 2 руб., за крэсла першых 3-х радоў – 1 руб., астатніх радоў – 75 кап., за партэр – 50 кап., за галерэю – 20 кап. (розніца коштаў у 15 разоў). Яна ж упершыню ў жніўні 1849 г. паказала чароўна-камічную оперу «Дняпроўская русалка». За яе прагляд у ложы бельэтажа трэба было выкласць 4 руб., у бенуары – 3 руб., у крэслах першых 3-х радоў – 1,5 руб., астатніх радоў –

1 руб., у партэры – 50 кап., у галерэі – 30 кап. (розніца коштаў больш чым у 13 разоў) [7, арк. 193 адв. – 194, 229 адв. – 229 а]. Згодна са справаздачай віцебскага паліцмайстара ад 15.10.1853 г. відовішча рускай драматычнай трупы дало 20 руб. грашовага збору, з якіх было атрымана на карысць тэатра 10%, альбо 2 руб. [6, арк. 14].

Заўважым, што ў цэлым п'есы рускіх акцёраў не карысталіся асаблівай папулярнасцю сярод віцебскай публікі. Генерал-губернатар А. Галіцын тлумачыў няўдачу рускіх п'ес тым, што амаль усе мясцовыя памешчыкі польскага паходжання ў большасці прыхільна ставіліся да польскай тэатральнай культуры. У Віцебску не было пастаяннай тэатральнай трупы, а прыезджыя артысты ставілі ў асноўным толькі польскія п'есы, таму што мала ведалі рускую мову. Для распаўсюджвання ўжывання рускай мовы ўлады планавалі ў 1847 г. па прыкладзе Кіева і Вільні заснаваць у Віцебску пастаянны рускі гарадскі тэатр з асігнаваннем на гэтую патрэбу сумы ад урада. Але паведамленне міністра ўнутраных спраў Л.А. Пяроўскага засведчыла немагчымасць выдзялення казённай сумы. Па ўзоры Вільні і Кіева раілі скарыстацца крыніцай фінансавання за кошт гарадскіх даходаў і выдачай пасведчанняў з боку генерал-губернатара аб палітычнай добранадзейнасці трымальнікаў труп. Для ўтрымання пастаяннай рускай трупы і дзеля арганізацыі спектакляў у Віцебску віцебскі грамадзянскі губернатар А. Радзішчаў паабяцаў віцебскаму генерал-губернатару А. Галіцыну накіроўваць каля 3 тыс. руб. у год з агульнага земскага збору Віцебскай губерні, але сума выплочвалася не адразу [8, арк. 1–2, 4].

Розныя грамадскія забавы ў Віцебску падтрымлівала жонка віцебскага генерал-губернатара. Так, вядома, што княгіня С. П. Галіцына ўручала білет на дабрачынны канцэрт, спектакль, латэрэю з платай за ложу ад 25 да 100 руб., а за крэсла ў партэры – 25 руб. [9, с. 22]. 30.07.1849 г. В. фон Шмідкоф разам з дзецьмі Максімам і Саламеяй і з сям'ёй цірольцаў Фішараў у зале «Цівалі» арганізаваў вялікую забаву (divertissement) з музыкай, спевамі і танцамі ў касцюмах. Кошт за першае месца ў крэслах складаў 50 кап., за другое – 25 кап., а з дзяцей бралі палову сумы дарослых [7, арк. 219].

За кошт асноўных даходаў ад публічных відовішчаў утрымліваліся акцёры. Але пэўная частка прыбыткаў адпускалася і на розныя гаспадарчыя аднаразовыя патрэбы. Так, за ачыстку прыбіральняў і комінаў у тэатральным доме з 1850 па 01.06.1852 г. было выдаткавана 50 руб. Рахунак ад 20.10.1851 г. засведчыў, што паслугі губернскага архітэктара, накіраванага для выпраўлення тэатра, каштавалі 55,75 руб. Дырэктар трупы акцёраў К.В. Фядзецкі ў запісцы ад 03.12.1851 г. да віцебскага генерал-губернатара падкрэсліў, што часовы тэатральны буфет не задавальняў жаданне публікі. Харчовыя прадукты ў ім былі надзвычай дарагія і не для ўсіх даступныя. З прычыны гэтага многія асобы зусім не жадалі наведваць тэатр. Панесеныя страты падвялі яго да думкі аб дазволе здаць буфет у арэнду іншаму трымальніку. За

гэтую ўмову ён абавязваўся плаціць на карысць тэатра штомесячна 15 руб. [6, арк. 1, 2, 13]. У 1860 г. у Віцебску частка даходаў пайшла на аднаўленне памяшкання і прыналежнасцей гарадскога тэатра, але большая частка выдаткоўвалася на карысць немаёмных.

Такім чынам, вандруючыя камерцыйныя тэатральныя трупы ў Віцебску ў 1840–1850-я гг. фінансаваліся ў асноўным за кошт збораў з наведвальнікаў. Кошт білетаў за магчымыя месцы прагляду тэатральных відовішчаў быў значным, адрозніваўся ад 13 да 26 разоў і быў разлічаны на розныя катэгорыі гледачоў. Наведвальнасць спектакляў залежала ад іх папулярнасці сярод гледачоў, прыярытэтнасці і часу паказу. Прафесіяналізм акцёраў забяспечваў вандруючым тэатральным трупам атрыманне 61–68% чыстага прыбытку ад агульнага даходу за дэманстрацыю публічных відовішчаў.

ЛІТАРАТУРА

1. **Ендрыхоўскі, З.** Тэатральнае жыццё Віцебска ў 1845–1849 гг. / З. Ендрыхоўскі ; пер. з польск. Л. Хмяльніцкай // Віцебскі сшытак. – 1997. – № 3. – С. 60–70.

2. **Нацыянальны** гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 16793.

3. **НГАБ.** – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 17104.

4. **НГАБ.** – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 17415.

5. **НГАБ.** – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 20432.

6. **НГАБ.** – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 22948.

7. **НГАБ.** – Ф. 1416. Воп. 6. Спр. 61.

8. **НГАБ.** – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 13132.

9. **Никифоровский, Н. Я.** Странички из недавней старины города Витебска. Воспоминания старожила / Н. Я. Никифоровский. – Минск : Полымя, 1995. – 149 с.

Жуковский В.В. *(г. Орша)*

ОРШЕВЕДЕНИЕ В УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Краеведение как народное знание о своих родных местах зародилось в далеком прошлом.

У всех народов мира, во все времена были люди, хорошо знавшие окружающую их местность, ее природу, прошлое и современную жизнь. Свои знания устно или в различных документах они передавали последующим поколениям.

В процессе развития краеведение, направленное на всестороннее изучение различных территорий страны, расширялось и углублялось вместе с развитием науки. Оно опирается на массовое самодеятельное движение краеведов-любителей.

Важную роль в развитии школьного краеведения сыграл знаменитый русский педагог К.Д. Ушинский, который в ряде своих работ теоретически обосновал «родиноведческий принцип» в обучении, показал большое воспитательное и образовательное значение изучения своего края.

Формы краеведческой работы разнообразны: объединения по интересам и факультативы, экскурсии и туристские походы, встречи с местными краеведами, конкурсы, олимпиады и т. д. Все большее значение приобретает поисковая и исследовательская деятельность.

Школьное краеведение – важный фактор идейно-политического, нравственного, трудового, эстетического, экологического и физического воспитания учащихся, оно способствует патриотическому воспитанию, общему и политехническому образованию, расширяет кругозор и развивает познавательные интересы учащихся, приобщает к творческой деятельности, формирует практические и интеллектуальные умения, помогает в выборе профессии.

Объектами краеведения является природа, население и хозяйство, историческое прошлое, искусство и культура. Все это объекты разных наук, и, следовательно, при их изучении используются разные методы, присущие соответствующим областям знания. У всех направлений краеведческой деятельности имеется общий предмет изучения – край. Понятие «край» – условное и зависит от того, кто и с какой целью его изучает. Для школы край, как правило, район, сведения о котором могут быть использованы как местный материал. Это может быть окрестность школы или город и даже целый район и область.

Для учащихся города Орши и Оршанского района таким объектом изучения является Оршанщина в пределах своего административного района. Имеется и специальный курс «Оршеведение», который школьники изучают с 1999 г.

Благодаря оршанским краеведам, издано учебное пособие «Мой родны край – Аршаншчына», которое используется в настоящее время как хрестоматия. Два издания выдержало учебное пособие «Оршеведение», которое есть во всех оршанских школах в достаточном количестве. Оно уже требует переиздания, так как многие цифры за 12 лет со времени издания устарели, а кроме того, открылись новые факты, которые необходимо добавить. Наличие учебника обеспечивает усвоение знаний и организует самостоятельную учебную деятельность учащихся. Он помогает учителю организовать разнообразную познавательную деятельность учащихся, ориентирует их на самостоятельное добывание знаний, развитие творчества и приобретение навыков самостоятельного учебного труда, сочетая при этом общеучебные умения с оршеведческими, нацеливает их на практическое применение полученных оршеведческих знаний и умений. В учебнике представлены разнообразные задания, которые можно использовать не только для контроля за усвоением оршеведческих знаний, но и для обобщения их, а также в качестве

познавательной задачи при изучении нового материала. Проверить понимание содержания текста позволяют многочисленные вопросы и задания учебника различного уровня сложности.

Символическими тиражами изданы контурные карты, тетрадь для практических и индивидуальных работ, тесты, кроссворды, ребусы, материалы видных оршанских краеведов с полным списком их работ и многое другое. Не забыты и межпредметные связи. Изданы диктанты на оршеведческие темы по русскому и белорусскому языках, отдельные темы курса «Оршеведение» на английском и немецком языках, рыбы реки Днепр и виды деревьев Оршанщины. Готовятся к изданию и другие пособия.

ГУДО «Оршанский районный центр физической культуры, туризма и краеведения детей и молодежи» располагает электронными носителями всех этих изданий и многими другими разработками, а также материалами многочисленных оршеведческих конкурсов, которые могут брать все учителя и даже все желающие для практической работы и просто для ознакомления.

Однако существует одно препятствие, которое уже много лет невозможно решить. Занятия по интересам и факультативы по курсу «Оршеведение» посещает ограниченное количество школьников и никак не получается охватить, например, всю параллель 6-го или 7-го классов. Назрела необходимость преподавать курс «Оршеведение» в качестве равноправного школьного предмета, но из-за якобы перегрузки школьников достичь этого никак не получается.

Тем временем в Москве «Московедение» уже десятки лет преподается в качестве предмета и все нормально.

В настоящее время в нашей стране повышенное внимание уделяется патриотической работе. В связи с этим хочется надеяться, что и курс «Оршеведение» будет внесен в школьное расписание и будет преподаваться как школьный предмет, а аналогичные краеведческие курсы по всей стране станут востребованными.

Короткевич А.В. *(г. Гомель)*

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОДВИЖЕНИЯ КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ: НА ПРИМЕРЕ СОЗДАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ БАЗЫ ДАННЫХ «ГОМЕЛЬСКИЙ РЕГИОН: ИСТОРИЯ ГАЗЕТНОЙ СТРОКОЙ»

Краеведческие информационные ресурсы заключают в себе огромный потенциал для развития региона, обеспечивая информационную основу научной, производственной, образовательной и других видов деятельности, так или иначе связанных с данным краем; позволяют сохранять и передавать

из поколения в поколение богатое культурное наследие отдельных регионов: научные достижения, произведения художественного творчества, традиции, обычаи, обряды; способствуют производству новых культурных ресурсов; обеспечивают устойчивость и продвижение региона в сообществе. Данные ресурсы являются своеобразным генетическим кодом национальной среды и сохраняют ее идентичность. Их использование – неотъемлемый атрибут любой деятельности на региональном уровне, поэтому они выступают не только продуктом духовно-практической деятельности, но и одним из определяющих факторов формирования региональных брендов [4].

Особо важная роль в их формировании принадлежит главным держателям информации – местным библиотекам, архивам и музеям, которые обладают уникальными сведениями и являются центрами сосредоточения знаний о крае, главными территориальными хранилищами документного культурно-исторического наследия.

Обеспечение доступности, оперативности и полноты информационных краеведческих ресурсов в своем регионе и за его пределами – одна из важнейших задач этих учреждений. Таким образом, данные культурно-информационные центры вносят огромный вклад в формирование региональных брендов [1].

Деятельность современной библиотеки, в том числе и в области библиотечного краеведения, уже немыслима без использования новых информационных систем, позволяющих облегчить доступ читателей к необходимой им краеведческой информации. Компьютерные технологии позволяют большему числу абонентов иметь доступ к краеведческой информации, использовать данные ресурсы с наибольшей полнотой и удобством. Продуктом взаимодействия информационных технологий и краеведческой деятельности библиотек стало создание электронных краеведческих ресурсов [3]. Гомельская областная библиотека следует мировым тенденциям и формирует собственные уникальные краеведческие полнотекстовые базы данных.

2021 год в нашей стране был объявлен Годом народного единства. Безусловно, нет единства народа без его общей истории, событий, без людей, которые эту историю создают. Для каждого из нас важна наша личная история – история семьи, родословная наших предков. Точно так же для каждого предприятия или учреждения важным является его прошлое, которое помогает не только формировать настоящее, но и возводить мосты в будущее. Как же создать историю, которая будет интересна людям? Этот вопрос часто задают себе сотрудники библиотеки, потому что именно она является тем уникальным местом, где хранится информация о самых интересных событиях и людях. Следует учитывать, что современная библиотека – не просто архив, собиратель этой информации. Здесь работают творческие люди, которые точно знают, как превратить любое, казалось бы, скучное дело в интересный перспективный проект.

Вдохновившись этой идеей, мы начали работу над электронной базой данных «Гомельский регион: история газетной строкой», которая представляет собой уникальный краеведческий ресурс, формируемый на основе материалов из фондов областной библиотеки. Создание такого ресурса стало возможным благодаря получению Гранта Президента Республики Беларусь в науке, образовании, здравоохранении, культуре на 2021 г.

Гомельская областная библиотека, созданная в 1928 г., на протяжении всех лет своего развития является главным хранилищем в регионе, информационным центром, уникальным репозиторием, который располагает редким архивным фондом периодических изданий республиканского и областного уровней с 1945 г., районного уровня – с 1969 г.

На сегодняшний день в печатных СМИ нашей страны накоплен огромный массив материалов, отражающих информацию о путях развития, преобразования, достижениях во всех сферах экономики Гомельского региона.

Гомельская область является крупнейшим индустриальным центром республики. Здесь стабильно развивается сельское хозяйство; регион обладает разветвленной, хорошо отлаженной сетью бытового и коммунального обслуживания, пассажирского транспорта, связи. Одним из важнейших факторов развития Гомельщины является социальная сфера. В отрасли здравоохранения создана и функционирует четкая система оказания высокотехнологичной медицинской помощи, предоставляемой специализированными учреждениями охраны здоровья. Система образования области – одна из самых крупных в республике: 8 высших учебных заведений, 6 из которых – университеты, 13 средних специальных учебных заведений, внушительное количество школ, гимназий, лицеев.

Научная отрасль – еще один повод для гордости жителей области, научно-технический потенциал которой уступает лишь столице государства – Минску. В Гомеле расположены 3 института Национальной академии наук Беларуси, свыше 20 отраслевых научных и проектных институтов, специальных конструкторских и конструкторско-технологических бюро, Гомельский технопарк; открыт Гомельский филиал Национальной академии наук Беларуси.

Понимая важность сохранения материалов, освещающих ступени развития и преобразования основных сфер экономики Гомельщины, мы приняли решение о создании электронной информационно-поисковой базы данных, которая систематизирует имеющиеся сведения, выделив особым разделом современный период развития региона с момента обретения страной независимости в 1991 г. Подобный ресурс не имеет аналогов – в этом его уникальность. На сегодняшний день в открытом доступе оцифрованные материалы печатных СМИ не представлены, а архивные подшивки этих изданий хранятся только в областной библиотеке.

Работа над электронной информационно-поисковой системой «Гомельский регион: история газетной строкой» позволила нам создать полнотекстовую базу данных универсального характера, в которой представлены основные отрасли экономики региона (промышленность, сельское хозяйство, социальная сфера), что дает возможность узнать из первоисточников о становлении, изменении и прогрессе предприятий и организаций Гомельщины, начиная с 1945 г. и до наших дней.

Как создавалась база данных, что она представляет собой и как работает?

На первом этапе нами были изучены материалы о структуре экономики региона, особенностях ее развития, истории и современном состоянии. Для чего это нужно? В первую очередь, мы хотели определить те области экономики, которые актуальны именно для Гомельского региона. Например, металлургия с ее уникальными, единственными в своей отрасли на территории Беларуси «Белорусским металлургическим» и «Речицким метизным» заводами. Не менее важным было выделить те отрасли, которые дают наибольший валовой доход в казну региона, например, нефтеперерабатывающую, представленную «Мозырским нефтеперерабатывающим заводом», или топливно-энергетическую в лице «Гомельэнерго», а также пищевую промышленность, традиционную для Гомельской области, с лидером производства «Рогачевским молочно-консервным комбинатом».

В итоге были определены 17 отраслей экономики для базы данных: здравоохранение, издательское дело и полиграфия, культура и искусство, легкая промышленность, лесопромышленный комплекс, машиностроение, металлургия, наука, нефтехимический комплекс, образование, пищевая промышленность, связь, сельское хозяйство, станко- и приборостроение, строительство, топливно-энергетический комплекс и транспорт.

Затем последовал самый сложный этап – определить предприятия, которые будут представлены в рамках каждой отрасли. Здесь мы руководствовались несколькими принципами. Во-первых, выбирали предприятия, имеющие богатую историю, во-вторых, ориентировались на дату их образования и, в-третьих, отследили, чтобы их развитие было хорошо отражено в СМИ. Многие из них в трудный переходный экономический период были реорганизованы, реформированы или ликвидированы. Но это не значит, что такая большая часть нашей истории должна быть утрачена.

Поэтому нам видится важным, чтобы наши читатели узнали об истории Гомельского судостроительно-судоремонтного завода, образованного в 1935 г., или вагоностроительного завода, ведущего свою историю с 1874 г.

Второй критерий отбора – представить уникальные производства, единственные в своем роде в Беларуси: ОАО «Добрушский фарфоровый завод», производящий столовую и кухонную посуду из фарфора, ОАО «Светлогорский целлюлозно-картонный комбинат», обеспечивающий сульфатной бе-

леной целлюлозой, ОАО «Гомельский химический завод», чьи фосфорные удобрения известны во всем мире, ОАО «Гомельстекло», специализирующееся на производстве листового полированного стекла. В результате мы остановились на 78 предприятиях, с которыми знакомим в ЭБД.

Затем пришлось изучить сайты и книжные материалы об истории развития каждого учреждения и предприятия (62 сайта, 28 книжных источников). Были подготовлены вступительные статьи к каждой рубрике, содержащие материалы о конкретной сфере экономики (17 статей), и общая статья, характеризующая экономическое развитие Гомельского региона. Для того чтобы наиболее полно и ярко представить все учреждения и предприятия, к каждому из них составлена историческая пояснительная справка.

Самой большой и кропотливой работой явился просмотр в режиме de visu имеющихся в библиотеке материалов. Начинали с глубокой ретроспективы – 1945 г. Однако не забыли про уникальные краеведческие документы – «Памятные книжки Могилевской губернии», начиная с 1853 г.

К каждой отобранной для размещения в базе данных статье составляется библиографическое описание, подбираются ключевые слова, определяются персоналии, географические маркеры и метки, по которым ее удобно найти на сайте.

Особого внимания требовала работа по созданию оболочки сайта, разработке его дизайн-концепции. Нами были определены критерии, согласно которым интернет-ресурс получился открытым/доступным каждому без исключения пользователю сети Интернет: содержит четко структурированную информацию; имеет хорошую конверсию и максимальное удобство при поиске; обладает приятным интерфейсом.

Таким образом, представленный на сайте Гомельской областной библиотеки в открытом доступе электронный ресурс «Гомельский регион: история газетной строкой» [2] способствует не только сохранению имеющихся краеведческих материалов, но и позволяет позиционировать библиотеку как региональный бренд.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Буданцева, Н. В.** Актуальность создания электронных краеведческих ресурсов библиотек [Электронный ресурс] / Н. В. Буданцева. – Режим доступа: https://moluch.ru/archive/7/505/. – Дата доступа: 03.03.2021.

2. **Гомельский** регион: история газетной строкой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://region.goub.by/. – Дата доступа: 19.03.2022.

3. **Левицкая, Л. В.** Создание и использование электронных ресурсов по краеведению [Электронный ресурс] / Л. В. Левицкая. – Режим доступа: https://Library.tomsk.ru. – Дата доступа: 21.04.2021.

4. **Соломин, Е.** Краеведческие информационные ресурсы как фактор развития региональных брендов [Электронный ресурс] / Е. Соломин. – Режим доступа: https://evgenysolomin.livejournal.com/43037. – Дата доступа: 16.04.2021.

Кот С.В. *(г. Витебск)*

КОЛЛЕКЦИЯ СКУЛЬПТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДАВИДА ЯКЕРСОНА В СОБРАНИИ ВИТЕБСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Коллекция скульптурных произведений Якерсона Давида Ароновича из фонда Витебского областного краеведческого музея, уникальная и разноплановая. Безусловно, не так востребована, как коллекция его супрематических графических произведений, но в то же время презентовалась не единожды и не только в Витебске, особенно полно деревянная скульптура была представлена на монографической выставке в г. Минске в Национальном художественном музее Республики Беларусь, приуроченной к 125-летию со дня рождения известного скульптора и графика.

Уникальный личный фонд, связанный с именем Якерсона Давида Ароновича (1896, Витебск – 1947, Москва) – художника, скульптора, графика, оформителя, уроженца Витебска, в музее начал пополняться благодаря старшему научному сотруднику музея Кичиной Евгении Марковне. 23 мая 1969 г. Елена Аркадьевна Кабищер-Якерсон, вдова Д.А. Якерсона передала скульптурные портреты «Бюст В.И. Ленина», «Бюст Ю.М. Пэна», «Голова тунгуса», а также изразцы с изображениями портретов Ю.М. Пэна, еврея, горянки, жанровых композиций и др. Следующая часть изразцов с изображениями сюжетных композиций, связанных с сельским хозяйством: «Трактористы», «Телятница», «Жатва», «Косцы» и другие была приобретены музеем в 1976 г. В этом же году поступил в фонд «Эскиз памятника К. Марксу», выполненный Д.А. Якерсоном в 1919 г. для г. Витебска. Поступления 1984 г. состоят из личных писем, фотографий, документов, книг из библиотеки семьи художника. Формирование фонда художественными произведениями Д.А. Якерсона продолжалось в 1985, 1988, 1989 гг. Последним пополнением фонда музея стали скульптурные портреты, гипсовые композиции, шкатулка, переданные в 1991 г., наследником Е.А. Кабищер-Якерсон Либерманом Аркадием Нисоновичем (наследник по материнской линии). Он же поделился одним из воспоминаний: «Из моих родных по материнской линии особенно близки мне были тетя Елена Аркадьевна Кабищер-Якерсон и ее муж Давид Аронович Якерсон – оба воспитанники художественного училища, основанного Марком Шагалом в Витебске.

Памятники работы скульптора Д.А. Якерсона еще до войны были установлены в Минске, Витебске, Таганроге и других городах. Он оформлял павильон Башкирии на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве, им были созданы скульптурные памятники В.И. Ленину, И.С. Тургеневу, А.М. Горькому, И.В. Мичурину и многим другим. Начиная с 1990-х гг. резко возрос интерес к творчеству многих художников, творивших в 1920-е гг.

в стиле авангардизма. «Авангардист», «кубист» – это в течение 70 лет советской власти были ругательные клички, которыми, в том числе официальной критикой, «награждались» и работы моего дяди. Хотя в дальнейшем он творил в «классическом» стиле (так называемом соцреализме), за время жизни ни у него, ни у тети, которая, по мнению специалистов, была одаренной художницей, ни разу не было персональных выставок. Скульптурные работы ее мужа Давида Ароновича и ее картины впервые экспонированы в Москве в 1980-х гг. на выставке художников, работавших в подмосковском поселке «Пески». Затем по нескольку их работ появились в Третьяковской галерее. Вспоминается одна история, рассказанная мне тетей Леной. В тяжелые послевоенные годы она работала в детском учреждении. И вот, неловко повернувшись, она задела деревянную подставку, на которой был установлен гипсовый бюст И.В. Сталина. Скульптура упала на пол и разлетелась на мелкие куски. Отчаянию тети Лены, которое разделяла и заведующая детским садиком, не было предела. Она позвонила домой, рассказала дяде Доде о происшедшем и попросила с инструментом и гипсом приехать к ней. Из осколков дядя Дода сумел собрать бюст И.В. Сталина, причем сделал это так виртуозно, что никаких следов повреждения не было видно. Тетя была спасена!» [2, с. 19].

Первые шаги в искусстве Д. Якерсон сделал под руководством Ю.М. Пэна, а определившаяся склонность к скульптуре заставила юношу продолжить обучение на строительном факультете Рижского политехнического института, дававшем и художественное образование. В годы Первой мировой войны часть института находилась в Москве и Д. Якерсон проучился здесь до 1918 г. О его первых педагогах в области скульптуры говорить трудно, скорее всего, он постигал все на своем собственном опыте. Наиболее ранние работы, сохранившиеся лишь на фотографиях, датируются 1916–1917 гг.; это камерные портретные бюсты родных и близких, выполненные в глине. В меру психологичные, они говорят об успешном овладении господствующими – в данном случае импрессионистическими – приемами в скульптуре. Вступив в Московский союз скульпторов-художников, Д. Якерсон с XXIV выставки картин и скульптуры Московского товарищества художников (1918) начинает участвовать в московских выставках.

Вернувшись в родной город летом 1918 г, художник сразу же активно включился в оформление Витебска к первой годовщине революции. В силу сложившихся условий – отдаленности от линии фронта, привлечения значительных художественных сил в город – в Витебске очень активно претворяется в жизнь ленинский план монументальной пропаганды. Из скульпторов в городе в это время живет и работает латышский мастер Я. Тильберг, развертывается деятельность А. Бразера. Но именно Д. Якерсону принадлежит наибольшее количество монументов, поставленных в Витебске и его окрестностях. В мае – июне 1919 г. он командируется в Полоцк для установки там

памятника Карлу Марксу, в июне этого же года ставит бюст Карла Маркса в Невеле, в местечке Яновичи в июле делает памятник революционеру Горнфункелю. В 1920 г. в Витебске Якерсон создает два монумента: памятник Карлу Марксу в бывшем Дворянском саду и памятник Карлу Либкнехту в саду «Липки». В книге И. Елатомцевой «Монументальная летопись эпохи» дана характеристика этих несохранившихся монументов: «Работы Д. Якерсона удивляли масштабами. Оба бюста размерами более двух натуральных величин были выполнены из цемента, что по тем временам являлось событием в практике скульптуры, потому что нехватка профессиональных формовщиков лишала исполнителей возможности переводить свои работы даже в гипс. Секрет Д. Якерсона был несложным: он не отливал бюсты, а вырезал их из полузатвердевшей массы цемента, поэтому формы скульптуры как нельзя лучше соответствовали технике исполнения» [1, с. 15].

Два скульптурных макета памятников К. Марксу и К. Либкнехту на сегодняшний день представлены в коллекции музея. Сохранившиеся макеты покрыты светло-серой краской и дают нам представление о том, как выглядели памятники в среде Витебска.

На смену импрессионистической лепке приходит овладение приемами ваяния. Скульптор работает в кубистической манере: граненость формы обусловливает большую обобщенность. Д. Якерсон приобретает умение немногими планами дать объем головы, организовать крупные массы. Используя кубистическую геометризацию и ту же технику «ваяния» из цемента, молодой художник исполняет портретные бюсты сестры – Ф. Якерсон, друзей: И. Байтина, С. Гриус. Интересно, что в некоторые ранние работы Якерсон вводит цвет: раскрашены кубистические бюсты и статуэтки (гипс). Примером таких работ служит в коллекции музея скульптурный портрет «Мужская голова», выполненная в этой же манере: рубленые формы с использованием тонировки, что позволяет отнести ее к раннему периоду творчества Д. Якерсона.

В коллекции графических разработок художника сохранилось несколько эскизов пьедестала-трибуны 1921 г. Будучи архитектором Якерсон создает вполне приспособленную конструктивно и функционально оправданную спиралеобразную конструкцию со ступеньками к трибуне-пьедесталу. Сочетание простых по форме объемов-блоков, заключенных в динамично движущийся по спирали модуль, – это соответствовало самым смелым супрематическим конструктивистским идеям этого времени. Сохранились также эскизы памятника В.И. Ленину, где пьедестал стилизован в виде книг, в композицию включен земной шар. Однако в коллекции музея скульптура В.И. Ленина представлена традиционными бюстами.

«Модель статуи И.В. Мичурина для ВСХВ» позволяет понять, что увлечение скульптурным супрематизмом было временным, о чем также свидетельствуют реалистические изображения писателя И. Тургенева, художника Комарова, писателя М. Горького и др.

В коллекции хранятся композиция с изображением Емельяна Пугачева и портрет Салавата Юлаева – участника Крестьянской войны 1773–1775 гг., сподвижника Емельяна Пугачёва. В дореволюционном искусстве эти герои были достоянием неофициального народного фольклора, план монументальной пропаганды ввел этих предтеч революции в изобразительное искусство; их иконография особенно обширной становится в послереволюционное двадцатилетие.

Рисунки обнаженных женских фигур, выполненных в 1928, 1940 гг., воплотились в сохранившихся моделях для статуи «Женщина, играющая в мяч». Подобного характера скульптура была создана для оформления здания и парковой зоны в санатории «Курпаты» в г. Ялта. Дополнительным материалом для изучения скульптуры Д. Якерсона являются не только его зарисовки, хранящиеся в коллекции «Графика», позволяющие понять не только замысел автора и возможные варианты созданных памятников, ведь ни одного из них не осталось, но и проследить, какая проводилась подготовительная работа перед установкой монументальных композиций.

Заслуживают внимания несколько небольших скульптурных композиций, выполненных в гипсе и цементе «Борцы», «Смерть партизана» (1943). В них присутствует напряженность, сохраняющаяся даже в небольшом объеме. Способ передачи скорби в композиции «Смерть партизана» хоть и не новый, но достаточно эмоциональный. Среди эскизов сохранился набросок «Две фигуры», показывающий разработку образа и подготовительную работу создания этой скульптуры. В скульптуре «Борцы» формы обобщены, лишены детализации, что явилось способом передачи движения в спортивной схватке.

Блок гипсовых скульптур продолжают изображения: «Крестьянка», представшая перед нами в образе грузной женщины, которая несет бидон и мешок наперевес через плечо, фигура наклонена вперед, что позволяет определить тяжесть ноши; бюст Ю.М Пэна, выполненный при жизни художника; несколько гипсовых голов юноши, девушки, ребенка, – все скульптуры тонированы.

Д. Якерсон в 1920-е гг. тесно сотрудничает с Государственным центральным музеем народоведения, исполняя для него экспонаты, изображающие представителя той или иной этнографической группы. Этот факт биографии скульптора – явление в общественной и художественной жизни страны.

На восьмой выставке картин и скульптуры АХРР «Жизнь и быт народов СССР» в 1926 г., на которую были отобраны около 2000 экспонатов и которая стала первой попыткой отражения жизни и быта народов СССР, Давид Якерсон представил гипсовую скульптуру «Этюд женской головы». Согласно каталогу 2-й выставки скульптуры Общества русских скульпторов экспонировалась скульптура из гипса «Голова узбека». В каталоге 3-й выставки скульптуры Общества русских скульпторов были выставлены деревянные скульптуры «Тунгус» и «Монголка», скульптура «Тунгус».

«Тунгус» и «Монголка» – одни из первых работ Д. Якерсона в жанре скульптуры, изображающие представителей разных национальностей, что соответствовало времени и увлеченности автора. Впоследствии к ним присоединятся произведения: «Монгол», «Якут», «Каюр», «Кавказский еврей», «Белорусский еврей», «Абиссинка» и др. Все эти скульптуры выполнены из дерева, так любимого скульптором. Д. Якерсон стал, пожалуй, единственным продолжателем своеобразной – «фактурной» – линии в деревянной скульптуре, начатой С. Коненковым, первым выявившим своеобразие дерева как материала со своей собственной органической «биографией» [3, с. 164].

Несколько из перечисленных произведений хранятся в коллекции музея. «Абиссинка» – мощная и величественная скульптура-столб. Не изменяя формы ствола дерева, скульптор добивается выразительности и расового сходства, добавив цвета для изображения волос и глаз. Широкие губы, огромные глаза создают этнический колорит.

«Тунгус», «Кавказский еврей», «Портрет старика» – скульптуры, «вписанные» в природный материал, который, с одной стороны, диктует автору линию, но в то же время совершенно точно становится необходимой фактурой для достижения сходства с натурой и позволяет раскрыть характер.

Особенно трогательный образ создал Д. Якерсон в скульптуре «Сказительница былин». Образ стал олицетворением хранителей русской старины, носителей исторической памяти, которые доносили до слушателей своеобразие народной поэзии, были душой, источником светлых, бодрых настроений слушающего их человека. Сосредоточенный взгляд подчеркнут сдвинутыми бровями, словно автор застал сказительницу за рассказом тревожной истории.

Интересны барельефы с изображением обнаженных женских фигур, словно трещины коры, проступают женские абрисы, плавной линией подчеркнуты фигуры, природная линия становится олицетворением изящества и грациозности женщины. И в то же время образ в скульптуре «Этюд женщины», мощный и массивный не только из-за размера, но и по форме, становится отсылкой к «виллендорфской Венере», когда изображали тучных, беременных женщин.

Одной из характернейших черт якерсоновской деревянной скульптуры становится живописность, разнообразие фактур, их игра: природная – там, где художник использует все слои дерева, рукотворная – там, где он противопоставляет отшлифованным поверхностям другие, взбугренные инструментами.

Мастерство Д. Якерсона – «деревянщика» – было общепризнанным. В 1935 г. он участвовал в «Выставке скульптуры в дереве» вместе с Н. Абакумцевым, В. Ватагиным, И. Ефимовым, А. Кардашовым, Ю. Кун, Б. Сандомирской, С. Чураковым. Помимо деревянных голов, скульптор экспонировал на выставке несколько работ, тесно связанных с проблемами взаимодействия

архитектуры и изобразительных искусств, горячо дебатировавшихся в это время [3, с. 166]. Характерно высказывание Д. Якерсона: «Благодаря своим конструктивным свойствам дерево может одновременно служить архитектурным элементом, колонной, пилястром и капителью. В этой области мною сделан ряд опытов-работ, где, сохраняя в колонне ее конструктивные свойства, я даю на ее поверхности ряд решений в виде барельефа, горельефа и контррельефа» [4].

В фонде Витебского областного краеведческого музея находятся на хранении скульптурные произведения, выполненные в разные периоды творчества Д. Якерсона, позволяющие в полной мере презентовать творчество и рассматривать его как новатора, так и традиционалиста.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Елатомцева, И. М.** Монументальная летопись эпохи / И. М. Елатомцева. – Минск : Наука и техника, 1969. – 152 с.

2. **Либерман, А. Н.** Помню : страницы жизни / А. Н. Либерман. – 2-е изд. испр. и доп. – Санкт-Петербург, 2006. – 172 с.

3. **Шатских, А.** Деревянная скульптура Д. А. Якерсона / А. Шатских.– Москва : Советский художник, 1984. – Вып. 8. – С. 160–169.

4. **Якерсон, Д. А.** Скульпторы о себе / Д. А. Якерсон // Творчество. – 1935. – № 10. – [С. 23].

Куксёнак М.В. *(г. Наваполацк)*

ФОТАДАКУМЕНТЫ ЯК КРЫНІЦА ВЫВУЧЭННЯ ГІСТОРЫІ НАВАПОЛАЦКА

Калі гартаеш альбомы з фотаздымкамі беларускіх гарадоў канца XIX – пачатку XX ст., ты нібыта здзяйсняеш падарожжа ў мінулае, бачыш старадаўнія будынкі, брукаваныя вуліцы, нязвыклае воку адзенне…

У адрозненне ад гарадоў з багатай гісторыяй, узрост Наваполацка вылічаецца дзесяцігоддзямі. І можа ўзнікнуць думка, што за гэты кароткі перыяд архітэктурны вобраз горада істотна не змяніўся. Але фотаматэрыялы з фондаў гарадскога музея і асабістых архіваў навапалачан сцвярджаюць ад варотнае. Сціплыя вясковыя хаты і брызентавыя палаткі на месцы будучага горада, аднапавярховыя будынкі інтэрнатаў і прадуктовы магазін «Колас», манумент у выглядзе ракет і шэраг іншых аб'ектаў нам знаёмы выключна па фотаздымках.

Як вядома, характэрнай рысай сучаснай гістарычнай навукі з'яўляецца цікавасць да візуальных крыніц. *«Візуальныя крыніцы – не проста ілюстра-*

цыі, а неад'емная частка аргументацыі гісторыка. Часта яны стаяць на адным узроўні з пісьмовымі тэкстамі, уяўляючы сабой унікальныя па свайму характару дакументы, з'яўляючыся адзіным сведчаннем мінулага, і ў такім выпадку могуць выступаць і выступаюць у якасці асноўнай крыніцы інфармацыі» [1, с. 399], – адзначаюць навукоўцы.

Пры вывучэнні гісторыі Наваполацка важным уяўляецца зварот да калекцыі фотадакументаў з фондаў гарадскога музея, якая пачала фарміравацца ў канцы 1960-х гг. Сярод гэтай групы музейных прадметаў асаблівае значэнне маюць фотаздымкі аднаго з першых фотакарэспандэнтаў Аляксандра Іванавіча Васечкі.

Звернемся да ўнікальных фотадакументаў і разгледзім, якія аб'екты фарміравалі вобраз цэнтральнай вуліцы горада Маладзёжнай у мінулыя гады.

На сённяшні дзень па адрасе Маладзёжная, 1 знаходзіцца пяціпавярховы панэльны жылы дом. Але, згодна з пісьмовымі крыніцамі і матэрыяламі вуснай гісторыі, першапачаткова на гэтым месцы размяшчаўся будынак аўтастанцыі. Што ўяўляла сабой аўтастанцыя ў канцы 1950-х гг., дазваляе меркаваць наступны фотадакумент.

Аўтастанцыя. 1959 г.

На фотаздымку мы бачым дастаткова высокі (у параўнанні з іншымі аб'ектамі) указальнік з вертыкальным размяшчэннем надпісу на рускай мове «Автостанция» і аднапавярховы кампактны будынак у акружэнні насаджэнняў, які абнесены невысокай агароджай. Асобую ўвагу выклікае лозунг ля будынка аўтастанцыі на беларускай мове: «Рост дабрабыту народа – вышэйшая мэта КПСС!». На фотаздымку мы таксама заўважаем транспартныя сродкі таго часу.

Калі мы пройдзем далей па вуліцы Маладзёжнай, то ўбачым мемарыяльны комплекс «Першая палатка».

7 чэрвеня 1958 г. недалёка ад гэтага месца, на левым беразе Заходняй Дзвіны, высадзіўся першы атрад будаўнікоў. На ўскраіне вёскі Слабада, якая тады знаходзілася тут, былі пастаўлены першыя палаткі. У іх размясціліся аддзел кадраў, вытворча-тэхнічны аддзел будаўнічага ўпраўлення, рацыя для сувязі з Полацкам. Крыху пазней была пастаўлена палатка для камітэта камсамола і рэдакцыі першай шматтыражнай газеты «Сцяг новабудоўлі».

Першыя палаткі. Ліпень 1958 г.

Рарытэтны фотаздымак вяртае нас у мінулае. Мы бачым брызентавыя палаткі з указальнікамі, жанчыну, якая бярэ ваду з калодзежа, фрагменты драўляных пабудоў і, што цікава, шпакоўні.

Аляксандр Васечка – аўтар фотаздымка, сапраўдны фоталетапісец горада, пазней узгадваў: *«...Падняўся я на касагор і ўбачыў чатыры брызентавыя палаткі. ...Каля палатак узвышаўся слуп з прыбітым да яго шчытом (для вывешвання аб'яў), побач размясціўся свежавыкапаны калодеж, а крыху паводдаль стаяў хлеў. З гэтых палатак, слупа, калодзежа і хляўка, уласна, і пачынаўся наш Навапалоцк...»* [3, с. 44].

Варты ўвагі фотаздымак з адлюстраваннем сярэдняй школы № 1. Мы бачым трохпавярховы будынак з прыбудовай за невысокай агароджай. Фотадакумент датаваны 1959 г. Улічваючы, што пачатак будаўніцтва горада прыпадае на чэрвень 1958 г., мы можам казаць, што навучальная ўстанова была пабудавана сапраўды ў кароткія тэрміны.

Сярэдняя школа № 1. 1959 г.

У поўнай меры адчуць значнасць узвядзення школы ў такі сціплы перыяд дазваляе архіўны дакумент: *«...Гордость нефтестроевцев, 3-х этажная школа, которой не имеет город Полоцк, которому в 1962 году исполнится 1100 лет»* [2, с. 1], – чытаем у пратаколе № 1 першай сесіі Полацкага пасялковага Савета дэпутатаў працоўных.

Наступны фотадакумент дазваляе ўявіць агульны выгляд вуліцы Маладзёжнай у канцы 1950-х – пачатку 1960-х гг. На фотаздымку злева адлюстравана група аднапавярховых будынкаў інтэрнатаў, двухпавярховы і вугал трохпавярховага жылога дома. На заднім плане праглядаюцца абрысы воданапорнай вежы. Варта адзначыць, што ў 1980-я гг. практычна ўсе будынкі інтэрнатаў былі знесены (захаваліся два з іх), а на гэтым месцы пабудавалі пяціпавярховыя жылыя дамы з цэглы. Не захаваўся да нашых дзён і першы прадуктовы магазін «Колас», які пры жаданні можна разгледзець на фотаздымку.

Асаблівая каштоўнасць фотаздымка заключаецца ў тым, што ён дае ўяўленне пра «суседства» горада і вёскі. Справа мы можам бачыць невысокую агароджу, якая аддзяляе тэрыторыю сярэдняй школы № 1 ад нешматлікіх пабудоў вёскі Слабада.

Агульны выгляд вуліцы Маладёжнай. 1960 г.

Значны інтарэс уяўляе фотаздымак першага прамтаварнага магазіна, які быў адкрыты ў 1960 г. і, дарэчы, да гэтага часу эксплуатуецца. Сёння гэта прадуктовы магазін «Залатая ніва».

Першы прамтаварны магазін. Лістапад 1960 г.

На фотаздымку звяртае ўвагу група жанчын у рабочым адзенні, якія з цікавасцю разглядаюць вітрыны. Мы дапускаем, што ў час перапынку будаўнікі з суседняга аб'екта – чатырохпавярховага жылога дома – вырашылі пазнаёміцца з асартыментам новага магазіна. На пярэднім плане прыцягвае погляд савецкі аўтамабіль «Масквіч».

Нельга пакінуць без увагі фотаздымак, які адлюстроўвае агульны выгляд наступнага адрэзка вуліцы Маладзёжнай – ад перакрыжавання з вуліцай Ктатарава і да плошчы Будаўнікоў. На фотаздымку злева адлюстраваны будынак былога кінатэатра «Космас» і першыя дзевяціпавярховыя жылыя дамы Наваполацка, якія былі ўзведзены ў 1960-я гг. Дарэчы, гэтыя жылыя будынкі можна было бачыць у фільме «Вуліца без канца». Галоўная гераіня Вольга Русанава падыходзіць да аднаго з іх і заўважае, што вуліца названа імем яе бацькі Сяргея Русанава.

Чым яшчэ прыкметны гэты фотаздымак? Па-першае, ён дазваляе нам атрымаць уяўленне пра манумент у выглядзе ракет, які быў пазней дэманціраваны. Па-другое, дае магчымасць меркаваць пра колькасць грамадскага транспарту.

Агульны выгляд вуліцы Маладёжнай

У канцы варта разгледзець яшчэ адзін надзвычай цікавы фотаздымак, які датаваны 1959 г. Фотадакумент не ілюструе трансфармацыю архітэктурнага вобраза горада, але добра перадае інтарэс да горада з боку школьнікаў.

На фотаздымку адлюстравана група піянераў з Полацка падчас экскурсіі на Нафтабуд. Настаўніца паказвае рукой на левы бераг Заходняй Дзвіны, дзе ўзведзены першыя аб'екты. Адзін з юнакоў, напэўна, асабліва зацікавіўся будучым горадам нафтавікоў, ён узлез на дрэва і глядзіць у бінокль. Таму, калі кажуць, што Наваполацк не турыстычны горад, можна не пагадзіцца.

Экскурсія на Нафтабуд піянераў г. Полацка. Чэрвень 1959 г.

Такім чынам, аналіз фотаздымкаў дазволіў нам пераканацца, што вобраз цэнтральнай вуліцы горада Маладзёжнай прыцярпеў сапраўды істотныя змены. І мы можам сцвярджаць, што фотадакументы з'яўляюцца важнай крыніцай вывучэння гісторыі Навапалацка.

ЛІТАРАТУРА

1. **Баранова, Е. В.** Особенности создания цифровых архивов семейных фотографий и работы с ними: на примере проекта «Калининград советский. Народный фотоальбом» [Электронный ресурс] / Е. В. Баранова // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки : сборник статей / авт.-сост. Е. А. Воронцова ; отв. ред. А. Г. Голиков. – 2019. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_42662855_18192727.pdf. – Дата доступа: 14.10.2021.

2. **Занальны** дзяржаўны архіў у г. Полацку. – Ф. 1932. Полацкі пасялковы Савет дэпутатаў працоўных і яго выканаўчы камітэт. Воп. 1. Спр. 11. Арк. 1.

3. **Шлеймович, М. М.** Новополоцк: год за годом: история, архитектура, строительство / М. М. Шлеймович. – Минск : Беларусь, 2008. – 439 с. : ил.

Кучерова О.В., Солдатенко О.М. *(г. Краснодар, Россия)*

РОДНОГО КРАЯ ОБЛИК МНОГОЛИКИЙ

Краснодарская краевая юношеская библиотека им. И.Ф. Вараввы (ККЮБ) осуществляет свою деятельность с 1980 г. и находится в краевом центре Краснодарского края. Это регион с развитым агропромышленным комплексом и туристической инфраструктурой, чему способствуют мягкий климат, наличие двух теплых морей, богатые флора и фауна.

Еще одна отличительная особенность края – его древняя история и многонациональный состав жителей. Многочисленным субэтносом на Кубани являются казаки, сохранившие свои богатые традиции и культуру, что отражается на общественной и культурной жизни региона.

Совсем недавно, в 2020 г., библиотека отметила свой 40-летний юбилей. С 2008 г. она с гордостью носит имя известного кубанского поэта И.Ф. Вараввы. Немаловажно, что нашими читателями ежегодно становятся более 25 тыс. человек. Популярность и уважение к юношеской библиотеке среди населения Краснодарского края с каждым годом неизменно растет.

Деятельность ККЮБ направлена на удовлетворение информационных и интеллектуальных потребностей молодежи, раскрытие ее творческого потенциала, создание условий для позитивной самореализации и общения.

Одним из приоритетных направлений информационно-библиографической работы является краеведение. Большое внимание уделяется формированию информационных ресурсов краеведческой тематики. Систематически пополняется база данных «Краеведение», которая отражает разносторонние аспекты жизни и деятельности региона. Ведется активная работа по исследованию, популяризации творчества кубанских писателей и поэтов, результатом чего становятся различные проекты, фестивали, конкурсы и акции.

Специалисты библиотеки ежегодно организовывают и проводят крупномасштабные мероприятия, посвященные памяти Ивана Федоровича Вараввы, нашего земляка, выдающегося поэта, прозаика, драматурга, литературного переводчика, журналиста, участника Великой Отечественной войны, Героя Труда Кубани, лауреата многих литературных премий, народного поэта Республики Адыгея, Почетного гражданина г. Краснодара и г. Несебр (Болгария). С 2009 г. проведено восемь Вараввинских чтений, в которых принимали участие специалисты практически всех библиотек края.

Ярким событием 2020 г. стал открытый литературный фестиваль «Хранители литературной славы казака и поэта Ивана Вараввы», приуроченный к 95-летию со дня его рождения. Основная цель фестиваля заключалась в привлечении внимания молодежи к произведениям кубанского кобзаря, в том числе о войне, фронтовой юности, мужестве и верности долгу, о любви к Родине его сверстников, отдавших свою молодость победе над врагом. В мероприятии приняли участие представители казачества, кубанские и адыгей-

ские писатели, поэты, родственники И.Ф. Вараввы, читатели и специалисты библиотек Краснодарского края и Республики Адыгея, студенты и учащиеся учебных заведений краевой столицы.

Партнерами библиотеки по продвижению творчества И.Ф. Вараввы стали различные организации. В результате сотрудничества с Почтой России выпущен юбилейный конверт с портретом писателя. Церемония гашения конверта проходила в торжественной обстановке с участием представителя Управления Федеральной почтовой связи Краснодарского края.

Главное богатство нашего края – это люди, которые принесли ему славу и почет. Их знает и помнит кубанская земля. Это те, кто осваивал Кубань, поднимал и восстанавливал сельское хозяйство, это политические и хозяйственные деятели, деятели литературы и искусства, знаменитые спортсмены. В нашем крае родились и выросли такие известные личности, как Федор Андреевич Щербина – основоположник русской бюджетной статистики, краевед, Павел Пантелеймонович Лукьяненко – ученый-селекционер, который выводил новые сорта пшеницы, Григорий Федорович Пономаренко – композитор, Владимир Борисович Крамник – шахматист, экс-чемпион мира, Анна Юрьевна Нетребко – оперная певица.

В Краснодарском крае сегодня проживает около 6 млн человек, из них порядка 1,5 млн молодых граждан. Юноши и девушки – это основная категория пользователей, обслуживаемых нашей библиотекой, а сколько среди них талантливых! Еще в 2003 г. нами была создана уникальная полнотекстовая база данных «Молодежь Кубани», в которой собрана информация из периодической печати о достижениях современных талантливых представителях Краснодарского края.

Подробнее хотелось бы рассказать о запоминающемся краеведческом проекте, разработанном и реализованном нашими специалистами. Это создание молодежного календаря «Мечтаем, достигаем, побеждаем!». Его идея заключалась в том, чтобы на страницах издания разместить информацию о юношах и девушках, прославивших Кубань своими высокими достижениями в учебе, науке, искусстве, спорте, иной деятельности. Каждый месяц представлен рассказом о человеке, родившемся в этот период, а также о его успехах. 12 месяцев в году, 12 сюжетов в календаре, 12 героев издания – активных, талантливых и прогрессивных молодых людей.

В библиотеки муниципальных образований Краснодарского края были отправлены приглашения с предложением принять участие в проекте. Коллеги сразу же откликнулись на наше предложение и предоставили информацию о талантливой молодежи, ее достижениях. Спортсмены, певцы, танцоры, режиссеры, путешественники – это действительно наша гордость. Но как выбрать среди множества кандидатов самых лучших? Задача была не из простых. Изюминкой издания стало размещение на его страницах, под биографиями героев информации о новых книгах, поступивших в библиотеку.

За весь период функционирования проекта вышло в свет 5 выпусков, в них представлены сведения о 60 выдающихся молодых кубанцах.

Одним из героев календаря стал Александр Савельев, который к 24 годам уже имел 5 дипломов с отличием о высшем образовании по специальностям: педагогика, лингвистика, психология, история и журналистика, а также защитил кандидатскую диссертацию по истории. Является автором 100 научных работ по истории, философии, психологии, военной науке, написал книгу «История Древней Греции» объемом 1000 страниц. В 1997 г. стал членом Союза журналистов России и *трижды был внесен в Книгу рекордов России за самое большое количество высших образований, полученных инвалидом-колясочником.*

На страницах календаря размещена информация о Виталии Киселеве из Тихорецкого района, спасшем троих тонущих детей, о Батыре и Лейле Мержоевых, совершивших кругосветную экспедицию «Огненный пояс земли» и других героях.

Ежегодно в канун Нового года проходила торжественная презентация календаря, на которой присутствовали представители общественности, молодежных организаций Кубани, специалисты библиотек края и, конечно же, герои календаря, их родные и близкие.

Еще один огромный пласт работы библиотеки – популяризация литературного творчества известного кубанского писателя Виктора Ивановича Лихоносова (1925–2021), лауреата Государственной премии России им. М. Горького, Международной литературной премии им. М.А. Шолохова. Писатель воспел кубанскую землю, создав литературный памятник Екатеринодару-Краснодару. Его роман «Наш маленький Париж. Ненаписанные воспоминания» стал не просто отражением эпохи, а воплощением самой жизни и истории нашего города, которая ожила на сцене музыкального театра в одноименном спектакле к 80-летию образования Краснодарского края. ККЮБ в свою очередь разработала и воплотила в жизнь проект «Живая книга “Наш маленький Париж”: читает молодежь Кубани». 650 страниц текста были прочитаны вслух и представлены в формате видеороликов. Ожившие страницы романа звучат в семейной обстановке, трудовых коллективах, учебных заведениях, в казачьем кругу, в рощах и парках – любимых местах отдыха жителей Краснодарского края. Озвученные строки по-новому открывают историю нашей любимой Кубани.

В своей деятельности мы применяем нестандартные формы и методы информирования читателей. Например, необычно оформляются библиотечные окна (а их у нас более 10), на которых размещается информация к значимым, юбилейным событиям Краснодарского края. Прохожие могут познакомиться с новыми книгами из нашего фонда.

Мир трансформируется, в цифровую эпоху все больше рекомендательных сервисов смещается в Интернет. Недавно в библиотеке был разработан

новый сайт с современным интерфейсом. Наибольшей популярностью среди юных читателей пользуется раздел сайта «Краеведение», в котором отражена увлекательная, познавательная информация по литературе, истории, географии и туризму региона.

Специалисты информационно-библиографического отдела библиотеки постоянно осваивают новые форматы работы в режиме онлайн (особенно в период пандемии). Результатом этой деятельности стал содержательный и разнообразный онлайн-контент на страницах социальных сетей библиотеки, приглашающий читателей в мир краеведения. За время работы в режиме онлайн нами проведены сотни различных мероприятий: прямых эфиров, дней краеведческой книги, интерактивных выставок, тематических обзоров, видеолекций, виртуальных экскурсий и др.

Положительные отклики пользователей получил цикл онлайн-презентаций новых книг кубанских авторов «Знакомьтесь, книга Земляка». Востребованным форматом стали подготовленные видеооткрытки «Любимый край, расти и процветай» и «С праздником, любимый город» с признаниями в любви к своей малой родине. Вызвали неподдельный интерес и представленные в прямом эфире видеообзоры книг «Легенды Кубани», «Кубанская кухня со вкусом истории», «По страницам Красной книги Краснодарского края», «Античное наследие Кубани» и др.

Удаленные пользователи библиотеки получили уникальную возможность через социальные сети познакомиться с онлайн-обзорами газет и журналов, изданными на территории края.

В течение двух лет активно работает презентационная площадка кубанских писателей «Литературные имена», в рамках которой реализуется образовательный проект «Сея словом зерна добра», посвященный кубанским писателям – юбилярам года (Вадиму Петровичу Неподобе, Виталию Петровичу Бардадыму, Геннадию Григорьевичу Пошагаеву, Леониду Михайловичу Пасенюку). Его отличает подача материала о литературном пути в форме онлайн-уроков. Видеопредставление и рассказы о выдающихся писателях раскрывают неизвестные факты из жизни и творчества наших земляков. Цикл онлайн-уроков предоставляет кубанским юношам и девушкам уникальную возможность познакомиться с выдающимися писателями нашего региона.

Поэт Александр Александрович Блок сказал замечательные слова: «Родина... Мы ей обязаны нашими силами, и вдохновением, и радостями». Именно библиотеки являются центрами сосредоточения знаний о крае и территориальными хранилищами документного культурно-исторического наследия своего региона. Одной из важнейших задач муниципальных биб-лиотек является обеспечение доступности, оперативности и полноты информационных краеведческих ресурсов в своем регионе и за его пределами.

Краеведческие информационные ресурсы заключают в себе огромный потенциал для развития региона. Они обеспечивают основу научной, производственной, образовательной и другой деятельности, связанной с нашим краем, а также позволяют сохранять и передавать из поколения в поколение богатое культурное наследие, накопленное на данной территории. Как и любая библиотека, мы занимаемся сбором, хранением, обработкой краеведческой информации, создаем базы данных собственной генерации.

В 2021 г. специалисты информационно-библиографического отдела вернулись к идее молодежного календаря в онлайн-формате. Они разработали и реализовали архипопулярный у молодежи просветительский проект «Молодые! Сильные! Уверенные!». Известно, что Кубань – регион с огромным образовательным, интеллектуальным, научным потенциалом. Поэтому целью нашей работы является знакомство жителей края с лучшей молодежью. За 2021 г. было организовано более 10 встреч в прямом эфире с молодыми специалистами, лауреатами и победителями различных конкурсов, руководителями молодежных движений и организаций нашего края. Большое количество откликов получил эфир со студенткой Кубанского государственного медицинского университета Екатериной Ивашковой, получившей специальную награду «Герой нашего времени» за работу с ковидными больными в «красной зоне».

Подписчикам аккаунта библиотеки в Instagram запомнилось интервью с Полиной Алексеевной Фоминой, преподавателем русского языка и литературы школы № 3, победителем конкурсов «Учитель года города Краснодара – 2021» и «Учитель года Кубани – 2021». Этот молодой талантливый педагог с нестандартным подходом к ребятам умело раскрывает способности своих учеников.

В прямом эфире Полина Фомина рассказала, как поддерживают молодых педагогов в Краснодаре, кто такой «учитель-компас» и какие хитрости есть у педагога, чтобы удержать внимание школьников.

Отбор кандидатов производится на основе информации из полнотекстовой базы данных «Молодежь Кубани». В процессе беседы участникам задаются вопросы по актуальным темам, они делятся историями успеха, рассказывают о своих ценностях и планах. Проект получил положительные отзывы от подписчиков аккаунта библиотеки, и в наших планах его дальнейшее развитие.

О важности и востребованности краеведческой деятельности свидетельствуют регулярные обращения в библиотеку студентов, ученых, любителей истории за нужной им для учебы и работы информацией. И это, по-видимому, главный промежуточный итог кропотливой ежедневной работы библиотеки по формированию привлекательного имиджа нашего «родного края многоликого».

Лисов А.Г., Правилов В.П. *(г. Витебск)*

К ИСТОРИИ ВИТЕБСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО УЧИЛИЩА 1960-х гг.

Рассматривается история Витебского музыкального училища 1960-х гг. Традиции местной музыкальной школы во многом определили характерные особенности становления белорусского музыкального образования XX в. Училище к концу обозначенного периода отметило полувековой юбилей, опираясь на славные послереволюционные и межвоенные традиции, в послевоенные годы успешно возродилось. Основной целью его деятельности 1960-х гг. была подготовка профессиональных кадров со средним специальным образованием для музыкальных учебных заведений региона. В новых условиях демократизации культурной жизни были выдвинуты новые задачи музыкального образования, переосмыслены роль мировой и отечественной классики, значение национальных музыкальных традиций, новых форм музыкальной культуры XX в. Определяются основные направления подготовки музыкальных кадров. Раскрыта роль училища в становлении музыкальной исполнительской культуры республики послевоенного времени. В статье использованы документы и фотографии из фондов Государственного архива Витебской области и архива по личному составу Витебского музыкального колледжа им. И.И. Соллертинского, которые дают возможность объективно оценить развитие города как центра музыкального образования.

В новых условиях общественной жизни 1960-х гг. развитие музыкальной культуры приобрело в столице и регионах СССР новые черты. Хрущевская «оттепель» стала временем существенных перемен в культуре в целом, и в сфере музыки в частности. Иное отношение к народному творчеству, отечественной и европейской классике, новейшим авангардным формам культуры задавалось в столицах, но постепенно оно оказало влияние на музыкальное творчество и образование в регионах. Культура регионов, в сравнении со столичной культурной средой, была более консервативной, и заметные перемены в ней наметились, в отличие от столичных центров, несколько позднее: не во второй половине 1950-х гг., а на рубеже последующего десятилетия. Послевоенное культурное строительство, история региональных музыкальных школ остается не достаточно изученным материалом даже тогда, когда речь идет о Витебске, богатом славными традициями. В исследованиях по истории белорусской советской музыки и музыкального образования Беларуси [3, с. 6–8] этот материал либо совсем обойден вниманием, либо представлен схематично. К проблемам послевоенного возрождения Витебска как центра музыкального образования Беларуси авторы статьи уже обращались [5]. Обсуждению темы истории Витебского музыкального училища 1960-х гг., которая продолжает начатую работу, мы посвятили настоящую статью. Изучение этой темы предпринято нами на документах, которые сохраняют-

ся в Государственном архиве Витебской области, архиве по личному составу Витебского музыкального колледжа, а также фотографических и документальных материалах из собрания музея истории учебного заведения, личных архивов. Введение в научный обиход новых материалов представляется важным для оценки масштабов культурного строительства в республике и значение Витебска как центра музыкального образования рассматриваемого периода.

Укрепление системы музыкального образования в новых социальных условиях. В 1960-е гг. отмечается небывалый подъем самодеятельного творчества во всех областях культуры и искусства. Этому способствовало укрепление материального производства Витебска и области, что создало определенные возможности для саморазвития населения и организации его досуга. Открытие дворцов и домов культуры, как городских, так и на производствах, создало возможности для существования множества различных по своим направлениям кружков, курсов, студий, коллективов, театров, хоров, оркестров, ансамблей песни и танца и т. д. Кроме того во всех ресторанах, кафе, танцевальных площадках требовались музыканты. Не перечисляя всех коллективов художественной самодеятельности, можно смело сказать, что почти на каждом предприятии и во всех учебных заведениях начиная со средних школ г. Витебска были духовой, а часто и народный, оркестр, хор, танцевальный коллектив и всевозможные по составу инструментальные и вокальные ансамбли и, конечно же, солисты. Подтверждение тому – ежегодные конкурсы самодеятельности, в которых принимали участие эти коллективы. Все эти коллективы, предприятия, учебные заведения и танцевальные площадки остро нуждались в образованных руководителях-музыкантах. Все это способствовало увеличению численности поступающих в музыкальное училище для подготовки квалифицированных специалистов. Как правило, музыканты после музучилища хорошо владели несколькими музыкальными инструментами, а певческими навыками владели практически все.

С конца 1950-х гг. в БССР в целом ширилась сеть музыкальных школ, клубных учреждений, было организовано множество профессиональных и самодеятельных музыкальных коллективов. Эта сеть учреждений требовала музыкальных кадров педагогов и руководителей. Наряду с музыкальными училищами, которые были созданы в послереволюционное и межвоенное время в Витебске, Минске, Могилеве, открывались новые – в Молодечно, Лиде, Гродно, Барановичах. Сеть учебных заведений определяла их задачу более узко в деле подготовки кадров для регионов, но для наиболее одаренных и подготовленных была открыта дорога в консерваторию. В Витебске и регионе музыкальное училище продолжало оставаться единственным учебным заведением на протяжении всего изучаемого периода, лишь к концу 1960-х гг. ситуация стала изменяться. Были организованы учебные заведения со сходными задачами. Новополоцкое музыкальное училище было

основано в 1968 г. (приказ Министерства культуры БССР от 23 июля 1968 г.), а Витебское культурно-просветительное училище – в 1971 г. (приказ Министерства высшего и среднего образования БССР от 16 июня 1971 г. № 302).

Перемены коснулись музыкальной культуры в целом и музыкального образования в частности. Они знаменовали иное отношение к классике и мировым музыкальным новациям, их роли в формировании музыкальной исполнительской культуры. Более разнообразными и представительными стали программы преподавания, широким стал круг изучаемых явлений из истории европейских школ, национальной и народной музыки. Этому способствовал рост профессионализма преподавательского состава. Если в 1940-е – 1950-е гг. одной из существенных проблем преподавания в Витебском музыкальном училище, как и в других учебных заведениях, был недостаток музыкантов-педагогов с высшим специальным образованием, то на рубеже двух новых десятилетий в училище стали приходить профессионалы со специальным консерваторским образованием.

Материальная база и педагогический состав. Витебское музыкальное училище в начале 1960-х гг. функционировало в отдельном здании дореволюционной постройки по ул. Суворова (Дадатак 16, фота. 1). Как регулярно отмечалось в годовых отчетах того времени, оно было плохо приспособлено для занятий. Классы разделялись тонкими временными перегородками. Постоянно отмечалась нехватка учебных площадей. Не было помещений для общежития, из своего фонда их предоставлял станкоинструментальный техникум. Из-за нехватки учебных классов занятия вечернего отделения проводились в комнатах общежития. В арендуемом общежитии сложно было организовать самоподготовку учащихся, для этого не хватало не только помещений, но и музыкальных инструментов. Практика организации музыкальных занятий в общежитии негативно оценивалась руководством станкоинструментального техникума [4]. В очень сложных материальных условиях в 1960-е гг. велось строительство нового учебного корпуса музыкального училища по типовому проекту, строительные работы неоднократно приостанавливались.

В 1960-е гг., когда учебное заведение постоянно испытывало недостаток учебных помещений, руководством музыкального училища были созданы специальные кабинеты: кабинет звукозаписи и лаборатория по ремонту музыкальных инструментов. Целенаправленно стали приобретаться пластинки с программными произведениями для слушания музыки. Для развития музыкальной культуры учащихся, их профессиональной подготовки эти занятия оказывались совершенно необходимыми. В отчете музучилища за 1962/1963 учебный год отмечено, что «многие учащиеся не слушали опер в подлинном сценическом исполнении» [4, оп. 1, д. 115, л. 32]. Слушание программных произведений в записях должно было способствовать устранению этого существенного недостатка.

На протяжении 1960-х гг. увеличивалась численность наборов учащихся. Рост контингента учащихся дневного обучения дает возможность проанализировать (табл. 1). В 1959/1960 учебном году на 1-м курсе училища занималось 58 человек. В июне 1960 г. на 1-й курс дневного отделения зачислены 11 учащихся по классу фортепиано, 16 – баяна, 17 – хорового дирижирования, 8 – струнных инструментов (виолончели, домры, балалайки, цимбал и 1 учащаяся по классу пения.

Таблица 1. Контингент учащихся дневного отделения Витебского музыкального училища по годам

Учебный год	1-й курс (план приема)	2-й курс	3-й курс	4-й курс	Всего учащихся, без набора 1-го курса
1960/1961	60			22	148
1961/1962	58	53	49	45	147
1962/1963	45	55	42	41	138
1963/1964	54	37	54	40	131
1964/1965	36	50	39	45	170
1965/1966	66	34	46	39	185
1966/1967	93	65	33	39	230
1967/1968	85	84	62	26	257
1968/1969	90	91	62	68	311

Таблица 2. Контингент вечернего отделения Витебского музыкального училища по годам

Год	1-й курс (план приема)	2-й курс	3-й курс	4-й курс	5-й курс	Всего учащихся, без набора 1-го курса
1961/1962	28	25	19	–	–	44
1962/1963	31	21	21	14	–	56
1963/1964		24	11	16	10	61

Таблица 3. Контингент заочного отделения Витебского музыкального училища по годам

Год	1-й курс (план приема)	2-й курс	3-й курс	4-й курс	5-й курс	Всего учащихся, без набора 1-го курса
1961/1962	33	29	17	11		57
1962/1963	29	21	25	18	11	75
1963/1964	36	28	21	18	17	84
1964/1965	35	16	31	22	24	128
1965/1966	35	16	11	26	20	108
1966/1967	24	25	10	18	11	88
1967/1968	26	19	18	9	10	82
1968/1969	15	22	17	16	11	84
1969/1970	15	16	26	21	9	72

Вместе с ростом контингента учащихся происходило увеличение штата педагогических работников училища. Их недостаток привел к постоянной перегруженности имеющихся преподавателей. В условиях недостатка штатных педагогов в качестве концертмейстеров систематически привлекали наиболее подготовленных учеников старших курсов (3-го и 4-го). На протяжении 1961–1970 гг. вместе с ростом контингента учащихся происходил постоянный рост численности педагогов. Если в 1961 г. в училище работали 21 штатный педагог и 6 совместителей, в 1963 г. – 30 штатных и 15 совместителей, в 1964 г. – 23 штатных и 15 совместителей, то в 1964/1965 учебном году в училище работали 40 штатных преподавателей и 10 совместителей, из них с высшим образованием – 19, с незаконченным высшим – 2, со средним специальным – 19. Из них 9 педагогов заочно обучались в Белгосконсерватории. В 1965/1966 учебном году было 45 штатных преподавателей и 11 совместителей, в 1966/1967 у. г. – соответственно 48 и 9, в 1967/1968 у. г. – 51 и 7., в 1968/1969 у. г. – 55 и 22, в 1969/1970 у. г.– 55 и 22.

В отчетах музыкального училища отмечалась проблема недостаточной подготовки поступающих в учебное заведение, что делало высоким процент отчислявшихся по неуспеваемости учеников младших курсов. Особенно недостаточным оказывался уровень подготовки по музыкально-теоретическим дисциплинам. Для подготовки к поступлению в музучилище с 1961/1962 учебного года регулярно организовывались четырехмесячные подготовительные курсы. В августе 1963 г. был принят новый учебный план, позволивший готовить специалистов не только после окончания восьмилетней школы, но и на базе полного общего среднего образования.

Характеризуя выпускников музыкального училища и перспективу их трудоустройства, отметим, что наиболее многочисленными были в 1960-е гг. выпуски училища с квалификацией педагога детской музыкальной школы, учителя пения общеобразовательной школы со специализациями по классам хорового дирижирования, руководителя и музыканта оркестра народных инструментов. Весомое место стала занимать подготовка концертмейстеров музыкальных коллективов. Эти тенденции отвечали потребностям общества. Востребованность выпускников для работы в общеобразовательных и музыкальных школах привела к необходимости организации прохождения учащимися производственных и педагогических практик. Для проведения производственных практик при училище был образован специальный сектор. Прохождение практик учащимися 3-го и 4-го курсов осуществлялось в общеобразовательных школах, кружках художественной самодеятельности, оркестре и хоре самого училища.

Открытие вечернего и заочного отделений. В 1959 г. при Витебском музыкальном училище стал осуществляться набор на заочное, а с 1960 г. – на вечернее отделение, которое функционировало до середины 1960-х гг. В 1960 г. на вечернее отделение были приняты 30 учащихся, преимущественно

по классам хорового дирижирования и баяна. В 1961 г. оно было представлено двумя курсами общим числом 58 человек. На заочное отделение приняты 22 учащихся, среди которых дирижерский класс был также самым многочисленным (15 человек). В 1963 г. состоялся первый выпуск заочного отделения. Численность учащихся вечернего и заочного отделений представлена в табл. 2 и 3.

В сентябре 1964 г. учащиеся 1-го – 4-го курсов заочного отделения по классам хорового дирижирования, баяна, фортепиано были переведены в Минское музыкальное училище. Причиной таких мер стал недостаток материальной базы и перегруженность штата. Наборы в классы заочного обучения стали сокращаться к концу 1960-х гг. Перечень специальностей стал большим, но число учащихся значительно уменьшилась.

В 1964 г. по решению Министерства культуры БССР вечернее отделение было ликвидировано ввиду недостаточности наполнения групп. Часть учащихся была переведена на заочное отделение, другая их часть, в связи с перегрузкой преподавателей – в другие учебные заведения, в частности, в Минское музыкальное училище [4, оп. 3, д. 1, л. 2].

В отчетах Витебского музыкального училища ставился вопрос о значительном отсеве учащихся с заочного отделения, особенно тех, кто поступал после школы и не работал по специальности. Отмечалось, что они были «без всякой подготовки и не представляют всех трудностей» профессиональной подготовки, особенно в освоении теоретических предметов [4, оп. 1, д. 153, л. 3; д. 165, л. 3]. Неоднократно вносилось предложение о приеме на заочное отделение лиц, работающих в области музыкального искусства, для которых обучение было бы повышением квалификации.

Специальные отделения и предметные комиссии. Основными направлениями профессиональной подготовки учащихся в 1960-е гг. были хоровое дирижирование и специализации инструментально-исполнительского направления – фортепианной, оркестровой (струнно-смычковых, духовых и ударных и народных инструментов). Изменения в структуре классов и численности наборов по этим и другим специальностям было продиктовано потребностями общества. Новым потребностям должна была отвечать структура отделений. Еще в 1950-е гг. стали происходить соответствующие изменения. Был сокращен, а затем на некоторое время совсем прекращен прием на вокальное отделение, тогда же был сокращен план приема учащихся по классу скрипки. Позднее наборы по классу вокала неоднократно возобновляли. В подготовке специалистов в конце 1950-х гг. был сделан акцент на педагогическую и инструментально-исполнительскую подготовку.

О работе специальных отделений и предметных комиссий в 1960-е гг. следует сказать отдельно. Рост числа педагогов пропорционально увеличению численности учащихся классов делал необходимыми совершен-

ствование методической работы, обмен профессиональным опытом, коллективные усилия по совершенствованию профессиональной подготовки учащихся. Собственно, отделения и комиссии стали фундаментом учебного заведения, качество подготовки – результатом их организованных усилий.

Хоровое отделение, открывшееся в 1950-е гг., в следующем десятилетии стало одним из самых многочисленных. Его руководителем долгие годы был А.Д. Ботштейн. В состав предметной комиссии по хоровому дирижированию входили также педагоги Т.Я Калинина, Е.А. Полищук, Л.Л. Мануйко, М.М. Барабаш, Л.П. Парфенова, В.В. Вавильченко, Л.П. Мусатова, Е.В. Коробенок. В годовом отчете за 1962/1963 учебный год отмечены успехи работы хорового отделения в связи с приходом преподавателя Д.К. Бердышева – основная масса выпускников хорового отделения хорошо подготовлена к самостоятельной практической работе [4, оп. 1, д. 115, л. 10]. Среди вопросов, обсуждавшихся на заседаниях предметной комиссии, были и те, которые имеют отношение к изучению традиций народного и профессионального песенного творчества Беларуси, в частности хорового творчества композитора и дирижера М.В. Анцева.

В 1960-е гг. значительно выросла численность фортепианного отделения, которое было разделено на секции специального и общего фортепиано. С начала 1960-х гг. был открыт концертмейстерский класс. Первоначально аккомпанементу обучали факультативно только студентов фортепианного отделения. С открытием класса аккомпанемента изучение его основ стало обязательным для всех учащихся. Фортепианную секцию в эти годы возглавляла Л.С. Рогацкая. В состав секции входили Г.А. Крылова, В.Д. Ткаченко, В.С. Кудрявцев, И.И. Лаврик, И.А. Ганкович, Ю.П. Иванова, А.М. Двоскина, Е.М. Рыжик, Е.В. Косолапова. На заседаниях секции изучался опыт пианистической школы Г.Г. Нейгауза, читались доклады о композиторах русской советской пианистической школы С. Рахманинове, С. Прокофьеве, Д. Шостаковиче, Д. Кабалевском. Предметная комиссия общего фортепиано работала под председательством П.Л. Пескиной, в ее состав входили А.М. Двоскина, Е.М. Рыжик, С.М. Волкова, Л.В. Менжинская, П.Х. Пронина, Т.И. Юрченко, Л.В. Середа, Е.В. Косолапова (Дадатак 16, фота 5). Как можно заметить, некоторые педагоги ввиду большой учебной нагрузки принимали участие в работе обеих комиссий.

Важную роль играло отделение народных инструментов. В состав предметной комиссии вошли В.М. Барковский, Ф.В. Туровский, Г.Д. Шавкеро, А.В. Маштаков, В.Н. Филимонов, М.И. Ивашкин, Я.П. Никитин, Г.С. Орлова, В.П. Задора (Дадатак 16, фота 8). В конце 1950–х гг. педагогический коллектив училища пополнился выпускниками кафедры струнных народных инструментов Белорусской государственной консерватории – преподавателями класса балалайки В.Г. Бабановым, класса домры Л.Г. Шандрик. В это время

они поочередно руководили отделением народных инструментов. Педколлектив пополнялся и за счет выпускников самого училища. В эти же годы преподавателем по классу домры стал Е.Е. Дягилев, по классу балалайки – Г.С. Орлова. В работе училища в этом смысле следует отметить преемственность: Г.С. Орлова была ученицей класса А.К. Либермана, и ее собственные ученики впоследствии стали не только талантливыми музыкантами, но и педагогами учебного заведения. В их числе следует назвать Т.А. Шафранову, М.В. Фурса. В целом с 1953 по 1970 г. по классам домры, балалайки и цимбал (с 1964 г.) было выпущено 68 учащихся. Председателем отделения народных инструментов в 1960-е гг. стал Е.Е. Дягилев.

В 1960-е гг. в училище были классы струнных смычковых инструментов – скрипки, виолончели и контрабаса. Руководителем струнной предметной комиссии был руководитель класса скрипки М.Д. Ботштейн (Дадатак 16, фота 7). В конце 1960-х гг. энтузиазмом выпускницы класса балалайки Г.С. Орловой организовано обучение игре на гитаре, что, несомненно, отвечало интересам и потребностям молодого поколения. Г.С. Орлова была первой из выпускников училища, кто получил после окончания Витебского музыкального училища распределение в Белгосэстраду и первым преподавателем по классу гитары. Ее возвращение к педагогической работе в училище было результатом осознания тех потребностей, которые происходили в обществе в 1960-е гг. В этом смысле необходимо отметить, что многие выпускники училища, получив профессиональный опыт и консерваторское образование, возвращались на работу преподавателями училища (Дадатак 16, фота 9).

С 1961 г. в училище работало духовое отделение с классами трубы, кларнета и валторны. Деятельность духового отделения неоднократно приостанавливалась и возобновлялась. В 1967/1968 уч. г. отделение насчитывало 11 учащихся, из которых 8 были зачислены на 1-й курс без специальной музыкальной подготовки и проходили одновременно курс музыкальной школы вместе с курсом училища. В составе духового отделения работали преподаватели А.В. Пронин по классу медных музыкальных инструментов и И.Б. Рубинчик – по классу деревянных духовых инструментов. В сентябре 1964 г. учащихся 2-го – 4-го курсов дневного и заочного отделений по отделению духовых инструментов перевели распоряжением Министерства высшего, среднего специального и профессионального образования из Витебского музыкального училища в Молодеченское музыкальное училище. В 1968 г. открыт класс ударных инструментов.

Музыкально-теоретическое отделение открылось лишь в 1968 г., но число педагогов истории и теории музыки на протяжении 1960-х гг. постоянно росло. В числе названы М.М. Грекова, А.С. Гомон, С.И. Старцева, М.М. Барабаш, Б.Я. Магалиф. Последний с 1963 г. был заведующим предметной комиссией музыкально-теоретических дисциплин. С сентября 1966 г. руководителем комиссии был назначен Я.Е. Косолапов (Дадатак 16,

фота 10). С его приходом после 1967 г. стали осуществлять набор по классу теории музыки.

Преподаватель Б.Я. Магалиф проводил интересные, увлекательные лекции, которые представляли интерес не только для коллег, но и для популяризации музыки через культурный университет, созданный на базе училища. Среди тем лекций – «Как создаются и живут песни», «Музыка в кино». Принимали участие в лекционной работе и наиболее подготовленные студенты. Так, учащийся класса скрипки М. Казиник, как говорится в отчете, «с большой любовью и профессиональным знанием музыки рассказал о «Фантастической симфонии» А. Дворжака и о «Скрипичном концерте» И. Брамса» (Дадатак 16, фота 7). Остались такие отзывы педагогов: «Его влюбленность в музыку и присущий подъем оказывали и оказывают благотворное влияние и на других учащихся. Уже и окончились прослушивания концерта Брамса, а учащиеся еще сидели и не расходились. В этом была заслуга не только Брамса, но и Казиника» [4, оп. 1, д. 170, л. 45]. Благодаря лекциям познания студентов в истории музыкального искусства становились более обширными. Важное место занимало слушание музыки Ш. Гуно, К. Вебера, Ж. Бизе, Э. Грига, К. Дебюсси и других композиторов.

На заседаниях предметных комиссий неоднократно ставился вопрос о вокальной подготовке учащихся и о том, что на вокальном отделении училища «трехлетнее обучение постановке голоса совершенно недостаточно, так как учащиеся не успевают овладеть всеми необходимыми певческими навыками» и «необходимо оставить уроки по постановке голоса и на 4 курсе» [4, оп. 1, д. 165, л. 38]. Было предложено также сделать более основательной подготовку певческих навыков и на хоровом отделении с привлечением преподавателей вокальной секции.

Усилиями предметных комиссий стали создаваться оркестры. Организатором симфонического и камерного оркестров, а также дирижером симфонического оркестра на общественных началах был М.Д. Ботштейн. Для обеспечения работы оркестра народных инструментов был приобретен комплект тембровых баянов. В 1965 г. принято решение оборудовать силами хорового отделения специальную хоровую репетиционную комнату.

В 1964/65 учебном году руководителями предметных комиссий были: хорового дирижирования – А.Д. Ботштейн, народных инструментов – Л.Г. Шандрик, фортепианного – Ю.П. Иванова, общего фортепиано – Л.С. Рогацкая, пения – М.М. Булычева, музыкально-теоретических дисциплин – Б.Л. Магалиф, общеобразовательных дисциплин – Б.Л. Бром. В 1969 г. действовали предметные комиссии струнных и духовых инструментов.

Важной частью деятельности предметных комиссий была работа по организации **изучения классического музыкального наследия и современных явлений музыки**. Так, в 1963 г. проводились следующие беседы: под названием «Итальянское чудо», посвященная Робертино Лорет-

ти, 80-летию певицы Амелиты Галли-Курчи, о творчестве Марио Ланци, Энрико Карузо. Демонстрировался фильм «Молодой Карузо». В середине 1960-х гг. демонстрация музыкальных, научно-популярных фильмов в училище стала широко практиковаться. Показывались фильмы о С. Лемешеве, И. Козловском, И. Сумак, Г. Улановой, П. Чайковском, С. Прокофьеве. На отделении пения изучались записи оперных партий Галины Вишневской. Слушались музыкальные произведения Ф. Мендельсона, П. Чайковского, Ф. Шопена, И.-С. Баха, В.-А. Моцарта, Ф. Шуберта, К. Вебера, музыкальная поэма «Прометей» А. Скрябина, симфонические произведения В. Калинникова.

Силами педагогов и учеников были организованы регулярные лекции-концерты «Белорусская народная песня», «Советская массовая песня», проводились групповые беседы о значении и развитии легкой музыки. Из истории белорусской музыкальной культуры обращают на себя внимание темы «Якуб Колас в музыке», «Белорусская музыка за 50 лет», «150 лет Станислава Манюшко».

Для проведения воспитательной работы среди учащихся были организованы коллективные посещения концертов гастрольных выездов столичных коллективов – Минского оперного театра, хоровой капеллы БССР под управлением Г.Р. Ширмы.

Осенью 1968 г. прошли концерты, лекции, торжественные мероприятия, посвященные знаменательному событию – 50-летию Витебского музыкального училища. Были организованы концерты преподавателей и учащихся на Витебской областной студии телевидения.

При училище работали народная хоровая капелла (руководитель – А.Д. Ботштейн) и клуб-университет любителей музыки, мероприятия которого проходили 2 раза в месяц. «Комсомольцы училища, – отмечено в отчете учебного заведения за 1967/1968 учебный год, – проводят большую работу по пропаганде музыкальной культуры в городе. Учащиеся выступают с лекциями-концертами непосредственно на производстве перед рабочими, в общеобразовательных школах, учреждениях, предпринимают активное участие в мероприятиях, проводимых областной библиотекой, в работе университета музыки при училище…» [4, оп. 1, д. 170, л. 62].

Педагоги и выпускники училища в культурной жизни республики и региона. Многие педагоги, которые стояли у истоков послевоенного музыкального училища, в 1960-е гг. и последующие десятилетия принимали самое активное участие в профессиональной и общественной деятельности. Так, В.М. Смирнов, который в конце 1940-х – 1950-е гг. был первым преподавателем по баяну (преподаватель ВМУ в 1948–1958 гг.), в 1960-е гг. руководил хоровыми коллективами в Витебске, в частности детско-юношеским хором областного дворца пионеров. В работе с музыкальными коллективами добились заметных успехов выпускники училища разных лет, которые,

получив консерваторское образование, не только вернулись в музыкальное училище на преподавательскую работу, но и занимались профессиональной, культурно-просветительной деятельностью. В их числе Г.С. Орлова (Шпакова) (выпускница 1954 г.), которая была не только преподавателем, но и руководила оркестром русских народных инструментов училища и такого же оркестра во Дворце пионеров и школьников. Т.А. Шафранова (выпуск 1966 г.), заслуженная артистка БССР стала организатором знаменитого ансамбля октета балалаек «Витебские виртуозы». Выпускник 1965 г. А.И. Тереш организовал ряд оркестров народных инструментов и продолжает работать на этом поприще по сегодняшний день. Успешно работали с музыкальными коллективами в 1960-е гг. Г.Я. Цейтлин (выпуск 1939 г.), В.Т. Горбатовский (выпуск 1959 г.). Руководителем цимбальных оркестров был Я.П. Никитин (выпуск 1953 г.), оркестра баянов – Геннадий Данилович Шавкеро (выпуск 1955 г.), мужского ансамбля балалаечников – А.И. Смирнов. В эти же годы были созданы прославленные танцевальные коллективы, при которых существовали и аккомпанирующие группы (ансамбли). В их числе отметим ансамбль Витебского городского дома культуры «Лявониха», ансамбль «Маладосць» Дворца культуры местной промышленности г. Витебска, ансамбль Витебского районного дома культуры «Колос».

Выпускники Витебского музыкального училища не только добились значительных профессиональных успехов, но и занимались преподавательской работой. Среди них назовем М.А. Казинца (выпуск 1960 г.), лауреата Государственной премии БССР и премии Президента Республики Беларусь «За духоўнае адраджэнне», профессора, Народного артиста БССР, художественного руководителя Национального академического народного оркестра Республики Беларусь им. И.И. Жиновича (в течение 21 года М.А. Казинец был ректором Белорусской государственной консерватории), Н.И. Севрюкова (выпускника 1966 г.), лауреата конкурса по баяну в Клингентайле, профессора Белорусской государственной академии музыки.

Известными деятелями культуры стали композитор Яков Косолапов (выпуск 1961 г.), заместитель директора Витебского городского центра культуры, заместитель исполнительного директора Международного фестиваля искусств «Славянский базар в Витебске» Л.А. Богорад (выпуск 1966 г.).

В ряду выпускников Витебского музыкального училища 1960-х гг. можно назвать немало заслуженных музыкантов-педагогов, руководителей детских музыкальных школ региона: в Дубровно – В.Е. Волох, в Чашниках – Б.М. Малкин (оба выпуск 1964 г.), в ДМШ и ДШИ г. Витебска – И.А. Коротыцина (Батурова) (выпуск 1968 г.), Ю.Г. Грязнов (выпуск 1962 г.), Л.П. Пригун (выпуск 1966 г.), И.Т. Кишкович (выпуск 1967 г.), М.М. Миротин (выпуск 1963 г.), А.П. Колотовкин (выпуск 1968 г.) (Дадатак 16).

Смена вех. 1960-е гг. были временем укрепления авторитета руководства музыкального училища. С 1952 г. его бессменным директором являлся

Георгий Евстафьевич Кутневич (Дадатак 16, фота 3). Он назначен на должность директора музыкального училища на основании приказа Комитета по делам искусств при СМ БССР от 8 августа 1952 г. и осуществлял руководство учебным заведением вплоть до 1969 г. Г.Е. Кутневич родился 1907 г. в г. Вильне, окончил музыкальную школу в Могилеве (1929), учился в Минском музыкальном техникуме (1929–1930) и на музыкальном рабфаке в Киеве (1930–1931), затем в Киевском музыкально-драматическом институте (1931–1932) и Московском государственном институте театрального искусства им. А.В. Луначарского (1932–1935). Выпускник директорского факультета ГИТИСа он имел большой опыт руководящей работы, который реализовал в Витебске. Ему удалось укрепить педагогический коллектив и материальную базу, отработать программы, связать набор учащихся по специальностям с потребностями отрасли. Г.Е. Кутневич был удостоен почетных званий Заслуженный учитель БССР и Заслуженный деятель культуры БССР [1; 2; 5]. В 1954 г. заведующей учебной частью была назначена *Евгения Афанасьевна Полищук* (Дадатак 16, фота 4). Г.Е. Кутневич и Е.А. Полищук отдали административной работе много лет жизни, определив целую эпоху в истории училища.

Как было отмечено с начала 1960-х гг. велось строительство нового учебного корпуса училища, строительные работы неоднократно приостанавливались из-за недостатка средств. Лишь с 1 сентября 1964 г. оно въехало в построенный по типовому проекту учебный корпус по ул. Советской, 23а, который учебное заведение занимает по сегодняшний день (Дадатак 16, фота 2). Улучшились условия для занятий, училище получило концертный зал на 500 мест, были оборудованы специальные кабинеты и классы, в том числе кабинет звукозаписи с фондом в 2,5 тыс. пластинок и записей, собрана обширная библиотека количеством около 57 тыс. книг. В новом корпусе кроме кабинетов звукозаписи, музыкальной литературы, истории и обществоведения была оборудована мастерская по ремонту и настройке музыкальных инструментов. Их создание было запланировано решением Министерства культуры. В мастерской по ремонту и настройке музыкальных инструментов студенты приобретали необходимые практические навыки.

С 1964 г. из года в год увеличивался план набора учащихся. Это, соответственно, потребовало увеличения штата педагогов. С середины 1960-х гг. число специальных классов, по которым осуществлялся набор учащихся стал более разнообразным. Наиболее многочисленными оставались классы хорового дирижирования, фортепиано и баяна, но осуществлялся набор и на специальности по струнным смычковым и духовым инструментам (труба, валторна, кларнет, флейта). В 1967–1968 гг. в отчетах появилась фраза о недостатке классов в связи с ростом контингента учащихся. Не удавалось однако вплоть до конца 1960-х гг. решить проблему с обеспечением училища общежитием.

В конце 1960-х гг. произошла смена вех. 1 июля 1969 г. директором музыкального училища назначен *Туровский Василий Фёдорович* (Дадатак 16, фота 5). Его профессиональная биография связана с историей училища с 1960-х гг. В 1964 г. он пришел на работу в качестве преподавателя класса баяна, затем на протяжении 18 лет был директором (1969–1987) и в конце 1980-х – начале 1990-х гг. вновь преподавал до самого ухода на пенсию. Его деятельность на посту руководителя знаменовала новый этап в истории учебного заведения. В.Ф. Туровский – уроженец г. Бобруйска, окончил Могилевское музыкальное училище (1957) и Белорусскую государственную консерваторию (1964) по классу баяна, работал до приезда в Витебск в музыкальных школах Могилева и Кривого Рога [1; 2].

В 1960-е гг. Витебское музыкальное училище значительно укрепило кадровый состав и материальную базу. Большая часть педагогического состава имела высшее консерваторское образование. Учебное заведение получило построенное по специальному проекту здание. Результатом перемен стало повышение качества профессиональной подготовки выпускников. Их численность выросла более чем в 2 раза, были организованы вечернее и заочное отделения, что позволило успешно решать задачу обеспечения средних общеобразовательных и музыкальных школ, а также клубных учреждений, профессиональных и самодеятельных музыкальных коллективов квалифицированными специалистами со средним образованием.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Витебский** музыкальный колледж им. И. И. Соллертинского. Архив документов по личному составу. Книги приказов по Витебскому музыкальному училищу.

2. **Витебский** музыкальный колледж им. И. И. Соллертинского. Архив документов по личному составу. Личные дела работников Витебского музыкального училища.

3. **Глушчанка, Г. С.** Гісторыя беларускай савецкай музыкі / Г. С. Глушчанка [і інш.]. – Мінск : Вышэйшая школа, 1971. – 544 с.

4. **Государственный** архив Витебской области. – Ф. 3864 (Витебское музыкальное училище им. И.И. Соллертинского). Оп. 1.

5. **Лисов, А. Г.** Возрождение традиции. Витебское музыкальное училище в послевоенные десятилетия (вторая половина 1940-х – 1950-е гг. / А. Г. Лисов, В. П. Правилов // Весці Беларускай дзяржаўнай акадэміі музыкі. – 2020. – № 37. – С. 112–119.

6. **Масленікава, В. П.** Музычная адукацыя ў Беларусі / В. П. Масленікава ; рэд. Б. С. Смольскі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1980. – 112 с.

7. **Пракапцова, В. П.** Мастацкая адукацыя ў Беларусі / В. П. Пракапцова. – Мінск : Бел. ун-т культуры, 1999. – 210 с.

8. **Пракапцова, В. П.** Спасціжэнне майстэрства: станаўленне мастацкай адукацыі ў Беларусі / В. П. Пракапцова. – Мінск : Мінская ф-ка каляровага друку, 2006. – 288 с.

Мицкевич И.В. *(г. Гродно)*

ЭКСКУРСИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЛАСТНОЙ БИБЛИОТЕКИ КАК РЕКРЕАЦИОННАЯ ФОРМА ИЗУЧЕНИЯ РОДНОГО КРАЯ (из опыта работы Гродненской областной научной библиотеки им. Е.Ф. Карского)

Краеведение – область знаний, наука, занимающаяся комплексным изучением и популяризацией определенной (локальной) территории на основе объединения знаний по географии, истории, археологии, топонимике, геральдике, этнографии, филологии, искусству и многим другим областям. Данным термином обозначают также общественное движение, целью которого является изучение родного края.

Краеведение сочетает в себе научно-популяризаторскую деятельность как способ освоения историко-культурного и природного наследия, приобретения разносторонних знаний о специфике развития истории, природы и общества своего края и созидательную деятельность, направленную на сохранение природы, памятников истории и культуры, улучшение социально-культурных и экологических условий жизни.

Основные функции краеведческой деятельности:

– научно-исследовательская. Обеспечивает организацию и проведение научных исследований в сфере краеведения;

– документирующая. Способствует формированию банков данных по различным вопросам истории и культуры края, выявлению и сбору информации по памятникам природы, материальной и духовной культуре;

– образовательно-воспитательная. Играет важную роль в обучении и гражданско-патриотическом воспитании подрастающего поколения, взрослого населения, а также в формировании исторического сознания людей, сохранении и передаче традиций;

– организационная. Позволяет объединять людей, заполнять их досуг, дает возможность удовлетворять их творческие интересы, стимулирует социальную активность.

Таким образом, развитие краеведения как формы общественного движения имеет приоритетное значение для многих сфер государственной и общественной деятельности – науки, культуры, образования, здравоохранения, природопользования, туризма и экскурсионного дела.

Идея изучения родного края не нова. Краеведение и экскурсионное дело – продукты промышленной революции: в конце XVII – начале XVIII в. в учебных заведениях Западной Европы в образовательных целях стали использовать прогулки, именно тогда и появилось понятие «экскурсия». В католических коллегиях существовал специально отведенный день для познавательных прогулок.

Во времена Российской империи в народных училищах педагогами и учащимися велась работа по сбору краеведческой информации. Создавалось множество добровольных краеведческих обществ. В начале XX в. более 100 организаций проводили экскурсионную работу. Министерством народного просвещения было рекомендовано включить экскурсии как вид исследовательской деятельности в учебные программы. Издавались специализированные туристско-экскурсионные журналы; на страницах журнала «Русский турист» была учреждена специальная рубрика «О школьных путешествиях и образовательных прогулках».

После революции 1917 г. в БССР с краеведением была тесно связана сфера туризма. Термин «краеведение» на белорусских землях утвердился именно в это время. В республике было создано Центральное бюро краеведения, выпускавшее журналы «Наш край» (1925–1930) и «Савецкая краіна» (1930–1933), в которых освещались вопросы краеведения, развития туризма, предлагались экскурсионные маршруты. В труде «Краязнаўства», написанном белорусским краеведом, этнографом, секретарем журнала «Наш край» Николаем Ивановичем Касперовичем наряду с историей краеведения в Беларуси, общими вопросами методики краеведческой работы содержались и рекомендации по проведению экскурсий и походов, были предложены три автомобильных, пять речных, шесть железнодорожных и четыре смешанных маршрута по стране.

Краеведение объединяет научную и рекреационную деятельность благодаря экскурсионному делу и туризму. В краеведческой работе участвуют как профессиональные исследователи, так и представители общественности. Современные педагоги и психологи считают, что самоидентификация человека как патриота и гражданина должна начинаться с осознания себя частью своей малой родины.

Историческое и культурное наследие белорусского народа существует как одно из важнейших условий духовного бытия будущих поколений. Оно выражено и сконцентрировано в самых разных институтах. Рукописное и печатное наследие, в котором отражается социальный и духовный опыт народа, находится в библиотеках страны.

Основная функция отдела краеведения библиотеки – формирование наиболее полного сбора краеведческих документов. Материалы должны не только накапливаться и систематизироваться, важной также является миссия по популяризации историко-культурного наследия региона. Задача краеведения как общественного движения – заражать этим увлекательным занятием разные социальные группы, привлекать местных жителей к изучению истории региона, сохранению уникальных объектов архитектуры, культуры, природы. Краеведческая литература предоставляет неограниченные возможности для проведения различных форм мероприятий: лекций, бесед, круглых столов, встреч с интересными людьми, викторин, выставок, разных

форм интеллектуальных игр, квестов. Все эти формы работы мы используем, но наиболее востребованными в последнее время стали экскурсии и тематические обзорные лекции с выходом в город – прогулки.

Любая экскурсия включает элементы краеведения, но не каждая может считаться краеведческой. Краеведческая разрабатывается на местном материале и проводится касательно определенного населенного пункта: локальность материала – главный признак краеведческой экскурсии. Экскурсии делятся на обзорные и тематические. В первых даются общие сведения по истории, географии, населению, природе, культуре населенного пункта и т. п. Тематические же посвящены определенной теме: литературе, природе, истории, конкретному району, улице, сооружению, событию и др.

В нашей библиотеке все началось с переезда в новое здание, принадлежавшее ранее польскому банку, построенное 90 лет назад архитектором Яном Климашевским, который бывал в Гродно в детстве, приезжая на каникулы к своей крестной – белорусско-польской писательнице Элизе Ожешко. В здании много чего сохранилось с 1930-х гг.: входные деревянные двери с бронзовой фурнитурой, розово-кофейная мраморная лестница, ведущая на второй этаж, бронзовые люстры и бра фирмы Phillips, двери бывших сейфов, помещения бункера в цокольном этаже с герметично закрывающимися металлическими дверями, старинной системой воздуховодов и решетками. Всем этим хотелось поделиться с нашими читателями. Отделом краеведения был собран богатый материал: библиотекари работали с документами в архиве, встречались с сотрудниками банка, работавшими в этом здании в разное время, фиксируя полезную в историческом плане информацию. В настоящее время для каждого нового посетителя библиотеки предлагается мини-экскурсия, а полноценная экскурсия по зданию, продолжающаяся около часа, проводится по предварительной договоренности. Во время путешествия посетители проходят по залам и отделам библиотеки, посещают «бункер-книгохранилище» со множеством книг, хранящихся на полках деревянных шкафов и современных механических стеллажей, мимо которых не проходят ни дети, ни взрослые экскурсанты, не попробовав их подвигать. В отделе краеведения участники экскурсии имеют возможность полистать подшивку «Гродненской правды» за 1945 г. и узнать, чем жил Гродно в те далекие времена. Путешествие по библиотеке обычно завершается в святая святых учреждения – отделе редкой книги, который находится в помещении за самыми толстыми сейфовыми дверями, где раньше хранились золотые слитки, а сейчас – золотой фонд нашей библиотеки.

Идея о прогулках по городу родилась в период пандемии, когда не рекомендовано было проводить массовые мероприятия в помещениях. И тогда мы запустили прогулку по городу «Страницы истории Гродно». Обзорная лекция знакомит с историей и культурой города со времен его основания и до нынешнего времени. На примере архитектурных, исторических, культур-

ных и других объектов города экскурсанты знакомятся с разными периодами его истории, знаковыми личностями, оставившими значительный след в его прошлом. Прогулка проходит по старинным мощеным узким улочкам исторического центра города и заканчивается на Замковой горе, где все погружает нас в атмосферу средневекового города. Подобные лекции по городу формируют историческую память и гражданское сознание, воспитывают чувство прекрасного на примере архитектурных сооружений, способствуют правильному восприятию и сохранению всего, что было создано нашими предками, вызывают интерес и уважение к истории родного города.

Для тех, кто уже побывал на обзорной прогулке, мы разработали несколько тематических. История Гродно богата датами и событиями. Некоторые периоды его развития заслуживают особого внимания. В XVIII в. в пригороде Гродно литовский надворный подскарбий и староста города Антоний Тизенгауз начал свою бурную деятельность по созданию нового административного, культурного, образовательного и промышленного центра – с этим периодом истории нашего города мы знакомимся на прогулке по Городнице «Каменный цветок Тизенгауза».

Для детских групп также организовываются краеведческие экскурсии, но преподносятся они с учетом возрастных особенностей. В каждой местности есть свои легенды, сказки, мифы, которые передаются из поколения в поколение. И наш город не исключение, он тоже хранит в себе множество тайн, о которых и рассказывают гродненские легенды. Посредством легенд и сказок, сложенных и сохраненных предками, дети знакомятся с историей королевского Гродно.

Прогулка по городу «Литературными тропами Гродно» связана с писателями, которые в разные периоды времени жили в городе над Неманом и оставили богатое творческое наследие не только нам, но и мировой культуре и литературе, – Элизой Ожешко, Максимом Богдановичем, Зоськой Верас, Лейбом Найдусом, Зофьей Налковской, Михасем Васильком, Василем Быковым, Алесем Карпюком и многими другими. В своих произведениях они отразили свое время, раскрыли богатую и разнообразную жизнь гродненского края, мораль и психологию, языковые особенности местных диалектов. Мастера пера оставили большой след в нашем городе, и мы предлагаем найти его, прогуливаясь по городу, переходя от здания к зданию, в которых жили, работали и создавали свои творения эти известные авторы. Мы заново знакомимся с их биографиями, слушаем интересные и увлекательные истории из их жизни, слышим цитаты из их произведений, где упоминаются наш город и события, происходившие в нем. Тематическая прогулка «Литературными тропами Гродно» позволяет узнать историю города Гродно с другой – литературной – стороны.

Летом 2021 г. в Гродно открылась пивоварня, и мы решили воспользоваться моментом и разработать экскурсию на тему «От классики до крафта. История пивоварения на Гродненщине».

Во время экскурсии излагается история самого популярного и массового напитка, не имеющего аналогов по производству и широте ассортимента. Экскурсанты узнают не только о мировой истории этого напитка, но и об истоках пивоварения на гродненской земле, по пути видят уцелевшие пивоварни, где варили местное пиво несколько веков назад, корчмы и аустории нашего города, где собирались гродненцы в разные времена, чтобы провести свободное время. Экскурсовод рассказывает об особенностях производства разных сортов и увлекает историей о сорте пива, которое является безоговорочным лидером в мировом рейтинге на самом авторитетном пивном портале уже много-много лет и, главное, сварено уроженцем Гродно Матвеем Шафранским.

В декабре и январе в преддверии всеми любимых волшебных рождественских и новогодних праздников мы проводим прогулку с элементами квеста. История празднеств на Гродненщине очень богатая и разнообразная, ведь в разные времена гродненцы жили и по Юлианскому, и по Григорианскому календарям, а если добавить сюда и многоконфессиональность нашего региона – Гродненщина представлена 16 действующими конфессиями, – то тема получается очень познавательной и интересной. Коляды, Сочельник, Ханука, Рождество Христово, Новый год… Как отмечали эти праздники гродненцы в разные времена, какие традиции и обычаи пришли к нам от наших предков, где, когда и чем украшали елки, какие дарили подарки, куда ходили горожане в праздничные новогодние дни – с этим и многим другим мы знакомим наших экскурсантов во время праздничной зимней прогулки.

Потенциал краеведения вкупе с экскурсионным делом очень велик. Краеведческий материал доступен любому человеку для освоения, любые знания о прошлом обогащают его чувства, заполняют смыслом окружающее его пространство, на местных конкретных примерах можно объяснить ему достижения всего человечества, раскрыть преемственность в традициях и определить место своего города, края, местечка в отечественной и мировой истории. Человек, познающий новое, неизведанное в истории своей малой родины, становится гражданином, патриотом, понимает свою ценность и важность в истории своей Родины, жизнь его приобретает более яркий смысл. Дмитрий Сергеевич Лихачев говорил: «Воспитание любви к родному краю, к родной культуре, к родному городу, к родной речи – задача первостепенной важности, и нет необходимости – это доказывать».

ЛИТЕРАТУРА

1. **Милоста, Н. Н.** Главная библиотека Гродненщины в русле культурного развития Гродненщины / Н. Н. Милоста // 60-летие образования Гродненской области : материалы Междунар. науч. конф., Гродно, 3–4 марта 2004 г. / отв. ред. В. А. Белозорович ; Гродн. гос. ун-т. – Гродно, 2004. – С. 227–230.

2. **Труды** Д. С. Лихачева по краеведению [Электронный ресурс] // Площадь Д. С. Лихачева. – Режим доступа: https://lihachev.ru/lihachev/bibliografiya/nauka/kraevedenie. – Дата доступа: 26.03.2022.

3. **Турмасава, Л. І.** Бібліятэчнае краязнаўства – дзейсны сродак дакументнага і бібліяграфічнага забеспячэння краязнаўчага руху Гродзеншчыны / Л. І. Турмасава // 60-летие образования Гродненской области : материалы Междунар. науч. конф., Гродно, 3–4 марта 2004 г. / отв. ред. В. А. Белозорович ; Гродн. гос. ун-т. – Гродно, 2004. – С. 231–234.

Мокроусова С.В. *(г. Витебск)*

ИЗДЕЛИЯ ФАБРИКИ МИНТЕРА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ В.П. ФЕДОРОВИЧА В ЭКСПОЗИЦИИ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ЧАСТНОГО КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ

В экспозиции Музея истории частного коллекционирования представлены коллекции трех известных коллекционеров, которые проживали в Витебске в конце XIX – XX в.

Создателю первого частного музея в Витебске Вацлаву Петровичу Федоровичу посвящен один из тематических разделов экспозиции. Вацлав Федорович (1848–1911) родился в Могилеве, в 1872 г. окончил юридический факультет Московского университета. Затем служил в Саратове, Царицыне, Ереване, а в 1884 г. был переведен в Витебск в окружной суд на должность присяжного поверенного. В.П. Федорович был увлеченным коллекционером и в конце 1880-х гг. открыл в Витебске в своем доме частный музей, в котором экспонировались предметы оружия, археологии, нумизматики и этнографии. После смерти Вацлава Петровича в 1911 г. его собрание хранилось родственниками, а после революции было национализировано, и в 1924 г. вошло в состав Витебского отделения Белорусского государственного музея (сейчас Витебский областной краеведческий музей (ВОКМ)).

В фототеке Института истории искусства Ягеллонского университета (Краков, Польша) хранятся уникальные фотографии интерьеров дома В.П. Федоровича. Они не только дают представление об убранстве жилых комнат, но и демонстрируют предметы разнообразных коллекций, собранных и размещенных коллекционером для обозрения у себя дома. Так, в поле зрения фотографа попала одна из стен в комнатах дома Федоровича, на которой закреплены польские медальоны. Дополняет данную подборку кабинетная скульптура. Стоит упомянуть, что В.П. Федорович являлся действительным членом-корреспондентом Общества поощрения изящных искусств (Варшава), Краковской Академии знаний, членом Нумизматического обще-

ства в Кракове и Польского общества краеведения [1, с. 238]. Контакты с представителями польских научных кругов, безусловно, отразились на коллекционерской и краеведческой деятельности В. Федоровича [3].

Сегодня часть предметов, запечатленных на фотоснимке, представлена в одной из витрин в экспозиции Музея истории частного коллекционирования.

В данной подборке особый интерес представляют литые изделия, произведенные в XIX в. на варшавской фабрике металлических и лакированных изделий, основанной немецким бюргером Каролем Фридрихом Минтером [4; 6; 7]. Его семья переехала в Варшаву в 1822 г., а в 1828 г. Минтер открыл литейную фабрику, которая производила церковные, бытовые и художественные изделия. В 1835 г. во главе фирмы встал Кароль Юлиуш – сын Фридриха, при нем фабрика превратилась в одно из крупнейших производств подобного рода в Российской империи. Изделия фабрики украшали варшавские особняки, здания и городские объекты.

Много путешествуя по Европе, Кароль Юлиуш привозил новые идеи, которые влияли на быстрое развитие семейного дела. Одним из таких нововведений стало применение на производстве гальванизации, вскоре после ее открытия на западе в 1838 г. Технология гальванизации, обычно связанная с обработкой металлических поверхностей путем нанесения слоев золота, серебра, меди или бронзы, сразу же была использована для скульптурного копирования. Данная технология стала одним из нескольких методов дублирования в декоративно-прикладном искусстве. Ассортимент производства постоянно расширялся. Так, в 1842 г. он уже насчитывал несколько сотен различных наименований.

После событий 1863–1864 гг. производство изменило профиль и превратилось в фабрику художественных изделий, эмалированных и цинковых сосудов, которая также имела успех. В 1881 г. Минтер продал фабрику, поселился в купленном ранее имении недалеко от Опатова (Польша), где и умер в 1892 г.

Бронзовые и цинковые медальоны или, согласно рекламе фабрики, «барельефы с изображениями польских знаменитостей» отливались серийно в 1850–1879 гг. Эти медальоны относятся к разным тематическим сериям: исторические деятели, выдающиеся современники, королевская серия.

Кароль Юлиуш Минтер оказался отличным бизнесменом и прекрасно разбирался в рынке. Он умело использовал растущий внутренний спрос на портретные медальоны известных и выдающихся личностей, доведя их производство до беспрецедентных масштабов. Изделия Минтера массово закупались как богатыми, так и менее обеспеченными людьми, а интерьеры мещанских домов и дворянских особняков были украшены целыми сериями медальонов.

Созданием гипсовых моделей для литья занималась группа скульпторов, таких как Леонард Маркони, Альфред Ромер, Станислав Залевский, Войцех

Свенцкий. Благодаря тесному сотрудничеству с ведущими художниками и скульпторами, изделия пользовались исключительной популярностью.

Как правило, портреты на медальонах изображены в профиль погрудно либо имеют шейный обрез. Справа или слева от портрета надпись в виде полукруга с именем выдающейся личности, которой посвящен медальон. Фабрика подписывала медальоны в виде гравировки: «Nakład i odlev Fab: Mintera», «Nakład i Odlew Fabryki Mintera». На медальонах вместе с вышеупомянутыми подписями также встречается надпись с именем автора модели, по которой на фабрике делали отливки, а также годом отливки. Средний диаметр медальонов 130–140 мм.

В экспозиции Музея истории частного коллекционирования представлено девять медальонов, произведенных на фабрике Минтера и посвященных следующим персоналиям:

• Юзеф Крашевский (ВОКМ, КП 4142), автор модели Войцех Свенцкий, 1860 г.

• Владислав Сырокомля (ВОКМ, КП 4144), автор модели Станислав Залевский, 1887 г.

• Владислав Варненчик (ВОКМ, КП 4146), автор модели Станислав Залевский, без указания года.

• Казимир Ягеллон (ВОКМ, КП 4148), без указания автора модели и года.

• Стефан Баторий (ВОКМ, КП 5006), без указания автора модели и года.

• Александр Фредро (ВОКМ, КП 5097), автор модели Леонард Маркони, без указания года.

• Антоний Контский (ВОКМ, КП 5107), автор модели Войцех Свенцкий, 1853 г.

• Станислав Август Понятовский (ВОКМ, КП 5126), автор модели Войцех Свенцкий, без указания года.

• Станислав Монюшко (ВОКМ, КП 5132), автор модели Войцех Свенцкий, 1857 г.

Редким в данной подборке является медальон, посвященный Антонию Контскому. Он принадлежит одной из самых ранних серий фабрики Минтера, которые подписывались с обратной стороны в виде клейма с надписью «FABRYKA / C. MINTER / WARSZAW / n: 1337». Сегодня такие медальоны довольно редко встречаются в музейных собраниях.

Одним из самых плодотворных художников и скульпторов, наиболее тесно связанных с фабрикой Юлиуша Минтера, был Войцех Свенцкий (1826–1873). Он не только создал наибольшее количество моделей собственного авторства, но и разработал модели, опираясь на старые гравюры и медальоны. Помимо медальонов он создал значительное количество бюстов, статуэток и фигурных групп. Одними из таких изделий являются бронзовые шкатулки с крышками в виде надгробий польских королей.

В Музее истории частного коллекционирования представлено две шкатулки в виде надгробий Стефана Батория (ВОКМ, КП 3955, размеры 11,5х23,5х15 см) и Анны Ягеллонки (ВОКМ, КП 3956, размеры 10х22,5х10,8 см), а также крышка от шкатулки в виде надгробия Сигизмунда II Августа (ВОКМ, КП 4081, размеры 7х19,5х8,5 см). Художник повторил надгробия польских правителей в уменьшенном виде. Сами надгробия находятся в Краковском кафедральном соборе Святых Станислава и Вацлава на Вавеле. Фигуры, изображенные на шкатулках, представлены лежащими и полулежащими в статичных позах и кажутся зрителю уснувшими.

Один из самых узнаваемых символов Варшавы – фигура короля Сигизмунда III Вазы – также была произведена на фабрике Минтера в виде уменьшенной модели (ВОКМ, КП 4037, размеры модели 42х19х19 см, основание – 11,8х11,5 см). Произведения, посвященные историческим личностям, создавались на фабрике наряду с серией бронзовых и цинковых медальонов. Памятник Сигизмунду III был установлен в 1644 г. в Варшаве перед Королевским дворцом по проекту скульпторов Августина Лоччи и Константино Тенкалла.

Скульптура изображает монарха в доспехах с орденом Золотого руна на груди, в коронационном плаще и с короной на голове. В правой руке король держит саблю, а в левой – крест, опираясь на пьедестал. Фигура монарха помещена на постамент с надписью на лицевой стороне: «POMNIK ZYGMUNTA III-go w WARSZ». Модель статуи, созданная на фабрике Минтера с особой тщательностью, была спроектирована скульптором Леонардом Маркони [5].

В заключение вернемся к медальонам и отметим, что в экспозиции Музея истории частного коллекционирования представлена только часть изделий, произведенных на фабрике Минтера, которые хранятся в фондах ВОКМ. Согласно каталогу «Настенные медальоны из собрания В.П. Федоровича в фондах ВОКМ» (составитель В.В. Рогач), общее количество медальонов, произведенных на варшавской фабрике Минтера и выявленных в настоящее время в фондах музея, составляет 17 [2, с. 3–4].

Вызывают также ряд вопросов медальоны, не имеющие фабричного клейма, но по художественному исполнению похожие на изделия фабрики Минтера. Авторы некоторых польских публикаций [4, с. 11] упоминают, что после восстания 1863–1864 гг. немногочисленные медальоны можно было изготовить только тайным способом. Нам остается предположить, что по этой причине надписи с обозначением места производства на медальонах не ставились. Так это или нет, предстоит выяснить в ходе дальнейшего изучения настенных медальонов из коллекции В.П. Федоровича.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Варламова, Н. П.** Масонская коллекция В. П. Федоровича / Н. П. Варламова, В. А. Шишанов // Віцебскія старажытнасці : матэрыялы навук. канф. / Упр. ідэалагі-

чнай работы, культуры і па справах моладзі Віцеб. аблвыканкама, Віцеб. абл. краязн. музей ; рэдкал.: Г. У. Савіцкі [і інш.]. – Мінск : Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2013. – С. 238–247.

2. **Витебский** областной краеведческий музей. Научный архив. № 2110/13. Рогач В. В. Настенные медальоны из собрания В. П. Федоровича в фондах ВОКМ (каталог).

3. **Мякишев, В. П.** Краковские свидетельства коллекционерско-исследовательской деятельности Вацлава Федоровича / В. П. Мякишев // Віцебскія старажытнасці : матэрыялы навук. канф. / Упр. ідэалагічнай работы, культуры і па справах моладзі Віцеб. аблвыканкама, Віцеб. абл. краязн. музей ; рэдкал.: Г. У. Савіцкі [і інш.]. – Мінск : Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2013. – С. 250–262.

4. **Dubrowska, M.** Medaliony i plakiety w zbiorach muzeum historycznego m.st. Warszawy / M. Dubrowska // Almanach Muzealny. – 2003. – № 4. – S. 275–299.

5. **Figura** Króla Zygmunta III Wazy, 2 poł. XIX w., kat. 123 // Varsaviana. Malarstwo, grafika, fotografia, rzemiosło artystyczne miejsce. Aukcji I Wystawy Dom aukcyjny desa unicum. Wystawa Obiektów Aukcyjnych 20 Sierpnia – 6 Września 2018. – Warszawa, 2018. – S. 100–101.

6. **Kutrzeba, Z.** Minęła dwusetna rocznica urodzin Karola Juliusza Mintera / Z. Kutrzeba // Gdańskie Zeszyty Numizmatyczne. – 2013. – № 116. – S. 8–11.

7. **Patriotyczna** kolekcja. W Muzeum Romantyzmu w Opinogórze otwarto wystawę poświęconą wizerunkom sławnych Polaków [Electronic resource]. – Mode of access: https://plock.gosc.pl/doc/4844450.Patriotyczna-kolekcja. – Date of access: 12.02.2021.

Новак Г.Г. *(г. Витебск)*

ЗАСЛУЖЕННЫЕ УЧИТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ «СРЕДНЯЯ ШКОЛА № 18 г. ВИТЕБСКА»

В средней школе № 18 г. Витебска создан музейный комплекс «Память». Один из его стендов посвящен учителям, удостоенным звания «Заслуженный учитель БССР». Большую роль в подготовке педагогических кадров сыграла Бетти Давыдовна Черняк – отличник народного образования. С 1948 г. 28 лет она возглавляла педагогический коллектив школы. В это время 4 учителя были удостоены высокого звания «Заслуженный учитель БССР», более 10 награждены значком «Отличник народного образования» и Почетными грамотами МП БССР.

Иван Федорович Полторацкий родился в д. Дорогокупово Витебского уезда (сейчас Бешенковичский район Витебской области) в 1893 г. Окончил Киевский коммерческий институт. В 1920–1930-е гг. работал учителем в школах Витебского уезда, был школьным инструктором Витебского уездного отдела народного образования.

Во время Великой Отечественной войны Иван Федорович принимал участие в боевых действиях войск 2-го Белорусского фронта. С первых дней войны сражались с врагом и два его сына.

В 1946 г. И.Ф. Полторацкий был назначен заведующим отделом образования Первомайского района г. Витебска. Потом работал завучем, учителем русского языка и литературы в средней школе № 18. В 1960 г. ему присвоили звание «Заслуженный учитель БССР».

Остались такие воспоминания коллег: «Іван Федаравіч заўседы спакойны, вытрыманы, валодае вялікім педагагічным тактам. На ўроках умеў стварыць умовы пастаяннай творчай актыўнасці, прымусіць рабят самастойна глыбока мысліць».

И.Ф. Полтораций умер в 1967 г. Похоронен на Дорогокуповском сельском кладбище Бешенковичского района. На могиле обелиск со звездочкой, на табличке надпись «Заслуженный учитель БССР».

Мария Ивановна Воронько родилась в Бешенковичском районе. Окончила Витебское педагогическое училище, работала учительницей начальных классов Ульской школы Шумилинского района.

Во время Великой Отечественной войны Мария Ивановна находилась в партизанской зоне в Сенненском районе. После войны она – заведующая начальной школой в Детском доме. С 1947 г. М.И. Воронько жила в Витебске, была заведующей школьным отделом Первомайского райкома комсомола, с 1948 г. – учительницей начальных классов в средней школе № 18, затем завучем.

М.И. Воронько добилась 100% успеваемости, больше половины ее учащихся успевали на «4» и «5». Вот как об опыте учительницы рассказывает корреспондент газеты:

«Але поспех не прыйшоў сам. Прыходзілася прыдумваць розныя прыемы, каб знайсці падыход, напрыклад, да Толі Алейнікава. Яму нічога не варта было пайсці з урокаў, абразіць таварышаў. Марыя Іванаўна наладзіла цесную сувязь з бацькамі хлопчыка, і разам яны дабіліся поспеху…

Яна ведае кожнага і кожнаму знаходзіць занятак па душы. Гэта яны, яе вучні, пачалі шэфства над дзіцячым садам № 2 фабрыкі «КІМ». Школьнікі наведвалі малышоў, дапамагалі ў добраўпарадкаванні двара, шылі для лялек сукенкі, хлопчыкі ў сваей майстэрні рабілі лапаткі.

А паходы па роднаму краю, работа на прышкольным участку, экскурсіі, сустрэчы, цікавыя зборы атрадаў. Ці ж гэта не прыносіла дзецям радасць і асалоду, ці ж гэта не згуртоўвала іх, не прывівала любоў да роднага краю, не выклікала патрыятычных пачуццяў?

Бліжэй да жыцця, вучыць больш асэнсавана, дзярзаць, прымяняць новыя метады – такі яе дэвіз» [5, с. 3].

М.И. Воронько награждена орденом «Знак Почета», медалью «За доблестный труд», значком «Отличник народного образования», в 1960 г. избрана делегатом съезда учителей, в 1964 г. получила звание «Заслуженный учитель БССР».

Учитель – это и общественный деятель, воспитатель не только детей. Это всегда понимала Мария Ивановна. Она была депутатом районного Совета, председателем райкома профсоюза, участником различных комиссий по взаимопроверке школ.

Екатерина Ивановна Грузимова родилась 20 ноября 1922 г. в д. Остров Талдомского района Московской области в семье крестьян. С 1934 г. семья жила в Витебске, отец и мать работали на фабрике им. КИМ, Екатерина училась в средней школе № 17, а в 1941 г. окончила Витебское педагогическое училище.

В начале Великой Отечественной войны Екатерина Ивановна с матерью эвакуировались в г. Коканд Ферганской области Узбекской ССР, там она работала библиотекарем в эвакогос-питале. Отец погиб на фронте в 1943 г.

В марте 1942 г. вместе с госпиталем Екатерина Ивановна добровольно выехала на фронт, была зачислена в ряды Красной армии. Принимала участие в боях за освобождение Одессы и Запорожья, за овладение крепостью Бреславль, в боях при форсировании реки Одер. Награждена медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

С ноября 1946 г. и до выхода на пенсию Екатерина Ивановна работала учительницей начальных классов средней школы № 18. Добилась 100% успеваемости учащихся. В отчетах школы она постоянно отмечается как один из лучших педагогов: «…много внимания уделяет слабым учащимся. Формы индивидуальной помощи разнообразные: усиленное внимание к учащимся на уроках, дополнительные задания на дом, прикрепление к ученикам более подготовленных учащихся, занятия с учащимися во внеурочное время. Все упражнения, кроме работ контрольных, у данных товарищей носят обучающий характер» [3, л. 13].

Или, например: «Подавляющее большинство учащихся сознательно, выразительно читают доступный их пониманию текст, объясняют значения слов, свободно подбирают синонимы, находят антонимы, сравнения, меткие образные слова для описания действующих лиц, определяют главную мысль рассказа, составляют план рассказа, сопоставляют действующих лиц по этому рассказу с героями рассказов ранее прочитанных.

Учащиеся ведут тетради для записи пословиц, поговорок, характеристики отдельных героев. Дети различают жанр произведений.

Учитель повседневно работает над совершенствованием навыков чтения, его выразительностью, над обогащением словаря и развитием речи учащихся» [4, л. 7].

В 1972 г. Е.И. Грузимовой присвоено звание «Заслуженный учитель БССР». В 1983 г. Екатерина Ивановна умерла.

Надежда Семеновна Петровская родилась в 1906 г. в Витебске. Ее родители работали на льнопрядильной фабрике «Двина». Во время Первой мировой войны отец погиб.

В 1928 г. по окончании Витебского педагогического техникума Н.С. Петровская была направлена на работу в Лиозно. Там она работала до начала войны в Лиозненской русской средней школе заведующей учебной частью 1-х – 4-х классов и учителем математики 5-х – 7-х классов. Будучи эвакуированной в Мордовскую АССР, с 1941 по 1944 г. преподавала в Рудаевской средней школе № 1. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1945 г. награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

С 25 августа 1944 г. Н.С. Петровская была учителем начальных классов средней школы № 19 г. Витебска. За достигнутые высокие производственные показатели в восстановлении школы и высокое мастерство педагогической работы в 1945 г. награждена Почетной грамотой Витебского Городского Совета Депутатов трудящихся, а в 1947 г. награждена значком «Отличник народного образования». В представлении к награде написано:

«Тов. Петровская – одна из лучших учительниц района. Владеет в совершенстве методиками преподавания. Опытный, серьезный и глубоко преданный делу работник. Как учительница дает 100% успеваемость. Как заведующая учебной частью живо интересуется жизнью школы и оказывает большую помощь учителям своими советами и указаниями. Как член МК союза работников начальной и средней школы тов. Петровская активно участвует в общественной жизни школы, работала агитатором во время выборов в Верховные Советы СССР и БССР.

Высокая культура внешнего поведения и глубокий педагогический такт являются характерными чертами тов. Петровской как педагога» [1, л. 178 – 178 об.].

С 1948 г. Надежда Семеновна работает в средней школе № 18. В отчетах школы за 1950–1960-е гг. отмечается ее добросовестный труд, помощь молодым учителям. Например, в 1964/1965 учебном году как завуч она посетила 344 урока [2, л. 15].

Вот как о ней писали в газете:

«І няма ў калектыве педагога, маладога ці ўмудронага вопытам, для якога яна не была б прыкладам, памочнікам. Шчыры таварыш, патрабавальны камуніст, высока кваліфікаваны майстар педагагічнай справы, яна ўмее згуртаваць калектыў, убачыць, здавалася б, у звычайным прыгожае і распаліць гэтую іскрынку добрага, прыгожага ў вялікі творчы агонь. Няспынны пошук, сістэматычная работа над павышэннем свайго ідэйнага ўзроўню, педагагічнае майстэрства прыносяць ёй поспех у справе навучання і выхавання падрастаючага пакалення. І, вядома, педагагічны талент» [6, с. 1].

Не раз Н.С. Петровская награждалась грамотами районного отдела образования, а в 1956 г. она удостоена звания «Заслуженный учитель БССР».

ЛИТЕРАТУРА

1. **Государственный** архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 1737. Оп. 3. Д. 21.

2. **ГАВт.** – Ф. 2810. Оп. 3. Д. 37.

3. **ГАВт.** – Ф. 2810. Оп. 3. Д. 90.

4. **ГАВт.** – Ф. 2810. Оп. 3. Д. 223.

5. **Мянжынская, В.** Яе прызванне / В. Мянжынская // Віцебскі рабочы. – 1960. – 12 жн. – С. 2.

6. **Настаўніцкая** газета. – 1956. – 8 студз. – С. 1.

Овчинникова А.О. *(г. Витебск)*

РУКОПИСНЫЕ ПАРТИЗАНСКИЕ ГАЗЕТЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ «ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ» ВИТЕБСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Подпольная и партизанская печать является одним из ценных источников, раскрывающих события Великой Отечественной войны на территории Беларуси. В архивных, библиотечных и музейных собраниях республики хранятся значительные комплексы партизанских газет, листовок, боевых листков, которые в последние годы стали активно изучаться и вводится в научный оборот [9; 10; 11].

В коллекции «Печатные издания» Витебского областного краеведческого музея есть значительное количество рукописных боевых листков партизанских соединений, действовавших на Витебщине. На сегодняшний день их насчитывается 370 единиц, которые входят в основной фонд музея. Основное количество этих предметов датируется 1942–1944 гг. Больше всего листков в коллекции за 1943 г. и только несколько единиц относятся датой создания к 1942 г. Эта коллекция начала формироваться в конце 1950-х гг.

Тогда же листки были переданы в фонды музея из обкома партии отдела агитации и пропаганды, а также Витебского обкома комсомола и от частных лиц – непосредственных участников партизанского движения. Эти уникальные документы, в которых освещались разные стороны жизни партизан, так и остаются малоизученным явлением в истории и культуре Беларуси.

Характеризуя боевые листки, мы можем видеть, что на территории Витебской области действовали различные бригады и отряды. Это и бригада П.И. Кириллова (Лиозно), бригада «Дубова» (Чашники), бригада П.К. Пономаренко (Ушачи), бригады им. М.В. Фрунзе, В.И. Чапаева, В.И. Ленина, И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова, а также бригады под командованием А.Ф. Данукалова, С.М. Короткина и многие другие. В годы войны такие листки были широко распространены, потому что являлись простой оперативной формой печатной агитации и распространения информации. Они выпускались в партизанских взводах, ротах, отрядах и бригадах.

Боевой листок того времени представлял собой рукописное издание, в котором освещались разные стороны жизни партизан Витебской области. Печатное слово тут звучало в самых разнообразных формах – стихами и прозой, дополнялось иллюстрациями и рисунками. Каждый экземпляр был по-своему интересен, потому что листки имели уникальное содержание. Заполнялись они от руки или же машинописью, украшались всевозможными портретами.

Для создания таких листков использовались различные подручные материалы. В условиях дефицита бумаги сохранились экземпляры, которые создавались на обратной стороне обоев, карт, на обороте календарей. Также использовали листы в клетку и линейку из обычных школьных тетрадей. Рисунки были сделаны простыми и цветными карандашами, красками. Вся страница разбивалась на колонки и горизонтальные линейки для удобства написания текста от руки. Обычно по середине писали заглавие, рядом с которым были различные изображения известных личностей. Кроме этого, мог быть еще подзаголовок, девиз, место для обозначения даты выхода, порядкового номера, название отряда и бригады. В конце ставилась подпись редактора, ответственного за выпуск.

Являясь одной из форм ведения отрядной документации, листок в то же время выступал источником реализации таланта партизан. Каждый желающий мог выступить в роли журналиста, художника, поэта, предоставляя материалы для издания боевого листка. Цитаты из выступлений лидеров советского государства, отчет о проделанных боевых операциях, мощных и значимых ударах партизан по врагам, достойных поступках, тех, кто пал смертью храбрых – все это было расположено на одной странице листка.

Большое значение придавалось и официальным сообщениям, таким как приказы Верховного главнокомандующего и постановления подпольных партийных органов. Целиком или выборочно с ними можно было ознако-

миться почти во всех боевых листках. Конечно же, подробно освещались боевые операции самих партизан, будь то уничтожение коммуникаций противника или борьба с вражескими гарнизонами. Зачастую это делалось с помощью конкретных фактов. Назывались имена партизан – участников операций, приводились конкретные цифры, назывались населенные пункты. Размещались приказы, в которых объявлялись благодарности, приказы о присвоении воинских званий, представлении к наградам отличившихся бойцов. В листках звучит призыв быть бдительными, не разглашать тайны. Также можно было прочитать статьи на разную тематику. Например, о том, как готовились и проводились подрывные операции, как предостеречь себя от болезней.

В боевых листках также писались статьи, приуроченные к большим праздникам, таким как день Октябрьской социалистической революции [3], годовщина Красной армии, 1 мая [1], 8 марта [5] или Новый год [6]. Именно наступление новогоднего праздника вызывало активность среди партизан. Ведь начинался не только новый отсчет времени, а подходило время подведения итогов уходящего года. Поэтому партизанские художники старались сделать боевые листки праздничными и веселыми.

Независимо от того, чему были посвящены статьи, боевые листки передавали самое главное и сокровенное желание каждого партизана – быстрее разгромить врага. В некоторых изданиях, например в листке № 14 3-го взвода партизанской бригады им. К.Е. Ворошилова [7], подводились итоги боевой деятельности, подсчитывалось сколько ранено немцев, сколько убито, сколько взорвано немецких самолетов и мостов. Назывались «отстающие» – это были те бойцы, которые не взорвали ни одного самолета.

Многие издания рассказывали про быт партизан, о распорядке их жизни, освещались вопросы дисциплины. В пример остальным приводились хозяйственные и добросовестные бойцы, а все их нарушения, особенно пьянство, жестко критиковались. Рядом с официальной хроникой народные мстители размещали сатирические рассказы, стихотворения, карикатуры и шаржи. Всем этим высмеивались недостатки людей. Уровень таких работ был очень разнообразен: от простого рисунка до профессионально выполненного портрета.

Так, в боевом листке № 2 партизанской бригады им. П.И. Кириллова в заметке «Пьяницы» говорится о том, что некоторые товарищи без разрешения командира взвода ушли самовольно из отряда, напились до потери сознания и застрелили быка на мясо. Затем их обнаружили и пристыдили за нарушение дисциплины [8].

Критиковали тех солдат, которые засыпали на посту ночью, или тех, кто убегал с поля боя во время военных действий, а также лодырей, трусов и паникеров. Подтверждением может служить боевой листок № 8 партизанского отряда им. М.В. Фрунзе партизанской бригады им. В.И. Ленина, где высме-

ивается боец Николай Иванов, который шел на пост как на место отдыха, решив, что здесь можно отсидеться и поспать. Критикуя Иванова, который не раз засыпал на посту, его призывали стать настоящим советским партизаном [4]. Или же, в боевом листке № 12 партизанского отряда им. К.Е. Ворошилова партизанской бригады им. А.Ф. Данукалова в заметке «Трус и паникёр» говорится о бойце Олашкове, который струсил, сбежал с поля боя и спрятался в лесу [2]. Такие люди тоже осуждались.

Созданные в перерывах между боевыми операциями эти рукописные издания партизан являлись способом поддержания боевого духа и настроя на победу.

К сожалению, не все рукописные боевые листки сохранились до наших дней, основная их часть была утрачена уже во время войны. Нужно отметить, что не было ни одного отряда и бригады, где бы не выпускались такие издания.

Но глядя на те издания, которые все-таки дошли до нас, мы можем наглядно представить трагические и героические события Великой Отечественной войны, увидеть, как сражались партизанские отряды во имя победы, в каких условиях приходилось воевать и как твердо бойцы были настроены разгромить врага. Несмотря на военные условия, это были простые люди, которые имели чувство юмора, благодаря ему и выживали в то нелегкое время, в суровых условиях им удалось выстоять и победить. Партизанская печать воспитывала бойцов в духе патриотизма и верности, не позволяла унывать, регулярно поддерживала боевое настроение и веру в победу. А боевой листок для современных поколений является важным документальным источником, который может рассказать многое о партизанском движении в годы Великой Отечественной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Витебский** областной краеведческий музей (ВОКМ). КП 8564.
2. **ВОКМ.** КП 8572.
3. **ВОКМ.** КП 8896.
4. **ВОКМ.** КП 8898.
5. **ВОКМ.** КП 9105.
6. **ВОКМ.** КП 9172.
7. **ВОКМ.** КП 9192.
8. **ВОКМ.** КП 9225.
9. **ВОКМ.** КП 9277.
10. **Денисенко, Е. П.** Коллекция белорусской подпольной и партизанской печати времен Великой Отечественной войны в фондах ЦНБ НАН Беларуси / Е. П. Денисенко // Альманах библиофила. – Москва : Книга, 2020. – Вып. 43. – С. 153–160.
11. **І паўстаў** народ... : факсімільнае выданне падпольных і партызанскіх газет, часопісаў, лістовак перыяду Вялікай Айчыннай вайны 1941–1945 гадоў / [уклад. А. В. Стэфановіч, В. А. Рабкоў]. – Мінск : Беларуская энцыклапедыя, 2005. – 640 с. : іл. – (Гісторыя Беларусі ў дакументах, манаграфіях, літаратурных помніках).

12. **Подпольная** и партизанская печать Беларуси [Электронный ресурс] : газеты, листовки, рукописные материалы, стенгазеты / Нац. б-ка Беларуси, Белорусский гос. музей истории Великой Отечественной войны, Нац. архив Респ. Беларусь ; [сост.: А. В. Белый, В. Ю. Лысенко]. – 3-е изд., доп. – Минск : Нац. б-ка Беларуси, 2015. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).

Петрова А.В. *(г. Полоцк)*

РОЛЬ ЭКСПОЗИЦИИ «ВОЙНА. ПОБЕДА. ПАМЯТЬ» В ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ УЧАЩИХСЯ

Гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание учащихся на протяжении многих лет являются приоритетным направлением в работе учреждения образования. Большое внимание мы уделяем истории Великой Отечественной войны, собирая материалы, связанные с военными событиями на Полотчине и судьбами их участников. Этой важной теме посвящен один из кабинетов нашей школы, на базе которого была организована экспозиция «Война. Победа. Память», приуроченная к 75-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. Экспозиция включает материалы и документы, воспоминания и экспонаты, отражающие основные этапы Великой Отечественной войны.

Многие экспонаты были найдены нашими учащимися в ходе поисково-исследовательской деятельности. Так, в 2016 г. был сформирован поисковый отряд «Память». Основным направлением его работы является углубленное изучение минувших военных событий, самого крупного военного конфликта в истории человечества – Второй мировой войны. Работа отряда построена на исследовании конкретных событий, которые затронули Полотчину – нашу малую родину. Уже пятый год поисковая группа совершает экспедиции по местам, где проходили боевые действия с 1941 по 1944 г. За это время было совершено более 80 походов (по местам летних боев – 28 походов, по дорогам сожженных деревень – 23, по местам зимних боев 1943–1944 гг. – 31 и многие другие). Работа по изучению оборонительных линий и огневых точек лета 1941 г. продолжается и по сегодняшний день.

Благодаря работе поискового отряда и собранной экспозиции активно ведется исследовательская деятельность. Экспозиционные материалы легли в основу следующих исследовательских работ:

– Роль Полоцкого укрепрайона в оборонительных боях на территории Беларуси летом 1941 г.

– Взаимодействие партизан и Красной армии при освобождении территории Беларуси в 1943–1944 гг.

– Зимние боевые действия на территории Беларуси зимой 1943–1944 гг.

– Стратегическая наступательная операция «Багратион».

Накоплен богатый материал по гражданско-патриотическому воспитанию. Постоянно обновляется медиатека по содержательному аспекту ресурсного центра. Информация о воспитательной работе представлена на официальном сайте учреждения.

Работа центра осуществляется в соответствии с основными направлениями деятельности по формированию духовно-нравственных качеств личности: гражданственности, патриотизма, уважения к правам и обязанностям человека, моральных чувств и эстетического восприятия, ценностного отношения к природе, окружающей среде, представлений об эстетических идеалах и ценностях.

Духовно-нравственное воспитание осуществлялось посредством уроков образовательного цикла, внеклассной и внеурочной деятельности учащихся.

Работа строилась по следующим направлениям:

– экскурсионно-просветительская деятельность (проведение экскурсий, выставок и интегрированных уроков в кабинете);

– собирательская и фондовая деятельность (собирание экспонатов, документов, фотографий, рассказывающих о далеких страницах нашей военной истории);

– поисковая, исследовательская и проектная деятельность (работа над проектами, участие в научно-практических конференциях);

– организация работы в шестой школьный день.

Для реализации плана работы ресурсного центра использовались различные формы работы: трудовые и патриотические акции, экскурсии, встречи.

Учащиеся учреждения образования стали активными участниками многочисленных акций патриотической направленности. Среди них:

– общественная патриотическая акция «Вахта памяти», посвященная 75-й годовщине освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков и 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.;

– патриотическая акция «Поиск» (учителями и учащимися был собран материал о полочанах, живших или по сей день живущих рядом с нами, переживших войну, блокаду, бывших в оккупации или работавших в тылу);

– акции «Дом без одиночества», «Помоги ветерану»;

– акция «Спасибо солдатам Победы за то, что не знаем войны»;

– с целью воспитания у учащихся чувства любви к родному краю, формирования ответственности, активной жизненной позиции, готовности к труду была организована трудовая акция «Обелиск» (забота о чистоте и порядке возле памятников Великой Отечественной войны г. Полоцка и Полоцкого района);

– встречи с ветеранами Великой Отечественной войны на базе кабинета истории («Ваш подвиг мы в сердце храним»);

– «День музеев» (проведение уроков сотрудниками музея Боевой Славы, Музея-квартиры З. Туснолобовой-Марченко);

– посещение музейных занятий в школьном музее, а также музеях города (Краеведческий музей, музей Боевой Славы, музей воинов-интернационалистов);

– «Музей в чемодане» (необычность музея в том, что он перемещается из кабинета в кабинет, а его экспонаты можно потрогать и даже примерить).

Проектная и исследовательская деятельность

– международный конкурс медиапроектов «Гордость Отчизны», номинация «Интересные люди нашей малой родины» (диплом I степени);

– конкурс медиапроектов «24 кадра Победы» (диплом II степени);

– международный проект «Живые голоса истории», номинация «Ветеран живет рядом» (диплом II степени);

– дистанционный конкурс проектов «Первая мировая» (диплом II степени);

– всемирная школьная олимпиада «Великая Победа»;

– открытый конкурс-эссе «Мы в ответе за Победу», посвященный 75-летию Победы в Великой Отечественной войне;

– районный этап республиканской квест-игры «По следам Победы…».

Туристско-краеведческие экскурсии и походы

Школьная поисковая группа совершает походы по местам, где проходили боевые действия 1941–1944 гг. Не один маршрут проложен нашими юными краеведами по переднему краю Полоцкого волнолома («Полоцк – Дретунь – Полоцк», «Полоцк – Юровичи – Новая Полота – Полоцк», «Полоцк – Шатрово – Бигосово – Полоцк», «Полоцк – Сарья – Полоцк» и др.). Нами создана и продолжает пополняться целая передвижная экспозиция по летним боям 1941 г., которая выставляется на научно-практических конференциях.

Каждый год проводится «Неделя воинской славы», в ходе которой дети и взрослые совершают экскурсии по памятным местам города, посещают музей Боевой Славы, памятники героям г. Полоцка.

Конкурсы, уроки мужества, воспитательные мероприятия и т. д.

Большое значение придавалось организации воспитательных мероприятий патриотической направленности, среди которых:

– уроки мужества «Сыны Отечества», «Подвиг Ваш бессмертен», «Имя тебе – Солдат!», «Героі свайго часу»;

– информационные и классные часы;

– декада гражданско-патриотических дел;

– интерактивные занятия «Война. Победа. Память».

Работа по гражданско-патриотическому воспитанию проводилась продуманно и планомерно.

За время работы ресурсного центра:

– создана и продолжает пополняться экспозиция, посвященная Великой Отечественной войне;

– подготовлены сборники исследовательских работ учащихся;

– разработаны стенды по основным этапам войны;

– составлена медиатека, посвященная Великой Отечественной войне;

– выпущены методические пособия;

– проведены мероприятия (уроки-экскурсии, интерактивные занятия «Война. Победа. Память», встречи с ветеранами «Ваш подвиг мы в сердце храним», музейные уроки «Подвиг длиною в жизнь» и др.).

Гражданско-патриотическое воспитание занимает центральное место в воспитательной системе. Сегодня в школе созданы центры гражданско-патриотического и духовно-нравственного воспитания, на базе которых проходят все значимые мероприятия этого направления с учащимися, педагогами, родителями. Именно патриотизм и национальные традиции укрепляют любовь к Родине, вызывают чувство ответственности за ее могущество, честь и независимость, сохранение материальных и духовных ценностей общества, развивают достоинство личности. В настоящее время ведется поиск новых технологий создания благоприятных условий для социализации учащихся, воспитания гражданских и патриотических чувств. И благодаря разнообразию форм и методов работы у нас, педагогов, есть уникальная возможность повлиять на становление будущих граждан – патриотов своей страны.

Приданова В.С. *(г. Полоцк)*

«НЕВИРТУАЛЬНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ПОЛОЦКУ»: ПРОВЕДЕНИЕ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ЭКСКУРСИЙ (на примере работы Центральной районной библиотеки им. Ф. Скорины)

Информационно-библиографический отдел уделяет большое внимание образовательной и просветительской функциям библиотеки: на протяжении многих лет проводятся тренинги по основам компьютерной грамотности «Web-пенсионер», во время которых пользователи учатся жить в мире цифровых технологий, изучая Интернет, знакомясь со смартфоном и другими гаджетами.

С 2013 г. в рамках проекта «Web 2.0» работает клуб виртуальных путешествий «Разноцветный мир». Практически каждую субботу в библиотеку приходят все желающие и виртуально путешествуют по странам, таким образом узнают много нового и интересного, наглядно оценивая возможности интернета. Новые пути получения информации, виртуальное и реальное общение украшают, преображают и обогащают их жизнь. Девиз проекта «Разноцветный мир»: «Получая знания – получаем радость жизни!»

Совершив огромное количество путешествий по отдаленным местам, изучив историю многих увлекательных явлений и событий виртуально, руководитель проекта решила посвятить летний период изучению истории нашего древнего города. Возникла идея проведения НеВиртуальных путешествий – экскурсий по родному городу. Начался процесс подготовки экскурсии, главные этапы которого можно представить в следующем виде: определение цели и темы экскурсии; сбор материала, относящегося к теме в целом; отбор и изучение экскурсионных объектов; разработка маршрута экскурсии; составление текста и методической разработки.

Тема экскурсии – это ее основа, предопределяющая подбор материала, выбор объектов, вид экскурсии и ее продолжительность, показ и рассказ.

История нашего города открывает большие возможности для выбора темы экскурсии. Так, были проведены экскурсии, посвященные Отечественной войне 1812 г., истории железной дороги, промышленных предприятий, полоцкому кадетству и историческим личностям (Владимиру Азину, Татьяне Мариненко, Юрию Таричу).

После определения темы следующим этапом подготовки становится изучение материала по теме. Экскурсовод должен знать материал экскурсии в гораздо большем объеме, чем тот, который он собирается предложить вниманию экскурсантов, и свободно владеть им. Краеведческий фонд библиотеки этому способствует. Изучение материалов при разработке экскурсии начинается с составления библиографии краеведческой литературы, касающейся ее темы.

Следующий этап работы – отбор и изучение экскурсионных объектов. Историко-краеведческая экскурсия позволяет рассматривать в качестве объекта практически любой памятник истории и культуры, который является зрительной основой положений, развиваемых в экскурсии, и на демонстрации которого строится рассказ экскурсовода, ведутся рассуждения и разъяснения.

С отбором объектов непосредственно связан маршрут экскурсии. Он определяет последовательность знакомства с объектами и должен быть составлен так, чтобы экскурсионный материал имел свои логические начало, развитие и завершение. Территориальное расположение нашей библиотеки позволяет строить маршрут пешеходных экскурсий по центру Полоцка, который богат достопримечательностями.

Хорошо подготовленная экскурсия будет эффективной лишь в том случае, если экскурсовод не только глубоко освоит и осмыслит все этапы ее создания, но и овладеет методическими приемами показа объектов и изложения материала. В проведении историко-краеведческих экскурсий Галине Нелиной пригодился многолетний опыт проведения виртуальных путешествий. Целевой группой экскурсии стали именно виртуальные путешественники, при этом посетить экскурсию мог любой желающий. Информация о месте и времени экскурсии размещалась в социальных сетях и на сайте библиотеки.

И вот уже 8 июля 2021 г. виртуальные путешественники отправились в свое первое НеВиртуальное путешествие. Вместе со своим постоянным гидом Г. Нелиной активные и любознательные странники отправились в путь по истории города. Маршрут первого путешествия – проспект Франциска Скорины. Экскурсия началась от Каплицы в память воинам, погибшим в Афганистане, затем по маршруту следовали памятник комсомольцам Полоцка, памятник Франциску Скорине, памятный знак «Географический центр Европы». Впечатлениями от просмотра памятников делились в пути. Экскурсия завершилась возле памятника герою – полоцкому кадету Роману Исидоровичу Кондратенко.

Новый формат встреч пришелся виртуальным путешественникам по душе: наглядное сопровождение серьезной исторической информации способствовало легкости восприятия истории родного края. Экскурсии стали проходить регулярно. Менялись темы, приходили новые участники. Для экскурсантов в библиотеке была организована выставка-рассказ «Полоцк, что почитать?».

Иногда погода вносила свои коррективы в планы экскурсантов. Так, однажды желающие пойти на экскурсию собрались в библиотеке и отправились на экскурсию заочно. Активные и любознательные путешественники шли по улицам, подключив свое воображение. Они «посетили» гимназию № 1, педагогический колледж, памятник князю Всеславу Чародею. Узнали много интереснейших фактов из биографий людей, живших и творивших в Полоцке, впечатлились историями как старых, так и новых зданий. Выставка книг о Полоцке вызвала интерес у экскурсантов и явилась хорошим дополнением к рассказу экскурсовода. Обогатившись новыми фактами, путешественники решили пройти этот путь еще раз, но уже практически! На экскурсию они отправились через пару дней, когда стояла солнечная погода, подготовленные и увлеченные тематикой.

В историко-краеведческих экскурсиях библиотеки в основном использовался метод показа. Сущность его состоит в выделении одного или нескольких объектов и сосредоточении на них внимания в соответствии с темой. Важнейшая задача, которая преследуется при этом, – научить экскурсантов видеть в объекте не только прошлое, но и его сегодняшнюю значимость, чтобы правильно осознавать и оценивать все достоинства памятника. Напри-

мер, заключительная экскурсия была посвящена Дню народного единства. Основным объектом экскурсии при этом стал памятный знак «Полоцк – колыбель белорусской государственности». Что нас делает едиными, соотечественниками, согражданами, горожанами, любящими и уважающими свой город? Символами единства на пути экскурсии стали р. Западная Двина, Центр Европы, памятник букве «Ў», памятники героям Отечественной войны 1812 г., освободителям – героям Великой Отечественной войны.

В зависимости от цели, тематики, характера объектов и ряда других факторов в историко-краеведческих экскурсиях библиотеки применялись такие приемы показа, как предварительный осмотр, анализ, зрительная реконструкция, локализация событий, сравнение, демонстрация. Подготовленные виртуальные путешественники с удовольствием сравнивали и анализировали полученную информацию. Наиболее часто в экскурсиях библиотеки был использован проблемный метод изложения материала, вследствие чего заинтересованные экскурсанты хотели лучше изучить предложенную тему, для того чтобы в дальнейшем обменяться мнением с другими участниками. Цикл краеведческих экскурсий как раз и способствует пробуждению читательского интереса и предоставляет возможность повторных встреч для дискуссий.

Темы экскурсий, характер объектов обусловливали следующие приемы изложения материала: предварительный обзор, экскурсионная справка, описание (воссоздание), объяснение, характеристика, комментирование.

Предварительный обзор является подготовительным этапом рассказа. Он предполагает ориентировку экскурсантов в новой для них ситуации и дает первые обобщенные сведения об объектах. Таким образом, возникает предпосылка для последующего выделения только тех памятников, которые предусматривает маршрут экскурсии. Предварительный обзор предшествует предварительному осмотру памятника.

Экскурсионная справка давалась библиографом о памятниках и связанных с ними событиях, которые в силу ряда особенностей не были предусмотрены темой экскурсии, однако сведения о них способствовали восприятию материала. В экскурсионной справке излагались основные данные об объекте: дата возведения, авторы и т. д. В историко-краеведческих экскурсиях, включающих многоплановый материал, справки о встречающихся достопримечательностях являются обязательными, именно поэтому при подготовке экскурсии библиографом подготавливались демонстрационные материалы.

Прием описания – последовательное перечисление и изложение опосредованных сведений об объекте – используется для воссоздания той обстановки, в которой происходили исторические события. Экскурсанты становились как бы очевидцами происходящих на памятном месте событий. Так,

при осмотре Красного моста экскурсовод представила вниманию экскурсантов репродукции картин, на которых изображена битва Отечественной войны 1812 г., происходившая именно на этом месте.

Подготовка и проведение историко-краеведческой экскурсии – сложный процесс, требующий от специалиста библиотеки не только организаторских способностей и знания материала, но и максимального использования методических средств и приемов.

Сезон НеВиртуальных путешествий получил неожиданное, но приятное окончание, в библиотеке была организована фотовыставка «Полоцк_19–20: Следы прошлого». Изучив возможности смартфона на компьютерных тренингах, экскурсанты во время историко-краеведческих экскурсий делали тематические фотоснимки. В объектив фотокамер попал Полоцк XIX и начала XX в.: «Гранд-отель», «Бристоль», «Лондон», училище, школа. Фотографы искали и нашли следы прошлого, штрихи времени, искры, долетевшие до нас сквозь время. Фотовыставка также была представлена вниманию горожан и гостей города на городских праздничных площадках. Научившись видеть прекрасное в городских и исторических пейзажах города, экскурсанты, начинающие фотографы решили принимать участие в фотоконкурсах. Например, Татьяна Манина, постоянный виртуальный путешественник, участвует в республиканском конкурсе «Познай Беларусь» в номинации «Мой родны кут».

Благодаря своей наглядности, доходчивости, эмоциональности экскурсия является чрезвычайно эффективной формой передачи знаний экскурсантам, способствует прочному усвоению приводимых фактов, оказывает сильное воздействие на формирование духовного облика человека. Безусловно, посещение краеведческих экскурсий, подготовленных сотрудниками библиотеки, способствует духовному обогащению, прививает навыки глубоких самостоятельных наблюдений и исследований. Для дальнейшего изучения объектов или тем экскурсий люди обращаются в библиотеку и становятся краеведами-любителями. Экскурсионная форма стала одной из составных частей комплексного предметного изучения края в нашей библиотеке. Во время экскурсии человек пополняет свои знания, познает с помощью экскурсовода окружающий мир, приближает к себе предметы изучения. Даже самая непродолжительная экскурсия создает определенное настроение, способствует ощущению свободы. Эмоции от увиденного и услышанного окрашивают знания, делают их прочными, сохраняющимися на всю жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Емельянов, Б. В.** Экскурсоведение : учебник / Б. В. Емельянов. – 6-е изд. – Москва : Сов. спорт, 2007. – 216 с. – (Профессиональное туристское образование).

2. **Нелина, Г.** 7-е НеВиртуальное путешествие [Электронный ресурс] / Г. Нелина // Полоцкая районная централизованная библиотечная система : [официальный

сайт]. – Режим доступа: https://skorina-lib.by/2021/08/21/7-e-nevirtualnoe-puteshestvie. – Дата доступа: 11.11.2021.

3. **Нелина, Г.** Над Западной Двиной [Электронный ресурс] / Г. Нелина // Полоцкая районная централизованная библиотечная система : [официальный сайт]. – Режим доступа: https://skorina-lib.by/2021/07/22/nad-zapadnoj-dvinoj. – Дата доступа: 11.11.2021.

4. **Нелина, Г.** НеВиртуальное путешествие [Электронный ресурс] / Г. Нелина // Полоцкая районная централизованная библиотечная система : [официальный сайт]. – Режим доступа: https://skorina-lib.by/2021/07/08/nevirtualnoe-puteshestvie-2. – Дата доступа: 11.11.2021.

5. **Нелина, Г.** Полоцкий калейдоскоп [Электронный ресурс] / Г. Нелина // Полоцкая районная централизованная библиотечная система : [официальный сайт]. – Режим доступа: https://skorina-lib.by/2021/07/17/poloczkij-kalejdoskop. – Дата доступа: 11.11.2021.

6. **Нелина, Г.** Полоцкий калейдоскоп [Электронный ресурс] / Г. Нелина // Полоцкая районная централизованная библиотечная система : [официальный сайт]. – Режим доступа: https://skorina-lib.by/2021/07/20/poloczkij-kalejdoskop-2. – Дата доступа: 11.11.2021.

7. **Нелина, Г.** Полоцкий калейдоскоп [Электронный ресурс] / Г. Нелина // Полоцкая районная централизованная библиотечная система : [официальный сайт]. – Режим доступа: https://skorina-lib.by/2021/07/29/poloczkij-kalejdoskop-4. – Дата доступа: 11.11.2021.

8. **Нелина, Г.** Полоцкий калейдоскоп [Электронный ресурс] / Г. Нелина // Полоцкая районная централизованная библиотечная система : [официальный сайт]. – Режим доступа: https://skorina-lib.by/2021/08/05/poloczkij-kalejdoskop-6. – Дата доступа: 11.11.2021.

9. **Нелина, Г.** То, что нас объединяет [Электронный ресурс] / Г. Нелина // Полоцкая районная централизованная библиотечная система : [официальный сайт]. – Режим доступа: https://skorina-lib.by/2021/09/16/to-chto-nas-obedinyaet. – Дата доступа: 11.11.2021.

Пыж Д.С. *(г. Мінск)*

ЦІМАФЕЙ МІКАЛАЕВІЧ СЯРГЕЙЧЫК (1899–1977): АДЗІН З ЗАСНАВАЛЬНІКАЎ ДРУГОГА БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ТЭАТРА Ў ВІЦЕБСКУ

Выбітны акцёр, рэжысёр, народны артыст БССР, лаўрэат Дзяржаўнай прэміі СССР Цімафей Мікалаевіч Сяргейчык пакінуў значны след у беларускім тэатральным мастацтве.

Будучы дзеяч сцэны нарадзіўся 26 чэрвеня 1899 г. у в. Заполле Гарадкоўскай воласці Бабруйскага павета ў беднай сялянскай сям'і [6, л. 2]. З дзяцін-

ства ён быў успрымальным да беларускай народнай культуры: песень, казак, гумару. Вялікі ўплыў на станаўленне светапогляду будучага акцёра сыграў бацька Мікалай Іванавіч Сяргейчык. Менавіта ён, як піша сам Цімафей Мікалаевіч, першым зарадзіў у ім любоў да ўсяго прыгожага. Нягледзячы на цяжкае матэрыяльнае становішча сям'і, бацька адправіў дзяцей у двухкласнае вучылішча і даў усім пачатковую адукацыю. Такім чынам, калі Цімафей Мікалаевіч скончыў у чэрвені 1915 г. сельскае вучылішча, перад ім паўстала пытанне выбару далейшага жыццёвага шляху [1, л. 20, 39; 5, л. 1].

Выбар быў зроблены на карысць працягу навучання. Да пачатку XX ст. сетка сярэдняй і ніжэйшай спецыяльнай і прафесійна-тэхнічнай адукацыі на тэрыторыі Беларусі складалася з сярэдніх і ніжэйшых вучылішч, рамесных вучылішч і школ, настаўніцкіх і духоўных семінарый [10, с. 411]. Цімафей Мікалаевіч вырашыў паступаць у настаўніцкую семінарыю, якіх на тэрыторыі Беларусі ў той час дзейнічала чатыры: Маладзечненская, Полацкая, Нясвіжская, Свіслацкая. Улічваючы парады брата, перавага была аддадзена Полацку [1, л. 43–44; 10, с. 279].

З сучаснага боку гледжання, жыццё селяніна ў той час было дастаткова абмежаваным. Так, да сканчэння сельскага вучылішча Цімафей Мікалаевіч ніколі не бачыў поезда, чыгункі, горада. Каб займацца з рэпетытарам для падрыхтоўкі да ўступных іспытаў у семінарыю, патрэбна было ехаць да брата ў в. Рудабелка – гэта паездка засталася ў памяці на ўсё жыццё. Першым горадам, які ўбачыў будучы артыст у час паездкі, стаў Бабруйск. У тыя дні на гарадской сцэне прыязджая трупа давала спектакль: «…забыўшыся пра ўсё на свеце, як зачараваны, прасядзеў увесь вечар у зялёным тэатры, не зводзячы вачэй са сцэны. Новы, зусім невядомы да гэтага часу казачны свет адчыніў для мяне свае дзверы. Усё вабіла ў ім: і прыгожыя стройныя людзі з іх адзеннем і незвычайнымі плаўнымі рухамі, і вершаваная мова, і музыка, песні і сад». Так зарадзілася любоў да тэатра, а адсюль узнікла мара стаць акцёрам [1, л. 64–66].

Паступленне ў семінарыю было нялёгкім з-за вялікага конкурсу: 240 заяў на 35 вакантных месцаў. Неператадольнае імкненне да ведаў дало свой плён, і Цімафей Мікалаевіч паспяхова справіўся з усімі цяжкасцямі і стаў студэнтам семінарыі. Аднак скончыць яе яму так і не давялося. У сувязі з падыходам немцаў да Полацка семінарыю ў канцы 1917 г. закрылі, а Цімафей Мікалаевіч быў вымушаны перавесціся ў Бабруйскую настаўніцкую семінарыю, адкуль у 1919 г. добраахвотна пайшоў у Чырвоную армію. Служыў радавым байцом, падармейцам, настаўнікам, школьным інструктарам. У час службы пачаў удзельнічаць у драматычных гуртках чырвонаармейскай мастацкай самадзейнасці, менавіта тады раз і назаўсёды вырашыў стаць акцёрам [1, л. 74; 2, л. 7–8; 9, л. 3].

У 1922 г. дэмабілізаваўся з радоў Чырвонай арміі і пачаў працаваць на шкляным заводзе «Камінтэрн» у пас. Глуша ў якасці загадчыка клуба, а

праз год паступіў у Беларускі дзяржаўны інстытут тэатральнага мастацтва, які знаходзіўся ў Маскве. Першай роллю стаў вобраз каваля ў п'есе «Цар Максіміліян», а выпускной працай стала роля Благаса ў п'есе Жулаўскага. Цімафею Мікалаевічу пашчасціла вучыцца, а пазней і працаваць з П. Малчанавым, К. Саннікавым, А. Ільінскім. У 1926 г., скончыўшы навучанне, маладыя артысты прыехалі ў Віцебск, дзе па рашэнні беларускага ўрада быў створаны Другі беларускі дзяржаўны тэатр [2, л. 9, 29–30, 34, 42, 50; 9, л. 3]. З гэтага часу пачалося прафесійнае акцёрскае жыццё Цімафея Мікалаевіча.

Першы сезон тэатр адкрыў, маючы ў рэпертуары 6 п'ес: «Цар Максіміліан» А. Рэмізава, «Сон у летнюю ноч» У. Шэкспіра, «Вакханкі» Эўрыпіда, «У мінулы час» І. Бэна, «Астап» А. Глобы, «Эрас і Псіхея» Е. Жулаўскага, але тэатр у той час не атрымаў вялікага прызнання, таму што быў адарваны ад жыцця. Ва ўмовах прапаганды сацыялістычнай ідэалогіі ў тэатры была пастаўлена п'еса «Разлом» Б. Лаўрэнёва. Роля капітана Бярсенева прынесла Цімафею Мікалаевічу поспех у гледача і акцёрскае прызнанне. Следам былі пастаўлены «Рэйкі гудуць» В. Кіршона, «Качагары» Гурскага, «Першая конная» У. Вішнеўскага, якія знайшлі водгук у гледача [2, л. 50, 54, 57].

Вельмі любіў Цімафей Мікалаевіч творчасць Якуба Коласа: «…у ёй усё для мяне роднае і блізкае – і наша цудоўная беларуская прырода, і спраўдная шчырая песня, і людзі – будаўнікі камунізму». У 1936 г. тэатр ажыццяўляе пастаноўку п'есы народнага паэта рэспублікі Якуба Коласа «Вайна на вайне», а праз год – «У пушчах Палесся» [2, л. 61].

У чэрвені 1939 г. тэатр упершыню выехаў на гастролі ва Украіну: спачатку ў Днепрапятроўск, а потым у Кіеў; у 1940 г. трупа адпраўляецца ў горад Беласток, а ў маі 1940 г. працягвае гастролі ў Мінску. Выступы ва ўсіх гарадах прайшлі паспяхова. У чэрвені 1940 г. у Маскве адбылася дэкада беларускага мастацтва і літаратуры, на якую ў якасці гасцей была запрошана група стваральнікаў Другога беларускага дзяржаўнага тэатра, у складзе якой быў і Ц.М. Сяргейчык [2, л. 71, 74, 79].

У 1941 г. у БДТ-2 адбыўся закрыты паказ «Несцеркі», пасля чаго тэатр накіраваўся ў вялікае чатырохмесячнае падарожжа. Планавалася наведаць Карэла-Фінскую рэспубліку, адтуль паехаць ва Украіну, а потым працягнуць гастролі ў Беларусі. Аднак шырокі глядач г. Віцебска так і не ўбачыў прэм'еры «Несцеркі», бо 4 ліпеня 1941 г. тэатр разам з акцёрамі быў эвакуіраваны ў г. Уральск, а потым у Арэхава-Зуева. За гады вайны калектыў тэатра даў больш за 600 канцэртаў для воінаў Савецкай арміі [2, л.105; 4, л. 4].

У 1944 г. тэатр вярнуўся ў разрабаваны і спустошаны Віцебск: «…замест вакзала – пустое месца. Ад чыгункі да самай Дзвіны – груды бітай цэглы. Не разбярэш, дзе была якая вуліца, нібы мы тут ніколі і не жылі». Былы будынак тэатра быў разбураны. Калектыў тэатра чакала вялікая праца па аднаўленні культурнага жыцця ў горадзе [3, л. 6].

За выдатныя заслугі ў развіцці савецкага тэатральнага мастацтва Указам Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР ад 7 студзеня 1944 г. Цімафею Мікалаевічу Сяргейчыку было прысвоена званне народнага артыста БССР [7, л. 3].

28 лістапада трупа тэатра паказала віцяблянам у памяшканні кінатэатра «Спартак» спектакль «Несцерка» В. Вольскага. Роль шкаляра Самахвальскага ў п'есе стала знакавай для Сяргейчыка. Аднак адразу ні рэжысёр Навум Лойтар, ні члены мастацкай рады, на якой адбывалася размеркаванне роляў будучай пастаноўкі, зусім не бачылі Цімафея Мікалаевіча ў гэтай ролі. Але ён аказаўся ўпартым і заявіў, што будзе самастойна працаваць над вобразам і пераканае ўсіх. Так яно і атрымалася. Урачыстае адкрыццё тэатра адбылося 31 снежня 1944 г. спектаклем «Заложнікі» [4, л. 3; 11].

У 1946 г. спектакль «Несцерка» быў вылучаны на артыманне Дзяржаўнай прэміі СССР. Для прагляду спектакля з Масквы ў Віцебск прыехала камісія: рэжысёр МХАТ І.Я. Судакоў і кампазітар І.В. Дунаеўскі. За гэты спектакль Ц.М. Сяргейчыку была прысуджана Дзяржаўная прэмія СССР 1-й ступені [4, л. 7].

Пераканаўчы вобраз Лявона Зябліка стварыў Цімафей Мікалаевіч у п'есе Янкі Купалы «Раскіданае гняздо», пастаўленай у 1951 г. А. Скібнеўскім. Поспеху ў стварэнні гэтага вобраза дапамаглі асабістыя сустрэчы з класікам беларускай літаратуры. Падчас аднаго з іх Янка Купала адзначыў: «Ты, Цімашок, калі-небудзь успомніш мае словы. Я памру, але «Раскіданае гняздо» зойме яшчэ на сцэне сваё пачэснае месца і загаворыць на поўны голас. Я ўклаў у гэту п'есу лепшае, што было ў маёй паэзіі і драме» [11]. Сапраўды, «Раскіданае гняздо» дагэтуль ідзе на вядучых сцэнах беларускіх тэатраў.

«За асаблівыя заслугі ў гаспадарчым і культурным будаўніцтве, актыўны ўдзел у камуністычным выхаванні працоўных і ў сувязі з 70-годдзем з дня народзінаў» рашэннем выканкама Віцебскага гарадскога Савета дэпутатаў працоўных ад 11 лістапада 1969 г. Ц.М. Сяргейчыку было прысвоена званне «Ганаровы грамадзянін г. Віцебска» [8, л. 3].

За час бесперапыннай працы ў тэатры Цімафей Мікалаевіч Сяргейчык выканаў больш за 250 вялікіх і малых роляў; у якасці рэжысёра паставіў 17 спектакляў, акрамя таго, быў сурэжысёрам у шмат якіх беларускіх п'есах. Адначасова з акцёрскай і рэжысёрскай работай шмат часу аддаваў педагагічнай дзейнасці: быў мастацкім кіраўніком студыі пры тэатры. Многія з яго вучняў сталі заслужанымі і народнымі артыстамі БССР: А.Р. Шэлег, А.М. Трус, І.А. Матусевіч, З.І. Канапелька і інш.

ЛІТАРАТУРА

1. **Беларускі** дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва (БДАМЛІМ). – Ф. 212. Воп. 1. Спр. 154.

2. **БДАМЛІМ**. – Ф. 212. Воп. 1. Спр. 155.

3. **БДАМЛІМ**. – Ф. 212. Воп. 1. Спр. 156.

4. **БДАМЛІМ**. – Ф. 212. Воп. 1. Спр. 161.
5. **БДАМЛІМ**. – Ф. 212. Воп. 1. Спр. 186.
6. **БДАМЛІМ**. – Ф. 212. Воп. 1. Спр. 190.
7. **БДАМЛІМ**. – Ф. 212. Воп. 1. Спр. 192.
8. **БДАМЛІМ**. – Ф. 212. Воп. 1. Спр. 196.
9. **БДАМЛІМ**. – Ф. 212. Воп. 1. Спр. 198.
10. **Гісторыя** Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Сучасн. шк. : Экаперспектыва, 2005. – Т. 4 : Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. В. Біч [і інш.]. – 519 с.
11. **Цімох** Сяргейчык – выдатны дзеяч коласаўскай сцэны [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://kolastheatre.by/be/news/cimoh-syargeychyk-vydatny-dzeyach-kolasauskay-sceny. – Дата доступу: 07.09.2021.

Фаміна Г.С. *(г. Полацк)*

ВУЧЫЦЬ І ВЫХОЎВАЦЬ СЛОВАМ

У сучаснай метадычнай і педагагічнай літаратуры агульныя патрабаванні да ўрока падзяляюцца на чатыры групы: выхаваўчыя, дыдактычныя, псіхалагічныя, гігіенічныя. Умоўнасць такога падзелу заключаецца ў тым, што ў рэальным вучэбна-выхаваўчым працэсе гэтыя патрабаванні цесна ўзаемазвязаны, узаемапранікаюць і ўплываюць адзін на другі.

Выхаваўчыя патрабаванні з'яўляюцца запытам грамадства на фарміраванне грамадзяніна краіны. Для ўрокаў беларускай мовы і літаратуры выхаваўчы аспект работы прасочваецца па некалькіх напрамках. Гэта перш за ўсё скрупулёзны падбор дыдактычнага матэрыялу да кожнага ўрока, які служыў бы не толькі ілюстрацыяй, сродкам для назірання і аналізу пэўных правілаў, граматычных формаў, сінтаксічных канструкцый, але даваў бы магчымасць пазнаваць новыя факты, падзеі з жыцця, вучыў бы разважаць, гутарыць на палітычныя, сацыяльныя, ідэалагічныя, маральныя тэмы, ацэньваць і выказваць свае адносіны. Мэтанакіраванае выкарыстанне дыдактычнага матэрыялу дазволіць выхоўваць нацыянальную самасвядомасць вучняў. Як вядома, мова народа становіцца асноўным дыдактычным сродкам фарміравання менталітэту асобы навучэнца, яна сама па сабе з'яўляецца культурна-гістарычным асяроддзем, якое фарміруе духоўнасць і ўплывае на стан матэрыяльнай культуры наступных пакаленняў. Вось чаму мову народа патрэбна вывучаць з мэтай пазнаць сам народ у яго тэрытарыяльнай, гістарычнай і сацыяльнай акрэсленасці. Так, адным з лінгвадыдактычных прынцыпаў навучання беларускай мове з'яўляецца прынцып апоры на этнакультуру, што азначае арыентацыю настаўніка, выкладчыка пры адборы дыдактычнага матэрыялу да заняткаў па беларускай мове на тэксты з этнакультуразнаўчай тэматыкай

(гісторыя Беларусі, характар, звычаі, традыцыі, асаблівасці матэрыяльнай і духоўнай культуры беларусаў, прыродных умоў і інш.). Беларусы павінны выхоўваць у сабе беларусаў, ідэнтыфікаваць сябе з беларускай культурай. Незалежна ад таго, з якой культурай навучэнцы сярэдняй школы сябе атаясамляюць, на занятках па беларускай мове і літаратуры патрэбна ўлічваць этнакультурны фактар, ствараць умовы для пазнання культуры беларускага і іншых народаў і выхавання талерантных адносін паміж людзьмі, якія належаць да розных этнасаў, канфесій, рас, падкрэсліваць культурную адметнасць беларусаў [3, с. 38].

Агульнавядома, што мастацкая літаратура – выключны сродак прывіцця любові да чалавека, грамадства, роднага краю, мовы, культуры. Першачарговымі задачамі настаўніка з'яўляюцца перадача сваіх уменняў і навыкаў вучням, навучанне іх, паводле выказвання Якуба Коласа, чытанню ў шырокім значэнні. Гэту задачу вялікі пісьменнік і метадыст разумеў так: «Чытаць – значыць разумець тое, што чытаецца. І школа перш за ўсё павінна навучыць чытаць дзяцей самастойна. Трэба лічыцца, з аднаго боку, з тым, што па скончэнні школы чытанне будзе адзіным сродкам самаадукацыі для вучня. З другога боку, трэба мець на ўвазе тое вялікае значэнне, якое мае кніга і наогул друкаванае слова ў сэнсе пашырэння і развіцця нашых ведаў. Вось чаму школа і павінна даць вучню ўсе тыя спосабы, каторымі вучань мог бы папаўняць свае веды незалежна ад дапамогі настаўніка, мог бы сам разабрацца ў тым матэрыяле, што дае кніга. Школа павінна таксама прышчапіць вучню любасць да кнігі, зацікавіць ёю» [1, с. 112].

Урокі беларускай мовы і літаратуры могуць і павінны выхоўваць эстэтычны густ сродкамі самой мовы. Культура мовы – адзін з важнейшых элементаў чалавечай культуры. У маўленні, слове чалавек сцвярджае сябе як асоба. Ступень валодання мовай, шырыня і свабода карыстання моўнымі сродкамі ў іх вуснай і пісьмовай формах шмат у чым вызначаюць месца чалавека ў грамадскім жыцці. Таму праблема развіцця вуснага маўлення заўсёды знаходзіцца ў цэнтры ўвагі пры школьным навучанні.

Выхаваўчы аспект урока мовы забяспечваецца цэлым комплексам мер і сродкаў: нагляднасці, слыхавых, асабліва музычных, сродкаў мовы і паводзін самога настаўніка.

У пазакласнай рабоце па мове і літаратуры найбольш яскрава і асабліва натуральна выступае адзінства адукацыйнай і выхаваўчай функцый гэтых прадметаў. Зразумела, што работа настаўніка-славесніка не абмяжоўваецца рамкамі ўрока. Яна ўяўляе сабой бесперапыннае ўзаемадзеянне педагога і вучня, пастаянныя зносіны (не ў часе, а ў адчуванні патрэбы ў іх) па перадачы ўменняў рэагаваць на слова. Што датычыцца дыдактычных прынцыпаў пазакласнай работы, то яна мае сваю спецыфіку: на пазаўрочных занятках удзельнічаюць галоўным чынам тыя вучні, якія жадаюць пашырыць свае веды па мове, удасканаліць іх. Толькі пры такой умове пазакласная работа

стане па-сапраўднаму дзейснай. Можна прымусіць вучня наведваць гурток, прымаць удзел у канферэнцыі, але, калі ў яго не будзе жадання рабіць гэта, не будзе і ніякай карысці ад такой працы [2, с. 231].

Метадысты вылучаюць розныя віды пазакласнай работы, але асноўнымі лічаць наступныя: пастаянна дзеючыя мерапрыемствы (праца гуртка, выпуск тэматычнай газеты і інш), эпізадычныя мерапрыемствы (віктарыны, алімпіяды, вечары, конкурсы ды інш.). Гульні, спаборніцтвы найбольш цікавяць непаседлівых. Яны нават не заўважаюць, што займаюцца сур'ёзнай справай: падборам слоў з пэўнымі фанетычнымі заканамернасцямі, прыгадваннем сінонімаў, прыказак, загадак. Гэта садзейнічае развіццю звязнага маўлення гурткоўцаў, бо ў шмат якіх гульнёвых сітуацыях трэба свядома, уважліва ставіцца да беларускага слова, дакладна яго вымаўляць, мэтанакіравана ўжываць у моўных зносінах. З вялікім захапленнем складаюць вучні вершы-каламбуры. Такая работа фарміруе ў іх кемлівасць, выхоўвае ўважлівае стаўленне да моўных фактаў. Сярод уражанняў, што застаюцца ў вучняў на ўсё жыццё, нярэдка важнае месца належыць успамінам пра школьныя літаратурныя вечарыны. І невыпадкова: гэтая форма пазакласнай працы тоіць вялікія магчымасці ўздзеяння на розум і пачуцці школьнікаў, на развіццё іх творчых здольнасцей. Многія настаўнікі з адказнасцю і шчырай зацікаўленасцю ставяцца да арганізацыі і правядзення літаратурных вечарын, дбаюць не проста аб тым, каб уключыць у іх праграму як мага больш разнастайнага інфармацыйнага матэрыялу, а каб з дапамогай мастацкага слова дзейсна ўплываць на думкі, пачуцці, памкненні вучняў, фарміраванне іх нацыянальнай самасвядомасці і эстэтычнага густу.

З усяго сказанага вышэй вынікае, што беларуская мова і створаная на ёй беларуская літаратура як вучэбныя дысцыпліны з'яўляюцца аднымі з асноўных у школе; настаўнік беларускай мовы і літаратуры пры дапамозе роднага слова фарміруе вучнёўскі светапогляд і ўменне правільна думаць і перадаваць (выражаць) думкі, ажыццяўляе ідэйна-палітычнае, маральнае і эстэтычнае выхаванне.

ЛІТАРАТУРА

1. **Абабурка, М. В.** Культура беларускай мовы / М. В. Абабурка. – Мінск : Вышэйшая школа, 1994. – 120 с.

2. **Варановіч, З. Б.** Методыка выкладання беларускай мовы / З. Б. Варановіч. – Мінск : Універсітэцкае, 1995. – 247 с.

3. **Ляшчынская, В. А.** Методыка выкладання беларускай мовы : лекцыі для студэнтаў філалагічнага і завочнага факультэтаў / В. А. Ляшчынская, З. У. Шведава. – Гомель : Гомел. дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны, 1985. – 171 с.

Філімонава В.А. *(г. Полацк)*

ДРУКАВАНАЯ ПРАДУКЦЫЯ ВЫДАВЕЦКАГА ДОМА ЗАВАДСКІХ У ФОНДАХ НАЦЫЯНАЛЬНАГА ПОЛАЦКАГА ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАГА МУЗЕЯ-ЗАПАВЕДНІКА

У 2021 г. спаўняецца 240 год з дня нараджэння славутага віленскага выдаўца Юзафа Завадскага (1781–1838). Цяжка пераацаніць той унёсак, які зрабіў ён і яго нашчадкі ў развіццё кнігавыдавецкай і кнігагандлёвай справы на беларускіх землях у XIX – пачатку XX ст. Выдавецкае прадпрыемства, заснаванае Ю. Завадскім у 1804 г., праіснавала больш за стагоддзе. Гэта, бадай, найбуйнейшае і самае актыўнае прыватнае выдавецтва гэтага часу на тэрыторыі былога ВКЛ, прадукцыя якога карысталася вялікай папулярнасцю сярод насельніцтва беларускіх зямель. У фондах Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка (НПГКМЗ) захоўваецца сем выданняў розных гадоў, звязаных з выдавецкім домам Завадскіх.

Ураджэнец Вялікай Польшчы, Ю. Завадскі набываў практычны вопыт кнігадрукавання ў польскіх Вроцлаве і Познані, нямецкім Лейпцыгу. Уласную кнігавыдавецкую дзейнасць ён распачаў у Вільні ў 1804 г., калі адкрыў у горадзе невялічкую друкарню. Сапраўдным магутным штуршком для актыўнай яго дзейнасці ў сферы кнігавыдання стала арэнда ў 1805 г. друкарні Віленскага ўніверсітэта і дзякуючы таму права называць сябе ўніверсітэцкім тыпографам. Дамова аб арэндзе была заключана на 10 гадоў і некалькі разоў падаўжалася аж да 1828 г. Апека Адама Чартарыйскага, а таксама пазыка ў 1000 рублёў дазволіла пераабсталяваць друкарню, павялічыць колькасць друкарскіх варштатаў да 12 і пашырыць штат працаўнікоў да 35 чалавек [1; 2, с. 71]. Да 1828 г. прадпрыемства мела выключнае права друкаваць (а да 1825 г. – і прадаваць) падручнікі і навуковыя працы Віленскага ўніверсітэта [9]. Да гэтага перыяду дзейнасці друкарні адносіцца выданне «Zoologia krotko zebrana» Станіслава Баніфацыя Юндзіла. С.Б. Юндзіл – вядомы прафесар батанікі і заалогіі, загадчык кафедры прыродазнаўчых навук Віленскага ўніверсітэта – з'яўляўся аўтарам першых навучальных дапаможнікаў па прыродазнаўчых дысцыплінах для студэнтаў, да якіх і адносіцца праца «Zoologia krotko zebrana» («Кароткі курс заалогіі»). Упершыню падручнік у 3-х тамах выйшаў з друкарні Завадскага ў 1807 г., а пасля двойчы перавыдаваўся ў 1825 і 1827 гг. [3, s. 306]. Першы том яе быў прысвечаны апісанню млекакормячых жывёлін, другі – класу птушак, трэці – паўзунам і рыбам. У фондах НПГКМЗ захоўваецца том I 1-га выдання гэтага падручніка. Асобнік мае ўладальніцкі штамп з тэкстам «Сія книга принадлежить / Зенону Іосифовичу / Олехновичу».

З ростам прыбыткаў Ю. Завадскі стаў пашыраць сваю справу і адкрыў філіялы свайго прадпрыемства ў Варшаве, а пасля і ў Кіеве (дзе арандаваў

друкарню ўніверсітэта св. Уладзіміра). Так пачаўся паспяховы захоп кніжнага рынку былога ВКЛ. Значна спрыяў гэтаму і ўніверсальны па тэматыцы рэпертуар друкаванай тут прадукцыі, а таксама яе шматмоўнасць. Тэматычна выданні Завадскага ахоплівалі ўсе сферы жыцця: тут друкавалася мастацкая і грамадска-палітычная літаратура, рэлігійныя, сельскагаспадарчыя і медыцынскія выданні, а таксама навуковыя творы, што прадстаўлялі розныя галіны навукі. Друкарня валодала лацінскімі, кірылічнымі, грэчаскімі, арабскімі і яўрэйскімі шрыфтамі. Пераважная большасць выданняў друкавалася на польскай мове, аднак былі прадстаўлены таксама ўсе асноўныя еўрапейскія мовы, літоўская, латышская, арабская і інш.

Фірма Завадскага з'яўлялася галоўным пастаўшчыком кніжнай прадукцыі на тэрыторыю Беларусі ў XIX ст. Дзякуючы Ю. Завадскаму ў розных гарадах Віленскай навучальнай акругі (у тым ліку ў Віцебску, Брэсце, Гродне, Мінску, Нясвіжы і інш.) была разгорнута кнігагандлёвая сетка з невялікімі кніжнымі складамі, дзе прымаліся таксама тэксты для друку. Ю. Завадскі, у першую чаргу прадпрымальнік, разглядаў аўтарскія рукапісы з пункту гледжання іх магчымага камерцыйнага поспеху. Таму, напрыклад, ён не рызыкнуў укладваць уласныя грошы ў выданне вершаў Адама Міцкевіча, бо не разумеў яго творчыя пачынанні. У выніку вершы выйшлі дзякуючы аб'яўленай падпісцы на выданне [7].

Актыўная і ўдалая прадпрымальніцкая дзейнасць, распачатая Ю. Завадскім, паспяхова развівалася і спрыяла росту тэмпаў распаўсюджання кнігавыдання і кніжнага гандлю на тэрыторыі былога ВКЛ і пасля яго смерці ў 1838 г. Сямейную справу працягвалі спадкаемцы Завадскага: жонка (да 1851 г.), сыны Адам (да 1875 г.) і Фелікс (да 1891 г.), выкарыстоўваючы ў назве фірмы імя бацькі. У пачатку XX ст. кіраванне друкарняй пераймае сын Фелікса, таксама Фелікс Завадскі [9].

Вядучая роля ў арганізацыі кніжнага гандлю і выдавецкай справы належала Адаму Завадскаму, які працягваў забяспечваць літаратурай жыхароў беларускіх губерняў, задавальняючы адпаведныя замовы шляхам рассылкі выданняў праз пошту. Кнігарня Завадскага ў Вільні ператварылася ў асяродак збору і абмену думкамі адукаванай інтэлігенцыі. Тут сустракаліся прафесары, настаўнікі, літаратары, выдаўцы, урачы і г. д. [2, с. 74]. Завітваў сюды і Ігнат Ходзька (1794–1861) – беларускі польскамоўны паэт родам з Вілейшчыны. Ён актыўна друкаваўся ў заснаваным Ю. Завадскім перыядычным выданні «Dziennik Wilenski», а ў 1842–1863 гг. тут выйшла літаратурна-мастацкая серыя «Obrazy Litewskie» («Літоўскія замалёўкі») – збор аповесцей пісьменніка [4, s. 145]. У фондах НПГКМЗ захоўваецца том 1 пятай часткі, што ўтрымлівае твор «Dworki na Antokolu» («Дворыкі на Антаколі», 1850). Месцам бытавання кнігі быў Львоў. Пра гэта сведчыць і ўладальніцкі надпіс «Ex libris / Ant. Dzieduszycki / a Leopol», і штамп Бібліятэкі Народнага казіно ў Львове (працавала з 1918 да 1939 г.). Пазней кніга трапіла

ў абменна-рэзервовы фонд Дзяржаўнай бібліятэкі СССР імя У.І. Леніна (зараз Расійская дзяржаўная бібліятэка), адкуль была перададзена ў Полацк для будучага Музея беларускага кнігадрукавання ў 1989 г.

Тым не менш пасля смерці Ю. Завадскага значна запавольваюцца тэмпы развіцця яго выдавецкага прадпрыемства, зачыняюцца філіялы ў іншых, апроч Вільні, гарадах, зніжаюцца прыбыткі. Фірма пераўтвараецца ў лакальнае выдавецтва і пачынае звяртаць больш увагі на патрэбы мясцовага грамадства, напрыклад, друкуе брашуры, псалтыры і малітоўнікі на літоўскай мове. Менавіта Завадскія спрычыніліся да выдання некаторых знакавых беларускіх твораў. Напрыклад, тут у 1846 г. выйшла славутая «Сялянка» («Ідылія») В. Дуніна-Марцінкевіча [1; 2, с. 75]. Сапраўдным ударам па працы выдавецтва стаў шэраг рэакцыйных змен у заканадаўстве аб друку і цэнзуры пасля паўстання 1863–1864 гг.

Да гэтага ж перыяду дзейнасці друкарні адносяцца некаторыя рэлігійныя выданні з фондаў НПГКМЗ. Адным з іх з'яўляецца вядомы твор аднаго з айцоў хрысціянскай царквы Аўгусціна Аўрэлія «Wyznania Świętego Augustyna» («Споведзі святога Аўгусціна», 1844). Пераклад твора з лацінскай на польскую мову ажыццявіў Міхал Богуш-Шышка (1811–1877), славуты беларускі перакладчык і архівіст, што выконваў абавязкі радзівілаўскага архіварыуса ў Нясвіжы. Твор падзелены на два тамы: першы ўласна біяграфічны, другі ўтрымлівае рэлігійна-філасофскія погляды св. Аўгусціна, яго інтэрпрэтацыі Кнігі Быцця. У фондах НПГКМЗ захоўваецца 2-гі том. У 1884 г. там жа пабачыла свет кніга «Zasady wiary katolickiej [...] czyli Katechizm Historyczny» («Асновы каталіцкай веры [...], альбо катэхізіс гістарычны») Ёгана Шміда (Johann Schmid) у перакладзе з нямецкай мовы Леана Рагальскага. Кніга змяшчала выклад асноўных ісцін хрысціянскай веры і маралі ў простай форме і прызначалася для пачатковай рэлігійнай адукацыі.

XIX ст. характарызуецца павышэннем цікавасці грамадства да навуковых асноў сельскагаспадарчай дзейнасці, таму ў гэты час расце запыт на сельскагаспадарчую літаратуру. М. Нікалаеў называе сельскагаспадарчую тэматыку адной з самых папулярных (пасля мастацкай, грамадска-палітычнай і рэлігійнай) у рэпертуары кніг, што выходзілі і распаўсюджваліся на Беларусі ў XIX – пачатку XX ст. [2, с. 93]. І тут трэба адзначыць двухтомную працу Юзафа Струмілы «Ogrody północne» («Паўночныя сады»). Ю. Струміла – вядомы ў Вільні вучоны-садоўнік, пчаляр, навуковы пісьменнік, сталы аўтар часопіса «Dziennik Wilenski». Ён стаў заснавальнікам так званага «саду Струмілы» ў віленскіх прадмесцях, дзе вырошчваў, між іншым, і лекавыя расліны. Ён імкнуўся распаўсюджваць сярод грамадства навуковыя веды ў галіне сельскай гаспадаркі і стварыў некалькі падручнікаў і навуковых прац у дапамогу жадаючым займацца садоўніцтвам, кветкаводствам і пчалярствам [8]. Галоўная яго праца – «Ogrody północne», – дзе Ю. Струміла выкладае прынцыпы стварэння саду і асновы догляду за

раслінамі, упершыню выйшла ў Вільні ў 1820 г. і пасля вытрымала яшчэ 6 перавыданняў [5, s. 395]. У 1880 г. у друкарні Завадскага выйшла сёмае і апошняе яе выданне [6, s. 181–182]. У фондах НПГКМЗ захоўваецца 1-шы том гэтай працы.

Да канца XIX ст., калі сапраўды масавымі сталі выданні для прыватнага набажэнства – кішэнныя малітоўнікі, – з друкарні Завадскага выходзяць такія кнігі, як «Chwała na wysokości Bogu» («Хвала на вышынях Богу», 1888) і «Gwiazda zbawienia» («Зорка вызвалення», 1898). Абедзве яны захоўваюцца ў фондах НПГКМЗ. Малітоўнікі маюць тыповы для такога віду выданняў склад: малітвы дзённага, тыднёвага і месячнага цыклаў, малітвы, што чыталіся падчас святой імшы ў касцёле, падрыхтоўка да споведзі і камуніі, малітвы падчас найгалоўных хрысціянскіх свят, а таксама малітвы на розныя выпадкі і патрэбы. Выданне «Chwała na wysokości Bogu» (складальнік Адам Пласкавіцкі) з'яўлялася сумесным выдавецкім праектам прадпрыемства Завадскага і варшаўскіх выдаўцоў Г. Гебетнера і А. Вольфа. Адметным з'яўляецца пераплёт кнігі: аснову яго складаюць пласціны са слановай косці, інкруставаныя перламутрам і ўпрыгожаныя металічнымі накладкамі.

Выданні выдавецкай фірмы «Юзаф Завадскі» актыўна выкарыстоўваюцца Музеем беларускага кнігадрукавання ў экспазіцыйнай дзейнасці. Заслугоўвае ўвагі сама дзейнасць выдавецтва як буйнейшага прадпрыемства ў сферы кнігавыдання ў Вільні – «гістарычнай сталіцы Беларусі» [2, с. 93] – і пашырэння кнігі на беларускіх землях, а таксама значэнне гэтай дзейнасці. Раннія выданні, такія як «Zoologia krotko zebrana» С.Б. Юндзіла (1807), ілюструюць пераемнасць выдавецкіх традыцый ад Віленскай езуіцкай друкарні да друкарні Віленскага ўніверсітэта. Некаторыя выданні, такія як «Obrazy Litewskie» І. Ходзькі (1850), дапаўняюць раздзел экспазіцыі «Тыпы і віды друкаванай прадукцыі», прысвечаны беларускаму кнігавыданню пасля 1825 г. Незвычайная вокладка кнігі «Chwała na wysokości Bogu» (1888) арганічна ўпісана ў раздзел экспазіцыі, які распавядае пра пераплётнае майстэрства. Абмежаванні на магчымасці экспанавання прадметаў калекцыі накладаюць яе нешматлікасць і фізічны стан некаторых выданняў. Таму для Музея беларускага кнігадрукавання камплектаванне калекцыі выданняў выдавецкага прадпрыемства Ю. Завадскага з'яўляецца адным з асноўных кірункаў камплектавання.

ЛІТАРАТУРА

1. **Выдаўцы** Завадскія // Роднае слова. – 2006. – № 8. – С. 123.

2. **Гісторыя** беларускай кнігі : у 2 т. – Мінск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2011. – Т. 2 : Кніжнасць новай Беларусі (XIX–XXI стст.) / М. В. Нікалаеў [і інш.] ; навук. рэд.: В. В. Антонаў, М. В. Нікалаеў. – 436 с.

3. **Estreicher, K.** Bibliografia Polska XIX stólecia / K. Estreicher. – Kraków : czcionkami drukarni Uniwersytetu Jagellońskiego, 1874. – T. II. – 634 s.

4. **Estreicher, K.** Bibliografia Polska XIX stólecia / K. Estreicher. – Wydanie drugie. T. III. – Kraków : Państwowe wydawnictwo naukowe, 1962. – 558 s.

5. **Estreicher, K.** Bibliografia Polska XIX stólecia / K. Estreicher. – Kraków : czcionkami drukarni Uniwersytetu Jagellońskiego, 1878. – T. IV. – 629 s.

6. **Estreicher, K.** Bibliografia Polska XIX stólecia / K. Estreicher. – Kraków : czcionkami drukarni Uniwersytetu Jagellońskiego, 1882. – T. VII. – 292 s.

7. **Niemojewska, A.** Józef Zawadzki: Drukarz obojga narodów [Electronic resourse] / A. Niemojewska // Rzecz Pospolita. – Mode of access: https://www.rp.pl/historia/art10426191-jozef-zawadzki-drukarz-obojga-narodow. – Date of access: 12.10.2021.

8. **Zasztowt, L.** Strumiłło Józef / L. Zasztowt // Polski Słownik Biograficzny. – Warszawa ; Kraków, 2006–2007. – T. 44. – S. 433–435.

9. **Zawadzkio** spaustuvė [Electronic resourse] // Visuotinė lietuvių enciklopedija. – Mokslo ir enciklopedijų leidybos centras, 2021. – Mode of access: https://www.vle.lt/straipsnis/zawadzkio-spaustuve/. – Date of access: 12.10.2021.

Шарковская Н.Ю. *(г. Витебск)*

Л.В. АЛЕКСЕЕВ И ВИТЕБСК (по материалам личного архива ученого в фондах Витебского областного краеведческого музея)

Цель публикации: познакомить специалистов и общественность с «витебскими» материалами личного архива Л.В. Алексеева, подаренного музею в 2013 г. родственниками ученого.

Они представлены следующими комплексами:

I. Печатные издания

II. Фотографии и негативы

III. Рукописи и документы (переписка личная и деловая)

IV. Вещевой материал

Перечисленные выше комплексы материалов в совокупности отражают сотрудничество Алексеева с различными юридическими и физическими лицами Витебска – с ВОКМ в целом и его сотрудниками в частности, городскими и областными органами власти, местными изданиями, а также с конкретными людьми – довольно известными и неизвестными, простыми горожанами. В материалах нашли отражение этапы знакомства и изучения Леонидом Васильевичем нашего города, его истории, памятников и культурно-исторических объектов вместе с теми людьми, которые внесли свой вклад в их изучение и сохранение.

I. Печатные издания: публикации Л.В. Алексеева, связанные с Витебском. Это его работы по археологии и интерпретации археологических находок, публицистика и популяризация истории.

Первой научной публикацией ученого, увидевший свет, стала статья в журнале «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР», посвященная открытому им в фондах Витебского музея шиферному пряслицу с надписью «Бабино пряслене». Оттиски этой статьи [10] с дарственной надписью были подарены автором музею и его директору еще в 1955 г., а ныне они дополнились экземпляром из архива исследователя. Благодаря этому открытию и публикации пряслице получило мировую известность и вошло в школьные учебники.

Статья Алексеева «К истории и топографии древнейшего Витебска» [6] – эта первая научная публикация по древней истории Витебска стала отправной точкой, от которой отталкивались все последующие поколения исследователей нашего города. В ней было опубликовано впервые выявленное Леонидом Васильевичем в ленинградских архивах дело о срытии Замковой горы в Витебске и неизвестный ранее ее рисунок, а также находки, сопутствующие витебской берестяной грамоте.

Разделы о Витебске содержатся в его фундаментальных монографиях «Полоцкая земля» [8, с. 161–169], «Западные земли домонгольской Руси» [4, с. 60–63, 122–131; 5, с. 86–87], популярном издании «По Западной Двине в Белоруссии» [7, с. 12–24], в материалах к археологической карте Витебской области [1, с. 288–289], а также статьях и заметках о древнем Витебске в местных периодических изданиях. Все эти публикации, поступившие в фонды музея, имеют автографы и дарственные надписи, исполненные глубокой признательностью и благодарностью с тонким философским контекстом[1]. Часть из них была подарена музею при жизни, вторая часть поступила с архивом ученого после его смерти.

Отдельно следует отметить популярные статьи и зарисовки о местной губернской жизни в XIX в. под общей рубрикой «Витебск гоголевских времен». Они публиковались в журналах «Полымя», «Неман», «Маладосць», изредка на страницах областной газеты «Віцебскі рабочы» [3; 9; 11; 12]. Именно Алексеев впервые рассказал советскому читателю в начале 1970-х гг. о витебском «горячем до неимоверности» губернаторе И.С. Жиркевиче и других личностях и событиях [11; 12]. В это же время увидели свет его статьи о декабристе из Витебска И. Горбачевском [3].

[1] «Витебскому музею, с которым связаны лучшие дни моей научной жизни в юности и в старости – разведки 1950–1951 гг., раскопки Друцка (1956–1967 гг.), а теперь помощь в издании этой книги. Не забыть тепла, участия, поддержки, которые я встречал в его стенах всю жизнь. Спасибо вам, витебские дорогие музейщики!» – дарственная надпись на титульном листе монографии «Археология и краеведение Беларуси…» [2].

«Во всегда дорогой мне Витебский областной музей. Приветствую всех его сотрудников! Надеюсь, что у вас все ещё живет моя тень» – дарственная надпись на форзаце первого тома издания «Западные земли домонгольской Руси» [4].

В научной библиотеке Алексеева оказались публикации и научные статьи других авторов о Витебске. Например, ставший раритетом местный журнал «Двина» № 1 за 1956 г. Как выяснилось из писем М.С. Ривкина, журнал был приобретен им с большим трудом специально для Леонида Васильевича. На титульном листе сохранилась дарственная надпись витебского краеведа. Ныне этот экземпляр вернулся в Витебск. Значительное место занимают публикации археологов, изучавших Витебск – Л.В. Колединского, О.Н. Левко, Г.В. Штыхова с автографами и дарственными надписями московскому коллеге.

II. Фотографии и негативы. В богатейшей коллекции негативов[2] имеется комплекс витебских материалов в хронологическом диапазоне от конца 1940-х до начала 1970-х гг. Он представлен снимками самого города конца 1940-х начала 1950-х гг. (Дадатак 17, фота 1), сотрудников Витебского областного краеведческого музея, а также горожан – друзей и знакомых. Особо следует отметить панораму пл. Свободы с траншеей (1959), где была найдена берестяная грамота (Дадатак 17, фота 2, 2а), а также панорамные комплексы фотографий церкви Благовещения до разрушения и после него (1959 – начало 1960 гг.). Алексееву удалось запечатлеть развалины храма со всех сторон, снаружи и изнутри, что особенно важно для исследователей.

Благодаря Алексееву мы располагаем фотографиями сотрудников музея конца 1940-х – начала 1950-х гг. – Т. Каганской (поддерживал переписку вплоть до 1970-х гг.), художника И. Саперсона; второй половины 1950–1960-х гг. – Н.Л. Логойко, К.И. Хомко, И.А. Новицкой, Г. Фролова, а также групповые фотографии коллектива музея (Дадатак 17, фота 3).

Особо следует отметить чудом сохранившуюся фотографию инспектора по охране памятников Витебской области О.П. Сухомлиновой-Морозовой (Дадатак 17, фота 4), оказавшей огромную помощь Алексееву в составлении археологической карты. Она предоставила молодому ученому собранную ею богатейшую картотеку памятников Витебщины, среди которых были памятники, впервые выявленные именно ею.

Снимки совместной поездки с Н.И. Дорофеенко по местам расположения бывшего имения А.П. Сапунова – Каховка.

Сохранились негативы посещения раскопок в Друцке секретарем Витебского обкома КПБ Н.И. Пахомовым и группы витебских учителей, организованной и привезенной туда на экскурсию М.С. Ривкиным. Момент проведения Л. Алексеевым экскурсии для учителей запечатлен на нем (Дадатак 17, фота 5).

[2] Подробнее о коллекции фотонегативов Л.В. Алексеева говорилось в докладах на конференциях, публикациях [14, с. 198–203], а также на выставках в Ратуше – «Увлечение длиною в жизнь» (март – апрель 2018 г.) и «Первый исследователь Полоцкой земли» (ноябрь 2021 – январь 2022 г.).

III. Рукописи и документы (переписка деловая и личная)

III.1. *Переписка деловая и документы*

• деловая переписка с Управлением культуры (Г. Чайковский), Витебским горкомом КПБ (И.А. Наумчик), директорами музея (А.Н. Шванштейн, К.И. Хомко, В.А. Салек) по поводу обоснования 974 года как даты основания города и празднования его 1000-летия в 1974 г.;

• переписка с руководством (К.И. Хомко) и сотрудниками (И.А. Новицка, Н.Л. Логойко) ВОКМ по музейным делам (определение предметов, работа над экспозицией, передача материалов археологических раскопок и др.);

• переписка с редакцией газеты «Віцебскі рабочы» в основном по поводу предложения к изданию статей[3] и его заявках на публикации, пересылке гонораров, квитанция о пересылке в подарок редакции монографии «Полоцкая земля» и др.;

• рукопись (машинопись) развернутого структурного плана книги Л.В. Алексеева «Витебск»;

• рукопись (машинопись) Л.В. Алексеева совместно с Б.А. Рыбаковым заключения о дате основания Витебска;

• копия письма Д. Василевского Витебскому областному краеведческому музею от 10.08.1959 г. по поводу желания поделиться с музеем своими научными наработками и наблюдениями. В свое время, в 1920-е гг., Данила Минович Василевский тесно сотрудничал с музеем и много сделал для пополнения его фондов [15]. Письмо в музей было написано в августе 1959 г., надо полагать, под впечатлением от находок в Новгороде берестяных грамот. Василевский сообщал о своем участии в раскопках курганов на р. Полоте, выше Спасо-Ефросиниевского монастыря, в Бельчицах. Раскопки проводила археологическая экспедиция Инбелкульта. Со слов Данилы Миновича, его поразили квадратики бересты с черточками, найденные там, которые они оставили в курганах. Одновременно Василевский напомнил о своих гипотезах по поводу авторства поэмы «Тарас на Парнасе», изложенных в публикации в середине 1920-х гг. в журнале «Полымя». Судя по всему, ответа на письмо не последовало, а копия письма была передана Л.В. Алексееву;

• Среди материалов архива Алексеева сохранился второй экземпляр письма Ираклия Андроникова от 20 ноября 1982 г. на имя Иосифа Адамовича Наумчика с просьбой отметить в Витебске 3 декабря 80-летие, а затем увековечить память уроженца Витебска И.И. Соллертинского (ВОКМ, КП 27713/105).

III. 2. *Переписка личная*

• переписка с С.М. Рывкиным. Леонида Васильевича с Михаилом Степановичем связывала давняя дружба, берущая начало еще с 1950-х гг. На сегод-

[3] Алексеев несколько раз предлагал редакции опубликовать статьи о И.С. Жиркевиче, А.П. Сапунове, В.Г. Краснянском и тому подобное, но их публикации откладывались и судьбы некоторых оставались неизвестны.

няшний день выявлено порядка 30 их писем и поздравительных открыток. В них поднимались вопросы истории, краеведения, работы над диссертацией и ее защитой; обсуждались городские новости, музейные дела и насущные проблемы, а также семейные новости. Переписка очень содержательная и хорошо отражает процессы, происходившие в городе и стране. Эти письма вместе с комплексом материалов, хранящимся в Государственном архиве Витебской области, являются темой отдельного изучения и ждут своего исследователя.

• Представляют интерес письма сотрудников музея И.А. Новицкой и Н.Л. Логойко, из которых видно, как деловая переписка по музейным делам постепенно приобретает личный дружеский характер.

• Сохранилось одно письмо Давида Симановича от 22 июня 1967 г. делового характера об организации телепередачи с участием Л.В. Алексеева (ВОКМ, КП 27687/17).

• Среди взрослой переписки обращает на себя внимание письмо от 11 августа 1961 г. витебского школьника Миши Горелика – участника раскопок в Друцке. Из детского письма видно, что работа на раскопе в 1961 г. под руководством Алексеева вызвала у Миши интерес к истории и археологии. Он специально просит Леонида Алексеевича дать список книг, которые ему стоит прочитать. Интересуется, как идут дела на раскопе после его отъезда.

Особо следует остановиться на письмах Нины Вячеславовны Хруцкой – внучки Владимира Гавриловича Краснянского.

Письма очень содержательные и представляют большой интерес для историков и краеведов. Сохранилось два письма от 16 апреля 1985 г. и 15 июля 1988 г. (Дадатак 17, Приложение 1, 2). Оба они написаны на почтовой бумаге формата А-5. Первое на 7 листах (14 страниц), второе – на 3 листах (6 страниц).

Письма дают ценную информацию из первых уст о витебских краеведах В.Г. Краснянском, П.М. Красавицком, а также содержат штрихи к истории семьи уроженца Витебска В.П. Даркевича[4]. Именно благодаря ему завязалась переписка Л.В. Алексеева с Н.В. Хруцкой. Владислав Петрович Даркевич – археолог, коллега Л.В. Алексеева по Институту археологии АН СССР. Он образно считал Л.В. Алексеева «витеблянином по призванию», а себя «витеблянином по рождению».

Из письма Хруцкой стало известно, что семьи Даркевичей и Краснянских связывало давнее знакомство как минимум с 1920-х гг. и продолжав-

[4] Даркевич, Владислав Петрович (01.09.1934, Витебск, БССР – 20.05.2016, Москва, РФ) – советский и российский археолог, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела средневековой археологии Института археологи и РАН, академик Российской академии естественных наук. Крупный специалист по истории и культуре Древней Руси, народной культуре Средних веков, связям Руси с Западной Европой, Византией и арабским миром, автор более 180 трудов.

шееся, судя по переписке их младших представителей, еще и в 1980-х гг. Мать Вячеслава Петровича, Ирина Ярославовна, подарила семье Краснянских книгу Алексеева. Из письма видно, как любили и свято чтили память В.Г. Краснянского в семье, как тяжело переживали его забвение. Поэтому книга Алексеева стала радостным событием для двух дочерей и внучки[5].

Алексеева интересовала информация о потомках В.А. Кадыгробова, но Н.В. Хруцкая таковой не располагала. Сообщила лишь краткие сведения о Лии Борисовне Шалыт, у которой учился в Витебском пединституте М.С. Рывкин и сохранил с ней хорошие отношения. Спрашивая о Лие Борисовне, Алексеев не предполагал, что в Друцке она была среди тех учителей, которым он проводил экскурсию, и они вместе были запечатлены на одной фотографии (Дадатак 17, фота 5).

Публикация этих писем в первоисточнике (Дадатак 17) позволяет ввести в научный оборот новый источник по истории Витебска и его ярких представителях.

Письма Н.В. Хруцкой стали сенсационной находкой и в значительной степени обогатили копилку нашей памяти и помогли получить дополнительную ценную информацию по истории некоторых музейных предметов.

Например, в ВОКМ хранится издание Краснянского «“Чарцёж” места Віцебску» (ВОКМ, КП 20469) с дарственной надписью: «Глубокоуважаемому Петру Матвеевичу Красавицкому на его строгий и беспристрастный судъ от автора 8 января 1929 г.»[6] (ВОКМ, КП 20469). Сегодня благодаря письмам мы знаем историю этого экземпляра последнего прижизненного труда Владимира Гавриловича. «Чарцёж» находился в числе других пяти книг, подаренных Краснянским своему другу Красавицкому, переселившемуся в Москву, после смерти которого издания были возвращены его вдовой семье Владимира Гавриловича в Витебск к их огромной радости.

IV. Вещевой материал

В ходе музейной инвентаризации и сверки фондов удалось выявить предметы, обнаруженные, судя по всему, Л.В. Алексеевым в траншее, где была найдена берестяная грамота. В молодые годы Л.В. Алексеев сам скрупулезно шифровал свои находки бисерным почерком. На выявленных двух предметах – литейной формочке и пряслице – рукой Леонида Васильевича выведено: «1959 пл. Свободы» (ВОКМ, КП 25667). Прорисовка части этих предметов была опубликована [6, с. 107, рис. 5: 1; 8, с. 165, рис. 39: 1, 3, 4], а сами они впервые были представлены для обозрения и знакомства на открывшейся 11 ноября 2021 г. выставке в Ратуше, приуроченной к 100-летнему

[5] В своей популярной книжке «По Западной Двине и Днепру в Белоруссии», описывая Мстиславль, Л.В. Алексеев вспоминает и цитирует историка В.Г. Краснянского [7, с. 121–122].

[6] Сохранена орфография оригинала.

юбилею ученого и научно-практической конференции «Витебские древности – VII».

С уверенностью можно сказать, что ВОКМ повезло получить в дар материалы части личного архива Л.В. Алексеева. Витебские материалы, как и весь комплекс этого архива, представляют большую ценность и являются весомым вкладом в копилку культурно-исторического наследия. Работа по обработке архива продолжается и, без сомнения, принесет новые открытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Алексеев, Л. В.** Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины / Л. В. Алексеев // Вопросы этнической истории народов Прибалтики: по данным археологии, этнографии и антропологии / под ред. С. А. Тарановой и Л. Н. Терентьевой. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. – С. 273–315. Труды Прибалт. объедин. комплексной экспедиции / под общ. ред. Х.А. Моора [и др.] ; Акад. наук СССР, Акад. наук Эстон. ССР, Акад. наук Латв. ССР, Акад. наук БССР ; Т. 1).

2. **Алексеев, Л. В.** Археология и краеведение Беларуси: XVI в. – 30-е гг. XX в. / Л. В. Алексеев. – Минск : Беларус. навука, 1996. – 206 с.

3. **Алексеев, Л. В.** Витебский декабрист / Л. В. Алексеев // Неман. – 1970. – № 7. – С. 191–192.

4. **Алексеев, Л. В.** Западные земли домонгольской Руси. Очерки истории, археологии, культуры : в 2 кн. / Л. В. Алексеев. – Москва : Наука, 2006. – Кн. 1. – 289 с.

5. **Алексеев, Л. В.** Западные земли домонгольской Руси. Очерки истории, археологии, культуры : в 2 кн. / Л. В. Алексеев. – Москва : Наука, 2006. – Кн. 2. – 167 с.

6. **Алексеев, Л. В.** К истории и топографии древнейшего Витебска / Л. В. Алексеев // Советская археология. – 1964. – № 1. – С. 99–111.

7. **Алексеев, Л. В.** По Западной Двине и Днепру в Белоруссии / Л. В. Алексеев. – Москва : Искусство, 1974. – 141 с. – (Дороги к прекрасному).

8. **Алексеев, Л. В.** Полоцкая земля / Л. В. Алексеев. – Москва : Наука, 1966. – 296 с.

9. **Алексеев, Л. В.** Семеновская история / Л. В. Алексеев // Неман. – 1970. – № 4. – С. 190–191.

10. **Алексеев, Л. В.** Три пряслица с надписями из Белоруссии / Л. В. Алексеев // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. – 1955. – Вып. 57. – С. 129–132.

11. **Аляксееў, Л. В.** Віцебская даўніна / Л. В. Аляксееў // Маладосць. – 1972. – № 12. – С. 143–149.

12. **Аляксееў, Л. В.** Гогалеўская Беларусь Па забытых неапублікаваных матэрыялах / Л. В. Аляксееў // Полымя. – 1971. – № 12. – С. 203–214.

13. **Красьнянскі, В.** «Чарцёж» места Віцебску 1664 года як докумэнтальны помнік да гісторыі беларускага драўлянага будаўніцтва / В. Красьнянскі. – Мінск : [б. в.], 1928. – 55 с.

14. **Шарковская, Н. Ю.** Коллекция негативов личного архива Л. В. Алексеева в собрании УК «ВОКМ» / Н. Ю. Шарковская // Охрана и популяризация культурного наследия: мировой и отечественный опыт : материалы междунар. науч.-практ. конф., Витебск 22–23 октября 2021 г. / Вит. гос. ун-т ; редкол.: А. Н. Дулов (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2021. – С. 198–203.

15. **Шарковская, Н. Ю.** О комплектовании фондов в первые годы работы Витебского отделения Белгосмузея (по материалам книг поступлений 1925–1927) // Материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию ВОКМ, Витебск, 14 дек. 2018 г. (в печати).

Шуминова И.О. *(г. Астрахань, Россия)*

«НАРОДНЫЕ ИСТОРИИ» В СОБРАНИЯХ АСТРАХАНСКИХ СЕЛЬСКИХ БИБЛИОТЕК

Тренд краеведческой работы общедоступных библиотек Астраханской области – сохранение локальной истории и культуры. Изучая историю своих сел, библиотекари собирают и устные рассказы, и воспоминания, и письменные документы – все то, что является словесным компонентом традиционной культуры, ее духовной областью.

Камызякская центральная межпоселенческая библиотека собрала современные «неотесанные» народные истории – поэтические и повествовательные, рассказанные жителями района. Современная народная мудрость и народные истории камызякцев были представлены в электронном сборнике от 98 рассказчиков, в нем стихи, песни, сказки, повествования… Их прислали в библиотеку жители практически из всех сел района. «Народные истории» транслировали и люди старшего поколения, и совсем юные камызякцы.

Виктория Габачиева родилась в 1942 г. и с тех пор проживает в родном городе Камызяк. Всю жизнь проработала врачом и в свободное время сочиняла сказки. В сборник вошли такие сказки, как «Снежная дева», «Пролеска», «Лелюшка-Березка»… Герои сказок, как и принято в сказочном жанре, – Мороз, Зима, бабушка, внуки, животные, растения…

«У, какая нынче непогода, снег так и сыпет клочьями, да и света нет, придется свечу засветить. Что-то неспроста осердилась Зимовеюшка, не жалеет шуб своих, вон как рвет клочьями. Ну да она богата, ей не жалко, – тихо приговаривала бабушка Агафья, вытаскивая ухватом из русской печки горшок с картошкой. – Ну, внучатки, к столу. Пора вечерять, сейчас вот свечу зажгу, да будем кушать картошечку с молоком. Ты, Васятка, садись на лавку поближе к окошку. Поглянь, как Зимовея бесится, видать, поругалась со своим братцем Морозом, вот он и спустил на нее своих собак Пургу да Бурана. Они-то злые у него, вот и рвут ее шубы. Настенька, а ты чего? Давай-ка за стол. Оставь кукол-то.

– Бабаня, – окликнул Васятка бабку Агафью, – вечер долгий, спать мы не хотим. Расскажи нам лучше, почему Зиму люди зовут то Зимовеей, то Зимовеюшкой?

– Бабуль, – спросила Настенька, – а правда, что у Зимовеи тоже есть внучка, и Зовут ее Пролеска? Только прячет ее Зимовея от всех», – так начинается сказка «Пролеска» [3, с. 82].

Вячеслав Кренделев проживает в с. Комаровка. Сочиняет песни о своем родном селе, своей малой родине (здесь и далее тексты даны в оригинале. – *Ред.):*

Ах, Комаровка, ты красавица.
Проходит речка над селом
Здесь все родное, все мне нравиться
И от того поем.
Вокруг в цветах поляны чистые,
А дышишь свежестью, какой!
Повсюду ветелки ветвистые
Склонились над рекой.
Здесь мы росли, здесь будем стариться,
Здесь время юности прошло,
Но в сердце навсегда останется
Любимое село! [3, с. 85].

И сегодня, в XXI в., не забывает Вячеслав о гармошке, с болью переживая ее страдания – невостребованность, объясняясь ей в любви и преданности:

Шевелит ветер лист березы,
Звучит гармошка на реке,
Ее скупые отголоски
Слышны порою вдалеке.
На ней так ласково играют
То торопясь, то не спеша,
Услышишь, сердце замирает
И бьется трепетно душа... [3, с. 85].

В собранных библиотекой материалах ценно то, что люди старшего поколения повествуют о событиях и нравах своего поколения, тем самым характеризуя эпоху и настроение уже исторического советского времени. Вот Александр Мотин из поселка Кировский рассказывает незамысловатую, но трогательную по своей искренности и наивной простоте историю:

«Это случилось, когда мне шел 45-й год. Работал я инженером в отделе техники безопасности одного из больших судостроительных заводов Астраханской области. Пришла ко мне сдавать вступительный экзамен по крановому хозяйству одна женщина. По ее ответам на мои вопросы я понял, что она – человек серьезный и к делу относится со всей отдачей и энергией. Как-то раз, проходя по цеху с контрольной проверкой, я заметил, что она машет мне рукой из кабины крана. Я поднялся к ней в кабину. Ее интересовали вопросы по бригадному подряду. Я начал ей отвечать. В это время кто-то

свистнул, что нужен кран. Она потянулась к открытому окошку и крикнула, чтобы пару минут подождали. В ее прогибе тела в платье из «шотландки» (помню это уже более 22 лет) было что-то особенное. Я понял, что погиб. Вернувшись к себе в кабинет, тут же написал ей стихотворение «Зачем ты родилась на старый новый год?». К концу смены отнес ей и подарил. Так зародилась любовь. С женой в это время у меня были напряженные отношения. Возможно, этот домашний дискомфорт еще больше усилил мое влечение к новой знакомой. За 4–5 месяцев я ей написал около ста стихов. Раньше я писал стихи, но очень редко. А тут будто душу мою прорвало!

И вот я решился сказать ей, что ухожу из семьи. Жена, когда я ей признался, что полюбил другую женщину, пришла в ярость и хотела даже меня зарезать, а потом упала в обморок. Успокоившись, сказала, что могу забрать, что хочу. Только мне ничего не надо было.

Но на следующий день моя избранница ответила, что дала добро другому человеку, который добивался ее уже давно. Я был в шоке, я решил покончить жизнь самоубийством, спрыгнув с самого высокого крана на бетонный пол цеха. Но в тот момент у этого крана не было работы, крановщица сидела внизу. Тащить ее вверх из-за моих проблем у меня не было желания. Могли бы потом и ее обвинить в моей гибели.

Бессонной ночью задумался: кому моя смерть нужна? Моей семье? Нет, здесь меня все любят. Моему начальнику? Нет. Ведь его же и затаскают из-за меня. Ей, этой моей любви? Нет. И я оставил все так, как было до нашего знакомства.

Впоследствии эта женщина призналась мне, что вынуждена была солгать о своем замужестве, не хотела разрушать мою семью. "Хороший ты человек, – сказала она, – но я никогда не смогу идти с тобой под руку на работу, если мне в спину будут глядеть печальные глаза твоего сына!".

Вот такова эта история. Прошло 22 года, а я все помню ее, хотя между нами никогда ничего не было» [3, с. 90].

Татьяна Старкова из села Образцово-Травино рассказывает историю войны 1941–1945 гг.:

«...О начале войны в Травино по телефону позвонили председателю сельсовета Матвею Воронину. Он и объявил об этом, когда всех жителей собрали на площади у колхоза. Всю жизнь он помнил крики и плач женщин. Отца с другими односельчанами увезли в Камызяк в военкомат, но через три дня он вернулся. В районе была установлена бронь на какое-то количество мужчин для работы в море, и он рассказывал, что оказался последним из этого списка. После этого его, вместе с другими односельчанами, отправили на заготовку леса в Ульяновскую область. Когда они в конце 1942 года вернулись, многие умерли от истощения и разных болезней. А в апреле 1943 года прабабушка Нюся вместе с отцом поехала в море ловить рыбу, в которой так нуждались бойцы советской армии. Наравне с мужчинами таскали мешки с

солью, носилки с рыбой, работали на «ставных» (ставили снасти), обрабатывали рыбу и в холод, и в ветер, и дождь. В море была рыба, соль и мука. Но девчонки, приготавливая еду, старались ее разнообразить. Лепили пирожки рыбные и варили их в котлах. С тех пор эти "рыбацкие пирожки" в нашей семье обязательное блюдо на всех застольях.

Прабабушка Нюся вспоминает, как однажды в море разразился страшный шторм. Было это перед праздником Октябрьской революции, в ноябре. Вода была холодная, поднялась на семь метров, и очень многие барки перевернуло или унесло в открытое море. Полностью затопило остров Чистый, где стоял большой рыбозавод, там погибло много людей. Почти полностью погиб Плавзавод № 5. С их рыбницы оторвало реюшки и болтари (большие лодки). Они уцелели благодаря тому, что якорями старались зацепиться за дно. Но их тащило все дальше в открытое море. Когда вода спала, их рыбница оказалась на суше, на высоком месте. С Астрахани приходили пароходы и всех спасали. Со слезами на глазах прабабушка Нюся вспоминает, что когда их одних привели домой, все бежали по берегу, сильно кричали, плакали. А многие спасшиеся возвращались потом с Дагестана на поезде. Всю жизнь она помнит, как было страшно, кругом вода да небо, ни одного кустика. И так по три-четыре месяца. А вот привезти рыбу для семьи в годы войны, да и после, было нельзя. Рыбаков на берегу встречали милиционеры и строго наказывали тех, у кого ее находили. В семье ее подруги маму посадили на восемь лет в тюрьму за то, что она вынесла с рыбозавода восемь вобл. Время было очень суровое и люди были разные. Некоторые милиционеры были строгие до жестокости, а некоторые жалели народ и разрешали подкормить ребятишек. Прабабушка Нюся всех помнит по именам. И еще она рассказывает, как однажды она с мамой и соседками пошли за ежевикой в поля, а над ними пролетел немецкий самолет. Вспоминает, как они с матерью и сестрами бежали от него по открытому полю, летчик не стрелял, летел очень низко и пугал их, как будто стреляет. Зачем и как он залетел так далеко от линии фронта? Остается загадкой…» [3, с. 92].

Золотухинская сельская библиотека Ахтубинского района много лет собирает и хранит историю своего села. Так, например, устные рассказы сельских женщин с именем «Марея», записанные библиотекарем, легли в основу библиотечного фольклорного сборника «Мареины рассказы» [1]. Сама библиотекарь поясняет это следующим образом:

«…считаю нужным пояснить название работы «Мареины рассказы». Дело в том, что это собранный библиотекой материал, записанный со слов рассказчика о жизни в нашем селе на протяжении многих лет и даже поколений. «Мареины», а не Мариины. Но именно так в обиходе называется у нас в селе все, что связано с Мариями. Старожилы общаются между собой и называют друг друга: "Марея, Нюся, Мотя, Окся, Шуня, Дуняшка…" и т. д., что немного кажется непривычно человеку современному, в особенно-

сти городскому, где это не принято. Почему предпочтение отдалось этому имени? Все просто – оно самое распространенное среди сельчанок. Самое удивительное, что женщины других национальностей и всю жизнь прожившие в селе, тоже зовутся Мариями, хотя в паспорте они Меруэт, Магрипа, Марем» [1, с. 2].

Один из рассказов – «Свадебный обряд нашей местности» – представляет собой повествование о самобытном местном свадебном ритуале середины XX в. Вот что мы читаем: *«Из рассказов старожилов выяснилось, что почти каждая девушка зарабатывала свое приданое сама. Например, многие девушки из села уезжали во время путины на заготовку рыбы поближе к Каспию или на низ Волги, где рыбы было больше и можно было заработать денег. Девчонкам, которых родители отпускали на такую тяжелую работу, было лет пятнадцать – шестнадцать. Некоторые из них даже плавали на шаландах с рыбачьими артелями, где прямо на месте велась обработка и засолка рыбы, а емкости с соленой рыбой складировались в трюмы. За этот очень тяжелый труд они зарабатывали приличные деньги. Многие из них не везли деньги домой, а покупали по своему усмотрению на астраханских базарах товар: ситец, шерстянку, утварь, одежду, посуду... И потом уже везли свои «сокровища» домой, складывали в сундук для приданого, который мать девушки покупала для нее заранее.*

Сватали девушек примерно в шестнадцати-, семнадцатилетнем возрасте, зачастую родители даже не предупреждали дочь о своем решении. Сапрыкина Валентина Ивановна (старожил села, ныне покойная) рассказала, что ее бабушке сообщили, что ее засватали ... именно на путине…. Девушки были так воспитаны, что никогда не перечили воле родителей, поэтому шестнадцатилетняя Дарья, которой с соседней шаланды свои сельские девчата прокричали, что ее засватали и осенью будет свадьба, а такой-то будет ее мужем, лишь обрадовалась, что он не кривой, не косой и не глупый…

…Наряд невесты состоял из подвенечного платья, фаты, под платье надевалась бязевая сорочка. Свадебные платья передавались по родственникам. Если какая семья побогаче смогла сшить или купить свадебный подвенечный наряд, то его передавали из рук в руки, от родной сестры к двоюродной и т. д. Платья шили из тонкой шерстяной ткани или тафты (редко) белого или светло-бежевого цвета. Очень в почете тогда были мелкие оборочки на лифе, на рукавах и по краю платья. …Позже, в начале 50-х годов, были в моде шелковые свадебные платья. Шелк, из которого шились эти платья, назывался парашютным (это была тонкая и воздушная ткань, которая на свету вся искрилась).

…Свадебные угощения состояли преимущественно из рыбных пирогов, варился для этого холодец, жарили рыбу, варили рассыпчатую картошку кругляшом, готовили тушеное мясо, выставлялись соления – капуста, огурцы, соленые арбузы. Также пеклись узорчатые сладкие свадебные пироги с на-

чинкой из сушеных распаренных яблок и груш, с пареной тыквой или с арбузными корками (цукатами). Для свадебного стола выпекались так называемые коржата, то есть небольшие и очень красивые по форме пирожочки, мастерски закрученные, которые перед подачей на стол поливались сметаной. Еще в нашей местности для свадебного стола выпекались «розы» – это нежнейшие пирожные из тончайше раскатанного теста, специально вырезанные и выпеченные в большом количестве растительного или коровьего масла. ...Для веселья гостям подавалась брага, сваренная на арбузном соке или арбузном меде, который заготавливался впрок.

...Очень интересным на свадьбах в нашей местности является шествие ряженых на второй день свадьбы. Ряженые в женщин мужики, женщины, переодетые в мужчин. Все они, испачканные сажей, краской, в вывернутых тулупах, рваной обуви идут со двора невесты в дом жениха «искать молодую», где им «подсовывают» какого-нибудь повесу, наряженного в женщину, закрытого фатой, который кокетничает и жеманничает со всеми и говорит, что, мол, это она, только за супружескую ночь так разительно изменилась. С помощью выкупа невесту все-таки «находят», потом вся эта веселая толпа с песнями и пляской идет через все село к дому невесты, где ее родители уже накрыли столы и ждут гостей. Из угощений на второй день хочется отметить блины. Именно ими угощала теща своего зятя в первый раз. После свадьбы начиналась обычная, обыденная жизнь со своими трудностями, радостями» [1, с. 27].

Ни одно село не обходится без праздников. Вот и «Мареины рассказы» представляют сельские праздники.

«Праздновали?! Конечно, праздновали!! – рассказывают старожилы. – *Брали гармонь и шли на вечерки. Когда еще не было ДК в селе, вся молодежь собиралась в центре села или на «Большой улице», так называли самую широкую улицу в селе. У каждого молодежного культюка (компании) был свой гармонист. Именно тут ребята присматривали себе будущих жен. Ведь считалось, что человека видно уже по тому, как он поет и танцует. Робкая, застенчивая, сидит в сторонке, считалась смирной, и таких обычно выбирали ребята-весельчаки. Лучшие певуньи и танцорки доставались застенчивым парням. Были даже свои традиции правильного выбора по характеру, поведению, по семье. Очень ценились девушки и женщины более скромные. В теплое время года все молодежные посиделки проходили на улице, а когда начинало холодать, то перебирались на «хватеры» (дома). Заранее обговаривалось с хозяйкой дома то, что именно у нее будут проходить гуляния. Зачастую это была одинокая женщина или вдова. Сельская община даже помогала ей с дровами или кизами, чтобы она пускала молодых к себе на танцы, вечерки, где будет тепло протоплено. Рассказывают, что было очень весело. За молодыми, чтобы не было никаких проблем, посылалась приглядывать чья-нибудь родственница, и она вязала носки, шали*

и в край глаза немного наблюдала. Песни там пелись старинные, которые передавались поколениями. Очень много пелось песен про войну, когда муж или сын возвращается с поля брани» [1, с. 45].

Ниновская сельская библиотека Икрянинского района собрала интересный материал о «народной жизни» своего села, который прокомментировала стихами библиотекаря и который вполне можно отнести к современной фольклорной традиции.

Русское село с женским названием Ниновка было образовано два века назад: астраханские коммерсанты братья Сапожниковы заложили основу рыбоперерабатывающей отрасли на юге России. Название промысла, а затем села и произошло от имени первой владелицы Нины Александровны Сапожниковой, которая с 1898 г. полностью владела водами и землями этого района.

В послереволюционные, 1930-е гг. село формировалось из жителей разных деревень России, съезжавшихся на Каспий на заработки. С этого времени рыбаки Ниновского промысла переходят к оседлому образу жизни, начинается строительство и обустройство села. Местные жители, старожилы помнят прошлое, любят о нем рассказывать. Их воспоминания и записала библиотекарь Людмила Рагожина.

Так, Степан Никитенко, приехавший семилетним мальчиком в 1930 г. с «верхов» по реке на большом пароходе, много рассказывал о жизни промысла в те годы. Как ходили баркасы, как таскали эти баркасы прорезя, как водили баржи, как трудились люди на промысле и как отдыхали. Слушая его воспоминания, Людмила Рагожина написала:

Вечерами на Подстепке, у завалинках своих
Хороводы водят девки, – не налюбуешься на них.
Утром плот. Снуют баркасы, водят баржи, прорезя.
Лихо в Ниновке рабочей жизнь кипучая пошла.
Рыбы много. Много рыбы наловили рыбаки.
Обработать ее надо – это будут мужики.
Повезли ее на тачках прямо в выход и в чаны.
Там солили веселушки, что с завалинков пришли.
Осетров везут в Икрянку, где возделывают икру.
Судаков, сомов, сазанов разрезали на плоту.
Вот и кончилась работа. Шли с песнями со двора.
Зашумели, заиграли, загудели провода.
Эти девки, кто откуда: кто с Харбая, с Магуты.
На путинные работы их недавно привезли.
Вечерком у самовара с осетровым балычком
Пили чай с конфеткой сладкой, говорили обо всем!
P. S.
Не снуют теперь моторки, баркасы, баржи, прорезя,
В реке почти не стало рыбы, на Подстёеке – тишина [2, с. 10].

Собраны в библиотечной книге и истории названий улиц села. Вот одна из них: *«Улица Виктора Баранова. Виктор Баранов родился в селе Ниновка в 1959 г., учился в ниновской школе. Школа, работа на производстве, армейская служба. После увольнения в запас – снова работа. С апреля 1981 г. – сверхсрочник во внутренних войсках МВД. Характеристики с работы, из воинского подразделения, воспоминания родных и близких рисуют образ человека доброго, общительного, честного в своем отношении к жизни, к людям. У него, как отмечается в одной из характеристик, "под благотворным влиянием отца – участника Великой Отечественной войны – сильно развито чувство долга, личной ответственности".*

Благородство его характера сказалось и в один из трагических вечеров. Услышав крик девушки, на которую напали хулиганы, Виктор, не раздумывая, бросился на помощь. Один из нападавших с большой силой нанес Виктору удар ножом в живот. Удар оказался смертельным. В память Виктора Баранова названа сельская улица, а Людмила Рагожина посвятила ему свое стихотворение:

Жил на деревне парнишка, в школу как все он ходил.
После окончания школы в армии Витя служил.
Служил в «горячей он точке» – «в Афгане», – так сейчас говорят.
Отслужив свой срок, как положено, домой вернулся солдат.
Решил продолжить службу и контракт заключил.
Военной присяге был верен, дружбою дорожил.
Жить бы и жить парнишке, жениться, детей растить.
Но судьба распорядилась иначе: и ничто нельзя изменить.
Возвращаясь однажды со службы, девчонки услышал он крик.
В беду попала девчонка. На помощь он бросился вмиг.
Перед глазами картина: здоровых два паренька
За волосы тащат девчонку, смеются ей прямо в глаза.
Девчонка бьется, пытается вырваться из грязных рук.
Плачет, кричит бедняжка, сердце стучит: тук-тук.
Стук сердца, глаза с испугом слышит и видит он,
Навстречу пошел к обидчикам... Он поступил, как герой:
Стал на защиту слабого, девчонку решил защитить,
Приказав обидчикам сейчас же все прекратить.
Или, ослабив бдительность, а может быть, впопыхах
Не заметил Виктор нож у бандита в руках.
Только успел почувствовать резь и боль в паху.
Понял, что ранен… и прошептал: «Жить хочу...».
Но не смогли, не успели помощь ему оказать.
Так и остался Витька на асфальте лежать.
Время прошло, но память о Викторе жива:
Его именем названа улица – она из улиц села [2, с. 28].

Приказом Министра внутренних дел СССР за мужество, отвагу и решительные действия при защите жизни и достоинства советского гражданина, за подвиг, служащий замечательным примером верности военной присяге и славным боевым традициям воинов внутренних войск, младший сержант сверхсрочной службы Виктор Александрович Баранов навечно зачислен в списки личного состава его родного подразделения».

Эти и другие материалы, собранные астраханскими библиотеками, дают возможность разделить мысли и чувства людей относительно каких-то событий, более точно понять многие аспекты жизни местного сообщества. Народные устные и письменные истории важны сегодня так же, как и сто лет назад, так как отражают жизненную реальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Мареины** рассказы / Золотухинская сел. б-ка. – Ахтубинск, 2019. – [65 с.].

2. **Рассказы** о селе Ниновка Икрянинского района Астраханской области / Ниновская сел. б-ка. – Икряное, 2016. – [38 с.].

3. **Шуминова, И. О.** Народные скрепы: работа библиотек с национальной литературой : практ. пособие / И. О. Шуминова. – Москва : Литера, 2018. – 152 с.

ЛІТАРАТУРНАЕ КРАЯЗНАЎСТВА. МОВАЗНАЎСТВА. ЭТНАГРАФІЯ. ФАЛЬКЛОР

Ашуева В.Я. *(г. Полацк)*

МІКОЛА ПРАШКОВІЧ – АЎТАР ПЕРШАГА АЙЧЫННАГА ДАСЛЕДАВАННЯ ЛІТАРАТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ СІМЯОНА ПОЛАЦКАГА

У 2019 г. у фонды Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка (НПГКМЗ) паступіў унікальны прадмет – дысертацыя Міколы Прашковіча «Паэзія Сімеона Полацкага (Ранні перыяд – 1648–1664 гг.)» [4]. Рукапіс дысертацыі, што з'яўляецца першым айчынным даследаваннем, прысвечаным творчасці Сімяона Полацкага, стаў каштоўным набыткам і крыніцай звестак не толькі пра паэта XVII ст., але і пра развіццё беларускай літаратуразнаўчай навукі ў XX ст., а таксама паслужыў штуршком для больш глыбокага вывучэння асобы самога даследчыка – Мікалая Іванавіча Прашковіча (1932–1983), беларускага літаратуразнаўца, крытыка і перакладчыка.

Дысертацыя на атрыманне навуковай ступені кандыдата філалагічных навук была падрыхтаваная і абароненая М. Прашковічам яшчэ ў 1964 г. Але з шэрага прычын яго цікавая і грунтоўная праца так і засталася неапублікаванай, а значыць, мала вядомай шырокай навуковай грамадскасці. У большай ступені мы ведаем Прашковіча як скарыназнаўцу. Сапраўды, постаць Ф. Скарыны займала адно з важнейшых месцаў у яго сферы дзейнасці. Сярод матэрыялаў, што захоўваюцца ў фондах НПГКМЗ, можна знайсці часопіс «Полымя» № 10 за 1965 г., у якім быў змешчаны артыкул М. Прашковіча «Доктар Францішак Скарына». Пра актуальнасць матэрыялу можа сведчыць той факт, што ў 2017 г. у выдавецтве «Мастацкая літаратура» выйшаў зборнік «500 гадоў беларускага кнігадрукавання», у які ўкладальнікі ўключылі менавіта дадзены тэкст. Артыкулы пра Ф. Скарыну аўтарства М. Прашковіча мы сустракаем таксама ў выданнях «Прадмовы і пасляслоўі» Ф. Скарыны (1969), «Очерки истории философской и социологической мысли Белоруссии (до 1917 г.)» (1973). У 1970 г. пабачыла свет адзіная кніга М. Прашковіча – «Францішак Скарына – беларускі першадрукар», выпушчаная ў серыі «Школьнікам – аб гісторыі БССР», якая ў папулярнай форме расказвала аб жыцці і дзейнасці выдатнага беларускага асветніка. У гэтай жа серыі планавалася выданне і пра Сімяона Полацкага, аб чым Мікола Прашковіч узгадваў у адным са сваіх лістоў да Ларысы Геніюш [1, с. 269].

Не абмінуў увагай М. Прашковіч і яшчэ адну славутую асобу полацкай даўніны. Так, артыкул «Беларуская асветніца», прысвечаны Еўфрасінні Полацкай і прымеркаваны да 800-годдзя з часу яе смерці, можна знайсці ў майскім нумары часопіса «Беларусь» за 1973 г. У ім даследчык прадстаўляе Еўфрасінню як «выдатную асветніцу свайго часу, чалавека, які з выключнай спагадай ставіўся да прыніжаных і абяздоленых» [3, с. 28].

Да асобы Сімяона М. Прашковіч таксама неаднаразова звяртаўся ў сваіх публікацыях. У 1964 г. у чэрвеньскім нумары часопіса «Полымя» з'явіўся яго артыкул «Старонка даўняй беларускай паэзіі». У ім, як і ў дысертацыі, аўтар разглядаў ранні перыяд творчасці Сімяона Полацкага, прадстаўляў яго як выдатнага прадстаўніка гуманізму, паэта-наватара і актыўнага грамадзяніна, падкрэсліваў патрыятычную накіраванасць твораў Сімяона, адзначаў, што ён пакінуў узоры ўсіх вядомых у тыя часы паэтычных жанраў і форм: дэкламацый, алегорый, элегій, гістарычных вершаў і г. д.

Мікола Прашковіч з'яўляецца адным з аўтараў першай грунтоўнай «Гісторыі беларускай дакастрычніцкай літаратуры» (т. 1, 1968), у якую ўвайшлі падрыхтаваныя ім раздзел «Літаратура старажытнай Русі», а таксама некалькі манаграфічных нарысаў: «Палітычная сатыра», «Паэзія», «Сімяон Полацкі» і «Ян (Андрэй) Белабоцкі».

Каштоўнасць дысертацыйнага даследавання заключаецца не толькі ў тым, што гэта першая праца беларускага навукоўца, прысвечаная Сімяону. У ёй Мікола Прашковіч разглядае ранні перыяд творчасці беларускага і рускага пісьменніка, які да таго часу іншымі даследчыкамі практычна не закранаўся, ды і зараз па-ранейшаму застаецца менш даследаваным у параўнанні з маскоўскім перыядам. Апошняму шмат увагі прысвяцілі расійскія навукоўцы, сярод якіх можна назваць І.П. Яроміна, Л.І. Сазонаву, Л.У. Званарову і інш. Сапраўды, нельга аспрэчыць той велізарны ўнёсак, што зрабіў Сімяон Полацкі ў рускую культуру і літаратуру ў прыватнасці. Аднак не трэба забываць, што яго творчасць з'яўляецца здабыткам і беларускай літаратуры. Сам Мікола Прашковіч тлумачыць неабходнасць вывучэння ранняй паэтычнай спадчыны Сімяона Полацкага наступнымі прычынамі: «Па-першае, Полацкі як паэт ужо ў Беларусі поўнасцю сфарміраваўся, і нельга па-належнаму ацаніць яго творчасць маскоўскага перыяду, не ўлічыўшы тую глебу, на якой ён вырас. Па-другое, творчасць Полацкага ранняга перыяду настолькі багатая і арыгінальная з'ява ў гісторыі старай беларускай літаратуры, што патрабуе спецыяльнага даследвання. І нарэшце, па-трэцяе, творчасць Сімеона Полацкага дае найбольш яскравы прыклад таго, як культурныя дзеячы Беларусі і Украіны таго часу засвойвалі лепшыя дасягненні перадавой еўрапейскай думкі» [4, с. 5].

Менавіта Прашковіч не толькі звязаў творчасць Сімяона Полацкага са стылем барока, але першым у беларускім літаратуразнаўстве даў вызначэнне гэтаму стылю. Ён жа першым выказаў думку пра неабходнасць улічваць і

вывучаць помнікі не толькі на старабеларускай мове, але таксама на польскай і лацінскай.

Дысертацыя ўяўляе сабой два тамы машынапіснага тэксту. Першы том змяшчае асноўны тэкст дысертацыі і ўключае тры раздзелы. У першым з іх разглядаецца працэс развіцця беларускай і ўкраінскай паэзіі, пачынаючы з самых ранніх яе ўзораў і заканчваючы сучаснікамі Сімяона Полацкага. Другі і трэці раздзелы прысвечаны разгляду асаблівасцей панегірычных вершаў Сімяона Полацкага на пачатковым этапе і жанравай разнастайнасці яго паэтычнай творчасці.

Другі том з'яўляецца дадаткам, што змяшчае тэксты ранніх вершаў Сімяона Полацкага, якія на той час яшчэ не былі, за рэдкім выключэннем, апублікаваныя. У.Г. Кароткі ацэньвае яго як «па сутнасці, першы збор твораў Сімяона Полацкага беларускага перыяду яго творчасці» [2, с. 104].

Зразумела, што пішучы сваю працу ў часы ваяўнічага атэізму, Мікола Прашковіч вымушаны быў нібыта апраўдвацца за свайго героя: «Пераважная большасць яго паэтычнай творчасці цесна звязана з жыццём, рэчаіснасцю. Нават калі ў некаторых выпадках Сімяон Полацкі клаў у аснову сваіх вершаў біблейскія сюжэты, то пытанні, пастаўленыя ў гэтых вершах, часта вырашаў у духу гуманізму, не звязваючы з рэлігіяй» [4, с. 1]. Не мог ён не зрабіць акцэнт і на такім моманце: «Полацкі з'яўляецца песняром чалавечай працы, а ў гэтых адносінах яго можна назваць наватарам у беларускай літаратуры» [4, с. 1]. Асноўным жа матывам ранняй творчасці Сімяона Полацкага М. Прашковіч вызначае патрыятызм.

Біяграфія Сімяона Полацкага пададзена вельмі сцісла. Паводле Прашковіча, «звесткі пра яго жыццё да 1664 года, часу яго пераезда ў Маскву, вельмі скупыя, нават цэлыя перыяды зусім невядомыя» [4, с. 3]. Трэба зазначыць, што многія звесткі пра сям'ю Пятроўскіх-Сітняновічаў і Шараметаў у той час былі яшчэ не адшуканыя, таму не прыходзіцца здзіўляцца, што Прашковіч, напрыклад, называе яго Самуілам Емяльянавічам (а не Гаўрылавічам) Пятроўскім-Сітняновічам.

Першыя ўзоры вершаскладання ў Беларусі даследчык звязвае з іменем Францыска Скарыны. Затым разглядае развіццё паэзіі ў канцы XVI – першай палове XVII ст., вылучаючы некалькі культурных цэнтраў: Львоў і Кіеў на ўкраінскіх землях, на беларускіх – выключная роля належала Вільні, у 40-я гг. XVII ст. месцам найбольш інтэнсіўнага развіцця становіцца Полацк і часткова Куцейна. У Полацку цэнтрам культурнага жыцця з'яўляўся Богаяўленскі манастыр; у 50-я гг. XVII ст. пры ім існаваў своеасаблівы літаратурны гурток, у які, апрача Сімяона, уваходзілі сам ігумен Ігнацій Іяўлевіч, а таксама Філафей Утчыцкі.

Менавіта з культурнымі цэнтрамі Прашковіч звязвае і развіццё тых ці іншых жанраў у беларускай і ўкраінскай паэзіі. Так, у Вільні, якая, як і Львоў, служыла буйным выдавецкім цэнтрам, была асабліва развіта панегі-

рычная паэзія, асабліва такі жанр, як эпікграмы. Некаторыя з іх, па словах М. Прашковіча, «служылі віньеткай для кніг» [4, с. 32]. А вось у Полацку найбольш развіты быў жанр дэкламацыі. Найбольш ранняя з беларускіх дэкламацый, якая належыць І. Іяўлевічу, адносіцца да 1650 г. Сапраўдны ж росквіт гэтага жанру ў беларускай літаратуры звязаны з творчасцю Сімяона Полацкага.

Першыя свае творы (акафісты і каноны) Сімяон пачаў пісаць яшчэ падчас вучобы ў Кіеве, на польскай мове. Вядомыя таксама ў яго творчасці і элегіі, якія таксама маюць рэлігійны змест. Разам з тым некаторыя з іх М. Прашковіч разглядае як узоры патрыятычнай лірыкі Сімяона Полацкага. Гаворка ідзе пра элегію, прысвечаную забранню з Полацка да Масквы абраза Прасвятой Багародзіцы («Ao 1663. April. 27. Wzięto obraz naswietszey Bogorodzicy z Połocka do Moskwy…»): «Уся элегія з'яўляецца свайго роду пратэстам С. Полацкага супраць беззаконнага захопу абраза багародзіцы маскоўскім духавенствам. Яна яскрава сведчыць пра адносіны Полацкага да сучасных яму падзей. І хаця прыкладна праз год С. Полацкі быў ужо ў Маскве, у элегіі ён паказвае сябе гарачым патрыётам роднага Полацка» [4, с. 98]. Вельмі падобная да яе і элегія Сімяона Полацкага «Прилог к преподобной матери Евфросинии». Любоў аўтара да роднай зямлі і роднага горада, на думку М. Прашковіча, у гэтым творы выразілася яшчэ больш яскрава, чым у папярэднім. Уся элегія напоўнена трывогай паэта за лёс беларускіх зямель. Калі ў папярэдняй элегіі аўтар звяртаецца непасрэдна да Багародзіцы з просьбай абараняць беларускую зямлю і горад Полацк, то ў дадзеным творы падобную просьбу паэт выказвае да святой Еўфрасінні.

Найбольш каштоўную і значную частку панегірычнай паэзіі Сімяона Полацкага складаюць менавіта дэкламацыі. У гэтых творах асабліва яскрава выразіўся патрыятызм паэта, яго любоў да роднай зямлі і роднага горада. «Тэма пераважнай большасці «дэкламацый» – радзіма. Полацкі клапоціцца пра яе лёс, просіць у зямных і нябесных сіл для яе заступніцтва і абароны. Асабліва шмат увагі паэт удзяляе Полацку і Віцебску, з якімі жыццё яго было асабліва цесна звязана» [4, с. 104].

Самым вядомым творам Сімяона да пераезду ў Маскву лічацца яго «Метры», якія былі прачытаны ў 1656 г. перад царом Аляксеем Міхайлавічам. Але, мабыць, ні пра які іншы твор Полацкага не было выказана столькі супярэчлівых думак, як пра гэтыя «Метры». Справа ў тым, што ёсць два вершы з падобнай назвай, прычым адзін напісаны Сімяонам, а другі – айцамі Богаяўленскага манастыра, дзе Сімяон выступае толькі суаўтарам. У дачыненні да першых «Метраў» яшчэ да Прашковіча даследчыкі заўважалі, што першая палова твора напісана на царкоўнаславянскай мове, другая – на беларускай. М. Прашковіч устанавіў, што прыкладна палова «Метраў» з вельмі нязначнымі адхіленнямі і зменамі капіруе «Просфониму», выдадзеную ў Львове ў 1591 г. «Просфонима» таксама адносіцца да жанру дэклама-

цый, яна пісалася і чыталася ў гонар прыезду ў Львоў мітрапаліта Кіеўскага і Галіцкага Міхаіла Рагозы. Сімяону Полацкаму было вельмі лёгка выкарыстаць некаторыя часткі гэтай дэкламацыі. Толькі ў асобных месцах ён замяняе ім мітрапаліта Міхаіла на імя цара Аляксея Міхайлавіча ды некаторыя радкі выкідае або дабаўляе свае. Каб паказаць гэтую рэдактарскую работу больш наглядна, даследчык прыводзіць паралельна сходныя часткі абодвух вершаў і прыходзіць да высновы, што 6–12 часткі «Метраў» напісаны Сімяонам Полацкім самастойна і менавіта там выяўляецца «беларуская тэма»: «Гэта «дэкламацыя» ўзнімала надзённыя пытанні таго часу, была творам грамадскага гучання. У цэнтры яе стаіць тэма радзімы. Сімяон Полацкі вітае цара, бо спадзяецца, што з прыходам рускіх войск палепшыцца жыццё яго суайчыннікаў. Ён заклікае цара быць літасцівым для беларускіх зямель і асабліва для горада Віцебска. Гэтыя «Метры» з'яўляюцца глыбока-патрыятычным творам, у якім аўтар выказаў і сваю любоў да роднай зямлі і свае спадзяванні, што становішча беларусаў зменіцца ў лепшы бок» [4, с. 116].

Вельмі падобныя па зместу з першымі «Метрамі», чытанымі ў Віцебску, і другія, што чыталіся 5 ліпеня 1656 г. у Полацку. Зноў жа, як лічыць Прашковіч, «Метры» з'яўляюцца найбольш яскравым прыкладам глыбокага патрыятызму аўтара, яго любові да сваёй радзімы. Так, паэт усхваляе цара, спадзяецца, што той прынёс вызваленне (у першую чаргу – праваслаўным), галоўная ж думка дэкламацыі – пажаданне шчасця і росквіту беларускай зямлі і гораду Полацку. Сустрэча з царом, на думку даследчыка, і паслужыла паэту прычынай для напісання гэтага патрыятычнага гімна ў гонар роднай зямлі.

М. Прашковіч падрабязна аналізуе раннюю творчасць Сімяона Полацкага паводле жанравай разнастайнасці, яе стылістычных і моўных асаблівасцей, адзначае, што на дэкламацыях С. Полацкага моцна сказаўся ўплыў стылю барока, які ў нас з'явіўся ў пачатку XVII ст. Параўнаўшы паэзію Сімяона Полацкага з папярэдняй паэзіяй, ён заўважае, што ў яго дэкламацыях значна багацейшая строфіка, чым у яго папярэднікаў, больш развітыя мастацкія сродкі, а таксама мова. Раннія творы Сімяон, як вядома, пісаў на чатырох мовах: адна яго дэкламацыя напісана на лацінскай мове, некалькі чарнавых навагодніх накідаў – на польскай, а ўсе астатнія – на беларускай з паступовым аслабленнем беларускіх рыс і ўзмацненнем царкоўнаславянскіх элементаў. Прашковіч прыходзіць да высновы, што «Паэзія Полацкага выросла, з аднаго боку, на той беларускай і ўкраінскай паэзіі, якая к гэтаму часу ўжо існавала, з другога боку, на польскіх узорах. Яна ўвабрала ў сябе ўсё лепшае з папярэдняй паэзіі, але не спынілася на гэтым узроўні, а пайшла значна далей» [4, с. 145].

Дысертацыя, у якой Мікола Прашковіч звярнуўся да ранняй, мала даследаванай творчасці паэта XVII ст., выкарыстоўваючы пры гэтым матэрыялы, што знаходзяцца за межамі Беларусі, павінна была стаць грунтоўным падму-

ркам для далейшых даследаванняў гэтай тэмы ў беларускай навуцы. Аднак праца так і засталася ў рукапісе. Яе публікацыя дазволіць зрабіць унікальную крыніцу даступнай шырокаму колу навукоўцаў і ўсім, хто цікавіцца жыццём і творчасцю Сімяона Полацкага. Гэта дапаможа запоўніць прабелы ў гісторыі айчыннага літаратуразнаўства, а таксама вярнуць з забыцця незаслужана забытае імя даследчыка.

ЛІТАРАТУРА

1. **Духу** магутныя чары... : Ларыса Геніюш ва ўспамінах, лістах, архіўных матэрыялах / уклад., прадм., камент. Міхася Скоблы. – Мінск : Лімарыус, 2015. – 415 с. : іл. – (Беларуская мемуарная бібліятэка).

2. **Кароткі, У.** Неапублікаваная спадчына Міколы Прашковіча – першага беларускага даследчыка творчасці Сімяона Полацкага / У. Кароткі // Полымя. – 2020. – № 12. – С. 102–106.

3. **Прашковіч, М.** Беларуская асветніца : да 800-годдзя з часу смерці Ефрасінні Полацкай / М. Прашковіч // Беларусь. – 1973. – № 5. – С. 28.

4. **Прашковіч, М. І.** Паэзія Сімеона Полацкага (Ранні перыяд – 1648–1664 гг.) : дыс. … канд. філал. навук / М. І. Прашковіч. – Мінск, 1964. – 255 л. НПГКМЗ КП23-45092/1.

Баранова А.С. *(г. Минск)*

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ БЕЛОРУССКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ

Белорусские просветители, этнографы, фольклористы И.Д. Горбачевский и Н.Я. Никифоровский в своих работах представили важные педагогические идеи, которые являются актуальными в наши дни.

Этнограф, краевед, фольклорист и педагог конца XIX в. И.Д. Горбачевский в своих работах [2] уделял большое внимание вопросам просвещения и образования. Вопросы народного образования он тесно связывал с благосостоянием населения. И.Д. Горбачевский отмечал, что нужда и нищета прежних времен принижала белоруса и убивала в нем всякое стремление к просвещению. Рост благосостояния и достаток развивали и увеличивали в народе потребность в образовании. По количеству народных училищ Лепельский уезд занимал первое место в губернии. Этому способствовало большое число находящихся в уезде местечек, жители которых отличались большим развитием и стремлением к образованию. И.Д. Горбачевский приводит цифры, характеризующие состояние народного образования в Лепельском уезде: «В 1893 г. в уезде на 140 859 человек населения состояло одно двухклассное городское училище с 118 учащимися, одно приходское училище с женской

сменой, два еврейских начальных училища и 27 народных. В названных училищах обучались 1414 мальчиков и 132 девочки» [2, с. 19]. И.Д. Горбачевский перечисляет типы учебных заведений, которые существовали в Лепельском уезде: наряду с министерскими школами были церковно-приходские училища и школы грамотности, число которых быстро увеличивалось с каждым годом. И.Д. Горбачевский приводит цифры, свидетельствующие о росте грамотности населения и необходимости дальнейшего роста просвещения и грамотности: «В 20 церковно-приходских училищах и 14 школах грамотности обучалось до 594 человека. Всего же по уезду во всех училищах состояло 2140 учащихся, что составляет около 2% всего населения. Из призывавшихся в 1892 г. к отбыванию воинской повинности 497 человек составляло по уезду всего 26% грамотных» [2, с. 19–20]. Лепельский уезд подразделялся на 27 волостей. При каждой волости имелось народное училище, а в Контовичской волости их было два [2, с. 30].

В работах И.Д. Горбачевского отмечается, что в рассматриваемый период трудно было найти деревушку, в которой не было бы хотя бы одного грамотного человека, в местечках же встречались целые семейства, все члены которых были обучены грамоте.

И.Д. Горбачевский показывает связь образования с экономическим состоянием общества. Он отмечает, что по мере осложнения общественных отношений крестьян и экономического состояния образование в крестьянской среде становилось органической потребностью. Если четверть века тому назад матери плакали, отдавая детей в училища, то потом они стали плакать, когда их детям отказывают в поступлении в школу из-за переполненности классов. Народ стал понимать важность образования. Однако сравнительно с потребностями народа училищ в уезде было мало, в увеличении их числа чувствовалась настоятельная потребность. И.Д. Горбачевский считал греховным и преступным отказывать детям в поступлении в училища, когда народ с жадностью стремится к образованию. Он считал необходимым давать детям образование, чтобы «хотя немного открыть глаза и видеть свет». Гуманизм И.Д. Горбачевского проявляется в том, что он отмечал необходимость для крестьян гуманной опеки и разумного руководства просвещенных лиц. К сожалению, он видел негативные примеры, когда крестьяне Франопольской волости под давлением заинтересованных лиц в 1893 г. отказались от содержания своего народного училища.

И.Д. Горбачевский отмечал слабую материальную базу народных училищ. Народные училища были обставлены так, что для их успеха оставалось пожелать весьма многого. Особенно чувствовалась нужда в библиотеках для чтения. Каждое народное училище вместе с общественным содержанием учащихся обходилось волостям до 550 рублей [2, с. 20]. Церковно-приходские школы были обставлены крайне бедно, особенно школы грамотности, которые получали всего 10 или 30 рублей пособия от училищного совета.

Учителя лучших церковно-приходских школ получали от 80 до 120 рублей содержания, что являлось большой редкостью.

Почти все население Лепельского уезда занималось земледелием. И.Д. Горбачевский считал, что народные училища оказали бы крестьянам незаменимую услугу, если бы распространяли в их среде полезные знания по различным отраслям хозяйства. Он предлагал создавать опытные хозяйства. Для устройства опытного хозяйства огородная земля в достаточном количестве имелась в Черствятском, Городчевичском и Воронечском народных училищах. В Бочейкове и Камене огородной землей пользовались писари, но, по мнению И.Д. Горбачевского, она приносила бы большую пользу, если бы пошла под опытное училищное хозяйство. В Лепельском городском училище также имелось достаточное количество хорошей огородной земли и необходимые специальные средства, чтобы организовать при нем практическое садоводство и огородничество в связи с прохождением ботаники. Большинство воспитанников училища были детьми малоземельной шляхты, мещан и крестьян-землевладельцев.

И.Д. Горбачевский говорил о необходимости знания садоводства и огородничества, которые принесли бы учащимся в жизни существенную пользу. Он был озабочен развитием сельского хозяйства. По его мнению, вместо того, чтобы по окончании курса поступать в писцы и влачить жалкое существование мелких канцелярских пролетариев, юноши должны возвращаться на отцовские хозяйства и заниматься их улучшением на пользу себе и для доброго примера окружающим.

И.Д. Горбачевский поднимает проблему отрыва людей от земли, от хозяйства. Он отмечал, что в последнее время встречается много молодых неудачников, которые оторвались от родного хозяйства, при малом образовании не могли устроиться в жизни, они горько жалуются на мнимую несправедливость к ним судьбы. И.Д. Горбачевский настаивал на необходимости школ с прикладными знаниями, которая сократит число этих простодушных неудачников и избавит их от нужды и напрасных страданий.

И.Д. Горбачевский выступил также с идеей создания профессиональных школ. Для того чтобы поднять местные ремесла и дать занятие многочисленным безземельным мещанам, уезд нуждался в профессиональной школе, которой, по его мнению, уместно находиться в Бешенковичах или местечке Улле.

В своих работах И.Д. Горбачевский рассматривает вопросы женского образования. В работе И.Д. Горбачевского «Сельский учитель» большое значение придается воспитанию и обучению женщин. Грамотность важна для женщин, так как грамотная, просвещенная мать будет хорошо воспитывать своих детей. Он отмечал, что в женском образовании крестьяне не видели практической пользы, поэтому не отдавали дочерей в училища, руководствуясь невежественной пословицей «Не бабье дело книги читать». Только

в местечках встречались грамотные женщины. В деревнях же грамотные женщины представляли собой большую редкость. Но опыт показал, что не так трудно убедить крестьян бросить старинное заблуждение. И.Д. Горбачевский приводит пример организации женского образования. В Черствятском училище раньше не обучались девочки, но жена учителя А.М. Пучковская начала привлекать их в училище, обучая домоводству, кухонному делу, кройке, шитью, вышиванию и другим женским рукоделиям. Число учениц скоро превысило 10 человек. Крестьянам очень понравилось, что их дочери по выходе из училища, кроме грамоты, знают все то, что необходимо знать всякой опытной, хорошей хозяйке, умеющей принять и обойтись с каждым человеком. И.Д. Горбачевский делает вывод о том, что знание грамоты так же важно и необходимо, как и для мужчины, тем более, что в ее обязанности входит первоначальное воспитание детей, будущих граждан. Умная, подготовленная к жизни девушка построит семью. В любом случае без посторонней помощи она сможет устроиться в жизни. Для этого девочек надо учить кройке, шитью, кухонному делу, домоводству. И.Д. Горбачевский утверждает, что немногие, но удачные опыты громко говорят о том, что народная школа скорее исполнит свою просветительскую миссию, начав влиять на деревенскую женщину, нежели действуя только на мужчин. В этом отношении он видел весьма широкое поле плодотворной деятельности для народных учительниц.

В работе «Сельский учитель», изданной в Витебске в 1895 г., И.Д. Горбачевский представил важные просветительские идеи: важность трудового, нравственного воспитания, уважения старших, необходимость развития огородничества, садоводства, пчеловодства, охраны окружающей среды, необходимость воспитания женщин, индивидуального подхода к учащимся.

В лице Николая Ивановича представлен образ народного учителя, который «для удовлетворительного выполнения своей миссии вместе с тем непременно должен быть сведущим хозяином и ремесленником» [1, с. 210]. Привить учащимся любовь к труду он может только тогда, когда лично покажет им пример трудолюбия, «когда с его собственных рук не будут сходить почтенные мозоли». Тогда учащиеся будут ценить труд и уважать людей труда. И.Д. Горбачевский приводит пример того, когда выпускники училищ норовят бросить трудовую жизнь и пойти на легкие хлеба. В результате хозяйства и земля пустеют без рабочих рук. Кроме того, молодые люди, получив должность волостного писаря или полицейского урядника, стыдятся признать перед знакомыми своих родителей. Гордясь своей грамотностью, школьники не хотят признавать авторитета старших членов семьи, сеют в семье разлад.

Во избежание таких проблем сельский учитель прививает любовь к труду путем создания питомника плодовых деревьев: яблонь, груш, слив, вишен и ягодных кустов. Учитель также начал обучать детей садоводству и

огородничеству. Николай Иванович осуществлял индивидуальный подход к учащимся. Осенью ученики собирали семена фруктовых деревьев. Учитель при участии учеников подготавливал для посева семян землю, засевал семена и затем всю засеянную площадь делил на участки по числу поступивших учеников, поручая каждому из них для ухода один из участков. Дети пололи и окапывали деревца, делали прививку. В награду за труды каждый ученик получал от учителя молодые саженцы для того, чтобы посадить их у себя дома. Благодаря этому в деревнях появлялись молодые садики, улучшалась окружающая среда. Учащиеся знакомились с пчеловодством на практике. Учитель также знал полдюжины ремесел, которым обучал детей. После занятий в мастерской учителя до полуночи раздавался стук топоров и визжание пил. В результате ученики не уходили от трудовой деревенской жизни, уважали труд и людей труда, жили со всеми в мире и согласии, заботились об улучшении хозяйства.

В работе «Сельскошкольное обучение в юго-восточной окраине Витебской Белоруссии, каким застает его реформа 19 февраля 1861г.» Н.Я. Никифоровский отвергает уверение в косности, неразвитости, умственной бедности простолюдина Витебской Белоруссии, которая (умственная бедность) не позволяет ему выйти из постоянной материальной нужды. Он утверждает, что «искание грамотности составляет неостанавливающуюся потребность местного простолюдина» [1, с. 225]. Однако сельские школки имели всего от 2 до 5 учеников в возрасте от 10 до 15 лет, находились в тесных помещениях и на полузапретном положении. На школку обрушивалось панское преследование, разведывание, чему учат крестьянских детей. Н.Я. Никифоровский отмечает, что скромная сельская школка становилась в положение прячущегося, приходящие ученики тайком пробирались в нее и уходили, а во время учения каждый ученик готов был скрыться в заранее указанном месте и на случай неожиданного посетителя разыграть роль наемщика-пастуха. Состав учителей в таких школках оставлял желать лучшего: прогулявшийся горожанин, устаревший ремесленник, разночинец, разжалованный дворовый, отставной или увечный инвалид, беглый крепостной. Поименованные учителя приходили к учительству как к последнему средству пропитания. Но главнейшими поводами к учительству были религиозно-христианское желание служить темному люду своими знаниями, монастырская скука во внебогослужебные часы, неугасающее желание «сообщаться с миром». Как отмечал Н.Я. Никифоровский, чисто деревенские школки не удовлетворяли насущную потребность простолюдина видеть в детях церковную образованность, потому что многие учителя не знали славянской грамоты.

К категории переносных Н.Я. Никифоровский относил школки, временно и случайно создававшиеся мастеровыми, которые выполняли в деревне ту или иную работу: сапожную, портняжную, шерстобитную. Обучение грамотности тут осуществлялось «между делом» и носило характер любезного

одолжения. Характеризуя различные типы сельских школок, Н.Я. Никифоровский отмечал относительно неплохую обставленность панских школок, там была классная доска, достаточное число столов со скамьями, достаточное количество книг и учебных пособий. Школка подготавливала лакеев, будущих писарей, счетчиков, полуученых, которым предстояло завершать образование в городской мастерской. Несмотря на все очевидные преимущества панской школки, крепостные сторонились ее, как рекрутчины, и охотно искали непанских школок. В школках применялись телесные наказания. Нераздельно с учением шло «вкоренение страха», вещественными орудиями были розги, плетки, линейки, пучок розог, учительский костыль, клюка или мощная рука преподавателя.

В работе «Четыре листка из памятной книжки сельского учителя» Н.Я. Никифоровский показывает тяжелое положение сельского учителя. Учителя скудно питались, они пользовались ржаной мукой, ячменной крупой и солью. Больше этого для учеников и учителей не полагалось. Систематическое изнурение голодом приводило к тому, что десятки друзей начальной народной школы преждевременно, в цвете лет, уступали взятое с бою место другим и продолжали опыт своих предшественников. Гардероб учителя состоял из ваточного пальто, которое было и обыденным и праздничным. И одежда, и обувь требовали серьезной починки, на которую не было никаких средств. У учителя была единственная пара белья. С наступлением морозов, несмотря на ожесточенную топку комнаты, он должен был ложиться в постель, часто не снимая брюк, сюртука и сапог, укрываясь поверх ваточным пальто, потому что морозный ветер через стенные и половичные щели свободно входил в комнату. Учителю приходилось оставаться в классной комнате как можно дольше, потому что присутствие в классной комнате 40 человек давало хотя и удушливую, но в то же время желанную теплоту. Жить учителю в холодном училище было подчас не по силам. Для ремонта училищного здания волость не хотела делать ничего. После выражения учителем протеста у него стали отниматься все те милости, которые первоначально возникали: пользование освещением для личных нужд, подводою, прислугою в вакационное время. После протеста учителя лишили ежегодного пособия в 45 руб. Все пережитое им повторялось и с его товарищами. В результате сельские учителя видели свое будущее в довольно грустной перспективе.

Н.Я. Никифоровский проанализировал проблемы сельских учителей, от которых во многом зависело улучшение просвещения народа. К числу этих проблем он относил ложное отношение среды к сельскому училищу. Отдельные случаи отдачи в рекруты окончивших курс сельского училища породили боязнь, в силу которой крестьянин даже в гимназических занятиях учителя с учениками видел приготовление к воинской службе. Проб-лемой было также неравномерное распределение труда. В учебный сезон в связи с

широкими требованиями программы учитель проводил ежедневные занятия без необходимого покоя на несколько минут. Серьезной проблемой была материальная бедность сельских учителей. Единовременная или более постоянная помощь учителям от крестьянских обществ была небольшой и оказывалась не каждому. Пособия от крестьянских обществ были слишком непрочны и подлежали часто внезапному исчезновению. Расположивши к себе так или иначе крестьян, учитель должен был посещать волостные сходы и вымаливать себе помощь в виде двух четвертей ржи. При этом учитель должен был угождать невежественным покровителям и их семействам. Проблемой было лишение нравственной поддержки. Постоянное одиночество, скудный материал для мысли, невозможность добывать книги для чтения заставляли мельчать молодую мысль, сродняться со средою, которая почти исключительно знает работу желудка и мускулов. Н.Я. Никифоровский также указывал на проблему служебного положения учителя и трудность перехода к другой деятельности, так как служебное положение сельского учителя было непрочно в гораздо большей степени, чем служебное положение лиц других ведомств. Должность сельского учителя была неопределенной и невысокой в общественном мнении. Постоянный трепет за свое существование ослаблял энергию сельского учителя. Однако Н.Я. Никифоровский называл сельских учителей «доблестными тружениками святого дела». С большим уважением он обращался к ним: «Да благословенно будет доброе имя ваше за тот истинный любовный свет науки, который вы когда-то пролили в своем последнем земном убежище» [1, с. 226].

И.Д. Горбачевский и Н.Я. Никифоровский в своих работах выразили гуманные педагогические идеи, способствовали развитию просвещения и народного образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Антология** педагогической мысли Белорусской ССР / сост. Э. К. Дорошевич, М. С. Мятельский, П. С. Солнцев. – Москва : Педагогика, 1986. – 468 с.

2. **Горбачевский, И. Д.** Лепельский уезд Витебской губернии / составил И. Д. Горбачевский. – Витебск : Губернская типография, 1895. – 38 с.

Бараноўскі А.В. *(г. Мінск)*

ПІСЬМЕННІЦКАЕ АСЯРОДДЗЕ Д.Ф. ПРЫШЧЭПАВА

Азнаёміўшыся са шматлікімі ўспамінамі, паказаннямі і публікацыямі Дзмітрыя Філімонавіча Прышчэпава, прыходзіш да высновы, што ён быў сапраўдным майстрам слова. Вялікі ўплыў на станаўленне яго як шчырага

беларуса, які размаўляў, пісаў і чытаў на роднай мове, аказала пісьменніцкае асяроддзе сталіцы БССР.

Д. Прышчэпаў заўсёды меў дачыненне да пісьменніцкага кола. Працуючы ў Сянно, ён разам з мясцовымі пісьменнікамі А. Оршыным і М. Горным выдаваў літаратурна-мастацкі, палітычны, эканамічны і культурна-асветніцкі двухтыднёвы часопіс «В буре». На яго старонках друкаваліся рускамоўныя вершы, рапсодыі і іншыя мастацкія творы сенненцаў. Часопіс выдаваўся ў друкарні Сенненскага саўнаргаса і распаўсюджваўся па падпісцы [2].

Пасля вяртання часткі тэрыторыі Віцебскай губерні ў склад БССР былы старшыня Віцебскага губвыканкама Дзмітрый Прышчэпаў быў прызначаны намеснікам наркама земляробства БССР. Успамінаючы пра свой пераезд на працу ў г. Мінск ён адзначаў: *«Я не умел ни читать, ни писать по-белорусски. В глаза не видел ни одной книжки на белорусском языке. <...> Мне казалось сначала странным, что тут требуется специальное изучение белорусского языка, в то время как, не так давно, при существовании Витебской губернии, все эти вопросы совершенно не стояли и я нигде не разу не слышал, чтобы этот вопрос когда-нибудь ставился, наоборот, руководящий актив работников стоял на противоположной точке зрения. В Белоруссии помню первое, что меня поразило – это наличие значительной художественной литературы, театр и другие культурные ценности, которые стали доступны трудящимся, благодаря организации БССР»* [9, арк. 2]. Д. Прышчэпаў быў здзіўлены тым, што ў адрозненне ад Віцебшчыны, дзе таксама пераважала беларускае насельніцтва, у іншым кутку Беларусі *«всем населением изучается белорусский язык, существуют довольно значительные объединения писателей, которые дают уже новую революционную литературу, преподавание в школе ведется только на белорусском языке, открываются белорусские ВУЗы и т. д.»* [9, арк. 3].

Згодна з успамінамі Д. Прышчэпава, уся беларуская праца, якая праводзілася ў рэспубліцы, а затым у аб'яднанай БССР, падштурхнула яго да вывучэння беларускай літаратуры і пісьма. Размаўляць па-беларуску ён мог. Сярод настаўнікаў Дзмітрыя Прышчэпава былі Сцяпан Некрашэвіч, Янка Купала, Міхась Чарот і Цішка Гартны.

Д. Прышчэпаву давялося літаральна даказваць, што ён сапраўдны беларус: *«часто меня называли не настоящим белорусом и совсем не считали за белоруса. То же самое мне часто говорил Чарот и другие»* [9, арк. 10]. Дарэчы, Міхась Чарот быў адным з першых прадстаўнікоў беларускай інтэлігенцыі, з кім у наркама земляробства БССР завязаліся сяброўскія адносіны. Яны хадзілі адзін да аднаго ў госці, сябравалі сем'ямі. З арыштам Д. Прышчэпава іх шляхі разышліся. У 1930 годзе Міхась Чарот прысвяціў фігурантам справы «Саюза вызвалення Беларусі», сярод якіх быў і Дзмітрый Прышчэпаў, верш «Суровы прыгавор падпісваю першым», у якім асуджаў іх за нацдэмаўшчыну [11].

Частымі наведвальнікамі кватэры Прышчэпавых былі Янка Купала і Сцяпан Некрашэвіч. Па ўспамінах дачкі наркама Алы, госці *«читали стихи, пели песни, мама аккомпанировала гостям на рояле, играла она хорошо, поскольку была очень музыкальной. У папы тоже был голос, он любил белорусские народные песни, охотно напевал их, особенно когда встречался с друзьями. Я всегда находилась с гостями, никто меня не прогонял, мне часто дарили конфеты, изредка приносили игрушки»* [1, с. 99].

У сваю чаргу, па ўспамінах самога Д. Прышчэпава, кватэры Янкі Купалы і С. Некрашэвіча былі месцам частых сустрэч. *«Там бывали: я, Игнатовский, Василевич, Балицкий, Стасевич, Жилунович, Червяков, Чарот, Зарецкий, Ильюченок, Шипилло и другие партийцы, а также беспартийные интеллигенты: Некрашевич, Лёсик, Колас, Тремпович, Цвикевич, Ластовский и другие»* [9, арк. 31]. Амаль усе пералічаныя асобы ў далейшым сталі фігурантамі сфабрыкаванай АДПУ БССР справы «Саюза вызвалення Беларусі».

У Дзмітрыя Прышчэпава склаліся асаблівыя сяброўскія адносіны з класікам беларускай літаратуры Янкам Купалам. Нават знаходзячыся ў зняволенні, Д. Прышчэпаў станоўча характарызаваў беларускага песняра: *«Его авторитет был очень велик, как среди беспартийной интеллигенции, для которой являлся «властителем дум», так и среди партийцев. Для меня лично он являлся очень большим авторитетом и я его считал барометром белорусской интеллигенции, которая его считала своим кумиром»* [9, арк. 31].

Народнага камісара земляробства БССР і народнага паэта БССР аб'ядноўвала тое, што кожны паасобку ў свой час працаваў на Сенненшчыне. У канцы 1903 – пачатку 1904 г. малады Янка Купала служыў у канторы маёнтка Беліца, які належаў Карлу Свяцкаму. Там была створана інтэнсіўная гаспадарка, уводзіўся шматпольны севазварот, удасканальваліся прылады працы, разводзілася племянная жывёла [3]. Маёнтак Беліца і Сенненшчына ў цэлым неаднаразова станавіліся прадметам размовы Д. Прышчэпава і Янкі Купалы.

Дзмітрый Філімонавіч меў добрыя стасункі з братамі Гарэцкімі. З Гаўрылам ён сябраваў з часоў Інстытута беларускай культуры. Потым яны разам узначальвалі Беларускі навукова-даследчы інстытут сельскай і лясной гаспадаркі імя У.І. Леніна. Гаўрыла Гарэцкі пазнаёміў Дзмітрыя Прышчэпава са сваім братам Максімам, які быў пісьменнікам і фальклярыстам. М. Гарэцкі і Д. Прышчэпаў неаднаразова сустракаліся ў пісьменніцкім асяроддзі. Максім Гарэцкі быў у захапленні ад апавяданняў наркама пра Сенненшчыну, што нават вырашыў сам пабываць у тых краях. Падчас будаўніцтва чыгункі Орша – Лепель ён наведаў Сенненскі раён. Сустракаўся з сялянамі, школьнікамі і настаўнікамі. Запісваў народныя песні і абрады [10].

Па ўспамінах сваякоў, пяру наркама земляробства БССР належалі не толькі навуковыя артыкулы па сельскай гаспадарцы, але і мастацкія творы [1, с. 90–91, 93]. На жаль, апошнія, у адрозненне ад першых, не захаваліся. Д. Прышчэпаў быў арыштаваны разам са сваімі рукапісамі, якія пазней былі знішчаны.

Не толькі пісьменніцкае асяроддзе аказвала ўплыў на Дзмітрыя Прышчэпава, але і яго асоба накладвала адбітак на лёс творцаў літаратуры, на жаль, не заўсёды станоўчы. У другой палове 1920-х гг. жанр падарожных мастацкіх твораў быў вельмі папулярным. Да яго ў 1928 г. звярнуўся Міхась Зарэцкі. Склаўшы кампанію наркаму земляробства БССР, ён у кастрычніку 1928 г. паехаў у Любанскі раён на Мар'інскія балоты, каб паглядзець, як сяляне пераўтвараюць балотны край [6]. У Дзмітрыя Прышчэпава і Міхася Зарэцкага было шмат агульнага: абодва ўраджэнцы Сенненскага павета, абодва працавалі ў Віцебску, а затым у сталіцы БССР. За час падарожжа землякі яшчэ больш зблізіліся, больш даведаліся адзін пра аднаго. Ніхто з удзельнікаў паездкі тады не мог уявіць, што яна стане ракавой.

З 21 кастрычніка 1928 г. на старонках газеты «Савецкая Беларусь» пачалі друкавацца ўражанні Міхася Зарэцкага ад паездкі ў Любанскі раён [4]. У 1929 г. яны выйшлі асобнай кніжкай пад назвай «Падарожжа на Новую Зямлю» [5]. На першых старонках нарыса М. Зарэцкі паведамляў: *«склад нашай экспедыцыі такі: Змітро Халімонавіч Прышчэпаў і я»*. Неўзабаве пасля выхаду кнігі Д. Прышчэпава арыштавалі. Дамоклаў меч навіс і над пісьменнікам, бо атрымалася, што ён праслаўляў ворага народа. 6 снежня 1929 г. бюро ячэйкі КП(б)Б Белдзяржвыдавецтва прыняло пастанову аб выключэнні Міхася Зарэцкага з шэрагаў КП(б)Б. Дадзены дакумент быў пацверджаны рашэннем аб'яднанага сходу партячэек Белдзяржвыдавецтва, рэдакцый газет, Акадэміі навук, наркамата асветы [7], а таксама пастановай бюро Фрунзенскага райкама КП(б)Б г. Мінска [8]. Прычына выключэння канкрэтна абазначалася ў шматлікіх пастановах ячэек: «*М. Зарецкий (Косенков) использовал книгу «Падарожжа на новую зямлю» как средство для замаскированного нападения на генеральную линию Коммунистической партии. Эта книжка является сгустком кулацких взглядов на путь переустройства сельского хозяйства, является продолжением пропаганды национал-демократических и шовинистических взглядов, в частности, продолжает так называемую «театральную дискуссию» и является попыткой ревизии соответствующих партийных решений*» [7]. Міхасю Зарэцкаму ў адрозненне ад Дзмітрыя Прышчэпава пашанцавала болей – пісьменніка толькі выключылі з партыі.

Такім чынам, пісьменніцкае асяроддзе аказала вялікі ўплыў на Д.Ф. Прышчэпава. Ён пачаў пісаць і размаўляць па-беларуску. Гэта не з'яўлялася данінай модзе, не было звязана з палітыкай беларусізацыі, а ішло ад яго сэрца. Нават у зняволенні Д. Прышчэпаў пісаў родным лісты на беларускай мове.

ЛІТАРАТУРА

1. **Акшевский, И.** Он любил эту землю: повесть о наркоме, неправедно осужденном, сосланном и, вероятно, расстрелянном, не получившем после своей смерти пяди родной земли на могилу / И. Акшевский. – Минск : Беларусь, 1991. – 125 с.

2. **Бараноўскі, А. В.** «В буре»: часопіс Сенненскага павятовага выканкама / А. В. Бараноўскі // Актуальные проблемы источниковедения : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 23–24 апр. 2021 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А. Н. Дулов (отв. ред.) [и др.]. – Витебск, 2021. – С. 276–278.

3. **Бараноўскі, А. В.** Полымя (Беліца): гісторыя маёнтка і вёскі / А. В. Бараноўскі. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2015. – 41 с.

4. **Зарэцкі, М.** Падарожжа на Новую Зямлю / М. Зарэцкі // Савецкая Беларусь. – 1928. – 21 кастр. – С. 3 ; 23 кастр. – С. 5 ; 24 кастр. – С. 3 ; 25 кастр. – С. 3 ; 27 кастр. – С. 2 ; 28 кастр. – С. 2.

5. **Зарэцкі, М.** Падарожжа на Новую Зямлю / М. Зарэцкі. – Мінск : Беларус. дзярж. выд-ва, 1929. – 67 с.

6. **Карніловіч, Э.** За што цкавалі Зарэцкага? / Э. Карніловіч // Маладосць. – 1991. – № 2. – С. 120–124.

7. **Лазутчик** класавага ворага // Рабочий. – 1929. – 8 сн. – С. 4.

8. **На крутым** павароце: ідэолага-палітычная барацьба на Беларусі ў 1929–1931 гг. : дакументы, матэрыялы, аналіз / Беларус. навук.-даслед. ін-т дакументазнаўства і архіўнай справы. – Мінск : БелНДІДАС, 1999. – 384 с.

9. **Нацыянальны** архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 15п. Воп. 28. Спр. 7.

10. **Памяць** : гіст.-дакум. хроніка Сенненскага р-на / уклад. С. В. Шайко ; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск : Паліграфафармленне, 2003. – С. 557.

11. **Чарот, М.** Суровы прыгавор падпісваю першым … / М. Чарот // Маладняк. – 1930. – № 12. – С. 10–12.

Бароўка В.Ю. *(г. Віцебск)*

МАСТАЦКАЯ АКСІЯСФЕРА УЛАДЗІМІРА КАРАТКЕВІЧА

Мастацкая аксіясфера пісьменніка – сістэма мастацкіх каштоўнасцей, прадстаўленых у выглядзе меркаванняў, вобразаў, ідэй як праяў каштоўнаснай свядомасці, што матывуюць дзейнасць пісьменніка і адбіваюцца ў яго творчасці. Мастацкая аксіясфера залежная ад сацыякультурных абставін, жыццёвых варункаў і эстэтычных імператываў канкрэтнага аўтара канкрэтнага часу.

Мастацкая аксіясфера Уладзіміра Караткевіча знайшла выяўленне ў розных жанрах, але найбольш поўна яна адбілася ў вершах, асабліва прысвечаных знакамітым дзеячам і творам сусветнага і айчыннага мастацтва, і ў літаратурна-крытычных працах. Бадай, самая каштоўная крыніца асэнсавання Караткевічам крытэрыяў эстэтычнай вартасці твораў, – яго вершы літаратурна-герменеўтычнага плана, дзе вобразнасць дэтэрмінуе полісемантычнасць. Увагу Уладзіміра Караткевіча выклікалі творы жывапісу, музыкі, архітэктуры, скульптуры, літаратуры. Бясспрэчна, выдатныя помнікі

мастацтва акумулююць багаты эстэтычны і жыццёвы вопыт, валодаюць вялікай сілай уздзеяння на чалавека. Беларускі паэт у многім салідарызаваўся з думкай Льва Талстога пра магутную аб'яднальную сілу мастацтва. Менавіта гэтай ідэяй прасякнута большасць яго твораў, дзе інтэрпрэтуюцца мастацкія шэдэўры розных эпох і народаў. Уладзімір Караткевіч спрабаваў шляхам аналізу сродкамі літаратуры вядомых помнікаў культуры раскрыць сваё разуменне каштоўнасці зробленага выбітнымі талентамі. Відаць, не выпадкова, што лінія мастацкага даследавання культурнай спадчыны была магістральнай на пачатку яго літаратурнага шляху, калі пісьменнік апынуўся перад выбарам творчых арыенціраў. Так, у прыватнасці, праз фрагментарнае асэнсаванне ў вершаванай форме твораў італьянскага мастацтва эпохі Рэнесансу знайшлі выяўленне раннія аксіялагічныя прыярытэты Уладзіміра Караткевіча. На першае месца паэт ставіў жыццёвасць, пераканаўчасць і майстэрства адлюстравання. Адзін з ранніх вершаў Уладзіміра Караткевіча – «Нараджэнне Венеры» (1957). Вядомае жывапіснае палатно Сандра Бацічэлі для лірычнага героя паэта – апалогія жаночай красы, кахання. Сюжэт карціны Бацічэлі становіцца мікрасюжэтам адчування лірычнага героя У. Караткевіча: «За вокнамі дзень дагарае, / Знікае агнёў ракой. / І ты з карціны сплываеш / У змрочны, ціхі пакой. / Чужая, зусім чужая, / Ніколі не будзеш маёй. / Вочы твае і цела / Стварыў калісь Бацічэлі / Шмат стагоддзяў таму / На муку маю, / На муку. / На вечную ў сэрцы зіму» [2, с. 358]. У ранні ж перыяд творчасці Караткевічам быў таксама напісаны невялікі верш «Мастакам» (1957), у цэнтры якога разважанне пра лёс твораў мастацтва, яго функцыі мадэлявання і мемарыялізавання. У трактоўцы паэта сапраўднае, высокае мастацтва, угрунтаванае на майстэрстве, забяспечвае бессмяротнасць аўтару, дзяржаве і народу, да якога належаў аўтар. Малады беларускі паэт недвухсэнсоўна падкрэсліваў: «Рым загінуў ад дзіды вандалаў, – / Рым жыве ў Ювенала радках!» [2, с. 349]. Старажытнарымскі паэт Ювенал увайшоў у гісторыю літаратуры як аўтар бліскучых сатыр і як выдатны дэкламатар. Пафас вершаваных радкоў Караткевіча зводзіўся да ўзвелічэння паэта з вялікай літары, што праславіў сябе, свой час, зрабіў важкі ўнёсак у культуру Старажытнага Рыма. Мастацтва, на думку беларускага паэта, павінна абагульняць з'явы. Гэта ідэя раскрываецца У. Караткевічам у гумарыстычным вершы «Medusa ludovisi ў Рыме»: «Спіць Эрынія. Ў грозных веях / Цень прароцтва вялікага лёг. / Помста спіць. Касмылёў змеі / У спакоі тояць скачок. / Спіць яна бяздумна і глуха. / Сны аб праўдзе і роўнасці сніць…» [2, с. 236–237]. Статуя «Medusa ludovisi» Джавані Ларэнца Бярніні – помнік барочнага стылю. Эрыніі – багіні помсты і нянавісці. «Medusa ludovisi» Бярніні часта атэстуецца як помнік жаночай зайздрасці. Дарэчы, у другой палове XX ст. гэта галава мядузы Бярніні стала эмблемай сусветнавядомай фірмы Вярсачэ. У вершы Караткевіча канцэптуальна-іранічна згадваецца багіня помсты і нянавісці, узноўленая Бярніні: адпачынак лечыць,

разам са сном чалавека пакідае злосць: «Ціхі гук: / Будзільнік над вухам / Папярэдзіў, што зазвініць» [2, с. 237].

Ядро мастацкай аксіясферы Караткевіча ўключала паняцце цікавасці. Твор абавязаны, паводле пісьменніка, быць цікавым. Цікавасць можа выклікаць або змест (тэмы, праблемы, ідэі), або форма, у прыватнасці, плённыя прыёмы, прадуктыўныя спосабы ўвасаблення чалавека і рэчаіснасці. Мастацкі твор каштоўны сваім уздзеяннем на чалавека, уменнем закрануць струны яго душы. Творы класікі – яскравае таму сведчанне. Арыгінальнай інтэрпрэтацыяй музычнага шэдэўра Франца Шуберта можна назваць ранні верш У. Караткевіча «Зімняя элегія» (1958), дзе аўтар выкарыстоўвае класічную літаратурную форму элегіі і як рамантык па светаадчуванні згадвае пра рамантыкаў у галіне музыкі Пятра Чайкоўскага і Франца Шуберта. Чайкоўскі, стваральнік яркіх дынамічных музычных вобразаў, – любімы кампазітар каханай лірычнага героя і яго самога. Караткевічава «Зімняя элегія» прасякнута настальгічным настроем. Сум лірычнага героя па няспраўджаным каханні выліваецца ў роздум пра жыццё: «Як лёгка размінуцца з той, адзінай, / Якой чакаеш, можа, сотні год!» [2, с. 49]. Зімовым вечарам лірычны герой згадвае каханую, слухае музыку Шуберта, адчувае гаючае ўдзеянне гукаў яго «Зімовага шляху»: «Шыпіць пласцінка. Ў сэрцы многа дум. / Кручу «Над домам флюгер ёсць у любай». / І Шуберт падзяляе ціхі сум» [2, с. 49]. Вобраз зімняга шляху ў вершы Караткевіча полісемантычны: гэта і ўвасабленне нешчаслівага кахання, і чалавечага лёсу, і рэальны малюнак зімовай дарогі, аднак для лірычнага героя паэта музыка Шуберта – найперш выяўленне яго ўзрушанага душэўнага стану: «О «Зімні шлях»! Забытыя будынкі, / Забыты водар ад каханых губ» [2, с. 49]. Рамантычны па стылі песенны цыкл Шуберта, як вядома, быў заснаваны на антытэзах святла і ценю, мары і рэчаіснасці, чаргаванні мажорных і мінорных частак. «Зімні шлях» з 24 песень – разважанне кампазітара пра чалавечае жыццё. У трактоўцы Франца Шуберта зімні шлях ёсць шлях па спіралі, безвыніковы па сваёй сутнасці шлях, шлях у нікуды. Магчыма, на такое разуменне жыцця кампазітара падштурхнулі абставіны асабістага жыцця, бо «Зімні шлях» быў створаны фактычна за год да смерці вялікага кампазітара. Вакальны цыкл Шуберта пераканаўча занатоўваў настрой чалавека, які перажыў жыццёвую драму і страціў надзею на лепшае. Лірычны герой Караткевіча, што перажыў драму кахання, выступае своеасаблівым апанентам кампазітара, жыццё не бачыцца яму марным, безвыніковым, асабістая драма не расчаравала ў жыцці і людзях, не пазбавіла высакародства, ён удзячны сваёй каханай: «Я дзякую табе. Няхай чужая, / Няхай твой твар для іншага жыве, / Ты ёсць, ты недзе ёсць, і ты жывая, / Ты ходзіш веснім ранкам па траве!» [2, с. 49].

Прыгажосць, дасканаласць, арганічнасць – істотныя складнікі каштоўнасці мастацкага твора. У вершах «Дзіва на Нерлі» (1958) і «Каложа» (1967) паэт занатоўвае ўражанні ад убачаных помнікаў архітэктуры. Царква

Пакрава на р. Нерлі – выдатны помнік старажытнарускага дойлідства: «Белая песня ў лугах залацістых, / Кліч адзвінеўшых стагоддзяў зямлі, / Кволая-кволая, чыстая-чыстая, / Быццам дзяўчына, царква на Нерлі» [2, с. 82]. Паводле лірычнага героя, прыгажосць мае ахоўную сілу, яна дапамагла захавацца культаваму будынку, яна назаўсёды занатавалася ў людской памяці: «Ўсім, хто навек адыходзіў к ценям, / Снілася ты на райскіх лугах, / З яснай журбою па убіенным, / З ценем усмешкі ў мокрых вачах» [2, с. 82]. «Маленькая цэркаўка ў шатах векавых дрэў», «адзін з найвялікшых шэдэўраў дойлідства старажытных славян» [3, с. 483] XII стагоддзя таксама апеты Караткевічам як увасабленне прыгажосці, што артыкулюе непаўторнасць роднай зямлі, бо Барысаглебская царква з'яўляецца арганічнай часткай яе ландшафту: «Ўся адзіная, ўся са святла, / З небам, з Нёмнам, з зямлёю злітая, / З сэрцам нашым – Каложа ўзрасла» [2, с. 227]. Выгляд помніка старажытнай царкоўнай архітэктуры ў лірычнага героя адначасова нараджае сум і радасць: «Каложа, туга мая светлая!.. / Ў чорны Нёман на чорным шкле / Сіняй кропляй спадае ракета, / Быццам зорка ў ціхі Бетлем» [2, с. 226]. Каложа для лірычнага героя – сімвалічны вобраз роднага краю: «Ўся – крышталь невыказна сіні, / Ўся як край наш, як сон, як вясна» [2, с. 227]. М.М. Бахцін слушна заўважыў: «Аўтар у сваёй творчасці кіруе тымі каштоўнасцямі, якімі жыве яго герой» [1, с. 151]. Лірычны герой вершаў Караткевіча пра мастацтва і яго творцаў – асоба аўтабіяграфічная і аўтапсіхалагічная, духоўны двайнік аўтара, які акцэнтуе яго настроі і высновы.

Ядро мастацкай аксіясферы Караткевіча ўключае наяўнасць абагульнення і прадказання, нават прароцтва, у творы і, бясспрэчна, праўдзівасць. У вершы «Прарок Геронім Босх» (1958) нагадваецца, што славуты нідэрландскі мастак канца XV – пачатку XVI ст., які стварaў свае палотны ў трагічны для сваёй радзімы перыяд акупацыі іспанцамі, прарочыў: «Вы, васковыя душы, / З ланцугоў кашмары спусцілі, / Вы над роснай зямлёю / Смерці грыбы ўзрасцілі…» [2, с. 90]. Геронім Босх не цураўся паказу жудасных момантаў і надзвычайных прадметаў кшталту машын, падобных да танкаў XX ст. Босх быў з ліку тых творцаў, «што з праўдай дружыў» [2, с. 89]. Мастака трывожылі паводзіны суайчыннікаў: «Ён бачыў, што душы прыгнечаных / Не сталь, а бязвольны воск, / І прарочыў дрэнным людзям / Геній Геронім Босх. / Сваёй неўтаймоўнай фантазіяй / Выклікаў ён пачварныя здані» [2, с. 90]. У вершы «Трызненне мужыцкага Брэйгеля» (1958) творца прадстае прарокам і адначасова аналітыкам, філосафам. Славуты нідэрландскі мастак XVI ст. Пітэр Брэйгель Старэйшы, празваны «мужыцкім», аўтар палотнаў «Сляпыя», «Краіна гультаёў», «Падзенне Ікара», «Сялянскі танец» і іншых, рэпрэзентаваны чалавекам уважлівым і цікаўным: «У чалавека вочы мудраца / І з'едлівая сумная ўсмешка, / І каб схаваць яе ад крамароў, / Ён нізка капялюх на твар насунуў. / Ён ходзіць цэлы дзень. Ідзе ў трушчобы, / Ў багатыя кварталы, ў крамы, ў гавань. / Адценні фарбаў, твары і ўсмешкі – / Ўсё застаецца ў

памяці яго» [2, с. 92]. «Мужыцкі Брэйгель» не проста назірае, ён шукае характарныя вобразы сваіх суайчыннікаў, што рэпрэзентуюць месца і гістарычны час, прадказваюць будучыню: «Ён бачыць тоўстых бюргераў за півам, / Сляпога, што пяшчотна гладзіць скрыпку, / Сталы, што цяжка крэкчуць ад жратвы, / Настаўленай на іх. На нізкім ганку / Стаіць шынкарка і глядзіць на плошчу» [2, с. 92]. Палотны Пітэра Брэйгеля Старэйшага правакавалі шукаць адказы на пытанні: «Хто вы такія, як назваць вас, людзі? / Куды краіна з вамі забрыдзе? / Сляпыя! Мёртвыя! Яны ідуць, / Паклаўшы рукі на плячо пярэдніх, / І іх вядзе сляпы. І проста ў яму / Ён падае. / А заднія не бачаць, / І, як раней, застыў на іх тварах / Самаздаволены па-свінску гонар» [2, с. 92].

Каштоўнасныя крытэрыі аўтара занатаваліся і ў вершах пра літаратараў. У. Караткевіч прызнаваўся, што ў студэнцкія часы больш наведваў бібліятэку, чым лекцыі выкладчыкаў, бо «там мне грымелі, шапацелі, спявалі Дастаеўскі і Сафокл, Шаўчэнка і ўсе старыя ўкраінскія, беларускія і іншыя гісторыкі, там былі Катул, Антоніч, Рыльке, паэты «Млодай Польскі», Бунін, Ясенін і Грын, стаптаны тады Важдаевым з зямлёю, невядомы мне да таго (ды, па-мойму, і на радзіме тады не сярод усіх папулярны) Норвід» [4, с. 121]. Мастацкая спадчына класікаў прыводзіла Караткевіча да нетрывіяльных высноў. Своеасаблівае прачытанне творчасці двух вядомых беларускіх пісьменнікаў ён рэпрэзентаваў у вершах «Паўлюк Багрым» (1958) і «Багдановічу» (1966). Для Караткевіча Паўлюк Багрым (апошнім часам некаторыя літаратуразнаўцы лічаць асобу Паўлюка Багрыма літаратурным міфам, а аўтарства вершаў прыпісваюць былому адвакату Яцкоўскаму, аўтару мемуараў пра 1820-я гг.) – змагар за праўду, сацыяльную роўнасць, нацыянальныя інтарэсы суайчыннікаў, а не чалавек, што скардзіцца на лёс і просіць у яго літасці. Гісторыкі беларускай літаратуры нярэдка проціпастаўляюць Янку Купалу і Максіма Багдановіча як родапачынальнікаў двух вектараў развіцця айчыннай паэзіі – сацыяльна арыентаванага і эстэцкага (у манаграфіі Яна Чыквіна падрабязна разглядаецца хроніка гэтай антыноміі) [5]. У. Караткевіч здолеў вызначыць нечаканы, але надзвычай важны складнік каштоўнасці багдановічаўскай спадчыны. Веліч Максіма Багдановіча ў вершы-прысвячэнні «Багдановічу», паводле паэта другой паловы XX ст., у майстэрстве, уменні прадбачыць перспектыўныя лініі развіцця літаратуры: «Ты прыйшоў / І гарачым словам / Рунь узняў на роднай зямлі» [2, с. 228]. Вартае асобнага захаплення паэтава слова: «Нізка голаў схіляю, юнача, перад вечным глаголам тваім» [2, с. 228]. Багдановіч вялікі і тым, што ён абуджаў нацыянальны гонар беларусаў: «Ты сказаў нам: / Унукі Скарыны, / Дзе ваш гонар, моц і краса? – / Ёсць і ў вас, як у іншых, святыня. / Не давайце святыню псам!» [2, с. 228–229]. Дарэчы, у артыкуле «Летапісец», напісаным, як і верш, у 1966 г., Караткевіч адзначыў, што Максім Багдановіч «быў наскрозь гістарычным паэтам, у тым сэнсе, што абуджаў у народзе гістарычнае мысленне, а значыць, гонар» [4, с. 305], «даў у рукі арыядніну ніць, каб не заблукаў у

цёмных лабірынтах беларускага мінулага [4, с. 307]. Максім Багдановіч даў нам першы ўрок гісторыі. Даў яго, нарадзіўшы ў нашых людзях гонар за сваё мінулае, і гістарычнае мысленне, і веру ў будучае» [4, с. 310]. Трапна, ярка, метафарычна У. Караткевіч заўважыў пра Максіма Багдановіча: «знічка, якая прарэзала на імгненне неба, а апаўшы на зямлю, запаліла зніч» [2, с. 572].

Мастацкая аксіясфера Уладзіміра Караткевіча складвалася пад уплывам жыццёвага і мастацкага вопыту. У ёй вылучаюцца цэнтр і перыферыя. Цэнтр аксіясферы – гэта сукупнасць найбольш значных з пункту гледжання творцы якасцей, што вызначаюць вартасці твора і аўтара, перыферыя – сукупнасць якасцей так званага другога і трэцяга парадку. Праўда жыцця, глыбіня яго спасціжэння, значнасць мастацкіх абагульненняў, майстэрства ўвасаблення мастацкай думкі, арыгінальнасць складалі ядро мастацкай аксіясферы Уладзіміра Караткевіча. Надзённасць, публіцыстычнасць, акцэнтаваная эксперыментальнасць, як сведчыць літаратурная спадчына пісьменніка, знаходзіліся на перыферыі яго мастацкай аксіясферы.

ЛІТАРАТУРА

1. **Бахтин, М. М.** Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Москва : Искусство, 1979. – 480 с.

2. **Караткевіч, У.** Збор твораў : у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 1987–1991. – Т. 1 : Вершы, паэмы. – 1987. – 431 с.

3. **Караткевіч, У.** Збор твораў : у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 1987–1991. – Т. 8, кн. 1 : П'есы. Нарыс. – 1990. – 591 с.

4. **Караткевіч, У.** Збор твораў : у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 1987–1991. – Т. 8, кн. 2 : З жыццяпісу. Нарысы. Эсэ. Публіцыстыка. Постаці. Крытыка. Інтэрв'ю. Летапіс жыцця і творчасці. – 1991. – 495 с.

5. **Чыквін, Я.** Ідэя. Вобраз. Інтэрпрэтацыя / Ян Чыквін. – Беласток : Белавежа, 2014. – 168 с.

Бут-Гусаім С.Ф. *(г. Брэст)*

ВОБРАЗНА-ВЫЯЎЛЕНЧАЯ РОЛЯ АНТРАПОНІМАЎ У КАНТЭКСЦЕ МАСТАЦКІХ ТВОРАЎ АЛЕСЯ АСІПЕНКІ

Творы ўраджэнца Віцебшчыны Алеся Асіпенкі – яскравы і таленавіты летапіс нядаўняй беларускай гісторыі. Для раманаў і аповесцей пісьменніка характэрны надзённасць праблематыкі і вастрыня пастаўленых сацыяльных пытанняў, якія спалучаюцца з добрым веданнем псіхалогіі і ўнутранага свету персанажаў, а таксама з уменнем перадаць тонкія нюансы людскіх адносін. Аналіз антрапанімікона рамана «Лабірынты страху», а таксама аповес-

цей «Цыркачка і маёр», «Клетка для берасцянак» і апавяданняў А. Асіпенкі паказаў, што пісьменнік умела выкарыстоўвае вобразна-выяўленчыя магчымасці асабовых імён, прозвішч, мянушак.

Антрапанімікон твораў Алеся Асіпенкі быў ахарактарызаваны намі з пункту гледжання такога крытэрыю, як ступень ***значымасці*** (інфарматыўнасці, сэнсавай актыўнасці).

Мінімальная ступень значымасці ў так званых ***нейтральных імён***, значэнне асновы якіх, іх этымалогія не нясуць інфармацыі пра асаблівасці характару персанажа, не выражаюць ацэнкі літаратурнага героя. Яны выконваюць выключна ***намінатыўна-ідэнтыфікуючую*** функцыю. Так, большасць асабовых імён персанажаў твораў Алеся Асіпенкі адносіцца да ліку нейтральных онімаў. Гэта словы ***Геранім, Пракоп, Улляна, Язэп, Серафім, Тэкля, Фруза, Аўдакім, Піліп, Васіліса*** і інш. Гэтыя лексемы запазычаныя з грэчаскай, лацінскай, старажытнаяўрэйскай і іншых моў. Такія онімы прыйшлі на Беларусь з прыняццем хрысціянства. Нейтральнае імя можа стаць характарыстычным для таго ці іншага чытача. Э. Магазанік адзначае: «Часам аўтар не імкнуўся надаць таму ці іншаму ўласнаму імені ні рэчыўнага, ні эмацыянальнага “сэнсу”, чытач жа “значэнне” ў імені бачыць. Але калі для такога чытацкага ўспрымання ёсць нейкія – няхай і слабыя – падставы, пры ўмове, што чытацкае “асэнсаванне” імені не пярэчыць сутнасці створанага вобраза, то з такім чытацкім “самавольствам можна згадзіцца”» [2, с. 51]. Напрыклад, адзін з герояў рамана А. Асіпенкі «Лабірынты страху» носіць, на першы погляд, нейтральнае імя ***Серафім***, якое паходзіць ад яўрэйскіх слоў «палымяны, гарачы, уладарны» [5, с. 31]. Імя адпавядае сутнасці носьбіта – чалавека, надзеленага ўладай. ***Серафім*** Недасейка займае высокую пасаду старшыні праўлення Саюза пісьменнікаў Беларусі. Гэта чалавек з гарачым сэрцам, чуллівай душой, неабыякавы да людзей. З дзяцінства Серафім задумваецца над вечным пытаннем прызначэння чалавека ў жыцці. Герой вымушаны рабіць цяжкі выбар паміж прывітымі маці і цёткай Дар’яй ідэаламі жыцця з Богам у душы і прапанаванымі айчымам Маркам Удоевым ідэямі класавай барацьбы. Пакутліва ўпісаўся ***Серафім*** у непрымальную ўдоеўскую мараль. Дасягнуўшы кар’ерных вяршынь, ***Серафім*** Недасейка не страціў чалавечых якасцей, не ачарсцвеў. Сэрца і душа яго не вытрывалі нечалавечай нагрузкі, і пісьменнік памірае, пакінуўшы нашчадкам шчымлівапраўдзівы твор «Жніво пад чорным сонцам» пра лёс чалавека і пакалення, атручанага глабальнай хлуснёй і нечалавечым страхам.

Максімальнай ступенню семантычнай актыўнасці характарызуюцца ***прамагаваркія антрапонімы***. Гэтыя імёны маюць празрыстую семантыку, яны характарызуюць прама, непасрэдна, з’яўляючыся свайго роду ярлыкамі, якія прадвызначаюць характар успрымання і ацэнкі героя. В. Фанякова адзначае: «Гэтыя імёны падобныя да масак героя ці злачынцы ў сярэдневяковым тэатры, па якіх глядач адразу ведаў: хто перад ім» [4, с. 44]. Да ліку ***прама-***

гаваркіх антрапонімаў адносяцца найперш ***мянушкі***. Яны характарызуюцца найбольш яркай і празрыстай унутранай формай. Найперш, гэта празванні, якія характарызуюць знешняе аблічча персанажа. Яны нагадваюць партрэт, а дакладней карыкатуру на героя, у якой на першы план выносіцца самая кідкая рыса чалавека. Прэзентаваць знешнасць можна праз мянушку-метафару, пабудаваную на аснове падабенства персанажа з пэўным прадметам або жывой істотай, напрыклад: *«У іхняй кампаніі верхаводзіў Баранаў, якога за вочы звалі* ***Бараном****. Ён і праўда нагадваў* ***барана****: светлыя валасы віліся колцамі, сінія вочы заўсёды бессэнсоўна глядзелі як бы ў нікуды, а да ўсяго ён быў тупы, але меў сілу і падтрымку Хана»* [1, с. 308]; *«Ігар нахабна смяяўся, ягоны шырокі твар нагадваў піражок, памазаны яечным жаўтком. “А ты* ***Піражок****, во!” – крыкнуў Серафім і шыбануў па вінтавой лесвіцы ўніз»* [1, с. 309]. Самую кідкую рысу знешнасці *«залатушнага белабрысага падлетка»* [1, с. 309] Яшкі акрэслівае яго мянушка ***Альбінос***, а дзюбаносага Вальку можна намаляваць праз яркую рысу яго аблічча, занатаваную ў мянушцы ***Лыч***. Камплекцыю падлетка абмалёўвае характарыстычнае празванне ***Бык***. Згаданыя мянушкі належаць героям рамана «Лабірынты страху». Знешнасць персанажа апавядання «Школьная фатаграфія», чысцюлі і пухлячка Федзі, перадае мянушка ***Пончык***.

Ускоснагаваркія імёны пазбаўлены зададзенасці і прасталінейнасці прамагаваркіх онімаў. Антрапонімы гэтага тыпу маюць «зацемненую» ўнутраную форму, для высвятлення якой патрэбны кантэкст, часам асэнсаванне зместу ўсяго твора. Э.Б. Магазанік адзначаў: «Такія імёны – не шыльда, якая загадзя тлумачыць чытачу тое, з кім ён мае справу, а акампанемент, які гучыць толькі для чулага вуха. Спасцігнуўшы падтэкст такога прозвішча, расшыфраваўшы тайныя знакі аўтарскай характарыстыкі героя, мы ўзбагацім сваё ўспрыманне мастацкага твора» [2, с. 30].

Прозвішча галоўных персанажаў аповесці «Клетка для берасцянак» нясе важную сэнсавую нагрузку. Паэтонім ***Церпілоўскія*** можна назваць прадказальнікам лёсу герояў – прадстаўнікоў шляхетнага роду. Кожны з ***Церпілоўскіх*** перажывае нялёгкія, часам трагічныя выпрабаванні ў жыцці. Старэйшы прадстаўнік сям’і, святар, быў рэпрэсаваны і загінуў. Перажыў ён і асабістую, сямейную трагедыю. Сын яго, Канстанцін, захапіўшыся ідэямі ваяўнічага матэрыялізму, адмовіўся ад шляху служэння Богу і стаў урачом. На долю Канстанціна выпалі цяжкія выпрабаванні ў часы Вялікай Айчыннай вайны. Годна вытрываўшы іх, герой перажывае здраду найбліжэйшага члена сям’і, зяця Карпа Хіжняка, па даносе якога ***Церпілоўскі*** трапляе ў турму. Унук Канстанціна Вячаслававіча вырашыў вярнуцца на шлях, накрэслены продкамі-святарамі, стаўшы служыцелем царквы. Бацька-камуніст адракаецца ад сына, і па змесце твора мы можам здагадацца, што айца Уладзіміра, які стаў бацюшкам у савецкай дзяржаве, чакаюць нялёгкія выпрабаванні. Характарыстычнае прозвішча ***Церпілоўскія*** – свайго роду прадказанне тра-

гічнага лёсу не толькі адной сям'і, але і цэлага пакалення, абпаленага рэвалюцыяй, калектывізацыяй, вайной.

Трагічны лёс творча адорных асоб, якія не могуць жыць, як усе, перадае гаваркое прозвішча персанажаў апавядання «Лаўрэат мясцовага конкурсу» ***Адзінец***. Кантэкст спрыяе раскрыццю ўнутранай формы паэтоніма: *«Мікалая* ***Адзінца*** *зусім за чалавека не лічылі. Ён быў не тое што дурнаваты, але дужа дзіўны. Усё нечага шукаў, бадзяючыся па свеце, але навучыўся толькі аднаму – добра іграць на скрыпцы»* [1, с. 408]. Пагардліва, здзекліва ставіліся вяскоўцы і да дачкі Мікалая Ганны: *«Які ж гэта чалавек, што толькі і ўмее іграць на скрыпцы ды цымбалах»* [1, с. 409]. Вяскоўцы і нават муж, які кахаў Ганну, так і не паверылі, што яна ў часы вайны служыла немцам па заданні партызан. Адзінота, адасобленасць гераіні ад людзей падкрэсліваецца як у наступных аўтарскіх заўвагах: *«Ганна так і жыве.* ***Адна****, як* ***ваўчыца»*** [1, с. 409], так і ў словах самой Ганны: *«Усё даўно перабалела. Я адна,* ***ваўчыца****, а не чалавек»* [1, с. 409].

Да ўскоснагаваркіх онімаў адносіцца прозвішча аднаго з галоўных персанажаў аповесці «Цыркачка і маёр» – ***Зяблік***. Матывацыя кантэкстам дазваляе вызначыць унутраную форму характарыстычнага найменння. Маёр-франтавік ***Зяблік*** марыў аб прыгожым пасляваенным жыцці. Смелы і рашучы на вайне, сем разоў ардэнаносец, Зяблік аказаўся непрыстасаваным да мірнага жыцця, да скрытай подласці, прыхаванай пад абліччам прыстойнасці. Ён так і не не здолеў пабудаваць сямейнага гнязда: жонка ***Зябліка*** становіцца каханкай Цанавы, а сын трапляе ў дзіцячы дом. Сам ***Зяблік*** на доўгія дванаццаць гадоў апынуўся ў лагеры. Характар і лёс слабага безабароннага чалавека, які не змог знайсці чалавечай цеплыні ў жыцці, пабудаваць свайго гнязда-прытулку, перадае гаваркое прозвішча ***Зяблік***.

У аснове прозвішча ***Кротаў***, якое маюць героі рамана «Лабірынты страху», ляжыць назва жывёлы, што жыве пад зямлёй і ўпотай прыносіць шкоду чалавеку. У народнай свядомасці захавалася ўяўленне пра тое, што крот – жывёла, якая адарвалася ад Бога і служыць нячысціку. Героі рамана – Панкрацій і Глеб ***Кротавы*** – бесчалавечныя, бязлітасныя вінцікі карнай савецкай сістэмы, для якіх *«турэмны наглядчык – работа плёвая, а зарплата добрая, паёк, абмудзірванне, дзве пары парцянак»* [1, с. 326]. Паводле ***Кротавых***, *«усе людзі дзеляцца на тых, хто сядзіць, і на тых, хто іх вартуе»* [1, с. 326]. Дзеля таго, каб палепшыць жыллёвыя ўмовы і пераехаць з падвальных памяшканняў камунальнай кватэры ў пакоі на верхніх паверхах, Кротаў-старэйшы піша данос на суседзяў па кватэры. Ахвярамі Кротава-малодшага становяцца сябры і іх сем'і. Такім чынам, прозвішча цалкам адпавядае асобам сваіх носьбітаў, выяўляючы сутнасць герояў.

Прозвішча галоўнага героя рамана «Лабірынты страху» Серафіма ***Недасейкі*** суадносіцца са значэннем словазлучэння '*не дасеяць*' *(не завяршыць сяўбу)*. Герой рамана, таленавіты, адораны чалавек, творца, так і не здолеў

выканаць свайго пісьменніцкага і чалавечага абавязку. ***Недасейка*** губляе на дарогах вайны каханую жанчыну – першую жонку Любу, а ў час пахавання Сталіна і сына-першынца Лёніка, які, адарваўшыся ад сям'і, становіцца паэтам ***Грышам Няпомняшчым.*** Адораны пісьменнік, *«жывучы пад каўпаком прыгнётлівага страху»* [1, с. 328], ***Недасейка*** на працягу ўсяго жыцця далучаўся да ўсеагульнай хлусні пра шчаслівае жыццё ў савецкай краіне, дзе нібыта не было крывавых рэпрэсій і трагічных наступстваў Чарнобыльскай катастрофы. Шукаючы на працягу ўсяго жыцця выйсця з лабірынтаў страху, творца ўрэшце прыходзіць да апошняга і самага трагічнага рамана *«Жніво пад чорным сонцам»*, які так і застаецца незакончаным і ненадрукаваным. Невядомымі чытачам застаюцца творы адкрытага ***Недасейкам*** таленавітага пісьменніка Алега Максімава. Вярнуўшыся ў канцы жыцця да неўміручых маральных запаведзей, герой твора памірае, так і не вырашыўшы канчаткова пастаўленых перад самім сабой маральных і мастацкіх задач.

Ужыванне ***імён-рэмінісцэнцый*** заснавана на «перанясенні пэўных рыс асобы, названай іменем-арыгіналам, на іншы персанаж, у адносінах да якога наўмысна выкарыстоўваецца імя вобраза-"першакрыніцы"» [3, с. 11]. У найменні аднаго з найвышэйшых партыйных дзеячаў Беларусі, героя рамана «Лабірынты страху» ***Мікіты Леанідавіча***, невыпадкова спалучаюцца імёны самых вядомых савецкіх кіраўнікоў – ***Леаніда*** Брэжнева і ***Мікіты*** Хрушчова. ***Мікіта Леанідавіч*** з'яўляецца прадаўжальнікам традыцый савецкай партыйнай эліты, замоўчваючы страшныя наступствы Чарнобыльскай катастрофы. Працягваюцца ***Мікітам Леанідавічам*** найгоршыя савецкія традыцыі і ў адносінах да творцаў: *«**Мікіта Леанідавіч** зацята не любіць творчую інтэлігенцыю, пагарджае ёю, абзываючы нядобрымі словамі. Ён амаль нічога не чытаў. Калі і ведаў пэўныя творы, дык толькі па падрыхтаваных памочнікамі даведках, у якіх пераказваўся змест і даваліся рэкамендацыі, на што трэба звярнуць увагу – пахваліць ці, наадварот, пакрытыкаваць нейкія мясціны*» [1, с. 330].

Паэтонімы-вобразы ілюструюць магчымасць развіцця ў імёнах рэальных гістарычных асоб і персанажаў літаратурных твораў ***пераносных (метафарычных) значэнняў***. У аснове антрапанімічнай метафары – спрадвечнае імкненне творцы да супастаўлення з мэтай больш дакладнай фармулёўкі сэнсу. А. Асіпенка трапна выражае характарыстыку персанажа, параўнаўшы яго з вядомым гістарычным дзеячам або літаратурным героем, якія сталі ўвасабленнем пэўных чалавечых якасцей. Так, Карпа Хіжняка, які дзеля кар'еры і камфорту ва ўласным жыцці даносіць на цесця і сам удзельнічае ў ягоным арышце, можна прадставіць праз супастаўленне з ***Брутам*** – адным з паплечнікаў Цэзара, які быў актыўным удзельнікам змовы супраць палкаводца: *«"І ты, **Брут**, прыйшоў з імі!" – Канстанцін Вячаслававіч насмешліва паглядзеў на Карпа»* [1, с. 206]. А героя апавядання «Лаўрэат мясцовага конкурсу», першага ў вёсцы лётчыка Андрэя, характарызуюць праз параўнан-

не са славутым савецкім лётчыкам: *«Пасля аднаго выпадку Андрэй стаў нашым дзежынскім* ***Чкалавым****. Было гэта ў дзень яго самастойнага вылету на самалёце. Андрэй паявіўся над Дзежынам і перад здзіўленымі аднавяскоўцамі выкруціў усе фігуры вышэйшага пілатажу»* [1, с. 420].

Антрапонімы з'яўляюцца неад'емнай часткай мастацкіх твораў Алеся Асіпенкі. Паэтонімы ствараюць запамінальныя мастацкія вобразы і перадаюць каштоўную інфармацыю пра гісторыю Беларусі XX ст.

ЛІТАРАТУРА

1. **Асіпенка, А. Х.** Лабірынты страху : раман, аповесці, апавяданні / А. Х. Асіпенка. – Мінск : Маст. літ., 1992. – 447 с.

2. **Магазаник, Э. Б.** Ономапоэтика, или «говорящие имена» в литературе / Э. Б. Магазаник. – Ташкент : Фан, 1978. – 148 с.

3. **Петрачкова, И. М.** Значимость имени собственного в художественном тексте (на материале современной русской прозы) : автореф. дис. … канд. филолог. наук : 10.02.02 / И. М. Петрачкова ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2003. – 21 с.

4. **Фонякова, О. И.** Имя собственное в художественном тексте / О. И. Фонякова. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1990. – 104 с.

5. **Чыж, А.** Беларускі іменьнік / А. Чыж. – Гомель : Collegium sarmacum, 1998. – 60 с.

Вакар Л.У. *(г. Віцебск)*

ТРАДЫЦЫЙНЫЯ ВОБРАЗЫ І ТЭХНАЛОГІЯ ВЫРАБУ ГЛІНЯНЫХ НАРОДНЫХ ЦАЦАК АРШАНСКАГА ПАДНЯПРОЎЯ І ВІЦЕБСКАГА ПАДЗВІННЯ

Традыцыйная керамічная цацка Аршанскага Падняпроўя і Віцебскага Падзвіння з'яўляецца старажытным відам народнай культуры, які звязаны з міфалагічнымі ўяўленнямі крывічоў, засяляўшых вярхоўе р. Днепр і Заходняя Дзвіна. Па тэрыторыі праходзіў гандлёвы шлях «з вараг у грэкі». У познія часы праз дадзены рэгіён праходзілі водныя транзітныя шляхі, з сярэдзіны XIX ст. – чыгуначныя дарогі, што абумовіла сувязь з гарадамі Расіі і Балтыі, блізасць традыцыйных форм і вобразаў керамічных цацак, а таксама рапаўсюджванне па-за межамі лакальных цэнтраў.

У гарадах і мястэчках керамічная вытворчасць дасягнула росквіту ў XVI–XVII стст. і паспяхова развівалася да пачатку XX ст., на вёсцы ганчарнае рамяство і выраб глінянай цацкі было найбольш распаўсюджана ў другой палове XIX – першай палове XX ст. [6; 8; 9]. У старажытныя часы свісцёлкі і бразготкі мелі рытуальнае значэнне: гукам і свістам выклікалі вецер і дождж, адганялі злых духаў. Найбольш сцісла яны былі звязаны з вясновы-

мі святамі, якімі пачыналіся земляробчыя рытуалы і праца [1]. У гарадской культуры гліняная цацка мае характар рамеснага прадукту, дзіцячай забавы, звязана з культурай гарадскіх кірмашоў і народнай смехавай культурай. У XIX ст. гарадская і мяшчанская цацка папаўняецца вобразамі-тыпамі гарадскога мяшчанства.

У гісторыка-культурнай спадчыне рэгіёна керамічная цацка адыгрывае значную ролю, бо выступае сродкам захавання культурнай памяці, гісторыка-культурнай ідэнтычнасці і сродкам выхавання дзяцей. Як і раней, гліняныя цацкі паспяхова выкарыстоўваюцца ў правядзенні каляндарных абрадаў веснавога – летняга цыклаў, а таксама для гульнёвых забаў і развіцця крэатыўных здольнасцей дзяцей. Традыцыйная гліняная цацка сінтэзуе ў сабе вобраз краю і яго гісторыю, з'яўляецца адметным сувенірам і спрыяе развіццю экскурсійна-турыстычнай справы [2; 3]. Традыцыйная гліняная цацка ў сацыяльна-культурнай прасторы выконвае комплекс універсальных функцый: выхаваўчую, камунікатыўную, пазнавальную, псіхатэрапеўтычную – якія ёсць ва ўсёй культурнай практыцы і таксама ўласцівы для яе. Апроч таго, гліняная цацка выконвае спецыяльныя функцыі: гульнёвая функцыя звязана з рытуальна-сімвалічнай і гульнёвай практыкай, кумулятыўная – з фальклорна-рамесніцкай і музейна-калекцыйнай, этнадыферэнцыруючая функцыя прысутнічае пры міжэтнічным узаемадзеянні.

Рашэннем Беларускай рэспубліканскай навукова-метадычнай рады па пытаннях гісторыка-культурнай спадчыны пры Міністэрстве культуры Рэспублікі Беларусь ад 14.10.2020 (№ 04-01-02/8) элементу «Традыцыйныя вобразы і тэхналогія вырабу гліняных народных цацак Аршанскага Падняпроўя і Віцебскага Падзвіння» быў нададзены статус гісторыка-культурнай каштоўнасці.

Захавалася 16 тыпаў (вобразаў) традыцыйнай дубровенскай цацкі. Найбольш архаічнымі з'яўляюцца гетэраморфная свістулька птушкі (існуюць тры варыянты: птушка/гусь, птушка/певень; птушка/конь – спалучэнне галавы птушкі і тулава каня. Цацка «вершнік» мае чатыры варыянты архаічнай формы: вершнік на кані; вершнік у выглядзе абагуленай цыліндрычнай постаці на кані, вершнік на птушцы і вершнік на птушцы/кані. Свістулькі: «конік», «баран», «карова», «сабака», «жаўранак», «качка», «салавей» таксама маюць абагуленыя лаканічныя формы і належаць да вясковай традыцыі. Антрапаморфныя цацкі «баба з дзіцяці», «дзед з унукам», «лялька» («дубровенка»), «лялька з немаўляці», «гарманіст», «хлопец», «гаспадар з птушкай» і сюжэтная цацка «пара» (кавалер і пані) не маюць свісткоў. Яны адносяцца да позняга этапу развіцця дробнай народнай пластыкі местачковага характару мяжы XIX–XX стст. Сваёй лакальнай назвай гэтыя цацкі абавязаны майстру Ганне Стэфаўне Марачовай (1887–1976), якая данесла да нас традыцыйныя вобразы і тэхналогію вырабу [7; 8]. Адраджэннем Дубровенскай цацкі займаюцца майстры Л.Ф. Чэрвінская, В.С. Аляксеева [2].

Аршанская цацка (7 вобразаў) адноўлена паводле археалагічных артэфактаў: фрагмента цацкі/гаршчэчка «салавей» (раскоп XIII ст.), фрагментаў цацкі «конь/птушка», конь – фрагмент «вершніка», «баранчык», а таксама паводле этнаграфічных цацак канца XIX – пачатку XX ст.: «козлік», «дзяўчына ў шляпе» з в. Берасценава Аршанскага раёна. Цацка «вершнік на птушцы» адноўлена паводле цацкі Н.А. Камінскай з в. Дрыбін, якая знаходзіцца недалёка ад Аршанскага раёна. Пошукам і рэканструкцыяй традыцыйнай глінянай цацкі займаецца Т.У. Шынкарова [2].

Бабінавіцкія цацкі (9 вобразаў), якія вырабляюцца на Лёзненшчыне, дэманструюць найбольш познія ўзоры развіцця ганчарнай традыцыі, якая трымалася да 1980-х гг. Вылучае бабінавіцкі паліваны посуд і цацкі ангобны роспіс, які рабіўся з дапамогай каровінага рога з дзіркай на канцы. Ганчарны посуд і цацкі М.Ю. Арэхава (1928–1982) і М.М. Траяноўскага (1927–1990) [8; 9] атрымалі прызнанне на рэспубліканскіх і ўсесаюзных выставах народнай творчасці. Асабліва папулярнымі былі графіны, бочачкі-барылкі з мядзведзямі ў якасці пластычнага дэкору. Арына Рыжкова (1893–1945) ляпіла зааморфную свістульку: конікаў, птушак, свісцёлак са змеямі і птушкамі, гаршчочкі «салаўі», якія напаўняліся вадой і імітавалі птушыныя гукі. М.Ю. Арэхаў і М.М. Траяноўскі надалі традыцыйнай свістульцы «вершнік» новую вобразнасць – пачалі ляпіць вайскоўцаў у пілотках, цыганоў і партызан з аўтаматамі за плячыма. Бабінавіцкія свістулькі адрозніваюцца наіўнарэалістычным характарам вобраза, аднак формы засталіся традыцыйнымі: гэта вершнікі, птушкі на адной ножцы або без апоры, сычы з апорай на дзве нагі і хвост-свісток, свісцёлкі з вужамі, мядзведзямі, птушкамі. Усе згаданыя формы аднавіла і працягвае вырабляць І.А. Варона.

Да традыцыйных вобразаў сенненскай цацкі адносяцца сем свістулек: конік (два варыянты з апорай тулава на тры і чатыры кропкі), баран, сабака, парсюк, жаўранак і паўлін. Сенненскія цацкі адрозніваюцца сваім архаічным выглядам, лаканічным выразным сілуэтам і спосабам загладжвання паверхні свістулек палатніком (тканінай) пасля яе лепкі. Жаўранак вылучаецца сціплай каронай-грабеньчыкам на галаве, паўлін мае каронку на галавае і крыху большую карону – хвост на тулаве. Арыгінальным з'яўляецца архаічны вобраз коніка на трох апорах тулава, а таксама вобраз свінкі са свістком у лычыку. Дадзеныя вобразы ўласцівы для старажытнай сялянскай глінянай цацкі, звязаны з земляробчымі культамі славян. Сваёй мясцовай назвай гэтыя цацкі абавязаны апошняму носьбіту традыцыі, майстру Г.П. Глухараву (1932–1990) [2; 3], які нарадзіўся, жыў і працаваў у в. Папоўка Сенненскага раёна. Усе сем вобразаў зараз прысутнічаюць у асартыменце вырабаў У.І. Квашко [2].

Узоры адноўленых гліняных цацак (6 вобразаў) Бешанковіцкага раёна адпавядаюць археалагічнай цаццы сярэдзіны XVI ст. і этнаграфічным цацкам, якія былі шырока распаўсюджаны ў другой палове XIX – першай пало-

ве XX ст. [5]. У параўнанні са свістулькамі ішых рэгіёнаў яны вылучаюцца сваім ангобным дэкорам у выглядзе кропак і маленькіх плям, нанесеных метадам распырскванне альбо выбельваннем асобных дэталей. Унікальная антрапаморфная свісцёлка-бразготка з берага р. Заходняя Дзвіна аг. Ула Бешанковіцкага раёна датуецца сярэдзінай XVI ст. [2]. У Віцебскім абласным краязнаўчым музеі захоўваецца фрагмент падобнай цацкі XVII ст. – пяць традыцыйных цацак: «вершнік» і зааморфныя свісцёлкі канца XIX – пачатку XX ст. («баранчык», «конік», «конік з сядлом», «вершнік») знойдзены на сядзібах ганчароў у Бешанковічах. Гэтыя формы рэканструявала і шырока практыкуе кераміст А.І. Аўчыннікава [2]. На іх аснове зроблены стылізаваныя цацкі, якія пашыраюць тэматыку адпаведна літаратурным апісанням і ўспамінам старажылаў Бешанковіцкага раёна.

Пяць віцебскіх цацак (антрапаморфная цацка, вершнік, сабака, конь з сядлом, качка – XVII ст.) адноўлены паводле археалагічных артэфактаў, знойдзеных падчас раскопаў Ніжняга замка (арх. Т. Бубенька) і раёна Задунаўя (арх. В. Ляўко). Сярод іх унікальная цацка, якая атрымала ўмоўную назву «малец» (мясцовая гаворка). Яна адметна лаканічнай пластыкай сваёй постаці, абрысы якой набліжаны да формы пентаграмы. Паказальнай з'яўляецца свістулька «конь з сядлом», які апіраецца на дзве пярэднія нагі, а тулава пераходзіць у свісток. Свістулька «вершнік» адноўлена паводле знойдзенага артэфакта ў 2018 г. на беразе р. Вымнянка ў г. п. Янавічы Віцебскага раёна. Тут ганчарнае рамяство існавала да 1940–1950-х гг., калі яшчэ працавала вядомая ганчарная дынастыя майстроў Разважных. Усе вытворчыя працэсы – ад нарыхтоўкі сыравіны да абпалу посуду – засноўваліся на сямейнай працы. Аднаўленнем віцебскіх традыцыйных цацак займаецца А.Л. Сарбаш [2].

Полацкія цацкі (8 вобразаў) таксама адноўлены паводле музейных артэфактаў і археалагічных знаходак. Агульная колькасць знаходак – 93 адзінкі [4]. Усе яны выяўлены на тэрыторыі Полацка: у цэнтральнай частцы горада, у Запалоцці і Задзвінні, тэрыторыі былога езуіцкага калегіума. Найбольш яркімі вобразамі з'яўляюцца свістулькі «конік» у двух варыянтах: са спаранымі пярэднімі нагамі і на расстаўленых нагах з выцягнутай дугой шыяй. Рэдкім узорам народнай смехавай культуры з'яўляецца цацка «камедыянт». Колькасць знаходак увесь час павялічваецца. Калекцыю адноўленых цацак складаюць: «вершнік», «камедыянт», «баранчык», «конік», «конік з сядлом», «качка», «салавей», свісцёлка-дудачка з птушкай. Характэрнай асаблівасцю полацкіх цацак з'яўляецца ангобны роспіс, які мае канструктыўна-дэкаратыўны характар. Рэканструкцыяй полацкай цацкі займаецца К.У. Зяленская.

Выраб глінянай свістулькі ажыццяўляецца праз ручную лепку. Працэс лепкі свістулькі традыцыйна робіцца «на палец» альбо «на палачку». Таксама ўжываецца больш позні і шырока распаўсюджаны ў сучаснай практыцы спосаб лепкі «пельмень». Традыцыйная свістулька робіцца з аднаго кавалка гліны, з якога выцягваюцца дробныя дэталі вобраза. Практыкуец-

ца і прылеп дадатковых дэталей, у вершніку – гэта само тулава вершніка. В.С. Аляксеева робіць цацку «вершнік» з аднаго кавалка гліны, гэта забяспечвае большую трываласць свістульцы. Найбольш значным этапам лепкі з'яўляецца выраб свістка. Ён складаецца з трох элементаў: паветранай камеры, паветранага канала (па якім выдуваюць паветра) і язычка.

Спосаб лепкі «на палачцы». Спачатку з аднаго кавалка гліны выцягваецца ўся форма і дэталі цацкі. Паветраная камера (унутраная пустэча) атрымліваецца ўціскананнем ў зроблену форму палачкі. Для прабівання паветранага канала і фармавання язычка выкарыстоўваюць плоскія авальныя або паўавальныя палачкі (стэкі). Нажом роўненька адразаецца канец і палачкай кап'явіднай формы пратыкаецца хвост некалькі разоў зверху ўніз так, што яна амаль выходзіць вонкі пад брушкам жывёлы. Гэта будучы канал паветранага патоку. Потым пальцам намацваецца ў гліне край стэкі і тут жа другой палачкай-стэкай перпендыкулярна насустрэч робіцца адтуліна ў паветранай камеры.

Спосаб лепкі «на пальцы». З цэлага кавалка пластычнай гліны лепіцца вакол вялікага пальца пустацелая загатоўка, метадам выцягвання фармуюцца суцэльныя ножкі, потым цалкам уся постаць, выключаючы дробныя дэталі. Раўнамерная таўшчыня сценак фігуркі дае больш якасны гук і вялікую гарантыю ад парэпання пры наступнай сушцы і абпале. Потым зробленае тулава здымаецца з пальца, адкрытая камера праз закатванне і загладжванне фармуецца ў свісток. На наступным этапе спецыяльным мыслікам прабіваецца паветраны канал прамавугольнага сячэння, які неабходны для ўдування ў свістульку паветра. Далей на шляху паветранага патоку фармуецца востры выступ. Ён уяўляе сабой пласцінку таўшчынёй 2,5–3 мм з завостраным тарцом. Па памерах яна павінна быць большая за адтуліну. Далей неабходна дамагчыся максімальна якаснага гучання. Патрэбна замацаваць разак-выступ пасярэдзіне паветранага патоку, які падзяляе на паловы струмень паветра, і свістулька пачынае спяваць. Каб мелодыя пералівалася рознымі гукамі, з бакоў фігуркі робяць адтуліны круглымі палачкамі з лазы і пры свісце папераменна закрываюць іх пальцамі.

Спосаб лепкі «пельмень». Кавалак гліны расцягваецца ў тонкую аладку, краі якой абмазваюцца шлікерам, спалучаюцца ў форму «пельменя» і загладжваюцца. Фармуецца тулава звера альбо птушкі. Да яго прылепліваюцца неабходныя дэталі формы, з якіх выцягваюцца меншыя, усе разам загладжваюцца. Далей робіцца свісток.

Адметныя рысы кожнага рамеснага цэнтра вызначаюцца якасцю мясцовай гліны, тэхнікай абпалу, культурна-гістарычнымі і мастацка-стылёвымі традыцыямі рэгіёна. Гліняная цацка Аршанскага Падняпроўя і Віцебскага Падзвіння, як і іншыя цацкі Беларусі, у параўнанні з цацкамі суседніх народаў вылучаецца сваёй архаікай, дамінаваннем пластычнага пачатку над дэкаратыўна-жывапісным [8; 9]. Выразная пластыка і лаканічны сілуэт пад-

крэслівае сціслую сувязь глінянай цацкі з ганчарствам, надае ёй манументальнасць. Захоўваюцца тэхналогіі вырабу тэракотавай, абварной, задымленай і паліванай керамічнай пластыкі. Размалёўка ангобам прысутнічае ў Бабінавіцкай, Бешанковіцкай, Лёзненскай і Полацкай свістульках, колеравая афарбоўка гуашшу па белым фоне адноўлена ў Дуброўне.

Можна вызначыць падабенства архаічнай Дубровінскай і Аршанскай цацкі з цацкамі суседніх гарадоў Магілёўскай і Смаленскай абласцей (Дзямідаў, Хіславічы, Дрыбін). Арыгінальная форма птушкі з каронай на галаве Сенненскага раёна мае паралель са смаленскай птушкай і раманаўскай цацкай Ліпецкай вобласці Расіі, якая ўзнікла ў XVII ст. і, верагодна, у выніку міграцыі насельніцтва з Беларусі. Аднак у смаленскай і раманаўскай птушак прысутнічае толькі вобраз «жаўранка» (птушка з каронай, але без раскрытага хваста-кароны), адсутнічае вобраз «паўліна» (птушка з каронай і раскрытым хвастом-каронай).

Цацкі местачкова-гарадской традыцыі Дуброўна і Бешанковіч суадносяцца з цацкамі ў Ракаве, дзе прысутнічаюць вобразы «пара», «паненка», «вершніца», «кавалер», «музыка». Узмацненне дэкаратывізму цацак, пашырэнне іх вобразнага зместу ў другой палове XIX – першай палове XX ст. адпавядае агульнай тэндэнцыі развіцця глінянай цацкі еўрапейскіх народаў. У гэты час выраб цацак набывае характар самастойнага промыслу, разлічанага на продаж у буйных гарадах, дзе быў попыт на яркія і забаўляльныя вобразы.

Унікальнымі формамі падняпроўска-падзвінскай керамічнай пластыкі з'яўляюцца антрапаморфныя цацкі «волат/асілак», «малец» і «скамарох», якія адноўлены паводле археалагічных знаходак. Падобных форм нідзе не выяўлена.

На асэнсаванне значнасці і аднаўленне лакальнай своеасаблівасці гліняных народных цацак Аршанскага Падняпроўя і Віцебскага Падзвіння скіравана дзейнасць устаноў культуры дадзенага рэгіёна, што мела вынік у рашэнні Беларускай рэспубліканскай навукова-метадычнай рады па пытаннях гісторыка-культурнай спадчыны пры Міністэрстве культуры Рэспублікі Беларусь па наданні дадзенаму элементу статусу гісторыка-культурнай каштоўнасці.

ЛІТАРАТУРА

1. **Басько, В. І.** Вясновыя звычаі і абрады / В. І. Басько, Т. Б. Варфаламеева // Традыцыйная мастацкая культура беларусаў. У 6 т. Т. 2. Віцебскае Падзвінне / Т. Б. Варфаламеева [і інш.] ; склад. Т. Б. Варфаламеева. – Мінск : Бел. навука, 2004. – С. 81–83.

2. «**Забава**: народныя цацка і лялька Віцебшчыны» / уклад., аўт. тэксту Людміла Вакар. – Мінск : БудМедыаПраект, 2018. – С. 8–41.

3. **Каталог** І абласной выставы керамікі «Ганчарны круг – 89». Віцебскі абласны метадычны цэнтр народнай творчасці. Віцебскі абласны навукова-метадычны цэнтр народнай творчасці. – Віцебск, 1989. – 27 с.

4. **Каталог** калекцыі керамічных цацак з археалагічнага збору НПГКМЗ / склад. Н. Г. Лунгіна. – Полацк : НПГКМЗ, 2007. – 101 с.

5. **Крачкоўскі, А. В.** З гісторыі развіцця народных промыслаў і рамёстваў у Бешанковіцкім раёне / Народная культура Віцебшчыны: вывучэнне. захаванне, папулярызацыя : матэрыялы навук.-практ. канф., прысвечанай 165-годдзю М. Нікіфароўскага, Віцебск, 21 мая 2010 г. / ДУ «Віцебскі абласны метадычны цэнтр народнай творчасці» ; рэдкал.: Л. Вакар [і інш.]. – Мінск : Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2012. – С. 66–67.

6. **Милюченков С. А.** Белорусское народное гончарство / С. А. Милюченков. – Минск : Наука и техника, 1982. – С. 133.

7. **Ржавуцкі, М.** Беларуская гліняная цацка / Міхась Ржавуцкі. – Мінск : Полымя, 1991. – С. 31.

8. **Сахута, Я. М.** Беларуская народная гліняная цацка / Я. М. Сахута. – Мінск : Полымя, 1982. – С. 14.

9. **Сахута, Я. М.** Беларуская народная кераміка / Я. М. Сахута. – Мінск : Полымя, 1987. – С. 106.

Гладкова Г.А. *(г. Віцебск)*

ПОЛАЦКАЯ ГІСТОРЫЯ XVI ст. У ПРОЗЕ ЯНА КАНТРЫМОВІЧА-АГІНСКАГА

Мастацкая літаратура – своеасаблівае люстэрка гісторыі народа. Трансляцыя гістарычных фактаў праз мастацкі вобраз дазваляе пісьменніку асэнсаваць падзеі з улікам каштоўнасных арыенціраў нацыі, эстэтычных катэгорый, запатрабаванняў пэўнай эпохі. Мастацкі тэкст можа лічыцца крыніцай гістарычнай інфармацыі, гэта слушна падкрэсліў А.Р. Балербух, сцвярджаючы, што *«сейчас можно считать доказанным тезис о том, что художественная литература имеет определенное значение для исторической науки как своеобразный источник, в котором отразились такие грани реальной действительности, которые не могли быть зафиксированными в источниках других типов»* [1, с. 9]. Безумоўна, мастацкі тэкст суб'ектыўны, ён не заўсёды адпавядае строгаму крытэрыю праўдзівасці, аднак каштоўнасць мастацкага твора як гістарычнай крыніцы заключана, у першую чаргу, у здольнасці адлюстраваць ментальнасць нацыі, спрыяць рэканструкцыі пэўных тыпаў паводзін чалавека ў розных гістарычных абставінах, перадаць агульную атмасферу палітычнага і культурнага жыцця краіны.

Раман польскага пісьменніка другой паловы XIX – пачатку XX ст. Яна Кантрымовіча-Агінскага «Полацк» з'яўляецца другой часткай гістарычнай трылогіі «У промнях славы». У цэнтры падзей – вайна Рэчы Паспалітай з Масковіяй і, у прыватнасці, аблога Полацка і штурм горада войскам С. Баторыя ў 1579 г.

Адзначым, што ўзяццю Полацка, праслаўленню новага караля і вялікага князя С. Баторыя (а таксама яго падначаленых) былі прысвечаны мастацкія творы, напісаныя адразу пасля славутай падзеі: маецца на ўвазе лацінамоўная паэма Базеля Гіяцынта, выдадзеная ў Падуі ў 1580 г., і «Песні» Яна Каханоўскага, надрукаваныя ў тым жа годзе ў Варшаве [4; 5]. Дапаўняе шэраг мастацкіх тэкстаў, у якіх асэнсоўваецца штурм Полацка, згаданы раман Я. Кантрымовіча-Агінскага.

Як паведамляе пісьменнік, здабыць Полацк, які ўжо некалькі гадоў быў далучаны да Масквы, для С. Баторыя было справай гонару. Падзеі пачынаюцца з апісання нялёгкага шляху войскаў караля Рэчы Паспалітай праз Вільню на Полацк. Я. Кантрымовіч-Агінскі перадаў агульны настрой кіраўніка федэрацыі адносна Літвы выразам *«tajemnicza kraina – kraina ciemna jak jej puszcze – surowa i niezgiкbiona w swoich zagajnikach, jak charaktery jej mieszkaccyw»* («таямнічая краіна – краіна цёмная, як яе пушчы – суровая і нязведаная ў сваіх пералесках, як характары яе жыхароў»), які дэманструе не толькі невядомасць усходніх тэрыторый Баторыю, але і нявызначанасць будучыні, далейшага лёсу ваеннай кампаніі [3, с. 25].

У мастацкім творы адчуваецца сімпатыя аўтара да герояў-палякаў, што разумеецца як праява суб'ектыўнага бачання падзей і дапаўняе шэраг імагалагічных даследаванняў па праблеме «свой-чужы» ў мастацкай інтэрпрэтацыі пісьменніка. Так, польская шляхта дэманструе гарачы патрыятычны настрой, ахвяруе грошы на ваенныя справы, нават звычайны жаўнер Ян Вонсік прывозіць з сабой грошы на вайсковыя патрэбы. Кантрастам да такіх з'яў выступае прагнасць маскавітаў атрымаць грошы на ваеннай службе (подкуп Рыгорам Осцікам двух маскалёў для замаху на жыццё Баторыя). У сувязі з гэтым адзначым, што пры стварэнні вобразаў захопнікаў Я. Кантрымовіч-Агінскі выкарыстаў традыцыйны прыём гаваркіх прозвішчаў, якія нясуць адмоўную канатацыю (напрыклад, Сцерваедаў, Сукін).

Ідэалізацыя С. Баторыя праяўляецца праз знешняе апісанне героя (стрыманасць у адзенні, выдатную зброю), паважную манеру гаварыць, выказаныя меркаванні (незадаволенасць багатым выглядам ваяроў, справядлівыя рашэнні).

Пісьменнік дэталёва апісаў склад войска Рэчы Паспалітай, пералічыў не толькі польскія роды, літвінскія дынастыі, але таксама назваў запарожскіх казакоў, саюзнікаў з Курляндыі і Семігаліі. Супольная дзейнасць прадстаўнікоў розных народнасцей паказана згуртаванай, падкрэслена роля венгерскай артылерыі падчас штурму горада.

Пры падыходзе да Полацка стала вядома, што Іван Жахлівы загадаў спаліць Запалоцце. Пісьменнік з пазіцыі сучасніка XIX ст. даў каментарый гэтай падзеі, заўважыўшы, што такі спосаб абароны характэрны для рускіх, дастаткова прыгадаць пажар Масквы 1812 г., калі Напалеон вымушаны быў пакінуць спалены горад.

Адзначым, што сціслае апісанне замкаў Полацка пададзена згодна з гісторыяграфічнымі выкладамі Рэйнгальда Гейдэнштэйна, на што ўказвае выкарыстанне пісьменнікам услед за польскім гісторыкам недакладных назваў умацаванняў Полацка (так, Верхні замак названы Сярэднім, што разыходзіцца з гістарычным фактам).

Параўнальны аналіз дазволіў сцвердзіць, што менавіта «Запіскі пра Маскоўскую вайну» Р. Гейдэнштэйна сталі асновай для мастацкага пераўтварэння гістарычных падзей. Пры гэтым пісьменнік дакладна перадаў з дапамогай мастацкага ўвасаблення дыслакацыю польскага войска, характар штурму, апісаў паводзіны гістарычных асоб у вызначальны гістарычны момант.

Мастацкі тэкст рамана дазваляе сцвярджаць, што С. Баторый паказаны не толькі як прадбачлівы палітык, вызваліцель захопленага горада, але і як міласэрны хрысціянін, які клапоціцца пра пахаванне закатаваных расійскай уладай палякаў, называе варварствам спаленне Запалоцця, даруе права выбару палонным падданым маскоўскага цара Івана вярнуцца ў Масковію ці застацца ў Рэчы Паспалітай.

Неаднаразова ў рамане падкрэслена справядліваць штурму з боку польскага войска, яна агучана С. Баторыем: *«Nie przyszediem tu zdobywaж cudzej wiaњpoњsi [...] ale [...] szediem uczyniж sprawiedliwoњж, ukaraж zuchwaioњж despoty i odebraж to, co zostaio wydarte Rzeczypospolitej»* («Я не прыйшоў сюды здабыць чужую ўласнасць […], але […] ішоў вярнуць справядлівасць, пакараць нахабнасць дэспата і ўзяць тое, што было адабрана ў Рэчы Паспалітай») [3, с. 99].

Вядома, што мастацкі твор валодае большай ступенню эмацыянальнасці ў адрозненне ад іншых крыніц. Я. Кантрымовіч-Агінскі надаў значную ўвагу апісанню Полацка, пакінутага ворагам: калісьці багаты горад быў спустошаны, завалены трупамі знявечаных палонных, асабліва немцаў і палякаў, аслепленых, з садранай скурай, абвараных кіпенем, з адрэзанымі часткамі цела.

Завяршае раман аповед пра справы Баторыя ў Полацку пасля вызвалення. Па-першае, падкрэслена рэлігійная талерантнасць караля: праваслаўнаму духавенству былі пакінуты ўсе цэрквы, пабудаваныя ў горадзе за час знаходжання пад уладай Масковіі. Па-другое, езуітам вызначана тэрыторыя для пабудовы касцёла і заснавання акадэміі. Па-трэцяе, Баторый вярнуў пасаду полацкага ваяводы Станіславу Давойне, як тое было да захопу горада Іванам IV.

Згодна з «Запіскамі…» Гейдэнштэйна Кантрымовіч-Агінскі паведаміў пра велізарныя кніжныя каштоўнасці Полацка: старажытныя славянскія хронікі, пераклады з Мяфодзія і Канстанціна, пісьмёны грэчаскіх аўтараў на старых пергаментах, працу Дыянісія Арыяпагіта пра іерархію нябесную і касцёльную (відавочна, маецца на ўвазе трактат «Пра нябесную іерархію»

з захаванага «Corpus Areopagiticum»). Кароль даў распараджэнне перавезці гэтыя каштоўнасці ў Кракаў.

Наступнай згаданай у рамане падзеяй стала ўзяцце крэпасці Сокал. Апісанне сціслае, аднак на гэты раз паказана жорсткасць пераможцаў да ворагаў. Думаецца, пісьменнік імкнуўся захаваць максімальную адпаведнасць фактам, стварыць уяўленне праўдападобнасці, паказаць, што вайна не бывае літасцівай да яе ўдзельнікаў.

Данінай былому рыцарству выглядае прапанова С. Баторыя Івану IV вырашыць вайну двубоем, аднак адказу рускага цара не было. Пасля полацкай кампаніі кароль Рэчы Паспалітай накіраваўся ў Варшаву, аўтар сімвалічна зазначыў, што на спакутаваную зямлю «ляглі снягі», што можа быць успрынята як своеасаблівае ачышчэнне, пачатак новага этапу, абнаўленне і суцяшэнне для полацкіх зямель пасля крывавага ваеннага жніва.

Падзеі 30 жніўня 1579 г., якія мелі вынікам вызваленне Полацка з-пад улады маскоўскага цара Івана паказалі значны ваенны патэнцыял Рэчы Паспалітай, які ўдала выкарыстаў С. Баторый. У хуткім часе прыйдзе да завяршэння вызваленне ўсіх беларускіх зямель Вялікага Княства Літоўскага.

У сувязі з гэтай перамогай польскай зброі Я. Замойскі адзначыў, што Іван IV цяпер быў пазбаўлены славы ўсіх мінулых перамог: *«Мы одержали столь славную победу над неприятелем, которого все страшились вследствие высокого мнения о его могуществе и о его воинской доблести, о его победах над другими народами [...] неприятель не только побежден, но лишен Полоцка, который будет служить вечным памятником этой победы, лишен славы своих прежних побед; все его трофеи [...] с него сняты этой победою»* [2, с. 87–88].

Рэканструкцыя і мастацкае асэнсаванне мінулага, адлюстраванае ў рамане Я. Кантрымовіча-Агінскага, мае шэраг асаблівасцей, сярод якіх вылучым апору пісьменніка на польскія гісторыяграфічныя крыніцы, у прыватнасці, на выклад падзей XVI ст. Р. Гейдэнштэйнам, суб'ектыўнасць апісанняў паводзін «сваіх» (палякаў) і «чужых» (маскавітаў), мастацкую апрацоўку эмацыянальна значных эпізодаў ваенных падзей, ідэалізацыю вобраза караля і вялікага князя С. Баторыя, гістарычных асоб, прыбліжаных да яго.

Кампазіцыйнай адметнасцю кнігі стала перапляценне дзвюх сюжэтных ліній: адна ўяўляе выклад гісторыі сумна вядомага Рыгора Осціка, які пакінуў у гісторыі след авантурыста і злодзея, другая – непасрэдны аповед пра паход польскага войска на Полацк, страчаны ў 1563 г., з мэтай вярнуць горад пад уладу Вялікага Княства Літоўскага.

Раман выдатна перадае атмасферу XVI ст., пісьменнік імкнецца да дакладнасці ў апісанні зброі і адзення, абставін паходу, вайсковага быту. Кніга можа быць карыснай у якасці дадатковай крыніцы інфармацыі адносна польска-маскоўскай вайны XVI ст. і ўзяцця Полацка войскам Баторыя.

ЛІТАРАТУРА

1. **Болербух, А. Г.** Художественная литература в историческом аспекте / А. Г. Болербух // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны / рэдкал.: С. М. Ходзін (адказ. рэд.)[і інш.]. – Мінск : БДУ, 2005. – Вып. 2. – С. 8–17.

2. **Гейденштейн, Р.** Записки о Московской войне (1578–1582). Издание археографической комиссии ; пер. с латинского / Р. Гейденштейн. – Санкт-Петербург : Типография министерства внутренних дел, 1889. – 309 с.

3. **Kontrymowicz-Ogicski, J.** W promieniach siawy: powieњж historyczna z XVI wieku : w 3 t. / J. Kontrymowicz-Ogicski. – Chicago, 1909. – T. 2 : Poiock. – 111 s.

4. **Panegyricus** in Exidivm Polocense atq[ue] in memorabilem Victoriam Stefani invictissimi Poloniarum Regis magniq[ue] Ducis Lituaniae ex potentissimo Moschorum Principe III. Cal. Septemb. MDLXXIX. Reportatam. – Padwa, 1580.

5. **Piesni** trzy Jana Kochanowskiego. – Warszawa : Druk. M. Szarfenbergera, 1580.

Лаўрык Т.А. *(г. Мінск)*

МАСТАЦКАЕ ЎВАСАБЛЕННЕ ВОБРАЗА ЛЬВА САПЕГІ Ў РАМАНЕ ЛЕАНІДА ДАЙНЕКІ «ПРА ЛІСОЎЧЫКА, ЗЛОГА ХЛОПЧЫКА»

Леў Сапега (1557–1633) – дзяржаўны дзеяч, канцлер і гетман Вялікага Княства Літоўскага, віленскі ваявода, адзін са стваральнікаў «Статута Вялікага Княства Літоўскага» (1588), які нарадзіўся 4 красавіка 1557 г. у мястэчку Астроўна Віцебскага павета.

Жыццёвы шлях, дзяржаўная і палітычная дзейнасць канцлера шырока прадстаўлены ў працах даследчыкаў гісторыі Вялікага Княства Літоўскага. У Лепелі і Слоніме памяць пра Льва Сапегу ўвекавечана ў помніках. З 1586 г. ён быў прызначаны старастам Слоніма, што вельмі паўплывала на станаўленне горада. Пры канцлеры ў Слоніме пачалі ладзіцца соймікі Вялікага Княства Літоўскага, у хуткім часе горад набыў свой герб, зацверджаны каралём Жыгімонтам Вазам у 1591 г., які ўтрымліваў рысы герба Сапегаў «Ліс» (страла з падвойным крыжам). Пры Сапегу ў горадзе было адноўлена магдэбургскае права.

У 1995 г. Белпоштай была надрукавана адмысловая марка, прысвечаная Льву Сапегу, а ў 2010 г. Нацыянальным банкам Беларусі выпушчана памятная манета «Леў Сапега» (дызайн – С. Заскевіч (Беларусь)). Ушаноўваецца памяць Сапегі ў назвах вуліц, пляцаў, але ў першую чаргу мы яго згадваем у сувязі з выхадам 3-га Статута Вялікага Княства Літоўскага (1588).

Разам з тым вобраз канцлера недастаткова прадстаўлены ў працах літаратараў. Упершыню да яго адлюстравання звярнуўся Гальяш Пельгрымоўскі, вядомы дзяржаўны дзеяч, дыпламат і пісьменнік, што ўваходзіў ў склад

дэлегацыі Вялікага Княства Літоўскага пад кіраўніцтвам Льва Сапегі, якая вяла перамовы з прадстаўнікамі Маскоўскай дзяржавы ў 1600–1601 гг. Уражанні ад гэтай паездкі паслужылі асновай да стварэння «Пасольства Льва Сапегі да вялікага князя маскоўскага» (1603). У творы аўтарам паказана хада дыпламатычнай місіі. У заключнай гутарцы вялікага князя Барыса Гадунова з Львом Сапегам адлюстраваны іх адносіны:

Князь да Канцлера цёплай любасцю праняўся
(Сябраваў з ім калісьці, таварышыў, знаўся):
«Можа, помніш, мой дружа, як служыў я пану
Швагру Фёдару? Быў ты, сябра мой каханы,
Сэрцам цэлым любіў я, Леў, цябе душою;
І цяпер справы пойдуць сцежкаю старою» [3, с. 513].

Пачынальнік жанру раманаў у польскай літаратуры Юзаф Крашэўскі звярнуўся да падзей 1599–1600 гг. беларускай гісторыі ў аповесці «Апошняя са слуцкіх князёў» (2009; перакл. на беларус. мову), дзе пададзены вобраз канцлера Льва Сапегі – міратворцы, чалавека скупога на пачуцці, якога паважалі і пабойваліся магнаты [2, с. 201, 202]. У нямецкага паэта Фрыдрыха Шылера ў нясканчанай драме «Дзмітрый» (1805) Л. Сапега прадстаўлены як мудры і разважлівы палітык, сапраўдны інтэлектуал сваёй эпохі [6, с. 58].

У XXI ст. да асобы канцлера звярнуўся аўтар гістарычнай прозы Леанід Дайнека, яго вобраз адлюстраваны ў рамане «Пра лісоўчыка, злога хлопчыка» (2010). Твор падзелены на дзве часткі, якія звязаны прыгодамі галоўных герояў. Першая яго частка паказвае пачатак XXI ст., час сусветнага фінансавага крызісу, які закрануў і Беларусь. Згадка пісьменнікам перамогі Аляксандра Рыбака на Еўрабачанні ў 2009 г. паказвае, што падзеі адбываюцца ў пачатку XXI ст. У другой частцы героі фантастычным чынам пераносяцца ў Смутныя часы (пачатак XVII ст.), а менавіта ў час авантур Лжэдзмітрыя I і Лжэдзімітрыя II. Змены ў Маскоўскай дзяржаве ўплывалі на знешнюю палітыку Вялікага Княства Літоўскага: пачаліся войны, спачатку са Швецыяй, потым войскі ліцвінаў падтрымалі паход Лжэдзімітрыя II на Маскву з мэтай атрымання пасады.

Для адлюстравання перыяду праўлення Жыгімонта Вазы III вобраз Льва Сапегі ў рамане займае выключна важнае значэнне. Л. Дайнека апісвае асобныя рысы знешнасці канцлера: «Леў Сапега падцягнуты і хударлявы, з вострымі вусамі пад даўгаватым пародзістым носам, з лысінай, што выскубла з галавы валоссе, адкрыўшы высокі прыгожы лоб. <…> Чэпкі канцлераў позірк далёка не ўсе маглі вытрымаць» [1, № 2, с. 44]. Яны даюць магчымасць скласці ўражанне пра героя і стаўленне да яго іншых.

Пісьменнік стварае сваё бачанне фарміравання ідэалаў маладога Льва, таму звяртаецца да яго дзіцячых гадоў. Адно здарэнне ў дзяцінстве вельмі яго ўразіла: ліс трапіў у сіло, але не захацеў памерці ў палоне, перагрыз сваю лапу і вызваліўся. «Я буду мудрым і хітрым, як ліс. <…> Колькі буду жыць,

буду адстойваць сваю волю, чаго б гэта ні каштавала» [1, № 2, с. 43], – вырашыў Леў Сапега яшчэ ў зялёным малалецтве. Такім чынам, пісьменнік спрабуе правесці аналогіі з гэтым выпадкам і гербам «Ліс», якім карыстаўся род Сапегаў з часоў Гарадзельскай уніі 1413 г. У рамане назва герба ўплывала на станаўленне характару канцлера.

Леў Сапега з'яўляецца адным са стваральнікаў 3-га Статута Вялікага Княства Літоўскага (1588), некаторыя палажэнні якога ўваходзілі ў супярэчнасць з пэўнымі соймавымі пастановамі Рэчы Паспалітай і з'яўляліся пунктамі сутыкнення паміж Каралеўствам Польскім і Вялікім Княствам Літоўскім. Ён добра разумеў небяспеку перавагі ў Рэчы Паспалітай Польшчы, вымушаны быў лічыцца з такім становішчам. У Статуце абмяжоўваліся многія правы польскай шляхты, што захавала тэрыторыю Вялікага Княства Літоўскага ад іх наплыву, у адрозненне ад Украіны, якая ўваходзіла ў склад Польшчы з 1569 г. [4, с. 6].

Яскрава пра становішча дзяржавы ў XVII ст. адзначана ў рамане Л. Дайнекі, дзе Сапега такім чынам яго тлумачыць: «Мы пастаянна мяняем свае веры і мовы. <…> Таму што пасяліў нас Пан Бог паміж ляхам і маскалём. І мы, наш народ як бы разрываемся паміж імі. <…> Вось чаму ў віленскай друкарні Мамонічаў я фінансаваў і распарадзіўся надрукаваць Статут Вялікага Княства Літоўскага нашай прыроднай мовай, каб паказаць усім і кожнаму, хто мы ёсць на гэтай зямлі» [1, № 2, с. 68]. У пісьме Льва Сапегі да Крыштофа Радзівіла ад 15 ліпеня 1588 г. Сапега пісаў: «Статут новы загадаў ужо друкаваць па-руску; хацеў бы яго выдаць і па-польску, аднак калі б прыйшлося de verbo ad verbum яго перакладаць паводле рускіх слоў і сэнтэнцый, выйшла б вельмі «niegryecynie», а інакш ня сьмею» [5, с. 12]. «Руская» мова Літоўскіх Статутаў – мова ўсходняй часткі насельніцтва Вялікага Княства Літоўскага, беларуская пісьмовая мова старажытнага перыяду, тэрмін «беларуская» мова стаў пашырацца толькі ў XVII ст. Сапега патрабаваў абавязковага выкарыстання роднай мовы ва ўсіх земскіх урадах дзяржавы, што падкрэслівала яго жаданне захаваць родную мову, а выкарыстанне ва ўсіх службовых дакументах замацоўвала становішча ў якасці дзяржаўнай мовы.

Канцлер – барацьбіт за незалежнасць Вялікага Княства Літоўскага ў складзе Рэчы Паспалітай, які дбаў пра палітычнае і эканамічнае ўмацаванне дзяржавы, што пацвярджаецца ў рамане Л. Дайнекі, дзе Сапега прамаўляе: «Да зямнога скону свайго я – найміт маёй дарагой Айчыны, Вялікага Княства Літоўскага. Я яму служу і буду служыць у меру сіл маіх» [1, № 2, с. 45].

Пісьменнік падкрэсліў патрыятызм і любоў да радзімы Льва Сапегі: «Канцлер Вялікага Княства Літоўскага з сямейных паданняў ведаў, што Сапегі, гэтак жа сама, як Радзівілы, як Пацы, паходзяць ад самога рымскага сенатара Палямона, які, ратуючыся ці то ад Нерона, ці ад крыважэрных бязлітасных гунаў, прыплыў некалі ў гэты край і стварыў між лясоў і азёраў но-

вую дзяржаву. І мэтаю свайго жыцця малады Леў Сапега зрабіў вернае служэнне гэтай дзяржаве, захаванне і ўмацаванне яе, гарманічнае і ўсебаковае развіццё законаў, па якіх яна павінна развівацца» [1, № 2, с. 43]. Безумоўна, тут сувязь «Пра лісоўчыка, злога хлопчыка» з папярэднім творам – «Назаві сына Канстанцінам», дзе пісьменнік расказвае пра стварэнне Ордэна Святога Палемона і яго дзейнасць з мэтай барацьбы за незалежнасць Вялікага Княства Літоўскага.

У рамане адлюстравана палітычная дзейнасць Льва Сапегі. У 1584 г. пасольства ў Маскву воляю Стэфана Баторыя ўзначальваў малады Леў Сапега. Тады ён упершыню пабачыў новага маскоўскага цара, сына Івана Жахлівага – Фёдара Іванавіча. Было падпісана перамір'е з Маскоўскай дзяржавай, за ўдалую місію ён атрымаў пасаду падканцлера Вялікага Княства Літоўскага і Слонімскае староства ў пажыццёвае валоданне. У час яго аўдыенцыі склалася ўражанне пра маладога цара – «клёку ў ягонай галаве мала <…> ціхмяненькі і палахлівенькі» [1, № 2, с. 43]. Пасля місіі Леў Сапега рашуча паведаміў Стэфану Баторыю, што прыйшоў час скарыць ворага, далучыць да Рэчы Паспалітай Северскае і Смаленскае княствы, пакуль у Маскоўскай дзяржаве назіраўся заняпад і нязгода паміж знатнымі асобамі. Але яго не падтрымала ліцвінская шляхта, у першую чаргу Радзівілы. Тут неабходна падкрэсліць такія рысы характару Сапегі, як мудрасць і палітычную стратэгію, якая аднак не атрымала водгуку з боку караля.

Жыгімонт Ваза III пасля смерці бацькі ў 1593 г. пачаў дамагацца шведскай кароны, бо з'яўляўся сынам шведскага караля, у 1594 г. ён быў абраны каралём Рэчы Паспалітай. Падтрымкі ад іншых краін ён не атрымаў, да таго ж гэта прынесла Літве доўгую вайну са Швецыяй. Маскоўскай дзяржаве не ўдалося заключыць дамовы са Швецыяй, якая прэтэндавала і на гэтыя землі. У выніку пасля доўгіх перамоў у 1601 г. Льву Сапегу ўдалося рэалізаваць ідэю доўгатэрміновага міру на 20 гадоў.

Новы кароль Рэчы Паспалітай пачаў умешвацца ва ўнутраныя справы Маскоўскага царства, якое магло б дапамагчы яму ў антышведскай кааліцыі. Пасля раптоўнай смерці цара Барыса Гадунова ён падтрымаў царэвіча Дзмітрыя – сына Івана IV, які лічыўся забітым у 1591 г. Так пачаўся перыяд «самазванства» на Маскоўскіх землях, мірны дагавор быў парушаны. У гістарычных даследаваннях сустракаецца меркаванне, што Лжэдзмітрый з'явіўся дзякуючы Сапегу. Леанід Дайнека адвяргае гэту думку, што пацвярджаецца словамі Льва Сапегі ў рамане: «Я ўсё спадзяваўся на федэрацыю Польшчы, Літвы і Масквы, хацеў вечнага міру з Масковіяй. Але ж, як бачна сёння, маскавітам непатрэбна ні такая федэрацыя, ні мір. Яны скрозь і заўсёды хочуць быць галоўнымі, першымі, хоць не маюць ніякіх падстаў для гэтага» [1, № 2, с. 45–46]. Аднак самазванца падтрымалі кароль і вялікі князь Жыгімонт III Ваза, арцыбіскуп гнезненскі, шляхта на сойме ў Кракаве. Са слоў Сапегі, складваецца наступнае ўражанне пра царэвіча: распусціў казацкае войска,

каб спыніць рабункі; кіруе добра, але не на карысць ляхаў, бо не аддаў ім абяцаных зямель за падтрымку. Зыходзячы з гэтага, канцлер упэўнены, што гэта сапраўдны самазванец, бо ён зусім не падобны на яго бацьку – Івана Жахлівага, таму Сапега прадбачыць будучыя змены, якія яшчэ закрануць Маскоўскую дзяржаву.

Лжэдзмітрый I быў забіты, на маскоўскі пасад узышоў Васіль Шуйскі. Супраць яго кіравання пачаліся хваляванні ў народзе, што выкарыстала Рэч Паспалітая, якая мела на мэту пасадзіць на пасад Лжэдзімітрыя II. Пацвярджэнне гэтаму знаходзім у рамане: «І магнаты, і засцянковая шляхта, і Жыгімонт III Ваза, і Мікалай Крыштоф Радзівіл, і канцлер Леў Сапега былі адзінадушныя: нельга марудзіць, нельга каб умацаваўся, набраў сілу Васіль Шуйскі» [1, № 3, с. 19].

Леанід Дайнека ў рамане «Пра лісоўчыка, злога хлопчыка» адлюстраваў вобраз Льва Сапегі, звярнуўся да яго дзіцячых гадоў, спрабуючы перадаць уласнае бачанне фарміравання яго характару. Дзяржаўны дзеяч, канцлер Вялікага Княства Літоўскага, ён меў вялікую вагу і аказваў уплыў на знешнюю і ўнутраную палітыку Вялікага Княства Літоўскага, якое ў Смутныя часы (пачатак XVII ст.) знаходзілася ў складзе Рэчы Паспалітай. У гэтым вобразе пісьменнік паказаў патрыёта, барацьбіта за свабоду і незалежнасць Вялікага Княства Літоўскага.

ЛІТАРАТУРА

1. **Дайнека, Л.** Пра лісоўчыка, злога хлопчыка : раман / Л. Дайнека // Дзеяслоў. – 2010.– № 1.– С. 15–75 ; № 2. – С. 13–76 ; № 3. – С. 13–66.

2. **Крашэўскі, Ю.** Апошняя са слуцкіх князёў : гіст. аповесць / Ю. Крашэўскі // Кароль у Нясвіжы. 1784. Апошняя са слуцкіх князёў / Ю. Крашэўскі. – Мінск, 2009. – С. 135–328.

3. **Пельгрымоўскі, Г.** Пасольства Льва Сапегі да вялікага князя Маскоўскага / Г. Пельгрымоўскі // Анталогія даўняй беларускай літаратуры, XI – першая палова XVIII ст. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы ; [падрыхт.: А. І. Богдан і інш. ; навук. рэд. В. А. Чамярыцкі]. – Мінск, 2003. – С. 507–514.

4. **Тарас, А.** Леў Сапега / А. Тарас // Вялікі беларус Леў Сапега : зб. арт. / уклад. А. Тарас. – Мінск, 2017. – С. 3–19.

5. **Шкялёнак, М.** У трохсотныя ўгодкі смерці вялікага канцлера Льва Сапегі / М. Шкялёнак. – Вільня : [б. м.], 1933. – 30 с.

6. **Шылер, Ф.** Дзмітрый / Ф. Шылер // Спадчына. – 1995. – № 3. – С. 60–71.

Мишин П.И. *(г. Новополоцк)*

КОНЦЕПТ УДАЛЕНИЯ ОТ ЭТАЛОНА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО В НЕКОТОРЫХ ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О ДЕТЯХ И БЕРЕМЕННЫХ
(по материалам Н.Я. Никифоровского)

Для традиционной культуры характерно наделение предметов и явлений окружающего мира характеристиками, относящимися к сфере религиозно-мифологического (целебность, вредоносность, связь с потусторонним миром и т. п.). В данной работе, основываясь на этнографических материалах белорусского Подвинья, опубликованных в известном сборнике Н.Я. Никифоровского «Простонародные приметы и поверья…» [2], мы рассмотрим одну из таких характеристик. Речь пойдет о свойстве, приписываемом традиционным мировоззрением каждому объекту, которое можно назвать «удаленностью от эталона человеческого[1]».

С определенной долей уверенности можно сказать, что для носителя традиционной культуры эта характеристика объекта была одной из важнейших. Именно ее значение указывало на то, чего ждать от вещи, человека или явления, можно ли вообще воспользоваться ею (чем ближе к эталону человеческого, тем благоприятней будет результат взаимодействия и наоборот). Можно сказать, что все, что существует вокруг представителя традиционной культуры, он подвергает постоянной оценке и переоценке именно с этой точки зрения. Постоянной – потому что это свойство объекта, человека или явления не является статичным, его значение может меняться в зависимости от самых разных вещей – от собственно объекта, от времени суточного или годового цикла, от результатов направленных на него магических актов вследствие собственного поведения (для человека). Поскольку эта характеристика объекта указывает представителю традиционной культуры на то, как ему с этим объектом следует взаимодействовать и, до известной степени, предвосхищает результаты этого взаимодействия, она, безусловно, является для него чрезвычайно важной, актуальной.

Удаление, отступление объекта от эталона человеческого означает приближение к не-человеческому, к иному, к сфере мироздания исполненной таинственной силы, магии, населенной могущественными и опасными существами. Само отступление означает, что объект не соответствует в своем бытии представлениям людей о том, как он должен существовать. Для

[1] Под «эталоном человеческого» мы в данном случае понимаем имеющееся в каждой культуре представление о правильном, должном, соответствующем норме состоянии всех и всяких вещей и ходе всех событий. Содержание этого представления определяется господствующими в социуме идеями и концепциями. Фиксируется же оно в различных проявлениях общесоциального дискурса (мифы, фольклор).

предмета это может означать пребывание в несвойственном ему месте или качестве, для человека – совершение неподобающих поступков. В некоторых случаях достаточно и контакта с тем, что соотносится с потусторонним, иным, чужим.

Следствием сближения объекта с не-человеческим, контакта с иным, будет «открытость» данного объекта потусторонним силам. С одной стороны, это проявляется в наделенности магией (в формах сознательного колдовского воздействия или же воздействия неосознанного, вроде сглаза для человека; в форме магического свойства – для объекта). С другой же стороны, это означает повышенную уязвимость к магическому и потустороннему влиянию для всего и всякого, удаленного от эталона человеческого.

Материалы, собранные Н.Я. Никифоровским, представляют собой отличную иллюстрацию этих мировоззренческих установок. В них, среди прочего, мы обнаруживаем список людей, которые уязвимы перед вредоносным воздействием – сглазом («суроками»). В эту группу попадают следующие категории людей – дети и животные «у дяциным» возрасте, женщины, когда у них «ёсь ны бялизни, цижарни, дяциныхи», молодые люди выдающейся красоты, новобрачные и беспомощные старики [2, с. 33–34]. Отталкиваясь от изложенных выше соображений об эталоне «человеческого», можно констатировать, что все они удалились от него в силу своих отличий от нормы, от имеющихся представлений о том, каким должен быть человек. Представители всех этих групп обладают, таким образом, усиленной связью с иным миром. И представления о наличии этой связи проявляется в различных поверьях, относящихся к этим категориям людей. Рассмотрим в качестве примера те из них, которые связаны с образами будущей матери и ребенка.

Итак, для беременной женщины характерна достаточно высокая степень удаленности от эталона «человеческого» вследствие того, что ребенок, которого она вынашивает, приходит именно оттуда, из области потустороннего. На уровне верований это проявляется в представлении о том, что домашние животные становятся более ласковыми к беременной, дикие – не причиняют ей вреда, в том числе и волк, и медведь [2, с. 2]. Животные (даже домашние) принадлежат к области не-человеческого, поэтому изменившийся космологический статус беременной улучшает ее взаимодействие с представителями этой области мироздания, способствует установлению с ними более доверительных контактов.

В представлениях о сближении будущей матери с иным миром свои истоки имеет и поверье, согласно которому та вещь, которую беременная попросила в долг, попользоваться, должна быть отдана ей обязательно. В противном случае она потеряется, сломается, сгорит и т. п. [2, с. 5]. То есть беременная выступает здесь как «агент» иного мира: то, что она называет своим, должно перейти к ней. В противном случае, оно исчезнет из мира людей – сломается, потеряется и т. д. Некоторое подобие мы можем видеть

в текстах, согласно которым животное, обещанное в подарок молодым во время свадьбы, обязательно должно быть отдано, иначе его съедят волки [1, с. 75; 3, с. 214]. В данном случае переданное в дар молодым – а они во время свадебного ритуала некоторое время находятся вне пределов «человеческого» – также удаляется от эталона «человеческого» и, если не будет передано по назначению, будет потеряно для людей (находящихся в пределах человеческого).

В суточных и в годовых циклах выделяются динамические меняющиеся периоды, когда общее значение удаленности от эталона «человеческого» становится большим или меньшим. В рамках суток днем уровень «человеческого» становится выше, чем ночью (полдень и полночь составляют исключения, это время соединения двух половин суток, промежуточный, пограничный период, в пределах которого значение «человеческого» стремится к нулю). Это объясняет, почему для беременной устанавливаются ограничения на прием пищи – ей нельзя есть и пить ночью или слишком рано утром [2, с. 6]. Согласно представлениям, бытующим в традиционной культуре, вместе с принимаемой пищей можно поглотить и нечто, связанное с иным миром. Для обычных людей это опасно только в периоды времени, когда общий уровень «человеческого» снижается – праздники, посты. Для беременной, которая ввиду удаления от эталона «человеческого» уже имеет связь с потусторонним, это соображение актуально всегда.

Однако сближение с потусторонним для женщины, ожидающей ребенка, является сравнительно небольшим. Куда более ярко проявляются признаки удаленности от эталона «человеческого» у самого ребенка. В традиционной картине мира родившееся (то есть пришедшее в этот мир из мира потустороннего) дитя изначально принадлежит к области «не-человеческого». Только будучи проведенным через последовательность ритуалов (крещение является, пожалуй, самым важным из них) ребенок приобщается к эталону «человеческого», обретает свой статус одного из людей.

Именно исходя из представлений об удаленности некрещеного ребенка от эталона человеческого, то есть о его усиленной связи с потусторонним миром, можно объяснить ряд весьма интересных традиционных поверий Подвинья. Так, наши современные взгляды о «невинном младенце» оказываются прямо противоположными традиционным. По словам Н.Я. Никифоровского, «у некрещеного дитяти столько грехов, что их “уряд” повезти на одной лошади», а кумовья сознательно выбирают самую длинную дорогу и стараются “медлить”, плутать, делать лишние объезды, чтобы… растерять и растрясти побольше детских грехов» [2, с. 21]. Поскольку всякий грех есть отступление от эталона человеческого, то ребенка, следовательно, можно назвать переполненным грехами, абсолютным грешником.

Сам процесс крещения является церковным ритуалом, поэтому традиционная магия вмешаться в него не может. Однако «перед крещением ребенка

заворачивают (не одевают! – *Прим. авт.*) в рубаху, в рукава которой кладут хлеб и соль» [2, с. 18]. Одеть ребенка в рубаху нельзя, поскольку одежда – это атрибут человека, которым, как было указано выше, ребенок пока не является. О таком запрете упоминает Н.Я. Никифоровский [2, с. 14]. Вместе с тем перед ритуалом приобщения можно и нужно окружить его предметами с высоким уровнем «человеческого», свойственного только людям: одежда, хлеб и соль. Это однозначно промаркирует ребенка как будущего человека и будет способствовать успеху ритуала.

В отличие от взглядов собственно церкви, крещение не рассматривалось носителями традиционной культуры как событие-триггер, однозначно меняющий статус окрещенного. Для них это было скорее воздействие, обладающее определенной силой, определенным уровнем. Именно этот аспект ритуала и старались усилить, разместив рядом с ребенком символы, связанные с эталоном человеческого (хлеб, соль). В контексте этих представлений становится понятным и логичным следующее верование, приведенное Н.Я. Никифоровским: «То дитя не получило полного и надлежащего креста, под которым пристала (то есть устала. – *Прим. авт.*) лошадь. Такие дети делаются впоследствии, по большей части, чаровниками» [2, с. 21]. То есть представители традиционной культуры вполне логично предполагали, что в некоторых случаях силы ритуала крещения могло не хватить, и на ребенке оставались грехи. В тексте, рассмотренном нами выше, говорилось, что у некрещеного их так много, что его вряд ли может увезти одна лошадь. Соответственно, если конь, который везет назад уже крещенного ребенка устает, это значит – грехов на нем было так много, что крещение не справилось с ними. Ребенок не был полностью приведен к эталону «человеческого», у него осталась связь с потусторонним миром. А это, ввиду озвученных выше причин, означает, что перед нами будущий колдун.

Также связь некрещеного ребенка с потусторонним миром делает его особенно уязвимым для воздействий нечистой силы – до крещения, после него опасность резко падает. Как сообщает Н.Я. Никифоровский, нечистик не может подступиться к крещеному ребенку [2, с. 24]. Но до крещения опасность очень велика – поэтому ребенка везут крестить, путая следы и всячески скрываясь [2, с. 21]. Поскольку в традиционной культуре церковное крещение является лишь частью ритуала, который завершается уже дома, ребенка из церкви следует везти с максимальной скоростью [2, с. 21].

Таким образом, традиционной культуре свойственны представления о выделении в пространстве области «своего», «человеческого» и «чужого», «иного». Эти представления соотносились не только с пространственными локусами как таковыми, но и с отдельными вещами, животными, людьми. Всякий объект наделялся специфической мифологической характеристикой, которую можно назвать «удаленностью от эталона человеческого». Она показывала, насколько животное, вещь или человек соответствовали в своем

бытии представлениям людей о том, каким **должно** быть их бытие. Всякое отклонение от заданной представлениями нормы, от созданного культурой эталона означало наличие связи с «иным», «чужим», «потусторонним», тем более сильной, чем сильнее было это отклонение. В приведенных нами примерах показано, как эта закономерность проявлялась в представлениях и ритуальных действиях в отношении беременных женщин и новорожденных младенцев, обладавших очевидной для представителей традиционной культуры связью с иным миром, и, следовательно, в определенной степени удаленных от эталона «человеческого».

ЛИТЕРАТУРА

1. **Крачковский, Ю.** Быт западно-русского селянина / Ю. Крачковский. – Москва : Издание императорского общества истории и Древностей Росссийских при Московском университете, 1874. – 212 с.

2. **Никифоровский, М. Е.** Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Собраны в Витебской губернии / М. Е. Никифоровский. – Витебск, 1897. – 336 с.

3. **Фальклор** у запісах Яна Чачота і братоў Тышкевічаў / НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мінск : Беларуская навука, 1997. – 342 с.

Мішына В.І. *(г. Полацк)*

ПРАЦОЎНАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ І МАРАЛЬНА-ЭТЫЧНАЕ ВЫХАВАННЕ Ў СІСТЭМЕ НАРОДНАЙ ПЕДАГОГІКІ ВІЦЕБСКАГА ПАДЗВІННЯ[1]

Народная педагогіка беларусаў уяўляе сабой разгалінаваную сістэму сродкаў і метадаў выхавання, якая «з'явілася і развілася як вынік неабходнасці перадаваць ад пакалення да пакалення пэўныя працоўныя веды, умельствы і навыкі, а таксама правілы і нормы грамадскіх паводзін, без якіх была б немагчыма жыццядзейнасць чалавека» [1, с. 5].

Даследчыкі народнай педагогікі адзначаюць, што адным з самых старажытных і эфектыўных сродкаў выхавання была праца. Улічваючы, што вытворчая дзейнасць традыцыйнай сям'і з'яўлялася асноўным спосабам яе існавання, ранняе далучэнне падрастаючага пакалення да працы было жыццёвай неабходнасцю.

Фактычна з першых гадоў жыцця дзіця атрымлівала магчымасць назіраць за працоўнымі працэсамі, а затым пакрысе далучацца да іх. Асноўным

[1] Работа падрыхтавана ў межах праекта БРФФД-РФФД «Субкультура детства в дискурсе устной истории, языке и фольклоре Витебско-Псковского пограничья XX – начала XXI века», дамова № Г20Р-095.

і найбольш арганічным сродкам фарміравання працоўных навыкаў было навучанне на прыкладзе бацькоў ці старэйшых членаў сям'і [1, с. 24]. Далучэнне дзяцей да працы, па сведчаннях этнографаў XIX ст., пачыналася досыць рана. З 4–5 гадоў дзецям даручалі выконваць пэўныя працоўныя дзеянні, а па меры сталення яны асвойвалі ўсё больш складаныя працоўныя аперацыі. Вельмі паказальным у гэтым плане з'яўляецца сведчанне М.В. Доўнар-Запольскага: «Дзеці з ранніх год выконваюць тыя ці іншыя гаспадарчыя абавязкі, і чым сям'я меней, тым раней сялянскі падлетак знаёміцца з суровай працай. З 5 год дзіця няньчыць сваіх маленькіх братоў і сясцёр, з 7–8 яно ўжо пастух, ідзе за возам і пад, з 12 год для хлопчыка пачынаюцца першыя практыкаванні ў земляробстве: ён зграбае сена, барануе, з 15 год бярэцца за цэп, касу, а яшчэ гады праз 2 і за саху, так што да 20 год ён ужо хлебароб, што прайшоў усе акадэмічныя курсы сялянскай гаспадаркі. Дзяўчына да 16–17 год ведае жаночыя работы» [2, с. 17]. Пры гэтым у перыяд існавання прыгоннага права дзеці былі задзейнічаны ў выкананні павіннасцей і іншых формах феадальнай рэнты: «На малалетак ускладаўся прыгонны збор ягад, грыбоў, арэхаў, дзікіх яблыкаў, жалудоў; яны пасвілі птушку, цялят; дралі лыкі, лазу, пер'е, воўну, а пры палявым, лугавым і кустарным паляванні служылі загоншчыкамі зайцоў, цецерукоў, перапёлак і бакасаў» [3, с. 113–114]. Падлеткі задзейнічаліся таксама ў найме, як правіла, у якасці пастухоў: «на пастухоўскую службу наймаюцца дзеці абодвух палоў ад 10–15 год, прычым хлопчыкі служаць толькі пастухоўскія тэрміны (ад "Вялікыдня" да "Змітрыўкі"), у той час як дзяўчаты, асабліва падлеткі, бываюць і гадавымі… Зімоваю парою яны нясуць пасільна батрацкія абавязкі: прадуць, мыюць бялізну, дапамагаюць гатаваць ежу, носяць ваду, дровы, поюць жывёлу, даглядаюць дзяцей і інш.» [3, с. 87].

Палявыя матэрыялы сведчаць, што разнастайная працоўная дзейнасць дзяцей заставалася актуальнай і ў рэаліях першай паловы – сярэдзіны XX ст.: *«Ну а што вот дзеці робілі?* – І сена касілі, і бульбу садзілі, гэта ж цяпер прыехала сажалка, бульбу пасадзіла, а патом выкапала, а тады ж нада было плуг, ну і сабіралі. А малацілі, калхоз патом ужо нейкі камбаін быў, а первае врэмя ж жалі жыта, а снапы гэтыя білі, а то слалі ня які ток, ці доскі нейкія і цапамі білі»[2]; «І па хазяйству, і кароў даіла <…> сабірала, траву. <…> Парасёнка ж гадавалі, кажды раз. <…> Малочніку якого назбіраеш, макрыцы назбіраеш»[3]; «Ну, што магла, у гародзе палола, курэй пасвіла, курэй жа ўжо сваіх садзілі ўжо после, як з вайны сталі зажывацца, і да вайны, пакуль вайна была і карова, і куры былі і ахрап нада было збіраць ўсё»[4]. У Заход-

[2] Фальклорны архіў Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта (ФА ПДУ) : зап. Лобач У. А., Сумко А. В. у 2020 г. ад Тумчонак М. А., 1939 г. н., в. Празарокі Глыбоцкага раёна.

[3] ФА ПДУ : зап. Лобач У. А., Сумко А. В. у 2020 г. ад Жахоўскай Н. І., 1941 г. н., в. Парадні Міёрскага раёна.

[4] ФА ПДУ : зап. Лобач У. А., Сумко А. В. у 2020 г. ад Жаваранак К. С., 1931 г. н., в. Лажані Ушацкага раёна.

няй Беларусі ў 1920–1930-я гг. дзеці і моладзь выконвалі функцыі наёмных работнікаў: «Я за панскай Польшчай служыў, пашоў я служыць у трыццаць васьмым гаду. А я сам дваццаць васьмога. Мне было дзесяць гадоў. Дык пасціў я там тры каровы і там мусі стада была авец. Гараваць я ні гараваў. Лапці быстра наўчыўся сам сабе з ліпы робіць»[5]; «У парабкі ішла маладзёж, хто бяднейшы быў. Дзеўкі, бываець, у слугі шлі. Пан, у яго кароў многа ці свінней, ці гусей, глядзець нада было, выводзіць, дык ішлі дзяўчаты, бабы маладыя. А хлопцы ўжо ішлі на пасту кароў пасціць, і ўжо плацілі зярном»[6].

У пасляваенны час, як і ў наступныя дзесяцігоддзі, дзяцей і падлеткаў прыцягвалі і да работ у калгасе: «Зразу ў калхоз пайшла работаць. Закончыла чатыры класы і пайшла. – *А какую Вы работу выполняли?* – Обшчую. У брыгадзе былі. І касіць хадзіла, навучылася, і грабіць і грузіць сена»[7]; «А тады ужо сталі падрастаць, сталі канчаць 8 класаў. Іх застаўлялі работаць у калхозе, месяц хадзіць, гэта як закон быў»[8]; «Я сама да вайны паднімала, тады ж не было камбайнаў, а касілка такая косіць авёс, а мы, рабяты дашкольнага возраста, ходзім, падымаем гэты авёс, звязваем у кулі, у снапкі такія, і ставім. За гэта падзорную трубу далі нам. Раньшэ робілі, ой робілі <...> Малацілі, і жалі, і касілі. І не хочыцца, і плачыш, падымуць цябе, і пойдзеш робіць»[9].

Разам з тым змены ў матэрыяльна-тэхнічным забеспячэнні сялянскай гаспадаркі, спецыфіка вядзення асабістай гаспадаркі ва ўмовах калектывізацыі, паступова рабілі неактуальнымі некаторыя традыцыйныя віды гаспадарчай дзейнасці, што, у сваю чаргу, не садзейнічала перадачы адпаведных працоўных навыкаў: «Ну, прала мачыха. Я сама нічога не рабіла, малая пры Польшчы была. А як ужо бальшавікі прыйшлі, мне ўжо было 13 гадоў, я нічога не рабіла: ні прала, ні ткала. Мачыха ўсё рабіла»[10]; «Ну я як вам скажу, я як ужо бальшая была, дык мы тады не хадзілі жаць, ужо камбайн. А так як, проста пасля школы хадзіла, проста малаціць, мы падлеткамі хадзілі, летам работалі. А тады ўжо як я стала ўжо сама бальшая, ужо камбайны пачалі... я ні жала»[11].

---

[5] ФА ПДУ : зап. Мішына В. І., Мішын П. І. у 2008 г. ад Хаданёнка Г. П., 1928 г. н., в. Шышкі Шаркаўшчынскага раёна.

[6] ФА ПДУ : зап. студ. ПДУ Захарэвіч А. у 2010 г. ад Раслевіч Л. У., 1932 г. н., в. Стуканы Глыбоцкага раёна.

[7] ФА ПДУ : зап. Лобач У. А., Сумко А. В. у 2020 г. ад Жаваранак К. С., 1931 г. н., в. Лажані Ушацкага раёна.

[8] ФА ПДУ : зап. Лобач У. у 2002 г. ад Мачульскай Г. М., 1932 г. н., в. Фёдарава Полацкага раёна.

[9] ФА ПДУ : зап. студ. ПДУ Захарэвіч А. і Жолудзева П. у 2008 г. ад Матылёнак Н. І., 1925 г. н., в. Каханавічы Верхнядзвінскага раёна.

[10] ФА ПДУ : зап. студ. ПДУ Захарэвіч А. у 2010 г. ад Папковай В. Ф., 1927 г. н., в. Стуканы Глыбоцкага раёна.

[11] ФА ПДУ : зап. Мішына В. І. і Мішын П. І., Халадкова А. У. у 2007 г. ад Герцык Т. І., 1945 г. н., в. Губіна Лепельскага раёна.

Выхаваўчы патэнцыял працоўнай дзейнасці выдатна ўсведамляецца самімі інфармантамі, якія адзначаюць, што характэрнае для апошніх дзесяцігоддзяў змяншэнне ролі працы ў працэсе выхавання дзяцей мае негатыўныя наступствы для фарміравання асабістых якасцей чалавека: «…цяпер вучуць, вучуць, а вырастаюць абы-якія рабяты. Робіць не застаўляюць! Раньшэ з малых лет робіць застаўлялі: і палоць, і капаць, і на пасту ганяць. Усё-усё робілі. Чуць падрос, 15-16 гадоў, ужо за плугом ідзець. А цяпер гуляюць гульма. Труд – бальшое дзела, фізічэскі нада робіць»[12].

Працоўнае выхаванне было найбольш важнай, але не адзінай сферай народнай педагогікі. Для паўнавартаснага функцыянавання асобы ў традыцыйнай супольнасці патрабавалася забяспечыць фарміраванне цэлага шэрага маральна-этычных якасцей. Адным з важнейшых маральных імператываў у сістэме традыцыйнага выхавання была павага да бацькоў і ўвогуле старэйшых [4, с. 179]. Уласна кажучы, пасродкам гэтага і функцыянаваў увесь механізм народнай педагогікі. Асабліва гэта паказальна адносна вертыкальнай культурнай трансмісіі, паколькі міжпакаленная перадача і замацаванне традыцыйных ведаў і ўяўленняў, норм і каштоўнасцей, засваенне дзецьмі працоўных навыкаў магчымы толькі пры безумоўным прызнанні аўтарытэту старэйшых.

Як паказваюць палявыя запісы, уласцівы традыцыйнай супольнасці бацькоўскі аўтарытэт захоўваў сваю моц і ў першай палове XX ст.: «Даўней болей слухалі бацькоў, сказалі табе, не пойдзеш сёння на вечарыну, значыць, не пойдзеш. <…> Бацька сказаў, значыць так нада, мама сказала!»[13]; «Гадаваліся ж проста. Дысцыпліна была строгаю ў бацёк, нігдзе мы не хадзілі, бацькі робілі, а мы дома па хазяйству, што загадаюць, тое і дзелалі. Гэта цяпер саўсім па-другому»[14].

Бацькам, як і раней, належала галоўная роля ў маральна-этычным выхаванні дзяцей: «Богу маліцца нас вучылі. У мяне папка быў веруючы і матка. У васкрасенне бацька запаліць свечку, паставіць нас на калені, матка заўтрак згатовіць. “Маліцеся Богу!”»[15]; «Ну вот такое можа і яно праўда ўсё ж такі нас навучалі налепшае. Вот не крадзіце, людзей не абіжайце, вот тое, вот Бога маліцеся. Вот такое ўсё вот такое ўчылі. Мы ж даўней, каб на бацьку, ці на матку сказалі «ты»[16].

---

[12] ФА ПДУ : зап. студ. ПДУ Захарэвіч А. і Жолудзева П. у 2008 г. ад Матылёнак Н. І., 1925 г. н., в. Каханавічы Верхнядзвінскага раёна.

[13] ФА ПДУ : зап. студ. ПДУ Захарэвіч А. і Прахарэнка Я. у 2009 г. ад Беззубёнак М. Ф., 1926 г. н., в. Празарокі Глыбоцкага раёна.

[14] ФА ПДУ : зап. студ. ПДУ Захарэвіч А. і Жолудзева П. ад Мядзель М. В., 1927 г. н., і Казловай Н. І., 1941 г. н., в. Дзёрнавічы Верхнядзвінскага раёна.

[15] ФА ПДУ : зап. студ. ПДУ Захарэвіч А. ад Зелянкевіч М. Я., 1919 г. н., в. Экімань Полацкага раёна.

[16] ФА ПДУ : зап. Філіпенка У. С., студ. ПДУ Траццякова А. у 2010 г. ад Хрол Ч. Б., 1926 г. н., і Шалёнак Т. Р., 1956 г. н., в. Хралы Глыбоцкага раёна.

Дзяцей змалку навучалі народнаму этыкету, напрыклад, правілам паводзін за сталом, асабліва ў прысутнасці гасцей: «Даўней жа і мужчыны, як вот садзіліся ўжо есці, дык мужчыны на кут садзіліся ўсігда <…> Ні так як цяпер – каждаму міска, каждаму ложка і каждаму вілка, а раней жа елі с аднэй усе, рабятам ужо тады, садзюць па краях рабят <…> Ну міску, тады сёрбай ужо ш, каму што дадуць <…> Чаго дадуць, тое й ядзім. Уго, каб гэдак як цяпер – што ён табе гатовы за стол заскочыць. Паперад ці госць якій быў <…> За каптур на печ, калі табе дадуць якую скварку там, на хлеб паложуць – дык добра, а так... гэта ўжо перва было: калі госці якія явіліся – шчас ні газу ж, нічога – на загнеце дзве кірпічыны паставюць, лучыну, яешню спякуць – гэта гасцю <…> А рабятам жа гэтага не было»[17]; «Вот прыізджаіць – ну на празднік, хоць які, кірмаш, хоць Пасха, Раждзество, прыізджаець дзядзька, цётка, шчас садзяцца <…> Я вот на печы, хоць і бальшаван, ня будзіш сядзець каля іх <…> А гэта штоб <…> гэта дзеці, дык ужо які дзяцёнак, там ужо дзесяць гадоў ці дзвінаццаць, дык цяпер дык ужо яны на танцы ходзюць, на дзіскацеку, а тады, брат, сядзі на печы і не пісні! Пашлі госці – з'еш ты што хочыш. Есці ж во так хватала, маць не жалела. Но пры людзях ня будзіш»[18].

Варта адзначыць, што сярод традыцыйных сродкаў выхавання не было выключэннем фізічнае пакаранне: «Білі дубцом. Яшчэ як білі бацькі! Як жа не будзеш!»[19]; «У вугал на гарох. Рэмнем у хрэбет стукнеш – і ўсё васпітанне»[20]. Прымянялася яно пераважна ў выпадках, калі дзецьмі парушаліся найбольш істотныя нормы, напрыкад, здзяйсняўся крадзеж: «А ў бацькі ні было пчол, ні дзіржаў саўсём ані, вот, і сад ні садзіў ён, зямлю абрабатываў, пахаў хлеб толька і ўсё. А яблынкаў ні было. А… хочацца яблычкаў – дык туды ў сад ускочу. Раз! – за пазуху. – «А ты ж!» <…> А еслі бацьку скажыць – так ён цябе дзягай і выпарыць. Не імееш права чужое нічога трогаць. Строгі быў бацька. Да ўсей сям'і строгі быў»[21]; «Як я бывала малая злажу, гэта баба поліць буракі там ці чорт яе ведаіць, яблакаў дзічак нарву калі хочацца іх. Дык я во тутака якім матузом падвяжуся і на пазуху. Ну дык што тады скажыць маме, дык мама ж вылупцаіць»[22]. Пры гэтым пакаранні маглі датычыцца не толькі дзяцей, але і дашлюбнай моладзі у выпадку парушэння норм

[17] ФА ПДУ : зап. Мішына В. І., Мішын П. І. у 2007 г. ад Ханяк А. І., 1932 г. н., в. Макараўшчына Лепельскага раёна.

[18] ФА ПДУ : зап. Мішына В. І., Мішын П. І., студ. ПДУ Высоцкая А. у 2009 г. ад Хілько І. І., 1928 г. н., в. Несцераўшчына Докшыцкага раёна.

[19] ФА ПДУ : зап. студ. ПДУ Захарэвіч А. і Жолудзева П. у 2008 г. ад Матылёнак Н. І., 1925 г. н., в. Каханавічы Верхнядзвінскага раёна.

[20] ФА ПДУ : зап. студ. ПДУ Захарэвіч А. і Жолудзева П. ад Мядзель М. В., 1927 г. н., і Казловай Н. І., 1941 г. н., в. Дзёрнавічы Верхнядзвінскага раёна.

[21] ФА ПДУ : зап. Мішына В. І., Мішын П. І. у 2008 г. ад Хаданёнка Г. П., 1928 г. н., в. Нікіцёнкі Шаркаўшчынскага раёна.

[22] ФА ПДУ : зап. Лобач У. А. у 2009 г. ад Васілевіч А. І., 1922 г. н., в. Шалашы Докшыцкага раёна.

вясковага этыкету: «У нас дзеўчаты ў сваю дзярэўню на танцы, у другую дзярэўню не хадзілі, прынята не было. Мальцы дык гэты ідуць. Прыйдуць у адной хаце танцуюць у дзярэўне, у другую пойдуць – вядома ж хлопцы, яны хадзілі хоць дзе! Гэта цяпер дзеўка ляціць 5 км па начы, а раней яе б бацька, матка, як казаў тэй, задніцу збілі рамнём, што яна б не села. Хадзіць па начы з мальцамі – гэта ж ого!»[23].

Старэйшае пакаленне было не толькі агентам сацыялізацыі, але і ажыццяўляла функцыю сацыяльнага кантролю: «А ў дзярэўні старыкоў – на полі ўжо не маглі. Сідзяць пад сцяной і глідзяць рыбяцішак гэтых. Стадамі – любога абы замецілі – хоць ня свой, чужы – нільзя дзелаць! Уловюць, за вушы надзяруць. Маглі ж і спаліць дзярэўню... А тады дзяцей было – у каждай сям'і і пяцёра, і сямёра, ні так як цяпер, па адному»[24]; «Усе лаўкі засядуць старыя людзі, маладым сесці няма куды. Адтанцуем польку ці што якое – няма дзе сесці! Прыхадзілі пасматрэць, абгаварыць дзяўчат. Ой, гаварылі! Выйдзеш пахаладацца: "Во, яна ўжо пайшла з мальцам, як сучка, круціцца!" Да-да. Ляціць пот з цябе, але не ідзеш на двор, баіcся, каб бабы не абгаварылі. Во як было»[25].

Такім чынам, у рэаліях першай паловы – сярэдзіны XX ст. асноўныя механізмы народнай педагогікі Віцебшчыны захоўвалі пераважна традыцыйны характар, абапіраючыся на выхаваўчы патэнцыял працоўнай дзейнасці і моц аўтарытэту старэйшых як галоўнага фактару міжпакаленнай культурнай трансмісіі.

ЛІТАРАТУРА

1. **Арлова, Г. П.** Беларуская народная педагогіка / Г. П. Арлова. – Мінск : Народная асвета, 1993. – 120 с.

2. **Довнар-Запольский, М. В.** Очерки семейственного обычного права крестьян минской губернии / М. В. Довнар-Запольский // Исследования и статьи. – Киев : А. П. Сапунов, 1909. – Т. 1 : Этнография и социология, обычное право, статистика, белорусская письменность. – С. 1–60.

3. **Никифоровский, Н. Я.** Очерки Витебской Белоруссии / Н. Я. Никифоровский ; автор предисл. и сост. А. П. Ващенко. – Минск : Беларусь, 2019. – 271 с.

4. **Ракава, Л. В.** Эвалюцыя традыцый сямейнага выхавання беларусаў у XIX–XX стст. / Л. В. Ракава. – Мінск : Беларус. навука, 2009. – 311 с.

[23] ФА ПДУ : зап. Захарэвіч А. у 2010 г. ад Раслевіч Любові Уладзіміраўны, 1932 г. н., в. Стуканы Глыбоцкага раёна.

[24] ФА ПДУ : зап. Мішына В. І., Мішын П. І. у 2008 г. ад Лагуна І. К., 1928 г. н., в. Шышкі Шаркаўшчынскага раёна.

[25] ФА ПДУ : зап. студ. ПДУ Захарэвіч А. у 2010 г. ад Папковай В. Ф., 1927 г. н., в. Стуканы Глыбоцкага раёна.

Падстаўленка В.Ф., Лонскі А.П. *(г. Віцебск)*

ПАЧАТАК ВЯЛІКАГА ШЛЯХУ: ВІЦЕБСК У ЛЁСЕ М.М. БАХЦІНА

У своеасаблівым летапісе нашага горада асобныя старонкі належаць Міхаілу Міхайлавічу Бахціну – знакавай постаці ў сусветнай сістэме навуковай думкі: філасофіі, культуралогіі, эстэтыкі, філалогіі. Бясспрэчным у асяроддзі даследчыкаў з'яўляецца тэзіс, што віцебскі перыяд жыцця М.М. Бахціна стаў пачаткам філасофскай канцэптуальнасці яго мыслення, часам фарміравання яго базісных тэорый, што будуць удасканальвацца вучоным на працягу наступных дзесяцігоддзяў і захапляць не толькі сучаснікаў, але і навукоўцаў XXI ст.

Агульнавядома, што М.М. Бахцін пражыў у Віцебску крыху менш за чатыры гады: з верасня 1920 г. да мая 1924 г. [2, с. 7]. Пераехаў ён сюды з Невеля, дзе займаўся выкладчыцкай працай, стварыў гурток інтэлектуалаў, пачаў друкавацца. Бахцін з дапамогай сябра Льва Пумнянскага перабраўся ў наш горад, стаў супрацоўнікам Віцебскага інстытута народнай адукацыі – установы, ад якой пачынае сваю гісторыю Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава.

Акрамя таго, ён выкладаў філасофію музыкі ў Народнай кансерваторыі і эстэтыку, тэорыю мастацкай творчасці, заходнюю і рускую літаратуры, тэорыю рускай паэзіі, гісторыю мастацтваў і журналістыку ў літаратурнай студыі Губрабіса. Але і гэтым адукацыйная дзейнасць Бахціна не абмяжоўвалася: таксама ён рэгулярна выступаў з публічнымі лекцыямі ў Доме кнігі. Да іх потым далучыліся і прыватныя лекцыі, якія ён арганізоўваў у сябе дома для некалькіх дзясяткаў чалавек; сярод слухачоў нярэдка можна было сустрэць нават школьнікаў. Тэматыка гэтых лекцыйных заняткаў была самая разнастайная: «Пра слова», «Новая руская паэзія», «Мастацтва і сацыялізм», «Гістарычнае і дагістарычнае», «Мастацтва і сучаснасць» і многія іншыя. Вядома, што сярод іх дзве лекцыі прысвячаліся Ніцшэ: яго філасофіі ў цэлым і яго стаўленню да хрысціянства. Былі праведзены цэлыя лекцыйныя цыклы па рускай літаратуры, многія з іх у будучым працягваліся ў Ленінградзе. Удзельнічаў Міхаіл Міхайлавіч і ў своеасаблівых «літаратурных судах», дзе, што цікава, заўжды выступаў у якасці абаронцы.

Вакол вучонага аб'ядналіся многія віцебскія інтэлектуалы: П. Мядзведзеў, І. Салярцінскі, В. Валошынаў, К. Малевіч, Э. Лісіцкі і іншыя выбітныя асобы. Пастаянныя слухачы лекцый Бахціна арганізавалі ў яго дома гурток па вывучэнні рускай літаратуры, тады вучоны пражываў па вул. Смаленскай, 61. Для самога ж Міхаіла Міхайлавіча гэта былі не лепшыя часы. Увесну 1920 г. ён захварэў на тыфус, які выклікаў ускладненне. Бахцін перанёс аперацыю, пасля якой амаль увесь час праводзіў у ложку. У такім выглядзе ён часта і вёў свае хатнія лекцыі: лежачы, накрыўшыся сіняй ватнай коўдрай.

Перажыць гэтыя цяжкасці вучонаму дапамагала жонка. Паводле звестак, у 1921 г. ён ажаніўся з Аленай Аляксандраўнай Акаловіч, выпускніцай віцебскай Аляксееўскай гімназіі [2, с. 8]. Пэўны час яна працававала па спецыяльнасці – настаўніцай, потым – бібліятэкаркай. Верагодна, на апошняй працы яна і пазнаёмілася з Бахціным. А пазней менавіта яна дапамагала вучонаму вытрымаць агромністыя фізічныя выпрабаванні. Як адзначалі знаёмыя Бахціна, Міхаіл Міхайлавіч быў вельмі хворы чалавек: «…бясконцы пот, мокрая кашуля <…> І вось яна за ім сачыла, без ніякіх сядзелак і памочнікаў <…> Абсалютна самаадданы догляд» [3, с. 167].

Нягледзячы на немач, прыкуты да ложка Бахцін актыўна пісаў. У выніку, як адзначалася, падчас жыцця ў Віцебску канчаткова афармляюцца яго філасофскія погляды і эстэтычныя ідэалы. Менавіта да гэтага перыяду адносяць стварэнне першай рэдакцыі кнігі пра творчасць Ф.М. Дастаеўскага, што лічыцца самым вядомым творам даследчыка. Акрамя таго, распрацоўваюцца рукапісы «Да філасофіі ўчынку» і «Аўтар і герой у эстэтычнай дзейнасці», якія не выдаваліся пры жыцці аўтара, але пазней занялі важнае месца ў сусветным літаратуразнаўстве [2, с. 8].

Натуральна, што акрэсліваючы ў гэты перыяд свой асабісты шлях у сферы навуковых адкрыццяў, М.М. Бахцін у працы пад умоўнай назвай «Да філасофіі ўчынку» перадусім разважае пра так званыя фундаментальныя анталагічныя пытанні, у тым ліку пра так званыя культурны план чалавечага быцця і план жыцця. Яны фактычна існуюць ізалявана, але могуць дасягнуць быційнай цэльнасці ў чалавечым учынку. Далей тут вучоны наступным чынам тлумачыць важнасць паняцця «ўчынак»: «Кожная думка мая з яе зместам з'яўляецца маім індывідуальна адказным учынкам, адным з учынкаў, з якіх складаецца ўсё маё адзінае жыццё як суцэльная сукупнасць учынкаў (поступление. – *А. Л., В. П.*), бо ўсё жыцце ў цэлым можа быць разгледжана як нейкі складаны ўчынак: я раблю ўчынкі ўсім сваім жыццём, кожны асобны акт і перажыванне з'яўляюцца момантам майго жыцця як сукупнасці ўчынкаў» [1, с. 8].

У прыведзенай цытаце звяртае на сябе ўвагу тое, што *ўчынак* у Бахціна трактуецца не трывіяльна як пэўная індывідуальна ініцыяваная фізічная падзея, а як учынак-думка. Гэта арганічна самой асобе мысляра, аналітычнай сферы яго дзейнасці. Мы не будзем паглыбляцца ў філасофскую інтэрпрэтацыю такога азначэння Міхаіла Міхайлавіча, але на ўзроўні магчымага, гіпатэтычнага меркавання адзначым, што апеляцыя да нябачнай для большасці думкі-ўчынку магла стаць і адбіткам трагічных абставін жыцця вучонага. Пад уплывам хваробы ён мусіў адмовіцца ад актыўных «фізічных» учынкаў і пераарыентаваць свой велізарны навуковы запал у вытанчаную сістэму канцэптуальнага мыслення.

Пры гэтым важна падкрэсліць, што для М.М. Бахціна любы ўчынак павінен карэляваць з маральным базісам чалавецтва. У гэтай сувязі даслед-

чык папярэджваў, што «бездакорная тэхнічная правільнасць учынку яшчэ не вырашае справу аб яго маральнай каштоўнасці» [1, с. 9].

Раннія працы вучонага, асабліва «Да філасофіі ўчынку», з'яўляюцца найбольш складанымі аб'ектамі ў рэчышчы бахціназнаўчай верыфікацыі. Часткова гэта тлумачыцца незавершанасцю артыкулаў, іх тэзіснасцю, стадыяй станаўлення асабістага навуковага тэзаўруса Бахціна. Невыпадкова і сам вучоны пісаў, што ступень паспяховага ўчынку залежыць ад максімальнай паўнаты выкарыстаных тут слоў: «Мова гістарычна вырастала ў служэнні дзейснага мыслення і ўчынку, і абстрактнаму мысленню яна пачынае служыць толькі ў сённяшні дзень сваёй гісторыі. Для выражэння ўчынку знутры і адзінага быцця-падзеі, у якім здзяйсняецца ўчынак, патрэбна ўся паўната слова: і яго змястоўна-сэнсавы бок (слова-паняцце), і наглядна-выразны (слова-вобраз), і эмацыйна-валявы (інтанацыя слова) у іх адзінстве. І ва ўсіх гэтых момантах адзінае поўнае слова можа быць адказна-значным – праўдай, і не суб'ектыўна выпадковым» [1, с. 31].

Працягваючы размову, адзначым, што ў 1924 г. Міхаіл Міхайлавіч прыняў запрашэнне свайго сябра Паўла Мядзведзева і пераехаў у Ленінград. Там у знакамітым коле Бахціна зноў распачынаюцца дыспуты і семінары, працягваецца актыўная пісьменніцкая і выкладчыцкая праца.

Такім чынам, віцебскі перыяд жыцця Бахціна можна па праве лічыць адным з самых важных у жыцці вучонага, амаль лёсавызначальным. У першую чаргу гэта час росквіту яго адукацыйнай і пісьменніцкай працы. Сваімі лекцыямі ён заваёўвае прыхільнасць усёй віцебскай інтэлігенцыі, а кнігамі, распачатымі тут, – сусветную вядомасць, якая захоўваецца і да нашага часу.

ЛІТАРАТУРА

1. **Бахтин, М. М.** Собрание сочинений : в 7 т. / М. М. Бахтин. – Москва : Русские словари, 2003. – Т. 1 : Философская эстетика 1920-х годов / ред. тома: С. Г. Бочаров, Н. И. Николаев. – 959 с.

2. **Лісаў, А. Г.** Міхаіл Міхайлавіч, князь Мышкін / А. Г. Лісаў // Літаратура і мастацтва. – 2015. – № 45. – 13 лістап. – С. 7–8.

3. **Паньков, Н. А.** О памятном, о важном, о былом... (устные воспоминания С. И. Каган и Ю. М. Каган) / Н. А. Паньков // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 1995. – № 2. – С. 165–181.

Русілка В.І. *(г. Віцебск)*

РЭХА НАД ДЗВІНОЙ: ЛІТАРАТУРНЫЯ КАНТАКТЫ ВІЦЕБСКА І ДАЎГАЎПІЛСА

Духоўныя ўзаемасувязі Віцебшчыны і Латгаліі абумоўлены геаграфічнымі, гістарычнымі, сацыякультурнымі асаблівасцямі рэгіёнаў. Гэтыя сувязі паміж двума народамі-суседзямі, аб'яднанымі адзінай воднай артэрыяй – Дзвіной – Даўгавай, маюць глыбокія карані, што зафіксавана ў фальклоры і праз яго пасрэдніцтва ў літаратурнай творчасці. Многія беларускія пісьменнікі і дзеячы культуры XIX – пачатку XX ст. былі звязаны з Латвіяй і па нараджэнні, і па месцы жыхарства (І. Буйніцкі, Цішка Гартны, Карусь Каганец, К. Езавітаў, В. Ластоўскі, І. Луцкевіч, Б. Эпімах-Шыпіла і інш.). Аднак уласна літаратурныя кантакты Віцебска і Даўгаўпілса набылі сістэмны характар з 1920-х гг. і звязаны перш за ўсё з імем народнага паэта Латвіі Яніса Райніса, якога вядомы беларускі паэт і перакладчык С. Панізнік назваў «сімвалам латышска-беларускага параднення» [6, с. 4].

Яніс Райніс, месцам нараджэння якога быў латгальскі хутар Варславаны, добра ведаў беларускую мову і фальклор, з дзяцінства ад маці часта чуў «сумныя беларускія народныя мелодыі» [11, с. 38] і падкрэсліваў сваё захапленне імі і любоў да трапнага народнага слова, а таксама ўплыў латышскіх, літоўскіх і беларускіх народных песень на з'яўленне ў яго творчасці гумарыстычных і сатырычных матываў. Яшчэ ў час вучобы ў Рыжскай гімназіі Райніс напісаў верш «Мая дудка», які яўна пераклікаецца з аднайменным вершам беларускага паэта Ф. Багушэвіча, з якім пазней іх звязвала асабістае знаёмства:

Беларускі песенны матыў.
Мая дудка,
Мая радасць,
Весялі мяне
На чужой зямлі! [11, с. 339]

Яніс Райніс на працягу ўсяго свайго жыцця збіраў разам з беларускімі настаўнікамі фальклор і дыялектную лексіку Латгаліі, працаваў над фальклорна-этнаграфічнай драмай «Беларусы», выдаў кнігу перакладаў на латышскую мову фальклорных і літаратурных беларускіх вершаў «Беспокойное сердце» (1921). Паэт быў ганаровым членам беларускага культурна-асветніцкага таварыства «Бацькаўшчына» і сябраваў з М. Гарэцкім, чый лёс звязаны з Даўгаўпілсам, а таксама з Якубам Коласам і Янкам Купалам, Цішкам Гартным. Вядома актыўная грамадска-палітычная дзейнасць Яніса Райніса па абароне культурных інтарэсаў беларускай меншасці ў латышскім сейме (асабліва ў час дзейнасці паэта на пасадзе міністра адукацыі). Прамова Я. Райніса ў сейме ад 27 чэрвеня 1922 г. апублікавана пад назвай «Беларускае

пытанне» і з'яўляецца, па словах вядомага беларускага вучонага С. Александровіча, «аргументаваным і змястоўным аналізам узаемаадносін латышоў і беларусаў на сучасным этапе і ў далёкія гістарычныя часы» [3, с. 342]. Па ініцыятыве Я. Райніса былі адкрыты беларускія гімназіі ў Дзвінску і Лудзе. Зараз гімназія ў Даўгаўпілсе (былы Дзвінск) носіць імя Яніса Райніса.

Самыя непасрэдныя кантакты звязвалі Я. Райніса з Віцебскам, дзе жылі яго сястра Дора з мужам, рэвалюцыянерам Пятром Стучкам, і маці Дарта Пліекшане, пахаваная на віцебскіх Старасямёнаўскіх могілках. 21 лістапада 1926 г. Я. Райніс прысутнічаў на адкрыцці ў Віцебску Другога Беларускага дзяржаўнага тэатра (цяпер Нацыянальны драматычны акадэмічны тэатр імя Якуба Коласа), наведаў краязнаўчы музей і выставу карцін студэнтаў Віцебскага мастацкага тэхнікума.

Паэзія Райніса добра вядома ў Беларусі дзякуючы дзейнасці яго першага перакладчыка, ураджэнца в. Пасінь Люцынскага павета Віцебскай губерні Пятра Масальскага (Пятра Сакола), беларускіх паэтаў С. Дзяргая, Э. Агняцвет, С. Грахоўскага, Н. Гілевіча, ураджэнцаў Віцебшчыны П. Броўкі, П. Панчанкі, С. Панізніка, Р. Барадуліна, у перакладзе якога ў 1965 г. на сцэне тэатра імя Якуба Коласа ў Віцебску ўпершыню была пастаўлена п'еса «Вей, ветрык!». Творчасць Яніса Райніса ў 1990-я гг. была шырока прадстаўлена ў школьных праграмах па беларускай літаратуры для класаў з паглыбленым узроўнем літаратурнай адукацыі, дзе прадугледжвалася на працягу трох урокаў вывучэнне біяграфіі паэта, яго паэмы «Ave, sol!», драмы «Агонь і ноч», вершаў «Зламаныя сосны», «Радзіме», «Табе, асноўны клас», «…Цягнік усё далей…», у агульнаадукацыйных класах школ Беларусі ў той час паэзія Яніса Райніса вывучалася аглядава. Сёння творчасць Я. Райніса не ўваходзіць у праграмы па беларускай літаратуры, толькі верш «Дзядуля і яблынькі» выкарыстоўваецца ў дзіцячым чытанні. Аднак з паэзіяй Я. Райніса і яго драматычнымі творамі мэтазгодна знаёміць старшакласнікаў на пазакласным чытанні.

Творчасць Яніса Райніса, якому прысвяцілі свае вершы Я. Пушча, П. Броўка, М. Танк, Р. Барадулін, С. Панізнік, віцебскі паэт Д. Сімановіч і многія іншыя, аказала безумоўны ўплыў на беларускую паэзію. Пра аб'ектыўны працэс узаемаўзбагачэння літаратур як вынік літаратурных кантактаў справядліва гаварыла даследчыца Э. Мартынава: «Успрыняцце іншанацыянальнага вопыту на сучасным узроўні развіцця кожнай з літаратур адбываецца не шляхам яўнага пераймання, а праз творчае асэнсаванне мастацкіх дасягненняў іншай літаратуры… Паэзія іншага народа, асабліва ў працэсе перакладу, можа быць своеасаблівым імпульсам для арыгінальнай творчасці, можа садзейнічаць раскрыццю новых граняў таленту паэта» [2, с. 147].

У гэтым сэнсе паказальным прыкладам з'яўляецца рэцэпцыя ў беларускай паэзіі, у прыватнасці, у творчасці ўраджэнцаў Віцебшчыны, верша Яніса Райніса «Зламаныя сосны». П. Броўка ў вершы «Райнісавы сосны» пад-

крэсліваў дружбу і культурнае адзінства латышскага і славянскіх народаў:

З Пушкіна ялінай
Доля вас з'яднала,
З вішнямі Тараса
І сасной Купалы [4, с. 386].

С. Панізнік у вершы «Незламаныя сосны Райніса» больш камерна, лірычна, апасродкавана праз вобразную структуру гаворыць пра роднасць Я. Райніса і беларусаў:

Падняцца б мне цяпер на дыбкі
і сосны Райніса абняць.
Бо ткуцца ў Янісавых кроснах
і маці Дарты песьні-сосны…
А зык: «Ён – беларусаў хросны!» –
Вятрам ніколі не суняць [6, с. 52].

Народны паэт Латвіі Я. Райніс унёс выключна вялікі ўклад у захаванне і развіццё культурнай самабытнасці жыхароў латгальскага рэгіёна, а таксама ў наладжванне культурных кантактаў Беларусі і Латвіі. Літаратурная спадчына Я. Райніса працягвае жыць у культурнай прасторы абодвух народаў, з'яўляючыся стымулам для творчасці сучасных паэтаў і крыніцай змястоўных, культуралагічна вывераных вобразаў.

Цесныя літаратурныя сувязі з Беларуссю былі і ў латышскага паэта Яна Судрабкална. Вядомая рыжская літаратуразнаўца М. Абала, якая неаднаразова звярталася да даследавання беларускай тэмы ў латышскай літаратуры, у прыватнасці, у творчасці Я. Райніса і Я. Судрабкална, зазначала: «Праз усё сваё жыццё яны пранеслі пачуццё глыбокай сімпатыі да беларускага народа» [1, с. 222]. Я. Судрабкалн неаднаразова быў у Віцебску і Полацку на літаратурных сустрэчах, сябраваў з ураджэнцамі Віцебшчыны П. Броўкам, Р. Барадуліным, Е. Лось, з якімі абменьваўся вершамі-прысвячэннямі і паэзію якіх высока цаніў.

Беларуская тэма ў творчасці Я. Судрабкална прадстаўлена мініяцюрай аб латгальскай зямлі «Бачу беларусаў», якая расказвае пра Каплаву на беразе Дзвіны, Істру і Прыдрую, а таксама прысвечанымі беларускім паэтам вершамі «Сонца дружбы» і «Радасць братэрства», у якіх паэтка эмацыянальна сцвярджае: «Я люблю цябе, брат-беларус!» [10, с. 5].

Сённяшнія сувязі Віцебска і Даўгаўпілса звязаны перш за ўсё з падзвіжніцкай дзейнасцю ўраджэнца Мёрскага раёна, беларускага пісьменніка, старшыні Рады таварыства «Беларусь – Латвія», кавалера вышэйшай латышскай дзяржаўнай узнагароды – ордэна Трох Зорак – Сяргея Панізніка. Ён не толькі найвядомейшы ў Беларусі перакладчык на беларускую мову латышскай паэзіі, але і даследчык і захавальнік культурных традыцый Латгаліі: стваральнік этнаграфічнага музея. С. Панізнік сабраў і выдаў кнігу «Крывіцкія руны: Беларускія пісьменнікі Латвіі» (2003), адкрыў для літаратур-

най грамадскасці імёны латгальскіх беларускамоўных настаўнікаў і паэтаў Э. Вайвадзіша і М. Талеркі, празаіка В. Вальтара.

У творчасці С. Панізніка, які называе сябе «я – балткрэўс», «я – балтарусіс», латышскія матывы настолькі распаўсюджаныя і арганічныя, што ў вершах гучыць нават моўнае шматгалоссе:

А Дуна-Даўгава адгукаецца Сар'яй-Сур'яй,
Асьвеяй (Ашвінаў?) на востраве Ду;
і зь Індры латгальскай віедс-вядун,
нібы кнігаўка, весьціць:
– Свэйкі, сваяк! Свэйкі, сабрыс! [6, с. 5]

Імкненне, як гаворыць паэт, «ступіць у райнісаўскі след» [6, с. 55], нязменнае жыццялюбства, аптымізм і актыўная творчая дзейнасць дазваляюць спадзявацца на працяг латгальскай тэматыкі ў творчасці паэта.

Актыўна кантактуюць з літаратурнай грамадскасцю Віцебска сябры даўгаўпілскага беларускага культурна-асветніцкага таварыства «Уздым» паэты С. Валодзька, Я. Голубеў, А. Сазанкова. Таварыства, якім сёння паспяхова кіруе Ж. Раманоўская, было створана ў 1993 г. і праводзіць вялікую працу па захаванні культурнай адметнасці беларускай дыяспары ў Латвіі і ўмацаванні творчых сувязей з радзімай-Беларуссю. Пры таварыстве створаны жаночы вакальны ансамбль «Купалінка», які выдатна выконвае як беларускія народныя, так і мясцовыя аўтарскія песні і шмат гастралюе, перш за ўсё па памежных тэрыторыях: Верхнядзвінскі і Мёрскі раёны, Краслава, часта наведвае і Віцебск. «Уздым» мае свае пастаянныя беларускамоўныя старонкі: «Беларус Латгаліі» ў газеце «Латгалес лайкс» і «Слова беларуса» ў газеце «Динабург». Рэдактарам абедзвюх старонак з'яўляецца даўгаўпілскі паэт, член Саюза пісьменнікаў Беларусі Станіслаў Валодзька.

У творчасці С. Валодзькі, аўтара многіх кніг паэзіі для дарослых і дзяцей, матыў радзімы часта гучыць настальгічна і разам з тым светла і з надзеяй.

Бягуць мае сыночкі жвава
І галасочкі іх звіняць
У той краіне, дзе – Даўгава,
І не так часта, дзе – Дзвіна…[5, с. 141]

Віцебская тэма блізкая для паэта, які прысвяціў нашаму гораду верш «Ля помніка маці Райніса ў Віцебску». Песня «Браслаўскія зарніцы» С. Валодзькі, пакладзеная на музыку кампазітарам А. Рудзем, папулярная на Віцебшчыне.

Паэзія даўгаўпілсца Я. Голубева, які піша на рускай мове, вядома чытачу ў перакладах аўтара гэтага артыкула, апублікаваных у штотыднёвіку «Літаратура і мастацтва» 28 кастрычніка 2005 г. і ў зборніку беларускай паэзіі Латвіі «А водар Радзімы ўсё кліча і кліча...» (Рыга, 2006). У творчасці паэта, якая адрозніваецца філасофскай разважлівасцю, афарыстычнасцю, дакладнасцю пейзажнага малюнка і мяккім лірызмам, беларускія матывы прысут-

нічаюць як успамін пра гасцінную і сардэчную зямлю, што стала для паэта роднай (верш «Над рэчкай Шчарай»).

Сучасныя літаратурныя кантакты Віцебска і Даўгаўпілса актывізаваліся ў сувязі са святкаваннем у абодвух гарадах 140-гадовага юбілею Яніса Райніса, у якім прымалі ўдзел даўгаўпілскія літаратары А. Салаўёў, Ф. Осіна, Я. Голубеў, С. Валодзька, аўтар сумеснага беларуска-латышскага праекта І. Мукане і віцебскія паэты С. Панізнік, В. Русілка, старшыня абласнога аддзялення Саюза пісьменнікаў Беларусі Т. Краснова-Гусачэнка. Паказальна, што ў дні прысутнасці віцебскай дэлегацыі на ўрачыстасцях у Даўгаўпілсе вершы Т. Красновай-Гусачэнкі і В. Русілкі (у перакладзе Я. Голубева) былі апублікаваны ў газеце «Динабург: вестник».

Кантактныя літаратурныя сувязі заканамерна прыводзяць да больш глыбокіх змен у характары літаратурнага працэсу і ў індывідуальнай творчасці пісьменнікаў. Гэтыя змены маюць доўгатэрміновы, паступовы характар і з'яўляюцца тыпалагічнымі сыходжаннямі на ўзроўні тэматыкі, канцэптасферы, вобразнай структуры, жанрава-стылявой дынамікі. Ролю правадніка і каталізатара гэтых працэсаў адыгрывае ўзаемная перакладчыцкая дзейнасць, а таксама прыклады гістарычна моцных, знакавых для культурнага развіцця народаў асоб, такіх, як Яніс Райніс.

У канцэптасферы творчасці сучасных паэтаў Віцебска і Даўгаўпілса прысутнічаюць некаторыя тыпалагічныя сыходжанні. З канцэптаў, агульных для нашых аўтараў, вылучаецца вобраз Дзвіны-Даўгавы, да якога часта звярталіся даўгаўпілсцы А. Салаўёў, С. Валодзька, віцябляне Д. Сімановіч, Т. Краснова-Гусачэнка, А. Салтук, У. Папковіч, В. Русілка, Л. Сіманёнак. Агульнае сэнсавае напаўненне гэтага вобраза – архетып гістарычнай сувязі пакаленняў і народаў (нярэдка ў вершах сустракаюцца гістарычныя назвы ракі – Рубон, Эрыдан, Турун, Радан і інш.). Разам з тым кожны з паэтаў знаходзіць індывідуальнае ўвасабленне вобраза: Д. Сімановічу рэкі ўяўляюцца знакамі няўмольнага часу, ён захапляецца родным тварам старажытнага Віцебска, «изрезанным, как морщинами, / Лучосой, Витьбой и Двиной» [7, с. 215]. Для яго латгальскага калегі А. Салаўёва рака таксама неад'емны атрыбут горада, толькі Даўгаўпілса, вобраз, які дае нагоду для пастаянных філасофскіх роздумаў:

… Даугава –
Зеркально-гладкая…
И в воду опрокинувшийся мост.
И школа Райниса на якоре у берега –
Сундук с преданьями… [8, с. 128]

Блізкае з латгальскім паэтам А. Салаўёвым асэнсаванне канцэпта «Дзвіна» ўласціва, на наш погляд, для паэзіі віцяблянкі Н. Салаўёвай. Для яе Дзвіна, на беразе якой часцей і пішуцца вершы, – таксама штуршок для філасофскіх разваг пра хуткаплыннасць жыцця, яго сэнс і вечныя каштоўнасці:

С времен Ольгерда и Всеслава
На берегах родной Двины,
Торжественной и величавой,
Мне дорог образ тишины [9, с. 8].

Велічная, няспешная інтанацыя, гістарызм мыслення, лёгкі дакладны рытм, багатыя эпітэты – асноўныя сродкі мастацкай выразнасці, з дапамогай якіх ствараецца канцэпт ракі ў паэзіі Н. Салаўёвай. Для пластычных, насычаных фарбамі вершаў паэтэсы Дзвіна – крыніца прыгажосці, натхнення, жывапісных вобразаў.

Як сімвал жыццёвага шляху і жаночага лёсу асэнсоўваецца вобраз Дзвіны ў вершах Л. Сіманёнак («Дзьвіна») і В. Русілкі («Дзвіне»), як знак роднасці з пакінутай «малой» радзімай – у паэзіі А. Салтука, С. Валодзькі і іншых аўтараў.

Яшчэ адзін агульны для паэтаў Віцебска і Даўгаўпілса канцэпт – сасна, аб спецыфіцы сэнсавага напаўнення якога ўжо гаварылася ў сувязі з рэцэпцыяй у беларускай літаратуры верша Яніса Райніса «Зламаныя сосны».

Вобраз сасны ў беларускім фальклоры звязаны з цяжкай жаночай доляй, а ў суседстве з вобразам ветру сімвалізуе нешчаслівы лёс. Абапіраючыся на такое фальклорнае ўяўленне, паэты (услед за Я. Райнісам) нярэдка палемізуюць з ім, гаворачы аб жыццёвай сіле і стойкасці дрэва. Асабліва гэта ўласціва для віцебскіх паэтаў, якія ў дзяцінстве перажылі гады Вялікай Айчыннай вайны і лёс Беларусі – лясной партызанкі, для якой сасновы гушчар – топас выратавання ад гвалтоўнай смерці (Д. Сімановіч, Р. Барадулін, А. Канапелька і інш.). Разам з тым сасна – нязменны атрыбут як латышскіх пейзажаў (у карэляцыі «сосны – дзюны»), так і беларускіх карцін прыроды («сасна – бор») у іх паэтычным асэнсаванні.

Імкненне да культурных кантактаў Віцебска і Даўгаўпілса яўна ўзмацняецца ў апошняе дзесяцігоддзе, аб чым гаворыць наяўнасць міжнародных праектаў супрацоўніцтва, пастаянны абмен культурнымі дэлегацыямі і шматлікія мерапрыемствы з удзелам мастакоў, музыкантаў, фальклорна-этнаграфічных калектываў. Паказальна, што гэтая тэндэнцыя знаходзіць дзяржаўную падтрымку як у Беларусі, так і ў Латвіі. Узрастае і імкненне да літаратурных кантактаў пісьменнікаў Віцебшчыны і Латгаліі, да ўзаемнай перакладчыцкай дзейнасці. Гэта дае магчымасць сцвярджаць, што ўзаемаўзбагачэнне літаратур будзе працягвацца, у тым ліку і на тыпалагічным узроўні.

ЛІТАРАТУРА

1. **Абала, М.** Ян Судрабкалн і беларусы / М. Абала // Полымя. – 1980. – № 9. – С. 222–230.

2. **Адзінства** і ўзаемаўзбагачэнне / рэд. І. Я. Навуменка ; АН БССР, Ін-т. літ-ры імя Я. Купалы. – Мінск : Навука і тэхніка, 1980.

3. **Александровіч, С.** Слова – багацце / С. Александровіч. – Мінск : Маст. літ., 1981.

4. **Броўка, П.** Збор твораў : у 9 т. / П. Броўка. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1989. – Т. 4.

5. **Валодзька, С.** Памяці гаючая трава / С. Валодзька. – Даугавпилс : SAB, 2001.

6. **Панізьнік, С.** Пры сьвячэньні… / С. Панізнік. – Вільня : Наша будучыня, 2004.

7. **Симанович, Д.** Избранное / Д. Симанович. – Минск : Маст. літ., 1995. – 381 с.

8. **Соловьев, А.** Город чаек и лебедей : [стихи] / Алексей Соловьев. – Даугавпилс : [Б. и.], 2005. – 155 с. : ил.

9. **Соловьева, Н.** Осень ставит концерты : [стихи] / Наталия Соловьева. – Минск : Медисонт, 2010. – 192 с.

10. **Судрабкалн, Я.** Радасць братэрства / Я. Судрабкалн // Беларусь. – 1969. – № 1. – С. 3–6.

11. **Rainis, Y.** Dzive un darbi / Y. Rainis. – Riga, 1925. – T. 1.

Русілка В.І., Лявікіна К.І. *(г. Віцебск)*

АЛЕСЬ РАЗАНАЎ: ДУХОЎНА-КУЛЬТУРНЫ АСПЕКТ КНІГІ ПЕРАСТВАРЭННЯЎ «ФРАНЦЫСК СКАРЫНА. МАЕМ НАЙБОЛЬШАЕ САМІ»

Францыск Скарына – вядомы беларускі і ўсходнеславянскі першадрукар, асветнік, перакладчык, грамадскі дзеяч, кнігавыдавец, вучоны-медык. Асоба Францыска Скарыны займае ганаровае месца сярод дзеячаў эпохі Адраджэння і Рэфармацыі ў Беларусі. Самаадданае служэнне народу было для яго сэнсам жыцця. Скарына імкнуўся далучыць суайчыннікаў да набыткаў агульначалавечай культуры.

Як сведчаць гастарычныя крыніцы, першапачатковую адукацыю Францыск Скарына атрымаў у доме бацькоў, там жа навучыўся чытаць па Псалтыры і пісаць кірылічнымі літарамі. Мову тагачаснай навукі – латынь – ён засвойваў у школе пры каталіцкім касцёле ў Полацку і Вільні. Прыблізна ў 1504 г. таленавіты палачанін паступіў ва ўніверсітэт у Кракаве, які на той час славіўся ў Еўропе сваім факультэтам вольных мастацтваў. Менавіта гэтая навучальная ўстанова стала месцам, дзе Францыск Скарына пашырыў свой кругагляд, атрымаў карысныя практычныя веды па многіх гуманітарных і прыродазнаўчых навуках.

Кнігадрукаванне – значны крок наперад для культуры і адукацыі беларускага народа. Пераклады і выданні кніг Бібліі – адно з самых значных дасягненняў асветніка. Першадрукар выдаў пераважную большасць кніг Старога Запавету. Відавочна, Скарына выбіраў найбольш цікавыя для чы-

тача кнігі, якія таксама маглі быць выкарыстаны ў асветніцкіх мэтах. У сваёй дзейнасці першадрукар кіраваўся дзвюма галоўнымі мэтамі: распаўсюджваць высокія хрысціянскія ідэалы і актыўна змагацца за тагачасную кнігу і культуру.

Францыск Скарына імкнуўся, каб словы яго былі зразумелыя кожнаму чалавеку, таму падаваў у простай і зразумелай форме біблейскія тэксты, каментаваў іх. Першадрукар змяшчаў звесткі аб гістарычных, моўных, побытавых рэаліях, тлумачыў алегарычны змест кніг, асобныя царкоўнаславянскія словы. Лічыў, што чалавек не павінен жыць без кнігі.

Пашырыць кругагляд чытача, узбагаціць яго веды, наблізіць чалавека да кніг Бібліі Францыск Скарына імкнуўся і праз глосы – тлумачэнні незразумелых для звычайнага чалавека слоў, і праз прадмовы, якія ўвёў у шырокі ўжытак. Менавіта ў іх раскрываецца гуманізм, патрыятызм, павага да роднай мовы і свайго народа. Варта адзначыць, што такі наватарскі для тагачаснага кнігадрукавання падыход не быў ухвалены высокімі рэлігійнымі коламі.

Перакладчыцкая, выдавецкая, культурна-асветніцкая дзейнасць гуманіста мела вялікае значэнне для развіцця беларускай культуры, аказала ўплыў і на кнігадрукаванне, садзейнічала культурнаму збліжэнню народаў. Яго выданні вызначаюцца высокай якасцю друку, а спецыфічныя гравюры і арнаменты адлюстроўваюць эстэтыку і прафесіяналізм выдаўца.

Імя Францыска Скарыны стаіць побач з такімі выдатнымі імёнамі дзеячаў сусветнай культуры эпохі Адраджэння, як Леанарда да Вінчы, Рафаэль, Ян Амос Каменскі.

Увекавечана імя Скарыны ў назвах вуліц у Полацку, Лідзе, Мінску, Вільнюсе, Празе. У яго гонар названы Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт і гімназія ў Вільнюсе.

У 2017 г. было адзначана 500-годдзе беларускага і ўсходнеславянскага кнігадрукаваннння. Менавіта гэта паслужыла падставай для асэнсавання і актуалізацыі спадчыны Францыска Скарыны – творцы рэнесанснага тыпу, які аднолькава годна выявіў сябе ў разнастайных сферах духоўнага жыцця народа як першадрукар, вучоны, перакладчык, філосаф-гуманіст, тэолаг. Невыпадкова да гэтай знакавай для беларускага народа асобы, глыбока асэнсаванай у розных галінах навукі і ўвасобленай у шматлікіх творах літаратуры і мастацтва, звярнуўся выдатны паэт і перакладчык, творца еўрапейскага маштабу Алесь Разанаў, які і сам з'яўляецца знакавай фігурай для сучаснай беларускай літаратуры. Кніга перастварэнняў Алеся Разанава «Маем найбольшае самі» стала адметнай з'явай сённяшняга літаратурнага працэсу, а яе ідэйна-тэматычная і мастацкая спецыфіка патрабуе ўсебаковага аналізу.

Кніга перастварэнняў Алеся Разанава «Маем найбольшае самі» скіравана на нацыянальную сітуацыю, на духоўнае ўдасканаленне грамадства на аснове дзейнасці Ф. Скарыны, на высвятленне паняццяў дабра і зла, на ўмацаванне духоўных каштоўнасцей. Біблейскія тэксты, пераствораныя на

аснове скарынаўскай Бібліі, маюць вялікае значэнне для літаратурна-культуралагічнай спадчыны, для духоўных каштоўнасцей грамадства.

У сучаснай беларускай духоўнай культуры асобнае месца належала і самому Алесю Разанаву, з якім беларускае грамадства развіталася 26 жніўня 2021 г. Гэта быў вельмі незвычайны, нетрадыцыйны мастак, чые дасягненні сведчаць пра магутны талент не толькі паэта-філосафа, але і эксперыментатара ў галіне формы верша, словатворцы. Прычым, нягледзячы на пэўныя разбуральныя тэндэнцыі ў літаратуры апошніх дзесяцігоддзяў, слова і сэнс у яго не толькі не губляюць сувязі, але і ўсё мацней сплятаюцца адно з адным. Паэт імкнуўся спазнаць спрадвечны, першапачатковы сэнс пэўных моўных адзінак, адшукаць самыя патаемныя іх загадкі, убачыць іх шматгранна, ва ўсёй выразнасці. Класічны традыцыяналіст і разам з тым яркі наватар, А. Разанаў заснаваў і ўвёў у паэзію свае, новыя жанры і здолеў пакінуць непаўторнае слова пра час і пра сябе. Адной з адметнасцей разанаўскага падыходу з'яўляецца тое, што празаічны тэкст Скарыны выкладзены ў паэтычнай форме свабоднага верша. Паэт зрабіў невялікае пераструктураванне паслядоўнасці скарынаўскіх прадмоў і стварыў кнігу, якая ўключае ў сябе 18 раздзелаў. У пераварэннях А. Разанаў адзначае актуальныя для XXI ст. праблемы, падае тэксты Скарыны для сучаснага чытача на даступнай і простай мове. Яго паэзія ўвабрала ў сябе нацыянальную культурную памяць і арганічна самавыяўляецца ў кантэксце сусветнай культуры і літаратуры.

Алесь Разанаў звярнуўся да старажытнай літаратуры, а менавіта да вобраза Францыска Скарыны, прадмоў старажытнага першадрукара з мэтай наблізіцца да чытача праз біблейскія сюжэты на зразумелай сучаснаму пакаленню мове. Алесь Разанаў шукае вытокі нацыянальнага характару, звяртаючыся да перастварэння не першы раз, упрыгожваючы тэксты сваімі метафарамі, больш яснымі для чытача. Скарына скарыстоўваў у прадмовах простыя біблейскія ісціны. Але ў той складаны час – а ў наш дык яшчэ ў большай меры – такія простыя ісціны больш неабходныя, чым усе складаныя трактоўкі і вытлумачэнні. Падобным чынам А. Разанаў кажа пра тэксты, з якімі меў справу, пра саму «святую кнігу Біблію». Ён адзначае: «Яна, "як рака цудадзейная", адначасова і плыткая: па ёй можа і дзіця брысці, і незвычайна глыбокая – "слон плысці мусіць"» [2, с. 15].

Яркі, сучасны паэт падкрэслівае асаблівасці беларускага характару, самаідэнтыфікуе яго. Як і ў самога Скарыны была мэта наблізіць біблейскія тэксты да народа ў XVI ст., так і зараз перастваральнік даводзіць гэту ідэю да сённяшняга беларуса, які павінен быць да рэлігіі і царквы значна бліжэй.

А. Разанаў падкрэслівае, што пасля Францыска Скарыны сапраўды засталося шмат каштоўнасцей, але і страцілася шмат. Адсюль і тое вялізнае раз'яднанне са старажытнасцю, нават з часамі нашага героя, праз што давялося ў XIX ст. папросту ствараць ад пачатку новую беларускую літаратуру. Страцілася і жывое адчуванне многіх рэчаў.

Разанаў не акцэнтуе сваё аўтарства кнігі, адводзіць сабе толькі ролю перастваральніка, перакладчыка, трансфарматара аўтэнтычных твораў беларускага першадрукара. Кампазіцыйная структура кнігі А. Разанава, відавочна, абумоўлена храналогіяй выдання Скарынам кніг Старога Запавету. Ідучы ўслед за сваім аўтарам, Разанаў не парушыў яго паслядоўнасці, таму што зразумеў, раскрыў для сябе намер Скарыны, яго галоўную ідэю. Першая прадмова Скарыны была да Псалтыра, першае перастварэнне Разанава – «Псалом – песняспеў анёльскі». Адметна, што беларускае кнігадрукаванне пачалося з вельмі папулярнага і запатрабаванага ў народзе выдання – Псалтыр цара Давіда, адной з самых паэтычных і эмацыянальных кніг Бібліі. Скарына наблізіў Біблію да свайго сучасніка, а Разанаў – да свайго. Аздабляючы пераказ прадмовы Скарыны да Псалтыра сваёй назвай «Псалом – песняспеў анёльскі», Разанаў услед за Скарынам з першых радкоў пачынае размову з чытачом на яго мове аб вечным: аб падзеннях і ўзлётах чалавека, аб пакаянні і Божай дапамозе, «як дасягнуць чалавечага жыцця, над якім не мае ўлады ні тлен, ні смерць» [2, с. 8]. Нездарма пазней не ў Празе, а ўжо ў Вільні Скарына ў другі раз выдаў менавіта Псалтыр. Падобным чынам Алесь Разанаў падыходзіць і да наступных прадмоў.

Найбольш папулярнымі сталі словы Скарыны аб патрыятызме: «Як звяры, што блукаюць у пушчы, ад нараджэння, ведаюць сховы свае…» [2, с. 32]. Разанаў вяртае гэтай формуле канкрэтны біблейскі кантэкст, у якім яна набывае нават не толькі больш глыбокі, а ў нечым і адрозны сэнс. У прадмове да Кнігі Юдзіф падаецца шырокая гістарычная палітра падзення і адраджэння з попелу дзяржаў і народаў. Ацэньваюцца гэтыя падзеі з пункту гледжання хрысціянства: развіццё і пагібель дзяржаў падаецца як пакаранне за адступленне ад Бога і веры і як дараванне міласці за вернасць волі Боскай. Напрыклад, Навухаданосар Камбіз: «Ён захацеў быць не толькі царом, а і Богам, як пішацца пра яго ў гэтай кнізе. За гардыню, як адзін з найцяжэйшых грахоў, і быў пакараны» [2, с. 40]. Скарына, а ўслед за ім і Разанаў падкрэсліваюць сацыяльны, надзённы, павучальны характар кніг Бібліі. На іх трэба выхоўваць моладзь, да іх звяртацца за адказам на ўсе пытанні.

Разанаўскія перастварэнні скарынаўскіх кніг выразна выявілі і творчую індывідуальнасць сучаснага паэта, непаўторнасць яго паэтычнага стылю. Алесь Разанаў надаў асаблівую эстэтычную пераканальнасць скарынаўскім тэкстам. Аздабляючы іх яркімі арыгінальнымі метафарамі, выразным рытмічным кодам, глыбокімі афарыстычнымі назвамі, Алесь Разанаў наблізіў скарынаўскія тэксты Бібліі да сённяшняга чытача, ён творча актуалізаваў духоўную аснову нацыі. Кнігі Скарыны ўспрымаюцца сёння як духоўны скарб і нацыянальная святыня беларускага народа. Такім чынам, перастварэнні А. Разанава ўзбагачаюць беларускую культуру новымі філасофскімі асэнсаваннямі і новымі пошукамі ў галіне формы верша.

ЛІТАРАТУРА

1. **Ладуцька, К.** Як золата пералітоўваецца агнём / К. Ладуцька // Літаратура і мастацтва. – 2017. – 3 лют. – С. 4.

2. **Разанаў, А.** Францыск Скарына. Маем найбольшае самі : кніга перастварэнняў / А. Разанаў. – Мінск : Маст. літ., 2017. – 223 с.

3. **Трафілаў, С.** Маем найбольшае самі … Алесь Разанаў: перастварыць Скарыну, каб прабіцца да сучасніка / С. Трафілаў // Культура. – 2017. – 18–24 лют. – С. 6.

Силина А.В. *(г. Витебск)*

НЕ ТОЛЬКО ВЕЛИКИЙ ТЮРКОЛОГ. К БИОГРАФИИ АЛЕКСАНДРА ПОЦЕЛУЕВСКОГО

Профессор Александр Петрович Поцелуевский – ученый, посвятивший четверть века изучению тюркской группы языков, заложивший основы туркменского языкознания. Обращение к фигуре Александра Петровича, как правило, происходит в связи с его деятельностью в Туркменской ССР, тогда как витебский период жизни филолога ранее рассматриваем не был.

Александр Поцелуевский родился 13 (26) мая 1894 г. в с. Букмуйже Режицкого уезда Витебской губернии (совр. Эзерниеки, Латвия) в семье Петра Осиповича и Марии [Фоминичны] Поцелуевских. Сведения о родных ученого мы можем получить из материалов Первой всеобщей переписи 1897 г. В то время Поцелуевские проживали в с. Букмуйже; в расположенном там же Вайводовском народном училище глава семьи служил учителем.

Мария [Фоминична] – мещанка православного вероисповедания. На момент переписи ей было 28 лет, родилась в Люцинском уезде, получила домашнее образование. Петр Осипович – мещанин православного вероисповедания, родился в 1864 г. в г. Дисне, образование получил в учительской семинарии. Обращаясь к переписному листу, уделим внимание одной из граф, в которую вписывали фамилию, имя и отчество, в ней же отмечали, является ли человек слепым, немым, глухонемым или умалишенным. В данном столбце указано: «Поцелуевский он же Иозефатов» [10].

Кроме Александра в семействе были сыновья Павел и Николай. Заметим, что Павел, в отличие от других членов семьи, на постоянной основе пользовался фамилией Иозефатов-Поцелуевский [7].

Под двойной фамилией Александр Петрович опубликовал поэтические произведения в литературно-художественном альманахе «В родной долине» (1912). Это был второй сборник, выпущенный московским издательством «Дружба», которое предположительно было создано одноименным литературным кружком писателей-самоучек, организованным Григорием Деевым-Хомяковским в 1911 г. [16].

В издании были представлены стихотворения Александра Петровича «Стансы», «К року», «У березы» и «Желание», посвященное некой Е. Раздел с работами будущего тюрколога озаглавлен как «Стихи А.П. Иозефатова-Поцелуевского», в конце данного тематического блока присутствует подпись «А. Поцелуевский».

Вероятно, к этому времени Поцелуевские уже обосновались в Витебске. На основании того факта, что Петр Осипович получил работу в местном отделении Крестьянско-поземельного банка в 1906 г., мы можем предположить, что переезд семьи состоялся в указанный период времени [9].

В городе на Двине Александр Поцелуевский поступил в гимназию, по окончании которой в 1914 г. продолжил обучение в Москве в Лазаревском институте восточных языков. В годы учебы занимался на курсах французского языка при обществе «Альянс Франсэз» и изучал английский язык на курсах «Общества сближения России с Англией» [1, с. 124].

По приезде в Витебск в 1918 г. Поцелуевский начал работать в местном отделении Московского археологического института, в котором в 1920 г. вел курсы эсперанто. Занятия посещали не только студенты, но и горожане. Язык Заменгофа пытались сделать обязательной дисциплиной для слушателей учебного заведения [11, с. 277].

Возвращаясь к событиям первого послереволюционного года, заметим: в сентябре Александр Петрович был заявлен как участник организованного Витебским обществом эсперантистов вечера, посвященного юбилею писателя Льва Толстого. В афише мероприятия анонсировалось выступление Поцелуевского с докладом «Homaranismo, tolstojanismo kaj bahaismo» («Хомаранизм, толстовство и бахаизм») [3].

Обратим внимание на бахаизм как одну из тем рассказа филолога. Ключевой идеей религии, появившейся в XIX в., являлось объединение человечества в единое планетарное государство. Бахаизм предполагает введение единого мирового языка, поэтому среди приверженцев данного учения немало эсперантистов. В более позднем документе, датируемом 1922 г., Александр Петрович называл себя бахаистом [12, с. 292].

Об истории Витебского общества эсперантистов следует сказать отдельно. Попытки создания организованных групп в Витебске относятся к 1910 г., когда было открыто отделение Всероссийской лиги эсперантистов («Ruslanda Ligo Esperantista»), однако вскоре центральная организация и ее филиалы были закрыты. Бывшие участники отделения создали Общество эсперантистов, в котором преимущественное положение занимали врачи В. Тутурин и К. Урбанович, в 1916 г. к ним присоединился В. Григорович [14, с. 279].

На сегодняшний момент не установлено, когда именно Поцелуевский стал участником объединения. В 1919 г. он являлся председателем комитета общества, домашний адрес филолога был указан как адрес организации [8].

Одноэтажный деревянный пятикомнатный дом под номером 89 по ул. Нижне-Петровской (совр. ул. Комсомольская) принадлежал отцу тюрколога [5].

Значительные преобразования в местном эсперанто-движении произошли в декабре 1919 г., когда был организован Витебский союз юных эсперантистов. Важнейшей из задач участники объединения считали возникновение союзов юных эсперантистов по всей России. Цель группы заключалась в создании Всероссийского объединения юных эсперантистов, поэтому 18 апреля 1920 г. было организовано Бюро по организации и объединению в России союзов юных эсперантистов (Бюро ПОРСЮЭ) [13, с. 71]. В его состав входили не только члены Союза юных эсперантистов Б. Шабер (председатель), Х. Файнберг (секретарь), Л. Гуфенберг, но и представители Общества эсперантистов А. Поцелуевский и А. Виноградов [17].

В периодике того периода сообщалось об открытии курсов по подготовке преподавателей эсперанто, которыми руководил Поцелуевский [17]. В октябре 1920 г. исследователь по заданию Витебского отделения Московского археологического института уехал в Среднюю Азию, где изучал персидский язык. Итогом командировки стало составление руководства по изучению персидского языка; были собраны материалы для составления русско-персидского словаря до буквы е включительно [6].

В журнале «Al eterna lumo» за февраль – март 1921 г. указано: «…прибывший в Ташкент командированный член Бюро ПОРСЮЭ М.М. Тимофеева организовала там инициативную группу, которая оживила эспер. движение. В настоящее время там существуют: эспер. о-во, Турк. ЦК ВФЭ, секретарем которого состоит член Бюро ПОРСЮЭ А.П. Поцелуевский. Открыты курсы при школе Л. Толстого. Преподает А. Поцелуевский. Кроме того, организовано еще 2 курсов. Одними руководит председ. ЦК П. Рудницкий, другими М. Тимофеева. Срок командировки последней продлен до 1 мая с. г. В настоящий момент она заканчивает работы по организации объединения юнэсов. Тур. ЦК ВФЭ приступил к изданию журнала «Туркестанский Пионер», который будет выходить пока рукописным, ввиду резкой враждебности к эсперанто лиц, от которых зависит печатное слово Туркестана. Редактор «Аль Етерна Люмо» получил горячее единомышленническое приветствие от ед. П. Рудницкого» [15, с. 19].

В июне 1922 г. Поцелуевский вернулся в Витебск, работал в Конторе американской администрации помощи (АРА) [6]. В январе следующего года Александр Петрович начал преподавать на общегородских курсах эсперанто, организованных Центральным комитетом Западной федерации Союза эсперантистов советских стран [4].

Заметим, что по итогу III Всероссийского съезда эсперантистов, состоявшегося летом 1921 г., коммунистической фракцией был организован Союз эсперантистов советских стран (СЭСС). Борис Шабер был назначен уполномоченным ЦК СЭСС по работе среди молодежи и заведующим Секцией

молодежи ЦК СЭСС, а Бюро ПОРСЮЭ было ликвидировано. В тот год также был создан ЦК Западной федерации СЭСС [13, с. 72].

На общегородском собрании Витебских эсперантистов в 1923 г. Шабер говорил о необходимости привлечения в ЦК Западного фронта СЭСС новых работников, не занятых в других эсперанто-организациях, в частности Поцелуевского, на что последний заявил, что является идейным противником СЭСС и поэтому не может работать в ее организациях, согласен работать только в качестве преподавателя и переводчика [2]. В этот период времени служба просвещения Среднеазиатской железной дороги в г. Ашхабаде пригласила будущего ученого на должность инструктора-методиста. Дальнейшие биография и деятельность Александра Петровича были связаны с Туркменистаном [1, с. 124].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Александр** Петрович Поцелуевский (1894–1948) / Г. Ф. Благова [и др.] // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2004. – № 5. – С. 122–135.

2. **Государственный** архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 41. Оп. 1. Д. 463. Л. 516 об.

3. **ГАВт.** – Ф. 56. Оп. 6. Д. 5. Л. 284.

4. **ГАВт.** – Ф. 59. Оп. 1. Д. 32. Л. 9.

5. **ГАВт.** – Ф. 123. Оп. 1. Д. 1329. Л. 57.

6. **ГАВт.** – Ф. 131. Оп. 2. Д. 22. Л. 15.

7. **ГАВт.** – Ф. 175. Оп. 1. Д. 99 Л. 6.

8. **ГАВт.** – Ф. 200. Оп. 1. Д. 4. Л. 59.

9. **ГАВт.** – Ф. 449. Оп. 2. Д. 358. Л. 1.

10. **Государственный** исторический архив Латвии. – Ф. 2706. Оп. 1. Д. 198. Л. 655.

11. **Лисов, А. Г.** Организации эсперантистов в г. Витебске 1910-х – 1920-х гг. / А. Г. Лисов // Віцебскі край : матэрыялы IV Міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч. 80-годдзю ўтварэння Віцебскай вобласці, 22 лістап. 2018 г. – Мінск, 2019. – Т. 4. – С. 276–279.

12. **Мартыненко, А. В.** История распространения религиозной общины бахаи в России (имперский, советский, постсоветский периоды) / А. В. Мартыненко // Известия Самарского научного центра РАН. – 2010. – № 6. – С. 292–298.

13. **Силина, А. В.** Борис Шабер – человек многих талантов / А. В. Силина // Искусство и культура (Витебск). – 2021. – № 3 (43). – С. 70–75.

14. **Силина, А. В.** Журнал «Al eterna lumo» как источник об эсперанто-движении / А. В. Силина // Актуальные проблемы источниковедения : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 23–24 апр. 2021 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А. Н. Дулов (отв. ред.) [и др.]. – Витебск, 2021. – С. 279–281.

15. **Хроника** // Al eterna lumo. – 1921. – № 3/4. – С. 15–20.

16. **Шруба, М.** «Дружба» / М. Шруба // Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов : словарь / под науч. ред. А. И. Рейтблата. – Москва, 2004. – С. 51.

17. **Эсперанто** среди молодежи // Esperantista movado. – 1920. – № 2 (9). – С. 10.

Сіўко Ф.І. *(г. Віцебск)*

ТАПОНІМЫ НІЖНЯГА ЦЯЧЭННЯ РАКІ ВЯТЫ Ў ДАЎНЕЙШЫХ І СУЧАСНЫХ СПІСАХ, ДАВЕДНІКАХ, СЛОЎНІКАХ І СРОДКАХ МАСАВАЙ ІНФАРМАЦЫІ

У агульным значэнні тапонім (грэч. *τόπος, ὄνομα* – месца, імя) – назва геаграфічнага аб'екта пэўнай мясцовасці. Як вядома, адзінага падыходу да класіфікацыі тапонімаў на сённяшні дзень не існуе, навукоўцы падзяляюць іх паводле знешніх прыкмет на некалькі класаў[1]:

• гідронімы – назвы водных аб'ектаў: рэк (патамонімы), азёр (лімнонімы) і г. д.;

• айконімы – назвы населеных пунктаў: гарадоў (асціонімы), сельскіх паселішчаў (камонімы);

• мікратапонімы – назвы невялікіх месцаў (калодзежаў, крыніц, вадаспадаў і г. д.);

• урбаноімы – найменні ці назвы ў межах тапаграфічнага аб'екта;

• аронімы – назвы ўзнятых форм рэльефу (гор, узгоркаў, хрыбтоў і г. д.);

• ойкадамонімы – назвы будынкаў;

• эклезіонімы – уласныя імёны культавых месцаў.

Тапонім можа шмат сказаць пра гісторыю мясцовасці і лад жыцця ды побыт яе насельнікаў, а праз ступень аўтэнтычнасці пры падачы на мапах, у выданнях практычнага прызначэння (даведніках, спісах, слоўніках) – пра стан тапанімікі як навукі. У плыні адзначанага прааналізуем некаторыя тапонімы ніжняга цячэння р. Вяты (мясц. – Вяткі), што ўліваецца ў Заходнюю Дзвіну на ўскрайку аднайменнае в. Вяты Мёрскага раёна. Мясціны, куды, з прычыны яе аддаленасці ад буйных населеных пунктаў, нага тапаніміста калі і ступала, дык вельмі рэдка.

Рака Вята

Даўжыня р. Вяты, левага прытока Заходняй Дзвіны, – 31 км. У пераліку на так званыя малыя беларускія вёрсты, якімі карысталіся нашы продкі да ўвядзення метрычнай сістэмы мер, гэта прыкладна 20 вёрст[2]. Вята выцякае з воз. Набіста (Дзедзіна, Дзедзінскае) ля в. Перабродзе Мёрскага раёна і да воз. Шчоўна мае іншую назву (патамонім) – *Хараброўка*. У «Матэрыялах па гісторыі і геаграфіі Дзісенскага і Вілейскага паветаў Віленскай губерні»[3] А. Сапунова і кн. У. Друцкага-Любецкага 1893 г. гэта назва падаецца з няпоў-

[1] У прыведзеным далей пераліку названыя толькі тыя класы, якія сустракаюцца ў гэтым даследаванні.

[2] Малая вярста = 1559,7 м.

[3] Тут і далей пераклад назваў прац і тапонімаў з рускай і польскай моў, а таксама адаптацыя пададзеных па-польску тапонімаў да кірыліцы аўтара артыкула.

нагалоссем: *Храброўка*. Паводле выдання І.І. Гашкевіча «Віленская губерня: поўны спіс населеных месцаў са статыстычнымі дадзенымі пра кожнае паселішча» 1905 г., усе населеныя пункты Друйскай воласці[4], што знаходзяцца ўздоўж левага берага ракі, месцяцца па-над *Вятай*, у той час, як большасць вёсак і хутароў суседняй Лявонпальскай воласці, што знаходзяцца на процілеглым правым беразе і часам літаральна за некалькі соцень метраў ад першых, – ужо чамусьці па-над *Хараброўкай*. Гэткая недарэчнасць тлумачыцца, відаць, тым, што складальнік выдання карыстаўся пры падрыхтоўцы рукапісу да друку звесткамі з розных крыніц і на неадпаведнасць адных другім адносна аднаго і таго ж аб'екта належнае ўвагі не звярнуў.

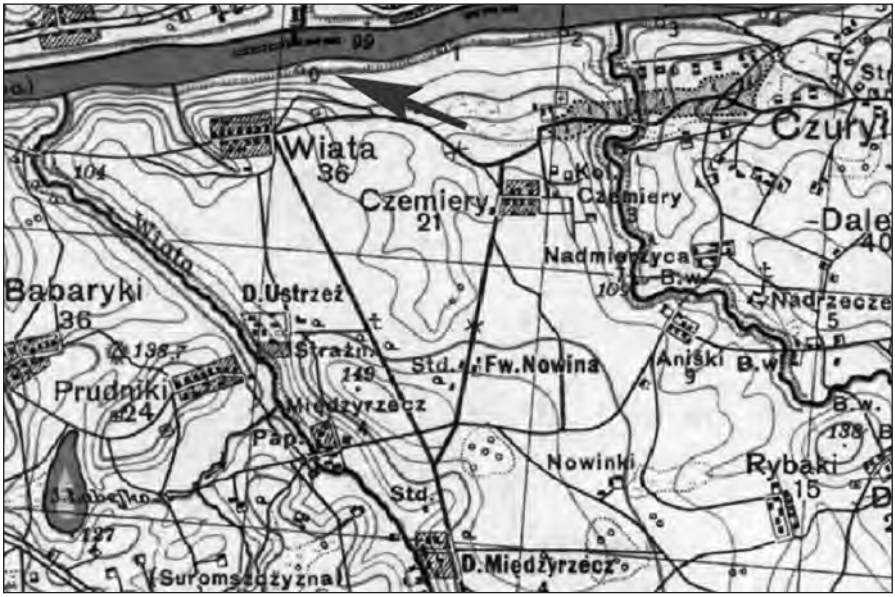
У дадатак адзначым, што абодва адрэзкі ракі маюць кожны ў сваім цячэнні аднайменны ўласнай назве населены пункт: Вята – в. Вяту, Хараброўка – в. Хараброва.

Рака Вята ў сярэдзіне ніжняга цячэння. Здымак А. Немянёнак. 2021 г.

Як сцвярджаецца ў рускамоўнай версіі апісання р. Вяты ў Вікіпедыі, яна ўпадае ў Заходнюю Дзвіну за 1 км ніжэй па цячэнні ад в. Вяты. Хаця правільна было б – за 1 км ад цэнтра в. Вяты. Бо р. Вята, калі зыходзіць з запісаў у дакументах пра месцапражыванне насельнікаў мясціны пры ўтоку Вяты ў Заходнюю Дзвіну – элемент не ваколіц вёскі, а яе самой. Што да дзвюх назваў (патамонімаў) ракі – *Хараброўка, Вята*, – то такое ў яе ніжнім цячэнні і адносна назваў паселішчаў таксама не рэдкасць. Прыкладна за 3 км ад в. Вяты да нядаўняга часу месцілася цяпер ужо згаслая в. Міжрэчча [15]

[4] Найменшая адміністрацыйна-тэрытарыяльная адзінка часоў Расійскай імперыі і савецкага перыяду прыкладна да 1930-х гг.

(мясц. – Мі(е)зарэча), перайменаваная гэтак у XVII ст. з Дубровіцы (Дуброўкі), назву якой не след блытаць з аднакарэннымі назвамі дзвюх яшчэ раней зніклых тутэйшых вёсак, што месціліся на беразе суседняй (упадае ў Заходнюю Дзвіну прыкладна за 4 км ад Вяты) р. Мёрыцы: Надмірэчча (Надмерыца) і Надрэчча. Ды і назва в. Вяты, як убачым далей, калі і не мянялася ніколі кардынальна, дык трансфармавалася паводле нюансаў гучання неаднойчы.



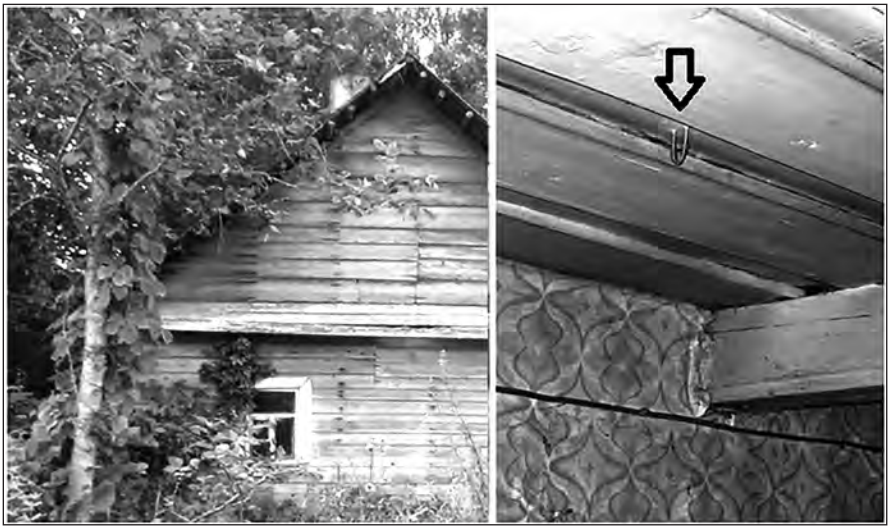
Рака Вята і некаторыя населеныя пункты яе ніжняга цячэння на мапе польскага Вайсковага геаграфічнага інстытута 1932 г.[5] Уверсе стрэлкаю ў кірунку Заходняй Дзвіны, якая ад гэтага месца на процілеглым, латвійскім баку называецца Даўгаваю, пазначаны пункт размяшчэння першага па ліку (нулявога) слупа на тагачаснай мяжы Польшчы, Латвіі і СССР.

Кухальшчына

Маляўнічы ўскраек (урочышча) в. Вяты пры месцы ўпадзення р. Вяты ў Заходнюю Дзвіну наўзбоч колішняе мяжы трох дзяржаў цяпер зусім бязлюдны, а яго старадаўняя назва *Кухальшчына* – мікратапонім, не проста абмінуты ўвагаю тапанімістаў, краязнаўцаў і мапографаў, а і зусім забыты. Ад часоў распаду СССР – гэта глухая пясчаная мясціна, густа зарослая хмызам і дрэвамі лесапасадкі частка памежнае паласы. Сёння і ўявіць нават цяжка, што некалі тут, як і ва ўсёй Вяце, віравала жыццё: людзі гадавалі дзяцей, ураблялі зямлю, даглядалі статак, займаліся рыбалоўствам і плытагонствам,

[5] Да сённяшняга дня гэта мапа мясцовасці, бадай, самая падрабязная.

і нават дзейнічала, як сцвярджалі да адыходу ў іншы свет некаторыя старажылы, ткацкая (і быццам бы не адна) ці то мануфактура, ці то – хутчэй за ўсё – саматужная арцель. У пачатку 1930-х гг. мясцовыя сяляне сяліліся ў Кухальшчыне ўздоўж правага берага ракі згодна з аб'яўленай польскімі ўладамі праграмай хутарызацыі. Гэта быў час, калі ніводзін лапік зямлі так званых крэсаў не заставаўся без гаспадара, а хаты ды гаспадарчыя пабудовы тубыльцаў ва ўзгорыстым закутку паміж Заходняю Дзвіной і пятлястаю Вятай спраўна ляпіліся да кустоўя на высокім і часам надта ж стромым беразе прытока.



Апошняя, ад не так даўняга часу спусцелая хата ў Кухальшчыне, у якой на момант нараджэння аўтара кватаравалі ягоныя бацькі. Належала селяніну Данату Анашку, затым – яго сыну Антону. Злева – цяперашні выгляд будынка звонку. Справа (у кірунку стрэлкі) – фрагмент столі (мясц. – сталявання) з круком для прывязвання зыбкі немаўляці. Здымкі Д. Росала. 2021 г.

Прудніцкае гарадзішча. Фартэцыя Вята

Вядомы па крыніцах з XVI ст. (першая згадка датуецца 1515 г.) замак-фартэцыя Вята (Betha, Wetta, Viviata, Wieta, Wiata), ад якога цяпер застаўся, на жаль, толькі курган, знаходзіўся на Прудніцкім гарадзішчы, прыкладна за кіламетр ад сённяшняга цэнтра вёскі, што і сталася прычынаю наяўнасці двух тапонімаў для абазначэння гэтага месца: *Прудніцкае гарадзішча; замак Вята.* Калі для чалавека дасведчанага такое розначытанне не праблема, то для асобы, далёкай ад метамарфозаў тапанімікі, – відавочна. Тым больш, што ўзведзены Іванам Сапегам на старажытным гарадзішчы замак падчас

вайны Расіі з Рэччу Паспалітай у сярэдзіне XVII ст. быў разбураны, а здабыць дакладныя звесткі з яго папярэдняй і наступнай гісторыі не так проста. Але, як бы ні было, кожная з дзвюх назваў мае права на існаванне. *Замак-фартэцыя Вята,* што месціўся на *Прудніцкім гарадзішчы*; *Прудніцкае гарадзішча*, на якім месціўся *замак-фартэцыя Вята*, – так, відаць, будзе правільна казаць пры выкарыстанні назваў у спалучэнні аднае з другой. Для чалавека ж неабазнанага ў гісторыі мясціны гэты курган сёння – не больш як аронім, застылая ў часе ўзнятая форма рэльефу без зместу і прыкмет жыцця.

Рэшткі Прудніцкага гарадзішча, сённяшні выгляд. Здымак Д. Росала. 2021 г.

Кардоннае прадпрыемства (пазней – млын, гідраэлектрастанцыя) у фабрычнай асадзе Міжрэчча

Прудніцкае гарадзішча – не адзіная мясціна ніжняга цячэння Вяты, назва якой часам патрабуе ўдакладнення. І найперш маецца на ўвазе маляўнічы куток пры згібе ракі ў месцы найбольшага перападу ўзроўню яе рэчышча крыху больш за паўкіламетра ад кургана. Сёння гэта ўлюбёнае месца адпачынку і спасціжэння хараства прыроды не толькі жыхароў Мёршчыны, але і іншых рэгіёнаў Беларусі. У друкаваных выданнях і сеціве мікратапонім для яго абазначэння гучыць так: *вадаспад на Вяце.* Гэта правільна, аднак раз-пораз мільгаюць і такія няслушныя назвы, як *вадаспад у Суромшчыне (у Вяце, у Прудніках).* І нават, як, напрыклад, у прысвечаным Мёршчыне раздзеле кнігі «Гарады і вёскі Беларусі» 2019 г. выдання, – *у Мёрах*. Што прыкладна тое самае, як прыпісаць купалаўскую сядзібу ў Ляўках Оршы, а Германавіцкі музей мастацтва і этнаграфіі імя Язэпа Драздовіча – Шаркаўшчыне.

На згаданай польскай мапе 1932 г. гэтае месца, як і двор (маёнтак), што знаходзіўся вышэй супраць цячэння ракі, прыкладна за кіламетр адсюль, названае *Міжрэччам*. І пададзенае курсівам (гэта значыць кваліфікаванае як гаспадарчая адзінка, прыналежная да двара Міжрэчча), з пазнакаю-скаротам аб размяшчэнні тут кардоннай фабрыкі. У спісе мясцовасцей Рэчы Паспалітай 1938 г. назва месца выглядае так: os. fabr. (osada fabryczna – фабрычная асада[6]. – *Ф. С.*) Międzyrzecze.

Такая аднайменнасць двара і аднесенай да яго фабрычнай асады спарадзіла ў тагачасных даведніках і спісах пэўную блытаніну. Так, паводле спіса ўладальнікаў маёнткаў Лявонпальскай гміны[7] 1929 г., гаспадаром двара Міжрэчча з'яўляецца Альгерд Аскерка. А ў спісе крэсавых маёнткаў на 1 верасня 1939 г. (але паводле стану на папярэдні, 1928 г.) у якасці ўладальніка гэтага ж двара фігуруе Багдан Козел-Паклеўскі (Bohdan Kozieł-Poklewski). У той час, як паводле спіса млыноў гміны 1938 г. яго цёзка па прозвішчы В. Козел-Паклеўскі (W. Kozielł-Poklewski) з'яўляецца ўладальнікам млына ў фабрычнай асадзе Міжрэчча. Ці гэта аднафамільцы, ці сваякі, ці, можа, наогул адна і тая ж асоба, толькі з апіскамі ў ініцыяле і ў першай частцы падвойнага прозвішча ў другім выпадку – сёння сказаць цяжка. Як і цяжка пагадзіцца са складальнікамі спіса ўладальнікаў земскіх маёнткаў Браслаўскага павета 1930 г. наконт таго, быццам Альгерд Аскерка – уладальнік толькі маёнтка ў Ільмовіках, а пры гэтым Міжрэчча ў пераліку двароў нават не ўзгадваецца, быццам яго наогул не існуе ў прыродзе.

З самых відавочных фактычных памылак датычна колішняй асады больш позняга часу варта адзначыць тую, што, з увагі на аддаленасць фабрычнай асады ад двара Міжрэчча, жыхары паваеннае, узніклае на месцы двара аднайменнае вёскі адносілі асаду, а затым і штучны вадаспад пры руінах колішняй фабрыкі (млына, гідраэлектрастанцыі) не да свайго паселішча, а да другой, крыху бліжэйшай да асады мясціны – Устжэжа. І называлі яго, адпаведна, або *Устжэжам*, або – часцей за ўсё – проста *Фабрыкай* (мясц. – *Фабаркай*).

Устжэжа і яго ваколіцы

Камонім *Устжэжа* на мапе 1932 г., у адраснай кнізе Польшчы 1929 г., у пераліку земскіх маёнткаў Браслаўскага павета 1930 г., у іншых крыніцах падаецца на польскай мове па-рознаму: *Ustrzesz*, *Ustrzeż*, *Ustrzerz* (тут і далей падкрэсліванні аўтара. – *Ф. С.*). Назва, відавочна, утвораная ад польскага слова ustrzec *(зберагчы, абараніць, уварта ваць)* і звязаная з наяўнасцю паблізу маёнтка памежнай заставы (на мапе 1932 г. па-польску са скаротам – strażn.), што знаходзілася за паўвярсты ад фабрыкі ў кірунку в. Вяты, насу-

[6] Сядзіба, пасяленне.

[7] Польск. gmina – найменшая адміністрацыйная адзінка ў Польшчы, бел. – воласць.

праць в. Прудніkі. Таму і пададзены складальнікамі кнігі «Памяць. Мёрскі раён» пераклад яго назвы паводле працы О. Гедэмана «Гісторыя павета Браслаўскага» як *Устраж*, хаця з пункту гледжання практыкі падачы тапонімаў іншамоўнага паходжання і некарэктны, аднак жа зместава ўяўляецца дакладным. Гэтаксама, як і пераклад назвы на рускую мову ў спісе населеных пунктаў Мёрскага раёна «Геаграфічнага ўказальніка да пагаспадарчых кніг» 2013 г. выдання, – Устреже (Устеже).

Што да варыянтаў напісання камоніма ў сучасных выданнях без перакладу (*Устжэша, Устшэжа, Утжэша*), то гэта, з улікам згаданае адсутнасці адзінства ў напісанні назвы ў польскіх крыніцах і спецыфікі перадачы на пісьме некаторых спалучэнняў зычных гукаў у мове нашых заходніх суседзяў, быццам бы зразумела. З гледзішча ж патрэбы ўніфікацыі гучання і напісання назваў, канечне, непажадана. *Устжэжа* – так падаецца найменне мясціны ў большасці вартых даверу крыніц, і такой яна павінна заставацца ў спадчыну нашчадкам.

Як ужо адзначалася, жыхары прылеглых да колішняе фабрычнае асады вёсак здаўна называлі яе проста Фабрыкай (Фабаркай). Пасля спынення працы электрастанцыі гэтая назва замацавалася за месцам знаходжання вадаспада. Гісторыя ж самой мясціны збольшага вядомая, хаця і ўдакладненя, зразумела, патрабуе. Ад XIX ст. тут дзейнічала фабрыка па вытворчасці кардону [3, с. 487]. З ваколіц в. Рачнёва, Павяцце і іншых населеных пунктаў сюды па Вяце сплаўляліся (дастатковы для сплаву ўзровень вады ў рацэ забяспечваўся дзякуючы запрудам пры млынах) асінавыя бярвенні даўжынёю да 2–3 м. Тут яны пілаваліся, пілаванае драбілася на шчэпкі, крышылася, малолася, молатае прасавалася ў пласты, якія затым сушыліся (сушарняў было дзве: адна ўнізе, на доле, другая – вышэй на ўзгорку, абедзве былі пашкоджаныя ў 1939 г. падчас моцнага дваццаціхвіліннага градабою) і, даведзеныя да належнае кандыцыі, адвозіліся ў Друю для далейшай адпраўкі ў Вільню.

Затым фабрыка была перароблена на вадзяны млын[8]. Гаспадарамі яго, паводле І.І. Гашкевіча, з'яўляліся ўладальнікі Міжрэчча Мірскія, а ў канцы 1930-х гг., калі даваць веры растыражаваным сродкамі масавай інфармацыі звесткам паводле расповедаў некаторых тутэйшых жыхароў, – селянін па прозвішчы Казлоўскі. Ці сапраўды гэта быў Казлоўскі, а не згаданы вышэй В. Козел-Паклеўскі, якому млын належаў паводле спіса 1938 г. і падвойнае прозвішча якога дасціпныя тубыльцы цалкам маглі перарабіць на аднакарэннае, больш простае ў вымаўленні, – сёння спраўдзіць складана. Таму застаецца толькі спадзявацца, што сярод краязнаўцаў Мёрскага раёна маладзейшага веку знойдзецца з часам хтосьці, каму будзе цікава зрабіць гэта на карысць аднаўлення справядлівасці мясцовага, так бы мовіць, маштабу.

[8] Там жа.

У 1995 г. в. Сташулі, радзіму сваіх прашчураў, наведаў нехта К. Казлоўскі – унук колішняга ўладальніка сташулёўскага млына А. Судніцкага[9]. Але ці мелі продкі гэтага чалавека дачыненне да міжрэчанскага млына, уласнікам якога калісьці быццам бы з'яўляўся яго цёзка па прозвішчы (а ці, можа, сваяк?), – невядома. Затое вядома, што ў першай палове 1930-х гг. пэўны час працаю млына кіраваў выпускнік Друйскай гімназіі імя С. Баторыя Антон (Антоні) Пупін, пазней – настаўнік Міжрэчанскай пачатковай школы (памёр у 1982 г., пахаваны на могілках в. Бабарыкі).

Да слова, заробак кожнага з работнікаў млына складаў каля 30–40 польскіх злотых, на якія ў той час можна было купіць каля 20 пудоў хлеба. Без працы ж прадпрыемства не прастойвала, бо вальцаваць (плюшчыць) і малоць зерне ды часаць воўну прывозілі сюды нават з Латвіі. Пазней, калі млыны на р. Вяце перасталі дзейнічаць, наадварот, мясцовае насельніцтва пачало вазіць малоць збожжа і даводзіць да ладу воўну ў Латвію[10].

Рэшткі будынка фабрыкі (млына, электрастанцыі). Здымак Д. Росала. 2021 г.

Лічбы на мапе 1932 г. даводзяць, што ў фабрычнай асадзе Міжрэчча былі 4 хаты. А паводле выдання «Пералік мясцовасцей Польскай Рэчы Паспалітай» 1938 г., тут (толькі ўжо не пры кардоннай фабрыцы, а пры млыне) налічвалася 6 хат і 37 жыхароў. Як і ўсюды па-над Вятаю, хаты пасялення месціліся ўздоўж правага берага ракі.

[9] Гл.: Leonpol – Brasławszczyzna (obecnie gmina Użmiony...) leonpol1.wordpress.com.

[10] Звесткі паводле расповедаў жыхароў в. Міжрэчча Антона Пупіна (запіс прыкл. 1980 г.) і Яські Голуба (запіс 2007 г.).

Двор Устжэжа на мапе 1932 г. пазначаецца толькі як маёнтак, без згадкі пра фабрычную асаду. Гэта значыць, да Устжэжа апошнюю прылічаць, як гэта заўсёды рабілі жыхары паваеннае в. Міжрэчча, і, адпаведна, Устжэжам называць – няправільна.

У раздзеле «Пералік земскіх уладальнікаў у гміне Лявонпаль» з адраснай кнігі Польшчы 1929 г. уладальнікам маёнтка Устжэжа з надзелам 410 га чамусьці названы памерлы яшчэ ў 1892 г. Віктар Святаполк Мірскі, які годам раней, у пераліку 1928 г. фігуруе ў якасці гаспадара фальварка ў суседніх Чамярах. У спісе ж крэсавых маёнткаў на 1 верасня 1939 г. гаспадыня Устжэжа – Ядвіга Ліхтаровіч. Што да Мірскага, дык, магчыма, складальнікі карысталіся старымі звесткамі. Але гэта, з увагі на грунтоўнасць апісанняў і ахопу гэтымі апісаннямі нашых тагачасных паселішчаў польскімі навукоўцамі ды статыстыкамі і, на жаль, адсутнасць такога ахопу з боку пазнейшых айчынных, беларускіх спецыялістаў, агрэх не такі ўжо недаравальны.

З прыходам саветаў ва Устжэжы быў арганізаваны адзін з першых у Мёрскім раёне калгасаў. Улетку 1940 г., падчас падрыхтоўкі саветаў да акупацыі Латвіі (гэтую падзею, толькі ў дачыненні да іншае мясцовасці, згадвае ў сваіх успамінах «Пад знакам Пагоні» ўраджэнец Прывяцця Язэп Малецкі[11]) ва Устжэжы часова асела частка адселенага з меркаванняў бяспекі насельніцтва з прымежнае Вяты. Каля дзясятка сем'яў пасяліліся тады ў пакінутым гаспадарамі маёнтку (пакоях) і жылі там да прыходу немцаў і затым пэўны час і пры немцах. Апроч прасторнае аднапавярховае драўлянае панскае сядзібы, ва Устжэжы меліся на той час яшчэ дзве хаты для работнікаў (афіцыны[12]).[13]

Вадаспад – Міжрэчанскі!

Заключная фаза выкарыстання чалавекам патэнцыялу воднае стыхіі р. Вяты ў фабрычнай асадзе Міжрэчча – гідраэлектрастанцыя. Афіцыйна называлася яна Міжрэчанскай і, напрыклад, у 1948 г. выпрацавала, сумесна з Мёрскай станцыяй, 45 300 квт/гадзін электраэнергіі. У 1960-х гг. прадпрыемства было закрыта. Апошнім, хто заставаўся пры будынку былой электрастанцыі пасля яе спынення, быў Янка Альхімовіч, які стала жыў непадалёк на хутары на другім баку ракі, у кірунку в. Суромшчыны. Ён жа распараджаўся і хатаю, што стаяла амаль усутыч з будынкам і ў часы функцыянавання фабрыкі, млына і электрастанцыі служыла, магчыма, жытлом для адміністрацыі ды канцараю і прыстанкам для памольшчыкаў[14]. Паводле прыпаміну ўраджэнкі гэтых мясцін Юлі Блажэвіч, бацькоў-

[11] Грамадскі дзеяч, лекар, нарадзіўся ў в. Якужы.
[12] Oficyna (польск.) – флігель.
[13] Звесткі паводле расповеду ўраджэнкі в. Вяты Альбіны Анашкі (запіс 2021 г.).
[14] Тых, што прывезлі збожжа для памолу.

скі хутар якой знаходзіўся на тым жа баку ракі, што і суромскі хутар Янкі Альхімовіча, хата пры фабрыцы на момант гаспадарання ў ёй Альхімовіча належала аднаму са сваякоў яго жонкі. Нізіна (дол) з тылу хаты аж да 1980-х гг. апрацоўвалася, выкарыстоўвалася ў якасці гарода ці сенажаці.

На гэтым жа баку ракі, што і гідраэлектрастанцыя, толькі вышэй, крыху воддаль ад схілу гары, месцілася хата апошніх жыхароў былое фабрычнае асады Міжрэчча Альжбеты (памерла ў 1970 г.[15]) і Станіслава (Стася, памёр у 1985 г.) Анашкаў. Яна стаяла справа на ўзгорку пры пад'ездзе да фабрыкі з боку в. Александрыны і хутара Навінкі[16] і была аж да зносу на мяжы 1980-х – 1990-х гг. адзіным напамінам пра тое, што тут, пры мяжы дзвюх гаспадарак (калгасаў «Светлы шлях» і «Гігант»), калісьці жылі і працавалі людзі. Апошнім бліжэйшым да асады жытлом (месцілася метраў за 350–400 ад яе, у кірунку в. Чамяры) доўгі час заставалася хата Чэслава і Тамары Анашкаў. Іх хутар, які лічыўся адным з самых заможных у наваколлі, адносіўся да в. Вяты і знік у пачатку XXI ст.

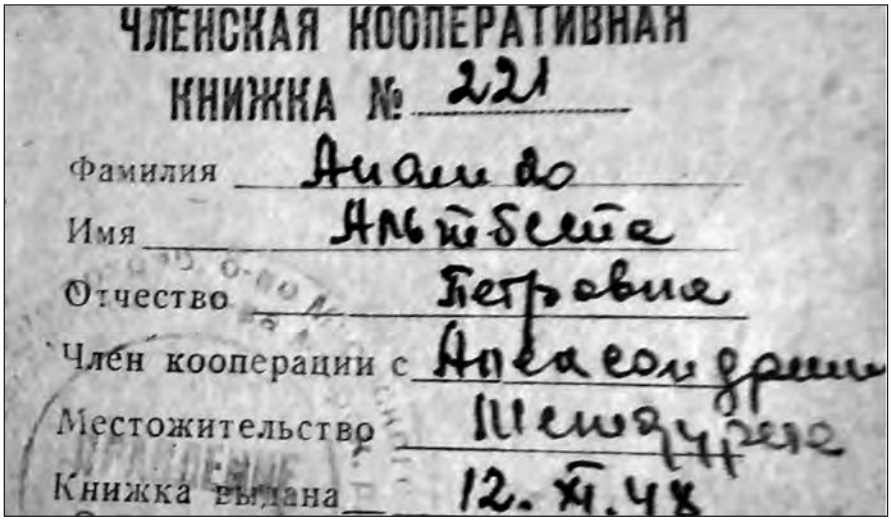
Міжрэчанскі вадаспад. Здымак аўтара. 2005 г.

[15] Згодна з запісам у пасведчанні аб смерці, памерла ў Вяце, хаця сканала ў той самай хаце ў асадзе Міжрэчча, у якой пражыла ўсё жыццё. Казус здарыўся ў выніку перапаразмеркавання земляў паміж калгасамі.

[16] Хутар справа прыкладна на палове шляху ад фабрыкі да в. Александрыны, насупраць в. Міжрэчча.

У беларускамоўнай версіі апісання в. Вяты ў Вікіпедыі сцвярджаецца, што ў міжваенны перыяд тут дзейнічалі школа, карчма і кардонная фабрыка. Што да карчмы – сапраўды, такая гандлёва-піцейная кропка, і нават (у розныя часы) не адна, у вёсцы мелася, пра што ўзгадваецца ў выданні І.І. Гашкевіча. Мелася таксама і школа, але яна была ў канцы 1930-х гг. перанесеная ў в. Чамяры, дзе праіснавала каля 30 гадоў. А вось прылічаць да Вяты і фабрыку (млын, электрастанцыю) не след. Тым больш што і польскія даследчыкі, і складальнікі мапы 1932 г., як і кіраўніцтва ды прэса Мёрскага раёна паваеннага часу, называючы тутэйшую электрастанцыю не іначай як *Міжрэчанскай*, тым самым адназначна адносяць яе да Міжрэчча. Неабвержнае сведчанне апошняга – і асабістыя дакументы Станіслава і Альжбеты Анашкаў і іх дзяцей, паводле якіх месцам іх жыхарства (а дзяцей – і нараджэння) з'яўляецца менавіта Міжрэчча.

Дык і атрымліваецца, што, нягледзячы на звычку насельнікаў паваеннае в. Міжрэчча называць гэту мясціну *Устжэжам*, або, без спасылкі на прыналежнасць да канкрэтнага абназоўленага месца, проста *Фабрыкай*, праўдзівая назва яго ўсё-такі – *Міжрэчча*. А сённяшняга вадаспада, адпаведна, – *Міжрэчанскі*. Або, калі прывязваць назву мясціны да назвы ракі: *вадаспад на Вяце*. (Трэба дадаць, між іншым, што ні ў атласе БССР 1958 г. выдання, ні на генеральнай мапе «Беларускія землі ў пачатку XX ст.» Устжэжу і Міжрэччу, у адрозненне ад старых польскіх мапаў, месца не знайшлося.)


ЧЛЕНСКАЯ КООПЕРАТИВНАЯ
КНИЖКА № 221
Фамилия Анашко
Имя Альбета
Отчество Петровна
Член кооперации с Александрии
Местожительство Шешуй
Книжка выдана 12. X. 48

Фрагмент членскай кааператыўнай кніжкі жыхаркі Міжрэчча (у дакуменце па-руску з памылкаю: Междурече) Александрынскага сельсавета Альжбеты Анашкі, хата якой месцілася прыкладна за паўтары сотні метраў ад цяперашняга вадаспада. 1948 г.

Сённяшнія руіны фабрыкі (млына, гідраэлектрастанцыі) – толькі аддалены напамін пра тое, што тут было якіх-небудзь 50 гадоў таму: дыхтоўны, крыху змрачнаваты прадаўгаваты мураваны будынак з трывалейшай чырвонай цэглы; хата пры ім; велічны вадаспад наўзбоч драўлянага моста; чыстая вада, у якой вольна пачуваліся ракі ды шчупакі, сноўдалі ў пошуку спажывы самавітыя акуні, курмялі, язі, плоткі, якіх можна было лавіць вудаю нават без паплаўка, на вока, стоячы на выступе мура, часам трапляліся ў браднік або крыгу вугры (мясц. – угорычы); абрысы гліністае Чырвонае гары метраў за 120 ад моста па цячэнні ракі; усюды панадрэччу – сцежкі, пратаптаныя сярод хмызу нагамі руплівых, знэнджаных няскончнаю калгаснаю працаю міжрэчанцаў і іх статку. Увесну – квецень чаромхі, улетку ўранні – туманы, што гайдаюцца па-над вадою і берагам пухнатаю зыбкаю коўдрай – такой застанецца гэтая мясціна ў памяці тых, каму пашчасціла быць сведкам яе хараства ў пару чароўнае некранутасці.

Капліца ў Вяце. Здымак Д. Росала. 2021 г.

Капліца ці касцёл?

З тапонімаў сучаснай в. Вяты найбольшую цікавасць уяўляе эклезіонім (назва, тытул) размешчанай на прыгорку наўзбоч вясковага могільніка культавай драўлянай каталіцкай пабудовы ў гонар святога Яна Хрысціцеля. Святыня з'явілася тут на пачатку 1930-х гг., фундатарам яе пабудовы быў вядомы ксёндз Юзаф Бародзіч [5], а непасрэдна працамі па ўзвядзенні зай-

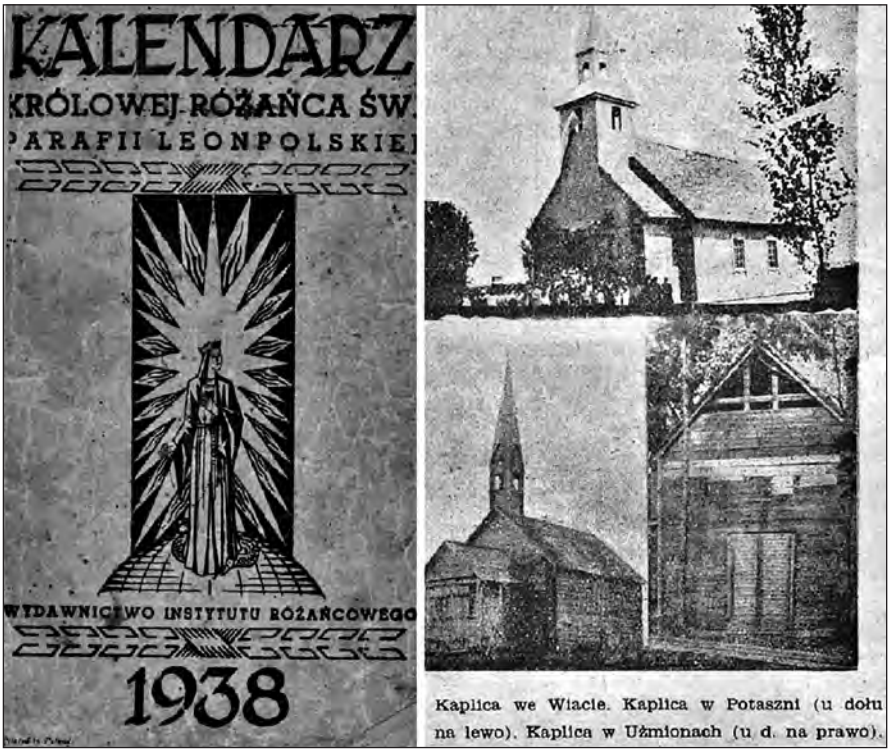
маўся лявонпальскі святар Ян Завістоўскі. Мясцовыя жыхары заўсёды называлі яе і працягваюць называць выключна *капліцаю*, у той час як у таблоідах яна рэпрэзентуецца як *касцёл*. Прынамсі ў артыкуле сяржанта мясцовай стражніцы Корпуса аховы памежжа (месцілася ў в. Чурылава Далёкае) Юзафа Трыянкоўскага пра пасвячэнне ў святыні 24 чэрвеня 1937 г. звона імя маршалка Юзафа Пілсудскага, змешчаным у 5-м нумары выдання «Wiarus» за той жа год, яна называецца *касцёлам*. З увагі на тое, што адна з адметнасцей капліцы – адсутнасць алтара, гэта правільна, бо ў вяцкім храме маецца не толькі алтар, але і амбон – узвышэнне (катэдра) для прамаўлення казанняў.

Капліца ў Вяце. Злева: укрыжаванні Езуса Хрыста пры ўваходзе. Справа: фрагмент алтарнай часткі з абразом Маці Божай Вастрабрамскай, прэзентаваны святыні ўладальніцай устжэжаўскага маёнтка падчас асвячэння звона імя Ю. Пілсудскага 24 чэрвеня 1937 г. Здымкі Д. Росала. 2021 г.

У польскамоўным календары Лявонпальскай парафіі, да якой належала Вята пасля таго, як, паводле рашэння духоўнага суда, – дваццаццю шасцю галасамі супраць трынаццаці – адышла на пачатку тых жа 1930-х гг. ад парафіі Друйскай[17] (справа ўскосна датычыла прабеларускай дзейнасці друйскіх

[17] Звесткі паводле аўдыязапісу размовы аўтара з апошнімі жыхарамі в. Вяты ўлетку 2002 г. (знаходзіцца ў фондах Мёрскага краязнаўчага музея).

святароў, апісанай ва ўспамінах а. А. Надсана), святыня ў Вяце называецца *капліцай*. Што, з улікам наяўнасці ў парафіі галоўнай (цэнтральнай) святыні і таго, што службы ладзіліся ў будынку не рэгулярна, цалкам зразумела. Гэтаксама капліцаю называецца яна і ў пераліку каталіцкіх святынь Мёрскага дэканата 1928 г. У той час, як бажніцы ў Паташні (у «Вялікім гістарычным атласе Беларусі» 2016 г. па-руску – *Поташная*) і Узмёнах фігуруюць у тым жа спісе, у адрозненне ад таго, як падпісаныя яны на здымку ў парафіяльным календары, у статусе філіяльных касцёлаў.



Злева: вокладка календара Лявонпальскай парафіі за 1938 г. (знойдзены на гарышчы хаты жыхароў в. Рыбакі Юльяна (Юліся) і Глены Сіўко, знаходзіцца ў фондах музея сярэдняй школы № 3 г. Мёры). Справа: змешчаныя ў выданні здымкі парафіяльных капліц у Вяце, Паташні і Узмёнах

Млыны

Як ужо згадвалася, ніжняе цячэнне Вяты даўней было багатае на млыны. На адлегласці ў 10 км іх было ажно 5: у Павяцці (паводле выдання Гашкевіча, гаспадар – Панізнік, загадчык у другой палове XX ст. – Мечыслаў Альхімовіч); Рачнёве (загадчыкі-млынары ў другой палове XX ст. – Пётр Савуць

і Мечыслаў Альхімовіч); Аблятове (закладзены ксяндзом Ю. Бародзічам, у слоўніку мясцовасцей Польскага каралеўства фігуруе ў статусе папяровае фабрыкі, па стане на 1905 г. – вадзяны млын, у другой палове XIX ст. гаспадар – Марціноўскі, у першай палове XX ст. – Зыгмунт Абрампальскі (у адраснай кнізе Польшчы 1928 г., відаць, памылкова – Обенпальскі. – *Ф. С.*), млынары паваеннага часу – Клеафас Альхімовіч, Пётр Цярэшка); Сташулях (гаспадары: па стане на 1905 г. – Вялічка, у адраснай кнізе Польшчы 1928 г. – А. Судніцкі) і Міжрэччы. (Гаспадары млыноў, як і млынары, зразумела, маглі мяняцца.) Апроч названых, паводле польскага адраснага даведніка 1931 г., яшчэ два млыны дзейнічалі ў цэнтры гміны – не так далёкім Лявонпалі (мясц. – Люмполе, у А. Сапунова – Леонъ-Поль) і адзін (у перыяд да першага падзелу Польшчы) – на хутары Юзэфова (2 хаты, 15 жыхароў) наўзбоч балотца на ўскраіне Сташулёў. А таксама па адным у Багданаве і Ільмовіках (абодва на р. Мёрыцы). Усе яны не толькі спраўна выконвалі сваю непасрэдную функцыю – малоць зерне, з іх дапамогаю рэгуляваўся ўзровень вады ў рацэ ў адпаведнасці з гаспадарчымі патрэбамі, напрыклад, з тым жа сплавам асінніку на фабрыку ў Міжрэчча, пра што згадваюць у кароткай характарыстыцы р. Вяты А. Сапуноў і кн. У. Друцкі-Любецкі.

Адметнасцю некаторых найбольш буйных з названых млыноў з'яўлялася іх шматпрофільнасць, якая дасягалася дзякуючы наяўнасці некалькіх колаў, што прыводзілі ў рух не толькі жорны, але і станкі для часання воўны, пілы. Так, млыны ў Міжрэччы і Аблятове займаліся і часаннем воўны, на млынах у Сташулях і Ільмовіках была наладжана сукнавальная (валюшная) вытворчасць. Таму не дзіўна, што іх паслугі ў насельніцтва карысталіся вялікім попытам.

З поступам часу запатрабаванасць млыноў знізілася, на многіх з іх на змену вадзяному колу прыйшоў хаця і больш выдаткоўны, але ж і больш мабільны рухавік – матор трактара. А неўзабаве і наогул дзейных млыноў на Вяце не засталося. Сёння пабачыць наяве, а не толькі даведацца з расповедаў старэйшых тубыльцаў, якіх ужо на пальцах адной рукі пералічыш, ці прыблізных (часта далекаватых ад праўды) апісанняў у таблоідах, як некаторыя з тых старых млыноў маглі выглядаць, можна на прыкладзе аднаго – у Аблятове. Каркас гэтага ўнушальнага будынка, што месціцца на беразе Вяты (а не Волты, як гэта чамусьці пададзена ў згаданым «Слоўніку мясцовасцей Польскага каралеўства», а затым – няйначай па інерцыі – у «Кнізе назваў населеных пунктаў Беларусі. Віцебская вобласць» 2009 г., бо Волта цячэ паралельна Вяце за добры дзясятак кіламетраў ад яе), наўзбоч колішняга маёнтка (фальварка) Марціноўскіх (пазней Абрампальскіх) за паўкіламетра ад в. Якужы на фоне тутэйшых несамавітых хат па-ранейшаму ўражвае і кожны раз нагадвае пра значнасць нашай страчанай матэрыяльнай спадчыны, якую мы не здолелі захаваць і з-за ўласнае абыякавасці, і з-за трагічнага збегу абставін. Такіх, напрыклад, як паводка на Заходняй Дзвіне ўвесну

1931 г., калі яе воды пачалі падымацца па прытоках, утвараючы лядовыя заторы, што пашкодзілі, а то і наогул знеслі некалькі млыноў. Большасць з іх былі драўляныя, а значыць – вельмі ўразлівыя да падобных стыхійных катаклізмаў.

Каркас былога млына ў Аблятове. Здымак А. Немянёнак. 2021 г.

Халуй

Мясціна-трохкутнік на згібе ракі пры былым сядзібным доме ў в. Міжрэчча. Гэтае месца, у якім пасля веснавой паводкі на р. Вяце застаецца шмат рознага друзу, калісьці з'яўлялася часткаю парка, а пясчаны ўскраек яго пры самай вадзе служыў гаспадарам двара купальняю.

Лука

Мыс пры дугападобным павароце р. Вяты прыкладна на палове адлегласці ад в. Міжрэчча да вадаспада. У паваенным часе выкарыстоўваўся ў якасці пастаўніка для кароў на час дзённага даення. Мікратапонім (як і папярэдні) утвораны шляхам пераходу агульнага імя ў асабовае.

Лямус

Пабудова для захоўвання харчу, адзення, зерня, якая ўлетку магла выкарыстоўвацца і ў якасці жытла, за пару дзясяткаў метраў ад міжрэчанскай сядзібы. Яе ніжняя, выштукаваная з каменя паўпадземная частка ў паляваенны час служыла калгасу ў якасці ямы для захоўвання сіласу.

Белыя плямы

Аналізуючы тапонімы мясцовасці, нельга не звярнуць увагу і на некаторыя іншыя, апроч ужо згаданых, недакладнасці ў іх апісанні ў дасавецкай

(той жа польскай) тапанімічнай навуцы. Напрыклад, адносна месцазнаходжання воз. *Мядзведзь* (*Mi̲ądźwiedź, Mi̲edźwiedź*). Паводле «Геаграфічнага слоўніка Польскага каралеўства», па стане на 1865 г. адразу аж дзве вёскі Лявонпальскае гміны месціліся пры ім – Сташулі і Суромшчына. (Цікава, што ў «Перапісе мясцовасцей Віленскага ваяводства» 1938 г. праз зноску пададзена і старадаўняя назва апошняй – S̲oromszczyzna. На генеральнай жа мапе «Беларускія землі ў пачатку XX ст.» гэты камонім наогул падаецца па-руску толькі ў адным – старадаўнім – варыянце: C̲ромщина.)

Адлегласць паміж в. Сташулі і Суромшчына, аднак, – не менш за два кіламетры, так што на беразе аднаго і таго ж возера яны месціцца, зразумела, не могуць. Да таго ж, Сташулі месцяцца па-над р. Вятаю, а возера там наогул няма. Праўда, ёсць тое самае згаданае балотца, што, можа, і магло калісьці з'явіцца на месцы менавіта возера, але ж ці так яно было – невядома. Што да Суромшчыны, то сумнеў развейвае ўсё тое ж выданне 1905 г. І.І. Гашкевіча, якое ва ўнісон з традыцыяй тубыльцаў называе возера гэтаксама, як гучыць сёння назва вёскі: *Суромшчына*. Так што лімнонім *Мядзведзь*, калі ён сапраўды існаваў, на сённяшні дзень відавочна можна залічыць да страчаных.

Белых плям у падачы тапонімаў ніжняга цячэння р. Вяты польскімі тапанімікамі, складальнікамі і выдаўцамі атласаў, слоўнікаў ды спісаў дастаткова. Аднак, зноў заўважым, каштоўнасці іх прац гэта не перакрэслівае. Як і не паніжае заслуг перад нашчадкамі такога адданага свайму краю даследчыка, якім быў А. Сапуноў. Бо менавіта дзякуючы высілкам гэтых людзей мы можам сёння хаця б збольшага ўзнавіць нашы старыя назвы і тыпы паселішчаў. Напрыклад, такога невялічкага, на шэсць хат (паводле мапы 1932 г.), *засценка*[18], як Каснарэўшчына. Праўдзівая назва якога, паводле «Спіса мясцовасцей Рэчы Паспалітай» 1938 г., – ці то Красна(о)ўшчына, ці то Краснарэўшчына, а магчыма, як пазначана з пытальнікам у дадатку да назвы ў «Геаграфічным слоўніку Польскага каралеўства», – Касп̲арэўшчына. Паводле выдання І.І. Гашкевіча, гэта – Крсноревщина (з пропускам літары «а») ці наогул – Цегельня.

Апошняе дзіўна, бо гэткі камонім у слоўніках больш нідзе датычна Каснарэўшчыны не сустракаецца. Затое на мапе 1932 г. ён сустракаецца (з пазнакаю, што гэта леснічоўка) аж двойчы за добры дзясятак кіламетраў ад засценка, побач з Лявонпалем. Што, з увагі на наяўнасць у мястэчку па стане на 1886 г. цагельні, не дзіўна. Гэтаксама двойчы, пад назвамі Цагельня Новая (Cegielnia Nowa) і Цагельня Старая (Cegielnia Stara) фігуруе ён з тою ж пазнакаю і ў спісе 1938 г.

[18] Паселішча, што засталося па-за межамі зямель феадальнага маёнтка, арандаваных шляхтаю ці заможнымі сялянамі. Паводле польска-рускага слоўніка, паселішча дробнапамеснай (дробнамаёнткавай) шляхты.

Рачнёва

Апроч функцыі рэпрэзентатыўнай, тапонім (айконім) выконвае функцыю дакументальнага замацавання (праз запіс у метрыцы, пашпарце, іншых дакументах) асабістых даных чалавека. Таму, зразумела, дакладнасць яго – справа важная. На жаль, і ў буйных гарадах скажэнне асціонімаў ды ўрбаноімаў не рэдкасць, пра камонімы ж такіх закінутых мясцін, як ніжняе цячэнне р. Вяты, і казаць не выпадае. Яскравы прыклад – в. Рачнёва, што знаходзіцца прыкладна метраў за 700 ад аблятоўскага млына. Дакладней – дзве аднайменныя вёскі: Рачнёва-1 і Рачнёва-2. Раздзеленыя толькі ракою, яны ўспрымаюцца як адзінае цэлае, а вось паводле дакументаў – гэта зусім не адно і тое. Аднойчы нейкаму неахайнаму службоўцу собіла назвы памяняць месцамі, і цяпер жыхарам абодвух Рачнёваў пры афармленні актаў куплі-продажу ці наследавання, ці з нейкай іншай нагоды даводзіцца з-за неадпаведнасці найменняў вельмі несалодка.

Злева: чалавек у муцэ – млынар Мечыслаў Альхімовіч ля дзвярэй млына. Загадваў млынамі ў Рачнёве і Павяцці ад канца 1950-х – да пачатку 1970-х гг. Сямейную справу – млынарства – пераняў ад бацькі Клеафаса, які млынарыў у Аблятове. Здымак другой паловы 1960-х гг.
Справа: рэшткі ніжняй, каменнай часткі млына ў Рачнёве. Здымак Д. Росала. 2021 г.

Чурылава

Хаця в. Мёршчыны з гэткаю часткай у назве месцяцца воддаль ад р. Вяты, гісторыя іх назваў так заблытана, што патрабуе хаця б павярхоўнага тлумачэння. У працы А. Сапунова і кн. У. Друцкага-Любецкага пры ўпамінанні месца ўпадзення р. Волты ў Заходнюю Дзвіну згадваецца в. Чурылава Бліжняе. Нязначна адрозным камонімам – *Чурылава Блізкае* – пазначана яна і на мапе 1932 г. На той жа мапе за некалькі соцень метраў ад яе знаходзіцца в. Чурылава Далёкае (у спісе І.І. Гашкевіча – Чурылава Дальняе). Абедзве назвы прысутнічаюць і ў «Спісе мясцовасцей Рэчы Паспалітай» 1938 г. У 1975 г. вёскі былі аб'яднаны ў адну пад назваю Чурылава Дальняе (Ніжняе). Назва ж Чурылава Бліжняе, аднак таксама не знікла, бо дзеля зручнасці перайшла да Чурылава, што знаходзіцца на беразе аднайменнага возера больш як за 10 км ад прыдзвінскіх «цёзак» і адносілася калісьці, у адрозненне ад іх, не да Лявонпальскай, а да Мёрскай воласці. У кнізе «Памяць. Мёрскі раён» яно называецца па-ранейшаму – Чурылавам, так, як называецца і вёска на супрацьлеглым ад Чурылава Бліжняга баку Заходняе Дзвіны, у Бігосаўскім сельсавеце Верхнядзвінскага (раней Дрысенскага) раёна. А вось, напрыклад, у раскладзе руху транспарту Мёрскай аўтастанцыі яно падаецца як Чурылава Бліжняе. Што ж, тапаніміка таксама не стаіць на месцы і мусіць паспяваць за пераменамі, якія ўносіць час у наша жыццё.

Сельсавет Аляксандраўскі ці ўсё-такі Александрынскі?

Вёска Александрына (мясц. – Ле(і)ксандрына), якая знаходзіцца прыкладна за 2,5 км ад р. Вяты, у паваенным часе з'яўлялася цэнтрам сельсавета і ў сельсавецкіх дакументах толькі так, без варыянтаў – Александрынаю і называлася. У «Геаграфічным слоўніку мясцовасцей польскай Рэчы Паспалітай» яна мае назву Aleksandryno. Гэтаксама – Александрино – называецца яна і паводле выдання Гашкевіча. На мапе 1932 г. і ў «Спісе мясцовасцей Рэчы Паспалітай» 1938 г. гучанне камоніма, хаця і лацінаю, але выключна бела-рускае – *Aleksandryna*. Гэткі ж камонім (толькі кірыліцай) фігуруе ўсюды ў кнізе «Памяць. Мёрскі раён» і на сучасных дарожных указальніках пры ўездзе ў населены пункт і пры выездзе з яго. Александрина – так пазначана вёска на Генеральнай мапе «Беларускія землі ў пачатку 20 ст.».

Адзінадушнасць у падыходзе да спаконвечнай назвы вёскі парушаюць складальнікі Атласа БССР 1958 г., якія, пераблытаўшы яе, відаць, з іншым паселішчам, што месціцца кіламетраў за дванаццаць адсюль і за сем ад Мёраў, змяшчаюць на мапе пад назваю Александрова. І невыпадкова, бо, паводле спіса населеных пунктаў Мёрскага раёна «Геаграфічнага ўказальніка да пагаспадарчых кніг», ад самага пачатку ўтварэння ў раёне ў кастрычніку 1940 г. дзевятнаццаці органаў мясцовага кіравання сельсавета з назваю Александрынскі, аказваецца, не было. Затое быў Александроўскі (у спісе па-руску Александровский. – *Ф. С.*), які быццам бы існаваў аж да

1960 г. Як такое магло стацца, калі ў завераных пячаткаю сельсавета дакументах мясцовага насельніцтва ўсюды разборліва падаецца назва Александрынскі, а сама в. Александрова, паводле таго ж спіса, яшчэ ў 1949 г. адышла да Павяцкага сельсавета, незразумела.

Аблудную практыку перайначвання, хай сабе і ненаўмыснага, падхопліваюць складальнікі выдання «Гарады і вёскі Беларусі», якія ў пераліку ўтвораных у 1940 г. сельсаветаў Мёрскага раёна надаюць аднаму з іх высмактаную з пальца назву *Александроўскі*, а сапраўдную – *Александрынскі* –пішуць чамусьці ў дужках. Ім наследуюць аматары вольнага стаўлення да фактаў у Вікіпедыі і на іншых інтэрнэт-пляцоўках, раз-пораз тыражуючы відавочную лухту: *Аляксандраўскі* сельсавет. Што нават у дачыненні да Александрова з націскам на перадапошнім складзе было б няправільна, не кажучы ўжо пра Александрыну.

Уверсе: фрагмент пасведчання аб шлюбе бацькоў аўтара. 1951 г. Месца рэгістрацыі – Александрынскі сельсавет Мёрскага раёна Полацкай вобласці. Унізе: фрагмент цяперашняга дарожнага ўказальніка пры ўездзе ў вёску Александрыну. Здымак Д. Росала. 2021 г.

Сённяшні статус мноства паселішчаў ніжняга цячэння абмялелай р. Вяты, як і яе бліжэйшай суседкі Мёрыцы і больш дальняй Волты, – зніклыя. Аблятова, Аніські, Грузды, Дарожкі, Каснарэўшчына, Міжрэчча, Навінкі, Надмірэчча, Надрэчча, Пагулянка, Паршэлева, Рыбакі, Сташулі, Тараракі, Устжэжа, Чарнілова, Юзэфова, Якужы – усім ім было наканавана лёсам адысці ў нябыт, пакінуўшы пасля сябе сведчанні бытавання і мыслення насельнікаў – гістарычныя назвы (тапонімы) ды фотаздымкі і запісы ў дакументах (калі такія захаваліся). На чарзе Чамяры, і Вята, і Лупаўшчына, і Прудзнікі, і, напэўна, некаторыя іншыя. Што казаць пра паселішчы малыя, калі нават такая калісьці шматлюдная вёска, як Бабарыкі, некалі званая суседзямі за

адносную заможнасць насельніцтва *Амерыкай*, і тая ўжо ледзь-ледзь ліпіць. Таму гэтак важна сёння захаваць усё, што можа стацца ў будучыні матэрыялам для вывучэння акалічнасцей існавання так званых неперспектыўных населеных пунктаў рэгіёна, крутых паваротаў іх гісторыі. Канечне ж, захаванне праўдзівага, на грунце ўдумлівага аналізу тых крыніц, што яшчэ не канулі ў Лету пад ціскам капрызлівых павеваў часу.

ЛІТАРАТУРА

1. **Атлас** БССР : Витебская область / редкол.: Малинин С. Н. [и др.]. – Минск ; Москва : Академия наук БССР ; Главное управление геодезии и картографии МВД СССР, 1958.

2. **Виленская** губерния : полный список населенных мест со статистическими данными о каждом поселении, составленный по официальным сведениям И. И. Гошкевичем. – Вильна, 1905.

3. **Гарады** і вёскі Беларусі : Віцебская вобласць. – Мінск : БелЭн, 2019. – Кн. ІІІ : Мёрскі раён. – С. 323–586.

4. **Географический** указатель к похозяйственным книгам [Электронный ресурс] / [составители: Н. А. Боровик и др. ; редкол.: О. В. Пашкевич, С. В. Рублевский]. – 2013. – Ч. 3 : Список населенных пунктов Дисненского, Миорского, Шарковщинского районов (1944–2006 гг.). – Режим доступа: https://archives.gov.by/home/arhivnyespravochniki. – Дата доступа: 18.05.2022.

5. **Ермалёнак, В.** Чароўных вандровак пярсцёнкі : краязнаўчыя маршруты па Мёрскаму раёну / Вітаўт Ермалёнак. – Мінск : Капитал Принт, 2017. – 202 с.

6. **Ермалёнак, В. А.** Юзэф Бародзіч – нястомны будаўнік святыняў / Ермалёнак В. А. // Віцебскі край. – Мінск, 2021. –Т. 6. – С. 256–266.

7. **Зборны** аркуш генеральнай карты «Беларускія землі ў пачатку ХХ ст.» // Вялікі гістарычны атлас Беларусі : [у 4 т.]. – Мінск : Белкартаграфія, 2016. – Т. 3. – С. 158–159.

8. **Малецкі, Я.** Пад знакам Пагоні / Я. Малецкі // Спадчына. – 1994. – № 2–5.

9. **Надсан, А.** Беларускае рэлігійнае і культурнае жыццё : гісторыя і асобы : выбранае / Аляксандр Надсан. – Мінск : Кнігазбор, 2014. – С. 169–472.

10. **Назвы** населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь : Віцеб. вобл. : нармат. давед. / У. М. Генкін, І. Л. Капылоў, В. П. Лемцюгова ; пад рэд. В. П. Лемцюговай. – Мінск : Тэхналогія, 2009. – С. 318–333.

11. **Памяць** : Міёрскі раён : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / рэдкал.: Г. М. Маняк [і інш.] ; уклад. Л. А. Матэлёнак ; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск : БелЭн, 1998. – 630 с.

12. **Сапунов, А.** Материалы по истории и географии Дисненского и Вилейского уездов Виленской губернии / А. Сапунов и кн. В. Друцкий-Любецкий. – Витебск : Губернская Типо-Литография, 1896. – С. 16.

13. **Сапунов, А.** Река Западная Двина / А. Сапунов. – Витебск : Типо-Литография Г. А. Малкина, 1893. – С. 65, 133.

14. **Сіўко, Ф.** Капліца ў Вяце / Ф. Сіўко // Ave Maria. – 2002. – № 11 (90).

15. **Сіўко, Ф. І.** «Куба» – любоў мая … / Сіўко Ф. І. // Віцебскі край. – Мінск, 2021. – Т. 6. – С. 229–238.

16. **Ткачоў, М. А.** Замкі і людзі / М. А. Ткачоў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – С. 158.

17. **Штыхаў, Г. В.** Крывічы : па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі / Г. В. Штыхаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 191 с.

18. **Aftanazy, R.** Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej / Roman Aftanazy. – Wrocław, 1993. – T. 4 : Województwo Wileńskie.

19. **Baza** miejscowości kresowych. – Warszawa : Wojskowy inctytut geograficzny, 1932.

20. **Księga** adresowa Polski. – Warszawa : Towarzystwo reklamy międzynarodowej, 1928.

21. **Księga** adresowa Polski : Wykaz właścicieli ziemskich w gminie Leonpol. – Warszawa, 1929.

22. **Rokicki, J.** Majontki kresowe, stan na 1 września 1939 r. : Majątki ziemskie i nieruchomości miejskie – woj. Nowogródzkie, Lwowskie, Poleskie, Stanisławowskie, Tarnopolskie, Wileńskie i Wołyńskie / J. Rokicki.

23. **Słownik** geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. – Warszawa, 1885. – T. I–XV.

24. **Tryjankowski**, **J.** Poswięcenie dzwonu im. Marszałka Piłsudskiego ufundowanego przez podoficerów / Tryjankowski J. – Wiarus, 1937. – № 5 ; № 30.

25. **Wykaz** miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. – Warszawa, 1938. – T. 1 : Województwo Wileńskie.

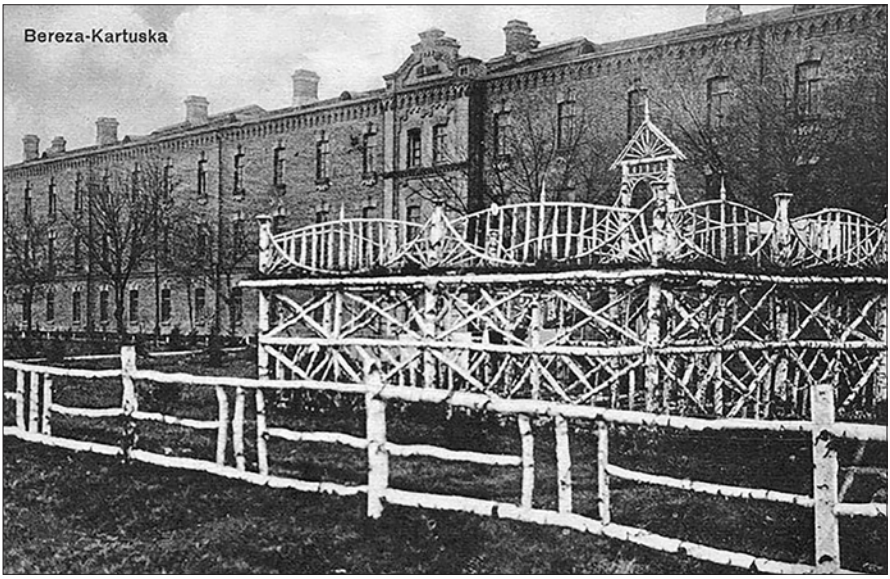
ДАДАТКІ

Дадатак 1

Да матэрыялу А.М. Дулава

Фота 1. Сялянская сям'я на Палессі. 1930-я гг.

Фота 2. Стары і хлопчык плятуць лапці



Фота 3. Лагер у Бярозе-Картузскай

Фота 4. Лагер у Бярозе-Картузскай

Фота 5. Жыхары Заходняй Беларусі сустракаюць вызваліцеляў

Фота 6. Заходняя Беларусь, паблізу Вільні. Чырвонаармейцы раздаюць свежыя маскоўскія газеты

Фота 7. Беласточчына. Сяляне на сходзе прымаюць адзінагалоснае рашэнне аб падзеле зямлі князя Любамірскага

Фота 8. Народны сход Заходняй Беларусі ў Беластоку. 1939 г.

Фота 9. Паўнамоцная камісія Народнага Сходу Заходняй Беларусі на сустрэчы з вышэйшым кіраўніцтвам СССР. Масква. 3 лістапада 1939 г.

Да матэрыялу Т.У. Аляксеевай

Фота 1. Герой Савецкага Саюза Іван Паўлавіч Собалеў

Фота 2. Банер «Беларускі краязнаўчы алфавіт Акцябрскага сельскага савета»

Да матэрыялу Т.В. Бараненкі

Фота 1. Выхавальніцы і выкладчыкі Полацкай жаночай гімназіі (у другім радзе злева – настаўніца французскай мовы Віктарына Розіа). Копія фатаграфіі 1912 г. фатографа Бернштэйна [5]

Фота 2. Выпускніцы Полацкай жаночай гімназіі – Таццяна Іванаўна Вышынская (Азернікава) і Алена Георгіеўна Казьяніна (Александровіч). Невядомы фатограф. 1917 г. [5]

Фота. 3. Група гімназістак (першая злева – Елізавета Віктараўна Кучынская (Краўчанка)). Копія фатаграфіі невядомага фатографа пачатку XX ст. [5]

Фота. 4. Ігумення Ніна (Баянус) з вучаніцай Кацяй Лявонавай.
Фатограф Т.Л. Паноў, г. Растоў. 1916 г. [6]

Фота. 5. Манахіня Ніна з паслушніцай Фёклай Клоп. Невядомы фатограф.
Пачатак XX ст. [6]

Фота. 6. Глафіра Кузьмінічна Валуйская – сястра міласэрнасці 2-га зводнага шпіталя РТЧК.
Фатограф Бернштэйн. г. Полацк. 1914 г. [5]

Да матэрыялу К.Р. Карпекіна

Фота 1. Маёнтак Чарнаручча ў 1783 г. [11, арк. 1]

Фота 2. Сядзібны дом у маёнтку Чарнаручча. Каля 1914 г. [15, s. 286]

Фота 3. Рэшткі сядзібнага дома былога маёнтка Чарнаручча. 1950-я – 1960-я гг.
Фотаздымак з фондаў Лёзненскага ваенна-гістарычнага музея

Да матэрыялу М.А. Ляшчынскага

Фота 1

Фота 2

Фота 3

Список воспитанников горы-горецких учебных заведений, перешедших на сторону польских мятежников при нападении сими последними на город Горки и Горы-Горецкий институт 24 апреля 1863 года

А. Студенты Института			
№	Имя и фамилия	Из какой губернии родом	Какого вероисповедания
1.	Висковский Станислав	Могилевской	католического
2.	Доморацкий Войтех (убит)	Волынской	католического
3.	Запольский Людвиг	Витебской	католического
4.	Дзердзеевский Эдмунд	Ковенской	католического
5.	Шульц Владислав	Могилевской	католического
6.	Червинский Раймунд (ранен и в плену)	Витебской	католического
7.	Березинский Николай	Ковенской	православного
8.	Гацицкий Болеслав		
9.	Заблоцкий Онуфрий	Витебской	католического
10.	Козелл-Поклевский Евстафий	Виленской	католического
11.	Кржишталович Иван	Витебской	католического
12.	Кушелевский Август	Виленской	католического
13.	Лятоскович Евгений	Волынской	православного
14.	Лятоскович Осип	Волынской	православного
15.	Антонович Осип	Виленской	католического
16.	Бржезинский Мечеслав	Могилевской	католического
17.	Бродовский Иосиф	Виленской	католического
18.	Бутович Иосиф	Витебской	католического
19.	Вислоцкий Вацлав	Гродненской	католического
20.	Казак Георг	Лифляндской	лютеранского
21.	Ковзан Людвиг	Минской	католического
22.	Кудревич Петр	Ковенской	католического
23.	Манюшко Иосиф	Могилевской	католического
24.	Моргулец Стефан	Волынской	католического
25.	Нитославский Николай	Могилевской	католического
26.	Прус-Жуковский Болеслав	Могилевской	католического
27.	Рабей Владимир	Могилевской	католического
28.	Рапацкий Константин	Виленской	католического
29.	Романовский Александр	Минской	католического
30.	Ростковский Эразм	Могилевской	католического
31.	Сулимо-Самуйло Болеслав	Витебской	католического
32.	Сурин Петр	Могилевской	католического
33.	Сурин Фелициян (ранен и в плену)	Могилевской	католического
34.	Схнейдер Иван	Могилевской	католического
35.	Хрусцевич Франц	Волынской	католического
36.	Шемиот Александр	Виленской	католического
37.	Янковский Михаил	Царства Польского	католического

Б. Ученики Училища			
1.	Городко Франц	Минской	католического
2.	Подмостко Станислав		католического
3.	Зеленевский Казимир	Минской	католического
4.	Родневский Бронеслав	Виленской	католического
5.	Рутайтис Никодим		католического
6.	Струмилло Антоний	Могилевской	католического
7.	Винкевич Владислав	Виленской	католического
8.	Гладковский Александр	Гродненской	католического
9.	Парфенович Павел	Виленской	католического
В. Ученики таксаторских классов			
1.	Малиновский Осип	Минской	католического
2.	Лапша Осип	Могилевской	католического
3.	Рогинский Эдуард	Могилевской	католического
4.	Ястржембский Иван	Могилевской	православного
5.	Савицкий Владислав	Могилевской	православного
6.	Кильдыш Донат	Виленской	католического
7.	Козловский Антон	Минской	католического
8.	Тарасевич Сильвестр	Минской	католического

Дадатак 6

Да матэрыялу С.М. Мясаедавай

Фота 1. Камушар Рыгор Абрамавіч

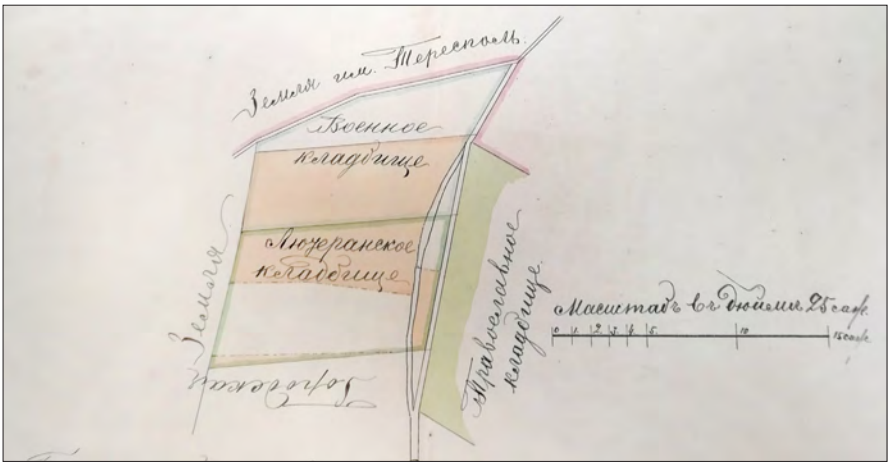
Фота 2. Камушар (Фрадкіна) Вера Канстанцінаўна

Фота 1. Мемарыял на Брацкай магіле загінуўшых савецкіх воінаў
у аг. Заронава Віцебскага раёна

Фота 2. Пліты з імёнамі загінуўшых на тэрыторыі Віцебскага раёна лётчыкаў 3 ПА.
Мемарыял на Брацкай магіле загінуўшых савецкіх воінаў у аг. Заронава Віцебскага раёна

Дадатак 8

Да матэрыялу Г.С. Арлоўскага, А.Г. Свістуновай



Фота 1. План часткі гарадской зямлі з дачы «Юр'ева слабада», уступленай па пастанове Віцебскай Гарадской Думы на ўладкаванне Вайсковых могілак у колькасці 2009 кв. саж. і пад Лютэранскія могілкі ў колькасці 2080 кв. саж. НГАБ. – Ф. 2496. Воп. 1. Спр. 1130. Л. 25

Фота 2. Цагляная арка Старасямёнаўскіх могілак. Фота Г.С. Арлоўскага. 05.06.2020

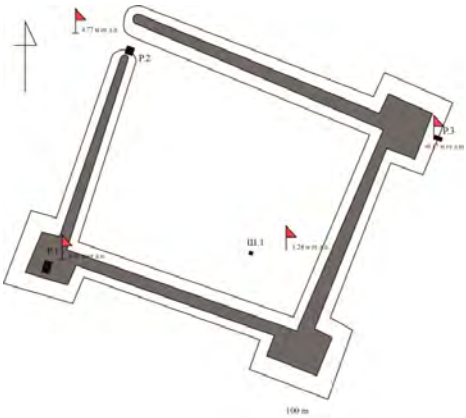
Фота 3. Гістарычнае пахаванне з гранітным надгроб'ем і каванай агароджай на Старасямёнаўскіх могілках. Фота Г.С. Арлоўскага. 13.08.2021

Фота 4. План, які фіксаваў усходнія межы Адзінаверскіх могілак (цяпер Абрадніцкіх). ДАВВ. – Ф. 67. Воп. 1. Спр. 412. Л. 25

Фота 5. Пескавацінскія могілкі. дарэвалюцыйная каваная балконная агароджа, прыстасаваная пад магільную агароджу, з пераліцаваным гістарычным гранітным надгроб'ем.
Фота Г.С. Арлоўскага. 09.11.2021

Фота 6. Клеймы майстроў гістарычных надгроб'яў на Пескавацінскіх могілках

Да матэрыялу І.У. Спірына

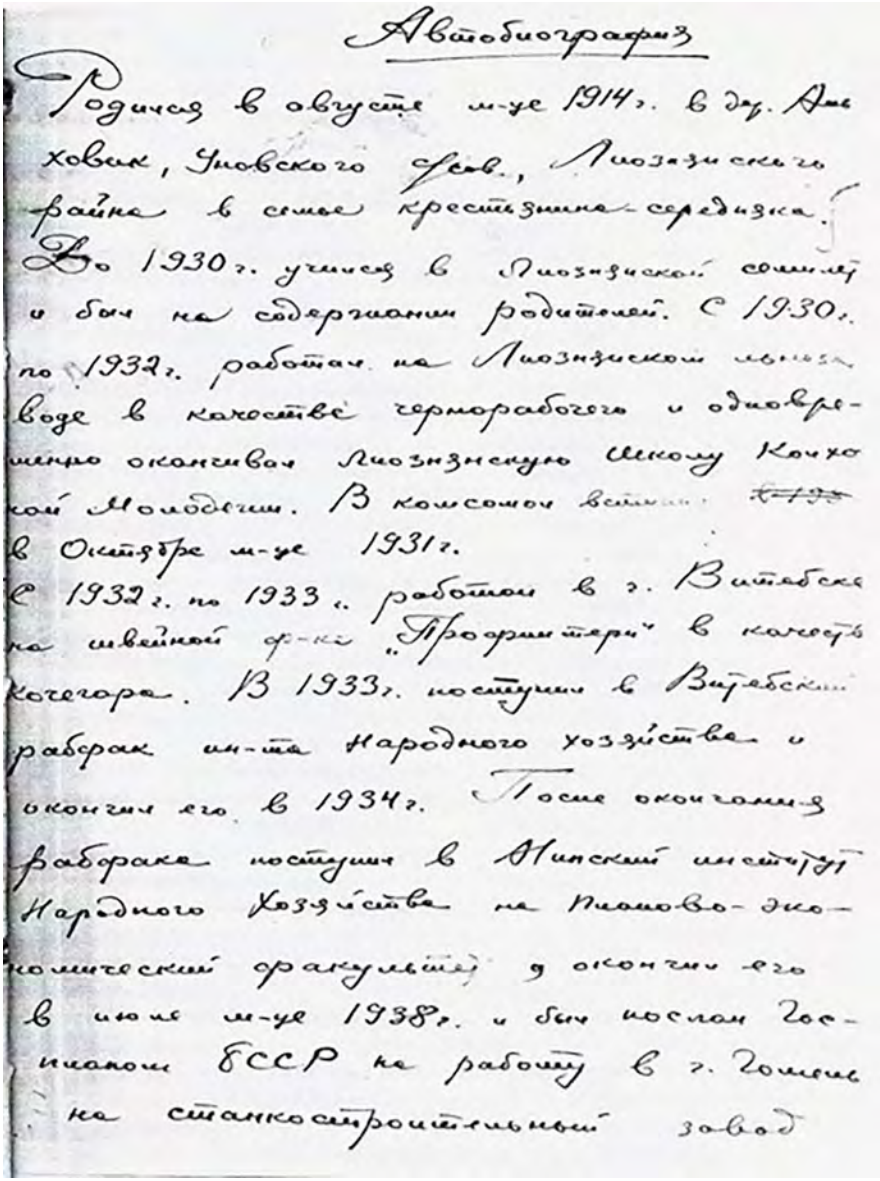


Мал. 1. Схема крэпасці Міцькоўшчына

Мал. 2. Фрагменты пячной кафлі з раскопак крэпасці Міцькоўшчына. 2015 г.

Мал. 3. Металічныя і касцяныя вырабы з раскопак гарадзішча Горная Веравойша. 2018 г.

Да матэрыялу Н.І. Цітовай



Автобиография

Родился в августе м-це 1914 г. в дер. Ан-
ховик, Уновского с/сов., Лиозненского
района в семье крестьянина-середняка.
До 1930 г. учился в Лиозненской семилет
и был на содержании родителей. С 1930 г.
по 1932 г. работал на Лиозненском льно-
воде в качестве чернорабочего и одновре-
менно оканчивал Лиозненскую Школу Кочхо
кой Молодежи. В комсомол вступил
в Октябре м-це 1931 г.
С 1932 г. по 1933 г. работал в г. Витебске
на швейной ф-ке "Профинтерн" в качестве
кочегара. В 1933 г. поступил в Витебский
рабфак им-та Народного хозяйства и
окончил его в 1934 г. После окончания
рабфака поступил в Минский институт
Народного Хозяйства на планово-эко-
номический факультет и окончил его
в июле м-це 1938 г. и был послан Гос-
планом БССР на работу в г. Гомель
на станкостроительный завод

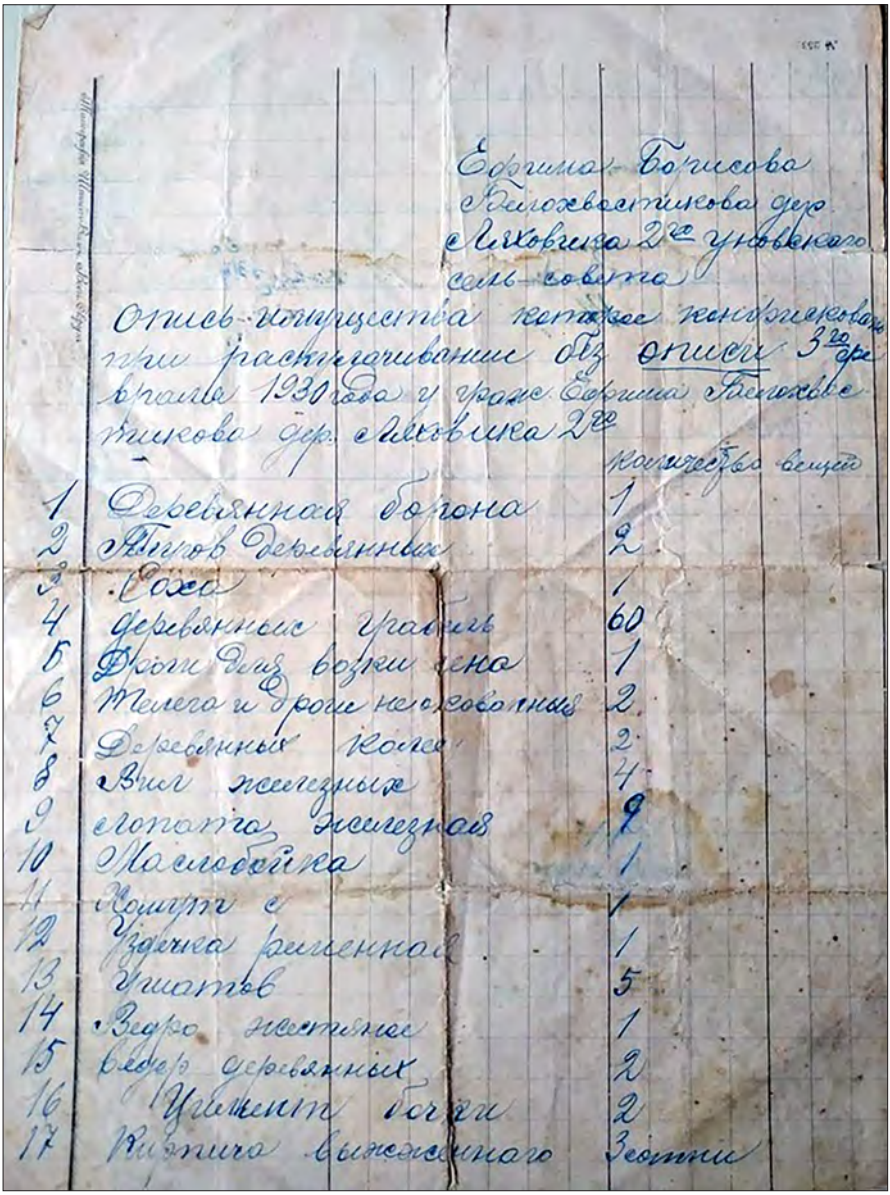
Фота 1. Копія аўтабіяграфіі А.Я. Белахвосцікава з фондаў Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці

Фота 2. А.Я. Белахвосцікаў. Подпіс на адваротным баку: «Аматарскі здымак зроблены ў чэрвені 1938 г. у Мінску, ва ўніверсітэцкім гарадку»

Фота 3. Бацькі А.Я. Белахвосцікава. Фота з сямейнага архіва пляменніцы А.Я. Белахвосцікава Л.А. Журавай

Фота 4. Яфім Барысавіч Белахвосцікаў з дваюрадным братам Вільгельмам у гады Першай сусветнай вайны

Фота 5. Дар'я Цімафееўна Белахвосцікава

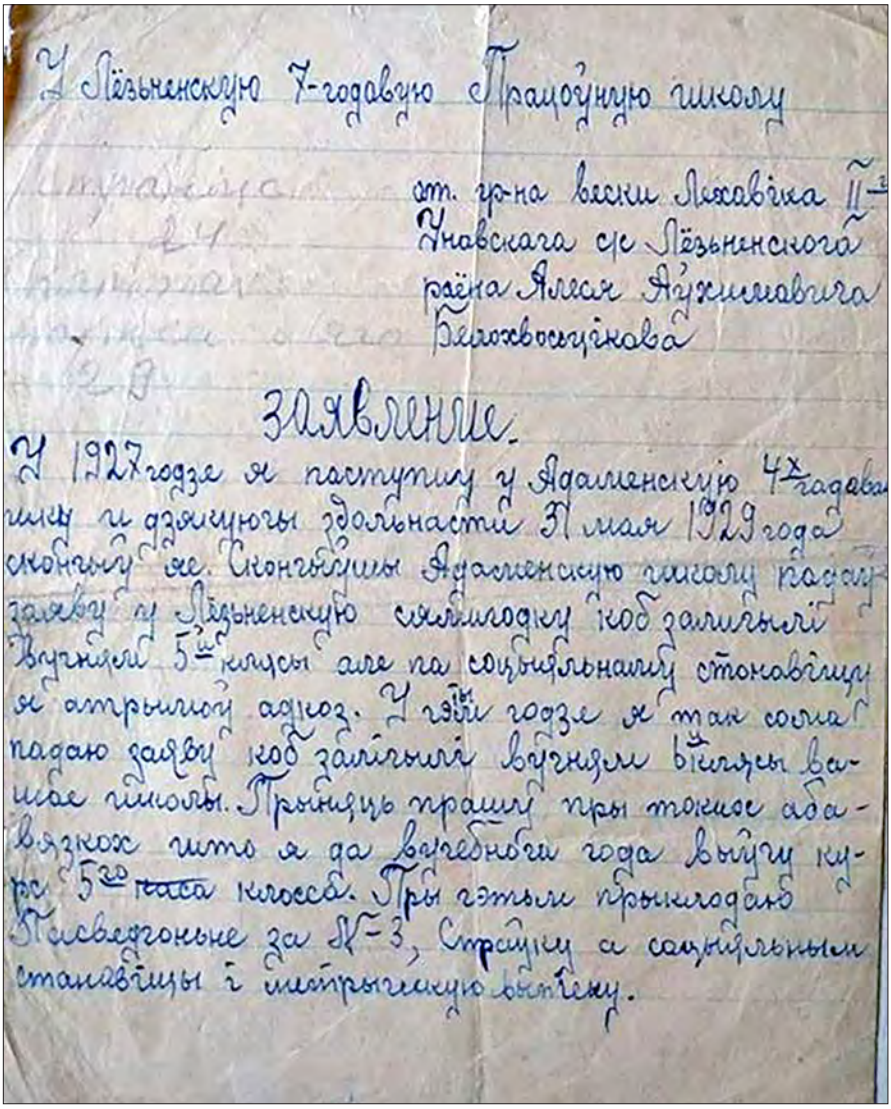


Ефгима Борисова
Белохвостикова дер
Лиховика 2го уневского
сель совета

Опись имущества котораго конфискована
при раскулачивании без описи 3го дня
марта 1930 года у гражд Ефгима Белохво
стикова дер Лиховика 2го

		количество вещей
1	Деревянная борона	1
2	Плуг деревянных	2
3	Соха	1
4	деревянных грабель	60
5	Дрог для возки сена	1
6	Телега и дрог неисправных	2
7	Деревянных колес	2
8	Вил железных	4
9	лопата железная	2
10	Маслобойка	1
11	Ящик с	1
12	Уздечка рыженая	1
13	Чугунов	5
14	Ведро жестяное	1
15	ведер деревянных	2
16	Цепей Гочи	2
17	Кирпича [illegible]	3сотни

Фота 6. Вопіс маёмасці, канфіскаванай пры раскулачванні Я.Б. Белахвосцікава. Люты 1930 г.



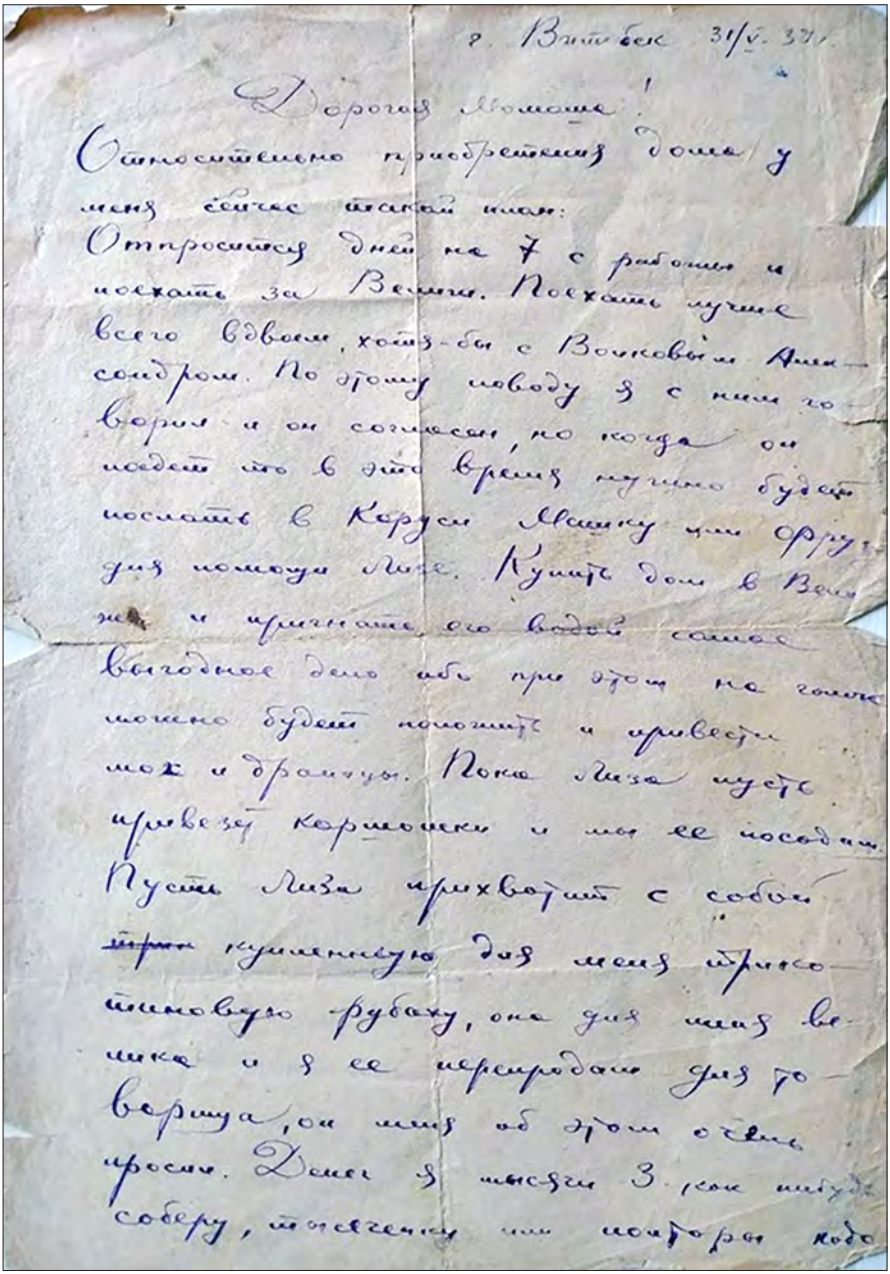
В Лёзьненскую 7-годавую Працоўную школу

от. гр-на вёскі Якавічка II-й Ушаўскага сп Лёзьненскага раёна Яўсея Яўхімавіча Белохвосцікава

Заявленне.

У 1927 годзе я паступіў у Ядаленскую 4х годавую школу і дзякуючы здольнасцей 31 мая 1929 года скончыў яе. Скончыўшы Ядаленскую школу падаю заяву у Лёзьненскую сямігодку каб далейшы вучыцца 5-ы класы але па сацыяльнаму становішчу я атрымаў адказ. У гэты годзе я так самаг падаю заяву каб далейшы вучыцца 5-ым класе вашае школы. Прашу прыняць пры такое абавязкох што я да вучебнаго года выйду курс 5го класса. Пры гэтым прыкладаю пасведчаньне за № 3, Страўскі а сацыяльным становішчы і матэрыяльную бытэку.

Фота 7. Заява Аляксандра Белахвосцікава аб прыёме ў Лёзненскую 7-гадовую працоўную школу



г. Витебск 31/V. 37 г.

Дорогая Мамочка!

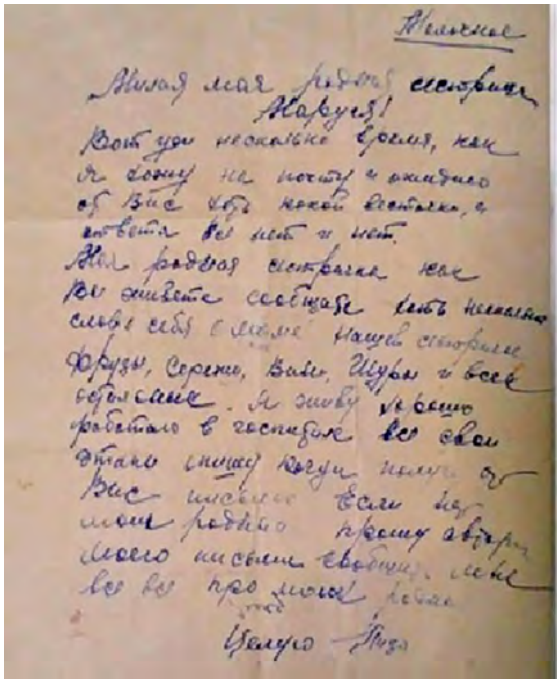
Относительно приобретения дома у меня сейчас такой план:
Отпроситься дней на 7 с работы и поехать за Вещи. Поехать лучше всего вдвоем, хотя-бы с Волковым Александром. По этому поводу я с ним говорил и он согласен, но когда он поедет это в это время трудно будет послать в Керуси Машу или Фрузу для помощи Лизе. Купите дом в Вещах и приезжайте, это будет самое выгодное дело ибо при этом не очень трудно будет погрузить и привезти мох и дрова. Пока Лиза пусть привезет кормушки и мы ее посадим. Пусть Лиза прихватит с собой ~~три~~ суконную для меня трикотиновую рубаху, она для меня велика и я ее перекрою для Гоберта, он меня об этом очень просил. Деньги я месяца 3. (если нигде соберу, телеграфирую или попрошу кого

Фота 9. Студэнцкія гады

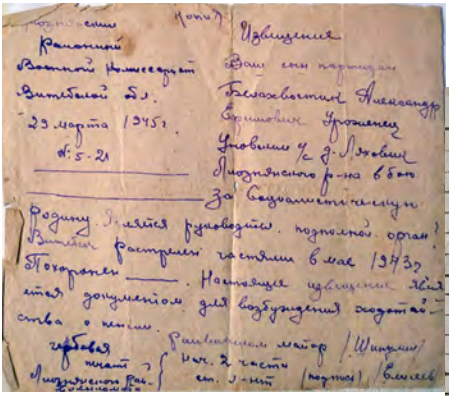
Фота 10. Студэнцкія гады

Фота 11. Марыя Яфімаўна Белахвосцікава. Фота зроблена А. Белахвосцікавым у 1937 г.

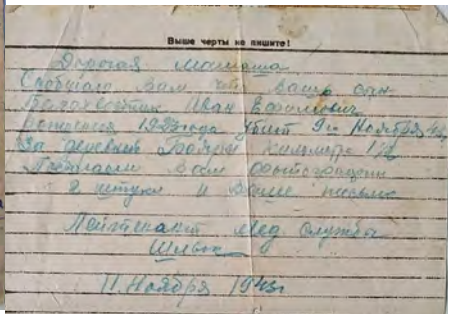
Фота 12. Елізавета Яфімаўна Белахвосцікава



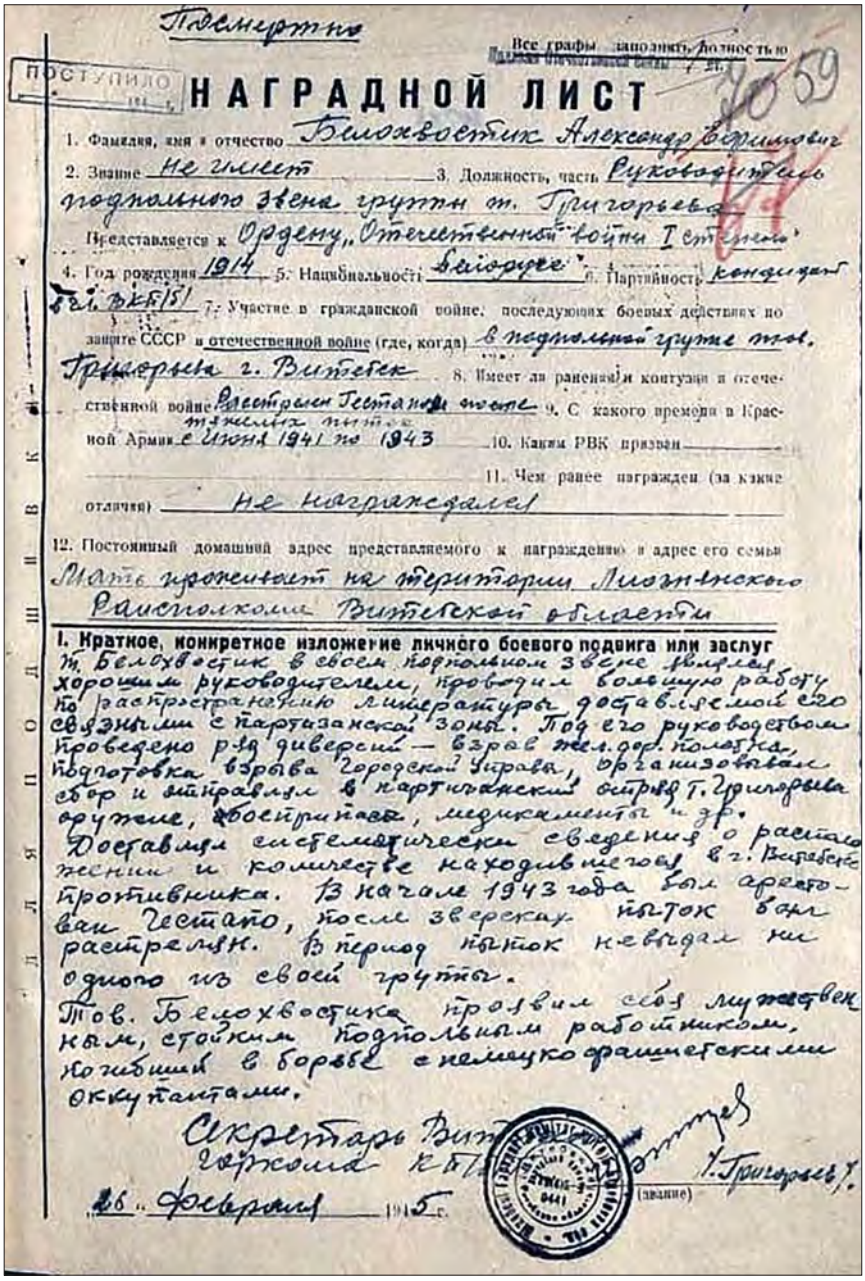
Фота 13. Ліст Е. Белахвосцікавай да сваёй сястры Марыі Яфімаўны, які адрасат не атрымала, бо была расстраляная разам з братам 5 мая 1943 г.



Фота 14. Копія паведамлення пра гібель А.Я. Белахвосцікава



Фота 15. Копія паведамлення пра гібель І.Я. Белахвосцікава



Посмертно

Все графы заполнять достоверно

ПОСТУПИЛО

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество Белохвостик Александр Кириллович
2. Звание не имеет 3. Должность, часть Руководитель подпольного звена группы т. Григорьева
Представляется к Ордену „Отечественной войны I степени"
4. Год рождения 1914 5. Национальность белорус 6. Партийность кандидат в/п (б) с 1941 г.
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда) в подпольной группе тов. Григорьева г. Витебск
8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне расстрелян Гестапо после тяжелых пыток
9. С какого времени в Красной Армии с июня 1941 по 1943 10. Каким РВК призван
11. Чем ранее награжден (за какие отличия) не награждался

12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи
Мать проживает на территории Лиозненского райисполкома Витебской области

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Т. Белохвостик в своем подпольном звене являлся хорошим руководителем, проводил большую работу по распространению литературы доставляемой его связными с партизанской зоны. Под его руководством проведено ряд диверсий — взрыв жел. дор. полотна, подготовка взрыва Городской Управы, организовал сбор и отправлял в партизанский отряд т. Григорьева оружие, обмундирование, медикаменты и др.
Доставлял систематически сведения о расположении и количестве находившегося в г. Витебске противника. В начале 1943 года был арестован Гестапо, после зверских пыток был расстрелян. В период пыток не выдал ни одного из своей группы.
Тов. Белохвостика проявил себя мужественным, стойким подпольным работником, погибшим в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами.

Секретарь Витебского горкома КП(б)Б (звание) Т. Григорьев

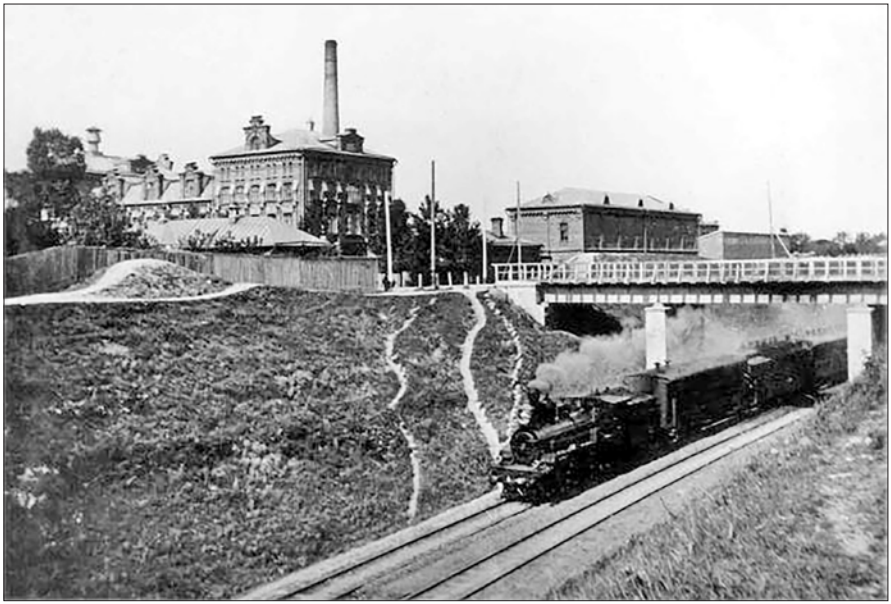
„26" февраля 1945 г.

Да матэрыялу С.У. Туманава

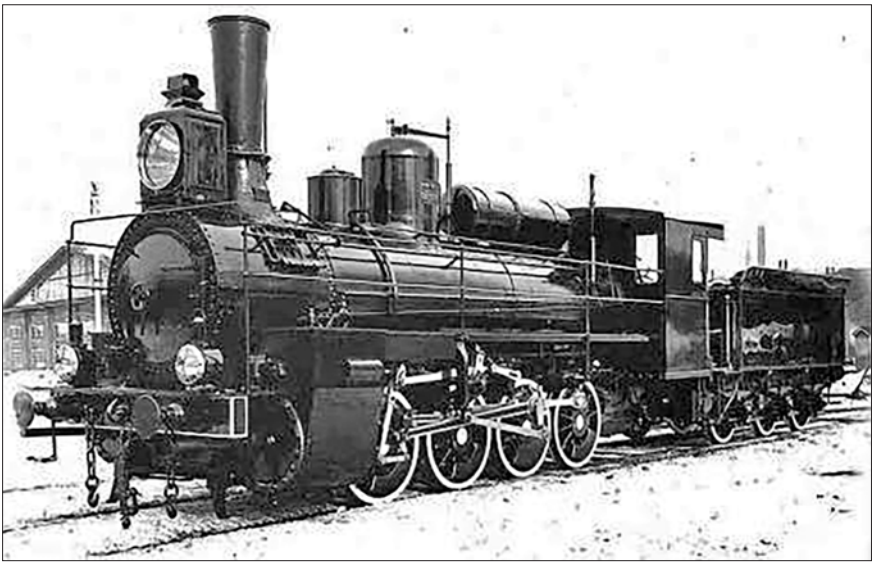
Фота 1. Мартын Станіслававіч Корзун і яго жонка Марыя Мацвееўна.
«Московская фотография». Пачатак XX ст.

Фота 2. Горыгорацкая земляробчая школа. Мал. Напалеона Орды. XIX ст.

Фота 3. Дом М.С. Корзуна на Аляксееўскай вуліцы. г. Арол. 1995 г.



Фота 4. Састаў пад мастом, які злучае 2-ю Курскую вуліцу з жаночым манастыром. г. Арол. Пачатак XX ст.



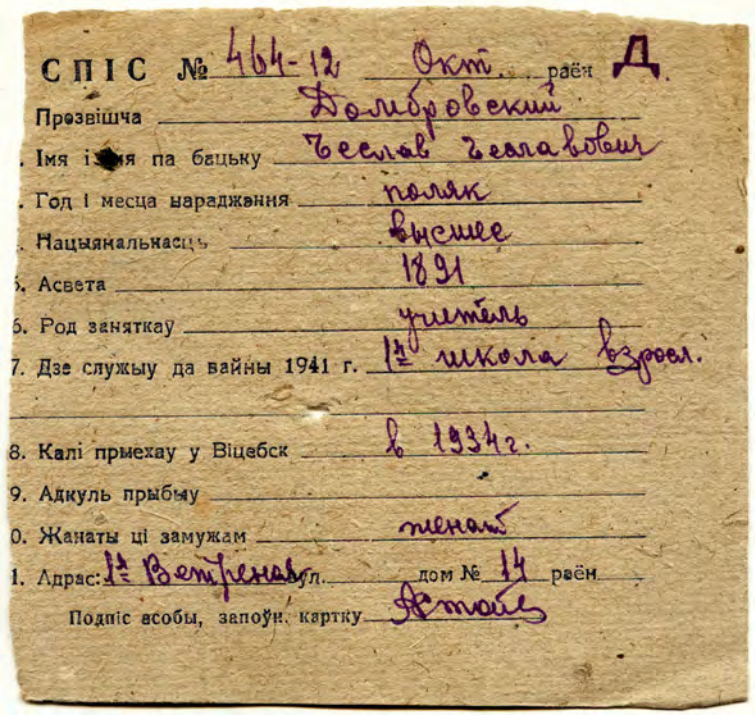
Фота 5. Паравоз серыі «О» (руск. «овечка» – рэд.), самы распаўсюджаны лакаматыў на чыгунках Расійскай імперыі

Фота 6. Чатыры пакаленні жанчын сям'і Крусаў – Корзунаў. 1905 г.

Фота 7. Сямейства Васіля Мартынавіча і Аляксандры Ігнацьеўны Корзунаў (у цэнтры). Рослаўль. Пачатак 1930-х гг.

Да матэрыялу Ф.І. Шкіранды

Фота 1. Чэслаў Дамброўскі



СПІС № 464-12 Окт раён Д.
Прозвішча Домбровский
Імя і імя па бацьку Чеслав Геласьевич
Год і месца нараджэння поляк
Нацыянальнасць высшее
Асвета 1891
Род заняткаў учитель
Дзе служыў да вайны 1941 г. 1½ школа возраст.
Калі прыехаў у Віцебск в 1934 г.
Адкуль прыбыў
Жанаты ці замужам женат
Адрас: 1½ Ветренная вул. дом № 14 раён
Подпіс асобы, запоўн. картку

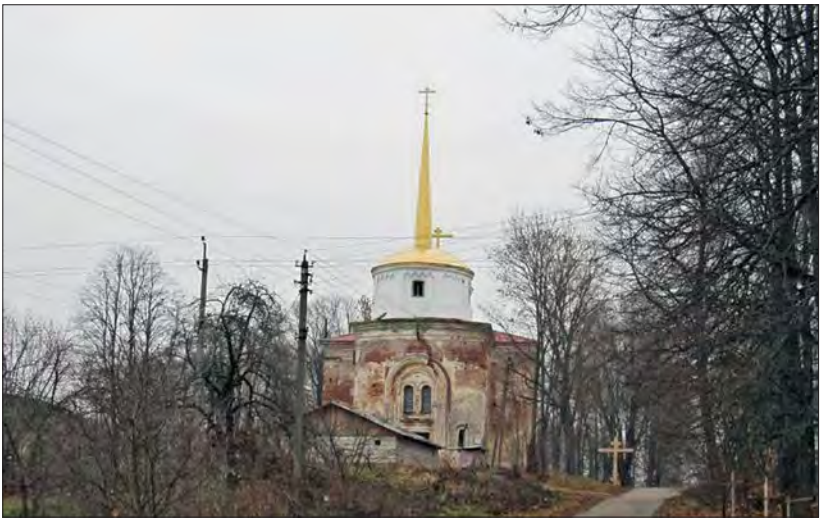
Фота 2. Звесткі з картатэкі пашпартнага стала Віцебскай гарадской управы. 1941 г. ВАКМ

Да матэрыялу А.Г. Арловай

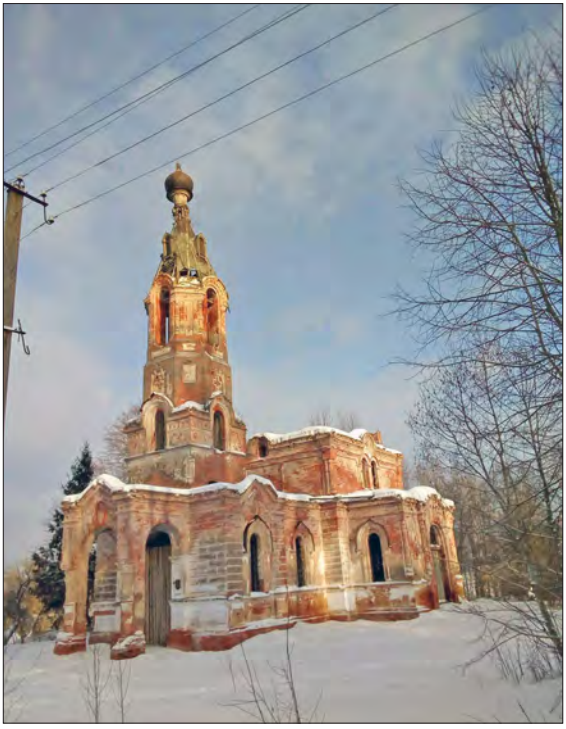
Храмы Бешанковіцкага раёна, уключаныя ў спіс гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь

Фота 1. Храм Святога прарока Іліі ў г. п. Бешанковічы

Фота 2. Храм Свяціцеля Мікалая Цудатворцы ў в. Дабрыгоры



Фота 3. Храм Святой Жываначальнай Тройцы ў аг. Астроўна



Фота 4. Храм Свяціцеля Мікалая Цудатворцы ў в. Слабодка

Адамян (Фомина) Татьяна Николаевна (1962, д. Молявка, Толочинский р-н), библиотекарь-библиограф, организатор, руководитель библиотечно-библиографической работы

Аксюто Екатерина Васильевна (1988, г. п. Бешенковичи), библиотекарь-библиограф

Амосова Юлия Владимировна (1990, д. Фариново, Полоцкий р-н), искусствовед, библиотекарь, библиограф

Ананченко Константин Онуфриевич (1951, д. Козулино, Верхнедвинский р-н – 2009, г. Витебск), математик, доктор педагогических наук, профессор

Анегдина (Олихвер) Марина Викторовна (1985, г. п. Воропаево, Поставский р-н), библиотекарь-библиограф

Антоненко (Кулик) Людмила Станиславовна (1971, г. Витебск), филолог, библиотекарь, библиограф

Бабахина (Абазовская) Елена Геннадьевна (1973, г. Витебск), филолог, библиотекарь, библиограф

Барановский Андрей Леонидович (1966, в/г Боровка, Лепельский р-н), библиотекарь-библиограф, педагог, историк-краевед, рецензент

Баталко (Шлакунова) Ирина Ивановна (1961, г. Полоцк), библиотекарь-библиограф

Беззубик Лидия Терентьевна (1923**,** д. Горбачево, Толочинский р-н – 2020, г. Витебск), библиотекарь-библиограф

Беккер Дора Юльевна (1935, г. Орша), педагог, библиотекарь, библиограф, редактор

Белодедова Светлана Александровна (1940, г. Полоцк), библиотекарь, библиограф, редактор

Бенешевич Владимир Николаевич (1874, м. Друя, Дисненский у., Виленская губ. – 1938), историк, палеограф, библиотекарь, библиограф, публицист

Бирилло Ольга Викторовна (1982, г. п. Болбасово, Оршанский р-н), библиотекарь-библиограф

Бирюкович Клара Олеговна (1938, г. Дубровно – 2015, г. Гомель), кандидат исторических наук, библиотекарь, библиограф

Бирюлина (Алиева) Вера Ибрагимовна (1957, г. Витебск), библиотекарь-библиограф

Бобрикова Жанна Анатольевна (1977, г. Витебск), педагог, библиотекарь-библиограф

Бондоренко Инна Раймундовна (1968, д. Ярево, Поставский р-н), библиотекарь-библиограф

Букина Ольга Леонидовна (1964, г. п. Лиозно), библиотекарь-библиограф

Быцкая Любовь Ивановна (1951, г. Полоцк), библиотекарь-библиограф, организатор, руководитель библиотечно-библиографической работы

Василевская Галина Флориановна (1926, д. Короли, Сенненский р-н), библиотекарь-библиограф

Василевская Елена Николаевна (1972, г. Витебск), библиотекарь-библиограф

Василевский Даниил Минович (1889, д. Новое Село, Витебский у., Витебская губ. – 1963, г. Феодосия, Крым?), педагог, лингвист, лексикограф, библиотекарь, библиограф

Виленкин Лазарь (Лейзер) ? (1894, г. Городок – после 1981, Израиль), педагог, лингвист, лексикограф, библиотекарь, библиограф

Воронько Анатолий Иосифович (1942, г. Дрисса), библиограф, организатор, руководитель библиографического и статистического учета печатных изданий, деятельности по стандартизации в области библиографии и издательского дела Беларуси

Ганчарова Анжелика Викторовна (1967, г. Витебск), библиотекарь-библиограф, кинематографист

Гарнова Наталья Иосифовна (1956, г. Витебск), библиотекарь-библиограф

Генина Дора Наумовна (1929, ? – 2019, г. Витебск), библиотекарь-библиограф

Гиркало (Глушнева) Наталья Тимофеевна (1970, г. Витебск), библиотекарь-библиограф

Глинская Вера Антоновна (1960, д. Лапуты, Докшицкий р-н), библиотекарь-библиограф

Горбинский Юрий Владиславович (1963, д. Камаи, Поставский р-н), литературовед, историк

Готовская Алина Ивановна (1938, г. Орша – 2010, ?), библиотекарь-библиограф

Григянец Ромуальд Брониславович (1953, д. Путятишки, Поставский р-н), кандидат технических наук, научный руководитель работ по разработке программного обеспечения онлайновых электронных каталогов библиотек Беларуси

Гуркович Людмила Евгеньевна (1957, д. Стайки, Миорский р-н), библиотекарь-библиограф

Данилович Вячеслав Викторович (1973, г. Полоцк), кандидат исторических наук, руководящий работник

Дашкевич (Трубчик) Елена Геннадьевна (1983, д. Зеленый Бор, Толочинский р-н), кандидат исторических наук

Довгялло Дмитрий Иванович (1868, д. Козьяны, Городокский у., Витебская губ. – 1942, Казахстан), историк, археограф

Дорофеева Ольга Алексеевна (1959, пос. Верховье, Витебский р-н), библиотекарь-библиограф

Драбович Зинаида Сергеевна (1948, д. Вишневец, Шарковщинский р-н), библиотекарь, библиограф

Дробышевская (Тимофеева) Ирина Александровна (1966, г. Докшицы), инженер, библиотекарь, библиограф

Дубовка Владимир Николаевич (1900, д. Огородники, Вилейский у., Виленская губ. – 1976, г. Москва), писатель, языковед, переводчик, литературный критик

Ефименко Андрей Олегович (1960, д. Оленовичи, Толочинский р-н), инженер, разработчик баз данных библиографической информации

Ждан Галина Михайловна (1957, д. Липки, Оршанский р-н), библиотекарь-библиограф

Жук (Цубленок) Валентина Алексеевна (1948, д. Березино, Докшицкий р-н), библиотекарь-библиограф, организатор деятельности в области библиографии, стандартизации, издательской и полиграфической деятельности Беларуси

Законникова Лилия Григорьевна (1947, д. Асково, Ушачский р-н), педагог, редактор, библиограф

Збитковский Николай Александрович (1884, г. Люцин, Витебская губ. – 1946, г. Ашхабад, Туркменская ССР), кандидат биологических наук, профессор

Калугина Елена Алексеевна (1958, г. Витебск), инженер

Каменцер Шмуйло Евно Фридманов (?, г. Сураж, Витебская губ. – ?, г. Санкт-Петербург?), купец, библиограф

Канина Вера Яковлевна (1953, д. Партизановка, Витебский р-н), библиотекарь-библиограф

Каплина (Толкачева) Анна Александровна (1986, г. Витебск), библиотекарь-библиограф

Каракулько Юлия Олеговна (1988, д. Мошканы, Сенненский р-н), библиотекарь-библиограф

Китович Наталья Степановна (1925, г. Витебск – 2000, г. Витебск), библиотекарь-библиограф

Клепацкая Оксана Ивановна (196?, д. Леонполь, Миорский р-н), библиотекарь-библиограф

Козлова (Белонович) Наталья Геннадьевна (1970, г. Витебск), библиотекарь-библиограф

Козлова (Елевич) Лилия Яковлевна (1941, д. Бузаны, Бешенковичский р-н), библиотекарь-библиограф

Коробкина Лидия Евгеньевна (1965, д. Шульцево, Витебский р-н), библиотекарь-библиограф

Королев Александр Игоревич (1992, г. Витебск), историк

Королева Наталья Иосифовна (1965, г. Витебск), библиотекарь-библиограф

Короткина (Михайлова) Елена Александровна (1974, д. Бабиничи, Оршанский р-н), библиотекарь-библиограф, преподаватель

Кулага Галина Константиновна (1941, г. Орша – 2021, г. Минск), библиотекарь-библиограф

Курильчик Вера Ивановна (1973, г. Новополоцк), библиотекарь-библиограф

Курсо Нелли Васильевна (1945, д. Заньки, Лепельский р-н), библиотекарь-библиограф

Курсо (Степук) Светлана Геннадиевна (1960, д. Камень, Лепельский р-н), библиотекарь-библиограф

Лапковская Ольга Ивановна (1954, г. Браслав), библиотекарь-библиограф

Лапусева (Белянко) Илона Николаевна (1973, д. Первые Козловичи, Оршанский р-н), библиотекарь-библиограф

Ластовский Вацлав Устинович (1883, зас. Колесников, Дисненский у., Виленская губ.) – 1938, ?), историк, филолог, этнограф, писатель, литературовед, публицист

Левина Мая Цаловна (1927, г. Витебск), библиотекарь-библиограф

Ловейкина Лариса Васильевна (1964, г. Полоцк), библиотекарь-библиограф

Лузан (Мартынова) Татьяна Николаевна (1972, д. Антоненки, Городокский р-н), библиотекарь-библиограф

Луцкевич (Нахаева) Людмила Владимировна (1978, д. Будилово, Бешенковичский р-н), филолог, юрист, библиотекарь-библиограф

Любченко Ольга Анатольевна (1981, г. Витебск), библиотекарь-библиограф, кандидат педагогических наук, преподаватель

Макаренко (Михальчук) Наталья Викторовна (1968, г. Полоцк), библиотекарь-библиограф

Маланухина Светлана Владимировна (1974, д. Парафьяново, Докшицкий р-н), преподаватель

Малашонок (Земец) Юлия Семеновна (1989, г. п. Шарковщина), библиотекарь-библиограф

Матвеева Татьяна Владимировна (1957, г. Витебск), библиотекарь-библиограф

Матыленок Марина Алексеевна (1962, г. Витебск), библиотекарь-библиограф

Медведева Галина Евгеньевна (1964, г. Орша), библиотекарь-библиограф

Мелещенко Анна Петровна (1971, д. Новосельцы, Шарковщинский р-н), библиотекарь-библиограф

Мелькина (Куршук) Надежда Александровна (1986, д. Ширки, Поставский р-н), библиотекарь-библиограф

Мицкевич Алла (Алевтина) Михайловна (1950, г. п. Бешенковичи), филолог, библиотекарь-библиограф

Мухина (Рыжкова) Зинаида Васильевна (1948, г. Витебск), библиотекарь-библиограф

Наваренко Ирина Николаевна (1978, д. Бабиничи, Витебский р-н), библиотекарь-библиограф

Нестеренко (Коваленок) Людмила Васильевна (1966, г. Витебск), библиотекарь-библиограф

Нестеренок Нина Васильевна (1955, д. Великое Село, Сенненский р-н), библиотекарь-библиограф

Никифоровский Николай Яковлевич (1845, д. Вымно, Велижский у., Витебская губ. – 1910, г. Витебск), этнограф, фольклорист

Панкевич (Лебедева) Валентина Владимировна (1955, г. Витебск), библиограф

Пасканная Юлия Леонидовна (1993, д. Межево, Оршанский р-н), библиотекарь-библиограф

Петюкевич Марьян Иосифович (1904 г., д. Тетерки, Дисненский у., Виленская губ. – 1983, г. Торунь, Польша), этнограф, публицист

Пивовар Николай Васильевич (1971, д. Лужесно, Витебский р-н), педагог, краевед, кандидат исторических наук

Плавская (Богодухова) Марина Ивановна (1984, г. Витебск), музейный работник, музеевед

Поваляева Ирина Геннадьевна (1957, г. Витебск), педагог, патентовед, библиограф

Потапенко Людмила Васильевна (1951, г. Поставы), библиотекарь-библиограф

Поцелуенок (Тихоня) Татьяна Викторовна (1953, д. Заречье, Верхнедвинский р-н), педагог, библиотекарь-библиограф

Прожесмицкая (Потапова) Людмила Владимировна (1969, г. Витебск), библиотекарь-библиограф

Прокулевич Владимир Михайлович (1887, д. Краснолуки, Борисовский у., Минская губ. – 1938, Свердловская обл.), политический и культурный деятель, юрист, публицист, библиограф

Пугачева Наталья Александровна (1979, г. Витебск), библиотекарь-библиограф

Пчелова (Шерстнева) Ирина Николаевна (1981, г. Миоры), библиотекарь-библиограф

Пынькина Татьяна Валентиновна (1976, г. Орша), библиотекарь-библиограф

Радишевич Ирина Казимировна (1973, г. Верхнедвинск), библиотекарь-библиограф

Рипинский Александр Феликсович (1809/1811, д. Куковячино, Витебский у., Витебская губ. – 1900, ?), этнограф, фольклорист, поэт, книгоиздатель, художник

Ровина Раиса Аврамовна (1937, г. Полоцк), библиотекарь-библиограф, преподаватель, кандидат педагогических наук, профессор

Рогачева (Никифорова) Лариса Ивановна (1971, г. Витебск), библиотекарь-библиограф

Ройзнер (Михлина) Светлана (Слава) Яковлевна (1934, г. Витебск – 2015, Израиль), библиограф, редактор

Романович (Гапанович) Анна Васильевна (1993, г. Орша), библиотекарь-библиограф

Савина (Поздняк) Наталья Антоновна (1975, г. Чашники), библиотекарь-библиограф

Савицкая Надежда Николаевна (1966, д. Бельковщина, Верхнедвинский р-н), библиотекарь-библиограф

Савченко Александр Иванович (1901, д. Зеньково, Лепельский у., Витебская губ. – 1942, ?), библиограф, рецензент

Самохвалова Галина Васильевна (1959, г. Витебск), библиотекарь-библиограф

Сапего Людмила Федоровна (1954, д. Мишутки, Меховский р-н – 2021, г. Витебск), библиотекарь-библиограф

Сапунов Алексей Парфенович (1851, м. Усвяты, Витебская губ. – 1924, г. Витебск), историк, археограф, архивист, краевед

Севрук Тамара Ивановна (1936, д. Москаленки, Освейский р-н), библиотекарь-библиограф

Селезнева Светлана Геронтьевна (1964, г. Витебск), библиотекарь-библиограф

Семенькова Ольга Валерьевна (1988, г. Витебск), библиотекарь-библиограф

Сернова Ольга Владимировна (1984, г. п. Копысь, Оршанский р-н), библиотекарь-библиограф

Скорина Франциск Лукич (около 1490, г. Полоцк, Полоцкое наместничество – около 1551, г. Прага, Чешское королевство), первопечатник, просветитель-гуманист, писатель, художник-график, медик

Соколова (Добрина) Софья Семеновна (1950, г. Витебск), библиотекарь-библиограф

Сороко (Матевко) Инга Юрьевна (1973, г. Витебск), библиотекарь-библиограф

Стальмахова Елена Николаевна (1984, г. Орша), библиотекарь-библиограф

Стаминок Алла Зигмундовна (1978, п. Купчели, Браславский р-н), библиотекарь-библиограф

Старавойтова (Костунова) Надежда Ивановна (1984, г. Витебск), библиотекарь-библиограф

Степанова (Безусова) Анна Юрьевна (1987, д. Михайловка, Глубокский р-н), библиотекарь-библиограф

Степанова Тамара Федосовна (1935, д. Бентяи, Витебский р-н), библиотекарь-библиограф

Сумар Елена Геннадьевна (1962, г. Витебск), библиотекарь-библиограф

Сушко Мария Генриховна (1963, д. Иванские, Шарковщинский р-н), библиотекарь-библиограф

Тимченко (Козлова) Галина Андреевна (1962, г. п. Копысь, Оршанский р-н), библиотекарь-библиограф

Титова Галина Николаевна (1955, г. Поставы), библиотекарь-библиограф

Толстенкова (Никитина) Елена Викторовна (1965, г. Витебск), библиотекарь-библиограф

Трепачук (Струкова) Татьяна Петровна (1962, д. Зубки, Лиозненский р-н), библиотекарь-библиограф

Тузиков Александр Васильевич (1958, г. Полоцк), доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси

Турковская (Терещенко) Елена Веславовна (1974, г. Витебск), кандидат педагогических наук

Тяпинский (Омельянович; Омельянович-Тяпинский) Василий Николаевич (1530-е/нач. 1540, д. Тяпино, Полотчина – 1599/1600, ?), гуманист-просветитель, писатель, книгоиздатель

Углова Жанна Евгеньевна (1983, г. п. Шарковщина), библиотекарь-библиограф

Фенченко (Бондарева) Наталья Викторовна (1973, г. Витебск), педагог, библиотекарь-библиограф, редактор

Филимонова Наталья Анатольевна (1953, г. Витебск), библиотекарь-библиограф

Фисенко Лилия Владимировна (1956, г. Полоцк), математик, специалист в области библиотечно-информационных технологий

Хилько Валентина Дмитриевна (1966, г. Докшицы), библиотекарь-библиограф

Хоменко Ираида Ивановна (1930, г. Городок), библиотекарь-библиограф

Цвейфель Елизавета Давидовна (1902, г. Орша – 1965, г. Минск), педагог, библиотекарь, библиограф

Цытович (Денисенко) Алла Александровна (1955, д. Пуща, Витебский р-н), библиотекарь-библиограф

Чеботарь Галина Георгиевна (1957, г. Полоцк), библиотекарь-библиограф

Шестакова (Ганчарова) Надежда Николаевна (1986, г. Витебск), библиотекарь-библиограф

Шиман Ольга Владимировна (1982, г. Витебск), библиотекарь-библиограф

Шишанов Валерий Алексеевич (1966, г. Витебск), историк, краевед, историк искусства, музейный работник

Шлюбский Александр Онуфриевич (1897, д. Межево, Полоцкий у., Витебская губ. – 1941, ?), этнограф, фольклорист, литературовед, библиограф

Штанцова Алла Михайловна (1967, д. Гарнаки, Сенненский р-н), библиотекарь-библиограф

Яночкина (Матюшкова) Наталья Николаевна (1955, д. Андроновичи, Витебский р-н), библиотекарь-библиограф

Яскевич Екатерина Дмитриевна (1990, д. Застарины, Верхнедвинский р-н), библиотекарь-библиограф

Да матэрыялу В.М. Давідоўскай

Фота 1. «Лесвіца ў рай». Фота М.І. Савіна. Віцебск. 26 чэрвеня 1944 г.

Фота 2. Ваенныя карэспандэнты газеты «Красноармейская правда» палкоўнік М.А. Баканаў, маёр А.А. Зелянцоў і падпалкоўнік А.Т. Твардоўскі на пл. Свабоды. Фота М.І. Савіна. Віцебск. 26 чэрвеня 1944 г.

Фота 3. Сапёр Мікалай Маралаў размінірвае. Фота М.І. Савіна. Віцебск. 26 чэрвеня 1944 г.

Да матэрыялу А.Г. Лісава, У.П. Правілава

Фота 1. Будынак на вул. Суворава, 5 у г. Віцебску, у якім размяшчалася Віцебскае музычнае вучылішча з 1954 па 1964 г. Сучаснае фота

Фота 2. Будынак на вул. Савецкай, 23а ў г. Віцебску, дзе размяшчаецца музычнае вучылішча з 1964 г. Фота 1960-х гг.

Фота 2а. Будынак на вул. Савецкай, 23а ў г. Віцебску, дзе размяшчаецца музычнае вучылішча з 1964 г. Сучаснае фота

Фота 2б. Будынак на вул. Савецкай, 23а ў г. Віцебску, дзе размяшчаецца музычнае вучылішча з 1964 г. Сучаснае фота

Фота 3. Г.Я. Кутневіч, дырэктар Віцебскага музычнага вучылішча (1952–1969)

Фота 4. Я.А. Палішчук, намеснік дырэктара музычнага вучылішча

Фота 5. В.Ф. Туроўскі, дырэктар Віцебскага музычнага вучылішча (1969–1987)

Фота 6. Выкладчыкі фартэпіяннага аддзялення музычнага вучылішча. 1968 г.:
1 рад (злева направа) М.Б. Савицкая, П.Л. Пескина, И.А. Ганкович, А.Г. Крылова, Л.С. Рогацкая, Ю.П. Иванова, В.Д. Ткаченко, И.И. Лаврик, Т.И. Юрченко;
2 рад (злева направа) Л.Б. Пятник, Е.М. Рыжик, Е.В. Косолапова, Ц.Х. Пронина, В.С. Кудрявцев, Л.В. Менжинская, С.М. Волкова, Л.В. Середа, Г.А. Пепеляева, А.М. Двоскина

Фота 7. Урок па спецыяльнасці з вучнем М. Казінікам праводзіць выкладчык М.Д. Батштэйн. 1968 г.

Фота 8. Урок па спецыяльнасці з вучнем М. Галкоўскім праводзіць выкладчык Г.Д. Шаўкера. 1968 г.

Фота 9. Класны кіраўнік М.Б. Савіцкая з навучэнцамі фартэпіяннага, струннага, дырыжорска-харавога аддзяленняў. 1967 г.

Фота 10. Я.Я. Касалапаў (1934–1982), выпускнік музычнага вучылішча 1961 г. па класе Т.Я. Калінінай, выкладчык вучылішча з 1966 г. (1966–1982)

СПИСКИ ВЫПУСКНИКОВ
УО «Витебский государственный музыкальный колледж им. И.И. Соллертинского» за 1960–1969 гг.

1960 г.

№ п/п	Ф. И. О.	Присвоена квалификация
1	ГРИНЬ Флора Михайловна	Дирижер хора, учитель пения в общеобразов. школе
2	РАДЧЕНКО Екатерина Антоновна	-//-
3	САМОЖНЕВА Валентина Евдокимовна	-//-
4	ШЕВЧУК МианаНиколаевна	-//-
5	ПАРФЁНОВА Лилия Павловна	-//-
6	РЕЙХЕЛЬСОН Ж.Я.	-//-
7	КОЗИНЕЦ Михаил Антонович	Руководитель самод. оркестра нар. ин-тов и преподаватель муз. школы по кл. баяна
8	ХАРНАС Михаил Аркадиевич	-//-
9	ФАДЕЕВ Анатолий Максимович	-//-
10	ГУТОРЕВИЧ Георгий Анатольевич	-//-
11	КАРУСЕВИЧ Александр Петрович	-//-
12	БАСОВ Виталий Васильевич	-//-
13	КИРЬЯНОВА Инна Павловна	Руководитель самод. оркестра нар. ин-тов и преподаватель муз. школы по кл. домры
14	БАБАНОВА-ЕСИНА Валентина Васильевна	-//-
15	ГУДЫНО Маргарита Романовна	-//-
16	ГОРИНОВА Тамара Егоровна	-//-
17	БЕЛЕНЬКАЯ Лина Залмановна	-//-
18	СЕМЕНЬКОВА Леонтина Федоровна	-//-
19	ОРЕШЕНКО Нелли Сергеевна	-//-
20	СЕЛОЧНИК Анатолий Иосифович	Преподаватель муз. школы и концертмейстер

21	КУДРЯВЦЕВ Вячеслав Сергеевич	-//-
22	ЛИЛЬ Лидия Владимировна	-//-
23	МАРЧЕНКО Таисия Лаврентьевна	-//-

1961 г.

№ п/п	Ф. И. О.	Присвоена квалификация
1	БУЛАХОВА Галина Сергеевна	Руководитель самод. оркестра нар. ин-тов и преподаватель муз. школы по кл. домры
2	ХМЕЛЬНИЦКАЯ Екатерина Максимовна	-//-
3	БАРАНОВА Галина Алексеевна	-//-
4	ДЕРИНГ Ирианда Петровна	-//-
5	ДЯГИЛЕВА Людмила Евсеевна	Руководитель самод. оркестра нар. ин-тов и преподаватель муз. школы по кл. балалайки
6	ПОДОЛИНСКИЙ Геннадий Никитич	Руководитель самод. оркестра нар. ин-тов и преподаватель муз. школы по кл. баяна
7	БАРАНОВ Владимир Иванович	-//-
8	КОЗЛОВ Геннадий Евгеньевич	-//-
9	КОЗЛОВ Виктор Иванович	-//-
10	БАРАБАШ Мирослав Михайлович	Дирижер хора, учитель пения в общеобразов. школе
11	КАЛИНИНА Галина Михайловна	-//-
12	ВЛАСОВА Ольга Григорьевна	-//-
13	ЯКУШЕВА Зинаида Борисовна	-//-
14	ЩЕРБИНСКИЙ Илья Павлович	-//-
15	ЭЙСМОНТ Ирина Михайловна	-//-
16	ЛАПИЦКАЯ Майя Яковлевна	-//-
17	ПЕРЕГУД Майя Петровна	-//-
18	КОСОЛАПОВ Яков Егорович	-//-
19	ШЕВЧУК Любовь Николаевна	-//-
20	АДЕЛЬШТЕЙН И.Е. Гина Эвелинович	Преподаватель муз. школы и концертмейстер
21	ФИЛАТОВА Елена Александровна	-//-
22	СТУРНИЦКАЯ Елена Борисовна	Преподаватель муз. школы по кл. скрипки, артистка оркестра

1962 г.

№ п/п	Ф. И. О.	Присвоена квалификация
1	ПЕРЦОВА Рахиль Абрамовна	Преподаватель муз. школы по кл. ф-но
2	ЗАЗЕРЦЕВА Тамара Тимофеевна	Преподаватель муз. школы по кл. ф-но и концертм.
3	ФИЛАТОВА Светлана Александровна	-//-
4	РАДУТНЫЙ Виталий Владимирович	-//-
5	ЖОЛУДЕВА Галина Ивановна	-//-
6	САБИШ(н) Владимир Николаевич	-//-
7	МЕНЖИНСКАЯ Людмила Владимировна	-//-
8	ОСИПОВ Анатолий Борисович	
9	ИВАНОВСКИЙ Павел Иванович	Артист ансамбля и хора, преподаватель пения в общеобразов. школе
10	ХЛЕБЧИК Владимир Иосифович	Руководитель самод. оркестра нар. ин-тов и преподаватель муз. школы по кл. балалайки
11	ПУНИНСКИЙ Бронислав Викторович	-//-
12	СЫЧЁВА Тамара Петровна	Руководитель самод. оркестра нар. ин-тов и преподаватель муз. школы по кл. домры
13	ГРИНЬ Леонид Иванович	-//-
14	КРЫСЬКО Валентина Николаевна	-//-

15	МАНДРИК Анатолий Архипович	Руководитель самод. оркестра нар. ин-тов и преподаватель муз. школы по кл. баяна
16	ИВАШКИН Михаил Иванович	-//-
17	ЗЕЛЕНКО Ольга Францевна	-//-
18	ЛАГУНОВСКИЙ Валерий Константинович	-//-
19	ИВАНОВ Владимир Семенович	-//-
20	САВИЦКИЙ Михаил Дмитриевич	-//-
21	РУБИНОВ Н.С.	-//-
22	ТЕТЕРЕВ Николай Яковлевич	-//-
23	ЛИТВИНОВ Эдуард Павлович	-//-
24	БИРЮКОВ Вячеслав Васильевич	-//-
25	АНТОНОВА Жанна Б. Михайловна	Дирижер хора, учитель пения в общеобразов. школе
26	ПИУЛЬСКАЯ Т.Г.	-//-
27	КАНСИНА Г.Е.	-//-
28	ГРЕКОВА Майна Матвеевна	-//-
29	КИСЕЛЁВ Александр Петрович	-//-
30	ГРЯЗНОВ Юрий Григорьевич	-//-
31	ВАВИЛЬЧЕНКОВ Анатолий Ефимович	-//-
32	КУРЧЕВА Ольга Степановна	-//-
33	ШАФСКАЯ Л.А.	-//-
34	ГУКОВА Нелли Тимофеевна	-//-
35	МАНУЙКО Лариса Логиевна	-//-
36	ЧЕРНЫШЕВ Николай Герасимович	-//-

1963 г.

№ п/п	Ф. И. О.	Присвоена квалификация
1	РОМАНОВСКАЯ Тамара Евгеньевна	Преподаватель муз. школы по кл. ф-но
2	ШАРАЕВА Лариса Фёдоровна	-//-
3	РОЖКОВА-Новицкая Светлана Антоновна	-//-
4	ШЕВО(а)Х Михаил Викторович	Преподаватель муз. школы по кл. скрипки и артист оркестра
5	КАЛИШЕВИЧ Лилия Александровна	Артистка ансамбля и хора
6	БРЕДИС Валентина Андреевна	-//-
7	ЩЕГЕЛЕВ Валерий Васильевич	Преподаватель муз. школы по кл. баяна
8	ПОЛОВИНКИН Николай Николаевич	-//-
9	БУХАНОВА Маргарита Васильевна	Преподаватель муз. школы по кл. домры
10	БУРБ(д)ЫКО Тамара Александровна	Руководитель самод. оркестра нар. ин-тов и преподаватель муз. школы по кл. домры
11	ГУЗОВА Анна Васильевна	-//-
12	ГОРБЕЛЕВ Георгий Георгиевич	Руководитель самод.оркестра нар. ин-тов и преподаватель муз. школы по кл. баяна
13	РУ(я)БОВ Валерий Сергеевич	-//-
14	КРУБАНОВ Владимир Владимирович	-//-
15	УСАЧЁВ Петр Петрович	
16	КАЧАН Иван Иванович	-//-
17	ЮРТЫ(ае)ВА Вера Леонидовна	-//-
18	ТКАЧЁНОК Анатолий Наумович	-//-
19	БОЧАРОВА Людмила Николаевна	-//-
20	ЗАЛЮБОВ Владимир Васильевич	-//-
21	СЛИЖЕВСКИЙ Геннадий Васильевич	-//-
22	АЛАМПИЕВ Александр Сергеевич	-//-
23	ЗИМЯНИНА Галина Васильевна	Дирижер хора, учитель пения в общеобразов. школе
24	БОДЯКО Евгения Ивановна	-//-
25	АПЕНЬКО Л.А.	-//-
26	ШМЫРЁВА Альбина Дмитриевна	-//-

27	МУСЕ(а)ТОВА Людмила Павловна	-//-
28	ДЕМИДОВА Любовь Марковна	-//-
29	КОРОБЁНОК Елена Вениаминовна	-//-
30	ТЕРЕШКЕВИЧ Ольга Ивановна	-//-
31	МИРОТИН Марк Моисеевич	-//-
32	КУПРИЯНОВА Р.Ф.	-//-
33	БЫЧКОВИЧ Анна Александровна	-//-
34	КОНДРАТЬЕВА В.И. Надежда Николаевна?	-//-
35	ХОМИЧ Тамара Андреевна	-//-
36	ЩЕРБАКОВА Л (Франя) Степановна	-//-
37	ВИШНЯКОВА Н.А.	-//-
38	ФРЕЙДКИНА Валентина Мироновна	-//-
39	ВАСИЛЬЕВА Нина Александровна	-//-
40	ВИНОКУРОВА Елена Васильевна	-//-
41	НАЧИНАЙЛИК В.М.	-//-

1964 г.

№ п/п	Ф. И. О.	Присвоена квалификация
	ФОРТЕПИАНО	
1	Левкова Майя Яковлевна	Преподаватель детской муз. школы по кл. фортепиано и концертмейстер
2	Двоскина Алла Михайловна	-//-
3	Разорёнова Оксана Васильевна	-//-
4	Васильева Татьяна Витальевна	-//-
5	Кудрявцева Ольга Сергеевна	-//-
6	Сопат Галина Андреевна	-//-
7	Островская Галина Павловна	-//-
8	Кичина Софья Самуиловна	-//-
	СТРУННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ	
9	Искибаева Ирина Ильтыбаевна	Преподаватель муз. школы по кл. скрипки
10	Загубная Татьяна Павловна	-//-
11	Зинюкова Ася Дмитриевна	Преподаватель муз. школы по кл. виолончели
	НАРОДНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ	
12	Буренкова Тамара Кириловна	Руководитель самодеятельного оркестра нар. ин-тов, преподаватель муз. школы по кл. домры
13	Сладкевич Эдуард Александрович	-//-
14	Присяжная Екатерина Станиславовна	Руководитель самодеятельного оркестра нар. ин-тов, преподаватель муз. школы по кл. цимбал
15	Быстрок Раиса Васильевна	-//-
16	Зайцев Анатолий Васильевич	-//-
17	Малкин Борис Матвеевич	Руководитель самодеятельного оркестра нар. ин-тов, преподаватель муз. школы по кл. баяна
18	Бельчиков Виктор Никифорович	-//-
19	Яскин Анатолий Иванович	-//-
20	Рябов Алексей Иванович	-//-
21	Комлев Виктор Петрович	Руководитель самодеятельного оркестра нар. ин-тов, преподаватель муз. школы по кл. баяна
22	Москалёв Владимир Иванович	-//-
23	Козловский Виктор Федосеевич	-//-
24	Бондарев Виктор Викторович	-//-
25	Рябушко Анатолий Леонтьевич	-//-
26	Задора Василий Петрович	-//-
27	Садовский Виктор Владимирович	Преподаватель муз. школы по кл. баяна

28	Козлов Леонид Федорович	-//-
29	Куксинский Владимир Тимофеевич	-//-
30	Дадыко Людмила Степановна	Преподаватель муз. школы по кл. балалайки
31	Шляхтич Ираида Петровна	Руководитель самодеятельного оркестра нар. ин-тов, преподаватель муз. школы по кл. домры
ХОРОВОЕ ДИРИЖИРОВАНИЕ		
32	Фетисова Галина Гавриловна	Дирижер хора, учитель пения в общеобразов. школе
33	Волох Владимир Емельянович	-//-
34	Сокол Николай Павлович	Дирижер хора, учитель пения в общеобразов. школе, преподаватель сольфеджио в муз. школе
35	Суходолова Раиса Федоровна	Дирижер хора, учитель пения в общеобразов. школе
36	Маяк Зинаида Петровна	-//-
37	Сержанов Феликс Васильевич	-//-
38	Грандо Лидия Георгиевна	-//-
39	Шлег Мария Петровна	Дирижер хора, учитель пения в общеобразов. школе, преподаватель сольфеджио в муз. школе
40	Суходольская Лилия Робертовна	Дирижер хора, учитель пения в общеобразов. школе
41	Матвеева Зоя Романовна	-//-
42	Носовский Борис Исаакович	Дирижер хора, учитель пения в общеобразов. школе, преподаватель сольфеджио в муз. школе
43	Сенчило Аза Афанасьевна	Дирижер хора, учитель пения в общеобразов. школе
44	Михайловская Мила Яковлевна	-//-
45	Воронова Мария Георгиевна	Дирижер хора, учитель пения в общеобразов. школе
46	Лукьянова Надежда Михайловна	-//-
47	Самолётова Тамара Васильевна	-//-
48	Рязанов Сергей Александрович	-//-
49	Баранович Лидия Ивановна	Дирижер хора, учитель пения в общеобразов. школе, преподаватель сольфеджио в муз. школе
50	Синельник Алексей Иванович	-//-
51	Исайко Геннадий Семенович	-//-

1965 г.

№ п/п	Ф. И. О.	Присвоена квалификация
ФОРТЕПИАНО		
1	Неборская Лариса Дмитриевна	Преподаватель детской муз. школы по кл. фортепиано и концертмейстер
2	Юрченко Татьяна Ивановна	-//-
3	Короваенко Людмила Михайловна	-//-
4	Фогельсон Лилиана Борисовна	-//-
5	Орешкина Жанна Михайловна	-//-
6	Беленькая Анна Залмановна	-//-
7	Сенько Людмила Ефремовна	-//-
8	Короткова Лилия Тимофеевна	-//-
9	Рыжик Елена Моисеевна	
10	Пятник Лариса Борисовна	

11	Сараева Вера Николаевна	Преподаватель детской муз. школы по кл. фортепиано
	СТРУННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ	
12	Шарипо Евгений Афанасьевич	Преподаватель муз. школы по кл. скрипки, артист оркестра
13	Пятченко Татьяна Григорьевна	-//-
14	Мазо Вадим Залманович	-//-
15	Лыфарь Людмила Николаевна	Преподаватель муз. школы по кл. виолончели, артист оркестра
	НАРОДНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ	
16	Перцова Рива Залмановна	Руководитель самодеятельного оркестра нар. ин-тов, преподаватель муз. школы по кл. домры
17	Шарабайко Леонида Степановна	-//-
18	Шинкарь Юрий Сергеевич	-//-
19	Вайнштейн Израиль Самуилович	
20	Платонов Виктор Петрович	Руководитель самодеятельного оркестра нар. ин-тов, преподаватель муз. школы по кл. баяна
21	Фёдорова Нина Алексеевна	-//-
22	Михеенко Иван Иванович	Руководитель самодеятельного оркестра нар. ин-тов, преподаватель муз. школы по кл. баяна
23	Жагуло Валентин Петрович	-//-
24	Коробов Константин Семенович	-//-
25	Гавриленко Владимир Иванович	-//-
26	Рождественский Анатолий Федорович	-//-
27	Мурашкевич Вячеслав Андреевич	-//-
28	Строгонов Анатолий Павлович	-//-
29	Пядочкина Полина Ивановна	Преподаватель муз. школы по кл. цимбал
30	Пальвинский Аркадий Иванович	Руководитель самодеятельного оркестра нар. ин-тов, преподаватель муз. школы по кл. цимбал
31	Грязнова Валентина Григорьевна	Руководитель самодеятельного оркестра нар. ин-тов, преподаватель муз. школы по кл. балалайки
32	Смоловик Юрий Сергеевич	Преподаватель муз. школы по кл. баяна
33	Врублевский Анатолий Федорович	-//-
34	Ельчанинова Валентина Петровна	-//-
35	Тереш Иван Борисович	-//-
36	Шекалова Валентина Ивановна	-//-
37	Соловьёв Юрий Павлович	-//-
	ХОРОВОЕ ДИРИЖИРОВАНИЕ	
38	Чеботарь Елена Георгиевна	Дирижер хора, учитель пения в общеобразов. школе, преподаватель сольфеджио в муз. школе
39	Шунелько Лариса Павловна	-//-
40	Субботина Надежда Александровна	-//-
41	Антипенко Евгения Тимофеевна	-//-
42	Дистерло Владимир Александрович	-//-
43	Ткач Майя Давыдовна	-//-
44	Бубликова Муза Павловна	-//-
45	Смирнов Виктор Михайлович	-//-

46	Веледницкая Людмила Анатольевна	Дирижер хора, учитель пения в общеобразов. школе, преподаватель сольфеджио в муз. школе
47	Клац Тамара Федосовна	-//-
48	Мельник Михаил Михайлович	-//-
49	Петкевич Чеслава Викторовна	-//-
50	Райхман Лидия Яковлевна	-//-
51	Куриленко Владимир Тимофеевич	
52	Дистерло Елена Серафимовна	Дирижер хора, учитель пения в общеобразов. школе
53	Ненашева Тамара Анисимовна	-//-
54	Новохацкая Светлана Николаевна	-//-
55	Гоман Нина Федоровна	-//-
56	Насонова Елена Ивановна	-//-
57	Рыбакова Маргарита Лазаревна	-//-
58	Ляховкина Татьяна Витальевна	-//-
59	Козлова Любовь Петровна	-//-
60	Василевский Геннадий Николаевич	-//-
61	Березкина Галина Тимофеевна	-//-
62	Мурашко Елена Анатольевна	-//-
63	Андрюшенкова Лариса Даниловна	-//-

1966 г.

№ п/п	Ф. И. О.	Присвоена квалификация
	ФОРТЕПИАНО	
1	Кружевицкая Римма Александровна	Преподаватель детской муз. школы по кл. фортепиано
2	Гаврилов Аркадий Александрович	-//-
3	Либерман Майя Яковлевна	-//-
4	Калинина Людмила Михайловна	-//-
5	Лещенко Тамара Яковлевна	-//-
6	Шевчук Милана Николаевна	-//-
7	Файнштейн Янина Семеновна	-//-
8	Менжинский Анатолий Владимирович	-//-
9	Лившиц Раиса Борисовна	Преподаватель детской муз. школы по кл. фортепиано и концертмейстер
10	Ляховкина Галина Витальевна	-//-
11	Волкова Светлана Михайловна	-//-
12	Бессонов Александр Сергеевич	-//-
13	Шендина Евгения Георгиевна	-//-
14	Мильцина Маргарита Викторовна	-//-
15	Жмурик Светлана Федоровна	-//-
16	Горбенко Елена Ивановна	-//-
17	Середа Лариса Владимировна	-//-
18	Шустеф Сусанна Танхумовна	-//-
19	Фурманова Валентина Владимировна	-//-
20	Борисова Светлана Михайловна	-//-
	СТРУННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ	
21	Крючковский Владимир Семенович	Преподаватель муз. школы по кл. скрипки. Артист оркестра
22	Богорад Леонид Абрамович	Преподаватель муз. школы по кл. скрипки. Артист оркестра
23	Пещенко Ольга Нифановна	-//-
	НАРОДНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ	
25	Сухарева Тамара Исаевна	Руководитель самодеятельного оркестра нар. ин-тов, преподаватель муз. школы по кл. балалайки

26	Шафранова Тамара Александровна	-//-
27	Иванова Лариса Германовна	Руководитель самодеятельного оркестра нар. ин-тов, преподаватель муз. школы по кл. домры
28	Селезнёва Людмила Иосифовна	-//-
29	Пригун Леонид Петрович	Руководитель самодеятельного оркестра нар. ин-тов, преподаватель муз. школы по кл. баяна
30	Севрюков Николай Иванович	-//-
31	Козлов Петр Артемьевич	-//-
32	Стрижёнок Валерий Гаврилович	-//-
33	Комар Юрий Анатольевич	-//-
34	Керов Вячеслав Константинович	-//-
35	Луцкий Николай Петрович	-//-
36	Зеневич Михаил Петрович	-//-
37	Жданко Галина Александровна	-//-
38	Канин Иван Егорович	Преподаватель муз. школы по кл. баяна
	ХОРОВОЕ ДИРИЖИРОВАНИЕ	
39	Ермоленко Галина Александровна	Дирижер хора, учитель пения в общеобразов. школе
40	Цыбулькина Татьяна Александровна	-//-
41	Иванова Валентина Алексеевна	-//-
42	Карпова Надежда Игнатьевна	-//-
43	Мильман Галина Викторовна	-//-
44	Барабаш Надежда Емельяновна	-//-
45	Пучкова Валентина Васильевна	Дирижер хора, учитель пения в общеобразов. школе
46	Мамыкин Александр Максимович	-//-
47	Белякова Тамара Климентьевна	Дирижер хора, учитель пения в общеобразов. школе, преподаватель сольфеджио в муз. школе
48	Челпанова Наталья Николаевна	-//-
49	Горбатенко Раиса Михайловна	-//-
50	Касиковская Елена Федоровна	-//-
51	Кеженов Леонид Александрович	-//-
52	Киркилевич Мария Кузьминична	-//-
53	Фрейзонц Михаил Шлемович	-//-
54	Добыш Георгий Нестерович	-//-
55	Печёнкина Анна Степановна	-//-
56	Титков Александр Дмитриевич	-//-
57	Жук Олег Иванович	-//-
58	Агафонов Владимир Тимофеевич	-//-
59	Шымко Михаил Алексеевич	-//-
60	Пойдо Сергей Иванович	-//-
61	Рыбакова Нина Ивановна	-//-
62	Савельева Галина Велиховна	-//-
63	Лысова Любовь Аркадьевна	-//-
64	Новикова Галина Константиновна	-//-
65	Давыденко Людмила Ивановна	-//-
66	Соломоник Борис Исаакович	-//-
67	Попеленко Людмила Александровна	-//-
	ПЕНИЕ	
68	Замарь Галина Васильевна	Артист ансамбля и хора, учитель пения в общеобразовательной школе

1967 г.

№ п/п	Ф. И. О.	Присвоена квалификация
	ФОРТЕПИАНО	
1	Сидоренко Татьяна Федоровна	Преподаватель детской муз. школы по кл. фортепиано и концертмейстер
2	Делендик Тамара Максимовна	-//-
3	Розет Раиса Залмановна	-//-
4	Грибков Михаил Иванович	-//-
5	Сташова Элеонора Михайловна	-//-
6	Кореневская Галина Михайловна	-//-
7	Майстренко Нина Андреевна	-//-
8	Матвеева Валентина Викторовна	-//-
9	Белевич Евгения Петровна	-//-
10	Броненская Бэлла Еремеевна	-//-
11	Цыбульская Зинаида Борисовна	Преподаватель детской муз. школы по кл. фортепиано
12	Габораева Светлана Суликовна	-//-
13	Яхнина Светлана Эязевна	-//-
14	Янченко Людмила Алексеевна	-//-
	СТРУННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ	
15	Нарубина Светлана Александровна	Преподаватель муз. школы по кл. виолончели. Артист оркестра
16	Рогорова Галина Ивановна	Преподаватель муз. школы по кл. скрипки. Артист оркестра
17	Сморгонская Дина Михайловна	-//-
18	Латух Михаил Семенович	-//-
19	Василевский Леонид Викторович	-//-
	НАРОДНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ	
20	Тереш Анатолий Иванович	Руководитель самодеятельного оркестра нар. ин-тов, преподаватель муз. школы по кл. баяна
21	Кругликова Элла Васильевна	-//-
22	Гасюта Иван Владимирович	-//-
23	Лаевский Георгий Георгиевич	-//-
24	Шульженко Владимир Тимофеевич	-//-
25	Выгорный Виктор Михайлович	-//-
26	Антонов Вячеслав Михайлович	-//-
27	Алексеев Валерий Иванович	-//-
28	Смирнов Юрий Викторович	-//-
29	Овсюк Геннадий Альбертович	-//-
30	Какашинский Михаил Маркович	-//-
31	Лопашов Николай Егорович	-//-
32	Захаров Валерий Васильевич	-//-
33	Добрина Людмила Сергеевна	Руководитель самодеятельного оркестра нар. ин-тов, преподаватель муз. школы по кл. домры
34	Сидорович Тамара Ивановна	-//-
35	Сапруненко Валентина Владимировна	Руководитель самодеятельного оркестра нар. ин-тов, преподаватель муз. школы по кл. цимбал
36	Бубликов Николай Николаевич	Преподаватель муз. школы по кл. баяна
37	Дятлов Николай Моисеевич	-//-
38	Крохмалёв Валерий Егорович	-//-
39	Степанова Галина Александровна	-//-

40	Худяков Анатолий Николаевич	-//-
	ХОРОВОЕ ДИРИЖИРОВАНИЕ	
41	Кишкович Иван Титович	Дирижер хора, учитель пения в общеобразов. школе, преподаватель сольфеджио в муз. школе
42	Соловьёва Валентина Ивановна	-//-
43	Перегуд Зинаида Петровна	-//-
44	Егоренко Любовь Семеновна	-//-
45	Седукова Тамара Игоревна	-//-
46	Кузнецова Ирина Федоровна	-//-
47	Филатова Галина Михайловна	-//-
48	Мадынская Галина Ивановна	Дирижер хора, учитель пения в общеобразов. школе
49	Федосенко Светлана Алексеевна	Дирижер хора, учитель пения в общеобразов. школе
50	Антонова Людмила Михайловна	-//-
51	Рязанова Цельмира Алексеевна	-//-
52	Малова Галина Ивановна	-//-
53	Метницкий Евгений Федорович	-//-
54	Москалькова Тамара Алексеевна	-//-
55	Шевченко Мария Александровна	-//-
	ПЕНИЕ	
56	Бутрина Лилия Родионовна	Артист ансамбля и хора, учитель пения в общеобразовательной школе

1968 г.

№ п/п	Ф. И. О.	Присвоена квалификация
	ФОРТЕПИАНО	
1	Соловьёва Елена Николаевна	Преподаватель детской муз. школы по кл. фортепиано и концертмейстер
2	Левина Гарита Михайловна	-//-
3	Разоренова Татьяна Васильевна	-//-
4	Зубков Игорь Константинович	-//-
5	Валькевич Наталья Николаевна	-//-
6	Фокина Алина Андреевна	-//-
7	Попова Валентина Михайловна	-//-
8	Соколовская Нина Порфирьевна	-//-
9	Алампиева Галина Сергеевна	-//-
10	Луцкая Лариса Романовна	-//-
	Дрозник Белла Абрамовна	-//-
11	Изофатенко Жанна Глебовна	Преподаватель детской муз. школы по кл. фортепиано
12	Лушина Тамара Леонидовна	-//-
13	Хачковская Ольга Михайловна	-//-
14	Глузман Рита Вольковна	-//-
15	Иоффе Анна Залгановна	-//-
16	Хотина Алла Абрамовна	-//-
17	Краскина Белла Моисеевна	-//-
18	Ботштейн Белла Ильинична	-//-
	НАРОДНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ	
19	Белявский Анатолий Павлович	Руководитель самодеятельного оркестра нар. ин-тов, преподаватель муз. школы по кл. баяна
20	Шалохина Татьяна Васильевна	Руководитель самодеятельного оркестра нар. ин-тов, преподаватель муз. школы
21	Грушецкая Людмила Сергеевна	-//-

22	Дорофеев Юрий Георгиевич	-//-
23	Лукьянов Евгений Васильевич	-//-
24	Валова Тамара Евгеньевна	-//-
25	Кучеренко Александр Григорьевич	-//-
26	Морозова Тамара Павловна	-//-
27	Зверевщикова Нина Николаевна	Руководитель самодеятельного оркестра нар. ин-тов, преподаватель муз. школы
28	Красножон Владимир Алексеевич	-//-
29	Романовский Владимир Владимирович	-//-
30	Греков Валерий Георгиевич	-//-
31	Исаков Георгий Алексеевич	-//-
	Григо Владимир Петрович	-//-
32	Красногир Михаил Александрович	Руководитель самодеятельного оркестра нар. ин-тов, преподаватель муз. школы по кл. баяна
33	Шевяков Виктор Иванович	-//-
34	Колотовкин Анатолий Петрович	-//-
	Киселёва Альбина Васильевна	Руководитель самодеятельного оркестра нар. ин-тов, преподаватель муз. школы по кл. домры
35	Шпунтов Валентин Андреевич	Преподаватель муз. школы по кл. баяна
	ХОРОВОЕ ДИРИЖИРОВАНИЕ	
36	Долматова Галина Владимировна	Дирижер хора, учитель пения в общеобразов. школе, преподаватель сольфеджио в муз. школе
37	Мартынова Людмила Вячеславовна	-//-
38	Чистая Татьяна Васильевна	-//-
39	Батурова Инна Александровна	-//-
40	Королёва Татьяна Михайловна	-//-
41	Картовищенко Любовь Александровна	-//-
42	Пурина Ирина Ивановна	-//-
43	Казимирова Тамара Павловна	-//-
44	Смирнова Валентина Борисовна	-//-
45	Кухарева Светлана Владимировна	-//-
46	Противальский Анатолий Казимирович	-//-
47	Сергеенко Римма Иосифовна	-//-
48	Шулькин Марк Давыдович	-//-
49	Палего Лев Наумович	-//-
50	Голикова Зоя Дмитриевна	-//-
51	Дыдыч Людмила Александровна	-//-
52	Селезнёва Валентина Николаевна	-//-
53	Лифа Алимпиада Витольдовна	Дирижер хора, учитель пения в общеобразов. школе
54	Карабань Валентина Кириловна	-//-
55	Милодовская Лидия Тихоновна	-//-
56	Макова Валентина Ивановна	-//-
57	Рябушко Геннадий Леонович	-//-
58	Шидловский Анисий Иосифович	-//-

1969 г.

№ п/п	Ф. И. О.	Присвоена квалификация
	ФОРТЕПИАНО	
1	Медведева Лариса Александровна	Преподаватель детской муз. школы по кл. фортепиано и концертмейстер
2	Леонович Евгения Ивановна	-//-
3	Гуревич Галина Залмановна	-//-
4	Логовик Людмила Николаевна	-//-

5	Смецкая Тамара Михайловна	-//-
6	Приворотская Алла Александровна	-//-
7	Бубнова Александра Александровна	-//-
8	Ольховская Алла Федоровна	-//-
9	Азаренков Сергей Алексеевич	-//-
10	Курдюмова Екатерина Сергеевна	-//-
11	Козлова Наталья Семеновна	-//-
12	Малкис Зинаида Михайловна	-//-
	СТРУННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ	
13	Сахнович Раиса Липовна	Преподаватель муз. школы по кл. скрипки. Артист оркестра
14	Школьник Ефим Давидович	-//-
	НАРОДНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ	
15	Ткаченко Олег Викторович	Руководитель самодеятельного оркестра нар. ин-тов, преподаватель муз. школы по кл. баяна
16	Макарова Диана Антоновна	-//-
17	Автухова Людмила Владимировна	Руководитель самодеятельного оркестра нар. ин-тов, преподаватель муз. школы по кл. баяна
18	Кондрашов Анатолий Николаевич	-//-
19	Петровский Валерий Викторович	-//-
20	Бабошин Александр Александрович	-//-
21	Степук Анатолий Андреевич	-//-
22	Костюк Иван Гаврилович	-//-
23	Щербак Александр Васильевич	-//-
24	Мощур Владимир Николаевич	Руководитель самодеятельного оркестра нар. ин-тов, преподаватель муз. школы по кл. баяна
25	Пищейко Анатолий Тихонович	-//-
26	Дроздовский Владимир Иосифович	-//-
27	Мельник Людмила Васильевна	Преподаватель муз. школы по кл. баяна
28	Соловьёва Наталья Викторовна	Руководитель самодеятельного оркестра нар. ин-тов, преподаватель муз. школы по кл. домры
29	Шибеко Светлана Анатольевна	-//-
	ХОРОВОЕ ДИРИЖИРОВАНИЕ	
30	Пескина Ольга Борисовна	Дирижер хора, учитель пения в общеобразов. школе, преподаватель сольфеджио в муз. школе
31	Пилецкая Людмила Владимировна	-//-
32	Зельдина Эмилия Саминовна	-//-
33	Пятник Галина Борисовна	-//-
34	Бируля Надежда Антоновна	-//-
35	Претвянова Лариса Иосифовна	-//-
36	Лившиц Зинаида Самуиловна	-//-
37	Кодынец Анастасия Михайловна	Дирижер хора, учитель пения в общеобразов. школе

Фота 1. Віцебск. Царква Святога Духа і будынак былога жаночага епархіяльнага вучылішча.
Фота Л.В. Аляксеева. 1950 г. ВАКМ КП 27236/0532

Фота 2, 2а. Траншэя, дзе была знойдзена берасцяная грамата
(від з пл. Свабоды на вул. Замкавую (Кірава)).
Фота Л.В. Аляксеева. 1959 г. ВАКМ КП 27236/0517

Фота 3. Калектыў Віцебскага абласнога краязнаўчага музея.
Канец 1950-х – пачатак 1960-х гг. ВАКМ КП 27236/0557

Фота 4. В.П. Сухамлінава-Марозава. Фота Л.В. Аляксеева.
Віцебск. 1950-я гг. ВАКМ КП 27236/0550

Фота 5. Віцебскія настаўнікі на раскопе. Экскурсію праводзіць Л.В. Аляксееў. Друцк. 1961 г.
ВАКМ КП 27236/1120

Приложение 1

Письмо Хруцкая Н.В. – Алексееву Л.В. 16 апреля 1985 г.

(Авторский стиль и орфография оригинала)

16.IV.85 г. Витебск

пол. 19. IV. 85
Витебск 210023
Ул. Чапаева, 4, кв. 22
Хруцкая Нина Вячесл. [1]

Многоуважаемый Леонид Васильевич!

Ваше письмо явилось для меня приятной неожиданностью! Я сразу догадалась, что пишет мне автор книги «По Западной Двине и Днепру в Белоруссии», но не могла понять, откуда Вы знаете мой адрес. Но когда начала читать Ваше письмо, то все прояснилось!

С Даркевичами нашу семью связывает давнее знакомство; мать Славы (мы с ним «на Вы», т. к. я старше, но называем друг друга по имени) Ирина Ярославовна училась в художественном техникуме, где преподавала моя старшая тетя, хорошо знала всех моих родных (кроме Дедушки) и до сих пор чтит их память. Именно Ирина Ярославовна прислала моей тете Вашу книжку, в которой Вы упоминаете о Дедушке.

Вы первый вернули его имя из небытия после 45-летнего забвения… Как разволновались обе мои тети и я (Бабушка и Мама, увы, не дожили до этого светлого дня…).

С Вашей легкой руки на работы Дедушки стали ссылаться и другие авторы. Так, в 1980 г. в книге «Архитектура Витебска» Т.И. Чернявская использует материалы Дедушкиной работы «Чертеж города Витебска 1664 г.», на эту же работу ссылается в 1984 г. О.Н. Левко («Экскурсия по древнему Витебску»). Она же в книге «Витебск 1418 вв.» упоминает уже о трех работах Дедушки. Все это, конечно, Вам известно! В 1981 году я познакомилась с витебским журналистом и краеведом Аркадием Михайловичем Подлипским, который давно интересовался деятельностью моего Дедушки. К великому сожалению, уже ушли из жизни три дочери Дедушки, которые могли бы ответить на очень многие вопросы…

31 июля 1982 г. в Мстиславльской газете «Святло Кастрычніка» в рубрике «Ведай свой край» была опубликована заметка Подлипского «Летапісец Мсціслава» (этот номер газеты у меня есть). Он же подготовил передачу о Дедушке по местному телевидению (текст сопровождался показом пяти Дедушкиных работ и двух его фотографий, взятых у меня для передачи).

В журнале «Помнікі гісторыі і культуры Беларусі» в № 1 за 1985 г. опубликована заметка Подлипского о Дедушке «Краязнавец і даследчык» (вырезку из журнала я послала И.Я. Даркевич). А в местную газету «Віцебскі рабочы» Подлипский никак не может «пробиться», статья о Дедушке лежит в редакции уже 2-й год (?!).

Книга «Город Мстиславль» была самой любимой в нашей семье. И как приятно, что и Вы любите эту книгу, возите ее ежегодно в Мстиславль, что ее с интересом читают студенты, что заказаны ее копии.

Поразило, что живы еще ученики Дедушки, показавшие окна Его квартиры. На

[1] Приписка рукой Л.В. Алексеева.

фотографии (стр. 43) «Кладбище в околице Рязанцы близ г. Мстиславля» изображены три дочери и племянница Дедушки (крайняя слева – моя Мама), а на стр. 67 – две дочки. Сохранилась фотография 1904 г. (?!) «Вид местечка Эсмоны», это название я запомнила с детских лет, об Эсмонах часто вспоминали в семье. Сохранилась вырезка из газеты «Колхозная правда» от 29. IX.60 г. с заметкой «Там, где идут раскопки», в которой говорится о раскопках в Мстиславле, проводимых Вами! Я тогда не думала, что через 25 лет получу от Вас письмо…

Теперь перейду к ответам на Ваши вопросы. Никаких архивов Дедушки, увы, не сохранилось, все сгорело во время войны. В ноябре 1943 года Бабушка и три ее дочки ушли из города в Бешенковичский район (партизанская зона), взяв с собой минимум вещей и фотографий. Сразу после освобождения Витебска (в конце июня 1944 г.) мои родные вернулись в Витебск, но дом, в котором мы жили, сгорел (осталась только красивая голландская печь, которая была в нашей квартире). Меня война застала в Ленинграде, я училась на 3-м курсе педагогического ин-та им. Герцена, была в блокаде и полуживая в феврале 1942 года эвакуировалась к родным в Уральск. Там жил с матерью родной племянник Дедушки Алексей Федорович Краснянский, теперь он живет в Астрахани (подполковник в отставке), у него есть два сына и дочь, два внука, так что эта ветвь Краснянских продолжается. Дедушка мечтал о сыне и внуке, но эта мечта не сбылась, так что прямых потомков с фамилией Краснянские у него, увы, нет. Старшая и младшая дочери детей не имели. В сентябре 1944 г. я вернулась в Витебск и воссоединилась со своими близкими. Была поражена практически полным разрушением родного города, хотя уже видела много ужасных следов войны и в Л<енингра>де, и по дороге домой…

В 1950 г., после кончины Дедушкиного большого друга, его вдова прислала Бабушке 5 работ Дедушки, подаренных им в свое время ее мужу (все книги с дарственными надписями), для всех нас это была огромная радость! Перечисляю эти работы:

1. «Город Мстиславль», Вильна, 1912 г. (у Вас есть фотокопия).
2. «Минский департамент Великого княжества Литовского», С.-Петербург, 1902 г. (первая исследовательская работа Дедушки).
3. «Г. Борисов и Борисовский уезд в Отечественную войну 1812 года», Гродна, 1914 г.
4. «Чарцёж места Віцебску 1664 году», Менск, 1928 г.
5. «Віцебскі гандаль у 1605 г.» Оттиск из историко-археологического сборника, т. II.

Сохранилось письмо Дедушки от 16.II.1916 г. к старшей дочери в связи с окончанием ею Петроградского женского педагогического ин<ститу>та по словесно-историческому отделению. Это письмо не только любящего отца, но и педагога и гражданина с большой буквы! Вы, кажется, собираетесь летом приехать в Витебск? Тогда я покажу Вам это письмо (доверить почте боюсь), и если оно Вас заинтересует, можно сделать фотокопию. Сохранились также две открытки с видами Витебска, адресованные младшей дочери (лето 1911 г., когда семья ещё была в Мстиславле) и визитная карточка: «Владимир Гаврилович Краснянский. Директор витебского реального училища» (орфография, конечно, старая!).

Дедушку я хорошо помню, мне было десять лет, когда он скончался. Когда мне было 4 года, мои родители разошлись, мы с Мамой поселились у Дедушки с Бабушкой, с ними же жила их младшая дочь Елена. В течение 6-и лет (мало, к сожалению) Дедушка заменил мне отца, много времени отдавал моему воспитанию и обучению. Он был строг,

но справедлив, я его очень любила, уважала и немного побаивалась (чуть-чуть!). В 5 лет Дедушка научил меня читать и писать, любовь к чтению сохранилась на всю жизнь…

Помню дедушку, сидящего за письменным столом и пишущего очередную книгу; иногда Он прерывал работу, поднимал очки на лоб и смотрел, как я играю под большим дубовым столом, рассказываю что-то своим игрушкам, изображающим зверей (к куклам я была равнодушна).

Дедушка страстно любил природу, с удочкой и спиннингом удил рыбу, иногда брал меня с собой на рыбалку (на реку Лужеснянку). Каждое лето семья выезжала на дачу. Сохранилась книга П.Е. Васильковского «Спутник юного натуралиста» (Петроград, 1916 г., штамп «Книжный магазин С. Дрейцер», Витебск, Замковая улица), подаренная дедушкой младшей дочери Елене с надписью: «Дорогой Лёле в день Ангела 21 мая 1916 г. Научись любить природу: это даст Тебе счастье в жизни. Папа».

Любовь к природе унаследовали и дочери, и внучка, общение с природой всем нам дало много радостей в жизни.

Семейная жизнь Дедушки и Бабушки была очень счастливой, Они прожили вместе в любви, дружбе и согласии 39 лет. Познакомились они в Белостоке. Дедушка преподавал не только в реальном училище, но и в ин<ститу>те благородных девиц, который помещался в роскошном дворце (у меня есть журнал «Старые годы» за 1915 г, в котором статья об этом дворце и прекрасные фотографии; этот ж<урна>л я Вам покажу при встрече). Бабушка училась в этом институте в старшем классе (была пепиньеркой, не ручаюсь за правильность написания этого слова); все институтки были влюблены в синеглазого с вьющимися каштановыми волосами педагога, увлеченного своим предметом, а Дедушка полюбил Бабушку – Евгению Александровну Шадурскую. Встречались они только в присутствии начальницы, и только, когда Дедушкино предложение было принято, и они стали женихом и невестой, начальница оставляла их наедине минут на пять! Какие романтические красивые были отношения в старые времена, не то, что теперь – сплошная проза! Свадьба состоялась 12 июня 1891 года в Александро-Невской церкви Варшавской цитадели; бабушке было 17 лет, Дедушке – неполных 28 лет. В 1916 году отметили серебряную свадьбу, есть фотография «серебряных» Краснянских с дочерьми. Бабушка пережила Дедушку на 24 года и скончалась 12 июня (печальное совпадение с датой свадьбы) 1954 года. В Белостоке родились две дочери: 18 мая 1892 года – Ирина и 17 апреля 1896 года – Вера (моя Мама). В 1896 году Дедушку перевели (сохранился дом, где жила семья Краснянских, он наход<ился> в парке им. Горького) в Минск, где 11 июля 1902 года родилась младшая дочь Елена. Затем жили в Вильно, Мстиславле и Витебске. К 1917 году Дедушка был действительным статским советником (генералом, 4-й класс в табели о рангах), имел награды.

Дедушка родился в семье священника; Прадедушка интересовался краеведением и церковной архитектурой Новгорода и Новгородской губернии; в свое время его работы были напечатаны.

Перехожу теперь к документам. В краеведческом музее г. Витебска в архиве есть личное дело Дедушки с послужным списком, с заявлениями о назначении персональной пенсии (в 1925 г. и 1927 г.) и представлением директора музея. Все эти материалы я переписала у Подлипского.

Послужной список В.Г. Краснянского

1. Учитель русского языка Белостокского реального училища (1.VIII.1886 г. – 30.VI.1896 г.).

2. Учитель истории и географии Минской гимназии (1.VII.1896 г. – 10.I.1903 г.).

3. Помощник архивариуса Виленского центрального архива древних актовых книг (11.I.1903 г. – 31.III.1903 г.).

4. Руководитель канцелярии Виленского учебного округа (1.IV.1903 г. – 7.X.1906 г.).

5. Директор Мстиславской гимназии (8.X.1906 г. – 30.VI.1911 г.).

6. Директор Витебского реального училища (1.VII. 1911 г. – 31.XII.1917 г.).

7. Председатель педсовета реального училища (1.I. 1918 г. – 1.IX.1918 г.).

8. Лектор русского языка и делопроизводитель первых Витебских советских курсов по подготовке командного состава РККА (12.XII. 1918 г. – 30.VIII.1919 г.).

9. Счетовод, а затем делопроизводитель инженерной дистанции Витебского губернского военного комиссариата (18.IX. 1919 г. – 1.VII.1920 г.).

10. Заведующий подотделом личного состава Витебского уездного продовольственного комитета (1.VIII.1920 г. – 31.XII.1920 г.).

11. Преподаватель русского языка 45-х Витебских пехотных командных курсов (1.I.1921 г. – 31.XII.1921 г.).

12. Заведующий музеем Федоровича (4.VI. 1921 – 20.IX.1923 г.).

13. Научный сотрудник Витебского отделения Московского археологического института (1.IX.1921–1.IV.1922 г.).

14. Заведующий музеем Витебского Высшего педин<ститу>та (1.X.1923–30. IX.1924 г.).

15. Научный сотрудник Витебского отделения Белорусского государственного музея (с 1.X.1924 по ?).

Есть два заявления Дедушки о пенсии (1925 г. и 28.IX.1927 г.), точной даты выхода Дедушки на пенсию не помню. Заболел Дедушка в октябре 1929 года и скончался 4 мая 1930 года. Никаких воспоминаний о Дедушке нет, увы.

Представление директора музея (подпись неразборчива)

Комиссару народного просвещения Белоруссии, 1925 год.

«Представляю на Ваше рассмотрение заместителя (помощника? – переводили с белорусского) заведующего Витебского отделения Белорусского государственного музея В.Г. Краснянского о назначении ему персональной пенсии с увольнением со службы. Считаю моральным своим долгом доложить вам, что просьба тов. Краснянского заслуживает особой поддержки. Т. Краснянский 39 лет безупречной работы отдал делу народного просвещения в Белоруссии в качестве педагога и научного деятеля, о чем ярко свидетельствуют приложенные при этом документы. Тов. Краснянский не изменил делу народного просвещения и во время Октябрьской революции он ни на один день не уклонялся от работы по директивам советской власти и науки проявил сея как искренний?, преданный ? (шчыры) советский работник. Последние годы он работает по музейному строительству, притом в тяжелые года (21–23 гг.) он, не жалея себя, полуголодный работал все зимние месяцы в сырых не отапливаемых помещениях, составлял описи и благодаря этому сохранил все богатые музейные фонды бывших музеев: Федоровича, Архивной комиссии и др. Все вышеуказанное дает т. Краснянскому право на заслуженный им отдых и получение пенсии в увеличенном размере. (Завед. музеем)».

Я забыла написать, что Дедушка родился 9 июля (ст. стиль) 1863 года в селе Рютино Валдайского уезда Новгородской губернии. В 1886 году окончил Санкт-Петербургский историко-филологический институт.

Положительные отклики о работе Дедушки публиковались в «Историч<еском> вестнике», «Новом времени», «Виленском вестнике», «Крае», «Могилевском вестнике».

Какие печатные труды Дедушки есть в Вашей картотеке? У меня есть список работ, но м. б., они все Вам известны?

В Областной библиотеке я сделала выписки из книги 1-й «Полоцко-Витебской старины» за 1911 г. об открытии реального училища в Витебске (делал сообщение Дедушка об истории возникновения Витебского реального училища). Если Вас интересует, я напишу об этом в другой раз.

Я написала Вам много семейных подробностей, которые помнила сама и по рассказам родных; возможно, они Вам неинтересны, но мне хочется, чтобы Вы познакомились с чисто человеческими чертами Дедушки.

Подтвердите, пожалуйста, получение моего письма, почта работает ненадежно. Скажите, пожалуйста, сохранились ли в Мстиславле архитектурные памятники, о которых пишет Дедушка? В Витебске, увы, практически ничего не осталось: много военных разрушений и много уничтожено в послевоенные годы, это больно, но неисправимо.

Номер моего телефона 4-58-53 (я забыла сообщить Даркевичу, что у меня изменился № телефона).

Благодарю Вас за письмо и желание увековечить память о моем Дедушке.

Желаю Вам всего хорошего, больших творческих успехов.

Н. Хруцкая

P.S. Знаете ли Вы, что в конце 1929 г. или в начале 1930 г. (точно не помню) Дедушку лишили пенсии, но удалось этот удар от него скрыть. Соответственно не получала пенсии и Бабушка.

ВОКМ КП 27687/23

Приложение 2

Письмо Хруцкая Н.В. – Алексееву Л.В. 15 июля 1988 года

(Авторский стиль и орфография оригинала)

15 VII 88 г.
г. Витебск

Получ. 19.VII. 88[2]

Многоуважаемый Леонид Васильевич!

Ваше подробное письмо получила 5 VII, прочла с большим интересом. Очень сочувствую Вам в связи с задержкой выезда на раскопки в Мстиславль, понимаю, как Вас туда тянет… Но, увы, в нашем возрасте очень трудно строить планы, всякие болезни могут помешать их осуществлению. Наше поколение пережило слишком много всяких тяжелых испытаний, что отрицательно сказывается на здоровье. Зато всё пережитое закалило наш дух, сохранило молодость души…

Я все же думаю, что Ваша поездка в Мстиславль состоится, искренне этого желаю.

О семье Красавицких я знаю много, но для научной статьи эти сведения вряд ли могут пригодиться! Конечно, сын Петра Матвеевича Владимир Петрович может многое сообщить об отце, которого он уважал, любил, можно сказать, боготворил. Я буду писать Володе (мы с ним дружны и переписываемся с 1954 года) ко дню его именин (28 VII) и выясню обстановку, после его ответа я сообщу Вам его адрес. Он мне не пишет уже 3 месяца (впрочем, такие интервалы бывали и раньше) писать ему стало труднее с возрастом (пишет левой рукой лучше, чем теперешняя молодежь правой!), он инвалид 1-й группы (в 12 лет заболел полиомиелитом, это было в 1925 г.; отец повез его в Москву, но медицина тех лет была бессильна), но духом Володя тверд, помогает ему жить православная вера, человек он глубоко верующий. По радиоприёмнику он изучил иностранные языки: английский (был переводчиком в н/и институте), немецкий, французский, итальянский и шведский. Человек высокой культуры, общение с ним очень интересно (лично я встречалась с ним в Москве в январе и июне 54 г., а в августе вместе ездили в д/о «Журналист» в Дзинтари. Путевки достала его сестра Мария Петровна Красавицкая – журналист, писатель; её рассказы публикуются в ж<урна>ле «Юность»; вышла отдельная книга «Снимки из семейного альбома», в которой она пишет об отце, но я, увы, эту книгу найти не смогла; издана в Риге).

Виктор Сергеевич Розов – двоюродный брат Володи (племянник матери) – написал о семье Красавицких в ж<урна>ле «Нева» № 2 за 1980 г.: «Маленькая звездочка за мои окном» – отрывок из его книги «Путешествие в разные стороны» Я прочла с волнением т. к. знаю не только действующих лиц, но и место действия; вообще, я поклонница таланта В. Розова!

Володя писал мне, что Розов многое приукрасил, но ведь это же художественная проза, а не констатация фактов!

Дедушка и Петр Матвеевич дружили в течение почти 20-ти лет, познакомились в 1911 году, когда Дедушку перевели в Витебск в качестве директора реального учи-

[2] Приписка рукой Л.В. Алексеева.

лища. Связывали их общие интересы и взаимное уважение и симпатия. Свои работы Дедушка посылал в Москву П.М. с теплыми дарственными надписями (все эти работы мать Володи после кончины Петра М. переслала моей Бабушке). У меня есть отдельный оттиск из кн. I Полоцко-Витебской старины, 1911 г. (это та работа, которую Вы знаете) и маленький оттиск из сборника «Труды комиссии истории искусства», т. I (год не указан) «Віцебская Ільінская царква».

Петр Матвеевич – личность безусловно выдающаяся. По специальности он – врач, был военным врачом, участвовал в войне 1904–1905 годов, имел награды; жил в Петербурге, в Бешенкович<ском> р-не владел хутором «Соломинка», где посадил редкие деревья; имел дома в Витебске (в его доме по ул. Суворова жили после свадьбы 4 года мои родители). В селе Добрыгоры П.М. познакомился с молодой учительницей Елизаветой Федоровной Розовой, в июле 1912 г. они обвенчались (Е.Ф. было около 21 года, П.М. – 39 лет!). У них четверо детей: два сына и две дочери, но все отцовские гены проявились у старшего сына Володи (его сестры и брат вполне современные люди, приземленные – видимо, в мать пошли). Петра Матвеевича я видела всего один раз, когда он заходил к Бабушке; он произвел на меня сильное впечатление, я его просто боялась: высокий, громогласный, с большой бородой, а я была нервной девочкой (осталась сверхчувствительной эмоциональной личностью и по сей день!).

Из-за болезни Володи П.М. с 25-го года жил под Москвой в Царицыно у своей сестры, а затем принял сан (возможно, как врач, видя бессилие медицины, он обратился к Богу, кто знает) и с 1929 года стал жить с семьей в монастырском доме на 2-м Зачатьевском переулке. Петр Матвеевич прожил 77 лет (1873–1950), а его жена 69 лет (1891–1960). После кончины матери жизнь Володи резко осложнилась, его бесконечно жаль…

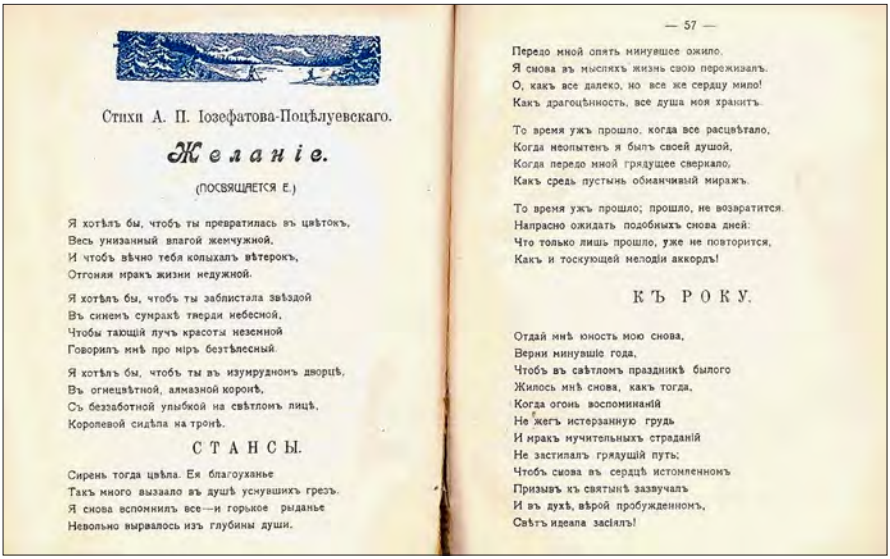
О потомках В.А. Кадыгробова я ничего не слышала, спрошу у Подлипского, м. б., он знает.

Лия Борисовна – историк, преподавала в нашем пединституте, Михаил Степанович у нее учился, и в хороших с ней отношениях. Она ездила с М.С. на раскопки, которые Вы проводили (не помню где), у нее есть фотография, где снята вся группа. Она Вас помнит, а Вы могли ее и не заметить, или забыли (фамилия её – Шалыт). Фамилию Красавицкий иногда искажают (Красовицкий), но правильно писать через два а!

Кончаю свое сумбурное письмо, это все жара действует так отрицательно, прямо размагничивает! Желаю Вам улучшения самочувствия и удачной поездки в Мстиславль. Всего хорошего!

Н. Хруцкая.
ВОКМ КП 27687/24

Да матэрыялу А.В. Сілінай



Стихи А. П. Іозефатова-Поцѣлуевскаго.

Желаніе.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ Е.)

Я хотѣлъ бы, чтобъ ты превратилась въ цвѣтокъ,
Весь унизанный влагой жемчужной,
И чтобъ вѣчно тебя колыхалъ вѣтерокъ,
Отгоняя мракъ жизни недужной.

Я хотѣлъ бы, чтобъ ты заблистала звѣздой
Въ синемъ сумракѣ тверди небесной,
Чтобы тающій лучъ красоты неземной
Говорилъ мнѣ про міръ безтѣлесный.

Я хотѣлъ бы, чтобъ ты въ изумрудномъ дворцѣ,
Въ огнецвѣтной, алмазной коронѣ,
Съ беззаботной улыбкой на свѣтломъ лицѣ,
Королевой сидѣла на тронѣ.

СТАНСЫ.

Сирень тогда цвѣла. Ея благоуханье
Такъ много вызвало въ душѣ уснувшихъ грезъ.
Я снова вспомнилъ все—и горькое рыданье
Невольно вырвалось изъ глубины души.

— 57 —

Передо мной опять минувшее ожило.
Я снова въ мысляхъ жизнь свою пережилъ.
О, какъ все далеко, но все же сердцу мило!
Какъ драгоцѣнность, все душа моя хранитъ.

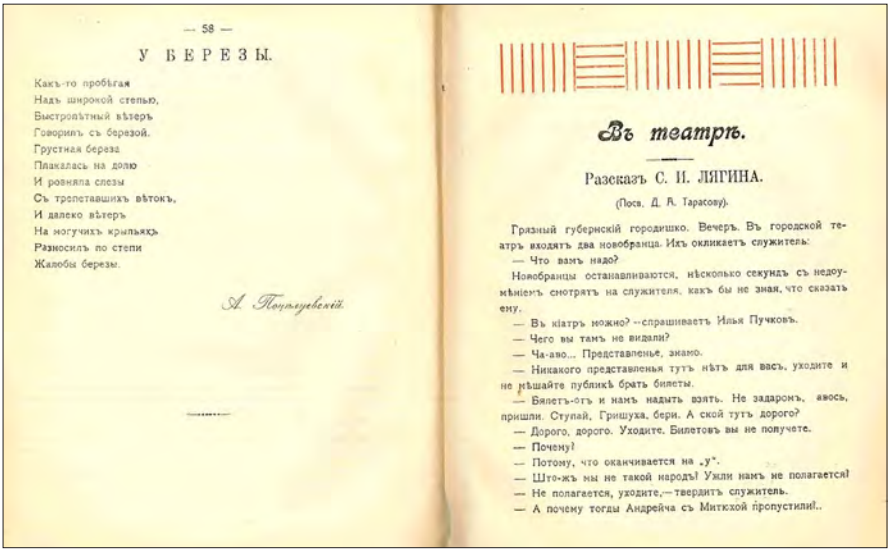
То время ужъ прошло, когда все расцвѣтало,
Когда неопытенъ я былъ своей душой,
Когда передо мной грядущее сверкало,
Какъ средь пустынь обманчивый миражъ.

То время ужъ прошло; прошло, не возвратится.
Напрасно ожидать подобныхъ снова дней:
Что только лишь прошло, уже не повторится,
Какъ и тоскующей мелодіи аккордъ!

КЪ РОКУ.

Отдай мнѣ юность мою снова,
Верни минувшіе года,
Чтобъ въ свѣтломъ праздникѣ былого
Жилось мнѣ снова, какъ тогда,
Когда огонь воспоминаній
Не жегъ истерзанную грудь
И мракъ мучительныхъ страданій
Не застилалъ грядущій путь;
Чтобъ снова въ сердцѣ истомленномъ
Призывъ къ святынѣ зазвучалъ
И въ духѣ, вѣрой пробужденномъ,
Свѣтъ идеала засіялъ!

1. Верш Аляксандра Пацалуеўскага ў літаратурна-мастацкім альманаху «В родной долине» (1912)



— 58 —

У БЕРЕЗЫ.

Какъ-то пробѣгая
Надъ широкой степью,
Быстроногій вѣтеръ
Говорилъ съ березой.
Грустная береза
Плакалась на долю
И роняла слезы
Съ трепетавшихъ вѣтокъ.
И далеко вѣтеръ
На могучихъ крыльяхъ
Разносилъ по степи
Жалобы березы.

А. Поцѣлуевскій.

Въ театрѣ.

Разсказъ С. И. ЛЯГИНА.

(Посв. Д. А. Тарасову).

Грязный губернскій городишко. Вечеръ. Въ городской театръ входятъ два новобранца. Ихъ окликаетъ служитель:

— Что вамъ надо?

Новобранцы останавливаются, нѣсколько секундъ съ недоумѣніемъ смотрятъ на служителя, какъ бы не зная, что сказать ему.

— Въ кіатръ можно?—спрашиваетъ Илья Пучковъ.

— Чего вы тамъ не видали?

— Ча-аво... Представленье, знамо.

— Никакого представленья тутъ нѣтъ для васъ, уходите и не мѣшайте публикѣ брать билеты.

— Билетъ-отъ и намъ надыть взять. Не задаромъ, авось, пришли. Ступай, Гришуха, бери. А ской тутъ дорого?

— Дорого, дорого. Уходите. Билетовъ вы не получете.

— Почему?

— Потому, что оканчивается на „у".

— Што-жъ мы не такой народъ? Ужли намъ не полагается?

— Не полагается, уходите,—твердитъ служитель.

— А почему тогды Андрейча съ Митюхой пропустили!..

2. Верш Аляксандра Пацалуеўскага ў літаратурна-мастацкім альманаху «В родной долине» (1912)

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ

Алефірэнка Максім Канстанцінавіч	Вядучы архівіст аддзела інфармацыйна-пошукавых сістэм і аўтаматызаваных архіўных тэхналогій Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці
Аляксеева Таццяна Уладзіміраўна	Намеснік дырэктара па вучэбнай рабоце Акцябрскай сярэдняй школы Віцебскага раёна
Анучына Наталля Уладзіміраўна	Старшы навуковы супрацоўнік Музея беларускага кнігадрукавання Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка (НПГКМЗ)
Арлова Ала Генадзеўна	Краязнаўца (аг. Бачэйкава)
Арлоўскі Глеб Сяргеевіч	Архітэктар (г. Віцебск)
Арцямёнак Анастасія Яўгенаўна	Навуковы супрацоўнік Музея гісторыі прыватнага калекцыяніравання, філіяла Віцебскага абласнога краязнаўчага музея
Аўчыннікава Ганна Алегаўна	Старшы навуковы супрацоўнік Віцебскага абласнога краязнаўчага музея
Ашуева Вера Яўгенаўна	Вядучы навуковы супрацоўнік Музея беларускага кнігадрукавання, філіяла НПГКМЗ
Барадзін Уладзіслаў Уладзіміравіч	Навучэнец Багатырскай базавай школы Полацкага раёна
Баранава Ала Савічна	Дацэнт кафедры педагогікі Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта, к. пед. н., дацэнт
Бараненка Таццяна Валер'еўна	Вядучы навуковы супрацоўнік Музея традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер'я, філіяла НПГКМЗ
Бараноўскі Аляксандр Віктаравіч	Навуковы супрацоўнік аддзела навейшай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі, к. г. н.
Бараноўскі Андрэй Леанідавіч	Галоўны бібліёграф навукова-даследчага аддзела бібліяграфіі Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі
Бароўка Ванда Юльянаўна	Прафесар кафедры літаратуры Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава, д. філал. н., прафесар
Бондарава Алена Міхайлаўна	Загадчык аддзела інфармацыйна-пошукавых сістэм і аўтаматызаваных архіўных тэхналогій Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці
Бут-Гусаім Святлана Феадосьеўна	Дацэнт кафедры беларускай філалогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Вакар Людміла Уладзіміраўна	Дацэнт кафедры выяўленчага мастацтва Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава, к. мастацтвазнаўства, дацэнт культуралогіі
Воднева Ірына Пятроўна	Загадчык Краязнаўчага музея г. Полацка, філіяла НПГКМЗ
Воюш Руслан Валер'евіч	Намеснік дырэктара па вучэбнай рабоце Багатырскай базавай школы Полацкага раёна
Гайдукоў Канстанцін Пятровіч	Настаўнік замежных моў Выдрэйскай я/с базавай школы Лёзненскага раёна
Ганслінгер Данііл Аляксандравіч	Вядучы бібліятэкар цэнтра краязнаўства, бібліяграфіі і інфармацыйна-бібліяграфічнага абслугоўвання Смаленскай абласной універсальнай навуковай бібліятэкі імя А.А. Твардоўскага
Ганчар Андрэй Іванавіч	Загадчык кафедры эканамічнай тэорыі Гродзенскага дзяржаўнага аграрнага ўніверсітэта, к. г. н., дацэнт
Гаркуша Ірына Пятроўна	Вядучы навуковы супрацоўнік Віцебскага абласнога краязнаўчага музея
Гаўрылава Славіна Вячаславаўна	Загадчык Музея беларускага кнігадрукавання, філіяла НПГКМЗ
Гладкова Ганна Аляксандраўна	Дацэнт кафедры літаратуры Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава, к. філал. н., дацэнт
Гонтараў Данііл Мікалаевіч	Навучэнец Багатырскай базавай школы Полацкага раёна
Давідоўская Вольга Мікалаеўна	Галоўны захавальнік фондаў Віцебскага абласнога краязнаўчага музея
Даніленка Сяргей Мікалаевіч	Настаўнік гісторыі Магілёўскага дзяржаўнага ліцэя № 2
Дулаў Анатоль Мікалаевіч	Загадчык кафедры гісторыі і культурнай спадчыны Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава, к. г. н., дацэнт
Ерашэвіч Аляксандр Уладзіміравіч	Дацэнт кафедры эканамічнай гісторыі Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта, к. г. н., дацэнт
Ермалёнак Вітольд Антонавіч	Настаўнік гісторыі, кіраўнік музейнага аб'яднання Міёрскай сярэдняй школы № 3 імя Героя Савецкага Саюза Ягора Андрэевіча Томкі
Жукоўскі Віктар Васілевіч	Настаўнік геаграфіі сярэдняй школы № 2 г. Оршы

Іванова Таццяна Пятроўна	Дацэнт кафедры правазнаўства і сацыяльна-гуманітарных дысцыплін Віцебскага філіяла УА ФПБ «Міжнародны ўніверсітэт “МІПСА”», к. г. н., дацэнт
Капліеў Аляксей Аляксандравіч	Старшы навуковы супрацоўнік аддзела навейшай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі, к. г. н.
Караткевіч Анастасія Валер’еўна	Загадчык аддзела перыядычных выданняў Гомельскай абласной універсальнай бібліятэкі імя У.І. Леніна
Кароль Маргарыта Міхайлаўна	Вядучы навуковы супрацоўнік Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі
Карпекін Канстанцін Рыгоравіч	Галоўны захавальнік фондаў Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці, к. г. н.
Катовіч Таццяна Віктараўна	Прафесар кафедры германскай філалогіі Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава, д. мастацтвазнаўства, прафесар
Кот Святлана Васілеўна	Старшы навуковы супрацоўнік Віцебскага абласнога краязнаўчага музея
Куксёнак Марына Віктараўна	Галоўны захавальнік фондаў Музея гісторыі і культуры г. Наваполацка
Кучарава Аксана Уладзіміраўна	Загадчык інфармацыйна-бібліяграфічнага аддзела Краснадарскай краёвай юнацкай бібліятэкі імя І.Ф. Варавы (г. Краснадар, Расія)
Лаўрык Таццяна Анатолеўна	Загадчык сектара аналітычнай інфармацыі па культуры і мастацтве інфармацыйна-аналітычнага аддзела Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі, аспірант філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
Лаўрык Юры Мікалаевіч	Вядучы навуковы супрацоўнік Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь
Лаўрыненка Кацярына Віктараўна	Дактарант Інстытута Тэалагічных навук Люблінскага Каталіцкага ўніверсітэта Яна Паўла II, к. г. н. (г. Люблін, Польшча)
Лісаў Аляксандр Генадзевіч	Загадчык кафедры філасофіі і паліталогіі Віцебскай дзяржаўнай акадэміі ветэрынарнай медыцыны, к. мастацтвазнаўства, дацэнт
Лонскі Арцём Паўлавіч	Студэнт Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава
Лявікіна Кацярына Ігараўна	Студэнтка Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава

Ляшчынскі Міхаіл Аляксандравіч	Намеснік старшыні Віцебскага абласнога савета ветэранаў
Мазец Валянцін Генрыхавіч	Вядучы навуковы супрацоўнік аддзела навейшай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі, к. г. н., дацэнт
Макравусава Сняжана Уладзіміраўна	Старшы навуковы супрацоўнік Музея гісторыі прыватнага калекцыяніравання, філіяла Віцебскага абласнога краязнаўчага музея
Марціновіч Сяргей Віктаравіч	Краязнаўца (г. Віцебск)
Міцкевіч Іна Уладзіміраўна	Бібліятэкар аддзела краязнаўства Гродзенскай абласной навуковай бібліятэкі імя Я.Ф. Карскага
Мішын Павел Іванавіч	Спецыяліст Музея навукі і асветы Полаччыны Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта
Мішына Вера Іванаўна	Старшы выкладчык Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта
Монзуль Уладзімір Юр'евіч	Загадчык сектара навукова-даведачнага апарату аддзела інфармацыйна-пошукавых сістэм Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь
Мясаедава Святлана Мікалаеўна	Вядучы архівіст Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці
Нарэйка Канстанцін Аляксандравіч	Вядучы навуковы супрацоўнік Музея баявой славы, філіяла НПГКМЗ
Нікалаева Ірына Уладзіміраўна	Намеснік дырэктара Віцебскага філіяла УА ФПБ «Міжнародны ўніверсітэт "МІПСА"», к. г. н., дацэнт
Нікіцін Станіслаў Пятровіч	Захавальнік музейных экспанатаў народнага музея «Гісторыя Заронаўскага краю», краязнаўца (аг. Заронава)
Нікіціна Людміла Канстанцінаўна	Захавальнік музейных экспанатаў народнага музея «Гісторыя Заронаўскага краю», краязнаўца (аг. Заронава)
Новак Галіна Рыгораўна	Педагог дадатковай адукацыі Віцебскага гарадскога цэнтра дадатковай адукацыі дзяцей і моладзі
Падліпскі Аркадзь Міхайлавіч	Краязнаўца (г. Віцебск)
Падстаўленка Віталь Феліксавіч	Дацэнт кафедры літаратуры Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава, к. філал. н., дацэнт
Півавар Мікалай Васілевіч	Настаўнік гісторыі Віцебскага кадэцкага вучылішча, к. г. н., дацэнт

Правілаў Уладзімір Пятровіч	Выкладчык Віцебскага дзяржаўнага музычнага каледжа імя І.І. Салярцінскага
Прыданава Валянціна Сцяпанаўна	Галоўны бібліёграф Полацкай раённай цэнтралізаванай бібліятэчнай сістэмы
Пушкін Ігар Аляксандравіч	Дацэнт кафедры гуманітарных дысцыплін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта харчовых і хімічных тэхналогій, к. г. н., дацэнт (г. Магілёў)
Пыж Дар'я Сяргееўна	Малодшы навуковы супрацоўнік аддзела навейшай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі
Пятрова Ганна Валер'еўна	Настаўнік гісторыі сярэдняй школы № 16 г. Полацка
Пятрэнка Наталля Аляксандраўна	Аспірантка Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава
Рудакоў Павел Сяргеевіч	Вядучы навуковы супрацоўнік Музея баявой славы, філіяла НПГКМЗ
Русілка Вольга Іванаўна	Дацэнт кафедры літаратуры Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава, к. філал. н., дацэнт
Русін Алег Дзмітрыевіч	Аспірант гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, настаўнік Бараўлянскай сярэдняй школы № 3
Рындзін Сяргей Мікалаевіч	Вядучы навуковы супрацоўнік аддзела навукова-даследчай і публікацыйнай дзейнасці Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі
Салдаценка Вольга Міхайлаўна	Вядучы бібліёграф інфармацыйна-бібліяграфічнага аддзела Краснадарскай краёвай юнацкай бібліятэкі імя І.Ф. Варавы, (г. Краснадар, Расія)
Свістунова Алена Генадзеўна	Старшы навуковы супрацоўнік Музея гісторыі Віцебскага народнага мастацкага вучылішча, філіяла музея «Віцебскі цэнтр сучаснага мастацтва»
Сіліна Аліна Віталеўна	Вядучы архівіст аддзела выкарыстання і публікацыі дакументаў Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці
Сімакоў Аляксандр Васілевіч	Незалежны даследчык (амерыканіст, краязнаўца) (г. Гомель)
Сіўко Францыск Іванавіч	Пісьменнік (г. Віцебск)
Слісская Ганна Аляксандраўна	Навучэнка Багатырскай базавай школы Полацкага раёна

Спірын Іван Уладзіміравіч	Старшы навуковы супрацоўнік аддзела археалогіі Сярэдніх вякоў і Новага часу Інстытута гісторыі НАН Беларусі, к. г. н.
Суздальцаў Ілья Аляксеевіч	Выкладчык гісторыі школы № 1381 г. Масквы, к. г. н. (г. Масква, Расія)
Туманаў Сяргей Уладзіміравіч	Галоўны навуковы супрацоўнік філасофскага факультэта Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя М.В. Ламаносава, д. філас. н., прафесар (г. Масква, Расія)
Фаміна Галіна Станіславаўна	Намеснік дырэктара па вучэбнай рабоце сярэдняй школы №10 г. Полацка імя У.М. Азіна
Філімонава Вольга Аляксандраўна	Вядучы навуковы супрацоўнік Музея беларускага кнігадрукавання, філіяла НПГКМЗ
Харкевіч Вікторыя Уладзіміраўна	Галоўны захавальнік фондаў Віцебскага гарадскога музея воінаў-інтэрнацыяналістаў
Цімафееў Расціслаў Уладзіміравіч	Дацэнт кафедры гісторыі і культурнай спадчыны Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава, к. г. н., дацэнт
Цітова Наталля Іванаўна	Педагог дадатковай адукацыі Віцебскага гарадскога цэнтра дадатковай адукацыі дзяцей і моладзі, кіраўнік музея 6-га далёкабамбардзіровачнага Берлінскага ордэна Кутузава III ступені авіяцыйнага палка
Шаркоўская Наталля Юр'еўна	Вядучы навуковы супрацоўнік Віцебскага абласнога краязнаўчага музея
Шкіранда Фёдар Іванавіч	Краязнаўца (г. Віцебск)
Шумінава Ірына Алегаўна	Загадчык аддзела навукова-даследчай і метадычнай работы Астраханскай абласной навуковай бібліятэкі імя Н.К. Крупскай, заслужаны работнік культуры Расіі (г. Астрахань, Расія)
Шышанаў Валерый Аляксеевіч	Намеснік дырэктара па навуковай рабоце Віцебскага абласнога краязнаўчага музея
Юпатаў Антон Нікіфаравіч	Вядучы архівіст аддзела інфармацыйна-пошукавых сістэм і аўтаматызаваных архіўных тэхналогій Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці

ЗМЕСТ

Прадмова 3
Дулаў А.М. Гістарычныя вытокі Дня народнага адзінства 4

ГІСТАРЫЧНАЕ КРАЯЗНАЎСТВА

Аляксеева Т.У. Аграгарадок Акцябрская: гісторыя і сучаснасць 10
Бараненко Т.В. Одежда как принадлежность: униформа жительниц Полоцка начала XX в. 14
Бородин В.В. Краевед И.И. Долгов – исследователь исторического наследия Полоцка в конце XIX – начале XX в. 20
Воднева И.П. К вопросу об участии представителей Полоцкого округа во Всесоюзной спартакиаде в 1928 г. 23
Воюш Р.В. «Последний приют солдата» (утраченные русские воинские захоронения Первой мировой войны в Полоцке как объекты исторической памяти и культурного наследия Витебщины) 27
Гайдукоў К.П. Ураджэнцы Віцебшчыны на вышэйшых афіцэрскіх пасадах у Войску Польскім (1918–2018) 33
Гайдукоў К.П. Заслужаны пілот СССР Віктар Маркавіч Купала 46
Гонтараў Д.М. Ураджэнцы Віцебшчыны ў польскіх злучэннях брытанскай арміі на франтах Другой сусветнай вайны 51
Даниленко С.Н. Деятельность народных училищ на территории Витебской губернии в конце XVIII – начале XIX в. 53
Иванова Т.П. Боевой путь известного белорусского правоведа, участника освобождения Витебска И.А. Юхо. 58
Каплиев А.А. Кадровое обеспечение здравоохранения Беларуси в конце 1930-х гг. в отражении статистических данных (на материалах Витебской области) 61
Карпекін К.Р. Маёнтак Чарнаручча Лёзненскай воласці Аршанскага павета ў сярэдзіне XVIII – пачатку XX ст. 65
Котович Т.В. Белые казармы в Витебске: квартал-памятник 70
Лаўрык Ю.М. Фарміраванне кніжнай прасторы Вялікага Княства Літоўскага ў пачатку новага часу ў святле палітычнай сітуацыі на паўночных межах дзяржавы 82
Лещинский М.А. Дело о попытке мятежа на территории Могилевской губернии в 1863 г. 88
Мазец В.Г. Віцебшчына ва ўмовах перабудовы: некаторыя аспекты грамадска-палітычнага жыцця 104
Марціновіч С.В. Гісторыя жылых дамоў Віцебска на старонках перыядычнага друку 1930-х гг. 110
Монзуль В.Ю. Проекты строительства атомных электростанций в Витебской области в 1960–1980-е гг. и их место в развитии атомной энергетики Белорусской ССР 116

Мясоедова С.Н. Доктор Камушер: у истоков противотуберкулезной службы Витебщины 121
Нарейко К.А. Организация руководства партизанским движением в Полоцкой зоне в 1942–1943 гг. 125
Нікалаева І.У. Дзяржаўная палітыка ў дачыненні да жанчын БССР і практыка яе рэалізацыі на Віцебшчыне ў 1943 г. – пачатку 1950-х гг. 130
Никитин С.П. Они не вернулись из боевого задания (Третья воздушная армия на территории Зароновского сельсовета) 137
Нікіціна Л.К. Зніклыя вёскі Заронаўскага краю 144
Олефиренко М.К. Разминирование территории Витебской области в начале 1950-х гг. 148
Орловский Г.С., Свистунова Е.Г. Исторические кладбища Витебска как объект историко-культурного наследия 151
Орловский Г.С., Свистунова Е.Г. Сводная таблица домовладений, формировавших застройку ул. Подвинской (современная ул. Толстого) в Витебске, на основании данных городской оценочной комиссии. 157
Пивовар Н.В. Общественные организации в поисковом движении в Витебском районе 166
Подлипский А.М. Эвакуация Витебска в 1941 г. 172
Пушкін І.А. Фактары і ўмовы фарміравання кадравага патэнцыялу прамысловасці БССР у 1970–1980-я гг. на прыкладзе Оршы 192
Пятрэнка Н.А. Дэмаграфічныя паказчыкі развіцця Віцебска 1945–1990 гг. . . . 197
Рудаков П.С. К вопросу об обеспечении вооружением бригад Полоцко-Лепельской партизанской зоны 202
Русин О.Д. Специфика функционирования социального института образования в западном регионе Витебской области (1944–1950) 208
Рындин С.Н. Лагерь иностранных военнопленных в Витебской губернии в период Первой мировой войны (по материалам Национального исторического архива Беларуси) 212
Сімакоў А.В. Выхадцы з Віцебскай губерні ў Рускай Амерыцы (Аляска і Каліфорнія) 217
Спирин И.В. Памятники фортификации Оршанского района: крепость Митьковщина и городище горная Веравойша (результаты раскопок 2015 и 2018 гг.) 223
Суздальцев И.А. Оценка Московской битвы (1612) современными англоязычными историками 228
Тимофеев Р.В. Развитие транспорта в Витебской области (1961–1991) 233
Титова Н.И. Из истории семьи Белохвостиковых 240
Туманов С.В. Из дриссенских крестьян в орловские железнодорожники 245
Харкевич В.В. Освещение событий афганской войны в витебских СМИ в 1990-е гг. 252
Шишанов В.А. Материалы о деятельности А.П. Сапунова в витебской периодической печати начала XX в. 256

Шкирандо Ф.И. Польские школы в Витебске (1919–1937) и судьбы их учителей . 267
Шкирандо Ф.И. Профессор математики Ч.Ч. Домбровский (к 130-летию со дня рождения). 277
Юпатов А.Н. Борьба с эпидемиями в Витебской губернии в 1917–1922 гг. 283

РЭЛІГІЙНАЕ КРАЯЗНАЎСТВА

Бондарева Е.М. Из истории Лиозненской Свято-Вознесенской церкви 299
Ганчар А.И. Перевод преподавания Закона Божия римско-католического исповедания на русский язык в учебных заведениях Витебской и Могилевской губерний (1850–1853) 301
Ермалёнак В.А. Галгофа святароў Мёршчыны ў XX ст. 306
Кароль М.М. Перавод у праваслаўе ў Віцебскай губерні ў другой палове XIX – пачатку XX ст. 313
Лаўрыненка К.В. Дзейнасць манаскіх кангрэгацый на тэрыторыі Полацкай і Маладзечанскай абласцей у 1944–1957 гг. 316
Орлова А.Г. Православные храмы Бешенковичского района 324
Слисская А.А. Полоцкое епархиальное училище как центр духовного женского воспитания во второй половине XIX – начале XX в. на Полотчине. 330

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА. КУЛЬТУРНА-АСВЕТНЫЯ ЎСТАНОВЫ І ЎСТАНОВЫ АДУКАЦЫІ Ў СІСТЭМЕ СУЧАСНАГА КРАЯЗНАЎСТВА

Анучына Н.У. Выданні з дароўнымі надпісамі Музею беларускага кнігадрукавання з фондаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка 335
Артемёнок А.Е. Опыт реализации музейно-образовательных интернет-проектов на примере проекта «Награды стран мира в экспозиции Музея истории частного коллекционирования» (2020–2021) 338
Барановский А.Л. Проект Национальной библиотеки Беларуси «Белорусская библиография в лицах: биобиблиографический справочник». Подготовительные материалы к словнику: уроженцы Витебщины 343
Ганслингер Д.А. Литературный музей А.Т. Твардовского – виртуальный и реальный 346
Гаркуша И.П. О местах находок костных останков мамонтов (по материалам Витебского областного краеведческого музея). 350
Гаўрылава С.В. Да пытання пра фарміраванне мадэлі рэпрэзентацыі рэчаіснасці ў краязнаўчых музеях Беларусі. 354
Давидовская О.Н. Витебск в июне 1944 г. на фотографиях Михаила Савина (по материалам Витебского областного краеведческого музея) 359
Ерашэвіч А.У. Тэатральнае жыццё Віцебска ў 1840–1850-я гг.: арганізацыйна-фінансавыя аспекты 362

Жуковский В.В. Оршеведение в учебно-воспитательном процессе 367
Короткевич А.В. Актуальность продвижения краеведческой информации: на примере создания электронной базы данных «Гомельский регион: история газетной строкой» 369
Кот С.В. Коллекция скульптурных произведений Давида Якерсона в собрании Витебского областного краеведческого музея 374
Куксёнак М.В. Фотадакументы як крыніца вывучэння гісторыі Наваполацка. . . 379
Кучерова О.В., Солдатенко О.М. Родного края облик многоликий 386
Лисов А.Г., Правилов В.П. К истории Витебского музыкального училища 1960-х гг. 391
Мицкевич И.В. Экскурсионная деятельность областной библиотеки как рекреационная форма изучения родного края (из опыта работы Гродненской областной научной библиотеки им. Е.Ф. Карского). 404
Мокроусова С.В. Изделия фабрики Минтера из коллекции В.П. Федоровича в экспозиции Музея истории частного коллекционирования 409
Новак Г.Г. Заслуженные учителя государственного учреждения образования «Средняя школа № 18 г. Витебска» 413
Овчинникова А.О. Рукописные партизанские газеты из коллекции «Печатные издания» Витебского областного краеведческого музея. . . . 418
Петрова А.В. Роль экспозиции «Война. Победа. Память» в духовно-нравственном воспитании учащихся 422
Приданова В.С. «Невиртуальные путешествия по Полоцку»: проведение краеведческих экскурсий (на примере работы Центральной районной библиотеки им. Ф. Скорины) 425
Пыж Д.С. Цімафей Мікалаевіч Сяргейчык (1899–1977): адзін з заснавальнікаў Другога беларускага Дзяржаўнага тэатра ў Віцебску 430
Фаміна Г.С. Вучыць і выхоўваць словам 434
Філімонава В.А. Друкаваная прадукцыя выдавецкага дома Завадскіх у фондах Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка 437
Шарковская Н.Ю. Л.В. Алексеев и Витебск (по материалам личного архива ученого в фондах Витебского областного краеведческого музея) 441
Шуминова И.О. «Народные истории» в собраниях Астраханских сельских библиотек 448

ЛІТАРАТУРНАЕ КРАЯЗНАЎСТВА. МОВАЗНАЎСТВА. ЭТНАГРАФІЯ. ФАЛЬКЛОР

Ашуева В.Я. Мікола Прашковіч – аўтар першага айчыннага даследавання літаратурнай спадчыны Сімяона Полацкага 457
Баранова А.С. Педагогические взгляды белорусских просветителей. 462
Бараноўскі А.В. Пісьменніцкае асяроддзе Д.Ф. Прышчэпава 467
Бароўка В.Ю. Мастацкая аксіясфера Уладзіміра Караткевіча 472
Бут-Гусаім С.Ф. Вобразна-выяўленчая роля антрапонімаў у кантэксце

мастацкіх твораў Алеся Асіпенкі 477
Вакар Л.У. Традыцыйныя вобразы і тэхналогія вырабу гліняных народных цацак Аршанскага Падняпроўя і Віцебскага Падзвіння 482
Гладкова Г.А. Полацкая гісторыя XVI ст. у прозе Яна Кантрымовіча-Агінскага . 488
Лаўрык Т.А. Мастацкае ўвасабленне вобраза Льва Сапегі ў рамане Леаніда Дайнекі «Пра Лісоўчыка, злога хлопчыка» 492
Мишин П.И. Концепт удаления от эталона человеческого в некоторых традиционных представлениях о детях и беременных (по материалам Н.Я. Никифоровского) 497
Мішына В.І. Працоўная дзейнасць і маральна-этычнае выхаванне ў сістэме народнай педагогікі Віцебскага Падзвіння 501
Падстаўленка В.Ф., Лонскі А.П. Пачатак вялікага шляху: Віцебск у лёсе М.М. Бахціна 507
Русілка В.І. Рэха над Дзвіной: літаратурныя кантакты Віцебска і Даўгаўпілса . . 510
Русілка В.І., Лявікіна К.І. Алесь Разанаў: духоўна-культурны аспект кнігі перастварэнняў «Французскі Скарына. Маем найбольшае самі» 516
Силина А.В. Не только великий тюрколог. К биографии Александра Поцелуевского 520
Сіўко Ф.І. Тапонімы ніжняга цячэння ракі Вяты ў даўнейшых і сучасных спісах, даведніках, слоўніках і сродках масавай інфармацыі 524
Дадаткі 546
Звесткі пра аўтараў 614

Навуковае выданне

ВІЦЕБСКІ КРАЙ

Т. 7

Матэрыялы VII Міжнароднай
навукова-практычнай канферэнцыі «Віцебскі край»,
прысвечанай Году народнага адзінства

25 лістапада 2021 г., Віцебск

Рэдактары Н. Я. Анапрэенка, Т. М. Булатава, К. І. Вяргейчык-Лабецкая
Дызайн вокладкі Т. С. Гузенок
Камп'ютарная вёрстка Д. В. Макарэвіча

Падпісана ў друк 15.08.2022. Фармат 80x64$^{1}/_{16}$. Гарнітура Times New Roman.
Лічбавы друк. Умоўн. друк. арк. 36,27. Улік. выд. арк. 35,96. Тыраж 35 экз. Заказ 1133.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:
дзяржаўная ўстанова «Нацыянальная бібліятэка Беларусі».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворца, распаўсюджвальніка
друкаваных выданняў № 1/398 ад 02.07.2014.
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворца, распаўсюджвальніка
друкаваных выданняў № 2/157 ад 02.07.2014.

Пр. Незалежнасці, 116, 220114, Мінск.
Тэл. (+375 17) 293 27 68. Факс (+375 17) 266 37 23. E-mail: edit@nlb.by.